

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

5.

Стр.

5. Письма Николая Павловича къ князю И. Ѳ. Паскевичу.
46. Изъ старыхъ записей издателя «Русскаго Архива» (О Кюхельбекерѣ).
49. Къ жизнеописанію князя Потемкина. Повѣсть о Гардарикѣ, князѣ Цимбромѣ. Т. М. Глаголевой.
78. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о 1812-мъ годѣ.
105. Письмо А. Д. Бестужева-Рюмина къ И. И. Дмитріеву.
129. Изъ переписки графовъ Нессельроде (1840—1846)
145. Изъ лѣтописи храма на «Дворянскихъ Водахъ». А. Полова.
152. Могила князя А. М. Курбскаго. П. Россіева.
153. Апологія Іоанна Грознаго.
155. Царь Василій Шуйскій и мѣста его погребенія въ Польшѣ. А. С.
156. О псовой охотѣ Московской знати въ концѣ XVIII вѣка. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.
158. Списокъ книгъ и статей по генеалогіи, геральдикѣ и исторіи Русскаго Дворянства 1906—1909 годовъ. С. Любимова.
- Внутри обложки: о «Смоленской Старинѣ» и о книгѣ И. Ф. Павловскаго «Полтава», отзывы П. А. Россіева.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1910.

СМОЛЕНСКАЯ СТАРИНА.
Вып. I. Часть I. Изданіе Учен-
ной Архивной Коммисіи.
Смоленскъ. 1909. 8-ва. Съ пор-
третомъ и рисунками.

Слишкомъ тысяче-лѣтній Смоленскъ, „просмоленный городъ“, дождался наконецъ своей Ученой Архивной Коммисіи, которая открылась 3 Апрѣля 1908 г., а черезъ годъ выпустила первый сборникъ „Смоленской Старины“, хотя и исчезающей, но все-таки еще обильной для трудолюбивыхъ изыскателей. Уже съ литографированной обложки книги вѣетъ милою старою Русью, и съ обложки видятся: церковь Бориса-Глѣба на Смядинѣ, старыя стѣны, краснорѣчивыя въ своемъ безмолвіи, и губернской гербъ: пушка съ Гамаюномъ, вѣщею птицей, на ней. А черезъ 2—3 страницы вложень портретъ Ив. Ив. Орловскаго († 17 Юня 1909 г.). Сыно сельскаго священника Ельнинскаго уѣзда и питомецъ Московской Духовной Академіи, Орловскій всецѣло принадлежалъ славной Смоленской землѣ, которую онъ безавѣтно любилъ, и какъ родину, и какъ хранительницу многовѣчныхъ, иногда скорбныхъ, но всегда значительныхъ историческихъ событій. Изъ жизнеописанія этого преподавателя въ Смоленскомъ женскомъ епархіальномъ училищѣ (стр. III—XVI), составленнаго членомъ Коммисіи г. Н. Рѣдковымъ, видно, какъ онъ скорбѣлъ о томъ, что памятники Смоленской старины безслѣдно исчезаютъ и, дабы сберечь историческія жемчужины, онъ торопился сплотить воедино отдѣльныхъ работниковъ и сплотилъ. Чахотка свела въ могилу Орловскаго 40 лѣтъ. Онъ почилъ отъ прекрасныхъ и достопамятныхъ дѣлъ своихъ, но живетъ духъ его и горитъ возженный имъ пламень: юная Коммисіа хочетъ трудиться и, мы вѣрнимъ, въ послѣдующихъ выпускахъ „Смолен-

ской Старины“ оживутъ для пользы отечествовѣдѣнія любопытныя дѣла мѣстныхъ архивовъ и вообще вся краевая старь, съ которою неразрывны имена многихъ-многихъ славныхъ, для кого Смоленщина была колыбелью или мѣстомъ подвиговъ или могилою. Первый выпускъ составленъ живо и разнообразно. Статьи И. И. Орловскаго и Г. К. Бугославскаго, указывая на то, какимъ почитаніемъ пользовались у древней Руси св. мученики-князья Борисъ и Глѣбъ, представляютъ, пожалуй-что, исчерпывающія изслѣдованія о Смядинскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ и о городскомъ храмѣ во имя св. Владимировыхъ сыновей. Перу того же г. Рѣдкова принадлежитъ обстоятельный опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о преп. Аврааміи Смоленскомъ и его житіи (Ефремова писанія). Прославляемый еще при жизни, такъ какъ онъ имѣлъ даръ чудотвореній, Авраамій († около 1219), первый архимандритъ Смоленскаго, его имени, монастыря, былъ тѣмъ добрымъ пастыремъ, образомъ кротости, правиломъ вѣры и учителемъ воздержанія, который такъ нуженъ и теперь и по которому истосковался нашъ христілюбивый, но довольно замутненный народъ.—Н. П. Поповъ разбирается въ „нелюбкахъ“, а по-просту въ давленіяхъ патріарха Іоакима (Савелова) на Смоленскаго митрополита Симеона. Это яркая картинка владычныхъ нравовъ и целишній штрихъ къ патріаршему портрету.—Изысканіемъ Гнѣздовскаго могильника замыкаются статьи о болѣе отдаленномъ прошломъ, а очеркомъ А. В. Жиркевича: „Смоленскіе архивы въ 1812 г.“ заключается 1-й выпускъ „Смоленской Старины“. Передъ нашествіемъ Французовъ Смоленскъ имѣлъ: „губернскую архиву“, на языкѣ свящ. Никифора Мурзакевича; архивъ городского магистрата и архивъ православной конси-

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ СОРОКЪ ОСЬМОЙ.

1910.

II.

РУССКІЙ ЯРМЪЛЪ

ИЗДАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

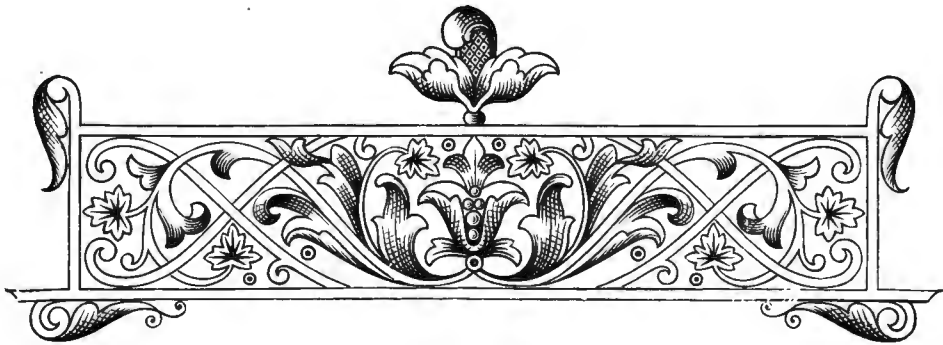
Поманѣхъ дни древніа,
Повчѣхъ во грѣхъ дѣлаѣхъ твоихъ.
Псаломъ 142, 5.

1910.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ князю И. В. Паскевичу *)

С.-Петербургъ.

12-ю (24) Января 1848 г.

Уже нѣсколько дней какъ получилъ я твое письмо, любезный отецъ-командиръ, и душевно благодарю за поздравленіе съ новымъ годомъ и моимъ выздоровленіемъ. Теперь я почти совсѣмъ поправился. Заболѣлъ сначала грипомъ, потомъ, вѣроятно, простудился, получилъ перемежающуюся лихорадку, которая чуть было не перешла въ нервную; былъ потомъ долго ужасно слабъ, а пуще всего разстроила меня болѣзнь сына; у него тоже былъ гриппъ, и отъ простуды ли, или усталости, когда за меня работалъ, сдѣлалась сильная лихорадка, угрожавшая воспаленіемъ мозга и нервной горячкой; но Богъ помиловалъ: онъ тоже поправляется, хотя очень похудѣлъ. Зима у насъ ужасная.

Я никакъ не могу согласиться, чтобъ слѣдующія постоянно отъ Польши Россіи 3 милл., или 21 милл. золотыхъ, были уменьшены. Это вѣчная дань Царства Имперіи, потому этотъ расходъ долженъ предшествовать всѣмъ прочимъ внутреннимъ расходамъ Царства. Ежели недостаетъ способовъ, должно ихъ найти наложеніемъ или даже убавкою пенсіоновъ, но деньги Имперіи должны быть свято выплачены, во что бы то ни стало.

С.-Петербургъ.

2-ю (14-ю) Марта 1848 г.

Любезный отецъ-командиръ, сейчасъ получилъ я письмо короля Прусскаго, въ которомъ онъ въ самыхъ черныхъ краскахъ описывалъ происходящее во всей Германіи. Въ заключеніе онъ говоритъ, что по слухамъ, сообщеннымъ ему изъ Варшавы, готовятся въ Познани пере-

*) См. 1-ю книгу „Русскаго Архива“ сего года, стр. 321 и 481.

рѣзать всѣхъ Нѣмцевъ и что, хотя не слѣпо вѣрить сему, однако вовсе не пренебрегаетъ симъ слухомъ и просить меня къ границѣ Познанской приблизить войска наши, чѣмъ, полагаетъ, умы сейчасъ успокоятся. Не могу въ этомъ отказать и уполномочиваю тебя подвинуть вдоль сей границы бригаду или чтò удобно будетъ. Черезъ границу безъ моего разрѣшенія однако не переходить. Теперь настало время подвинуть наши приуготовительныя мѣры, и сегодня же высылаю къ тебѣ деньги на покупку артиллерійскихъ и подъемныхъ лошадей для 2-го и 3-го корпусовъ, для артиллерійскихъ корпусовъ въ Царствѣ и одного понтоннаго тамъ же; я велѣлъ призвать къ ружью безсрочно-отпускныхъ этихъ же корпусовъ. Симъ покуда ограничу наши мѣры до дальнѣйшаго развитія обстоятельствъ. Посылка Рядовица во всемъ имѣла полный успѣхъ: они *) на все согласились, но просятъ сѣзда царей, который сдѣлать не въ Вѣнѣ, а въ Дрезденѣ; это согласно съ моимъ предложеніемъ королю. Мейндорфъ пишетъ, что духъ войскъ въ Пруссіи очень хорошъ, что въ краѣ хорошаго много, но есть и дурной духъ, которому не намѣрены уступать.

За то въ южной Германіи до того плохо, какъ и на Рейнѣ, что самъ король Виртембергскій хотѣлъ услатъ свое семейство, на что моя Ольга не согласилась: хочетъ, какъ прямая Русская, раздѣлить опасность съ тѣмъ, съ кѣмъ Богъ ей опредѣлилъ дѣлить участь. Онъ требуетъ уже помощи отъ Австрійскихъ и Баварскихъ войскъ, вблизи расположенныхъ, — вотъ настоящее. Будущее въ рукахъ Божіихъ; ежели король Прусскій будетъ сильно дѣйствовать, все будетъ еще возможно спасти; въ противномъ случаѣ придется намъ вступить въ дѣло.

*

С.-Петербургъ.

10-го (22-го) Марта 1848 г.

Ежели король Прусскій, опираясь на испытанную вѣрность войскъ, подавить бунтъ въ Берлинѣ оружіемъ, а не уступчивостью. и исполнить ожиданіе всѣхъ благомыслящихъ, ополчась на помощь низвергнутыхъ правленій, я въ томъ убѣжденъ, что даже, несмотря на всякія глупости, законный порядокъ можетъ быть восстановленъ. Но ежели король сдастся тоже, тогда въ Германіи все потеряно, и намъ однимъ придется стоять грудью противъ анархіи, призвавъ Бога на помощь. О сию пору не перемѣню плана, о которомъ условились. Однако, быть можетъ, что при новомъ Австрійскомъ правленіи они дадутъ волю революціи, затѣютъ что-либо противъ насъ въ Галиціи; въ такомъ случаѣ, не дамъ сему развиться, но именемъ самого императора Фер-

*) Т е. Франкфуртскій сеймъ.

динанда займу край и задущу замыслы. Мои извѣстія изъ Берлина по 4-е (16-е) вечеромъ; войска дѣйствовали славно и были въ такомъ раздраженіи на чернь, что съ трудомъ ихъ удерживали; авось слухи, до насъ дошедшіе, несправедливы.—Киселевъ пишетъ, что въ Парижѣ ждать должно скоро новаго переворота, самаго кроваваго. Чтò въ Германіи происходитъ, и описать нельзя; тамъ близко ко Французскому, и правительство только еще существуетъ по названію.

Что-то Поляки наши затѣвають? При малѣйшей попыткѣ короткій имъ конецъ.

Здѣсь тоже все спокойно. Выѣзды за границу я вовсе запретилъ, сдѣлай тоже у себя; въѣздъ къ намъ только за личной отвѣтственностью нашихъ министровъ и съ моего предварительнаго разрѣшенія; вели тоже и по Польшѣ и въ особенности прекрати свободный въѣздъ по желѣзной дорогѣ.

*

С.-Петербургъ.

13-ю (25-ю) Марта 1848 г.

Здѣсь не только безсрочные являются съ большимъ усердіемъ, но даже отставные солдаты просятъ на службу; трогательно видѣть! Духъ прекрасный. Завтра выдаю манифестъ, который счелъ нужнымъ выдать, дабы объявить мой взглядъ на дѣло и мои намѣренія. Событія въ Вѣнѣ хотя пріутихли, но я сему не вѣрю. Мысли Славянскихъ католическихъ провинцій соединяются, движеніе въ Краковѣ, Польскій легионъ въ Парижѣ и, наконецъ, тайное увѣдомленіе короля Виртембергскаго ко мнѣ изъ достовѣрнаго источника, что Ламартинъ обѣщалъ Полякамъ восстановление Польши; все это мнѣ знакомо, что здѣсь ждетъ насъ борьба. Я велѣлъ сказать въ Лондонѣ, что на волосъ не уступлю изъ своихъ правъ и припоминаю имъ съ ними заключенный по сему трактатъ, *c'est un bon avertissement pour eux* *). Неслыхано-бы было, ежели-бъ Австрія и Пруссія были довольно дерзки и глупы провозгласить воскресеніе Польши: имъ же хуже, ибо тогда Польша будетъ наша, а не для другихъ.

Вели, для безопасности курьеровъ, имѣть на почтахъ по нѣскольку казаковъ для сопровожденія, буде нужно.

*

С.-Петербургъ.

15-ю (27-ю) Марта 1848 г.

Пишу тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ, съ фельдъегеремъ, котораго посылаю къ дочери. Прошу тебя направить его по той дорогѣ, которая по обстоятельствамъ, тебѣ болѣе извѣстнымъ, чѣмъ мнѣ, менѣе опасна будетъ.

*) Это хорошее для нихъ предувѣдомленіе.

Сегодня вечеромъ узнали мы про декларацію короля Прусскаго, гдѣ онъ объявилъ, что становится главой Новой Германіи и уничтожаетъ Пруссію. Посмотримъ, кто послѣ подобныхъ его дѣйствій захочетъ признать его за свою главу!

Геройскому поведенію Прусской гвардіи видѣть подобную награду! Подобное уничтоженіе взрываетъ всякое благородное сердце. Мы всѣ поражены, какъ громомъ. Король теперь слѣпое орудіе демагоговъ, которые имъ ворочаютъ какъ куклой и все его заставляютъ сдѣлать, даже самое подлое. Давно ли просилъ меня объ помощи противъ Позена¹⁾, теперь же дозволилъ имъ себѣ обѣщать, что они будутъ ему помогать противъ насъ! Не мерзость ли? Вчера издалъ я манифестъ свой; онъ указываетъ всѣмъ, и нашимъ, и врагамъ, что я хочу, не трогая другихъ, но и не позволяя трогать себя; въ этомъ вся моя задача. Приказалъ по Литвѣ сдѣлать обезоруженіе. Хочу велѣть собрать всѣхъ помѣщиковъ въ губернскіе города, чтобъ имѣть ихъ подъ рукой и велю объявить, чему подвергнутся при малѣйшемъ видѣ къ бунту; лучше его предупредить, чѣмъ къ нему допустить.

С.-Петербургъ.

*

16-ю (28-ю) Марта 1848 г.

Теперь, при совершенномъ безначаліи въ Пруссіи, мы отъ Познани должны всего ожидать, но не арміи, а бунтующихъ массъ. Отъ Галиціи тоже: ибо, по положительному объявленію графа Фикельмона Фонтону, они хотятъ удерживать тамъ свое владычество и препятствовать безначалію военной рукой, какъ дѣлаютъ въ Ломбардіи, войны же намъ не объявятъ, ибо хотятъ съ нами оставаться въ добромъ согласіи. Потому, повторяю, покуда съ Австрійской границы жду однихъ шаекъ.

Прусская держава тоже меня въ военномъ отношеніи покуда не страшитъ; король своей прокламаціей навязалъ себѣ на шею такую обузу при теперешнихъ обстоятельствахъ, что не знаю, какъ поладить съ прочей Германіей. Ни Австрія его главою не признаетъ, ни многія другія изъ южной Германіи; что-жъ онъ будетъ дѣлать? При этомъ положеніи, чтобы онъ для одной Польши соединилъ свои силы противъ насъ, нѣтъ ни вѣроятія, ни даже возможности. Итакъ, мы должны оставаться въ оборонительномъ, почти кордонномъ расположеніи, *sur le qui vive*²⁾, обращая самое бдительное вниманіе на собственный край, дабы всѣ попытки дома укрощать въ самомъ началѣ. Для того необходимо, чтобъ Литва и Самогіція были сильно заняты. Повторяю,

¹⁾ Т. е. противъ волненій въ Познани.

²⁾ Французская поговорка: на чеку.

продовольствіе и укрощеніе всѣхъ попытокъ къ мятежу важнѣе всего, войны же ни съ Пруссіей безначальной, ни съ Австріей я теперь не предвижу. Ежели будутъ прорывы заграничныхъ шаекъ, ихъ надо отражать, взятыхъ съ оружіемъ начальниковъ судить по полевому уголовному положенію и тутъ же казнить, но за границу не преслѣдовать, отнюдь. Вотъ что хочу, и ежели Богъ поможетъ, это должно удасться. Теперь прошу тебя, хоть на колѣняхъ, береги себя ради Бога, и не забудь, что на тебѣ лежитъ! Посылаю къ тебѣ твоего сына и поручаю ему еще болѣе объ томъ отъ меня просить. Про п. Пруссаго*) ничего не знаемъ; въ газетахъ сказано, что онъ увхалъ не къ намъ, а въ Лондонъ. Буде старые вѣрные Прусскіе офицеры и даже люди вѣрныхъ войскъ спастись будутъ къ намъ, вели ихъ принимать и отводить внутрь; потомъ скажу, что имъ дѣлать, но оказывать всякое заслуженное уваженіе братскимъ приемомъ и оружія не отбирать.

*

С.-Петербургъ.

22-ю Марта (3-ю Апрѣля) 1848 г.

Войны все еще нельзя предвидѣть, а будутъ набѣги, попытки къ бунтамъ и что гораздо хуже—тайная война на умы войскъ и края. Противъ сего нельзя быть намъ довольно осторожными. На ругательства и прочее, чѣмъ насъ за границей потчуютъ, на это мы должны смотрѣть съ презрѣніемъ и ждать. Для сего нужны намъ провіантъ и военное продовольствіе, но не разорять край реквизиціями, а платить чистыми деньгами, дабы край признавалъ пользу, а не тягость занятія, ибо намъ надо непременно народъ привязывать матеріальными выгодами. Деньги есть и будутъ, хотя тратить ихъ должно расчетливо. Реквизиціи же разоряютъ край и возстановятъ противъ насъ, чего Боже упаси! Здѣсь хлѣба гораздо болѣе, чѣмъ мы полагали даже; можно доставлять и въ Ригу, и въ Либаву, куда хочешь. Покуда въ Малороссіи хлѣба въ продажѣ немного, но и его отправить по Королевскому каналу очень можно. Покуда я, кромѣ казаковъ, гвардіи не трону, ибо не зачѣмъ. Притомъ у тебя хлѣбъ въ заготовѣ быть долженъ на текущее продовольствіе; во всякомъ случаѣ это надо зачать непременно. Шведскій король у себя славно справился; можно надѣяться, что устоитъ. Въ Пруссіи анархія полная, и отгадать нельзя что будетъ, особенно въ Познани. Дѣла Австрійскія съ отложеніемъ Ломбардіи стали еще хуже. Покуда еще въ Вѣнѣ члены правленія люди поря-

*) Т. е. принца Пруссаго, будущаго императора Вильгельма, любимаго брата имп. Александры Феодоровны. Пролитъ потоки крови на Берлинскихъ улицахъ, онъ къ вечеру страшнаго дня (5 (17) Марта 1848) переодѣтый увхалъ на Западъ и потомъ до 1857 г. жилъ въ Кобленцѣ, пока не сдѣлался регентомъ вслѣдствіе умопомѣшательства короля.

дочные, но устоятъ ли при отсутствіи главы—ибо ея нѣтъ, вотъ чему сомнѣваюсь. Про Францію и говорить нечего: это хаосъ, вертепъ изверговъ, готовый на все. Теперь изверглось на Германію 12 тыс. самыхъ отчаянныхъ изверговъ всѣхъ націй, дабы всюду разнести убійства и грабежъ и, сладивъ тамъ, они хотятъ и къ намъ; пусть сунутся, примемъ съ должной почестью! Пиши мнѣ про духъ войскъ, офицеровъ, начальниковъ; что толкуютъ Поляки? Все это мнѣ важно знать. Здѣсь покуда все тихо и хорошо; отпускные молодцы, даже дни не проходить, чтобъ не просились гвардейскіе отставные на службу; умиленно ихъ видѣть!

23-го (4-го). Сегодня баронъ Мейндорфъ сообщаетъ намъ, что Адамъ Чарторижскій и все демократическое общество прибыли въ Берлинъ, что вслѣдъ за ними ожидаютъ Польскій легіонъ и что Адамъ предлагаетъ Хржановскаго въ начальники войска, которое въ Познани формироваться должно; съ другой стороны, что туда шлютъ Прусскія войска, чтобъ удержать порядокъ; что къ нему, Мейндорфу, приходятъ отъ войска сильныя, положительныя увѣренія, что они противъ насъ дратся за Поляковъ не хотятъ и что отъ публики и даже народа тѣ же увѣренія.

*

С.-Петербургъ.

29-ю Марта (10-ю) Апрѣля 1848 г.

Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо, любезный отецъ-командиръ, за которое я душевно благодарю. Ты получилъ мои окончательныя разрѣшенія по провіантской части; я соглашаюсь на твои предложенія, хотя и нехотя, но съ условіемъ платить деньгами, а не квитанціями, и со строгимъ наблюденіемъ, чтобъ деньги доходили до рукъ продавцовъ. Тоже признаю необходимымъ снабдить всѣ крѣпости всѣми запасами по утвержденному положенію. Поздно будетъ о семъ думать, когда непріятель будетъ на носу и хотя нѣтъ вѣроятія покуда къ войнѣ, но быть готовыми ко всему требуетъ строгая предосторожность.

Сегодня Мейндорфъ и Бенкендорфъ пишутъ согласно, что расположеніе къ войнѣ противъ насъ въ Пруссіи постепенно утихаетъ и что сами Поляки сему причиной своими неистовствами, которыя возбудили вновь всю ненависть къ нимъ Нѣмцевъ. Чарторижскій всячески старается унять Поляковъ въ ихъ порывахъ, рассчитывая вдаль и надѣясь на смуты у насъ мужиковъ. По слухамъ, дѣйствительно въ Самогиціи, куда послалъ Анрепа и жду отвѣта, и на Воляни, народъ въ волненіи противъ помѣщиковъ. Тоже мнѣ подтвердилъ и воротившійся оттуда ф.-ад. мой, п. Бетанкуръ. На это вели обращать строгое

вниманіе всѣмъ губернаторамъ и при малѣйшей искрѣ неповиновенія вели строго наказывать, а въ случаѣ нужды и дѣйствовать оружіемъ.

30-го (11-го). Только что дописалъ эти строки вчера вечеромъ, какъ получилъ курьера, еще перваго изъ Берлина, и извѣщеніе объ посылкѣ сюда чрезъ Познань и Варшаву генерала Пфуля, съ личными порученіями короля, и самыя положительныя увѣренія, что они отнюдь не хотятъ войны съ нами. Теперь, вѣроятно, онъ уже въ Варшавѣ и тебѣ лично обо всемъ доложить. Радуюсь сему, желаю вѣрить, но буду вооружаться по прежнему, ибо не полагаюсь на эти увѣренія, какъ увѣренія такихъ людей, которые сами въ своихъ словахъ, въ томъ, что могутъ или не могутъ, сами не увѣрены. Сегодня получилъ довольно хорошія свѣдѣнія изъ Галиціи; но Мирковичъ¹⁾ очень боится за Литву; жду, что мнѣ донесетъ Анрепъ, котораго послалъ объѣхать всю Самогицію.

С.-Петербургъ.

*

6-ю (18-ю) Апрѣля 1848 г.

Кажется, что поляколюбіе въ Берлинѣ пропадаетъ, благодаря обыкновенной Польской безсмыслицѣ; теперь желаю только, чтобъ они хорошенъко подрались, и славно было бы, ежели бъ они попались между Прусскихъ и нашихъ войскъ; это былъ бы праздникъ и сблизило бы опять войска, которыя никогда бы не должны были иначе дѣйствовать, какъ заодно²⁾. Въ Берлинѣ хотя и потише, но настоящаго правительства все еще нѣтъ и долго быть еще не можетъ. Но въ Вѣнѣ дѣлается гораздо хуже; тамъ, въ отсутствіе правительства, производится столько началъ разрушенія, что я не вижу спасенія. Считаю, что Ломбардія потеряна; Венгрія, своей дерзкой глупостію наживъ Имперіи всѣ бѣды, теперь хочетъ довершить, какъ кажется, совершеннымъ отдѣленіемъ и мечтаетъ взбунтовать княжества, дабы завладѣть устьями Дуная! Галиція еще въ недоумочномъ положеніи. Кажется, у нихъ нѣтъ единства въ намѣреніяхъ, и простой народъ ничего не хочетъ кромѣ покоя. Теперь прибытіе всѣхъ шаекъ изъ Парижа, можетъ быть, прибавитъ еще затрудненій; что же будетъ рѣшено про это въ Вѣнѣ, и предвидѣть трудно. Однако изъ предосторожности я велѣлъ въ Левѣ, въ

¹⁾ Виленскій генералъ-губернаторъ. См. его Записки въ „Русскомъ Архивѣ“ 1890, I, 3.

²⁾ Мысль о дружбѣ между нашими и Прусскими войсками была завѣтною мечтою Николая Павловича; но Калишскіе маневры обнаружили невозможность ея осуществленія. Въ тѣхъ же видахъ сближенія, Русскій рубль уподобленъ былъ Прусскому талеру. Въ семь послѣднемъ дѣлѣ орудовалъ Полякъ Тенгоборскій, хорошо понимавшій, сколько вреда въ круной монетной единицѣ. Пруссія позднѣе сама понизила ее до марки, но у насъ не позаботились этому подражать.

Бессарабіи, поставитъ 15-ю дивизію съ ея артиллерією, саперный баталіонъ, стрѣлковый баталіонъ, гусарскій полкъ, казачій полкъ и конную батарею, дабы въ случаѣ нужды сейчасъ занять Молдавію по Сереть. Теперь важно знать, что было въ Лондонѣ; страшно подумать, ежели тамъ что произойдетъ, и полагать надо, что они сами того опасаются по огромности и важности принятыхъ противу мѣръ.

Не полагаешь ли полезнымъ перевести капиталы, хранимые въ банкѣ, въ цитадель?*)).

С.-Петербургъ.

9-го (21-го Апрѣля) 1848 г.

Какъ я радъ, что дураки Поляки своими поступками разгнѣвали Пруссаковъ. Пусть же теперь хлебають сами кашу, которую сварили. Кажется, Виллизенъ и въ Берлинѣ надоѣлъ; его, говорятъ, отозвали. Коломбъ молодець, я его знаю; онъ съ ними сладитъ; и чѣмъ больше подерутся, тѣмъ лучше; вѣроятно и къ намъ бѣгутъ шайки. Надѣюсь, что Редъ имъ задастъ славный урокъ. Какъ я радъ, что Прусскіе гусары поохотились на нашихъ бѣглецовъ; ничто имъ! Вели имѣнія этихъ каналій конфисковать. Любопытно знать, что откроется по заговору въ Варшавѣ. На сей разъ въ Лондонѣ попытка шартистовъ не удалась, благодаря твердости правительства, мѣрамъ Веллингтона и здравому разуму большей части жителей.

С.-Петербургъ.

20-го Апрѣля (2-го Мая) 1848 г.

Сегодня еще въ первый разъ по революціи жена моя получила письмо отъ короля; и—ни слова про все бывшее, какъ будто ничего не было. Однако говорить, что Поляки мошенники и что онъ желаетъ, чтобъ они попались тебѣ въ руки, чтобъ ты ихъ могъ повѣсить. Вотъ тебѣ образчикъ его головы! Затѣмъ хвалитъ насъ за наше долготерпѣніе и проч. Стыдно и жалко читать. Датское дѣло приняло самый серьезный оборотъ, и первое его послѣдствіе будетъ разореніе Прусской торговли; право не знаю, чѣмъ это кончится.

С.-Петербургъ.

28-го Апрѣля (10-го Мая) 1848 г.

Положеніе дѣлъ въ Европѣ становится день отъ дня хуже и хуже. Король Прусскій, слѣпое орудіе революціонной партіи, вдался въ не-

*) Позднѣе, въ дни Крымской войны, Русскіе капиталы перевозимы были назадъ изъ Лондона въ Петербургъ (слышано отъ одного мелкаго чиновника военного вѣдомства, который былъ въ числѣ посланныхъ для того въ Англійскій банкъ).

справедливую войну противъ Даніи и тѣмъ принудилъ уже Швецію и меня объявить, что мы не можемъ сего допустить, но примемъ сіе за объявленіе намъ войны, и уже король Шведскій посылаетъ 15 т. войска въ Данію на помощь. Желаю, чтобъ сіе предвареніе остановило безсмысленность короля, но опасаюсь, что онъ слишкомъ съ ума сбрелъ, чтобъ остановиться, и тогда война неминуема *). Для того настоятельно прошу тебя велѣть 1-й легкой кавалерійской дивизіи слѣдовать на Литву ближайшимъ путемъ, дабы корпусъ имѣлъ свою кавалерію при себѣ; сіе необходимо, дабы въ случаѣ войны мы могли наводнить восточную Пруссію кавалеріей, дабы не дать имъ очнуться и собраться.

Что говорятъ про происходящее въ Познани? Не судъ ли это и кара небесная постыдному королю? Тотъ, котораго повѣсиль слѣдовало, но которому онъ кланялся съ балкона, тотъ теперь съ оружіемъ въ рукахъ бьетъ его войска! Гадость и жалость. Свиданія нашихъ офицеровъ съ Прусскими на границѣ хорошее дѣло, ежели чистосердечно; но частыхъ повтореній не нужно, доколь все не утихнетъ.

*

Царское Село.

10-го (22-го) Мая 1848 года.

Извѣстіе объ добромъ къ намъ расположеніи Прусскихъ офицеровъ съ одной стороны очень утѣшительно, но плачевно, хоть и справедливо ихъ негодованіе на короля и желаніе быть подъ принцемъ Прусскимъ. Но я вполне раздѣляю твое и ихъ мнѣнія, что онъ одинъ, ежели у него достанетъ духа и рѣшимости, еще можетъ спасти Пруссію отъ полнаго разрушенія. Какъ сіе сдѣлать, не рискуя свергнуть короля, т. е. самимъ дѣйствовать революціонно: такая трудность, такая задача, что и не придумаю. Одно теперь почти рѣшено, что Пруссія не можетъ и не хочетъ насъ атаковать; что въ Познани сами Поляки уничтожили то, что было въ ихъ пользу затѣяно, и потому, что и сей опасности не предстоитъ. Весь вопросъ съ этой стороны нынѣ: будетъ ли республика или установится монархія, безсильная, мнимая, и все тутъ. Зная характеръ принца Прусскаго, сомнѣваюсь очень, чтобъ онъ умѣлъ найтись; развѣ король теперь же откажется отъ престола, что повлечетъ сейчасъ же признаніе республики въ Берлинѣ, но въ такомъ случаѣ и армія, и большая часть провинцій навѣрно обратятся къ принцу Прусскому, какъ къ законному наслѣднику. Покуда намъ должно выжидать, елико можно поддерживать добрыя

*) Вотъ какъ думалъ Николай Павловичъ. При сынѣ его для Прусской лукавой политики была своя воля. Есть письмо о томъ митрополита Филарета (1866). Онъ называлъ дѣйствія Пруссіи грабежемъ и винить попустителей.

сношенія съ Прусской арміей, не показывая однако, чтобъ мы въ нихъ искали, но отвѣчать только на ихъ добрыя чувства къ намъ. Богъ укажетъ, что далѣе намъ возможно. Вчера вечеромъ по телеграфу узналъ я о бѣгствѣ изъ Вѣны императора и семейства въ Инсбрукъ. Это опять неожиданно; понимаю, что они ищутъ быть среди вѣрнаго народа и избѣгнуть плѣна или диктаторства каналій. Покуда армія вѣрна, и ежели успѣхи Радецкаго продолжатся, то, можетъ быть, это къ лучшему. Прагское воззваніе къ Славянамъ надо было ожидать по довольно мнѣ тамъ извѣстному духу; но отвѣчать на оное не будемъ: не наше это дѣло. Будемъ ждать и смотрѣть, чѣмъ это все кончится. Жду извѣстій изъ Берлина въ отвѣтъ на мое объявленіе, что буде атакуютъ собственно Данію, приму это за разрывъ съ нами. Но, кажется, они насъ боятся и не допустить до того.

На-дняхъ отправилъ сына Константина въ Штокгольмъ. Король себя ведетъ очень хорошо; я предложилъ ему нашъ флотъ для перевозки его войскъ въ Данію; не знаю, захочетъ ли предложеніемъ моимъ воспользоваться. Мейндорфъ пишетъ сегодня, что, кажется, Датское дѣло не поведетъ къ разрыву съ нами и что, какъ кажется, дѣло идетъ на мировую. Пишутъ тоже, что разнесся слухъ, будто Французы скоро выступятъ въ Италію и перейдутъ Рейнъ, такъ чтобы возстановить Польшу. Милости просимъ! Другого важнаго ничего не получалъ.

*

Александрія близъ Петербурга.

29-го Мая (10-го Юня) 1848 г.

Сейчасъ узналъ по телеграфу о пріѣздѣ въ Потсдамъ принца Прусскаго и скорѣе жалѣю сего, чѣмъ радуюсь; ибо вдали онъ былъ предметомъ надеждъ здравомыслящей партіи, на мѣстѣ же истинно окажется ея посломъ, т. е. послушнымъ волѣ короля или иначе. О!!! Съ этимъ исчезнуть, боюсь я, всѣ надежды на возстановленіе порядка, и все пропадетъ. Что въ Вѣнѣ происходитъ—еще гаже, чѣмъ въ Берлинѣ, и о сию пору нельзя придумать, чѣмъ все кончится. Радецкаго побѣда не мало порадовала; дай только Богъ, чтобъ онъ былъ дѣятеленъ и умѣлъ воспользоваться симъ успѣхомъ. Въ Неаполѣ король умѣлъ значительно поправить свои дѣла, и войско его дралось хорошо. Тѣмъ стыднѣе, что ни въ Вѣнѣ, ни въ Берлинѣ не успѣли того же сдѣлать!!! Боюсь, чтобъ Датчане не сдурачили; ихъ глупая атака, тогда какъ Пруссаки по моему настоянію оставили Ютландію, и глупа, и дерзка; и я имъ объявилъ это. Сына тамъ приняли какъ нельзя лучше. Сокрушаетъ меня, что въ арміи опять сильная болѣзненность и въ особенности въ Муромскомъ полку, да и побѣги сильны. Для послѣднихъ

придется сдѣлать нѣсколько примѣровъ по полемому уголовному положенію.

Напоминаю объ дѣлѣ сватовства Езерскаго на Бобринской; нельзя ли уговорить отца, чтобъ не дурачился, а далъ свое согласіе, хотя по моему желанію?

Александрія, близъ Петергофа.

10-го (22-го) Іюня 1848 г.

Подробности бывшаго въ Прагѣ, происшедшаго въ Венгріи и дѣлающагося въ Вѣнѣ столь же любопытны, какъ крайне горьки. Чтò изъ всего этого выйдетъ, можно предвидѣть, то-есть паденіе Австріи; но послѣдствія паденія сего могутъ быть многоразличны. Каковы бы они ни были, одно положительно намъ важно, это то, чтобъ опять не возродилось, съ согласія ли, или безъ согласія императора, отдѣльное самостоятельное новое царство въ Галиціи, подъ именемъ Польскаго или Славянскаго. Ежели будетъ такъ, то я непременно вступлю въ Галицію и присоединю къ Россіи древнее ея достояніе. Ибо край сей можетъ быть только или Австрійскимъ или Русскимъ; иного не могу допустить никогда, во что бы то ни стало.

Ни Богеміи, ни Моравіи, ничего другого не приму подъ скипетръ Россіи, даже ежели-бъ объ этомъ настоятельно просили, ибо оно было-бъ прямо противно выгодамъ нашимъ. Готовъ бы даже отдать половину Польши, но Галиціи никому не уступлю, коль скоро она перестанетъ быть областью Австріи. Предваряю тебя объ этомъ, чтò впрочемъ ты отъ меня часто слыхалъ, дабы твои соображенія имѣли сіе въ виду. На это употребимъ 4-й корпусъ и, буде нужно, 2-й резервный кавалерійскій или драгунъ; все это подъ рукою. Дюгамель*) пишетъ, что необходимо смѣнить Стурдзу въ Молдавіи и что сему краю угрожаетъ нашествіе каналій изъ Трансильваніи съ помощью Поляковъ и всякаго сброда; ежели такъ будетъ, наши войска вступятъ по Сереть, хотя, признаюсь, мнѣ этого очень не хочется. Въ Берлинѣ, думаю, близко къ развязкѣ: или будетъ скоро республика, или правительство наконецъ будетъ принуждено дѣйствовать какъ бы достоинству его давно прилично.

Пріѣздъ принца Прусскаго самая плачевная глупость; послѣ того я на него мало имѣю надежды, ибо кажется, что онъ потерялъ духъ. Холера другой день что пришла къ намъ. Буди воля Божія; беремъ всѣ мѣры, не пугаюсь.

*

*) Александръ Осиповичъ (по отцу внукъ короля Станислава Понятовскаго). Автобіографія его въ трехъ книгахъ „Русскаго Архива“ 1885 года.

*Александрія, близъ Петерюфа.
21 Юня (3-го Юля) 1848 года.*

Въ Пруссіи мы близки къ плачевной развязкѣ, ежели король не рѣшится дѣйствовать заодно съ арміей и съ массой народной, вопреки своимъ глупымъ мечтамъ, которыя его погубили и весь край. Уже явно говорятъ, что съ нимъ нечего дѣлать, даже армія, ежели не такъ говорить изъ долга чести, то такъ мыслить; но всѣ хотятъ кончить съ Берлиномъ, ибо никто въ мысли народной не хочетъ предаться новымъ идеямъ. Въ Австріи менѣе единства, національности всѣ злобно возбуждены одна противъ другой, силы нигдѣ и воли еще менѣе; какая же будущность? Дѣла въ Италіи немного исправились, но Радецкій требуетъ усилить его 25-ю тыс., что не скоро сдѣлаешь, а между тѣмъ Венгерцы съ Кроатами дерутся, и страшно, ежели лучшіе полки Радецкаго, Кроаты, узнавъ, что у нихъ дома происходитъ, вдругъ бросятъ армію. Дай Богъ, чтобъ не было, но опасуюсь, что имперія распадется. Крайне мнѣ прискорбно, что Дюгамель, испуганный смутами въ Валахіи, рѣшился самъ отъ себя предложить Герценцвейгу вступить въ Молдавію. Не убѣжденъ я въ сей необходимости и опасуюсь большихъ затрудненій.

Здѣсь у насъ другая бѣда—холера въ высшей степени: заболѣваетъ до 800, умираетъ до 500 человекъ въ день. Въ войскахъ она тоже дѣлаетъ много жертвъ, даромъ что стоятъ въ лагерѣ. Чуть было въ городѣ не дошло до беспорядковъ отъ глупой мысли отравы. Я строго наказалъ перваго зачинщика и, объѣхавъ городъ, увѣщевалъ быть смиренными. Покуда удалось. Неурожай угрожаетъ многимъ губерніямъ, и наконецъ пожары поглощаютъ городъ за городомъ и много селъ и деревень; словомъ, хлопотъ много. Утѣшный мнѣ духъ войска; да сохранить ихъ Господь отъ жизненной и душевной грозы!

*

*Александрія, близъ Петерюфа.
29-ю Юня (11-ю Юля) 1848 г.*

Къ счастью, войска наши не перешли Прутъ, чему я очень радъ, и не перейду безъ крайней необходимости, развѣ Турки меня попросятъ и вмѣстѣ пойдутъ. Холера у насъ сильно свирѣпствуетъ, доходило до 1.062 больныхъ въ день и 680 умершихъ! Войска въ городѣ сильно страдаютъ, въ лагерѣ меньше. Крайне опасуюсь развитія ея по арміи, и крайне прошу тебя самого быть сколько можно осторожнымъ для себя. Прошу тебя объ этомъ именемъ Россіи. Сраженіе въ Парижѣ—ужасный урокъ; но откроетъ ли кому глаза, право, не думаю; не думаю также, чтобъ было послѣднимъ, а полагаю скорѣе, что борьба

будеть еще долго продолжаться и что одна военная власть и на время усмирить можетъ; но кто сей герой быть можетъ, одинъ Богъ знаетъ!

Изъ Берлина все тѣже вѣсти безначалія. Король нуль, принцъ нулемъ сдѣланъ, войско горитъ нетерпѣніемъ, страхъ объ нашемъ появленіи—и все тутъ. Эрцъ-герцогъ Іоганнъ, говорятъ, принялъ новое свое званіе; посмотримъ, что онъ сдѣлаетъ. Радецкій въ Италіи хочеть продолженія, но дадутъ ли что придумать для успѣха?

Ежели послѣдуетъ разрывъ съ Пруссіей, мы не должны искать завоеваній, но ограничиться дѣйствіями, которыя бы только усилили наше оборонительное положеніе.

Нѣтъ сомнѣнія, что Польша не представляетъ въ семъ отношеніи никакой возможности до самой Вислы, ибо правый нашъ флангъ окрыленъ восточной Пруссіей, тогда какъ лѣвый въ томъ же невыгодномъ положеніи къ сторонѣ Галиціи, и на всемъ пространствѣ, отъ границъ Шлезіи до самой Вислы, весь край не представляетъ никакой опорной точки. Потому, при оборонительной войнѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, ежели не будемъ имѣть успѣха съ самаго начала дѣйствій разбитіемъ непріятели, значительный отпоръ нашъ будетъ на берегахъ Вислы. Но, когда разрывъ съ Пруссіей откроетъ намъ свободу дѣйствій, часть невыгодъ географическаго нашего расположенія можетъ быть исправлена немедленнымъ занятіемъ восточной Пруссіи по Вислу.

Полагаю, что это исполнить можно довольно удобно, предназначивъ на это 1-й и 2-й корпуса, предоставя 3-му и части 4-го охраненіе Польши и наблюденіе за Галиціею.

2-й корпусъ долженъ былъ бы спуститься вдоль по правому берегу Вислы, наблюдая за Торунью и Грауденцомъ, тогда какъ 1-й выступилъ бы въ предѣлы Пруссіи отъ Августова и, оставивъ вправо Лецень, направился бы на Гутштадтъ и Браунсбергъ.

Прусскій 1-й корпусъ будетъ или противиться нашему вступленію или, быть можетъ, недовольный теперешнимъ порядкомъ дѣлъ въ Пруссіи, согласится на бездѣйствіе, заключивъ условія, подобныя бывшимъ въ 1813 году; но ни то, ни другое не можетъ ни остановить, ни измѣнить нашего образа дѣйствій. Мы вступимъ не врагами, но прежними друзьями; сражаться будемъ только съ тѣми, которые отважатся намъ сопротивляться.

1-й корпусъ будетъ уничтожать сопротивленіе или, въ случаѣ мирнаго пріема, направится дальше къ Эльбину и Данцигу.

Достигнувъ Вислы, мы остановимся; въ тоже время гренадеры и гвардія подойдутъ къ Нѣману и Нареву и составятъ сильный резервъ.

Резервныя войска займутъ Литву и Курляндію. Казачьи полки присоединятся къ арміи.

Тогда предстанеть вторая эпоха. Пруссія, занятая внутреннимъ неустройствомъ, или въ безуміи прибѣгнетъ къ Германскому союзу, прося помощи, и захочетъ сдѣлать войну общую, или въ Пруссіи послѣдовать можетъ совершенный переворотъ, т. е. всѣ старые Пруссаки и, можетъ быть, часть арміи не захотятъ съ нами войны, недовольные новымъ порядкомъ дѣлъ, воспользуются нашимъ появленіемъ и, свергнувъ новое правленіе, присоединятся къ намъ, дабы съ нашею помощію возстановить прежній порядокъ.

Первый случай имѣеть нѣкоторое вѣроятіе, ежели опасеніе наше ствія Французовъ не остановитъ дѣло въ самомъ исполненіи. Тогда обстоятельства одни рѣшатъ, идти ли намъ далѣе, или къ какимъ мѣрамъ намъ приступить будетъ выгоднѣе.

Второй случай, сколько-бъ я его ни желалъ, менѣе вѣроподобенъ; несомнѣнно, что партія желающихъ сего существуетъ, но духъ долга и вѣрности присягѣ въ войскѣ такъ еще силенъ, что врядъ ли оно не останется вѣрнымъ долгу, хотя и противъ своихъ душевныхъ желаній. Но ежели такой бы переворотъ и послѣдовалъ, мы ему не иначе должны способствовать, какъ только служа опорой или резервомъ; но предоставимъ имъ самимъ дѣйствовать, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла.

Наконецъ, ежели-бъ дѣйствительно вся Германія, несмотря на опасенія со стороны Франціи, за одно съ Пруссіей обратилась на насъ, тогда, имѣя линію Вислы предъ собой, мы несомнѣнно будемъ въ сильнѣйшемъ оборонительномъ положеніи, чѣмъ нынѣ. Положеніе сіе было-бъ еще сильнѣе, ежели бы было вѣроятіе, что крѣпости на Вислѣ: Торунь, Грауденць и наконецъ Данцигъ, открыли намъ ворота; но на это считать не должно.

Эти строки были написаны за два мѣсяца тому. Съ той поры обстоятельства во многомъ перемѣнились. Пруссія не только не можетъ помышлять о наступательной войнѣ противъ насъ, но часть силъ ея отвлечена безразсудною войною съ Даніей; другая только что укротила мятежъ въ Познани; третья удержана въ Потсдамѣ и окрестности Берлина, ожидая ежечасно минуты, гдѣ дозволено будетъ войску наказать вѣроломный Берлинъ и смыть незаслуженный позоръ, нанесенный Прусскому знамени въ прошломъ Мартѣ. Войско еще вездѣ вѣрно своему долгу; тѣже чувства питаетъ большая часть ландверовъ и даже сельское населеніе и нѣкоторые изъ большихъ городовъ. Духъ враждебный

противъ насъ исчезъ въ войскахъ и замѣняется все болѣе надеждой на нашу помощь.

Итакъ наступательной войны отъ Пруссіи ожидать нынѣ никакого повода.

Съ этой стороны могутъ представиться только два случая къ военнымъ дѣйствіямъ, а именно: ниспроверженіе существующей королевской власти и установленіе всеобщей республики, или призывъ насъ на помощь королевской власти, ежели собственныхъ способовъ не достанетъ, чтобы укротить анархію.

Первый случай полагаю я менѣе вѣроятнымъ съ каждымъ днемъ, ибо Берлинъ и Бреславль одни ищутъ республики; весь же край и вся армія противъ; частное провозглашеніе не увлечетъ край, доколь армія вѣрна долгу и духъ въ краѣ не въ конецъ испорченъ.

Но второй случай можетъ легко сбыться, ежели покушеніе усмирить Берлинъ и Бреславль не будетъ имѣть успѣха и король будетъ просить нашей помощи.

Въ ней отказать мы не можемъ, но не безусловно.

Вотъ что полагаю тогда исполнить: такъ какъ призывъ сей будетъ безъ нашего предложенія, намъ дозволено требовать необходимыхъ условій, чтобъ помощь наша не нарушала нашей собственной безопасности. Намъ нуженъ залогъ: я требовать буду ввести свой гарнизонъ въ Торунь, совмѣстно съ Прусскимъ.

Тогда, оставивъ въ Польшѣ и на Воляни 4-й корпусъ для прикрытія тыла и лѣваго фланга, оставивъ 3-й корпусъ противъ Шлезіи и Познани, двинуть полагаю 2-й и 1-й въ Пруссію, направивъ вслѣдъ за ними гренадеръ и гвардію.

Оголять лѣвый нашъ конечный флангъ отнюдь нельзя, и по обстоятельствамъ княжествъ, и по неопредѣлительности ожидаемаго въ Австріи. Двѣ дивизіи пѣхоты и 5-я легкая 5-го корпуса необходимы для прикрытія Бессарабіи и, можетъ быть, для занятія Молдавіи по Сереть. 4-й корпусъ занимать долженъ одной дивизіей Волянь, двумя Люблинскую губернію и Варшаву. Останется три свободныхъ корпуса, кромѣ гренадеръ и гвардіи и резервной кавалеріи. Изъ сихъ корпусовъ 3-й долженъ прикрывать лѣвый флангъ дѣйствующихъ войскъ, отдѣливъ что нужно для гарнизона въ Торунь.

Итакъ мы никакого раздробленія боевого состава войскъ не имѣемъ нужды дѣлать и отнюдь допускать не должны. Мы явимся въ цѣломъ составѣ своихъ корпусовъ и будемъ тѣмъ сильнѣе.

Александрія, близъ Петербурга.

*

5-ю (17-ю) Юля 1848 г.

Письмо твое отъ 29-го Юня (11 Юля) я получилъ три дня тому, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ-командиръ. Душевно благодарю и за то, что мнѣ откровенно пишешь, что для меня дорого, ибо ты знаешь всю мою къ тебѣ довѣренность, дружбу и благодарность; надѣюсь, что и впередъ такъ же мнѣ и писать, и говорить всегда будешь; иного не жду отъ тебя безъ обиды мнѣ. Вполнѣ дѣлю твое мнѣніе, что Дюгамель крайне неосторожно поступилъ, заставивъ насъ перешагнуть границу; ежели дѣйствительно Турецкій отрядъ долженъ къ намъ примкнуть, то дѣло приметъ нѣсколько лучшей оборотъ; во всякомъ случаѣ, укротивъ мятежъ въ Молдавіи, я хочу воротить войска свои и ни въ какомъ случаѣ не переходить Сереть и выступать въ Валахію.

Тоже раздѣляю твое мнѣніе на неудобство столь широкой операционной базы. Нѣсколько сему поможемъ, передвигая резервную дивизию 4-го корпуса въ Подоль. Соединенной Германіи подъ однимъ скипетромъ не вѣрю; ожидаю скорѣй междоусобной брани между Сѣвера и Юга, и никакъ не думаю, чтобы эрцъ-герцогъ Іоаннъ былъ такой геній, который бы невозможное сдѣлалъ быточнымъ.

Республика близка къ Южной Германіи; она можетъ быть и въ Берлинѣ, не въ Пруссіи; въ Южной Германіи не вижу ей никакой препоны, развѣ въ Баваріи; въ Берлинѣ же она не состоится, ибо войско еще вѣрно и горитъ желаніемъ смыть нанесенный ему позоръ, столь незаслуженный. Повторяю: теперь, мнѣ Германія ничуть не страшна, она слишкомъ животою больна.

У насъ, по военной части, кромѣ холеры, идетъ все прекрасно. Холера здѣсь на столько стихаетъ, что съ 1.086 заболѣвавшихъ въ сутки дошли мы вчера до 326 и съ 553 умирающихъ до 227. Въ Красномъ Селѣ войска блаженствуютъ, ибо видно болѣзнь кончается; но зато бѣдные гренадеры потеряли изъ 600 больныхъ болѣе 200. Страхуюсь, когда болѣзнь достигнетъ Варшавы и главныхъ квартиръ арміи. Богъ милостивъ! Но ты самъ крайне себя береги, молю тебя. По войскамъ вели строго наблюдать, чтобы точно выводили полные ряды; мы все слабо выходимъ, даромъ что людей довольно. Прикажи болѣе заниматься стрѣльбой въ цѣль, разсыпнымъ строемъ, форпостной службой и правильной атакой и защитой мостовъ. Вотъ покуда и все высказалъ. Объ домашнихъ казакахъ на Волыни и Подоліи жду мнѣнія Бибикова, что дѣлать можно.

*

Александрія, близъ Петергофа.

11-го (23-го) Юля 1848 г.

Обстоятельства столь неожиданно, столь быстро мѣняются, что едва сдѣлаешь одно распоряженіе, какъ новое обстоятельство опять принуждаетъ измѣнить предыдущее. Такъ было вчера. Получивъ письмо твое, я отмѣнилъ предполагавшееся движеніе гренадеръ и кавалеріи, сходно мнѣнію твоему. Въ полдень прибылъ изъ Копенгагена курьеръ съ извѣстіемъ, что генераль Врангель ослушался короля Прусскаго, отзываясь, что, давъ присягу Франкфуртскому правленію, онъ не обязанъ слушать короля; отказалъ въ перемиріи и хотѣлъ возобновить военныя дѣйствія. Можешь себѣ вообразить, что все это произвело въ Даніи.

Сейчасъ велѣлъ написать королю Прусскому, что я держусь смысла намѣренія его, которое выказалъ, давъ Врангелю приказаніе заключить перемиріе и возвратить войска. Съ омерзѣніемъ узналъ объ ослушаніи Врангеля и ожидаю, что король велитъ прямо своимъ генераламъ, вѣрнымъ долгу, не слушаться его, а воротиться съ войсками. Иначе, повторяю королю, что шагъ дальше будетъ сигналомъ войны съ Россією. Послѣ объѣда прибыли письма изъ Берлина отъ Мейндорфа, Бенкендорфа и самого короля къ женѣ. Король виѣ себя; послалъ г. а. Неймана къ Врангелю съ повелѣніемъ слушаться и воротить войска, или что его отставить. Посмотримъ, что будетъ изъ этого!..

Мейндорфъ пишетъ, что король, обманутый и обиженный выборомъ эрцъ-герцога Іоанна, до того разочарованъ насчетъ мнимаго германизма, что сбросилъ съ себя Германскую кокарду и явно ее осмѣиваетъ. Что послѣ того думать еще объ немъ!! Король пишетъ женѣ, что только ждетъ возвращенія своихъ войскъ изъ Голштиніи, чтобъ ввести ихъ въ Берлинъ и укротить анархію, и что ежели отъ стороны Германіи ему будетъ угрожать опасность, то надѣется на насъ. Каково это? Виндигрецъ пишетъ мнѣ подъ величайшимъ секретомъ, что онъ въ ужасномъ положеніи, что въ Вѣнѣ анархія нынѣ, какъ и прежде, и что на эрцъ-герцога Іоанна никакой нѣтъ надежды, ибо онъ точно такъ же плохъ, какъ и прежній; что изъ Инсбрука ему пишутъ, чтобъ онъ продолжалъ дѣйствовать какъ Толль, что одна надежда на него; что войско всегда вѣрно, но что онъ уже предвидитъ, что настанетъ время, когда онъ прибѣгнетъ къ нашей помощи.

Наконецъ, сегодня Медемъ пишетъ, что Англійскій посолъ въ Инсбрукъ Понсонби пишетъ своему правительству, что насъ слѣдуетъ благодарить, что мы вступили въ Молдавію, дабы дать добрый урокъ анархистамъ. Изъ этихъ короткихъ строкъ ты можешь заключить,

каково мнѣ среди всего этого, и что всѣ мои усилія къ тому клонятся, чтобъ быть къ всему готовыми. Повторяю тебѣ мою просьбу отвѣчать мнѣ положительно: двинуть ли резервные баталіоны въ гарнизонъ въ Брестъ, или нѣтъ и занять ли Вильну гренадерами, ибо ты мнѣ въ письмѣ ничего про это не говоришь.

12-го (24-го). Прилагаю при семъ выписку изъ письма Бенкендорфа, весьма по моему замѣчательнаго и справедливаго. Нѣтъ сомнѣнія, что въ случаѣ войны Германія не представитъ намъ прежняго театра войны; но что вся мѣстность столько же пересѣчена разработкой, сколько и желѣзными дорогами, коихъ насыпи или углубленія всѣ перемкли и крайне затрудняютъ движенія. Въ семъ отношеніи очень быть можетъ, что огонь штуцеровъ, искусно приспособленный къ новой войнѣ, будетъ весьма губительнымъ противникомъ, ежели съ нашей стороны мы не будемъ въ равныхъ тактичныхъ условіяхъ. Потому твердое, основательное изученіе разсыпного строя и цѣльная стрѣльба совершенно необходимы намъ, равно какъ и привычка къ хорошему примѣненію къ мѣстности. Симъ настоятельно прошу велѣть строго и прилежно заниматься, на прямой отвѣтственности корпусныхъ командировъ. Нельзя тоже терять намъ изъ виду, что мы одни остались съ кремневыми ружьями и драться будемъ съ войсками, кои всѣ имѣютъ ружья ударныя, и потому вся выгода въ семъ отношеніи будетъ на сторонѣ противниковъ. Скоро переимѣнить ружья не можемъ. Вотъ тебѣ мои замѣчанія, которыя тебѣ передаю, какъ мнѣ представляются. Скажи мнѣ, чтò думаешь.

*

*Александрія, близъ Петербурга.
20-ю Юля (1-ю Августа) 1848 г.*

Странусъ появленія холеры и ея губительныхъ дѣйствій по арміи. Нѣтъ почти мѣста въ Россіи, гдѣ-бъ она не свирѣпствовала, но нигдѣ такъ сильно, какъ на Дону и въ Оренбургѣ. Здѣсь она, благодаря Богу, слабѣетъ примѣтно, но въ войскахъ все еще вырываетъ людей и иногда весьма скоро. Радуюсь побѣдѣ Радецакаго; желалъ бы только, чтобъ Сардинскаго короля поколотилъ. Сегодня пришла счастливая вѣсть, что Гергебель взятъ кн. Аргутинскимъ и безъ потери; это важно.

Какъ Датское дѣло кончится, право, не знаю. Дѣла съ Франкфуртомъ и Берлиномъ близки къ разрыву; въ Инсбрукѣ крайне недовольны эрцъ-герцогомъ Іоанномъ; въ Вѣнѣ все идетъ къ чорту; словомъ, каша, отъ которой Боже насъ упаси! Пиши мнѣ про наше молодецкое войско, чтò они дѣлають, какъ занимаются, здоровы ли, сыты ли, бодры ли?

Ежели Богъ поможетъ, въ Сентябрѣ я надѣюсь ѣхать къ тебѣ, на Бобруйскъ и Брестъ, и повидаться, ежели до того покоя не будетъ, ибо ни за что теперъ ручаться нельзя.

Александрія, близъ Петергофа.

24-го Юля (6-го Августа) 1848 г.

Доходятъ до меня свѣдѣнія, что войска на Литвѣ терпятъ крайній недостатокъ въ приваркѣ, по бѣдности края; надо сему помочь и жду только представленія, что нужно для сего? Въ политикѣ новаго нѣтъ; дѣло Голштинское остановилось на запрещеніи, данномъ эрцъ-герцогомъ Іоанномъ генералу Врангелю, не только что входить въ Ютландію, но даже и возобновлять военныя дѣйствія; не знаю, чѣмъ кончится. Въ Берлинѣ признають, что ген. Врангель съ ума сбрель, но не смѣють его смѣнить! Спасибо Радецкому, что колотитъ Сардинскаго; по шеѣ ему, канальѣ; золь я на него!

Петербургъ.

2-го (14-го) Августа 1848 г.

Спѣшу отвѣтить, дабы скорѣе дать разрѣшеніе на требуемую прибавку къ продовольствію. Я совершенно признаю ее необходимой и разрѣшаю не двѣ, а 4 винныхъ порціи въ недѣлю, докуда холера будетъ продолжаться, дабы каждый день давать людямъ по $\frac{1}{2}$ чаркѣ, а въ Воскресенье полную.

Сверхъ того велѣлъ я кн. Чернышеву послать къ тебѣ молодого доктора Линсберга, который подъ руководствомъ Мандта особенно удачно лечилъ холеру; изъ всѣхъ методъ его оказала самые счастливые результаты; кромѣ того, велѣлъ ему я написать записку объ сей методѣ; прошу велѣть ей слѣдовать.

Въ Пруссіи, кажется, отъ слабости короля все идетъ очень плохо; теперъ онъ ѣдетъ цѣловать руку эрцъ-герцогу Іоанну на Рейнѣ. Въ Вѣнѣ тоже идетъ все хуже и хуже; одинъ старикъ Радецкій—герой и вѣрная армія представляютъ утѣшительную картину; честь и слава имъ! Можетъ быть онъ спасаетъ государство, буде предоставятъ ему дѣйствовать свободно.

Александрія, близъ Петергофа.

17-го (29-го) Августа 1848 г.

Новыя попытки въ Берлинѣ гадки до-нельзя, а равнодушіе къ тому правительства явно доказываетъ его ничтожество, или скорѣе самого короля. Какъ всѣмъ частнымъ людямъ, наконецъ, не потерять всякое терпѣніе, какъ арміи остаться вѣрною при такомъ униженіи? Право, это сверхъ силъ человѣческихъ.

Не знаю, право, какъ вывернуться изъ смѣты; теперь уже не досчитываемъ болѣе 10-ти милл.!!! Ужасно. Надо вездѣ беречь копѣйку, вездѣ обрѣзывать что только можно и изворачиваться однимъ необходимымъ. Здѣсь все тихо. Изъ Парижа шлютъ къ намъ какого-то генерала Фло, Flauht, en mission politique, хвалятъ его и говорятъ, что онъ ничуть не республиканецъ; посмотримъ, что будетъ. Про Германскія свинства и не говорю: надоѣло! Ежели съ Даніей не кончатъ, войдемъ въ Пруссію, хотя, признаюсь, очень нехотя; да долѣе терпѣть нельзя.

*

Александрія, близъ Петергофа.

23-го Августа (4-го Сентября) 1848 г.

24-го (5-го). Сегодня, наконецъ, получили мы извѣстіе, что король Прусскій подписалъ перемиріе съ Даніей и возвратилъ свои войска. Слава Богу! Оно тѣмъ счастливѣе, что, вѣроятно, будетъ ссора между Пруссіей и Франкфуртомъ, что почитать слѣдуетъ за счастливое событіе. Теперь король свободенъ дѣйствовать всѣми силами противъ Берлина и, какъ говорятъ, намѣренъ при первомъ случаѣ его бомбардировать. Крайне, крайне пора!

*

Царское Село.

1-го (13-го) Сентября 1848 г.

Третьяго дня, воротясь со свадебнаго вечера сына Константина, нашель я твоего фельдъегеря съ письмомъ отъ 27-го Августа, за которое благодарю, любезный отецъ-командиръ.

Крайне меня сокрушаетъ распространеніе холеры по всей арміи и множество жертвъ, ею поглощенныхъ; но буди воля Божія! Будемъ только стараться, чтобъ помощь была дана во-время и достаточная. Не вели учить или по меньшей мѣрѣ учить крайне бережно и отнюдь не болѣе двухъ часовъ утромъ во всѣ 24 часа; не рано подымать людей, шинели надѣвать въ рукава сверхъ мундировъ, ежели погода чуть ненастная, а во всякомъ случаѣ съ 5-ти часовъ вечера до смѣны. Словомъ, все дѣлать, чтобъ людей беречь. Нельзя ли по мужицкимъ домамъ, гдѣ стоятъ постоянно войска, велѣть передѣлывать печи въ Русскія?

Берлинскія извѣстія Мейндорфа предвѣщаютъ близкій разрывъ съ Франкфуртомъ и свалку въ самомъ Берлинѣ. Это было-бъ хорошо, ежели-бъ во главѣ всего стоялъ человекъ съ духомъ и умомъ, а не тотъ король, который своимъ безразсудствомъ поставилъ свое государство на край пропасти и лишился всякаго довѣрія всѣхъ честныхъ людей; съ нимъ нѣтъ спасенія. Во Франкфуртѣ бѣснуются, и все идетъ къ скорому разрыву Сѣвера Германіи съ Югомъ. Вотъ и union germa-

pique. Очень любопытно знать, удастся ли Кавеньяку воспрепятствовать вмѣшательству въ дѣла Италіи? Онъ рѣшительно противъ, но устоятъ ли? Дѣла въ Вѣнѣ очень плохи; въ Венгріи все идетъ къ чорту, и Елачичъ беретъ верхъ, и это было-бъ прекрасно, ежели-бъ правительство умѣло симъ воспользоваться.

Жду, что въ Краковѣ будетъ каша; пристанутъ многіе изъ нашихъ по всѣмъ вѣроятіямъ; но важнаго у насъ быть не можетъ, а будетъ нѣсколькими каналами меньше и православныхъ имѣній свободныхъ побольше. Ежели дѣла примутъ оборотъ къ войнѣ, намъ нельзя будетъ и думать объ отпускахъ и продажѣ лошадей, и это очень тяжело.

*

Царское Село.

15-го (27-го) Сентября 1848 г.

Король Прусскій въ своемъ письмѣ дѣлаетъ ужасную картину своего положенія (кто виноватъ?) и весьма правильно излагаетъ, что ему предстоитъ, но увѣряя (а я не вѣрю), что рѣшился дѣйствовать со всей силой и натискомъ. Въ случаѣ неудачи просить меня о помощи въ трехъ случаяхъ: 1) ежели не сладитъ въ Берлинѣ, 2) ежели сладитъ въ Берлинѣ, но возстаніе будетъ общее и Германія на него обратится, 3) ежели и Франція на него обратится.

На все это я ему отвѣчалъ, что Россія была давно готова идти ему на помощь, доколь была старая Пруссія; но что онъ самъ старую Пруссію низвергъ, и съ этимъ вмѣстѣ нашъ тѣсный союзъ; что Россія не можетъ быть союзницей тѣхъ, кои, поправъ свое старое преданіе, слѣдуютъ знамени бунта, признавъ его своимъ. Воротись Пруссія къ старому, подъ свое старое знамя, тогда Россія выполнить свято то, что старый союзъ опредѣлилъ, но до того ни шагу не сдѣлаю; довольно и того, что отвѣчаю ему за безопасность его границъ отъ Мемеля до Австріи, почему и можетъ взять оттуда всѣ свои войска. Что ежели будетъ ему неудача, власть королевская рушится и замѣнится республикой, тогда долгъ мой будетъ, обязанность Россіи, и что, можетъ быть, ринусь возстановлять Пруссію, не ту, какую король сотворилъ на свою гибель, но прежнюю, подъ законами, подъ которыми процвѣтала подъ предками короля и ему сдана нашимъ любимымъ покойнымъ королемъ, и подъ сими условіями радъ буду, ежели Богъ насъ сподобитъ, ввести его обратно въ его столицу.

*

Царское Село.

23-го Сентября (5-го Октября) 1848 г.

Слава Богу, что дѣло подъ Вѣной принимаетъ, сколько кажется, хорошій оборотъ; нельзя сему не радоваться и, кажется, можно пола-

гать, что на сей разъ каналы, тамъ собранныя, и въ головѣ ихъ Бѣмъ, получаютъ добрый урокъ.

Для того бы мнѣ очень хотѣлось, чтобъ городъ не сдался, а взять былъ или бомбардировкой или штурмомъ, дабы и духъ войскъ поднять.

Мы имѣли радость обнять дочь Ольгу, которая три дня что къ намъ прибыла. Любопытно слушать ея рассказы—ужась!

На Кавказѣ было у насъ два славныхъ дѣла: защита Ахтовъ и разбитіе Шамиля княземъ Аргутинскимъ; оба дѣла геройскія, въ особенности защита Ахтовъ, рѣдкій примѣръ героизма.

*

Царское Село.

2-го (14-го) Октября 1848 г.

Нѣтъ сомнѣній, что происшествія въ Вѣнѣ имѣтъ будутъ свой отголосокъ и въ Берлинѣ, и почти сего желать надо, дабы конецъ положить ужасному состоянію, которое безмолвно разрушаетъ и послѣднія надежды къ восстановленію порядка. Нельзя безъ омерзѣнія слѣдить за происходящимъ тамъ. Подлость, трусость и глупость имѣютъ своего постоянного представителя въ лицѣ короля, къ которому презрѣніе, и заслуженное, не знаетъ уже мѣры. И въ цѣлой Пруссіи не найдется ни одного человѣка, который бы по примѣру Юрка и Елачича взялъ бы на себя спасти отечество! Срамъ.

Сегодня получилъ курьера изъ Парижа. Киселевъ пишетъ, что съ нами очень желаютъ сблизиться; но что ни за какую стойкость правительства отвѣчать нельзя, какъ и вообще за всякій порядокъ; что рѣзня будетъ; но что всего вѣроятнѣе, что послѣ рѣзни восстановится чисто монархическое правленіе, ибо всякое другое, не соединяющее все и полную власть въ однѣхъ рукахъ и одного лица—совершенно невозможно!!! Это послѣ 70 лѣтъ революціи!

*

Царское Село.

12-го (24-го) Октября 1848 г.

Кн. Виндишгрець пошелъ на Вѣну съ Богемскими и Моравскими гарнизонами. Теперь армія Венгерская (ежели есть армія, а не просто сбродъ) пошла ли въ тылъ Елачичу и Ауэрспергу, нельзя еще понять; во всякомъ случаѣ подъ Вѣной, кажется мнѣ, рѣшится—быть ли Австрійской имперіи или исчезнуть.

Присутствіе императора въ Ольмюцѣ заставляетъ меня полагать, что, быть можетъ, въ случаѣ неудачи, онъ не обратится ли къ намъ; въ такомъ случаѣ дай мнѣ сейчасъ знать и вели его принимать со

всѣми почестями и, ежели пожелаетъ ѣхать въ Варшаву, вели его помѣстить въ Бельведерѣ. Назначь къ нему отъ моего имени г.-а. Дьякова и сына твоего, а къ императрицѣ дежурить по очереди фрейлинъ. Ни за что ручаться нельзя, что быть можетъ. Ежели будетъ удача намъ всѣмъ, то надѣюсь, что положить конецъ революціонному порядку; въ противномъ случаѣ, чрезъ малое время придется снова начинать.

Берлинскія дѣла тоже весьма невѣрный приняли оборотъ. Держать войска много и для празднаго присутствія при всѣхъ неистовствахъ, которымъ не умѣютъ или не хотятъ положить конецъ. Было бы смѣшно даже, ежели бы не влекло за собой гибели невозвратной.

Замѣчательно, что вездѣ теперь все Поляки въ головѣ революцій, даже въ Сардиніи Польскій легіонъ, и говорятъ что Харжановскій назначенъ начальникомъ штаба короля.

Ты знаешь, что кн. Ілія Долгорукій скончался, и М. П.*) просилъ меня назначить къ нему въ начальники штаба Безака; я не могъ ему въ этомъ отказать, ибо нахожу, что онъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора.

*

Царское Село.

23-ю Ноября (5-ю Декаря) 1848 г.

Въ Пруссіи весь вопросъ затрудненій въ одной личности короля, котораго никто не понимаетъ и понять не можетъ, но который все останавливаетъ, все портитъ своей двуличностью, своимъ безразсудствомъ и глупыми мечтаніями. Послѣднее еще болѣе вредить; ибо каналы, зная его, весьма искусно ласкаютъ его любимыя мысли и увлекаютъ въ такое направленіе, которое согласно съ ихъ видами: уничтожить Пруссію подъ предлогомъ невозможнаго слитія съ Германіей, признавъ будто императоромъ короля!!! Хорошо, что войска и даже ландверъ покуда въ хорошемъ духѣ; но будетъ ли еще такъ, когда дастся конституція, а по обѣщанію армія ей должна будетъ присягать? Покуда наша роль не можетъ измѣниться: мы должны, какъ оно ни тягостно, оставаться вооруженными зрителями плачевной сей трагедіи. Долго ли, одинъ Богъ знаетъ! Намъ въ ихъ дѣла вмѣшиваться не время; вступимъ тогда, когда воля Россіи сдѣлается закономъ Германіи, къ ихъ счастью. Будемъ держать нашу славную армію въ строгомъ порядкѣ; приложимъ старанія поддерживать ея славный духъ, усовершенствовать то, что еще, можетъ быть, того требуетъ, и когда настанетъ время, тогда, перекрестясь, скажу тебѣ—съ Богомъ! и грянемъ ангелами мира и устройства. Вотъ наша цѣль.

*) Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

С.-Петербургъ.

6-го (18-го) Декабря 1848 г.

Неожиданный прїѣздъ эрцъ-герцога съ столь же неожиданной вѣстїю насъ крайне удивилъ. Впрочемъ я полагаю, мой любезный отецъ-командиръ, что оно можетъ быть къ лучшему, ибо молодой императоръ никакими ожиданїями не связанъ; бодръ умомъ и тѣломъ, имѣетъ вѣрную армію и испытанныхъ людей, готовыхъ возстановить порядокъ; и такъ, быть можетъ, все будетъ къ лучшему. Между тѣмъ конституція въ Пруссїи положила вѣнецъ всѣмъ глупостямъ, которыя ознаменовали послѣднее время. Надежда, будто будущія камеры отвергнутъ ее и возродятъ власть королю, мнѣ кажется одной химерой. Жаль этой доброй арміи, оказавшей столько опытовъ чистой преданности—и все даромъ; право, жалости стоитъ! Ждемъ, что было въ Парижѣ.

Это письмо вручить тебѣ сынъ мой Константинъ, котораго я шлю къ новому императору съ отвѣтами; рекомендую тебѣ его. Онъ молодъ, неопытенъ, но добрый и способный малый, исполненный усердія. Не оставь его. Я велѣлъ ему про политику тамъ молчать, но слушать и отвѣчать на вопросы, ни во что не вмѣшиваясь.

С.-Петербургъ.

15-го (27-го) Декабря 1848 г.

Кажется, во Франціи Луи-Наполеонъ будетъ президентомъ. Ежели только держаться будетъ въ политикѣ правилъ соблюдавшихся Кавеньякомъ, то намъ все равно, и признать его можемъ. Но ежели за симъ будетъ онъ искать короны или завоеваній, мы его не признаемъ, и можетъ быть война.

С.-Петербургъ.

2-го (14-го) Января 1849 г.

Мы болѣе другихъ обязаны Бога благодарить за то, что спасъ насъ отъ гибели, постигшей другихъ, и помогъ стоять стѣной противъ. Ты зодчій сей стѣны, ты ея блюститель. Какъ же мнѣ послѣ Бога не благодарить тебя, что далъ намъ за твоей защитой прожить спокойно еще годъ. Что дальше—въ рукахъ Божїихъ; будемъ смиренно ждать, что Онъ намъ опредѣлитъ, не будемъ спать, ни ослабѣвать, ни предаваться гордости, кичливости, ни самонадѣянію, ни гнѣву, и будемъ молить, чтобъ Богъ избавилъ насъ отъ ослѣпленія. Дай Богъ, чтобъ духъ въ Россїи и въ особенности въ войскахъ остался тотъ же; лучшаго желать нельзя.

С.-Петербургъ.

21-ю Февраля (5-ю Марта) 1849 г.

Не могъ тебѣ раньше отвѣчать, бывъ всю недѣлю нездоровъ жестокой болью въ лицѣ. При теперешнихъ обстоятельствахъ, какъ бы ни желалъ съ тобой свидѣться, не могу рѣшиться звать тебя сюда; ибо обстоятельства столь быстро мѣняются, что требуютъ безотлагательныхъ мѣръ, въ которыхъ ты одинъ можешь дать разрѣшеніе; потому тебѣ же самому предоставляю рѣшить, можешь ли сюда пріѣхать или считаешь твое временное отсутствіе опаснымъ. Всѣ свѣдѣнія отовсюду говорятъ про новыя смуты. Германія, ища единства, дошла почти до формальнаго распадѣнія на двѣ враждебныя партіи. Въ Берлинѣ въ самомъ не знаютъ, чтò дѣлать и чтò хотять; всѣ короли пристали къ Австріи, которой болѣе довѣряютъ, чѣмъ сумасброднему королю. Теперь Данія нарушила перемиріе; словомъ, все въ броженіи. Дѣла въ Венгріи для меня не новы; движеніе Дембинскаго пахнетъ неудачей Австрійцевъ; въ Трансильваніи, по сегодняшнему донесенію, генераль Пухнеръ былъ разбитъ Бѣмомъ и въ большемъ беспорядкѣ воротился въ Германштадтъ, гдѣ ему одно спасеніе въ нашемъ отрядѣ.

*

Москва.

1-ю (13-ю) Апрѣля 1849 г.

Мы съ тобой совершенно однѣхъ мыслей. Австрійцы, не сладивъ сами, хотять теперь чужими руками жаръ загребать; оно и легко, и пріятно; но я того не хочу. Занять Галицію согласенъ. Ежели мятежники ворвутся туда, ихъ уничтожить тамъ или въ Буковинѣ будетъ наше дѣло, какъ и наше дѣло совмѣстно съ Турками защищать княжества. Но входить въ Трансильванію намъ нѣтъ причины: это дѣло прямо Австрійцевъ. Итакъ, 5-й корпусъ въ княжествахъ, 4-й въ Буковинѣ и Южной Галиціи, а 3-й, ежели нужно, въ Сѣверной: вотъ наше расположеніе. Другое было-бъ намъ невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ и буду отвѣчать. Иначе было-бъ, ежели-бъ Австрійцы въ время просили нашей помощи, которая давно была готова, которую я графу Булю предлагалъ. Теперь же, когда все испорчено, было-бъ глупо мнѣ поправлять Русской кровью ихъ ошибки. Занявъ Галицію, мы освобождаемъ всѣ ихъ войска, тамъ оставшіяся, которыя могутъ быть обращены въ дѣло, и это уже немалая помощь, ибо мы отвѣчаемъ имъ за спокойствіе ихъ тыла.

Жаль очень, что Радецкій неосторожно заключилъ конвенцію перемирія и тѣмъ поставилъ императора въ необходимость ея не утверждать; боюсь, чтобъ дѣло симъ вновь не запуталось и не подало поводъ Французамъ вмѣшаться. Ежели намъ вступать въ дѣло, то не

иначе должно, какъ крайне осторожно, не теряя изъ виду прямыхъ интересовъ Россіи. Мнѣ кажется, что Австрійцы не упоминаютъ объ занятіи Галиціи или изъ недовѣрчивости къ вліянію на одноплеменный старый нашъ край, или они думаютъ, что мы можемъ войти въ Трансильванію изъ княжествъ, что просто глупо и смѣшно.

Здѣсь нашель я все въ отличномъ духѣ и порядкѣ, такъ что сердцу отрада, и набираю этимъ зрѣлищемъ новыя силы на мою тяжелую юдолю! Что видѣлъ 17-ю дивизію—очень хорошо, Бутырскій полкъ—отличный полкъ въ арміи своей красой.

Дворецъ отдѣланъ чрезвычайно хорошо и достоинъ украшать Кремль.

*
Москва.

8-ю (20-ю) Апрѣля 1849 г.

Я велѣлъ послать къ тебѣ Берга, съ тѣмъ, чтобъ ты его снабдилъ полною инструкціей, и онъ съ тѣмъ бы ѣхалъ въ Ольмюцъ объяснить мои намѣренія и условія, на которыхъ я дѣйствовать и помогать имъ готовъ; въ противномъ случаѣ отвѣтить, что я ни во что не вмѣшиваюсь.

Ему же поручаю требовать, въ случаѣ нашего участія, довѣреннаго ихъ офицера, для нахождения при тебѣ для всѣхъ объясненій. Признаюсь, крѣпко не хочется вступаться во все это. По примѣру прежняго, предвижу одну зависть, злость и неблагодарность, и вѣрно не вмѣшался бы, ежели-бъ своя рубаха не была ближе къ тѣлу, т. е. ежели бы не видалъ въ Бѣмѣ и прочихъ мошенникахъ въ Венгріи не однихъ враговъ Австріи, но враговъ всемірнаго порядка и спокойствія, олицетворенныхъ мерзавцевъ, злодѣевъ и губителей, которыхъ истребить надо, для нашего же спокойствія.

Здѣсь, благодаря Бога, все прекрасно. Вчера былъ въ новомъ дворцѣ маскарадъ, на которомъ вышло до 14 т. душъ, и все было тихо, радушно, весело, такъ что сердце у меня радовалось, а набрать новыхъ силъ на свое дѣло всегда надобно.

Полагаю 15-го (27-го) отсюда выѣхать, а буде Волга не задержитъ, прибыть 17-го (29-го) въ Петербургъ, гдѣ снова холера разгрывается.

*
Москва.

13-ю (25-ю) Апрѣля 1849 г.

Полагаю, что скоро настанетъ намъ время дѣйствовать. Не одна помощь Австріи для укрощенія внутренняго мятежа, и по ея призыву, меня къ тому побуждаетъ; чувство и долгъ защиты спокойствія предѣловъ Богомъ вѣренной мнѣ Россіи меня вызываютъ на бой: ибо

въ Венгерскомъ мятежѣ явственно видны усилія общаго заговора противъ всего священнаго и въ особенности противъ Россіи, ибо въ главѣ мятежа и главными орудіями его вѣчные враги наши, Поляки. Теперь Австрія предоставляетъ мнѣ совершенно образъ и мѣру помощи.

Разумѣется, что кормить должны насъ они; но полагаю, что вѣрнѣе закупать намъ за наличныя деньги или квитанціи, какъ думаешь лучше?

Король Пруссій проситъ меня его помирить съ Австріей, но могу ли сего достигъ, когда правила, руководствующія обоими правительствами, противоположны? Австрія основываетъ свои дѣйствія на правомъ, а Пруссія не хочетъ явнаго разрыва съ революціей; какъ тутъ мирить можно? Но драться за ихъ ссоры *не будутъ* ни за однихъ, ни за другихъ. Вразуми Ридигера, сколь нужно ему будетъ дѣйствовать быстро, осторожно и рѣшительно; надо, чтобъ съ перваго удара нашего дѣло было переломлено въ пользу праваго дѣла. Надо, чтобъ какъ громомъ грянуло и все было кончено. Поляковъ не щадить, главныхъ сейчасъ судить по полемому уложенію и приговоръ исполнять на мѣстѣ; Венгровъ же передавать Австрійцамъ, равно и всѣхъ Итальянцевъ, Французовъ и Англичанъ. Разливъ Волги меня здѣсь задержалъ; онъ, надѣюсь, не измѣнитъ однако моего путешествія къ тебѣ, которое считаю очень нужнымъ.

*

С.-Петербургъ.

18-го (30-го) Апрѣля 1849 г.

Такъ какъ успѣхи Венгровъ приняли самый опасный размѣръ, то они явно за одно съ Поляками, потому и намъ прямо угрожаетъ опасность; отказать въ помощи мы не можемъ, но дать и должны осторожно, дабы успѣхъ былъ елико можно безъ сомнѣнія.

Забираться подъ Вѣну не зачѣмъ ни въ какомъ случаѣ. Думаю, что при всѣхъ значительныхъ силахъ Венгровъ, они вездѣ сильными въ одно время быть не могутъ, и вѣроятно придется драться съ отдѣльными ихъ отрядами, и потому идти, но быстро, разбивъ одинъ за другимъ, и такъ подвигаться впередъ между Дунаемъ и Тейсомъ, примѣрно по направленію къ Песту. Вѣроятно одно наше появленіе облегчитъ Австрійцевъ, отвлекая часть Венгровъ отъ главныхъ силъ на насъ, давъ возможность Австрійцамъ перейти въ наступленіе и, можетъ быть, послужитъ къ конечному пораженію Венгровъ. Ежели Богъ благословитъ, и это будетъ, тогда война приметъ другой оборотъ; останется усмирить край, что уже не наше дѣло, а дѣло домашнее Австрійцевъ. Мы же отойдемъ въ Галицію. Ежели только нужна будетъ помощь Австрійцамъ для покоренія Трансильваніи, тогда, кажется, можно будетъ дать ее изъ Буковины и Южной Галиціи 10-ю и 11-ю

дивизіями, теперь долженствующими занять сей край. Ежели дѣла примутъ хорошій оборотъ, то все должно скоро кончиться, и тѣхъ силъ, которыя у тебя уже подъ рукой, будетъ на первый случай достаточно. Но я люблю рассчитывать навѣрное, и для того считаю очень нужнымъ усилить кавалерію приводомъ драгунскаго корпуса и 2-хъ Донскихъ батарей къ Дубнѣ. Ежели дѣло потянется вдаль, очень будетъ полезно употребить сей отличный корпусъ на равнинахъ Венгрии, гдѣ онъ можетъ чудеса надѣлать. Отъѣздъ мой попрежнему 1-го (13-го) Мая, везу и Нессельроде, который мнѣ по обстоятельствамъ можетъ быть необходимъ. Что-то Бергъ привезетъ?

*

С.-Петербургъ.

23-ю Апрѣля (5-ю Мая) 1849 г.

Мы видимъ, что на Австрійцевъ нѣтъ никакой надежды; дай Богъ, чтобъ они хоть Вѣну отстояли. Мы будемъ имѣть дѣло съ главными силами Венгровъ, усиленныхъ канальями Поляками и припелъцами со всѣхъ сторонъ. Надо все твое знаніе дѣла, все твое искусство на одолѣніе; но нужна и сила значительная, гораздо значительнѣе прежней.

Конечно не мнѣ тебѣ начертать планъ; объ одномъ прошу, не увлекайся просьбами Австрійцевъ, дай себѣ срокъ собрать всѣ условія успѣха и тогда съ Богомъ, дѣйствуй какъ на нашихъ враговъ быстро, по-русски. Не щади каналій. Ежели Вѣна и потеряна, дѣло ты исправишь, уничтоживъ гнѣздо бунта.

*

С.-Петербургъ.

27-ю Апрѣля (9-ю Мая) 1849 г.

Какъ уже по телеграфу тебѣ писалъ, такъ и теперь повторяю, крайне жалѣю объ посылкѣ дивизіи въ Вѣну; она Вѣны не спасетъ, а можетъ пропасть даромъ, тогда какъ нужнѣе чѣмъ когда, чтобъ были мы сосредоточены и не иначе дѣйствовали какъ массой, могущей рѣшить дѣло. Мы теряли Москву, но не погибли; неужели Австрія, столь часто уже терявшая Вѣну, на сей разъ безъ нея обойтись не можетъ, тогда какъ увѣрена въ близкомъ нашемъ появленіи въ тылу врага! Но дѣло прошедшее, я могу ошибаться и слишкомъ вѣрю и уважаю твое мнѣніе, чтобъ съ тобой спорить или препятствовать дѣйствовать по твоему убѣжденію; ты Варшавскій герой, а я твой старый бригадный командиръ на парадной площади.

Полагаю ѣхать въ ночь на 2-е (14-е) и могу быть у тебя, думаю, 5-го (17-го), вечеромъ*). Въ Лазенкахъ вели поставить внутренній ка-

*) Въ это Варшавское пребываніе Николая Павловича, императоръ Австрійскій Францъ-Иосифъ, на виду народа, цѣловалъ ему руку.

рауль отъ гвард. казачьяго полка. въ комнатѣ, въ которой стоятъ уборныя 7—0*), которыя переставить по дверямъ круглой залы и постѣ, гдѣ они стояли, равно и на лѣстницѣ ко мнѣ, занимать казакамъ. Французскую республику я призналъ, ибо они исполнили условія моего признанія. Желательно, чтобъ Французское правительство осталось только при нынѣ руководящихъ имъ правилахъ. Здѣсь мы шайку нашихъ арестовали, слѣдствіе идетъ и объяснитъ намъ многое.

*

Варшава.

10-го (22-го) Юня 1849 г.

Теперь дай мнѣ тебя побранить за то, что ты, вопреки моей усердной просьбѣ, изволилъ ѣздить за форпосты. Не грѣшно ли тебѣ всѣхъ насъ пугать? Чтò стоило бы подать цѣпь впередъ! Охъ, отецъ-командиръ, не любишь ты меня, ежели моими усердными молитвами пренебрегаешь. Вспомни, кто ты и чтò на тебѣ! Не сердись на стараго твоего бригаднаго: онъ тебя сй-ей душевно любить!!! Неужели ты этого не знаешь?

*

Варшава.

19-го Юня (1-го Юля) 1849 г.

20-го (2-го). Сейчасъ прибылъ изъ Австрійской арміи флигель-адъютантъ Бенкендорфъ съ письмомъ отъ императора, извѣщающимъ меня объ взятіи Рохда, послѣ небольшой канонады. Молодой императоръ самъ подвергался опасности, перейдя со стрѣлками разобранной мостъ молодцомъ, но не слишкомъ осторожно. Въ письмѣ онъ настаиваетъ, чтобъ Граббе шель впередъ; я на это отвѣчать не буду, но Граббе предоставляю дѣйствовать по своему усмотрѣнію, не исключая возможности и подвинуться, когда 4 баталіона, 2 батареи и 16 эскадроновъ его усилятъ и Австрійская армія безпрепятственно дойдетъ до Коморна къ Пешту и мостъ будетъ ими наведенъ между Пресбурга и Коморна для облегченія сообщеній съ Чоричемъ, оставленнымъ на лѣвомъ берегу Дуная. Ранѣе же Граббе было смѣшно и думать выдвигать впередъ. Тогда же, напротивъ, онъ почти что примкнетъ къ правому флангу твоему, ежели пойдетъ на Офенъ.

*

Варшава.

22-го Юня (4-го Юля) 1849 г.

Непріятель, кажется, растаялъ, и дай Богъ, чтобъ было такъ, отъ одного страха твоего появленія; тогда значить, что Богъ услышалъ молитвы мои, чтобъ щадить дорогую Русскую кровь. Чтò далѣе? Раз-

*) Не понятно. П. Б.

умѣю очень, сколь тебя стѣсняетъ затрудненіе въ продовольствіи: кажется, однако, по словамъ Николаи*), что всѣ подвозы пмъ встрѣчены исправно, и теперь, съ наложенной контрибуціей на Дебречинъ, можно надѣяться, что ни въ чемъ недостатка не будетъ. Ужасаетъ меня одна холера.

*

Александрія, близъ Петерофа.

6-го (18-го) Юля 1849 г.

Непонятно поведеніе короля Виртембергскаго; говорятъ, что будто онъ къ тому былъ вынужденъ отказомъ войскъ за нимъ слѣдовать. За то король Баварскій началъ хорошо дѣйствовать, равно и Гановерскій. Объявленіе короля Прусскаго хорошо, ежели это принять можно какъ первый шагъ къ разрыву съ Франкфуртомъ и ежели коичить пакостную войну съ Датчанами. Сношенія наши съ Англіей и съ Франціей очень хороши, и съ этой стороны все въ порядкѣ. Отъ Граббе изъ Царьграда еще ничего не получалъ, но знаю, что его приѣздъ тамъ произвелъ полезное впечатлѣніе.

Важная настала минута; но, съ помощью Божіей и съ твоимъ дружескимъ совѣтомъ и содѣйствіемъ не теряю надежды. Подтверди по войскамъ быть крайне осторожными въ обхожденіи съ жителями, войди въ сношеніе съ властями, чтобы запечатывали книжныя лавки и cabinets de lecture до истребленія въ нихъ вредныхъ публикацій и книгъ; приостановить свободу книгопечатанія необходимо во всемъ занятомъ нами краѣ. Мой отъѣздъ попрежнему, и хотя уже войскъ кромѣ резервныхъ не найду въ Брестѣ, ѣду тѣмъ путемъ, чтобы ихъ видѣть. Думаю быть въ Варшавѣ 12-го (24-го). Жена тебѣ кланяется и радуется, что Богомъ тебѣ предоставлено укротить и сей бунтъ. Аминь.

*

Варшава

16-го (28-го) Юли 1849.

Доходятъ слухи, что у насъ завелось потворство на грабежъ и мародерство. правда ли? Прошу тебя настоятельно сдѣлать наистрожайшій примѣръ не только надъ грабителями, но и въ особенности надъ тѣми постыдными начальниками, которыхъ слабость или равнодушіе къ *моей воли*, изложенной ясно въ приказѣ моемъ, при вступленіи въ Венгрію. Подобнаго срама я и знать не хочу въ моей арміи. Отвѣчай мнѣ на это. Иду тоже представленій о наградахъ отличившихся. Желалъ бы имѣть тоже подробное донесеніе объ дѣлахъ при Вайценѣ и въ преслѣдованіи, я объ нихъ знаю только въ общемъ очеркѣ.

*) Это Леонтій Павловичъ, братъ будущаго министра народнаго просвѣщенія.

Затѣи Венгровъ объ Костѣ*) или объ поступленіи подъ нашу державу тѣмъ только важны, что подобіе Поляковъ показываетъ ихъ беземысліе; но и сколь трудно будетъ устроить вновь край, при отсутствіи силы и безъ яснаго понятія, въ какомъ положеніи край. Это стоитъ будетъ трудовъ не менѣ войны.

Король Прусскій прислалъ мнѣ чрезъ Рохау настоятельную просьбу, его примирить съ Австріей; задача не легкая, доколь основанія вражды существуютъ безъ перемѣны. Впрочемъ, Пруссія день ото дня возвращается, опытомъ зла, къ здравому разсудку, но тихо, постепенно. Даже во многихъ мѣстахъ не хотятъ больше ни конституціи, ни выборовъ, а просто желаютъ воротиться къ прежнему порядку, и чудо! Король самъ признался, да поздно, что этотъ оборотъ на прежнее былъ бы самое счастливое дѣло, но у него ни духа, ни головы нѣтъ. чтобъ сумѣть это сдѣлать. Ежели ты найдешь удобнымъ исполнить по моимъ предположеніямъ, то прошу тебя, когда ты опредѣлишь свое возвращеніе, велѣть и Костѣ возвратиться сюда. Нетерпѣливо ждуть буду извѣстій, каковъ ты, уничтоженъ ли Гѣргей и что рѣшилъ далѣе.

*

Варшава.

29-го Июля (10-го Августа) 1849 года.

Вчера былъ здѣсь князь Шварценбергъ, присланный императоромъ. чтобъ объяснить все положеніе ихъ дѣлъ; оно не блестяще. Я ему откровенно все объяснилъ и не скрылъ твоихъ и моихъ мнѣній насчетъ будущаго положенія Венгрии и необходимости сообразить теперь же, чѣмъ они насъ смѣняютъ, и есть ли у нихъ довольно способовъ, чтобъ обезпечить спокойствіе края. Онъ говорить, что они ставятъ 100 тысячъ войска и весь край подъ военнымъ управленіемъ. Очень желаютъ, чтобы мы продолжали занимать Галицію, что я рѣшительно отклонилъ. Мы такъ и условились: по окончаніи войны противъ устроенныхъ армій, наша армія воротится домой; но дабы Галиція могла быть обезпечена, наши войска вдоль границы будутъ въ готовности въ нее войти при первой надобности. Теперь надо желать, чтобъ военныя дѣйствія могли ведены быть какъ возможно быстрѣе и настойчивѣе, чтобъ кончить до дурной погоды и дурныхъ дорогъ. Иначе мы потеряемъ половину арміи отъ болѣзней и распутицы. Да поможетъ въ семъ Господь, а за Его помощію полагаюсь вполне на моего отца-командира. Дай Богъ тебѣ силъ и здоровья!

Отцовское мое сердце радовалось, читая твои лестныя строки для сына. Счастливъ онъ, что могъ заслужить твое доброе мнѣніе, а еще

*) Вспоминалось ли это великому князю Константину Николаевичу въ 1862 году? П. Б.

болѣе, ежели изъ твоихъ рукъ удостоится ордена св. Георгія 4-й степени; не мнѣ его удостоивать: это принадлежитъ тебѣ, и я этимъ горжусь за сына.

Здѣсь все тихо и хорошо, кромѣ холеры, которая въ войскахъ усиливается. Прибыль Французскій посланный, извѣстный генераль Ламорисьеръ; все, что онъ мнѣ говорилъ, прилично. Пруссія съ Австріей близки къ разладу, и я долженъ ихъ мирить: дѣло не легкое, и для чего и молю Бога объ скорѣйшемъ окончаніи, дабы снова армію имѣть подъ руками и тѣмъ имъ сказать: „не дурачьтесь, а не то я васъ!“

Варшава.

*

4-ю (16-ю) Августа 1849 г.

Слава и благодареніе милосердному Богу, слава и благодареніе тебѣ, мой любезный отецъ-командиръ! Ты достигъ вознагражденія за твою твердость, за твое терпѣніе. Что же мнѣ сказать про то чувство, которое мной овладѣло при полученіи твоего радостнаго извѣстія? Я палъ на колѣни и благодарилъ Бога за то, что Онъ любитъ православную Россію, и благодарю тебя, Его орудіе, того, котораго вторично воля Его призвала на поправленіе мятежа, и на сей разъ, къ счастію, безъ дальняго пролитія нашей драгоценной Русской крови.

Да воздастъ тебѣ Господь за всѣ твои великія услуги, я же прижимаю тебя къ сердцу отъ благодарной души.

Въ знакъ моей признательности и благодарности предъ Россіей и той арміей, которую ты вель на новую славу, я приказалъ тебѣ отдавать вездѣ и въ моемъ присутствіи всѣ тѣ почести военныя, которыя уставомъ опредѣлены моему лицу.

Сына моего, Наслѣдника, я посылаю сегодня съ симъ извѣстіемъ въ Вѣну къ императору и прошу помиловать Гѣргея или дозволить мнѣ ему назначить пребываніе въ Россіи.

Ты прекрасно поступилъ во всемъ, и я ничего не имѣю прибавить. Остается рѣшить, что дѣлать съ полками. Начальниковъ, положившихъ у насъ оружіе, вели подъ строгимъ карауломъ доставить сюда. Прочихъ нашихъ подданныхъ отослать подъ конвоемъ въ Замосць, гдѣ будетъ можно ихъ участь рѣшить; Галичанъ и прочій сбродъ надо передать Австрійцамъ.

Полагаю, что, кончивъ съ Гѣреемъ и устроивъ обратное движеніе войскъ, ты воротись скорѣе сюда, чего душевно желаю. Я здѣсь тебя дождусь, и потомъ тебѣ и мнѣ надо будетъ серьезно полечиться.

*

Варшава.

7-го (19-го) Августа 1849 г.

Я совершенно доволенъ всѣми твоими рѣшеніями и распоряженіями, по письму къ Ридигеру, Гѣргея. Иного отвѣта и дать нельзя было; прочее зависитъ отъ Австрійскаго императора. Простить онъ, хорошо; ежели нѣтъ, то я дозволю Гѣргею переселиться въ Россію; но никого, ни его, ни другихъ въ службу не приму, ибо они измѣнили своему государю. а такимъ у насъ въ рядахъ никогда мѣста не будетъ.

Записку твою про будущее положеніе Венгріи нахожу совершенно основательною и по всему согласенъ съ тобой и передалъ сыну для доклада императору. Прочее отъ него одного зависитъ и до меня уже не касается, какъ и за послѣдствія не отвѣчаю ни въ какомъ случаѣ. Гѣргея оставь у себя впредь до рѣшенія его участи. Но прошу настоятельно, чтобъ не было со всей этой сволочью никакихъ у насъ близкихъ сношеній, ибо легко отъ этого сближенія и наша молодежь заразиться можетъ. Они бунтовщики, и намъ подло и низко съ ними сближаться; довольно и того, что ихъ милуемъ.

Изъ всѣхъ трофеевъ, буде есть знамена или штандарты, пришли ихъ сюда, прочее все слѣдуетъ возвратитъ *хозяину*-императору.

Удовлетворить прихоти Венгровъ, сдавать крѣпости однимъ намъ, нахожу противнымъ разсудку и здравой политикѣ. Это не арміи въ полѣ, отъ упорства которыхъ война продлиться могла бы; арміи не существуетъ, крѣпости рано или поздно сдаться должны, и *сдаться своему законному государю*, а никому другому; угроза же ихъ подняться на воздухъ—смѣшна, а была-бъ серьезна, то туда имъ дорога, ибо столыкими же каналами на свѣтъ меньше будетъ, а казнить ихъ своя собственная рука.

Саблю Гѣргея прошу въ арсеналь въ Царское Село, равно и прочихъ начальниковъ.

Въ числѣ плѣнныхъ нашлись ли Поляки и кто такіе? Есть ли тоже наши бѣглецы?

Варшава.

*

11-го (23-го) Августа 1849 г.

Сегодня утромъ прибылъ Саша изъ Вѣны и привезъ мнѣ прилагаемыя здѣсь въ копіи два письма императора и инструкцію, императоромъ данную генералу Гайнау для руководства при разборѣ и участіи плѣнныхъ. Гѣргея императоръ прощаетъ, и я дозволяю тебѣ дать прочесть письмо съ помѣткой моей; вслѣдъ затѣмъ отправь его

съ флигель-адъютантомъ графомъ Шуваловымъ въ Вѣну прямо къ князю Шварценбергу; прочее исполни по желанію императора, взявъ строгія мѣры, чтобъ никакихъ безпорядковъ не произошло. Императоръ намѣренъ всѣхъ простить послѣ суда надъ бывшими офицерами его арміи, развѣ кто оговоренъ въ другихъ уголовныхъ преступленіяхъ. Депутатовъ же и прочихъ гражданскихъ вели равномѣрно арестованными сдать Австрійцамъ.

Этимъ считаю и дѣло конченнымъ. Пора намъ возвращать войска.

Варшава.

*

13-го (25-го) Августа 1849 г.

Съ трудомъ берусь сегодня за перо, мой любезный отецъ-командиръ: не могу еще опомниться отъ новаго постигшаго насъ неожиданнаго несчастія. Я поручилъ Адлербергу тебѣ передать всѣ подробности; сегодня брату не хуже—вотъ куда одно утѣшеніе; рука и языкъ немного свободнѣе, но положеніе его все крайне опасно. О себѣ не говорю; ты догадываешься самъ, что я чувствую и въ какомъ я положеніи!!!

Горе мое такъ глубоко, что насилу нахожу возможность радоваться постояннымъ добрымъ вѣстямъ изъ арміи. Сегодня получилъ донесеніе Лидерса о сдачѣ бывшаго корпуса Бѣма; итакъ, и тамъ намъ было суждено кончить дѣло. Какъ за это не благодарить Бога, боюсь быть неблагодарнымъ, предаваясь горю; но эти чувства, радость и горе, до того во мнѣ борятся, что, право, съ трудомъ мысли собираю!

Гвардію я возвращаю въ Петербургъ, гренадеръ—на Литву, какъ стояли. Прочее зависитъ отъ тебя; жду, какъ рѣшишь, чтобъ резервы направить туда, куда придется.

На сей разъ больше не пишу, силъ нѣтъ.

Александрія.

*

6-го (18-го) Сентября 1849 г.

Вотъ завтра 8 дней, что я сюда воротился и не могу еще совершенно опомниться отъ постигшаго насъ несчастія: ты лучше всѣхъ судить можешь о моей потерѣ и оцѣнить ее въ полной мѣрѣ. Душевымъ мнѣ было утѣшеніемъ узнать сегодня, что потери наши гораздо менѣе, чѣмъ мы того опасались; за это Бога и тебя благодарю, оно мнѣ точно отрадой. Такимъ образомъ нѣтъ нужды подводить резервные баталіоны въ той силѣ, какъ я предполагалъ сперва, и вся пѣхота будетъ въ полномъ комплектѣ и резервы останутся еще сзади довольно спланными и за отправленіемъ укомплектованія.

Напиши Меду, что я нахожу невозможнымъ и неприличнымъ Граббе долѣе оставлять подѣ Коморномъ. Когда полагали, что присутствіе нашего отряда могло побудить къ сдачѣ, я соглашался, во избѣжаніе пролитія крови, подвѣсть Граббе ближе; теперь же, когда явное упорство мятежниковъ угрожаетъ необходимостью приступить или къ полной блокадѣ или къ осадѣ. унизительно-бъ было для Австріи требовать для столь маловажнаго дѣла нашей помощи. Потому я разрѣшилъ тебѣ приказать Граббе воротиться нынѣ же. Ему же прикажи отправить впередъ уланскую бригаду съ ея конной батареей, какъ тѣмъ, которымъ далѣе идти, а съ остальными войсками слѣдовать, какъ удобнѣе; самому оставить отрядъ, когда дойдетъ до Кракова. Турки струсили отъ присылки Радзивила и, кажется, Поляковъ намъ отдадутъ. Про дѣла въ Римѣ я еще ничего не знаю; жаль будетъ, ежели досель благоразумное поведеніе Франціи измѣнится.

*

Царское Село.

11-го (23-го) Сентября 1849 г.

Дай Богъ исполнить какъ слѣдуетъ послѣдній долгъ незабвенному брату и другу, лишь бы стало моихъ силъ; я хотя и здоровъ, но какъ бы чувствую, что весь мой составъ потрясенъ до основанія, и осталась во мнѣ всегдашняя неувѣренность въ мои силы; сегодня въ первый разъ сѣлъ на коня прогуляться и насилу доѣхалъ.

Прежде еще полученія твоего послѣдняго письма, я тебѣ самъ выразилъ мысль, что нѣтъ ни нужды, ни приличія участвовать намъ въ осадѣ Коморна; кромѣ бесполезности я нахожу, что оно было бы унизительно для Австрійцевъ, которыхъ всѣ силы свободны нынѣ для военныхъ дѣйствій. Ежели слухъ объ отвѣтѣ Радецкаго императору справедливъ, то онъ достоинъ почтеннаго героя-старика.

Эрцъ-герцогъ Леопольдъ отзывается насчетъ Гайнау съ самой дурной стороны; онъ былъ у него подѣ командой и говорить, что всѣ его подчиненные его ненавидѣли за грубый и сумасбродный нравъ. Не могу тебѣ выразить, сколь я радуюсь, что умершихъ такъ мало! Честь и слава твоему попеченію, и спасибо лѣкарямъ: свое дѣло хорошо исполнили. Теперь съ прибытіемъ резервовъ. вся армія будетъ въ полномъ комплектѣ.

*

Царское Село.

18-го (30-го) Сентября 1849 г.

Все совершилось! Утромъ отдали мы послѣдній долгъ дорогому брату, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли въ могилу 50-ти лѣтняя дружба, всѣ младенческія и дѣтскія и юношескія воспоминавія, съ нимъ. моимъ

спутникомъ и товарищемъ въ сей жизни! Чтò мнѣ говорить тебѣ про мои чувства; молю Бога, чтобъ сподобилъ и мнѣ покончить какъ онъ, на службѣ; посвятяться ей съ юныхъ лѣтъ, я другой мысли не имѣю, какъ кончить тогда, когда я на нее болѣе неспособенъ буду! До того буду тянуть лямку сколько моихъ силъ и способностей станетъ, не унывая, но уповая на милосердіе Божіе, доколь Ему угодно будетъ, чтобъ я продолжалъ. Но больно изъ 4-хъ остаться одному мнѣ.

Дѣла наши съ Турками приняли очень непріятный оборотъ, благодаря проискамъ каналы Стратфорга-Канинга. Не знаю еще, какъ покончу; чтò рѣшу, тебѣ дамъ знать. Ежели-бъ не было этого, то началъ бы приводить хоть часть арміи въ мирное положеніе; теперь же нельзя, развѣ по резервамъ что-либо уменьшу.

Я очень радъ добрымъ вѣстямъ объ здоровьи арміи и объ хорошемъ состояніи возвращающихся войскъ. Резервы уже тронулись; пошлю повѣрять, какъ слѣдуютъ, своихъ адъютантовъ. Третьяго дня видѣлъ, при вѣздѣ тѣла, резервы гвардіи въ самомъ отличномъ и превосходномъ состояніи, гренадеры слабѣе. Послѣ завтра я намѣренъ сдѣлать имъ общій смотръ.

*

Царское Село.

23-го Сентября (5-го Октября) 1849 г.

По содержанію везомаго письма отъ султана рѣшу, приму ли Фуада-Эфенди или нѣтъ. Мы не можемъ допустить явнаго нарушенія трактатовъ. Глупости, которыя рассказывалъ тебѣ Буль про влияние Венгровъ на нашихъ, не заслуживаютъ никакого вниманія, ибо въ Вѣнѣ про это имъ знать нельзя; ты ближе всѣхъ узнать можешь, и узнаешь, какъ мы съ тобой условились. Ежели и была такая работа, то вѣрно не на солдатъ, а на офицеровъ. Вчера смотрѣлъ весь гарнизонъ; 12 баталіоновъ гвардіи весьма хороши; 12 баталіоновъ гренадеръ сегодня; но все хорошее и надежное войско. Теперь приступлю къ смотру резервныхъ эскадроновъ и рекрутъ. Силы мои чуть-чуть поправились, и головокруженія не было, хотя голова все болитъ, и на конѣ я плохъ.

По дѣламъ все идетъ въ порядкѣ, занимаюсь смѣтами и любопытствую знать, много ли у тебя осталось суммъ къ зачету, за время нашего заграничнаго похода, за которое время содержаніе арміи и госпиталей падаетъ на счетъ Австріи? Полагаю, что долженъ оставаться не одинъ милліонъ.

*

Царское Село.

27-го Сентября (9-го Октября) 1849 г.

Благодарю тебя любезный отецъ-командиръ за два письма и благодарю Бога, что все благополучно идетъ, и войска исправно возвращаются, не смотря на всѣ злостные рассказы иностранныхъ журналовъ. Надѣюсь, что приложено будетъ все должное стараніе всѣми частными начальниками исправить все, что должно было разстроиться походомъ. и жду донесенія объ инспекторскихъ смотрахъ, которые надѣюсь, честно исполнены будутъ. Резервы уже тронулись, но назначенные въ 3-й корпусъ придутъ поздно за дальностію похода. Хорошо бы отправлять, что можно, по желѣзной дорогѣ, дабы хоть нѣсколько ускорить ихъ прибытіе, равно и возвращеніе кадровъ резервныхъ баталіоновъ.

Вотъ безымянное письмо, которое сегодня получилъ Орловъ; содержаніе его довольно важно; передаю его тебѣ, чтобъ узнать твое мнѣніе. Письмо это основательное, и въ такомъ случаѣ какъ тому помочь? Конецъ подъ Коморномъ не дѣлаетъ чести разсудительности Австрійцевъ. Надѣюсь, что Граббе для пустой церемоніи не оставилъ покуда своего отряда. Конецъ Бѣма достоинъ этого канала. Фуадъ-Эфенди прибылъ, я его еще не видалъ; говорятъ, онъ очень тихъ и скромнень. Кажется, дѣла Австріи и Пруссіи приняли лучшей оборотъ, и обойдется на сей разъ безъ ссоры; потому я намѣренъ кое-что привести въ мирное положеніе, дабы нѣсколько уменьшить издержки, крайне обременительныя; какъ же исполнить, еще обдумываю. Вчера смотрѣлъ болѣе пяти тысячъ войска рекрутъ для гренадеръ, прекрасныхъ и весьма хорошо подготовленныхъ. Сегодня резервные дивизионы кавалергардовъ и конной гвардіи; я былъ очень доволенъ.

Здѣсь все тихо и спокойно; на дняхъ начнется судъ надъ канальями открытаго весной заговора.

*

Царское Село

5-го (17-го) Октября 1849 г.

Три дня тому, какъ получилъ твое письмо отъ 29-го Сентября (11-го Октября), любезный отецъ-командиръ, за которое душевно благодарю. Всѣги объ благополучномъ возвращеніи войскъ меня крайне радуютъ; надѣюсь, что подробный осмотръ ихъ состоянія совершенно успокоитъ насъ насчетъ ихъ положенія. Думаю, что и отрядъ Граббе воротится не менѣе въ хорошемъ положеніи.

Поведеніе Австрійскаго правительства непонятно: въ то время какъ они разстрѣливаютъ и вѣшаютъ добровольно намъ сдавшихся въ

Арадъ, въ Коморнѣ упорнымъ бунтовщикамъ даруютъ не только пощаду, но и выгодныя условія и даже свободный выѣздъ за границу!

Что значить такое противорѣчіе?

Вчера видѣлъ я Фуадъ-Эфенди съ повинной головой. Онъ тихъ, смиренъ, винить свое правительство и вызвался просить его согласиться на мое требованіе. Оно въ томъ, чтобъ ежели выдать не хотѣли намъ, такъ чтобъ выгнали отъ себя всѣхъ Поляковъ, съ какими паспортами они бы ни проживали. Бѣма магометанство его не радуеть, и всѣхъ ихъ онъ признаеть крайне опасными для нихъ самихъ.

Гатчина.

*

12-го (24-го) Октября 1849 г.

Свинства Англичанъ и Французовъ болѣе и болѣе объясняются, но они меня нимало не пугаютъ; напротивъ, я считаю счастливымъ для себя событіемъ, что они личину сбросили, и вся безстыдная злость ихъ на наше величіе обнаружилась. Теперь болѣе, чѣмъ когда, мы видимъ, что мы стоимъ одни, какъ скала посреди моря; ихъ злоба объ насъ разобьется, и наше презрѣніе отплатитъ за ихъ наглость. Все зависитъ нынѣ отъ того, изгонять ли Турки Поляковъ, или нѣтъ, ибо они сами на это вызвались; ежели будетъ такъ, то и дѣлу конецъ, но буде не исполнять, можетъ быть худо. Для того я всѣ свои мѣры готовлю къ Апрѣлю и сроки отпусковъ опредѣлилъ по этому. Резервные баталіоны всѣ въ пути, резервнымъ же баталіонамъ 2-го и 3-го корпусовъ, по сдачѣ ими рекрутъ и по обмѣну людьми, нельзя будетъ воротиться ранѣе Апрѣля. Да оно и хорошо, на случай похода будетъ покуда чѣмъ занять крѣпость и самую Варшаву. Возвращать же зимой было-бъ перемучить людей понапрасну. Жду нетерпѣливо донесеній объ состояніи воротившихся войскъ; адъютанты мои поѣхали.

Въ Воскресеніе жду сюда Преображенскій полкъ и намѣренъ его здѣсь встрѣтить.

Царское Село.

*

22-го Октября (3-го Ноября) 1849 г.

Вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе насчетъ поведенія Австрійскаго правительства; его фальшивость болѣе и болѣе обнаруживается. Мой языкъ съ ними зато принялъ гораздо положительнѣйшее выраженіе, и я называю всѣ ихъ дѣйствія заслуженнымъ именемъ. Со вниманіемъ прочелъ я твое возраженіе на отвѣтъ Берга Адлербергу; во многомъ съ тобой согласенъ, но не во всемъ, ибо не вѣрю злomu умыслу Берга, а еще менѣе, чтобъ онъ имѣлъ тайное дерзкое намѣреніе—поричать: онъ глупо писалъ, глупо думалъ и глупо дѣйствовалъ, за что

я ему и пропѣлъ все заслуженное; другого же во всемъ этомъ не вижу, и недостойно-бъ было и подозрѣвать. Думаю, что наше Турецкое несогласіе кончится миролюбно. Всѣ Англійскія интриги не думаю, чтобъ ко другому привели, какъ къ смѣшной напрасной прогулкѣ флота ихъ 16 кораблей и за нимъ 7 Французскихъ; столь смѣшная угроза обращается къ ихъ собственному стыду.

Дѣла въ Германіи ничуть не идутъ къ лучшему; кромѣ сближенія Австріи съ Пруссіей, все прочее въ совершенномъ смѣшеніи, и дерзость революціонной партіи все таже. Во Франціи, какъ пишетъ Киселевъ, все близко къ новому потрясенію. Ждутъ попытки президента объявить себя императоромъ, и, какъ будто изъ-подъ руки, Англійское правительство тому покровительствуетъ, съ злымъ намѣреніемъ продлить смуты, которыя имъ менѣе страшны, чѣмъ сильная и спокойная Франція. Адская политика!

Царское Село.

*

5-го (17-го) Ноября 1849 г.

Какія бы ни были тайныя причины, побудившія Австрійцевъ сдѣлать намъ предложеніе ликвидаціи, предложеніе это столь выгодно, что я, конечно, на него согласенъ. Желая однако избѣгнуть всякихъ расчетовъ, или доплаты, или отдачи послѣ уплаты, и потому хотѣлось бы мнѣ опредѣлить круглую достаточную сумму, напр., включая и Лидерса корпусъ, 4,500,000 серебромъ. Лишняго не будетъ, но и не придется намъ требовать доплаты, что было-бъ неудобно. На этомъ основаніи можемъ заключить дѣло. — Французская и Англійская эскадры получили приказаніе воротиться. Стоило имъ ходить! Не глупо ли? Съ Турками главное дѣло кончено, но буду отъ нихъ требовать отчета, зачѣмъ пустили Англичанъ въ устье Дарданелль; пропускать это не могу. Перемяна министерства во Франціи покуда еще мирно обошлась, и какъ кажется оттого, что всѣ партіи боятся одной красной и от сей боязни не смѣютъ возбудить распри, дабы не подать случай красной партіи торжествовать. Ламорисьеромъ здѣсь я очень доволенъ: онъ ведетъ себя прилично и умно.

Германскія дѣла ничуть не идутъ къ лучшему: ежели Пруссаки не откажутся отъ несчастнаго намѣренія созвать парламентъ въ Эрфуртъ, быть бѣдѣ, и возобновятся всѣ прежнія сумасбродства, хотя ничѣмъ кончиться новымъ не можетъ, какъ ихъ разгономъ; ибо оно всемъ надоѣло, хорошимъ по безпутству, дурнымъ потому, что имъ этого мало, а хотятъ рѣзни: впрочемъ, кажется, что число здравомыслящихъ прибавляется. Гвардія болѣе половины уже воротилась, и все нашель въ отличномъ видѣ.

Царское Село.

7-го (19-го) Ноября 1849 г.

Посылаю тебѣ съ этимъ письмомъ свиты моей ген.-м. Ефимовича по довольно непріятному дѣлу, которое вѣроятно тебѣ уже извѣстно. Вчера Австрійскій посланникъ получилъ отъ Шварценберга копію съ письма къ нему графа Зичи, въ которомъ графъ Зичи ему доноситъ, что въ Венгріи подъ разными предлогами осталось много нашихъ офицеровъ, которые, оставаясь праздными, себя весьма дурно ведутъ, въ сношеніяхъ съ людьми наиболѣе извѣстными своимъ дурнымъ образомъ мыслей и сами отзываются весьма дурно объ Австрійскомъ правительствѣ, и то и дѣло, что ссорятся съ Австрійскими офицерами. Зичи проситъ немедленной ихъ высылки изъ Венгріи и говорить, что тебѣ объ этомъ доносить. Хотя и желаю думать, что все это преувеличено, что все дѣло кончится нѣсколькими шалунами, но все-таки нельзя не дать вѣры человѣку, какъ Зичи, и оно мнѣ до крайности непріятно.

Требую немедленной присылки изъ каждаго полка, отдѣльнаго баталіона и артиллерійской бригады поименныхъ списковъ всѣхъ оставшихся за границей офицеровъ, съ означеніемъ причины ихъ отсутствія; таковыхъ же списковъ требую отъ корпусныхъ, дивизіонныхъ и бригадныхъ штабовъ обо всѣхъ оставшихся офицерахъ всякаго званія и чиновникахъ, объ чемъ немедленно объяви приказомъ по арміи. съ присылкою ко мнѣ немедленно отъ каждой части и въ собственныя руки.

Ген.-м. Ефимовича посылаю въ Галицію и Венгрію повѣрить вѣрность сего доноса и изслѣдованія истины, и буде гдѣ кого найдетъ празднымъ, арестовать и выслать въ Варшаву, гдѣ ихъ предать арестованными суду. Двоихъ таковыхъ я самъ досталъ изъ Тарнова; не знаю, чѣмъ ихъ судъ кончится. Шутить этимъ не намѣренъ и требую твоего бдительнаго и строгаго содѣйствія. Легко быть можетъ, что чрезъ этихъ молодцовъ къ намъ заносится зараза, и стыдно-бъ намъ не умѣть этого предупредить.

С.-Петербургъ.

7-го (19-го) Декабря 1849 г.

Германскія дѣла хуже, чѣмъ когда и, по словамъ Мейндорфа, нѣтъ сомнѣнія, что готовится новая демократическая попытка. Всего болѣе опасаясь я явнаго разрыва Австріи съ Пруссіей, ибо одно это можетъ насъ скорѣе всего завлечь въ войну. Припомни, что я тебѣ говорилъ; наша роль будетъ тогда сказать имъ: „эй, ребята, не дураться, а не то, я васъ!“ Но, чтобъ такъ говорить, на что я рѣшился. мнѣ надобно, чтобъ къ 1-му (13-му) Апрѣля армія была вся готова и комплектна. Недостатокъ людей пополнить можемъ, равно и лошадей.

Но нужно, чтобъ и вся матеріальная часть была въ совершенной и блестящей исправности.

Вчера прибавилъ я порціи на всю армію; надѣюсь, что поможетъ войско держать сытымъ. Съ крайнимъ неудовольствіемъ узналъ я про безпорядки по сей части, бывшіе въ одномъ резервномъ баталіонѣ. Жду донесенія по слѣдствію и строго взыщу съ виновнаго въ злоупотребленіи и съ виновныхъ въ допущеніи подобнаго.

Сегодня узнали мы, что дочь твоя невѣста; жена и я отъ души тебя съ симъ поздравляемъ. Князя Лобанова *) очень хвалятъ.

*

С.-Петербургъ.

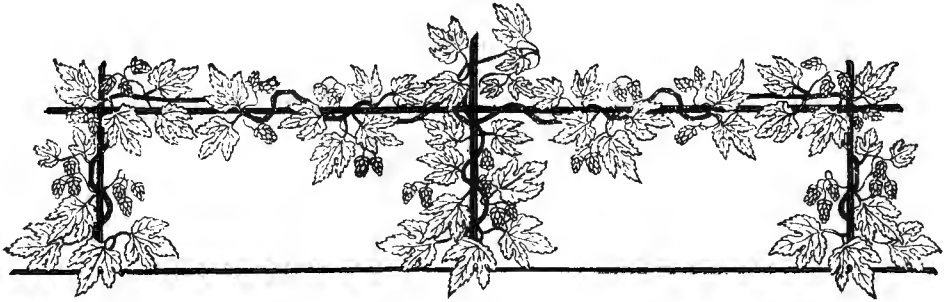
25-го Декабря 1849 г. (6 Января 1850 г.)

Раздѣляю твое мнѣніе, что недостатокъ въ деньгахъ можетъ быть препятствіемъ Австріи и Пруссіи перессориться; но ежели не эта причина, то, полагаю, все это направленіе ихъ столь противно въ началахъ, что не могутъ никогда искренно сблизиться. Прусское стремленіе къ владычеству въ Германіи—способами революціонныхъ правилъ. Австрія же, сколько понять можно, покоряется только по необходимости послѣдствіямъ своей революціи, но все дѣлаетъ, чтобъ избѣгнуть всѣхъ ея послѣдствій, и вліянія своего на Германію, вѣрно, охотно не уступить Пруссіи. А чтобъ вдвоемъ единогласно могли вести дѣла, это, кажется мнѣ, еще несбыточнѣе и, вѣроятно, все это окажется во время или послѣ сейма въ Эрфуртѣ. Минута критическая настала для короля Прусскаго признать свой промахъ: гадкую имъ дарованную конституцію, и тѣмъ погребсти навѣки монархію; ждемъ, что будетъ, но хорошаго не предвижу.

Скажи мнѣ, довольны ли солдаты прибавкой имъ порціи, и какія мѣры ты взялъ, чтобъ прибавка эта была имъ въ пользу, ибо при стоянкѣ по деревнямъ не могутъ они симъ пользоваться, и тутъ могутъ быть плутни. Думаю, что вездѣ, гдѣ люди не могутъ жить артелями, а кормятся артелями, надо, чтобъ порціи класть деньгами въ съѣстную сумму каждой роты, а не въ артельную для того, чтобъ во время сборовъ могли тѣмъ лучше кормиться.

Третьяго дня казнены наши преступники, изъ 22-хъ 4 только оказали раскаяніе. Петрашевскій же шутилъ! Злоба на нихъ большая. Сегодня былъ обыкновенный парадъ въ залахъ, для меня крайне грустный, ибо изъ 4-хъ я остался одинъ!!!

*) Князя Михаила Борисовича Лобанова-Ростовскаго, человѣка съ большимъ образованіемъ. П. В.

Изъ старыхъ записей издателя „Русскаго Архива“.

о К ю х е л ь б е к е р ь.

(Записано со словъ П. А. Плетнева. 1852, Мая 8.)

Вильгельмъ Карловичъ по окончаніи курса въ Лицеѣ¹⁾, гдѣ былъ товарищемъ Пушкина (Пушкинъ называлъ его Кюхлюе), опредѣлился учителемъ словесности въ Университетскій Пансіонъ²⁾ при Петербургскомъ университетѣ. Онъ былъ бѣденъ, цылокъ, взбалмошенъ. По дружбѣ съ Пушкинымъ онъ вошелъ въ кругъ Тургенева, Жуковскаго и другихъ. Черезъ посредство этихъ людей онъ получилъ новое, лучшее мѣсто: секретаря при Александрѣ Львовичѣ Нарышкинѣ, съ которымъ и отправился въ Парижъ. Надо сказать, что еще въ Петербургѣ оказывалась его неугомонная природа. Онъ принадлежалъ къ обществу *Избраннаго Михаила*(?). (См. также посланіе Пушкина къ Мечтателю). Въ Парижѣ онъ вздумалъ читать публично лекціи Русской литературы, заносился Богъ вѣсть куда, либеральничалъ до-нельзя. Нарышкинъ вынужденъ былъ замѣтить ему неприличіе такого поведенія и предлагалъ ему оставить должность его секретаря, если онъ намѣренъ продолжать свои лекціи. Кюхельбекеръ потерялъ мѣсто, и кое-какъ, чуть не пѣшкомъ дотащился до Петербурга. Здѣсь, хоть и бранили его, но по прежнему расположенію принимали участіе въ судьбѣ его. Ему доставлено было мѣсто на Кавказѣ у Ермолова, гдѣ онъ сошелся съ Грибоѣдовымъ и сходилъ съ ума отъ его комедіи. Но и тамъ онъ не долго прожилъ. За билльярдами сказалъ какую-то дерзость племяннику Ермолова *Похвисневу*, послѣ чего, разумѣется, съ нимъ перемѣнили ласковое обращеніе, уволили, а онъ написалъ грозное стихотвореніе (не напечатанное), которое начиналось стихами:

Проклятіе тому, кто оскорбилъ поэта,
Главу, любезную богамъ.

¹⁾ Мать Кюхельбекера находилась подъ покровительствомъ императрицы Маріи Оеодоровны.

²⁾ Здѣсь лекціи его слушалъ С. А. Соболевскій.

Въ проѣздѣ съ Кавказа въ Петербургъ, онъ издавалъ въ Москвѣ съ княземъ Одоевскимъ въ 1824 г. „Мнемозину“. Онъ вовлеченъ былъ въ дѣло 14 Декабря братомъ своимъ Михаиломъ, офицеромъ гвардейскаго экипажа: оба они принимали личное участіе въ бунтѣ. Изъ записокъ Пушкина (кот. я читалъ у Анненкова) видно, что онъ былъ схваченъ уже внѣ Петербурга. Пушкинъ трогательно описываетъ печальную встрѣчу съ нимъ на одной станціи по дорогѣ въ Псковъ, какъ жандармы не дозволили имъ разговориться. Говорятъ, что Кюхельбекеръ бѣжалъ въ Польшу, гдѣ былъ пойманъ. Въ Сибири онъ женился и прижилъ сына Михаила, который подъ именемъ *Васильева* воспитывался въ одной изъ Петербургскихъ гимназій. Напечатана была уже по изгнаніи какаля-то драматическая піеса его, разумѣется, подъ чужимъ именемъ.—Плетневъ помнитъ, какъ на вечерахъ у него Кюхельбекеръ все хотѣлъ читать „Горе отъ Ума“, а Дельвигъ не соглашался, говоря, что они собрались къ Плетневу вовсе не для того, чтобы читаться, а чтобы разговаривать.

О немъ же.

(Отъ Соболевскаго, Ман 9, 1852.)

Кюхельбекеръ далъ плюху племяннику Ермолова *П. . . . ву*. По усмиреніи бунта ему удалось бѣжать. Онъ дошелъ до Варшавы; дальше не могъ идти за неимѣніемъ денегъ. Между тѣмъ разосланы были повсюду его примѣты и приказано ловить его. Въ Варшавѣ онъ справлялся о мѣстѣ жительства одного изъ своихъ знакомыхъ и былъ узнанъ однимъ полицейскимъ чиновникомъ, который и схватилъ его. Сначала онъ сидѣлъ долго въ Шлюссельбургской крѣпости, и оттуда уже перевезенъ въ Сибирь. Въ 1835 году напечатана присланная имъ оттуда піеса: „Ижорскій. Мистерія“ съ предисловіемъ, въ стихахъ. Она процензурована Семеновымъ, 10 Іюня 1833 года. Разумѣется его имени не обозначено. Кто занимался изданіемъ оной, неизвѣстно. У Соболевскаго есть нѣсколько его писемъ (1822 года или около): видно, что Соболевскій хотѣлъ ему доставить мѣсто учителя у А. Н. Соймонова. Кюхельбекеръ пишетъ между прочимъ, что у него много долговъ, которые тѣмъ для него тягостны, что его кредиторы—друзья его, надѣется уплатить ихъ, получивъ это мѣсто. Но дѣло не сошлось.

Передъ тѣмъ какъ Плетневъ познакомился съ Пушкинымъ, Кюхельбекеръ печаталъ съ кѣмъ-то журналъ, котораго вышло только 2 номера. Тамъ было напечатано чье-то стихотвореніе, называвшееся, кажется

„Деревня“. Нѣсколько стиховъ оттуда очень понравились Пушкину, и онъ повторялъ ихъ часто, прибавляя въ шутку, что если бы онъ и авторъ этихъ стиховъ жили въ Итали, то они такъ бы не раздѣлялись: Пушкинъ бы вонзилъ ему кинжалъ въ бокъ, а стихи присвоилъ себѣ.

Матюшкинъ рассказывалъ, что Пушкинъ дрался съ Кюхельбекеромъ за какое-то вздорное слово, но выстрѣлилъ на воздухъ они тотчасъ же помирились и продолжали дружбу.

Московскій архіепископъ Августинъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ нѣкою Марею Кроткою, которая чуть не жила у него на подворьѣ, что давало поводъ Московскимъ скалозубамъ къ разнымъ нелѣпымъ рассказамъ. Жизнеописателю Августина И. М. Снѣгиреву захотѣлось сохранить эту біографическую черту и въ своей книжкѣ объ Августинѣ онъ напечаталъ, что владыка послѣдніе годы любилъ жизнь тихую и *кроткую*. Въ концѣ книжки въ опечаткахъ стояло: на такой-то страницѣ вмѣсто кроткую слѣдуетъ Кроткую.

*

И. М. Снѣгиревъ, издавна служа въ Цензурномъ Комитетѣ, поднялся благодаря замолвленному за него слову Императрицы Маріи Ѳеодоровны 1-й. Живучи въ 1826 году въ Москвѣ, Государыня устраивала какое-то новое женское учебное заведеніе, и въ уставѣ онаго, поданномъ въ Цензурный Комитетъ для напечатанія, было написано: Въ такіе-то часы воспитанницы чинять свои дыры. Снѣгиревъ не допустилъ этого выраженія и предложилъ замѣнить его другимъ, за что и поблагодарила его Императрица.

*

Въ примѣръ полногласія Русскаго языка А. С. Хомяковъ приводилъ поговорку про человѣка легкомысленнаго:

Непокрытая вода,
Тараканъ палакалъ,
Муравей пализалъ,
Муха падала.

Или: Чаша моря Салавецка
Пить за здравье молодецка.

*

Графъ Д. Н. Блудовъ сказывалъ, что Екатерина Великая сказала однажды: „Только дозволить, чтобы смѣту называли бюджетомъ—вдвое „украдутъ“.

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА.

Повѣсть о Гардарикѣ, князѣ Цимбрскомъ¹⁾.

Подъ такимъ заглавіемъ хранится въ Московскомъ Историческомъ Музеѣ (въ собраніи князя Барятинскаго, за № 195) рукопись первой четверти XIX в. (бумага голубая, со знаками Ярославской фабрики, съ указаніемъ года 1809), на 64 л., въ листъ, писанная очень тщательно²⁾.

Подъ вымышленнымъ именемъ Гардарика повѣсть изображаетъ князя Г. А. Потемкина. Ключъ къ такому пониманію дается самой рукописью. Такъ къ слову „Гардарикъ“ дѣлается слѣдующее примѣчаніе: „Гардарикъ до пришествія Рюрика былъ царь Смоленскій и Псковскій, потому и вся та страна въ Скандоготскихъ древностяхъ размѣется подъ названіемъ Гардариціи; слово сіе есть готское *Gardz*, значить ограду, а *Rikke* царство, то есть ограда царства“. Къ словамъ „князь Цимбрскій“ слѣдующее: „Циммерія или Цимбръ есть слово Готское, значущее сумерки или потіомки. Сямъ именемъ древле назывался Крымъ“ (л. 5 на оборотѣ).

Всѣ дѣйствующія лица повѣсти названы также вымышленными именами. Въ концѣ рукописи (на л. 63 об.—64 об.) приложенъ „ключъ или изъясненіе нѣкоторыхъ древнихъ и превращенныхъ собственныхъ

¹⁾ Докладъ, прочитанный въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 24 Марта 1908 г.

²⁾ Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій съ ранней молодости и до кончины любилъ заниматься исторіею, преимущественно Русскою. Въѣтъ со своимъ пріятельствомъ сверстникомъ графомъ Юсифомъ Михайловичемъ Вельгорскимъ собиралъ онъ книги и рукописи относящіяся къ познанію Россіи, и въ 1879 году почти наканунѣ своей кончины, когда къ нему пріѣхалъ въ Женеву братъ его князь Викторъ, онъ просилъ его занести въ опись новопріобрѣтенныя книги и купить полки для ихъ размѣщенія. (Слышано отъ В. А. Кузнецова). Графъ Д. А. Милютинъ, служа при немъ на Кавказѣ, называлъ его новымъ княземъ Потемкинымъ. Поэтому не мудрено, что въ его рукописяхъ нашлась повѣсть о „Гардарикѣ“. П. Б.

именъ, содержащихся въ повѣсти о Гардарикѣ“, составленный, повидимому, не авторомъ ея, а переписчикомъ для удобства читателей. На это предположеніе наводитъ то обстоятельство, что многихъ именъ мы совершенно не находимъ въ ключѣ; такъ не разъяснены имена полководцевъ Полжонось, Порсамонъ, Гудонъ, Ниссей, городовъ Суджона, Гересиндъ, Гуржебонъ, рѣки Юрлюка и много др. При словѣ „Ликаонъ“ читаемъ: „естъ слово вымышленное, подъ нимъ здѣсь разумѣется“... Повидимому, составитель ключа самъ былъ не вполне освѣдомленъ относительно употребляющихся въ повѣсти псевдонимовъ и не всегда умѣлъ ихъ открыть. Большинство же „превращенныхъ именъ“ раскрывается безъ особаго затрудненія *).

Указаніе на существованіе „Повѣсти о Гардарикѣ“ въ рукописи находимъ въ прибавленіи къ переводу „Жизнь князя Потемкина-Таврическаго“, написанной Гельбигомъ, который изданъ въ Москвѣ въ 1812 г. Среди анекдотовъ изъ жизни князя читаемъ такой заголовокъ: „Мысль объ иносказательномъ изображеніи дѣяній Потемкина. Изъ рукописи подъ заглавіемъ Гардарикъ, князь Цимбрскій, Гардарикъ естъ Потемкинъ“. Далѣе слѣдуетъ текстъ, который мы, дѣйствительно, находимъ на л. 3-мъ разбираемой рукописи. Слѣдовательно „Повѣсть о Гардарикѣ“ была извѣстна въ 1812 г.; нѣкоторыя же указанія автора позволяютъ предположить, что она написана не въ XIX в., а въ концѣ XVIII в. Такъ на л. 3-мъ об. читаемъ: „сія картина изображаетъ, что теперь существеннѣйшая польза дѣль Гардариковыхъ еще закрыта и что потомство, познавъ всю цѣну оной, откроетъ всю важность подвиговъ, имъ подъятыхъ“ и такъ далѣе.

Л. 6-й. „Жизнь Гардарикова, такъ какъ и cadaго смертнаго, состоитъ изъ добродѣтелей и пороковъ, подобно какъ и всякая картина изъ свѣта и тѣни; потому *современный* писатель и не можетъ начертать образъ его сходными красками, ибо тутъ многое принадлежитъ къ историческимъ тайностямъ, слѣдственно и къ *другому столѣтію*“.

Собраніе анекдотовъ и писемъ о генер.-фельдм. кн. Потемк.-Таврич., служащее дополненіемъ къ его жизни. М. 1812 г. стр. 73—74; въ рукописи. „Проектъ эмблематической картины, къ исторіи Гарда-

*) Такъ подъ именами Соврана, Паннона, Рубина, Вартеборуга, подразумѣваются Суворовъ, гр. Папаниъ, кн. Репнинъ, принцъ Виртембергскій и т. д.; Румянцеву присвоено имя Германника. Петербургъ авторъ называетъ Гиперборейгомъ, Москву—Острогардомъ, Россію—Рисландіей, со слѣдующимъ поясненіемъ: „Рисландія происходитъ отъ Готскаго *ризе*—исполннъ и *ландъ*—земля, то есть земля исполнновъ; въ древнія времена такъ называлась Россія“.

рика изготовленный. На сей картинѣ видны слѣдующіе предметы: 1-е, время въ видѣ старика одною рукою совлекаетъ покрывало съ портрета Гардарикова, а другою указываетъ на карту, представляющую города и земли, имъ завоеванные; наступленіемъ же ногою на щитъ его показываетъ, что оно полагаетъ предѣлъ человѣческимъ предпріятіямъ. 2-е, въ дали виднѣнъ храмъ безсмертія, на который Богиня Правосудія рукою указываетъ и тѣмъ даетъ знать, что она тамъ назначаетъ ему мѣсто. 3-е, въ то самое время два генія поднимаютъ сей портретъ и поспѣшаютъ его тамъ поставить. 4-е, парящая надъ нимъ Молва съ трубою повѣдаетъ вселенной славу его. 5-е, на землѣ лежатъ разные доспѣхи Гардариковы и 6-е, внизу видна Латинская надпись такого содержанія:

Post genitis hic carus erit,
Nunc carus amicis,

т. е. сей въ потомствѣ любимъ будетъ, а нынѣ любятъ его токмо друзья“.

Л. 7-й. „А ты, великій Государь, слава и честь Рисландіи, страхъ враговъ ея и удивленіе всего свѣта; ты творецъ сего великаго сподвижника! Удостой повѣсть о немъ монаршаго вниманія: писатель, изображая подвиги его, главнымъ имѣлъ предметомъ оправдать предъ современниками *мудрый выборъ твой*.“

Л. 63-й. „*Наступитъ столѣтіе*, которое Гардарикъ хотѣлъ сдѣлать своимъ столѣтіемъ; тогда многія обстоятельства совсѣмъ въ другомъ видѣ представляются, нежели какъ ихъ *теперь* изображаютъ“.

Тамъ же: „Праха его... *за два льта предъ симъ*¹⁾ изъ Дачіи принесенъ во градъ Бористенополь, имъ построенный. Монархъ, чтя великія его заслуги, повелѣлъ во храмъ, гдѣ онъ положенъ, воздвигнуть памятникъ съ его изображеніемъ“.

Обращеніе къ государю, подъ которымъ подразумѣвается Екатерина II, даетъ возможность предположить, что повѣсть написана еще при ея жизни; а послѣднею выдержкою даже приблизительно опредѣляется время: Потемкинъ умеръ 5-го Октября 1791 г.²⁾, въ томъ же году праха его перевезенъ изъ Яссы въ Херсонъ, гдѣ 23 Октября положенъ въ церкви Св. Екатерины³⁾; авторъ повѣсти указываетъ, что это произошло *за два юда* предъ симъ, значитъ, повѣсть его относится прибли-

¹⁾ Курсивъ во всѣхъ приведенныхъ изъ рукописи мѣстахъ—нашъ.

²⁾ Дневникъ А. В. Храповицкаго, стр. 377: записъ отъ 12 Окт. 1791 г. СПб. 1874 г.

³⁾ А. Н. Самойловъ. Жизнь и дѣянія кн. Г. А. П.-Т. Р. Арх. 1867 г. стр. 1559—1560. М. Шугуровъ. Гробница кн. Потемкина. Р. Арх. 1867 г., стр. 204.

зительно къ 1793—94 г. На это же указываетъ и второе обстоятельство относительно памятника, который предполагается еще не поставленнымъ: извѣстно, что Императрица повелѣла воздвигнуть памятникъ Потемкину черезъ два года послѣ его смерти¹⁾.

Цѣль автора повѣсти—оправдать Потемкина отъ несправедливыхъ. по его мнѣнію, осужденій враговъ; авторомъ руководятъ благодарность гражданина и желаніе повѣдать потомству истину. „Часто описываютъ дѣянія великихъ людей изъ награжденія или изъ ласкательства, въ которомъ скрывается гнусный порокъ раболѣпства; но почитатель дѣлъ Гардариковыхъ, внимая токмо чувствію сердца своего, предпріемлетъ краткими чертами изобразить его подвиги, нѣкоторыя отличительныя свойства сего безсмертнаго мужа, такъ какъ и живые о немъ людей несмысленныхъ толки будутъ предметомъ сея повѣсти“ (л. 6-й)²⁾.

„Я пишу не для современниковъ“, продолжаетъ авторъ, „а для потомства; потомство и собесѣдникомъ моимъ будетъ. Потомству хочу я представить примѣры ревнительныхъ подвиговъ великаго Гардарика. Но чтѣ я предпріемлю? Въ какой опасной путь пускаюсь! Я пишу при его современникахъ; всюду слышенъ ропотъ на дѣла его, воспаляются страсти, гордыня оскорбляется, своекорыстіе противоборствуетъ. зависть пробуждается, клевета поспѣшно притекаетъ, невѣжество ополчается, буря злохуленій мнѣ угрожаетъ, цѣлое полчище злоязычниковъ изопряетъ противъ меня язвительныя стрѣлы глумленія. Уже мнѣ слышатся укоренія таковы: какъ онъ оскверняетъ гласъ свой подлою лестію и хвалами вельможи, недостойнаго своего званія! Какъ дерзаетъ прославлять любочестіе, пресмыкавшееся для того, чтобы паче возвыситься. Но низкій страхъ нимало не останавливаетъ теченія чувствій моихъ, ибо я уже осудилъ себя на презрѣніе бueвъ; я вооружаюсь броней правды противъ всѣхъ ихъ заблужденій, я предпріемлю возстать противъ постыдныхъ оныхъ предразсудковъ, кои, унижая душу, разумъ въ оковы заключаютъ и на цѣлыя вѣки наслѣдственнымъ порабощаютъ

¹⁾ „Екатерина оплакала кончину Потемкина, повелѣла въ день мирнаго торжества съ Портою Оттоманской (1793 г.) въ память его заготовить грамоту, хранить въ соборной церкви града Херсона, гдѣ соорудитъ мраморный памятникъ Таврическому“. Бантышъ-Каменскій. Біографіи Россійскихъ генералиссимусовъ. СПб. 1840 т. II, стр. 84.

²⁾ Подобнымъ же образомъ относится къ своей задачѣ гр. А. Н. Самойловъ, авторъ извѣстнаго панегирика Потемкину: „Привязанность къ нему и благодарность, хотя бы и наклоняли меня пропустить въ немъ слабости человѣческія, но въ преклонныхъ моихъ лѣтахъ непрослительно мнѣ быть раболѣпнымъ и льстецомъ. Издаю сіе для потомства и для тѣхъ современниковъ моихъ, которые будутъ умѣть различать истину отъ вымысла“... Р. Арх., 1867 г., стр. 586.

его заблужденіямъ. Я пойду неробкими стопами, пробьюсь свозь всю толпу невѣждъ и достигну до самаго гроба Гардарикова; тамъ отважною рукою разсыплю нѣсколько цвѣтовъ надъ прахомъ его, предамъ потомству нѣкоторыя знаменитыя дѣла его, посвящу жизнь его истинѣ. Истину повѣмъ о немъ и тѣмъ исполню священный долгъ, коего отъ гражданина требуетъ благодарность“ (л. 6 об.—л. 7).

Изъ этого введенія можно предвидѣть тонъ повѣсти, которая и является панегирикомъ Потемкину. По словамъ автора „человѣкъ здраваго разсудка, разсматривая самымъ критическимъ окомъ пороки Гардариковы, увидить ихъ предъ блескомъ добродѣтелей аки звѣзды предъ свѣтомъ померцающими“ (л. 6-й). На протяженіи всей повѣсти Потемкинъ сравнивается съ героями древности: Алкивиадомъ (л. 7 об., л. 8, л. 15), Перикломъ, Аяксомъ (л. 10), Мильтіадомъ (л. 8 об.),Themistocleomъ (л. 17) и т. д.

„Предки Гардарика великаго“, начинаетъ авторъ свое повѣствованіе „были самодревнѣйшіе дворяне Сарматскіе“, при чемъ нѣкто изъ ихъ рода „имянемъ Гансъ“, выѣхалъ въ Рискандію „за три вѣка предъ симъ“.

Какъ видимъ, авторъ придерживается мнѣнія о Польскомъ происхожденіи Потемкина, подобно многимъ его біографамъ¹⁾, но указаніе на нѣкоего Ганса совершенно произвольно, ибо точныхъ свѣдѣній о времени появленія въ Россіи Потемкиныхъ нѣтъ; есть извѣстія лишь начиная съ 1581 г., т. е. за два вѣка до нашей повѣсти о нѣкоемъ Теодорѣ Потемкинѣ, который на Русско-Литовской границѣ встрѣтилъ іезуита Поссевина²⁾, ѣхавшаго въ Россію.

Многіе изъ потомковъ этого Ганса были мужи разумные, искусные, храбрые, совершали различные подвиги „за вѣру, царя и отечество“, и стяжали „почести и помѣстья“³⁾, слѣдовательно, заключаетъ повѣсть, Гардарикъ происходилъ изъ знатнаго рода. Этого было бы достаточно,

¹⁾ Жизнь кн. П.-Т. М. 1812 г., ч. I, стр. 1. Энгельгардтъ. Записки, стр. 32. Бантышъ-Каменскій, Біографіи, стр. 56. Самойловъ не упоминаетъ о такомъ происхожденіи Потемкина, и въ новѣйшее время Брикнеръ, на этомъ основаніи, отвергаетъ эту гипотезу.

²⁾ Жизнь кн. П.-Т., ч. III, стр. 39—40 (прим. 1).

³⁾ По свидѣтельству біографовъ, наоборотъ, фамилія Пот. была старо-дворянской, но мало-значительной. Извѣстенъ лишь П. Ив. Пот., дипломатъ времени Ал. Мих. и Ѳ. Ал. Энг., стр. 32; Надеждинъ, стр. 12, Бантышъ-Каменскій, стр. 56. Самойловъ, однако, говоритъ: „Родъ дворянъ Потемкиныхъ знаменитъ отъ давнихъ временъ“. Р. Арх. 1867 г., стр. 586.

чтобы испортить челоуѣка слабаго, но въ Гардарикѣ природа помѣстила „всѣхъ грацій“, посѣяла „сѣмяна добродѣтели и дарованія. Одаривъ его Альцибіядовою красотою и пріятностію вида, вселила въ него превосходныя качества: сіе напряженіе разума, сіе пространство для помѣщенія души великой, а между симъ разумомъ и душою основало нужныя отношенія“ (л. 7 об.). Сравненіе Потемкина съ Алкивіадомъ, по словамъ Самойлова, было обычнымъ у его современниковъ¹⁾; дѣйствительно, мы находимъ его въ письмѣ принца де-Линя²⁾, въ собраніи анекдотовъ о Потемкинѣ и проч.³⁾

Съ юности Гардарикъ чувствовалъ въ душѣ голосъ, призывавшій его на служеніе отечеству, и вотъ „юный Альцибіадъ Рисландскій не у Сократа, но у нѣкоего просвѣщеннаго левита⁴⁾ поспѣшно срываетъ незрѣлые плоды ученія“ (л. 8).—О первоначальномъ обученіи Потемкина Самойловъ говоритъ глухо: „по обычаю дворянъ, обучаясь дома“⁵⁾; въ *другихъ же* источникахъ указывается или что онъ учился въ училищѣ пастора Литхенса, или что онъ былъ записанъ отцомъ въ Смоленскую семинарію⁶⁾.

Гардарикъ оказываетъ необычайные успѣхи, и потому его отправляютъ въ „Острогардъ первопрестольный градъ Рисландскій“, т. е. въ Москву, гдѣ онъ вступаетъ въ „вертоградъ, Минервѣ посвященный“. Но такъ какъ „науки незадолго предъ его прибытіемъ тамъ насажденныя⁷⁾, тогда лишь только укоренялись, слѣдственно были еще скудны“. Гардарика не удовлетворяетъ университетъ: „возлюбилъ онъ праздность паче наукъ“, сталъ „лѣнивѣ, непокорливѣ, строптивѣ, распутенѣ, пы-

1) „Не въ оскорбленіе памяти сего великаго мужа объявлю, что тогдашніе остроумы сравнивали его съ Аѳинейскимъ Альцибіадомъ, прославившимся душевными качествами и отличною наружностію“. Р. Арх. 67 г., стр. 599, прим. 28.

2) „Это настоящій портретъ Алкивіада“. Записки Энгельгардта, стр. 35.

3) Во время пророковъ подъ именемъ Левитовъ разумѣлись священныя особы. (прим. рукописи).

4) Собр. анекдотовъ и писемъ, стр. 9. „Въ лицѣ его заключались качества двухъ славныхъ греческихъ мужей: Алкивіада и Перикла“.

5) Р. Арх. 1867 г., стр. 591.

6) Жизнь кн. Потемкина, стр. 2; Энгельгардтъ, стр. 33. Бантышъ-Каменскій, стр. 57; Преданія о кн. Пот.-Таврич., Р. Арх., 1907 г., т. II, стр. 30.

7) Хронологическое указаніе вѣрно, ибо основаніе Московскаго университета—1755 г., а годъ рожденія Потемкина опредѣляютъ 1736, 39, 42 г. Жизнь кн. П.-Т., стр. I. Энгельг., стр. 32 и прим. 9; Самойловъ, стр. 588. Наша повѣсть опускаетъ фактъ поѣздки Потемкина съ успѣшнѣйшими учениками въ С.-П.-Бургъ. Сам., стр. 593—594.

локъ и буйственъ“¹⁾: Результатомъ такого поведенія является изгнаніе Гардарика изъ „храма Минервина“²⁾, о чемъ „извѣщаютъ печатнымъ листомъ по всей Рисландіи“, т. е. въ газетахъ³⁾. „Какой позоръ для человѣка чувствительнаго“ (л. 8), восклицаетъ авторъ повѣсти.

Вскорѣ послѣ этого печальнаго для него событія Гардарикъ отправляется въ Гиперборейгъ⁴⁾ (С.-Петербургъ), вступаетъ въ полкъ „тѣлохранителей царскихъ простымъ всадникомъ“⁵⁾, проходитъ нижніе чины, занимается усиленно чтеніемъ и исправляется. „Говорятъ, онъ еще въ юности судилъ съ великою мудростію о вещахъ настоящихъ и являлъ въ себѣ довольно прозиранія въ предвѣдніи будущаго. Сіе-то привело его въ великую между его сверстниками славу“ (л. 8 об.). „Между тѣмъ какъ Гардарикъ еще въ пыли пресмыкался, отъ береговъ Нуты⁶⁾ взшло свѣтило и остановилось на горизонтѣ Гиперборейгскомъ, тогда весь Сѣверъ озарился. Се было знаменіе грядущаго благоденствія Рисландіи. Мудрый Государь, изъ тоя страны пришедшій, по правамъ союза крови, восходитъ тогда на престолъ Рисландскій“ (л. 8 об.). Тотъ фактъ, что Екатерина обратила вниманіе на Потемкина, описывается авторомъ слѣдующимъ образомъ: „Лишь только Государь, на престолъ тогда восходившій, увидѣлъ полки своихъ тѣлохранителей, уже онъ на преданнаго ему Гардарика мечеть благоволенія исполненный взоръ свой; ибо тайная нѣкая пріятность, блиставшая въ лицѣ его, прелестный взглядъ, черты одна для другой расположенныя, благородный и величественный видъ, исполинскій ростъ, стройность стана, приманчивая осанка, статность и величавая поступь прорицали въ немъ

1) Объ отношеніи Потемкина къ занятіямъ см. „Преданія о кн. Пет.-Тавр.“, Р. Арх., 1907 г., т. II, стр. 130.

2) Р. Арх., стр. 594. 20-е прим. Бартенева.

3) Бантышъ-Каменскій, стр. 57, прим.: „Я видѣлъ въ портфеляхъ покойнаго моего родителя (сгорѣвшихъ въ Московскій пожаръ 1812 г.) оторванный отъ Вѣдомостей листъ, въ которомъ было напечатано, въ числѣ выключенныхъ изъ университета *за нехожденіи, имя Григорія Потемкина*“.

4) „Гиперборейгъ означаетъ сѣверную сторону“ (прим. рукоп.).

5) По указанію Самойлова, Потемкинъ, утомясь пребываніемъ въ университетѣ, вступилъ въ конный полкъ ефрейтъ-капраломъ, затѣмъ былъ произведенъ въ вице-вахмистры и т. д. Р. Арх., стр. 596—97. По словамъ же П. Бартенева, Потемкинъ только числился на службѣ, вступивъ фактически въ полкъ въ С.-П.-Б. лишь въ 1761 г. Даты его первоначальной службы таковы: 30 Мая 1755 г. записанъ ефрейторомъ конной гвардіи; 15 Авг. 1757 г.—капралъ; 31 Дек. 1758 г.—ефрейтъ-капралъ; 19 Мая 1759 г.—каптенармусъ; 1761 г.—вахмистръ (уволень изъ университета въ 1760 г.). Р. Арх., стр. 594, прим. 20-е. См. также Энгельгардъ, стр. 33.

6) „Нута-рѣка, Цербстъ протекающая“—прим. рукописи.

душу великую“¹⁾ (л. 9). Монархъ отличаетъ Гардарика, даетъ ему „знатное близъ Острогарда имѣніе“²⁾, беретъ ко двору „комнатнымъ бояриномъ“³⁾ и посылаетъ къ государю Свитіордскому“⁴⁾ (Шведскому), возвѣстить о своемъ восшествіи на престолъ. Здѣсь наша повѣсть расходится съ Самойловымъ, который относитъ эту поѣздку Потемкина къ болѣе позднему времени⁵⁾, и сблизается съ другими біографическими источниками⁶⁾. Приводится анекдотъ о пребываніи Потемкина при Шведскомъ дворѣ, повторяемый только въ „Собраніи анекдотовъ“, взятый, повидимому, изъ нашей повѣсти. Приводимъ для сравненія оба текста:

Л. 9 (*рукопись*).

Стр. 15.

„Лишь только онъ туда прибылъ, уже благоразумное его тамъ поведеніе усугубляетъ уваженіе двора Свитіордскаго ко двору Рисландскому: царя тамошняго любимецъ, вода его по чертогамъ, гдѣ хранятся трофеи и указывая на тѣ, кои на нѣкоемъ сраженіи взяты у Рисландцевъ, „вотъ, сказалъ онъ Гардарикъ, какое множество побѣдительныхъ знаковъ, кои предки наши отняли у вашихъ“. „А наши герои, отвѣчалъ на сіе Гардарикъ, вмѣсто того отняли у васъ множество городовъ, коими и теперь мы владѣемъ“. Тутъ вельможа Свитіордскій покраснѣлъ отъ стыда“.

„Князь Потемкинъ, посланный Екатериной въ Швецію съ увѣдомленіемъ о вступленіи ея на престолъ, при дворѣ Шведскомъ, поддерживалъ честь и величіе Россійскаго двора. При первомъ семь шагѣ на поприщѣ государственномъ Потемкинъ предъявилъ будущую свою славу. Любимецъ королевскій, вода его по чертогамъ, гдѣ хранятся трофеи и указывая на знамена, отнятыя у Русскихъ, сказалъ: „какое множество знаковъ славы и чести предки наши отняли у вашихъ предковъ“. — „А наши герои, отвѣчалъ Потемкинъ, столько отняли у васъ городовъ, которыми и теперь владѣемъ“.

По возвращеніи изъ Швеціи, Гардарикъ „уже былъ готовъ идти исполинскими шагами по должностямъ государственнымъ на верхъ знатности и чести“, но болѣзнь глазъ заставляеть его удалиться отъ

1) Ср. Записки гр. Сегюра, стр. 45.

2) Брикеръ. Потемкинъ. (СПб. 1891 г., стр. 13.

3) Потемкинъ назначенъ подпоручикомъ конной гвардіи и камеръ-юнкеромъ. Энгельгардтъ, стр. 34. Сам., стр. 597. Надеждинъ, стр. 22. Бант.-Кам., стр. 58.

4) „Въ древнія времена подъ именемъ Свитіорда разумѣлась Швеція“ (примѣч. рукописи).

5) Р. Арх., стр. 605.

6) Жизнь кн. П.-Т., стр. 6. Энг., стр. 34; Над., стр. 22. Бант.-Кам., стр. 58.

двора. Онъ много читаетъ, занимается исторіей, математикой и Священнымъ Писаніемъ: „исполискими шагами мгновенно протекаетъ онъ все пространное поприще учености“¹⁾. (л. 9). Поправившись, Гардарикъ собирается удалиться въ пустыню и стать инокомъ, стѣняясь вернуться ко двору съ испорченнымъ глазомъ: „уронъ совѣмъ почти непримѣтный, а для человѣка, чувствующаго въ себѣ всё совершенства, весьма великій“ (л. 10).

Но государь призываетъ его ко двору²⁾ и посаждаетъ въ верховномъ совѣтѣ первосвященниковъ, блюстителемъ своихъ законовъ: „въ 8-е лѣто своего царствованія онъ возводитъ его въ чинъ комнатнаго вельможи, а чрезъ годъ переименовываетъ полководцемъ 4-й степени“³⁾ (л. 10).

За нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ началась война „противъ Агарянъ“; (о причинахъ, вызвавшихъ Турецкую войну, наша повѣсть не говоритъ ничего). Гардарикъ стремится на войну, государь отпускаетъ его, и Гардарикъ идетъ „слѣдами Аякса и Діомиды“, обнаруживая необычайныя воинскія дарованія. Повѣсть рассказываетъ подробно и точно о всѣхъ сраженіяхъ кампаніи 1769—1770 г., о дѣлѣ подъ Хотиномъ⁴⁾, при Фокшанахъ⁵⁾, Браиловѣ, Журжѣ, Ларгѣ и Кагулѣ и т. д., причемъ, совпадая съ Самойловымъ, отмѣчаетъ, что въ сраженіи при Кагулѣ Потемкинъ не участвовалъ, а охранялъ обозы съ провіантомъ⁶⁾.

1) „Прилѣпился онъ къ чтенію классическихкихъ и другихъ ученыхъ авторовъ, усугубилъ прилежаніе къ просвѣщенію себя всѣми познаніями, чтобы имѣть способность быть военнымъ и государственнымъ человѣкомъ. Сіе уединенное прилежаніе при чрезвычайной памяти, коей онъ одаренъ былъ отъ природы, здравое соображеніе, перабственное понятіе о томъ, что прочитывалъ, замѣчательное разсмотрѣніе въ познаніи истинъ и рода жизни, къ которой онъ, такъ сказать, себя осудилъ, исполнили его просвѣщеніемъ и глубокомысліемъ и расширили въ умѣ его науку всеобщихъ познаній, въ коей приобрѣлъ онъ столь великое превосходство“. Сам., стр. 600—601; см. также Записки гр. Сегюра, стр. 46.

2) Сам., стр. 603—604.

3) Потемкинъ назначенъ въ 1766 г. помощникомъ оберъ-прокурора Синода, въ 1768 г. камергеромъ, въ 1769 г.—ген.-маіоръ. Прим. П. Бартевева, Р. Арх., 67 г., стр. 594, прим. 20; Самойловъ, тамъ же, стр. 592, прим. 15, и стр. 597. Бантынгъ-Каменскій, стр. 59.

4) Сам., стр. 997—998; о дѣйствіяхъ Потемкина въ кампанію 1769—1770 г., см. Бант.-Каменскій, стр. 59—60.

5) „Потемкину вѣрено было начальство надъ небольшимъ отрядомъ иѣхоты и конницы, съ нею онъ разбилъ 12000 корпусъ Турецкихъ войскъ при Фокшанахъ“. Сам., стр. 999.

6) Сам., стр. 1000: въ Жизни кн. П.-Т. утверждается, что Потемкинъ былъ отряженъ къ сраженію при Кагулѣ (стр. 21). Лееръ указываетъ, что отряды Гуловича и Потемкина были посланы для прикрытія арміи, а провіантъ защищалъ Глѣбовъ. (Ген.-лейт. Лееръ. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Вел. до нашихъ дней. СПб. 1885 г., стр. 86

Хотинъ называется у нашего автора Хитономъ, Браиловъ—Бруиловымъ, Журжа—Журдонъ, Кагуль—Канаголь и т. д.

Авторъ повѣсти съ похвалою относится къ Румянцеву, называя его „Рисландскимъ Германикомъ“, „который совмѣщаетъ въ себѣ качества и мудраго Нестора и воинственность Агамемнона“. (л. 10 об.). Но главнымъ героемъ кампаніи является все-же Гардарикъ; указываются его дѣйствія при Измаилѣ, который нашъ авторъ называетъ Синилломъ¹⁾, при чемъ, по словамъ повѣсти, подъ начальствомъ Гардарика находится „первая часть войска вождя Рубина“, т. е. князя Репнина. О поѣздѣ Потемкина въ С.-П.-Б. не упоминается, и авторъ непосредственно переходитъ къ кампаніи 1771 г.: „На другое лѣто вождь вождей, провидя въ немъ толикое искусство и храбрость, назначаетъ его начальникомъ надъ отрядомъ войскъ въ Панноніи“ (л. 11). Извѣстно, что Потемкинъ получилъ летучій корпусъ въ Крайовскомъ банатѣ у границъ Венгріи²⁾. Далѣе отмѣчается побѣда Гардарика при Цимбрѣ и участіе въ остальныхъ дѣлахъ этой кампаніи (Красовѣ, Турнѣ). Авторъ обращается къ покореннымъ мѣстностямъ со слѣдующей тирадой:

„Равнины, Истромъ орошаемыя, и бесплодныя юдоли между Водономъ и Никополемъ лежація, вы тутъ зрѣли юнаго Рисландскаго Ахиллеса, Троянъ вашихъ преслѣдовавшаго. Вы чувствовали, какъ грады на васъ воздвигнутые во время шествія его содрагались, вы были самовидцами его непомѣрныхъ трудовъ и неустрашимости. Быстротекущій Истръ, издавна иго Агарянскаго подданства на себѣ носящій, ты видѣлъ, какъ онъ при переходѣ со оружіемъ на обѣ онъ-поль твоего берега плѣналъ и въ пепель обращалъ многія суда и житницы непріятельскія. Какое тяжкое бремя ты ощущалъ тогда, когда онъ многочисленныя христіанскія семьи чрезъ скоротечныя твои воды переводилъ на сей берегъ. Турнѣ! ты и понынѣ носишь раны отъ троекратной побѣды, которую онъ въ десяти дняхъ одержалъ въ глазахъ твоихъ и обагрилъ поля твои кровію твоихъ ратниковъ“ (л. 11—11 об.).

Среди другихъ подвиговъ Гардарика повѣсть подчеркиваетъ его побѣду надъ Турками при Силистріи (начало кампаніи 1773 г.), которую авторъ называетъ древнимъ ея именемъ—Аксиополемъ. Гардарикъ первый открылъ походъ послѣ перемирія „въ самое суровое

¹⁾ См. у Державина: „Стонъ Синилла раздается

Днесъ въ подсолнечной вездѣ“,

и прим. Державина къ слову Синилъ: „Древнее названіе Измаила“. Соч., т. I, стр. 270,

²⁾ Сам., стр. 1001; Над., стр. 97.

время“, командовалъ передовымъ отрядомъ и оставался послѣднимъ на непріятельскомъ берегу.

„Аксиополь! признайся, не съ ужасомъ ли смотрѣлъ ты на многократное чадъ своихъ пораженіе, сильною мышцею сего героя предъ лицомъ твоимъ нанесенное! Не подъ Кароагенскими, но подъ твоими стѣнами видѣлъ ты Рисландскаго Сципіона ратоборствовавшего, видѣлъ какъ онъ, нанося защитникамъ твоимъ смертоносные удары, прободая имъ латы, разсѣкая шлемы и расторгая брони, рѣялъ ихъ въ бездну гибели; видѣлъ окровавленное свое поле, покрытое главами, вѣлѣніемъ его отдѣленными, видѣлъ притомъ, какъ броненосцы твои одни обращались въ бѣгство, а другіе тонули въ рѣкахъ своей крови. Старые воины, приведите себѣ на память то время, въ которое храбрый Вусманъ (ген. Вейсманъ) окруженъ былъ многочисленнымъ непріателемъ, скажите, я васъ вопрошаю: не приобрѣлъ ли и тутъ Гардарикъ славы Парменіона, спасая своего Александра?“ (л. 12).

Разумѣется, вся слава побѣды приписана нашимъ панегирикомъ Потемкину, тогда какъ, по даннымъ военной исторіи, главная заслуга въ дѣлѣ при Силистріи принадлежала генералу Вейсману¹⁾.

Храбрость Гардарика увеличиваетъ милость къ нему монарха, который проситъ „вождя вождей“, т. е. Румянцева, „да сохранить жизнь возлюбленнаго ему Гардарика“. „Агамемнонъ Рисландскій“ хвалитъ „своего Аякса“, но порицаетъ его чрезмѣрную отважность, „ибо Гардарикъ, желая побѣдить или умереть, всюду великимъ подвергался опасностямъ“ (л. 12).

Среди войны государь жалуетъ Гардарика полководцемъ 3-ей степени²⁾; такимъ образомъ, онъ проходитъ всѣ чины на полѣ брани: „не бысть бо въ свѣтѣ добрый начальникъ, иже во свое время самъ повиноватися не приобыкъ; тако во своихъ законахъ глаголетъ монархъ Рисландскій“ (л. 12 об.).

Въ это время монарху понадобился способный министр; выборъ его остановился на Гардарикѣ, въ которомъ онъ видитъ „дарованіе Гектора и Улисса“³⁾. Въ уста Екатерины авторъ влагаетъ слѣдующій призывъ Гардарику: „Пріѣзжай сюда, вѣщаетъ онъ, я посажу тебя близъ престола моего, ты будешь исполнителемъ обширныхъ моихъ

¹⁾ Лееръ, ген.-лейт. Обзоръ войнъ Россіи отъ Петра Великаго до нашихъ дней. С.П.Б. 85 г., стр. 91—92. Самойловъ, стр. 1004—1008.

²⁾ Въ 1772 г. Потемкинъ получилъ по старшинству чинъ генераль-поручика, Сам., стр. 1004; Над., стр. 28.

³⁾ Энгельгардтъ, стр. 34.

намѣреній, ты будешь моимъ Мильціадомъ, ты будешь вѣщать мнѣ истину, а я тебя отъ твоихъ Истеевъ¹⁾ защищать буду; рука моя заступитъ тя и мышца моя укрѣпитъ тя; во благоволеніи моемъ къ тебѣ вознесется слава моя“ (л. 12 об.) „Гардарикъ съ благоговеніемъ внемлетъ священѣйшему гласу сему“, пріѣзжаетъ въ С.П.Б. и „тутъ начинается эпоха величія Гардарикова“. Гардарикъ становится первымъ любимцемъ государя, который создаетъ „все изъ ничего“, жалуетъ героя „первымъ своимъ стражемъ и притомъ вторымъ по себѣ начальствующимъ надъ полкомъ тѣлохранителей своихъ, вождемъ всѣхъ легкихъ всадниковъ и всего неустроеннаго воинства, блюстителемъ законнаго порядка въ Марсовомъ совѣтѣ²⁾, обременяетъ величественныя чресла его разными украшеніями³⁾, возводитъ на самую высокую степенъ чести и знатности“ и т. д. (л. 13).

Тѣмъ временемъ начинаются переговоры съ Агарянами, которые благодаря совѣтамъ Гардарика, заканчиваются блестящимъ миромъ. Условія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора излагаются довольно вѣрно слѣдующимъ образомъ:

„Узаконяется вольность Срацинъ, поставляется для Рисландцевъ свобода плаванія по Скифскому и Ахейскому морямъ и по всѣмъ водамъ, берега владѣній Агарянскихъ омывающимъ; утверждается свобода, безопасность и выгоды всей Скиѣи съ правомъ заступленія за нее Рисландіи; пріобрѣтаются крѣпости Курчунъ (Керчь), Анаколь (Ениколь), Ахиллополь (Кийбурнь) и многія другія пользы“ (л. 13)⁴⁾.

За этотъ миръ государь жалуетъ Гардарика титулъ ярла (графа), свой портретъ и мечъ, унизанный драгоценными каменьями⁵⁾. Послѣ всего этого „уже не робкими ногами вступаетъ онъ въ скользкое поприще царедворца, вождя и государственнаго министра“.

„Какая видна сановитость при первомъ шествіи! Какая величавая поступь! Какая отважность! Какая тонкая разборчивость! Какая ловкость въ пріемѣ своихъ, какая искусная увертливость въ обхожденіи

1) „Истей былъ врагъ Мильціадовъ“ (прим. рукописи).

2) 4 Марта 1774 г. Потемкинъ назначенъ ген.-адъютантомъ, затѣмъ подполковникомъ Преображенскаго полка, шефомъ всей легкой конницы и всѣхъ иррегулярныхъ войскъ, ген.-аншефомъ и вице-президентомъ государственной военной коллегіи. Самойловъ, стр. 1017, 1018, 1023. Энг., стр. 34. Над., стр. 60.

3) Въ 1774 г. Потемкину пожалованы ордена Бѣлаго Орла и Александра Невскаго. Сам., стр. 1018. Бант.-Каменскій, стр. 66.

4) Сам., стр. 1020.

5) Сам., стр. 1024; Энгельг., стр. 35: „Жизнь, кн. II-Т.“, стр. 41. Нац., стр. 34.

съ иностранными! Колико видѣ его притомъ скромнѣ и смѣль, важнѣ и снисходителенѣ, страшнѣ и умилителенѣ; нельзя довольно надивиться, чтобъ одинѣ человекѣ являлѣ въ себѣ въ одно мгновеніе столько сопротивныхъ свойствъ“, и т. д. (л. 13 об.).

Гардарикѣ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и славою: всѣ „взапуски“ стараются пріобрѣсти его милость; но есть у него и враги. что естественно, „ибо злые добрыхъ ненавидятъ“. „Страшной ропотѣ возстаетѣ противѣ него“, но Гардарикѣ, не смотря на свое могущество, не мститѣ никому¹⁾ „и симѣ вмѣсто зла творитѣ оуъ благо“. (л. 14).

Далѣе идетѣ описаніе необычайныхъ политическихъ способностей Гардарика, его пониманія замысловъ монарха: „Воображеніе его (т. е. государя) даже и то вещетворитѣ, что другимѣ мечтою представляется, а Гардарикѣ исполняетѣ его умоначертанія; искусство и краснорѣчіе его каждаго вразумляетѣ въ пользѣ оныхъ“ (л. 15). Довѣріе государя дѣлаетѣ тщетными всѣ происки завистниковъ Гардарика; другіе монархи, видя такое довѣріе, тоже оказываютѣ Гардарикѣ свое вниманіе: „се уже цари Поросской и Свигтордской украшаютѣ чресла его лентами, знаками отличнѣйшихъ заслугъ; императорѣ Маркоманскій возводитѣ его на княжеское достоинство своей имперіи“²⁾.

Продолжая свою службу отечеству, Гардарикѣ обращаетѣ вниманіе государя на то, что „Алане, въ Роксоланской области у самыхъ Бористенскихъ скалъ привитающіе, составляютѣ изъ себя ненадежную стражу для отраженія Срацинскихъ набѣговъ“, „что странное ихъ сонмище противоборствуетѣ размноженію человѣческаго рода“ (л. 15 об.), ведя холостой образъ жизни и т. д.

Монархѣ повелѣваетѣ Гардарикѣ разрушить это „сонмище“, что дѣлается имѣ „въ полной тишинѣ“, безѣ всякаго сопротивленія³⁾. Далѣе Гардарикѣ представляетѣ государю проэктѣ оуъ укрѣпленія Кавказской границы, такѣ какѣ она на „500 поприщъ“ отѣ Муздрака (Моздока) до Таная (Азова) „противѣ Серкландцевъ и Верданцевъ совѣмѣ не прикрыта“⁴⁾. Государѣ подтверждаетѣ планѣ Гардарика перевести

¹⁾ О немстительности Потемкина, см. Москвитянинѣ, 52 г., № 2, стр. 7.

²⁾ Въ 1776 г. Потемкинѣ получилѣ отѣ Шведскаго короля орденѣ Серафимовѣ; отѣ датскаго—орденѣ Слона, отѣ Прусскаго—Чернаго Орла и отѣ Римскаго императора—дипломѣ на титулѣ князя. Сам., стр. 1205. См. также Энгельг., стр. 35; Над., стр. 34, „Жизнѣ кн. П.-Т.“, стр. 45; Вант.-Кам., стр. 64.

³⁾ „Сія линія въ 1781 г. положила предѣлѣ набѣгамѣ, производимымѣ горскими народами“. Сам., стр. 1219.

⁴⁾ О положеніи Сѣчи Запорожской см. Сам., стр. 1024—1027.

туда и расположить въ шести станицахъ войско, бесполезно стоящее на р. Ргѣ (Волгѣ); такимъ образомъ обезопасены границы по р. Тарчку (Тереку). Гардарикъ раздаеть земли для поселенія „по линіи Муздрацкой“¹⁾ и тамошніе народы, благословляя государя своего, до небесъ возносятъ имя Гардариково“²⁾ (л. 16).

Покончивъ съ Азіатской гравницей, Гардарикъ укрѣпляетъ границы со стороны Европы; ибо „Бористенополь тогда не былъ еще построенъ, Верданъ (Кубань), лишь только присоединился къ Рисландіи, Серкляндцы и горцы были въ соединеніи съ Срацинами, а царь Иверскій былъ подъ игомъ Агарянскимъ; сверхъ того Рисландія не имѣла тогда ни пристаней и кораблеополченій на Скиѣскомъ морѣ, слѣдственно весь полуденный край подверженъ былъ всегдашней со стороны мятежныхъ Срацинь опасности“ (л. 16 об.).

Гардарикъ усмиряеть мятежи Татаръ на Югѣ³⁾, и, получивъ намѣстничество въ полуденномъ краѣ, занимается его колонизаціей; строитъ укрѣпленные города. Въ частности на 8 поприщъ отъ устья Бористена возникаетъ древній Херсонесъ. Тамъ мгновенно создается флотъ, и начинается промышленность⁴⁾.

Посредствомъ разумной тактики Гардарикъ удается присоединить „древнее царство Митридатово и всю Вердавскую страну“; уничтоживъ „гнѣздо хищниковъ“, Государь „нарѣцаетъ новопріобрѣтенное царство древнимъ его названіемъ Цимбромъ“, а Гардарика „жалуетъ верховнымъ военачальникомъ“⁵⁾ и повелѣваетъ заготовить похвальный ему свитокъ съ изясненіемъ на ономъ великихъ его заслугъ ему; и отечеству оказанныхъ“ (л. 17 об.). Постройка Севастопольской гавани „на 6 поприщъ въ длину и 2 въ ширину“⁶⁾, приглашеніе въ Новороссію колонистовъ изъ другихъ государствъ съ освобожденіемъ отъ податей на 6 лѣтъ⁷⁾

¹⁾ Сам., стр. 1211—1212.

²⁾ „Такимъ образомъ, обседались отставные и заслуженные воины и благословляли императрицу за дарованныя имъ выгоды жизни и благоденствіе“. Сам., стр. 1213.

³⁾ Сам., стр. 1208—1211.

⁴⁾ См., стр. 1215.

⁵⁾ О покореніи Крыма въ 1782 г., см. у Сам., стр. 1219—1225. Баят.-Каменскій, стр. 66.

⁶⁾ „...Положилъ онъ основаніе Севастопольской гавани для вмѣщенія многочисленнѣйшаго возможнаго флота, по природѣ удобной“. Сам., стр. 1229.

⁷⁾ „Земли тамошнія размежевывались и отдавались, а особливо чиновникамъ оной губерніи. Привилегіи, данныя о десятилѣтнемъ увольненіи отъ платежа поземельныхъ и другихъ податей, привлекли туда много охотниковъ“. Сам., стр. 1211; Записки Сегюра, стр. 193.

и т. п.,—все находитъ себѣ мѣсто въ описаніи нашего автора. О путешествіи Екатерины упомянуто лишь вскользь: клеветники предупреждаютъ монарха противъ Гардарика, находя его пріобрѣтеніе вреднымъ для Россіи; государь при своей побѣдкѣ убѣждается въ противномъ, „нарицаетъ“ Гардарика „въ память потомству“ княземъ Цимбрскимъ¹⁾, „дастъ ему полную власть“ надъ этимъ краемъ и „отъѣзжаетъ въ Гиперборейгъ“.

„Но въ то время когда Рисландцы уже готовы были ухватиться за тѣ самыя вѣтви, какія нѣкогда срывали Итальянцы, обладая симъ царствомъ, искра войны тлѣлась въ пеплѣ. Тутъ завистливые иноплеменники раздуваютъ оный, дабы при сильномъ возгорѣніи похитить нѣкоторыя развалины“ (л. 18 об.).

„Агаряне“ требуютъ возвращенія Цимбрскаго царства, не поддаются разумнымъ доводамъ Гардарика и объявляютъ войну. Рисландскій государь, не желавшій этой войны, вручаетъ теперь свой мечъ вождямъ Германику и Гардарикку: „идите, вѣщаетъ онъ, съ симъ мечемъ слѣдами тѣхъ самыхъ побѣдъ, коихъ свѣтъ хранить память, а непріятель носить свѣжія раны“ (л. 19), и войско дѣлится на двѣ части²⁾.

Не останавливаясь на детальномъ изложеніи хода кампаніи, которая разобрана у нашего автора очень подробно, упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ ея эпизодахъ.

Какъ участники войны упоминаются въ повѣсти вождь Совранъ (Суворовъ), мореходецъ Саксанъ (Сакенъ)³⁾, вожди Ниссей⁴⁾ и Полжонь⁵⁾, Алексеонъ (контръ-адмиралъ Алексіано), Парсамонъ⁶⁾ и пр.

¹⁾ Храповицкій, стр. 38—39: 8-го Іюня, 1787 г.

²⁾ „Русскіе предполагали выставить двѣ арміи: одна (Екатеринославская) фельдм. кн. Потемкина, силою около 7000 чел., назначалась для обороны Крыма и для вторженія въ предѣлы Турціи вдоль западнаго берега Чернаго моря, при этомъ она должна была овладѣть Очаковомъ; другая армія (Украинская) фельдмарш. гр. Румянцева, въ 3000 чел., назначалась для связи между Австрійской арміей и арміей Потемкина для охраны пространства отъ Кіева до Хотина и для прикрытія тѣла Екатеринославской арміи со стороны Польши“. Лееръ, стр. 96. Энгельг., стр. 53.

³⁾ О геройской гибели кап. Сакена см. у Энгельгардта, стр. 65, и у Сегюра, стр. 243.

⁴⁾ Очевидно, принцъ Нассау-Зигенъ, адмиралъ, командовавшій флотиліей. Энг., стр. 58.

⁵⁾ Несомнѣнно, контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ. Энг., *ibid*; Сегюръ, стр. 293; Храповицкій называетъ его Поль-Жонесъ. 26 Октября 1788 г., стр. 180. Въ „Жизни П.-Т.“ Павелъ Жонесъ, стр. 120—121.

⁶⁾ Этого имени намъ не удалось раскрыть.

Любопытно разсужденіе автора о необходимости завоеванія Очакова: „Сколько Фракія ощущала важности въ охраненіи сего мѣста, столько Гардарикъ съ своей стороны предвидѣлъ пользы въ завоеваніи онаго. Онъ зналъ, что по отнятію Ольбіона (Очакова) Рисландія останется владычицею со всѣхъ сѣверныхъ сторонъ надъ Скиескимъ моремъ, Бористенополь приведенъ будетъ въ безопасность, и для кораблеополченія Агарянскаго никакого не будетъ пристанища, откуда бы они могли беспокоить Цимбръ. Итакъ, Гардарикъ твердо предполагаетъ завоевать сію крѣпость, но прежде всего надлежало доставить безопасность Цимбру и прикрыть Ахиллополь“ (л. 28 об.). Гардарикъ поспѣваетъ вездѣ, но враги приписываютъ „несмысленное коснѣніе его во взятіи Ольбіона его нерадѣнію“, не понимая того, что Гардарикъ стремится къ наименьшему кровопролитію. Наконецъ „утомленъ будучи толикимъ упорствомъ“ Агарянскаго начальника „въ самое суровое зимнее время, въ которое обыкновенно Агаряне любятъ нѣгу, а Рисландцы труды, велить на Ольбіонскую ограду и на мѣсто учинить главный приступъ. Тутъ Рисландскіе воины, оживотворяемые будучи мужествомъ своего вождя, являютъ чудеса храбрости“ (л. 28 об.). Очаковъ взятъ, градоначальникъ приведенъ къ Гардарику, который сперва упрекаетъ его за упорство, но потомъ прощаетъ его усердіе къ своему государю и милостиво отсылаетъ его въ Гиперборейгъ¹⁾. Гардарикъ самъ ѣдетъ въ Гиперборейгъ, оставивъ начальство вождю Меллердону (ген. Меллеру). Вездѣ по пути его торжественно встрѣчаютъ; въ Гиперборейгѣ дивятся его подвигамъ, а государь. „видя, что сей его любимецъ сталъ красой его славы“, „возлагаетъ на главу его побѣдоносный вѣнецъ лавровый, драгоценными камнями изукрашенный, препоясуетъ рамена его лентіемъ, знаки побѣдъ носящимъ“²⁾ (л. 29).

Въ это время Германикъ слагаетъ съ себя начальство, которое государь передаетъ Гардарику, дѣлая его „вождемъ вождей“. „Несмысленные и злобные люди“ начинаютъ тотчасъ клеветать на Гардарика. „будто вождь Германикъ приносилъ жалобу Маркоманскому императору на худое состояніе ввѣренныхъ ему войскъ“ (л. 29). Повѣсть опровергаетъ эту клевету. Войска располагаются на зимнія стоянки въ Роксоланской области и въ Малой Рисландіи³⁾, а Гардарикъ, вернув-

1) О дѣйствіяхъ капитана-наши и объ обстоятельствахъ осады (зима, морозы и пр.) см. Сам., стр. 1250—52; 1257—59 (сравненіе съ Минихомъ).

2) О наградахъ Потемкину см. Сам., стр. 1262. Над., стр. 69. Энг., стр. 72. Храповицкій, 13 Іюня 1788 г., стр. 106—107; 16 дек. 1788 г., 214 стр.; 14 Апрѣля 1789 г., стр. 274.

3) О стоянкахъ войска у Елисаветграда см. Сам., стр. 1261.

шись съ началомъ весны къ арміи, посѣщаетъ всѣ города и въ Севастополѣ ускоряетъ вооруженіе флота.

Кампанія 1789 г. опять разсказана детально; тутъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ является опять Совранъ, затѣмъ вождь Рубинъ (князь Репнинъ), полководцы Потемонъ (ген.-поручикъ Потемкинъ), Семилъ (ген. Самойловъ), Гудонъ (очевидно, Гудовичъ).

Авторъ приводитъ нѣсколько эпизодовъ, характеризующихъ храбрость и благородство Гардарика. Такъ „Гардарикъ, самолично присутствовавшій при семъ дѣйствіи, весь покрытый пылію и пѣтомъ, на полѣ сраженія, слѣзаетъ съ коня своего и на травѣ предается отдохновенію. Въ сіе самое время предводятъ предъ него плѣннаго Агарянскаго полководца. Сей со трепетомъ вручаетъ ему мечъ свой, а Гардарикъ, послѣдуя чувствамъ кроткаго своего монарха, повелѣваетъ ему паки препоясать оный по бедрѣ своей. Тако великіе люди и среди самыхъ раздраженій удерживаютъ гнѣвъ свой и милуютъ враговъ своихъ“ (л. 34). Далѣе приводится извѣстный анекдотъ, какъ около Гардарика при осадѣ Бендеръ упало ядро¹⁾ (л. 35), затѣмъ разсказъ о томъ, какъ въ 15 шагахъ отъ него убило казака²⁾ (л. 35 об.).

Гардарикъ основываетъ больницы и житницы, самъ посѣщаетъ ихъ, усиленно заботится о войскѣ, стараясь производить походы лишь въ прохладную пору. Любопытно описаніе торжества по поводу взятія Аккермана: „Се былъ день его тезоименитства. При сей обоюдной радости открываетъ онъ зрѣлище чрезвычайное. Во вниманіе на сіе представить себѣ должно кругъ, на цѣлое поприще въ четвероугольникѣ простирающійся, наполненный шестью тысячъ народовъ различныхъ происхожденіемъ, языкомъ, лицомъ, нравами, одѣяніемъ и вѣрою, ибо тутъ были Агаряне, Срацыны, Сиѳиніане, Пафлогонцы, Египтяне, Аравляне, Сиріане, Армяне, Израильтяне, Скиѳы и Рисландцы; сіи разныя племена, въ полномъ будучи согласіи, разнымъ предаются увеселеніямъ“³⁾ (л. 36). „Агаряне, узнавъ, что это былъ праздникъ Гардариковъ, въ великомъ множествѣ толпятся окрестъ шатра его и тщатся увеселять его своимъ бряцаніемъ на мусикійскихъ орудіяхъ, своимъ плясаніемъ, своимъ пѣснопѣніемъ и своими шутками“ (л. 36 об.).

¹⁾ Сам., стр. 1565; Собр. анекдотовъ, стр. 31. Над., стр. 71—72. Бант.-Каменск., стр. 76.

²⁾ Бантышъ-Каменскій, стр. 69.

³⁾ См. Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 59, прим. 40.

Описывая сдачу Бендеръ, авторъ отмѣчаетъ, что Гардарикъ отпускаетъ болѣе 1000 повозокъ въ Синиллу и этимъ внушаетъ любовь и уваженіе къ монарху¹⁾.

Авторъ описываетъ г. Бендеры и рассказываетъ случай съ Агарянскимъ плѣнникомъ²⁾, повторяемый опять въ „Собраніи анекдотовъ“.

„Пятнадцать плѣнныхъ Агарянъ, разбивъ Рисландскую стражу, къ своимъ ушли. Они были паки взяты и приведены. Гардарикъ повелѣваетъ представить предъ себя ихъ чиновника и, укоряя въ толь дерзкомъ предпріятіи, вопрошаетъ его, „что вашъ верховный начальникъ сдѣлалъ бы съ Рисландскимъ чиновникомъ, ищущимъ бѣгства такимъ образомъ?“ Агарянинъ трепещущимъ гласомъ отвѣтствуетъ: „верховный нашъ начальникъ велѣлъ бы отрубить голову такому человѣку“. „А я тебѣ, сказалъ Гардарикъ, прощаю“ (л. 38 об.).

„Вотъ какъ кончился походъ третьяго лѣта подъ предводительствомъ мудраго Гардарика, походъ поистинѣ чудный, который возвеличилъ славу героя Рисландскаго; надобно быть божественному разуму, который произвелъ планъ сей, надобно быть и чрезвычайной твердости духа, которая съ толикимъ успѣхомъ привела его въ исполненіе“ и т. д. (л. 38 об.).

Изъ кампаніи 1790 г. авторъ повѣсти отмѣчаетъ мирные переговоры союзниковъ-Австрійцевъ³⁾, самоубійство Гассана-паши⁴⁾, образъ жизни Гардарика, его „увеселенія“⁵⁾, и подробно повѣствуетъ о взятіи Измаила. Государь, при вѣсти объ этой побѣдѣ, „хваля и благодареніе вознося ко Всевышнему“, воздаетъ справедливость заслугамъ каждаго, объявляя таковую же и Гардарикъ, „который былъ истиннымъ виновникомъ таковой славы. Онъ велитъ отличные и государству полезныя подвиги его ознаменовать на хартіяхъ; сверхъ того, на вѣчную память заслугъ его воздвигнуть ему великолѣпную храмину и предъ оною соорудить памятникъ съ изображеніемъ завоеваній и побѣдъ, подъ его руководствомъ одержанныхъ⁶⁾. Такою славою увѣнчалъ Гардарикъ и четвертый свой походъ“ (л. 42). Сдѣлавъ приготовленія къ 5-му походу, Гардарикъ отправляется въ Гиперборейгъ, гдѣ государь встрѣчаетъ его благосклонно и осыпаетъ милостями.

1) Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 39.

2) Собраніе анекдотовъ, стр. 31—32.

3) Сам., стр. 1546.

4) Над., стр. 79.

5) Энг., стр. 81—82, 88—89; Жизнь кн. П.-Т., ч. II, стр. 80—84.

6) Дневникъ Храповицкаго, стр. 245: 26 января 1789 г.

Въ благодарность Гардарикъ устраиваетъ пышное празднество, не взирая на то, что надъ Рисландіей нависли тучи со стороны Европы.

„Среди же сихъ угрозъ царь Рисландскій возносится своею мудростію, своими побѣдами, своими правами и своимъ Гардарикомъ“ (л. 42 об.). Описание Потемкинскаго празднества явно заимствовано изъ Державина; такъ напр.

Л. 44—44 об.

По прибытіи его (т. е. государя) *взырала трубы и открылся народный пирь*¹⁾; тутъ Гардарикъ представилъ разные дары, всякое ястіе и питіе; *отъ радостныхъ восклицаній народа въ честь монарху* воздухъ сотрясается. Едва государь *возсѣлъ на приутованное ему мѣсто*, вдругъ мусикійскія орудія, *тремя стами пѣнопѣвцевъ* бряцаемая, по чертогамъ простерли сладкогласованіе. Въ сіе время пышные хороводы, изъ юныхъ нимфъ, юныхъ Рисландскихъ полубоговъ и героевъ составленные, открываютъ торжество Сармацкимъ плясаніемъ; ихъ одѣянія и многоцѣнные каменія, *за десять миліоновъ талантовъ простирающіеся*, всѣхъ жителей изумляютъ“ и т. д.

У Державина:

Наконецъ прибылъ дворъ. Въ самое то время, на устроенномъ нарочно противъ дома амфитеатрѣ, украшенномъ зеленью, *взырала трубы, и открылся пирь для народа*. Представлены были въ даръ ему разнаго рода одежды, всякое съѣстное и сладкіе напитки. *Повсюду раздавалось восклицаніе въ честь и славу* все милостивѣйшей обладательницы; простосердечное ура наполняло воздухъ... Какъ скоро высочайшіе посѣтители *соизволили возсѣсть на приутовленные имъ мѣста*, то вдругъ загремѣла голосовая и инструментальная музыка, изъ *трехъ сотъ человекъ* состоявшая. Торжественная гармонія разлилась по пространству залы. Выступилъ отъ алтаря хороводъ, изъ двадцати четырехъ паръ знаменитѣйшихъ и прекраснѣйшихъ женъ, дѣвицъ и юношей составленный. Они одѣты были въ бѣлое платье столь великолѣпно и богато, что однихъ брильянтовъ на нихъ считалось *болѣе нежели на десять миліоновъ рублей*²⁾.

Любопытна рѣчь, которую авторъ повѣсти влагаетъ въ уста Гардарика, привѣтствующаго государя:

„Оставь на мало время, оставь престоль, на коемъ окружающее тебя сіяніе являетъ взоромъ божество. Иди, да прилѣпленные ко стопамъ твоимъ пріятности и смѣхи умѣрятъ священнѣйшее величіе твоего чела. Окруженъ ближними твоими, явись купно съ сыномъ и дще-

¹⁾ Курсивъ въ обѣихъ цитатахъ нашъ.

²⁾ Державинъ, Г. Р. Описание Потемкинскаго праздника. Сочиненія (подъ ред. Грога). СПб. 1868 г., т. I, стр. 264—299.

рію, да отъ лица ихъ наипаче украсятся сіи мѣста, и да присовокупятъ они къ твоему и свое благоволеніе; ибо присутствіе ихъ вселяетъ повсюду сладкое веселіе и невинныя забавы.

Грядеть! Истоци жъ, небесная гармонія, истоци днесь чарованія свои; потщитесь и вы прелестныя игры новымъ зрѣлищемъ сіе торжествомъ прославить. Развеселите обширныя мысли его, да посредѣ васъ великій монархъ нашъ почивъ, забудеть хотя на нѣсколько мгновеній тяжкое правительства бремя. Самъ ли се монархъ Рисландскій? Какъ возмогъ онъ, низшедъ съ верховъ превознесенной славы, предатися таковой праздности? И время ли ему, возвѣшивающему десницею жребіи царствъ изумленныхъ, прогуливаться днесь по цвѣтамъ! Когда соединенная Греція смиряла древле Ахейскія племена, знаменитыя побѣды оныя возвѣщаемы были торжествами, и блаженный Аѳинейскій народъ окружалъ небесной владычицы своей алтари плясаніемъ по гласу чиновъ благородныхъ, Минерва, нисходя тогда съ небесъ, являлась взорамъ людей своихъ и отлагала величіе божества купно со страшнымъ онымъ копіемъ, коимъ она въ преславный мщенія своего день сокрушила дерзновенныхъ Титановъ, присутствіемъ своимъ игры ихъ освящала. Подобно тому и на долины Алимѣнскія во времена древнихъ празднествъ нисходилъ соборъ боговъ ущедритъ воззрѣніемъ своимъ смертныхъ, какъ между тѣмъ бдительная ихъ о благѣ мира премудрость непрестанно связъ вѣчныхъ судебъ управляла. О ты, силою божественнаго ума объемлющій безконечную цѣпь дѣяній вселенныхъ, ты, коего царствованіе возобновляетъ блаженные дни самодержавія безсмертныхъ! единъ ты имѣешь даръ являть паки тѣ же чудеса и великія намѣренія твои стремить колико въ неусыпныхъ трудахъ, толико же и посредѣ веселій. А вы, сладчайшимъ радованіемъ напоенныя юноши и дѣвы, любезныя чада имперіи блаженной, предайте сердца ваши необыкновенному забавъ восторгу, усугубьте предъ очами владыки своего веселое игръ и плясаній зрѣлище, которое онъ присутствіемъ своимъ украситъ благоволилъ. Вскорѣ, объявъ помышленіями образъ единой славы, паки воспріиметь онъ и скипетръ, и трезубецъ; тако блистающее свѣтило міра то цвѣтами покрываетъ землю, то огонь гремящихъ перуновъ питаетъ. Но когда благонадежно протекаешь ты неизмѣримое поприще возложенныхъ на тебя трудовъ безсмертныхъ, воззри, о августѣйшій благотворитель мой, воззри окомъ благостыннымъ на сіе усердія моего усиліе, устремленное токмо, да благоволеніе твое приобрящу. Молю снисхожденія твоего; ибо можетъ ли всякая благодарность моя уравниваться владычнымъ твоимъ ко мнѣ щедротамъ! Какое могу воздать тебѣ чествованіе? Самъ я есмь твореніе твое; и власть и

жребій мой суть дѣла руку твоею. Благоволи жъ да попирающему тебѣ препоны и геройски стремящемуся во слѣдъ твоихъ чудесъ, усыплю хотя путь твой цвѣтами. Но стократъ блаженъ буду, когда посвященная слава твоей жизни моя возможетъ поспѣшить и къ возвеличенію счастливыхъ твоихъ судьбъ! „Симъ-то гласомъ усердія Гардарикъ встрѣчалъ своего монарха“ (л. 43—44).

Въ то время, когда Гардарикъ предавался увеселеніямъ въ Гиперборейгѣ, на театрѣ войны вождь Гудонъ нанесъ врагамъ ударъ взятіемъ г. Оноба (Анапа) и Суджонъ (вѣроятно, Суджукъ-Кале)¹). Гардарикъ же принужденъ былъ задержаться въ Гиперборейгѣ, ибо туда прибыли послы отъ Каледонскаго (Англійскаго) государя съ переговорами о прекращеніи военныхъ дѣйствій. Императоръ даетъ Гардарику наставленіе, и этотъ мудрой рѣчью отвергаетъ всѣ проекты (рѣчь Гардарика—л. 45 об.). По окончаніи этого дѣла Императоръ отправляетъ Гардарика въ Дацію для заключенія мира съ Агарянами: „Сей въ полномъ будучи удостовѣреніи, что онъ тамъ славную войну сію увѣнчаетъ славнымъ миромъ, немедленно туда отлетаетъ“ (л. 46), но по пути узнаетъ, что переговоры о мирѣ уже начаты на слѣдующихъ условіяхъ: р. Тирсъ (Днѣстръ) граница обоихъ государствъ, всѣ завоеванныя земли будутъ возвращены Агарянамъ²). Для Гардарика это извѣстіе является ударомъ³), ибо онъ предполагалъ довести границу до р. Истра (Дунай) и далѣе г. Оноба, ибо „въ 20-ти часахъ“ отъ послѣдняго находятся серебряные рудники „между владѣніями Шаптунъ Илбазенъ“, (л. 46), которые въ былое время обогащали Итальянцевъ, владѣвшихъ Цимбромъ. Однако, Гардарикъ скрываетъ свою скорбь, отпуская гонца далѣе въ Гиперборейгъ щедро награжденнымъ.

Гардарикъ прибываетъ въ Дацію, и здѣсь „преждевременная смерть юнаго вождя Вартенбурга, родственника царева, поражаетъ сердце его“ (л. 46 об.) Повѣсть наша рассказываетъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ Потемкинъ съѣлъ по ошибкѣ на погребальную колесницу⁴), влагая ему въ уста слѣдующую тираду: „можетъ быть, скоро и меня на сихъ мертвоносныхъ возилахъ отправятъ туда, куда сейчасъ свезли мы нашего сподвижника“.

¹) Самойловъ, стр. 1554; Жизнь кн. П.—Т., стр. 116; Дневникъ Храповицкаго, 2-го іюля 1790 г., стр. 366.

²) Лееръ, стр. 114. Над., стр. 92.

³) Энгельг., стр., 95.

⁴) Энгельг., стр. 96; Жизнь кн. П.—Т., ч. III, стр. 67. Над., стр. 94. Бант.-Кам., стр. 92.

Это предчувствіе Гардарика оправдывается; онъ заболѣваетъ, говорятъ, что отъ избытка „тучныхъ явстій“, но вѣрнѣе, заключаетъ нашъ авторъ, отъ государственныхъ хлопотъ и послѣдней неудачи: „съ того самаго времени онъ какъ воскъ таять началъ“. Гардарикъ не лечится, „отъ юности бо своей имѣлъ великое къ зеліямъ отвращеніе¹⁾“; (л. 47) ему помогаютъ единственно небольшіе переѣзды съ мѣста на мѣсто. Потомъ и это не помогаетъ, невоздержанность въ пищу усиливаетъ болѣзнь; Гардарика постоянно одолѣваетъ сонъ, и онъ проситъ будить его, опрыскивая водой²⁾. Въ это время „изъ Никополата (Николаева) пріѣзжаетъ къ нему старый его любимецъ“ — Хваланосъ (въ ключѣ „Хвалеевъ“ — Фалѣевъ³⁾) „изъ пыли на знатную степень чести имъ возведенный“ (л. 47). Гардарикъ, обрадованный его посвѣщеніемъ, велитъ поднять занавѣси на окнахъ и находитъ своего пріятеля посвѣжѣвшимъ; послѣдній объясняетъ это воздухомъ Никополата. Гардарикъ рѣшаетъ поѣхать туда, но, чувствуя близость смерти, онъ дѣлаетъ всѣ необходимыя для войска распоряженія; вызываетъ въ Дацию Цимбрскаго военачальника⁴⁾ и „веселыми стопами исходитъ изъ своихъ чертоговъ“, садится въ колесницу вмѣстѣ съ врачомъ и ѣдетъ. Окна въ колесницѣ подняты, Гардарикъ не хватаетъ воздуха, и когда врачъ не соглашается открыть ихъ, „Гардарикъ тотъ часъ опровергаетъ сіе упорство сокрушеніемъ стеколъ“ (л. 47 об.). Дѣйствительно, начинается сквозной вѣтеръ, и врачу удается уговорить Гардарика перейти въ открытую колесницу. „Первая усадьба въ 30-ти поприщахъ отъ Дации отстоящая⁵⁾, была его ночлегомъ“; Гардарикъ почувствовалъ себя лучше, велѣлъ присутствовавшимъ разговоривать, и самъ принялъ участіе въ бесѣдѣ о „возлюбленномъ чадѣ своемъ градѣ Никоплатѣ. Его онъ видитъ, о немъ помышляетъ, въ его объятія мысленно стремительный полетъ свой направляетъ; ему кажется, что самая смерть, возрѣвъ на юность чада сего, имъ порожденнаго, укротится и опуститъ подъятую на него косу свою“ (л. 47 об.). Ночь казалась очень длинной, и Гардарикъ съ нетерпѣніемъ ждалъ разсвѣта. Настало утро „весьма влажное“, но,

¹⁾ Москвит., 1852 г. № 2, стр. 21: О частной жизни Потемкина (рукопись совр.).

²⁾ Сам., стр. 1557; Энг., стр. 97.

³⁾ Сам. указываетъ слѣд. лицъ, присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ князя: гр. Браницкая, полк. Бауръ, докторъ Фалѣевъ (о немъ стр. 1218.—1219). Русск. Арх., 67 г., стр. 1558.—Въ донесеніи В. С. Попова императрицѣ упоминается еще кн. С. Ѳ. Голицынъ, ген.-маіоръ Львовъ, штабъ-лекарь Санковскій и д-ра Тиманъ и Массоръ. Р. Арх. 78 г., I, стр. 22—23.

⁴⁾ Энг., стр. 98.

⁵⁾ См. Р. Арх. 78 г., I, стр. 23: „Изъ донесеній В. С. Попова Екатерины II-й о болѣзни и кончинѣ кн. Потемкина“.

не взирая на это, Гардарикъ отправляется въ путь. Онъ чувствуетъ себя очень плохо и три раза останавливается на разстояніи 7-ми поприщъ¹⁾.

„Наконецъ бьетъ часъ смертный“; Гардарикъ велитъ вынести себя на „чистое поле“, гдѣ его бережно и кладутъ. „Великій Гардарикъ среди плача и рыданія, возведъ очи свои на небо, возопилъ гласомъ велимъ—умираю! и тотъ часъ предалъ духъ свой въ руцѣ Божіи²⁾. Какое тутъ трогательное представляется зрѣлище: Гардарикъ лежитъ бездыханенъ, земля одръ его, а небо покрывало, окрестъ его стоящія, поникнувъ выи свои, рѣки слезъ проливаютъ“ (л. 48). Гонецъ отправляется въ Дацию съ вѣстью о смерти Гардарика. „Какая скорбь тамъ каждого объемлетъ: сѣтуетъ Скиѣъ, толико имъ покровительствуемый, стенаетъ воинъ, толико имъ любимый, воздыхаетъ Сармать, чрезъ него Рисландіи усыновитися надѣявшійся, жалѣетъ о немъ побѣжденный Агарянинъ, яко о великодушномъ и челоуѣколюбивомъ побѣдителѣ. Вотъ сколько добродѣтельному мужу сердечныхъ памятникѣвъ“ (л. 48). Другой гонецъ отправляется въ Гиперборейгъ къ государю.

Тѣло Гардарика переносятъ въ Дацию, причемъ по вскрытіи оказывается, что онъ умеръ отъ „скопленія желчи“ (л. 48 об.) „Какой необыкновенной величины обрѣтаютъ въ немъ сердце! Но великое великому и свойственно, сіе то самое сердце было вмѣстилищемъ тѣхъ обильныхъ и сильныхъ чувствій, кои руководствуя его къ произведенію въ дѣйство великихъ намѣреній царевыхъ, содѣлали его великимъ“ (л. 48 об.).

Погребеніе Потемкина описано у нашего автора сходно съ другими біографами³⁾, но онъ вноситъ въ него, въ отличіе отъ другихъ, лирическій элементъ: „Какая печальная картина тутъ представляется: храбрые воины, поникнувъ побѣдоносныя выи свои неутѣшною возмущаются горестью, токи слезъ лютяся изъ очей ихъ; сіи слезы суть самый убѣдительнѣйшій доводъ любви, благодарности и приверженности къ нему всего войска, сколь много чести приносятъ они памяти и праху военачальника“ (л. 49). „Отсюда обратимъ мысленный взоръ нашъ на государя, уже получившаго вѣдомость о кончинѣ возлюбленнаго ему

¹⁾ Надгробная надпись кн. Потемкину въ монастырѣ Голін въ Яссахъ гласитъ, что онъ скончался въ 37 верстахъ отъ г. Яссы. Р. Арх. 96 г., т. III, стр. 211: „Достопамятная церковь въ Яссахъ“ А. И. Яцимирскаго.

²⁾ Послѣднія слова Потемкина, по Самойлову: „прости, милосердная мать-государыня“ (стр. 1558). Энг., стр. 98. Въ донесеніи В. С. Попова только: „испустилъ духъ свой“. Р. Арх. 78 г., I, стр. 23.

³⁾ Жизнь кн. П.-Т., ч. III, стр. 1—13. Энг., стр. 101—105.

Гардарика. Громовый гласъ поражаетъ сердце его; чѣмъ извѣстнѣе было ему его усердіе на пользу отечества и славу его оказанное предъ свѣтомъ знаменитыми заслугами, тѣмъ разительнѣе былъ для него гласъ, возвѣстившій о кончинѣ Гардариковой¹⁾ (л. 49). Раздѣляя скорбь войска по его вождѣ²⁾, государь обращается къ нему со слѣдующей рѣчью:

„Герои Рисландскіе, вы лишились въ государствѣ вождя мудраго, а я ревностнаго и искуснаго исполнителя моихъ намѣреній, проходите служеніе ваше съ тѣмъ усердіемъ и радѣніемъ, какое онъ всегда вамъ внушалъ, исполняйте же узаконенія мои съ точностію, блюдите воинскій порядокъ и подчиненность яко сущее основаніе службы и залогъ побѣдъ. Сохраните навсегда честь оружія моего и во всякомъ случаѣ грядите тѣмъ путемъ побѣдоноснымъ, имъ же и предки ваши и вы шествовали“ (л. 49 об.).

Но въ средѣ враговъ Гардарика смерть его вызвала всеобщую радость. „Лишь только молва о смерти его коснулась слуха невѣждъ несмысленныхъ, уже они толпами стекаются по стогнамъ, уже несказанная радость печатлѣется на лицахъ ихъ при словахъ: „онъ умеръ“³⁾; сердце ихъ отрыгаетъ злобу и языкъ клеветами изощряется; „онъ умеръ, говорятъ они, и вся слава его съ нимъ исчезла; не добродѣтелями бо, но счастіемъ толико ему благопріятствовавшимъ стяжалъ онъ себѣ величіе; успѣхи оружія надули сердце его гордынею и презрѣніемъ ко всѣмъ людямъ, его тщеславіе содѣлало народъ Рисландскій ненавистнымъ всему свѣту; онъ былъ честолюбивъ до ненасытности, высокомѣренъ до безмѣрности, онъ ухищреніемъ пріобрѣлъ великую сласть и похитилъ чуждую славу, онъ безпрестанно утопалъ въ роскошахъ, забавахъ и сладострастіи, онъ обращался съ богатыми и сластолюбивыми Акціанами(?), онъ только родственниковъ и любимцевъ своихъ выводилъ во знатные чины и поручалъ имъ въ управленіе важныя государственныя должности“ (л. 50). „Простодушные граждане“, слыша эти толки, тоже „пріобщаются къ сонму злоязычниковъ“, но тутъ проходитъ мимо „нѣкій старецъ“ пустынножитель, „частый собесѣдникъ Гардариковъ“. Возмущенный подобнымъ невѣжествомъ, старецъ „возопилъ гласомъ велиимъ: „Господи, отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что глаголятъ“ и обратясь къ толпѣ сказалъ: „несмысленные, удержите языкъ вашъ отъ зла: не должно порицать того, кто 52 лѣта былъ

¹⁾ Сам., стр. 1560—61; Храповицкій: 1791 г.; окт. 12, 13, 16., стр. 377—78. „Осмнадцатый Вѣкъ“ П. Бартенева, I, стр. 425 (Письмо Вал. Эстергази).

²⁾ Энг., стр. 100; Жизнь кн. П.—Т., ч. II, стр. 132—133.

³⁾ „Осм. Вѣкъ“, I, стр. 425.

добродѣтеленъ, кто сряду 30 лѣтъ былъ полезенъ отечеству, кто 20 лѣтъ былъ исполнителемъ великихъ намѣреній, коимъ блага вы не постигаете, кто во время своего могущества былъ справедливъ, благотворителенъ, великодушенъ, снисходителенъ, кто и въ самыхъ порокахъ своихъ нѣчто имѣлъ тонкое и великое, кто съ толикимъ искусствомъ пальмы отечественной славы собирать умѣлъ; стрѣлы ваши не умертвятъ его, безсмертенъ бо есть. Я вашими устами нѣкогда съ нимъ бесѣдовалъ и вотъ что извлекъ изъ его чувствій. Внемлите оправданіемъ его“ (л. 50—50 об.). Старецъ развертываетъ свитокъ и читаетъ; въ свиткѣ изложена вымышленная бесѣда его съ Гардарикомъ. Авторъ нашей повѣсти заставляетъ старца задавать Гардарикѣ вопросы и упрекать его за различные пороки, а въ уста Потемкина влагаетъ собственную защиту.

Этотъ свитокъ старца резюмируетъ всю повѣсть, являясь апологіей Потемкина. Такъ напр., Гардарикъ говоритъ:

„То кровопролитіе, которымъ меня укоряютъ, есть изъ самыхъ величайшихъ мнѣхъ дѣяній... Сею кровію мгновенно воздвигнуты такія огромныя зданія, какія токмо вѣками зиждутся“ (л. 52). „Великолѣпіе, пышность, любострастіе, роскошь и расточеніе, меня всегда окружающія, суть обыкновенные спутники великихъ людей и великихъ дѣлъ; разуму, непрестанно упражненному, такъ же нуженъ покой и забава, какъ и луку всегда напряженному ослабленіе, дабы не преломился“ (л. 53 об.). „Мое мужество, моя неустрашимость, мое усердіе къ отечеству, моя приверженность къ монарху излетали изъ души моей въ сердца предводимыхъ мною воиновъ“ (л. 55). „По величію дѣлъ моихъ и самые пороки мнѣ позволительны“ (л. 57). „Среди самыхъ угрозъ лишь только блеснулъ моимъ разумомъ, моимъ великолѣпіемъ, моею пышностію, моимъ могуществомъ, всѣ тучи исчезли; тогда всѣ во мнѣ познали, что свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ и тьма его не объять“ (л. 57 об.).

Есть намекъ и на соперничество Потемкина съ Румянцевымъ, котораго Гардарикъ называетъ своимъ Маріемъ: считая заслуги послѣдняго ничтожными, Гардарикъ перечисляетъ всю свою славную дѣятельность и утѣшается мыслью, что потомство оцѣнитъ его. Онъ слышитъ голосъ потомства, взывающаго къ нему: „сынъ мой, помни, что душа твоя безсмертна, имя твое будетъ таково же; имя твое, яко исполнителя великихъ намѣреній при священномъ имени твоего монарха, иссѣчется во храмъ безсмертія, и слава твоя пронесется до позднѣйшихъ потомковъ; когда, напротивъ того, гласъ звучный тысячи земныхъ владыкъ смѣсится съ прахомъ истлѣнія и исчезнетъ въ вѣчномъ мракѣ

праведнаго забвенія, по смерти своей ты паки оживешь; твой разумъ всегда будетъ удивлять и наставлятъ вѣки“ (л. 59 об.).

По окончаніи чтенія граждане познали истину, почувствовали угрызенія совѣсти: „очи ихъ потупляются и выпускають токи слезъ“ (л. 60). Замѣтя произведенное впечатлѣніе, старецъ напутствуетъ гражданъ рѣчью, которую заканчиваетъ словами: „а вы, научась оправданія его, отнынѣ судите о немъ въ правдѣ, да не судимы будете“ (л. 60).

Закончивъ рѣчью старца рассказъ о жизни Потемкина, авторъ повѣсти обращается къ читателямъ съ просьбой отмѣтить полезныя нововведенія Гардарика. Разбираются его заслуги въ военномъ дѣлѣ, въ вопросахъ вооруженія и обмундированія войска¹⁾, въ мореплаваніи; приводится даже отзывъ Гардарика о книгѣ „Военный мореплаватель и инструкція флоту“. (л. 61--62 об.). Въ заключеніе разбираются личныя нравственныя качества Гардарика. „Всякой угнетаемой находилъ въ немъ защитника сильнаго, порога предъ нимъ никогда не блистала, не брала верху надъ достоинствомъ бѣднаго: никогда знаменитаго вельможи сынъ не былъ предпочтенъ простому дворянину или еще такому, который въ семь преимуществъ не родился. Примѣры тому многочисленны. Человѣкъ съ дарованіями всегда въ Гардарикѣ находилъ свою цѣну и себѣ одобреніе“ (л. 63). „Многія тысячи достойныхъ имѣли въ немъ благодѣтеля и руководителя, войско искуснаго и человѣколюбиваго вожда, отечество полезнаго гражданина, церковь усерднѣйшаго сына, Монархъ совѣтника, споспѣшника и друга“ (л. 63). Заслуги Гардарика простираются за его столѣтіе; въ его лицѣ Рісландія лишилась человѣка, „которому подобнаго еще не бывало“. Для памяти о немъ, кромѣ великихъ дѣлъ, остался еще прахъ въ градѣ Бористенополѣ, и предполагается, по приказу государя, построеніе памятника.

Авторъ заканчиваетъ свое повѣствованіе обращеніемъ къ художнику: „Истоци жъ, художникъ, все искусство свое, изсѣки изъ чистаго мрамора сходственный образъ его, да потомки наши удивятся ему и при возрѣніи на него проліють предъ нимъ токи слезъ благодарныхъ“ (л. 63).

*

Таково содержаніе „Повѣсти о Гардарикѣ“. Неизданная въ свое время²⁾, она осталась въ рукописи и, очевидно, была мало распро-

¹⁾ Энгельг., стр. 40—41; Бант.-Каменскій, стр. 67. Самойловъ, стр. 1226; 1575—1576; Жизнь кн. П.-Т., стр. 73; Мнѣніе кн. Потемкина объ обмундированіи войска (текстъ)—Р. Арх. 88 г., т. III, стр. 364—367.

²⁾ Мы не встрѣчаемъ ее въ указателяхъ Сопикова и Смирдина.

странена; такъ, единственное упоминаніе объ этой повѣсти находимъ (какъ указано выше) въ „Собраніи анекдотовъ“. Ни одинъ же изъ біографовъ Потемкина о ней не знаетъ. Гр. Самойловъ, негодующій на оскорбительныя памяти Потемкина сочиненія¹⁾, несомнѣнно, не оставилъ бы безъ вниманія нашу повѣсть, настолько отвѣчающую его взглядамъ, если-бы она была ему извѣстна. Позднѣйшимъ изслѣдователямъ дѣятельности Потемкина (до Брикнера включительно) „Повѣсть о Гардарикѣ“, повидимому, также не была извѣстна; между тѣмъ, она представляетъ немалый историческій интересъ, какъ апологія великаго временщика, — *современная ему*²⁾. Любопытна она и въ историко-литературномъ отношеніи, какъ попытка созданія въ концѣ XVIII в. Русскаго roman déguisé.

Какъ извѣстно, roman déguisé, т. е. романъ, въ которомъ подъ маской античныхъ или вымышленныхъ героевъ, или даже только ихъ именъ, бывала выведена живая, современная автору, дѣйствительность, процвѣтала во Франціи въ XVII-мъ вѣкѣ³⁾.

Зачатки déguisement встрѣчаются въ романѣ „Astrée“, принадлежащемъ перу Оноре д'Юрфе (1610 г.), гдѣ можно найти нѣкоторые намеки на современныхъ автору историческихъ лицъ: Генриха IV, Маргариту Валуа и др. Дальнѣйшее развитіе романа déguisé находимъ у Гомбервиля („Carithée“, 1621—г.), Кальпренеда („Cléopâtre“ и „Faramond ou l'histoire de France“), и, наконецъ, наиболѣе яркое выраженіе этого типа представляютъ романы m-lle de Ucucléry: „Le grand Cyrus“ (1648—1653) и „Clélie“ (1654—1668).

Подъ Персидской и Римской обстановкой для читателя ясна Франція XVII в., и разгадываніе дѣйствующихъ лицъ не представляло труда

¹⁾ „Вопреки справедливости и благомыслию, по кончинѣ сего великаго мужа появились о немъ исторіи, отъ издателей отечественныхъ и иностранныхъ, изъ которыхъ не было ни одной вѣрной: всѣ сии біографіи не выжили въ существо истинны, а можетъ быть не имѣли и источниковъ, откуда оную почерпнуть; но, слѣдуя преданіямъ, рассказамъ и злословію, разсѣянному отъ враговъ и завистниковъ князя Потемкина, описывали жизнь его невѣрно и оскорбительно“. Р. Арх. 1867 г., стр. 582—583.

²⁾ Въ Р. Арх. 1908 г., т. III, стр. 402—404 г. Л. Мацѣвичемъ напечатана „Эпитафія на смерть его свѣтлости кн. Г. А. Пот.-Таврич.“, анонимный авторъ которой относится крайне враждебно къ кн. Потемкину. Если она, „какъ *голосъ современника*, имѣетъ историческій интересъ“ (Левъ Мацѣвичъ), то еще болѣе цѣненъ голосъ другой стороны, не закрывающей глаза на недостатки великаго человѣка, но умѣющей оцѣнить по достоинству его заслуги.

³⁾ О roman déguisé см. Н. Коертингъ: „Geschichte des französischen Roman im XVII Jahrhundert. Leipzig, 1885. 2-te Abteilung. *Petit de Jullerille. Histoire de la langue et de la littérature française*“. Paris, 1897, t. IV, chap. VII.

для современниковъ. Нѣкоторымъ героямъ присвоены классическія или вымышленныя имена, такъ Конде называется Cyrus, m-me de Maintenon—Lyriane и пр.; другія же собственныя имена лишь слегка искажены, такъ вмѣсто Ucaron имѣемъ Ucaurus, вмѣсто Catherine (de Rambouillet) вошедшую впоследствіи въ моду анаграмму ея имени—Arthenice.

Такому же *déguisement* подвергаются названія мѣстностей. По содержанію Французскій roman *deguisé* представляетъ прихотливое сплетеніе историческихъ фактовъ съ цѣлымъ рядомъ вымышленныхъ событій; богато развита въ немъ также и романическая интрига.

Обратившись къ нашей повѣсти, мы должны отмѣтить въ ней тѣ же авторскіе приемы: въ *déguisement* онъ вводитъ, какъ мы видѣли, имена 1) классическія, 2) искаженныя и 3) вымышленныя. По содержанію же, нашъ roman *déguisé* довольно бѣденъ, не давая никакой посторонней интриги; въ описаніи историческихъ событій, войнъ, и пр., авторъ точенъ до мелочей, вымышлены только рѣчи героевъ и нѣкоторые незначительные факты (напр., рѣчь старца). Такія строгія рамки разсказа легко объясняются задачей автора: цѣлью его творчества являлось не предоставленіе занимательнаго чтенія современникамъ, а *оправданіе* уважаемаго имъ лица; поэтому совершенно понятно стремленіе показать Потемкина съ привлекательной стороны именно на фонѣ удостовѣренныхъ историческихъ событій.

Кто былъ авторомъ повѣсти, мы не имѣемъ никакихъ указаній; несомнѣнно, однако, что это было лицо, хорошо знавшее Потемкина, участвовавшее въ Турецкихъ войнахъ и присутствовавшее при его кончинѣ. Последняя разсказана съ такими деталями, какихъ намъ не приходилось встрѣчать ни у одного изъ біографовъ; самый тонъ повѣствованія, простой и безыскусственный, изобличаетъ очевидца. То же можно сказать и относительно войнъ: увлекаясь, повидимому, воспоминаніями, авторъ даетъ настолько подробныя и точныя описанія всѣхъ кампаній, фланговыхъ движеній войскъ и т. п., что онѣ являются даже ущербомъ для общаго хода повѣствованія (изъ 63 л. повѣсти на описаніе войнъ отведено около 30 л.). Въ повѣздкѣ Потемкина въ С.П.Б. авторъ, очевидно, не участвовалъ и на праздникѣ въ Таврическомъ дворцѣ не присутствовалъ; какъ мы отмѣтили выше, описаніе праздника цѣликомъ заимствовано у Державина, причемъ характерна одна подробность: всѣ *очевидцы* праздника указываютъ на случайно происшедшій

безпорядокъ—раздачу подарковъ народу до приѣзда Екатерины¹⁾),—нѣтъ такого упоминанія у Державина,—нѣтъ и въ нашей повѣсти.

Не присутствовалъ нашъ авторъ, повидимому, и при приѣмѣ Екатерины Потемкинымъ на югѣ, такъ какъ объ ея путешествіи упомянуто лишь вскользь. Молодость Потемкина извѣстна автору повѣсти, вѣроятно, лишь по слухамъ, ибо о ней отзывается онъ очень осторожно, напр.: „говорятъ, онъ еще съ юности судилъ съ великою мудростію“ (л. 8 об.).

Не подлежитъ сомнѣнію образованность автора, его знакомство съ міеологіей и исторіей, какъ античнаго міра, такъ и славянскаго²⁾, знакомство съ Французской литературой, откуда онъ беретъ прототипъ своей повѣсти,—но всѣ эти данныя черезчуръ скудны и мало помогаютъ выясненію личности автора, такъ что этотъ вопросъ оставляемъ открытымъ.

Что же касается формы—„roman déguisé“,—то нѣчто подобное встрѣчается въ XVIII в. лишь у кн. Щербатова въ его „Путешествіи въ землю Офирскую³⁾“; но тамъ déguisementъ выступаетъ значительно слабѣе, ограничиваясь лишь *искаженіемъ* собственныхъ именъ⁴⁾. Описанная нами „Повѣсть о Гардарикѣ“ возникла очевидно, независимо отъ сочиненія Щербатова, непосредственно изъ Французскаго источника и была попыткой привить къ Русской литературѣ модный въ свое время Французскій жанръ.

Т. Глаголева.

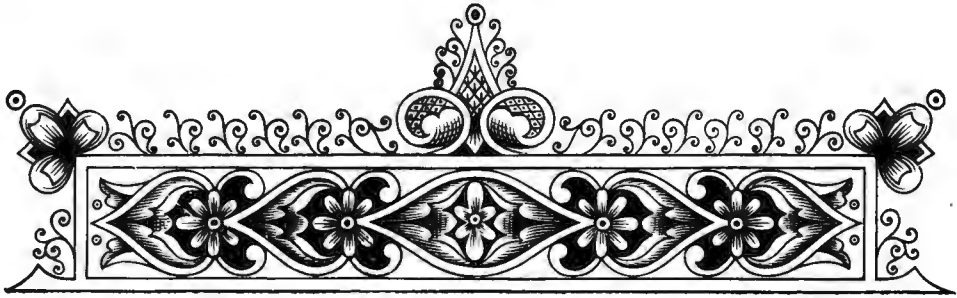

¹⁾ Русск. Арх. 1867 г., стр. 674—694: Письмо Тимофея Кирьяка; Москвит. 1852 г., № 3, стр. 28—29: Изъ рукописи современника.

²⁾ Такъ, авторъ упоминаетъ наряду съ Перикломъ, Алкивиадомъ и т. д. древнія названія рѣкъ, мѣстностей, племенъ: Фракія, Батавія, Паннонія, Синпллзъ, Бористень, Танаисъ (Танаисъ); моря Хвалынское, Ахейское; агаряне, хозары, алане, роксолане.

³⁾ Соч. кн. М. М. Щербатова, т. I-й.

⁴⁾ Перега—Петръ; Перегабъ—СПБ.; Негія—Нева; Тервелъ—Тверь, Голва—Волга, Дысвы—Шведы и пр.

1812-й годъ.

Краткое описаніе происшествіямъ въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году.

Вступленіе.

Прежде нежели приступлю къ описанію происшествій въ столицѣ Москвѣ въ 1812 году, которыхъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ, я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ положеніи, въ какомъ находилась Москва съ 1-го Января 1812 года, то есть, о бывшихъ въ это время начальникахъ въ ней и о себѣ самомъ, какъ о человѣкѣ, игравшемъ нѣкоторую роль, во время пребыванія въ ней непріятеля, и показать причины, почему я остался въ его власти.

Въ началѣ 1812 года былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ генераль-фельдмаршалъ графъ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, гражданскимъ губернаторомъ Николай Васильевичъ Обресковъ, оберъ-полиціймейстеромъ Петръ Алексѣевичъ Ивашкинъ, а полиціймейстерами Александръ Александровичъ Волковъ и Егоръ Александровичъ Дурасовъ (что нынѣ сенаторъ).

Съ 1806 года я жилъ постоянно въ Москвѣ, числясь при Герольдіи къ опредѣленію къ дѣламъ.

Съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 году съ Французами въ Тильзитѣ; однакожь ничего не было примѣтно, и все оставалось спокойно; напротивъ еще, въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ Вѣдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что „что-то не ладно между нами и Французами“, но все это большого вѣроятія не заслуживало, потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами, единственно для того, чтобы только что нибудь печатать; но когда многіе листы

иностранныхъ вѣдомостей были задержаны, то стали догадываться, что „что нибудь да есть“, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отовсюду стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными; въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ Французами будетъ война жестокая. Однакожь 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масляницу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже объ нихъ.

Такъ какъ статсъ-секретарь, Петръ Степановичъ Молчановъ, еще въ прошедшемъ 1811 году объявилъ бывшему тогда министромъ юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву, что Его Императорское Величество, высочайше повелѣть изволилъ опредѣлить меня къ должности, то, въ слѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, въ половинѣ Февраля мѣсяца 1812 года, директоръ департамента юстиціи, графъ Сергій Петровичъ Салтыковъ, увѣдомилъ меня письмомъ, что открылась вакансія въ губернскомъ городѣ Вологдѣ губернскаго стряпчаго, и предлагалъ мнѣ это мѣсто, но я отъ него отказался.

Въ концѣ Марта мѣсяца я опять получаю письмо отъ директора департамента юстиціи, графа Салтыкова, въ которомъ онъ увѣдомилъ меня, что открылась вакансія въ Москвѣ, въ вотчинномъ департаментѣ, и я охотно принялъ оное.

По изъявленіи моего согласія на принятіе службы въ вотчинномъ департаментѣ, 2-го Маія, указомъ Правительствующаго Сената, я опредѣленъ вторымъ членомъ, а 20 того жъ Маія, присягнувъ на службу, вступилъ въ отправленіе моей должности.

Мѣсто, которое я занялъ въ вотчинномъ департаментѣ, принадлежало до сего коллежскому ассессору Дмитрію Ивановичу Дмитріеву (родному братцу, бывшему тогда министромъ юстиціи, Ивану Ивановичу Дмитріеву). Сей Дмитрій Ивановичъ Дмитріевъ, мѣсто котораго я занялъ, вступилъ въ вотчинной департаментъ въ Ноябрь мѣсяцѣ 1811 года, изъ отставныхъ маіоровъ, а въ Мартѣ мѣсяцѣ 1812 года, по представленію министра юстиціи, роднаго своего братца, за отличное служеніе, пожалованъ въ надворные совѣтники и посаженъ въ Сенатъ за оберъ-прокурорской столъ съ жалованьемъ по тысячи рублей въ годъ. Такимъ образомъ сіе мѣсто и очистилось для меня. Провидѣніе избрало меня, чтобъ сохранить архиву сего департамента отъ совершеннаго истребленія оной неприятелемъ. Сія архива необходима для общаго спокойствія.

Вотчинной департаментъ съ его четырью архивами находился, какъ и нынѣ находится, въ 3 этажѣ сенатскаго зданія, что въ Кремлѣ, и имѣетъ изъ оконъ своихъ видъ въ три стороны города.

Присутствующими въ вотчинномъ департаментѣ были: 1-й членъ или предсѣдатель онаго, г. статскій совѣтникъ Адрианъ Ѳедоровичъ Аничковъ, имѣвшій тогда около 70 лѣтъ, если не болѣе; 2-й членъ былъ я; 3-й членъ былъ надворный совѣтникъ Матвѣй Кузьмичъ Ивановъ, изъ приказнослужителей сего департамента, имѣвшій тогда болѣе 75 лѣтъ, и въ личномъ его вѣдѣніи были деньги, принадлежавшія департаменту. Вотчинной департаментъ, по производству дѣлъ своихъ, состоялъ подъ непосредственнымъ главнымъ надзоромъ Правительствующаго Сената г. оберъ-прокурора, графа Матвѣя Александровича Дмитріева-Мамонова¹⁾. При департаментѣ служили: экзекуторъ, четыре секретаря, да 138 чиновниковъ и приказнослужителей; карауль состоялъ изъ инвалидовъ, которыхъ департаментъ нанималъ.

Вотъ все, что я нужнымъ поставилъ сказать въ семь вступленіи.

ОТДѢЛЕНІЕ 1-Е.

Произшествія въ столицѣ Москвѣ до вторженія въ оную непріятели.

Маія 15 дня. По прошенію главнокомандовавшаго въ Москвѣ, генераль-фельдмаршала, графа Гудовича, Государь Императоръ всемилостивѣйше дозволилъ ему сложить съ себя званіе сіе, для поправленія разстроеннаго его здоровья.

*Маія 29 дня*²⁾. Дѣйствительный тайный совѣтникъ и Двора Его Императорскаго Величества оберъ-камергеръ, графъ Ростопчинъ, всемилостивѣйше переименовывается въ генералы отъ инфантеріи и назначается военнымъ губернаторомъ въ Москву.

Я не имѣлъ чести знать лично графа Гудовича, не видывавъ его никогда, но въ достоинствахъ его нисколько не могъ сомнѣваться, ибо онъ и въ царствованіе Великія Екатерины занималъ важныя мѣста, а потому заслуги его должны быть извѣстны отечеству; но графа Ростопчина я очень хорошо зналъ по многимъ отношеніямъ, а особливо по несправедливому поступку его съ пріятелемъ моимъ, Петромъ Петровичемъ Дубровскимъ, который 25 лѣтъ находился внѣ предѣловъ отечества при разныхъ посольствахъ, и служилъ всегда съ честью и похвалою³⁾. Графъ Ростопчинъ не зналъ даже лица его, но при вступ-

¹⁾ Въ то время онъ былъ еще очень молодымъ человѣкомъ. Ему покровительствовалъ министръ юстиціи. Дмитріевы и Дмитріевы-Мамоновы, одного корня. Они происходятъ отъ Рюрика П. Б.

²⁾ Всего за двѣ недѣли до вступленія Наполеона въ Россію. П. Б.

³⁾ Это тотъ Дубровскій, который привезъ въ Россію изъ Франціи историческія рукописи и въ числѣ ихъ Записки Людовика XVI-го на книгу Рюльера о водареніи Екатерины Великой, которую онъ читалъ еще въ рукописяхъ. П. Б.

леніи въ званіе вице-канцлера, въ царствованіе императора Павла 1-го, исключилъ его, Дубровскаго, изъ службы, единственно по тому, что онъ не былъ никому знакомъ изъ приближенныхъ къ графу, и такою несправедливостію ввергнулъ его въ самое затруднительное положеніе возвратиться въ отечество; и потомъ, когда онъ, Дубровскій, „кой-какъ“ возвратился и явился къ нему, Растопчину, онъ оболгалъ его предъ Государемъ, и Дубровскій высланъ былъ изъ С.-Петербурга. Признаюсь откровенно: лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства, сердце облилось у меня кровью, какъ будто я ожидалъ „чего-то“ очень не-пріятнаго.

Юня 13 дня. Напечатанъ былъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генераль-фельдмаршала, графа Николая Ивановича Салтыкова, коимъ Государь Императоръ увѣдомляетъ, что Французскія войска вошли въ предѣлы нашей Россійской имперіи. Рескриптъ сей служилъ объявленіемъ войны съ Французами, и съ 54 номера сихъ же Московскихъ Вѣдомостей начали печатать извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

Юля 3 дня. Выдано въ Москвѣ слѣдующее печатное объявленіе:

„Московской военной губернаторъ, графъ Растопчинъ, симъ извѣщаетъ, что въ Москвѣ показалась дерзкая бумага, гдѣ, между прочимъ вздоромъ, сказано, что Французской императоръ, Наполеонъ, общается чрезъ шесть мѣсяцовъ быть въ обѣихъ Россійскихъ столицахъ. Въ 14 часовъ полиція отыскала и сочинителя, и отъ кого вышла бумага. Онъ есть сынъ Московскаго второй гильдіи купца, Верещагина, воспитанный иностранцемъ и развращенный трактирною бесѣдою. Графъ Растопчинъ признаетъ нужнымъ обнародовать о семъ, полагая возможнымъ, что списки сего мерзкаго сочиненія могли дойти до свѣдѣнія и легковѣрныхъ, и наклонныхъ вѣрить невозможному. Верещагинъ же сочинитель и губернской секретарь Мѣшковъ, переписщикъ ихъ, преданы суду и получаютъ должное наказаніе за ихъ преступленіе“.

Я нужнымъ поставлю приложить при семъ точныя копіи съ сихъ двухъ дерзкихъ бумагъ.

1.

Письмо Наполеона къ Прусскому королю.

„Ваше величество! Краткость времени не позволила мнѣ извѣстить васъ о послѣдовавшемъ занятіи вашихъ областей. Я для соблюденія порядка опредѣлилъ въ нихъ моего принца; будьте увѣрены, ваше величество, въ моихъ къ вамъ искреннихъ чувствованіяхъ дружбы. Очень радуюсь, что вы, какъ курфюрстъ Бранденбургской,

заглаживаете недостойной вашъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана желаніемъ присоединиться къ огромной массѣ Рейнской монархіи. Мой статсъ-секретарь пространно объявить вамъ мою волю и желаніе, которое, надѣюсь, вы съ великимъ рвеніемъ исполните. Дѣла моихъ ополченій зовутъ теперь меня въ мой воинскій станъ. Пребываю вамъ благосклонный *Наполеонъ*“.

2.

Рѣчь, произнесенная Наполеономъ къ князьямъ Рейнскаго союза, въ Дрезденѣ.

„Вѣнценосные друзья Франціи! Дѣла въ Европѣ взяли другой оборотъ. Повелѣваю, какъ глава Рейнскаго Союза, для общей пользы, удвоить свои ополченія, приведя ихъ въ готовность пожинать лавры подѣ моимъ начальствомъ на полѣ чести. Вамъ объявляю мои намѣренія: желаю возстановленія Польши. Хочу исторгнуть ее изъ непополитическаго существованія на степень могущественнаго королевства. Хочу наказать варваровъ, презирающихъ мою дружбу. Уже берега Прегеля и Вислы покрыты орлами Франціи. Мои народы! Мои союзники! Мои друзья! Думайте со мною одинаково. Я хочу и поражу древнихъ тирановъ Европы. Я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцовъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы“.

Читая эти бумаги, съ первыхъ строкъ можно было замѣтить, что двадцатилѣтній купеческій сынъ, Верещагинъ, отъ какого бы иностранца образованіе свое ни получилъ, и какою бы трактирною бесѣдою развращенъ ни былъ, такихъ бумагъ не напишетъ, а потому и объявленіе это главнокомандующаго Москвою всѣмъ показалось ложью, что, конечно, не могло поселить къ нему ни довѣрія, ни искренняго уваженія.

Я люблю правду, и всякой гражданинъ, приверженный не одними словами, но душою и сердцемъ, къ престолу законнаго Монарха и отечеству, долженъ любить правду: ибо Помазанникъ Божій, Государь, изрекаетъ судъ по правдѣ, и тогда уже не подвергаетъ себя Божескому суду. И такъ, я объясню дѣло о Верещагинѣ слѣдующею истиною. Дни за четыре до напечатаннаго объявленія графомъ Растопчинымъ, съ пришедшею изъ С.-Петербурга почтою были получены и иностранныя вѣдомости, и въ Усть-Эльбскихъ эти, такъ названныя, дерзкія двѣ бумаги были напечатаны; какимъ же образомъ Верещагинъ про-

чель тѣ газеты и успѣлъ перевести изъ нихъ рѣчь Наполеона на Руской языкѣ, я не знаю, но списки его перевода скоро разошлись по рукамъ: я самъ видѣлъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ въ департаментѣ и списалъ для себя копіи, но, прочитавъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ объявленіе графа Растопчина, и чтобъ не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя тогда же, и потомъ уже въ 1814 году¹⁾ списалъ ихъ вновь изъ печатной Русской книги, заглавія которой не запомню.

Между тѣмъ главной Московской почтъ-директоръ, тайной совѣтникъ, Ѳедоръ Петровичъ Ключаревъ²⁾, человѣкъ съ большими достоинствами, обремененный лѣтами и дряхлостью, но личный врагъ графу Растопчину, былъ въ ночь арестованъ новымъ третимъ полиціймейстеромъ столицы Москвы, г-мъ Брокеромъ.

Для поясненія тогдашнихъ отношеній, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о г. Брокерѣ. Адамъ Ѳомичъ Брокеръ, съ давнихъ лѣтъ приверженный къ графу Растопчину и самой короткой человѣкъ въ его домѣ, служилъ въ главномъ Московскомъ Почтъ-амтѣ экзекуторомъ, и по назначеніи графа Растопчина военнымъ губернаторомъ Москвы, по покровительству его, получилъ мѣсто третьяго Московскаго полиціймейстера, съ переименованіемъ его въ военной чинъ; и этому-то чиновнику графъ Растопчинъ поручилъ арестовать Ключарева, чиновнику, который, за двѣ недѣли назадъ, находился подъ непосредственнымъ его, Ключарева, начальствомъ! Арестованный старецъ подъ стражею высланъ въ городъ Воронежъ, а оставшееся имѣніе его сдѣлалось пищею пламени и расхищено въ непріятельское нашествіе³⁾.

Поступокъ сей съ Ключаревомъ еще болѣе утвердилъ ложь Растопчина относительно Верещагина, потому что, если бумаги писалъ Верещагинъ, то не было никакого повода такъ незаконно поступать съ заслуженнымъ старцемъ, генераломъ; если же, напротивъ, Верещагинъ перевелъ сіи списки изъ иностранныхъ вѣдомостей, то не слѣдовало объявлять, что Верещагинъ сочинилъ ихъ: ложь была очевидна въ обоихъ случаяхъ.

Впрочемъ, бумаги сіи и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ народѣ. Народъ говорилъ: „Мы, де, Русскіе и должны держаться Русской пословицы: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“,

¹⁾ Т. е. черезъ два года послѣ описываемыхъ событій. П. Б.

²⁾ Родомъ изъ крѣпостныхъ графа Шереметева, масонъ. П. Б.

³⁾ См. Записки А. Ѳ. Брокера (родомъ Шведа) въ „Русск. Архивѣ“ 1868 г. П. Б.

и не знали чему дивиться: дерзости ли Наполеона, которую оказывалъ къ вѣнценоснымъ друзьямъ своимъ, или кротости и снисхожденію сихъ вѣнценосныхъ его друзей.

Въ самое это же время слухъ прошелъ въ Москвѣ, что будто въ С.-Петербургѣ открыта измѣна въ особахъ Государственнаго Совѣта: секретарѣ Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ и Михайлѣ Леонтьевичѣ Магнитскомъ, что они уже арестованы министромъ полиціи, Балашовымъ, и что ихъ везутъ подь стражею чрезъ Москву въ опредѣленные имъ города для жительства; говорили при томъ, что лишь только они въ Москву вѣдуть, то будутъ истерзаны народомъ; но, слава Богу, они съ Твери поворотили въ другую сторону и въ Москвѣ не были.

Юля 5 дня. Первой членъ вотчиннаго департамента, статской совѣтникъ Аничковъ, по случаю ваканціи, уволенъ былъ отъ должности на 28 дней; ему данъ былъ паспортъ, и онъ изъ Москвы выѣхалъ, а я остался начальникомъ департамента.

Юля 11 дня. Государь Императоръ изволилъ прибыть въ столицу Москву; съ Его Величествомъ прибыли гг. оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, генералъ отъ артиллеріи графъ Аракчеевъ, генералъ-адъютантъ, министръ полиціи Балашовъ, вице-адмиралъ, государственной секретаръ Шишковъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій.

Въ сей же день рано утромъ читали мы слѣдующій печатный манифестъ.

Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожь по отеческому сердоболію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности, да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ. Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ; она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу: по

примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей, текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества, для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуютъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляютъ Богъ и Православная наша церковь: да составляютъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не уедемъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится *). Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!

На подлинномъ: „Александръ“.

Въ лагерѣ близъ Полоцка, 6 Іюля 1812 года.

Всякой, кто читалъ это воззваніе къ столицѣ Москвѣ, былъ тронутъ до глубины сердца, всякой готовъ былъ жертвовать собою для защиты престола и отечества. Я въ сей день, со многими другими, обѣдалъ у начальника моего, графа Дмитріева-Мамонова. Сей вельможа Россійскаго государства, истинный сынъ отечества, безъ лицемѣрнаго притворства, приверженной къ престолу Монарха, при своемъ состояніи, рѣшился сформировать пѣхотной полкъ изъ крѣпостныхъ своихъ крестьянъ и на свой счетъ; онъ приглашалъ меня способствовать ему и вмѣстѣ служить въ ономъ полку съ нимъ. Я охотно согласился и подалъ прошеніе о увольненіи меня изъ вотчиннаго департамента; но, къ сожалѣнію, дней чрезъ шесть графъ Дмитріевъ-Мамоновъ перемѣнилъ свое намѣреніе и, вмѣсто пѣхотнаго полка, вздумалъ сформировать конной полкъ; а такъ какъ я не только не умѣю ѣздить верхомъ, но, откровенно говорю, боюсь даже сѣсть на лошадь, и потому поданную мною просьбу о увольненіи меня изъ вотчиннаго департамента взялъ обратно, изорвалъ и остался при своемъ мѣстѣ.

Іюль 15 дня. Въ сей день собраны были и дворянское и купеческое сословія въ залахъ Слободскаго дворца. Я самъ былъ тамъ лично. По прибытіи Государя Императора въ залу, въ которой собралось

*) Намѣреніе не исполненное. Графъ Растищинъ напоминалъ Александру Павловичу про это его обѣщаніе.

дворянство, и по прочтеніи воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, оное общимъ согласіемъ положило обмундировать и вооружить съ одной Московской губерніи, для отраженія врага, восемьдесятъ тысячъ воиновъ. Государь, принявъ сіе пожертвованіе съ душевнымъ умиленіемъ, изрекъ дворянству: „Инаго я не ожидалъ, и не могъ отъ васъ не ожидать. Вы оправдали мое о васъ мнѣніе“. Потомъ Государь Императоръ вошелъ въ залу, въ которой ожидало его купечество и мѣщанство, и я туда пошелъ, чтобъ слышать, чтѣ они будутъ говорить; и по прочтеніи того жъ воззванія, они общимъ голосомъ отвѣчали: „Мы готовы жертвовать тебѣ, отецъ нашъ, не только своимъ имуществомъ, но и собою“. И тутъ же началась подписка денежнаго пожертвованія. Я возвратился въ квартиру свою.

Съ чувствомъ истиннаго прискорбія невольно дѣлаю нѣкоторое замѣчаніе, совершенно, однакожъ, справедливое. Оно можетъ показаться весьма непріятно, но правда всегда священна. До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ, сабля и шпага продавались по 6 р., и дешевле; пара пистолетовъ Тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье и карабинъ того жъ мастерства 11, 12 и 15 р., дороже не продавали; но когда прочтено было воззваніе Императора и учреждено ополченіе противу врага, то таже самая сабля, или шпага, стоила уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ то портные, сапожники и другіе, утроили, или учетверили цѣну работы своей, словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы; высоко вздорожали; и графъ Растопчинъ, главнокомандующій въ Москвѣ, могъ бы легко такое незаконное лихоимство властію своею остановить и предать виновныхъ суду, но онъ смотрѣлъ на это зло равнодушно, и за недѣлю только до входу непріятеля въ Москву публиковалъ въ вѣдомостяхъ слѣдующее: „Дабы остановить преступное лихоимство купцовъ Московскихъ, которые берутъ непомерную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противу врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною“.

Дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала или цейхауза была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоилъ 2 и 3 рубля; сабля 1 р., кортикъ, пики и проч. все очень дешево; но, къ

сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось, ибо ружья или карабины были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, или измяты, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены, и лучшее, что было въ цейхаузѣ, то скуплено уже было купцами; но, не взирая на негодность оставшагося оружія, покупали еще оное, и арсеналь или цейхаузъ былъ полонъ народу.

И такъ пожертвованія дворянства были гораздо дѣйствительнѣе и полезнѣе для отечества, чѣмъ пожертвованія купцовъ, мѣщанъ, мастеровыхъ. Первые шли на защиту отечества сами, съ дѣтьми своими, нѣсколько возмужалыми, жертвуя не только имуществомъ, но и жизнію, для отраженія врага, брали съ собою еще дружину изъ крѣпостныхъ своихъ дворовыхъ людей и крестьянъ отъ 10 душъ одного или и двухъ; а вторые приносили въ жертву однѣ только деньги въ ассигнаціяхъ, которыя въ то время никакой цѣны не имѣли, и тотъ еще излишекъ денегъ своихъ, которыя они лихоимственно получили отъ дѣйствительныхъ защитниковъ отечества за оружіе и прочія необходимыя вещи; сами же они съ своими повѣренными, прикащиками и сидѣльцами удалились заблаговременно изъ Москвы на нѣсколькихъ сотняхъ троекъ лошадей, чтобъ не быть свидѣтелями ужасовъ нашествія непріятели, оставя въ домахъ своихъ только то, чего увезти съ собою не могли.

Повторю, что я съ большимъ прискорбіемъ сдѣлалъ сіе замѣчаніе.

Вотъ еще одно обстоятельство, которое случилось во время пребыванія Государя въ Москвѣ и о которомъ умолчать я почелъ бы преступленіемъ.

Дворянство Рязанской губерніи, въ которой имѣлъ я небольшую деревню, узнавъ о воззваніи Императора къ первопрестольной столицѣ Москвѣ, немедленно выслало своихъ депутатовъ, состоявшихъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства, съ тѣмъ, чтобъ они, по пріѣздѣ въ Москву, повергнувъ себя къ стопамъ Государя, донесли Его Величеству, что Рязанское дворянство готово поставить на защиту отечеству шестидесять тысячъ воиновъ вооруженныхъ и обмундированныхъ. Самъ же губернский предводитель сего дворянства, Левъ Дмитріевичъ Измайловъ, въ числѣ депутатовъ, по болѣзни своей, не былъ.

Депутаты, частію мнѣ знакомые люди, по пріѣздѣ въ Москву, остановились въ домѣ губернскаго своего предводителя, Измайлова, что у Мясницкихъ воротъ, и на другой день явились къ министру полиціи, генераль-адъютанту Балашову, прося его, чтобъ онъ доложилъ объ нихъ Государю Императору.

Генераль Балашовъ принялъ ихъ самымъ неблагосклоннымъ образомъ, кричалъ на нихъ, говоря, какъ смѣли они отлучиться отъ должностей своихъ; и когда депутаты отвѣчали, что они это сдѣлали по общему приговору дворянства и съ личнаго дозволенія г-на Рязанскаго гражданскаго губернатора, Бухарина, тогда Балашовъ сказалъ, что онъ сдѣлаеть строгое взысканіе, и почти выгналъ ихъ отъ себя.

Хотя депутаты Рязанской губерніи чрезвычайно оскорбились и огорчились такимъ неделикатнымъ поступкомъ съ ними генерала Балашова, однакожь не отчаявались и обратились къ главнокомандующему въ Москвѣ, графу Растопчину, который и принялъ ихъ очень вѣжливо и ласково. Они объяснили ему причину своего пріѣзда въ Москву, не умолчали о поступкѣ съ ними генерала Балашова, и графъ Растопчинъ, порицая поступокъ Балашова, обѣщалъ въ тотъ же день доложить объ нихъ Государю Императору. На другой день рано чрезъ Московскую полицію приказано имъ было выѣхать немедленно изъ столицы. Они съ сердцемъ, преисполненнымъ горести, что не видѣли Государя и не выполнили на нихъ возложеннаго препорученія Рязанскимъ дворянствомъ, возвратились во свояси. Чтѣ должно думать о генераль-адъютантѣ, министрѣ полиціи, Балашовѣ? Искренно ли онъ любилъ благодѣтеля своего, Государя Императора, и истинный ли былъ сынъ отечества? По поступку его можно усомниться.

Юля 18 дня. Обнародованъ составъ военной Московской силы, и Государь Императоръ изволилъ выѣхать изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Съ отъездомъ Государя Императора движеніе народа было необыкновенное. Множество пріѣзжихъ изъ деревень наполняли вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; но мало по малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли.

Графъ Растопчинъ, по отъѣздѣ Государя Императора, рѣдкій день не выдавалъ печатныхъ афишекъ, какъ о дѣйствіи армій нашихъ, такъ особенно и отъ себя въ народное извѣстіе, писанныхъ особеннымъ слогомъ, который нѣкоторые находили соответствующимъ времени и обстоятельствамъ, но большая часть пошлымъ и площаднымъ. Онъ писалъ, что глазъ у него болѣлъ, а теперь глядитъ въ оба; что Французъ не тяжеле хлѣбнаго снопа, и мы его на выпы, де, подыместъ: чтобы народъ не пугался, когда увидитъ шаръ воздушной, и на немъ 50 человекъ; этотъ шаръ истребитъ армию непріятельскую, и проч., и проч. Однакожь, смѣясь надъ шаромъ, я долженъ упомянуть, что

многіе этому вѣрили отъ души. Я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ однимъ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честию своею, что уже сдѣлана проба и собрано было стадо овецъ, надъ которыми поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено.

Августа 9 дня. Первый членъ вотчиннаго департамента, Аничковъ, возвратился изъ отпуска къ должности своей, и такъ какъ вакантные дни еще продолжались, то испросилъ и я себя увольненіе на 28 дней. Мнѣ данъ былъ на сей срокъ законный пашпортъ, и я не присутствовалъ уже въ вотчинномъ департаментѣ.

Въ день, въ которой данъ былъ мнѣ пашпортъ, нисколько еще не помышляли, чтобъ непріятель могъ овладѣть Москвою; а какъ срокъ моему увольненію долженъ былъ окончиться около 9 числа Сентября, а непріятель овладѣлъ Москвою 2 Сентября, слѣдовательно, безъ малѣйшей отвѣтственности для меня и подозрѣнія, что я будто въ духѣ труса бѣжалъ отъ непріятеля, не заботясь нимало о сохраненіи сокровищъ отечественныхъ, которыя заключаются въ архивѣ вотчиннаго департамента, могъ съ семействомъ свободно уже удалиться, безъ потери моего имущества, и не быть притомъ свидѣтелемъ ужаснаго нашествія врага: въ ономъ достаточно оправдывало меня данное мнѣ законное увольненіе.

Августа 18 дня. Главнокомандующій въ Москвѣ, графъ Раstopчинъ, предложилъ письменно вотчинному департаменту слѣдующее: „Вотчинной департаментъ долженъ уложить всѣ дѣла свои и имѣть оныя въ готовности къ отвозу въ безопасное мѣсто, если необходимость можетъ того потребовать; а нужное количество лошадей на отвозъ сихъ дѣлъ чтобы департаментъ самъ уже отъ себя испросилъ отъ Московскаго гражданскаго губернатора“.

Такъ какъ я не совершенно еще воспользовался даннымъ мнѣ отпускомъ и изъ Москвы не выѣзжалъ, то первой членъ вотчиннаго департамента, Аничковъ, получившій выше прописанное предложеніе графа Раstopчина, прислалъ ко мнѣ въ оригиналѣ оное и, вмѣстѣ съ симъ, прислалъ сегодня же, то есть, 18 Августа, вышедшее печатное объявленіе отъ него же, графа Раstopчина, слѣдующаго содержанія:

Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ.

„Здѣсь есть слухъ, и есть люди, кои ему вѣрютъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ

и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жоны ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія: меньше страха, меньше новостей. Но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ „въ будущихъ“ отправились „безъ возврату“. Если по ихъ есть опасность, то „непристойно“; а если нѣтъ ея, „то стыдно“. Я жизнию отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ, и вотъ почему: въ арміяхъ 130 тысячъ войска славнаго, 1800 пушекъ и свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода Русскихъ силъ и надо всѣми начальникъ; у него съ зади неприятели генералы Торماسовъ и Чичаговъ, вмѣстѣ 85 тысячъ славнаго войска; генералъ Милорадовичъ изъ Калуги пришелъ въ Можайскъ съ 36 тысячами пѣхоты, 3800 кавалеріи и 84 пушками пѣшей и конной артиллеріи. Графъ Марковъ чрезъ три дни прійдетъ въ Можайскъ съ 24 тысячами нашей военной силы, а остальные 7 тысячъ въ слѣдъ за нимъ. Въ Москвѣ, въ Клину, въ Завидовѣ, въ Подольскѣ 14 тысячъ пѣхоты. А естли этого мало для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: „Ну, дружина Московская! Пойдемъ и мы!“ И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ, и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У неприятели же своихъ и сволочи 150,000 человекъ, кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ, что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и Государь Императоръ на дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу*). Прочитайте; понять можно, а толковать нечего“.

Я не смѣю дѣлать никакого замѣчанія на это объявленіе, но спрощу только: какъ надобно было понимать оное?

Сей день 18 Августа былъ черной день для меня. Я поздно узналъ, что не надобно мнѣ было возвращать пашпорта, а идти по указанію случая; насъ всегда губить мудрованіе! Прочитавъ, съ большимъ вниманіемъ, какъ предложеніе графа Ростопчина вотчинному департаменту, такъ и объявленіе его жителямъ Москвы, помѣщенные въ семъ послѣднемъ слова: „непристойно, стыдно“, меня какъ громомъ поразили. Я думалъ, что сдѣлаю постыдное преступленіе, если воспользуюсь счастливымъ случаемъ, даннымъ мнѣ законнымъ увольненіемъ, и удалюсь изъ Москвы. Я страшился, чтобъ удаленіе мое въ такое время, когда самимъ Провидѣніемъ испытуетея усердіе служащаго чиновника и сына отечества, не постановлено бы мнѣ было поступкомъ, близкимъ къ измѣнѣ или предательству, и полагалъ: чѣмъ кто имѣетъ имянитѣе

*) Вторично Александръ Павловичъ въ Москву въ 1812 г. не пріѣзжалъ. П. Б.

происхожденіе свое, тѣмъ болѣе обязанъ служить престолу и отечеству по правдѣ. И въ таковыхъ-то мысляхъ рѣшился я возвратить данной мнѣ пашпортъ и остаться при своей должности.

Сего жъ 18 Августа графъ Растопчинъ далъ письменное приказаніе Московскому магистрату, чтобы онъ „людямъ купческаго и мѣщанскаго сословія не давалъ уже пашпортъ о выѣздѣ ихъ изъ Москвы, кромѣ жонъ ихъ и малолѣтнихъ дѣтей“.

Вышедшее вышепрописанное отъ графа Растопчина печатное объявленіе, равно какъ и приказаніе его магистрату, чрезвычайно скоро разошлось по уѣзду, и толковали слова „непристойно, стыдно“, всякой по своему; запрещеніе же магистрату давать купцамъ и мѣщанамъ пашпортъ о выѣздѣ изъ Москвы совершенно вложило въ голову, что сіе запрещеніе есть всѣмъ вообще, и потому тѣ люди, которые не имѣли нужды просить особенныхъ пашпортъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности, или лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ, чрезъ селенія которыхъ должны были ѣхать. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали въ слѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: „Куда, бояре, бѣжите вы съ холопами своими? Али невзгодѣ и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ не мила уже?“ И которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то таковые вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себѣ за овесъ и сѣно въ три-дѣрога, и сверхъ того просто за постой не по пяти копѣекъ съ человѣка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болѣе, и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ своего побѣгу осwirѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ, и имущества. Я свидѣтельствуюсь въ истинѣ сихъ происшествій тѣми, кои удалялись въ то время изъ Москвы, и сами рассказывали со слезами о горестномъ своемъ положеніи. Между тѣмъ въ самой Москвѣ такъ вздорожалъ наемъ извозничьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго на три лошади триста рублей и болѣе, потому что богатые господа и купцы всѣхъ лошадей забрала; слѣдовательно, обремененной семействомъ человѣкъ въ недостаткахъ своихъ по неволѣ долженъ былъ остаться во власти непріятеля, тогда въ скоромъ времени овладѣвшаго Москвою.

Августа 19 дня. Возвративъ данной мнѣ паспортъ или свидѣтельство о увольненіи меня отъ должности на 28 дней, я присутствовалъ въ вотчинномъ департаментѣ съ прочими членами онаго. Мы имѣли разсужденіе относительно предложенія графа Ростопчина, „чтобъ были дѣла наши въ готовности къ отправленію оныхъ въ безопасное мѣсто“, и по предмету сего заключили опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ и за скрѣпою секретаря, слѣдующаго содержания: „Такъ какъ по справкѣ оказалось, что при вотчинномъ департаментѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ, которыхъ оставить можно на произволъ судьбы, находится еще самыхъ нужныхъ документовъ къ разрѣшенію споровъ тяжущихся между собою по вотчиннымъ дѣламъ, и документы сіи состоятъ частію въ огромныхъ книгахъ въ переплетѣ, частію въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42160; и по математической истинѣ сдѣланному вычисленію, полагая на каждую крестьянскую лошадь 18 пудъ, то потребно будетъ до тысячи лошадей“, и проч. и проч. Мы представили это наше опредѣленіе на разсмотрѣніе главному нашему начальнику, графу Дмитріеву-Мамонову, который, съ своей стороны, немедленно съ приложеніемъ этого нашего опредѣленія въ оригиналѣ, отнесся къ графу Ростопчину и просилъ меня, чтобъ я конвертъ его лично доставилъ въ собственныя руки графа, дабы избѣгнуть дальнѣйшей переписки и проволочки по сему предмету: ибо я, какъ членъ департамента, могъ дать ему нужныя свѣдѣнія и объясненія.

Графъ Ростопчинъ въ сіе время жилъ внѣ Москвы, въ загородномъ своемъ домѣ, и потому доставилъ я конвертъ графа Дмитріева-Мамонова на другой уже день и отдалъ оный, какъ приказано мнѣ было, въ собственныя руки его сіятельства; но графъ, спросивъ меня только: „Отъ ково?“ не удостоилъ болѣе разговоромъ. и не оказалъ большаго вниманія къ отношенію графа Дмитріева-Мамонова, даже не распечаталъ конверта, а кинулъ оный на столъ. (Надобно знать, что графъ Ростопчинъ былъ личный врагъ графу Дмитріеву-Мамонову). Послѣ двухъ часовъ ожиданія отвѣта, правитель канцеляріи его мнѣ объявилъ, что графъ Ростопчинъ самъ будетъ въ Правительствующемъ Сенатѣ трактовать о дѣлахъ и архивѣ вотчиннаго департамента. Съ таковымъ отвѣтомъ и возвратился я къ графу Дмитріеву-Мамонову.

Августа 27 дня. Въ Москвѣ узнали о кровопролитномъ сраженіи при селѣ Бородинѣ, разстояніемъ отъ Москвы 120 верстъ.

Первый членъ департамента. Аничковъ, испросилъ себѣ отъ графа Дмитріева-Мамонова опять увольненіе отъ должности на 8 дней, и просилъ меня не только убѣдительно, но даже униженно, чтобъ не

сдѣлалъ я ему препятствія въ полученіи пашпорта, поелику онъ видѣлъ, что я самъ имѣлъ полное право на отпускъ. И я, снисходя тому жалкому положенію, въ которомъ онъ тогда находился, и не могши ожидать отъ него никакой помощи себѣ въ сохраненіи архива вотчиннаго департамента. буде нужда того потребуеть, да и казалось мнѣ, что онъ прежде времени умеръ; ибо былъ блѣденъ и говорилъ дрожащимъ языкомъ, такъ что понять нельзя было, что онъ говорилъ, и потому не препятствовалъ ему получить пашпортъ, который я самъ и подписалъ. Такимъ образомъ я опять остался старшимъ членомъ вотчиннаго департамента.

Въ сей же день, 27 Августа, получено изъ С.-Петербурга, отъ министра юстиціи, Дмитріева, предписаніе, чтобы главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова*), поступившаго съ полкомъ, имъ формированнымъ, въ составъ арміи, имѣлъ оберъ-прокуроръ Озеровъ.

Августа 28 дня. Привезли въ Москву раненыхъ при селѣ Бородинѣ и помѣстили ихъ въ разныхъ казенныхъ и партикулярныхъ домахъ.

Въ ночи съ 29 на 30 число Августа. Господа оберъ-прокуроры правительствующаго Сената всѣхъ департаментовъ имѣли необыкновенное свое ночное засѣданіе, и отъ оберъ-прокурора Озерова, припавшаго главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ, приказано было, чтобы и я, съ чиновниками моими, въ это время находились при своемъ мѣстѣ. Я воздерживаюсь дѣлать какія нибудь замѣчанія о семъ ночномъ засѣданіи, но долженъ сказать, что господа оберъ-прокуроры, послѣ многого разсужденія относительно къ представшей опасности столицѣ Москвѣ (ибо и „главная, де, квартира непріятеля, говорили они, не далѣе уже сорока верстъ“) не приняли, однакожъ, никакихъ мѣръ съ сохраненію архива вотчиннаго департамента, равно какъ и небольшой суммы денегъ, частію въ мѣдной монетѣ прежняго чекана, при ономъ состоявшей, и ночное свое засѣданіе заключили опредѣленіемъ, которое и мнѣ объявили: „Послать нарочнаго курьера въ С.-Петербургъ, и съ прописаніемъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Москва, испросить отъ министра юстиціи приказаніе, что дѣлать съ архивомъ вотчиннаго департамента.“ И курьеръ съ таковымъ донесеніемъ отправленъ на другой уже день, поздно, то есть 31 Августа.

*) Графу М. А. Дмитріеву-Мамонову было всего 23 года. Онъ получилъ отличное образованіе. Ему покровительствовалъ министр юстиціи И. И. Дмитріевъ, увѣренный, что онъ одного съ нимъ происхожденія отъ Рюрика. Князь П. В. Долгорукій, въ Родословной Книгѣ, отрицаетъ это. П. Б.

Сіе ночное засѣданіе составляли господа оберъ-прокуроры: графъ Кутайсовъ, Озеровъ, Засѣцкій и Лужинъ. Оное продолжалось съ 10 часовъ вечера до 3 часовъ слѣдующаго утра¹⁾.

Августа 30 дня. Выдано въ народъ слѣдующее печатное объявленіе:

„Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешель Можайскъ, и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ; къ нему идутъ отсюда 48 пушекъ съ нарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли; дѣла прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемъ! Когда до чево дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ, и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперъ не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всево лучше вилы тройчатки: Французъ не тяжеле снопа аржанаго. Завтре послѣ обѣда я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь²⁾ къ раненымъ; тамъ воду освятимъ; они скоро выздоровѣють, и я теперъ здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперъ смотрю въ оба!

30 Августа 1812 года.

Подписалъ: *Графъ Растропчинъ*“.

Это объявленіе въ народъ, которое, казалось бы, само по себѣ ничего не значило, причинило, однакожь, ужасное волненіе въ народѣ, волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки, питьевая контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка, останавливали прохожихъ, спрашивая, „гдѣ непріятель?“ Трудно было отойти отъ нихъ. Въ Серебрянномъ ряду двое Нѣмцовъ, жившихъ въ Россіи нѣсколько десятковъ уже лѣтъ, желали размѣнять ассигнаціи на серебро, и когда они не хотѣли дать промѣну, который мѣняли требовали, то силою отняли у нихъ деньги, а самихъ ихъ избили до полусмерти, подъ предлогомъ, будто они шпіоны; словомъ, Москва въ этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства.

Я, проходя въ 10 часовъ утра изъ дому въ вотчинной департаментъ, встрѣтилъ въ городѣ, у Лобнаго мѣста, чтдъ близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, огромное стеченіе народа, большою частію пьяныхъ,

¹⁾ Въ это засѣданіе, прокуроръ, молодой князь С. И. Гагаринъ уговорилъ сенаторовъ подписать заявленіе о томъ, что если бы Наполеонъ потребовалъ отъ Сената какого-либо распоряженія, то они обязуются не исполнять его. П. Б.

²⁾ Нынѣшняя Старая Екатерининская больница въ Сушеві. П. Б.

готовыхъ на всякое буйство. Въ толпѣ сей говорили, что графъ Ростопчинъ сзываетъ уже сыновъ отечества на Три Горы, куда и самъ явится предводительствовать народомъ, для отраженія врага отъ Москвы, и что завтнешній день съ восходомъ солнца народъ долженъ собираться, кто съ чѣмъ можетъ, въ назначенное имъ мѣсто¹⁾).

Въ вотчинномъ департаментѣ я нашелъ все въ порядкѣ: дежурные чиновники были при своихъ мѣстахъ; однакожъ многіе удалились уже изъ Москвы, безъ вѣдома моего.

Въ сей же день, по вечеру, пріѣхали за мною отъ графа Алексѣя Григорьевича Бобринскаго шесть лошадей въ двухъ повозкахъ, а супруга его, графиня Анна Володимировна, прислала мнѣ 400 рублей ассигнаціями, которые я, отъ аптекаря Ауербаха, и получилъ. Сверхъ того, графъ Бобринскій прислалъ мнѣ, при особой запискѣ своей, съ человѣкомъ, пріѣхавшимъ съ лошадьми за мною, 240 Голландскихъ червонцовъ и просилъ меня, чтобъ я поспѣшилъ къ нему пріѣздомъ²⁾).

Это частность, и я упомянулъ объ ономъ только для того, чтобы доказать, что я всѣ способы имѣлъ удалиться отъ непріятеля: имѣлъ и деньги, и лошадей, но не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить мое мѣсто, а самому собою нарушить присягу и въ духѣ труса, спасая себя, кинувъ архивъ вотчиннаго департамента на произволь судьбы, я не думалъ имѣть право: и если въ послѣдствіи сей подвигъ усердія моего поставленъ мнѣ былъ въ преступленіе, и безъ суда еще совершены на мнѣ жестокости наказанія, то все таки преступленіе мое было похвальное, а подвигъ истинно патріотическій, коимъ я имѣю полное право гордиться и хвалиться: по крайней мѣрѣ, сохраненіемъ архива вотчиннаго департамента я заплатилъ любезному отечеству за воспитаніе мое.

Августа 31 дня. Я рано вышелъ изъ дому моего, желая поспѣть, что дѣлается въ городѣ, и прошелъ до Прѣсененской заставы, изъ которой дорога на Три Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православной Русской народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцовъ купленнымъ: другіе шли съ пиками,

¹⁾ Не одинъ простой народъ готовился сразиться: Карамзинъ, отправивъ свое семейство и свои бумаги въ Ярославль и поселившись у гр. Ростопчина на Лубянкѣ, держалъ на готовѣ лошадей, на которой думалъ принять участіе въ сраженіи подъ Москвою, о чемъ сохранилось его письмо къ его брату въ Симбирскую деревню. П. Б.

²⁾ Бобринскіе жили тогда въ своемъ помѣстьѣ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи. Графъ Бобринскій (первый этого имени) умеръ тамъ въ слѣдующемъ 1813 году. П. Б.

вплами, топорами въ предмѣстіе Три Горы, чтобъ спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: „Да здравствуетъ батюшка нашъ, Александръ!“ Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву? Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, съ восхожденіемъ солнца до захода, не расходился, въ ожиданіи графа Раstopчина, какъ онъ самъ обѣщаль предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ, съ горестнымъ уныніемъ, разошлись по домамъ.

Сентября 1 дня. Рано утромъ разбуженъ я былъ приходомъ ко мнѣ третьяго члена вотчиннаго департамента, Иванова. Онъ принесъ мнѣ конвертъ, содержащій въ себѣ предложеніе оберъ-прокурора Озерова, которому препорученъ главной надзоръ надъ вотчиннымъ департаментомъ. Распечатавъ конвертъ, прочиталь я слѣдующее:

„Вотчинному департаменту.

„Такъ какъ оберъ-прокуроръ сената („г. Озеровъ“) отправляется съ Правительствующимъ Сенатомъ въ городъ Казань, то и передаетъ власть свою надъ департаментомъ старшему по себѣ“.

Но какое удивленіе мое было: лишь прочиталь я сіи строки, увидѣлъ у ногъ моихъ его Иванова, блѣднаго, трепещущаго, умоляющаго меня подписать ему пашпортъ о выѣздѣ изъ Москвы, который онъ уже держаль въ рукахъ своихъ. Я подписалъ сей пашпортъ; въ противномъ случаѣ онъ уѣхаль бы и безъ пашпорта моего, а можетъ быть еще и того хуже, умеръ бы отъ страха, и причину смерти его приписали бы мнѣ.

Такъ какъ я оставался старшій въ вотчинномъ департаментѣ, или, лучше сказать, оставался одинъ съ нѣсколькими чиновниками, то, по уходѣ отъ меня Иванова, поспѣшилъ въ домъ оберъ-прокурора Озерова, чтобъ узнать отъ него, въ чемъ власть его надъ вотчиннымъ департаментомъ, которую онъ передаетъ мнѣ, и принять наставленіе, чтѣ мнѣ самому дѣлать въ опасностяхъ, отъ которыхъ онъ удаляется; но его превосходительства я не могъ видѣть: онъ уже далеко былъ отъ Москвы.

Возвратясь на квартиру, я разсуждалъ, что трусость, которую обнаружу подлымъ бѣгствомъ отъ непріятеля, кинувъ сокровища отечественныя, которыя заключаютъ въ себѣ архивы вотчиннаго департамента, на произволъ судьбы, будетъ со стороны моей подлымъ нару-

шеніемъ присяги: я, возложивъ все упованіе мое на Всемогущаго Творца, оставилъ квартиру свою со всёми моимъ въ оной имуществомъ, приказалъ людямъ моимъ не оставлять квартиры до самой уже невозможности быть въ оной, отпустилъ лошадей графа Бобринскаго, присланныхъ за мною, и, взявъ жену и малолѣтнихъ моихъ дѣтей, пошелъ съ ними въ Кремль, гдѣ я сдѣлалъ самаго себя стражемъ вотчиннаго департамента.

Послѣ полудня ходилъ я къ Дорогомиловской заставѣ, въ которую долженъ входить непріятель передовыми своими войсками, и на Арбатской улицѣ встрѣтилъ генерала отъ артиллеріи Левенштерна и адъютанта его, Фадѣева, съ которымъ я давнымъ давно знакомъ, но около девяти лѣтъ не видался съ нимъ. Мы оба обрадовались свиданію нашему; я узналъ отъ него, что непріятель непремѣнно войдетъ въ Москву, потому что *наша армія почти погибла* и осталась не въ большомъ числѣ, но что еще дня два, какъ кажется, сказалъ онъ, простимъ около Москвы. Фадѣевъ имѣлъ какое-то препорученіе, и мы скоро разстались. Когда стало смеркаться, то съ берегу Москвы рѣки, у самаго Дорогомилова моста, видно было, что освѣтились бивуаки нашей арміи, расположенной у Поклонной горы, версты 3 отъ заставы Дорогомиловской. Народное буйство въ Москвѣ, бывшее въ этотъ вечеръ, описать нельзя.

Возвратясь въ вотчинной департаментъ, я нашолъ тамъ все благополучно: семейство мое уже покоилось; караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ сенатскаго зданія, билъ по обыкновенію вечернюю зорю, и я, осмотрѣвъ обои двери въ вотчинной департаментъ, заперъ ихъ и ключъ взялъ къ себѣ.

Сентября 2 дня. Я почти совсѣмъ не спалъ, а дремалъ только и, къ удивленію моему, стоявшій караулъ на внутреннемъ кругломъ дворѣ сенатскаго зданія и бившій вчерашняго вечера еще зорю, ночью снятъ былъ съ своего мѣста. Я предоставляю отцамъ семейства посудить о положеніи, въ которомъ долженъ я былъ находиться.

Въ 8 часовъ утра стали сходитьсь въ вотчинной департаментъ чпновники и приказнослужители. Я имѣлъ, какъ начальникъ ихъ, справедливую причину выговаривать нѣкоторымъ, почему они, бывъ дежурные и дневальные, не находились въ сію ночь при своихъ мѣстахъ, и, за такое ихъ нерадѣніе и пренебреженіе къ службѣ, угрожалъ послать ихъ къ наказанію къ г-ну Московскому коменданту; но бывшій

секретаремъ сего департамента, а потомъ и дѣйствительнымъ членомъ онаго, „Рыбниковъ“, язвительно мнѣ отвѣчалъ: „Ни коменданта, ни главнокомандующаго Москвою, ни оберъ-полицеймейстера, ни полицейскихъ чиновниковъ, никого уже нѣтъ въ Москвѣ, а вы хотите, чтобъ мы были при своихъ мѣстахъ“. И въ самое это время вошедшій въ департаментъ чиновникъ (не помню имени его) сказалъ: „Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Растопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобъ шель онъ на Три Горы предводительствовать ими къ отраженію непріятели отъ Москвы. Вскорѣ—продолжалъ чиновникъ—на таковой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо, и громогласно сказалъ: „Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ!“ И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ 20 лѣтъ, Верещагинъ, приведенный уже съ утра изъ временной тюрьмы (ямы) въ тулупѣ на лисьемъ мѣху, и Растопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: „Вотъ измѣнникъ! Отъ него погибаетъ Москва!“ Несчастный Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ громко сказать: „Грѣхъ вашему сіятельству будетъ!“ Растопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа по имени Бурдаевъ (нынѣ онъ въ Москвѣ полицейскій чиновникъ, квартальнымъ надзирателемъ) ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ. Самъ же графъ Растопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ задніе ворота дому своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ“.

Слушая чиновника, рассказывавшаго сіе ужасное происшествіе, я душевно страдалъ и, не продолжая болѣе выговоровъ моихъ виновнымъ моимъ чиновникамъ, приказалъ протоколисту, Бородину, сдѣлать журналъ слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ я одинъ цѣлаго присутствія вотчиннаго департамента составлять не могу, а потому и закрываю присутствие; но какъ чиновники и приказнослужители сего департамента за истекшій Августъ мѣсяцъ не получали слѣдуемаго имъ жалованья, и Правительствующаго Сената 6-го департамента, отъ котораго долженъ я требовать разрѣшенія о выдачѣ онаго, въ Москвѣ уже не находится, то и опредѣляю выдать сіе жалованье, кому сколько слѣдуетъ, а по раздачѣ онаго, выдать еще впередъ за два мѣсяца на собственную мою отвѣтственность начальству“. Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику, Рудакову, вмѣстѣ съ эзекуторомъ департамента, Гиринымъ, и двумя чиновниками при нихъ, принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями, а мѣдную монету въ мѣшкахъ перенести въ присут-

ственную камору, оставивъ кладовую не запертою уже. Выдалъ я расходчику, Рудакову, нужную сумму для раздачи чиновникамъ и приказнослужителямъ, на лицо состоявшимъ по списку, опредѣленное имъ жалованье за одинъ только мѣсяць истекшій Августъ.

Надобно знать, что я въ личномъ вѣдѣніи моемъ никакой суммы денегъ не имѣлъ, а находившаяся при вотчинномъ департаментѣ состояла подъ вѣдѣніемъ 3-го члена департамента, Иванова, который вчерашнаго числа выѣхалъ изъ Москвы, не сдавъ оной никому; а также и секретарь, при сей суммѣ находившійся, титулярной совѣтникъ, Воробьевъ (изъ господскихъ людей), уѣхалъ изъ Москвы, дней пять тому назадъ, какъ сказывалъ мнѣ приказнослужитель, съ нимъ вмѣстѣ жившій, не испрося, однакожь, ни отъ кого позволенія. Сей денежной казнѣ, при вотчинномъ департаментѣ состоявшей, 1-го Сентября свидѣтельства по обыкновенію дѣлаемо не было, потому что 1-е Сентября было Воскресенье, а болѣе по смутнымъ обстоятельствамъ. Экзекутору департамента, коллежскому ассессору, Гаврилъ Петровичу Гирину, осьмидесятилѣтнему старику, приказалъ я со всѣмъ его семействомъ перебраться въ вотчинной департаментъ и находиться при мнѣ. Онъ и вышелъ изъ департамента въ свой домъ, но я его уже болѣе не видѣлъ.

Расходчикъ Рудаковъ раздавалъ жалованье чиновникамъ и приказнослужителямъ, а я пошелъ посмотрѣть, чтò дѣлается въ городѣ. На Лобномъ мѣстѣ, чтò близъ Кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, площадь была полна народу, такъ что тѣсно было; въ воздухѣ же былъ нестерпимый смрадъ отъ того, что *лавки Москотильнаго ряда были уже зажжены и, какъ говорили, зажжалъ лавки самъ частной приставъ городской части, какой-то князь.* Тутъ, на Лобномъ мѣстѣ, встрѣтилъ я графа Дмитріева-Мамонова: онъ былъ на конѣ и, увидя меня, соскочилъ съ лошади и спросилъ; „Чтò ты тутъ дѣлаешь, *Бестужевъ?* Непрїятель входитъ уже въ Москву!“ Я отвѣчалъ: „Любезный графъ! Я не имѣю особеннаго повелѣнія оставить моего мѣста, а самому собою нарушить присягу и въ духѣ труса, кинувъ на произволь судьбы архивъ вотчиннаго департамента, отъ непрїятеля бѣжать не думаю быть въ правѣ, а потому и остаюсь при своемъ мѣстѣ; чтò будетъ, то и будетъ.“—„Ну, прощай“, сказалъ графъ и, поцѣловавшись со мною, промолвивъ: „Да сохранить тебя Господь Богъ!“ поѣхалъ.

Возвратясь въ вотчинной департаментъ, я подписалъ многимъ чиновникамъ и приказнослужителямъ пашпорты о свободномъ имъ выѣздѣ изъ Москвы. Расходчикъ Рудаковъ еще продолжалъ раздачу

жалованья. Было 3 часа по полудни, и я распустилъ чиновниковъ и приказнослужителей по квартирамъ ихъ, приказавъ часа черезъ два возвратиться въ вотчинной депертаментъ, а оставилъ при себѣ однихъ только дежурныхъ и дневальныхъ.

Любопытствуя узнать, что дѣлается на большой Арбатской улицѣ, по которой, какъ я думалъ, непріятель долженъ входить (а онъ, напротивъ, вошелъ во всѣ заставы, которыя на сторонѣ къ городу Смоленску, то есть, въ Дорогомилловскую, Прѣсенскую, Тверскую, Мюзскую и другія), я взялъ съ собою чиновника и вышелъ изъ Кремля. Въ сіе время на Ивановской колокольнѣ ударилъ колоколь къ вечерней молитвѣ.

Лишь только я съ чиновникомъ вышли изъ Кремля, то встрѣтили пьянаго господскаго человѣка, у котораго въ одной рукѣ было ружье со штыкомъ, а въ другой карабинъ. Сей человѣкъ былъ въ самомъ безобразномъ видѣ и, покачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, что-то бормоталъ про себя. Я, усмѣхнувшись, сказалъ бывшему со мною чиновнику довольно громко: „Вотъ видишь, что значитъ безначаліе“, и отошелъ уже отъ сего пьянаго нѣсколько шаговъ, какъ кинулъ онъ въ меня ружье со штыкомъ, которымъ, слава Богу, не попалъ, но въ слѣдъ за онымъ кинулъ и карабинъ, которымъ ушибъ меня крѣпко въ ногу. Почувствовавъ чрезвычайную боль въ ногѣ, я воротился, и кой-какъ дотащился до вотчиннаго департамента.

Въ 4 часа по полудни пушечные выстрѣлы холостыми зарядами, по Арбатской и другимъ улицамъ, возвѣстили входъ непріятеля въ Московскія заставы. Я считалъ выстрѣлы (ихъ было 18), звонъ на Ивановской колокольнѣ утихъ, и вскорѣ Троицкіе ворота въ Кремль, которые были на глухо заколочены, и только одна калитка для проходу оставлена, выломлены, и нѣсколько Польскихъ улановъ вѣхало въ Кремль чрезъ оныя. Мѣсто это изъ оконъ вотчиннаго департамента видно, ибо нѣкоторыя окна прямо противъ Троицкихъ воротъ. Я вскричалъ: „Вѣрно это непріятель!“ — „Э! нѣтъ“, отвѣчалъ мой знакомый, пришедшій въ департаментъ со мною проститься; „это нашъ арріергардъ отступающій“. Но увидѣли мы, что вѣхавшіе уланы стали рубить стоявшихъ у арсенала нѣсколько человѣкъ съ оружіемъ, которое изъ онаго только что взяли, и уже человѣкъ десять пали окровавленные, а остальные, отбросивъ оружіе и ставъ на колѣни, просили помилованія. Уланы сошли съ коней своихъ, отбили приклады у ружей, и безъ того къ употребленію негодившихся, забрали людей и засадили

ихъ въ новостроющуюся Оружейную Палату*). Я заперъ входъ и выходъ въ вотчинной департаментъ, взялъ ключи къ себѣ и приставилъ къ дверямъ къ каждой по одному инвалиду, при департаментѣ служившихъ, приказавъ тотчасъ увѣдомить меня, коль скоро кто будетъ стучаться.

Вскорѣ за передовыми Польскими уланами стала входить и непріятельская конница: впереди ѣхалъ генераль, и музыка гремѣла. Когда сіе войско входило въ Кремль, то на стѣнныхъ часахъ, которые въ департаментѣ, показывалось 4¹/₂ часа. Это войско входило въ Троицкіе и Боровицкіе ворота, проходило мимо сенатскаго зданія и вышло въ Китай городъ чрезъ Спасскіе ворота; шествіе этой конницы продолжалось до глубокихъ сумерекъ непрерывно. Ввезена въ Кремль пушка, и сдѣланъ выстрѣлъ къ Никольскимъ воротамъ, холостымъ зарядомъ; вѣроятно, сей выстрѣлъ служилъ сигналомъ.

Одинъ изъ инвалидовъ солдатъ, которыхъ я поставилъ у входа дверей въ департаментъ, пришелъ ко мнѣ и сказалъ, что кто-то стучится крѣпко въ двери. Я отперъ. Это были люди мои, которые оставались на квартирѣ. Они сказали, что непріятель овладѣлъ уже совершенно Москвою, и что въ домъ, въ которомъ я жилъ, вошло около 40 человекъ, но что имъ никакой обиды сдѣлано не было. Когда стало смеркаться, то пламя зажженнаго утромъ москотильнаго ряда, освѣтило комнаты департамента такъ, что никакой надобности не было въ свѣчахъ. Круглой въ сенатскомъ зданіи дворъ занять непріятельскими солдатами, и видно было изъ оконъ департамента, что нѣсколько человекъ бѣгало съ огнемъ по комнатамъ (въ которыхъ присутствовали сенаторы), выкидывали столы и стулья на дворъ для бивакъ своихъ. Хотя ночь эта и была ужасная ночь для меня, но, слава Богу, никто изъ непріятелей не входилъ въ вотчинной департаментъ, и какъ я самъ, такъ и всѣ бывшіе при мнѣ, оставались спокойны.

По сю пору мы не видали еще крови, кромѣ крови несчастнаго Верещагина и, часа два тому назадъ, непріятельскими уланами избитыхъ у Арсенала.

Симъ кончаю описаніе происшествій въ 1812 году въ Москвѣ, до входа непріятельскихъ войскъ въ сію столицу. Я описалъ и причины, почему я остался во власти непріятеля. И если таковой примѣрной подвигъ усердія моего, которой бы долженъ былъ заслужить вниманіе, уваженіе и награду, но несправедливостію бывшаго тогда министромъ юстиціи, Дмитріева и главнокомандовавшаго Москвою,

*) Ншиѣ казармы Екатеринославскаго полка. П. Б.

графа Растопчина, почитается преступленіемъ и наказывается жесточайшимъ образомъ. Въ такомъ случаѣ надобно дать новую форму клятвенному нашему обѣщанію и положить въ оной предѣлы, до которыхъ поръ служащій чиновникъ долженъ сохранить присягу свою, и буде только до того времени, покуда чиновнику личная опасность не представится, то невѣроятно, чтобъ царствующій Монархъ имѣлъ бы истинно приверженныхъ къ престолу своему, а отечество останется безъ пламенныхъ сыновъ, и несправедливость, мнѣ оказанная, можетъ устрашить всякаго служить по правдѣ и прямымъ путемъ службы искать себѣ чести.

Второе отдѣленіе сего описанія будетъ заключать въ себѣ ужасныя происшествія въ Москвѣ въ шестинедѣльное пребываніе въ ней непріятеля. Я говорю ужасныя, потому что съ дѣтства жилъ подъ благотворными и кроткими законами возлюбленныхъ нашихъ монарховъ и подобныхъ дѣяній не видѣлъ.

Свѣдѣнія о сочинителѣ краткаго описанія происшествіямъ въ Москвѣ въ 1812 году.

Надворный совѣтникъ А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ 1812 г. служилъ въ бывшемъ вотчинномъ департаментѣ ассессоромъ. Въ началѣ 1813 года возникло объ немъ дѣло, производившееся, въ слѣдствіе предписанія г. министра юстиціи, въ особо учрежденной для того комиссіи. Почему завѣдывавшій въ то время департаментомъ, обер-прокуроръ Огаревъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы онъ къ присутствованію въ департаментѣ допускаемъ не былъ. А 17 Марта того же года указомъ Правительствующаго Сената Бестужевъ-Рюминъ отъ занимаемой имъ должности уволенъ, съ причисленіемъ къ герольдіи.

Этимъ и ограничиваются всѣ официальные извѣстія объ немъ, сохранившіяся въ дѣлахъ бывшего вотчиннаго департамента. Но вотъ нѣкоторыя подробности о жизни его въ Москвѣ во время непріятельскаго нашествія въ 1812 году, переданныя сослуживцемъ его, Н. С. Налетовымъ, жившимъ тогда также въ Москвѣ.

Предъ вступленіемъ Французовъ въ Москву, какъ извѣстно, всѣ жители искали спасенія отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій. Увлеченный общимъ примѣромъ, Бестужевъ-Рюминъ съ женою и двумя малолѣтними сыновьями изъ квартиры своей перебрался въ вотчинный департаментъ, надѣясь быть тамъ болѣе безопаснымъ. Это было въ Воскресенье утромъ,

1-го Сентября, а на слѣдующій день непріатели уже овладѣли Москвою и въ Троицкіе ворота вторгнулись въ Кремль. Разогнавъ холостымъ пушечнымъ выстрѣломъ народъ, толпившійся около Арсенала для взятія оттуда сабель и ружей, они рассыпались по всему Кремлю, вломились въ зданіе Сената и наконецъ достигли вотчиннаго департамента. Въ это время находились тамъ многіе чиновники, еще съ утра пришедшіе за полученіемъ жалованья. Французы загородили имъ ружьями всѣ входы и выходы, обобрали ихъ всѣхъ до одного, въ томъ числѣ и Бестужева-Рюмина, и выгнали вонъ, а сами остались для помѣщенія въ архивахъ департамента.

Тогда Бестужевъ съ семействомъ своимъ побрелъ опять на прежнюю квартиру, гдѣ, кромѣ голыхъ стѣнъ, не нашелъ уже ничего: все было разграблено, а вскорѣ огонь лишилъ его самого крова: домъ, въ которомъ онъ помѣщался, сдѣлался жертвою пожара.

Послѣ того жилъ онъ нѣсколько времени въ зданіи Медико-хирургической Академіи*). Средствъ къ жизни никакихъ у него не было, нужда была крайняя; оставалась одна надежда на человѣколюбіе. Но куда и къ кому обратиться? Наконецъ пришла ему счастливая мысль пойти поискать своихъ знакомыхъ. Съ этою цѣлью онъ отправился на Петровку, въ домъ князя Одоевскаго: здѣсь укрывался знакомый ему чиновникъ, М. И. Къ нему-то Бестужевъ и рѣшился прибѣгнуть съ просьбою о помощи. Этотъ сжалился надъ нимъ, накормилъ его съ женою и дѣтьми и далъ у себя пристанище.

Оставивъ здѣсь семейство, пошелъ онъ на Тверскую, съ намѣреніемъ отыскать домъ одного своего благодѣтеля (фамиліи котораго передающій этотъ рассказъ не помнитъ), и вдругъ былъ окруженъ Французами. Видя, что онъ умѣетъ говорить по французски, они схватили его и представили къ Наполеону. На предложеніе Наполеона вступить къ нему въ службу, Бестужевъ отвѣчалъ, что считаетъ противнымъ долгу чести и присяги служить двумъ императорамъ. Наполеонъ приказалъ отпустить его.

На возвратномъ пути ожидало Бестужева новое несчастіе: на Тверскомъ бульварѣ онъ былъ ограбленъ Поляками. И въ этотъ разъ М. И. выручилъ его изъ бѣды, снабдивъ старою фризвою шинелью.

Москва давно уже горѣла. Пожаръ сталъ угрожать и дому князя Одоевскаго. Бестужевъ долженъ былъ искать новаго убѣжища, и вотъ онъ, съ женою и дѣтьми, рѣшился идти въ ту сторону, гдѣ находился

*) Т. е. на Рождественкѣ; нынѣ Строгановское училище. П. Б.

Полевой дворъ¹⁾. Тамъ на огородахъ стояла изба, въ которой онъ и расположился провести ночь, вмѣстѣ со многими другими несчастными и безпріютными; но и это единственное убѣжище вздумалъ кто-то поджечь. Проведя остатокъ ночи подъ открытымъ небомъ, на огородахъ, между капустными грядками, рано утромъ воротился онъ въ домъ князя Одоевскаго. Но благодѣтеля своего М. И. уже не нашелъ тамъ: пожаръ заставилъ и его удалиться въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ положеніе Бестужева сдѣлалось снова безвыходнымъ: ни пристанища, ни хлѣба не было; дѣти страдали отъ холода и голода; это беспокоило его больше всего. Чтобы хотя сколько-нибудь обогрѣть малютокъ, онъ повелъ ихъ на Самотеку въ баню, но баня уже не было; онѣ также сгорѣли.

Нужно было достать для нихъ, по крайней мѣрѣ, хлѣба. Судьба помогла ему въ этомъ. Бродя съ ними по улицамъ, онъ встрѣтилъ стараго хромаго солдата и вздумалъ попросить у него хлѣба. Солдатъ отвѣчалъ ему: „Хлѣба нѣтъ у меня; самъ питаюсь разводимою въ водѣ мукою; муки, пожалуй, дамъ“. И дѣйствительно подѣлился.

Тогда Бестужевъ, успокоенный нѣсколько тѣмъ, что можетъ, наконецъ, накормить дѣтей, поспѣшилъ въ уцѣлѣвшій, къ счастью, домъ князя Одоевскаго. М. И. былъ опять уже тамъ. Жену и дѣтей Бестужевъ оставилъ у него, а самъ пошелъ къ Москвѣ рѣкѣ, гдѣ какъ онъ слышалъ, можно было брать подмоченную на баркахъ пшеницу; но едва вышелъ изъ дома, какъ былъ схваченъ Французами и снова приведенъ къ Наполеону. На этотъ разъ Бестужеву не удалось отдѣлаться отъ Наполеона; онъ долженъ былъ вступить въ его службу и сдѣланъ членомъ муниципальнаго совѣта²⁾, а въ отличіе отъ прочихъ велѣно ему носить голубую ленту на лѣвомъ рукавѣ, выше локтя.

Въ это время нижніе Французскіе чины считали Бестужева городскимъ начальникомъ. Онъ умѣлъ пользоваться этимъ какъ нельзя лучше; бралъ у Французовъ хлѣбъ и раздавалъ бѣднѣйшимъ изъ своихъ соотечественниковъ, въ особенности семейнымъ и, такимъ образомъ, облегчалъ участь многихъ несчастныхъ.

¹⁾ Надо замѣтить, что огонь по вѣтру шелъ въ направленіи къ Полевому двору; здѣсь, не встрѣчая на пути своемъ ничего, кромѣ огородовъ, онъ прекратился.

²⁾ Этотъ Муниципальный Совѣтъ помѣщался на Покровкѣ, въ домѣ Румянцова. По выходѣ непріятеля изъ Москвы, найденъ здѣсь гр. Растопчиннымъ списокъ всѣхъ Русскихъ чиновниковъ, находившихся въ службѣ у Французовъ; въ немъ упомянутъ и Бестужевъ-Рюминъ. Вскорѣ Бестужевъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ. На проѣздъ и путевыя издержки посланы ему деньги отъ одного сенатора.

Къ чести его должно также сказать, что онъ заботился о сохраненіи въ цѣлости вотчиннаго департамента. Такъ, бывши однажды въ Кремлѣ, онъ увидѣлъ, что Французы изъ оконъ архива выкидывали книги и дѣла въ вязкахъ; тотчасъ же отправился къ Наполеону, какъ членъ муниципальнаго совѣта былъ допущенъ къ нему и донесъ ему объ этомъ. Наполеонъ, по просьбѣ его, приказалъ къ архиву приставить карауль.

Его превосходительству, господину тайному совѣтнику, министру юстиціи и разныхъ орденовъ кавалеру, Ивану Ивановичу Дмитріеву, отъ надворнаго совѣтника Вестужева-Рюмина

Д О Н О Ш Е Н І Е .

2-Маія прошедшаго 1812-го года, указомъ Правительствующаго Сената, по предложенію вашего превосходительства, опредѣленъ я членомъ вотчиннаго департамента. 2 Сентября, того жъ 1812-го года, непріятель овладѣлъ Москвою, и дѣла вотчиннаго департамента, при которыхъ я былъ изъ членовъ въ наличности одинъ, остались во власти его, въ которой и находились по 11 число Октября мѣсяца. Въ сей день непріятель совершенно очистилъ Москву, оставя въ Воспитательномъ Домѣ однихъ больныхъ и раненыхъ. Вскорѣ потомъ учреждена, по имянному Его Императорскаго Величества повелѣнію, Коммисія о разграбленіи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ сей столицѣ, имѣли должности? Коммисія засѣданія свои уже кончила; а какъ и я былъ подъ слѣдствіемъ оной и извѣстился при томъ, что вашего превосходительства предписаніемъ г. статскому совѣтнику Огареву, пребывающему нынѣ въ Москвѣ по дѣламъ службы, приказали запретить мнѣ присутствовать въ вотчинномъ департаментѣ, а потому, окончивъ, такимъ образомъ, служеніе мое подъ начальствомъ вашимъ, поставляю однакожъ долгомъ сдѣлать вашему превосходительству полное донесеніе объ обстоятельствахъ, почему дѣла вотчиннаго департамента оставались не вывезенными по примѣру прочихъ мѣстъ, а равно и о моихъ усиліяхъ къ сохраненію сихъ дѣлъ во время пребыванія непріятели въ Москвѣ и, наконецъ, о всѣхъ происшествіяхъ, которыя могутъ оправдывать мои дѣйствія, въ сіе время безначалія, на пользу отечества и несчастныхъ соотечественниковъ моихъ, находившихся со мною въ плѣну.

Въ началѣ *Іюля* совѣтникъ департамента, г. статскій совѣтникъ Аничковъ, по предложенію главнаго директора, графа Дмитріева-Мамонова, уволенъ по надобностямъ его, на 28 дней, а управленіе департа-

ментомъ препоручилъ мнѣ. А какъ онъ, г. Аничковъ, явился на срокъ къ должности своей, то есть, въ первыхъ числахъ Августа мѣсяца, тогда изъявилъ я желаніе быть уволену на 28 дней по моимъ необходимымъ въ Тульскую губ., въ гор. Богородскъ. Присутствіе вотчиннаго департамента входило съ представленіемъ о семъ моемъ увольненіи къ главному директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой и изъявилъ на оное свое согласіе предложеніемъ, и потому 9-го Августа, получа пашпортъ, я кончилъ присутствіе мое въ департаментѣ, однакожь, по причинѣ болѣзненнаго состоянія жены моей, изъ Москвы не выѣхалъ.

18-ю *Августа* получено отношеніе на имя департамента, отъ г. главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Федора Васильевича Раstopчина. Въ семъ отношеніи его сіятельство предлагалъ департаменту уложить дѣла онаго и имѣть ихъ въ готовности къ отвозу, буде нужда того потребуеть, а о нужномъ количествѣ на то лошадей предоставилъ департаменту самому требовать отъ г. гражданскаго губернатора. Въ разсужденіи таковыхъ обстоятельствъ я почиталъ преступленіемъ оставить департаментъ, когда нужно было дѣйствовать къ спасенію его общими силами; и если я, по новости служенія моего въ ономъ мѣстѣ, не могу равнять себя противъ сотоварищей моихъ въ знаніи дѣлъ, принадлежащихъ оному департаменту, то могу сказать, что я болѣе ихъ чувствовалъ всю необходимость къ внутреннему спокойствію отечества сохраненія архива и дѣлъ онаго, потому, возвратя данной мнѣ пашпортъ, остался при должности моей. Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, въ семъ мѣстѣ сдѣлать нѣкоторое замѣчаніе. Въ предписаніи вашемъ г. статскому совѣтнику Огареву, касательно меня сказано: „который не успѣлъ выѣхать“; это несправедливо вамъ донесено: я не не успѣлъ выѣхать изъ Москвы, узнавъ объ опасности, я не хотѣлъ безъ особаго повелѣнія ни подъ какимъ предлогомъ оставить своего мѣста. Въ понятіи моемъ большая разница въ сихъ словахъ и къ отношенію присяги, и къ отношенію усерднаго сына отечества.

19 *Августа* присутствіе вотчиннаго департамента, по справкамъ оказавшимся, что въ архивахъ онаго находится книгъ въ переплетѣ, въ связкахъ и въ сверткахъ, всего числомъ 42,160, кромѣ текущихъ дѣлъ, заключило опредѣленіемъ, всѣми тремя членами подписаннымъ, что на укладку и обвертку оныхъ къ сбереженію потребно около 10,000 рублей, а на отвозъ до 1000 лошадей, полагая на каждую лошадь по 18 пуд. Съ сего опредѣленія представлена копію на разрѣшеніе главному департаменту директору, графу Дмитріеву-Мамонову, которой съ своей стороны сдѣлалъ немедленно отношеніе, съ прило-

женіемъ сей копіи, къ главнокомандующему, графу Растопчину, и просилъ меня, чтобъ оное доставилъ я лично въ руки его сіятельства, съ тѣмъ, что естли нужны могутъ быть дальнѣйшія объясненія, то я, какъ членъ департамента, могу онымъ удовлетворить, не входя въ переписку. Я на другой день, по жительство графа Растопчина въ загородномъ его домѣ, отвезъ сіе, графа Дмитріева-Мамонова, отношеніе; съ 9 часовъ утра ждалъ свободнаго времени ему оное вручить, и въ 2 часа пополудни уже вручилъ. Въ отвѣтъ правитель канцеляріи его сіятельства, г. Руничъ, мнѣ объявилъ, что графъ Растопчинъ самъ будетъ отвѣтствовать графу Дмитріеву-Мамонову; съ симъ разрѣшеніемъ и вышелъ я изъ дому его.

29 *Августа*, по предписанію вашего превосходительства, вмѣсто графа Дмитріева-Мамонова особенной надзоръ за вотчиннымъ департаментомъ вы препоручить изволили имѣть 7-го Правительствующаго Сената департамента г. оберъ-прокурору и кавалеру Озерову, которой въ сей же день и присутствовалъ въ вотчинномъ департаментѣ. Разсужденіемъ были отношеніе въ оной графа Растопчина касательно укладки дѣлъ и заключеніе на сіе департамента, которое остается безъ разрѣшенія. Его превосходительство Озеровъ обѣщалъ лично говорить о семъ съ графомъ Растопчинымъ и приказалъ въ сей же день по вечеру быть мнѣ съ чиновниками въ департаментѣ, по случаю особеннаго засѣданія Сената господъ оберъ-прокуроровъ. Я приказаніе его выполнилъ и съ чиновниками моими находился до полуночи въ департаментѣ; однако настоящаго разрѣшенія никакого не получилъ о вывозѣ онаго дѣлъ, а г. оберъ-прокуроръ Озеровъ объявилъ, что, говоря о семъ съ графомъ Растопчинымъ, его сіятельство хотѣлъ сдѣлать сношеніе съ вашимъ превосходительствомъ.

31 *Августа*, при выдаваемыхъ Московскихъ Вѣдомостяхъ, была печатная прокламація (афишка), въ коей графъ Растопчинъ увѣрялъ честию своею и клялся сѣдинами главнокомандующаго арміями, свѣтлѣйшаго князя Кутузова, что Французскія войска не будутъ въ Москвѣ; а буде до того дойдетъ, то онъ созоветъ 1000 т. молодцовъ и самъ съ оными и съ образомъ Иверскія Божіей Матери встрѣтитъ непріятеля на Поклонной горѣ (за Доргомилловскою заставою, 3 версты отъ Москвы). Въ сей день ввечеру началось волненіе въ народѣ, и многіе питейные дома разбиты и разграблены.

1-ю *Сентября*, по утру, въ 8 часовъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру третій членъ департамента, г. надворный совѣтникъ Ивановъ, и просилъ моего согласія на отъѣздъ его изъ Москвы на 8 дней. Я не

могу описать вашему превосходительству положенія, въ которомъ г. Ивановъ въ то время былъ: блѣдень, трепещущъ, едва можетъ выговаривать слово, палъ съ сею просьбою къ ногамъ моимъ. Я не полагалъ, глядя на него, жить ему болѣе получаса на свѣтѣ, слѣдовательно, въ такомъ его положеніи и никакой помощи ожидать не могъ къ спасенію департамента дѣлъ, если нужда къ тому будетъ, и потому согласился на отѣздъ его. Въ 9 часовъ утра былъ я въ департаментѣ, но ни дежурныхъ, ни дневальныхъ въ ономъ не было, а находилось только тутъ человѣкъ 5-ть инвалидныхъ солдатъ, при департаментѣ служащихъ, изъ коихъ двое были пьяны. Я приказалъ вахмистру Гурилову призвать тѣхъ чиновниковъ и приказнослужащихъ, коимъ слѣдовало въ сей день быть безотлучно въ департаментѣ, а самъ я пошелъ въ Успенскій соборъ. Божественную литургію отправлялъ викарный архіерей, и служеніе съ необыкновенною торопливостію производилось; по окончаніи онаго, пришелъ я опять въ департаментъ, и какъ вахмистръ Гуриловъ мнѣ донесъ, что никого изъ дежурныхъ не отыскалъ, то и разсудилъ сдѣлать самого себя стражемъ департамента и избралъ къ жительству своему пустую камору близъ 4 части архива; его же, Гурилова, послалъ на квартиру свою привести ко мнѣ жену и малолѣтнихъ дѣтей моихъ, а при томъ, чтобъ онъ людямъ приказалъ не оставлять дому до самаго крайняго часа. Въ 4 часа пополудни явились въ департаментъ нѣкоторые дневальные, извиняясь естественной надобностію отлучки ихъ. Я, во избѣжаніе подобныхъ отговорокъ, приказалъ отколотить одно нужное мѣсто, задѣланное прежде сего Кремлевскою Экспедиціею, въ надѣяніи, что дежурные чиновники не будутъ, подъ видомъ естественныхъ нуждъ своихъ, отлучаться изъ департаментскихъ каморъ. Между тѣмъ ходилъ я въ городъ и видѣлъ нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ изъ арміи офицеровъ, отъ коихъ и узналъ, что братъ мой родной, командующій Либавскимъ мушкатерскимъ полкомъ, живъ и общался на другой день вмѣстѣ съ ними посѣтить меня. Волненіе въ народѣ было уже сильное, грабили даже дома, пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера караулъ, стоявшій на кругломъ дворѣ Сената, билъ вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночевалъ въ департаментѣ.

2 *Сентября* стоявшій караулъ на дворѣ Сената ночью снятъ. Въ 8 часовъ начали собираться въ департаментъ чиновники и приказнослужащие. Я нѣкоторымъ имѣлъ справедливую причину выговаривать за неисполненіе ихъ обязанностей, обѣщавая послать къ его превосходительству, г. коменданту, для наказанія; но секретарь Рыбниковъ съ язвительною усмѣшкою мнѣ отвѣтствовалъ на сіи угрозы: „*Ни комен-*

дантѣ, ни главнокомандующаго, ни оберъ-прокурора, ни кварталныхъ уже въ Москвѣ не находятся“; а другой, тутъ же стоявшій, не помню кто, сказалъ: „Я сейчасъ видѣлъ, что по улицамъ пьяные таскають мертвое тѣло“ (тѣло Верещагина). Не продолжая далѣе моихъ выговоровъ, приказалъ я протоколисту Бородину написать журналъ, въ коемъ опредѣлилъ: „Поелику я одинъ составить цѣлаго присутствія вотчиннаго департамента не могу, и потому закрываю оное; а какъ истеченіемъ Августа мѣсяца чиновники и приказнослужители не получали за оной слѣдуемаго имъ жалованья, и Сената 6 департамента, отъ котораго долженъ я требовать о выдачѣ онаго разрѣшенія, въ Москвѣ не находится, а потому и опредѣляю: выдать, кому сколько слѣдуетъ, а равно, по раздачѣ онаго, выдать еще за два мѣсяца впередъ, на собственной мой отчетъ начальству“. Подписавъ сей журналъ, приказалъ я расходчику Рудакову, вмѣстѣ съ г. к. ассес. и вотчиннаго департамента экзекуторомъ, Горинымъ (оной г. Горинъ, съ семействомъ своимъ, во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ жилъ въ погорѣломъ каменномъ домѣ подъ сводами, и паденіемъ оныхъ окончилъ жизнь свою), принести изъ кладовой ящикъ съ ассигнаціями въ присутственную камору. Въ ономъ находилось наличными 8,125 р., сверхъ того должно числить наличными же взятые подъ росписки въ счетъ жалованья чиновниками 250 р., мѣдной же монеты сколько было, не могу заподлинно сказать, ибо я оной не видалъ.

Я долженъ извѣстить ваше превосходительство, что по приходу и расходу денежной казны въ департаментѣ, завѣдывалъ сію часть 3-й членъ, надворный совѣтникъ, который, не отдавъ отчету, наканунѣ изъ Москвы уѣхалъ; такъ же и секретарь по оной части, Воробьевъ (изъ господскихъ людей) уѣхалъ безъ спросу еще 30 Августа, и обыкновеннаго денежной казны свидѣтельства за Августъ мѣсяць дѣлано не было и вѣдомость присутствію объ остаткѣ суммы къ Сентябрю мѣсяцу не представлена.

По принесеніи ящика съ деньгами, я выдалъ расходчику, Рудакову, для раздачи за Августъ мѣсяць чиновникамъ жалованья 1,500 р., за тѣмъ остальные 6,625 р., не отдавая уже въ кладовую, оставилъ при себѣ, а мѣдную монету, сколько оной въ кладовой находилось, приказалъ перенести въ присутственную камору.

Я сіе учинилъ потому, что, послѣ раздачи за Августъ мѣсяць, долженъ я былъ выдать, въ согласность журнала моего, за два мѣсяца впередъ, а еще болѣе и потому, чтобъ, въ случаѣ нашего несчастія,

самому мнѣ, какъ начальнику департамента, за оную сумму отвѣтствовать, не объявляя и не ссылаясь, въ растратѣ или похищеніи оной, быть причиною кому изъ подчиненныхъ мнѣ.

До 2 часовъ пополудни расходчикъ Рудаковъ не кончилъ еще раздачи жалованья за Августъ мѣсяць, и чиновники разошлись по домамъ, а остались одни только дежурные. Въ 3 часа непріятель вошелъ въ Кремль конницею, подъ командою короля Неаполитанскаго (Murat). Я заперъ двери департамента, приказавъ никого не выпускать и не впускать. Люди мои, оставшіеся на квартирѣ, прибѣжали въ 4 часа, сказывая, что Французскія войска по всемъ улицамъ разсѣялись. Въ 8 часовъ вечера сильное пламя показалось въ Китаѣ-городѣ, въ москательномъ ряду. Я ночевалъ съ семействомъ моимъ въ департаментѣ.

Позвольте мнѣ, ваше превосходительство, при семъ просить вашего начальческаго защищенія противъ клеветы, которую расходчикъ Рудаковъ въ рапортѣ своемъ, до свѣдѣнія вашего дошедшемъ, показалъ, будто я, до вторженія Французовъ въ Москву, за нѣсколько часовъ, мѣдную монету, въ департаментѣ находившуюся, приказалъ перевезти на свою квартиру. Я не только не отвозилъ на квартиру свою мѣдной монеты, но на квартирѣ уже и не былъ, какъ оставилъ оную наканунѣ дня, то есть, 1 Сентября, въ чемъ и самъ Рудаковъ сознался въ комисіи, а потому покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать наказать его въ примѣръ, чтобы не клеветали на своихъ начальниковъ, и я, кромѣ чувствительнаго огорченія, что такая клевета могла дать вамъ обо мнѣ худое мнѣніе, имѣлъ еще ту непріятность, что съ симъ клеветникомъ долженъ былъ въ комисіи стать на одну доску и себя оправдывать. Равнымъ образомъ прошу ваше превосходительство приказать предать сужденію по законамъ и бывшаго въ департаментѣ по части денежной казны секретаремъ Воробьева, который оставилъ свое мѣсто 30 Августа безъ спросу и не отдавъ въ имѣющейсѣ наличной суммѣ отчету; я бы нимало не задержалъ его, ибо, по закрытіи присутствія многимъ чиновникамъ, меня просившимъ, подписалъ билеты для свободнаго выѣзду изъ Москвы. Въ продолженіе ночи сей никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ; но видимо было, что множество мародеровъ бѣгали въ комнатахъ Сената со свѣчами и съ обнаженными саблями, выкидывали изъ оконъ на круглой Сената дворъ столы и стулья, гдѣ и разложенъ былъ огонь.

3 Сентября, въ 9 часовъ утра, явился я въ Кремлевской дворецъ и просилъ Наполеона о покровительствѣ въ сохраненіи архивовъ департамента, коихъ я, какъ сказалъ ему, былъ начальникъ. Посланъ со мною секретарь его, г. Делорнъ-де-Девилль, освидѣтельствовать оныя, которой, посмотрѣвъ ихъ, повелъ меня обратно во дворецъ. По сей часъ никто изъ непріятелей въ департаментъ не входилъ. Пришедъ во дворецъ, маршалъ герцогъ Фриульской объявилъ мнѣ благоволеніе своего императора, а вмѣстѣ съ онымъ и обѣщаніе, что архивы останутся въ цѣлости, и въ слѣдствіе сего приказалъ одному полковнику дать 4-хъ часовыхъ, для каждой галлерей по 1-му. Съ симъ полковникомъ и часовыми пошелъ я въ департаментъ, а пришедъ въ оной, нашелъ каморы департамента уже занятыми старой гвардіи солдатами; кладовая, въ которой ничего не было, взломана; семейство мое совершенно обобранное маршала герцога Истрійскаго штатомъ, въ присутствіи самого его; они накинулись на кое-что, бывшее у меня съѣстное, какъ голодные волки, и отняли при томъ ларчикъ съ бумагами, въ которомъ находилось 3,500 р. ассигнаціями казенныхъ денегъ и 800 р. моихъ собственныхъ.

Когда непріятель вошелъ въ Кремль, въ то время, дабы сохранить оставшіяся у меня казенныя деньги, всего 6,625 р. ассигнаціями, я раздѣлилъ, къ лучшему сбереженію сей суммы, на участки: 3,500 р. положилъ въ ларчикъ съ бумагами, въ коемъ находилось и мнѣ собственно принадлежащихъ 800 р., 3,000 р. спряталъ въ боковой карманъ фрака малолѣтнаго сына моего (12 лѣтъ) уповавъ, что младенчество его избѣгнетъ грабежа, 125 р. спряталъ у себѣ подъ чулки къ подошвамъ; сверхъ оныхъ денегъ было еще у меня моихъ собственныхъ червонныхъ и серебряной монеты, кои я спряталъ..... но благопристойность не позволяеть назвать мѣста. Мѣдную же монету я оставилъ въ комнатѣ департамента.

Въ самомъ жалкомъ состояніи нашелъ я семейство мое, взошедъ, съ полковникомъ и часовыми, въ комнату, въ которой они находились. Изъ архива департамента, однако, высланы были всѣ солдаты и къ дверямъ оныхъ поставлены часовые; ко мнѣ же въ комнату поставленъ офицеръ Голландской гвардіи съ своими тремя деньщиками. Моей команды солдаты, при департаментѣ служащіе, напились пьяны и вышли ко мнѣ изъ повиновенія, а вахмистръ Гуриловъ изъ окна упалъ на дворъ и убится до смерти. Въ 9 часовъ вечера сильный дымъ показался на Арбатѣ (комнаты вотчиннаго департамента имѣютъ видъ въ три стороны города).

4 *Сентября* огонь сильно дѣйствовалъ кругъ Кремля, и Троицкая башня*) съ часами уже выгорѣла, въ разсужденіи чего всѣ старой гвардіи солдаты, квартирующіе въ сенатскомъ домѣ, коихъ было около 5,000 человѣкъ (о числѣ оныхъ они сами сказывали) высланы были къ потушенію огня. Наполеонъ выѣхалъ изъ Кремля въ Петровской дворецъ. Русскимъ же, кои находились въ Кремлѣ, велѣно было всѣмъ оставить оной, и я, выходя со всѣми, при мнѣ бывшими, изъ департамента, въ которомъ долженъ былъ оставить имущество мое и мѣдную монету, казнѣ принадлежащую, былъ на площади, что противъ Сената, совершенно обнаженъ: у меня отняли сертукъ и капотъ, въ присутствіи самого командующаго генерала, Ле-Гросса, который былъ на сей разъ пьянъ, а одинъ солдатъ едва меня не прокололъ штыткомъ ружья своего, называя насъ зажигателями. Съ сына моего 12-ти лѣтъ, къ которому въ карманъ кафтана положилъ я 3,000 р., сорванъ кафтанъ и фракъ и оставленъ онъ въ одной рубашкѣ; у младенца же 7 недѣль, при мнѣ съ матерью находившагося и котораго мать отъ испуга не могла кормить грудью, отняли полбутылки молока, а двухъ приказно-служителей, тутъ же при мнѣ бывшихъ, Бутурлова и Пищулина, взяли въ работу къ себѣ. Въ такомъ горестномъ положеніи, по усиленной просьбѣ моей, далъ маршалъ герцогъ Фріульскій до квартиры мнѣ провожатаго. Сему провожатому, по имени Саблѣ, я и мое семейство обязаны жизнью. Онъ довелъ насъ до Сухаревой башни благополучно, и въ знакъ благодарности моей, я отдалъ ему образъ Божіей Матери, сохраненный мною на груди и коего золотая оправка стоила 80 червонныхъ. Я не описываю вашему превосходительству ужасовъ, которымъ я дорогою былъ свидѣтель: оныя не принадлежать къ сохраненію дѣлъ департамента. Такимъ образомъ ночевали мы въ домѣ Познанскаго, что у Сухаревой башни.

5 *Сентября*. Я не распространяюсь въ описаніи и сего ужаснаго дня, ибо намѣреніе мое увѣдомить вашего превосходительство о дѣлахъ ввѣреннаго мнѣ департамента, а, я вышедъ уже изъ онаго, не могу знать, что тамъ происходило. Въ сей день горѣли Срѣтенская часть, что у Сухаревой башни, и самой тотъ домъ, въ которомъ я ночевалъ, обѣ Басманныя улицы и Нѣмецкая слобода. Я съ семействомъ моимъ и другими приставшими ко мнѣ людьми укрывались отъ мародеровъ, вездѣ грабившихъ, въ одномъ огородѣ, близъ церкви Спаса что въ Спасскомъ, которая, въ 2 часа пополудни, загорѣлась; среди сего огорода былъ прудъ, и мы овощами утолили нѣсколько

*) Развѣ и на Троицкой башнѣ были часы? П. Б.

голодь, насъ мучившій, но не избѣгли, однакожь, прозорливости мародеровъ: двое изъ нихъ пришли насъ грабить, въ виду же оныхъ было болѣе 100 человекъ. Бѣдныя творенія! И они были безъ сапоговъ, безъ рубашекъ, платье едва наготу ихъ прикрывало; они, обнаживъ тесаки, требовали наши сапоги и другія вещи, въ которыхъ самую необходимость имѣли. Безумное дѣло, казалось, сопротивляться, и потому отдавали имъ, что надобно. Ваше превосходительство, можетъ быть, не имѣете точнаго понятія, что такое за люди передовыя войска Французской арміи, вторгнувшейся въ Москву, а потому позвольте мнѣ сдѣлать описаніе случившемуся со мною въ городѣ приключенію. Насъ было въ ономъ около 50 человекъ; большая часть были женщины. Пришедшіе два мародера, видя, что мы ни малѣйшаго сопротивленія ихъ нахальнымъ требованіямъ не дѣлаемъ, вздумали раздѣвать женщинъ и искать сокровищъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только Алжирскіе корсѣры ищутъ. Я, боясь, чтобъ подобной обыскъ не былъ сдѣланъ и женѣ моей, подошелъ къ нимъ, и сказалъ: „Messieurs! Vous pouvez prendre tout ce que vous voyez sur nous: mais si vous osez y toucher les femmes, qui sont ici, au nom du Créateur, Que vous ne reconnoissez pas, je jure de vous faire jeter dans cette eau bourbeuse“¹⁾, показывая на прудъ. Они съ симъ словомъ вложили тесаки свои въ ножны и уходя отвѣтствовали: „Ah, monsieur, si vous agissez comme cela, nous sommes bien vos très humbles serviteurs.... vos très humbles serviteurs“²⁾ повторили еще, и пошли прочь. Вотъ герои, овладѣвшіе Москвой!!

Я оставилъ огородъ по причинѣ, что заборъ и дерева въ ономъ уже загорѣлись, и вышелъ въ поле между Троицкою заставою и Сокольниками, гдѣ и ночевалъ.

6 *Сентября*. Находя большія препятствія, или лучше сказать никакой возможности не предвидѣлъ, чтобъ могъ оставить городъ Москву съ семействомъ моимъ и другими, приставшими ко мнѣ, людьми, рѣшился войти въ Москву: мы три дни уже не видали куска хлѣба, и бѣдныя дѣти мои, истощивъ себя, плакали. Гладъ и чувство природы требовали моего объ нихъ попеченія. Я пришелъ на Тверскую улицу и у самыхъ Воскресенскихъ воротъ встрѣтилъ Наполеона съ его штабомъ верхами. Я скинулъ шляпу, и уповательно Наполеонъ узналъ

¹⁾ Т. е. Господа, берите все, что видите на насъ; но если вы осмѣлитесь коснуться находящихся здѣсь женщинъ, то, именемъ Творца, Котораго вы не признаете, клянусь, что вы будете брошены въ эту грязную воду.

²⁾ Т. е. Ахъ, господниъ, если вы таковы, то мы ваши покорнѣйшіе слуги.. ваши покорнѣйшіе слуги.

меня, хотя былъ я нагъ и босъ и имѣлъ только лакейскую шинель на себѣ; ибо, посмотрѣвъ на меня, что-то сказалъ бывшему сзади его чиновнику, который тотчасъ и подѣхалъ ко мнѣ. Въ семь чиновникѣ узналъ я секретаря его, г. Делорна-де-Девилля, которой, узнавъ и меня, вскричалъ: „Ah, monsieur Bestoujeff, dans quelle situation je vous vois!“..... Я отвѣтствовалъ: „C'est le sort de la guerre!“—„Où est vorte femme, vos enfans?“ промолвилъ онъ.—„Vous les voyez“, показывая на нихъ, жена въ рубищѣ, а дѣти босы.—„Ah! Dieu!“¹⁾... И на глазахъ его слезы показались. Изъ многихъ, окружавшихъ насъ, приказалъ онъ одному полковнику штаба маршала принца Невшательскаго (Bertier), по имени г. Фонъ-Зейленъ-Нивельту, именемъ императора своего, взять меня подъ покровительство. Г. подполковникъ избралъ домъ для жительства на Петровкѣ, близъ Петровскаго монастыря, бывший князя Одоевскаго, а нынѣ губернской секретарши Дурновой²⁾. Управитель сего дома, Иванъ Александровъ, оставшійся въ Москвѣ, на канунѣ дня заколонъ Польскими грабителями. Черезъ два дни потомъ вступили въ оной же домъ для квартированія 50 человекъ молодой гвардіи съ 3 офицерами. Подъ покровительствомъ оныхъ жилъ я со всѣми, при мнѣ бывшими, безопасно и до 16 Сентября не выходилъ изъ комнатъ.

Сей день, 16 Сентября, былъ самой ужаснѣйшей въ жизни моей; описаніе онаго не принадлежитъ къ предмету моего донесенія.

16 Сентября, сысканъ будучи Французскою полиціею, по приказу 9 числа, представленъ я къ графу Мило (commandant de la Ville). Онъ за подписаніемъ своимъ далъ мнѣ записку, съ которой долженъ я былъ явиться къ маршалу герцогу Тревизо (Mortier, général-gouverneur de Moscou). Я не могу довольно нахвалиться привѣтствіемъ и ласкою сего маршала. Онъ спросилъ меня: „Я ли тотъ надворный совѣтникъ Бестужевъ, которому препоручены были архивы въ Кремль?“ Мой отвѣтъ былъ, что его превосходительство не ошибается: „Я самой тотъ“. Онъ изъявилъ искреннее сожалѣніе къ моему несчастному положенію и предлагалъ не только одежду мнѣ, но даже денежное вспоможеніе, которыхъ, однакожъ, я не принялъ. Онъ объявилъ при томъ, что учреждается отеческое градское правленіе (Municipalité Paternelle), въ которомъ, по особенной волѣ его императора, и я долженъ присутствовать. Я на первый разъ сдѣлалъ было отрицаніе мое объ участвованіи въ ономъ, но маршалъ, герцогъ Тревизо, сказалъ, что

¹⁾ Т. е. Ахъ, господинъ Бестужевъ, въ какомъ положеніи вижу я васъ.—Это жребій войны.—Гдѣ ваша супруга, ваши дѣти?—Вы ихъ видите.—Ахъ, Боже!

²⁾ Нынѣ этотъ домъ, застроенный съ улицы, принадлежитъ Харитоненку. П. Б.

сей муниципалитетъ учреждается не въ пользу Французовъ, а напротивъ учрежденіемъ онаго находятъ единое средство защитить несчастныхъ соотечественниковъ моихъ отъ грабежа, насилій и обидъ, слѣдовательно, и отказываться мнѣ отъ участвованія въ семъ намѣреніи будетъ съ моей стороны несправедливо, и находить въ принятіи моего отрицанія затрудненіе въ томъ еще, что долженъ донести объ ономъ своему императору; а чтобъ я не имѣлъ сомнѣнія, что оное учрежденіе для пользы моихъ согражданъ, показалъ и инструкцію сему предполагаемому муниципалитету. Я, не находя въ оной ничего противнаго совѣсти моей, ни нарушенія присяги, изъявилъ свое согласіе; въ слѣдствіе сего и далъ онъ мнѣ, маршалъ, свидѣтельство (родъ патента), съ котораго при семъ прилагаю копию подъ № 1; а дабы въ новомъ семъ званіи лично обезопасить меня отъ обидъ непріятельскихъ войскъ, а равно, чтобъ я могъ на улицахъ, въ случаѣ нужды, защитить соотечественниковъ моихъ, приказано носить мнѣ на лѣвой рукѣ красную узкую ленту и съ праваго плеча на лѣвое перевязъ красную жъ. Я узкой ленточки на рукахъ не носилъ, потому только, что не могъ нигдѣ достать оной, а когда выходилъ со двора, тогда имѣлъ на себѣ подъ шинелью перевязъ красную по камзолу (фрака не было; сію перевязъ сдѣлалъ я изъ ленты ордена святаго Александра Невскаго, доставшейся мнѣ по наслѣдству отъ дѣда моего и служившей по рожденіи мнѣ въ пеленахъ свивальникомъ). Дѣйствительно, Французскія войска оказывали большое уваженіе къ сему знаку, и я имѣлъ счастье чловѣкъ 5 на улицѣ защитить отъ грабежа, а при томъ всѣ, прибѣгавшіе подъ защиту въ домъ, которой я съ г. подполковникомъ фонъ-Зейленъ-фонъ-Нивельтомъ занималъ, были, по крайней мѣрѣ, уже безопасны, ибо и на воротахъ онаго дома былъ билетъ: „Logement d'adjoint du maire de la Ville“¹⁾; и таковыхъ пришельцовъ было болѣе 50 чловѣкъ. коимъ я отчасти и хлѣба давалъ. Впрочемъ, въ учрежденномъ муниципалитетѣ я имѣлъ двѣ экспедиціи подъ моимъ особеннымъ надзоромъ: 1-я „Approvisionnement des malheureux habitants de la Ville“, и 2-я: „Secours aux indigents“²⁾; но по обоимъ симъ предметамъ оставался въ дѣйствіяхъ моихъ бесполезенъ, потому что не имѣлъ къ тому способъ; въ хлѣбѣ самъ очень нуждался, а денежныхъ пособій не дѣлалъ, потому что денегъ у меня не было.

Ежели поставитъ мнѣ въ преступленіе, что я до вторженія въ Москву не имѣвъ о выѣздѣ повелѣнія, самъ собою не догадался бѣжать изъ города, и съ нарушеніемъ присяги оставилъ бы дѣла вотчиннаго

1) Т. е. Помѣщеніе помощника городского мера.

2) Т. е. Снабженіе пищею несчастныхъ жителей города. Помощь бѣднымъ.

департамента на произволь, въ такомъ случаѣ я, въ оправданіе свое, ничего сказать не могу и заслуживаю наказаніе по законамъ, буде на таковой мой проступокъ есть постановленіе; если же, напротивъ, поступокъ мой, что я безстрашно сохранялъ мѣсто свое, не взирая на разглашенія о всѣхъ жестокостяхъ, производимыхъ непріателемъ, имѣя въ виду единое спасеніе дѣлъ, надзору моему ввѣренныхъ, не вмѣняется мнѣ въ преступленіе; слѣдовательно, оставшись, такимъ образомъ, во власти непріателя, по долгу службы моему отечеству, не въ другомъ чемъ можно отъ меня требовать и отчета, какъ только: *не нарушилъ ли я присяги законному моему Государю? Не сдѣлалъ ли я предательства, или измѣны отечеству, открытіемъ тайны моего правительства? Или, возгордясь нѣкоторымъ оказаннымъ мнѣ отличіемъ, не дѣлалъ ли я какія насилія несчастнымъ соотечественникамъ моимъ, терпѣвшимъ равную участь со мною? Присяги законному моему Государю я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ, ибо особу Его Императорскаго Величества я люблю, какъ Россіянинъ; предательства, или измѣны, отечеству открытіемъ тайнъ правительства не учинилъ; да и что можетъ знать чиновникъ, роющійся въ Москвѣ въ архивахъ вотчиннаго департамента, о дѣлахъ комитета министровъ въ С.-Петербургѣ? Касательно же до притѣсненія, или обидъ сотоварищей общаго со мною несчастія, на меня жалобъ ни отъ кого нѣтъ, и оныхъ быть не можетъ, ибо я поступалъ со всѣми по собственной боли сердца своего. Между 50,000 человекъ обоого пола людей, оставшихся въ Москвѣ во власти непріателя, многіе, въ почетныхъ чинахъ состоявшіе, рубили Французамъ дрова, носили воду или другіе имѣли ноши (butin, какъ они называютъ), и иногда путешествіе ихъ съ оными было отъ *Москвы* до *Всесвятскаго*, а отъ *Всесвятскаго* до *Коломенскаго*; а я не только не дѣлалъ подобныхъ послугъ имъ, но, охраняя, по должности своей, дѣла вотчиннаго департамента, былъ еще защитникомъ соотечественниковъ моихъ отъ обидъ, сохранилъ и присягу къ Государю и любовь къ отечеству; отказаться же отъ возложенной на меня должности засѣданія въ муниципалитетѣ значило воспротивиться воли императора Наполеона безумнымъ упрямствомъ, коего слѣдствіе, въ примѣръ другимъ, была бы мнѣ смерть постыдная. Я взиралъ бы и на оную равнодушно; ибо чувствую, что есть что-то выше человека, и безтрепетно предстану на судъ къ сему Существу, Котораго не постигаю; совѣсть моя чиста! Но осмѣливаюсь спросить: могла ли быть смерть моя въ то время полезна для отечества? Нѣтъ, нѣтъ, ваше презосходительство. Теперь недостаетъ самой малой только части дѣлъ, къ вотчинному департаменту принадлежащихъ, а со смертію моею, можетъ быть, ни одного бы не было, и если дѣла вотчиннаго департамента нужны для блага отечества,*

то и жизнь моя нужна была; ибо сохраненіе оныхъ дѣлъ сопряжено было съ моимъ усердіемъ.

18 Сентября, съ соизволенія маршала, герцога Тревизо, которой мнѣ письмо далъ къ маршалу, герцогу Данцигскому (Le Fèbre, командующему въ Кремлѣ) входилъ я въ вотчинной департаментъ въ проведеніи адъютанта сего послѣдняго и, къ великой радости моей и удивленію, видѣлъ, что всѣ дѣла были совершенно въ томъ же порядкѣ, въ которомъ я оныя оставилъ, и часовые, тутъ стоявшіе, сказали, что имѣютъ повелѣніе никого не впускать въ галерею архива; но напротивъ въ присутственной каморѣ, въ моей бывшей комнатѣ и въ другихъ комнатахъ, къ которымъ не поставлены были часовые, всѣ вещи въ оныхъ обобраны и все переломано; ибо занимали оныя солдаты постоемъ, и я всего имущества лишился; изъ числа же мѣдныхъ денегъ, казнѣ принадлежащихъ, и которыя я, выходя 4 Сентября, оставилъ, находилось еще 7 мѣшковъ.

23 Сентября былъ опять съ его же, маршала, герцога Тревизо, позволенія, въ вотчинномъ департаментѣ и, по случаю вступившихъ въ Кремль къ квартирванію новыхъ двухъ полковъ, галереи были уже заняты оными. Хотя часовые и сказывали, что имѣютъ повелѣніе смотрѣть, чтобъ дѣла не расхищали, однакожъ я примѣтилъ, что они книги употребляли на постилку вмѣсто кроватей, и потому разсудилъ, къ лучшему сбереженію, подать письменную просьбу на имя Наполеона, которую самъ и сочинилъ.

25 Сентября подаль оную просьбу маршалу, герцогу Тревизо, на разсмотрѣніе.

Въ сей день, по полудни въ 6 часовъ, подавъ просьбу мою маршалу, онъ просилъ меня остаться у него. Между разговорами я объявилъ, что, при вшествіи Французскихъ войскъ въ Москву, имѣлъ при себѣ казенныхъ денегъ 6,625 р. ассигнаціями, кои у меня отняты, не взирая, что Наполеономъ обѣщано мнѣ покровительство. Онъ отвѣчалъ, улыбаясь: „Справедливѣе бы было вамъ просить о своей собственности, которую вы потеряли; а что касается до казеннаго, то оное правомъ войны (*butin, droit de la guerre*) принадлежитъ имъ, побѣдителямъ“. Впрочемъ, Бога поставляю во свидѣтели, что сей маршалъ, сколь часто ни былъ я у него, но онъ не только со мною, но при мнѣ и съ другими никогда на счетъ правительства нашего не говорилъ.

29 Сентября маршалъ, герцогъ Тревизо, возвратилъ мнѣ просьбу мою на имя Наполеона, съ нѣкоторыми поправками въ текстѣ.

4 Октября, пополудни въ 6 часовъ, подалъ оную я лично въ Кремлевскомъ дворцѣ (копію, каковую подалъ, здѣсь прилагаю подъ № 2) и отвѣту на тотъ часъ не имѣлъ; а генераль-адъютантъ его, графъ Нарбоннъ, вышедъ изъ внутреннихъ покоевъ Наполеона, сказалъ: „Si vous voulez passer demain chez moi, vous aurez prendre réponse“¹⁾.

5 Октября, поутру въ 6 часовъ былъ я у графа Нарбонна, и онъ мнѣ сказалъ, что императоръ его находитъ просьбу мою совершенно справедливою и, похваляя притомъ усердіе мое на пользу отечества, обнадеживалъ, что сокровища сіи отъ войска его останутся невредимы; а какъ просилъ я повелѣнія оныя собрать въ одну залу, то о семъ приказаніе дано маршалу, герцогу Тревизо, не только къ сему допустить, но и оказать въ ономъ вспомошествованіе.

Въ полдень видѣлъ я знакомаго уже мнѣ секретаря, г. Делорнаде-Девилля, которой сказалъ, что онъ читалъ мою просьбу къ его императору, и что Наполеонъ въ первыхъ словахъ своихъ сказалъ: „Этотъ чиновникъ съ своею архивою мнѣ уже наскучилъ“, и потомъ далъ приказаніе графу Нарбонну.

6 Октября. Хотя въ сей день и ничего такого не воспослѣдовало, что касалось бы до предмету моего донесенія вашему превосходительству, однакожъ я не могу умолчать о такомъ обстоятельстве, которое въ великіе хлопоты меня ввело. Въ 8 часовъ вечера, когда я готовился уже ложиться спать, пришелъ ко мнѣ изъ Кремля солдатъ старой гвардіи, по имени Саблѣ, самой тотъ, которой провожалъ меня 4-го Сентября изъ Кремля до Сухаревой башни. Онъ пожелалъ со мною проститься, какъ самъ сказывалъ, и пожелать мнѣ всякаго благополучія; ибо завтрашній день, съ восходомъ солнца, отданъ приказъ имъ выступить въ походъ; и послѣ получаса разговору, ничего незначащаго, распрощавшись со мною, просилъ меня, чтобъ я проводилъ его 10 шаговъ только, и когда я сіе учинилъ, оставшись съ нимъ одинъ, то, взявъ онъ меня за руку, сказалъ: „*Sauvez vous, mon cher, si vous pouvez; le Kremlin va sauter en l'air, aussi bien que toute autre place, tout près de cotre ci-devant*“ (онъ разумѣлъ пушечной дворъ, что близъ Сокольниковъ). *On va même donner les ordres de massacrer tout ce qui porte les armes et de mettre le feu à toutes les maisons qui n'ont pas été incendiées*²⁾.

¹⁾ Т. е. Если вы пожелаете завтра быть у меня, то получите отвѣтъ.

²⁾ Т. е. Спасайтесь, мой дорогой, если можете; Кремль взорветъ на воздухъ, какъ и всякое другое мѣсто, близъ котораго вы жили. Отданъ даже будетъ приказъ убивать всякаго посягающаго оружіе и зажечь всѣ дома, которые не были сожжены.

Я оставляю судить вашему превосходительству въ какомъ положеніи долженъ я былъ находиться, имѣя въ глазахъ моихъ дѣтей, содѣлывающихся жертвою смерти, и Богъ знаетъ какой еще смерти!

7 Октября, въ 5 часовъ утра, Наполеонъ, съ старою гвардіею, оставилъ Москву. Молодая гвардія, подъ командою герцога Тревизо, вступила на квартиры въ Кремль. Самъ маршалъ переѣхалъ въ Кремлевскій дворецъ. Я, по поводу поданной просьбы моей Наполеону, говорилъ съ маршаломъ, которой въ отвѣтъ сказалъ, что въ теперешнемъ обстоятельстве сіе излишне будетъ, ибо и остальные войска скоро оставятъ Москву; а между тѣмъ приказалъ при мнѣ полковнику, командующему тѣмъ полкомъ, которой занялъ комнаты вотчиннаго департамента, чтобъ дѣлъ не расхищали, и, такимъ образомъ, я простился съ маршаломъ, и болѣе его уже не видалъ. Кордонъ передовыхъ Французскихъ войскъ стоялъ по бульвару.

8 Октября, въ 2 часа пополудни, взорваны ящики съ порохомъ на пушечномъ дворѣ. Кордонъ былъ еще по бульвару, перестрѣливаясь часто съ нашими мужиками.

9 Октября, не находя себя уже въ безопасности въ домѣ г. Дурновой, ибо солдаты молодой гвардіи съ ихъ офицерами перешли въ Кремль, я разсудилъ также съ семействомъ моимъ искать спасенія въ Воспитательномъ Домѣ, и его превосходительство, Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ, далъ мнѣ, по милости своей, въ ономъ комнату, въ которой я помѣстился.

10 Октября, около 4 часовъ по полудни, услышали мы, что командующій корпусомъ Россійскихъ войскъ, баронъ Винценгероде, взять въ полонъ близъ Тверскихъ воротъ и приведенъ въ Кремль. Въ 8 часовъ вечера зажгли Французы Винной Дворъ и вскорѣ потомъ домъ главнаго кригсъ-коммисаріата. Въ 11 часовъ зажженъ Кремлевской дворецъ, и Французскія войска, подъ командою маршала, герцога Тревизо, оставшіяся, вышли изъ Москвы чрезъ Каменной мостъ по Калужской дорогѣ.

11 Октября, въ 2 часа по полуночи, взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Въ 7 часовъ входилъ я въ оной, и стеченіе Русскаго народа было несказанно; вотчинной же департаментъ, въ каморахъ котораго Французы оставили бочекъ съ двадцать винъ и въ архивахъ картофелю и сукна, былъ полонъ мужиковъ, и ужаснѣйшаго буйства отъ оныхъ въ пьянствѣ ихъ описать нельзя. Въ 3 часа по полудни пришли козаки.

12 Октября, въ 10 часовъ утра, поставленъ былъ вокругъ Кремля караулъ, и никого въ оной не впускали, а въ 5 часовъ по полудни я оставилъ Москву, ибо былъ совершенно нагъ и со всеѣмъ семействомъ, въ чемъ засвидѣтельствовать можетъ его превосходительство, Иванъ Акинѣевичъ Тутолминъ, съ которымъ я простился, поблагодаря его за квартиру. Пребываніе мое было въ деревнѣ братьевъ моихъ и въ волостяхъ графа Бобринскаго, къ котораго великодушію прибѣгнулъ я, прося о вспомоствованіи.

Я не знаю, почему г. генераль-маіоръ Иловайской 4-й, въ рапортѣ своемъ къ Государю Императору, написалъ касательно меня „скрылся“; равно не знаю, почему о себѣ написалъ, что онъ „вытѣснилъ непріятеля изъ Кремля“. Донесеніе своеѣмъ несправедливое, и разница большая въ послѣдствіяхъ его рапортовъ; спросить надобно тѣхъ, кои были въ то время въ Москвѣ, тогда и справедливость его донесенія усмотрѣть можно будетъ, котораго бы и слѣдствія были совершенно противны.

22 Ноября, узнавъ о донесеніи г. генераль-маіора Иловайскаго 4-го изъ газетъ, я нимало не мѣшкалъ явиться въ Москву къ г. главнокомандующему, графу Федору Васильевичу Растопчину, и вскорѣ потомъ учреждена коммисія по имянному Его Императорскаго Высочества повелѣнію, о разобраніи, виновны ли тѣ, кои, при нахожденіи Французовъ въ Москвѣ, имѣли должности? А какъ сія Коммисія для насъ уже кончилась, то, вмѣстѣ съ окончаніемъ оной, и донесеніе мое о сихъ обстоятельствахъ честь имѣю вашему превосходительству представить.

Симъ и оканчиваю мое донесеніе. Жалѣю, что не могу оное покончить увѣдомленіемъ, сколько осталось въ вотчинномъ департаментѣ дѣлъ въ совершенной цѣлости; ибо, извѣстившись, что вы запретили мнѣ присутствовать въ ономъ, я болѣе уже и не домогался узнать, въ какомъ состояніи находятся тамъ дѣла. Само Провидѣніе къ сохраненію большей части оныхъ внушило вашему превосходительству дать мнѣ сіе мѣсто, и я смѣло могу сказать, что ни одинъ изъ сочленовъ моихъ не дѣлалъ бы такихъ усилій къ спасенію сихъ дѣлъ, и съ такимъ притомъ пожертвованіемъ, съ которымъ я старался исполнить долъ присяги моей. Я не стану искать дальнихъ доказательствъ въ разности служенія, которую предполагаю имѣть въ разсужденіи соотварицей моихъ; ибо я, не взирая на всѣ неистовые поступки непріятеля съ побѣжденными, оставаясь, жертвовалъ не только своею

жизнью, но и жизнью семейства моего и малолѣтнихъ дѣтей; гласъ природы умолкъ при исполненіи моихъ обязанностей, обязанностей сына отечества (свидѣтель можетъ судить о моихъ поступкахъ); а товарищи мои, напротивъ, оставя въ Москвѣ только то, что вывезть не могли, сами удалились и возвратились опять въ Москву въ половинѣ *Февраля* (непріятель очистилъ оную 11-го числа *Октября*), и возвратились не съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать опись оставшимся дѣламъ, хотя имѣютъ въ отчетѣ оныхъ равное участіе со мною, но въ срокъ подать объявленія о потерѣ своей, которую могли претерпѣть съ разрушеніемъ Москвы. Повѣрьте, ваше превосходительство, что я не менѣе ихъ потерялъ, но сію потерю я приношу въ дань любезному моему отечеству.

Я увѣдомился отъ пріѣхавшаго изъ С.-Петербурга, что ваше превосходительство въ большемъ негодованіи на меня въ разсужденіи небереженія суммы денегъ, оставшейся въ вотчинномъ департаментѣ. Я оными не покорыствовался; сія сумма очень недостаточна усыпить совѣсть мою, если бъ къ несчастію и имѣлъ ее сонливою. Изъ донесенія моего вы видѣть можете, какимъ случаемъ и въ какое время она у меня похищена, и я еще всего собственнаго лишился; впрочемъ, почему товарищи мои не увезли ее съ собою? Не скрою. однакожъ, отъ вашего превосходительства, что я имѣлъ случай во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ оную потерю пополнить, ибо они за 10 р. серебромъ давали мѣшокъ мѣдной монеты; а какъ я нѣсколько червонныхъ и серебряной монеты имѣлъ счастье сберечь, то по такому курсу и легко могъ вознаграждать. И если бъ я въ глазахъ вашихъ могъ получить такимъ способомъ какую нибудь цѣну ревности служенія моего, то напротивъ самъ себя возгнушался бы; ибо сія мѣдная монета принадлежала бы Казенной Палатѣ и Банку, коей оставлено было до нѣсколько сотъ тысячъ; или принадлежала бы частнымъ людямъ, которую они грабежемъ доставали; и притомъ послѣдствіе показало, что и оное не могло быть твердо, не имѣя мѣста, гдѣ бы сію сумму въ мѣдной монетѣ сохранить, а потому вошедшіе казаки и мужики все бы разграбили, когда уже не пощадили они Воспитательнаго Дома, котораго и жестокіе непріатели не трогали.

Я откровенно долженъ признаться вашему превосходительству, что нимало не дорожу мѣстомъ, членомъ быть вотчиннаго департамента, и истина уже навсегда оставитъ усердію моему память въ ономъ; но не могу скрыть чувствительнаго моего огорченія, что лишаяся начальника, котораго въ душѣ моей уважаю; и въ мысляхъ

моихъ, кто могъ въ сказкѣ дать правила *воспитанію льва*, тотъ, конечно, не по наслѣдству и не хитрыми происками получилъ блистательное званіе министра юстиціи, но по достоинствамъ своимъ занимаетъ, и подчиненной такому начальнику имѣеть уже въ предметъ справедливую награду своему усердію.

Въ заключеніе сего осмѣливаюсь просить ваше превосходительство назначить время, съ котораго вы мнѣ дали отставку; ибо я, получая отъ щедротъ монаршихъ пенсіонъ, которой, со вступленіемъ моимъ въ вотчинной департаментъ, прекратился, могъ бы вновь просить о выдачѣ онаго съ числа сей отставки, потому что въ самой крайней бѣдности нахожусь. Москва, 27 Февраля 1813 года.

№ 1. AU NOM DE SA MAJESTÉ L'EMPEREUR ET ROI.

Monsieur *Bestoucheff-Rumen* est nommé adjoint du maire de la commune de Moscou.

Le présent lui tiendra lieu de *Brevêt*, à Moscou ce 21 Septembre 1812.

Le gouverneur-général de la Ville et de la Province de Moscou. *M. le Duc de Treviso*.

Par s. ex. mr. le gouverneur-général l'Intendant de la Ville et de la Province de Moscou. *Lesseps*.

№ 2. SIRE!

Lorsque l'armée de votre majesté impériale et royale entra triomphante dans cette capitale. je me trouvois employé au service de ma patrie en qualité du second membre du département des domaines.

Je n'ai pas suivi l'exemple de mes collègues, ni de mes subordonnés, qui, méconnoissant leur devoir, ont abandonnés leurs postes et ont fui dans l'intérieur; j'ai tâché au contraire de conserver les archives du dit département, qui étoient sous ma direction, et d'y maintenir l'ordre, qui y existait auparavant. Je me présentai en conséquence dès le lendemain à la cour de votre majesté, et par l'entremise de mr. le secrétaire de Lorgne-de-Deville, j'obtins quatre sauvegardes, qui furent placées aux quatre archives. Ce devoir rempli je quittai le logement, que j'occupais pour le moment au Sénat, et je me retirais avec ma famille dans ma maison.

Je n'ai pas échappé au malheureux sort de la plupart de mes concitoyens; ma maison a été la proie des flammes. Quoique cette perte soit assez considérable pour moi, je la supporterois avec courage, si je pouvois préserver le reste des archives, qui étoient sous ma direction, et dont une grande partie des livres peut encore être sauvée, j'aurais rempli mon devoir, si mon gouvernement me demande compte un jour des efforts, que j'aurois fait pour conserver ce dépôt, qui m'a été confié.

C'est pourquoi je prends la liberté de me prosterner aux pieds de votre majesté impériale et royale, en la suppliant de m'accorder la grâce de pouvoir mettre les dites archives en ordre, de les rassembler dans une seule salle; par ce moyen les trois autres salles, où elles sont dispersées, pourront servir au logement des troupes de votre majesté. Je me permettrai d'ajouter, que ces archives sont d'autant plus précieuses, que ce sont elles, qui sont consultées et ont force de loi, dans tous les différens, qui peuvent survenir entre les sujets Russes, pour la conservation de leurs propriétés.

Dans l'attente, que votre majesté voudra bien agréer gracieusement ma prière, j'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et soumission, sire, de votre majesté impériale et royale le très humble et très obéissant serviteur A. B. R., conseiller de cour au service de Sa Majesté Impériale de toutes les Russies.

Moscou, 4 Octobre, 1812*).

*) Т. е. № 1. Его Императорскому Величеству и королю.

Г-нъ Бестужевъ-Рюминъ назначенъ помощникомъ мера Московской общины. Настоящее служить ему охранной грамотою. Москва 21 Сентября 1812 года. Генералъ-губернаторъ города Москвы и губерніи герцогъ де Тревизо. Выдана его превосходительствомъ главнымъ правителемъ города Москвы и губерніи Лесепсомъ.

Т. е. № 2. Ваше Величество! Когда армія вашего королевскаго и императорскаго величества вступила побѣдоносно въ эту столицу, я состоялъ на службѣ моей родины въ качествѣ второго члена вотчиннаго департамента. Я не послѣдовалъ примѣру своихъ товарищей и подчиненныхъ, кои, забывая свой долгъ, покинули свои должности и бѣжали внутрь страны; я же, наоборотъ, старался беречь архивы вышеназваннаго департамента, бывшаго подъ моимъ управленіемъ, и поддерживалъ въ немъ тотъ порядокъ, который существовалъ тамъ до сего времени. Вслѣдствіе этого я явился на слѣдующій же день ко двору вашего величества и получилъ, черезъ посредство секретаря де-Лорнъ-де-Девилья, четырехъ часовыхъ, конхъ и приставилъ къ четыремъ архивамъ. Исполнивъ свой долгъ, я покинулъ помѣщеніе, занимаемое мною въ Сенатѣ, и перебрался съ семьєю въ свой домъ. Я не избѣгнулъ несчастной участи большинства моихъ соотечественниковъ: домъ мой сталъ жертвою огня. Хотя эта потеря и очень значительна для меня, я бы мужественно перенесъ ее, если бы мнѣ удалось сохранить въ цѣлости архивы, бывшіе подъ моимъ управленіемъ, и большая часть книгъ которыхъ можетъ быть еще спасена; этимъ

Второе письмо къ И. И. Дмитріеву.

Москва. 10 Іюля 1813 года.

Милостивый государь, Иванъ Ивановичъ!

Донесеніе мое вашему превосходительству отъ 27 прошедшаго Февраля остается по сю пору безъ отвѣту, а я безъ разрѣшенія, даже заподлинно не знаю, получили вы оное, или нѣтъ? Слышу только, что угодно вамъ было отставить меня отъ службы моему отечеству безъ моей о томъ просьбы еще 2 Января, и хотя таковая отставка предосудительна чести и имени моему, однако, смѣю сказать, безъ всякаго моего преступленія, и я поднесъ никакого законнаго письменнаго вида не имѣю на оную. Въ семъ недоумѣніи и находясь въ самомъ трудномъ положеніи жизни, рѣшился я отнести къ вамъ, милостивый государь, не касаясь званія вашего, министра юстиціи, но какъ къ частному благородному человѣку, и просить чистосердечно, что васъ огорчило противъ меня, и чѣмъ заслужилъ я вашу немилость? Исполнивъ всѣ обязанности сына отечества и честнаго человѣка, я надѣялся, что такого примѣрнаго усердія чиновникъ, каковымъ я себя быть показалъ, и въ такое притомъ еще время жестокости отъ нашествія непріятели, которому и исторія мало примѣровъ имѣеть, дѣлаеть честь начальству, подъ вѣдомствомъ котораго состоитъ, и заслужить, по крайней мѣрѣ, онаго вниманіе; но мнѣ, напротивъ, сіе усердіе обращается отъ васъ въ поруганіе, безчестіе и ужасное истязаніе. Сами враги моего отечества не были равнодушны къ усиліямъ моимъ въ исполненіи сихъ обязанностей, похваляли заботы мои къ сохраненію государственныхъ дѣлъ, надзору моему вѣренныхъ и оставшихся въ ихъ власти, а увидѣвъ, что я имѣю еще семейство, и узнавъ, съ какою опасностію жизни моей я исполнялъ долгъ присяги, не могли отказать мнѣ и въ уваженіи. Вы признаетесь, милостивый государь, что не

я исполнилъ бы свой долгъ, въ случаѣ, если бы мое правительство потребовало отъ меня отчета въ тѣхъ усиліяхъ, кои я употребилъ, дабы сохранить вѣренныя мнѣ архивы. По этой причинѣ осмѣливаюсь повергнуться къ стопамъ вашего императорскаго и королевскаго величества съ просьбою оказать мнѣ милость и дать возможность привести въ порядокъ вышеназванные архивы и размѣстить ихъ въ одной залѣ; такимъ образомъ остальные три залы, гдѣ они разбросаны, могутъ служить помѣщеніемъ для войскъ вашего величества. Осмѣливаюсь прибавить, что архивы эти цѣнны еще по тому, что въ распряхъ о владѣніяхъ, возникающихъ между Русскими подданными, за справками обращаются къ нимъ, и они имѣють силу закона. Въ надеждѣ, что ваше величество милостиво примете мою просьбу, имѣю честь быть съ глубокимъ уваженіемъ и покорностью, государь, вашего королевскаго и императорскаго величества смиренный и покорный слуга А. Б.-Р., статскій совѣтникъ Его Императорскаго Величества всея Россіи.

всякой бы согласился быть въ то время на моемъ мѣстѣ, и что гораздо легче осуждать поступки другихъ, будучи отъ театра ужаса на нѣсколько сотъ верстъ, и обвинять тѣхъ несчастныхъ, безъ малѣйшаго изслѣдованія, кои съ истиннымъ усердіемъ къ пользѣ отечественной жертвовали жизнию своею. Въ числѣ сихъ несчастныхъ поставить могу и себя: ибо, не имѣвъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, ниже особеннаго наставленія, какъ поступать въ сіе время страха, я долженъ былъ руководствоваться клятвеннымъ моимъ общаніемъ, преданностью къ престолу законнаго Государя, любовью къ отечеству. Если бъ я и послѣдовалъ подлomu примѣру моихъ обоихъ сотоварищей, кои, при приближающейся опасности, пренебрегли долгъ присяги и въ трусости своей оставили мѣста, ими занимаемая, или, по просту сказать, бѣжали отъ должностей своихъ, оставивъ дѣла на произволь, то и въ тайной измѣнѣ престолу и отечеству, я съ своей стороны, могъ дать видъ, по крайней мѣрѣ, гораздо благороднѣйшій; ибо, какъ вамъ уже извѣстно, имѣлъ отъ 9 Августа законной отпускъ на 28 дней (въ оное время еще нимаго не думали, чтобъ непріятель овладѣлъ Москвою), слѣдовательно, срокъ сему отпуску долженъ кончиться около 9 Сентября, а непріятель взошелъ въ Москву 2 Сентября. Къ тому жъ, къ отъѣзду моему, по милости графа Бобринскаго, имѣлъ я деньги и лошадей; но при такомъ безнужномъ къ побѣгу моему положеніи, я не измѣнилъ присягъ и рѣшился ожидать приказанія начальства; а не получивъ онаго, самъ собою старался спасти дѣла вотчиннаго департамента. Плоды усердія моего видимы: ибо вотчинной департаментъ существуетъ; если же нѣкоторыя дѣла въ ономъ не въ томъ порядкѣ, въ которомъ были до нашествія непріятели, то это по тому только, что сей департаментъ находится въ Кремлѣ, а въ Кремлѣ нѣтъ ничего въ порядкѣ, даже и Иванъ Великой тронулся съ мѣста своего.

Имѣя къ личнымъ достоинствамъ вашимъ истинную приверженность, и зная притомъ, что вы имѣете благородную душу, въ полномъ смыслѣ разумѣнія сего слова, не могу не удивляться столь явно несправедливому противъ меня поступку. Ибо товарищи мои, измѣнивъ престолу и отечеству, остались при своихъ мѣстахъ, а я, напротивъ, сохранивъ всѣ обязанности службы и сына отечества, и имѣвъ при томъ счастье спасти дѣла вотчинныя, исключаясь изъ оной, и вопреки даже милосерднаго закона: „*Никто безъ суда не накажется*“.

Въ такомъ горестномъ положеніи обращаюсь къ вамъ, милостивый государь, и убѣдительнѣйше прошу, не обижайте меня въ безответномъ званіи своемъ, не порочьте имени моего, не оскорбляйте

юстиціи, высочайше вамъ ввѣренной; объявите, по крайней мѣрѣ, въ чемъ преступленіе мое состоитъ; ибо я долженъ оправдать мой поступокъ предъ обществомъ честныхъ людей, въ кругу которыхъ и себя быть почитаю. Я охотно извиняю вамъ то ужасное состояніе, въ которое вы меня ввергли, и если бѣ не великодушіе графа Растопчина, главнокомандующаго въ Москвѣ, который даетъ мнѣ казенную квартиру, въ самомъ томъ домѣ, которой я спасъ отъ пожара и разграбленія, не взирая на отставку мою, то не зналъ бы, гдѣ съ семействомъ приклонить голову. Равно не взыскиваю и того большаго затрудненія, въ которомъ отъ васъ же нахожусь, доставать жизненные потребности для бѣдныхъ малютокъ моихъ, и хотя такое положеніе есть слѣдствіе вашихъ немилостей, но я умалчиваю объ ономъ; а въ поруганіи чести и имени моего вы непременно должны сказать причину такого поступка вашего. Вы опытомъ знаете, милостивый государь, сколько оскорбительна и чувствительна клевета честному человѣку; и если припомните собственное свое несчастье*), и примѣните оное къ теперешнему моему положенію, то можете усмотрѣть, сколько достойна участь моя сожалѣнія! Вы искали въ то время себѣ покровителя, которой бы обнаружилъ вашу невинность; теперь я ищу сего покровителя въ васъ самихъ, сколько по долгу званія вашего, министра юстиціи, столько и по благородной душѣ вашей, и вы должны не только обнаружить невинное страданіе, но еще представить заслуги моему отечеству спасеніемъ дѣлъ вотчиннаго департамента. Съ должнымъ высокопочитаніемъ и преданностію честь имѣю быть, в. пр-ва. милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга, А. Б.-Р.

Въ отвѣтъ онаго письма, 3 Сентября, объявлено мнѣ отъ Московскаго прокурора, Желябовскаго, посредствомъ Московской Управы Благочинія, чтобъ я впредь въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе.

(Взято изъ Читеній Общ. Ист. и Др. 1859).

Намъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба А. Д. Бестужева-Рюмина; мало извѣстно и служебное его поприще. Въ 1812 году онъ уже получалъ пенсію, а дѣдъ его имѣлъ орденъ Св. Александра Невскаго. Въ родствѣ ли съ нимъ графы Бестужевы-Рюмины и тѣ незаконнорожденные Бестужевы-Рюмины, которыхъ узаконилъ императоръ Александръ Павловичъ и изъ которыхъ одинъ (дядя историка) повѣшенъ 13 Іюля 1826 года. П. Б.

*) И. И. Дмитріевъ, въ царствованіе Павла, подвергся заточенію, безъ вины своей. См. „Взглядъ на мою жизнь“. П. Б.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ГРАФОВЪ НЕССЕЛЬРОДЕ *).

Графиня М. Д. Нессельроде къ сыну своему графу Дмитрію Карловичу.

Петербургъ, 18 Января 1840.

Курьеръ этотъ везетъ подарокъ маршалу Сульту, въ благодарность за то, что онъ сказалъ публично о преобразованіяхъ въ Польшѣ.

Государь не можетъ рѣшиться отпустить Палена, однако мой мужъ надѣется, что медлить съ этимъ больше не стануть. Посолъ этого желаетъ; онъ полюбилъ свою должность, и это понятно.

Паленъ еще здѣсь, жалѣю его; я согласна, что непріятно жить въ маленькой гостинницѣ, когда для васъ готовъ роскошный дворецъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ дипломатовъ утверждаютъ, что Барантъ уѣдетъ, если Паленъ продолжитъ свое пребываніе. Лэди Кланрикардъ дѣлаетъ видъ будто дружна съ г-жею Барантъ.

Со вчерашняго дня я въ тревогѣ за Баранта, котораго люблю: у сына его, мѣсяцъ тому назадъ, была дуэль съ гусарскимъ офицеромъ: дней пять только это стало извѣстно. Государь сказалъ моему мужу, что офицера будутъ судить, а потому противнику его оставаться здѣсь нельзя. Это разстроитъ семью, а потому тяжело для твоего отца. Напрасно Барантъ тотчасъ не сказалъ ему объ этомъ: онъ бы посовѣтовалъ ему тогда же услатъ сына.

*) Переведено съ Французскаго, изъ VIII-го тома „Писемъ и бумагъ“ нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Карла Васильевича Нессельроде (Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode. Paris. A. Lahure) его внукомъ, графомъ Анатолиемъ Дмитриевичемъ.

Петербургъ, 28 Февраля 1840.

Я тебѣ сообщала о дуэли Баранта; офицеръ, Лементьевъ¹⁾ подѣ судомъ, а его секундантъ, который самъ себя выдалъ, подѣ арестомъ. Надѣются, что наказанія не будутъ строги. Государь былъ отмѣнно внимателенъ къ семьѣ Баранта, которой всѣ выказали величайшее сочувствіе. Сынъ ихъ уѣзжаетъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Парижъ, 17 Декабря 1840.

Можешь сказать Мари²⁾, что ей нечего жалѣть о томъ, что она не была на перенесеніи Наполеонова праха. Правда, я сама была очень довольна, что это произошло во время моего пребыванія здѣсь и, подобно г-жѣ Ганъ, съ постели бы встала, чтобъ не пропустить этого торжества. Ну, и что же? Единственное чувство, которое я вынесла, было полное разочарованіе. За сто франковъ мы имѣли балконъ въ четвертомъ этажѣ, близѣхонько отъ Триумфальной арки. Только послѣ долгаго ожиданія намъ удалось увидѣть торжественное шествіе, въ которомъ не было порядка; полки слѣдовали одинъ за другимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, а народъ загоразивалъ боковые проходы. Не было ни малѣйшаго волненія, никакого порыва, ни одной приподнятой шляпы; я глазамъ своимъ не вѣрила: въ этой громадной толпѣ были только любопытствующіе, и ничего больше. Колесница была великолѣпная, но въ языческомъ вкусѣ; везшія ее шестнадцать лошадей, по четыре въ рядъ, казались очень мелкими въ сравненіи съ монументальными размѣрами колесницы. Слѣдовало бы для соразмѣрности впрямь въ нее слоновъ, подражая Римской пышности. Украшенія, не смотря на всю роскошь, были смѣшныя. Словомъ, отъ начала до конца, эта церемонія была сплошной комедіей и не произвела того дѣйствія, какое отъ нея ждала мятежная партія, которая рассчитывала на безпорядокъ и смуту, въ надеждѣ, что это вызоветъ паденіе министерства. Потому-то они и въ ярости. Даже самъ Тьеръ въ домѣ Инвалидовъ не могъ скрыть испытываемаго имъ разочарованія. Онъ громко говорилъ, что стыдно такъ подавлять порывъ народный, что приняты были всѣ мѣры,

¹⁾ Въмѣсто: Лермонтовъ. Графиня Нессельроде, очень на чужеземный ладъ просвѣщенная, чужда была Русской словесности, а къ Пушкину питала даже личное нерасположеніе, ошибочно приписывая ему извѣстное стихотвореніе про ея отца, графа Дмитрія Александровича Гурьева, министра финансовъ въ царствованіе Александра Павловича („Гурьевъ обиралъ народъ“), что было неправда: благодаря графу Гурьеву Россія выдержала денежное потрясеніе 1812—1815 годовъ. Пушкинъ также не посѣщалъ гостиной графини Нессельроде, гдѣ собиралось много умныхъ людей. Онъ говаривалъ, что не знаетъ, кто ему непріятнѣе, она или Булгаринъ.

²⁾ Дочь графа и графини Нессельроде, Марія Карловна Зесбахъ.

чтобы умалить торжественность этого дня. Держалъ онъ и инныя рѣчи, поразившія тѣхъ, кто имѣлъ возможность его слышать. Дѣло въ томъ, что ни одна мѣра предосторожности не была упущена: въ Елисейскомъ дворцѣ было разставлено 800 человекъ.

Предупрежденные полиціей о томъ, что есть замыселъ напасть на домъ Англійскаго посольства, посоль и его жена успѣли провѣсти утро внѣ дома. Мятежники прошли мимо нашего дома еще до моего возвращенія, остановившись передъ нимъ на минуту и крича: „долой Англичанъ!“ Я застала свою горничную совѣмъ еще въ испугѣ. Довольно долго они простояли передъ зданіемъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Собравшаяся тамъ, довольно многочисленная, чернь, слава Богу, не приняла въ ихъ сумятицѣ участія: впрочемъ, она оказалась вообще довольно спокойною. Изъ всѣхъ газетъ *le Journal des Débats* даетъ объ этомъ утрѣ самый вѣрный отчетъ, за исключеніемъ того, что равнодушныя толпы объясняютъ чувствомъ уваженія, которое могло быть выражено только молчаніемъ. Если бы Тьеръ былъ въ министерствѣ, этотъ день, конечно, не прошелъ бы безъ выдающагося событія. Противоправительственныя газеты стараются придать значеніе и важность поднятымъ крикамъ; но если что вѣрно, такъ это то, что они сочувствія не вызвали. Тѣмъ не менѣе теперь глухое броженіе. Министерство упрекаютъ за то, что не было разрѣшено школамъ участвовать въ шествіи: были только Политехническая и Сентъ-Сирская школы. Первая изъ нихъ хотѣла войти въ Домъ Инвалидовъ: нѣсколько политехниковъ завели горячій споръ съ пикетомъ національной гвардіи; одинъ изъ молодыхъ людей даже выгнали въ шпагу. Словомъ, день, котораго ожидали не безъ страха, прошелъ довольно хорошо и счастливо для страны.

Графъ Д. К. Нессельроде къ барону Мейндорфу въ Берлинъ *).

Петербургъ, 29 Ноября 1841.

Хотѣлось бы мнѣ изъ Петербурга сообщить вамъ что нибудь занимательное; къ несчастью, ничего особенно веселаго здѣсь нѣтъ. Всѣ встревожены тѣмъ оборотомъ, какой принимаютъ наши внутреннія дѣла. Строгановъ покинулъ свое министерство, чувствуя, что взялся за дѣло непосильное и что нѣтъ къ нему довѣрія, необходимаго для того, чтобы довести дѣло до успѣшнаго конца; его же преемникъ, Перовскій,

*) Баронъ Мейндорфъ былъ нашимъ посломъ въ Берлинѣ, гдѣ служилъ и молодой графъ Нессельроде, уѣзжавшій тогда къ родителямъ въ Петербургъ.

уже отчаевается. Между тѣмъ стараются забыть про близость опасности; дѣлають грошевыя сбереженія, тогда какъ съ другой стороны безумно соряютъ деньгами. Время отъ времени назначаютъ комитетъ, который возбуждаетъ вопросъ не разрѣшая его, и такимъ образомъ только усиливаетъ броженіе умовъ*).

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 30 Октября 1842.

Я тебѣ уже сообщала, какую бурю подняло запрещеніе, наложенное Государемъ на вещи, которыя Мейндорфъ прислалъ съ послѣднимъ курьеромъ изъ Берлина. Этотъ курьеръ явился прямо къ Государю. Его Величество, принявъ пакеты, предназначенные ему, спросилъ, не имѣетъ ли курьеръ еще чего; тотъ долженъ былъ отвѣчать утвердительно и подать остальное, что находилось у него въ сумкѣ. Государь былъ нѣсколько дней въ такой ярости, что его приближенные изумлялись; вѣроятно, битвы, проигранныя на Кавказѣ, огорчили его въ меньшей степени. Когда Орловъ и Бенкендорфъ выразили свое удивленіе, что онъ придаетъ такое значеніе подобной мелочи, Государь на нихъ разсердился. Твой отецъ сохранялъ спокойствіе передъ грозой и такъ какъ случайно ему пришлось увидѣть Государя только десять дней спустя, то онъ засталъ его уже нѣсколько менѣе раздраженнымъ, однако, принявшимъ рѣшеніе заставить Мейндорфа заплатить слѣдующее таможеннѣ шестьсотъ рублей серебромъ. Тщетно твой отецъ умолялъ Государя наложить это наказаніе на него. Мы боимся впечатлѣнія, которое эта суровая мѣра произведетъ на твоего начальника. Онъ нервный, впечатлительный и издали, конечно, представитъ себѣ все въ преувеличенномъ видѣ.

Успокой его, скажи, что общество было горестно изумлено; что же касается Хозяина, этотъ случай ни въ чемъ не убавитъ цѣны, какую онъ придаетъ такому слугѣ, какъ Мейндорфъ. Твой отецъ продолжаетъ дѣйствовать философски: онъ просилъ Орлова написать Мейндорфу, что эта глупая исторія не будетъ имѣть послѣдствій. Твой другъ Брессонъ большой любимецъ Хозяина, который съ наслажденіемъ

*) Замѣна министра внутреннихъ дѣлъ графа Александра Григорьевича Строганова (графомъ) Львомъ Алексѣвичемъ Перовскимъ, предшественникомъ Дмитрія Гавриловича Библикова. Самъ Николай Павловичъ жаловался въ письмахъ къ князю Паскевичу на денежныя государственныя затрудненія послѣ голоднаго 1839 года, когда большинство крестьянъ питалось лебедю.

вѣрить всему, что тотъ рассказываетъ и почти въ каждой своей депешѣ вставляетъ какое нибудь замѣчаніе, благопріятное для этого мистификатора. Я не сомнѣваюсь, что въ концѣ концовъ онъ будетъ посломъ, и это будетъ естественнымъ послѣдствіемъ всего, что теперь происходитъ и торжествомъ исчадій, окружающихъ престолъ. Нелидова. попрежнему, первая любимица, но и только, что бы объ этомъ ни говорили: я бы хотѣла, чтобъ она стала по-просту любовницей: она бы скоро ему надоѣла ¹⁾).

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 16 Декабря 1842.

По всему, что здѣсь говорятъ о враждѣ къ намъ Берлинцевъ, предполагаю, что мой милый Мейндорфъ долженъ переносить всевозможныя непріятности, тѣмъ болѣе, что королевская семья не щадитъ ни Государя, ни Императрицу, чего я не могу понять. Я желала бы, чтобы мнѣ объяснили, отчего Нѣмецкія газеты горячатся противъ насъ и печатаютъ про насъ столько мерзостей. Это сердитъ меня до такой степени, что, не смотря на мою ненависть къ Людовику-Филиппу, я желала бы, чтобъ Россія сблизилась съ Франціей и побраталась съ нею, хотя бы только для того, чтобы обидѣть другіе народы, которые, видя это, не замедлили бы запѣть на другой ладъ. По скромному моему мнѣнію, съ Англичанами слишкомъ нѣжничаютъ; они же всегда бываютъ фальшивыми братьями и покидаютъ васъ, какъ только для нихъ нѣтъ въ этомъ выгоды. Я полагаю, что Бруновъ ²⁾ въ своихъ донесеніяхъ все прикрашиваетъ. А вотъ это достоверно, что онъ все таки пользуется величайшимъ благоволеніемъ. Твой отецъ о немъ не говоритъ и не любитъ, когда съ нимъ говорятъ о немъ. Кончить онъ тѣмъ (я больше въ этомъ не сомнѣваюсь), что будетъ посломъ, и это, дѣйствительно, будетъ позоромъ. Я нахожу, что у насъ недостаточно убѣдились, что для представителя необходима *порядочность*. Если возбуждаешь этотъ вопросъ, его разсматриваютъ какъ неимѣющій значенія. Какая ошибка! Возвращаюсь къ Брунову: мнѣ думается, что Государь имъ околпаченъ. Онъ продолжаетъ распространять свои нелѣпости, доходя до того, что приписываетъ себѣ отступленіе Англичанъ изъ Индіи. Со времени безразсудства съ арестованнымъ курьеромъ, Его

¹⁾ Толки о Варварѣ Аркадьевнѣ Нелидовой были совсѣмъ не вѣрны: Николай Павловичъ питалъ къ ней рыцарскія чувства, такія же, какія отецъ его къ ея теткѣ, Екатеринѣ Ивановнѣ.

²⁾ Нашъ посолъ въ Англій, начавшій свое поприще въ 1814 г. на побѣгущахъ у баронессы Криднеръ.

Величество полонъ предупредительности къ моему мужу, и нѣсколько курьеровъ, явившихся отъ великой княгини ¹⁾ прямо къ нему, получали приказъ передать ему пакеты безъ досмотра. Но вотъ что странно: когда два курьера, отправленные въ министерство, явились прямо въ канцелярію, то офицеры, не позаботившіеся отправить ихъ къ Государю, были посажены подъ арестъ. Однако я должна сказать, что Государь, кажется, раскаевается въ томъ, что этой мѣрѣ дана такая огласка. Вотъ уже нѣсколько дней какъ онъ въ лучшемъ настроеніи, а иногда страшно бываетъ на него взглянуть: до того черты его суровы. Онъ принимаетъ быстрыя рѣшенія и дѣйствуетъ съ непостижимой стремительностью. Такимъ-то образомъ, еще недавно, по поводу нѣкоторыхъ дѣйствій полиціи и суда, которыя открылъ ему министръ внутреннихъ дѣлъ, онъ тотчасъ же приказалъ Чернышеву составить два указа, одинъ объ увольненіи Эссена ²⁾, а другой о назначеніи на его мѣсто Кавелина. Въ тотъ же вечеръ уволенный былъ объ этомъ увѣдомленъ генералъ-губернаторомъ; онъ легъ спать ни живъ ни мертвъ, а когда на другой день явился къ Государю, то не былъ принятъ; за то черезъ день ему оказывается наибольшее вниманіе, даютъ ему шифръ, что прежде считалось большой милостью, Государь его ласкаетъ и съ этого дня осыпаетъ его знаками своего благоволенія. Скажи, пожалуйста, объяснимы ли подобныя дѣйствія и что въ такомъ способѣ царствованія могутъ понять разные слои общества, съ чернью включительно? Ты, вѣроятно, прочелъ рескриптъ Головину ³⁾; онъ такъ составленъ, что можно подумать, будто тотъ, къ кому онъ обращенъ, былъ безукоризненъ. Греблинъ ⁴⁾, опозорившій честь своего полка и допустившій избить своихъ солдатъ, какъ овецъ, не на плохомъ счету, тогда какъ нашъ бѣдный Гаяъ все еще въ немилости, а къ противнику его, Позену, и милости прибываютъ, и надежда сдѣлаться министромъ. Все вверхъ дномъ перевернуто: смотришь и удивляешься, какъ еще вся машина дѣйствуетъ. Всюду царитъ угрюмое уныніе; всѣ въ ожиданіи чего-то и, не предвидя, что именно имъ угрожаетъ, заранѣе пугаются. Клейнмихель становится со дня на день могущественнѣе: у него часто бываютъ, и подземный телеграфъ часто дѣйствуетъ. Недавно, на балу въ Аничковскомъ дворцѣ, Хозяинъ продолжительно бесѣдовалъ съ офицеромъ Лузскимъ, по той простой причинѣ, что онъ сродни Маленькому Михелю ⁵⁾.

¹⁾ Елены Павловны, находившейся съ больною дочерью Марією въ Вѣнѣ.

²⁾ Въ подлинникѣ напечатано ошибкою, вмѣсто Hessen—Nemeg.

³⁾ Прибалтійскому генералъ-губернатору.

⁴⁾ Gröblin. Кто это, намъ неизвѣстно.

⁵⁾ Русскій переводъ имени Клейнмихеля.

По той же причинѣ оберъ-полицеймейстеръ Кокочкинъ¹⁾, который, допуская воровство, служить орудіемъ развращенія, оставляется при своихъ обязанностяхъ; а еще говорятъ, что не держатся системы покровительства. Государь, у котораго нелѣпая мысль, будто одѣяніе дѣйствуетъ на того, кто его носитъ, болѣе чѣмъ когда либо ненавидитъ фраки. Чтò за странная голова у этого Государя! Онъ взрываетъ почву своего обширнаго владѣнія, не сѣя хорошихъ зѣренъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Перовскій дѣлаетъ все, что можетъ, дабы преобразовать присутственные мѣста и назначать туда исключительно людей честныхъ; онъ никого не щадитъ и когда нужно отрѣшаетъ отъ должности; занимаютъ его и съѣстные припасы, и цѣна на нихъ, и булочки, однимъ словомъ, все. За то и любятъ его бѣдняки. Киселевъ²⁾ не подвигается въ своей работѣ: если вѣрять общественному ропоту, онъ разрушаетъ, вмѣсто того чтобы созидать. Нужны чиновники, въ нихъ недостатка у насъ нѣтъ, но что это за отродье, что за дрянь!

Она же къ нему же.

Петербургъ, 23 Января 1843.

Государь съ каждымъ днемъ все больше занятъ Нелидовой, у которой такое злое выраженіе лица! Кромѣ того, что онъ къ ней ходитъ по нѣскольку разъ въ день, онъ и на балу старается быть все время близъ нея. Бѣдная Императрица все это видитъ и переноситъ съ достоинствомъ; но какъ она должна страдать!³⁾

Петербургъ, 7 Февраля 1843.

Министръ внутреннихъ дѣлъ отличается своею дѣятельностью: онъ устроилъ собственную полицію и въ соглашеніи съ Кавелинымъ, не открывая своей тайны Кокочкину, достигаетъ весьма полезныхъ слѣдствій. У нихъ есть второй Видокъ⁴⁾, который помогаетъ имъ ловить воровъ. Забрали они ихъ сто пятьдесятъ человѣкъ: изяцно одѣтый главарь имѣлъ свой экипажъ и пять квартиръ въ городѣ, чтобы скрываться. Изъ всѣхъ этихъ пойманныхъ только у семерыхъ оказались паспорта.

¹⁾ Кокочкинъ Сергѣй Александровичъ, 1785—1861, генералъ-адъютантъ, оберъ-полицеймейстеръ въ Петербургѣ, позднѣе сенаторъ.

²⁾ Павелъ Дмитриевичъ, вскорѣ сдѣлавшійся министромъ государственныхъ имуществъ, затѣйникъ дорогихъ новшествъ и разоритель крестьянства.

³⁾ Пустая сплетня.

⁴⁾ Иванъ Петровичъ Липранди?

Все общество, какъ и каждый его членъ въ отдѣльности, чувствуетъ къ Императрицѣ либо преданность, либо восхищеніе ея неизмѣнной кротостью относительно этой Нелидовой, которая постоянно у нея передъ глазами и въ которую Государь продолжаетъ быть влюбленъ, не имѣя ея еще своею любовницей, что все таки странно, если подумаешь, что онъ ходитъ къ ней во всякое время дня. На балу, на виду у всего общества, не заботясь о томъ, что стануть говорить, онъ часто къ ней подходитъ, ужинаетъ подлѣ нея съ другой, выбранной имъ дамой, съ Раухомъ¹⁾ и съ Орловымъ.

Нашъ Хозяинъ не пропустилъ ни одного маскарада; оставался тамъ до трехъ часовъ утра, разгуливая съ самою что ни на есть заурядностью. Одна изъ этихъ особъ, съ которыми онъ не опасается говорить запросто, сказала своему дядѣ²⁾, что нельзя себѣ представить всей вольности его намѣковъ. Объ этомъ рассказываютъ, и вотъ какъ, благодаря этому и еще кое-чему, утрачивается къ нему уваженіе.

Не знаю, читалъ ли ты брошюру, которую только что напечаталъ кривоногій Долгорукій³⁾. Это произведеніе полное злобы, и самой скверной. Какая грусть видѣть, что есть Русскіе, которымъ нравится позорить свою страну! Это болѣзнь даннаго времени.

Петербургъ, 17 Марта 1843.

Я часто вижу Титова; онъ мнѣ нравится; это человѣкъ, который соединяетъ въ себѣ глубину сужденія съ большой твердостью характера. Будь онъ въ Константинополѣ, можетъ быть онъ обнаружилъ бы больше твердости, чѣмъ добрый Бутеневъ.

Въ крѣпости свыше ста пятидесяти воровъ, черезъ которыхъ разыщутъ и еще многихъ. Перовскій и Кавелинъ согласились подставить ногу Кокоскину, которому Государь по прежнему очень покровительствуетъ, несмотря на имѣющіяся противъ него неопровержимыя доказательства. Долгорукій, авторъ извѣстной статьи, уѣхалъ изъ Парижа. Онъ рисковалъ быть изгнанъ оттуда правительствомъ по слѣдующимъ причинамъ: послѣ напечатанія статьи въ *les Débats*, Гизо призвалъ главнаго редактора этой газеты и горячо его укорялъ за то, что онъ помѣстилъ ее. А тотъ, вмѣстѣ съ выраженіемъ сожалѣнія, объявилъ, что самъ князь передалъ ему эту статью, и что его вина лишь въ томъ, что онъ уступилъ его настоятельнымъ просьбамъ. Съ

¹⁾ Прусскимъ посломъ.

²⁾ Графу Александру Дмитріевичу Гурьеву.

³⁾ Князь Петръ Владимировичъ Долгорукій, составитель Родословной книги. Его звали Банкаль. что по французски значитъ кривоногій.

другой стороны упомянутый князь написал Киселеву¹⁾, что не знает автора статьи, что, прочтя ее, былъ огорченъ и боится, какъ бы ему не было за нее неприятности. Наконецъ, нѣсколько дней спустя, Гизо говорилъ Киселеву, что такъ какъ тотъ же князь позволилъ себѣ писать редакторамъ различныхъ газетъ. и именно въ Лондонъ, и такимъ образомъ нарушилъ свой долгъ передъ правительствомъ, то онъ сочтетъ себя въ необходимости его выслать, если тотъ не уѣдетъ немедленно. Эта угроза ускорила его отъѣздъ. Можно ли добровольно поставить себя глупѣе въ такое тяжелое положеніе? Чтò онъ будетъ дѣлать здѣсь по своему возвращеніи или чтò его заставятъ дѣлать, совершенно не знаю.

Она же въ нему же.

Петербургъ, 10 Апрѣля 1843.

Меня увѣрили, будто въ послѣдней почтѣ, отправленный [Бруновымъ], говорится, что Англійскій кабинетъ не признаетъ за нами никакого права въ Сербіи и что Канингъ въ Константинополѣ противъ насъ. Болѣе довольны—Австріей; отъ Бутенева не имѣемъ еще ни одного извѣстія; можетъ быть, получимъ сегодня или завтра.

Здѣсь фельдмаршалъ Паскевичъ. Съ Ганомъ онъ такъ же хорошъ, какъ былъ раньше, говорилъ ему въ прекрасныхъ выраженіяхъ о его назначеніи на Кавказъ, но никогда не достанетъ у него храбрости открыто защищать его. Государь жалуется на головокруженія и очень тревожится за свое здоровье. Правда, его должно смущать, что онъ уже не на правильномъ пути; начиная замѣчать, что ничто не ладится, что все хромаетъ, онъ приходитъ отъ этого въ раздраженіе вмѣсто того чтобы хорошенько поразмыслить и измѣниться.

Не знаю, чтò дѣлаютъ въ Нѣмецкихъ провинціяхъ, но достовѣрно вотъ что: баронъ Паленъ—поборникъ безначалія, руководимый адвокатами и всѣмъ этимъ властолюбивымъ отродіемъ, которое выказываетъ враждебность къ дворянству, стремясь занять его мѣсто. Ганъ—единственный, съ ожесточеніемъ защищающій права дворянскаго сословія; онъ привлекаетъ къ своему дѣлу очень многихъ, и провинціи ему многимъ обязаны. Кавелинъ²⁾ умолялъ Государя не назначать его на должность военнаго губернатора, но Хозяинъ такъ настаивалъ, что пришлось ему согласиться. При тогдашнемъ его болѣзненномъ состо-

¹⁾ Николаю Дмитріевичу, бывшему послѣ графа Палена нашимъ посланникомъ въ Парижѣ.

²⁾ Другъ С. Т. Аксакова.

яніи, эта должность была слишкомъ тяжела. Страстно желая уничтожить злоупотребленія, онъ съ такимъ рвеніемъ принялся за работу и до такой степени переутомилъ себѣ мозгъ, что нервно заболѣлъ и теперь опасаются какъ бы не было у него полного помѣшательства. Онъ говоритъ не переставая, рѣчь его безсвязна. Это прискорбно и душу раздирающе, потому что честный человѣкъ этотъ не скрывалъ отъ Государя истины; вмѣстѣ съ Перовскимъ они старались бороться съ совершающимися мерзостями и обуздывать ихъ. Не сумѣли сразу оцѣнить благородныя намѣренія этихъ двухъ администраторовъ; противъ нихъ было много клеветниковъ, и теперь они еще есть. Перовскій удивительно ловокъ; онъ изумляетъ жандармерію, на глазахъ у нея раскрывая, преслѣдуя, уловляя воровъ и тутъ же разоблачая великія беззаконія, о которыхъ даже не подозрѣвали.

Если тебѣ любопытно знать что сдѣлалъ Долгорукій, то знай. что живетъ онъ въ домѣ Бенкендорфа и на предложенные ему вопросы отвѣчалъ какъ человѣкъ лукавый, съ нѣкоторымъ искусствомъ и такъ, чтобы понравиться Государю; но, мнѣ думается, онъ никого не проведетъ.

Кажется, его пошлютъ служить въ Сибирь, и я очень рада, что не было принято противъ него чрезмѣрныхъ строгостей, которыя всегда дѣлаютъ виновныхъ сколько нибудь внушающими сочувствіе. Словомъ, при всемъ своемъ умѣ, Долгорукій дѣйствовалъ злобно и глупо.

Бенкендорфъ будетъ брать морскія ванны въ Діепль, въ Парижъ же не поѣдетъ, ибо ему не разрѣшаютъ представляться Людовику-Филиппу.

Графъ К. В. Нессельроде барону Мейндорфу.

Петербургъ, 22 Апрѣля 1843 г.

Дорогой баронъ, нужно вамъ сказать еще одно слово относительно желаній и плановъ великой княгини Елены Павловны. Какъ вы можете предположить, я не преминулъ показать ей письмо генерала Ботѣ.

Оно вызвало въ ней маленькое разочарованіе; тѣмъ не менѣе она упорствуетъ въ своемъ намѣреніи ѣхать тотчасъ послѣ именинъ Императрицы, которые, какъ вамъ извѣстно, 21 Апрѣля нашего стили; и несмотря на то, говоритъ Боте, она хочетъ попытать удачи свиданія за границей. Сказать вамъ правду, разгадка всего этого въ томъ, что великая княгиня Елена Павловна нѣсколько боится, и не безъ основанія, сравненія между великими княжнами ея дочерьми и дочерьми Государя. Вотъ почему она предпочитаетъ, чтобы увидѣлись, понра-

вились и приняди бы рѣшеніе за границей, а не въ Петербургѣ. Хотя бракъ между великимъ герцогомъ Мекленбургскимъ и одной изъ великихъ княженъ, дочерей Государя, вещь и невозможная, но видъ двухъ Ангелоподобныхъ великихъ княженъ, Ольги и Александры, сіяющихъ красотою, легко бы могъ подѣйствовать на сердце и умъ великаго герцога Мекленбургскаго не въ пользу дочерей великой княгини Елены Павловны. Это соображеніе, дорогой баронъ, только для васъ; никому его не сообщайте. Я счелъ долгомъ не скрывать этого отъ васъ, дабы вы могли хорошенько уяснить себѣ настоящую причину, побуждающую великую княгиню Елену Павловну не дѣлать никакихъ перемѣнъ относительно времени отъѣзда и ея желанія встрѣтиться съ великимъ княземъ въ Дрезденѣ. Потому, дорогой баронъ, прошу васъ употребить все старанія и усилія, дабы склонить великаго князя поѣхать въ Дрезденъ въ то время, когда тамъ будетъ великая княгиня. Вотъ все пока, что я имѣю вамъ сказать по этому щекотливому дѣлу.

Онъ же къ нему же.

Петербургъ, 2 Мая 1843.

Мы здѣсь внѣ себя отъ радости по случаю счастливой, могу сказать, блестящей развязки Сербскаго дѣла; для меня это — одной тяжелой заботой меньше и большое облегченіе.

Вы не повѣрите, какія безпокойства я имѣлъ по этому дѣлу всю зиму. Мы Русскіе, носящіе Нѣмецкія фамиліи, бываемъ иногда въ трудномъ положеніи, а въ этомъ вопросѣ все національное чувство пробудилось гораздо сильнѣе, чѣмъ того заслуживаютъ эти разбойники Сербы.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 24 Іюля 1843.

Область чувствъ весьма обширна. Балзакъ¹⁾, лучше всѣхъ описавшій чувства женщинъ, въ настоящее время у насъ въ городѣ, удивленный, я думаю, что не ищутъ знакомства съ нимъ. Никто, насколько по крайней мѣрѣ мнѣ извѣстно, не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки попасть къ нему. Въ Россію его привлекла, кажется, одна Польская дама, сестра графа Ржевущаго, которая здѣсь по судебному дѣлу, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ она съ этимъ писателемъ путешествовала. Онъ бранить Кюстина²⁾; это такъ и должно быть, но не слѣдуетъ считать его искреннимъ.

¹⁾ Балзакъ, знаменитый Французскій романистъ, род. 1799 г. ум. 1850.

²⁾ Распространившаяся по Европѣ книга маркиза Кюстина о Россіи, весьма не лестная для нея и для императора Николая Павловича.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 7 Февраля 1844.

Нелидова лишилась одной изъ своихъ невѣстокъ и потому была въ траурѣ. Это помѣшало иностранцамъ во время недавнихъ празднествъ быть свидѣтелями ухаживаній за нею Его Величества; отсутствіе же этого дорогого предмета сдѣлало то, что Государь возненавидѣлъ балы и часто удалялся, оставляя свою семью. Одно время боялись какъ бы Шведскій король внезапно не прекратилъ долгаго своего существованія, что послужило бы препятствіемъ къ этимъ торжествамъ, но онъ имѣлъ благоразуміе пожить еще немного. Намъ предсказываютъ безпокойства въ этой странѣ. Скоро будутъ у насъ пріятные сосѣди, съ Пруссіей включительно. И все это насъ ненавидитъ—за что, желала бы я знать.

Я изъ себя выхожу при мысли о безпричинныхъ глупостяхъ, которыя мы дѣлаемъ, между прочимъ о томъ, что, въ силу невысказанныхъ побужденій, этому Пруссаку разрѣшено объѣхать Россію и Кавказъ. Не чужеземцу указывать намъ, какимъ образомъ измѣнить положеніе нашихъ крестьянъ. Прежде всего вы должны преобразовать свое правительство, чтобы оно было наименѣе продажно, а для этого назначать во главѣ его людей добросовѣстныхъ, которые здраво и честно разъяснятъ предполагаемыя перемѣны.

А иначе придется лавировать и подвигаться лишь ощупью. Кромѣ этого Пруссака*), котораго мы на свой счетъ возили по всему государству, есть еще другой, болѣе года остававшійся на Кавказѣ, въ самой арміи. Это положительно невѣроятно.

Не знаю, раздѣляешь ли ты мое мнѣніе, но мнѣ кажется, что должность Киселева ему не по силамъ; на этомъ мѣстѣ мнѣ бы хотѣлось видѣть человѣка способнаго не уступать Гизо, я же подозреваю, что онъ пигмей въ сравненіи съ нимъ.

Бѣднаго Озерова, который только что отъ меня ушелъ, выпроводили сегодня въ 24 градусный морозъ, съ весьма непріятнымъ порученіемъ, а именно: въ Ливурнѣ навести справку о нашемъ консулѣ, одномъ изъ моихъ любимцевъ, Гераци. Князь Метернихъ говорилъ Мёдему, что его обвиняютъ въ участіи въ новомъ заговорѣ, раскрытомъ въ Италіи, обширномъ и обладающимъ большими средствами, котораго цѣлью будто идти на Римъ, чтобы отрѣшить отъ престола Папу

*) Гакстгаузена. Кто другой Пруссакъ на Кавказѣ, не знаетъ.

и Неаполитанскаго короля, а герцога Лейхтенбергскаго провозгласить императоромъ. Этотъ дорогой принцъ, не питающій ни малѣйшаго честолюбія, будетъ мало польщенъ, узнавъ, что имъ заняты мятежники. Государь, по свойственной ему похвальной привычкѣ, хотѣлъ уже заточить бѣднаго моего Герцацци прежде чѣмъ выслушать его.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 13 Февраля 1844.

Уѣзжая отсюда, ты мнѣ обѣщала, что не будешь представляться Людовику-Филиппу. Но, оказывается, ты поддаешься совѣтамъ Киселева, который, въ угоду Гизо, склоняетъ тебя сдѣлать такую ошибку. Это очень беспокоитъ твоего отца, который не знаетъ, какъ отнесется къ этому поступку Государь и что онъ ему сможетъ сказать. Ты такъ остороженъ, что я удивляюсь, какъ ты не отвѣтишь отказомъ на настоянія Киселева. До сихъ поръ въ газетахъ нѣтъ упоминанія о тебѣ, но твое присутствіе въ Тюильри выставитъ тебя на показъ болѣе чѣмъ бы слѣдовало. Дай Богъ, чтобы Государь не прогнѣвался! Но по крайней мѣрѣ не возвращайся туда ни подъ какимъ видомъ Я глубоко скорблю о твоей неосторожности, и мы досадуемъ на Киселева, который во всемъ этомъ вель себя въ высшей степени неискусно. Словомъ, не станемъ, больше гворить объ этомъ, а ты вооружись твердостью духа на случай, если тебѣ придется потерпѣть за свою ошибку.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 4 Апрѣля 1844.

Я очень сожалѣла, что ты былъ вынужденъ оставить Парижъ двумя недѣлями раньше, чѣмъ ты предполагалъ; но ты поймешь, что иначе нельзя было поступить въ виду предстоявшей поѣздки Государя въ Англію. Если онъ приведетъ въ исполненіе это намѣреніе, то уѣдетъ тотчасъ послѣ именинъ Государыни, т. е. 21, и было бы уже слишкомъ поздно предупреждать тебя. У него страстное желаніе исполнить эту фантазію, но по моему скромному сужденію онъ слишкомъ поторопился понять въ буквальномъ смыслѣ приглашеніе Пиля¹⁾). Я сильно подозреваю, что „дорогой другъ“, хитрый, осторожный дипломатъ²⁾), поддерживаетъ въ Государѣ эту мысль, рассчитывая этимъ пріобрѣсти себѣ славу. Ты знаешь, твой отецъ не имѣетъ обыкновенія очень распространяться со мною по поводу подобныхъ предметовъ: однако изъ того немногаго,

¹⁾ Поѣздка эта могла быть вызвана у Николая Павловича и воспоминаніями молодости, когда онъ, почти юношею, путешествовалъ по Англіи и пріобрѣлъ тамъ общее личное сочувствіе.

²⁾ Баронъ Бруновъ.

что онъ мнѣ сказалъ, я могла понять, что онъ не противъ поѣздки въ Англію. Онъ думаетъ, что она произведетъ хорошее впечатлѣніе, и Государя примутъ прекрасно. Я могу ошибаться, но я не такая оптимистка и боюсь, какъ бы не было враждебныхъ манифестацій. Было бы любопытно, если бы Государь, побывавъ въ Англіи въ теченіи Мая, въ Іюнь повидался съ Людовикомъ-Филиппомъ¹⁾.

Недѣли двѣ тому назадъ появился новый указъ о выѣздѣ за границу. Трудно описать, какъ возмутилъ онъ общественное мнѣніе. И безъ ужаса не могу объ этомъ думать: онъ вызвалъ рѣзкія сужденія у самыхъ миролюбивыхъ, потому что они видятъ въ немъ новое покушеніе на права дворянства. Дѣйствительно, онъ запрещаетъ уѣзжать молодымъ людямъ 21 года и заставляетъ ихъ ждать исполненія 25 лѣтъ. Налогъ очень тягостенъ для людей со средствами; а что скажетъ провинція, которую заставляютъ обращаться за паспортомъ въ Петербургъ? Всѣ замедленія, пріостекающія отъ этого обязательства, могутъ стать роковыми въ случаяхъ, требующихъ немедленнаго выѣзда, напримѣръ при болѣзни, когда можно спасти еще больного, если поѣдутъ тотчасъ же.

Съ ужасомъ помышляешь о будущемъ, видя, что Государь со дня на день остановится болѣе рѣзкимъ и самовластнымъ. Никто не въ состояніи вернуть его къ прежнимъ воззрѣніямъ. Канкринъ продолжаетъ отстраняться отъ дѣлъ. Онъ проситъ отставки, ему не отвѣчаютъ; въ ожиданіи ея онъ беретъ отпускъ на годъ. Предполагаютъ, что Вронченко останется по прежнему, но онъ не принимаетъ на себя никакой отвѣтственности. Положеніе дѣлъ непостижимо. Государь возмнилъ себя финансистомъ. и всѣ дрожатъ въ ожиданіи, что онъ предприметъ²⁾.

Все хранилось въ такой глубокой тайнѣ, даже по возвращеніи Орлова³⁾, что проявлявшіе сперва большое любопытство подъ конецъ устали и перестали обсуждать. По сколькоку я знаю, кажется, что получено одобреніе императорской фамилии и палатина, но отъ Государя требуютъ уступокъ, чтобы удовлетворить папу. Мнѣ неизвѣстно, насколько выкажутъ себя уступчивыми; знаю только, что Государь былъ

¹⁾ Этого свиданія не было.

²⁾ Сохранилось преданіе, что въ это время кто-то выразилъ Государю изумленіе передъ его познаніями въ финансахъ и осмѣлился спросить, откуда онъ пріобрѣлъ ихъ. Государь, вмѣсто всякаго отвѣта, поднялъ руку вверхъ и сослался на свое помазанничество.

³⁾ Ѣздилъ онъ въ Вѣну по поводу мысли выдать замужъ великую княжну Ольгу Николаевну. Опять подражаніе императору Павлу, тогда какъ Екатерина на предложеніе католикковъ женить Константина Павловича на ихъ принцессѣ, отвѣчали бранчивымъ отказомъ.

въ ярости отъ этихъ условій, а твой отецъ разсерженъ до того, что готовъ былъ жаловаться и однажды провелъ болѣе полтора часа въ кабинетъ Государя, уговаривая его; знаю, что черезъ нѣсколько дней ему, кажется, удалось это и было послано въ Вѣну. Отвѣтъ мнѣ неизвѣстенъ. Еще сегодня утромъ мнѣ сказали, что положеніе не испорчено и что находятся въ ожиданіи.

Графъ К. В. Нессельроде къ своему сыну.

6 Іюля 1844.

Возвращаю тебѣ письмо княгини Ливенъ. Въ своемъ родѣ оно весьма занимательно: однако рассказы ея не причислять же къ словамъ Евангельскимъ. Тутъ отгѣнокъ Французскій, съ которымъ не вполне совпадаетъ то, что узналъ я здѣсь чрезъ лорда Кланвильямса и леди Пемброкъ¹⁾: они меня положительно увѣрили, что королева отъ Государя въ восхищеніи. Онъ, съ своей стороны, очень доволенъ ею и особенно принцемъ Альбертомъ. Въ театрѣ королева страхъ какъ боялась, что произведутъ выстрѣлъ, и ради этого она не приглашала его садиться ближе къ краю ложи.

Графиня Нессельроде къ своему сыну.

Петербургъ, 21 Мая 1845.

Государь уѣхалъ изъ Варшавы очень довольный своимъ пребываніемъ. Народонаселеніе вышло ему навстрѣчу; въ городѣ, гдѣ онъ ходилъ одинъ въ толпѣ, ему устраивали оваціи. Я спрашиваю себя, принялъ ли онъ это за чистую монету, и удивляюсь, что у полиціи оказалось достаточно средствъ открыть столько ртовъ и заставить ихъ кричать обратное тому, что чувствовали сердца. Все же это лучше, нежели поведеніе, которое его раздражило бы.

Законодательный департаментъ Государственнаго Совѣта собрался въ первый разъ, чтобы ознакомиться съ законами Балтійскихъ провинцій. Бутурлинъ, по своему обыкновенію, говорилъ противъ привилегій и не измѣнилъ себѣ, повторяя, что подобное положеніе вещей оскорбительно для Россіи; боялись Павла Гагарина, раздѣлявшаго, какъ казалось, мнѣніе Бутурлина, но онъ воздержался. Если бы только удалось придти къ окончательному рѣшенію до закрытія Совѣта, была бы надежда, что это важное дѣло кончится благопріятно для провинцій.

¹⁾ Леди Пемброкъ и сынъ ея лордъ Кланвильямсъ пріѣзжали изъ Англіи погостить: она у брата, онъ у дяди (т. е. у князя М. С. Воронцова).

Головинъ ¹⁾ держится примиряющаго образа дѣйствій въ Ригѣ, но ему дали отсюда одного господина, который, нося только Нѣмецкую фамилію, не пользуясь никакимъ уваженіемъ, изъ католика сталъ православнымъ, что не особенно пріятно подчиненнымъ. Подобныя назначенія раздражаютъ общественное мнѣніе, такъ какъ кажутся преднамѣренными, тогда какъ на самомъ дѣлѣ являются лишь слѣдствіемъ неумѣлости.

Такъ какъ малѣйшія явленія производятъ дѣйствіе на Государя. то споръ между Михаиломъ ²⁾ и папскимъ нунціемъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе. Онъ говорилъ въ то время объ этомъ Петру Палену, рассказавшему намъ только на дняхъ. Здѣсь много дѣйствій произвола, о которыхъ мы узнаемъ случайно. Такъ, у протестантскихъ пасторовъ отняли земли, принадлежавшія имъ въ Ингерманландіи. Государь, желая оправдать эту мѣру, ссылается на то, что наше духовенство не владѣетъ землею. Правда; но вмѣсто того, чтобы принимать такія возбуждающія мѣры, не лучше ли дать и нашему духовенству недостающее ему обезпеченное положеніе, чтобы оно не имѣло причины завидовать другимъ? Я ставлю въ вину Перовскому, что онъ не возстаетъ противъ притѣснительныхъ мѣръ, не перестающихъ создавать намъ враговъ внутри Имперіи. Большое несчастіе, когда легко отдаются подобныя приказанія, не заботясь о слѣдствіяхъ, производимыхъ ими, и обращаются съ людьми какъ съ камнями, которые можно переворачивать на всѣ стороны, не причиняя имъ никакой боли.

Она же къ нему же.

Петербургъ, 11 Іюня 1845.

Мишель ³⁾, во время ученія, безъ всякаго повода, накинудся въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ на герцога Лейхтенбергскаго. на всѣ лады повторяя ему, что онъ не радѣетъ о своей части. встаетъ поздно и зашмастается только ухаживаніями. По окончаніи смотра, онъ собралъ генераловъ и офицеровъ и въ ихъ присутствіи, отдаваясь во власть приступу бѣшенства, началъ говорить герцогу Лейхтенбергскому, называя его все время вашимъ императорскимъ высочествомъ. обратное тому,

¹⁾ Прибалтійскій генераль-губернаторъ.

²⁾ Великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся тогда въ Вѣнѣ.

³⁾ Т. е. великій князь Михаилъ Павловичъ.

что говорилъ раньше, а именно, что солдаты его истощены отъ усталости, что онъ о нихъ совѣтъ не заботится и что проводитъ все время въ лабораторіи въ работахъ по гальванопластикѣ. Наконецъ вылилъ онъ на него цѣлый потокъ упрековъ, отъ которыхъ присутствующіе пришли въ полное изумленіе. Герцогъ слушалъ его молча, какъ подчиненный, и заговорилъ только въ защиту полковника, отправленнаго великимъ княземъ подъ арестъ; онъ выставилъ на видъ, что у того умерла наканунѣ жена и онъ все же, по долгу службы, явился на смотръ. Герцогъ высказалъ много трогательнаго, что не произвело на великаго князя никакого впечатлѣнія. Послѣ отъѣзда разгнѣваннаго начальника, герцогъ объявилъ своей части, что сложить съ себя начальство, такъ какъ его личность навлекаетъ подобныя неприятности. Вернувшись домой, онъ разсказалъ объ этой сценѣ женѣ, которая, не смотря на его возраженія, поспѣшила увѣдомить о происшедшемъ Государя. Тотъ очень гнѣвался, и вотъ къ какой благородной мести прибѣгнулъ. На смотру Семеновскаго полка, который теперь у его брата въ милости, онъ пришелъ въ гнѣвъ, сталъ придирается къ бездѣлицамъ, бранилъ солдатъ и офицеровъ и съ сильными выраженіями позорно отправилъ ихъ въ казармы. Что должно думать войско, видя себя козломъ отпущенія въ распряхъ властителей? Меня увѣряютъ, что до сего времени Наслѣдникъ ведетъ себя очень осторожно по отношенію къ войску; о, если бы ему удалось выдержать!

Государь держитъ своихъ подданныхъ въ непрерывномъ напряженіи. Онъ словно испорченный и жестокій ребенокъ, не умѣющій и не желающій что либо переносить. Онъ заявилъ, что не будетъ жить ни въ Зимнемъ, ни въ Аничковскомъ дворцахъ; вѣроятно поставитъ себѣ палатку на плацу. Что привело его въ дурное расположеніе и не безъ основанія, это новая книга Головина, которую тотъ имѣлъ дерзость послать ему по почтѣ и которая, какъ кажется, еще хуже книги Кюстина. Въ этомъ пасквилѣ авторъ выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ всѣхъ придворныхъ, указывая на всѣ злоупотребленія. Государь высказалъ твоему отцу огорченіе, которое онъ испытываетъ, когда хулятъ особу, къ которой онъ питалъ нѣкоторое расположеніе и любилъ проводить въ ея обществѣ нѣсколько часовъ, но которая не была его любовницею; въ этомъ онъ клялся передъ Богомъ. Онъ такъ непостижимъ во всемъ, что послѣднее не-невѣроятно. Я рассчитываю на твою скромность, и ты не выдашь меня отцу. Эта новость распространилась въ маленькомъ кружкѣ, но скоро будетъ на устахъ у всѣхъ.

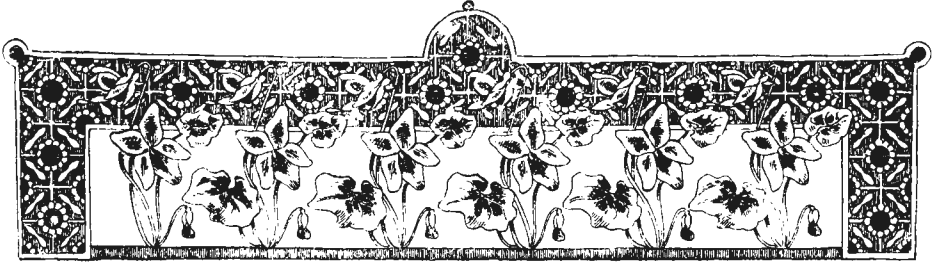
Графъ К. В. Нессельроде барону Мейндорфу.

Петербургъ, 17 Января 1846.

Съ послѣднимъ курьеромъ изъ Петербурга Мѣдемъ даетъ мнѣ еще нѣкоторыя подробности о пребываніи Государя въ Вѣнѣ. Между нами я ими недоволенъ, и мнѣ придется, при проѣздѣ, сглаживать непріятное впечатлѣніе, дабы раздраженіе, довольно ясно выказанное Государемъ, не испортило политическихъ отношеній въ ущербъ нашимъ выгодамъ; по пріѣздѣ въ Петербургъ мнѣ предстоитъ успокоить это раздраженіе, которое никогда не можетъ служить на пользу дѣламъ. Я понимаю, что Государь могъ почувствовать досаду; но, ведя настоящую политику, лучше было бы не показывать ея. Послѣдняго, впрочемъ, надо признаться, держался Австрійскій кабинетъ, который своимъ глупымъ и нечестнымъ образомъ дѣйствій скорѣе послужилъ намъ, нежели повредилъ: онъ сдѣлалъ возможнымъ и легкимъ брачный союзъ, болѣе цѣнный, нежели его. Если изъ Венеціи Государь писалъ, чтобы не приходили къ окончательному рѣшенію въ Палермо*), то изъ Вѣны, думаю, онъ совѣтовалъ поспѣшить съ развязкою. Что касается меня, мнѣ бы хотѣлось, чтобы событія подвинулись на столько съ той и другой стороны, что уже нельзя было бы отступать, чтобы и эта послѣдняя партія не ускользнула изъ нашихъ рукъ. Послѣ всего, происшедшаго въ Вѣнѣ, намъ это не обходимо, не только для счастья и будущности обожаемой великой княжны, но и по соображеніямъ относительно Европы.

*) Тамъ находилась императрица Александра Ѳеодоровна съ великою княжною Ольгою Николаевною и тамъ вскорѣ устроилось, по желанію Государя, ея замужество. Графъ Нессельроде не подозрѣвалъ, что дѣйствовавшій тутъ князь А. М. Горчаковъ (посланникъ въ Штутгардѣ) приготовлялъ для себѣ возможность заступить мѣсто его.

Изъ лѣтописи храма на „Дворянскихъ Водахъ“.

I.

Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія Сергіевскія минеральныя воды обычно назывались „Дворянскими“. Такъ онѣ названы и въ лѣтописи, съ которой мы хотимъ познакомить многочисленныхъ посѣтителей этихъ водъ, прїѣзжающихъ на нихъ или съ цѣлью лѣчебной, или просто съ цѣлью отдохновенія и увеселительной. Въ настоящее время эти воды зовутся то Сергіевскими минеральными водами, то просто и кратко Сѣрноводскъ. Первое названіе онѣ получили отъ того, что поселокъ, на первыхъ порахъ сформировавшійся около сѣрныхъ источниковъ, былъ приписанъ приходомъ къ упраздненному теперь городу Сергіеву, Оренбургской области, Уфимскаго намѣстничества. Основанъ онъ былъ еще Петромъ В. въ 1703 г. Второе названіе этимъ водамъ принадлежитъ по обилію сѣрныхъ осадковъ, которые даютъ эти воды и за которые Петръ В. и наименовалъ мѣстность съ сѣрными источниками „Сѣрноводскомъ“. Здѣсь онъ добывалъ сѣру, въ которой нуждался для военныхъ надобностей. Благодаря генію великаго царя, обширный, прежде пустынный „Закамскій край“ скоро измѣнилъ свой видъ: тысячи рабочихъ, вызванныхъ Петромъ В. изъ Казанской губ., изъ такъ называемыхъ дворцовыхъ селъ Самарскихъ, изъ Симбирской губ., рабочихъ съ ихъ семействами, а также тысячи солдатъ для охраны рабочихъ отъ хищничества Башкирскихъ и Киргизскихъ ордъ, образовали въ этомъ краѣ первыя Русскія поселенія и оживили его. Эти же поселенцы первые на себѣ испытали чудесную силу сѣрныхъ источниковъ. Лѣтопись говоритъ, что среди рабочихъ Петровскаго сѣрнаго завода, вслѣдствіе скученности населенія и отъ нечистоты, стали появляться сыпи и разныя кожныя болячки. Люди прибѣгли къ самому простому средству: они купались въ сѣрной водѣ и получали исцѣленіе. А такъ-какъ вода изъ источниковъ страшно холодная, то они брали воду изъ „Сѣрнаго пруда“, ими же самими вырытаго, грѣли ея и мылись. Исцѣленіе было до того быстрое и явное, что казалось чудеснымъ. Поэтому даже въ ту отдаленную пору, безъ пара и электричества, молва о необыкновенныхъ источникахъ быстро донеслась до царя. Онъ послалъ своего лейбмедика для изслѣдованія, и слава за этими водами была установлена, какъ за лѣчебными. Но потомъ надъ Сѣрноводскомъ

и надъ цѣлымъ краемъ Закамскимъ пронеслось много событій, уничтожившихъ Петровскій заводъ и почти заметавшихъ слѣды творчества предприимчиваго царя въ этомъ краѣ. Народные мятежи, набѣги дикихъ ордъ отъ Петра и до Екатерины В. уничтожили и память о цѣлительныхъ водахъ.

Преданіе, которое до настоящаго времени держится въ окрестностяхъ Сѣрноводска, говоритъ, что позже, въ XIX вѣкѣ, Татаринъ, пасшій стадо около сѣрнаго озера и искалѣченный ревматизмомъ, купался въ озерѣ, совершенно излѣчился и что Уфимскій помѣщикъ Глазовъ, страдавшій накожною сыпью, прослышавъ про чудесныя воды, съ цѣлымъ обозомъ всякаго домашняго скарба, по тогдашнему обычаю, съ кухней, лошадьми и всякой челядью, прибылъ къ сѣрнымъ источникамъ и „сталъ станомъ“ около сѣрнаго озера. Весь этотъ таборъ обиталъ въ палаткахъ и шатрахъ.

Такъ было положено начало „Дворянскихъ водъ“.

Вернувшись домой совершенно здоровымъ, Глазовъ сталъ говорить о чудесахъ сѣрныхъ водъ среди своихъ собратій, богатыхъ людей, помѣщиковъ и дворянъ. Скоро въ этомъ дѣлѣ принялъ участіе и князь Г. С. Волконскій, бывшій генераль-губернаторомъ Оренбургскаго края. Зажиточные помѣщики и дворяне изъ Оренбургской, Самарской и другихъ губерній стали каждый годъ посѣщать сѣрные источники. Многіе изъ нихъ начали захватывать лучшія мѣста около сѣрныхъ водъ, пріобрѣтая ихъ въ собственность почти за безцѣнокъ. На новыхъ мѣстахъ они принялись устраивать лучшія помѣщенія для себя и своихъ многочисленныхъ слугъ. Они пріѣзжали со своими оркестрами, съ цѣлымъ полкомъ всякихъ лицедѣевъ, музыкантовъ и доморощенныхъ артистовъ. Завелся театръ, ежедневная музыка, всевозможныя гулянья и та размахистая, безшабашная жизнь, которая возможна была только въ печальной памяти крѣпостного права. Нѣкоторые дворяне имѣли около сѣрныхъ водъ цѣлыя деревни, переселили туда своихъ крестьянъ изъ отдаленныхъ помѣстій. Въ настоящее время деревни, кольцомъ окружающія сѣрные источники, всѣ подобнаго происхожденія. Особенно памятна до сего времени деревня Ниновка, въ 4-хъ верстахъ отъ Сѣрноводска, названная такъ по имени жены владѣльца С. П. Шелашникова Анны Борисовны, которую въ семьѣ любили называть Ниной. Помѣщикъ этотъ между прочимъ задумалъ возвести домъ особенной архитектуры, въ которомъ предполагалось устроить кумысолѣчебное отдѣленіе, залъ для танцевъ, клубъ для картежной игры, читальню и пр. Раскрѣпощеніе крестьянъ помѣшало довести дѣло до конца, и зданіе такъ и осталось до сего времени въ томъ видѣ, въ какомъ его засталъ 1861 годъ. И стоитъ это зданіе теперь, какъ бы для того, чтобы о немъ сплетались разныя легенды. Одна изъ легендъ считаетъ мѣсто это нечистымъ. И не даромъ: чтó, бывало, сработаютъ днемъ, ночью раскидывалось чертями. Есть въ Ниновкѣ и другой памятный домъ. Изъ него пріѣзжали только на лѣто. Домъ былъ—полная чаша. Далеко разносился шумъ и громъ отъ всякихъ потѣхъ. До послѣдняго времени въ немъ показывали „свадебныя кресла“, въ которыя если сядетъ холостой человѣкъ, то хозяинъ сейчасъ-же начинаетъ хлопотать о пріисканіи ему невѣсты, а если

сядетъ дѣвица, то начинаетъ искать ей жениха. Если женихъ или невѣста бѣдны, то награждались отъ щедротъ хозяина всѣмъ необходимымъ, а потомъ долго пировали свадьбу въ этомъ же домѣ, и на счетъ хозяина...

II.

Рядомъ съ такимъ теченіемъ жизни на минеральныхъ водахъ незамѣтно шло другое. Изъ тѣхъ же дворянъ-помѣщиковъ находились люди, которые сознавали свой долгъ передъ Создателемъ, мудро и щедро изливающимъ милосердіе на страждущихъ. У такихъ людей давно уже возникла мысль о построеніи на водахъ храма, конечно, на добровольныя пожертванія посѣтителей, получившихъ исцѣленіе отъ источниковъ. Начало храма было положено при преосвященномъ Аркадіи Оренбургскомъ, а самое дѣятельное участіе проявилъ нѣкто титулярный совѣтникъ Мосоловъ, пожертвовавшій иконостасъ, церковную утварь, облаченія на престолъ и жертвенникъ.

Возникновеніе храма началось со скудныхъ лептъ, что видно изъ росписки протоіерея г. Сергіевска о. Агрова: „1829 года Августа 9 дня, я нижеподписавшійся принялъ отъ Бугурусланскаго земскаго исправника и кавалера Нагшикина вынутыхъ изъ учрежденной на Сергіевскихъ минеральныхъ водахъ кружки положенныхъ благотворительными лицами на сооруженіе храма серебромъ по курсу 36 и мѣдною монетою 4 рубля 81 копейка съ деньгою, а всего 40 руб. 81 коп. съ деньгою“...

1 Юля 1831 г. Оренбургскій военный губернаторъ *) писалъ Бугурусланскому земскому исправнику и временному комисару на водахъ кол. рег. Карамзину: „Преосвященный Аркадій увѣдомилъ меня, что пожертвованный тит. сов. Мосоловымъ для предполагаемой на минеральныхъ водахъ церкви иконостасъ, равно и вся потребная утварь, доставлены уже Сергіевскому благочинному Агрову: то дабы не могло послѣдовать остановки въ окончательномъ устройствѣ сей церкви, просить моего содѣйствія, дабы со стороны мѣстнаго начальства оказано было благочинному Агрову надлежащее пособіе въ приготовленіи мѣста и загородки оной хворостомъ, нѣсколькихъ досокъ для пола и двухъ столбиковъ, кои нужно врыть въ землю и къ коимъ укрѣпится иконостасъ желѣзными крючьями. Вслѣдствіе сего я поручаю вамъ всевозможное и зависящее содѣйствіе и вспомошествованіе Сергіевскому благочинному... Я надѣюсь, что для сего дѣла и вообще во всемъ полезномъ для устройства минеральныхъ водъ и для пользы удовольствія посѣтителей оныхъ соревнованіе между вами отвѣтствовать будетъ моему желанію и ожиданію, за что особенно буду вамъ обязанъ“.

Къ 12 Юля того же 1831 года, церковь была готова къ освященію, и земскій исправникъ рапортовалъ: „Во исполненіе предписанія вашего сіятель-

*) Графъ Сухтеленъ II. Б.

ства, отъ 1 Юля сего 1831 года за № 1223 ко мнѣ послѣдовавшаго, имѣю честь донести, что на Сергіевскихъ водахъ полевая церковь моимъ содѣйствіемъ и распоряженіемъ приведена къ совершенному окончанію и приготовлена къ освященію; въ оной священнослужителями упраздненнаго г. Сергіевска производится священнослуженіе, кромѣ Божественной литургіи; для полученія отъ Оренбургскаго епархіальнаго начальства освященнаго антиминса благочиннымъ протоіереемъ Агровымъ командированъ въ г. Уфу діаконъ, который оттуда еще не возвращался“.

Но что это была за церковь!.. Въ старину, бывало, не рѣдко воздвигались „обыденныя“ церкви, т. е. воздвигнутыя усердіемъ прихожанъ по поводу какого либо событія въ одинъ день. А эта—просто была солдатская палатка, нѣсколько бѣльшихъ размѣровъ. Покрыта она была парусиной и внутри не имѣла ничего, кромѣ иконостаса, престола и жертвенника.

Семь лѣтъ церковь была въ такомъ убогомъ видѣ. Въ 1848 г. вмѣсто парусины она была обшита тесомъ, что было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что церковь-палатку часто обкрадывали. Священникъ Георгій Побѣдоносцевъ обращался въ Самарскую духовную консисторію съ просьбою о дозволеніи хранить деньги и цѣнныя вещи внѣ церкви, подѣ страхомъ хозяйственнаго комитета водѣ. На это прошеніе консисторія указомъ отъ 25 Сент. 1852 г. на имя благочиннаго Ермилы Добрынина отвѣчала: „По причинѣ непрочности Сѣрноводской церкви, которая сдѣлана изъ теса и какъ изъ оной уже въ настоящее время сдѣлано хищеніе церковныхъ денегъ, можно дозволить хранить деньги и цѣнныя вещи внѣ оной церкви, подѣ страхомъ комитета водѣ, а потому предписать и. д. благочиннаго свящ. Добрынину войти по предмету сему въ сношеніе съ тѣмъ комитетомъ и отзвъ онаго представить“. На отношеніе благочиннаго предсѣдатель комитета Ильинъ отказался принять и хранить какъ деньги, такъ и церковныя вещи у себя и въ комитетѣ. Члены комитета: Городничій Бодаревъ и главный лѣкарь Пупаревъ согласились хранить у себя подѣ личной отвѣтственностью только церковныя деньги, но въ томъ только случаѣ, если на изъявленное ими согласіе послѣдуетъ предписаніе начальника губерніи. Переписка о принятіи на храненія ничтожной суммы церковныхъ денегъ и кое-какихъ вещей изъ церковной утвари велась цѣлыхъ три года! Къ 1855 году гражданскій губернаторъ Гротъ разрѣшилъ, наконецъ, комитету принять какъ деньги, такъ и церковныя вещи на храненіе.

Въ золотую пору дворянской жизни не могли не бросаться въ глаза блестящее устройство „Дворянскихъ водъ“ и рядомъ съ ними непривлекательный видъ Сѣрноводскаго храма. Многіе дворяне и помѣщики, пріѣзжавшіе польщиться, а другіе пріѣзжавшіе весело провести время, задумали устроить на водахъ большой каменный храмъ. Для приведенія въ исполненіе своего намѣренія они обратились къ испытанному средству,—объявили общую подписку. Пожертвованія шли очень щедро. Приводимъ самую подписку.

„1852 года Іюня 25 дня мы нижеподписавшіеся Сергіевскихъ водъ по-сѣтители, видя Божій храмъ въ селеніи семь въ самомъ скудномъ положеніи по благолѣпію, каковое приличествуетъ святынѣ, ибо въ немъ мало иконъ и совершенно нѣтъ иконостаса, кромѣ мѣстныхъ иконъ, оставшихся послѣ бывшей на семь мѣстѣ походной ветхой парусиновой палатки, гдѣ въ курсъ лѣченія водами совершалось Божественное служеніе, и что самъ онъ, т. е. храмъ Божій, построенный въ 1838 году (какъ мы видѣли, въ этомъ году онъ былъ обшитъ тесомъ) усердіемъ добродателей господъ посѣтителей, должно думать на лѣтнее только время, основанъ въ столбахъ, обшитыхъ только тесомъ, приходитъ въ разрушеніе, по по бѣдности прихожанъ соорудиться новый, болѣе благолѣпный храмъ не можетъ и мы, или вмѣсто насъ другіе съ истинными достойнаго христіанина чувствами, по разрушеніи онаго, лишимся сладчайшаго утѣшенія воздать Господу благодарственные молитвы за исцѣленіе, по милости Его получаемое отъ источниковъ: то мы объявляемъ свое усердіе соорудить съ бывшими и быть имѣющими посѣтителями водъ на площади, какъ мѣстѣ приличномъ и удобномъ, новый каменный храмъ во имя Живоначальнаго Источника—Божіей Матери, могуцій вмѣстить въ себѣ не менѣе 200 человекъ“.

Зачинатели этого дѣла на общемъ совѣтѣ положили, между прочимъ черезъ газеты предложить пользовавшимся водами и нынѣ лично на нихъ присутствующимъ пожертвованія на сооруженіе каменной церкви. За невозможностью хранить жертвованныя деньги и вещи въ приходской церкви, рѣшено было весь жертвуемый капиталъ отпавлять для приращенія процентовъ въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія или обратить въ серіи. Жертвователей всѣхъ званій рѣшено было публиковать въ Московскихъ Вѣдомостяхъ о томъ, кому сколько Господь Богъ положилъ на сердце пожертвовать на святое дѣло, а для вящшаго поощренія и сердечнаго утѣшенія сообщать имъ черезъ газеты приходъ и расходъ ихъ жертвованій.

Воззваніе подписали: Самарскій губернский предводитель дворянства надвор. с. Степанъ Шелашниковъ, Бугурусланскій уѣздный предводитель дворянства Александръ Чемодуровъ, мануфактуръ-совѣтникъ, почетный гражданинъ Пермскій первой гильдіи купецъ Дмитрій Смышляевъ руки приложили....

Къ сожалѣнію возникли недоразумѣнія и личные счеты. Одни стояли за небольшой каменный храмъ, другіе за обширный, но деревянный.

Началась своего рода „волокига“, т. е. долгая переписка. Жертвователей сначала усовѣщивали, а потомъ стали пугать судомъ. Но дѣлу было не легче. Въ это время пришелъ на помощь Храму Самарскій купецъ Гордѣй Ивановичъ Ушаковъ, какъ своими пожертвованіями, такъ и умѣлою распорядительностью. На имѣющіяся средства онъ закупилъ матеріалу, нашелъ хорошаго подрядчика и приступилъ къ постройкѣ. Благодаря его распорядительности въ 1859 году постройки были окончены, приготовленъ иконостасъ, для котораго написаны иконы, и храмъ былъ освященъ протоіереемъ Самарскаго кафедральнаго собора А. Н. Кротовымъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ храмъ этотъ деревянный, внутри выштукатуренный, съ тремя колокольнями и очень хорошею каменной оградой, за которой лѣтомъ всегда пріятно зеленѣетъ растительность. На мѣстѣ прежняго

храма-палатки выстроена маленькая часовня, которая въ настоящее время пришла въ ветхость и служитъ складочнымъ мѣстомъ для старыхъ иконъ и поломанной утвари. Куда дѣвался прежній храмъ—объ этомъ лѣтопись передаетъ молву народную, что его подѣлили три лица: свящ. Гавр. Соловьевъ, церковный староста Егоръ Тарасовъ и городничій Влад. Воронцовъ, причемъ большая часть досталась священнику.

Далѣе лѣтопись упоминаетъ о томъ, что когда посѣтителѣи водъ, они-же и строители храма, увидѣли, что храмъ совершенно готовъ, а матеріалу осталось много, то рѣшили съ необходимо-полезнымъ соединить и пріятное, именно рѣшили выстроить зданіе подъ помѣщеніе театра. „Таковому ихъ рѣшенію—заканчиваетъ лѣтопись—никто не препятствовалъ, такъ какъ лѣсъ большею частью былъ жертвованъ ими же или купленъ на ихъ же деньги“.

Въ 1872 году храмъ этотъ едва не сгорѣлъ отъ разразившейся надъ селомъ грозы. Впрочемъ молва народная относитъ несчастіе къ неосторожному обращенію съ кадиломъ: священникъ нечаянно заронилъ подъ престоль уголь, отъ чего и сгорѣлъ престоль.

Напрестольное евангеліе очень цѣнное, большого формата, съ серебряными, вызолоченными крышками рѣдкой чеканки и стоимостью болѣе 300 руб. Въ настоящее время невозможно приобрести за эти деньги такое массивное евангеліе. Жертвователю евангелія пожелать остаться неизвѣстнымъ. Очень хороша люстра, приобретенная стараніями церковнаго старосты и стоимостью болѣе 600 руб. Дѣйствительный стат. совѣтникъ Исаковъ пожертвовалъ очень цѣнную икону двенадцатыхъ праздниковъ, метахромотиписическую, какъ называетъ ее лѣтопись.

III.

Не смотря на болѣе чѣмъ 200-лѣтнее существованіе христіанскаго населенія и 80-лѣтнее существованіе постояннаго христіанскаго храма на водахъ, населеніе не лишено многихъ существенныхъ недостатковъ въ своемъ просвѣщеніи и міровозрѣніи. Въ пестрой толпѣ потомковъ прежнихъ выходцевъ изъ разныхъ губерній „помѣщичьей Россіи“ какъ бы сосредоточились особенности и слабости духовно-нравственнаго развитія.

Грамотныхъ не много, и не удивительно: въ населеніи сложилось очень нелестное, превратное мнѣніе о ней.

—Что пользы въ грамотѣ, говорятъ потомки рабовъ.—Грамотный сынъ не поилецъ и не кормилецъ отцу—матери. Его при себѣ не удержишь; онъ сейчасъ уйдетъ въ городъ. А безъ родительскаго ока, какую онъ жистъ будетъ вести тамъ?..

На ряду съ этимъ среди неселенія очень много всякихъ суевѣрій и предразсудковъ. Если кто, выходя за дѣломъ, встрѣтитъ „попа“, то съ неудовольствіемъ вернется домой, не предпринимая задуманнаго дѣла на этотъ разъ. Женщина встрѣтивъ „попа“, бросаетъ булавки.

Случается, что къ священнику обращаются съ просьбой „помянуть живаго мужа за упокой“ съ полной увѣренностью, что если разлюбившаго мужа помянуть за упокой, то его сердце непременно стоскуется и вернется къ семьѣ.

Въ поминаньяхъ попадаются имена Адама и Евы. На вопросъ о томъ, развѣ были у кого такіе родственники отвѣчаютъ: „а прародители-то наши!...“

Чѣмъ-то языческимъ отзывается отъ обычая записныхъ игроковъ въ орлянку—класть натѣльный крестъ себѣ въ салогъ подъ пятку. Это будто-бы помогаетъ выигрышу. А кто на Пасху въ отвѣтъ на возгласъ священника: „Христосъ воскресъ“ скажетъ: орелъ здѣсь,— всю Пасху будетъ только выигрывать.

Лѣтописецъ матерью этихъ пороковъ называетъ пьянство. Было время, когда, напр., въ деревнѣ Суходольѣ, около Сѣрноводска, мужики ежегодно пропивали не менѣе 100 дес. общественной земли. Развратъ среди дѣвицъ самое заурядное явленіе, хотя для погѣхи и случается, что надѣвають хомутъ на шею или мажутъ дегтемъ ворота у провинившейся.

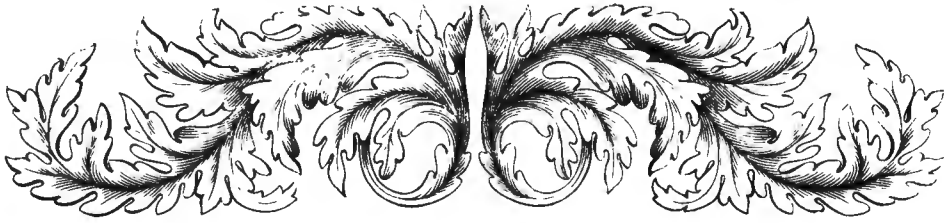
Очень крѣпко держится вѣра во всякую нечисть: въ домовыхъ, въ дворянскихъ, въ водяныхъ, лѣсныхъ, даже межевыхъ духовъ. Вѣра въ знахарей до того сильна, что человѣкъ, въ случаѣ, напр., пропажи или болѣзни, скорѣе пойдетъ за 100 верстъ къ знахарю „поворотиться“, чѣмъ къ врачу, къ чименнымъ новнику.

Если у кого не живутъ дѣти, то просятъ священника мальчику давать имя отца, а дѣвочкѣ имя матери. Отсюда весьма часто истрѣчаются дѣти одноили отцу, или матери.

Нѣкоторые обычаи сопровождаютъ свадьбы. Наканунѣ брака непременно устраивается вечеринка, на которую приходитъ женихъ. Дѣвушки его не пускають и приговаривають: „У стола четыре угла, они стобятъ 4 рубля, а середочка—рублевочка“. Женихъ кладетъ деньги и на углы и на середочку. Когда поѣздъ готовъ въ церковь, братъ не даетъ невѣсту. „У моей сестрички,— говорить,— 100 рублей косичка, каждый волосокъ—гривенка“. Дружка отнимаетъ. Завязывается борьба, послѣ которой все кончается денежной сдѣлкой. Поѣздъ затѣмъ ѣдетъ въ церковь, а вся невѣстина родня отправляется въ домъ жениха и хозяйничаетъ тамъ до пріѣзда жениха съ невѣстой изъ церкви.

А. Поповъ.

КНЯЗЬ А. М. КУРБСКІЙ.

(МѢСТО ЕГО ПОГРЕБЕНІЯ).

Потомокъ св. Смоленскаго и Ярославскаго князя Феодора Ростиславича и супротивникъ Ивана Грознаго, князь Андрей Михайловичъ Курбскій, послѣ бѣгства за рубежъ, жилъ и умеръ въ 1583 г. въ Литовскомъ городѣ Ковелѣ.

Въ „Большой Энциклопедіи“ (Спб. 1903, т. XI) читаемъ: „похороненъ въ с. Вербкѣ (36 верстъ отъ Ковля), согласно желанію, въ монастырѣ св. Троицы, у ногъ своего духовника-священника Александра. Склепъ цѣль доселѣ“.

Къ этому можно добавить, что Троицкаго монастыря давно не существуетъ; уже въ половинѣ XVIII вѣка на мѣстѣ его была лишь приходская церковь, коей видъ имѣется у Н. Д. Иванишева: „Князь Курбскій въ Литвѣ и на Волыни“. Но и эта церковь разобрана, а вмѣсто нея съ 1900 г. воздвигнута новая.

Могила князя не имѣетъ ни плиты, ни надгробья, вообще—никакого внѣшняго свидѣтельства. Слѣдовательно, на ней печать общаго забвенія; между тѣмъ мы имѣемъ основаніе сказать, что ежели-бы археологическія общества или отдѣльные почитатели захотѣли привести могилу замѣчательнаго историческаго лица въ подобающій ему видъ, то они встрѣтили-бы со стороны почтеннаго настоятеля сельскаго храма, отца Александра Балицкаго, полное содѣйствіе. Кажется, живы и прямые потомки князя Андрея Курбскаго...

Павелъ Россіевъ.

Апология Іоанна Грознаго*).

На-дняхъ въ Русскомъ собраніи членъ археологическаго института М. Н. Дитрихъ прочиталъ лекцію о первомъ царѣ, Иванѣ Грозномъ.

Лекторъ пытается возстановить образъ Іоанна изъ окружавшей его среды и вывести его изъ того чада клеветы и злобы, которыми окутали его враги. Еще въ 1711 г. вышла въ Вѣнѣ книга, „Apologia pro Ioanne Basilide Magno Duce Moscoviae“, въ которой говорилось, что Іоаннъ былъ жертвою клеветы Курбскаго, что строгость его не есть тиранство, что такихъ необузданныхъ подданныхъ, какими были тогда Русскіе, слѣдовало держать въ страхъ казнями, чтобы царь могъ властвовать безопасно... Эту мысль и развиваетъ лекторъ, причемъ сравниваетъ Ивана Грознаго съ Петромъ Великимъ. Оба были завоеватели, оба законодатели, и оба реформаторы; только одинъ націоналистъ—другой западникъ. Но какъ первому всю жизнь не счастливилось и не посчастливилось и послѣ смерти,—такъ Петру всю жизнь везло, и исторія простила ему его жестокость.

Лекторъ пробуетъ разгадать необузданный характеръ Іоанна, эти странные переходы отъ покаянія и молитвы къ казнямъ и оргіямъ. Съ двухъ лѣтъ безъ отца, съ восьми лѣтъ безъ матери (притомъ имъ не занимавшейся) ребенокъ выросъ среди пренебреженій и униженій, среди ужасовъ боярскаго самоуправства, и тутъ среди необузданнаго произвола и вакханаліи дикихъ страстей, когда каждый добравшійся до власти бояринъ спѣшилъ смести всѣхъ мѣшавшихъ ему, когда казни и тайныя и явныя убійства и отравленія были обычнымъ дѣломъ и постоянными спутниками власти. И среди картинъ этой дикой эпохи встаетъ образъ необыкновеннаго, впечатлительнаго, богато одареннаго мальчика, который задумываетъ водворить порядокъ. Не Адашевъ и Сильвестръ, о которыхъ лекторъ весьма невысокаго мнѣнія и которые измѣнили Іоанну, митрополитъ Іоасафъ имѣлъ, по всей вѣроятности, благотворное вліяніе на Іоанна, и въ кельѣ Чудова монастыря Іоаннъ задумалъ свои широкія начинанія—идеи, о единствѣ сплоченности и силѣ государства, терзаемаго боярами и удѣльнымъ строемъ. Говоря о

*) Перепечатывается изъ Новаго Времени (29 Марта 1910 г.), гдѣ статья появилась подъ заглавіемъ „Первый Русскій Царь“. П. Б.

казняхъ и жестокости, надо вспомнить, что не лучше было и позже, при Петрѣ: таковъ былъ вѣкъ звѣрскихъ нравовъ. Развѣ Людовикъ XI въ просвѣщенной Франціи не ставилъ въ то время дѣтей подѣ эшафотъ ихъ казнимаго отца? Погибали иногда невинные; но разбитому душой, измученному, истерзанному человѣку среди постоянной измѣны, доносовъ, клеветы, тайныхъ убійствъ всегда ли можно было разобраться? А высокій умъ, образованность Іоанна засвидѣтельствовали и Іезуиты Поссевино. Три дня Поссевино сражался съ царемъ въ торжественномъ диспутѣ о вѣрѣ—и русскій царь, вооруженный только силою своего необычайнаго ума, разбилъ Іезуита на всѣхъ пунктахъ. Іоаннъ началъ собою новую эру въ Россіи. Если бы не онъ, Богъ знаетъ, какъ бы справилась Россія съ хаосомъ и злобой удѣльнаго порядка. И сердце народное поняло Іоанна лучше историковъ. Пѣсня народная не обошла его молчаніемъ, какъ другихъ: въ пѣснѣ народной—онъ частый герой, въ пѣснѣ народной живетъ его образъ. „И грозный царь Иванъ Васильевичъ, закончилъ лекторъ, всегда останется великимъ могучимъ и славнымъ героемъ народнымъ, первымъ царемъ его“.

*

Кажется, никто изъ занимавшихся исторіею и личностію Іоанна Грознаго не придавалъ должнаго значенія его физическому происхожденію: Рюриковичъ по дѣду, Литвинъ по матери и Грекъ по своей бабушкѣ онъ сложился подѣ воздействием своего тройнаго кровнаго происхожденія. Онъ же сознательный, явный свидѣтель того, какъ сильна была тогда вѣра въ святыню Православія. У Карамзина рассказано, что когда онъ стоялъ подѣ Ревелемъ (въ уцѣлѣвшихъ стѣнахъ котораго доселѣ красуются каменные его ядра), захотѣлось ему побесѣдовать съ проповѣдникомъ новаго исповѣданія. Ревельскіе храмы были передъ тѣмъ не за долго лишены святыхъ иконъ, имущество и земли католическаго духовенства захвачены баронами. По приглашенію Іоанна пріѣхалъ къ нему Лютеранскій пасторъ, и онъ сталъ его разспрашивать. Сначала бесѣда шла мирно, но когда пасторъ неосторожно произнесъ: „Апостолъ Павелъ и Мартинъ Лютеръ“, слова эти возмутили Русскаго Государя, и онъ воскликнулъ: „Какъ! Рядомъ Святаго апостола и пьянаго разстригу монаха!“ и прогналъ отъ себя проповѣдника.—Позднѣе, въ его борьбѣ съ Баторіемъ, Поссевино предлагалъ ему примирительное посредничество подѣ условіемъ признать напскую власть. „Да вѣдь папа волкъ“, отозвался Грозный и на выраженное Поссевиномъ изумленіе замѣтилъ: „онъ души крадетъ“. Пьянымъ Витенбергскимъ мужикомъ называла Лютера и Екатерина Великая въ письмахъ къ Гримму.

Удивительно, какъ до сихъ поръ никто не займется собраніемъ въ одну книгу сочиненій Іоанна Грознаго. П. Б.

Царь Василій Шуйскій и мѣсто его погребенія въ Польшѣ.

1610—1910. I томъ. Историческое изслѣдованіе профессора Д. В. Цвѣтаева, доктора Русской исторіи. Москва—Варшава. 1910 XXI+610 стр.

Наша историческая литература не богата свѣдѣніями о царѣ Василич Шуйскомъ и его трагической судьбѣ. Лѣтъ 15 тому назадъ Д. В. Цвѣтаевъ, въ то время профессоръ Варшавскаго университета по кафедрѣ Русской исторіи, занялся изслѣдованіемъ вопроса о мѣстѣ временнаго погребенія царя Василича въ Польшѣ, гдѣ онъ умеръ въ плѣну.

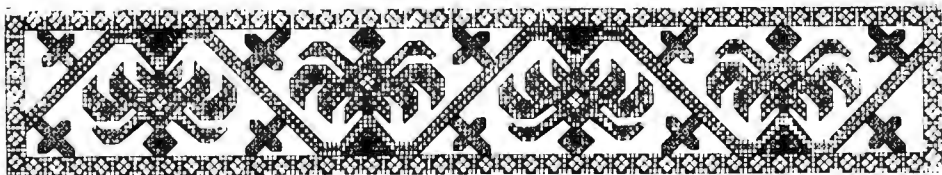
Результатомъ работы проф. Цвѣтаева явился трудъ, заголовокъ котораго приведенъ выше. Въ 1901 году были напечатаны въ Варшавѣ документы и планы (274 документа и 28 плановъ), положенные въ основу этого труда и составившіе 2-ой томъ его, а теперь выпущенъ 1-ый томъ, содержащій въ себѣ самое изслѣдованіе вопроса.

Изслѣдованіе проф. Цвѣтаева, основанное на точно провѣренномъ и обильномъ документальномъ матеріалѣ, подтверждаетъ, что царь Василій Шуйскій вмѣстѣ со своими братьями Дмитріемъ и Иваномъ и женой Дмитрія Екатериной Григорьевной (рожденной Малюты-Скуратовой), былъ заключенъ въ Польшѣ въ Гостыньскій Замокъ, гдѣ царь Василій, братъ его Дмитрій и жена послѣдняго Екатерина и скончались. Первоначально они были погребены въ Гостынинѣ, а затѣмъ тѣла ихъ были перевезены въ Варшаву, и надъ ихъ могилою была поставлена часовня-памятникъ, перешедшая затѣмъ, послѣ выдачи тѣлъ Шуйскихъ Москвѣ, во владѣніе монаховъ католическаго ордена Обсервантовъ. Въ настоящее время на мѣстѣ погребенія Шуйскихъ въ Варшавѣ находится зданіе 1-ой Варшавской мужской гимназіи, построенное въ Русскомъ стилѣ съ куполомъ надъ гимназической церковью.

Настоящій многолѣтній и объемистый трудъ проф. Цвѣтаева, являющійся крупнымъ вкладомъ въ Русскую исторію вообще и въ частности въ исторію Русской старины въ Польшѣ, даетъ интересную характеристику Русско-польскихъ отношеній въ первой четверти XVII вѣка, онъ какъ и предыдущіе труды Д. В. Цвѣтаева, основанъ на первоисточникахъ и отличается научной добросовѣстностью и полнотою изложенія.

А. С.

О ПСОВОЙ ОХОТѢ МОСКОВСКОЙ ЗНАТИ ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА.

Письмо А. П. Ильина къ графу Н. П. Шереметеву.

При свиданіи моемъ на этихъ дняхъ съ графомъ Иваномъ Петровичемъ¹⁾ жаловался онъ на Троицкихъ крестьянъ, что переводятъ зайцевъ, (ловятъ тенетами и продаютъ) и просилъ, чтобы ихъ унять, при чемъ, объявивъ, что есть его намѣреніе обозрѣть Московской округи городъ и коснется Коломны, спрашивалъ меня, можетъ ли имѣть ночлегъ въ Марковѣ²⁾.

Я отвѣтствовалъ: что касается до Троицкихъ крестьянъ, то прикажу я канцеляріи подтвердить имъ отъ имени вашего запрещеніе, а относительно Маркова донесъ я же, что оно въ собственномъ вашемъ вѣдѣніи.

Разсмѣявшись, графъ сказалъ, что въ прошломъ году покойный Михайло Михайловичъ Измайловъ³⁾ сказывалъ ему, что множество зайцовъ въ немъ⁴⁾, и онъ ѣздилъ съ своею охотою, а миѣ-де и по родству можно дозволить: ибо будутъ со мною моя только охота, а постороннихъ никого. Я на сіе отвѣтствовалъ: зависитъ отъ воли вашей; но засвидѣтельствовалъ, что запускать въ роци собакъ нельзя, ибо всѣ заросли и перескakatъ или обратитъ собакъ средства нѣтъ.

Въ продолженіи своей рѣчи, отозвался графъ: есть ли ваше сіятельство и возвратитесь скоро, то съ своею охотою вамъ веселиться невозможно,

1) Тогдашнимъ Московскимъ генераль-губернаторомъ. Писано изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ жилъ графъ Николай Петровичъ Шереметевъ (въ то время еще холостякъ), въ близости къ императору Павлу Павловичу, какъ товарищъ его молодости и въ должности оберъ-гофмаршала высочайшаго двора.

2) Это унаследованная графомъ Н. П. Шереметевымъ усадьба, нѣкогда принадлежавшая князю Якову Никитичу Одоевскому, внуку славнаго Ф. И. Шереметева.

3) Предшественникъ графа И. П. Салтыкова на Московскомъ генераль-губернаторствѣ.

4) Т. е. въ Марковѣ.

есть ли всѣ собаки таковы, каковыхъ онъ изъ охоты вашей получилъ; въ своихъ статьяхъ онѣ очень хороши и рѣзвы, но притравлены къ скотинѣ, къ собакамъ и кошкамъ, слѣдовательно перепорчены и утѣшенія въ охотѣ дѣлать не могутъ. Кончилось тѣмъ съ приказаніемъ, чтобы донесъ о семъ разговорѣ вашему сіятельству съ таковымъ увѣреніемъ, что безъ дозволенія вашего не предприметь онъ намѣренія своего къ произведенію въ дѣйство; а есть ли и дозволите, то малѣйшую часть охоты употребить, присовокупя къ тому, что онъ васъ очень любитъ, тѣмъ самымъ побуждаемъ будучи и извѣстное вамъ сватовство произвелъ, но вы не соотвѣтствовали его желанію. Но какъ тогда, при врученіи ему письма вашего, (порученнаго мнѣ отъ васъ къ его сіятельству), не выяснилъ, то сей случай употребилъ я на оное.

Выслушавъ все, сказалъ: Прозоровскаго я не оправдаю, а за своего ручаюсь. Есть ли бы не находилъ въ немъ качества честнаго человека, то бы не старался и о его благополучіи и какъ онъ уже полковникъ и кавалеръ, то сіе одно истину словъ его подтвердить, а въ послѣдствіи сего не оставитъ онъ доставить ему и мѣсто авантажное.

Я, донося объ охотѣ, почелъ нужнымъ извѣстить ваше сіятельство и о послѣдующемъ разговорѣ.

Съ должнымъ къ вамъ высокопочитаніемъ и истинною преданностію, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга Алексѣй Ильинъ.

23 Іюля 1800.

(Сообщено внукомъ графа Николая Петровича, графомъ С. Д. Шереметевымъ).

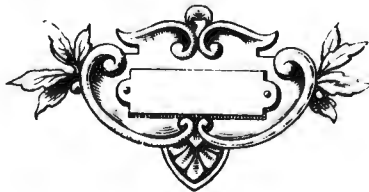
Списокъ книгъ и крупныхъ журнальныхъ статей по генеалогіи, геральдикѣ и исторіи Русскаго дворянства, вышедшихъ въ Россіи за 1906, 1907, 1908 и 1909 года.

1. **Арсеньевъ.** Лекціи по геральдикѣ, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Москва 1908 г.
2. **Архивъ Раевскихъ.** Редакція Модзалевскаго. Т. I СПб. 1908 г.
3. **Болсуновскій.** Сфрагистическіе и геральдическіе памятники Юго-Западнаго края. Вып. II. Кіевъ. 1908 г.
4. **Болсуновскій.** Родовой знакъ Рюриковичей, великихъ князей Кіевскихъ. Кіевъ. 1908 г.
5. **Вопієскі Herbarz Polski.** Варшава. Т. IX—1906 г.; т. X—1907 г.; т. XI—1908 г. и т. XII и т. XIII вып. I—1909 г.
6. **Бѣлнуровъ.** Акты архива Голохвастовыхъ. Москва. 1908 г.
7. **Бѣлнуровъ.** Нѣсколько новыхъ родословныхъ данныхъ. Москва. 1908 г.
8. **Вакторовскій.** Западно-русскія дворянскія фамиліи, отпавшія отъ Православія въ концѣ XVI и въ XVII вв: („Труды Кіевской Духовной Академіи“, Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь 1908 г. и Июнь 1909 г.).
9. **Власьевъ.** Потомство Рюрика. Матеріалы для составленія родословной. Т. I, часть 2. Князья Черниговскіе. СПб. 1906 г. и часть 3 СПб. 1906—1907 г. г.
10. **Власьевъ.** Родословная таблица. Приложение къ части 2 Т. I книги „Потомство Рюрика“. СПб. 1906 г. и въ части 3 СПб. 1907 г.
11. **Гитвушекъ.** Отрывокъ пищевой книги Вотской пятины второй половины. 1504—1505 г. Кіевъ. 1908 г.
12. **Грамота,** пожалованная Римско-Германскимъ императоромъ Леопольдомъ I Австрійской фамиліи Фонъ-Крузе въ 1664 г. Съ приложеніемъ точныхъ снимковъ съ фамильнаго герба, государственной печати, подписей и главнѣйшихъ листовъ подлинной грамоты. Москва. 1908 г.
13. **Домъ Рюрика и Романовыхъ** (съ таблицами). Бѣлая Церковь. 1908 г.

14. **Errinerungsblatt** an den ersten Familientag der Von Boetticherschen Geschlechterbandes 1906 Jahr. Рига. 1907 г.
15. **Изъ семейной хроники Гоголей**. Кіевъ. 1909 г.
16. **Jahrbuch für Genealogie, Heraldik und Sphragistix**. 1905—1906 Jahr. Herausgegeben von der Genealogischen Gesellschaft der Ostseeprovinzen. Митава 1908 г.
17. **Campenhausen-Loddiger** zur Gechichte des Geschlechtes der Von Campenhausen. Рига. 1908 г.
18. **Капустина-Губкина**. Семейная хроника Менделѣевыхъ въ письмахъ матери, отца, брата, сестеръ и дяди. СПб. 1908 г.
19. **Норсанова**. Списокъ начальствующихъ лицъ въ городахъ теперешней Казанской губ. съ 1553 г. до образованія Казанской губерніи въ 1708 г., а также губернаторовъ, намѣстниковъ, генераль-губернаторовъ и военныхъ губернаторовъ, управлявшихъ Казанской губ. съ 1708 по 1908 г. Казань. 1908 г.
20. **Koch**. Beitrag zur Geschichte der Familie Koch in Reval. Ревель 1908 г.
21. **Лыщинскій**. Родъ дворянъ Лыщинскихъ. Матеріалы для составленія 157 родословныхъ. СПб. 1907 г.
22. **Лѣтопись** Историко-родословнаго Общества въ Москвѣ, выписки 7, 8, 9—Москва 1906 г.; 10, 11, 12—Москва 1907 г.; 13, 14, 15, 16—Москва 1908 г.; 17, 18, 19—Москва 1909 г.
23. **Manteuffel**. Familiennotizen aus Bersegall-Dritzanschen Familienarchiw. Рига. 1907 г.
24. **Marcinkowski** Rodziny zaszczycone szlachectwem w królewstwie Polskim 1815—1836 г.; z 55 podobiznami herbów. Варшава 1907 г.
25. **Модзалевскій**. Родъ Раевскихъ герба Лебедь. СПб. 1908 г.
26. **Модзалевскій**. Малороссійскій родословникъ. Томъ I. Кіевъ. 1908 г.
27. **Николай Михайловичъ**, Великій Князь. Московскій Некрополь. Т. I (А—I) СПб. 1907; Т. II (К—П.) СПб. 1908 г. и Т. III (Р—Ө) СПб. 1909 г.
28. **Остафьевскій Архивъ** князей Вяземскихъ. Т. V часть 1 подъ редакціей Шефера. СПб. 1909 г.
29. **Поливановъ**. Матеріалы къ исторіи Симбирскаго дворянства (1781—1909 г.). Симбирскъ. 1909 г.
30. **Rittergutbesitz** in Estland in den Jahren 1765, 1812 und 1902. Ревель 1909 г.
31. **Савеловъ**. Лекціи по Русской генеалогіи, читанныя въ Московскомъ Археологическомъ Институтѣ. Москва 1908 и 1909 гг.
32. **Списки** дворянскихъ родовъ, внесенныхъ въ родословную книгу Пензенской губ. къ 1 Января 1908 г., губернскихъ предводителей дворянства, почетныхъ попечителей дворянскаго института и 1-й мужской гимназіи, уѣздныхъ предводителей и секретарей дворянства. Пенза. 1908 годъ.

33. **Списокъ алфавитный** Казанской провинціи дворянамъ въ 1771—1773 г. г. Казань. 1908 г.
34. **Сторожевъ.** Матеріалы для исторіи Русскаго дворянства. Выпускъ II. Москва. 1909 г.
35. **Тропницкій.** Гербовые девизы Русскаго, Польскаго, Финляндскаго и Прибалтійскаго дворянства. СПб. 1909 годъ.
36. **Uruski hr. Rodzina.** Herbarz szlachty polskiej przy wspótdzialesi Kosinskiego. Варшава. Т. IV—1906 г.; т. V—1907 г.; т. VI—1908 г. и т. VII—1909 г.
37. **Чернопятовъ.** Русскій Некрополь за границей. Москва. 1908 г.
38. **Чернопятовъ.** Родословець дворянства Тульской губ. 6 частей. Москва 1908 г.
39. **Чернопятовъ.** Исторія дворянскаго сословія Тульской губ. Москва. 1908 г.
40. **Черняева.** Лѣтопись семьи Черняевыхъ. („Русскій Архивъ“ 1909 г. № 2).
41. **Шереметевскій.** Фамильные прозвища великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтьяхъ. („Русскій Архивъ“ 1908 г. № № 6, 9 и 10).
42. **Шереметевъ,** гр. С. Д. Предокъ Никиты Моисеевича Зотова. Историческая развѣдка („Русскій Архивъ“. 1909 г. № 7).
43. **Юдинъ.** Матеріалы для исторіи гер. Чухломы и рода Костромичей Юдиныхъ (1613—1895 г.). 2 тома. СПб. 1906 г.
44. **Юдинъ.** Дополненія къ II-му т. Матеріаловъ. СПб. 1907 г.
45. **Яновлевъ.** Намістники, державци і старости господаревского замку Черкаського въ кінці XV и въ XVI вв. Кіевъ. 1907 г.

С. Любимовъ.

сторіи. Послѣ Смоленскихъ пожаровъ съ 5 Августа по 8 Ноября и вслѣдствіе варварства непріятеля и преступной небрежности Смоленскихъ чиновниковъ, магистратскій и губернской архивы почти погибли. Консистерскій спасенъ о. Мурзакевичемъ. Въ гибели историческихъ драгоценностей повиненъ былъ и Барклай-де-Толли: обнадеживая Смолянъ, онъ запрещалъ перевозить ихъ перевозкою казеннаго имущества. И оно погибло! „Потомства не страшись: его ты не увидишь“, сказали Д. И. Хвостовъ.

*

И. Ф. ПАВЛОВСКІЙ. Полтава. Историческій очеркъ ея, какъ губернскаго города, въ эпоху управленія генераль-губернаторами (1802—1856). По архивнымъ даннымъ, съ 80 рис. и планомъ города. 8-ва. XXVIII + 416. Полтава. 1910.

Благословенная Полтавщина имѣетъ своего неподражаемаго поэта: это—Гоголь, и неутомимаго, талантливаго историка-статистика-бытописателя: это—И. Ф. Павловскій, заслуженный преподаватель мѣстнаго Петровскаго кадетскаго корпуса. Чехъ, онъ столько пролилъ свѣта на прошлое этого прекраснаго края, такъ долго и добросовѣстно работалъ въ губернскихъ архивахъ и такъ много послужилъ перомъ для Русскаго народа, какъ не трудились и не послужили коренные Малороссы. По ознакомленіи съ историко-литературными трудами г. Павловскаго о Полтавщинѣ, новымъ историкамъ уже трудно выудить что-либо изъ Полтавскихъ бумагохранилищъ, все равно какъ невозможно не сослаться на маститаго Полтавскаго историка, разъ касаешься лѣво-бережной Украйны. Новая книга, заглавіе которой приведено выше, есть первая попытка из-

образить прошлое Полтавы по архивнымъ даннымъ и сводъ всего, что печаталъ г. Павловскій въ разные годы въ разныхъ изданіяхъ, въ переработанномъ видѣ, со многими дополненіями. Охвачена любопытная генераль-губернаторская эпоха, коей предпосылается очеркъ о до-губернской Полтавѣ. Первый генераль-губернаторъ кн. А. Б. Куракинъ (1802—1808), трудолюбивый, справедливый, заботливый о слабыхъ, смѣняется княземъ Я. И. Лобановымъ-Ростовскимъ (1808—1816) и кн. Н. Г. Репнинымъ (до 1836). Ихъ душевныя качества значительны. Время генераль-губернаторства трехъ князей—время благоустройства, украшенія города, насажденія просвѣщенія. Въ особенности многополезенъ кн. Куракинъ. Послѣдующіе—А. Д. Гурьевъ, гр. В. В. Левашовъ, гр. А. Г. Строгановъ, кн. Н. А. Долгоруковъ и наконецъ С. А. Кокоскинъ, при которомъ генераль-губернаторство было уничтожено. Всѣ они оставили по себѣ менѣе памяти, чѣмъ трое первыхъ. Рядомъ съ дѣятельностью гражданскихъ властей изображена дѣятельность духовныхъ лицъ. Живо, ярко, увлекательно проходятъ въ изложеніи почтеннаго автора событія, эпизоды. Быть воскресаетъ, какъ въ образцовомъ беллетристическомъ произведеніи. Отсутствуютъ малѣйшая сухость и тяжесть архивныхъ извлеченій. Вся старая Полтава какъ будто передъ глазами, отъ генераль-губернаторскаго дома, черезъ обывательскіе дома, до монастырскихъ жителей. И тутъ же тѣни Полтавцевъ: Н. И. Гнѣдича, Богдановича, Котляревскаго, Паскевича. 80 рисунковъ для этой цѣнной (хотя и весьма доступной по цѣнѣ) книги тоже, что цвѣты для сада: лаская зрѣніе, они увлекаютъ въ самый садъ, изъ котораго-бы не вышель.

Павель Россіевъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—двѣнадцать р. Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ): Въ Петербургѣ Невскій, 40, Въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главныя статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.— Н. О. Ѳедоровъ, статьи В. А. Кожевникова.— Принцесса Виртембергская Зельмира.— Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.— Воспоминанія кн. В. И. Бярятинскаго.— Изъ Ольденбургскаго тайныя извѣстія о Россіи 1727 и 1728 гг.— Черты изъ домашней жизни имп. Анны.— Архим. Макарій и Тобольскіе декабристы.— Воспоминанія Ѳ. А. Гилярова.— Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.— Двѣ Калмычки.— Переписка графовъ Несельроде.— Письма А. Ѳ. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.— Письма П. В. Кирѣевскаго.— Хозяйственныя записки И. В. Пущечникова.— У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.— Н. П. Боголѣповъ. Его записки.— Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.— Записки архіеп. Никанора.— Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.— Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.— Записки А. П. Хвостовой.— К. Д. Хлѣбникова.— Японія, записка іеромонаха Николая.— Дѣло царевича Алексѣя Петровича.— Воцареніе Петра Третьяго.— Воспоминанія А. П. Салтыковой.— Первые недѣли царствованія Александра III.— Пять лѣтъ въ Россіи при Екатеринѣ Великой, Записки графа Сегюра (Полное изданіе).

Цѣна полному году 6 р., въ отдѣльныхъ выпускахъ по 75 к.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона Цѣна 1 р.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

6.

Стр.

161. Изъ писемъ Императора Николая Павловича къ князю И. Ф. Паскевичу.
187. Дополненіе къ Запискамъ А. Д. Бестужева-Рюмина. Письма А. Д. Бестужева-Рюмина къ Д. Ф. Шумилину, къ великому князю Константину Павловичу и къ императору Александру Павловичу.
197. Двѣнадцатый годъ. Показанія участниковъ и очевидцевъ: 1) Показанія неизвѣстнаго Московскаго обывателя. 2) Показанія сержанта Наполеоновой гвардіи Бургоныя.
252. Анна Петровна Зонтагъ. Изъ писемъ ей къ Е. С. Поливановой.
266. Письмо Е. И. Елагиной къ Е. С. Поливановой о кончинѣ А. П. Зонтагъ.
269. Бумаги Донетровской старины. Поручная записъ. Письмо Емельяна Украинцева къ властямъ Саввина Сторожевскаго монастыря.
271. Изъ исторіи губернскаго города Ставрополя. С. В. Фарфоровскаго.
273. Изъ Записокъ генерала-адъютанта, адмирала Д. С. Арсеньева о путешествіи великихъ князей Сергія и Павла Александровичей въ 1878 году.
298. Новыя находки Пушкинскихъ стиховъ.
304. Довѣски къ народнымъ пѣснямъ.
306. Письмо Н. С. Ансанова къ князю В. А. Черкасскому (о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ). 1859.
311. Къ біографіи Цесаревича Николая Александровича: два письма Б. Н. Чичерина къ К. П. Побѣдоносцеву.
313. Маеусалль. А. Н. Шмидтъ (Сообщено княгиней Е. Ф. Стрѣшневой-Шаховскою).
315. А. В. Сухово-Кобылинъ. Статьи П. Б. и П. Е. Россіева.
320. Дополненія, поправки, опечатки.
Внутри обложки: Объ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова.—О послѣднемъ томѣ сочиненія Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1910.

Академическая библиотечка Русских писателей. Полное Собрание сочинений М. Ю. Лермонтова. Томъ первый, издание разряда изящной словесности Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1910 г. 8°. XVI (предисловіе Д. Абрамовича), 414 и двѣ нумерованныя страницы.

Желаемъ этому изданію такого же успѣха, какой имѣло изданіе сочиненій Кольцова, исполнить которое было легче, потому что Кольцовъ написалъ немного и подлинныхъ его рукописей почти не осталось, тогда какъ Лермонтовъ рассчитанъ на три тома, и въ нихъ войдетъ большинство стиховъ, которые онъ самъ не обнарудовалъ и которые суть лишь черновые наброски гениальнаго писателя.

Чего либо новаго, выдающагося пока не имѣемъ.

По словамъ редактора впервые изданы четыре стихотворенія. Но за нѣсколько дней до выхода академической книги два стихотворенія и двѣ поэмы появились въ Московской газетѣ „Русское Слово“. Трудно понять, для чего это сдѣлано? Реклама Лермонтову?.. Особая любезность къ газетѣ?... Но не странно-ли это? Коль скоро-же произведенія напечатаны въ газетѣ, то какъ-же редакторъ академическаго изданія говорить, что стихотворенія и поэмы издаются *впервые*?

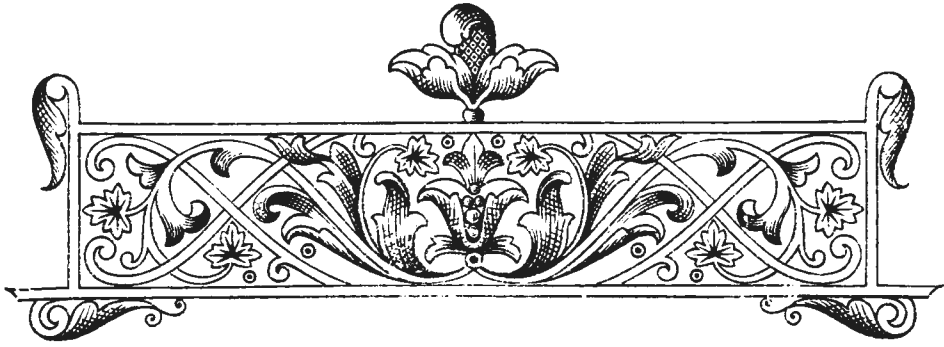
Насъ, болѣе нежели эти начальныя опыты, занимаютъ свѣдѣнія биографическія. Въ этомъ изданіи помѣщено два портрета Лермонтова, и они совсѣмъ не похожи на тѣ, которые до сихъ поръ издавались. Помѣщенъ также портретъ его отца, о которомъ сохранилось мало свѣдѣній. Сосѣдь его по Задонской (Воронежской губ.) деревнѣ, добропочтенный Иванъ Алексѣевичъ Викулинъ отзывался объ немъ, какъ о простомъ добромъ человѣкѣ;

но, какъ извѣстно, поэтъ видалъ его рѣдко, такъ какъ бабушка платила зятю-вдовцу деньги за то, чтобы онъ не бралъ отъ нея своего сына, о чемъ свидѣлствуетъ Сперанскій въ письмѣ къ А. А. Столыпину 5 Іюня 1817 г.: „Елисавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода. Лермонтовъ требуетъ къ себѣ сына, едва согласился еще оставить на два года. Станный и, говорятъ, худой человѣкъ“.

Къ сожалѣнію, къ нынѣшнему изданію не приложено портрета этой вдовы-бабушки поэта, который былъ для нея единственнымъ въ жизни сокровищемъ. Для воспитанія и обученія его она поселилась въ Москвѣ, гдѣ учился онъ у опытнаго педагога, А. З. Зиновьева, и въ Московскомъ Университетѣ; а когда внукъ опредѣлился на службу, переселилась въ Петербургъ, и конечно ей приходилось страдать въ опасеніи послѣдствій отъ его шалостей. Подобно императору Александру Павловичу, Лермонтовъ росъ и жилъ подъ дѣйствіемъ неладовъ между его отцомъ и его бабушкой, о чемъ имѣется намекъ въ одномъ изъ его произведеній. П. В.

ЖИЗНЬ и ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА. Николая Барсукова. Книга 22-я Съ приложеніемъ подробнаго указателя ко всѣмъ 23-мъ книгамъ. С.Пб., 1910 г. 8-ка XII и 385 стр.

На этой посмертной книгѣ явственна неточность общаго заглавія: многолѣтній, достопочтенный и своеобразный трудъ Николая Платоновича Барсукова надлежало озаглавить **М. П. Погодинъ и его время.** Въ послѣднихъ книгахъ цѣлый рядъ главъ не имѣетъ къ Погодину прямого отношенія, а въ вышедшей теперь даже и самое имя Погодина не упомянуто. И тѣмъ не менѣе невозможно не побла-

Изъ писемъ императора Николая Павловича къ М. Ф. Паскевичу *).

1850—1855.

Николаю Павловичу не было пяти мѣсяцевъ отъ роду, когда скончалась его державная бабушка, которая считала своихъ внучатъ дѣтьми Россіи и потому не допускала, чтобы двое старшихъ изъ нихъ воспитывались подъ вліяніемъ ихъ родителей: она хорошо понимала, что тогда они выросли бы Виртембергцами или Прусаками. Императоръ Павелъ, воцарившись, проявилъ свою отеческую власть. Онъ питалъ особенную нѣжность къ третьему своему сыну, что проявлялъ нерѣдко: такъ, младенцу Николаю положили за пазуху прошеніе княгини Дапиковой о пощадѣ; взявъ сына къ себѣ на колѣни и прочитавъ эту бумагу, онъ тотчасъ же дозволилъ княгинѣ возвратиться изъ глухой Пошехонской деревни въ благоустроенное ея имѣніе подъ Серпуховымъ. Покойный графъ В. Ф. Адлербергъ помнилъ, какъ нѣжно благословлялъ Павелъ Петровичъ сына, когда передъ отходомъ ко сну приносили его къ нему, что было и 11-го Марта 1801 года.

Николай Павловичъ всю жизнь вспоминалъ про своего отца, называя его: *Mon malheureux père* (мой несчастный отецъ). Ему были мало извѣстны ужасы Павловскаго царствованія, объясняемая болѣзненностью; но онъ хорошо зналъ про его великодушіе, про широту замысловъ, про отвращеніе къ крѣпостному праву (вызвавшее законъ о трехдневной на господѣ работѣ), о самобытности его ума, о своеобразіи въ отношеніяхъ къ людямъ. Письменные приказы Павла Петровича, его мѣткіе отзывы о событіяхъ и лицахъ были, конечно, ему извѣстны, и онъ любилъ находить въ себѣ сходство со злополучнымъ своимъ родителемъ. Такъ, въ Москвѣ въ 1849 году, передъ открытіемъ Венгерскаго похода, онъ говорилъ князю С. М. Голицыну, что, какъ Павелъ Петровичъ Суворовскими походами спасъ Австрію отъ Французовъ, такъ теперь онъ желаетъ спасти ее отъ мятежныхъ Венгровъ.

При тогдашнемъ полномъ отсутствіи гласности, Венгерскій походъ былъ для Россіи неожиданностью, а въ молодомъ поколѣніи самыя успѣхи нашихъ войскъ не пробуждали сочувствія: въ церквахъ читались тѣже молитвы какъ

*) См. выше стр. 5.

въ 1812 году, и мы должны были просить Бога о защитѣ противъ нападающихъ на насъ враговъ! Святѣйшій Синодъ не позаботился переимѣнить эктению (любопытно, какая читалась она во время войны Турецкой 1828—1829 г. г. и во время Польскаго мятежа). Сходство съ отцомъ росло.

Торжествуя надъ Венграми, Николай Павловичъ въ тоже время подавлялъ всякое умственное движеніе въ Россіи. Греческій языкъ, знаніе котораго якобы содѣйствуетъ вольномыслію, изгнанъ изъ гимназій; число студентовъ въ университетахъ должно было не превышать 300 человекъ, кафедры философіи закрыты (тогда лишился своей Катковъ). Дмитрій Ерошеевичъ Сакенъ, отличившійся въ эту войну, мимоходомъ сказалъ пріѣхавшему въ Варшаву князю Воронцову: „А меня все таки не дѣлають генераломъ-адъютантомъ“. Воронцовъ пересказалъ эти слова Паскевичу, тотъ доложилъ Государю, который выразился: „очень радъ, но я до сихъ поръ думалъ, что Сакенъ охотнѣе служить государству, а генераль-адъютантство есть служба и лично мнѣ“. Когда Сакенъ вышелъ изъ Государева кабинета, куда ходилъ благодарить за пожалованіе, то бывшіе въ пріемной комнатѣ замѣтили на глазахъ у него слезы. Воронцовъ потомъ спрашивалъ Сакена, отчего это.—„Да изъ разговора съ Государемъ я убѣдился, что больше уже нельзя ждать отъ него добра для Россіи; онъ вообразилъ себя властелиномъ всей Европы“. Тогда-то Хомяковъ написалъ свои стихи „Навуходоносоръ“.

Самыя отношенія Государя къ отцу-командиру измѣнились. Біографъ Паскевича уже не приводитъ полностью писемъ Николая Павловича, а только выдержки изъ нихъ или отдѣльныя выраженія, какъ напр. про Англію, грозившую разорить Аѳины изъ за уплаты денегъ Еврею Пасифико. П. Б.

*

„Англійское (свинство) въ Греціи есть второй томъ ихъ поступка съ Датчанами; но тѣ могли защищаться, а Греки нѣтъ. Франція уже вступилась посредничествомъ, а я протестовалъ. Даже Англійскіе журналы бранятъ Пальмерстона. Но... совершенное послужить намъ урокомъ, что отъ этого разбойничьяго правленія всего ожидать можно, когда вздумается ему подъ предлогомъ своихъ интересовъ что-либо занять. Для этого и надо быть всегда готову ихъ принять, и для того укрѣпляю Кронштадтъ и держу флотъ на готовѣ. Теперь злости Пальмерстона на насъ не будетъ мѣры, и мы должны ожидать, что онъ ко всему придираться будетъ, чтобы вредить намъ, ежели не гласно, такъ тайно“.

Смерть Роберта Пиля, случившаяся въ то время, усилила власть и политическое значеніе Пальмерстона. По этому поводу Государь писалъ князю Паскевичу: „Боленъ и самъ Веллингтонъ; ежели онъ тоже умретъ, Англія лишится послѣдней опоры своей правому дѣлу, и не вѣсть, что будетъ“.

Но иногда, какъ и въ Павлѣ, гордыню смѣняло христіанское чувство, и онъ смиряетъ себя передъ княземъ Паскевичемъ.

Въ отвѣтъ на поздравленіе съ 25-ти лѣтіемъ царствованія, Государь писалъ кн. Паскевичу: „Счастливъ бы я былъ, если бы смѣлъ надѣяться, что труды мои были не тщетны для блага Россіи; но для славы ея не я, а ты былъ дѣятелемъ“. Министры, каждый по своему вѣдомству, поднесли ему отчеты (одинъ даже озаглавилъ: „за первое двадцатипятилѣтіе“), а въ Берлинѣ вышла картинка художника Крюгера, на которой архіереи кадятъ ему, а надъ его головою круги еще въ нѣсколько двадцатипятилѣтій¹⁾; но Государь чувствовалъ себя утомленнымъ и однажды выразился: „Солдату положенъ срокъ службы, и я хочу подать въ отставку“. Это было въ Москвѣ. Служившій тогда въ первомъ батальонѣ Преображенскаго полка Н. Н. Вельяминовъ сказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ, рано утромъ, къ вышедшему на прогулку Николаю Павловичу подошли изъ за Успенскаго собора три бородатыхъ старика съ блюдами, на которыхъ наложены были деньги, и просили Государя принять на прожитокъ. Государь умилился, поблагодарилъ и приказалъ поднесшимъ истражить на какое либо благотворительное дѣло. Еще прежде, въ Нижнемъ Новгородѣ, восхищаясь красотою мѣстности, Николай Павловичъ сказалъ: „Вотъ здѣсь построю себѣ домъ и въ немъ стану жить по выходѣ изъ службы“.

Въ Декабрѣ 1851 года, когда Людовикъ Наполеонъ утвердился во Франціи, Государь писалъ князю Паскевичу:

„Кажется, есть надежда, что по крайней мѣрѣ со стороны Франціи опасность не будетъ угрожать, благодаря умнымъ и рѣшительнымъ мѣрамъ Louis-Napoléon. Дай Богъ только, чтобъ его здравый разумъ удержался въ мѣрахъ благоразумія и умѣренности и не завлекъ въ императорскія затѣи и въ желаніе основать свою династію. Ежели это будетъ, то опять возникнутъ крайнія затрудненія. Одинъ титулъ императора, доколь Франція останется республикой, а императоръ ея выборный, какъ бывали короли Польскіе, то это еще сбыточно; но династіи незаконной мы основывать не можемъ допускать отнюдь“. Позднѣе, получивъ извѣстіе, что имперія не замышляется: „Желаю, чтобы было такъ, но увѣреннымъ не могу быть, потому что актъ противъ Орлеанской фамиліи (декретъ 10—22 Января 1852 о конфискованіи Орлеанскаго дома) рушилъ личное мое довѣріе къ Луи-Наполеону“.

Сношенія начались въ Берлинѣ, куда Людовикъ-Наполеонъ имѣлъ дерзость прислать къ Николаю Павловичу съ привѣтствіемъ убійцу Пушкина Гекерна. Русскому Государю пришлось принять бывшего кавалергарда нашей службы. Онъ даже спрашивалъ, вскрытъ ли имъ пакетъ, который ему былъ врученъ при выѣздѣ изъ Россіи, и тотъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ (т. е. черезъ 15 лѣтъ) не имѣлъ духу вскрыть его²⁾.

¹⁾ Продажу этой картины Государь воспретилъ, и она теперь большая рѣдкость. Мнѣ ее подарилъ Ю. ѳ. Самаринъ. П. Б.

²⁾ Чтò было въ этомъ пакетѣ, до сихъ поръ не узнано. П. Б.

„Кажется, лордъ Дерби честный и благонамѣренный человекъ, но устоитъ ли? Все боятся затѣй Луи-Наполеона. Страхъ этотъ намъ полезенъ; но не думаю, чтобы Наполеонъ точно замышлялъ атаковать кого-либо, ибо нѣтъ ему въ томъ пользы, развѣ раздражить его, чего бы избѣгать требовалъ здравый разсудокъ и что не перестая твердить. Про затѣи Луи-Наполеона—прежніе толки; но не думаю, чтобы теперь же замышлялъ быть императоромъ, а еще менѣе, чтобы отважился на войну: она ему невозможна... Пришлось мнѣ ободрять однихъ и унимать другихъ; будущее въ рукахъ Божіихъ“.

На похороны герцога Веллингтона (1852 г.) посланъ былъ подручникъ князя Паскевича, князь М. Д. Горчаковъ. Государь писалъ:

„Быть можетъ, и про военныя мѣры для общей обороны противъ императорскихъ завоевательныхъ похотей Louis-Napoléon тамъ рѣчь будетъ; для того и хорошо, чтобы Горчаковъ все слышалъ, видѣлъ и судилъ своимъ взглядомъ на то, чего ожидать. Я не полагаю, однако, чтобы опасность вблизи была, какъ многіе думаютъ... потому что не вижу Louis-Napoléon пользы теперь зачинать войну, безъ причины, чѣмъ бы всѣхъ возстановилъ противъ себя для общей обороны. Что впредь будетъ—другое дѣло. Мы готовы, будемъ спокойно смотрѣть на предстоящее“.

Позднѣе: „Ожидаемъ императорства во Франціи и посмотримъ, подъ какимъ предзнаменованіемъ. Покуда дурного ничего не жду, но будемъ готовы. Богъ видимо ведетъ симъ дѣломъ, открывъ глаза, на какую пропасть взаимные раздоры всѣхъ поставили и что имъ угрожало. Мы же спокойно смотримъ, говоримъ гласно всѣмъ, что думаемъ, къ чему готовы или чего не потерпимъ. Точно сонъ. Покуда, кажется, по словамъ его и по первымъ сообщеніямъ, намѣренія нѣтъ заноситься или подражать дѣйствіямъ дяди; но на долго ли устоитъ онъ, вотъ въ чемъ вопросъ. И потому оставаться намъ спокойными, положительными и готовыми на все. Такъ я и намѣренъ. Признать его императоромъ Французовъ нѣтъ препятствія, но безъ №*); а подпишусь прямо Николаемъ, не называя братомъ. Съ Австріей и Пруссіей мы совершенно за одно въ этомъ дѣлѣ; съ Англіей только отчасти, но и этого уже довольно“.

. . . „Донесенія его (князя Горчакова) очень любопытны, но отнюдь не утѣшительны насчетъ твердости правительства. Ежели сами военные описываютъ гласно свою слабость, то мудрено ли, что это убѣжденіе проникло въ министерство и заставляетъ тщательно избѣгать всего,

*) Т. е. не считать сына Наполеона I-го Наполеономъ II-мъ. П. Б.

что хотя малѣйше возбудить можетъ опасенія со стороны Франціи. Потому наше положеніе должно быть разсчитано сильнымъ безъ Англіи: хочеть ли, можетъ ли быть съ нами, тѣмъ лучше; но ежели нѣтъ, то и безъ нея умѣть должно намъ обойтись, и обойдемся“.

„Къ сожалѣнію, Пруссія, а за нею и Австрія не сдержали своего обѣщанія дѣйствовать заодно съ Россією по отношенію къ Франціи. Онѣ признали Louis-Napoléon братомъ, чѣмъ вновь доказали, какъ мало можно полагаться на нихъ, а ровно и надѣяться на ихъ увѣренія. Просто тошно!“

„Турки съ ума сходятъ и вынуждаютъ меня къ посылкѣ чрезвычайнаго посольства, для требованія удовлетворенія; но вмѣстѣ съ тѣмъ вынуждаютъ и къ нѣкоторымъ предварительнымъ мѣрамъ осторожности. Потому я теперь уже собираю резервные и запасные батальоны и батареи 5-го корпуса. Ежели дѣло приметъ серьезный оборотъ, тогда не только приведу 5-й корпусъ въ военное положеніе, но и 4-й, которому, вмѣстѣ съ 15 дивизіей, придется идти въ княжества, для скорѣйшаго занятія, покуда 13-я и 14-я дивизіи сядутъ на флотъ для прямого дѣйствія на Босфоръ и Царьградъ. Тогда 3-й корпусъ двинемъ на мѣсто 4-го, а передвиженіе 1-го и 2-го остановимъ. Но дай Богъ, чтобъ обошлось безъ этого, рѣшусь на то только въ крайности. Зачать войну не долго, но кончить, и какъ кончить... Одинъ Богъ знаетъ какъ“.

Послѣ разрыва съ Турціей, въ Маѣ 1853 года, Государь пишетъ:

„Итакъ, вотъ плоды образа дѣйствій, на который я такъ неохотно согласился, бывъ впередъ увѣренъ, что ни къ чему не приведетъ, а только прибавитъ важности неуспѣху, по торжественности, данной посылкѣ Меншикова. Ежели-бъ, какъ я хотѣлъ, поступили мы, какъ Австріицы, страшая, то вѣроятно имѣли бы тотъ же успѣхъ, какъ они. Послѣдствіемъ—война. Однако, прежде чѣмъ приступить къ дѣйствіямъ, занявъ княжества, дабы явнѣе доказать, сколько я до крайности желаю избѣгать войны, рѣшаюсь послать требованіе послѣднее Туркамъ удовлетворить меня въ 8-ми дневный срокъ; ежели нѣтъ, то объявляю войну“.

„Сходно условленному съ тобой образу дѣйствій, хочу прежде ограничиться занятіемъ княжествъ и безъ боя; ежели Турки къ намъ не выйдутъ на лѣвый берегъ Дуная, такъ буду ждать, что занятіе это произведетъ. Ежели они поддадутся, требовать буду, сверхъ того, уплаты издержекъ по вооруженію и до того не покину княжествъ. Но буде Турки будутъ упорствовать, велю блокировать Босфоръ и брать Турецкія суда въ Черномъ морѣ; предлагаю и Австріи, съ своей сто-

роны, занять Герцеговину и Сербію. Ежели и это не подѣйствуетъ, полагаю объявить независимость княжествъ, Сербіи и Герцеговины. Тогда врядъ ли Турецкая имперія устоитъ: вѣроятно, будутъ вездѣ бунты христіанъ, и настанетъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи. Переходить Дунай не намѣренъ, развѣ имперія рушится, да и тогда скорѣе пошлю флотъ, для чего и держу его въ готовѣ, а 13-я и 14-я дивизіи остаются въ сборѣ въ Севастополѣ и Одессѣ“.

„Покуда хочу полагать, что Канингъ*) дѣйствовалъ по-своему, не согласно данной ему инструкціи отъ правительства, что скоро и объяснится. Если же и правительство одобритъ его дѣйствія, то это было-бъ величайшее вѣроломство. Но и это меня не остановитъ: буду идти своимъ путемъ, по долгу моего убѣжденія, какъ надо достоинству Россіи“.

21 Юня 1853 г. войска наши вступили въ Придунайскія княжества.

„Планъ, нами принятый, буду твердо соблюдать, не глядя на злобу Англіи и Франціи; иду своимъ умомъ, съ твердымъ упованіемъ на милость Божію, а на другихъ не смотрю и не слушаю... Слухи весьма различны: нѣкоторые утверждаютъ, что Турки не хотятъ войны, за то другіе вѣсти указываютъ, что фанатизмъ возбужденъ. На-дняхъ все должно рѣшиться; что угодно будетъ Богу, то съ покорностію приму“.

13 Юня собралась въ Вѣнѣ конференція четырехъ державъ, и ея заявленіе было принято Николаемъ Павловичемъ, къ общему удивленію, дружелюбно.

„Слава Богу, кажется, Турецкая задорливость пошла на мировую, и Англійское правительство, намѣревавшееся столь безсовѣстно съ нами поступить, прислало проэктъ конвенціи, гораздо выгоднѣе того, что мы сами хотѣли! Какъ тебѣ нравится?“

„Любопытно, что Англія и Франція должны были пристать къ Австріи, чтобы требовать согласія Турціи именно на то, что всячески старались сдѣлать предметомъ распри... Вопросъ лишь въ томъ, согласятся ли теперь Турки и готовъ ли будетъ Стратфордъ Канингъ самъ себѣ противорѣчить.. Сомнѣваюсь! Но тогда какая же будетъ дальнѣйшая роль Франціи и Англіи? Въ Царьградѣ сначала хорохорились; но партія, желающая мира, повидимому, взяла верхъ“.

„Анрепъ (графъ, начальникъ авангарда южной арміи) необыкновенно скоро и удачно занялъ Бухарестъ, идя по 50 и 60 верстъ, и потерялъ изъ 5,800 человекъ только одного умершаго и не болѣе 60 больныхъ!“

*) Англійскій посолъ въ Царьградѣ.

„Достигнувъ Дуная, мы будемъ ждаты, что предпримуть Турки; имъ оставаться въ этомъ положеніи мудрено, ибо оно имъ разорительно; ничтожность правительства дѣлается все яснѣе, даже для самихъ Турокъ, и надо опасаться революціи. Словомъ, ежели войны и не будетъ, предвижу я скорое паденіе Турціи“.

22 Октября. „Война рѣшена. Какъ и когда она кончится, знаетъ одинъ Богъ милосердный. Будемъ ли имѣть дѣло съ однимъ Турками или встрѣтимся съ Англичанами и Французами? Какъ бы ни было, пойдёмъ своимъ путемъ, готовые на все, и не отступимъ“.

„Ежели до весны Турки не образумятся, тогда время будетъ перейти Дунай и приступить къ объявленію независимости княжествъ, Сербіи и Болгаріи. Для сего нужно будетъ двинуть и 3-й корпусъ, а взамѣнъ его подведу и подчиню тебѣ 6-й корпусъ, резервы котораго уже собираю. Быть можетъ, надо будетъ и всѣ войска привести тогда въ военное положеніе, чтобы быть готову на все. Все это больно и тяжело до крайности. Но дѣлать нечего, не уронимъ же чести нашей“.

28 Окт. „До сегодня извѣстія о наступленіи Турокъ и о мнимомъ перемиріи не подтвердились; да и сего быть не могло, ибо ни о какихъ переговорахъ и рѣчи быть не можетъ, покуда Турки на лѣвомъ берегу Дуная. Горчаковъ желаетъ ихъ выманить подалѣе и тогда атаковать. У Воронцова все хорошо, хотя Турки очень сильны и стоятъ на самой границѣ. Онъ надѣется и отстояться и даже перейти въ наступленіе. Прочее—что Богъ дастъ“.

„Въ случаѣ хотя бы временной потери Бухареста, дерзость Англіи и Франціи станетъ еще нестерпимѣе, а Турція будетъ до-нельзя ободрена успѣхомъ. Поэтому Горчакову слѣдовало бы вести дѣло какъ можно осторожнѣе: быть всегда готовымъ, не дробить войскъ и не мучить ихъ напрасными тревогами. Хотя это и не легко, но все должно было пойти иначе съ прибытіемъ 3-го корпуса“.

7 Ноября. „Австріи трудно: много заботъ по Италіи и Венгріи; этимъ извинить только можно ея нейтралитетъ; Пруссія все дрожитъ Франціи и Англіи. Вотъ наши союзники, и то хорошо, что по крайней мѣрѣ не пристають къ врагамъ“.

„Зима должна быть претерпѣна, доколь готовы не будемъ къ дальнѣйшему. Но это не мѣшаетъ другому: готовясь къ дѣйствию въ Малой Валахіи и на Виддинѣ, отвлечь вниманіе непріятели на устьѣ Дуная сборами къ переправѣ. Съ сей цѣлью я уже велѣлъ спросить Лидерса, имѣетъ ли подробныя свѣдѣнія о состояніи укрѣпленій Исакчи, Тульчи, Мачина,

Гирсова. Ежели крѣпости не возстановлены, то переходъ эскадры нашей и подъ огнемъ Исакчи показаль, что переправа у Сатунова—дѣло не невозможное и съ котораго, согласно съ тобой, полагааль бы начать въ Февралѣ. Быть можетъ, подобная же демонстрація полезна была бы и у Гирсова. Тогда у Сатунова переправа могла быть предпринята 15-ю и 7-ю дивизіями съ бригадою 14-ю, а у Гирсова—8-ю или 9-ю дивизіей, что вѣроятно, не затруднитъ Горчакова, ибо онъ все еще имѣть будетъ четыре дивизіи для охраненія Бухареста и даже Малой Валахіи“.

„Приступать къ осадѣ Силистріи, полагаю, было бы опасно, не разбивъ прежде главную армію Турокъ; подвигать пловучій магазинъ, не взявъ Силистріи, совершенно невозможно; да и кромѣ Силистріи, всѣ другія крѣпости на Дунаѣ сему препятствуютъ. Полагать, чтобы въ одно лѣто, не говоря о прочихъ затрудненіяхъ, можно было-бъ осадить болѣе одной, много двухъ крѣпостей, рѣшительно несбыточно. Потому для движенія Лидерса пловучій магазинъ будетъ очень полезенъ, для главныхъ же силъ—совершенно невозможенъ до овладѣнія всѣми крѣпостями. Итакъ на это отнюдь полагаться не можно. Теперь жду только донесеній Лидерса, чтобы, сходно начертанному плану, разрѣшить Горчакову приготовить вышеупомянутое“.

„Даже въ случаѣ невозможности переправы, чего никакъ не полагаю, одинъ видъ къ оной и приготовленія значительно озаботятъ Турокъ насчетъ прямого нашего намѣренія. Важно намъ знать покуда, въ какой степени можно рассчитывать на содѣйствіе Задунайскихъ христіанъ; признаюсь не велика моя надежда на нихъ, развѣ на Сербовъ, и до этого удостовѣренія не очень расположенъ идти далеко за Дунай. Надо терпѣніемъ какъ бы замучить, изныть Турокъ. Какъ-то проведутъ зиму въ сборѣ, какъ прокормятся! Не знаю только, удобна ли будетъ переправа у Гирсова. Рекогносцировка къ Мачину доказала всю трудность флотиліи нашей подниматься по Дунаю, а безъ нея переправа врядъ ли возможна. Посмотримъ, что отвѣчать будетъ Горчаковъ“.

„Воронцовъ очень слабъ и проситъ увольненія. Возложь надежду на Божію помощь, я ни въ чемъ не измѣню своей рѣшимости настоять въ прежнемъ, хотя этимъ положеніе наше за Кавказомъ, а въ особенности по береговой линіи, весьма затруднится“.

„Злость Англичанъ выше всякой мѣры, равно какъ ихъ дерзость и безстыдство. Здѣсь (въ Петербургѣ) на нихъ ужасно озлоблены, но мѣряться съ ними на морѣ было бы неблагоразумно, по превосходству силъ ихъ, хотя моряки наши только того и желаютъ“.

„Съ большимъ вниманіемъ прочелъ я твое письмо къ Горчакову и радъ былъ удостовѣриться въ томъ, что мы почти одинаково думаемъ о предстоящей кампаніи. Въ одномъ только я не рѣшаюсь. Конечно, Силистрія важный пунктъ; въ особенности былъ бы онъ необходимъ въ рукахъ нашихъ, ежели бы, по примѣру 1828 и 1829 годовъ, направленіе наше было на Шумлу, Варну или на Балканы; но кажется мнѣ, что рѣшась, какъ ты самъ предлагалъ, стараться болѣе дѣйствовать черезъ христіанъ, нашихъ единовѣрцевъ, а намъ быть въ резервѣ, не правильнѣе ли овладѣть Рущукомъ и тамъ или близко къ оному имѣть прямую переправу въ самый центръ Валахіи, тѣмъ болѣе, что мы этимъ будемъ среди Болгаръ и близъ Сербовъ, ежели на нихъ считать хотимъ? Далѣе же Рущука идти впередъ можемъ мы, кажется, тогда только, ежели возстаніе христіанъ будетъ общее, что должно оказаться скоро послѣ взятія Рущука; овладѣніе Силистріей, полагаю, не произвело бы еще такого на нихъ дѣйствія, ибо далеко отъ нихъ“.

„Желалъ бы очень, чтобы Горчаковъ нашелъ возможнымъ сдѣлать переправу на нижнемъ Дунаѣ, какъ ты предлагаешь, но не увѣренъ. Оно было бы весьма для насъ выгодно“.

„Сейчасъ прибылъ Мирбахъ (флигель-адъютантъ), съ радостнымъ твоимъ донесеніемъ изъ Мачина. Слава Богу за Его щедрую милость; слава тебѣ за отлично обдуманная и столь славно исполненныя соображенія; слава сподвижникамъ твоимъ и неогцѣненнымъ храбрымъ войскамъ за отличный, безпримѣрный подвигъ. Надѣюсь, что сей первый шагъ будетъ началомъ столь же славныхъ въ теченіе похода 1854 г. Отголосокъ его раздастся вдаль друзьямъ нашимъ, но и разозлитъ еще болѣе враговъ нашихъ. Кажется, что они еще не такъ-то скоро готовы будутъ, и ранѣе мѣсяца не ожидаю ихъ появленія ни у Одессы, ни въ Крыму, ни въ Поти. Этотъ мѣсяцъ надо употребить въ пользу. Но какъ? Мысли сообщу князю Варшавскому, и ежели онъ не будетъ противенъ, то передастъ тебѣ къ исполненію*). Все еще зависитъ отъ расположенія Австріи. Ежели пойдетъ къ лучшему, то наше дѣло будетъ не въ примѣръ легче и проще. Покуда надо готовить продовольствіе и фуражъ, подвезти осадную артиллерію, погрузить ее на суда и стараться поднять нашу флотилію выше по Дунаю, въ особенности, ежели Турки бросятъ Гирсово“.

„Кажется мнѣ, что Силистрія должна быть предметомъ всѣхъ нашихъ усилій, лишь только успокоены будемъ насчетъ Австріи. Чѣмъ скорѣе приступимъ къ осадѣ, чрезъ что удастся предупредить походъ къ крѣпости союзниковъ, тѣмъ вѣрнѣе считать можемъ на успѣхъ.“

*) Государь различаетъ въ князѣ Паскевичѣ лицо частное съ начальникомъ царства Польскаго. П. Б.

Ежели сомнительное положеніе Австріи не дозволить намъ воспользоваться теперешнимъ впечатлѣніемъ на Турокъ смѣлою нашею переправой и потому лишитъ насъ выгодной минуты приступить къ Силистріи, тогда останется выжидать, что сами Турки и какъ осуществляются намѣренія, приписываемыя Англичанамъ и Французамъ. Но думаю, что съ этимъ и выгодное время года будетъ утеряно въ ущербъ здоровью войскъ; впрочемъ, осторожность можетъ насъ поневолѣ къ сему принудить. Итакъ, все зависѣть будетъ отъ того, что ожидать можно отъ Австріи, а это ты скорѣе нашего узнаешь. Послѣднія извѣстія изъ Вѣны подають нѣкоторую надежду на болѣе благоразумный образъ дѣйствій и на полный нейтралитетъ по примѣру Пруссіи; но увѣренности въ томъ еще не имѣю, а потому неизвѣстность эта крайне меня связываетъ въ разрѣшеніи дальнѣйшихъ дѣйствій. Это же положеніе Австріи лишаетъ меня всякой надежды на содѣйствіе Сербовъ; развѣ успѣхи Греческаго возстанія воспламенятъ и Славянъ до того, что они пренебрегутъ угрозами Австріи и поднимутся безъ насъ. Все это быть можетъ, но нельзя на это рассчитывать и еще менѣе на этомъ основывать наши дѣйствія“.

„Въ знакъ моей особой благодарности за твою вѣрную и отличную службу и того искренняго уваженія и дружбы, которыя къ тебѣ питаю, желаю, чтобы изображеніе того, которому ты оказываешь столько услугъ, было съ тобою неразлучно, какъ знакъ его признательности“.

„Переправа и овладѣніе Тульчей и Мачинымъ—шагъ важный, ежели сумѣемъ или удастся воспользоваться его впечатлѣніемъ. Все зависитъ, несомнѣнно, отъ расположенія Австрійцевъ; кажется, есть надежда, что они насъ не атакуютъ. Ежели будемъ въ томъ увѣрены, то не надо терять время, а немедленно готовиться приступить къ осадѣ Силистріи, главной цѣли всей кампаніи 1854 г. Она особенно важна уже и тѣмъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, оттянетъ часть силъ союзниковъ, вмѣсто атаки нашихъ береговъ, къ Варнѣ и вспоможенію Силистріи. Прошу, отецъ-командиръ, вникнуть въ эту мысль и дать твои приказанія Горчакову въ этомъ смыслѣ, ежели ты не противенъ сему. Упусти мы воспользоваться теперешнимъ успѣхомъ и его впечатлѣніемъ на Турокъ, подобнаго удобства не встрѣтимъ впередъ надолго, и сомнѣнія нѣтъ, что союзники симъ воспользуются, чтобы начать свои покушенія, къ которымъ покуда они, какъ кажется, еще не готовы“...

„Мысли Горчакова столь согласны съ тѣмъ, что я самъ тебѣ писалъ касательно моего желанія, чтобы мы извлекли возможную пользу отъ удачнаго перехода черезъ Дунай, что не могу не желать, чтобы

ты согласился на его предложенія, которыя, кажется, соединяють всѣ условія осторожности, съ извлеченіемъ возможной пользы изъ теперешнихъ нашихъ успѣховъ. Онъ дѣйствовалъ и видитъ дѣло, по моему, славно и достоинъ всякой похвалы... Какъ бы хорошо подступитъ покуда къ Силистріи!.. Быть можетъ, Омеръ-паша выйдетъ къ намъ изъ Шумлы или Руцука, и его разбить до прихода союзниковъ! Во всякомъ случаѣ, полагаю, что нашъ переходъ чрезъ Дунай измѣнитъ нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору. Не такъ ли?«

„Слава Богу, кажется, что близкой опасности отъ Австріи покуда не предвидится. Этимъ временемъ намъ надо, елико можно, воспользоваться, чтобы пріобрѣсти возможныя выгоды. Мнѣ бы хотѣлось приступить къ Силистріи, устройвъ или переведа одну изъ переправъ къ Каларашу, въ особенности, если-бъ Турки продолжали отступать, и Лидерсъ, слѣдя за ними, могъ пройти Черноводы, прикрывшись справа у Бухареста тремя дивизіями, какъ отъ Малой Валахій, такъ и отъ Руцука; одна дивизія, на примѣръ 8-я, могла быть послана къ Каларашу. Но если Турки изъ-подъ Калафата пойдутъ впередъ за Липранди, то выждать, чтобъ отошли марша на три или четыре отъ Дуная, и въ такомъ случаѣ, ничего не отдѣляя, совокупными силами, т. е. 4 дивизіями пѣхоты и 2-ми кавалеріи, двинуться прямо на нихъ, съ Божіею помощію разбить и сильно преслѣдовать кавалеріей. Тогда еще удобнѣе будетъ отдѣлать не только одну, но, быть можетъ, и двѣ дивизіи къ Каларашу, и тамъ, переправясь и соединившись съ Лидерсомъ, обложить Силистрію. Если Омеръ-паша, съ главными силами, вышель бы на встрѣчу, его надо бы тогда же атаковать и стараться разбить до прихода союзныхъ силъ, которыя врядъ ли изъ Варны могутъ быть ранѣе 15 (27) Апрѣля, и то, думаю, не въ полномъ числѣ, ежели вычестъ гарнизоны въ Босфоръ и Дарданеллахъ, а быть можетъ и въ Варнѣ. Тоже не ранѣе сего ожидать можно и десантовъ, которыми стращаютъ... Прости, любезный отецъ-командиръ, что такъ смѣло выражаю мои мысли и желанія. Если ты другого мнѣнія, уступаю, но душевно желаю, чтобы мы извлекли всю возможную пользу изъ столь неожиданно-благополучнаго начала“.

....„Весьма желаю, чтобъ при свиданіи твоёмъ съ Горчаковымъ оказалось возможнымъ, по твоему убѣжденію, воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами, чтобъ приступить къ Силистріи. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны, подтверждающимъ тѣ, которыя и Горчаковъ доставилъ мнѣ отъ посланнаго агента, въ Трансильваніи нѣтъ никакихъ особыхъ при-

готовлений, указывающихъ на опасность оттуда нашему правому флангу и тылу. Да притомъ скоро мы будемъ въ состояніи остановить всякое покушеніе, ибо всѣ войска дошли или доходятъ. Время же дорого до прибытія союзниковъ. Стою твердо на устьяхъ Дуная, занимаю оба берега; кажется, не вѣроподобно, чтобы тутъ угрожала намъ опасность. Скорѣе ожидаю, что первая высадка будетъ у Варны, чтобы помочь Силистріи и подкрѣпить Омера-пашу. Не знаю, отведенъ ли Липранди отъ Калафата и пошли ли за нимъ Турки; оно, кажется, было бы хорошо, потому что, вѣроятно, представился бы тогда случай ихъ разбить на лѣвомъ берегу и дорого заплатить за дерзость. Произошло ли это или нѣтъ, все-таки, оставя для прикрытія Бухареста 2½ дивизіи, кажется, можно бы было другія 1½ дивизіи, т. е., примѣрно, одну 3-го корпуса и бригаду 4-го, двинуть къ Каларашу, ежели можно устроить тамъ переправу, соединиться съ Лидерсомъ, приступить къ обложенію Силистріи и выжидать приближенія Омера-паши и даже союзниковъ (т. е., вѣроятно, однихъ Французовъ) встрѣтить и съ Божіей помощью разбить, а потомъ начать осаду. Теперь 4-й корпусъ долженъ быть вполне надежно укомплектованъ, такъ что въ 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й и 15-й дивизіяхъ, съ 3-ю и 5-ю легкими, надо считать не менѣе 96,000, а потому у Силистріи быть можетъ вмѣстѣ до 60,000. Смѣю думать, что для сей цѣли этого должно быть достаточно. Вотъ искреннее изложеніе моего взгляда; можетъ быть, и ошибаюсь; рѣшишь же ты, и вѣрно къ лучшему“.

Въ это время Французы и Англичане уже объявили намъ войну.

„Изъ Берлина пишутъ, что король твердъ покуда. Здѣсь (въ Петербургѣ) все идетъ очень хорошо; прибывающія войска въ самомъ превосходномъ состояніи. Батареи строятся успѣшно, тоже и въ Кронштадтѣ. Но погода ужасная, вода высока, вьюга и морозъ. Жаль, ежели не потреплетъ Англичанъ. Въ Лондонѣ министерство отвергло новыя предложенія Прусскаго короля къ переговорамъ; того же надо ожидать отъ Франціи. Ярость противъ насъ все сильнѣе. Подтверждаютъ, что первое нападеніе будетъ на Аландъ; хотятъ занять и Эзель, а потомъ, одолѣвъ Кронштадтъ, не дѣлать высадки, но издали бомбардировать и жечь Петербургъ“.

„Да благословитъ Господь Богъ твой походъ и да дастъ тебѣ новыи вѣнецъ славы въ продолженіе Персидскаго, Турецкаго, Польскаго и Венгерскаго походовъ! Да хранить и укрѣпитъ тебя Господь! Обними Горчакова и поклонись всѣмъ нашимъ. Напиши мнѣ, доволенъ ли состояніемъ войскъ; поклонись имъ отъ меня и поблагодари за славную службу“.

„Вчера (23 Апрель) возвратился изъ Берлина племянникъ мой, принцъ Мекленбургскій съ утѣшительнымъ извѣстіемъ, что никогда король на насъ не обратится и положительно знаетъ, что никогда Австрія не атакуеть нашихъ границъ. Вернулся изъ Вѣны и ген.-адъютантъ Грюнвальдъ. Привезенныя имъ свѣдѣнія подтверждаютъ, что насъ атаковать не намѣрены и рады будутъ, если мы возьмемъ Силистрію и даже Руцукъ; императоръ же заявилъ, что „ежели-бъ Турки хотѣли занять Малую Валахію, то онъ ихъ къ тому не допустить, а займетъ самъ“. Всѣ военные въ одинъ голосъ противъ войны съ нами и не только были ласковы, но даже явно отличали Грюнвальда, и во главѣ ихъ Радецкій и Виндишгрець, а Шликъ сказалъ, что если будетъ война, то откажется служить. Куда какъ все это хорошо! Надо это драгоцѣнное время употребить въ пользу... Буду нетерпѣливо ожидать дальнѣйшихъ донесеній: время самое рѣшительное“.

„Распоряженіе твое подчинить войска, обезпечивающія оконечность праваго фланга, начальству Шабельскаго, нахожу весьма дѣльнымъ... Не могу повѣрить, чтобы Австрійцы дерзнули насъ тамъ атаковать, ибо навѣрное будутъ притиснуты, въ такомъ случаѣ, къ горнымъ дефиле, намъ вполне извѣстнымъ и непремѣнно, съ помощью Божіею, будутъ разбиты... Думаю, что они не отважатся даже выйти изъ Трансильваніи въ Валахію, по той же причинѣ, ибо въ случаѣ неудачи рискуютъ быть притиснутыми къ горнымъ дефиле (изъ коихъ удобно проходимыхъ всего два) и легко могутъ пропасть. Но и это все ранѣе 6 недѣль или 2-хъ мѣсяцевъ быть не можетъ... Опасенія десантовъ въ нашихъ предѣлахъ по Черному морю дѣлаются нынѣ менѣе вѣроятными; ибо извѣстно, съ какими неимовѣрными усиліями и трудами исполняются всѣ перевозки войскъ, и то почти безъ лошадей... Кромѣ того, мы вездѣ готовы ихъ принять хорошо“.

„Радуюсь очень, что ты велѣлъ приступить къ осадѣ Силистріи. Въ теперешнихъ обстоятельствахъ продолжаю полагать, что лучшаго сдѣлать нельзя; пойдетъ ли осада спокойно—хорошо; выйдутъ ли Турки съ союзниками на выручку крѣпости—тѣмъ лучше: будетъ тогда случай разбить „ихъ...“ Ты мнѣ писалъ, что Шильдеръ обѣщаетъ черезъ двѣ недѣли взять Силистрію; я доволенъ буду, ежели и черезъ четыре недѣли, и то хорошо“... „Хотѣлъ бы тебя немного пожурить, что чрезчуръ отважно посѣтилъ траншейныя работы, и благодари Бога, что счастливо обошлось; но молю тебя, будь осторожниѣе и не забывай что на тебѣ лежитъ“... „Слава Богу, что осада Силистріи успѣшно идетъ безъ значительной потери въ людяхъ. Желая только, чтобы Шильдеръ не увлекся своимъ воображеніемъ и тѣмъ не пренебрегъ

извѣстныхъ опытомъ правилъ. Кажется, что принятый доселѣ планъ атаки долженъ имѣть послѣдствіемъ*), что Турки будутъ принуждены бросить свои отдѣльные два форта. Но отъ нихъ до главной крѣпости еще далеко, а потому опасаюсь, что предположенныхъ четырехъ недѣль будетъ мало для овладѣнія крѣпостью“...

Турки оставили Туртукай, и Государь по этому поводу пишетъ: „Не дастъ ли это возможности обложить Силистрію и съ верховья Дунайя?“ „Этимъ только, думаю я, довершится обложеніе и прекратится сообщеніе съ Шумлой и Рущукомъ. Видно, что планъ Турокъ все стянуть къ Шумлѣ, вѣроятно, въ намѣреніи соединиться съ Французами и, быть можетъ, перейти тогда въ наступленіе. Но движеніе Французовъ, какъ кажется, будетъ очень медленно, ибо первыя лошади для кавалеріи и артиллеріи едва прибыли въ Галлиполи“... „Вчера (т. е. 25-го Мая) вечеромъ, узналъ я по телеграфу изъ Вѣны о бывшей вылазкѣ 17-го (29) числа, объ отбитіи ея и о бесплодной храбрости при преслѣдованіи, имѣвшей послѣдствіемъ отраженіе отъ форта; но депеша кончается тѣмъ, что будто въ ночь на 20-е Мая фортъ былъ, однако, нами взятъ. Сегодня же утромъ прибылъ твой фельдъегеръ съ письмомъ отъ 19 (31) Мая, которое подтверждаетъ первую часть извѣстія, но не упоминаетъ о второй. Душевно скорблю о напрасной тратѣ драгоцѣннаго войска и о потерѣ столькихъ храбрыхъ, во главѣ которыхъ ставлю почтеннаго Сельвана, дорого заплатившаго за свою излишнюю отвагу; но миръ праху его: онъ умеръ геройскою смертью! Повидимому, оба Турецкіе форта долго еще держаться не могутъ противъ весьма искусно поведенной атаки. Тогда предстоять будетъ осада самой крѣпости, на что я считаю не менѣе, какъ еще три недѣли. Большое удобство произошло бы для осады, если бы ты нашелъ возможнымъ совершенно обложить крѣпость и тѣмъ прекратить всякое сообщеніе ея съ Шумлою... Признаюсь, очень бы желалъ, чтобы Омеръ-паша отважился приблизиться и тѣмъ далъ бы способъ тебѣ его разбить. На скорое же прибытіе союзныхъ войскъ рѣшительно нѣтъ опасенія, за совершеннымъ у нихъ недостаткомъ лошадей и перевозочныхъ способовъ. Развѣ перевезутъ отрядъ тысячъ въ 10 въ Варну, но и то безъ лошадей и сильной артиллеріи. По всему этому я въ полной надеждѣ, что съ помощію Божіей овладѣніе Силистріей не подлежитъ сомнѣнію“.

„Отношенія къ намъ Пруссіи продолжаютъ быть очень дружными и, какъ кажется, имѣютъ уже вліяніе на рѣшенія Австріи. До сей поры не получали мы никакихъ требованій отъ Австріи, которыми

*) Такимъ увлеченіямъ подвергался и сынъ его, достопочтеннѣйшій Николай Карловичъ, въ его исторіографическихъ трудахъ. П. Б.

столь долго насъ стращаютъ, и вѣроятно она не иначе на это рѣшится, какъ тогда только, когда, по настоянію Пруссіи, будутъ и союзнымъ державамъ сдѣланы равномѣрно предложенія уступокъ; посмотримъ, въ чемъ онѣ состоятъ будутъ“... „Мейендорфъ увѣдомляетъ, что сборы Австрійцевъ на нашей границѣ, въ Вѣнѣ и въ Италіи дѣлаются, чтобъ en imposer à la France et à la Savoie *). Дѣлай они дома что хотятъ, но не смѣй насъ трогать, и не думаю, чтобы рѣшились“... „Самое любопытное свѣдѣніе вчера (17-го Мая) получилъ Орловъ изъ Галиціи. Оно нѣсколько объясняетъ поспѣшность внезапнаго усиленія тамъ войска. Говорятъ, что въ Галиціи открытъ заговоръ униатскаго духовенства, которое, будто, готовилось объявить однимъ разомъ свое отпаденіе отъ Римскаго владычества и возвращеніе въ Православіе; вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ арестованы, и опасеніе общаго движенія въ народѣ, будто, заставило усилить войско. До сихъ поръ ничего подобнаго даже стороной до меня не доходило; но очень быть можетъ, что справедливое... Вчера (22-го Мая) получены новыя извѣстія изъ Вѣны и прямо, и черезъ Берлинъ. Они подтверждаютъ, что мнѣніе Пруссіи, поддержанное королевствами, начало превозмогать въ Вѣнѣ. Императоръ даже послалъ довѣренное лицо къ эрцгерцогу Альбрехту, чтобы укротить его слишкомъ горячее желаніе разрыва съ нами, а предложенія, которыя хотятъ намъ сдѣлать, основаны на взаимныхъ предложеніяхъ и морскимъ державамъ“.

„Это—другое дѣло... Главная выгода, во-первыхъ, выигрышь времени, а во-вторыхъ—доказательство, что Пруссія отдѣляется отъ Австріи, и быть можетъ и обѣ отдѣлится отъ морскихъ державъ. Ежели такъ, то успѣемъ взять Силистрію, а потомъ посмотримъ, что дѣлать“... „Покуда изъ Австріи ничего не получилъ, и, кажется, если и будетъ что, то не такое предложеніе, которое сейчасъ же повлекло бы за собой немедленный разрывъ. Германскія королевства всѣ присоединились къ мнѣнію Пруссіи и не хотятъ разрыва съ нами. Вѣроятно это подѣйствуетъ и на образъ дѣйствій Австріи“... „Ежели усилія Прусскаго короля будутъ имѣть успѣхъ, тогда ожидать будемъ, какія взаимныя условія намъ предлагать... Итакъ настало время готовиться бороться не съ Турками и ихъ союзниками, но обратить всѣ наши усилія противъ вѣроломной Австріи и горько наказать за безстыдную неблагодарность“...

„Отъ Сакена узналъ сегодня (11 Мая), что ты у него берешь уланскую бригаду 6-й дивизіи, съ ея конною батареей; оставляешь

*) Т. е. Чтобы подѣйствовать внушительно на Францію и Савойю.

же ему резервную уланскую дивизию... Жалѣю, что ты сдѣлалъ это: у тебя и то кавалеріи очень много, а симъ отнимается кавалерія отъ своего корпуса, и дивизія дробится; проще было бы велѣть резервной уланской дивизіи воротиться къ своему корпусу. Объясни мнѣ также, зачѣмъ ты кирасирскій корпусъ привелъ въ Ушицу. Я полагалъ, что корпусъ этотъ гораздо нужнѣе вправо, на усиленіе Ридигера, ежели-бъ точно Австрійцы что затѣяли противъ Польши, ибо у Ридигера только двѣ дивизіи кавалеріи, у тебя же пять дивизій и безъ кирасирь... Всѣ твои распоряженія насчетъ новаго распределенія войскъ теперь только (18 Мая) узналъ и понял. Куда намѣренъ ты двинуть изъ Леово бригаду 16-й дивизіи? Я думалъ, что ты ее двинешь въ Измаилъ, чтобъ смѣнить тамъ 7-ю дивизию“.

„Наши резервы, извѣщаетъ Государь, успѣшно поспѣваютъ, и къ Августу будемъ имѣть въ Петербургскомъ районѣ до 102 баталіоновъ. По Днѣпру, отъ Чернигова до Екатеринослава, приступятъ къ формированію запасныхъ дивизій 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, то есть 72 баталіоновъ, а изъ Москвы будетъ въ слѣдованіи 24 баталіона резервной дивизіи 6-го корпуса, туда, куда обстоятельства укажутъ. Въ виду этого и желательно, по возможности, избѣгать разстраивать формировку резервныхъ бригадъ, безъ особой въ томъ нужды... Крайне жалѣю прибыли больныхъ; увѣренъ, что ты принимаешь всѣ мѣры, чтобы войско беречь сколько возможно... Ежели бы противъ чаянія Австрійцы насъ атаковали, въ такомъ только случаѣ я разрѣшаю тебя на предполагаемый тобою планъ дѣйствій и нахожу его совершенно сообразнымъ съ нашимъ положеніемъ. Сегодня (26 Мая) смотрѣлъ 6 новыхъ и точно отличныхъ гвардейскихъ пѣшихъ батарей; не нарадуешься, на нихъ глядя... Какъ мнѣ прискорбно слышать, что опять у тебя лихорадка; ради Бога, берегись и не пренебрегай извѣстными тебѣ способами. Надѣюсь на милость Божію, что твое здоровье поправится при первой хорошей удачѣ. Не унывай!.. Вели одному изъ флигель-адъютантовъ объѣхать всѣхъ раненыхъ и раздать имъ отъ меня наградныя деньги. Войскамъ мое душевное спасибо за храбрость и неутомимость въ трудахъ и подвигахъ... Сейчасъ (1 Іюня) получилъ донесеніе, что Австрійцы будутъ готовы не ранѣе 1 (13) Іюля. Этимъ мѣсяцемъ надо воспользоваться дѣятельно, чтобы вывести изъ княжества всѣ лишнія тяжести, какъ-то: лишніе мѣстные парки, склады и главное—тѣхъ раненыхъ и больныхъ, кои перевозку могутъ вынести безъ вреда. Ежели война съ Австрійцами будетъ неизбежна, ты въ совокупности силъ своихъ найдешь возможность случая пріобрѣсти новую неуываемую славу, горько наказавъ вѣроломныхъ и неблаго-

дарныхъ... Гдѣ ты сосредоточилъ силы, у Плоешти или Бузео, не могу отгадать; кажется мнѣ, что Плоешти для этого удобный пунктъ, ибо раздѣляетъ оба пути, по которымъ Австрійцы могутъ вторгнуться въ Валахію, и откроется, быть можетъ, случай ихъ разбить отдѣльно. Остается еще рѣшить: должно ли и можно ли удержать наше мостовое прикрытіе и мостъ у Тульчи. Признаюсь, желалъ бы этого, но рѣшишь ты“...

„Англичане начали подступать къ Финляндіи; было хорошенькое дѣло съ береговымъ отрядомъ нашимъ. Ожидаю атаки на Гангутъ, гдѣ наши слабыя батареи не думаю, чтобы долго устояли, но и потеря не важна. У насъ все тихо, готово и хорошо; однако скоро ожидаю серьезныхъ нападеній. Мы готовы... Изъ Севастополя ничего новаго не получалъ и не полагаю, чтобы уже что тамъ началось. Французы заняты въ Галлиполи и утверженіемъ въ Царьградѣ, Англичане—тоже. Теперь и Грецію хотятъ занять. Новая войска будто бы отправляются для занятія Варны; но все это не можетъ собраться ранѣе Іюля и опять—съ весьма малымъ числомъ артиллеріи, а еще менѣе кавалеріи и обозовъ... Англичане стали производить свои разбойничьи дѣйствія: жгутъ верфи и корабли на побережьяхъ Финляндіи. Сегодня (1 Іюня) получены любопытныя свѣдѣнія о положеніи союзныхъ войскъ: онѣ почти безъ артиллеріи и кавалеріи, а тѣмъ менѣе снабжены обозомъ, и потому врядъ ли появятся на Дунаѣ. Кстати весьма важно мнѣ знать, есть ли въ княжествахъ желаніе независимости отъ Турокъ и образованія отдѣльнаго самостоятельнаго государства, подъ избраннымъ изъ среды ихъ государемъ. Старайся мнѣ это вывѣдать и напиши“.

29 Мая 1854 г., командуя лично подѣ Силистріею, князь Паскевичъ, былъ раненъ въ бедро и долженъ былъ переѣхать въ Яссы.

„Ничего худшаго для меня не могло, среди тяжкихъ обстоятельствъ, случиться, какъ лишиться въ это самое время твоей помощи. Молю Бога, чтобы возстановилъ тебя какъ можно скорѣе и для того умоляю тебя дать возможность лѣченію увѣнчаться успѣхомъ, бывъ самъ спокойнѣе душой и не теряя времени... Но, любезный отецъ-командиръ, сдавъ армію Горчакову, молю тебя, при этихъ обстоятельствахъ, не оставаться въ Яссахъ, а поѣзжай въ наши границы лѣчиться, гдѣ тебѣ удобнѣе, въ Кіевѣ или въ Гомелѣ. Кромѣ опасности быть достигнутымъ непріателемъ, нѣтъ удобства больнымъ оставаться среди военныхъ дѣйствій и тревожиться всѣмъ, что происходитъ. Думаю, что и ты моего мнѣнія. Когда, Богъ дастъ, возстановишься въ силахъ, тогда будешь опять на своемъ мѣстѣ, ежели гроза надъ нами разра-

зится... Ты, вѣрно, снабдишь Горчакова подробными наставленіями, какъ ему слѣдуетъ, по твоему мнѣнію, дѣйствовать въ разныхъ предвидѣнныхъ случаяхъ. Нельзя не жалѣть, что осада Силистріи, вмѣсто обѣщанной скорой сдачи крѣпости, приняла столь невыгодный оборотъ... Ежели дѣйствительно оправдается, что Омеръ-паша такъ силенъ и еще усилится прибытіемъ Французскихъ двухъ дивизій и одной Англійской въ Варну, то нѣтъ вѣроятій, чтобъ осада могла удасться, и тогда положеніе арміи нашей за Дунаемъ будетъ безъ пользы опаснымъ. Но льщу себя надеждой, что, быть можетъ, сомонадѣянность Омеръ-паши и союзниковъ дастъ Горчакову случай ихъ встрѣтить въ полѣ, гдѣ наши многочисленныя артиллерія и кавалерія, кажется, намъ представляютъ весьма большую выгоду, тогда какъ у непріятеля артиллеріи немного, а кавалеріи еще менѣе“.

1) „Итакъ, планъ, предложенный Горчаковымъ и тобою одобренный, вполнѣ отвѣчаетъ описанному положенію дѣлъ: быть готову, а при появленіи Австрійцевъ дѣйствовать на нихъ силою, возможно большею массой. Ежели они дѣйствительно будутъ такъ дерзки на это отважиться, то думаю, что быстрый, какъ стрѣла, натискъ Ридигера на лѣвый ихъ флангъ, то есть на Лембергъ, и скорое возвращеніе опять въ наши предѣлы, въ избранное положеніе, заставятъ опомниться Австрійцевъ гораздо прежде, чѣмъ Пруссаки могутъ быть готовы стать имъ на помощь... Отвѣтъ Австріи велѣлъ готовить въ смыслѣ короля *), то есть учтивый, но неуступчивый и достойный Россіи; этимъ отниму и послѣдній предлогъ, что я не все сдѣлалъ, что отъ меня зависѣло, чтобы удовлетворить желанію короля. Надѣюсь, что при этомъ, съ помощью Божіей, хорошо поколотимъ Австрійцевъ за дерзость“.

„Въ теперешнемъ твоёмъ положеніи ты самъ только себя вредишь, а пользы для дѣлъ не вижу, ибо на коня сѣсть не можешь, да притомъ и сдать команду Горчакову. Надо ему дать полную свободу и отвѣтственность всѣхъ распоряженій. иначе боюсь запутанности и недоразумѣнія, крайне опасныхъ въ столь трудныхъ обстоятельствахъ“.

„Когда Силистрія не взята и мы не могли, по обстоятельствамъ, извлечь никакой пользы отъ переправы черезъ Дунай, я тоже полагаю, что иного не остается дѣлать, какъ то, что ты въ запискѣ своей (отъ 10-го Іюня) начерталъ. Оно будетъ согласно съ осторожностью, не лишая насъ возможности воротиться къ наступленію, когда дерзость Австрійцевъ подастъ къ тому случай“.

„Положеніе наше не легко, но изъ него выйти можно съ честью, когда рѣшительно дѣйствовать будемъ. не преувеличивая себя препят-

*) Т. е. Пруссакаго.

ствія къ успѣху. Точно такъ же видитъ и Ридигеръ, котораго распоряженіями я вполне доволенъ. Ежели же король Прусскій удержится отъ содѣйствія Австрійцамъ, въ чемъ есть, кажется, надежда, то Австрія можетъ дорого поплатиться за ея измѣнническую неблагодарность“...

„Буду стараться усилить Ридигера, освободя 1-ю дивизию, елико можно скорѣй, отъ ея теперешняго назначенія; больше сдѣлать не могу, доколь не объяснится, будутъ ли, нѣтъ ли сюда десанты“.

„Крайне опасуюсь, чтобы духъ въ войскахъ не упалъ, видя, что все усилія, труды и жертвы были тщетны и что мы идемъ назадъ, а зачѣмъ—и выговорить не смѣемъ. Надо, чтобы Горчаковъ и все начальники хорошо растолковали войскамъ, что мы только временно отступаемъ, дабы обезопаситься отъ злыхъ умысловъ нашихъ сосѣдей. Это слишкомъ важно“...

„Благодарю тебя, что рѣшился переѣхать на болѣе здоровое мѣсто, гдѣ среди покоя, поколику о покоѣ рѣчь быть можетъ въ нынѣшнее время, можно надѣяться, что ты гораздо скорѣе оправивишься, и ежели Богъ опредѣлилъ быть борьбѣ, которую предвидѣть скоро можно, то съ помощью Божіей будешь снова готовъ, на славу намъ и на страхъ врагамъ“...

„Австрія сбросила всякую личину и заключила союзъ съ Турціей для занятія княжествъ; еще шагъ, и война съ ними... При теперешнемъ расположеніи армій не только безопасно, въ случаѣ нужды, отступить можемъ за Сереть и Прутъ, но даже, быть можетъ, разбить Австрійцевъ, ежели неосторожно сунутся... Кажется мнѣ, что Ридигеру предстоитъ блистательные случаи дать рѣшительный оборотъ войнѣ, въ особенности, ежели Пруссія останется зрительницей происходящаго, а не участницей“.

2) „Чтобы на Днѣпрѣ, на черный день, имѣть готовый резервъ, я велѣлъ двинуть къ Кіеву всю резервную дивизию 6-го корпуса; около 15-го Августа она дойти можетъ. Батальоны куда будутъ только въ 600 человекъ подъ ружьемъ. Эти 24 батальона, съ резервной бригадой 8-й дивизіи, составятъ 32 батальонный корпусъ, при 48 пѣшихъ орудіяхъ, и можно придать изъ резервной легкой кавалеріи 1-й, 2-й и 3-й легкой дивизіи 24 эскадрона и 22 кон. орудія. Думаю, что этотъ корпусъ будетъ кстати, чтобы остановить всякое дальнее покушеніе Австріи, даже, еслибъ ворвались въ Волынь и Кіевскую губернію. Кромѣ того, на лѣвомъ же берегу Днѣпра будутъ формироваться запасныя дивизіи 3-го, 4-го и 5-го корпусовъ, такъ что къ Декабрю будутъ у насъ еще новыя 72 батальона почти готовы.... Отсюда (изъ Курляндіи) рѣшился тронуть на-дняхъ часть гвардіи, дабы во-время можно подкрѣпить Ридигера и въ особенности, ежели Пруссія измѣнитъ“.

3) „Теперь въ ожиданіи, будетъ ли попытка на Крымъ. У Меншикова всего 36 батальоновъ, 48 пѣшихъ орудій, 16 эскадроновъ, 2 полка казачьихъ и 16 кон. орудій; кажется, сего довольно, чтобы отбиться съ успѣхомъ... Меншиковъ очень хорошо распорядился съ Хомутовымъ насчетъ обороны Крыма, куда я все ожидаю атаки и вскорѣ“.

4) „Послѣ славнаго дѣла Андроникова Бебутовъ 15-го Іюня перешелъ Арпачай; говорить, что Карсъ очень сильно и хорошо укрѣпленъ, и стараться будетъ непріятели выманить въ поле, ибо осаждать не полагаетъ себя довольно сильнымъ. Авось, Богъ поможетъ“.

„Обстоятельства приняли въ Вѣнѣ такой оборотъ, что еще на мѣсяцъ можно рассчитывать покоя, или по крайней мѣрѣ до разрыва... Отъ Горчакова съ 29 Іюня ничего не получалъ; тогда ожидать надо было, что ежели Турки сунулись бы изъ Журжи, представилась бы давно ожидаемая возможность ихъ атаковать и съ помощью Божіею разбить... Австрія, кажется, желаетъ опять вознаградить выгоды своего стратегическаго положенія, утеряннаго съ той поры, какъ мы, оставивъ осаду Силистріи, возвратились за Дунай... Не вѣрю, чтобы Австрія воротилась къ добру; она силится только отказъ на наши предложенія сложить съ себя на Англичанъ и Французовъ, какъ будто она имъ подвластна, а между тѣмъ враждебныя козни противъ насъ усиливать и потомъ нагло на насъ напасть... Нетерпѣливо ожидаю, чтд произошло у Горчакова, и очень желаю, чтобы или разбилъ Турокъ или отступилъ, какъ было предположено, дабы обезпечиться отъ Австрійцевъ... Необходимо теперь остатокъ нашихъ силъ не разбивать врознь, а держать вмѣстѣ и вознаградить число выгодною центральнаго расположенія, быстротою и неожиданностью дѣйствій“...

„Посылка 16-й дивизіи, какъ бы она еще не полезна была въ Бессарабіи, совершенно необходима, чтобы дать вѣроятіе намъ отстоять не только Крымъ, но и Севастополь, защита котораго, по степени сухопутной обороны, почти невозможна безъ значительной силы, такъ какъ извѣстно, съ какими способами союзники собираются атаковать. Надѣюсь, что дивизія прибудетъ еще во-время и, быть можетъ, рѣшить дѣло въ нашу пользу, уничтоживъ всѣ надежды враговъ на легкое овладѣніе. Такимъ образомъ—отступаемъ мы по доброй волѣ, а не по требованію Австріи, и вѣроятно, успѣемъ исполнить движеніе ранѣе, чѣмъ Австрійцы насъ атакуютъ“.

„Ничуть не вѣрю Императору, а еще менѣе каналѣ Берлю. Потому всѣ мѣры наши должны быть соображаемы, какъ будто разрывъ завтра. Предложенную тобою дислокацію я почти вполнѣ утвердилъ, кромѣ

малыхъ перемѣнъ, о которыхъ, для скорости, велѣлъ телеграфомъ тебя увѣдомить.... Я вполнѣ раздѣляю твое мнѣніе насчетъ важности расположенія или сбора арміи при Замосцѣ. Теперь важно знать, чѣмъ кончится экспедиція на Крымъ. Кажется, союзники жестоко потерпѣли отъ холеры и болѣзней; будемъ надѣяться на милость Божію, что Меншиковъ отобьется⁴.

Объ удачно исполненномъ расположеніи войскъ подъ Севастополемъ, послѣ Альминскаго пораженія, Государь отозвался:

„Это дѣлаетъ честь Меншикову, да и честь войску, которое, послѣ неудачнаго дѣла, столь мудреное движеніе совершило въ примѣрномъ порядкѣ... Сейчасъ (20-го Сентября) получилъ я курьера отъ Горчакова. Онъ предвидѣлъ мое желаніе, отправя 12-ю дивизію и резервную уланскую къ Николаеву и двинувъ къ окрестностямъ Одессы 10-ю и 11-ю съ драгунскимъ корпусомъ... Любопытно знать, Турки будутъ ли атаковать изъ княжествъ Бессарабію, а двусмысленность Австрійцевъ не обратится ли въ явное на насъ наступленіе. И тому не удивлюсь. Тогда будетъ намъ еще тяжелѣе“.

„Донесенія Горчакова¹⁾ изъ Вѣны дозволяли ожидать всего дурнаго отъ Австрійскаго правительства. Какъ полагаетъ Государь, Императоръ совершенно покорился Булю, а послѣдній дышитъ ненавистью къ Россіи и на сторонѣ союзниковъ всецѣло; слѣдовательно, можно ожидать всего. Богъ милосердъ и Одинъ можетъ отвести грозу. По донесеніямъ Меншикова, дѣла въ Крыму по 24 Сентября приняли видъ нѣсколько благопріятный, но ручаться за счастливый исходъ нельзя, хотя каждый лишній день въ пользу нашу, ибо резервы подоспѣваютъ“.

„Весьма ясно, что всѣ усилія обращены нынѣ на короля Прусскаго, чтобы угрозами заставить и его на насъ обратиться, а покуда отвлечь отъ политики Пруссіи тѣ державы, которыя въ ней, казалось, искали свой опорный пунктъ... Что же касается Австріи, то ты уже болѣе моего знаешь что готовится²⁾... Говорятъ, что будто планъ Австрійцевъ—дѣйствовать на нашъ лѣвый флангъ, въ обходъ Замосця. Брестъ, Замосць, Ивангородъ и Варшава—вотъ наши опорные пункты; маневрировать должно между ними... Богъ вѣдаетъ, что будетъ съ Севастополемъ. Опасаюсь плачевнаго исхода, хотя храбрость защитниковъ дѣлаетъ болѣе возможнаго и хотя подкрѣпленія неимовѣрно скоро подходятъ“...

¹⁾ Т. е. будущаго канцлера князя Александра Михайловича.

²⁾ Н. Н. Муравьеву Государь выражалъ опасеніе за самый Кіевъ, и хотя тотъ возразилъ, что до этого еще очень далеко, но Кіевское шоссе было велѣно испортить. (Слышано отъ Н. Н. Муравьева-Карскаго). П. Б.

„Не могу еще опредѣленно судить о томъ, что со стороны Австріи готовится; но ежели полагаться можно на послѣднія свѣдѣнія, кажется, вѣроятноѣе, что мы покуда не будемъ еще атакованы... Прилагаю здѣсь записку, мною составленную; прошу тебя вникнуть въ нее и держаться моего начертанія въ общихъ основаніяхъ. Мы не можемъ иначе дѣйствовать, какъ такъ, какъ мною въ запискѣ изложено“.

„Изложивъ такимъ образомъ взглядъ мой на наше положеніе, я долженъ просить князя Варшавскаго отступить отъ своей мысли и въ главныхъ чертахъ указать ему сей образъ дѣйствій, какъ нынѣ единственный, которому мы придерживаться должны“ *).

„Никакъ еще нельзя опредѣлить, что рѣшить король Прусскій; его легкомысліе и непостоянство не дозволяютъ разсчитывать навѣрно на его расположеніе къ намъ. Неувѣренность же, на что онъ согласиться можетъ, требуетъ крайней осторожности и къ сторонѣ Пруссіи“.

„До рѣшенія Крымскихъ дѣлъ я ничего указать не могу, какія части войскъ и куда можно будетъ обратить“.

„Бросить Польши я никогда не полагалъ безъ крайней нужды, но не могъ согласиться, чтобы, отступая передъ вторженіемъ Австрійцевъ вдоль праваго берега Вислы и въ обходъ нашего лѣваго фланга, намъ бы слѣдовало стать спиною къ Вислѣ, а не къ Бресту, что не исключаетъ возможности пользоваться выгоднымъ расположеніемъ нашихъ крѣпостей, чтобы маневрировать между ними и тѣмъ остановить успѣхи непріятеля“.

„Дѣло въ Крыму еще далеко отъ желаемаго успѣшнаго конца. Сейчасъ (17 Ноября) получилъ я донесеніе по 10-е число. Осадныя работы, которыя казались пріостановленными, начались снова, хотя безъ успѣха, и канонада слаба. Но ничего не указываетъ на намѣреніе отплыть. Твой планъ слово отъ слова тотъ, который я уже не разъ просилъ Меншикова принять, но донинѣ безъ успѣха, а зачѣмъ— не знаю. Между тѣмъ время течетъ, и резервы къ непріятелю подоспѣваютъ“.

„Будетъ ли Горчаковъ атакованъ Омеръ-пашею, не угадаешь; но кажется, Австрійцамъ это не нравится“.

„Основываясь на вѣроятіяхъ, я ожидаю худшаго, т. е. войны съ Австріей и по крайней мѣрѣ,—сомнительнаго расположенія Пруссіи. Идя съ сей точки зрѣнія, совершенно раздѣляю мнѣніе твое, что намъ

*) Князь Паскевичъ медлитъ отправкою войскъ на Крымскій полуостровъ. П. Б.

въ Польшѣ должно имѣть достаточныя силы, чтобы тамъ закрыть центръ нашей огромной оборонительной линіи и сердце Россіи. Поэтому отдѣлить 2-й корпусъ, въ цѣломъ составѣ, въ Каменецъ-Подольскъ, какъ просить Горчаковъ, не считаю возможнымъ... Горчакову при теперешнихъ его силахъ и думать нельзя что либо отдѣлить къ Каменцу. Резервный 6-й корпусъ можно будетъ къ 1 Марта замѣнить запасною дивизіей 3-го корпуса, назвавъ въ такомъ случаѣ 3-мъ резервнымъ. Теперь рождается вопросъ: не благоразумнѣе ли будетъ поставить 2-й корпусъ, вмѣсто Люблина, близъ Кременца? Это одно, чтò, кажется, могло быть полезно, но не начиная движенія ранѣе, чѣмъ ближе узнаемъ изъ Вѣны, чего ожидать можно и какой оборотъ примутъ дѣла въ Крыму“.

„Послѣднія мои извѣстія оттуда—отъ 26-го числа. Определительно сказать, чтò тамъ будетъ, не могу; но ожесточеніе Англіи и Людовика-Наполеона не знаетъ мѣры, и нѣтъ усилій, которыхъ бы ожидать нельзя было отъ нихъ, чтобы достичь своей цѣли. Ежели къ сему прибавить, что, вѣроятно, и на Петербургъ они готовятъ подобныя же усилія, сознаться надо, что наше положеніе—крайне трудное“.

„Жду, чтò будетъ на совѣщаніяхъ въ Вѣнѣ, но ничего не ожидаю, а еще менѣе отъ Австріи, которой коварство превзошло все, чтò адская Іезуитская школа когда-либо изобрѣтала. Но Господь ихъ горько за это накажетъ. Будемъ ждать нашей поры“.

„Въ послѣдней моей запискѣ я старался выразить мой взглядъ на наше положеніе. Переговоривъ же съ княземъ Варшавскимъ, убѣдился, что въ главныхъ основаніяхъ наши мысли сходятся. Ощутительная разница только въ томъ, что князь Иванъ Ѳедоровичъ придаетъ болѣе важности сохраненію Польши, особенно въ политическомъ отношеніи, вліяніемъ на Европу и преимущественно на Пруссію. Не отвергая этого, я остаюсь при мнѣніи, что, сравнительно, сохраненіе Крыма и побережья Чернаго моря едва ли не гораздо важнѣе, не только по вліянію на Европу, но и на Азію, особенно же на наши Закавказскія области. Отнюдь, однако, не полагаю, чтобы, для сохраненія нашего обладанія на Югѣ, слѣдовало бросить Польшу безъ боя, обратя всѣ наши силы на Югъ. Напротивъ, думалъ и думаю, что въ военномъ положеніи нашемъ въ Польшѣ мы имѣемъ всѣ выгоды не только охранять правый берегъ Вислы, но и значительно угрожать Австріи, еслибъ она отважилась вторгнуться въ наши предѣлы вдоль лѣваго берега Днѣстра. Князь Горчаковъ, съ оставшимися подъ его начальствомъ 4-мя пѣхотными дивизіями и съ 5-ю кавалерійскими, не въ силахъ оборо-

нять Бессарабіи и Подоліи, потому что легко можетъ быть обойденъ лѣвымъ берегомъ Днѣстра и оттого непремѣнно, съ самаго начала военныхъ дѣйствій, долженъ будетъ покинуть Бессарабію и перейти на лѣвый берегъ, что нелегко исполнить, по невѣрности переправъ“.

„По этой причинѣ, кажется, надо предпочесть оставить въ Бессарабіи корпусъ ген. Лидерса, переведа остальное на лѣвый берегъ Днѣстра, черезъ что князь Горчаковъ тотчасъ соединяется съ кирасирскимъ корпусомъ и съ новымъ 3-мъ резервнымъ, у Брацлава. Ежели непріятель станетъ наступать одновременно изъ княжествъ на генерала Лидерса и изъ Буковинъ на князя Горчакова, Лидерсу, немедля, отойти за Бендеры, гдѣ и оборонять переправы черезъ Днѣстръ, Горчакову же задерживать наступленіе Австрійцевъ и даже отважиться на битву, когда представится удобный моментъ выгодно сразиться съ ними. Въ противномъ случаѣ ему необходимо отступать шагъ за шагомъ, заманивая непріятели по направленію къ Кременчугу. Тогда настанетъ время князю Варшавскому перейти въ наступленіе“.

„Если Австрійцы въ тоже время вторгнутся въ Царство, обходя лѣвый флангъ нашей арміи, мы должны отступать къ Бресту, на соединеніе съ гвардіей. Затѣмъ можемъ, буде представится удобный случай, перейти въ наступленіе, стараясь дѣйствовать на правый флангъ Австрійцевъ, и тогда, если удастся ихъ разбить, они поставлены будутъ въ затруднительное положеніе. Имѣя за собою Вислу и крѣпости наши, занятыя достаточными гарнизонами, непріятель вынужденъ будетъ отступать къ своимъ границамъ, правымъ флангомъ мимо насъ. Мы же получимъ возможность постоянно угрожать этому флангу, слѣдуя вдоль нашей границы. Отбросивъ такимъ образомъ изъ предѣловъ Царства, станемъ угрожать той части, которая вторгнется въ Подолію“.

„Не упоминаю здѣсь о партизанахъ. Въ эту эпоху содѣйствіе ихъ принесетъ огромную пользу въ собственномъ нашемъ краѣ, въ тылу и на флангахъ противника. Ежели мы будемъ отступать къ Бресту, партизановъ должно собрать въ Новогеоргіевскѣ и Александровской цитадели и, смотря по обстоятельствамъ, бросить ихъ на флангъ и тылъ непріятели или вверхъ по лѣвому берегу, и наводнить край, при чемъ они всегда будутъ имѣть вѣрное убѣжище подъ стѣнами крѣпостей“.

„Вытѣснивъ Австрійцевъ изъ Царства, думаю, что гренадеръ и гвардію слѣдуетъ оставить за Вепржемъ, остальные же войска (4 пѣхотныхъ дивизіи и 2 кавалерійскія) желалъ бы немедленно двинуть на

Дубно и Кременецъ. Если бы князь Горчаковъ не удержалъ Австрійцевъ, полагаю, что ему должно идти вверхъ по лѣвому берегу Днѣстра, напирая справа своею сильною кавалеріею. Тоже ему предстоитъ и тогда, когда не удалось бы разбить Австрійцевъ, но они сами приостановили бы наступленіе, озабоченные движеніями нашей арміи изъ Польши“.

„Наконецъ, если бы Австрійцы, раздѣлясь на три главныя части, начали одновременное движеніе на Царство, въ Подолію и Бессарабію, думаю, что намъ должно слѣдовать тому же плану дѣйствій. Лидерсъ, отступивъ за Бендеры, можетъ съ успѣхомъ оборонять переправы черезъ Днѣстръ. Буде Австрійцы отважатся совершить переправу на нижнемъ Днѣстрѣ, князь Горчаковъ оставитъ часть своихъ войскъ, съ кавалеріею, противъ непріятели вышедшаго изъ Буковины, а съ остальными усилитъ Лидерса, притянувъ даже резервъ изъ Николаева. Или, наоборотъ, если Австрійцы, наступающіе лѣвымъ берегомъ Днѣстра, значительнѣе того отряда, который вторгнется въ Бессарабію, Горчаковъ можетъ оставить у Бендеръ только часть войскъ Лидерса, поддержавъ ее изъ Николаева, остальную же притянуть къ себѣ, для рѣшительнаго сраженія“.

„Въ самомъ горестномъ случаѣ, когда мы вездѣ потерпимъ неудачи, армія наша въ Польшѣ имѣетъ путь отступленія на Бобруйскъ, Горчаковъ—на Кременчугъ, Лидерсъ—на Николаевъ. Здѣсь же намъ должно вѣзмъ лечь, но не отступать“.

„До сей крайности, уповать можно на милость Божію, не дойдетъ, если взаимныя дѣйствія армій будутъ согласованы такъ, чтобы отразились на общій ходъ дѣла, помогая одни другимъ. Конечно, превосходство силъ останется на сторонѣ нашихъ враговъ, но искусное руководство можетъ силы уравнивать. Мы одушевлены правотою нашего дѣла, обороняемъ свой родимый край противъ дерзкихъ и неблагонадежныхъ, вѣроломныхъ союзниковъ. Эти чувства удваиваютъ нашу нравственную силу. Нужны осторожность, рѣшимость, дѣятельность, отважность и въ особенности отстраненіе всякой личности, имѣя въ глазахъ постоянно одно благо, одно спасеніе чести Русской. Мы должны или побѣдить или умереть съ честью“.

*

Этими великолѣпными словами заканчиваются письма императора Николая къ князю Паскевичу. Нынѣ оказывается, что Севастополь продержался одиннадцать мѣсяцевъ благодаря его заботамъ: знаменитые редуты, Камчатскій, Вольнскій и Селенгинскій устроены не только по его приказанію, но и по его своеручнымъ чертежамъ (онъ смолоду занимался инженернымъ дѣломъ), а Тотлебенъ только былъ исполнителемъ. Записка о томъ Н. ѳ. Дубровина до сихъ поръ не обнаружена. П. Б.

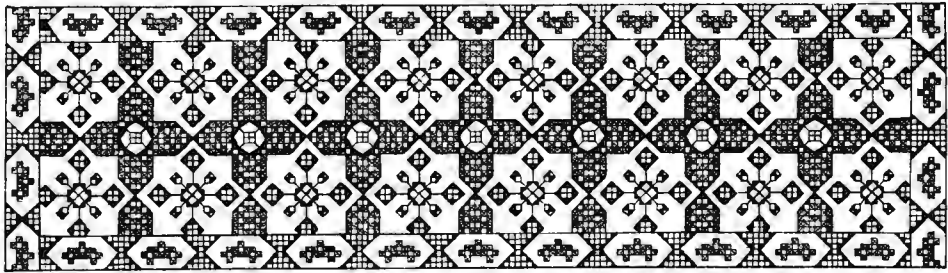
Новый Государь, на другой же день своего воцаренія, писалъ къ князю Паскевичу: „Зная, любезный князь, ваши неизмѣнныя чувства къ нашему незабвенному Государю и благодѣтелю, хочу передать вамъ его послѣднія слова къ своему отцу-командиру. Вотъ онѣ: „Душевно благодарю кн. Варшавскаго за его искреннюю преданность и дружбу и за тѣ геройскіе подвиги, коими возвеличилъ славу нашего оружія и попраля измѣну“.— Слова эти вѣрно глубоко отзовутся въ вашемъ благородномъ сердцѣ. Да будутъ онѣ залогомъ и моихъ собственныхъ чувствъ къ вамъ, искренней привязанности и уваженія къ вашимъ заслугамъ Царю и отечеству“.

Вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ этихъ строкъ, фельдмаршалъ, по прочтеніи ихъ, перенесся въ прошлое и припомнилъ свою бесѣду съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, происшедшую въ Москвѣ еще 20-го Августа 1851 года, которую и воспроизвелъ затѣмъ въ особой запискѣ. Въ ней князь Паскевичъ излагаетъ: „Около 2 час. дня Государь удостоилъ меня посѣщеніемъ и, посадивъ возлѣ себя на диванъ, началъ говорить объ истекшихъ годахъ своего 25-лѣтняго царствованія. Ты, отецъ-командиръ, сказалъ онъ со слезами на глазахъ, прославилъ мое царствованіе; ты со славою окончилъ четыре войны и тѣмъ упрочилъ благосостояніе Россіи. Одинъ Богъ надоумилъ меня послать тебя въ то самое время, когда дѣла наши въ Персіи принимали столь дурной оборотъ. Я былъ тогда молодъ и неопытенъ, и выборъ мой могъ пасть на другого; но Провидѣніе указало мнѣ на тебя для великихъ дѣлъ, тобою совершенныхъ... Послѣ этихъ незабвенныхъ словъ потекли у меня слезы радости и умиленія, и Государь, говоря со мною, также почти рыдалъ“.

*

Князь Паскевичъ не пережилъ и году столь сердечно расположеннаго къ нему Государя: онъ скончался 20 Января 1856 года. Письма къ нему содержатъ въ себѣ важнѣйшія показанія для исторіи Россіи и для біографіи Николая Павловича, которой мы еще полной не имѣемъ (такъ какъ Н. К. Шильдеръ не успѣлъ окончить ее). За обнародованіе ихъ подобаешь благодарность Русскихъ людей единственному сыну фельдмаршала, князю Феодору Ивановичу. Онъ и единственный сынъ другаго фельдмаршала князь С. М. Воронцовъ, озаботились исторіографическимъ увѣковѣченіемъ славной памяти своихъ родителей. П. Б.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ ЗАПИСКАМЪ А. Д. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

Записки А. Д. Бестужева-Рюмина помѣщены (почти полвѣка тому назадъ) въ первой книгѣ Чтеній Общества Исторіи и Древностей при Московскомъ Университетѣ, куда были доставлены В. И. Чарыковымъ и П. И. Ивановымъ (однимъ изъ преемниковъ Бестужева по храненію вотчинныхъ дѣлъ, нынѣ Архива Министерства Юстиціи что на Дѣвичьемъ полѣ). За тѣмъ, они перепечатаны въ 7-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1896 года. Нынѣ помѣщаемъ ихъ съ примѣчаніями по списку, доставленному намъ отъ неизвѣстнаго лица, но собственноручному, какъ показываютъ нижеслѣдующія два своеручныя письма Бестужева къ его пріятелю, и копии съ его прошеній къ императору Александру Павловичу и къ великому князю Константину Павловичу.

Не знаемъ, облегчилась ли его участь въ первые годы по изгнаніи изъ Россіи Французомъ; но самъ онъ возбуждаетъ нѣкоторое недовѣріе къ его показаніямъ: Наполеону хулить онъ своихъ товарищей по службѣ, отзывается легкомысленно о графѣ Растопчинѣ, который призрѣлъ его тотчасъ же, какъ возвратился въ Москву; а главное, вызываетъ къ себѣ безопадное отношеніе тогдашняго министра юстиціи И. И. Дмитріева, человѣка хотя и не отличавшагося мягкостью нрава, но правдиваго. Что-то загадочное чувствуется при чтеніи Записокъ Бестужева; но историческая важность ихъ несомнѣнна. П. Б.

Письма А. Д. Бестужева-Рюмина къ Д. Ѳ. Шумилину.

1.

Москва, 22 Мая 1813 года.

Милостивый государь Дмитрій Ѳедоровичъ!

Съ какою радостью получилъ я письмо твое отъ 10 числа нынѣшняго мѣсяца. Препокорнѣйше благодарю за оное и болѣе еще благодарю за сохраненіе ко мнѣ пріязни твоей. Я большую цѣну даю оной, такъ какъ честно человѣка, каковымъ я всегда тебя зналъ. Я рекомендую тебѣ вручителя сего. Г-нъ Игнатій Николаевичъ Познанскій мой искренній пріятель и по достоинствамъ своимъ заслуживаетъ истинное уваженіе, имѣетъ дѣло въ вашемъ городѣ и если можешь чѣмъ ему полезенъ быть, то пожалуй не откажи своего ходатайства.

Такъ, ты правъ, мой старинный пріятель. Я ни въ чемъ не виноватъ и Богомъ клянусь, что жертвовалъ всѣмъ, чтобъ быть полезнымъ отечеству, но неблагопріятствующая мнѣ судьба опредѣлила такое мое усердіе собственно для меня во зло. Что дѣлать? Терпѣніе все превозможетъ. Извини, что я тебѣ не посылаю моихъ Записокъ¹⁾ пребыванію непріятеля въ первопрестольномъ градѣ, ибо право не должно; но вскорѣ пришлю все, что можетъ касаться и до усилій моихъ къ сохраненію дѣлъ, надзору моему вѣрренныхъ, а равно и о усиліяхъ моихъ оправданій предъ такими людьми, кои, если судить по ихъ дѣяніямъ, и десятой доли бы не сдѣлали въ пользу отечества. Рано или поздно Богъ ихъ накажетъ.

Я съ большимъ нетерпѣніемъ ожидать буду отъ тебя увѣдомленія, какихъ мыслей губернаторъ вашъ касательно рапорта моего министру юстиціи. Я хотѣлъ самъ было къ нему написать, но разсудилъ лучше побочнымъ образомъ до свѣдѣнія его довести. Пословицы Русскія, почтеннѣйшій мой пріятель, какъ ты и самъ знаешь, всѣ почти справедливы. Прощай, мой любезнѣйшій; у Настасьи Ивановнѣ цѣлую ручки и благодарю, что меня помнить.

Съ истинною преданностію пребываю покорнѣйшій слуга А. Бестужевъ-Рюминъ.

Адресъ ко мнѣ тотъ же. На Петровкѣ, въ домѣ Дурнова въ Москвѣ²⁾.

2.

Москва, 24 Октября 1813.

На письмо твое, любезный мой другъ Дмитрій Ѳеодоровичъ отъ 30 Августа и полученное мною въ свое время, я не отвѣтствовалъ, потому что по мнѣнію моему оно не требовало отвѣту, ибо ты о сынѣ своемъ имѣлъ уже извѣстіе, а я раза три ходилъ опять въ извѣстной тебѣ на бульварѣ домъ и ничего другаго объ сынѣ твоемъ узнать не могъ, какъ только что онъ здоровъ и отправился въ Минскъ. Я надѣюсь, что ты регулярно имѣешь отъ его извѣстіе; и да сохранить его Всевышняя десница!

Пріятель мой Игнатій Николаевичъ Познанскій паки отправляется въ вашъ городъ по своимъ надобностямъ, и я при семъ случаѣ прошу твоего ему покровительства или, такъ сказать, путеводительства въ его дѣлахъ. Онъ человекъ очень хорошій и умный, слѣдовательно будетъ въ полной мѣрѣ чувствовать твои одолженія, а я пріиму оныя какъ будто оказанныя мнѣ самому.

Я знаю, что ты меня любишь, а потому и скажу тебѣ нѣчто и о себѣ. Я, слава Богу, здоровъ, но касательно разрѣшенія участи моей нахожусь еще

¹⁾ И такъ Записки черезъ полгода по удаленіи Французовъ изъ Россіи уже были написаны. Д. О. Шумиловъ получилъ ихъ отъ него въ своеручномъ спискѣ, по которому онѣ и перепечатаны въ 5-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года. П. В.

²⁾ Сложено конвертомъ, запечатано и подписано такъ: „Его высокоблагородію, милостивому государю моему Дмитрію Ѳеодоровичу Шумилову, во Владимирѣ. Губернскаго Правленія господину совѣтнику“. П. В.

въ безизвѣстности. Недѣли двѣ тому назадъ потребовали отъ меня въ Правительствующій Сенатъ, что въ Петербургѣ, формулярной мой списокъ, которой я уже и послалъ. Уповательно, что дѣло наше къ концу приходитъ, и какая развязка оному будетъ, не знаю.

Въ отвѣтъ на послѣднее письмо мое къ г. министру юстиціи Ивану Ивановичу Дмитріеву, съ котораго я тебѣ послалъ копію при письмѣ моемъ отъ 16 Іюля, мнѣ объявлено чрезъ Московскую Управу Благочинія 3-го Сентября, чтобъ я впередъ въ отношеніяхъ моихъ съ начальствомъ былъ осторожнѣе въ своихъ выраженіяхъ и наблюдалъ должное почтеніе. А въ чемъ преступленіе мое состоитъ, объ ономъ ничего не сказано. Г. министр юстиціи въ Москвѣ находится съ послѣднихъ числъ Іюля, и я съ нимъ не видался. Однажды вздумалъ было къ нему придти, и по докладѣ обо мнѣ онъ сказалъ, чтобъ я въ другое время пришелъ, а теперь онъ занимается съ архитекторомъ разсматриваніемъ плана купленнаго имъ дома. И такъ я болѣе уже и не домогался видѣть его. Богу угодно дать мнѣ такой жребій существованія, и я безропотно покоряюсь святой Его волѣ. Нищета, въ которой я нахожусь, мнѣ не постыдна, и всякой честный человѣкъ уважить бѣдность мою; ибо я всѣмъ достояніемъ моимъ пожертвовалъ на пользу отечества, и жертвовалъ даже не только своею жизнію, но и жизнію семейства моего. Отецъ можетъ судить о великости усердія моего, и хотя плоды сего усердія видимы, но я терплю уже круглой годъ ужасное истязаніе; а г. Огаревъ, которой сохраненные мною архивы*) приводилъ въ порядокъ и съ одной полки на другую приказалъ переставлять, получилъ въ награду чинъ. И какой же? Оберъ-прокурора Сената 4-го департамента. Дивна дѣла твоя, Господи!

Читая въ вѣдомостяхъ о вспоможеніи, оказанномъ Патриотическимъ Обществомъ потерпѣвшимъ въ Москвѣ раззореніе и видя, что сіе пособіе еще учинено большою частію и богатымъ людямъ, рѣшился отнести къ сему почтеннѣйшему сословію и послалъ письмо на имя Виктора Павловича Кочубея, съ котораго копію при семъ прилагаю; можетъ быть, что нибудь и дадутъ, а мнѣ признаться нужда. Адресъ ко мнѣ перемѣнился и надписывай на конвертѣ такъ: „Въ Москвѣ, между Тверскими и Никитскими воротами въ домѣ Петрова-Соловова, что на бульварѣ“.

3.

Москва, 1 Іюля 1814.

Могу-ль я когда нибудь забыть, что ты первый мой былъ наставникъ по гражданской части? Вспомни, когда я въ 1795 году, прибывъ въ Пензу, не успѣлъ дать и резолюціи на рапортъ солянаго пристава въ продажѣ имъ соли и вырученной за оную денегъ. Такъ, мой поченный пріятель! Я никогда онаго не забуду. Жаль только, что всѣ мои записки, и кои я хранилъ какъ безцѣнныя для меня сокровища, все пропало. Я всѣмъ пожертвовалъ отечеству, спасъ только дѣла вотчиннаго департамента и за то наказуюсь. Время течеть, и мы

*) Съ Французскаго: les archives.

оба съ тобой состарѣлись, приближаемся къ общей матери нашей сырой землѣ, память только добрыхъ нашихъ дѣлъ останется въ потомствѣ, и то на нѣкоторое только время. Теперь, кажется, я нѣсколько посвободнѣе въ дѣлахъ моихъ, и потому буду отвѣтствовать на письмо твое отъ 27 Февраля.

Я очень радъ, что ты успокоенъ со стороны сына, ибо имѣешь регулярную съ нимъ переписку, и уповательно, что будешь имѣть скоро и родительское утѣшеніе его видѣть въ объятіяхъ своихъ. Миръ во всей Европѣ. Жаль мнѣ, что я не знаю твоего сына лично, ибо не имѣлъ удовольствія его видѣть въ проѣздѣ чрезъ Москву. Г. министръ юстиціи Дмитріевъ, въ бытность его въ отпуску, жилъ въ Москвѣ около четырехъ мѣсяцевъ; онъ невидимъ былъ для дѣлъ службы, но для собственнаго его интереса можно было всякому имѣть въ чертоги его доступъ. Боже праведный! Для чего Ты помазанникомъ нашимъ при семъ таинствѣ ихъ, нами исповѣдуемомъ, не далъ и дара видѣть сердца подданныхъ своихъ? И всеконечно Д.... никогда бы не былъ министръ юстиціи. Но оставимъ его. Я писалъ къ нему послѣднее уже письмо 18 Іюня и ожидаю отвѣту чрезъ Московскаго губернскаго прокурора или чрезъ полицію; ибо сей министръ до того надмененъ, что не отвѣтствуетъ прямо лицу его утруждавшему. Я при семъ посылаю копію съ письма моего на высочайшее имя, которое я послалъ 25 Іюня подъ конвертомъ на имя государя цесаревича Константина Павловича. Будетъ ли конецъ нашимъ страданіямъ, Богу извѣстно!

Письмо А. Д. Бестужева-Рюмина къ великому князю Константину Павловичу.

Ваше Императорское Высочество!

Простите великодушно, Государь Цесаревичъ, дерзновенію моему, что я осмѣлился въ горестнѣйшихъ моихъ обстоятельствахъ искать высокаго покровительства вашего. Герой, проливавшій кровь за отечество, не можетъ быть равнодушенъ къ безвинно погибающему вѣрному сыну того отечества, которому В. И. В. оказали столь блистательныя услуги.

Нижайшая моя просьба состоитъ въ томъ, чтобъ приложенной при ономъ конвертѣ доставить въ собственныя руки августѣйшаго вашего брата, а моего законнаго Государя. Сей конвертъ подъ открытою печатью, и В. И. В. можете изъ содержанія онаго видѣть, сколь участь моя отягчена, и что одно отчаяніе рѣшило меня васъ беспокоить.

Пребываю съ глубочайшимъ благоговѣніемъ Вашего Импер. Высочес. милостивѣйшаго государя, всенижайшій и преданнѣйшій А. Ф. Надворный совѣтникъ.

Москва, 25 Іюня 1814.

Б. Р.

Письма А. Д. Вестужева-Рюмина къ императору Александру Павловичу.

1.

Всемилоствѣйшій Государь!

Проходя служеніе мое въ продолженіи многихъ лѣтъ всегда по правиламъ чести и истины, не бывъ никогда подъ судомъ, ниже подъ малѣйшимъ взысканіемъ въ упущеніи моихъ должностей, и когда надѣялся, что примѣрное усердіе на пользу Отечества при представшей опасности столицѣ Москвѣ нашествіемъ врага во оную заслужить вниманіе начальства, напротивъ сверхъ чаянія содѣлался жертвою клеветы, неправды и беззаконнаго притѣсненія. Честь и имя мое страдаетъ! Въ такомъ горестномъ положеніи дерзаю повергнуть себя къ Августѣйшимъ стопамъ В. И. В., всеподданнѣйше прошу правосудія и высоко-монаршихъ щедротъ.

Не за долго до вторженія непріятеля въ столицу Москву опредѣленъ я вторымъ членомъ присутствія вотчиннаго департамента, и долженъ былъ остаться во власти врага при своей должности; ибо, не имѣлъ ни отъ какого начальства приказанія оставить своего мѣста, а самъ собою нарушить клятву и кинуть въ духъ труса на произволь судьбы важныя дѣла, надзору моему ввѣренныя, не думалъ быть въ правѣ. Я въ полномъ отношеніи исполнилъ долгъ присяги моей, которою обязанъ служить Престолу и Отечеству по правдѣ, не падая живота моего, съ пожертвованіемъ всего имущества, оставя себя съ семействомъ нага и боса, имѣлъ счастье спасти отъ вражяго расхищенія архивы вотчиннаго департамента; съ величайшею же опасностію моей и семейства моего, малолѣтнихъ дѣтей жизни, я сохранилъ жизнь около ста человѣкамъ моихъ соотечественниковъ.

Таковую пламенную и нелицемѣрную приверженность къ Престолу В. И. В. и истинную любовь къ Отечеству люди, удалившіе себя отъ театра ужаса и возвратившіеся въ столицу Москву по изгнаніи уже непріятеля, предпочитая собственную пользу пользѣ общей, назвали подвигъ моего усердія: *наклонностію къ сторонѣ врага*; а твердое сохраненіе клятвы, которую сами не сохранили: *измѣною Отечеству*; и я преданъ былъ суду. Мѣсто по службѣ у меня отнято и отдано другому; словомъ сказать, совершены на мнѣ жестокости наказанія именемъ В. И. В., и въ чемъ преступленіе мое, даже не объявлено.

Послѣ трехъ лѣтъ сужденія о преступленіи, котораго дѣйствительно я по сю пору не знаю, Государственный Совѣтъ положеніемъ своимъ заключилъ: *что я невиненъ, разршиль мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 года.* Хотя таковое положеніе Государственнаго Совѣта и пріятно сердцу преданному къ отечественнымъ законамъ и къ законному Государю, однакожь безъ воздаянія не удовлетворяетъ ни подвигу моему, ни безвинному претерпѣнію; ибо, пожертвовавъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, остаюсь съ бѣднымъ семействомъ нагъ, босъ и даже безъ надежнаго пропитанія; а находясь безъ службы, благомыслящіе люди должны оставаться въ тѣхъ же мысляхъ обо мнѣ, какіе произведены въ нихъ не благонамѣренными на счетъ поступка моего. И такъ, горекъ плодъ для меня твердое сохраненіе присяги! Но всемилостивѣйшій Государь, не получивъ я награды за подвигъ мой, Государственнымъ Совѣтомъ оправданный, можетъ остановить сыновъ Отечества прямымъ путемъ службы искать себѣ чести; а если еще узнаютъ жестокіе поступки со мною, то даже устрашить оныхъ служить по правдѣ.

Я прошелъ всѣ инстанціи искавъ правосудія, но искалъ напрасно, и отечественное правосудіе теряетъ для меня свою силу. Не ужели, всемилостивѣйшій Государь, въ благополучное и знаменитое царствованіе В. И. В. я, рожденный вѣрноподаннымъ вашимъ, въ нѣдрахъ моего Отечества долженъ оставаться внѣ закона, и безъ преступленія терпѣть страданія отъ клеветы, неправды и притѣсненій; пожертвовавъ на пользу Отечества имуществомъ моимъ, въ нищетѣ съ бѣднымъ семействомъ, стоная, приближаться къ смерти; а чуждые народы, вѣрноподанные всѣхъ Европейскихъ державъ, прославляютъ величіе ваше въ правосудіи, кротости, милости и щедротахъ! Но нѣтъ, всемилостивѣйшій Государь, я не столько легковѣренъ, робокъ и простъ, чтобъ несчастной мой жребій могъ почитать точнымъ удѣломъ священнаго правосудія, или, какъ увѣрить хотять, что на жестокость поступковъ съ несчастными сынами Отечества остававшимся во власти непріятели съ занятіемъ его столицы Москвы есть высочайшая воля В. И. В., и будто политическія дѣла того требуютъ. Нѣтъ! я не вѣрю оному: Монархъ, который въ особѣ своей представляетъ образъ божества, Монархъ, котораго и враги Отечества во время пребыванія своего въ столицѣ Москвѣ называли вѣнценоснымъ Ангеломъ, утѣшить огорченную душу къ вѣчной славѣ своего имени.

Никакого сомнѣнія не имѣю, что истина несчастныхъ и страшныхъ происшествій въ столицѣ Москвѣ отъ В. И. В. сокрыта, или о сихъ происшествіяхъ не такъ доложено; но смѣю сказать, что В. И. В.—у

измѣнниковъ не было; я по крайней мѣрѣ таковыхъ не знаю, да и не знаю, въ чемъ измѣну полагають. Какой Россіянинъ предпочтетъ кроткое самодержавіе законнаго своего Государя, любимаго всѣми народами монарха Александра, потомка Петра I-го, внука Екатерины II, и содѣляется рабомъ пришельца?

1-е) Согласно положенію Государственнаго Совѣта, который заключилъ, что я невиненъ, разрѣшилъ мнѣ право на службу и даже ношеніе бронзовой медали въ воспоминаніе 1812 г. высочайше повелѣть опредѣлить меня къ должности чину моему соотвѣтственной въ столицѣ Москвѣ. Такимъ образомъ честь и имя мое останутся безъ пятна.

2-е) Удостойте, всемилостивѣйшій Государь, и мнѣ быть участникомъ въ высокомонаршихъ щедротахъ вашихъ, высочайше повелѣвъ, по примѣру другимъ, сдѣлать и мнѣ денежное вспомоцествованіе за потерю моего имущества. Хотя потери мои не чрезвычайны и не простираются свыше 20 т. рублей, однакожъ оно составляло все мое состояніе и, пожертвовавъ онымъ, Отечество имѣетъ истинную и видимую пользу. Пять лѣтъ уже, что, лишившись моего достоянія, терплю съ семействомъ крайнюю нужду и въ жизненныхъ потребностяхъ, снискивая себѣ пропитаніе займомъ отъ людей, кои, примаю въ горестномъ положеніи моемъ участіе, дѣлають мнѣ кредитъ, и по сіе время задолжалъ я около 10 т. рублей, и въ сихъ неоплатныхъ моихъ долгахъ, не взирая что пожертвовалъ имуществомъ моимъ на пользу Отечества, долженъ буду кончить дни жизни своей въ тюремномъ содержаніи.

Москва, Декабря 13 дня 1817.

2.

Богъ свидѣтель, всемилостивѣйшій Государь, что я никогда и въ помысленіи не имѣлъ нарушить данной мною клятвы, но всегда служилъ *В. И. В.* по правдѣ, не щадя живота моего, и никакая клевета опорочить службы моей не можетъ; однакожъ усердіе мое не только не имѣетъ награды, но, напротивъ, еще вверженъ въ самыя горестнѣйшія несчастія, вопреки милосерднаго сердца *В. И. В.*

Въ началѣ 1811 года послѣдовало высочайшее *В. И. В.* разрѣшеніе объявленное мнѣ г. тайнымъ совѣтникомъ Молчановымъ, касательно позволенія вступить въ отечественную службу. Я старался имѣть оную подъ вѣдомствомъ г. министра юстиціи Дмитріева и 2 Маія 1812 года по указу Правительствующаго Сената опредѣленъ членомъ вотчиннаго департамента что въ Москвѣ; а въ концѣ тогожъ Маія вступилъ и въ отправленіе моей должности.—2-го Сентября 1812 года непріятель вторгся въ столицу Москву. Я безстрашно сохранялъ мѣсто

свое, ибо не имѣлъ ни отъ какого начальства повелѣнія оставить онаго; самъ собою разрѣшить клятвы при угрожаемой опасности я не думалъ быть въ правѣ; и въ какоежъ время могъ я лутче оказать преданность мою къ престолу *В. И. В.* и истинную любовь къ Отечеству, какъ не въ сіе время страха; и потому, хотя и слышалъ о всѣхъ жестокостяхъ непріятеля съ побѣжденными, однакожъ рѣшился всѣмъ жертвовать и старался сохранить дѣла надзору моему вверенныя, оставшіяся во власти у непріятеля.—Сии дѣла суть драгоцѣнности, *В. Г.* ибо по онымъ производятся справки, и они разрѣшаютъ распри между вѣрно-подданныхъ вамъ по тяжбынымъ дѣламъ въ разсужденіи недвижимой собственности. Плоды усердія моего видимы, ибо сей вотчинной департаментъ существуетъ, и дѣла въ ономъ по прежнему производятся.— Я при семъ осмѣливаюсь приложить копію съ донесенія моего г. министру юстиціи о происшествіяхъ, касательно сего департамента. Не смѣю разпространяться о тѣхъ ужасахъ, которымъ я былъ свидѣтель, ибо милосердное сердце *В. И. В.* не останется равнодушно и содрогнется о моихъ претерпѣніяхъ.

Во время пребыванія врага въ столицѣ Москвѣ, я ни въ какомъ смыслѣ не нарушилъ присяги моей *В. И. В.*, какъ законному моему Государю, въ разсужденіи вѣрности, ибо другому государю не присягалъ, да и къ оному не былъ приневоливанъ; а напротивъ еще, ходилъ въ храмъ Божій и преклонялъ колѣна предъ жертвенникомъ Всевышняго Существа, молилъ о низпосланіи благоденствія *В. И. В.* и всего Августѣйшаго вашего дома. Засѣданіемъ же въ учрежденномъ Мюнисипалитетѣ или Отечественномъ Градскомъ Правленіи я могъ только быть полезенъ несчастнымъ моимъ соотечественникамъ оставшимся на жертву врага. Объ ономъ свидѣтельствуется данная сему Мюнисипалитету инструкція.

Дворянскаго моего достоинства и чина императорскаго Россійскаго надворнаго совѣтника я не унижилъ; ибо врагамъ не рубилъ дровъ, не носилъ имъ воды, и ни въ какія услуги употребленъ не былъ, но напротивъ еще твердость духа, съ которымъ я исполнялъ долгъ присяги моей *В. И. В.*, заставила и ихъ имѣть ко мнѣ уваженіе. Я, лишившись всей моей собственности, спасъ однакожъ чужой домъ отъ огня и совершеннаго разграбленія, въ которомъ потомъ и жилъ, охранялъ въ ономъ и кормилъ 78 человекъ несчастныхъ согражданъ моихъ, кромѣ особо еще приходящихъ и требующихъ пищи. Я самъ, и семейство мое, малолѣтныя дѣти голодали, но отдавалъ послѣдній кусокъ. Французскій маршалъ герцогъ Тревизо, бывшій въ то время главнокомандующій въ Москвѣ, не былъ равнодушенъ къ потерямъ и усердію мною оказываемому на пользу Отечества, и, видя въ нищенскомъ меня

одбѣнїи, желалъ вознаградить сіи потери золотомъ и платьемъ, но я отвергнулъ дары его; ибо потери мои въ такое время есть дань любезному Отечеству, которому я обязанъ даже и воспитаніемъ моимъ.

Московская полиція, возвратившаяся паки въ столицу 11 дней спустя по выходѣ непріятеля и вступя въ отправленіе должности своей, очищая городъ нашла въ колодцахъ, въ погребахъ, въ прудахъ и въ другихъ тайныхъ мѣстахъ до 12 тысячъ тѣлъ убитыхъ непріятельскихъ. Она торжественно услуги свои отечеству объявила, въ отысканіи, въ сожженіи или похороненіи оныхъ; и чиновники ея отъ высочайшихъ щедротъ *В. И. В.* достойно награждены; но, *В. Г.*, дерзаю спросить: *Кто жь умалилъ силы вражїя въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ?* Всеконечно не тѣ были герои, которые возвратились въ столицу по выходѣ врага; не тѣ были мстители за Отечество, которые называютъ себя *вѣрными сынами Отечества*, но оставили однакожъ Отечество во время представшей ему гибели. Иные кинули на жертву врагу и престарѣлыхъ родителей своихъ, жену и малолѣтнихъ дѣтей, чтобъ спасти себя одного. Всеконечно не сіи люди, *В. Г.*, умалили силы вражїя въ первопрестольномъ нашемъ градѣ, и первой шагъ сдѣлали къ безсмертной славѣ Отечества нашего и освобожденію Европы отъ ига; но сіе учинили мы, мы остававшіеся на жертву врага. Мы не похороняли убитыхъ тѣлъ враговъ своихъ, и ихъ даже не бранили словами, но будучи наги, босы, обезоруженные, ослабѣвшіе отъ голода, сильны однакожъ еще приверженностію къ престолу *В. И. В.* яко законному Государю нашему и пылая любовію къ погибающему Отечеству, мы съ величайшею опасностію собственной жизни своей приносили оныхъ на жертву оскорбленной родинѣ нашей. И въ огородѣ того дома, въ которомъ жилъ, нѣсколько было сихъ жертвъ. Я самъ собою не обагривъ въ крови враговъ рукъ своихъ, но кормивъ и защищаль тѣхъ, кои содѣлывали себя орудіемъ сего отечественнаго мщенія. Я не ищу награды, *В. Г.*, ниже въ потеряхъ моихъ вознагражденія, ибо мною содѣянное есть, долгъ всякаго вѣрноподаннаго *В. И. В.* и любящаго свое Отечество; но не желаю однакожъ, чтобъ соотечественники мои послѣ всѣхъ таковыхъ ужасныхъ происшествій поступали со мною злѣе, нежели сами враги наши; ибо многіе смѣютъ искать измѣны въ видимомъ усердіи.

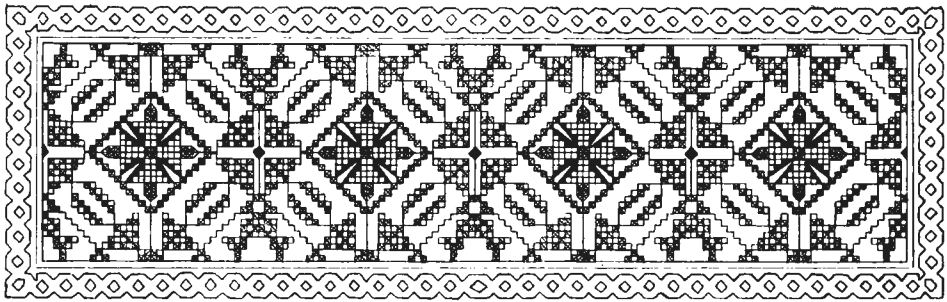
Второй уже годъ на исходѣ, *В. Г.*, что я терплю ужасное истязаніе. Семейство мое, видѣвшее всѣ ужасы нашествїя врага потому только что я хотѣлъ исполнить долгъ присяги моей, теперь въ самой крайней пищетѣ со мною находится, и среди своихъ соотечественниковъ терпитъ голодъ, стоная приближается къ смерти. Я, лишившись всей собственности отъ пожара и расхищенія непріятельскаго, два года уже не получаю

ни высочайшаго положеннаго мнѣ по смерти пенсіона, ниже по мѣсту моему жалованья, и мѣсто мое, какъ слышу, отъ меня отнято въ замѣну заслуженной награды и отдано уже другому, но на отставку мою по сию пору я никакого законнаго вида не имѣю, а только выѣздъ мнѣ изъ Москвы запрещенъ, и я не могу разстроенныхъ дѣлъ моихъ привести въ порядокъ. То достояніе, которое бы я могъ имѣть избѣгшее отъ разоренія и похищенія врага, по указу Правительствующаго Сената 1-го департамента повсемѣстно арестовано, въ согласность предложенія г. министра юстиціи оному, будто бы я не отдалъ отчету въ казенной суммѣ въ вѣдѣніи моемъ находящейся; но въ послѣдствіи времени г. министръ юстиціи узналъ, что я въ вѣдѣніи моемъ никакой суммы казнѣ принадлежащей не имѣлъ, а что самая малая часть оной осталась въ рукахъ моихъ, то потому только что чиновники бѣжали отъ должностей своихъ, не отдавъ отчету въ оной, и первопришедшій въ комнаты вотчиннаго департамента могъ бы сею суммою воспользоваться, и тогда бы уже по всей справедливости долженъ былъ за оную отвѣтствовать, какъ остававшійся начальникъ, не пренебрегшій долгъ присяги; но я оною не покорыствовался, и сія сумма недостаточна усыпить совѣсть мою, еслибъ къ несчастію имѣлъ я ее сонливою. Правда, что я не содержался, *В. Г.*, тринадцать недѣль въ тюрьмѣ, какъ другіе мои сотоварищи несчастія, кои употребили себя на пользу соотечественниковъ своихъ, во время страшнаго нашествія; я не вымѣталъ улицы, какъ сіи же мои сотоварищи, въ класныхъ чинахъ Россійской Имперіи состоящіе, не закономъ еще къ тому осудимые, но взошедшею полиціею самопроизвольно къ сему приневоленные; однакожь на мнѣ совершена другого рода жестокость: мнѣ не позволено было выѣхать изъ Москвы и на 8 дней, чтобъ проститься съ отходившимъ отъ сего свѣта тритцатисемилѣтнимъ моимъ благодѣтелемъ и искреннѣйшимъ другомъ графомъ Бобринскимъ. Я умолялъ главнокомандующаго въ Москвѣ, показывалъ ему письма съ нарочнымъ мною полученныя, въ которыхъ покойника послѣднее желаніе было чтобъ со мною увидиться еще разъ; но графъ Растопчинъ мнѣ самымъ суровымъ образомъ въ семъ утѣшеніи отказалъ, и въ сей жестокости смѣлъ употребить высочайшую будто *В. И. В.* волю. Двѣ недѣли потомъ графъ Бобринской умеръ.

Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ дерзаю повергнуть себя къ стопамъ *В. И. В.* Удстой, *В. Г.*, подъ благословеннымъ царствованіемъ своимъ и мнѣ дни проводить спокойно и безбѣдственно и окажите высочайшее ваше правосудіе.

25 Іюня 1814. Москва.

Двѣнадцатый годъ.

Показанія участниковъ и очевидцевъ.

I.

Неизвѣстнаго Московскаго обывателя. Описаніе моего пребыванія въ Москвѣ во время Французовъ, съ 1-го по 21 Сентября 1812 года.

1-го Сентября, по счастію моему, успѣлъ я отправить изъ Москвы жену мою и малолѣтнихъ дѣтей, назнача имъ пребываніе въ деревнѣ *Новой*, что по Троицкой дорогѣ, гдѣ бѣ они дожидались меня. Но ахъ! Сего не случилось: судьба приуготовляла мнѣ пить чашу горестей, я пораженъ былъ несчастіемъ. совсѣмъ неожиданнымъ.

2-го числа воспослѣдовала со мною величайшая переменъ: желанія, намѣренія, кои я имѣлъ въ мысляхъ своихъ, остались тщетными и бесполезными. Я видѣлъ уже въ Москву входящихъ Французовъ, отъ коихъ пришелъ въ безпамятство. Не зная, за что взяться и что убирать, копалъ яму для сундука съ величайшимъ напряженіемъ силъ моихъ; въ замѣшательствѣ и разстройствѣ мыслей, укладывалъ въ него самое лучшее изъ имѣнія; наконецъ, вдругъ увидѣлъ входящаго въ домъ мой одного Француза, который бѣгалъ, какъ бѣшанный. смотрѣлъ на ту и другую сторону и говорилъ мнѣ на своемъ Французскомъ языкѣ; а какъ я не зналъ онаго, то дѣлалъ ему рукою знакъ, чтобы онъ вошелъ въ комнаты мои. Описывая горестное свое состояніе, долженъ упомянуть и о несчастныхъ женщинахъ, не имѣющихъ никакого пристанища, коихъ было семь человекъ: мать съ дочерью больною, умѣвшею говорить на Французскомъ языкѣ, посредствомъ коея и отвѣтствовалъ я на вопросы оному Французу. Упомянутый непріятель, войдя въ комнаты мои, стремительно обѣгалъ ихъ, удивлялся вопросамъ дѣвицы, говорившей ему по-французски, и, подумавъ нѣсколько, отвѣчала ей, что онъ смотритъ, нѣтъ ли здѣсь солдатъ Россійскихъ и оружія;

потомъ просилъ хлѣба. Я велѣлъ дать онаго и, сверхъ сего, еще полштофа сладкой водки, коей у меня только и было. Онъ, наливши рюмку, приказывалъ мнѣ напередъ выпить. Я, увидя его сомнѣвающагося, принялъ рюмку и пилъ; потомъ, по приказанію его, я подаль ему масла коровьяго и еще мяса, и онъ столько ѣлъ жадно, что ничего поставленнаго мною не оставилъ. Во время сіе хвалилъ онъ своего императора и обнадеживалъ насъ, что съ нами ничего не будетъ: „домы ваши будутъ цѣлы и имѣнія ваши не будутъ разграблены; если же кто осмѣлится тронуть, то объявите офицеру, и грабители будутъ наказаны“. Я хотѣлъ продолжать съ нимъ разговоръ чрезъ сію дѣвицу, но увидѣвъ, что она слаба, да и не понимаетъ смыслу Французскаго языка, оставилъ ихъ и пошелъ въ другую половину комнаты, гдѣ бы дать волю течь слезамъ моимъ. Съ колѣнопреклоненіемъ просилъ Бога о прощеніи нашихъ согрѣшеній; потомъ опять вошелъ къ нимъ и увидѣлъ, что онъ вышелъ вонъ, довольно укрѣпивши себя пищею.

Въ сіе-то время я началъ колебаться въ мысляхъ своихъ: если мнѣ бѣжать изъ Москвы, то мнѣ нанесутъ безпокойство бывшіе со мною. Говорилъ я родительницѣ своей, чтобъ она со мною ушла тайнымъ образомъ, но она отговаривалась отъ сего, представляя мнѣ ту причину, что никакой еще нѣтъ опасности; при крайности же можемъ уйти и въ слѣдующій день. Наступила ночь, въ которую я хотя и безпокоился, однако съ нами ничего не случилось. Часто выходилъ на дворъ, гдѣ слышалъ стоны въ сосѣднихъ домахъ, стоны, означающіе грабежъ. Въ третій день поутру пришелъ ко мнѣ мой родственникъ и говорилъ мнѣ, что Французы вошли самымъ благовиднымъ образомъ, и что одинъ Французскій офицеръ говорилъ съ нимъ ласково и потчивалъ арбузомъ, за который онъ заплатилъ столько, сколько потребовалъ лавочникъ. Поговоривши я съ симъ моимъ родственникомъ, разстался, и послѣ него ничего не дѣлалъ и не убиралъ, а только ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и былъ въ глубокой задумчивости. Въ половинѣ дня пошелъ я къ Арбатскимъ воротамъ увѣдомить онаго родственника и, пришедши въ домъ его, увидѣлъ, что у него шесть человекъ Французовъ искали хлѣба, а у сосѣда его и другія прихоти исполнять хотѣли: кто что хотѣлъ, тотъ то и бралъ. Увидя непріятелей въ домѣ его, я пустился бѣжать въ домъ свой. Не прошло часа, какъ явились и ко мнѣ четыре Француза, начали искать всего, копали и брали все то, что имъ надобно, имянно: рубашки, платки, манишки. Сколько я имъ ни представлялъ бѣдность свою, но они, ни на что не взирая, брали все оное. За ними еще въ слѣдъ другіе пять человекъ пришли и тоже грабили, изъ коихъ одинъ, будучи благосклоннѣе, вошелъ со

мною въ разговоръ чрезъ оную дѣвицу, соболѣзновалъ объ участи моей, совѣтовалъ, чтобъ я убралъ оставшееся имущество и научалъ, какъ спастись отъ грабительства непріятелей; потомъ, вынувъ онъ бутылку дреймадеры, съ нимъ бывшую, пилъ самъ, также просилъ меня неотступно выпить. Сколько я ни отговаривался, но принужденъ былъ пить, смѣшавъ со слезами моими. Многихъ приходившихъ сей Французъ отводилъ отъ моего дому, говоря, что онъ здѣсь отъ начальниковъ приставленъ для сохраненія онаго дому и имѣнія, и тѣмъ самымъ сохранялъ отъ грабителей. Сіе продолжалось до самыхъ сумерокъ. Выходилъ оный непріятель къ стучавшимся въ сіе время четверемъ Французамъ и не могъ уже ихъ уговорить отъ грабежа; они выгнали и его и дѣлались мнѣ защитниками, при чемъ увѣряли, чтобъ я ничего не опасался, а между тѣмъ спрашивали сахару, пива, водки и бѣлыхъ хлѣбовъ. Но какъ у меня сего не было, да и достать негдѣ, то отъ сего они пришли въ бѣшенство, начали мнѣ угрожать опасностію и убѣжденіямъ моимъ не могли повѣрить до тѣхъ поръ, пока не обыскали весь домъ и погреба. Ничего не нашедши, нѣсколько успокоились, стали обходиться ласковѣе; потомъ вышли двое куда-то, не знаю, и принесли чугуны готовой живности, велѣли намъ поставить на очагъ. Покамѣсть это готовилось, они между тѣмъ пили принесенные съ собою напитки и, напившись пьяны, потребовали перинъ. Я тотчасъ велѣлъ постлать имъ постели; двое изъ нихъ легли, а двое пошли къ сосѣду моему въ домъ искать у него напитковъ. Возвратившись оттуда съ одними вязеными перчатками, сѣли съ нами, и казалось мнѣ, что они старались за мною примѣчать. Я часто выходилъ на дворъ смотрѣть на пламя, пылающее въ рядахъ и на загорающіяся въ другихъ мѣстахъ зданія. Также и они, растворивъ окошко, смотрѣли и увѣряли меня, что это не Французы жгутъ, а Русскіе. Въ сіе время, т. е., часу въ первомъ ночи, загорѣлся сосѣда моего домъ, смежный съ моимъ. Тогда я, оставя все, домъ свой и имѣніе, въ немъ находящееся, хотѣлъ бѣжать, сказавъ родительницѣ, чтобы и она за мною слѣдовала. Лишь только за ворота вышелъ, какъ они выбѣгли на улицу и, схвативши меня, велѣли опять идти въ домъ мой. Сколько я ихъ ни убѣждалъ, прося у нихъ со слезами увольненія и отпущенія себя, но они сего не сдѣлали. Нечаянно наѣхалъ на насъ объѣздной ихъ офицеръ, кой, будучи тронуть моею просьбою и слезами, велѣлъ меня отпустить. Освободясь отъ нихъ, пустился я бѣжать со всѣми прочими, взявши подъ руку родительницу свою. Въ замѣшательствѣ и забвеніи не знали сами, куда шли. Приблизясь къ Пречистенскимъ воротамъ, увидѣли бѣгущихъ прямо на насъ двоихъ Французовъ съ обнаженными мечами, кои, остановя меня, приставляли къ груди моей обнаженный мечъ

и угрожали мнѣ смертію. Родительница, видя сіе мое несчастье, поверглась къ ногамъ сихъ непріятелей, и всѣ вообще, со мною бывшіе, просили ихъ о помилованіи меня. Они жъ, не внимая ихъ прошеніямъ, требовали денегъ. При такихъ опасностяхъ, желая сохрѣнить я жизнь свою, всѣ ихъ прошенія дерзостныя принужденъ былъ исполнять. Вынималъ имъ денегъ, но не болѣе 50 копѣекъ, кои они брося, начали болѣе мнѣ угрожать смертію и требовали безотступно отъ меня серебра. Послѣдніе три рубля отдавъ имъ, велѣлъ имъ себя осмотрѣть всего, какъ имъ угодно. По обысканіи, нашли у меня они ножикъ перочинный и, взявши оный, отпустили меня.

По претерпѣннн снхъ ужасовъ, пустились мы бѣжать на Каменный мостъ, стараясь всячески укрываться отъ непріятелей; косогоромъ спускаясь къ лѣснымъ рядамъ; находили препятствія отъ лаянія собакъ, не дававшихъ намъ тихо проходить. Между тѣмъ видѣли мы издали, какъ пламень пожиралъ огромныя зданія, какъ непріатели повсюду учиняли грабежи. Въ отчаяніи и страхѣ прибѣжали на Каменный мостъ и, поднявшись до половины онаго, увидѣли на той сторонѣ темноту страшную, возвратились и пошли по набережной. Прошедъ ее, нѣсколько сошли по сходамъ внизъ къ Москвѣ-рѣкѣ, гдѣ увидѣли караульную и были долго въ нерѣшимости, думая, что въ оной будкъ находятся Французы. Однакожъ тамъ никого не было. Потомъ смотрѣли на огонь, кой пожиралъ строенія, проливали слезы, наполняли воздухъ стенаніями, вздыхали; но все было тщетно. Долгое время мы тамъ сидѣли, не выдавъ никого. Потомъ, обративши взоры вверхъ на набережную, увидѣли одного Француза, идущаго за водою. Поровнявшись съ нами, началъ онъ спрашивать, зачѣмъ мы здѣсь? Мы, обливая слезами лице наше, отвѣчали чрезъ ту же дѣвицу, что мы лишились домовъ и отъ огня ищемъ спасенія у рѣки. Непріатель сей, видя меня дрожащаго отъ холода, далъ мнѣ водки, и я, выпивши нѣсколько, благодарилъ его. По отшествіи его пришли еще четыре Француза, не такую ласковость намъ оказавшіе, какъ прежній ихъ товарищъ: они были дерзки и жестокосерды, требовали съ ногъ моихъ сапоговъ, и я, поспѣшно скинувъ, отдалъ имъ и получилъ отъ нихъ худшіе, и еще жесточайшій ударъ, лишившись узелка, въ коемъ, не знаю, что было положено родительницею.

Послѣ сей встрѣчи, мы рѣшились идти дальше по набережной къ мосту Москворѣцкому, думая, гдѣ ихъ много, тамъ ихъ и начальники есть, кои не допустятъ больше насъ грабить, въ чемъ и не ошиблись. Пришедши къ мосту, увидѣли нашихъ Русскихъ, сидящихъ

на бревнахъ, и говорили имъ, почему они здѣсь сидятъ? На сей вопросъ они намъ отвѣтствовали, что намъ непріатели не даютъ пропуску чрезъ мостъ на ту сторону, упомянувъ при томъ и то, что у мосту Французовъ великое множество. Рѣшились и мы съ ними сѣсть. Французы, видя насъ, подходили и спрашивали насъ о нашихъ состояніяхъ и о родѣ. Увидя несчастное наше состояніе, пришли въ жалость и отвели насъ на свою квартиру, въ коей была цирульня, и предлагали намъ, чтобъ мы шли въ верхній этажъ онаго дома. Но я, опасаясь, не пошелъ вверхъ, но началъ просить, чтобъ оставили насъ здѣсь внизу: мы и симъ довольны будемъ. Засвѣтивши свѣчу, съ нами разговаривали и ободряли насъ, чтобъ мы ничего не опасались. Не болѣе посидѣли мы, какъ часа два; начинало разсвѣтать. При наступленіи дня, сошли сверху два Француза высокаго роста, собой весьма красивые, кои намъ казались чувствительнѣе всѣхъ и умнѣ, да и самый разговоръ ихъ показывалъ, что они сожалѣли о насъ; притомъ дали намъ нѣсколько мяса, хлѣба и сахару.

Вотъ уже наступилъ и день *4-го числа*. Непріатели начали для себя готовить кушанье; изготовя, поѣли и намъ дѣлили по нѣскольку. Потомъ уходили, говоря намъ, чтобъ мы дому сего не оставляли. Находясь мы въ семь домѣ, видѣли, что все приходили разные Французы, пекли, варили для себя и опять отправлялись, а куда, намъ совсѣмъ было неизвѣстно. Улицею же была ѣзда непрерывная въ два ряда, по одной сторонѣ мостовой въ гору, а по другой внизъ, т. е., на мостъ.

Сіе продолжалось отъ утра до самой ночи. А пожаръ былъ такъ силенъ, что куда ни посмотришь, вездѣ объято было пламенемъ; огонь пожиралъ зданія и производилъ сильный вѣтръ. Віющіеся надъ зданіями клубы огненные представляли взору нашему ужасное и страшное зрѣлище; наши же несчастные Русскіе ходили взадъ и впередъ, не находя себѣ мѣста къ выходу; лишенные почти всѣхъ силъ, падали отъ сего ужаснаго зрѣлища. Я, обращая взоръ свой на все сіе, не въ силахъ описывать; находясь въ замѣшательствѣ, говорилъ только въ сердцѣ своемъ: „Господи, Боже нашъ! Ты, Владыка, единъ есть намъ защитникъ! Подъ Твоей всеильною десницею и плѣнники, окруженные отвсюду ужасами смерти, могутъ быть спасены и избавлены отъ смерти“. Потомъ видѣли, что и у нихъ смятеніе умножалось: говорили съ величайшимъ жаромъ, спѣшили къ выходу какъ будто бѣ изъ Москвы, вздыхая сильно и взявъ свои ружья, пошли въ гору самымъ скорѣйшимъ образомъ, оставя насъ однихъ въ семь домѣ. Чрезъ двѣ минуты пришелъ

Полякъ прямо въ этотъ домъ, гдѣ мы. Онъ почелъ меня хозяиномъ сего дома, да и циркульникомъ, на что я ему отвѣчалъ, что я ни тотъ, ни другой, и что мы оставлены здѣсь Французами укрыться отъ огня, бури и холода, и что я лишился дому и имѣнія. Онъ слушалъ слова мои со злобнымъ видомъ и, чувствуя эту отраду, что онъ могъ мстить за прошедшія свои разоренія, отъ Россіянъ учиненныя, стращаль меня и, удара по уху, требовалъ серебра, вынималъ саблю, показывалъ и показывалъ глупую свою храбрость надъ обезоруженнымъ. Наконецъ, обличаемый товарищемъ своимъ въ дерзкихъ сихъ поступкахъ, совсѣмъ перемѣнился и сдѣлался даже для меня удивительнымъ: повергшись на колѣни предо мною, приставлялъ къ своимъ губамъ саблю, хотѣлъ цѣловаться. Но я, схватя свою шляпу, ушелъ съ поспѣшностію со всѣми товарищами. Хотя же онъ пустился за мною бѣжать, но офицеръ ихъ его остановилъ. Между тѣмъ какъ я удалился на набережную, вдругъ сей офицеръ догналъ меня и говорилъ мнѣ, что онъ сего унтеръ-офицера накажетъ за его поступки. Унижаясь предъ нимъ, и отъ него старался я удалиться, потому что и у него лице было показываемо исполненнымъ сладострастія: онъ дѣлалъ изъ себя какъ бы видъ сострадательности, а между тѣмъ дарилъ оной дѣвицѣ штуку канифасу, большой кусокъ сахару и бутылку вина, потомъ предлагалъ идти намъ на свою квартиру. Я просилъ его, чтобы онъ насъ оставилъ. Тронуть будучи и убѣжденъ моими словами, онъ не показалъ никакого насилія, и мы тотчасъ рѣшились идти опять къ набережной, къ Москвѣ же рѣкѣ, гдѣ нашихъ сидящихъ было уже множество.

Лишь только начали мы сходить на сходъ, какъ вдругъ увидѣли посланныхъ отъ онаго офицера двухъ солдатъ, кои насильно стали тащить дѣвицу лѣтъ двѣнадцати. Мать ея громко закричала, и они оставили ее. Потомъ и къ оной дѣвицѣ, со мною бывшей, приступали; я опять ихъ усовѣщевалъ словами и тѣмъ обратилъ всѣ ихъ звѣрства на себя: приступивши ко мнѣ, велѣли снять съ себя капотъ, жилетъ, манишку и платокъ. Покорствуясь власти непріятельской, яко плѣнникъ, снялъ я съ себя все сіе и отдалъ имъ, при чемъ взяли у меня бумажникъ и портретъ амминеатурный, обдѣланный въ золотѣ, оставя меня въ одномъ кафтанѣ и, ударивъ двумя ударами саблей плашмя, со мной разстались. Послѣ сего, случившагося со мною, несчастія, сошелъ я внизъ и, сѣдши подлѣ матушки, обернулся ея салопа полами и тѣмъ нѣсколько сохранился отъ стужи. Спусти нѣсколько времени ходили уже къ намъ непріатели для грабежа артелью. Видя насъ собравшихся великое множество, обирали все и платки, и шубы. Дошелъ и опять чередъ до меня: обыскали и ничего не нашли; только

у родительницы моей обручальное мое кольцо золотое, а у дѣвицы оной денегъ 25 р. и черный платокъ на головѣ. Все сіе взяли и пошли.

Ночь сія для насъ была самая жестокая; поминутно приходили, обирали насъ, и все разные непріатели. Приходили еще нѣсколко человѣкъ и звали меня съ женщинами моими для того, чтобъ имъ растворить хлѣбы. Хотя несчастныя женщины отговаривались отъ сихъ трудовъ, однакожь послушали меня. Пришедши къ нимъ, увидѣли мы, что вся ихъ комната заслана была перинами. Хотя сіе мнѣ казалось подозрѣніемъ на счетъ дѣвицы, однакожь рѣшился остаться и дожидаться, что будетъ отъ нихъ. Дали намъ ѣсть. Я не знаю, ѣли ли онѣ, а я ничего не могъ ѣсть; и такъ предлагали, чтобъ онѣ принялись за квашни, но женщины мои всячески старались отговариваться пожаромъ, потому что и сей домъ началъ загораться. Видя они женщинъ упорство, отпустили, и мы опять на тоже мѣсто пришли и усадились по прежнему. Часа черезъ два другіе пришли грабить, но мы были такъ ужъ бѣдны, что нечего уже болѣе у насъ брать. При семъ несчастномъ состояніи снимали они съ меня и съ прочихъ даже и рубашки. По отходѣ ихъ я принужденъ былъ надѣть женскую рубашку работницы моей. Потомъ видѣлъ на той сторонѣ Москвы-рѣки мальчика въ одной рубашкѣ, не болѣе 6 лѣтъ. Ходя онъ около огня одинъ, громко кричалъ: „Прогнѣвался Господь на насъ“, повторяя безпрестанно напѣвомъ плачевнымъ. Я, показывая своимъ сего мальчика, обливалъ лицо свое горестными слезами, стоналъ, мучился, держа въ мысляхъ своихъ слова сіи: „Господи! Ты встрѣчаемъ былъ младенцами, поющими: „Осанна въ вышнихъ, благословенъ грядый во имя Господне!“; сей же, напротивъ, отрокъ, вмѣсто сей радости, оглашаетъ воздухъ горестными слезами и укоряетъ насъ во грѣхахъ нашихъ“. При семъ случаѣ пришли къ намъ еще Французы и велѣли за собою слѣдовать. Пришедши въ Зарядье, загнали насъ, какъ овецъ, на дворъ и заперли за нами ворота. Здѣсь мы, видя прेमного предлинныхъ скамей, думали, что съ нами хотѣли дѣлать? Я мыслилъ, не хотять ли насъ заставить крошить хлѣбъ для сухарей, а другіе, что насъ для того въ семъ мѣстѣ заперли, чтобъ мы вмѣстѣ съ симъ домомъ сгорѣли. Но мы все ошиблись. Видѣли, какъ выносили одинъ Французъ мѣшокъ, ставилъ у воротъ, потомъ пошелъ за другимъ, и такъ вынесъ ихъ до 30 или больше. Непріатели приказывали намъ взять сіи мѣшки и нести за собой. Мы, взявшись за сіи ноши, любопытствовали и узнали, что это были сухари; несли за ними въ другой домъ, кой былъ въ довольномъ разстояніи отъ сего дому. Пришедшимъ намъ сюда, непріатели дали намъ саломаты; я только отвѣдалъ, и если

бы ѣсть хотѣлъ, то и тогда бы не сталъ ѣсть. Потомъ поставили пива самаго дурнаго и, спустя немного времени, опять велѣли намъ нести сіи ноши изъ этого дома. Мнѣ уже не досталось нести мѣшка, а дали намъ нести что-то въ ведрѣ жидкое. Въ оное время видѣли мы своихъ бродящихъ, ищущихъ мѣста, гдѣ бы укрыться; ходили они точно сонные, непонимающіе одинъ другого. Наполненъ будучи симъ, вдругъ увидѣлъ я несходствующаго лицомъ на прочихъ человѣка, который походилъ на Евреянина: волосы у него были темнорусые, нѣсколько завиты, росту средняго, носъ съ горбиною; глазами своими смотрѣлъ на меня удивительно; далъ онъ намъ дорогу, дѣлая знакъ, будто и онъ, какъ и прочіе, опасается. Я же, замѣтя его, шелъ тихо и далъ ему пройти. Потомъ тихо сказалъ своему товарищу, поставилъ ведро подъ тѣмъ предлогомъ, яко бы мнѣ непривольно нести, а самъ обратилъ лице свое назадъ и смотрѣлъ на него, равно и онъ на меня. Когда же отвратилъ лице, тогда онъ пересталъ смотрѣть и пошелъ прямо. Въ сіе-то время сказалъ я громко: „О Боже! Доколѣ будутъ съ нами встрѣчаться несчастія? Доколѣ будешь Ты наказывать насъ рукою вѣроломнаго непріятеля“. Принесши на дворъ, увидѣли, что мои женщины сидѣли здѣсь у стѣны и слушали худо болтающаго по-русски Французскаго какого-то чиновника, кой закрывалъ свои знаки коротенькой шубейкой, чего я и слушать не хотѣлъ. Будучи сжатъ холодомъ, сѣлъ съ родительницею дальше отъ всѣхъ и закрылъ себя полами ея салопа, и тѣмъ нѣсколько согрѣлся. Спустя немного, опять приказывали намъ нести сухари. Мы брали и выносили оныя мѣшки уже на набережную, гдѣ, поставя, спрашивалъ я ихъ о своихъ женщинахъ, и они мнѣ говорили, яко бы онѣ пошли впередъ, изъ чего ясно узналъ ихъ ложь, что они меня хотѣли отъ нихъ отклонить. Въ семъ случаѣ предался я волѣ Провидѣнія Божія и просилъ ихъ, чтобъ они меня отпустили посмотреть на мой домъ, и они мнѣ дали на волю выбирать любое изъ двухъ: или остаться съ ними, или идти въ домъ. Отнесъ я имъ съ набережной внизъ къ Москвѣ рѣкѣ свой мѣшокъ, въ награду получа отъ нихъ три кренделя. Идя набережной, я обращалъ взоръ свой на всѣ стороны, не познавалъ мѣстъ и дороги, куда мнѣ идти, наконецъ узналъ, что я у моста Москворѣцкаго, кой уже весь сгорѣлъ. Далѣе продолжая путь свой, встрѣтился со мною злодѣй и заставилъ меня нести за собою свѣчи салныя. Пришедши въ часовню, непріятель сей говорилъ мнѣ по-русски, мѣшая Французскія слова, показывая пальцемъ на образа, чтобъ съ нихъ содрать ризы, отъ чего и будутъ деньги. Я ему ничего въ семъ не прекословилъ, но только отъ него отвернулся; потомъ онъ вышелъ оттуда и пошелъ куда ему надобно. Слѣдуя за нимъ съ поспѣшностію, уронилъ я двѣ свѣчи и

кричалъ ему, чтобъ онъ остановился; поднимающаго свѣчи ударилъ онъ меня дважды палкою, потомъ, ощупывая меня, нашель крестъ, сорвалъ и бросилъ. Отъ сего я пришелъ во рвеніе и великій гнѣвъ, и едва изъ себя не вышелъ: хотѣлъ было наступить на него. Но вдругъ мнѣ пришли на мысль малолѣтнія дѣти мои, привелъ я на память опасность жизни и сиротство ихъ, имѣющее произойти отъ непокорности. Непріятель изъ сего моего поступка увидѣлъ, что я ему не надежный рабъ, остановился и спрашивалъ: „Ты нашъ?“ Я сказалъ ему, что Русскій, и онъ, ощупавъ меня, сказалъ: „О, ты голый!“ толкнувъ рукой и удара одинъ разъ палкой, сказалъ: „Поди!“ Отошеша нѣсколько, думалъ я: „Ну, ежели попадусь къ такому же злодѣю!“

Наконецъ, рѣшился идти туда же, гдѣ я сухари носилъ. Не болѣе я отошелъ, какъ шаговъ десять, вдругъ часовой наѣзжалъ на меня и ударилъ прикладомъ такъ, что съ ноги моей соскочилъ туфель; я поднималъ его и получилъ отъ него вторичные удары. Хотя я ему ничего противнаго не говорилъ, кромѣ словъ: „Дай же мнѣ поднять туфель!“ но онъ думалъ, что я ему противлюсь, оборота ружье, хотѣлъ заколотъ меня штыкомъ; другой, подскочивъ, съ великою скоростію вынулъ саблю и ударилъ меня по лѣвой рукѣ и по боку такъ жестоко, что я думалъ, будто онъ меня пересѣкъ по поламъ. Снявши съ другой ноги туфель, бросилъ къ нимъ, а самъ пошелъ по тракту, ведущему въ мой домъ, безпрестанно читая молитву: „Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ!“ и проч., и съ сею молитвою дошелъ благополучно до самаго моего дому, не видавъ ни одного Француза. Одно лишь эхо въ ухахъ моихъ было слышно: „Наполеонъ“. Мечталось мнѣ, будто онъ вездѣ ходилъ и мучилъ народъ Христіанскій. Сія мысль происходила отъ бессонницы. Наконецъ, пришедъ въ свою улицу, смотрѣлъ на всѣ стороны заливаясь слезами; не узнавалъ, гдѣ чей домъ былъ. Самыя трубы мнѣ казались за людей или большихъ гигантовъ, будто нарочно поставленныхъ для караула. Въ какомъ видѣ мнѣ сіе представлялось, въ такомъ и описываю. Въ страхѣ человѣку можетъ мечтаться все удивительнымъ и чуднымъ. Пришедъ къ своему мѣстопробыванію, увидѣлъ, что одинъ только пепель тлился надъ нимъ. Тогда-то я сказалъ со слезами: „И вотъ мое имѣніе! Вотъ моя и пища! Вотъ, все въ этомъ пеплѣ заключается!“ Легши на него, началъ горько плакать; потомъ всталъ и пошелъ посмотрѣть, нѣтъ ли кого? И увидѣлъ вдали человѣка, идущаго прямо ко мнѣ, кой, пришедши, проливалъ со мною слезы. Въ сіе время я былъ внѣ себя и, по долгомъ испытаніи, едва я могъ узнать его: оный человѣкъ былъ господина Нестерова. Я звалъ его въ подвалъ въ домъ Новосильцова, чтобъ нѣсколько успокоиться; пришедъ туда, уснули мы крѣпко.

По утру 5-ю *Сентября* всталъ я очень рано, но товарища моего уже не было. Потомъ видѣлъ влѣзающаго ко мнѣ непріятеля, коего я самъ, да и изъ отвѣтовъ его, узналъ, что онъ былъ Полякъ, и потому ударилъ его такъ сильно, что онъ, не могши стоять на ногахъ, упалъ; потомъ, поднявши за воротъ и ударивши его вторично, выбросилъ изъ подвала. По учиненіи сего поступка, ясно увидѣлъ, что худо сдѣлалъ. Размышлялъ, какъ бы спастись, и вышелъ въ то же время въ другой подвалъ, скрывшись въ вырытой ямѣ. И здѣсь меня непріятели увидѣли и сыпали мелкимъ кирпичемъ на голову мою; потомъ два половинчатые кирпича бросили на меня. Сіи удары едва могъ я вытерпѣть; однакожь не вставалъ. Они, видя меня не встающаго, начали ворочать штыкомъ, потомъ сами влѣзли ко мнѣ въ яму, оцупывали меня, ударили и ругали, однакожь оставили. Послѣ ихъ спустя нѣсколько, вышелъ я вонъ посмотрѣть, куда бы мнѣ удалиться, и увидѣлъ близъ церкви Покрова Левшина многихъ нашихъ Русскихъ, стремглавъ пустился къ нимъ и, прибѣжавши, старался подлѣ нихъ сѣсть. Увидѣвъ золу, еще не простывшую, сѣлъ на нее, но и здѣсь непріятели насъ беспокоили и тревожили; даже ни одной не проходило минуты, чтобы они насъ не обирали. Потомъ по приглашенію нѣкоторыхъ, пошли мы въ домъ какого-то князя, гдѣ жила мнѣ неизвѣстная Нѣмка, знакомая симъ. У ней нѣсколько обогрѣлись и вдругъ увидѣли, что и этомъ домъ зажгли, отъ чего я поспѣшно вышелъ одинъ и пошелъ къ своему дому, гдѣ постоялъ, какъ сумасшедшій. Потомъ, пришедши въ свое положеніе, обратился въ церкви священномученика Власія, пошелъ поклониться ему; но дошедъ къ церкви, увидѣлъ множество прихожанъ другихъ церквей, діаконовъ и священниковъ, квартальнаго порутчика съ женою и дѣтьми, коего при мнѣ также ограбили и раздѣвали, оставя въ однихъ портахъ. Въ горячности хотѣлъ было онъ бѣжать и жаловаться ихъ генералу, но злодѣи, остервенившись, приставили издали прямо на него ружье, и тѣмъ самымъ его отвратили отъ бѣгства и не лишили жизни. Я съ ужасомъ и трепетомъ взиралъ на сіе страшное позорище, дрожалъ отъ холода и стужи. Въ сихъ горестныхъ обстоятельствахъ предалъ себя совершенно промыслу Божию, потомъ увидѣлъ идущую ко мнѣ родительницу, коя чрезвычайно обрадовалась мнѣ, равно и я ей; давала мнѣ, будучи сама томима голодомъ, засохлые корочки. Я бралъ оныя и дѣлилъ съ нею по поламъ, видя, что и ей себя нужно было подкрѣпить. Посторонніе, видя наше прѣніе, дали намъ хлѣба небольшой ломтикъ, кой мы принявши, благодарили ихъ. Послѣ сего я спрашивалъ, гдѣ она оставила мать съ дочерью. Она рассказывала мнѣ такимъ образомъ: „Когда вы несли сухари на набережную, то воспрепятствовалъ намъ

слѣдовать за вами тотъ самый непріятель, кой вралъ намъ по-русски, и велѣлъ намъ за собой итти. Приведши въ домъ, заперъ насъ. Черезъ нѣсколько минутъ явился въ такомъ же одѣяніи непріятель не тотъ уже, а другой: старался всячески оболыцать сію дѣвицу, но не имѣлъ успѣха: обратилъ мысли свои на служанку, оставя дѣвицу, взялъ ее и дѣлалъ удовлетвореніе своимъ прихотямъ. Потомъ приходилъ оный же Французъ къ намъ, стращаль насъ, кричалъ: „Подпаливай!“ Изъ чего мы заключили, что насъ хотѣли сжечь. Опять приходилъ первый, сюда насъ приведшій, и сего пьянаго выгнать, а насъ отвелъ въ Воспитательный домъ. И сей дѣлалъ предложеніе оной дѣвицѣ, однакожь при мнѣ ничего съ ней не послѣдовало. Оставилъ насъ однихъ въ темныхъ покояхъ, гдѣ мы, сидя, думали, что намъ дѣлать? Наконецъ я рѣшилася итти и искать тебя, и они за мною въ слѣдъ шли. На тотъ часъ, по счастію моему, часовой ихъ спалъ, и мы безпрепятственно прошли ворота. Обрадовавшись сему, пустилася я бѣжать, а они останавливали меня для отдохновенія: тогда рѣшительно я имъ сказала: „Пусть вы здѣсь отдыхаете, а я пойду искать зятя моего!“ Оставя ихъ, пошла съ рабочей дѣвкой“, и тѣмъ она окончила свою повѣсть.

При наступленіи ночи квартальный предлагалъ намъ всѣмъ, чтобъ мы оставили сіе мѣсто и шли бѣ съ нимъ въ садъ Корсаковъ. На что многіе согласились, и я съ родительницею за ними слѣдовалъ. Пришедши въ оный садъ, нарвалъ для себя рябины и употреблялъ ее въ пищу. Прочіе имѣли здѣсь кое-что сокрыто и тѣмъ самымъ питались, а у меня ничего не было, кромѣ упомянутой рябины. Началъ сожалѣть о томъ, что ушелъ отъ церкви и опять рѣшился итти къ оной. Со мной же пошелъ неизвѣстный мнѣ мужчина съ женой и малымъ груднымъ ребенкомъ. На пути встрѣтился съ нами злодѣй, имѣющій на головѣ шапку архимандричью; я отъ него съ поспѣшностію старался убѣжать. Оставивъ меня, непріятель безъ вниманія, приступилъ къ оной женщинѣ, съ ребенкомъ бывшей, снялъ съ нея салопо, а съ мужа ея рубашку. Спасшись бѣгствомъ отъ непріятели, пришли мы опять къ церкви, легли на травѣ, сжавшись всѣ въ кучу, чтобъ тѣмъ согрѣть самимъ себя. При наступленіи ночи видѣли мы одного молодого человѣка, подходящаго къ намъ, ищущаго своихъ родственниковъ и не нашего въ нашей кучѣ. Мы, остановя его, спрашивали, что у него въ подолѣ, и узнали изъ словъ его, что говядина. Я первый началъ просить его, чтобъ онъ удѣлилъ мнѣ немного. Получивши отъ него, дѣлили по поламъ съ родительницею и, употребляя въ пищу, горестно восклицалъ симъ словами: „О Боже мой! При всемъ моемъ голодѣ,

чувствую омерзѣніе и запахъ отвратительный, худшія самыя падали“ и заглушалъ оный заразительный духъ рябиною. Всю сію ночь проводили мы на травѣ.

6-ю *Сентября* по утру пришелъ къ намъ будочникъ, Чухонецъ, и садился подлѣ меня; далъ мнѣ для сбереженія въ мѣшечкѣ горохъ сухой и велѣлъ мнѣ ѣсть. Сіе меня обрадовало, и я почиталъ его посланнымъ отъ Бога. Здѣсь видѣлъ я сосѣда моего учениковъ, приходившихъ ко мнѣ и приносившихъ мнѣ коринки и изюму. Получа отъ нихъ сіе, берегъ и давалъ малымъ дѣтямъ, а матери ихъ и отцы, въ замѣну сего, старались мнѣ давать, кто корочку хлѣба, а кто картофелю. Злодѣи же наши не преставали насъ беспокоить: сперва вошли въ церковь, а потомъ къ намъ, обыскивали насъ и, ничего не найдя, ругали насъ; потомъ другіе, третьи и такъ безпрестанно они насъ посѣщали. По прошествіи сего дня, хлѣбъ уже у насъ весь изошелъ, только что и былъ у одного будочника горохъ. Онъ хотя и не хотѣлъ дѣлать нашимъ товарищамъ, однакожъ, по увѣщаніи, далъ мнѣ волю быть раздаятелемъ.

7-ю *Сентября* рѣшились мы жить въ церкви. Насъ было числомъ 18 человекъ, и малыхъ и большихъ. Въ семъ священномъ мѣстѣ мы какъ бы уже готовили себя на жертву симъ безчеловѣчнымъ грабителямъ и условились между собою все вмѣстѣ ѣсть, кто что ни имѣетъ. Приготовляли для себя пищу самую небогатую и ѣли съ умѣренностію. Но не долго сіе продолжалось. Очень скоро прекратилось наше сіе дружелюбіе: нашло къ намъ народу такого, который нашу связь разстроили, а имянно: пьяницы, одинъ другому прекословили, другъ у друга чинили грабежи, ругались и кричали и другъ друга упрекали, словомъ сказать.... Я сколько ни старался уговаривать, но мои слова ни малаго дѣйствія и вліянія не имѣли на сердца ихъ. Тихими и скромными они учинялись тогда, когда видѣли непріятелей. Въ сіе священное мѣсто стекаясь, злодѣи обыскивали насъ, такъ какъ и прежде, искали денегъ, серебра и бумажекъ. Если же у кого находили ключи, то къ тому привязывались и требовали, чтобъ показали имъ сундучки и ящички. Послѣ сего тотчасъ все бывшіе у насъ ключи мы отобрали и покидали. Видѣли и еще приходящихъ, но уже не съ такимъ страхомъ взирали мы на ихъ, какъ прежде, потому что не къ чему уже было привязаться; входили и, нѣсколько посмотрѣвъ, опять уходили.

8-ю *числа*, по утру, приходили къ намъ наши Русскіе и говорили, что выйти изъ Москвы никакъ нельзя; кто и пошелъ, тотъ едва ли

спасется отъ смерти. Потомъ услышали мы, яко бы нашъ Августѣйшій Императоръ, Александръ Павловичъ, скончался. Сія вѣсть привела насъ въ великое возмущеніе и безпокойство и навлекла на насъ еще большій страхъ.

9-го числа, по утру, началъ я читать канонъ Пресвятѣй Богородицѣ. Читая оный со слезами, увидѣлъ вдругъ входящихъ разныхъ націй грабителей, воспрепятствовавшихъ мнѣ болѣе читать и наполнять душу мою симъ усерднымъ моленіемъ; смотрѣлъ на ихъ мерзкія насмѣшки, подобныя діавольскимъ искушеніямъ; видѣлъ, какъ они надругались надъ святынею; просилъ Бога, чтобъ ихъ не допустилъ скончать дни жизни моя, и чтобъ не лишилъ видѣть малыхъ дѣтей моихъ. Сія мысль не только въ этотъ, но и во всѣ дни была у меня.

10-го числа пошла одна старушка готовить для насъ пищу; нечаянно труба упала на нее; едва только успѣли ее исповѣдать, она умерла. Совершивъ надъ нею службу по долгу христіанскому, положили въ погребѣ. Французы, видя насъ зарывающихъ ее близъ церкви, бѣжали къ намъ съ великимъ стремленіемъ, думая, что мы имущество зарываемъ. Прибѣжавъ, засмѣялись громко и пошли отъ насъ прочь.

11-го Сентября, всегда по утру, увѣдомляли насъ разные наши Россійскіе новостями, возмущающими только насъ, что мы отчаявались выйти когда нибудь изъ Москвы. Въ сей день пришло къ намъ шесть звѣрообразныхъ непріятелей, имѣющихъ у себя предлинный ножъ. Стали они приставать къ священнику, думая, не спряталъ ли онъ что нибудь церковнаго? Но сей священникъ былъ сельскій и неученый, не понималъ ихъ словъ: ставъ у царскихъ вратъ, ожидалъ себѣ смерти. Оные враги устрашали его и окровенили предъ вратами царскими полъ, поранивъ ему руку. Отъ всѣхъ сихъ страховъ страдали мы болѣзнію желудочною; да и нечѣмъ было укрѣпиться нашему желудку: въ пищу обыкновенно мы употребляли рѣдьку и картофель, да и тотъ трудно было приобрѣтать; когда за нимъ ходили, то попадались Французамъ, одному снесешь: другой заставлялъ. И такъ опять приходили уже обезсиленными и голодомъ томимыми. Мой же Чухонецъ меня не оставлялъ: онъ всегда приносилъ картофель и спасалъ меня и родительницу отъ голода, а я и другихъ снабжалъ. При всемъ же томъ случалось, что мы были дни по три и болѣе безъ пищи.

12-го Сентября приходили къ намъ нѣкоторые люди иностранные, только не солдаты, кои умѣли говорить по русски и дѣлали выговоры намъ, для чего мы не приняли съ честію Бонапарта? Если бы вы его

встрѣтили со славою и почестями, то не претерпѣли бы такого раззоренія. Но я говорю имъ, что таковому завоевателю, каковъ Бонапартъ, не должно бѣ совсѣмъ имѣть въ мысляхъ честолюбія и думать объ этомъ, чтобъ его принялъ съ какою нибудь честію простой и бѣдный народъ, ничего у себя не имѣющій, кромѣ одного только усердія къ Богу и своему Государю. Видѣли мы нашедшую тучу, покрывшую небо пасмурными облаками, былъ великій громъ; мы всѣ пали на колѣни, повергшись предъ престоломъ величества Божія. Діаконъ здѣшній церкви сталъ у престола Божія съ распростертыми руками; словомъ, всѣ мы молились и, кажется, тогда просили объ одномъ томъ, чтобъ Всевышній показалъ чудо надъ нашими врагами и рассыпалъ бы сихъ жестокосердыхъ враговъ. По прошествіи сея грозныя тучи, приходили непріатели, изъ коихъ одинъ, войдя въ алтарь, увидѣлъ написанную плащаницу, началъ лобызать ноги тѣла Христова, отъ всего своего сердца припадалъ къ сему образу и дѣлалъ поклоненіе. При наступленіи ночи мы видѣли на небѣ два знаменія, подобныя ракетамъ, стоящимъ очень долгое время безъ всякаго измѣненія, и также тонкія и свѣтлыя какъ пускаютъ ракеты. Сему явленію я не могу надивиться: пожаръ ли былъ сего причиною, или другое какое нибудь предзнаменованіе? Оставя сіе писать, обращаюсь паки къ собственной своей исторіи.

13-го числа пришли наши Россійскіе купцы, священники и разные чиновники. Всѣ они были изранены: у кого голова проломлена, у кого рука, кто одѣтъ рогожей; словомъ, на всѣхъ ничего не было. Если тѣло ихъ покрыто было чѣмъ, то имянно ободранными рубищами. Пришелъ сюда и тотъ самый, кой носилъ со мной сухари и ведро*). Увидѣвши его, я заплакалъ, и онъ также. Потомъ я спрашивалъ, гдѣ онъ былъ въ продолженіе сего времени, и я узналъ изъ отвѣтовъ его, что онъ былъ въ работѣ у Французовъ; надѣялся, говорилъ онъ мнѣ, что въ домѣ господина моего сокрытая мука будетъ цѣла, но, къ несчастью, все разграблено такъ, что я ничего не нашелъ. Потомъ пришелъ другой мой сосѣдъ, столяръ, увидѣлъ меня въ одномъ кафтанѣ и говорилъ: „У меня есть тулупъ Калмыцкаго мѣха; возьмите его, хотя отъ него и есть смердящій запахъ“. Чему я чрезвычайно обрадовался. Какое же мое удивленіе! Видѣлъ, что оный тулупъ былъ мой; спрашивалъ, какъ онъ къ нему попалъ; онъ отвѣчалъ, что подняли его ученики на улицѣ; надѣвая его на себя, чувствовалъ запахъ весьма тяжелый, отъ коего чуть меня не вырвало, и самые Французы, слыша сей запахъ, не отняли у меня сего тулупа.

*) Въ послѣднихъ у Французовъ былъ славный профессоръ геологій Щуровскій, тогда подростокъ. Онъ сказывалъ намъ, что спасся въ домѣ И. П. Тургенева, въ Петровернскомъ переулкѣ, нынѣ Боткина. П. Б.

14-го числа обирали отъ насъ непріатели свѣчи, какъ сальныя, такъ и церковныя, и съ оными иногда приходили въ церковь въ ночное время, стращали и били насъ.

15-го числа пришли къ намъ ночью двое утомленные силами и хотѣли у нѣкоторыхъ отнимать одежду для подстилки подъ себя, но; видя на насъ худыя рубища, брали ризы ободранныя и ложились на полъ, содранными же съ престоловъ и жертвенниковъ одѣянїями облекали себя и препровождали сію ночь съ нами. Поутру, очень рано, одинъ Французъ, вставши, увидѣлъ еще товарища своего крѣпко спящаго и унесъ у него сумку. Черезъ нѣсколько времени вставшему сему непріателю сказывали мы, что его товарищъ давно уже ушелъ и взялъ его сумку и ружье, отъ чего онъ началъ плакать, и видно по всему, что онъ сожалѣлъ о сей потерѣ.

16-го Сентября начали мы съ собою размышлять, какъ бы удалиться изъ Москвы, ибо опасались, чтобъ не заразиться отъ наполненнаго худыми испаренїями мертвыхъ тѣлъ воздуха. Но какъ мы ни думали, но не находили случая выйти изъ Москвы. Посылалъ я родительницу справиться въ Университетъ, не остался ли кто изъ нашихъ родственниковъ въ ономъ; также еще посылалъ къ Петру и Павлу на Басманную, въ домъ нашего же родственника, купца Нечаева, въ коемъ она нашла родную свою сестру и племянницу, съ четверыми живущую въ подвалѣ онаго дома, и увѣдомляла меня объ оныхъ.

17-го числа приходя наши Россійскіе, увѣряли насъ, что можно выйти изъ Москвы въ ночное время; днемъ же идти черезъ Лазарево кладбище подъ предлогомъ будто за картофелемъ. Распросивши подробно о семъ, я рѣшился какъ можно выйти изъ Москвы.

18-го числа опять приходилъ къ намъ Спаса-Песковъ дьячекъ и удостовѣривалъ насъ, что онъ трижды изъ Москвы выходилъ и опять въ оную столько жъ разъ возвращался, чѣмъ насъ всѣхъ вывелъ изъ сомнѣнїя и подалъ нѣкоторый лучъ надежды душѣ нашей къ освобожденїю изъ плѣна*). По просьбамъ и убѣжденїямъ нашимъ, взялся онъ насъ выпроводить изъ Москвы, съ тѣмъ только условїемъ, чтобъ не было съ нами женщинъ, такъ какъ онѣ не могутъ: труды великіе и черезъ конхъ бы мы учинились жертвою враговъ нашихъ. Услыша сіе, родительница моя рѣшилась остаться, въ томъ намѣренїи, чтобъ въ слѣдъ за нами идти.

*) Сличь книжку С. А. Маслова: Путешествїе въ Москву во время пребыванїя въ одной Французовъ. П. Б.

19-го я и надворный совѣтникъ Шараровъ, еще изъ Чудова монастыря молодой дѣтина, приуготовлялись къ выходу изъ Москвы, и лишь только начали употреблять изготовленную нами пищу, вдругъ увидѣлъ я идущую сестру мою родительницы, увидѣлъ и, заливаясь слезами, говорилъ ей, что я сегодняшій день намѣренъ выйти изъ Москвы. И такъ, простившись въ разстроенномъ положеніи съ моими родными, пошелъ въ настоящую церковь, падалъ предъ Спасителемъ, Божіею Матерью и предъ иконою священномученика Власія. Подходя къ улицѣ Арбатской, увидѣли мы множество Французовъ, ѣхавшихъ съ фурами, и со страха укрывались за трубы, давъ имъ проѣхать. Наконецъ, пришедши въ приходъ Спаса-Песковъ, нашли мы своего путеводителя въ подвалѣ сгорѣвшаго одного большаго дома. Пошли въ путь пожарищами, стараясь смотрѣть во все стороны и укрываться отъ злодѣевъ нашихъ. Однакожъ мы, какъ ни старались укрываться отъ нихъ, но повсюду встрѣчали ихъ и отъ взора ихъ приходили въ великій страхъ. Далѣе продолжая путь свой, вышли мы на бульваръ, наполненный мертвыми лошадьми. Послѣ сего опять попадались намъ на встрѣчу подлѣ Страстнаго монастыря Французы, ѣдущіе съ фурами, коихъ лошади едва тащили бремена сіп. При сей встрѣчѣ крайне мы опасались, чтобъ не заставили насъ, вмѣсто оныхъ лошадей, тащить фуры. Бѣжали какъ невозможно скорѣе къ канавѣ и видѣли, что тамъ наши Россійскіе строили на своихъ сгорѣвшихъ мѣстахъ для жилища своего шалаши. Продолжая путь нашъ неудобными мѣстами, наконецъ пришли въ поле, гдѣ была насыяна рѣпа; дѣлали видъ, что мы ее собираемъ; между тѣмъ мало по малу приближались къ Лазареву кладбищу. Пришедши сюда, въ страхъ и трепетъ обходили оную церковь, и лишь только хотѣли перейти чрезъ валъ, здѣсь имѣвшійся, вдругъ услышали голосъ часоваго Француза, и отъ онаго въ такой ужасъ и робость пришли, что едва не пали на землю. Чувствуя во всѣхъ нашихъ членахъ сильное потрясеніе, едва могли приближать въ лѣсъ за сими нашими провожатыми; такія даже случились мѣста, что принуждены были иногда ползти шаговъ 50 и болѣе. Версты четыре отбѣжавъ, увидѣли вдали везущихъ нашихъ непріятелей снопы: сѣли у пней, чтобы непріятелямъ не попасться въ руки.

Послѣ сего хотя мы и достигли большаго лѣса, однакожъ часто случалось, что принуждены были итти краемъ онаго лѣса, гдѣ видѣли не болѣе отъ насъ разстояніемъ полуверсты огни и непріятельское войско и всячески старались укрываться, заходя въ чащину лѣса. Когда же ночь покрылась совершеннымъ мракомъ, тогда безопаснѣе

мы шли, хотя еще и не безъ страха. Прошедши 7 верстѣ разстояніемъ отъ Москвы, проводники поздравили насъ, что на пути уже почти никакихъ нѣтъ опасностей, но мы еще все опасались. Пришли къ рѣчкѣ, чрезъ которую надобно намъ перейти, и нашли такое мѣсто, гдѣ лежали чрезъ рѣчку перекладыны. По нимъ проходили сперва наши провожатые, потомъ я, при вспомоствованіи данной мнѣ отъ нихъ палки; за мною и надворный совѣтникъ, кой, при всей моей помощи, упалъ въ рѣку, потому что у него не владѣла одна рука. Встаивши его на крутой берегъ, устремлялись далѣе въ путь, между тѣмъ проводники говорили намъ, чтобъ мы какъ можно скорѣе шли и не говорили ни слова. Совратившись съ пути, вели они насъ болотами и кочками, гдѣ нерѣдко случалось стремглавъ падать. Наконецъ съ великимъ трудомъ вышли на большую дорогу, и провожатые уже здѣсь совершенно насъ поздравили безопасностію и намѣревались утомленному духу своему дать покой. Они здѣсь рассказывали намъ, что въ семь мѣстѣ наши казаки отбили обозъ и многихъ побили. Слышавъ я отъ нихъ сіе, уговаривалъ, чтобъ они поскорѣй отъ онаго мѣста удалились; ибо мнѣ все казалось, что мы еще не ушли отъ нашихъ варваровъ. По совѣту моему они пошли далѣе. Отошедши 20 верстѣ, такъ я изнемогъ въ силахъ своихъ, что едва уже могъ итти. Назначенное же нами мѣсто для долгаго отдохновенія еще было разстояніемъ въ 5 верстахъ. Въ семь случаѣ я ихъ упрашивалъ нерѣдко отдыхать, и сіи 5 верстѣ мы шли нога за ногу. Пришли чрезъ великую силу въ деревню, гдѣ дьячекъ не намѣревался еще остаться, но полагалъ свое намѣреніе дойти до села *Медвидкова*, въ коемъ онъ всегда имѣлъ свое мѣстопробываніе. Но я, Шаратовъ и еще третій мужчина остались въ сей деревнѣ и едва могли себя найти для успокоенія нашего квартиру въ 5-мъ домѣ. Вошедши въ домъ хозяина, увидѣли здѣсь нашихъ солдатъ раненныхъ, ушедшихъ же изъ плѣна. Сіи добрые хозяева, видя насъ изнемогшихъ отъ голода, натирали рѣдкки, дали хлѣба, потомъ молока, и сего пищею укрѣпясь, мы успокоились. На другой день по утру опять насъ снабжали они хлѣбомъ, и мы, укрѣпивши себя онымъ, пошли въ село *Пушкино*. Но какъ изъ насъ никто не зналъ дороги, то и не рѣдко мы сшибались съ пути своего. Дошедши же къ воротамъ, увидѣлъ я лающихъ на меня собакъ, отъ которыхъ я ушелъ къ оранжереямъ. Встрѣтясь со мною, одинъ человекъ побѣжалъ отъ меня, думая, что я Французъ. Я началъ просить его, чтобъ онъ меня оборонилъ отъ собакъ. Услыша меня говорящаго по-русски, остановился; потомъ я спрашивалъ его о моемъ родственникѣ, о женѣ и малолѣтнихъ дѣтяхъ; онъ мнѣ отвѣтствовалъ, что жены моей нѣтъ. Сіе слово поразило меня точно громовой ударъ. Далѣе продолжалъ онъ

рѣчь, что была здѣсь какая-то женщина съ малолѣтними дѣтьми и уѣхала, не знаетъ куда. Потомъ я его просилъ, чтобъ онъ проводилъ меня къ моему родственнику; нашедшему мнѣ мѣстопробываніе его, сказывали мнѣ хозяева, что онъ пошелъ въ баню. И такъ опять я просилъ сего человѣка, чтобъ проводилъ онъ меня до того мѣста. Увидѣвши меня родственникъ, едва идущаго, заплакалъ. По долгомъ моемъ съ нимъ разговорѣ, товарищи ко мнѣ пришли и говорили мнѣ, что время отправиться изъ сего мѣста. Но я уже далѣе не пошелъ. Простившись съ ними, остался здѣсь съ моимъ родственникомъ, пришелъ на другой уже день; въ половинѣ дня пошли мы въ село *Пушкино* и, купя тамъ баранины, возвратились опять въ *Кудрино*. На другой день звалъ онъ меня въ деревню *Новую*, разстояніемъ въ 4 верстахъ. Въ семь хотя я и отказывался, чувствуя расслабленіе въ ногахъ, однакожь пошелъ, и пришелъ съ нимъ въ самый тотъ домъ, гдѣ моя жена съ малолѣтними дѣтьми. Распрашивалъ я здѣшнихъ жителей о своей женѣ, и они мнѣ съ великою жалостію говорили, что ваша жена отъ страха, каковой былъ въ то время, едва ли не растеряла дѣтей своихъ. Отъ сихъ словъ почувствовалъ я въ себѣ великій ударъ и нѣкоторую перемѣну; однакожь скоро опять пришелъ въ прежнее спокойствіе, скидывалъ свои деньги, вѣсомъ въ 10 фунтовъ, отдалъ симъ хозяевамъ и просилъ у нихъ на обмѣнъ лаптей, и послѣ сего легъ спать. Проснувшись по утру рано, пошли мы съ родственникомъ въ путь, и какъ слабость моего здоровья не позволяла итти съ великою скоростію, то и нерѣдко сѣтовалъ на меня мой родственникъ. Пришли мы въ Троицкую Лавру наканунѣ празднованія Чудотворца Сергія. Отдохнувши здѣсь нѣсколько, пошли опять въ путь и, отойдя 10 верстъ, ночевали. На другой день едва могъ я продолжать путь отъ чрезмѣрнаго изнуренія; однакожь вознамѣрился итти до самаго Переяславля.

Въ семь городѣ попались намъ попутчики, ѣдущіе за хлѣбомъ въ Ростовъ, которые взяли съ насъ по рублю довести до Ростова. Отъ сего я въ себѣ чувствовалъ легость и получилъ слабымъ моимъ силамъ нѣкоторую бодрость, сходилъ въ монастырь поклониться мощамъ Святителя Дмитрія. Пробывши здѣсь нѣсколько времени, опять пошли въ путь и, отойдя 20 верстъ, ночевали. На ночлегѣ здѣсь ночевали съ нами вмѣстѣ и рекруты, изъ коихъ я примѣтилъ одного съ неумѣренностію пьющаго вино. Напившись, онъ кричалъ, бродилъ повсюду, изъ устъ его извергались сквернословія даже и на насъ. По утру вставши рано, безпрестанно онъ требовалъ отъ отдатчика вина, и вдругъ выпилъ за одинъ разъ три стакана. Видя его такую алчность и пристрастіе къ вину, говорилъ я отдатчику, чтобы онъ какъ можно

его старался сбересть и удалять отъ излишняго употребленія вина: въ противномъ случаѣ обоцется, если ему будетъ дана воля, что въ самомъ дѣлѣ и случилось: услышали мы на дорогѣ о смерти сего молодого человѣка и крайне сожалѣли о немъ. Въ 25 верстахъ отъ Ярославля наняли мы попутчика. Доѣхавъ благополучно до сего города, были мы въ крестномъ ходу, гдѣ видѣли покойнаго принца и великую княгиню Екатерину Павловну. Послѣ сей церковной церемоніи, сошли мы на берегъ рѣки Волги, гдѣ увидѣли многихъ сающихся въ лодку и ѣдущихъ, иныхъ въ Нижній Городъ, другихъ въ Кострому. Сему случаю крайне я радовался и говорилъ хозяину лодки, чтобы онъ насъ посадилъ до Костромы. По привѣту его мы тотчасъ рѣшились сѣсть въ его лодку и ѣхали всѣ ночь. Стужа и страхъ, отъ волнъ происходящій, крайне насъ беспокоили. Правители были самые неискусные: они не знали ни мели, ни способа управлять хорошо лодкою, часто набѣжали на пески, стояли на одномъ мѣстѣ иногда часа по два и болѣе, беспокоились, изнуряли свои силы, сворачивая лодку въ глубину воды. Не думая я, находившись въ страхѣ съ товарищами своими, доѣхать до Костромы. Но, при помощи Божіей, пріѣхали мы въ оный городъ и крайне радовались. благодаря Бога за спасеніе нашея жизни. Потомъ, взошедши въ гору, выпили нѣсколько сбитню для отогрѣнія себя, и хотя искали въ семь городѣ общаго нашего благодѣтеля, сказывая его имя и фамилію, но не могли узнать отъ встрѣчавшагося съ нами народа, гдѣ его находится мѣстопребываніе. Часто останавливаемы были здѣшними жителями и спрашиваемы были отъ нихъ о родѣ нашемъ, и состояніи, и извѣстности. И мы, отвѣчая имъ краткими словами, бѣгали изъ улицы въ улицу и старались сыскать того, кто намъ нуженъ былъ. Наконецъ попался намъ такой человѣкъ, который зналъ домъ нашего благодѣтеля и привелъ насъ въ оный.

Боже мой! Какое зрѣлище! Увидѣлъ я жену мою, коя, смотря на меня, изнуреннаго отъ снѣдаемой печали, совершенно перемѣнившася, спрашивала меня о своей родительницѣ, о домѣ и имѣніи. Я же, на вопросы ея никакого не давая отвѣта, спрашивалъ: живы ли малолѣтнія мои дѣти? И вдругъ она побѣжала въ комнаты и, не допуская меня по причинѣ скорости своей, войти въ оныя, вынесла мнѣ моего сына. О! Да умолкнетъ здѣсь языкъ мой! Не въ состояніи я теперь описать ту радость, кою я чувствовалъ отъ чрезвычайной радости. Увидя моего малолѣтнаго сына, держа его на рукахъ въ безпамятствѣ, забылъ уже и о другихъ моихъ. Слышалъ голосъ, поражавшій меня жалостною рѣчью неоднократно: „Тятя!“ Отъ сихъ, повторяемыхъ имъ, словъ весь я потрясая и заливаясь необычайно слезами, ласкалъ его, про-

ливая слезы отъ радости; между тѣмъ мать принесла мнѣ маленькую дочь мою, и та утѣшила своею нѣжною улыбкою.

Боже Всемогущій! Твоя всесильная десница сохранила меня, жену и дѣтей моихъ отъ угрожавшей намъ погибели. Надѣюсь, Владыко мой, что не допустишь насъ скитаться и терпѣть нужду. Ты Сердцевѣдецъ, Ты дашь намъ отъ рукъ благотворителей пищу и продовольствіе! Вотъ, читатель мой, какою я былъ тогда наполненъ мыслию. Черезъ два дни желанія мои и мысли во благихъ исполнились: нашель я благотворителя, кой, меня не выдавши, прислалъ мнѣ 25 рублей. Вотъ какое Господь попеченіе прилагаетъ о несчастныхъ, лишенныхъ всего и насущнаго хлѣба! Нѣтъ ни одного несчастнаго плѣнника, котораго бы Онъ попралъ торжествующею своею ногою; отъ самыхъ опасностей, влекущихъ за собою смерть, силенъ Онъ изъять. Примѣромъ сего я могу представить себя. Сколько со мною встрѣчалось опасностей, сколько видѣлъ я отъ непріятелей страховъ и ужасовъ, но Господь не попустилъ мнѣ погибнуть вѣчно! Прославляю теперь Господа моего, повергаюсь предъ Нимъ, возсылая теплыя молитвы. Любезные читатели, прославьте вкупѣ и вы со мною Бога, живущаго на небесахъ! Любезные соотчичи, не щадите интереса своего, если видите къ тому удобный случай помочь ближнему, чрезъ что сами избѣгнете бѣдности, и никогда не будете упрекать совѣсть свою, которая насъ часто толкаетъ при встрѣчѣ съ несчастнымъ. Прошу васъ, не отлагайте дѣлать добро до утра и, если можно, тотчасъ помогайте! Тогда узрите лицомъ къ лицу Бога и истину.

(Изъ I-й книги Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей 1859 года, куда сообщено было княземъ М. А. Оболенскимъ).

II. Показанія сержанта Наполеоновой гвардіи Бургонья¹⁾.

14-го Сентября²⁾, въ часъ пополудни, пройдя большой лѣсъ, мы увидѣли издали возвышенность, къ которой и подошли черезъ полчаса. Первые изъ насъ, достигшіе самой вершины ея, показывали знаками и кричали бывшимъ позади: „Москва! Москва!“

И, дѣйствительно, это былъ онъ, великій городъ, открывшійся передъ нами въ отдаленіи. Въ немъ рассчитывали мы отдохнуть отъ усталости нашей, такъ какъ мы, императорская гвардія, только что сдѣлали, безъ отдыха, переходъ въ тысячу двѣсти миль.

Былъ чудный теплый день; солнце играло на куполахъ, на колокольняхъ и золоченныхъ дворцахъ. Всѣ видѣнныя мною столицы, какъ Парижъ, Берлинъ, Варшава, Вѣна, не вызывали во мнѣ никакого особеннаго чувства; здѣсь-же, напротивъ, я, какъ и всѣ прочіе, увидѣли что-то волшебное. Забыты были, въ эту минуту, всѣ несчастія, опасности, утомленія, лишенія; думалось только объ удовольствіи попасть въ Москвѣ на хорошія зимнія квартиры, заняться побѣдами и другаго рода (таковъ ужъ нашъ братъ Французъ-войка: отъ битвы къ любви, отъ любви въ сраженіе).

Пока мы стояли въ созерцаніи Москвы, пришелъ приказъ переодѣться въ парадную форму. Я, въ этотъ день, былъ съ 15 солдатами въ передовомъ отрядѣ, и мнѣ поручили охрану нѣсколькихъ офицеровъ, оставшихся плѣнными послѣ большой битвы подъ Москвою; изъ нихъ

¹⁾ Извлечено изъ пятаго изданія книги: *Mémoires du sergent Bourgogne*. Paris. 1909. Бургонъ, сынъ купца, не былъ зараженъ чванствомъ своихъ соотечественниковъ и къ Русскимъ относился съ добродушіемъ. П. Б.

²⁾ Т. е. 2-го Сентября по новому счету; день вступленія Французовъ въ Москву приходился въ Понедѣльникъ, на память мученика Маманта и преподобнаго Іоанна-Постника. П. Б.

нѣкоторые говорили по-французски. Между этими плѣнными былъ также одинъ *попъ* (священникъ Греко-россійской церкви), по всему вѣроятію какой нибудь полковой. Онъ тоже хорошо изъяснялся по-французски, но казался болѣе грустнымъ и озабоченнымъ, чѣмъ его товарищи по несчастью. Многіе изъ насъ обратили вниманіе на то, что всѣ плѣнные, поднявшись на вершину холма, поклонились, перекрестившись нѣсколько разъ. Я подошелъ къ священнику, прося его объяснить, что они этимъ хотѣли выразить. „Гора, на которой мы стоимъ, отвѣтилъ онъ мнѣ, называется „*Поклонной*“, и каждый настоящій Москвичъ, при видѣ святого города, долженъ поклониться и перекреститься“.

Вслѣдъ затѣмъ мы спустились съ холма и черезъ четверть часа достигли воротъ города.

Императоръ былъ уже тамъ съ главнымъ штабомъ. Мы сдѣлали тутъ привалъ, во время коего я замѣтилъ, что близко отъ насъ, влѣво отъ города, было большое кладбище. Послѣ нѣкотораго выжиданія, явился къ Императору генералъ Дюрокъ, только что проникнувшій въ городъ, и представилъ ему нѣсколькихъ обывателей, говорившихъ по-французски. Императоръ предложилъ имъ нѣсколько вопросовъ. Затѣмъ маршалъ доложилъ его величеству, что въ Кремль засѣло много вооруженныхъ людей, что болшею частью это выпущенные изъ тюремъ преступники, и что они стрѣляли по кавалеріи Мюрата, шедшей въ авангардъ; не смотря на неоднократныя требованія, они упорствовали и не открывали воротъ. „Такъ пусть пушечными выстрѣлами откроютъ ихъ и очистятъ весь Кремль!“ приказалъ Императоръ.

Приказаніе было немедленно выполнено взявшимся за это Мюратомъ. Послѣ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ вся засѣвшая въ Кремль чернь разсѣялась по городу, и Мюратъ могъ продолжать двигаться, тѣсня собою аріергардъ Русскихъ.

Тутъ загремѣли всѣ барабаны гвардіи, сопровождаемые командою: „*garde à vous*“, что и было сигналомъ для вступленія въ городъ. Время было три часа дня; мы подвигались тѣсной колонной, взводами, съ музыкою, во главѣ войскъ. Авангардъ, къ которому я принадлежалъ, состоялъ изъ 30 человекъ, подъ командой поручика нашей роты Серрари. Едва мы вступили въ предмѣстье, какъ увидѣли многихъ изъ Кремля. Лица ихъ были ужасны; вооруженіе ихъ состояло изъ ружей, копей и вилъ. Только что мы перешли мостъ, соединявшій предмѣстье съ городомъ, какъ къ полку, изъ подъ моста, приблизился какой-то человекъ, закутанный въ одежду изъ бараньей кожи, перетянутой

ремнемъ; его длинныя сѣдые волосы спускались по плечамъ, а такая же густая борода доходила до пояса. Онъ былъ вооруженъ вилою о трехъ зубцахъ и въ общемъ напоминалъ Нептуна, выходящаго изъ волнъ. Въ такомъ-то видѣ онъ смѣло приблизился къ тамбуръ-мажору, показывая, что съ него хочетъ начать избіеніе. Быть можетъ, онъ принималъ его за генерала по его галунамъ и блестящей одеждѣ; онъ замахнулся на него вилами, но тамбуръ-мажоръ, по счастью, отвелъ ударъ, вырвалъ у него смертоносное оружіе, схватилъ его за плеча и здоровымъ пищикомъ сбросилъ подъ мостъ въ воду, откуда за минуту передъ тѣмъ онъ появился; его увлекло теченіемъ и, показавшись немного на поверхности воды, онъ вскорѣ скрылся навсегда.

Къ намъ подходили еще и другіе и стрѣляли въ насъ; у нѣкоторыхъ были ружья съ деревяннымъ ложемъ. Такъ какъ они никого не ранили, то мы ограничились тѣмъ, что вырвали у нихъ ружья, переломали ихъ, а когда кто снова подходилъ къ намъ, мы отдѣлывались отъ нихъ ударами ружейныхъ прикладовъ въ спину. Часть ихъ оружія была изъ Кремлевскаго арсенала; оттуда же были и ружья съ деревяннымъ ложемъ, которыя, пока они новы, ставятъ обыкновенно въ козлы. Мы слышали, что эти же негодяи пытались убить одного изъ офицеровъ Мюратова штаба.

Перейдя мостъ, мы продолжали двигаться по большой, прекрасной улицѣ. Насъ удивляло, что никто не показывался намъ; не видно было ни единой даже дамы, которыя захотѣли бы послушать нашей музыки, игравшей пѣснь: „*la victoire est à nous!*“ Мы не знали, чему приписать эту тишину. Подумали, было что обыватели города, не смѣя показаться на улицахъ, смотрятъ на насъ изъ за занавѣсокъ своихъ оконъ; но видѣли только кое-гдѣ нѣсколько слугъ въ ливреяхъ, да нѣсколько Русскихъ солдатъ.

Послѣ часового перехода мы очутились возлѣ первой ограды Кремля, но тутъ намъ велѣли взять на лѣво, и мы вступили въ улицу еще болѣе широкую и красивую, чѣмъ та, по которой мы шли передъ этимъ. Она вела на губернаторскую площадь. Когда колонна приостановилась, мы увидѣли трехъ дамъ у окна перваго этажа*). Я стоялъ на тротуарѣ близъ одной изъ этихъ дамъ; она подала мнѣ кусокъ хлѣба, чернаго какъ уголь, и съ соломою. Я поблагодарилъ и, въ свою очередь,

*) Тутъ же, у ген.-губернаторскаго дома, спасалась отъ Французовъ и начинавшася пожара наложница Ивана Алексѣевича Яковлева (иностранка, кажется, Еврейка) Луиза Ивановна съ пяти-мѣсячнымъ ребенкомъ своимъ, будущимъ А. И. Герценомъ П. Б.

предложилъ ей кусокъ бѣлаго хлѣба, только что взятаго у маркитантки нашего полка, у тѣтки Дюбуа. Дама покраснѣла, а я засмѣялся; тогда она, не знаю зачѣмъ, коснулась моей руки. Я пошелъ далѣе.

Наконецъ, мы пришли на губернаторскую площадь, гдѣ и выстроились передъ дворцомъ Растопчина, губернатора города, того самаго, который приказалъ его сжечь. Тутъ намъ объявили, что весь полкъ нашъ будетъ въ караулѣ и чтобы, поѣтому, никто не смѣлъ отлучаться. ни подъ какимъ предлогомъ. Однакожъ, это не помѣшало тому, что, часъ спустя, вся площадь была завалена всевозможными припасами, какихъ только желали: винами всѣхъ сортовъ, ликерами, вареньемъ, большимъ количествомъ головъ сахару; муки оказалось мало, а хлѣба и вовсе не было. Входили въ домъ, на площадь, попросить чего нибудь поѣсть и попить, а какъ никого не находили въ нихъ, то и принялись хозяйничать сами; а ужъ чтѣ лучше этого!

Караулъ нашъ мы поставили подъ большими воротами дворца*), съ правой стороны которыхъ была на столько большая комната, что вмѣстила въ себѣ всѣхъ часовыхъ и нѣсколько Русскихъ офицеровъ, только что захваченныхъ въ городѣ (бывшихъ же у насъ прежнихъ плѣнниковъ намъ приказано было оставить за городомъ). Губернаторскій домъ большихъ размѣровъ и совсѣмъ на Европейскій ладъ. Въ глубинѣ большой двери, по правой ея сторонѣ, двѣ широкія лѣстницы соединялись въ одну, которая вела во второй этажъ; въ немъ былъ большой залъ, съ овальнымъ столомъ по срединѣ, а на внутренней его стѣнѣ висѣла большая картина, изображавшая императора Александра на лошади. Позади губернаторскаго дома былъ обширный дворъ со службами.

Черезъ часъ послѣ нашего прихода на площадь, начался пожаръ. Мы замѣтили сперва густой дымъ съ правой стороны, а потомъ и вихрь пламени, но не знали причины этому. Намъ объяснили, что горитъ на базарной площади, гдѣ средоточіе всей торговли; приписывали пожаръ мародѣрамъ нашей арміи, вѣроятно, по неосторожности, заронившимъ огонь, когда они искали по лавкамъ съѣстныхъ припасовъ.

Многіе, не участвовавшіе въ этой кампаніи, приписываютъ гибель нашей арміи пожару Москвы; но я, со многими другими, не раздѣляю этого мнѣнія. Русскіе легко могли, не сжигая города, увезти съ собою или побросать въ Москву-рѣку всѣ съѣстные припасы, опустошить мѣстность на десять миль въ окружности, чтѣ, при малозаселенности

*) Т. е. съ Чернышевскаго переулка. П. Б

страны, не трудно было сдѣлать, и, тогда, недѣли черезъ двѣ, намъ пришлось-бы уходить. Для размѣщенія всей арміи оставалось достаточно жилищъ и послѣ пожара; допустимъ даже, что всѣ дома сгорѣли, но вѣдь погреба остались цѣлы!—Въ семь часовъ огонь показался позади губернаторскаго дома, и тотчасъ появившійся къ караулу полковникъ приказалъ нарядить патруль изъ 15 человѣкъ, подъ командой поручика Серрари. Мы направились въ сторону огня, но не успѣли сдѣлать и триста шаговъ, какъ насъ встрѣтили ружейными выстрѣлами, направленными на насъ справа. Мы не обратили на это большаго вниманія, думая, что стрѣляли пьяные солдаты арміи; но шаговъ черезъ пятьдесятъ, изъ какого-то глухого переулка, снова раздалась въ насъ выстрѣлы, и въ эту-же минуту близъ меня былъ раненъ одинъ изъ нашихъ (пуля попала въ бедро, но рана не была опасна) и два новыхъ выстрѣла, съ того же мѣста, не заставили насъ измѣнить наше намѣреніе изслѣдовать на мѣстѣ домъ, откуда въ насъ стрѣляли, какъ намъ казалось. Подойдя къ двери его, мы ее взломали и нашли за ней девять человѣкъ громаднаго роста, вооруженныхъ копьями и ружьями; негодяи бросились на насъ, не допуская насъ идти далѣе. Тотчасъ завязался бой на дворѣ. Силы были не равны: насъ было 19 противъ 9; но мы опасались, что ихъ тамъ окажется больше, поэтому уложили трехъ первыхъ, подвернувшихся подъ наши удары. Одинъ капраль получилъ ударъ копьемъ между кожанной аммуниціей и своей одеждой и, не почувствовавъ раны, выхватилъ копье у своего противника, бывшаго много сильнѣе его, такъ какъ онъ, капраль, имѣлъ свободно одну только руку, держа другою ружье. Его силою приперли къ двери подвала, но и тутъ онъ не выпускалъ копья и былъ сраженъ двумя ударами штыка, а другому нашъ офицеръ саблею отсѣкъ руку, не хотѣвшую выпустить копья. Послѣ этого у другого были сломаны ноги.

Мы и не прикоснулись къ нимъ. Желаніе наше вернуться на губернаторскую площадь встрѣтило, къ великому изумленію нашему, препятствіе отъ сильно распространившагося огня. Пламя, перебросившись съ правой стороны на лѣвую, образовало огненный сводъ, подъ которымъ намъ пришлось бы идти. Сильный вѣтеръ и кое-гдѣ провалившіяся уже крыши лишали насъ возможности идти по этому пути и заставили взять по направленію къ той сторонѣ, откуда раздалась вторые выстрѣлы; къ несчастью, нашъ проводникъ не понималъ, чего мы хотѣли. да и вообще глядѣлъ скорѣе медвѣдемъ, нежели человекомъ.

Пройдя шаговъ двѣсти, мы увидѣли вправо отъ себя улицу, но прежде чѣмъ повернуть въ нее, полюбопытствовали осмотрѣть домъ, изъ котораго въ насъ стрѣляли. Наружный его видъ былъ очень красивъ. Нашего плѣнника мы заставили войти туда первымъ, а сами послѣдовали за нимъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, и едва приняли эту предосторожность, какъ услышали тревожные крики и увидали нѣсколько человѣкъ, спасавшихся съ зажженными факелами въ рукахъ. Пройдя большой дворъ, мы увидѣли передъ собой великолѣпный дворецъ, принятый нами, издали, за обыкновенный домъ. У входа во дворецъ мы поставили двухъ часовыхъ, для предупрежденія, въ случаѣ опасности, и вопли, зажегши бывшія при насъ свѣчи. Я впервые видѣлъ жилище съ такимъ богатымъ и роскошнымъ убранствомъ, какъ то, которое представилось нашимъ взорамъ *). Особенно хороша была коллекція картинъ Фламандской и Голландской школъ. Между всѣми этими богатствами больше всего привлекъ наше вниманіе громадный ящикъ, наполненный оружіемъ необычайной красоты, которое мы и расхватили въ одинъ мигъ. Я завладѣлъ парюю пистолетовъ для сѣдла, кобура которыхъ была отдѣлана жемчугомъ и драгоценными камнями; взялъ еще и машинку для опредѣленія силы пороха.

Около часу расхаживали мы по обширнымъ, богатымъ покоемъ совершенно незнакомаго намъ расположенія, какъ, вдругъ раздался страшный взрывъ, подъ тою частью дворца, въ которой мы находились. Сотрясеніе было настолько сильно, что мы уже считали себя погибшими подъ развалинами дворца. Мы поспѣшили съ большой осторожностію спуститься въ нижній этажъ, гдѣ къ нашему удивленію не нашли поставленныхъ нами часовыхъ. Послѣ долгихъ поисковъ мы, наконецъ, увидѣли ихъ на улицѣ, куда, какъ они объяснили намъ, они бросились спасаться, думая, что весь домъ обрушится.

Прежде чѣмъ уходить, мы хотѣли узнать причину взрыва, приведшаго насъ въ такой ужасъ. Войдя въ столовую, мы увидѣли, что потолокъ ея провалился вмѣстѣ съ висѣвшей на немъ хрустальной люстрой, разбившейся на мелкіе осколки: оказалось, что Русскіе не брезгали никакими средствами для истребленія врага и положили гранату въ изразцовую печку.

Въ то время, какъ мы еще ходили по дому раздалась крики нашихъ часовыхъ: Пожаръ! Горимъ! Дѣйствительно, черный дымъ валилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ; за нимъ показалось красное пламя, и въ одну минуту все зданіе запылало; а вскорѣ затѣмъ провалилась вся его крыша, увлекая за собой больше его трети.

*) Не домъ ли это князя Ю. В. Долгорукаго (нынѣ Вельтищева)? П. Б.

Сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, мы вышли на широкую, длинную улицу, по обѣимъ сторонамъ которой стояли прекрасные дома. Эта улица должна была-бы вывести насъ къ мѣсту, откуда мы пошли; но нашъ проводникъ-каторжникъ ничего не могъ намъ указать, и единственная польза намъ отъ него была въ томъ, что онъ нѣсколько разъ несъ на себѣ нашего раненаго, когда силы ему измѣняли. По пути нашемъ мы встрѣчали нѣсколько человѣкъ съ длинными бородами и мрачными лицами, которыя, отъ несомыхъ ими пылавшихъ факеловъ, дѣлались еще ужаснѣе. Мы не препятствовали имъ идти, не зная ихъ намѣреній.

Встрѣченные нами гвардейскіе стрѣлки сообщили намъ, что городъ поджигаютъ сами Русскіе, что и возложено на только что повстрѣчавшихся намъ людей. Черезъ минуту мы захватили трехъ подобныхъ несчастныхъ, въ то время, какъ они поджигали церковь. Двое изъ нихъ бросили факелы и пустились бѣжать, а третій, напротивъ, старался привести въ исполненіе свое намѣреніе; но ударъ по головѣ ружейнымъ прикладомъ былъ достойнымъ возмездіемъ за его упорство.

Тутъ намъ встрѣтился патруль изъ стрѣлковыхъ, сбившихся, какъ и мы, съ дороги. Сержантъ, ведшій этихъ стрѣлковъ, сказалъ мнѣ, что между попадавшимися имъ поджигателями былъ такой, что ему пришлось отрубить кисть руки, изъ которой онъ не хотѣлъ выпустить факель, а затѣмъ и приколоть его, такъ какъ онъ пытался схватить факель лѣвой рукой, чтобъ продолжать поджоги.

Немного дальше мы услышали крики нѣсколькихъ женщинъ, призывавшихъ на помощь, по-французски, и подумали, не маркитантки-ли это нашей арміи, захваченныя за одно съ Русскими. Мы тотчасъ вошли въ домъ, откуда неслись крики, и увидѣли, войдя въ него, много различныхъ костюмовъ, которые показались намъ очень богатыми. Тутъ вышли къ намъ двѣ дамы съ растрепанными волосами и въ сопровожденіи мальчика лѣтъ 12—15. Онъ сталъ насъ умолять защитить ихъ отъ солдатъ Русской полиціи, хотѣвшихъ сжечь ихъ жилище, не давъ имъ времени вынести ихъ имущество, между которымъ была тога Цезаря, каска Брута и латы Іоанны д'Аркъ. Дамы объяснили намъ, что онѣ Француженки: актрисы, что мужей ихъ силой заставили выѣхать съ Русскими. Мы остановили поджогъ ихъ дома, полицейскихъ, въ числѣ четырехъ, захватили и привели къ нашему полку, все еще расположенному на губернаторской площади, которой мы достигли послѣ столькихъ затрудненій въ 2 часа утра и съ противоположной стороны, откуда выходили.

Полковникъ нашъ, узнавъ о нашемъ возвращеніи, тотчасъ явился выразить намъ свое недовольство и потребовалъ отчета за время нашей отлучки. Когда мы ему доложили о приведенныхъ съ собой плѣнникахъ, о нашемъ раненомъ и обо всѣхъ опасностяхъ, которымъ мы подвергались съ первой же минуты нашего выхода, онъ порадовался возвращенію, такъ какъ страшно беспокоился за насъ.

Бросивъ взглядъ на площадь, гдѣ расположился нашъ полкъ, можно было подумать, что на ней представители народностей со всего свѣта, такъ какъ солдаты наши были одѣты въ разныя платья Калмыковъ, Китайцевъ, Казаковъ, Татаръ, Персовъ, Турокъ. Нѣкоторые же имѣли на себѣ дорогіе мѣха или Французское придворное платье, съ шпагою на боку, рукоятка которой блестѣла какъ алмазь. Самая площадь была нагромождена всевозможными сластями, винами и ликерами въ большомъ количествѣ, множествомъ окороковъ и огромныхъ рыбъ; свѣжаго же мяса и муки было очень мало, а хлѣба и совѣмъ не было.

15 числа, на другой день послѣ нашего прихода, полкъ нашъ къ девяти ч. утра двинулся съ губернаторской площади къ Кремлю, куда только что переѣхалъ Императоръ.

Такъ какъ я еще не кончилъ моего суточного дежурства, то былъ оставленъ въ губернаторскомъ домѣ съ 15-тью другими. Часовъ въ десять, я увидѣлъ подъѣхавшаго верхомъ генерала, и мнѣ показалось, что это былъ генералъ Пернети *). Онъ гналъ передъ своею лошадыю какого-то человѣка еще не стараго, одѣтаго въ тулупъ, подпоясанный краснымъ шерстянымъ поясомъ. Генералъ спросилъ меня, не я ли начальникъ караула и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сказалъ: „Хорошо! Отдайте-же сейчасъ приказъ покончить съ этимъ человѣкомъ штыками; я его только что захватилъ; когда онъ поджигалъ домъ, въ которомъ я живу“.

Я немедленно нарядилъ четырехъ человѣкъ для приведенія въ исполненіе этого приказа. Но Французскому солдату претять подобныя казни, и удары, наносимые ему, не прокалывали даже его тулупа. Мы, конечно, спасли бы ему и жизнь въ виду его лѣтъ и малаго сходства съ прежними каторжниками; но генералъ оставался все время при исполненіи и уѣхалъ только тогда, какъ увидѣлъ, что несчастный упалъ, сраженный ружейнымъ выстрѣломъ. Это одинъ изъ нашихъ захотѣлъ лучше сразу покончить съ нимъ, нежели видѣть

*) Начальникъ пѣшей артиллеріи императорской гвардіи.

его страданія отъ ударовъ штыками. Тѣло его такъ и осталось на площади.

Спустя нѣкоторое время, подошелъ къ намъ житель города, по происхожденію Французъ изъ Парижа, и сталъ просить у меня охраны принадлежавшихъ ему бань, которыя подверглись опасности поджога. Четверо изъ отпущенныхъ съ нимъ солдатъ скоро вернулись сообщить мнѣ, что когда они подошли къ банямъ, все это громадное зданіе уже пылало.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ казни человѣка, приведеннаго генераломъ Перетти (я впоследствии убѣдился, что это былъ именно онъ) мои люди, державшіе караулъ, пришли мнѣ сказать, что какая-то женщина, проходившая черезъ площадь, увидя трупъ убитаго нами, бросилась къ нему, стараясь объяснить намъ, что онъ ей кто-то близкій. Я подошелъ ближе; она держала на колѣняхъ голову умершаго, котораго цѣловала, гладила рукой по лицу и, при этомъ, глаза ея оставались сухи. Я не могъ долго смотрѣть на бѣдную, такъ у меня сердце обливалось кровью при видѣ этого зрѣлища, и я велѣлъ ей войти въ караулную, гдѣ и предложилъ стаканъ ликеру. Она опорожнила его съ удовольствіемъ, какъ и всѣ послѣдующіе, которыми мы ее угощали, и объявила намъ, что останется ждать, когда, по прошествіи трехъ дней, ея покойникъ воскреснетъ, раздѣляя въ этомъ убѣжденіе Русскихъ простолюдиновъ. Въ концѣ концовъ, она крѣпко заснула на диванѣ.

Къ пятому часу наша рота, назначенная снова въ караулъ, возвратилась къ намъ на площадь, и я, вмѣсто ожидаемаго отдыха, былъ опять дежурнымъ на цѣлые сутки. Части нашего полка, какъ и гвардіи, были заняты тушеніемъ пожара близъ Кремля; онъ затихалъ на время, но только для того, чтобъ возобновиться съ удвоенной силой.

По возвращеніи роты на площадь, нашъ капитанъ выслалъ патрули въ разныя части города, и тѣ, которые пошли снова къ банямъ, не замедлили вернуться: когда они прибыли туда, все зданіе рухнуло съ невѣроятнымъ трескомъ, и искры, далеко разносимыя восточнымъ вѣтромъ, распространяли пожаръ по разнымъ направленіямъ. Весь вечеръ и часть ночи наши патрули то и дѣло приводили къ намъ захваченныхъ ими Русскихъ солдатъ, которыхъ пожаръ заставлялъ покидать домъ, гдѣ они скрывались. Въ числѣ ихъ привели двухъ офицеровъ: одного армейца, другого ополченца. Первый допустилъ обезоружить себя, не сдѣлавъ никакого возраженія и попросивъ оставить ему золотую медаль висѣвшую у него на груди; второй-же не

позволялъ снять съ него оружіе, а у него, кромѣ сабли, былъ еще поясъ наполненный патронами. Онъ хорошо изъяснялся по-французски и настаивалъ въ своихъ доводахъ на сохраненіи своего оружія, говоря, что онъ состоитъ въ ополченіи; но мы заставили его тутъ же понять и наши доводы.

Въ полночь пожаръ показался снова около Кремля, однако удалось потушить его. Но 16-го, въ три часа утра, онъ возобновился съ большей силой.

Въ эту ночь, съ 15 на 16, у меня съ двумя моими товарищами-сержантами явилось желаніе пройтись по городу и побывать въ Кремлѣ, о которомъ мы столько слышали. Мы отправились въ путь, взявъ трехъ солдатъ нашей роты и снабдивъ ихъ свѣчами, для осмотра погребовъ и жилищъ господъ Москвичей. Въ факелахъ для освѣщенія дороги не было надобности. Хотя мои спутники ходили уже два раза по дорогѣ къ Кремлю, но такъ какъ пожаръ заваливалъ цѣлыя улицы и все мѣнялось, то мы скоро сбились съ пути. Пробродивъ порядочно, безъ всякаго направленія, мы встрѣтили, по счастью, Еврея, который, видя, какъ горитъ его синагога, гдѣ онъ былъ раввиномъ, рвалъ на себя волосы и бороду; онъ объяснилъ намъ, по-нѣмецки, что ему съ двумя Евреями было поручено спасти изъ ихъ храма самую святую драгоценность, которая, увы! погибла. Мы постарались утѣшить этого сына Израиля и попросили его проводить насъ къ Кремлю.

Не могу безъ смѣха вспомнить, какъ этотъ Еврей, не смотря на свое несчастіе, не преминулъ спросить у насъ, не имѣемъ-ли мы чего продать или вымѣнять. Полагаю, что онъ предложилъ намъ этотъ вопросъ только въ силу привычки. Какаѣ же купля-продажа была возможна въ такое время!

Мы прошли нѣсколько кварталовъ уже достигнутыхъ пожаромъ, но нѣкоторыя прекрасныя улицы еще не были тронуты огнемъ, и мы вышли, наконецъ, на небольшую, но возвышенную площадку, недалеко отъ Москвы-рѣки, откуда Еврей обратилъ наше вниманіе на Кремлевскія башни, которыя были видны какъ бы среди бѣла дня: такъ пламя озаряло ихъ. Здѣсь мы сдѣлали маленькую остановку, чтобъ побывать въ погребкѣ, откуда вышло нѣсколько гвардейскихъ улановъ. Мы взяли тамъ вина, сахару, варенья и надѣлили также всѣмъ этимъ Еврея, который, подъ нашимъ прикрытіемъ, могъ это пронести. Мы подошли къ первой оградѣ Кремля, когда уже разсвѣло, и вошли въ ворота изъ дикаго камня съ небольшою надъ ними колокольней въ честь святителя Николая, изображеніе котораго нахо-

дилось подъ воротами, на лѣво отъ входа. Оно было не менѣе 6 футовъ въ вышину и въ дорогій ризѣ. Всякій проходившій тутъ Русскій поклонялся ему, будь-то послѣдній каторжникъ. Святителя Николая Русскіе считаютъ своимъ главнымъ покровителемъ *).

За первой стѣной мы взяли направо, съ трудомъ пробираясь по улицѣ, гдѣ пожаръ нагромоздилъ много преградъ, достигнувъ и до нѣкоторыхъ домовъ, занятыхъ маркитантками нашей гвардіи. Наконецъ, мы увидѣли передъ собою высокую Кремлевскую стѣну съ большими башнями и съ золочеными орлами на верхушкахъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Пройдя черезъ высокіе ворота, мы очутились на площади противъ дворца. Императоръ поселился въ немъ только наканунѣ, проночевавъ 14 и 15 въ предмѣстьи. Мы встрѣтили тутъ друзей изъ перваго стрѣлковаго полка, державшаго караулъ у дворца, и были зазваны ими позавтракать. Они угостили насъ превосходнымъ мясомъ, котораго мы уже давно не ѣли, и чудесными винами. Еврей, котораго мы все еще не отпускали отъ себя, вынужденъ былъ, не смотря на все свое отвращеніе, ѣсть заодно съ нами и испробовать даже окорока; но нужно прибавить, что стрѣлки, у которыхъ было много серебра въ слиткахъ, захваченныхъ ими въ огромномъ количествѣ съ Монетнаго двора, посулили ему сдѣлать на нихъ обмѣнъ у него. Слитки же были въ добрый кирпичъ и такой-же формы!

Было около полудня, и мы еще сидѣли съ нашими друзьями за столомъ, прислонившись къ огромнымъ пушкамъ, стоявшимъ по обѣ стороны дверей Арсенала, выходящаго своимъ переднимъ фасадомъ къ дворцу, какъ вдругъ услышали: „къ ружью!“ Горѣло въ Кремлѣ! Черезъ минуту, пылающія головни стали падать во дворъ, гдѣ стояла гвардейская артиллерія со всѣми своими повозками по близости которыхъ лежала куча пакли, оставленная Русскими, и частію уже пылавшая. Опасенія взрыва вызвали сумятицу, особенно изъ за пребывавшаго въ Кремлѣ Императора, котораго это, такъ сказать, и понудило выѣхать отсюда.

Мы тутъ-же простились съ друзьями нашими и отправились на соединеніе съ полкомъ, мѣсто нахождения котораго мы указали нашему проводнику. Онъ захотѣлъ провести насъ къ полку ближнимъ путемъ, но пламя преградило намъ входъ въ улицу взятаго имъ направленія. Пришлось остановиться и выждать возможности идти далѣе, такъ какъ въ эту минуту все пылало вокругъ Кремля, и порывами вѣтра, дувшаго съ необычайной силой, намъ бросало подъ ноги горя-

*) Сержантъ перезабылъ и перенуталъ Сласскіе ворота съ Никольскими. Вообще же онъ довольно вѣренъ въ описаніи мѣстностей.

щіе обломки зданій. Мы вынуждены были укрыться въ подвалѣ, гдѣ уже сидѣли многіе. Оставались мы тамъ довольно долго, а когда наконецъ могли выйти, то намъ встрѣтились гвардейскіе полки, шедшіе размѣститься вокругъ Петровскаго дворца, куда переѣхалъ Императоръ. Въ Кремлѣ былъ оставленъ только первый баталіонъ 2-го стрѣлковаго полка, охранявшій дворецъ отъ пожара, такъ какъ Императоръ 18 снова поселился въ немъ. Я забылъ сказать, что принцъ Невшательскій, захотѣвшій своими глазами убѣдиться, насколько силенъ пожаръ вокругъ Кремля, поднялся съ однимъ офицеромъ на плоскую крышу дворца, откуда порывомъ вѣтра чуть было не снесло ихъ.

Пожаръ все усиливался. Свободнымъ проходомъ былъ единственно тотъ, по которому только что выѣхалъ Императоръ. Мы пошли ему вслѣдъ и скорѣ оказались на берегу Москвы-рѣки. Мы слѣдовали вдоль набережной, рѣшивъ свернуть съ нея, когда найдемъ улицу, гдѣ пожаръ не такъ силенъ, или же такую, которая уже совсѣмъ выгорѣла. Та, по которой только что проѣхалъ Императоръ, сдѣлалась непроходимой отъ обрушившихся на ней домовъ.

Наконецъ, мы очутились въ мѣстности сплошь засыпанной пепломъ, гдѣ нашъ Еврей оказался въ большомъ затрудненіи разобрать, какая улица должна была вывести насъ къ губернаторскому дому. Мы повернули въ другую сторону, такъ что Кремль остался влѣво отъ насъ. Пепелъ засыпалъ намъ глаза; сапоги наши начинали тлѣть отъ листовъ горячаго желѣза, по которымъ приходилось идти и отъ золы, покрывавшей землю. Мы проходили улицу за улицей и вдругъ попали на одну съ совершенно выгорѣвшей правой стороной. Оказалось, что это былъ Еврейскій кварталъ, гдѣ только и были деревянные низенькіе домишки, отъ которыхъ не осталось и слѣдовъ послѣ пожара*). Когда нашъ проводникъ увидѣлъ это, онъ лишился чувствъ. Мы поспѣшили освободить его отъ его ноши и влить ему въ ротъ нѣсколько капель ликеру, которымъ смочили ему и голову. Когда онъ пришелъ въ себя, мы стали его спрашивать, отчего ему сдѣлалось дурно. „Да вѣдь здѣсь былъ и мой домъ!“ отвѣчалъ онъ намъ, „и вся моя семья вѣрно погибла съ нимъ!“ Говоря это, онъ снова упалъ безъ чувствъ. Мы вынуждены были оставить его безпомощнымъ, но не знали, что дѣлать безъ проводника, среди такого лабиринта. Рѣшили продолжать путь, а ношу Еврея взвалили на одного изъ нашихъ солдатъ. Но скорѣ, новое препятствіе остановило насъ. Пространство, шаговъ въ триста, отдѣлявшее насъ отъ слѣдующей улицы, сдѣлалось непроходимымъ отъ носившейся въ воздухѣ горячей золы, грозившей ослѣпить насъ. Пока

*) Заряде у стѣны Китая-города. П. Б.

мы разсуждали, какъ быть, одинъ изъ моихъ товарищей предложилъ пробѣжать стрѣмглавъ это опасное мѣсто.

Я совѣтовалъ лучше пообождать, въ чемъ соглашались со мной всѣ прочіе. Но подавшій первое мнѣніе не далъ намъ и опомниться, какъ бросился впередъ во весь духъ, крича: „кто мой, тотъ за мной!“ За нимъ послѣдовалъ другой мой товарищъ съ двумя солдатами, у котораго была ноша изъ трехъ бутылокъ вина, пяти флаконовъ ликеру и фруктовъ въ сахарѣ. Они не пробѣжали и тридцати шаговъ, какъ первый бросившійся впередъ, ослѣпленный наносимой золою, растянулся во всю, но тотчасъ былъ поднятъ товарищемъ, а солдаты закрыли себѣ лицо руками, чѣмъ и спасли себѣ глаза. Упавшій кричалъ и ругался какъ чортъ; его пришлось вести, такъ какъ онъ ничего не видѣлъ; но оказалось солдатамъ такъ же невозможно двигаться впередъ, какъ и вернуться ко мнѣ. Проходъ дѣлался все болѣе и болѣе опаснымъ, и я только черезъ часъ рискнулъ присоединиться къ нимъ. Ослѣпленный товарищъ, которому я успѣшилъ промыть глаза виномъ, прибѣгъ, до моего прихода, для промыванія глазъ къ тому средству, которое ему дала природа. Мы рѣшили, что менѣе опасно вернуться, чѣмъ идти дальше и, для защиты себя съ той стороны откуда вѣтеръ гналъ на насъ пламя и пепель, мы придумали защищать себя листьями согнутаго желѣза, держа ихъ обѣими руками надъ головой, на лѣвомъ плечѣ. Мы двинулись подъ прикрытіемъ этихъ щитовъ, тѣсно прижавшись одинъ къ другому, и со всевозможными предосторожностями, чтобъ не быть раздавленными. Впереди шелъ солдатъ, за нимъ я велъ за руку почти ничего не видѣвшаго товарища, а остальные шли за мной. Съ большими затрудненіями, нѣсколько разъ чуть не сшибленные съ ногъ, мы вышли, наконецъ, на новую улицу, гдѣ увидѣли много Еврейскихъ семействъ и нѣсколько Китайцевъ, сидѣвшихъ на корточкахъ и стерегшихъ то небольшое, чтò успѣли они снасти или стащить у другихъ. Они разглядывали насъ съ любопытствомъ какъ первыхъ, вѣроятно, Французовъ, попавшихъ въ ихъ кварталъ.

Мы подошли къ одному Еврею и объяснили ему, что онъ долженъ вывести насъ на губернаторскую площадь. Онъ пошелъ съ нами, взялъ съ собой и сына своего. Обошедъ много пылавшихъ или завалившихъ своимъ паденіемъ домовъ, съ величайшими трудностями и частыми остановками для передышки, намъ удалось, наконецъ, выбраться изъ этого огненнаго лабиринта, и въ одиннадцать часовъ ночи достигнуть площади, съ которой мы вышли еще наканунѣ.

Со дня вступленія въ Москву я, такъ сказать, еще не отдыхалъ, и потому бросился на чудные мѣха, принесенные нашими солдатами въ большомъ количествѣ, и проспалъ до семи часовъ утра.

Наша рота еще не была снята съ дежурства, такъ какъ всѣ полки, не исключая стрѣлковыхъ, и даже молодая гвардія, бывшая въ распоряженіи только что назначеннаго губернаторомъ города, маршала Мортъе, непрерывно, трое сутокъ, тушили пожары въ разныхъ частяхъ Москвы. При всемъ этомъ, домовъ все-таки сохранилось болѣе даже чѣмъ требовалось для нашего размѣщенія. Пожары усиливались вслѣдствіе распоряженія Растопчина о вывозѣ всѣхъ пожарныхъ трубъ; хотя и нашлось ихъ нѣсколько, но негодныхъ къ дѣйствию.

16 числа былъ отданъ приказъ разстрѣливать всѣхъ поджигателей, что тотчасъ и было приведено въ исполненіе. Недалеко отъ губернаторской площади находилась другая, нѣсколько меньше¹⁾; на ней разстрѣляли нѣсколько поджигателей и повѣсили потомъ ихъ трупы на деревьяхъ. За этимъ мѣстомъ такъ и осталось навсегда названіе „площадь висѣльниковъ“ (la place des pendus).

Въ первый же день нашего вступленія въ Москву, Императоръ повелѣлъ маршалу Мортъе не допускать грабежа, о чемъ и было сообщено во всѣ полки. Но, когда стало очевиднымъ, что Русскіе сами поджигаютъ городъ, уже не было никакой возможности сдерживать солдатъ: каждый бралъ себѣ въ чемъ нуждался, а частенько и то, что ему ни на что не годилось. Въ ночь на 17, капитанъ разрѣшилъ мнѣ взять десять человѣкъ изъ рабочей команды, при сабляхъ, и идти отыскивать съѣстные припасы. Онъ послалъ еще 20 человѣкъ за тѣмъ же, но въ другую сторону, такъ какъ, хотя мародерство или грабежъ (называй какъ хочешь) и было дозволено, но при условіи соблюденія при этомъ возможнаго порядка²⁾. Вотъ такъ-то мнѣ пришлось и третью ночь бродить.

Широкая улица, на которую мы пошли, прилежала къ губернаторской площади и хотя она дважды загоралась, но мы ее отстояли, и на ней размѣстились многіе изъ начальствующихъ и множество чиновъ арміи. На нѣкоторыхъ улицахъ, которыми намъ пришлось идти, лежали только листы желѣза съ крышъ; золу же смелъ бушевавшій наканунѣ вѣтеръ.

Подвигаясь далѣе, мы пришли въ кварталъ вполне пощаженный огнемъ, съ мертвой въ немъ тишиной, гдѣ увидѣли много экипажей безъ лошадей³⁾. Подошедъ къ нимъ, мы нашли ихъ простыми, но не

¹⁾ Страстная площадь П. Б.

²⁾ Наши солдаты называли грабежъ города „Ярмаркой Москвы“ („la foire de Moscou“). *Примѣчаніе автора.*

³⁾ Каретный рядъ. П. Б.

успѣли мы отойти, какъ съ двухъ разныхъ сторонъ разнесся дикій крикъ. Мы стали прислушиваться, но крики не повторились, и мы рѣшились войти въ домъ, гдѣ, казалось намъ, мы найдемъ, что намъ было нужно. Я взялъ съ собой пять человѣкъ солдатъ, а капралъ остальныхъ; всѣ были съ зажженными фонарями и съ саблями на голѣ.

Домъ, въ который я направился, былъ запертъ, и дверь его, къ досадѣ нашей, была на желѣзныхъ запорахъ. Взламывать ее мы не хотѣли, чтобъ не привлечь шумомъ вниманія къ себѣ. Тутъ мы замѣтили, что дверь отъ подвала, выходящаго на улицу, не заперта; двое изъ людей тотчасъ же спустились въ него и нашли тамъ творило, откуда былъ ходъ въ домъ, куда они и вошли и отперли намъ запертую дверь. Оказалось, что мы попали въ бакалейный магазинъ. Все было въ нетронутомъ порядкѣ, за исключеніемъ столовой, гдѣ на столѣ оставлено было вареное мясо, а на сундукѣ лежалъ мѣшокъ съ тяжелыми монетами, который, вѣроятно, хозяева не успѣли или не захотѣли унести.

Осмотрѣвъ весь домъ, мы рѣшили сдѣлать себѣ здѣсь хорошій запасъ изъ найденной въ немъ муки, масла, сахару, кофе и особенно яицъ, которыхъ была цѣлая бочка, переложенныхъ овсяной соломой. Въ то время, какъ мы выбирали себѣ товаръ, безъ препирательствъ о цѣнѣ, считая себя въ правѣ забирать, что хотѣли и что все равно ежеминутно могло сгорѣть, мнѣ пришли сказать отъ имени нашего капрала, что домъ, въ который онъ попалъ, оказался домомъ каретника, и что онъ нашелъ тамъ тридцать съ лишнимъ маленькихъ изящныхъ экипажей, которые Русскіе называютъ „drouschki“ (дрожки) и что въ этомъ же домѣ они нашли нѣсколько Русскихъ солдатъ, лежавшихъ на циновкахъ. Ихъ такъ испугало появленіе Французовъ, что они стали, скрестивъ руки, на колѣни и молили о пощадѣ. Капралъ (какъ добавилъ его посланный) видя, что они отъ тяжелыхъ ранъ не въ силахъ были достать себѣ воды, велѣлъ ихъ напоить и оказать возможную помощь; въ ихъ положеніи намъ нечего было ихъ опасаться.

Я тотчасъ отправился къ каретнику, чтобъ выбрать себѣ двѣ маленькія очень удобныя телѣжки, на которыя могъ уложить всѣ забранные нами припасы и облегчить себѣ этимъ ихъ доставку. Я заглянулъ и къ раненымъ; ихъ было 17 человѣкъ; изъ нихъ 5 гвардейскихъ канонировъ съ переломленными ногами и нѣсколько Азіятовъ, которые сразу выдѣлялись по тому, какъ они кланялись. Когда я вышелъ отъ каретника, мнѣ попались три человѣка; одинъ былъ вооруженъ копьемъ, другой саблей, а третій держалъ горящій факель въ рукѣ и

поджигаль домъ бакалейщика, не примѣченный нашими людьми, которыхъ я тамъ оставилъ усердно занятыхъ разборомъ и упаковкою товара. Мы закричали на этихъ мошенниковъ, думая испугать ихъ; но, къ удивленію нашему, ни одинъ изъ нихъ не двинулся даже съ мѣста, а вооруженный копьемъ вызывающе смотрѣлъ на насъ, ожидая нашего нападенія. Но чтò мы могли предпринять съ одними нашими саблями? Въ это время подошелъ капралъ съ двумя пистолетами, найденными въ комнатѣ у раненыхъ. Одинъ изъ нихъ онъ далъ мнѣ, а изъ другаго хотѣлъ выстрѣлить въ державшаго такъ гордо свое копье; но я остановилъ его, боясь, что на шумъ выстрѣла на насъ выйдетъ еще больше враговъ.

Въ числѣ нашихъ людей былъ одинъ Бретанецъ. Онъ схватилъ дышло, сталъ имъ быстро размахивать во всѣ стороны и сразу переломилъ обѣ ноги ошеломленному врагу, незнакомому съ этимъ способомъ сражаться. Падая, онъ не успѣлъ еще разъ вскрикнуть, какъ новый ударъ Бретанца сразилъ его по головѣ, не хуже пушечнаго ядра. Онъ хотѣлъ такимъ же образомъ покончить съ остальными двумя, но мы остановили его. Человѣкъ, державшій факель, никакъ не хотѣлъ выпустить его изъ руки и скрылся съ нимъ въ домъ бакалейщика, куда погнались за нимъ двое изъ нашихъ солдатъ, которымъ и удалось справиться съ нимъ сабельными ударами. Чтò касается третьяго, добровольно сдавшагося, то мы его тотчасъ впрягли въ самую тяжелую телѣжку, вмѣстѣ съ только что схваченнымъ на улицѣ другимъ человекомъ.

Мы снарядились въ путь, нагрузивъ наши двѣ телѣжки всѣмъ, чтò нашли въ бакалейной лавкѣ. Въ первую, запряженную двумя Русскими, мы поставили ящикъ съ яйцами, а чтобъ наши возницы не могли сбѣжать, мы ихъ предусмотрительно связали вмѣстѣ за пояса крѣпкой веревкой и двойнымъ узломъ; ихъ кладь была много тяжелѣ второй телѣжки, въ которую мы впрягли четверыхъ нашихъ людей, пока не найдемъ возможности замѣнить ихъ Русскими.

Въ минуты нашего выѣзда, мы увидѣли пожаръ въ домѣ каретника. Мысль, что находящіеся тамъ несчастные раненые неминуемо погибнуть въ страшныхъ мученіяхъ, заставила насъ остановиться, чтобъ оказать имъ помощь. Оставивъ трехъ солдатъ охранять наши повозки, мы въ одну секунду прибѣжали къ раненымъ и перенесли ихъ въ каретный сарай, стоявшій подале. Больше мы не могли ничѣмъ имъ помочь.

Исполнивъ этотъ долгъ человѣколюбія, мы поспѣшили выступить, чтобъ не дать пожару, показывавшемуся уже во многихъ мѣстахъ,

преградить намъ путь. Но мы не отошли и двадцати шаговъ, какъ услышали отчаянные крики только что перенесенныхъ нами раненыхъ. Мы снова остановились, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. Капраль, отправившійся къ раненымъ съ четырьмя солдатами, нашелъ ихъ въ страхѣ: большой запасъ загорѣвшей соломы могъ перенести огонь и до мѣста, гдѣ они лежали. Капраль сдѣлалъ все что оказалось возможнымъ для предохраненія ихъ отъ огня; но вѣроятнѣе всего, это не спасло ихъ отъ гибели.

Затѣмъ мы двинулись въ путь и, боясь быть настигнутыми пожаромъ, подгоняли запряжку нашей первой телѣжки ударами саблей плашмя. Тѣмъ не менѣе намъ не удалось избѣжать его и, подойдя къ мѣстности, недалеко уже отъ губернаторской площади, мы увидѣли, что чудная улица, гдѣ размѣстилось наше начальство, вся была объята пламенемъ. Это третій разъ, что ее поджигали, но уже и въ послѣдній. Когда мы вступили въ эту улицу, то разглядѣли, что были промежутки между пылавшими домами, дававшіе возможность, пріостановясь на нихъ, пробѣжать бѣглымъ шагомъ опасныя мѣста. Первые-же дома на этой улицѣ еще совсѣмъ не горѣли.

Миновавъ ихъ, мы остановились передъ тѣми, которые горѣли, чтобъ осмотрѣться, можно-ли пробѣжать мимо нихъ, не подвергая себя опасности, такъ какъ многіе дома съ минуты на минуту могли рушиться и погребсти насъ подъ развалинами. Между тѣмъ, нельзя было намъ оставаться въ нерѣшимости, такъ какъ домъ, только что пройденные нами, уже занялись и мы были окружены огнемъ со всѣхъ сторонъ, такъ что намъ предстояло пробѣжать опасныя мѣста подъ огненнымъ сводомъ. Рѣшили, что пустимъ напередъ впряженныхъ въ телѣжку Русскихъ, но не могли принудить ихъ къ этому, даже сабельными ударами; тогда наши солдаты, везшіе вторую телѣжку, бросились впередъ и, подбодря другъ друга, довольно счастливо пробѣжали самое опасное мѣсто. За ними послѣдовали тогда и Русскіе, подгоняемые нашими ударами и боявшіеся подвергнуться еще худшему, если останутся. Они закричали: „Houga!“ что означаетъ у нихъ: „впередъ!“ и, не обращая вниманія на нестерпимый жаръ и на преграждавшую имъ путь всевозможную мебель, быстро пробѣжали залитое пламенемъ пространство. За телѣжками бросились и мы всѣ и очутились на перекресткѣ четырехъ широкихъ улицъ, охваченныхъ уже пожаромъ, который не поддавался обильно лившемуся въ то время дождю и истреблялъ цѣлыя улицы.

Намъ было необходимо поскорѣе присоединиться къ нашему полку, а между тѣмъ путь снова былъ прегражденъ, и намъ пришлось, вмѣсто того, чтобъ идти впередъ, вернуться на только что оставленное мѣсто, гдѣ и переждать, пока пожаръ не очиститъ намъ какой нибудь улицы. На этотъ разъ, Русскіе добровольно бросились первыми въ путь, и только что мы вступили за ними въ этотъ опасный переходъ, какъ раздался оглушительный трескъ отъ падавшихъ сводовъ, балокъ и крышъ, подъ которыми и погибла вся наша нагруженная телѣжка, не исключая и впряженныхъ въ нее. Не рассчитывая увидѣть ихъ болѣе, мы очень пожалѣли о пропавшихъ запасахъ, особенно объ яйцахъ. Я не въ состояніи описать критическое положеніе, въ которомъ мы очутились, среди огня и безъ возможности спастись отъ него. По счастью, переулочекъ, на который мы вернулись, былъ довольно широкъ и, стоя по срединѣ его, мы были укрыты отъ пламени и могли ждать, когда представится какой нибудь безопасный проходъ.

Выжидая этой благопріятной минуты мы замѣтили, въ одномъ изъ угольныхъ домовъ переулка, Итальянскую кондитерскую, и, не смотря на опасность погибнуть въ огнѣ, намъ неудержимо захотѣлось попытаться проникнуть въ нее, чтобъ захватить разныхъ вкусныхъ сластей, еслибъ таковыя нашлись. Дверь въ кондитерскую оказалась запертою, но во второмъ этажѣ стояло открытымъ окно. Приставили къ нему лѣсенку, найденную тутъ же, но она была коротка; тогда мы подставили подъ нее кадку, удлинившую ее настолько, что наши солдаты взобрались по ней и черезъ окно проникли въ домъ. Ихъ не остановило и то, что половина зданія уже пылала. Мы вошли въ кондитерскую черезъ отпертую намъ солдатами дверь и, къ великому удивленію, увидѣли, что изъ нея ничего не было унесено, такъ что мы нашли много фруктовъ въ сахарѣ, ликеровъ, головы сахару и три большихъ мѣшка муки, чему мы особенно обрадовались. Судите-же о нашемъ еще большемъ удивленіи при открытіи банокъ съ горчицей изъ Парижа, съ адресомъ на нихъ: Rue Saint-André des Arts № 13!

Такъ какъ дождь не переставалъ, то мы сдѣлали себѣ изъ воротъ дома защиту отъ него и простояли на такъ устроенномъ бивакѣ часа четыре, все поджидая возможности двинуться далѣе. А тѣмъ временемъ мы пекли себѣ алады съ вареньемъ. Когда же могли, наконецъ, сняться съ бивака, то понесли съ собой все, что могли, а телѣжку съ мукой оставили подъ охраной пяти солдатъ; ее пока было невозможно везти, такъ какъ всѣ улицы были загромождены поломанной и полуобгорѣлой, но прекрасной мебелью всякаго рода, роялями, хрустальными люстрами и другими предметами роскоши.

Миновавъ, наконецъ, площадь висѣльниковъ, мы въ 10 ч. утра нашли свою роту, оставленную нами ровно сутки тому назадъ. Не теряя времени, мы отрядили десять человекъ за всѣмъ оставленнымъ нами на площади. Они вернулись черезъ часъ, и помимо всего, что они сами несли, имъ удалось дотащить и телѣжку, не смотря на всѣ препятствія. То мѣсто, гдѣ погибла первая телѣжка съ двумя везшими ее Русскими, имъ пришлось расчищать для того, чтобъ пройти, и они отрыли подъ обломками совершенно обгорѣвшіе и скорченныя трупы этихъ несчастныхъ.

Въ этотъ же день, 18 числа, мы были сняты съ караула на площади и могли размѣститься по квартирамъ, близъ первой Кремлевской стѣны, на прекрасной улицѣ, больше чѣмъ на половину пощаженой пожаромъ. Нашей ротѣ назначили помѣщеніе въ большой кофейной, въ одномъ изъ залъ которой стояло два билліарда, тотчасъ же разобранные солдатами для бѣдшаго простора (нѣкоторые поназдѣлали себѣ шинелей изъ билліарднаго сукна). Намъ-же, сержантамъ, отвели барскій домъ, рядомъ съ кофейной. Въ погребахъ дома, занятого ротою, мы нашли много винъ, Ямайскаго рому и доброе количество бочекъ прекраснаго пива, обложенныхъ льдомъ, чтобы сохранять его холоднымъ. Мы отыскали въ нашемъ барскомъ домѣ 15 ящиковъ игристаго Шампанскаго и много Испанскихъ винъ. Въ тотъ же день солдаты наши нашли лавку полную сахара, котораго мы сдѣлали себѣ такой запасъ, что его достало намъ на пунишъ на все время, пока мы не оставили Москвы. А мы не пропустили и дня, чтобъ не побаловать себя имъ, и варили его по вечерамъ въ большой серебряной чашѣ, которую хозяинъ дома вѣроятно забылъ взять съ собой. Она вмѣщала до шести бутылокъ. Къ этому мы имѣли еще цѣлый рядъ трубокъ и превосходный табакъ.

19-го числа Императоръ производилъ намъ смотръ въ Кремлѣ, передъ дворцомъ. Въ этотъ же день, вечеромъ, я получилъ приказъ участвовать въ отрядѣ, составленномъ изъ стрѣлковъ, егерей, гренадеровъ и эскадрона Польскихъ уланъ, въ числѣ 200 человекъ. Намъ ввѣрена была охрана отъ пожара лѣтняго дворца Императрицы*), находившагося на одной изъ окраинъ города. Если не ошибаюсь, отрядомъ командовалъ генералъ Келлерманъ. Мы выступили въ 8 ч. вечера и черезъ полтора часа подошли ко дворцу, показавшемуся мнѣ съ Тюлерійскій; но только онъ былъ деревянный, съ оштукатуркой подъ

*) Не это ли Головинскій дворецъ Екатерины Великой, о которомъ она переписывалась съ архитекторомъ княземъ Макуловымъ и который нынѣ занятъ первымъ и вторымъ кадетскими корпусами? П. Б.

мраморъ. Мы тотчасъ размѣстили наружный караулъ, а передъ самымъ дворцомъ поставили усиленный и, для большей безопасности, послали и патрули въ разѣздъ. Меня назначили съ нѣсколькими солдатами осмотрѣть, не спрятался-ли кто внутри дворца. Это назначеніе дало мнѣ преимущество передъ прочими, для тщательнаго осмотра этого чуднаго дворца, убранаго со всѣмъ блескомъ и богатствомъ Европы и Азіи. Видно было, что на его украшеніе ничего не пожалѣли, а между тѣмъ не прошло и часу, какъ отъ всего этого великолѣпія не осталось и слѣда. Не смотря на всѣ принятыя нами мѣры, дворець подожгли со всѣхъ сторонъ, а мы и не видѣли ни одного изъ поджигавшихъ его. Огонь показался одновременно въ двѣнадцати мѣстахъ и вырывался изо всѣхъ оконъ чердака. Генераль тотчасъ потребовалъ сапѣровъ, чтобъ расчленивъ пожаръ, но безъ пожарныхъ трубъ и даже воды достигнуть этого была полная невозможность. Вдругъ мы увидѣли нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ у многихъ горѣли еще несомые ими факелы, тайкомъ выбравшихся изъ подвального этажа, черезъ выходъ подъ парадными лѣстницами. Мы ихъ изловили, такъ какъ они и оказались поджигателями дворца, числомъ 21 человѣкъ. Кромѣ того 11 человѣкъ были задержаны съ другой стороны дворца, но у этихъ не было ничего такого, что указывало бы на ихъ участіе въ поджогѣ, да они шли не изъ дворца; а между тѣмъ больше половины ихъ оказались каторжниками.

Мы успѣли спасти нѣсколько картинъ и другихъ драгоценныхъ предметовъ, между прочимъ императорскія мантии на горнастаевомъ мѣху; но немало цѣнныхъ вещей пришлось бросить.

Одновременно съ пожаромъ поднялся такой вѣтеръ, что минутъ черезъ десять все пылало вокругъ насъ, и только къ двумъ часамъ утра намъ удалось выбраться изъ этого ада, послѣ того, какъ всѣ изящныя, но деревянныя, постройки этого огромнаго квартала сдѣлались жертвою пламени, на пространствѣ, по крайней мѣрѣ, въ полъ-мили. Нѣсколько человѣкъ изъ нашего отряда были ранены обломками пылавшаго дерева, которые расшвыряло вѣтромъ съ страшнымъ трескомъ и шумомъ.

Мы пустились въ обратный путь, къ Кремлю, съ 32 плѣнниками, и такъ какъ я былъ въ ночномъ нарядѣ, то мнѣ и пришлось вести ихъ въ аріергардѣ. Намъ вѣрно было закалывать штыками тѣхъ изъ нихъ, которые попытались бы бѣжать или не захотѣли добровольно слѣдовать за нами.

Болѣе половины этихъ несчастныхъ были каторжники съ мрачными лицами; остальные принадлежали къ среднему сословію жителей,

или къ составу полиціи, какъ это было видно по ихъ форменной одеждѣ.

Я примѣтилъ дорогою между плѣнными одного человѣка, въ опрятной зеленой шинели, плакавшаго какъ ребенокъ и не перестававшаго восклицать на хорошемъ Французскомъ языкѣ: „Господи, Господи, жена моя и сынъ погибли въ пожарѣ!“ При этомъ мнѣ казалось, что онъ больше жалѣеть о сынѣ. На мой вопросъ, кто онъ такой, онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ родомъ Швейцарецъ изъ Цюриха, болѣе семнадцати лѣтъ преподававшій въ Москвѣ Французскій и Нѣмецкій языки. Проговоривъ это, онъ снова зарыдалъ повторяя въ отчаяніи: „бѣдный мой, дорогой мой сынъ!“...

Мнѣ страшно стало его жалко, и я утѣшалъ его, что, можетъ, жена его и сынъ не погибли; и тутъ же рѣшилъ спасти его, зная, что ему, какъ всѣмъ прочимъ плѣнникамъ, предстояла казнь на смерть. Съ нимъ рядомъ шли двое, крѣпко державшіе другъ друга за руку. Швейцарецъ-учитель сказалъ мнѣ, что это отецъ съ сыномъ, оба портные по ремеслу, и что онъ завидуетъ имъ, что они не разлучены и умрутъ вмѣстѣ. Понимая по-французски, бѣдный зналъ, какая ихъ всѣхъ ожидаетъ участь, по услышанному относительно ихъ приказу.

Среди нашего съ нимъ разговора, онъ вдругъ остановился, блуждающимъ взглядомъ сталъ смотрѣть вокругъ и даже не отвѣчалъ на мой вопросъ, чтò съ нимъ, а только нѣсколько минутъ послѣ, испустивъ глубокій вздохъ, онъ пояснилъ мнѣ, что искалъ увидѣть то мѣсто, гдѣ стоялъ его домъ, узнавъ его по уцѣлѣвшей еще печи. Кстати сказать, не только въ самомъ городѣ, но и за городомъ, было ночью такъ же свѣтло, какъ днемъ. Въ это самое время, голова колонны нашей, предшествуемая отрядомъ Польскихъ уланъ, должна была остановиться; улица была узкая и вся завалена разными обвалами, преградившими путь. Я воспользовался этой остановкой, чтобъ позволить несчастному Швейцару осмотрѣть, не найдеть-ли онъ на пепелищѣ своего дома трупы жены и сына, и предложилъ ему пойти съ нимъ на то мѣсто. Сначала мы не нашли ничего могущаго убѣдить въ гибели ихъ, и я сталъ уже утѣшать его, что, вѣрно, имъ удалось спастись, какъ вдругъ я замѣтилъ у входа въ подвалъ что-то безформенное, черное, оказавшееся трупомъ, послѣ того что я освободилъ его отъ всего, чтò его покрывало. Онъ въ такомъ уже былъ видѣ, что я, не имѣя времени, не могъ разобрать даже, мужской ли онъ или женскій. Несчастный, стоявшій сначала возлѣ меня въ столбнякѣ, закричалъ и упалъ, какъ снопъ, на мостовую. Я поднялъ его съ по-

мощью бывшихъ при мнѣ солдатъ и привелъ его въ чувство, послѣ чего онъ бросился, какъ безумный, вокругъ мѣста, гдѣ стоялъ его домъ, призывая сына и, какъ камень, свалился въ глубину подвала, куда я ужъ не пожелалъ послѣдовать за нимъ. Я поспѣшилъ къ отряду, подъ печальнымъ впечатлѣніемъ всего только что видѣннаго. Одинъ изъ моихъ товарищей спросилъ у меня, куда я дѣлъ говорящаго по-французски плѣнника. Я передалъ ему весь ужасъ положенія этого несчастнаго и предложилъ пойти на мѣсто, гдѣ я его оставилъ, такъ какъ отрядъ нашъ все еще не могъ двигаться. Мы остановились у входа въ подвалъ, откуда неслись страшные стоны и куда мой товарищъ предложилъ спуститься, чтобъ оказать помощь бывшему тамъ. Но я вѣдь зналъ, что, оставъ онъ подвалъ, ему быть разстрѣляннымъ по приходѣ нашемъ къ Кремлю; поэтому я остановилъ товарища въ его намѣреніи, подъ предлогомъ, что очень опасно безъ огня идти въ такое темное мѣсто. По счастью, тутъ же раздался приказъ: „Стройся“ что означало, что отрядъ могъ продолжать путь; но мы съ товарищемъ могли остаться еще нѣсколько минутъ, пока лѣвая часть колонны дѣлала передвиженіе; а когда, наконецъ, мы стали уходить, то услышали за собой шаги. Я обернулся и съ удивленіемъ увидѣлъ передъ собой несчастнаго Швейцарца, похожаго скорѣе на привидѣніе, съ мѣхомъ въ рукахъ, которымъ (поленилъ онъ мнѣ) онъ обернуть трупы жены и сына. Трупъ, лежавшій у подвала, оказался трупомъ его жены, а сына онъ нашелъ метрвымъ въ подвалѣ, но еще не обгорѣлаго. Я посоветовалъ ему вернуться въ подвалъ и обождать, пока мы уйдемъ, чтобъ затѣмъ привести въ исполненіе свой тяжкій долгъ. Не знаю, понялъ-ли меня несчастный, но намъ нужно было спѣшить уходомъ.

Къ Кремлю мы подошли въ пять часовъ утра. Плѣнниковъ нашихъ мы размѣстили въ надежное мѣсто; но, при этомъ, я распорядился оставить отца съ сыномъ обоихъ портныхъ, подъ мою отвѣтственность, за мой страхъ. Предусмотрительность моя вполне оправдалась, какъ вы увидите послѣ, такъ какъ они принесли намъ большую пользу за время нашего пребыванія въ Москвѣ.

20-го числа пожаръ сталъ стихать. Маршалъ Мортъё, губернаторъ города, и генералъ Мило (Milhaud) комендантъ, дѣятельно принялись за устройство полиціи. Они съ этой цѣлью употребили въ дѣло Итальянцевъ, Нѣмцевъ и Французовъ, которые скрывались до нашего вступленія въ Москву, не захотѣвъ подчиниться распоряженію Рабочина, принуждавшаго ихъ всѣхъ выѣхать изъ города.

Въ полдень, посмотрѣвъ въ окно нашей квартиры, я увидѣлъ, какъ разстрѣливали одного изъ приведенныхъ мною каторжниковъ.

Онъ не захотѣлъ стать на колѣни и, ударяя себя кулакомъ въ грудь, точно вызывалъ на бой того, отъ кого храбро пріялъ смерть.

Нѣсколько часовъ спустя, всѣхъ остальныхъ постигла таже участь.

Остальное время дня, до 7 ч. вечера, я провелъ довольно спокойно, какъ вдругъ полковой адъютантъ Делетръ прикасалъ мнѣ идти подъ арестъ за то, что я далъ уйти тремъ плѣнникамъ, вѣрнымъ моей охранѣ. Я постарался оправдаться какъ могъ и отправился въ указанное мѣсто ареста, гдѣ уже сидѣли прочіе унтеръ-офицеры. Поразмысливъ обо всемъ происшедшемъ, я не раскаялся въ томъ, что спасъ жизнь тремъ несчастнымъ: такъ я былъ убѣжденъ, что они ни въ чемъ не повинны.

Комната, въ которой я былъ посаженъ, имѣла выходъ въ узкую галерею, соединявшую ее съ другимъ домомъ, полусожженнымъ, въ который никто поэтому и не заглянулъ. Я же примѣтилъ, что часть зданія сохранилась и, отъ нечего дѣлать, поинтересовался обслѣдовать ее. Пройдя до конца галереи, я очутился передъ запертою дверью, за которой слышалъ шумъ и говоръ, на незнакомомъ мнѣ языкѣ. На мой стукъ, въ комнатѣ водворилась тишина, и двери мнѣ не отперли. Тогда я сталъ смотрѣть въ замочную скважину и увидѣлъ лежащаго на диванѣ человѣка, а близъ него двухъ женщинъ, пытавшихся, какъ мнѣ казалось, заставить его молчать. Немного понимая по-польски, по сходству этого языка съ Русскимъ, я сталъ просить воды и постучалъ вторично, но также безуспѣшно, и только послѣ повторенія моей просьбы о водѣ и сильнаго удара ногой въ дверь мнѣ ее открыли.

Только что я вошелъ, женщины спрятались въ смежную комнату, человѣкъ же лежавшій на диванѣ оставался недвижимъ. Я тотчасъ призналъ въ немъ каторжника, по его гнусному, грязному виду и странной одеждѣ, а также и по двумъ факеламъ лежавшимъ близъ него. За поясомъ у него было нѣсколько пистолетовъ, которыми я тотчасъ завладѣлъ; а однимъ изъ факеловъ, толщиною въ руку, я такъ его хватилъ по боку, что онъ открылъ глаза. Увидя меня, онъ вскочилъ съ намѣреніемъ броситься на меня; но, вмѣсто этого, шлепнулся, растянувшись во весь ростъ. Я приставилъ къ нему дуло одного изъ его же пистолетовъ, что заставило его вновь попытаться встать, глядя на меня безсмысленнымъ взоромъ. Хотя онъ вторично упалъ, но все же ему удалось стать на ноги. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ, и я вывелъ его въ галерею, гдѣ, дойдя до лѣстницы, крутой какъ пожарная, столкнулъ его по ней, какъ боченокъ, къ самымъ дверямъ караульной.

Часовые подобрали его и сволокли въ помѣщеніе, куда запирали подобныхъ ему злодѣевъ. Больше о немъ я уже ничего не слышалъ.

Затѣмъ я вернулся въ комнату, откуда его вывелъ, заперъ за собой дверь на ключъ и тщательно осмотрѣлъ, не грозитъ-ли мнѣ въ ней какая опасность, и только послѣ этой предусмотрительности вошелъ въ комнату, куда скрылись обѣ женщины. Я нашелъ моихъ Дульциней сидящими на диванѣ, и мой приходъ нисколько не удивилъ ихъ. Я ничего не могъ понять изъ того, что онѣ обѣ лопотали одновременно; но заставилъ ихъ понять, нѣтъ-ли у нихъ чего мнѣ поѣсть. Тогда онѣ тотчасъ принесли мнѣ огурцовъ, луку, большой кусокъ соленой рыбы, немного пива, но ни ломтя хлѣба. Немного спустя, младшая изъ нихъ (онѣ оказались сестрами) принесла мнѣ бутылку какого-то вина, которое называла „Kosalki“, а оказалось, что это простая Данцигская можжевеловая водка, которую мы покончили менѣе чѣмъ въ полчаса. Москвички мои перегоняли меня въ этомъ. Посидѣвъ съ ними, я вернулся къ себѣ комнату, гдѣ засталъ давно поджидавшаго меня унтеръ-офицера нашей роты.

Когда я ему рассказалъ о моихъ приключеніяхъ, онъ пересталъ удивляться моему исчезновенію и пришелъ въ восторгъ, что случай посылаетъ намъ двухъ женщинъ, которыя, конечно, почтутъ себя польщенными мыть и чинить бѣлье на Французовъ: дѣло, на которое никого по сіе время не находилось. Такъ какъ мы не хотѣли, чтобы кто-нибудь узналъ о нашихъ красавицахъ, то послали за ними фельдфебеля только въ 10 ч. вечера, когда всѣ уже улеглись. Не зная, куда онъ хочетъ ихъ вести, онѣ стали упираться и объяснили ему, что просятъ меня придти за ними. За мной онѣ охотно послѣдовали въ приготовленную имъ комнату, оказавшуюся въ нашемъ распоряженіи и убранную нами очень прилично всѣмъ, что мы нашли въ ихъ помѣщеніи, а также и всѣмъ тѣмъ, что досталось намъ изящнаго и красиваго отъ велико-свѣтскихъ Московскихъ дамъ, лишенныхъ возможности увезти то съ собой. Вотъ какъ и преобразились двѣ грубыя на видъ служанки въ баронесъ, которыя вопреки тому стирали и штопали наше бѣлье.

На другой день, утромъ 21-го, я услышалъ сильныя ружейныя выстрѣлы и узналъ, что разстрѣливали еще нѣсколько поджигателей и полицейскихъ, схваченныхъ въ то самое время, какъ они поджигали Воспитательный Домъ и госпиталь, гдѣ лежали наши раненые. Вскорѣ пришелъ фельдфебель объявить мнѣ, что я свободенъ.

Когда я вошелъ въ наше помѣщеніе, я засталъ моихъ двухъ портныхъ за дѣломъ: они выкраивали большіе воротники изъ снятаго

нашими солдатами сукна съ билліардовъ изъ кофейни, гдѣ стояла наша рота. Затѣмъ я пошелъ въ комнату нашихъ красавиць, которыхъ увидѣлъ занятыхъ стиркою. Дѣло у нихъ шло плохо, что и неудивительно, если принять во вниманіе, что онѣ были разодѣты въ шелкъ, какъ баронессы. Но за неимѣніемъ лучшаго, приходилось довольствоваться ихъ мытьемъ.

Конецъ дня былъ употребленъ мною на устройство нашего помѣщенія и на заготовленіе провизіи, на случай нашей долгой стоянки въ Москвѣ. У насъ было запасено семь большихъ ящиковъ Шампанскаго, много Испанскихъ винъ, пятьсотъ бутылокъ рому Ямайскаго и болѣе ста головъ сахару, все это на шесть унтеръ-офицеровъ, повара и двухъ женщинъ!

Мяса перепадало рѣдко. Въ этотъ вечеръ у насъ оказалась корова. Не знаю откуда ее раздобыли; но такъ какъ мы закололи ее ночью, чтобы никто не видѣлъ, то вѣроятнѣе всего, что позволенія на ея уводъ мы не получали.

Мы открыли большой гастрономическій магазинъ, изъ котораго взяли очень много окороковъ; а ко всему этому у насъ былъ большой запасъ соленой рыбы, нѣсколько мѣшковъ муки, большая бочка сала, сперва принятаго нами за масло, и пиво въ достаточномъ количествѣ. Вотъ каковъ былъ нашъ запасъ на случай, что мы зазимуемъ въ Москвѣ.

По разъ заведенному порядку, мы каждый вечеръ въ 10 ч. дѣлали переключку. На этотъ разъ недоставало 18 человекъ. Остальная часть роты спокойно спала въ билліардномъ залѣ, на дорогихъ мѣхахъ, собольихъ, лисьихъ, медвѣжьихъ и на львиныхъ шкурахъ. У нѣкоторыхъ солдатъ головы были обмотаны дорогими шалими, въ видѣ тюрбановъ, и въ такомъ видѣ они скорѣе походили на пашей, чѣмъ на гренадеровъ; имъ только недоставало, для полного сходства, гурій.

Я протянулъ мою переключку до 11-ти ч., чтобы дать подойти не вернувшимся 18-ти солдатамъ, которыхъ вскорѣ и увидѣлъ входившихъ съ почти непосильными для нихъ ношами. Въ числѣ принесенныхъ ими драгоценностей было нѣсколько серебряныхъ пластинокъ съ рельефными на нихъ рисунками; у каждаго солдата было по слитку серебра, величиной съ кирпичъ, и много мѣховъ, Индійскихъ шалей и шелковыхъ матерій, затканыхъ серебромъ и золотомъ. Эти 18 запоздавшихъ къ переключкѣ солдатъ стали тутъ-же просить меня дозволить имъ сходить за оставленнымъ ими виномъ и фруктами въ сахаръ. Я согласился на это, и они отправились въ сопровожденіи капрала. Тутъ у мѣста сказать, что мы, сержанты, предъявляли всегда свои права на

двадцатую часть всего уцѣлѣвшаго отъ пожара; остальное шло въ раздѣлъ между солдатами.

22-ое было посвящено нами отдыху, увеличенію запасовъ, пѣнію, куренью, смѣху, вышивкѣ и прогулкамъ. Я въ тотъ же день побывалъ у одного Итальянца, торговавшаго гравюрами, домъ котораго, находившійся въ нашемъ кварталѣ, не былъ сожженъ.

23-го утромъ, во дворѣ кофейной, былъ разстрѣлянъ еще одинъ поджигатель, и намъ было приказано готовиться къ смотру на утро слѣдующаго дня. Самъ Императоръ произведетъ смотръ.

24-го, въ 8 ч. утра, мы выступили въ Кремль, гдѣ уже собрались многіе полки арміи. Въ этотъ день сдѣлано было много повышеній и роздано много орденовъ, которые были вполнѣ заслужены людьми, проливавшими не разъ кровь за отечество.

Я воспользовался представившимся случаемъ, чтобъ осмотрѣть достопримѣчательности Кремля и вошелъ въ церковь Св. Михаила, усыпальницу Русскихъ императоровъ. Въ первые дни нашего входа въ Москву, 1-й гвардейскій стрѣлковый батальонъ держалъ караулъ въ Кремлѣ, и такъ какъ ходилъ слухъ, что въ этой церкви сокрыты большія сокровища, то многіе изъ стрѣлковъ проникли въ нее, но нашли, вмѣсто ожидаемаго, только каменные гробницы, покрытыя бархатомъ и съ надписями, на серебряныхъ доскахъ, о погребенныхъ подъ ними. Тутъ-же, между гробницъ, стрѣлки нашли нѣсколько жителей, думавшихъ найти спасеніе подъ покровомъ мертвыхъ. Между ними попалась одна очень красивая, молодая особа, принадлежавшая, какъ говорили, къ одному изъ самыхъ знатныхъ семействъ въ Москвѣ. Она имѣла глупость влюбиться въ одного изъ высшихъ офицеровъ нашей арміи и удвоила эту глупость, послѣдовавъ за нимъ при нашемъ отступленіи. Вмѣстѣ со многими другими, несчастная погибла отъ холода, голода и другихъ бѣдствій всякаго рода.

По выходѣ изъ склепа церкви Св. Михаила, я увидѣлъ знаменитый колоколъ, который осмотрѣлъ во всѣхъ подробностяхъ. Высота его до двадцати футовъ, но онъ почти на половину ушелъ въ землю вслѣдствіе собственной тяжести, когда во время пожара упалъ съ колокольни, на которой висѣлъ и фундаментъ которой еще виденъ. Сохранилась, надломленная по срединѣ, большая деревянная балка, на которой онъ висѣлъ. Тутъ же по близости находится арсеналъ, у входа въ который стояли двѣ громадныя пушки; а немного дальше, но справа отъ меня, возвышался соборъ съ девятью своими башнями или колокольнями, крытыми вызолоченною мѣдью. Крестъ на самой высокой

изъ нихъ, на Ивановской, царилъ надъ всѣмъ. Онъ былъ размѣромъ въ тридцать футовъ, сдѣланъ изъ дерева, покрытаго листами позолоченнаго серебра и прикрѣпленъ нѣсколькими цѣпями, тоже позолоченными.

Нѣсколько дней спустя, было приказано снять этотъ крестъ, чтобъ привезти его въ видѣ трофея въ Парижъ. При спускѣ его, онъ сорвался и чуть не убилъ плотниковъ и рабочихъ, которые поддерживали его за цѣпи. Тоже самое произошло при снятіи орловъ съ Кремлевскихъ башенъ.

Смотръ кончился въ полдень. Выходя изъ Кремля, мы прошли воротами, гдѣ часовня Св. Николая, о которой я говорилъ выше. Мы видѣли, какъ простолюдины молились великому Святителю, кланяясь въ землю и крестясь. По всей вѣроятности, они молили его помочь имъ преодолѣть насъ.

25-го я отправился съ нѣкоторыми товарищами побродить по развалинамъ города, и мы попадали въ невиданные еще доселѣ нами кварталы. Намъ всюду встрѣчались, на пепелищахъ, Русскіе мужики, бабы, отвратительныя Еврейки съ Евреями, а среди нихъ и солдаты нашей арміи, всѣ занятые отыскиваніемъ всякаго добра въ уцѣлѣвшихъ подвалахъ. Кромѣ найденнаго ими вина и сахару, они всѣ были нагружены шалами, кашемирами, великолѣпными Сибирскими мѣхами, златотканными матеріями, серебряной посудой и другими драгоценными вещами. Евреи съ своими женами и дѣтьми все предлагали нашимъ солдатамъ купить у нихъ то или другое; а деньги, полученные съ нашихъ, частенько бывали отняты у нихъ другими солдатами арміи.

Въ вечеръ 25-го была подожжена церковь, какъ разъ напротивъ насъ и рядомъ съ домомъ, гдѣ пребывалъ маршалъ Мортъе. Не смотря на усилія нашихъ солдатъ, не удалось ее отстоять, что особенно обидно, потому что она была въ совершенной цѣлости, и въ ней, за нѣсколько дней предъ этимъ, совершалась даже служба. Прискорбиѣ же всего было то, что въ ней погибло много несчастныхъ, скрывшихся тамъ съ остатками своего имущества.

26-го я былъ назначенъ охранять экипажи Императора, стоявшіе въ сараѣ, гдѣ-то на окраинѣ города, напротивъ большихъ казармъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожара и въ которыхъ размѣстили часть нашего перваго армейскаго корпуса. До нихъ было нѣсколько верстъ, которыя я прошелъ съ моей командой среди развалинъ, все почти вдоль лѣваго берега Москвы-рѣки. Кромѣ нѣсколькихъ стѣнъ отъ церквей все было

обращено въ пепель. На правомъ берегу рѣки виднѣлось нѣсколько красивыхъ усадебъ, пощаженныхъ огнемъ.

Влизъ того мѣста, гдѣ я поставилъ свой караулъ, былъ домъ не тронутый огнемъ, и я полюбопытствовалъ осмотрѣть его. Случай свелъ меня тутъ съ человѣкомъ, который говорилъ прекрасно по-французски и отъ котораго я услышалъ, что онъ родомъ изъ Страсбурга и попалъ, по несчастю, въ Москву за нѣсколько дней до нашего въ нее вступленія. Онъ торговалъ Рейнскими винами и Шампанскимъ и, какъ онъ объяснилъ мнѣ, потерялъ вслѣдствіе роковыхъ обстоятельствъ болѣе милліона рублей какъ за должниками, такъ и на погибшемъ въ пожарѣ винѣ, считая и выпитое нами, и то, которое мы продолжали попивать ежедневно. У несчастнаго не было и ломтя хлѣба, и я пригласилъ его раздѣлить со мной супъ съ рисомъ, что онъ принялъ съ благодарностью.

Въ ожиданіи мира, который всѣ считали близкимъ, Императоръ повелѣлъ устроить все въ Москвѣ такъ, какъ будто онъ намѣревался провести въ ней зиму. Начали съ организаціи госпиталей для нашихъ раненыхъ, не дѣлая впрочемъ различія между своими и Русскими ранеными.

Начали свозить въ одно мѣсто разбросанные запасы всякаго рода. Открыли для службы уцѣлѣвшія церкви. На той улицѣ, гдѣ мы были расквартированы, находилась Французская католическая церковь Св. Людовика, въ которой эмигрантъ-священникъ служилъ обѣдню. Удалось даже возстановить театръ, въ которомъ, какъ меня увѣрили, Французскіе и Итальянскіе актеры давали представленія. Не знаю, играли-ли на самомъ дѣлѣ, но знаю навѣрное, что актерамъ было заплачено за 6 мѣсяцевъ, что, конечно, было сдѣлано, чтобъ заставить Русскихъ думать, что мы рѣшились провести зиму въ Москвѣ.

27-го числа, когда я пришелъ снять моихъ караульныхъ, я былъ пріятно удивленъ, найдя у себя двухъ моихъ земляковъ, пришедшихъ повидать меня. Это были—Фламандъ, родомъ изъ Перювельца, ратникъ драгунскаго гвардейскаго полка, и Мелѣ, драгунъ того же полка, родомъ изъ Кюнде. Мы всѣ были въ этотъ день въ веселомъ настроеніи, такъ что ихъ приходъ былъ очень кстати, и мы пригласили ихъ отобѣдать съ нами и провести вечеръ.

Въ одинъ изъ своихъ многочисленныхъ, такъ сказать, „набѣговъ“, солдаты принесли намъ много костюмовъ всякихъ національностей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ и очень роскошныхъ; въ числѣ ихъ

были костюмы временъ Людовика XVI. Вотъ почему мы рѣшили устроить послѣ обѣда балъ, нарядившись во все эти костюмы.

Я забылъ сказать, что Фламанъ, прежде всего, сообщилъ мнѣ о страшномъ несчастіи съ командиромъ ихъ полка, храбрымъ подполковникомъ Мартò. 23-го числа онъ отправился на развѣдку въ окрестностяхъ Москвы съ двумя сотнями своихъ драгунъ и попалъ въ засаду къ трехтысячному отряду Русской кавалеріи съ артиллеріей. Самъ полковникъ Мартò былъ опасно раненъ въ этомъ отчаянномъ бою, а капитанъ и адъютантъ, тоже раненые, попали въ плѣнъ. На другой день послѣ этого сраженія полковникъ прислалъ за своими вещами, но затѣмъ мы узнали объ его кончинѣ.

Я возвращаюсь къ нашему балу, вполне костюмированному: такъ мы все были наряжены.

Прежде всего мы преобразили въ маркизъ нашихъ двухъ прачекъ, при чемъ Фламану пришлось помогать имъ одѣваться, такъ какъ онѣ совсѣмъ не умѣли взяться за это. Двухъ нашихъ портныхъ мы одѣли Китайцами, я сдѣлался Русскимъ бояриномъ, а Фламанъ маркизомъ, и, въ концѣ концовъ, все мы до послѣдняго были въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ; даже наша маркитантка, тетка Дюбуа, случившаяся тутъ въ разгаръ нашего переодѣванія, и та напялила на себя богатѣйшій нарядъ Русской барыни. Париковъ у насъ не было, а потому нашихъ маркизъ причесалъ парикмахеръ нашей роты, замѣнивъ помаду саломъ, а пудру мукою. Когда все оказались наряжены какъ нельзя лучше, мы начали танцевать. Я долженъ добавить, что мы во все время одѣванія угощались крѣпкимъ пуншемъ, о которомъ позаботился, какъ старый драгунъ, мой землякъ Мелè. Маркизы и маркитантки хотя отлично переносили пуншъ, но отъ очень большихъ и частыхъ приемовъ стали хмѣлѣть. Вся наша музыка состояла изъ флейты, на которой игралъ фельдфебель, да изъ барабана, ей въ аккомпаниментъ. Начинали пѣсенкой:

On va leur percer les flancs,
 Ram, ram, ram plam,
 Tirelire, ram plam.

(Сейчасъ имъ пронзятъ бока...)

Лишь только заиграла музыка, и тетка Дюбуа вышла впередъ съ фурьеромъ, съ которымъ танцевала *vis-à-vis*, какъ наши маркизы, въ восторгъ отъ нашей дикой музыки, пустились прыгать какъ Татарки, вертясь то вправо, то влево, вывертывая руки и ноги, шлепаясь на полъ и снова вскакивая, ну прямо какъ бѣснующіяся. Будь онъ, при

этомъ, въ своихъ простыхъ Русскихъ платьяхъ, насъ бы онѣ не удивили; но видѣть маркизъ, у которыхъ всегда такой важный видъ, въ бѣшенной пляскѣ было до того смѣшно, что мы помирали со смѣху, и нашъ флейтистъ не могъ даже продолжать играть. Оставался барабанъ, и онъ только еще болѣе задорилъ маркизъ, пустившихся во всю, пока онѣ не свалились въ изнеможеніи. Мы подняли ихъ, рукоплеща имъ, и вплоть до четырехъ часовъ утра не переставали пить и танцевать.

Тетка Дюбуа, какъ настоящая маркитанка, тотчасъ оцѣнила бывшее на ней платье изъ серебряной и золотой парчи, и незамѣтно скрылась съ нашего бала. Но ее увидалъ нашъ полицейскій, когда она вышла на улицу и, принявъ ее за Русскую барыню, обрадовался такому прекрасному случаю, и подошелъ къ ней, предлагая ей руку, чтобъ провести ее къ себѣ въ комнату. Но тетка Дюбуа, помня о своемъ мужѣ и подъ вліяніемъ выпитаго пунша, влѣпила ему такую здоровую оплеуху, что онъ свалился на землю и сталъ кричать „карауль!“ Солдаты взялись было за ружья, но мы, не успѣвшіе еще лечь, поспѣшили на выручку. Намъ стояло немало усилій убѣдить осwirѣвшаго полицейскаго, что виноватъ онъ, остановивъ такую женщину, какъ тетка Дюбуа.

28-ое и 29-ое мы были заняты заготовкою провіанта и, во избѣжаніе перехвата, днемъ ходили на развѣдку, а переносили намѣченное ночью.

30-го намъ дѣлали инспекторскій смотръ на улицѣ, передъ нашимъ помѣщеніемъ и, по окончаніи смотра, полковой командиръ предложилъ инспектору осмотрѣть наше размѣщеніе. При осмотрѣ нашей роты полковника сопровождали капитанъ, дежурный офицеръ и сержантъ, а еще и адъютантъ Рустанъ, хорошо знавшій расположеніе комнатъ, которыя онъ и отворялъ по мѣрѣ осмотра ихъ. Осмотрѣвши почти все, полковникъ спросилъ: „Ну, а какъ размѣщены унтеръ?“ — „Отлично“ отвѣчалъ адъютантъ Рустанъ, и тотчасъ ввелъ ихъ въ наши комнаты *). А мы, какъ на грѣхъ, не вынули ключа отъ двери комнаты нашихъ Дульциней, дверь, которую выдавали мы за шкафъ. Рустанъ отворилъ дверь, но увидя въ чемъ дѣло, тотчасъ заперъ ее, сунувъ ключъ въ карманъ и не проронивъ ни слова.

Когда же онъ завидѣлъ меня на улицѣ, то еще издалека показалъ ключъ и, подойдя, сказалъ со смѣхомъ: „Хорошъ товарищъ! Такія птички у него въ клѣткѣ, а онъ молчитъ! Да гдѣ вы раздобыли такихъ

*) Кстати пояснить, что мы проломали дверь для соединенія ротнаго помѣщенія съ нашимъ (Примѣчаніе автора).

дурь и на что онъ вамъ?“ Тогда я ему рассказалъ, гдѣ и какъ я поймалъ ихъ и какъ онѣ были намъ полезны, стирая и вычиная наше бѣлье. „Въ такомъ случаѣ, обратился онъ ко мнѣ и къ фельдфебелю, окажите товарищескую услугу, отпустите ихъ ко мнѣ на нѣсколько дней; у меня рубашки страшно грязны“. Въ этотъ же вечеръ онъ увелъ ихъ къ себѣ, и такъ какъ онѣ вернулись только черезъ недѣлю, то нужно полагать, что онѣ перемыли бѣлье всѣхъ офицеровъ.

1-го Октября сильный отрядъ нашего полка выступилъ на фуражировку, за нѣсколько миль отъ Москвы, въ большой, но деревянный дворецъ. Но вся наша добыча въ немъ ограничилась возомъ сѣна. На обратномъ пути мы встрѣтили непріятельскую конницу, гарцовавшую вокругъ насъ, но не рѣшавшуюся на серьезную атаку. Нужно сознаться, что хотя несравненно въ меньшемъ числѣ, чѣмъ непріятель, мы такъ лихо выступали, что они поняли невозможность преодолѣть насъ, выведшихъ у нихъ изъ строя нѣсколько человекъ. Конница только подъ самой Москвой отстала отъ нашего отряда.

2-го мы узнали, что Императоръ отдалъ приказъ вооружить Кремль, поставивъ 30 пушекъ и единороговъ разнаго калибра на всѣ башни Кремлевской стѣны.

3-го рабочія команды отъ cadaго гвардейскаго полка были посланы копать землю и переносить матеріаль отъ старыхъ стѣнъ, которыя разрушали наши сапѣры вокругъ Кремля, и отъ фундаментовъ, взрывааемыхъ порохомъ.

4-го была моя очередь вести нашу рабочую команду. На другой день утромъ, стоявшій около меня саперъ-полковникъ былъ убитъ кирпичемъ, при взрывѣ порохомъ одного фундамента. Въ этотъ же день, около одной церкви, я увидѣлъ нѣсколько труповъ съ обглоданными руками и ногами, что вѣроятно сдѣлано волками или собаками, коихъ было несмѣтное число.

Въ свободные отъ дежурства дни, мы проводили время, покуривая, попивая и смѣясь; вспоминали о милой Франціи, о пространствѣ, отдѣляющемъ насъ отъ нея и о возможности отойти еще дальше. А съ наступленіемъ вечера мы присоединяли къ нашему пуншу и рому двухъ нашихъ Московскихъ невольницъ, вѣрнѣе маркизъ, такъ какъ послѣ бала съ переодѣваніемъ мы ихъ иначе не называли. Попивали маркизы не хуже насъ.

Послѣдніе дни нашего пребыванія въ Москвѣ прошли въ смотрахъ и парадахъ, вплоть до того дня, когда Императоръ, дѣлая смотръ нѣсколькимъ полкамъ, узналъ отъ прискакавшаго гонца, что Русскіе

нарушили перемиріе и внезапно атаковали кавалерію Мюрата, застигнутого въ расплохъ.

Лишь только кончился смотръ, вышелъ приказъ объ выступленіи, и не прошло минуты, какъ вся армія пришла въ движеніе; но нашъ полкъ только къ вечеру узналъ, что долженъ быть готовъ къ выходу на слѣдующій день.

Передъ уходомъ мы дали нашимъ маркизамъ и двумъ портнымъ ихъ долю добычи, которую мы не могли увести съ собой. Ужъ и кланялись они намъ за это въ землю, цѣловали намъ ноги, благодаря много разъ. Отродясь они не видѣли у себя такого богатства!

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, городъ наполнился Евреями и Русскими мужиками; первые явились, чтобы купить у солдатъ все, что тѣ не могли захватить съ собою, вторые—подобрать брошенное нами на улицахъ. Мы узнали, что маршалъ Мортъе остался съ 10.000 войска въ Кремль, имѣя приказаніе защищаться, если понадобится.

Въ полдень мы двинулись въ походъ, запасшись, насколько возможно, спиртными напитками, которые помѣстили въ экипажъ нашей маркитантки тетки Дюбуа, а также въ большой серебряной вазѣ. Была почти ночь, когда мы вышли изъ города. Тотчасъ же очутились мы среди великаго количества экипажей, сопровождаемыхъ людьми разныхъ націй, слѣдовавшихъ въ три-четыре ряда на протяженіи болѣе версты. Слышались разговоры Французскій, Нѣмецкій, Испанскій, Итальянскій, Португальскій и разныхъ другой, такъ какъ шли и Русскіе мужики, а также много Евреевъ. Всѣ они въ своихъ костюмахъ и съ своимъ разговоромъ, маркитанты съ женами и плачущими дѣтьми, съ криками тѣснились другъ къ другу и производили безпорядокъ, о которомъ невозможно составить себѣ даже представленія. У нѣкоторыхъ уже сломались телѣги; они кричали и ругались такъ громко, что, казалось, голова треснетъ отъ шума. Наконецъ, не безъ труда, намъ удалось обогнать этотъ громадный поѣздъ, принадлежавшій къ нашей арміи. Мы вступили на Калужскую дорогу (тутъ мы находились въ Азіи) и почти тотчасъ же остановились бивуакомъ на ночь въ лѣсу, а такъ какъ было уже очень поздно, то и отдыхъ нашъ былъ коротокъ.

Едва забрежжило, какъ мы снова двинулись въ путь. Не пройдя и версты, мы снова натолкнулись на большую часть злосчастнаго поѣзда, опередившаго насъ пока мы отдыхали. Уже большинство экипажей было сломано, а остальные не могли двигаться, потому что дорога была песчаная и колеса глубоко уходили въ песокъ. Слышались крики

на Французскомъ, ругань на Нѣмецкомъ, молитвы на Итальянскомъ и призыванія Пресвятой Богородицы на Испанскомъ и Португальскомъ языкахъ.

Обогнавъ весь этотъ хаосъ, мы принуждены были остановиться, чтобы подождать лѣвое крыло колонны. Я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы освидѣтельствовать свой мѣшокъ, который казался мнѣ слишкомъ тяжелымъ, и посмотрѣть, нельзя ли что нибудь выбросить для облегченія его. Онъ былъ довольно хорошо наполненъ: у меня было нѣсколько фунтовъ сахару, рисъ, сухари, пол-бутылки ликеру, женскій Китайскій костюмъ изъ шелковой матеріи, серебряная и зологая парча, нѣсколько серебряныхъ и зологихъ украшеній, между прочимъ кусокъ креста Ивана Великаго*), т. е. кусокъ чехла, его покрывавшаго, изъ позолоченнаго серебра (его далъ мнѣ одинъ изъ тѣхъ кровельщиковъ и плотниковъ, которые были отряжены для снятія креста).

Былъ у меня еще парадный мундиръ и большой женскій капотъ, служашій для верховой ѣзды (этотъ капотъ былъ орѣховаго цвѣта, подбитый зеленымъ бархатомъ, а такъ какъ я не зналъ его употребленія, то воображалъ, что женщина, носившая его, была ростомъ въ шесть футовъ); сверхъ того двѣ серебряныя картины, длиною въ футъ, шириною шесть дюймовъ, съ барельефными фигурами: одна изъ нихъ изображала судъ Париса на горѣ Идѣ, другая представляла Нептуна въ колесницѣ въ видѣ раковины, везомаго морскими конями. Обѣ картины были тонкой работы. Потомъ нѣсколько медальоновъ и орденская лента Русскаго князя, украшенная брилліантами. Всѣ эти предметы предназначались въ подарокъ и были найдены въ подвалахъ разрушенныхъ пожаромъ домовъ.

Какъ видно, мѣшокъ не могъ быть легокъ, и для облегченія его я выбросилъ свои бѣлые штаны, предвидя, что они мнѣ не скоро понадобятся. На мнѣ, поверхъ рубашки, былъ желтый стеганный жилетъ, сдѣланный мною самимъ изъ женской юбки, большая горностаевая накидка, охотничья сумка на широкой серебряной лентѣ, содержавшая нѣсколько предметовъ, между прочимъ серебряное вызолоченное распятіе и маленькую Китайскую фарфоровую вазочку. Эти два предмета какимъ-то чудомъ спаслись отъ погрома; они у меня до сихъ поръ, и я храню ихъ какъ заветныя. Кромѣ того пороховница, оружіе и 60 патроновъ. Прибавьте къ этому здоровье, веселость, добрую волю

*) Я забылъ сказать, что въ серединѣ креста Ивана Великаго находился другой крестъ изъ литого золота длиною въ футъ.

и надежду полюбозничать съ Монгольскими, Китайскими и Индѣйскими дамами, и вы составите себѣ представленіе о сержантѣ легкихъ ратниковъ Императорской гвардіи *).

22-го ночью мы услышали сильный взрывъ и въ послѣдствіи узнали, что это былъ взрывъ Кремля, произведенный маршаломъ Мортье, положившимъ громадное количество пороху въ его подвалы. Мортье ушелъ изъ Москвы съ своими десятью тысячами черезъ три дня послѣ насъ.

25-го утромъ я стоялъ съ ночи на часахъ у небольшого уединеннаго домика, гдѣ помѣстился и ночевалъ Императоръ. Солнце едва показалось изъ густого тумана, какъ это часто бываетъ въ Октябрѣ, какъ вдругъ, не предупредя никого, Императоръ сѣлъ на лошадь. Едва онъ уѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ ординарцевъ, какъ послышался сильный шумъ; одну минуту мы думали, что это крики: „да здравствуетъ Императоръ“, но услышали крики „къ оружію“. Это было 6.000 казаковъ подъ предводительствомъ Платова, которые, воспользовавшись туманомъ и оврагами, кинулись на насъ съ криками „ура“. Тотчасъ гвардейскіе эскадроны бросились въ долину, мы послѣдовали за ними и для сокращенія дорѣги пошли прямо черезъ оврагъ. Черезъ минуту мы встрѣтились съ этой тучею дикарей, которые были какъ волки, и они отступили. Наши эскадроны настигли ихъ и отобрали захваченныя ими вещи и повозки, съ большимъ урономъ для нихъ.

Когда мы вступили въ долину, то увидали Императора почти среди казаковъ, окруженнаго генералами и ординарцами, изъ которыхъ одинъ былъ опасно раненъ въ слѣдствіе роковой ошибки: въ ту минуту, какъ наши эскадроны появились въ долину, нѣкоторые офицеры принуждены были, защищая себя и Императора, находившагося среди нихъ и едва не попавшагося въ плѣнъ, вступить въ рукопашный бой съ казаками. Одинъ изъ ординарцевъ, убивъ казака и поранивъ нѣсколькихъ, потерялъ въ схваткѣ шапку и саблю. Очутившись безоружнымъ, онъ кинулся на казака, выхватилъ пикъ и сталъ ею защищаться. Въ эту минуту его замѣтилъ конный гренадеръ гвардіи и, принимая его, по зеленой шинелѣ и пикѣ, за казака, набросился на него и разсѣкъ его саблею.

Я помню, что послѣ этой схватки Императоръ, разговаривая съ королемъ Мюратомъ, смѣясь говорилъ, что едва не попалъ въ плѣнъ.

*) По причинѣ блокады материка ходилъ въ армію слухъ, что мы пойдемъ въ Монголію и Китай, чтобы захватить Англійскія владѣнія.

28-го мы двинулись въ походъ раннимъ утромъ и днемъ, перейдя маленькую рѣчку, очутились на знаменитомъ полѣ битвы, еще покрытомъ убитыми и всякаго рода обломками. Изъ земли торчали ноги, руки, головы; почти всѣ трупы были Русскихъ, потому что свои, по мѣрѣ возможности, мы предали погребенію. Но такъ какъ это дѣлалось на спѣхъ, то прошедшіе дожди, размывъ землю, обнажили часть труповъ. Чтò можетъ быть печальнѣе вида этихъ труповъ, едва сохранившихъ человѣческой обликъ? Прошло 52 дня со время битвы.

На слѣдующій день проходили мы близъ монастыря, служившаго госпиталемъ для нашихъ раненыхъ во время битвы. Многіе изъ нихъ находились еще тамъ. Императоръ отдалъ приказъ размѣстить ихъ во всѣ экипажи, начиная со своихъ; но маркитанты, которымъ поручили нѣсколько несчастныхъ, бросали ихъ подъ разными предлогами на дорогѣ, чтобы имѣть возможность сохранить награбленное ими въ Москвѣ. Эту ночь мы провели въ лѣсу подъ Гжатскомъ, гдѣ остановился Императоръ. Ночью въ первый разъ выпалъ снѣгъ.

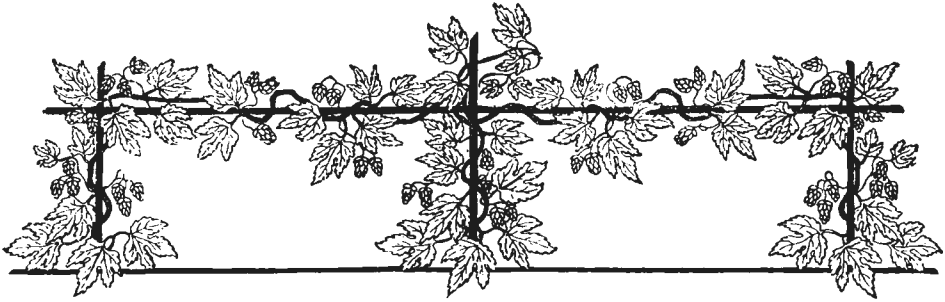
Дорога была усыяна драгоценными предметами, какъ то: картинами, канделябрами и множествомъ книгъ; въ продолженіи часа пути подбиралъ я ихъ, проглядывалъ и снова бросалъ; другіе подбирали ихъ и дѣлали тоже самое. Это были изданія Вольтера, Руссо, Естественная Исторія Буффона, переплетенные въ красный сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ.

Одинъ Португальскій унтеръ-офицеръ подошелъ къ намъ погрѣться; я спросилъ, гдѣ его полкъ; онъ отвѣчалъ, что полкъ разсѣянъ, и ему поручено съ отрядомъ сопровождать семьсотъ-восемьсотъ Русскихъ плѣнныхъ, которые, не имѣя пищи, принуждены поѣдать другъ друга т. е., какъ только кто изъ нихъ умиралъ, они рѣзали его на куски и дѣлили между собою. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ онъ предлагалъ мнѣ показать это; я отказался. Это происходило шагахъ въ ста отъ насъ; нѣсколько дней спустя, мы узнали, что оставшихся въ живыхъ отпустили, не будучи въ состояніи ихъ прокормить.

*

Адріанъ Бургонъ, отецъ котораго торговалъ полотномъ въ одномъ изъ городовъ сѣверной Франціи, родился въ 1785 году и умеръ въ Валансиенѣ 15 Апрѣля 1867 года. Онъ принималъ участіе во многихъ Наполеоновыхъ войнахъ, у насъ былъ уже раненый. Наполеонъ III-й далъ ему пенсію въ 1200 франковъ. Записки свои онъ написалъ еще въ 1813 году, когда находился въ плѣну въ Пруссіи. Возвратившись на родину, онъ продолжалъ торговлю отца своего и пользовался уваженіемъ и любовью согражданъ. П. Б.

Анна Петровна Зонтаг¹⁾.

1. Изъ писемъ ея къ Е. С. Поливановой.

1.

15 Января 1848 года. Село Мишенское.

Не знаю какъ мнѣ благодарить васъ, моя безцѣнная Катерина Сергѣевна, за драгоценныя ваши строки, а особливо за любовь вашу къ моимъ дѣтямъ²⁾ и ко мнѣ грѣшной. Кому же теперь вы поручили управленіе вашимъ имѣніемъ? Жаль мнѣ, что оно не въ сосѣдствѣ съ моимъ, а то бы я взяла хотя небольшой надзоръ. Мы всѣ деревенскіе жители очень испуганы безснѣжіемъ и морозами довольно сильными; боимся, чтобы озимый хлѣбъ не вымерзъ и не было бы опять голода, какъ въ сороковомъ году. Это безснѣжіе повсемѣстное, поля у насъ едва прикрыты, и на пашнѣ видны глыбы; на саняхъ почти невозможно ѣздить. И къ тому же въ сильные морозы, по 20 и 19 градусовъ, бываетъ какой-то прохладный туманъ, послѣ котораго всегда проявляется гдѣ-либо холера. У меня до сихъ поръ все было благополучно. Какъ-то впередъ Господь пожалуетъ? На эту пору я совершенно пустынно-жительствую: Петерсонъ съ женою уѣхалъ въ Москву уже три недѣли, а недѣля тому назадъ, какъ и сестра³⁾ съ дѣтьми туда же уѣхала. Первые дни моего одиночества у меня въ домѣ была такая тишина, что не

¹⁾ А. П. Зонтагъ, старшая племянница и другъ В. А. Жуковского. На ея Священной Исторіи и другихъ повѣстяхъ воспитались цѣлыя поколѣнія. Труды ея до сихъ поръ не утратили своего добраго воспитательнаго значенія. Эти письма сообщены въ „Русскій Архивъ“ покойнымъ Николаемъ Петровичемъ Поливановымъ. П. Б.

²⁾ Т. е. къ дочери ея и ея зятю, Гутмансталу, Австрійскому въ Одессѣ консулу. Въ въ Одессѣ же служилъ Петръ Николаевичъ Поливановъ, котораго супруга, Екатерина Сергѣевна,—сестра извѣстнаго археолога и министра Аврама Сергѣевича Норова.

³⁾ Авдотья Петровна Елагина. тогда тоже вдова (вторично).

слышно было ничего, кромѣ толстыхъ зимнихъ глупыхъ мухъ, которыя, летая, стучаются о потолокъ. Насъ осталось во всемъ домѣ трое: я и двѣ дѣвочки; мужчины ни одного. Чтобы нѣсколько было поживѣе, я заставила трехъ крестьянскихъ дѣвочекъ пряхъ нитки, и онѣ гремятъ своими самоприлками, болтаютъ, распѣваютъ пѣсни, сидя за работой въ дѣвичьей; а я подкармливаю пряничками, крендельками, что такъ имъ нравится, что онѣ даже не ходятъ ночевать домой. Но вотъ ужъ скоро онѣ кончатъ свою урочную работу, и я опять останусь въ совершенной тишинѣ. Но вѣдь надобно же и отдохнуть! Если бы стало немножко потеплѣе, то поѣхала бы къ тетушкѣ¹⁾, у которой не была съ прѣзда; а теперь, признаюсь, меня очень страшатъ эти морозы: 20 и 19^о, изъ этого не выходить, а иногда и больше. Петерсонъ пишетъ, что въ Москвѣ еще холоднѣе. Я, благодаря Бога, здорова и веду себя порядочно, т. е. не тягочусь своимъ одиночествомъ и уживаюсь съ собою. Работаю, читаю и кромѣ писемъ не пишу ничего, развѣ только хозяйственныя книги. Новостей не знаю никакихъ; шумъ свѣта, ни малаго, ни большаго, до меня не доходитъ, и я не слышу ничего кромѣ шума трехъ самоприлокъ. Работаю все еще надъ завѣсомъ къ Машенькинымъ окнамъ или къ окну, но этотъ завѣсъ такъ широкъ, что его достаточно на два окна, если ихъ драпировать на одну сторону: тогда она могла бы убрать мою работу свои окна въ спальнѣ. Читаю много, а когда очень устанутъ глаза, то раскладываю гранпасіансъ; а между тѣмъ думаю, думаю, и за чтеніемъ и за пасіансомъ все думаю о томъ, что было и чего не воротить, стараюсь угадать, что дѣлаетъ моя Машенька, что мой ангелъ Аниутенька, но впередъ уже не загадываю, какъ бывало. Тогда еще у меня было *будущее*, а теперь его нѣтъ! *Се ми гробъ предложитъ, се ми смерть предстоитъ!*

Анна Зонтагъ.

2.

2-го Сентября 1849 года.

Любезнѣйшіе и почтеннѣйшіе мои друзья Петръ Николаевичъ и Катерина Сергѣевна!

Я надѣялась провести нынѣшнюю зиму въ вашемъ миломъ обществѣ въ Одессѣ, но обстоятельства перемѣнились, и я осталась дома. Это значитъ (что, можетъ быть вамъ, уже извѣстно), что Машенька²⁾ оста-

¹⁾ Екатеринѣ Аванасьевнѣ Протасовой, жившей подъ Орломъ.

²⁾ Марья Егоровна Гутмансталь, единственная дочь Анны Петровны отъ ея брака съ Американцемъ Русской службы Егоровъ Васильевичемъ Зонтагомъ, который служилъ начальникомъ барантина въ Одессѣ. Онъ умеръ въ 1842 году.

лась для родинъ своихъ въ Вѣнѣ. Такъ какъ возвращеніе по Дунаю еще невозможно, при продолжающихся еще смутахъ въ Венгріи, то она, не рѣшась предпринять такого дальняго путешествія сухимъ путемъ и въ послѣднемъ мѣсяцѣ своей беременности, осталась въ Вѣнѣ, что очень благоразумно. Это меня успокоило на счетъ Машенькина здоровья, хотя, признаюсь, мнѣ очень грустно быть разою съ нею въ это время. Но когда дѣло идетъ о пользѣ дочери, тогда скорбь матери забывается. Наше дѣло жить не для себя. И что жизнь моя со времени кончины Егора Васильевича? Безпрестанное горе, заботы и безпокойство! Теперь я въ такомъ совершенномъ одиночествѣ, что всякая монастырская жизнь въ сравненіи съ моею покажется шумною. Петерсоны отъ меня уѣхали жить въ Москву, и я теперь совершенно одна. Почтениѣйшій Петръ Николаевичъ! Не потяготитесь исполнить мою просьбу; Богъ наградитъ васъ за вашу обязательность, а я вамъ буду истинно благодарна. Вотъ въ чемъ она состоитъ: уѣзжая изъ Одессы и не имѣя при себѣ дѣвушки (что извѣстно Катеринѣ Сергѣевнѣ такъ, что она, добрая, милая, хотѣла было отпустить со мною свою Ватолду), я взяла съ собою дочь одного Нѣмецкаго колониста, женатаго на моей горничной дѣвушкѣ. Прошлаго года я, черезъ посредство своего зятя, перемѣнила ея билетъ, а нынѣшній годъ этаго не сдѣлала, думая быть сама въ Одессѣ и привезти съ собою эту дѣвушку. Билетъ этотъ просроченъ, и я его посылаю къ вамъ вмѣстѣ съ пятью рублями серебромъ, прося васъ черезъ посредство господина Гана, доставить мнѣ новый билетъ еще на годъ. Вѣдь я могу умереть въ теченіе этого года, а бѣдная дѣвка останется безъ всякаго вида и можетъ быть сочтена за бѣглую. При семъ также прилагаю и письмецо къ смотрителю Нѣмецкихъ колоній, капитану *Николаю Васильевичу Етцшину*. Гдѣ онъ живетъ, не знаю; но вы можете все это сдѣлать скорѣе черезъ господина Гана. Извините, что утруждаю васъ; но ужъ это общая участь людей добродѣтельныхъ и друзей добрыхъ: быть мучимыми просителями и друзьями.

Что сказать бы вамъ хорошенькаго? У насъ несчастная погода очень мѣшаетъ уборкѣ хлѣба, который и безъ того уже не очень-то хорошо родился. Но эта вѣсть совсѣмъ не хорошая, и хорошаго у меня только, что я часто получаю письма отъ моей Машеньки. Она пока здорова и живетъ со всею семьей въ загородномъ домѣ, въ селеніи или мѣстечкѣ, называемомъ Hitzingau, близъ Шёнбрунскаго парка, въ которомъ она всякій день гуляетъ. Пишетъ, что Анютенка очень мила, что всѣ тамъ, родные, отъ нея въ восторгѣ, и что она начала говорить по-нѣмецки. Жалко только то, что она выучится говорить самымъ дурнымъ нарѣчіемъ, Вѣнскимъ, котораго не всѣ Нѣмцы понимаютъ.

Какъ бы мнѣ хотѣлось знать, что дѣлаете вы, мои милые, какъ поживаете? Что ваши дѣточки, что дѣлается въ Одессѣ? Петръ Николаевичъ занять своею службою, ему некогда писать всякую всячину. Я буду очень благодарна, если онъ напишетъ мнѣ нѣсколько словъ о дѣлѣ. У моей Катерины Сергѣевны болятъ ручки; ей писать трудно. Я увольняю ее отъ длиннаго письма. Но почему бы внучкѣ ея, милой Таничкѣ, не написать мнѣ длиннаго письма? Оно бы меня чрезвычайно обрадовало; особливо рассказавъ подробно все, что дѣлается въ вашемъ миломъ семействѣ, столь драгоценномъ моему сердцу. Какъ идетъ ея живопись и прочія занятія; какіе успѣхи нашихъ студентовъ, какъ учатся и рѣзвятся *козлята*, и какъ растетъ Саша? Потомъ, какъ она танцуетъ и веселится, потомъ нѣсколько словъ о нашихъ знакомыхъ и вообще объ Одесской публикѣ. Вотъ обильный текстъ для письма. Я на досугахъ намарала бы больше, но у меня очень болятъ глаза, и писать мнѣ тяжело, читать также, и я осуждена *вязать чулки!* Можете представить, какое пріятное занятіе въ такомъ одиночествѣ. Обнимаю васъ всѣхъ вкупѣ и увѣряю въ сердечной моей привязанности.

Анна Зонтагъ.

Приложенное здѣсь письмо, по прочтеніи, прошу васъ запечатайте сами для доставленія капитану Епихину.

3.

Безцѣнная моя Екатерина Сергѣевна! Меня тронуло до глубины души ваше письмо къ Александру Петровичу Петерсону; оно доказываетъ мнѣ вашу дружбу и участіе, которое вы принимаете во мнѣ. Спѣшу не только благодарить васъ, но также и сказать вамъ, что мнѣ, благодаря Бога, гораздо лучше; хотя еще ревматизмъ довольно сильно меня мучитъ, но это ничего въ сравненіи съ прежнимъ. Теперь большую часть дня могу сидѣть, не лежу по прежнему; писать мнѣ не такъ больно, какъ бывало; вяжу чулокъ, слушая, какъ мнѣ читаетъ вслухъ мой добрый Петерсонъ¹⁾ и даже сплю часа четыре въ сутки. Со времени пріѣзда Петерсонова мнѣ стало легче; теперь у меня и жена его, Лизавета Францовна²⁾. Пустыня моя оживилась! Сестра Авдотья Петровна съ Васильемъ Алексѣвичемъ, Катею и двумя ихъ дѣтьми, также пріѣхали въ деревню на этихъ дняхъ, и проѣздомъ домой всѣ у меня ночевали. Машеньку мою ожидаю не прежде какъ черезъ мѣсяцъ; теперь

1) Лѣвый братъ Анны Петровны Зонтагъ, педагогъ, одинъ изъ умнѣйшихъ людей.

2) Рожденная Реміи.

она на водахъ въ Франценбрунѣ въ Богеміи, близъ Эгры. Машенька благодарить васъ за память; она поручила мнѣ сказать вамъ, что сердечно васъ любить и между прочимъ пишетъ, что между многочисленными своими знакомыми не нашла еще никого, кто бы подобно вамъ выбралъ себѣ на долю: любить и помогать, а не судить и превозноситься. Она прибавляетъ: „Я не говорю *прощать*, потому что это слово значило бы, что она видитъ зло и признаетъ его“. Это значить, другъ мой сердечный, что вы живете въ такой любви, какую предписываетъ Апостоль Павелъ: „Любы долготерпѣть, милосердствовать, любы не завидить, не превозноситься, не гордиться, не безчинствовать, не ищеть своихъ, не раздражается, не мыслить зла, не радуется о неправдѣ, радуется о истинѣ; вся любить, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ, вся терпитъ“. Вы, моя милая, добрая, выбрали себѣ прекрасную долю любви, и она не отнимется отъ васъ; тотъ же Апостоль сказалъ, что, „любвы никогда не отпадетъ.“ Да сохранить васъ Господь милосердный! Прошу васъ сказать много хорошаго отъ меня Петру Николаевичу и дѣтямъ вашимъ, также и Татьянѣ Петровнѣ*), когда будете писать къ ней.

Александръ Петровичъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе и много благодарить за справки ваши; самъ теперь не пишетъ, потому что его нѣтъ дома. Обнимаю васъ крѣпко и люблю всѣмъ сердцемъ. Христосъ съ вами, моя дорогая! Отъ души ваша Анна Зонтагъ.

23 Декабря 1849 года.

4.

27 Апрѣля 1850 года. Мишенское.

Милые и почтенные друзья Петръ Николаевичъ и Катерина Сергѣевна!

Христосъ Воскресе! Обнимаю васъ мысленно со всѣми вашими дѣточками присутствующими и отсутствующими, и прошу Бога для великаго дня воскресенія Спасителя послать вамъ благословеніе и утѣшеніе сердцамъ вашимъ. Господь посылаетъ вамъ частыя испытанія, моя милая Катерина Сергѣевна. Очень понимаю, какъ вамъ жаль было потерять добрую вашу Мину! Но *потерти Господа, мужайся и да крѣпится сердце твое*, говоритъ святой псалмопѣвецъ. Оглянитесь на тѣ радости, которыя Господь оставилъ вамъ, и да крѣпится сердце ваше! Очень рада, что вы нашли средство добыть Таяничку! Только не думаю, чтобы она могла пуститься въ путь такъ скоро какъ вы

*) Это вѣроятно была дочь Подиановыхъ.

предполагаете! До сихъ поръ дороги еще не проѣзжаемы! Хотя рѣки и вошли въ берега, но грязь такая ужасная, что это невообразимо. До нынѣшняго дня у насъ были постоянные, непрерывные дожди. Нынче день устоялъ ясный, теплый, весенній. Я такой поздней весны въ здѣшнихъ краяхъ не помню. Травы еще вовсе нѣтъ, такъ что скотину не за чѣмъ и выгонять въ поле, тѣмъ больше, что она будетъ вязнуть въ грязи; а между тѣмъ дома кормить ее нечѣмъ: весь кормъ съѣденъ. На деревьяхъ нѣтъ ни листка, и едва показались почки. Нынѣшній годъ средняя Россія скорѣе похожа на Лапландію. Прошлаго года объ эту пору пахали, вывозили навозъ, а теперь отъ грязи ни за что приняться не возможно. Не подумайте, однако, чтобы я вамъ рассказывала это *жалуясь*: нѣтъ, это просто рассказъ, за не имѣніемъ ничего иного сообщить вамъ. Я терпѣть не могу жаловаться на дожди, засухи, жаръ, холодъ и тому подобное. Все это посылается Богомъ. слѣдственно съ благою цѣлью, хотя бы оно и казалось намъ зломъ. Какъ мы можемъ знать, изъ чего Господь извлечетъ пользу для насъ! Нами править воля всемогущая, премудрая, благая; слѣдственно, что ни было бы, останемся спокойны подъ ея владычествомъ! Извините, прошу васъ! Я пишу къ вамъ, не придумывая прежде того, что надлежало бы сказать, и съ пера срываются тѣ мысли, которыя на ту пору приходятъ. Это письмо выходитъ какъ бы какое поученіе. Не принимайте его такъ, мои драгоценные, я не смѣю и думать *поучать*, потому что мнѣ самой надобно поучиться. Это просто разсужденія.—Я провела весь постъ въ совершенномъ пустынножителствѣ. Сама не выходила и не выѣзжала отъ моего ревматизма (которому становится получше), и у меня никто не былъ. Да и Святую недѣлю сижу точно также одна отъ преужасной грязи. Въ Свѣтлый Праздникъ, похристосовавшись со священникомъ, мнѣ некому было сказать радостнаго: *Христосъ Воскресе*, кромѣ окружавшихъ меня мужиковъ. Еще въ первый разъ въ жизни я встрѣчаю этотъ праздникъ совершенно одна.—Но и этому видно должно быть ко благу души моей, когда Господь такъ устроилъ мою судьбу.

Знаете ли какова погода у насъ была? По окончаніи заутрени и во все продолженіе обѣдни и съ часъ послѣ была такая ужасная мятель, какъ въ Декабрѣ! Свѣту Божьяго не видно было; выпалъ снѣгъ вершка на два: потомъ цѣлый день шель проливной дождь, и до вчерашняго вечера дожди не переставали. Нынче же ясно, свѣтло, тепло, такъ что и я ужъ сидѣла на крылечкѣ.

Прошу васъ поцѣловать за меня вашихъ дѣтей и какъ скоро Таничка къ вамъ явится, увѣдомите меня, чтобъ я могла раздѣлить

вашу радость. Примите увѣреніе въ сердечной моей дружбѣ и истинномъ уваженіи.

Ваша покорная А. Зонтагъ.

Для радостнаго праздника печатаю краснымъ сургучомъ.

5.

Іюня 20, 1860 года.

Безцѣнная моя Катерина Сергѣевна! Письмо ваше отъ 9 Декабря, получено мною 21-го, и было мнѣ доставлено не г. Загоскинымъ, а просто по почтѣ. Да и кто захочетъ заѣхать ко мнѣ? Живу я хуже бабы-яги, потому что хотя добраго молодца напою, и накормлю, и спать положу, но въ баньку не свожу, ибо въ моей банѣ разломана печь. Душенька вы моя! Какъ мнѣ жаль васъ, что вы такъ грустили о Таничкѣ. Это мнѣ очень понятно. Однако будьте же благоразумны. Что Таничка объ васъ скучаетъ среди веселій, это ей дѣлаетъ честь, и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ она воротится подъ крылышко къ родимой; но вы знаете, что ей у добрыхъ родныхъ хорошо; слѣдовательно не спѣшите отправляться къ ней зимою. Дождитесь теплыхъ весеннихъ дней. Подумайте, съ вашимъ ли здоровьемъ пускаться въ дальнее зимнее путешествіе и везти съ собою пятаго половину, которому также эта дорѣга не можетъ быть ни пріятна, ни полезна! А тамъ заѣдете въ даль и станете грустить о тѣхъ дѣтяхъ, которыя останутся безъ васъ и о Петрѣ Николаевичѣ. Подождите весны. Будьте благоразумны и пожалѣйте за меня тѣхъ изъ вашихъ дѣтей, которыя на лицо. Поздравляю васъ съ праздникомъ и съ Новымъ Годомъ, который уже наступитъ, когда вы получите это письмо, хотя я отправлю его и по экстраспочтѣ.

Сказала бы я вамъ что нибудь о себѣ, да вовсе нечего, кромѣ только того, что у меня вотъ уже три мѣсяца какъ очень странно болитъ лѣвая рука, такъ что иногда мѣшаетъ и думать, и говорить. Живу я все одна и потому еще не похожа на бабу-ягу, что не только не разѣзжаю въ ступѣ, но и даже въ саняхъ не ѣзжу. Попробовала съѣздить за 8 верстъ къ племяннику, Ивану Кирѣевскому, и еще въ теплый день; всего было 5 градусовъ мороза, но и тутъ рука моя распухла и разболѣлась. Еще же не похожа на бабу-ягу потому, что она сидитъ, протянувшись изъ угла въ уголь и наполняетъ собою весь домъ свой, а я живу, прижавшись въ уголокъ моего маленькаго дома такъ, что меня и не видно. И еслибъ иногда, въ почтовый день не скрипѣло мое перо, то меня было бы и не слышно!

Однако въ Январѣ, собравшись нѣсколько съ деньжонками, хочу недѣли на три съѣздить въ Москву. Мнѣ нужно тамъ побывать; нѣкоторые старинные друзья очень зовутъ меня, и Машенька прогоняетъ меня въ Москву, воображая, что мнѣ одной очень скучно; а я, право, хорошенько уживаюсь сама съ собой. Дай Богъ, чтобъ все могли со мной такъ хорошо ужиться! Я все боюсь быть въ тягость добрымъ людямъ; знаете, старость иногда бываетъ скучна, но какъ я поѣду къ моимъ ровесникамъ, то авось не наскучу имъ. Еще разность между мной и бабой-ягой: мой домъ хотя избушка, соломой крытая, но не на курьихъ лапкахъ, не на шенныхъ пяткахъ, а на каменномъ фундаментѣ и стоитъ къ лѣсу бокомъ. Хотя онъ маленькій, но свѣтленькій, чистый, теплый, покойный и для меня одной слишкомъ великъ. Считаю заднюю и переднюю, въ немъ 7 комнатъ, въ которыхъ я исчезаю! Чтò мнѣ бываетъ непріятно въ деревнѣ, такъ это вѣтеръ, когда онъ завываетъ такъ, какъ теперь. Когда увидите моихъ Николаевскихъ знакомыхъ, особливо Кнорре и Лазаревыхъ, прошу васъ имъ сказать отъ меня много, много хорошаго. Васъ же, моя драгоценная, отъ всего сердца обнимаю и еще разъ прошу, будьте спокойнѣе на счетъ Танички. Я вамъ это говорю не потому, чтобы не умѣла вамъ сочувствовать, сердце мое испытало такъ много страданій, что никакое горе ему не чуждо, но мнѣ очень хочется знать васъ спокойныхъ, потому что я васъ душевно люблю. Христосъ съ вами! Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Всѣмъ сердцемъ вамъ преданная Анна Зонтагъ.

23 Декабря 1849 года.

6.

18 Апрѣля 1854 года. Мишенское.

Нынѣшнею зимою я провела въ Москвѣ ровно два мѣсяца: пріѣхала къ 11-ому Января, а уѣхала 11-е Марта. Я останавливалась у сестры Авдотьи Петровны, которая перемѣнила квартиру и живетъ теперь въ Аванасьевскомъ переулкѣ, въ приходѣ Аванасія и Кирилы въ домѣ госпожи Слѣпцовой.

Пока я была въ Москвѣ, то очень аккуратно получала изъ Триеста мой хлѣбъ насущный, Машенькины письма, единственную радость моей жизни; а съ тѣхъ поръ какъ въ деревнѣ, и она стала адресовать письма свои въ Бѣлевъ, я голодаю, или алкаю, какъ говорилъ докторъ Дейеръ. Вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ не имѣю ни строчки изъ Триеста. Всякій день посылаю на почту и все мнѣ одинъ отвѣтъ: *Заранничная почта не приходила*. Я вѣрю, что дорога должна быть очень дурна черезъ Броды и Радзивиловъ, потому что отъ меня до Бѣлева едва

можно проѣхать въ теперешнюю пору. Если вы помните мѣстоположеніе Мишенскаго, то вообразите, что Ока подливала подъ самую гору или пригорокъ на которомъ стоитъ мой домъ, и все это огромное пространство луговъ между моимъ домомъ и Жебынскою Пустынью было покрыто водою. Видъ былъ прекрасный и очень напоминалъ мнѣ Одесскую бухту. Но вотъ три дня какъ вода ушла, оставя послѣ себя грязныя лужицы на моемъ лугу. Я очень нехорошо встрѣтила праздникъ, при дурной погодѣ, больная, одна-одинехонька и безъ писемъ отъ Машеньки. Однако, не смотря на сильную стрѣльбу въ ухо, я все ходила въ церковь на Страстной недѣлѣ, чтобъ мнѣ можно было сказать въ Свѣтлый Праздникъ Воскресенья Христова: „Сраспинахся Тебѣ, Христе, спогребся Тебѣ вчера, совозстаю днесь!“ На всѣ горести и бѣдствія жизни одинъ утѣшительный возгласъ: Христось Воскресе! Ты, милая Таничка, спрашиваешь, что страшнѣе---борьба съ людьми, или стихіями? Ужъ, конечно, борьба съ людьми! Особливо съ таковыми людьми, каковы Англичане. Они не по храбрости своей страшны, а по коварству, обманамъ, предательству. Для нихъ всѣ средства позволительны: измѣна, ложь, отравленія, даже дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій. Изъ всѣхъ царей земныхъ, одинъ нашъ Русскій Царь показываетъ себя честнымъ, благороднымъ рыцаремъ. Про Англійскую королеву, говорить нечего; это кукла, которою Парламентъ вертитъ, какъ хочетъ. Во Франціи владычествуетъ какой-то сумасбродный интриганъ, и его слушаютъ до поры до времени, а пуще потому, что Англія сѣла ему на плечи. Пруссскій король живетъ въ вѣчномъ недоумѣніи и наливается пивомъ. Австрійскій императоръ, кровожадный юноша, подписывая безпрестанно смертныя приговоры, остается вѣренъ подлой, гнусной Австрійской политикѣ и выжидаетъ времени, чтобы пристать къ странѣ сильнѣйшаго. Вотъ въ какомъ теперь положеніи Европейскіе люди стали противъ насъ. Конечно, борьба съ людьми страшнѣе борьбы съ стихіями!*)...

Отъ Машеньки продолжаю получать письма очень исправно; она около двухъ мѣсяцевъ прожила у свекра, въ загородномъ домѣ, близъ Вѣны. Уѣзжала изъ Триеста, съ дѣтьми, отъ несноснаго жара: а Луи. между тѣмъ, по порученію своего правительства, ѣздилъ осматривать берега Далмаціи. Теперь она уѣхала въ купленное мужемъ ея помѣстье, въ Карніоліи, куда долженъ къ ней пріѣхать и Луи. Благодаря Бога. они всѣ здоровы, и Машенька въ обыкновенномъ положеніи. Молю Бога, чтобы у нея больше не было дѣтей, лишь бы эти были живы! Мнѣ совсѣмъ не хочется, чтобы потомство мое размножалось въ нена-

*) Адресъ: Костромской губерніи, въ городъ Варнавинъ, въ селцо Высокое.

вистной мнѣ Австріи. Слава Богу, что Прусскій король успѣлъ отвратить этого дряннаго императоришку Франца Іосифа отъ войны съ нами; непріязненныя отношенія нашихъ двухъ державъ лишили бы меня послѣдняго утѣшенія въ жизни: вести исправную переписку съ дочерью.

О себѣ вамъ сказать совершенно нечего. Я живу въ глубочайшемъ уединеніи; ко мнѣ прѣзжаютъ посѣтители рѣдко, а я выѣзжаю еще рѣже. Вязу филе, Анютѣ въ приданое; моя филейная работа достигла величайшей степени совершенства. Я ужъ послала Машенькѣ двѣ филейныя косынки, одну голубую гарусную, другую бѣлую изъ тонкой бумаги, точно кружевную; теперь готова третья, черная шелковая, лучше всѣхъ. Все это вывязано и вышито мною. Въ вышиваньи, однако, мнѣ помогала моя Дуняша, которую вы знаете. Но этой третьей косынки отсюда не могу переслать, за неимѣніемъ таможи въ Бѣлевѣ. Еще меня очень озабочиваетъ и занимаетъ поправка въ моей церкви; а какъ приходъ мой бѣденъ и кромѣ одной меня помѣщиковъ не имѣется, то всѣ издержки для этой починки лежатъ на мнѣ одной, что мнѣ стоитъ дорого, дороже чѣмъ я ожидала. Но починка необходимая, и я надѣюсь, что Богъ поможетъ мнѣ справиться. Хозяйство мое идетъ, какъ должно идти у старой женщины, то есть очень плохо. Впрочемъ не у меня одной, но кажется и вездѣ тоже. Ржи нажато много, но много соломы, а зерна мало, и то очень легковѣсно. Ленъ у насъ сѣется только для домашняго обихода. Сѣна множество, а огурцовъ такъ много, что смѣшно сказать: въ Бѣлевѣ на торгу отдають четверикъ за двѣ копѣйки ассигнаціями, и тутъ покупателей не находятъ; цѣлые обозы возвращаются къ огородникамъ непроданные. Еще у насъ великое изобиліе мухъ, и въ этомъ отношеніи моя филейная работа очень пригодна. Размахивая руками, я ихъ отъ себя отгоняю. Только я ужъ такъ прилежно работаю, что обыкновенно въ концѣ дня у меня заболитъ грудь. Смѣшно будетъ, если я впаду въ чахотку отъ того, что вязала филе. А я спѣшу этою работою, чтобы не умереть, не приготова моей Анютенькѣ нарядныхъ завѣсокъ въ приданое. Она же дала мнѣ слово, что непременно выйдетъ замужъ за Русскаго.

Анна Зонтагъ. Мишенское.

8 Августа 1854 года.

7.

9 Октября 1855 года Мишенское.

Мнѣ иногда говорятъ: для чего вы не возьмете себѣ компаньонки? Для того, что я не нахожу ничего несноснѣе компаньонки. Платить деньги за то, чтобы мнѣ угождали, за то, чтобы скучали мною, или

за то чтобы эта компаньонка (по слабости моего характера) сѣла мнѣ на шею и чтобы я скучала ею, или вмѣстѣ съ нею! Какова еще навяжется? *Lé Rochefoucauld* сказалъ: *l'intimité est une épreuve que peu de personnes supportent, même celles qui pensent le mieux*¹⁾! И это совершенная правда. Къ тому же не я устраивала судьбу моихъ послѣднихъ дней; Господь послалъ мнѣ это одиночество, и потому заключаю, что оно мнѣ нужно и переношу его съ покорностью и смиреніемъ, говоря себѣ: *il vaut mieux être seule, que mal accompagnée*²⁾. Съ тѣхъ поръ, какъ у меня нѣтъ семьи, я считаю себя мертвою, и люблю Мишенское, какъ мою могилу, изъ которой не имѣю желанія выходить. Но что это я разболталась о себѣ? *Себялюбіе* не должно быть у мертвыхъ! Видно, я жива еще, и жизнь даетъ себя очень тяжело чувствовать, когда не получаю писемъ отъ Машеньки, какъ это случилось на нынѣшней недѣлѣ, и когда думаю о теперешнихъ обстоятельствахъ нашего бѣднаго отечества. Конечно, потеря Севастополя меня огорчила, и больше, нежели вы можете вообразить. Эта потеря влечетъ за собою потерю всего Крыма, а съ этимъ и Чернаго и Азовскихъ морей. Теперь силы непріятели устремляются на Одессу и Николаевъ. Конечно, Русскіе постоятъ за себя, но трудно и едва ли возможно устоять противъ всей Европы, которая задумала погибель Россіи. Тѣ державы, которыя не дѣйствуютъ противъ насъ явно своимъ орудіемъ, помогаютъ нашимъ непріятелямъ своимъ нейтралитетомъ. Не сравнивайте этой войны съ войною 1812 года. Тогда вся Европа шла противъ насъ, но шла неохотно, потому что была угнетена властолюбіемъ Наполеона; а теперь желаютъ всѣ успѣха врагамъ нашимъ, въ надеждѣ посчитаться чѣмъ-нибудь. Войско наше храбро, но у насъ нѣтъ искуснаго полководца! И—Богъ знаетъ, чтò будетъ! Долго ли продолжится это кровопролитіе и чѣмъ кончится эта война! Поздравляю васъ съ тѣмъ, что двое сыновей вашихъ находятся въ арміи Муравьева. Тамъ дѣла идутъ хорошо. Турки бѣгутъ отъ нашихъ, или сдаются, почти безъ сопротивленія. Тамъ не страшнѣ даже и великій Турецкій полководецъ Омеръ-паша, который не можетъ подать помощи Карсу. Но вотъ эти проклятые союзники съ ихъ адскими изобрѣтеніями! И они, какъ бѣшенныя собаки, всюду суются. И въ Балтійскомъ, и въ Бѣломъ моряхъ, и въ Камчаткѣ! Я очень боялась за вашего Василья Петровича. Слава Богу, что наша эскадра въ Тихомъ океанѣ ускользнула отъ хищничества этихъ разбойниковъ; они дѣйствуютъ точно, какъ разбойники. Теперь Василью Петровичу нечего дѣлать въ Амурѣ,

¹⁾ Близость есть испытаніе, которое выносятъ немногіе люди, даже отлично благоразумные.

²⁾ Лучше быть одной, нежели съ плохой сожительницею.

почему бы ему не возвратиться къ вамъ? Съ какимъ бы восторгомъ добрые родители обняли своего милаго путешественника, избѣгнувшаго отъ столькихъ опасностей. И для него какое было бы счастье отдохнуть въ родной семьѣ. Вѣдь и это путешествіе любопытно не менѣе другихъ: проѣхать насквозь всю Сибирь!

8.

Видно, любезный Петръ Николаевичъ, васъ очень озабачиваютъ предводительскіе вопросы. Мнѣ были также заданы эти вопросы, а какъ посоветоваться было не съ кѣмъ, то я отвѣчаю на нихъ, какъ умѣю, говоря всю сущую правду о цѣнности земли: не покупала и не продавала. Вамъ, какъ мужчинѣ, конечно, нельзя дать такого отвѣта. Только я думаю, что тотъ изъ вашихъ помѣщиковъ, который оцѣнилъ наемъ десятины въ 60 коп., совралъ, а который оцѣнилъ въ 6 р. правъ; у насъ меньше этого нельзя нанять землю. Чтò дѣлаетъ нашъ комитетъ въ Тулѣ, не знаю. Хотя племянникъ мой Николай Елагинъ выбранъ однимъ изъ депутатовъ Бѣлевскаго уѣзда, но онъ ко мнѣ никогда не пишетъ, а съ сестрой моей я ужъ больше мѣсяца какъ не видалась.

Кажется, Машенька боится для меня теперешнихъ обстоятельствъ. Напрасно! Я не была дурною госпожею для крестьянъ моихъ, и если они вздумаютъ убить меня, чего я никакъ не полагаю, то имъ же хуже, а я ужъ отжила мой вѣкъ! Что касается до зятя, то онъ ни за что не поѣдетъ жить въ Петербургъ; говорить, что тамошній климатъ его уморить.

А. Зонтагъ.

13 Ноября 1858 года. Село Мишенское.

9.

Драгоценный другъ мой Катерина Сергѣевна и вы, сердечно мнѣ любезный Петръ Николаевичъ!

Не умѣю изъяснить вамъ, какъ я вамъ благодарна за письмо ваше, которымъ вы вздумали порадовать меня въ самый день свѣтлаго Христова праздника. Я получила его черезъ три недѣли (такъ хороши наши почтовые сообщенія) и отвѣчаю съ первою же почтою. Грустно мнѣ знать, что ваше здоровье, моя дорогая Катерина Сергѣевна, все плохо. А воть, соединясь съ Сергѣемъ Петровичемъ, вамъ будетъ веселѣе, и здоровье самое отъ этого поправится. Полагаю, что вы совершите ваше путешествіе до Нижняго Новгорода на пароходѣ; эта ѣзда самая спокойная и для васъ удобнѣе всякой другой.

О себѣ вамъ сказать хорошаго нечего. Съ самаго Благовѣщенья я такъ больна, что 'никуда не гоюсь. Три недѣли пролежала въ постели; теперъ нѣсколько дней, какъ начала вставать понемногу, но еще очень слаба и всякій день чувствую сильную головную боль. Живу я совершенно одна, и ухаживаетъ за мною съ величайшей любовью и усердіемъ моя женщина Дуняша, которую вы знаете. Сестра моя еще въ Декабрѣ уѣхала въ Москву. Съ нею Катерина Ивановна, Василій, сынишка ихъ Алеша и Николай Алексѣевичъ. Катерина Ивановна должна родить или въ концѣ нынѣшняго мѣсяца, или въ началѣ Мая. Мы всѣ со страхомъ ожидаемъ этого событія. Помилуй ее Господи! Кромѣ кончины племянницы моей Марьи Васильевны, въ прошломъ году для меня была и еще чувствительная потеря: скончалась моя двоюродная сестра и одно-колыбельница, Анна Николаевна Вельяминова. Въ нашей семьѣ представителей стараго времени осталось только двое: сестра Авдотья Петровна да я. Кажется, очередь приходитъ за мною; да и пора! Хотѣлось бы дожить до лѣта, чтобы свидѣться съ Машенькой и взглянуть на дѣтей ея; онѣ обѣщаютъ пріѣхать ко мнѣ лѣтомъ.

Прощайте, мои милые; письмо это коротенькое, но на столько-то достало силъ моихъ! Мнѣ очень трудно писать. Обнимаю васъ обоихъ, и прошу сказать мой дружескій привѣтъ вашимъ дѣтямъ.

22 Апрѣля 1860 года. Ваша Анна Зонтагъ. Мишенское.

10.

Безцѣнная моя Катерина Сергѣевна!

Получа милое письмо ваше, мнѣ хотѣлось тотъ же часъ отвѣчать на него, но болѣзнь моя до того не допустила. Я все еще больна, и все еще мнѣ очень трудно писать; но хочется непремѣнно, хотя со многими отдыхами, написать вамъ нѣсколько строкъ, чтобы сказать, что я очень рада, что вы въ Нижнемъ, вмѣстѣ съ Сергѣемъ Петровичемъ, Петрушею, Сашею и вашею Англичанкой, а не въ вашемъ Варнавинскомъ захолустьѣ.

Для больныхъ совершенное одиночество не годится, это я знаю по себѣ. Пока болѣзнь не уложила меня на одръ страданія и пока я не лишена была возможности заниматься, мое одиночество было для меня не только сносно, но даже пріятно. Но когда жестокой ревматизмъ не даетъ мнѣ возможности не только дѣлать что нибудь, но даже думать, когда я провожу безсонные дни и ночи, мнѣ стало тяжело быть одной, хотя знаю, что страданіями моими могу навести тоску на

добраго товарища. 25-го числа будетъ два мѣсяца какъ я больна. Доктора обѣщаютъ всякій разъ, что боль эта пройдетъ скоро, но это скоро проходитъ очень медленно. Но теперь я не одна. Мой добрѣйшій Александръ Петровичъ Петерсонъ, едва оправившись отъ тяжелой болѣзни, пріѣхалъ ко мнѣ, и вотъ ужъ недѣля какъ онъ за мною ухаживаетъ, какъ самый нѣжный сынъ. Сестра моя въ Москвѣ, съ Катею, Васей, Алешей и новорожденною малюткою Машей, которую Богъ далъ Катѣ. Николай пріѣхалъ сюда въ деревню, на нѣсколько дней, но скоро опять уѣзжаетъ въ Москву, чтобы отправиться за границу. Моя Машенька обѣщаетъ побывать у меня нынѣшнимъ лѣтомъ. Вотъ все, что могу сказать вамъ; спѣшу кончить, потому что мнѣ стало очень больно. Обнимаю васъ и прошу сказать много хорошаго всѣмъ вашимъ. Будьте здоровы! Сердечно любящая васъ

Анна Зонтагъ.

20 Мая 1860 года. Миншенское.

11.

Тріестъ, 22 Ноября 1860 г.

Если вы еще не знаете гдѣ я, то очень удивитесь, взглянувъ на заглавіе. Вотъ и мнѣ, въ глубокой старости, пришлось колесить по Нѣмечинѣ. Машенька, бывши у меня, уговорила меня ѣхать съ собою, и я переплыла бурное Балтійское море, уже въ первыхъ числахъ Сентября, ѣхала не прямымъ путемъ до мѣста назначенія, а колесила по Германіи, плавала по живописному Рейну и, переѣхавъ тридевять земель, прибыла наконецъ въ тридевятое царство, сей городъ Тріестъ, изъ котораго, быть можетъ, насъ изгонитъ или Змѣй Горыничъ Гарибальди, или Иванъ Царевичъ Викторъ-Эмануиль. Здѣсь объ этомъ иногда поговариваютъ; здѣсь, въ торговомъ городѣ недовольны тѣмъ, что торговля идетъ худо, но всѣ остаются спокойны, даютъ вечеринки, концерты, ѣздятъ въ театры, которыхъ здѣсь пять, и ждутъ начала войны, съ наступленіемъ весны. Вы можете вообразить, что я, особа совершенно посторонняя, не участвую ни въ общественныхъ увеселеніяхъ, отъ которыхъ давно отказалась еще живучи дома, ни въ общественномъ страхѣ, не касающемся до меня, иностранки. Только жалко смотрѣть на множество разоренныхъ Итальянцевъ, которые, въ ожиданіи обѣщаемой свободы, величія соединенной Италіи и благоденствія ея, просятъ милостыню среди улицъ Тріеста! А эту милостыню подавать очень трудно, потому что денегъ здѣсь нѣтъ. Здѣшніе крейцеры, назначенные изображать копѣйку серебромъ (нашу) величиною въ нашъ гривенникъ, ничто иное, какъ посеребренная мѣдь, да и этой дурной монеты такъ мало, что теперь выдумали асигнаціи въ 10 крейцеровъ. Зато здѣш-

нія асигнаціи прекрасны! Съ изображеніями разныхъ мифологическихъ боговъ; каждую хоть въ рамку вставить. Климатъ здѣсь, когда не дуетъ Бора, прекрасенъ, тепла отъ 10 до 13° на термометръ, обращенномъ на Сѣверъ; но дождь идетъ почти ежедневно, не смягчая земли, которая на нѣсколько миль кругомъ ничто иное, какъ камень, тотъ самый, которымъ вымощены многіе тротуары въ Одессѣ. По причинѣ теплой погоды, здѣсь часто открываютъ окна, отъ чего я, жительница Сѣвера, очень озябла. Въ Триестѣ двѣ православныя церкви, одна Греческая, въ которой я еще не была, а другая Славянская, гдѣ служба точно какъ у насъ; церковныя книги напечатаны или въ Москвѣ или въ Кіевѣ; напѣвъ церковный Бортнянскаго, только для меня странно слышать на ектеніи поминаемаго Франца-Іосифа, въ это время я молюсь за Александра Николаевича. Тѣ изъ жителей, съ которыми я познакомилась, очень любезны и привѣтливы. Живутъ великолѣпно и очень высоко: чтобы дойти до нашего второго этажа, надо взобраться на 66 ступней, а надъ нами еще два жилья! За то я выхожу какъ можно рѣже изъ дома, чтобы не быть принужденной лезть на эти 66 ступней. Здѣсь говорятъ такимъ множествомъ языковъ, что я боюсь забыть мой родной Русскій, который употребляется Машенькою, мной и рѣдкими путешественниками Русскими. Начиная съ *Славянскаго*, часто непонятнаго для насъ, потомковъ Славянъ, отъ необыкновенныхъ для насъ удареній, *Нѣмецкій*, *Французскій* и *Итальянскій*, которымъ говоритъ народъ. матросы, который употребляется въ торговлѣ и на театрѣ.

II. Письмо Е. И. Елагиной къ Е. С. Поливановой о кончинѣ А. П. Зонтагъ.

1-го Мая 1864 г.

Вы не повѣрите, дорогая, милая Катерина Сергѣевна, какъ отраднo было мнѣ получить (только сегодня) ваше письмо. Я нѣсколько разъ послѣ кончины тетеньки Анны Петровны*) думала написать къ вамъ, но потеряла вашъ адресъ; и не знала, гдѣ и какъ достать его. Письмо ваше отъ 12-го получила я только 1-го Мая, потому что и братъ и маменька, и мужъ, и я, всѣ въ Москвѣ, почта между Бѣлевымъ и Москвой ходитъ ужасно долго. Но вы желали подробностей, и потому сообщу вамъ все, чтo мы знаемъ.

Тетенька скончалась совершенно одна, потому что, не смотря на всѣ просьбы маменьки пріѣхать къ намъ въ Москву, она не захотѣла

*) А. П. Зонтагъ была родная тетка супругу писавшей это письмо, Василью Алексѣвичу Елагину. П. Б.

оставить своего Мишенскаго. На масляницѣ у нея сдѣлалось воспаленіе въ легкихъ; докторъ поставилъ ей мушку на бокъ, лечилъ нѣсколько дней и вылечилъ; тетенька сама письменно сообщила и о прошедшей болѣзни и о своемъ выздоровленіи маменькѣ въ Москву. На первой недѣли поста она говѣла, службы были у нея въ домѣ, и причастіе даже принесли къ ней на домъ. Въ Воскресеніе передъ масляницей пришли проститься съ ней ея мужики. Люди тетеньки просили ее не выходить къ нимъ на крыльце, но тетенька не согласилась, говоря, что вѣроятно это въ послѣдній разъ, и что она хочетъ проститься съ ними, вышла на крыльцо со всѣми поцѣловалась. Она во все время чувствовала себя не совсемъ здоровой, но была на ногахъ, работала, читала, писала. Разъ была съ ней дурнота, удушье; должно былъ приливъ крови къ головѣ; ее оттерли, и послѣ она чувствовала себя довольно хорошо. 18-го Марта она очень много вышивала въ пальцахъ, платье для своей внучки Мери Гутмансталь*), и когда кончила, сказала, что очень рада, что кончила свой дневной урокъ. Потомъ сѣла писать письмо къ Машѣ, которое писалось у нея всякій день понемногу и отправлялось въ почтовый день. Въ 10 часовъ вечера она сказала, что устала, пора спать, встала, но не могла идти, потому что ноги опухли. Ее отвели подъ руки въ спальную, она помолилась, раздѣлась и легла; полежавъ нѣсколько времени, сказала, что еще не спится и велѣла подать себѣ газеты, читала ихъ нѣсколько времени, потомъ задула свѣчу и заснула. Часа черезъ два, по словамъ ея горничной (которая спала въ ея комнатѣ, по случаю тетенькиной болѣзни), она проснулась, хотѣла встать, Дуняша ея подошла къ ней и помогла ей; тетенька сказала: „мнѣ дурно, три мнѣ спину, дай одеколону“ и стала задыхаться. Дуняша спросила не послать ли за докторомъ?— Нѣтъ ужъ будетъ поздно. И съ этимъ словомъ скончалась.

Не правда ли какая тихая, безболѣзненная, мирная кончина? Не смотря на одиночество, которое она предпочла даже жизни въ семьѣ дочери, но которое въ послѣднее время, конечно, должно было ей быть въ тягость. Постигни такая одинокая смерть кого бы то ни было изъ насъ, то остающимся крайне тяжело было бы думать, что умеръ *одинъ*, было бы на всю жизнь угрызеніе совѣсти; но при тетенькиной кончинѣ мы этого не чувствуемъ: эта одинокая смерть была по ея избранію; она умѣла ладить съ собой, и у нея всякая минута въ Мишенскомъ была занята. Общество, даже насъ близкихъ, если мы были у нея слишкомъ долго, было ей въ тягость. Когда пріѣдешь, бывало, провести съ ней день, она очень рада намъ, но чуть оста-

*) Нынѣ вдова, княгиня Вреде.

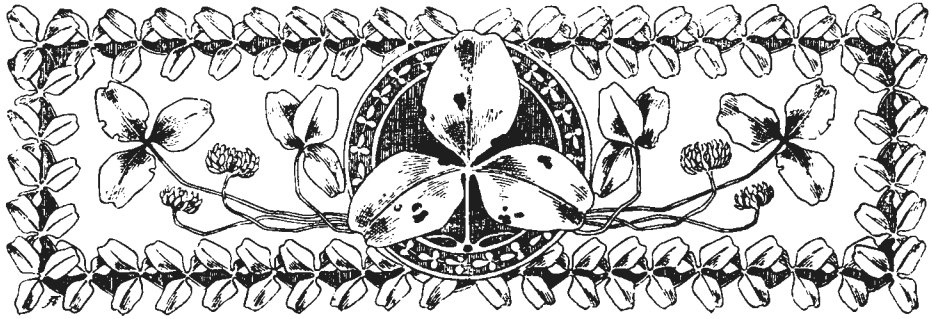
нешься почевать, замѣчаешь, что ей это тяжело, потому что мѣшаемъ ея ежедневнымъ занятіямъ и заведенному какъ часы порядку ея дня.

Полонскій, котораго вы, кажется, знаете, сказывалъ намъ, что получилъ за четыре дня до извѣстія печатнаго въ газетахъ о ея кончинѣ, отъ нея письмо. Она писала ему, что это ея послѣднее письмо къ нему, которое она пишетъ затѣмъ, чтобы проститься съ нимъ, хотя совсѣмъ здорова почти, но знаетъ, что съ нимъ больше въ этомъ мірѣ не увидится, „а встрѣтимся мы (писала она) на какой нибудь звѣздѣ: въ домѣ Отца моего обитателей много“.

О ея внезапной кончинѣ дали знать Бѣлевскому предводителю барону Черкасову, который очень любилъ ее. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Мишенское, далъ знать въ Москву брату Николаю съ эстафетою, которую мы получили 21-го. Ѣхать на похороны не было никакой возможности; извѣстіе шло пол-дороги по почтѣ, и половину по телеграфу: Ѣхать пришлось бы дня 3 или 4, при этомъ бездорожьѣ. Мы отвѣчали, чтобы не ждать и хоронить. Погребеніе было совершено въ Понедѣльникъ 23-го Марта.

Маша Гутмансталь, хотя и была приготовлена къ извѣстію о кончинѣ матери, такъ была поражена ею, что у нея сдѣлалось воспаление въ печени, и она нѣсколько недѣль пролежала въ постели и не могла писать къ намъ. Они собираются пріѣхать поклониться могилѣ въ теченіи нынѣшняго лѣта и привести въ порядокъ дѣла. Маменька, хотя менѣе Маши огорчена смертью сестры, но безостановочные удары, которые поражаютъ ее, истощаютъ ея душевныя и тѣлесныя силы.

БУМАГИ ДОПЕТРОВСКОЙ СТАРИНЫ *).

I.

Поручная запись.

1617 г.

Се яз исаковской поп грязной попов снъ Федоров да яз тугаринъ Федоров снъ да яз олексіи иванов снъ да яз давид петров снъ да яз тимоѣи митрофанов снъ да яз ондрѣи кузмин снъ троецкие кретьяня ипацкого мнтра села кузминскова выручили есми села-жь кузминскова у приказчика у ивана у чатрова попа савина в том что жити ему за нашею порукою в троецкой вотчине в селѣ въ кузминском до архимандричья указу нікуда не збежати и не учнет тот поп савинъ в троецкой вотчине в селѣ в кузьминском до архимандричья указу жити или куды збежит и на нас на поручіках пеня мнтрская а пеню что гдрь архимарит укажет и наши поручіковы головы въ его голову мѣсто а поручную запись писал села кузминскова земской диячек ондрюшка кузмин сам на себя и на товарищев своихъ лѣта 7125 году.

На оборотѣ:

Поп Грязной ручался и руку приложил.

Бумага эта писана скорописью на листкѣ размѣра 21, 8×15 сант.: водяныхъ знаковъ нѣтъ. Найдена въ бумагахъ академика Я. И Бердникова.

II.

Письмо Емельяна Украинцева властямъ Саввина Сторожевскаго монастыря.

1690 г.

Пречестные і славные обители Ржства Прстые Бцы і великого чудотворца Савы Сторожевскаго Гдрю архимандриту Силивестру и

*) Съ сохраненіемъ правописанія подлинниковъ. П. Б.

Гдрю Келарю Тихану и Гдрю казначью со всею о хртѣ братиею Емелка ¹⁾ Украинцов челомъ бѣть.

Пре отданіи усерднаго моево Поклона вашимъ милостямъ Прошу у васъ Гдрей млти ²⁾, пожалуйста Ссудите меня на сѣмена на новомъ мѣсте въ деревнишке ³⁾ овсомъ, сороку четвертми, а я Приказалъ у васъ Гдрей о томъ просить млти людишкамъ моимъ. И естли ваша Гдрей моихъ млть ко мнѣ в томъ явитца, и я вамъ Гдремъ плателщик. И за симъ обнадежась на млть вашу і вруча Самого себя Свтымъ: вашимъ молитвамъ паки премного челомъ бью.

Маія въ 8 д.

На оборотѣ (бумага была сложена накетомъ) надпись:

Пречестные обители, савина мнтра Гдрю архимандриту Селивестру.

Рядомъ помѣта:

198 ⁴⁾ маія въ 13-е подал села васильевского прикащикъ іванъ івановъ снѣ турченинъ.

Оттискъ печати на красномъ сургучѣ прекрасной сохранности.

Письмо писано на листкѣ размѣра 39×18½ сант. съ водяными знаками.

Емельянъ Игнатьевичъ Украинцевъ, даровитый дипломатъ своего времени, началъ службу подъячимъ въ Посольскомъ Приказѣ еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и умѣлымъ выполнѣемъ возлагаемыхъ на него порученій достигъ сравнительно высокаго положенія. Въ 1699 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь и за удачное заключеніе мира съ Турками пожалованъ въ думные совѣтники.

Можно предполагать, что монастырь не отказалъ просьбѣ высокаго челобитчика; но трудно сказать, былъ ли возвращенъ въ свое время должокъ.

Весьма вѣроятно, что приводимое письмо является лишь смягченною разновидностью того качества, за которое Емельянъ Игнатьевичъ въ 1704 г., былъ битъ дубьемъ и оштрафованъ весьма значительною суммою: ему было приказано изготовить на свой счетъ епанчи и 1400 шляпъ для Семеновскаго и Преображенскаго полковъ. Украинцевъ скончался 12 Сентября 1707 г. въ Венгріи, оставивъ послѣ себя крупныя богатства.

Изъ бумагъ И. И. Бередникова, сообщилъ И. Мордвиновъ.

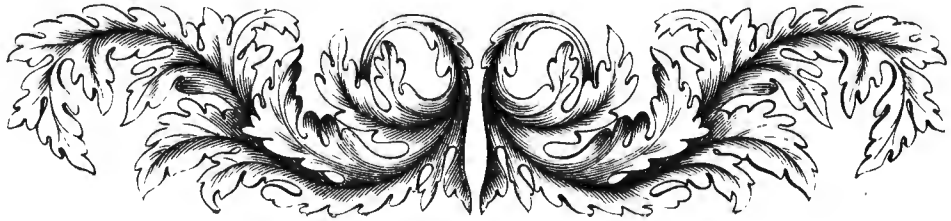

¹⁾ Для значительнаго государственнаго чиновника такое самоуничиженіе характерно.

²⁾ Милости.

³⁾ Вѣроятно вблизи Звенигорода, гдѣ находится Саввинъ монастырь.

⁴⁾ 1690.

Изъ исторіи губернскаго города Ставрополя.

Возникновеніе перваго поселенія на мѣстѣ современнаго Ставрополя находится въ связи съ исторіей Хоперскаго казачьяго полка. Въ 1716 г. на р. Хопрѣ (лѣвомъ притокаѣ Дона), среди крестьянскаго Русскаго поселенія, поселились бѣглецы Черкесы, бѣжавшіе изъ Киргизскаго плѣна Персіане и въ сѣдствѣ, недалеко отъ р. Битюга, нѣкоторое число крещенныхъ Калмыковъ. Они постепенно слились съ Русскимъ населеніемъ, приняли православіе, заговорили по-русски и образовали свой Хоперскій казачій полкъ. По докладу Астраханскаго, Новороссійскаго и Азовскаго генераль губернатора князя Г. А. Потемкина, утвержденному императрицей Екатериной II 24 Апрѣля 1777 г., полкъ этотъ въ числѣ 500 взрослыхъ казаковъ съ семействами былъ переселенъ на замышленную княземъ Г. А. Потемкинымъ Азовско-Моздовскую линію, долженствовавшую пройти черезъ рѣки Золку, Куму, Карамыкъ, Томузловую, Буйволу, Калаусъ, мимо Чернаго Лѣса (около Ставрополя) внизъ по р. Большому Егорлыку до Маныча и по Манычу до Дона у г. Черкаска (стараго, ниже Ростова). Лѣвый крайній предѣлъ этой линіи долженъ былъ составлять г. Моздокъ, правый же г. Старый Черкасскъ и кр. Св. Димитрія (Ростовъ), лежавшіе почти у самаго устья Дона. Устроителемъ укрѣпленія былъ генераль-порутчикъ Якоби, который въ качествѣ военнаго Астраханскаго губернатора принялъ команду надъ Кавказскимъ корпусомъ.

Кромѣ Хоперскаго полка на линію были назначены еще для прикрытія и крѣпостныхъ работъ Волгскій казачій полкъ, Владимирскій драгунскій, Кабардинскій пѣхотный, два Донскихъ полка и два егерскихъ батальона.

На этой линіи находились военные посты съ казачьими маленькими поселками, обнесенными высокими плетневыми оградами, съ бойницами и небольшимъ передовымъ рвомъ. Потомъ только нѣкоторые получили еще земляные брустверы съ амбразурами для орудій. Близъ дѣвственной лѣсной пустыни Чернаго Лѣса, на окраинѣ которой находилось и мѣсто, занимаемое Ставрополемъ. На верхнемъ истокѣ р. Егорлыка или Ташлы, былъ расположенъ постъ № 8, теперь станица Михайловская.

Прибытіе казаковъ нужно отнести къ поздней осени 1777 года. Вотъ что мы читаемъ въ Кавказскомъ Сборникѣ (1897 г. т. XVIII) въ описаніи городовъ, крѣпостей и пр., составленномъ 16 Января 1792 г. по приказанію и

подъ руководствомъ графа Гудовича. „Городъ Ставрополь въ 1778 г. заселенъ станицею и наименованъ крѣпостью, а въ 1786 г. въ Январѣ мѣсяцѣ, по открытіи Кавказскаго намѣстничества, учрежденъ городомъ. При семъ городѣ въ станицѣ поселеннаго Хоперскаго казачьяго полка служащихъ и неслужащихъ, старшинъ и казаковъ 745. Жителей, записавшихся по городовому положенію: купцовъ 181, мѣщанъ 119, всѣхъ 1045. Къ хлѣбопашеству и сѣннымъ полямъ земли и лѣсу на всякое употребленіе еще не отмежевано, а довольствуются всѣмъ изъ общественныхъ дачъ, казнѣ принадлежащихъ“. Тамъ же сообщается, что, кромѣ Ставрополя, Хоперцами построены и заселены станицы Андреевская (потомъ Сѣверная), Московская и Донская. Вся площадь верхней части современнаго Ставрополя тогда была покрыта дремучимъ лѣсомъ, среди котораго застаивалась на ровныхъ мѣстахъ вода и образовывала множество болотъ. Хоперцы предпочли поселиться на сухомъ мѣстѣ. Условія жизни были суровы. Даже въ началѣ XIX в. Хоперцы должны были подъ прикрытіемъ роты и пушки ходить за водой; каково же было въ 1778 году? (См. восп. М. Ф. Федорова въ Кавказскомъ Сборникѣ 1879. III).

Хоперцы жили въ землянкахъ, совокупность которыхъ составляла небольшую станицу, окруженную только рвомъ и плетнемъ. не были защищены стѣнами и пушками. Артиллерію они получили не ранѣе 1779 года, когда генераль Якоби прислалъ въ только что отстроенную крѣпость и станицу 13 полковыхъ пушекъ и отдалъ ихъ въ распоряженіе казаковъ.

Въ 1785 г. Ставрополь превращается въ городъ и одинъ изъ главныхъ центровъ расположенія войскъ по указу Екатерины II-й.

Съ 15 Ноября 1802 г. Ставрополь дѣлается уѣзднымъ городомъ возстановленной Кавказской губерніи. Послѣ превращенія ея въ область, 24 Юля 1822, былъ намѣченъ въ областные города.

Фактически онъ сталъ имъ съ 1824 г., когда въ него были перенесены изъ Георгіевска всѣ правительственныя учрежденія. Наконецъ, 2 Мая 1877 г. высочайше повелѣно было Кавказской области именоваться Ставропольской губерніей.

Ставрополь становится изъ первоначальной незначительной крѣпости средоточіемъ правленія Сѣвернаго Кавказа. Съ 1848 г. учреждается Кавказская епархія съ кафедрой въ Ставрополѣ. Въ настоящее время это большой городъ. живущій своеобразною жизнью.

С. Фарфоровскій.

Изъ Записокъ генераль-адъютанта, адмирала Дмитрія Сергѣевича Арсеньева.

Дневникъ путешествія Великихъ Князей Сергія и Павла Александровичей съ 24-го Іюля по 8-е Августа 1878 года.

По наступленіи (29-го Апрѣля 1877 года) совершеннолѣтія Великаго Князя Сергія Александровича предполагалось ему совершить цѣлый рядъ путешествій по Россіи съ цѣлью ознакомиться съ бытомъ народа, экономическимъ состояніемъ страны, ея географіей и историческими древностями. къ которымъ Великій Князь питалъ особый и живѣйшій интересъ; но война, объявленная Россіей Турціи, весною 1877 года, помѣшала на этотъ годъ исполненію этого предположенія, и въ Маѣ 1877 года, Великій Князь Сергій Александровичъ отправился въ дѣйствующую армію, въ которой и пробылъ восемь мѣсяцевъ, состоя большую часть этого времени въ отрядѣ Наслѣдника Цесаревича. Онъ участвовалъ въ сраженіи при Мечкѣ (12 Октября 1877), за которое получилъ Георгіевскій крестъ, а за симъ находился при Государѣ Императорѣ подъ Плевною, былъ свидѣтелемъ ея взятія нашими войсками и въ концѣ Декабря вмѣстѣ со своимъ августѣйшимъ Родителемъ возвратился въ Петербургъ. Только лѣтомъ 1878 года Великій Князь могъ начать свое путешествіе по Россіи.

На первый разъ были назначены посѣщенія *Пскова* и *Новгорода*, а за тѣмъ водой по *Невѣ*, *Ладожскому озеру*, *Волховомъ*, *Свирью*, *Онежскимъ озеромъ* до *Петрозаводска* и оттуда по *Марининской водной системѣ* до *Рыбинска*.

Для сопровожденія Великаго Князя въ этомъ путешествіи попечителемъ Его Высочества свѣты Его Величества контръ-адмираломъ

Арсеньевымъ были приглашены, съ соизволенія Ихъ Величествъ, нижепоименованныя лица.

По части ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ края д. с. с. Николай Александровичъ Качаловъ, Новгородскій помѣщикъ, свѣдущій въ хозяйствѣ, отлично знающій ту часть Россіи, которую предполагалось посѣтить, много содѣйствовавшій экономическому ея развитію, человѣкъ очень умный, пріятный и полезный собесѣдникъ.

По части Исторіи—профессоръ Великаго Князя Константинъ Николаевичъ Вестужевъ-Рюминъ, а по Географіи преподаватель этой науки Великимъ Князьямъ Георгій Ѳеодоровичъ Вегнеръ.

По части изученія памятниковъ древности извѣстный ученый специалистъ по этой части графъ Алексѣй Сергѣевичъ Уваровъ. И такъ какъ въ Олонецкой губерніи предполагалось ознакомиться и съ Геологіей этого края и добываніемъ и выдѣлкою желѣза, то по этой части былъ приглашенъ профессоръ Геологіи горный инженеръ Еремѣевъ, бывшій тоже преподавателемъ Геологіи Великаго Князя.

Кромѣ того съ нами поѣхалъ состоящій при Великомъ Князѣ полковникъ Генеральнаго Штаба Михаилъ Петровичъ Степановъ.

Такъ какъ Великій Князь Павелъ Александровичъ воспитывался вмѣстѣ съ Сергіемъ Александровичемъ и въ это время ему уже было 17 лѣтъ, то Ихъ Величества позволили, чтобы и Павелъ Александровичъ совершилъ свое образовательное путешествіе по Россіи вмѣстѣ со своимъ братомъ, котораго онъ былъ моложе на три года. Кромѣ того Ихъ Величества, по просьбѣ Великихъ Князей, приказали пригласить на совершеніе этой поѣздки и Великихъ Князей Константина и Дмитрія Константиновичей, бывшихъ съ дѣтства въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Сергіемъ и Павломъ Александровичами.

Съ сыновьями Великаго Князя Константина Николаевича поѣхалъ ихъ воспитатель флигель-адъютантъ капитанъ 1-го ранга Илья Александровичъ Зеленый.

Всѣ означенныя лица собрались 8-го Іюля въ Царское Село, и 9-го числа утромъ мы отправились по желѣзной дорогѣ въ Псковъ, гдѣ пробыли три дня.

Здѣсь были осмотрѣны древнія церкви и городскія стѣны, Святогорскій (въ 4-хъ верстахъ отъ Пскова, основанный въ XIII вѣкѣ), Спасо-Велико-Пустынскій (въ 25 верстахъ отъ Пскова) монастыри, Выборскъ, гдѣ дѣлали раскопку кургановъ и другую раскопку *косяковъ* въ 30 верстахъ отъ Пскова, что очень интересовало Великихъ

Князей, и вездѣ мы находили на маленькихъ холмикахъ, подъ небольшимъ слоемъ земли, отлично сохранившіеся скелеты подъ слоемъ угля.

Въ Псковѣ Великіе Князья помѣстились въ домѣ губернатора г-на Прутченко, человѣка очень почтеннаго и образованнаго; и онъ, и его супруга (рожденная Бедряга) были люди вполне благовоспитанные, и общество ихъ было очень пріятно Великимъ Князьямъ; но погода во все время нашего пребыванія въ Псковѣ была очень неблагоприятная: все время шли дожди, которые много мѣшали нашимъ экскурсіямъ...

Къ сожалѣнію у меня не сохранилось описаніе нашего пребыванія въ Псковѣ, ни въ Новгородѣ, потому что и изъ Пскова, и изъ Новгорода мы возвращались прямо въ Царское Село, гдѣ я словесно дѣлалъ Ихъ Величествамъ доклады объ этихъ поѣздкахъ.

13-го Іюля мы отправились изъ Царскаго Села въ Новгородъ, гдѣ пробыли 14, 15 и 16-ое Іюля.

Въ Новгородѣ Великіе Князья осмотрѣли Софійскій соборъ, Спасскіе ворота, дѣтинецъ, Музей, Ярославовъ дворъ, Знаменскій монастырь, Спасскую церковь, Антоніевъ монастырь, могилы князей Долгорукихъ, казненныхъ Бирономъ, и могилу Гостомысла. Дѣлали раскопку кургана въ Сытинѣ на берегу Ильмена. Затѣмъ осмотрѣли Вежницкій монастырь, Рюриково Городище, Спасскій и Юрьевъ монастыри, Николо-Кочановскую церковь и прочія древности. Всѣ эти осмотры чрезвычайно интересовали Великихъ Князей, и они восхищались нашими древними Новгородскими церквами.

Въ Новгородѣ Ихъ Высочества остановились въ митрополичьихъ покояхъ.

17-го Іюля мы выѣхали изъ Новгорода по Волхову на компанейскомъ пароходѣ, на немъ дошли до Сосницкой пристани и оттуда ѣздили въ Грузино, бывшее имѣніе графа Аракчеева; провели тамъ сутки съ живѣйшимъ интересомъ въ домѣ графа Аракчеева, гдѣ все носитъ печать его своеобразной и суровой личности. По дорогѣ въ Грузино Великіе Князья осмотрѣли Хутынский монастырь и присутствовали при интересной ловлѣ сига въ Волховскихъ порогахъ.

Изъ Грузина на пароходѣ до Волховской станціи, и потомъ по желѣзной дорогѣ возвратились мы въ Петербургъ и Царское Село 19-го Іюля вечеромъ.

Затѣмъ 24-го Іюля мы снова, оставивъ Царское Село, отправились на пароходѣ изъ Петербурга въ верхъ по Невѣ, и начали третью часть нашего путешествія,

Объ этой третьей части у меня сохранились мои донесенія съ пути Ихъ Величествамъ, которыя здѣсь приводятся, и я ихъ включаю въ свои Записки, такъ какъ жизнь моя при Великихъ Князьяхъ въ эти годы составляетъ какъ бы неизмѣнную часть моей жизни, и воспоминанія объ этомъ времени мнѣ отрадны и дороги.

24-го Іюля, въ 12 съ половиною дня, Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи отправились изъ Царскаго Села съ экстреннымъ поѣздомъ въ Петербургъ. Съ ними вмѣстѣ отправились и спутники ихъ, Константинъ и Дмитрій Константиновичи. Пріятныя впечатлѣнія двухъ первыхъ частей путешествія во Псковъ и Новгородъ располагали Великихъ Князей съ большимъ удовольствіемъ предпринимать и третью, самую продолжительную, часть своей поѣздки.

Въ половинѣ второго часа Ихъ Высочества пріѣхали на Полицейскую пристань на Невѣ (за Воскресенскимъ мостомъ). У пристани стояли пароходы „Онега“ и „Нева“, назначенные для плаванія съ Великими Князьями до рѣки Вытегры, откуда будетъ вольнонаемный пароходъ купца Милютина изъ Череповца.

На „Онегѣ“ мы нашли всѣхъ нашихъ спутниковъ: графа Уварова, г. г. Качалова, Бестужева-Рюмина, Вегнера и Степанова и кромѣ нихъ бывшаго преподавателя по Геологіи Великаго Князя Сергія Александровича профессора Еремѣева, (Сергій Александровичъ просилъ его сопровождать насъ въ поѣздкѣ по Ладожскому и Онежскому озерамъ, берега которыхъ весьма интересны въ геологическомъ отношеніи). Великіе Князья были очень рады видѣть своихъ спутниковъ и, пригласивъ ихъ всѣхъ остаться до Шлиссельбурга на „Онегѣ“, немедленно снялись съ якоря, ровно въ 2 часа. На „Онегѣ“ былъ поднятъ великокняжескій брейдъ-вымпелъ. Погода была хотя холодная, но ясная, вѣтеръ умѣренный, и Великіе Князья оставались все время на палубѣ смотрѣть берега Невы, знакомые имъ только до Смольнаго монастыря. Въ 4 часа по полудни стали подходить къ имѣнію Николая Васильевича Зиновьева*) Богословкѣ. Мы были встрѣчены пушечною пальбою, на которую пароходы отвѣчали троекратнымъ спущеніемъ флаговъ; отдали якоря, и Николай Васильевичъ на своемъ катерѣ присталъ къ „Онегѣ“. Поздоровавшись съ Ихъ Высочествами, онъ пригласилъ ихъ и свиту ѣхать съ нимъ. Николай Васильевичъ показалъ намъ весь домъ, и потомъ сестра его Екатерина Васильевна водила Великихъ Князей по саду, который

*) Генераль-адъютантъ Николай Васильевичъ Зиновьевъ, бывшій воспитатель Цесаревича Николая Александровича и его братьевъ, Александра и Владимира Александровичей, былъ всѣми ими очень любимъ, человѣкъ очень достойный, добрый и почтенный,

очень обширенъ, живописенъ и хорошо содержанъ. По возвращеніи домой намъ были предложены чай и фрукты. Только около шести часовъ Великіе Князья уѣхали изъ Богословки, и почтенный хозяинъ сопровождалъ ихъ до парохода. Великіе Князья были очень любезны и разговорчивы во все время пребыванія въ Богословкѣ, и Николай Васильевичъ былъ очень доволенъ и тронуть ихъ посѣщеніемъ, напомиавшимъ ему посѣщенія старшихъ братьевъ Сергія и Павла Александровичей.

Около восьми часовъ мы подошли къ Шлиссельбургу. Выйдя на берегъ, Великіе Князья были встрѣчены криками „ура“ всего населенія, собравшагося уже съ утра; приняли хлѣбъ-соль, поздоровались съ почетнымъ карауломъ, приняли ординарцевъ, и затѣмъ караулъ былъ отпущенъ; затѣмъ Князья пошли въ церковь, гдѣ было краткое молебствіе, а потомъ осмотрѣли ботикъ Петра Великаго и катеръ Государя Императора. Еще было свѣтло, и потому мы могли сегодня же осмотрѣть крѣпость, въ которую отправились на шлюпкахъ. Крѣпость очень интересовала всѣхъ четырехъ Великихъ Князей по воспоминаніямъ о ея взятіи Петромъ Великимъ и особенно о грустной участи Іоанна Антоновича. Мы осмотрѣли Шлиссельбургскую крѣпость въ подробности, все стараясь опредѣлить, гдѣ содержался и былъ убитъ Іоаннъ Антоновичъ. Всѣмъ показалось болѣе вѣроятнымъ, что мѣстомъ заключенія и смерти его былъ отдѣленный (отъ остальной части крѣпости) стѣнами маленькій дворикъ, гдѣ и теперь помѣщаются арестанты; осмотрѣли и арестантскія комнаты, тѣ, которыя не заняты. На Сергія Александровича онѣ произвели сильное впечатлѣніе, между прочимъ и то обстоятельство, что лѣтомъ арестантамъ не даютъ свѣчей до Сентября, такъ что сквозь рѣшетки оконъ уже въ темнотѣ мы видѣли лица заключенныхъ. Затѣмъ мы прошли по крѣпостной стѣнѣ со стороны Ладожскаго озера. Трудно себѣ представить картину болѣе грандіозно унылую, какъ эта уединенная крѣпость на островѣ, окруженная пустынными волнами Ладожскаго озера на необъятное для глазъ пространство.

Обѣдали только въ 10 часовъ вечера на „Онегѣ“ и потомъ долго бесѣдовали о судьбѣ Шлиссельбургской крѣпости, объ Іоаннѣ Антоновичѣ, а также о Ладожскихъ каналахъ, ихъ значеніи и важности для Петербурга и нашей торговли. Николай Александровичъ Качаловъ говорилъ по этой части очень занимательно, и Сергій и Павелъ Александровичи слушали его съ интересомъ.

25-го Іюля. Въ три часа утра пароходы снялись съ якоря и вышли въ Ладожское озеро, которое было совершенно тихо, такъ что

Великіе Князья спали спокойно до самаго прихода въ Коневецъ въ 9 часовъ утра.

Сергій и Павелъ Александровичи, Константинъ и Дмитрій Константиновичи помѣщаются всѣ четверо въ большой каютѣ на „Онегѣ“; каюта раздѣлена занавѣсками на четыре части, такъ что Великимъ Князьямъ очень удобно. Кромѣ Великихъ Князей помѣщаются на „Онегѣ“ контръ-адмиралъ Арсеньевъ, капитанъ-лейтенантъ Зеленый и Вегнеръ, исполняющій обязанность казначея. Остальныя лица свиты помѣщаются очень удобно на пароходѣ „Нева“. День всѣ проводятъ на „Онегѣ“, гдѣ обѣдаютъ и завтракаютъ, а на ночь возвращаются на „Неву“. Благодаря присутствію графа Уварова, Бестужева, Качалова и Еремѣва (человѣка очень ученаго и пріятнаго), разговоръ бываетъ постоянно полезный и пріятный; всѣ четыре Великихъ Князя находятъ въ немъ большое удовольствіе.

Когда мы пришли въ Коневецъ, шелъ сильный дождь: однако мы всѣ отправились къ обѣднѣ, которую служили въ соборѣ; пѣли столбовымъ напѣвомъ и весьма изрядно; послѣ обѣдни и поклоненія мощамъ преп. Арсенія, основателя обители, осматривали ризницу, въ которой мало нашли замѣчательнаго, и церковь св. Николая Чудотворца съ очень оригинальнымъ иконостасомъ временъ Петра Великаго: все пространство между образами расписано облаками, и живопись весьма примитивная. Графъ Уваровъ уговаривалъ игумена не дѣлать никакихъ реставрацій въ этомъ иконостасѣ.

Дождь прошелъ и, разсѣвшись въ скромныя монастырскіе экипажи, Великіе Князья со всѣми своими спутниками отправились осматривать островъ Конь-камень съ часовнею на немъ и скитъ, потомъ посѣтили архимандрита и пили у него чай; но какъ я ни бился, не было возможности вести съ нимъ какой бы то ни было духовный разговоръ: онъ былъ какъ-то засученъ, хотя очень любезенъ и счастливъ посѣщеніемъ Великихъ Князей. Вручивъ ему отъ имени ихъ триста рублей для монастыря, мы простились съ архимандритомъ и отправились на пароходы. Въ 2 часа, при колокольномъ звонѣ всѣхъ монастырскихъ колоколовъ, мы оставили Коневецъ, который произвелъ на Великихъ Князей хорошее впечатлѣніе, но оно скоро было совершенно стерто впечатлѣніями Валаама, куда мы прибыли въ тотъ же день около 7 часовъ вечера, послѣ прекраснаго перехода, при ясной погодѣ и спокойномъ морѣ.

Величественная и дикая природа Валаама сильно поразила Великихъ Князей и очень имъ понравилась. Какъ только пароходы стали

подходить къ острову, раздася колокольный звонъ. Великіе Князья любовались видомъ гранитныхъ острововъ, покрытыхъ лѣсомъ, и выдающихся изъ за него мѣстами церковныхъ главъ. Наконецъ мы пристали, и Великіе Князья пошли въ соборъ, гдѣ, послѣ краткаго молебствія и многолѣтія, поклонялись мощамъ преподобныхъ Сергія и Германа. Изъ церкви пошли навѣстить игумена Дамаскина, такъ какъ намъ сказали, что по вечерамъ онъ чувствуетъ себя лучше, чѣмъ утромъ. Это посѣщеніе произвело на юношей самое тяжелое впечатлѣніе: отецъ Дамаскинъ, по видимому, впалъ въ совершенное дѣтство, онъ сидѣлъ въ креслѣ и смотрѣлъ на Великихъ Князей съ видомъ недоумѣнія и непониманія. Отцы казначей и ризничій, управляющіе теперь монастыремъ, стали ему говорить: это Великіе Князья пришли: батюшка, благословите Великаго Князя Сергія Александровича, благословите Великаго Князя Павла Александровича, и т. д., но онъ продолжалъ ничего не понимать. Тогда они взяли его правую руку, ею благословили всѣхъ четырехъ Великихъ Князей и вручили имъ по образу. Затѣмъ, видя, что дальнѣйшее наше присутствіе старику только въ тягость, мы тотчасъ же вышли и воротились на пароходъ, такъ какъ уже темнѣло. Великимъ Князьямъ было очень тяжело видѣть почтеннаго отца Дамаскина въ столь грустномъ положеніи: они много слышали о его подвижнической жизни, его энергіи, трудахъ, высокому умѣ, и видѣть его впавшимъ въ дѣтство и, такъ сказать, пережившимъ себя, напомнило имъ болѣзненно всю ничтожность и скоропреходящность жизни человѣческой.

Вечеромъ всѣмъ обществомъ сдѣлали большую прогулку пѣшкомъ по дорогѣ, идущей вдоль бухты и потомъ во внутрь острова.

26-го Іюля. Великіе Князья начали утро тѣмъ, что пошли къ обѣднѣ. Павелъ Александровичъ, движимый чувствомъ благочестія, которое въ немъ проявляется не часто, пожелалъ стоять въ алтарѣ, и я пошелъ съ нимъ; его примѣру послѣдовали и Константиновичи. Мнѣ пріятно видѣть, что Дмитрій Константиновичъ имѣетъ теплое религіозное чувство и что вообще онъ очень нравственный, чистый и кроткій юноша и притомъ очень умный; иногда только онъ забалтывается, но его легко остановить: вообще же вліяніе его на Павла Александровича только хорошее. По окончаніи литургіи мы просили отслужить молебенъ преподобнымъ у мощей; молебенъ былъ отслуженъ прекрасно и съ чувствомъ, которое всѣхъ проникло и всѣхъ тронуло. У обѣдни и молебна присутствовали команды обоихъ пароходовъ. Сергіи Александровичъ купилъ образа Преподобныхъ по числу людей и приказалъ раздать ихъ, чѣмъ люди были очень довольны. Монастырь

же прислалъ командамъ свѣжаго хлѣба и рыбы, такъ что посѣщеніе Валаама было имъ настоящимъ праздникомъ.

По выходѣ изъ церкви Великіе Князья, стоя на дворѣ, смотрѣли прохожденіе монаховъ въ трапезу; они шли по два въ рядъ, и одинъ изъ іеромонаховъ въ эпитрахили несъ Пречистую; эта процессія была очень своеобразна. Великіе Князья со свитою вошли въ трапезу и сѣвъ за особый столъ, слушали обычное за трапезою чтеніе. Затѣмъ послѣ завтрака осматривали монастырь, на катерѣ съ гребцами-монахами ѣздили въ Николаевскій скитъ, гдѣ довольно долго юноши въ раздумьи сидѣли у берега озера, разбивавшаго свои волны о гранитные берега уединеннаго острова, входили въ келью схимника, который ихъ благословилъ. При нихъ спросили схимника: „а чтѣ, батюшка, трудно спастись?“ и онъ отвѣчалъ: „трудно или нетрудно, а надобно“ и прибавилъ: „съ Божьей помощью все возможно“. Застѣнчивость Великихъ Князей помѣшала имъ болѣе разговаривать при постороннихъ съ схимникомъ.

Мы продолжали свою поѣздку, частію на катерѣ, частію въ экипажахъ, въ другіе скиты и замѣчательныя мѣста острова; вездѣ были поражены множествомъ прекрасно содержимыхъ дорогъ, великимъ количествомъ дубовъ, липъ, кедровъ, лиственницъ и другихъ породъ деревъ (не растущихъ натурально на Валаамѣ, а посаженныхъ человѣческими руками), прекрасными церквами, часовнями и жилыми строеніями вѣсьма красиваго стиля, и все это плоды дѣятельности отца Дамаскина; сидѣли въ домѣ игумена Назарія и въ деревянной хижинѣ схимника Николая, погребеннаго отъ нея недалеко; потомъ проходили по превосходно содержимымъ фруктовымъ садамъ, за которые монастырь получалъ неоднократно медали на садовыхъ выставкахъ; наконецъ осмотрѣли всѣ мастерскія монастыря: пильную мельницу, столярную, слесарную, шлифовальную для мрамора и гранита, золотильную и наконецъ живописную, въ которой намъ особенно понравились образа одного молодого монаха, имѣющаго талантъ и поэтически-религіозное чувство, отличающіе его образа (юноши прозвали его Фра-Анжелико). Другой живописецъ, гораздо слабѣе перваго, отставной рядовой кавалергардскаго полка, теперь монахъ, но въ монастырѣ его иначе не называютъ, какъ кавалергардъ. Столь очевидные результаты дѣятельности одного человѣка, игумена Дамаскина, очень поразили Великихъ Князей и осязательно показали имъ, чтѣ значать трудъ и воля, направленные къ одной полезной цѣли. Строгая нравственность и христіанская скромность, проглядывающія безпрестанно во всѣхъ рѣчахъ братіи, ихъ рѣшительный отказъ принять деньги за ихъ услуги, даже

когда не могло того видѣть начальство, все это проникало уваженіемъ къ монастырю Сергія и Павла Александровичей и, надѣюсь, утвердило въ нихъ вѣру въ возможность добродѣтельной жизни на землѣ.

Посѣтивъ ризницу, комнаты, въ которыхъ останавливались Ихъ Величества и прекрасную часовню, построенную въ воспоминаніе этого событія. Великіе Князья возвратились на пароходъ, гдѣ сейчасъ же сѣли обѣдать, такъ какъ было уже около 8 часовъ вечера. По окончаніи обѣда Ихъ Высочества подарили свои фотографическія карточки казначею и ризничему и по одному экземпляру послали отцу Дамаскину; въ монастырь же было пожертвовано пятьсотъ рублей. Около 9 часовъ пароходы отвалили отъ берега, сопровождаемые молитвеннымъ пѣніемъ братіи, собравшейся у пристани, и колокольнымъ звономъ, который, благодаря тишинѣ воздуха, долго сопровождалъ нашъ путь.

27-го Іюля. Переходъ озеромъ и на этотъ разъ былъ очень благополученъ, волненія не было вовсе, и Великіе Князья спали очень хорошо. Къ 9 часамъ утра мы уже были у пристани Новой Ладоги, гдѣ должны были перемѣнить лоцмановъ. Все окрестное и городское населеніе сбѣжалось на пристань посмотрѣть Великихъ Князей, и они вышли къ народу, поклонились и приняли хлѣбъ-соль и поднесенныхъ огромныхъ осетровъ. Наградивъ рыбаковъ, сѣли на пароходы и пошли далѣе въ Старую Ладогу, гдѣ остановились противъ воротъ Успенскаго женскаго монастыря. Пристань была убрана цвѣтами, и игуменья съ частью сестеръ ожидала насъ на пристани. Великіе Князья пошли немедленно въ монастырь, гдѣ слушали литургію и принимали поздравленія со днемъ рожденія Государыни Императрицы. Послѣ обѣда пили чай у игуменьи. Въ самомъ монастырѣ нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ трехъ большихъ деревьевъ, посаженныхъ царицею Евдокіей Федоровною, первую женою Петра Великаго. Затѣмъ осматривали древнюю крѣпость, называемую Рюриково Городище, но теперешнія развалины крѣпости суть остатки построенной въ XII вѣкѣ Новгородскимъ посадникомъ Павломъ. Въ Городищѣ находится древняя каменная церковь съ замѣчательно сохранившимися фресками XII вѣка: всѣ, а въ особенности Сергій Александровичъ и Константинъ Константиновичъ, смотрѣли съ большимъ интересомъ. Завтракать всѣ отправились къ госпожѣ Томилиной*), живущей рядомъ съ монастыремъ и которая была тоже

*) Г-жа Томилиная—бывшая воспитательница Великой Княжны Вѣры Константиновны и потомъ начальница Смольнаго института.

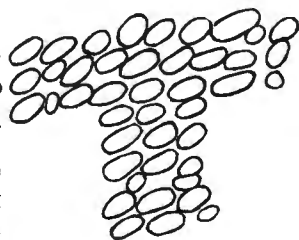
у обѣдни; домъ ея очень удобный, хотя по наружности очень простой, и садъ съ огромными деревьями и прекраснымъ видомъ на Волховъ. Она очень любезно приняла Великихъ Князей, которые провели у нея не менѣе двухъ часовъ.

Отъ г-жи Томилиной поѣхали на пароходъ, на немъ нѣсколько сотъ шаговъ выше и остановились передъ Николаевскимъ монастыремъ. рядомъ съ которымъ предполагалось сдѣлать раскопку большого кургана. Побывъ нѣсколько времени на курганѣ, оставили на немъ графа Уварова съ рабочими, а сами Великіе Князья отправились на пароходъ „Онега“ до Гостинопольскихъ пороговъ, откуда поѣхали 4 версты выше по рѣкѣ берегомъ въ экипажахъ, чтобы смотрѣть ловлю сига. Эта ловля производится очень оригинально и чрезвычайно интересовала Великихъ Князей. Тридцать рыбаковъ въ особенныхъ костюмахъ изъ кожи и съ сапогами, подкованными гвоздями остриями внизъ, чтобы не скользить по камнямъ, отправились шеренгою въ пороги, подвигаясь противъ теченія, которое такъ сильно, что передового человѣка, выдерживающаго первый напоръ воды, долженъ поддерживать другой человѣкъ. Всѣ рыбаки вооружены небольшими сачками (мѣшки изъ сѣти), которыми безпрестанно вытаскиваютъ сига, идущихъ въ порогахъ противъ теченія. Одного рыбака теченіе опрокинуло и понесло. но его успѣли спасти; подобные случаи, говорятъ, рѣдки, и опасности жизни нѣтъ; но вода на порогахъ страшно клокочетъ, и въ первыя минуты видъ людей, ходящихъ посреди волнъ, возбуждаетъ опасеніе. Пойманныхъ сига рыбаки кладутъ себѣ за пазуху, а по выходѣ изъ воды складываютъ въ ящики со льдомъ, которые и отправляются прямо въ Петербургъ на комиссію, въ садки. По окончаніи ловли намъ сдѣлали уху изъ пойманныхъ сига. Пока ее готовили и потомъ кушали, Великіе Князья разговаривали съ хозяиномъ ловли Григорьевымъ и работниками о размѣрахъ ихъ промысла, условіяхъ сбыта рыбы и цѣнахъ ея въ разныя времена года: потомъ, наградивъ работниковъ и давъ хозяину подарокъ, сѣли въ телѣги и воротились на пароходъ, который около 9 часовъ вечера возвратился на прежнее мѣсто къ монастырю св. Николая.

Великіе Князья пошли на курганъ, въ которомъ докопались до правильно сложенныхъ камней, находящихся подъ курганомъ на материкѣ. Желая хоть разъ довести раскопку до конца, я рѣшился остаться здѣсь на слѣдующее утро, а на сегодня остановили работу, ибо стало темно. Вечеръ всѣ провели на „Онегѣ“; сѣли обѣдать около 10 часовъ и потомъ долго разговаривали о всемъ сегодня видѣнномъ и дѣлая разныя предположенія о томъ, что найдется въ курганѣ.

Окрестные жители долго катались на лодкахъ кругомъ парохода, пѣли пѣсни и кричали „ура“; мѣстами на курганахъ горѣли смоляныя бочки, на пароходахъ сожгли нѣсколько фальшфейеровъ, которыми картинно освѣщались монастырскія стѣны и церкви.

28-го Іюля. Съ утра пошли на курганъ и только къ 4-мъ часамъ пополудни окончили работы; оказалось, что подъ камнями не было ничего... и только надъ камнями были остатки древеснаго угля, самыя же камни были сложены такимъ образомъ: скелеты же, найденные въ верхней части кургана, очевидно гораздо позднѣйшіе и съ насыпкою кургана ничего общаго не имѣютъ. Графъ Уваровъ полагаетъ, что эти камни, быть можетъ, служили или для жертвоприношеній или для сжиганія труповъ, и потомъ на нихъ насыпался курганъ; но вопросъ этотъ можетъ быть разрѣшенъ только единовременнымъ разрытіемъ въ этой мѣстности многихъ кургановъ (ихъ здѣсь большое количество). и графъ считаетъ снаряженіе подобной экспедиціи весьма полезнымъ для рѣшенія столь важнаго въ археологіи вопроса, такъ какъ становится яснымъ, что эти курганы, и не сторожевые, и не могильные. Не смотря на отрицательность сегодня добытыхъ результатовъ, Великій Князь Сергій Александровичъ очень доволенъ, что довели дѣло до конца; онъ почти все время оставался на курганѣ, не смотря на сильный вѣтеръ, засыпавшій насъ пескомъ, и приходилъ на пароходъ только пить чай и завтракать. Послѣ 4-хъ часовъ ходили на пароходѣ нѣсколько выше по теченію Волхова дѣлать геологическія изысканія подъ руководствомъ профессора Еремѣева. Берега Волхова въ этомъ мѣстѣ состоятъ изъ осадочныхъ пластовъ силлурійской формаціи и содержатъ въ себѣ множество окаменѣлостей, каковы: трилобиты (ракообразныя животныя), ортоцератиты (мягкотѣлые) и кораллы. Великіе Князья очень усердно ихъ искали и разсматривали. Силлурійскій плитнякъ служить предметомъ обширной торговли бутовою плитою и гидравлическою известью, отправляемыхъ въ огромныхъ количествахъ отсюда въ Петербургъ и Кронштадтъ. Множество людей при насъ было занято ломкой и погрузкой на барки плиты и цемента. Съ будущей зимы профессоръ Еремѣевъ долженъ заниматься съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ Геологіей, и я очень радъ, что онъ во время нашего настоящаго путешествія успѣетъ познакомиться Великаго Князя съ предметомъ. Павелъ Александровичъ очень интересуется геологическими рассказами г. Еремѣева и находитъ его очень пріятнымъ собесѣдникомъ вообще.

Такъ какъ намъ уже поздно выходить изъ Волхова, и темнота застала бы насъ у входа въ Свирь, то я рѣшился остаться здѣсь до разсвѣта и былъ очень радъ, что Великіе Князья могли гулять свободно по высокимъ здѣсь берегамъ Волхова, не сопровождаемые толпою (такъ какъ крестьяне, видѣвъ ихъ вчера, сегодня были заняты полевыми работами) и провести день спокойно среди природы на самомъ томъ мѣстѣ, откуда, по словамъ летописца, „ста Русь“.

29-го Іюля. Въ три часа утра снялись съ якоря и около восьми часовъ вошли въ рѣку Свирь, но Ладожское озеро сегодня было бурно, и насъ покачало довольно сильно: однако Великіе Князья въ своихъ кроватяхъ спали очень хорошо. Въ 8 съ половиною часовъ подошли къ деревнѣ Свирицѣ на рѣкѣ того же имени. На пристани ожидали Ихъ Высочество начальникъ II-го Округа путей сообщенія, д. с. с. Нордштейнъ и инспекторъ судоходства по Свири капитанъ-лейтенантъ Страннолюбскій со множествомъ народа, громко привѣтствовавшаго Великихъ Князей, когда они показались на палубѣ.

Затѣмъ они сѣли на маленькій пароходъ „Ледоколъ“ и по Свирицѣ отправились осматривать недалеко находящійся лѣсопильный заводъ купца Громова. Осмотрѣли заводъ въ подробности, наблюдали, какъ сортируются и нагружаются доски, освѣдомились о количествѣ досокъ, отпускаемыхъ въ Петербургъ и за границу, о цифрѣ оборота 600.000 р. и дохода 100.000 р.; узнали, что у Громова на Маринской системѣ до 250 тысячъ десятинъ лѣса, но что этотъ лѣсъ эксплуатируется безъ всякой системы и порядка, и возвратились на пароходы, поблагодаривъ командира „Ледокола“, присутствіе котораго здѣсь очень полезно: этотъ пароходъ, кромѣ коленія льда, откачиваетъ потонувшія барки и тушитъ пожары. Онъ заведенъ адмираломъ Посъетомъ, который успѣлъ уже много сдѣлать для улучшенія водяныхъ путей: между прочимъ чрезвычайно благодѣтельной мѣрою было назначеніе флотскихъ офицеровъ инспекторами судоходства, которые своимъ безкорыстіемъ и пониманіемъ условій навигаціи чрезвычайно ее ускорили, облегчили и усилили; за это флотскіе офицеры пользуются ненавистью путейскихъ чиновъ, обличая ихъ невольно, но съ неумолимою наглядностью. Къ счастью есть и исключенія, напримѣръ какъ почтенный начальникъ округа Нордштейнъ. Адмиралъ Посъеть снабдилъ насъ спискомъ чиновъ своего вѣдомства, которые будутъ встрѣчать Великихъ Князей и, сообразно съ достоинствомъ этихъ чиновъ, подчеркнулъ различнымъ манеромъ ихъ фамиліи, такъ что любезность съ ними Великихъ Князей соразмѣряется съ ихъ достоинствами. Инспекторъ судоходства по Маринской системѣ капитанъ 1-го ранга Клокачевъ много рассказывалъ Ихъ Высочествамъ о благопріятныхъ измѣненіяхъ плаванія по Марин-

ской системѣ, такъ, на примѣръ, о почти совершенномъ исчезновеніи на каналахъ Сибирской язвы. Онъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ и увѣрялъ Великихъ Князей, что муха, кусающая лошадей, называется *furia infernalis*, и съ этой минуты молодые люди между собою прозвали Клокачева *furia infernalis*, но были къ нему постоянно добры и слушали охотно его пламенные рѣчи.

Въ три часа пополудни прибыли въ Лодейное Поле. Великіе Князья приняли хлѣбъ-соль отъ жителей, собравшихся во множествѣ на пристани, прошли въ церковь, гдѣ было краткое молебствіе, изъ церкви сѣли въ экипажи, заранѣе заказанные, и поѣхали въ Свирскій монастырь гдѣ оставались до 8 часовъ.

У насъ были описанія этого монастыря, съ которыми Великіе Князья Сергій и Павелъ Александровичи познакомились заранѣе. Съ благоговѣніемъ и вѣрою они молились въ церкви и поклонялись мощамъ великаго угодника и потомъ подъ руководствомъ графа Уварова внимательно осматривали въ подробности ризницу и древнія книги и образы. Потомъ осмотрѣли оба монастыря, всѣ ихъ церкви и пили чай у настоятеля, разспрашивая сохранившіяся подробности о посѣщеніи монастыря Ихъ Величествами въ 1858 году. Вернулись на пароходъ въ 10 часовъ и сѣли обѣдать.

30-го Іюля. Снялись съ якоря въ 4 часа утра и къ 9-ти подошли къ Важину, откуда начинаются пороги и особенно быстрыя теченія. Всѣ четыре Великіе Князья провели почти все время на палубѣ, внимательно слѣдя за проходящими пороги судами и любуясь живописными берегами верхняго теченія Свири. Около плёса „Рыдай“ туэрный пароходъ взялъ „Онегу“ на буксирь, и Великіе Князья сначала пошли на туэрный пароходъ и осмотрѣли его устройство. Мы шли на буксирь туэра около 10 верстѣ, гдѣ быстрота теченія наибольшая и рѣка дѣлаетъ довольно крутые изгибы; на одномъ изъ нихъ пароходъ „Нева“ не послушался руля и былъ брошенъ на камни, къ которымъ приткнулся носомъ, но немедленно сошелъ съ нихъ самъ, не причинивъ себѣ никакого поврежденія; это произошло отъ того, что наши пароходы имѣютъ рули слишкомъ узкіе для столь быстрого теченія.

Въ селеніяхъ, лежащихъ по пути слѣдованія пароходовъ, народъ стоялъ на берегу, одѣтый по праздничному и въ мѣстахъ, гдѣ мы останавливались, для перемѣны лоцмановъ, крестьяне подѣзжали къ пароходу „Онега“, прося принять хлѣбъ-соль, рыбу и раковъ.

Въ 8 часовъ вечера мы пришли въ Вознесенскій посадъ, лежащій у выхода Свири изъ Онежскаго озера и у начала Свирскаго канала, идущаго вдоль южнаго берега озера до Вытегры. Огромная толпа на-

рода покрывала пристани и лѣвый берегъ Вознесенскаго рейда. Выйдя на берегъ, Великіе Князья приняли хлѣбъ-соль отъ жителей и почетный караулъ отъ Вознесенской мѣстной команды. Народу было такъ много, что они не рѣшились идти гулять, ибо вся эта масса непременно бы бросилась за ними. Около 9 часовъ начали обѣдать, а на пароходы стали грузить заготовленный для нихъ уголь.

По окончаніи нагрузки, пользуясь луннымъ свѣтомъ и тишиною на Онежской озерѣ, я приказалъ пароходамъ сняться съ якоря и идти въ Петрозаводскъ. Переходъ былъ самый благополучный, и на другой день, въ 8 съ половиною часовъ утра, мы вошли на живописный Петрозаводскій рейдъ, оживленный многими судами, которыя раздвѣтились флагами и огромною толпой, покрывавшей пристань и городской берегъ; погода была ясная, и картина города и рейда истинно живописная.

Великіе Князья тотчасъ приняли губернатора, тайнаго совѣтника Григорьева, а потомъ и воинскаго начальника, генераль-майора Бревверна и затѣмъ вышли на пристань и приняли отъ городского головы хлѣбъ-соль; затѣмъ, сѣвъ въ коляски, среди неумолкаемыхъ „ура“ отправились въ городъ въ соборъ, гдѣ было совершено краткое молебствіе преосвященнымъ Палладіемъ, бывшимъ въ Орлѣ во время поѣзда Великихъ Князей въ Крымъ въ 1866 году.

Такъ какъ въ Петрозаводскѣ предполагается провести всего два дня, изъ которыхъ второй посвящается поѣздкѣ на водопадъ Кивачъ, то сегодняшнее утро было довольно дѣятельно. Изъ собора Великіе Князья поѣхали въ губернаторскій домъ, гдѣ приняли почетный караулъ, и Великій Князь Сергій Александровичъ, желая сдѣлать вниманіе ему, обошедъ ряды, принялъ ординарцевъ и пропустилъ роту мимо себя церемоніальнымъ маршемъ. Войдя въ домъ, Великіе Князья познакомились съ супругой губернатора и поблагодарили ее и губернатора за приглашеніе остановиться въ ихъ домѣ и сдѣланныя для ихъ помѣщенія приготовленія. Они рѣшились провести весь день въ губернаторскомъ домѣ, но ночевать на пароходѣ. Выкушавъ у губернатора чашку чая, Великіе Князья поѣхали осматривать Петропавловскій соборъ, построенный при Петрѣ I-мъ. Въ соборѣ интересны раскольничьи образа, отобранные у Онежскихъ скитовъ. Потомъ Великіе Князья сдѣлали визиты архіерею и оттуда заѣзжали въ дѣтскій пріютъ, общественный садъ, мужскую и женскую гимназіи, общественную бібліотеку, основанную Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, и Судебную Палату. Завтракали въ губернаторскомъ домѣ, послѣ чего

поѣхали на литейный заводъ. Осматривали заводъ съ большимъ вниманіемъ, дѣлали вопросы и выслушивали объясненія и присутствовали при отливкѣ и отдѣлкѣ снарядовъ и отдѣлкѣ орудій. Въ заключеніе было отлито при Великихъ Князяхъ 24-хъ фунтовое чугунное орудіе. Великій Князь Сергій Александровичъ интересовался знать, какая была дѣятельность завода во время войны. Усиленная дѣятельность началась здѣсь только съ 1-го Августа 1877 года. Съ этого времени было отлито на заводѣ 397 чугунныхъ нарѣзныхъ 24-хъ фунтовыхъ орудій, заряжаемыхъ съ казенной части, снарядовъ вѣсомъ на 260.000 пудовъ, а всего цѣною на 1.549.452 рубля. Теперь дѣятельность завода сокращается, и это причина большой бѣдности въ рабочемъ сословіи, такъ что Великіе Князья получили множество просьбъ о вспомоствованіи; уѣзжая, они оставили губернатору пятьсотъ рублей на бѣдныхъ города. Послѣ осмотра завода ѣздили на пробу вѣрности орудія и потомъ, довольно утомленные, вернулись въ губернаторскій домъ и до обѣда отдыхали. Обѣдъ былъ за-просто: кромѣ свиты, обѣдали только губернаторъ и его жена. Послѣ обѣда старикъ-крестьянинъ пѣлъ былинны, и затѣмъ Великіе Князья осмотрѣли мѣстный музей, собранный въ домѣ губернатора; въ музей много интереснаго. Въ 10 съ половиною часовъ вечера вернулись на пароходы и скоро легли спать, такъ какъ надо завтра вставать въ 5 часовъ утра, чтобы въ 6 ѣхать на Кивачъ.

1-го Августа. Погода, вчера дождливая и сѣрая, сегодня стоитъ ясная и вполне благопріятная поѣздкѣ на водопадъ. Въ 6 часовъ утра всѣ уже сидѣли въ экипажахъ и отправились на Кивачъ, находящійся въ 60 верстахъ отъ Петрозаводска.

Поѣздка эта составила одинъ изъ лучшихъ эпизодовъ путешествія Великихъ Князей. Кивачъ поразилъ ихъ своей величественной красотой, но и самая поѣздка на него по дикой и красивой мѣстности среди скалъ, лѣсовъ, озеръ и горныхъ рѣкъ произвела на нихъ сильное впечатлѣніе. Они были тоже пріятно поражены прекраснымъ и достаточнымъ видомъ сель и деревень по пути: избы двухъэтажныя и чрезвычайно чистыя, крестьяне одѣты богато, и хозяйство даже роскошное; все это результатъ звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ, работъ по добыванію желѣза и пр. Но что было истинно трогательно и отрадно, это выраженіе любви къ царскому дому, сдѣлавшія эту поѣздку какимъ-то триумфальнымъ шествіемъ или правильнѣе скачкою: такъ скоро везли Великихъ Князей и ихъ спутниковъ. Жители закидывали насъ ворохами цвѣтовъ, подносили все, что у нихъ было, полотенца, яйца, масло, хлѣбъ, умоляли зайти въ избы откушать чаю и пр. Великіе Князья были очень этимъ тронуты и на всѣхъ станціяхъ очень

привѣтливо разговаривали съ народомъ. Видя, что женщины вездѣ были одѣты не въ сарафаны, а въ платья. Сергій Александровичъ заявлялъ сожалѣніе объ этой переменѣ костюма, и на обратномъ пути всѣ женщины очутились въ нарядныхъ сарафанахъ и водили хороводы, а потомъ подъ гармоника *lanciers*; видно, этотъ танецъ пришелся по сердцу крестьянкамъ, ибо въ Новгородѣ, въ селѣ Родіоновкѣ, женщины его танцевали передъ Великими Князьями. На водопадѣ въ павильонѣ, построенномъ къ посѣщенію Его Величества, губернаторъ предложилъ Великимъ Князьямъ завтракать (такъ какъ наши повара готовили обѣдъ въ городѣ). Не забыли взять съ собою оду Державина „Водопадъ“, которую читали послѣ завтрака. Въ 6 съ половиною часовъ Великіе Князья воротились въ Петрозаводскъ очень довольные, но очень утомленные, такъ какъ дорога при своей живописности очень не хороша и экипажи были весьма древни и тряски. У Сергія Александровича была та самая коляска, въ которой ѣздилъ на водопадъ Государь Императоръ въ 1858 году и которая съ тѣхъ поръ хранилась какъ святыня, и Сергій Александровичъ чувствовалъ себя разбитымъ: кромѣ того ему слегка подбили глазъ брошеннымъ въ него букетомъ. По возвращеніи онъ жаловался на горло; докторъ съ парохода „Нева“ приготовилъ ему полосканье изъ бертолетовой соли и напелъ, что это простое раздраженіе гландъ, которому Великій Князь подверженъ. Въ восемь часовъ вечера у Великихъ Князей былъ официальный обѣдъ всѣмъ начальствующимъ лицамъ въ городѣ; къ обѣду были тоже приглашены морскіе офицеры пароходовъ „Онега“ и „Нева“: изъ дамъ была только губернаторша. Сергій и Павелъ Александровичи были очень привѣтливы и до и послѣ обѣда поговорили съ каждымъ изъ приглашенныхъ Петрозаводцевъ. Тоже можно сказать и про Константина и Дмитрія Константиновичей. Поблагодаривъ губернатора и его жену и простившись съ нею, Великіе Князья поѣхали на пароходъ, сопровождаемые громкими „ура“ народа, ожидавшаго ихъ проѣзда. Городъ въ оба дня былъ иллюминированъ.

Въ полночь „Онега“ и „Нева“ снялись съ якоря, и такъ какъ озеро было совершенно тихо, я рѣшился идти прямо на рѣку Вытегру, а не на Вознесенье и Онежскимъ каналомъ, чѣмъ, въ случаѣ удачи, выигрывался почти цѣлый день.

2-го Августа. Благодаря тихой погодѣ, пароходы благополучно вышли въ Вытегру въ 8 часовъ утра, найдя на барѣ рѣки 6 съ половиною футь. Это было большимъ торжествомъ для почтеннаго начальника округа путей сообщенія Нордштейна (котораго Великіе Князья очень полюбили) и для сопровождающаго Великихъ Князей до предѣловъ своей

губерніи губернатора Григорьева; оба эти лица много содѣйствовали построению дамбы въ Онежскомъ озерѣ къ Востоку отъ устья Вытегры для отвращенія песочныхъ наносовъ, и входъ двухъ военныхъ, довольно большихъ пароходовъ подтвердилъ пользу этого сооруженія. Великіе Князья отдыхали отъ своихъ трудовъ до 10 часовъ утра, т.е. до подхода къ городу Вытегрѣ. Городъ очень красивъ и почти весь вытянулся вдоль рѣки. Здѣсь, какъ и вездѣ, на пути нашемъ набережная была покрыта народомъ. Принявъ хлѣбъ-соль, почетный караулъ и ординарцевъ, Великіе Князья поѣхали въ церковь, гдѣ было краткое молебствіе и потомъ въ экипажахъ воротились на пароходъ, гдѣ и оставались до 5 часовъ, пока не сталъ спадать жаръ. Въ 5 часовъ, отѣхавъ на шлюбокѣ за городъ, гуляли пѣшкомъ свободно отъ толпы, но около города она насъ окружила и сопровождала до возвращенія на пароходъ.

Сергѣй Александровичъ чувствуетъ себя хорошо, но боль въ горлѣ продолжается, и докторъ съ „Невы“ его посѣтилъ и просилъ продолжать полосканье.

Кухня и багажъ отправлены сегодня на пароходъ вверхъ по Мариинской системѣ до рѣки Ковжи, гдѣ будутъ погружены на нанятый для Великихъ Князей пароходъ „Казань“, Великіе же Князья поѣдутъ вдоль шлюзовъ въ экипажахъ, что менѣе утомительно и удобнѣе для осмотра шлюзовъ и всѣхъ сооруженій.

Обѣдъ Великіе Князья заказали въ клубѣ, созданіи начальника округа Нордштейна, постояннаго жителя Вытегры, пользующагося здѣсь общей любовью и уваженіемъ. Къ обѣду, кромѣ спутниковъ, губернатора, начальника округа, были приглашены начальствующие лица Вытегры (голова, воинскій начальникъ) и офицеры пароходовъ.

Послѣ обѣда Ихъ Высочества ѣздили гулять по иллюминированному городу, посѣтили домъ купца Кузнецова, приготовившаго имъ помѣщеніе въ своемъ домѣ и въ знакъ благодарности за ихъ напрасныя хлопоты подарили супругѣ Кузнецова брошь.

Узнавъ, что сегодня въ клубѣ вечеромъ обычный (по Средамъ и Субботамъ) танцевальный вечеръ, Великіе Князья пожелали почтить его своимъ посѣщеніемъ. Это была завѣтная мечта старика Нордштейна, и я полагалъ, что во всѣхъ отношеніяхъ это посѣщеніе было приличнымъ.

Общество Вытегры оказалось очень многочисленное и весьма порядочное. Было восемь очень красивыхъ дѣвицъ, изъ которыхъ царицами двѣ дѣвицы Барановы, сестры жены капитанъ-лейтенанта

Страннолюбскаго, инспектора судоходства Онежскаго озера и его притоковъ. Сергѣй и Павелъ Александровичи танцевали съ ними кадрили; потомъ Великіе Князья нѣсколько вальсировали и такимъ вниманіемъ и любезностью произвели несказанный восторгъ. Они просили и спутниковъ своихъ танцевать. Очень оригинально было видѣть Н. А. Качалова въ черныхъ перчаткахъ, танцующаго съ толстой женой воинскаго начальника. Около одиннадцати часовъ Великіе Князья воротились на пароходъ и напившись чаю и поговоривъ о Вытегорскомъ балѣ, легли спать.

Мнѣ пріятно заявить, что Сергѣй Александровичъ дѣлалъ во все время этой третьей части нашего путешествія еще болѣе усилій, чтобы быть любезнымъ со всѣми и привѣтливымъ, чѣмъ въ первыя двѣ; по крайней мѣрѣ это ему стало легче отъ навыка, и ему самому пріятно дѣлать удовольствіе и производить на всѣхъ пріятное впечатлѣніе. Примѣръ его чрезвычайно хорошо дѣйствуетъ и на Павла Александровича и на двоюродныхъ братьевъ, такъ что всѣ четыре Великихъ Князя оставляютъ вездѣ самыя отрадныя и благопріятныя впечатлѣнія. Кажется, что и для нихъ путешествіе во всѣхъ отношеніяхъ столько же полезно, сколько и пріятно. Завтра утромъ имъ приходится разстаться съ „Онегою“ и „Невою“, и это имъ очень прискорбно. Во все время пребыванія на пароходахъ они держали себя съ офицерами и командами привѣтливо, просто, но съ большимъ достоинствомъ и добротою.

Всеподданнѣйше прошу Ваше Величество простить меня за неаккуратность этого дневника; но, не имѣя ни свободнаго угла, ни минуты времени, я едва могъ его писать своевременно: моя каюта служить мѣстомъ сбора всего общества, а время всецѣло посвящено тысячѣ подробностей, обуславливающихъ подобное путешествіе, а главное занято стараніемъ направлять разговоры къ пользѣ Великихъ Князей, не надоѣдая имъ, стараться заставлять ихъ вникать во все, что они видятъ и извлекать изъ совершаемаго путешествія всевозможную пользу.

Свиты Вашего Величества контръ-адмиралъ Арсеньевъ.

Вытегра. 3-го Августа 1878 года.

3-ю Августа. Передъ отъѣздомъ изъ города Вытегры Великіе Князья захотѣли почтить своимъ посѣщеніемъ достойнаго начальника II-го округа путей сообщенія семидесятилѣтняго старца Нордштейна, который сопровождаетъ Великихъ Князей съ устья Свири и будетъ сопровождать ихъ до Рыбинска. Онъ живетъ на краю города, въ домикѣ, напоминающемъ домъ старосвѣтскихъ помѣщиковъ, которыхъ

онъ съ своей женой очень напоминасть. Почтенная чета была очень тронута Великокняжескимъ визитомъ, и Ихъ Высочества подарили старичкамъ свои карточки, выразивъ при этомъ свое сочувствіе усиліямъ г-на Нордштейна образовать клубъ, соединить все общество и столько оживлять въ немъ общественную жизнь, что Вытегра во всей губерніи считается самымъ пріятнымъ мѣстомъ для жизни. Передъ выѣздомъ Великіе Князья благодарили командировъ-офицеровъ и команды пароходовъ „Онега“ и „Нева“. Командирамъ и офицерамъ были даны подарки, и Ихъ Высочества простились съ ними самымъ любезнымъ образомъ, выразивъ имъ сожалѣніе, что должны съ ними разстаться. Дѣйствительно, Великимъ Князьямъ и свитѣ было очень удобно на пароходахъ и все было сдѣлано командирами и офицерами для спокойствія и удовольствія высокихъ пассажировъ; команды были награждены самымъ щедрымъ образомъ.

Кухня Великихъ Князей, большая часть прислуги и багажа были отправлены наканунѣ на маленькихъ пароходахъ до Анненскаго шлюза на Ковжѣ, откуда начинается свободное плаваніе безъ непрестанныхъ остановокъ въ шлюзахъ; на этомъ пространствѣ тридцать шесть шлюзовъ, и намъ было гораздо удобнѣе ихъ осмотрѣть ѣдучи вдоль рѣкъ и каналовъ въ экипажахъ. Это путешествіе, продолжавшееся съ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера, было преисполнено интереса. По мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Ковжѣ мѣстность все болѣе и болѣе возвышается и, на всемъ протяженіи, весьма неровная; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шлюзы тройные, и подъемъ уровня воды доходитъ въ нихъ до 63-хъ футовъ. Въ одномъ изъ такихъ тройныхъ шлюзовъ, именно въ Павловскомъ, проводили въ присутствіи Великихъ Князей съ грузомъ и спускали воду по отводной плотинѣ съ высоты 60 футъ, и въ такой огромной массѣ, что зрѣлище производило впечатлѣніе громаднаго водопада. Великіе Князья еще разъ тутъ поняли всю геніальность Петра Великаго, задумавшаго водяное сообщеніе въ мѣстности, въ которой простому взгляду оно должно бы казаться невозможнымъ. На 7-ой верстѣ отъ Вытегры осмотрѣли Покровскую церковь, построенную Петромъ Великимъ и сохранившуюся вполнѣ въ современномъ ему видѣ снаружи и внутри, за исключеніемъ украшеній надъ двумя мѣстными иконами и царскихъ дверей; но въ числѣ старыхъ вещей намъ показали и старыя царскія двери отлично сохранившіяся, и В. К. Сергій Александровичъ выразилъ желаніе, чтобы ихъ поставили на мѣсто новыхъ.

Послѣ завтрака въ Девятинной станціи Сергій Александровичъ почувствовалъ себя очень нехорошо: у него сталъ дѣлаться жаръ, чтѣ,

при боли въ горлѣ, меня очень беспокоило; остальную часть переѣзда онъ сдѣлалъ въ закрытой каретѣ и когда мы прибыли къ Анненскому шлюзу, гдѣ насъ ожидалъ пароходъ „Казань“, онъ прямо пошелъ въ свою каюту, не обѣдалъ и въ 10 часовъ легъ спать; вечеромъ у него былъ довольно сильный жаръ, который однако скоро сталъ спадать; сонъ былъ спокойный. Пароходъ „Казань“, нанятый у купца Милютина для путешествія Великихъ Князей до Рыбинска, оказался очень удобнымъ. Павелъ Александровичъ имѣлъ съ старшимъ братомъ общую отдѣльную каюту, Константиновичи свою, и вся свита размѣщена прилично.

По вступленіи на пароходъ мы немедленно снялись съ якоря и пошли внизъ по рѣкѣ Ковжѣ; въ 10 часовъ остановились на ночлегъ у Константиновскихъ пороговъ; здѣсь Великіе Князья простились съ Олонецкимъ губернаторомъ Григорьевымъ и еще разъ благодарили его за любезность и распоряженія для ихъ путешествія по ввѣренной ему губерніи.

4 Августа. Съ разсвѣтомъ снялись съ якоря и въ одиннадцать часовъ утра пришли въ городъ Вѣлозерскъ. В. К. Сергій Александровичъ хотя не имѣлъ жара, но чувствовалъ себя вялымъ и боль въ горлѣ неуменшающуюся. Узнавъ, въ Вѣлозерскѣ есть хорошій докторъ, Кокоревъ, я попросилъ Н. А. Качалова привезти его на пароходъ и пригласить сопровождать насъ до Рыбинска. Докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ Великаго Князя, нашелъ, что у него катарральная ангина, но серьезнаго ничего, приказалъ продолжать полосканье изъ Бертолетовой соли и совѣтовалъ Великому Князю цѣлый день не выходить изъ каюты. Предписаніе это было тѣмъ легче исполнить, что каюта Великихъ Князей сообщалась внутренней лѣстницей съ рубкой, гдѣ Сергій Александровичъ сидѣлъ цѣлый день, обѣдалъ и разговаривалъ съ посѣщавшими его по очереди спутниками. Въ окна рубки онъ могъ видѣть всѣ проходимыя пароходомъ мѣстности; на сегодня же всю представительную часть принялъ на себя Павелъ Александровичъ и, какъ всегда, выполнилъ первую роль лучше второстепенной... Вмѣстѣ съ двоюродными братьями онъ поѣхалъ въ городъ, посѣтилъ соборъ, гдѣ было отслужено краткое молебствіе. потомъ посѣтилъ женскую прогимназію и осмотрѣлъ древнія церкви (Успенскую и Петра и Павла), принимая съ большимъ интересомъ объясненія графа Уварова. Очень всѣхъ заинтересовала большая росписная восковая свѣча, сохранявшаяся въ церкви какъ древность и которую гр. Уваровъ, по роду орнаментаціи, относитъ къ XVII вѣку. У дома купца Поздынина, въ которомъ на всякій случай была приготовлена квартира В. Князь-

ямъ, Павелъ Александровичъ принялъ почетный карауль отъ мѣстнаго баталіона и, поблагодаривъ очень любезно хозяина дома за его хлопоты, отправился на пароходъ „Казань“, который немедленно пошелъ дальше...

Въ 5 часовъ остановились у Городища и посѣтили часовню, въ которой похороненъ родоначальникъ князей Бѣлозерскихъ князь Глѣбъ, потомъ посѣтили тутъ же курганы, въ которомъ по преданію погребенъ Синеусъ: дѣйствительно Городище у самаго выхода рѣки Шекны изъ Бѣлаго озера, согласно съ показаніемъ лѣтописца. Такимъ образомъ, посѣтивъ могилу Трувора въ Изборскѣ, Рюрика близъ Старой Ладоги и здѣсь Синеусову, Великіе Князья познакомились съ мѣстами, гдѣ жили основатели Русскаго государства.

Въ 8 часовъ вечера остановились на Шекснѣ у Горицкаго монастыря. Павелъ Александровичъ вышелъ на берегъ, гдѣ былъ встрѣченъ огромной толпой поселянъ Горицкаго посада и многихъ окрестныхъ деревень съ трогательнымъ восторгомъ и страшной давкой: не только свита, но даже и послѣдній изъ Великихъ Князей Дмитрій Константиновичъ (шедшій сзади первыхъ двухъ) попался въ тиски и насилу освободился. Въ монастырѣ посѣтили соборъ, гдѣ было отслужено краткое молебствіе и затѣмъ осмотрѣли церковь Царевича Дмитрія, въ которую образъ Святаго пожертвованъ его матерью Маріей Нагой; тутъ же видѣли пожертвованія княгини Евфросиніи Можайской, утопленной Грознымъ въ Шекснѣ. Въ Горицкомъ монастырѣ болѣе 500 монахинь, и видъ этого множества инокинъ, въ старинныхъ церквяхъ, при вечернемъ освѣщеніи, былъ чрезвычайно поэтиченъ.

Въ этотъ же вечеръ пріѣхали Череповскій городской голова Милютинъ, владѣлецъ нашего парохода „Казань“. Милютинъ представлялся Великимъ Князьямъ; они благодарили его за всѣ приспособленія, сдѣланныя для нихъ на пароходѣ, и разспрашивали его про Череповець.

Сергій Александровичъ чувствуетъ себя сегодня, слава Богу, хорошо, и жара у него не было; ночь провелъ очень хорошо.

5-ю Августа. Въ 10 часовъ утра, всѣ, кромѣ Сергія Александровича, въ экипажахъ отправились въ Кириловскій монастырь, находящійся отъ Горицкаго въ семи верстахъ. При выходѣ съ парохода на берегъ Великіе Князья были встрѣчены опять съ тѣмъ же восторгомъ, что и вчера: крестьяне бросали имъ хлѣбы и полотенца, и одинъ бросилъ Павлу Александровичу ломтикъ чернаго хлѣба съ воткнутыми въ него двумя мѣдными копѣйками.

Кириловскій монастырь находится на берегу Сиверскаго озера и представился нашимъ взорамъ, во всей своей величественной красѣ:

окаймленный высокими стѣнами и башнями, съ своими старинными куполами, онъ какъ будто выходитъ изъ озера. Благодаря имѣвшимъ у насъ описаніямъ монастыря и рассказамъ графа Уварова и Бестужева-Рюмина, Великіе Князья (преимущественно Сергій Александровичъ) были уже съ нимъ знакомы, что увеличивало очень для нихъ занимательность осмотра, и они совершили этотъ осмотръ очень подробно и добросовѣстно. Послѣ краткаго молебствія у мощей Преподобнаго, осмотрѣли все замѣчательное во всѣхъ церквахъ, ризницу, келью Преподобнаго, кельи патріарха Никона, монастырскія стѣны и башни съ каменными мѣшками. Множество народа сопровождало ихъ съ оглушительными криками ура. Чтобы не быть задавленными, около Великихъ Князей и ихъ свиты шли двѣ шеренги, составленныя изъ солдатъ мѣстной команды и мужиковъ, державшихся за руки. Въ 2 часа Павелъ Александровичъ выѣхалъ изъ монастыря очень довольный этимъ посѣщеніемъ. Сергій же Александровичъ ѣздилъ въ монастырь почти инкогнито, въ каретѣ съ графомъ Уваровымъ и, осмотрѣвъ подробно самое замѣчательное, выѣхалъ изъ монастыря почти одновременно съ нами. Во время осмотра монастыря, онъ отдохнулъ съ нами около полчаса въ отведенныхъ для Великихъ Князей покояхъ.

На возвратномъ пути изъ Кирилова Павелъ Александровичъ посѣтилъ игуменью Горицкаго монастыря и пилъ у нея чай. Игуменья потомъ пріѣхала на пароходъ представиться Сергію Александровичу, дала ему образъ и навезла множество кренделей, хлѣбовъ и проч. По желанію Сергія Александровича въ Горицкій и Кирилловскій монастыри было дано по пяти сотъ рублей.

Въ 4 часа пароходъ пошелъ дальше и въ 9 часовъ вечера остановился на ночлегъ у пустыннаго берега Шексны, въ пяти-часовомъ разстояніи отъ Череповца... Погода была теплая, ночь лунная, и всѣ, за исключеніемъ Сергія Александровича, еще обязаннаго беречься, отправились гулять по бичевнику и сдѣлали большую прогулку, во время которой купецъ Милютинъ чрезвычайно ясно, просто и краснорѣчиво объяснилъ Павлу Александровичу всю важность Маринской системы для отпускной и внутренней торговли Россіи и вліяніе отпускной торговли и быстроты подвоза въ наши сѣверные порты на хлѣбopашество въ нашихъ юговосточныхъ губерніяхъ. По окончаніи разговора Павелъ Александровичъ былъ самъ удивленъ интересомъ, съ которымъ онъ слушалъ Милютина и сказалъ мнѣ: однако, какъ онъ хорошо объясняетъ. Сущность этого разговора была передана и Сергію Александровичу, который, полагаю, уже извлекъ много изъ сообщеній Н. А. Качалова по этой части.

6-ю Августа. Въ десять часовъ утра мы прибыли въ Череповець. Огромная толпа народа ожидала по обѣимъ берегамъ рѣки Великихъ Князей и торжественно ихъ привѣтствовала. Посѣтивъ соборъ, они осмотрѣли новую городскую церковь и потомъ въ подробности превосходно устроенное техническое училище, при чемъ въ мастерскихъ смотрѣли, какъ работаютъ воспитанники. Это превосходное заведеніе снабжаетъ наши фабрики, пароходы и желѣзныя дороги машинистами и мастерами, которымъ съ другой стороны даетъ возможность получать прекрасное содержаніе. Великимъ Князьямъ понравились и средства, которыми въ ученикахъ развиваются качества, которыхъ нѣтъ у Русскаго мастера: *терпѣнье, настойчивость и аккуратность* въ работѣ. Ихъ Высочества очень одобрили техническое училище. Изъ училища В. Князья поѣхали въ домъ городского головы; выкушавъ у него чашку чаю, поѣхали на пароходъ, гдѣ завтракали.

Послѣ завтрака опять поѣхали въ городъ и осмотрѣли женскую гимназію и реальное училище, затѣмъ поѣхали на выставку всѣхъ произведеній и промысловъ Череповецкаго уѣзда. Эта выставка, нарочно устроенная для Великихъ Князей, была отлично комбинирована и мастерски показана Милютинымъ; Великіе Князья получили наглядно прекрасное и полное понятіе о богатствахъ и экономической дѣятельности края. Очень хорошъ былъ и археологическій отдѣлъ: любезное вниманіе ко вкусамъ Сергія Александровича. Послѣ выставки поѣхали въ доки, одно изъ замѣчательныхъ учрежденій Милютина и, осмотрѣвъ ихъ подробно, въ 5 часовъ воротились на пароходъ, который скоро снялся съ якоря. Передъ отъѣздомъ Великіе Князья благодарили всѣхъ участниковъ въ выставкѣ за ея прекрасное устройство. Пароходъ шелъ всю остальную часть дня и всю ночь.

7-ю Августа. Въ 10 часовъ утра, на другой день, остановившись у фабрики Журавлева, осмотрѣли подробно заводы пильный, мукомольный, механический и конный (этотъ послѣдній, чтобы сдѣлать удовольствіе Павлу Александровичу). Въ 1 часъ по полудни прибыли въ Рыбинскъ. Невозможно описать энтузіазмъ, съ которымъ тутъ были приняты Великіе Князья. Кромѣ 20 тысячъ, составляющихъ населеніе Рыбинска, собралось еще по крайней мѣрѣ до 20 тысячъ окрестныхъ населеній, вся эта 40,000 масса покрывала берегъ, къ которому пристали Великіе Князья и по появленіи ихъ на палубѣ парохода привѣтствовали ихъ восторженными криками ура, и съ этой минуты до отъѣзда ихъ изъ города, толпа массой слѣдовала за нами всюду и кричала ура все время. Великіе Князья пришли въ соборъ пѣшкомъ, и тамъ ихъ встрѣтилъ Ярославскій архіерей, нарочно для этой встрѣчи

прибывшій въ Рыбинскъ; въ соборѣ было краткое молебствіе, послѣ котораго Великіе Князья посѣтили биржу, окружный судъ, сдѣлали визитъ архіерею и заѣхали въ домъ купца Переяславцева, приготовленный по усердію его для Великихъ Князей, хотя я и предупредилъ губернатора, что Ихъ Высочества будутъ имѣть пребываніе на пароходѣ. Въ домѣ Переяславцева останавливался покойный Цесаревичъ во время путешествія по Волгѣ, и Сергій Александровичъ пожелалъ видѣть комнаты, которыя занималъ В. К. Николай Александровичъ. Послѣ дома Переяславцева Великіе Князья подробно осмотрѣли работы новой гавани, которая должна быть готова черезъ два года.

При посѣщеніи биржи, Рыбинское купечество представило Великимъ Князьямъ *шесть тысячъ* рублей, прося принять ихъ въ пользу раненыхъ и семействъ убитыхъ въ прошедшую войну. Сергій Александровичъ взволнованнымъ отъ чувства голосомъ отвѣчалъ: „что очень тронуть этимъ приношеніемъ и благодарить за него купечество и что онъ увѣренъ, что Государю Императору оно будетъ очень отрадно“. Восторженное ура было отвѣтомъ на эти слова. Вообще Рыбинскій пріемъ Великихъ Князей имѣлъ характеръ особенно восторженный, и видно было, что все населеніе, потрясенное вѣстью объ убійствѣ, совершенномъ надъ г. а. Мезенцовымъ, пользовалось пріѣздомъ Великихъ Князей, чтобы выразить всю глубину своей преданности и любви къ Государю и своимъ единокруннымъ восторгомъ къ представителямъ Царскаго дома выражало омерзѣніе къ шайкѣ преступныхъ сумасбродовъ и изверговъ рода человѣческаго.

Въ 4 часа Великіе Князья пріѣхали на станцію желѣзной дороги и сопровождаемые всѣмъ городскимъ населеніемъ, купечествомъ и начальствующими лицами, вошли на дебаркадеръ. Раскланявшись со всѣми очень любезно, Великіе Князья сѣли въ вагонъ, и поѣздъ тронулся при громкомъ „ура“.

Ярославскій губернаторъ д. с. с. Шмидтъ сопровождалъ Великихъ Князей до города Бѣжецка и обѣдалъ съ Ихъ Высочествами въ вагонѣ. Великіе Князья при прощаніи пожаловали ему свои фотографіи.

Вечеръ въ вагонѣ былъ проведенъ въ разговорахъ со спутниками, и видно было, что путешествіе оставляетъ всѣмъ самое пріятное воспоминанье. Дай Богъ, чтобы оно кромѣ удовольствія принесло Великимъ Князьямъ и пользу...

На другой день въ 8 часовъ утра поѣздъ прибылъ въ Колпино, и Великіе Князья тотчасъ же отправились въ Царское Село. При отъѣздѣ

изъ Колпина они горячо благодарили всѣхъ сопутствовавшихъ имъ лицъ.

Мнѣ отрадно засвидѣтельствовать, что всѣ четыре Великіе Князья были постоянно со всѣми вѣжливы, ко всѣмъ внимательны и вездѣ производили прекрасное впечатлѣніе всѣ четыре (особенно Сергій Александровичъ показывалъ большой интересъ ко всему историческому) и были достаточно внимательны къ современной, экономической сторонѣ изучаемаго во время путешествія; можно сказать съ увѣренностью, что они видѣли, поняли и запомнили все что нужно и что такимъ образомъ этимъ достигнется (касательно видѣнныхъ губерній) то, что Крыловъ считаетъ цѣлью царскихъ воспитаній: „Знать нужды своего народа и выгоды земли своей“...

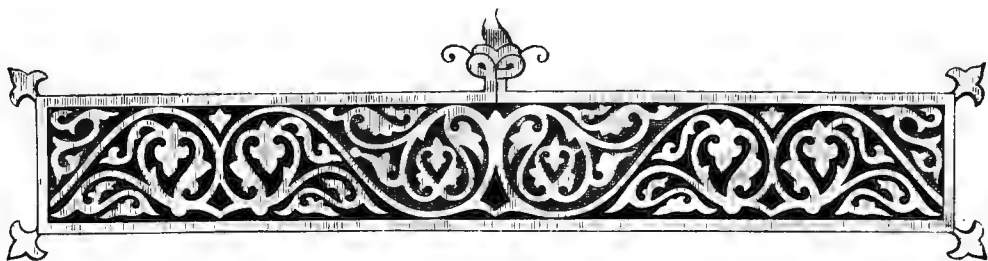
Благодаря приказанію Его Величества не принимать обѣдовъ и празднествъ, Великіе Князья совершили путешествіе безъ утомленія и безъ разсѣянности и постоянно были заняты знакомствомъ со всѣмъ полезнымъ и серьезнымъ, представлявшимися на ихъ пути.

Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Арсеньевъ.

Царское Село
10 Августа 1878 г.

Къ подлинной рукописи этого дневника или, вѣрнѣе, доклада, сообщеніемъ котораго почтенъ „Русскій Архивъ“, приложена географическая карта мѣстностей, посѣщенныхъ Великими Князьями. Мы не помѣщаемъ ея по общеизвѣстности ихъ. П. Б.

НОВЫЯ НАХОДКИ ПУШКИНСКИХЪ СТИХОВЪ.

При оскудѣннн современной изящной словесности приходится радоваться усилившемуся изученію Пушкина. Два новыхъ изданія его сочиненій (изданіе Академическое и изданіе Брокгауза-Ефрона, подъ редакціей С. А. Венгерова) вызвали къ дѣятельности цѣлый рядъ изслѣдователей. Благодаря ихъ трудамъ, рукописи Пушкина вновь пересмотрѣны и изъ нихъ извлечено немало стихотвореній, ранѣе неизвѣстныхъ. Особенно счастлива въ этомъ отношеніи оказалась минувшая зима: П. О. Морозову посчастлилось разыскать наброски четырехъ новыхъ стихотвореній, имѣющихъ значеніе выдающееся. Такъ какъ они еще не вошли ни въ одно изъ изданій сочиненій Пушкина, то мы позволяемъ себѣ познакомить съ этими находками читателей „Русскаго Архива“.

I.

Исключительную важность для характеристики Пушкина представляютъ его стихи, въ которыхъ онъ высказываетъ свое сужденіе о Декабрьскомъ движеніи. Стихи эти разысканы П. О. Морозовымъ въ рукописяхъ Пушкина, собранныхъ Л. Н. Майковымъ и переданныхъ, по его смерти, его вдовою въ Академію Наукъ. Стихи написаны „Онѣгинскими“ строфами, и можно предположить, что они назначались въ одну изъ главъ „Евгенія Онѣгина“.

Къ сожалѣнію, рукопись этихъ стиховъ—черновая, покрытая множествомъ помарокъ и плохо поддающаяся чтенію. Нѣкоторые стихи не додѣланы, нѣкоторыя слова совершенно неразборчивы, такъ что нѣтъ возможности образовать ни одной цѣльной строфы. Общій ходъ мысли, однако, уже вполне ясенъ.

1.

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тамъ вѣчно Лунинъ предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталъ.
Читалъ свои стихотворенья
.....
..... казалось, обнажалъ
Цареубійственный кинжалъ.
Одну Россію въ силѣ видя,
Делѣя въ ней свой идеаль,

Хвастунъ (?) Т. ¹⁾ нмъ внималъ
И слово „рабство“ ненавидя,
Предвидѣлъ въ сей толпѣ дворянъ
Освободителейъ крестьянъ.

2.

Такъ было надъ Невою льдистой.
Но тамъ, гдѣ ранѣ весна
Блеститъ надъ Каменкой тѣнистой
И надъ холмами Тульчина,
Гдѣ Витгенштейновы дружины
Днѣпромъ подмытыя равнины
И степи Буга облегли,
Дѣла другимъ порядкомъ шли.
Тамъ Пестель.
И рать набатный генераль
Въ союзъ свободы вербоваль. . .
.
Но полонъ дерзости и силъ.
. добытій торопилъ.

3.

Все это были заговоры
Между Лафитомъ и Кликю,
Куплеты, дружескіе споры.
И не входила глубоко
Въ сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,
Забавы взрослыхъ шалуновъ...
.
Казалось намъ... по пустякамъ...
И скоро.. узлы къ узламъ..
И постепенно сътъю тайной
Россія.
.

Мы знаемъ, что Пушкинъ былъ близокъ со многими членами тайныхъ обществъ 20-хъ годовъ. Однако, сообщая Жуковскому, что онъ былъ „въ связи съ большей частью заговорщиковъ“, Пушкинъ явно преувеличивалъ²⁾. Мы по-

¹⁾ Н. И. Тургеневъ? П. Б.

²⁾ Намъ случилось бесѣдовать съ женами двухъ Декабристовъ, княгинею Марією Николаевной Волконской и Екатериной Николаевной Орловой. Обѣ онѣ отзывались о Пушкинѣ съ улыбкою и некотораго пренебреженія и говорили, что въ Каменкѣ восхищались его стихами, но ему самому не придавали никакого значенія. Пушкина это огорчало и приводило въ досаду. Можетъ быть, воспоминаніемъ о томъ и вызваны его отзывы, относящіеся никакъ не раньше какъ къ срединѣ 1827 года, или даже къ концу этого года, когда сосланные волверены были въ Читѣ. П. Б.

мнимъ также „Посланіе въ Сибирь“ Пушкина, въ которомъ онъ предрекаетъ будущее торжество Декабристовъ; надо сознаться, что выраженія этого посланія крайне двусмысленны... Наконецъ, нельзя не напомнить той страницы въ тетради Пушкина, гдѣ онъ нарисовалъ висѣлицу и пять повѣшанныхъ на ней, а около написалъ нѣсколько словъ, которыя прежними издателями читались: „и я бы могъ, какъ тутъ на...“, а новѣйшими издателями читаются: „и я бы могъ, какъ шутъ на...“

Стихи, разысканные П. О. Морозовымъ, безъ сомнѣнія помогутъ намъ вѣрнѣе понять отношенія Пушкина къ событію 14 Декабря.

II.

Въ связи со стихами Пушкина о Декабристахъ стоитъ другое его стихотвореніе, въ которомъ сдѣлана широкая характеристика всей общественно-политической жизни Россіи начала XIX вѣка. Въ это стихотвореніе перенесены нѣкоторыя строки изъ только-что приведенныхъ „Онѣгинскихъ“ строфъ. Однако, оно образуетъ совершенно самостоятельное цѣлое.

Рукопись этого стихотворенія была извѣстна уже Анненкову. Но ни онъ, ни позднѣе Майковъ, не сумѣли ея воспользоваться, потому что стихотвореніе въ этой рукописи было записано не прямо, а такъ называемой „криптограммой“. при чемъ строки расположены въ особомъ условномъ порядкѣ. Къ сожалѣнію, ни Анненковъ, ни Майковъ не нашли нужнымъ напечатать текстъ извѣстной имъ рукописи, что дало бы возможность другимъ изслѣдователямъ попытаться свои силы въ ея дешифрированіи. Рукопись въ теченіе 80 лѣтъ оставалась неизвѣстною читателямъ Пушкина, пока, наконецъ, П. О. Морозову удалось угадать тотъ „ключъ“, который открываетъ ея смыслъ.

Впрочемъ, пока еще нѣтъ возможности возстановить стихотвореніе полностью. Во-первыхъ, нѣкоторыя строки, особенно написанныя съ сокращеніями, еще не поддаются чтенію. Во-вторыхъ, рукопись дошла до насъ не вся: недостаетъ отдѣльной странички, на которой были записаны заключительные стихи послѣднихъ четверостишій. Въ-третьихъ, наконецъ, Пушкинъ, при переписываніи, повидимому, опустилъ нечаянно нѣсколько стиховъ. Но причинъ всего этого въ стихотвореніи есть рядъ пропусковъ, а заключительная его часть состоитъ изъ неполныхъ четверостишій, лишенныхъ заключительнаго стиха.

Вотъ что, въ концѣ концовъ, можно прочесть въ „криптограммѣ“ Пушкина:

Властитель слабый и лукавый,
 Плѣшивый щеголь, врагъ труда.
 Нечаянно пригрѣтый славой.
 Надъ нами царствовалъ тогда.
 Его мы очень смиреннымъ знали.
 Когда не наши повара
 Орла двуглаваго щипали
 У Бонапартова шатра.

Гроза двѣнадцатаго года
 Настигла,—кто тутъ намъ помогъ?
 Остервененіе народа.
 Барклаѣ. зима иль Русскій Богъ?

*

Но Богъ помогъ, сталь ропотъ ниже.
 И скоро сляю вещей
 Мы очутились въ Парижѣ.
 А Русскій Царь—главою царей.

*

И чѣмъ жирнѣе, тѣмъ тяжелѣ
 Въ Россіи.
 Скажи, зачѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ...

*

Авось, о шибболеть народный,
 Тебѣ бѣ я оду посвятить...¹⁾
 Но стихоплетъ великородный²⁾
 Меня уже предупредилъ.

*

Авось, аренды забывая.
 Ханжа³⁾ запрется въ монастырь:
 Авось, по манью Николая,
 Семейства возвратитъ Сибирь...

*

Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный,
 Предъ кѣмъ унизились цари.
 Сей всадникъ, Папово вѣнчанный.
 Исчезнувшій какъ тѣнь зари....

*

Тряслся грозно Пиреней.
 Волканъ Неаполя пылалъ.
 Безрукій князь⁴⁾ друзьямъ Морей
 Изъ Кишенева ужъ мигалъ.

*

..Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ!.."
 Нашъ Царь въ покоѣ говорилъ...

 А про тебя и въ усь не дуетъ.
 Ты, Аракчеева (?) холопъ!

¹⁾ О комъ именно здѣсь говорится, намъ непонятно. Еврейскимъ словомъ шибболеть означается приказъ часовому, пропускной такъ называемый пароль. (Книга Судей въ Св. Библии, глава 12-я, стихъ 6-й). П. Б.

²⁾ Графъ Хвостовъ. П. Б.

³⁾ Князь А. Н. Голицынъ П. Б.

⁴⁾ Князь Искланты. П. Б.

*

Потѣшный полкъ Петра титана,
Дружина старыхъ усачей,
Предавшихъ вѣкогда тирана
Свирѣпой шайкѣ палачей.

*

Россія присмирѣла снова...
И пуце царь пошелъ кутить;
Но искры пламени инова
Уже издавна, можетъ быть.....

*

У нихъ свои бывали сходки;
Они за чашею вина,
Они за рюмкой Русской водки.....

*

Витійствоужъ рѣзкимъ знамениты,
Сбѣрались члены сей семьи
У безпокойнаго Никиты *).....

*

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тутъ Лунинъ дерзко предлагалъ
Свои рѣшительныя мѣры.....:

*

Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣ весна
Блестить надъ Каменкой тѣнистой...

* * *

Врядъ ли есть надобность объяснять, почему Пушкинъ нашелъ нужнымъ записать это свое стихотвореніе „криптограммой“. Онъ не разъ въ своей жизни имѣлъ случай убѣдиться (по исторіи съ „Гаврилядой“ и со стихами „Андрей Шенье“), сколько можетъ возникнуть неприятностей и прямыхъ опасностей изъ-за распространенія нѣкоторыхъ стиховъ. Онъ и принялъ всѣ мѣры, чтобы его стихи остались достояніемъ его одного, даже еслибы его рукопись и попала въ чужія руки.

III.

Третье стихотвореніе, разысканное П. О. Морозовымъ, небольшое двустишіе (гекзаметръ и пентаметръ), эпиграмма на переводъ Иліады Гнѣдича:

Кривъ былъ Гнѣдичъ поэтъ, предлагатель сѣпова Гомера.

Бокомъ однимъ съ образцомъ схожъ и его переводъ.

Но этой эпиграммѣ можно судить, что Пушкинъ понималъ недостатки Гнѣдичевскаго перевода Иліады (отсутствіе истинной простоты выраженій, напыщенность и т. п.). Сознвая, однако, что для *своего времени* переводъ Гнѣ-

*) Всеволожскаго. П. Б.

дича имѣть высокое значеніе, Пушкинъ не нашелъ умѣстнымъ высказывать свои критическія замѣчанія. Свою эпиграмму онъ тщательно зачеркнулъ въ рукописи, а вмѣсто нея написалъ и напечаталъ совершенно иное двустишіе („Слышу умолкнувшій звукъ...“) Кромѣ того въ „Литературной Газетѣ“ 1830 года онъ помѣстилъ небольшую замѣтку о трудѣ Гнѣдича, гдѣ впрочемъ больше говорится о „безкорыстіи“ этого труда, чѣмъ о его поэтическихъ достоинствахъ. Пушкинъ въ своей замѣткѣ даетъ обѣщаніе написать со временемъ болѣе подробный отчетъ о книгѣ... Этого обѣщанія онъ не исполнилъ.

IV.

Четвертое стихотвореніе разыскано П. О. Морозовымъ въ одной изъ рукописей Московскаго Румянцевскаго Музея. Это—эпиграмма на издателя „Вѣстникъ Европы“ М. Т. Каченовскаго.

.....
 Словесность Русская больна:
 Лежить въ истерикѣ она
 И бредитъ языкомъ мечтаній,
 И хладный между тѣмъ Зоиль
 Ей Каченовскій застудилъ
Теченье мѣсячныхъ изданій.

Послѣдній стихъ подчеркнутъ Пушкинымъ*).

А.

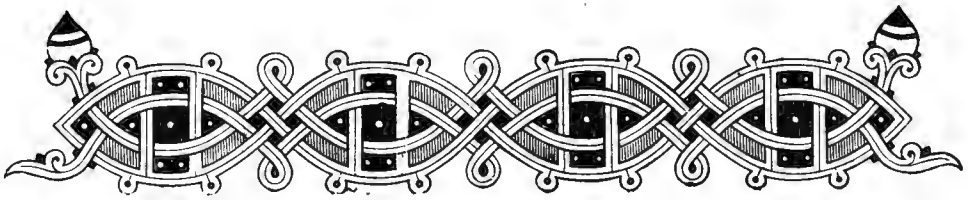
Было бы несправедливо придавать отзывамъ Пушкина про императора Александра Павловича и про Декабристовъ значеніе историографическое, такъ какъ на каждый изъ этихъ отзывовъ въ сочиненіяхъ его имѣется противоположный. Пушкинъ отзывался мѣткимъ словомъ на все, чѣмъ занята бывала его мысль. Вспоминаемъ его стихотвореніе „Эхо“, съ которымъ у него сравнивается поэтъ:

На всякій звукъ
 Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
 Родишь ты вдругъ...

П. Б.

*) Первые три стихотворенія будутъ помѣщены П. О. Морозовымъ въ ближайшемъ (XIII) выпускѣ повременнаго изданія „Пушкинъ и его современники“. Однако, уже теперь они напечатаны г. Н. Лернеромъ въ газетѣ „Рѣчь“, откуда мы ихъ и заимствуемъ. Четвертое стихотвореніе помѣщено въ „Юбилейномъ сборникѣ Литературнаго Фонда“ (Сиб. 1910 г.).

ДОВѢСКИ КЪ НАРОДНЫМЪ ПѢСНЯМЪ.

I. Какъ подѣ бѣлою подѣ бѣрезюю...

Какъ подѣ бѣлою подѣ бѣрезюю
Мужъ жену училъ, мужъ угрюму.
Ой, яли, яли, яли-ѣли-ѣ,
Ой, яли, яли, яли-ѣли-ѣ.

А жена мужу не вкорилася,
Свекру-батюнкѣ поклонилася...

Ой, яли, яли, яли-ѣли-ѣ,
Ой, яли-яли, яли-ѣли-ѣ...*)

„Свекоръ-батюшка, ты родимый мой,
Заступись за меня, защити ты меня!...“

„Дочка, милая, не моя воля,
Не моя воля, воля мужняя“...“

„Не моя воля, воля мужняя,
Воля мужняя, будь послушная“.

„Свекровь милая, мать родимая,
Заступись за меня, защити ты меня...“

„Защити ты меня отъ лиха мужа,
Отъ лиха мужа, отъ разбойничка.“

„Дочка милая, не моя воля,
Не моя воля, воля мужняя...“

„Не моя воля, воля мужняя,
Воля мужняя, будь послушная“.

Наконецъ жена покорилася,
Муженьку своему поклонилася:

„Ты касатикъ мой, ты желанный мой,
Пожалѣй меня, приласкай меня!“

„Приласкай меня, приголубь меня.
Обойми меня, поцѣлуй меня!“

*) Повторяется послѣ каждого двустипія.

Такъ подь бѣлою подь березою
 Мужъ жену училъ, мужъ угрюмую.
 Ой, яли, яли, яли-ѣли ѣ,
 Ой, яли, яли, яли-ѣли-ѣ!

Такъ поють въ Болховскомъ уѣздѣ Орловской губерніи, при чемъ первые два куплета, одиннадцатый („Наконецъ жена покорилася, муженьку своему поклонилася“. .) и заключительный куплетъ („Такъ подь бѣлою подь березою мужъ жену училъ, мужъ угрюмую“), а также припѣвъ, исполняетъ хоръ, остальные-же одно лицо.

Въ почтенномъ изданіи, подь названіемъ: „Великорусскія народныя пѣсни“ (подь редакціей ординарнаго академика А. И. Соболевскаго) не имѣется вышеприведеннаго варіата Великорусской пѣсни.

II. *Ай, было у тещеньки. . .*

Ай, было у тещеньки семь зятьевъ:

Вотъ и Мишка зять,
 И Епшшка зять,
 И Захарка зять,
 И Макареа зять,
 И Давыдка зять,
 И Демидка зять,

А Иванушка получше ихъ всѣхъ.

Вотъ какъ стала тещенька
 Зятьевъ да къ себѣ въ гости принимать:

Она Мишку на лавку,
 И Епшшку на лавку,
 И Захарку на лавку,
 И Макарку на лавку,
 И Давыдку на лавку.
 И Демидку на лавку,

А Иванушку повыше ихъ всѣхъ.

Вотъ какъ стала тещенька
 Зятьевъ пирогами оѣлять:

Она Мишкѣ пирогъ,
 И Епшкѣ пирогъ и т. д.

А Иванушкѣ побольше-то всѣхъ.

Вотъ какъ стала тещенька
 Зятьевъ домой провожать:

Она Мишку по шеѣ . . и т. д.
 И Епшшку по шеѣ . . и т. д.

А Иванушку по всей по головѣ.

Записано въ г. Орлѣ.

Павель Россіевъ.

ПИСЬМО К. С. АКСАКОВА КЪ КНЯЗЮ В. А. ЧЕРКАСКОМУ.

(о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ).

(Августъ 1859).

Хотя ко многому сталъ я равнодушень¹⁾, но не къ рѣшенію участи Русскаго народа, которое совершается теперь въ Петербургѣ. и вотъ почему считаю я необходимымъ написать вамъ, князь. и высказать вамъ совершенно откровенно мои мысли.

Когда дѣло идетъ о большемъ или меньшемъ надѣлѣ землею, о цѣнности усадебъ, я, во первыхъ, въ этомъ дѣлѣ мало понимаю, во вторыхъ, это не такъ еще важно. Но когда дѣло дошло до души Русскаго народа, до его жизненнаго общиннаго начала, до міра, до сходки, то я, сколько нибудь разумѣя это дѣло, не могу молчать.

Я прочелъ докладъ административнаго отдѣленія № 5 и пришелъ въ ужасъ. Духъ жизни Русскаго народа преслѣдуется въ послѣднемъ его убѣжищѣ отъ государства. Когда разнеслась вѣсть объ эмансипаціи, я писалъ Хомякову, что кому принесетъ она положительную пользу. такъ это помѣщикамъ: за нихъ можно было положительно радоваться и поздравлять ихъ съ избавленіемъ отъ безобразнаго и безнравственнаго ихъ права²⁾; но что касается до крестьянъ, то здѣсь надежда на лучшее казалась мнѣ не вполне вѣрною. Помѣщичья власть въ нѣкоторой части имѣній барщинскихъ и въ имѣніяхъ чисто-оброчныхъ вообще служила для крестьянъ какъ бы стекляннымъ колпакомъ, избавлявшимъ ихъ отъ государственной регламентаціи, отъ *наружнаго административнаго благоустройства*. Подъ защитою этихъ стеклянныхъ колпаковъ жила жизнь нашего народа во всей самобытности своихъ

¹⁾ Въ это время К. С. Аксаковъ поглощенъ былъ скорбію по скончавшемся отцѣ своемъ и у него началась уже чахотка, которая въ слѣдующемъ году свела его въ могилу. П. Б.

²⁾ Тоже самое говорилъ Герцену Д. Н. Свербеевъ, антагонистъ К. С. Аксакова. (См. статью его о кончинѣ Герцена въ „Русскомъ Архивѣ“ 1870 года). П. Б.

началь, при отсутствіи той чуждой нашему духу *опредѣленности*, которая равняется *ограниченности* и уродуетъ живое, изнутри образующее себя начало. Здѣсь-то, въ оброчныхъ имѣніяхъ Ярославской губерніи, на примѣръ, являлся міръ не Киселевскій, не устроенный какимъ нибудь господиномъ, ничего не разумѣющимъ въ дѣлѣ Русской жизни, міръ, самъ себя составляющій, самъ себя опредѣляющій, съ своимъ единогласіемъ и съ своею окончательною верховностью. Когда же эмансипаціею, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ богопротивнаго помѣщичьяго права, будутъ разбиты эти, по мѣстамъ встрѣчающіяся, крышки, подъ которыми спасалось начало Русской жизни, Русской общины (не Киселевской), я боялся, чтобы государственность учреждений не легла всею гнѣтомъ на бѣдныхъ крестьянъ. Но вотъ вызваны были въ Петербургъ вы и Самаринъ. Вы засѣдаете въ административномъ отдѣленіи. Можно было думать, что Русскій народъ въ васъ найдетъ хоть какую нибудь защиту. Явился докладъ административнаго отдѣленія № 5-й: *о сходахъ*, подписанный вами, а вы еще, какъ слышно въ Москвѣ, на товарищѣй вашихъ имѣете вліяніе. Чтоже видимъ мы въ этомъ докладѣ?

Ни болѣе, ни менѣе, какъ совершенное нарушеніе всей сущности Русскаго общиннаго начала, полнѣйшее истязаніе міра, уничтоженіе самобытной, общественной свободы Русскаго народа и предоставленіе ему, на чужой образецъ составленнаго подобія, *гражданскихъ* общественныхъ правъ. Самостоятельность, жизнь, принципъ, все выкидывается вонъ, и чтожъ остается? Чисто механическое, совершенно бесполезное существованіе уже не общества, а извѣстнаго множества людей.

Вы представляете себѣ опредѣлить: *когда міръ есть міръ?* Первый поп сепс*) и первая дерзость противъ народа. *Когда міръ признаётъ себя міромъ, тогда онъ и міръ.* Другаго опредѣленія тутъ быть не можетъ. Вы говорите: но въ такомъ случаѣ нѣсколько лицъ могли бы рѣшать дѣло всего общества. Да предоставьте это самому обществу, дайте ему больше простору. Повѣрьте, ужъ оно само позаботится, чтобъ нѣсколько человекъ не рѣшали за него его дѣла. Хорошъ міръ, когда не самъ себя признаётъ и опредѣляетъ! Предоставьте что нибудь человеку самому. Вѣдь вы не со скотами имѣете дѣло, а напротивъ, съ народомъ, который въ общественномъ дѣлѣ смыслить гораздо побольше васъ, членовъ благороднаго дворянскаго собранія съ правомъ голоса и шара на знаменитыхъ дворянскихъ выборахъ. Пожалуй, Перовскій дошелъ же до того въ образцовыхъ селахъ, что даже разставилъ въ избѣ крестьянина всю его утварь, такъ что ведро должно было стоять на этой,

*) Безсмысліе.

а ухватъ на той сторонѣ. За несоблюденіе благодѣтельнаго порядка — палка *).

Но далѣе. Посягнувши на самостоятельность самаго міра, вы посягаете на самостоятельность его рѣшенія. Вы осмѣливаетесь опредѣлять ему, что такое есть его собственное рѣшеніе, осмѣливаетесь наступить на то начало, которое составляетъ самую основную его силу, тайну его жизни, именно: единогласіе. Вы вводите въ *большинство* ту дикую, матеріальную силу, которая большею частью изъ чувства рабскаго подобоострастія передъ Европою не признается нами за такую, большинство, столь противное духу Русской земли. Запустивъ руку упрямо въ душу Русскаго человѣка, вы идете еще далѣе. Вы говорите, что на мірской сходкѣ первое лице староста. *Когда міръ собранъ, то первое лице здѣсь одно: міръ, а другаго нѣтъ, и быть не можетъ.* Какой тутъ староста на міру! Міръ разошелся, староста опять явился. Хорошъ міръ, на которомъ есть начальникъ или, по крайней мѣрѣ, первое лице и распорядитель! Вы говорите: первое мѣсто на сходкахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. И такъ староста будетъ распоряжаться совѣщаніемъ. Широкое поприще открывается старостѣ чрезъ *охраненіе должнаго порядка*. Мало ли что можетъ показаться ему нарушеніемъ порядка? Міръ подъ предсѣдательствомъ, подъ руководствомъ старосты жалкій міръ! И даже въ случаѣ равенства голосовъ, на чьей половинѣ голосъ старосты, та и права. Чтоже это за міръ? Да, такого рода міръ можно найти въ любомъ клубѣ, и въ Англійскомъ, и въ Дворянскомъ. И все это извращеніе міра, все это нравственное общественное обезображеніе дѣлается вѣдь насильственно. Не та же ли это Петрова палка, за которую взяли въ свою очередь и вы? Это гораздо похуже насильственнаго бритья бороды, къ которому былъ такъ пристрастенъ августѣйшій цирюльникъ отечества.

Такимъ образомъ вы уничтожаете, убиваете самое начало нашей жизни, вы убиваете нашу Русскую свободу, нашу общину, нашъ міръ, обращая его въ какое-то жалкое подобіе дворянскихъ выборовъ. Я уже не говорю о вашей попечительной заботливости, чтобы крестьяне

*) Примѣнялась ли палка въ такъ называемыхъ Пріютахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны Первой (въ Смоленской и Саратовской губерніяхъ), у которой даже были чертежи размѣщенія въ избѣ принадлежностей домохозяйства. Это было подражаніе порядкамъ, которые завелъ Аракчеевъ въ Грузинѣ, куда государыня собиралась ѣхать; но фрейлины ея стали передъ нею на колѣни съ мольбою не пускаться въ унижительную поѣздку (слышано отъ княгини Хилковой). Въ одномъ изъ пріютовъ пронзошелъ бунтъ. П. Б.

въ нетрезвомъ видѣ на сходъ не допускались. Предоставьте самому міру, кого допускать, кого не допускать; у него на это есть свои основанія, есть свой твердый обычай. Онъ допустить и не допустить кого хочетъ: инаго пьянаго онъ прогонить, а инаго пьянаго, который скажетъ дѣло, выслушаетъ. Какая надобность тутъ еще соваться? И стоило ли бы, кажется, и говорить объ этомъ? Нѣтъ, элементъ полицейской благопристойности такъ силенъ, видно, въ администраторахъ, что они никакъ не могли при сей вѣрной оказіи не проявить его.

Вы скажете: „но какъ однакоже узнать, что это рѣшилъ точно міръ, и что онъ именно такъ рѣшилъ?“ Спрашивается: кому нужно узнать? Если самому міру, такъ онъ всего короче это узнаетъ; или лучше, ему и узнавать нечего, онъ ли рѣшилъ, или нѣтъ, и какъ рѣшилъ? А если правительству нужно узнать, *по тѣмъ только дѣламъ*, разумѣется, *въ которыхъ съ правительствомъ соприкасается крестьянство* (напр. кого отдать въ рекруты), для этого довольно выборныхъ отъ крестьянъ, которые и завѣрятъ, что это рѣшеніе міра. Если же (чего быть не можетъ) кто нибудь изъ крестьянъ назвался выборнымъ или сообщилъ бы небывалое рѣшеніе міра, то потомъ пришлось бы этому крестьянину сильно поплатиться передъ міромъ. Но это случай просто невозможный. Впрочемъ для бѣльшаго удовлетворенія или для того, чтобъ имѣть у себя документъ, правительство можетъ получить грамоту отъ міра за руками: вотъ все, чего можетъ оно хотѣть, но не болѣе.

Это дѣлалось и въ старину: въ такихъ грамотахъ встрѣчается и формула: „во всѣхъ крестьянъ мѣсто, по ихъ велѣнью, такой-то руку приложилъ“. Грамоты за руками встрѣчаются въ древней Руси во многихъ случаяхъ: наприм., при выборѣ въ цѣловальники, въ старосты и въ цари. Да и чего вы боитесь? Что кто нибудь пригнется міромъ? Успокойтесь. Давно стоитъ міръ; у насъ бывали самозванные цари, а самозванца-міра не бывало. Когда оставляетъ васъ духъ Русскаго народа, тогда васъ оставляетъ и языкъ его. Чтѣ за смыслъ въ выраженіяхъ: *Мірской сходъ*, *Волостной сходъ*? Почему *міръ* есть только сельское явленіе? Нѣтъ, изъ вашихъ словъ видно, что вы этого сказать не хотѣли. Какая путаница въ понятіяхъ происходитъ при такомъ употребленіи словъ! Вдругъ міръ будетъ только въ селѣ, а въ волости міра не будетъ. Развѣ Божій міръ значитъ только село? Ужъ говорили бы вы: *великій сходъ*, *волостной сходъ*. По понятіямъ Русскаго духа и языка, міръ можетъ быть и губернія, и волость, и деревня. Міръ есть собраніе народное большей или меньшей мѣстности; міръ есть

народъ, какъ одно мыслящее, говорящее и дѣйствующее цѣлое. Царь Алексѣй Михайловичъ, вѣзжая въ Москву, *весь міръ* спрашивалъ о здоровьи. Говоря о совѣщаніи всенародномъ, бывшемъ о царѣ Василии, Гермогенъ выражается: *весь міръ*. А по вашему не такъ: по вашему ужъ это былъ бы не міръ, а *городской сходъ*.

Больно и отвратительно было мнѣ читать 5 № доклада административной комиссіи. И добро бы это были все Петербуржцы или Западники, а то тутъ вся. Я думалъ, что вы Русскій и что вамъ, хоть сколько нибудь близокъ Русскій народъ. Къ чему же было все дѣло наше, все изученіе Русскихъ началъ, быта древней Руси, крестьянскаго устройства *)? Неужели плодъ всего этаго—нѣсколько пустыхъ фразъ о самоуправленіи общественномъ, о возможно-большемъ устраненіи вліянія администраціи на мірскія дѣла, *пустыхъ* фразъ, повторяю, ибо тутъ же дѣлается совсѣмъ другое.

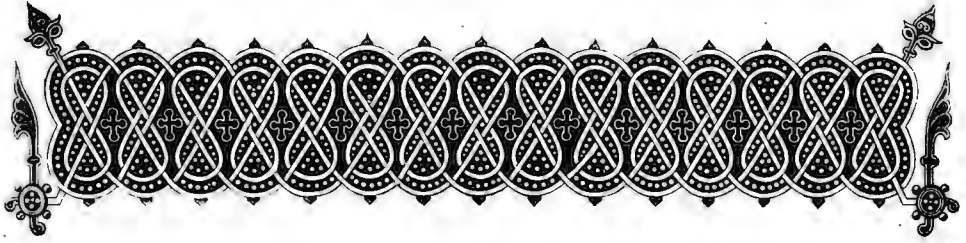
Вы подняли руку на народъ. У васъ дѣло, худое дѣло! Вы посягнули на душу народа: это уже настоящее душеубійство. Остается угѣшаться тѣмъ, что не всегда же будетъ Русская Исторія сочиняться въ Петербургѣ и что вамъ, господа, совершить душеубійства надъ Русскимъ народомъ на дѣлѣ не удастся.

Васъ не смутитъ мое письмо, чтѣ васъ смутитъ?! Но задумайтесь, хоть на одну минуту. Припомните: Жиды, распиная Христа, не смущались тѣмъ, чтѣ ихъ ожидаетъ, и конечно не думали, что стануть они живымъ позоромъ между людьми, и имя ихъ обратится въ брань. Вы распинаете теперь Русскій народъ и не думаете конечно, что имена ваши станугъ браннымъ словомъ, что поношеніе ляжетъ на память вашу.

Въ моемъ письмѣ секретовъ нѣтъ; можете показать мое письма вашимъ товарищамъ и кому угодно.

К. Аксаковъ.

*) См. превосходныя статьи князя Черкаскаго въ „Русскомъ Архивѣ“ 1880 (III, 30) и 1882 (I, 5). „Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія въ Россіи до отмены Юрьева дня“ и „Юрьевъ день. О подвижности народнаго населенія въ древней Россіи.“ Въ томъ же 1859 году и Хомяковъ написалъ свою записку о раскрыщеніи и послалъ ее Я. И. Ростовцеву; но запискѣ этой не дано было ходу, и самое обнародованіе ея состоялось лишь черезъ много лѣтъ, благодаря цензурѣ его пріятелей. И. С. Аксаковъ, въ письмѣ о томъ же предметѣ къ Е. И. Елагиной, выражался, что изъ Петербурга онъ не ждетъ добра. Неоднократно слышали мы отъ князя Черкаскаго, что надобно радоваться тому, что дѣло, какъ ни на есть, совершалось, ибо при колеблемости сверху оно могло совсѣмъ не состояться либо затормозиться на многіе годы. Въ день 19 Февраля 1861 года, въ Петербургѣ всѣ казармы были заперты, и раннимъ утромъ монахи изъ Дивѣевской обители съ иконою и молитвою ходили вокругъ Зимняго дворца. П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Два письма В. Н. Чичерина къ К. П. Побѣдоносцеву.

1.

Получено 10 Сентября.

Дармштадтъ, $\frac{2}{11}$ Октября 1864.

Письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Петровичъ, такъ мнѣ пришлось по сердцу, какъ я вамъ и сказать не могу. Я вамъ писалъ изъ Копенгагена, что въ скучномъ нашемъ путешествіи одно утѣшеніе, что все такъ хорошо устроилось. Я просто не могъ на нихъ нарадоваться. Скажу вамъ, что чѣмъ больше я вижу В. Князя, тѣмъ больше я къ нему привязываюсь. Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ не совсѣмъ безпристрастенъ. Я Россію люблю больше всего на свѣтѣ и готовъ для нея не только умереть, но и жить, что гораздо труднѣе, а между тѣмъ мы съ вами еще хорошихъ дней не видали. Естественно, что всѣ мечты, всѣ надежды переносятся на будущее, и когда же будущее воплощается въ юношѣ съ симпатическими свойствами, можно возлюбить его всѣмъ сердцемъ. А симпатическія свойства у него дѣйствительно есть, и много. Иногда кажется, что у него недостаетъ того небснаго огня, который даетъ великую цѣну человѣку, и въ этомъ отношеніи я съ вами согласенъ, что вліяніе любящей и любимой женщины можетъ быть въ высшей степени плодотворно. Иногда у него проглядываютъ черты, нажитыя положеніемъ, средою и воспитаніемъ; но у него такая милая обходительность, такая непринужденная разумность. такое широкое пониманіе вещей и отношеній, что нельзя къ нему не привязаться. Недавно, на желѣзной дорогѣ, онъ завелъ рѣчь объ религіи. Вы знаете что я въ этомъ отношеніи самъ по себѣ; но я просто былъ изумленъ, видя въ 20-ти лѣтнемъ юношѣ такое собраніе крѣпкихъ и разумныхъ убѣжденій съ самою широкою терпимостью. Ахъ если бы онъ хорошенько поработалъ! А впрочемъ, Богъ знаетъ. Человѣкъ работающій часто пріобрѣтаетъ спеціальнѣйшій взглядъ, который

въ его положеніи можетъ быть вреденъ. Россія вышла изъ той поры, когда все должно было направляться сверху. Общество должно уже дѣйствовать само, лишь бы на вершинѣ были разумная и просвѣщенная воля, сдерживающая и указывающая путь. Въ этомъ отношеніи я не могу представить себѣ ничего лучше Великаго Князя. Знаете ли, что у него иногда самосознаніе изумительное? Онъ мнѣ рассказывалъ про нелѣпость своего первоначальнаго воспитанія. Это все, чѣмъ онъ обязанъ графу Строгонову. И прибавилъ: я могу быть доволенъ однимъ результатомъ, тѣмъ, что у меня нѣтъ никакихъ нелѣпыхъ мыслей: въ нашемъ положеніи это, можетъ быть, самое важное. И любовь къ отечеству у него глубокая и сильная не смотря на то, что, по свойству природы, она не проявляется въ страстныхъ изліяніяхъ. Когда онъ что нибудь полюбитъ, ему кажется, что тутъ есть Русскія черты; на этомъ основаніи онъ находитъ, что въ принцессѣ есть что-то Русское. И это не простая фраза. Вотъ четыре мѣсяца, что я съ нимъ живу и не слыхалъ отъ него ни одной фразы; если эта наклонность была на него навѣяна прежде, то она совершенно исчезла. Но довольно; я уже черезъ чуръ разболтался. Посылаю вамъ карточку Принцессы. *Θ. А.*¹⁾ не увѣренъ, послалъ ли онъ ее вамъ или нѣтъ. Если она у васъ уже есть, то передайте ее *Сергѣю Михайловичу*²⁾. А васъ крѣпко, крѣпко обнимаю и желаю по возвращеніи найти въ добромъ здравіи и хорошемъ расположеніи духа.

Б. Чичеринъ.

2.

Получено 3 Октября 1864.

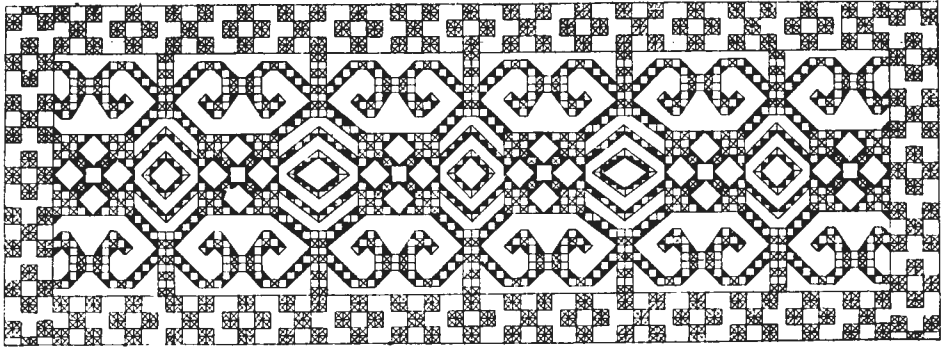
Здравствуйте, любезнѣйшій Константинъ Петровичъ! Сегодня мнѣ *Θедоръ Адольфовичъ*²⁾ прочелъ отрывокъ вашего письма, и такъ мнѣ пахнуло Россією и нашей Москвой. Вы сидите себѣ спокойно дома и работаете съ пользою: мы скачемъ по Европѣ, убиваемъ время, а пользы и удовольствія пока ничего. Одно утѣшеніе, что дѣла Великаго Князя устроились отлично. Впрочемъ, среди нашего скаканія, бѣлыхъ галстуконъ и придворной жизни выдался хорошій мѣсяць. Мнѣ по крайней мѣрѣ было очень пріятно въ *Скевенингенѣ*, хотя *Θ. А.* не раздѣляетъ этого мнѣнія. Да и теперь бы я не жаловался, если бы не потеря времени. А удовольствія Богъ съ ними! Что-то скажетъ *Италія*; а *Данія*, доложу вамъ, прескучнѣйшая страна. Клавайтесь всѣмъ нашимъ; *Дмитріеву* писалъ, но не получалъ отъ него отвѣта. Будьте здоровы, отъ души васъ обнимаю.

Б. Ч.

Сообщено К. П. Побѣдоносцевымъ.

¹⁾ Оомъ. П. Б.

²⁾ Соловьеву. П. Б.

МАФУСАИЛЬ.

(А. Н. Шмидтъ).

5-го Сентября остановился въ Ригѣ проѣздомъ въ Варшаву на юбилей 1-го драгунскаго полка короля Виртембергскаго бывший вахмистръ этого полка Андрей Николаевичъ Шмидтъ, которому въ этотъ день исполнилось 136 лѣтъ. Въ удостовѣреніе своего возраста показалъ онъ свой указъ объ отставкѣ за № 120. гдѣ сказано, что онъ, уволенный вахмистръ Андрей Николаевичъ Шмидтъ, происходитъ изъ мѣщанъ города Шаулина Ковенской губерніи, родился 5-го Сентября 1772 года, православнаго исповѣданія, грамотенъ, вдовъ и записанъ 6-го Августа 1796 года кантонистомъ въ Ревельскій батальонъ. 18-го Іюля 1798 года перешелъ онъ Алны подъ предводительствомъ фельдмаршала графа Суворова-Рымникскаго. 25-го Ноября 1798 года пожалованъ ему Георгій 4-й степени. За захватъ двухъ орудій при Маломъ Ярославцѣ и непріятельскаго знамени при Смоленскѣ, въ Октябрѣ 1812 года, даны ему Георгій 3-й степени и серебряная медаль на Георгіевской лентѣ. За захватъ Турецкаго штандарта при штурмѣ Эривани во время войны 1827—1829 гг. получилъ онъ военный знакъ 2-й степени; этотъ орденъ прикрѣпили ему самолично графъ Паскевичъ-Эриванскій, а великій князь Михаилъ подарилъ ему 500 рублей. За двадцати-лѣтнюю безпорочную службу получилъ онъ Аннинскую медаль. За штурмъ Праги въ 1831 году былъ онъ награжденъ Польскимъ орденомъ Св. Станислава, а за Варшаву въ 1832 году—серебряною медалью на Андреевской лентѣ. За взятіе Тирасполя въ 1828 году получилъ онъ также серебряную медаль на Андреевской лентѣ. За двадцатипятилѣтнюю службу отличенъ онъ серебряною медалью на Аннинской лентѣ съ портретомъ его величества Государя Николая I-го и въ томъ же году получилъ золотую медаль съ изображеніемъ Государя Александра I-го.

Въ 1847 году оставилъ онъ службу въ Лейбъ-гвардіи Гусарскомъ Его Величества полку, но уже тогда выразилъ желаніе снова поступить на службу и былъ причисленъ вахмистромъ къ 1-му драгунскому полку его высочества

короля Виртембергскаго. Въ 1851 году за спасеніе генераль-лейтенанта Колпаковскаго получилъ Военный знакъ 2-й степени. При штурмѣ Малахова кургана за спасеніе контръ-адмирала Нихимова получилъ военный знакъ 1-й степени. Въ 1857 году, по слабости и болѣзни, былъ уволенъ отъ службы съ ежегодной пенсіей въ 1200 рублей. Во всю свою долготѣтную службу онъ не былъ ни разу наказанъ и принималъ участіе во многихъ походахъ и битвахъ, какъ то: въ Отечественной войнѣ 1812 года при Бородинѣ, Маломъ Ярославцѣ и Смоленскѣ, въ Персидской войнѣ 1827—1829 гг. и въ Севастопольской кампаніи.

Въ 1828 году раненъ двумя пулями въ правую ногу, въ 1832 раненъ въ грудь сабельнымъ ударомъ и въ 1854 контуженъ въ голову, на которой и до сихъ поръ виденъ шрамъ.

Этотъ ветеранъ ходитъ еще безъ посторонней помощи, только опираясь на палку, слышитъ хорошо, говорить внятно, но видитъ плохо и когда смотреть на часы, держитъ ихъ совсѣмъ къ глазамъ. По его словамъ онъ никогда не употреблялъ спиртныхъ напитковъ и не курилъ, а только любилъ нюхать табакъ. Съ 62 лѣтъ онъ вдовецъ, и его единственный сынъ убитъ въ Турецкую войну. Онъ разговорчивъ и привѣтливъ. На юбилей ѣхалъ онъ въ старой шинели и шапкѣ, которую сохранилъ со дня отставки. Память у него удивительная, и онъ съ улыбкою вспоминаетъ времена, когда войска на парадъ являлись въ башмакахъ, вспоминаетъ о дорогахъ, когда не только желѣзныхъ, но шоссейныхъ дорогъ не было.

Ветеранъ живетъ постоянно въ Тифлисѣ.

*

Переведено изъ „Балтійскихъ Листковъ“ 1909 года. Сообщеніемъ Нѣмецкаго подлинника почтила насъ княгиня Евгенія Федоровна Стрѣшинева-Шаховская, по повѣду исполнившагося 80-ти лѣтія нашей жизни. Покойный В. И. Даль передавалъ намъ, что въ Петербургѣ въ 1832 году жилъ солдатъ, который служилъ еще при Петрѣ Великомъ; онъ рассказывалъ, какъ великанъ-царь потѣшался тѣмъ, что солдаты пятнулись назадъ отъ его коня и отъ его брызговъ. Николай Павловичъ полюбоществовалъ самъ видѣть ветерана, побесѣдовалъ съ нимъ, наградилъ и опредѣлилъ въ Москву состоять при Комиссіи о построеніи храма Христа-Спасителя, гдѣ онъ скоро и умеръ. не перенесъ перемѣны климата. П. Б.

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

I.

1-го Марта 1910 года пришелъ ко мнѣ приобрести ту книжку „Русскаго Архива“, гдѣ напечатана статья А. А. Голомбiевскаго про убiенiе Француженки Симонъ. Имѣю я обычай разспрашивать приходящихъ ко мнѣ въ первый разъ; оказалось, что это Кузьма Андреевичъ Черемисиновъ. Онъ въ теченiи двадцати лѣтъ служилъ у Сухово-Кобылина и теперь живетъ въ услуженiи у его дочери вдовы, графини Луизы Александровны Фальтанъ, которая владѣетъ въ Чернскомъ уѣздѣ его помѣстьемъ Кобылинкою. Сухово-Кобылинъ былъ женатъ два раза, съ 1857 года на баронессѣ Марьѣ Ивановнѣ Дебуграмъ, а потомъ съ 1863 года, на какой-то Англичанкѣ ¹⁾. Обѣ онѣ рано умерли; но у него осталась дочь, на которой женился графъ Исидоръ Фальтанъ, служившій во Французскихъ гусарахъ (братъ его женатъ на дочери той Надежды Ивановны Нарышкиной, рожд. Кюрингъ, которая уѣхала во Францію, скоро послѣ гибели Луизы Симонъ и по кончинѣ супруга своего (1855), Александра Григорьевича Нарышкина, вышла за мужъ за Дюма-сына.

По словамъ Черемисинова, Сухово-Кобылинъ былъ добрый хозяинъ и не позволялъ себѣ драться, и подначальнымъ въ хозяйствѣ тоже.

Въ Кобылинкѣ былъ пожаръ, истребившій многія его бумаги, въ томъ числѣ переводъ Гегеля, но сохранился дневникъ. Графиня Луиза Александровна, прѣзжая въ Москву, останавливается у Антипiя, въ домѣ Петрова-Соловова, т. е. у племянника своего отца; постоянно же живетъ она въ восьми верстахъ отъ Ниццы, въ Больѣ, гдѣ и похороненъ Сухово-Кобылинъ (передъ смертью причастившійся святыхъ таинъ). У него была еще третiя сестра Софья Васильевна незамужняя, художница, занимавшаяся живописью.

4 Марта пришелъ ко мнѣ вторично Черемисиновъ и приносилъ прочитать выдержки изъ дневника, который велъ Сухово-Кобылинъ про себя. Тутъ я услышалъ трогательныя упоминанiя о Луизѣ Симонъ, относящiяся къ разнымъ годамъ. По словамъ Черемисинова, Сухово-Кобылинъ, прѣзжая въ Москву, ходилъ пѣшкомъ на ея могилу, что на Введенскихъ горахъ ²⁾. Портретъ ея постоянно висѣлъ у него надъ кроватью. Эти выдержки изъ дневника,

¹⁾ Намъ приходилось слышать и о третьей супругѣ—Русской.

²⁾ A la chère et triste mémoire de Louise Elisabeth Simon, née le 1 Avril 1819 † le 7 Novembre 1850 Иновѣрцеское кладбище на Введенскихъ горахъ. въ склепѣ построенномъ А. В. Сухово-Кобылинымъ: здѣсь же погребенъ графъ de Faltant, майоръ Французской службы, женатый на дочери Сухово-Кобылина, Луизѣ Александровнѣ (Московский Некрополь, изданiе Великаго Князя Николая Михайловича).

напечатаны въ 5-й книжкѣ „Русской Старины“ нынѣшняго года, какъ приложение къ статьѣ А. М. Рембелинскаго, содержащей въ себѣ новыя подробности о убіеніи Француженки и между прочимъ, показанія прикосновеннаго къ этому дѣлу Е. М. Теокистова, которой, сдѣлавшись начальникомъ управленія по дѣламъ печати, не позволилъ появиться въ 5-й тетради „Русскаго Архива“ 1881 года слѣдующему мѣсту въ Запискахъ К. Н. Лебедева:

Дѣло объ убійствѣ Француженки Луизы Симонъ-Деманшъ.

Луиза была вывезена любовникомъ своимъ А. В. С.-К. изъ Парижа въ 1838 г. Убита 8 Ноября 1850 года въ Москвѣ. Есть неясность и невѣроятность въ показаніи сознавшихся убійць, не совсѣмъ достоверно самое слѣдствіе; но прикосновенность лицъ высшаго круга, а также виновность повара Егорова и кучера Кузмина, по мнѣнію моему, не сомнительны. Переписка, въ небольшомъ количествѣ листовъ приобщенная къ слѣдствію, чрезвычайно любопытна; особенно любопытны письма самой Деманшъ, впрочемъ довольно безграмотныя; потомъ письма графини С—съ. Эти письма—курсъ Французскихъ развратныхъ правилъ, подробно и дѣльно изложенныхъ на 6 листахъ, произведеніе знаменитой писательницы. Есть письма, дышашія невинною, страстною любовью; есть вопли упрековъ и отчаянія. Въ письмахъ самого любовника выражается постоянно какое-то самодовольство. Грустно видѣть эту Француженку, залетѣвшую въ Москву, чтобъ кончить ужасной смертью, и этихъ барышень и барынь попирающихъ права семейныя, и этого даровитаго С.-К. поглощеннаго интригами и, наконецъ этихъ крѣпостныхъ, отданныхъ господиномъ въ рабство своей Французской любовницѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что убійство совершено рассчитано, изъ видовъ и хладнокровно. Дѣло это поставлено Илличевскимъ въ самое затруднительное положеніе: двѣ недѣли журналъ консультаціи ожидалъ разсмотрѣнія, двѣ недѣли разсматривается и вѣроятно еще будетъ разсматриваться. Вопросъ идетъ о томъ: назначить ли новое слѣдствіе или рѣшить дѣло по показанію людей. Я не ожидаю ничего отъ новаго слѣдствія.

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ И ФРАНЦУЖЕНКА СИМОНЪ.

(По поводу статьи А. А. Голомбѣевскаго: «Драма въ жизни писателя»).

Во второмъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года А. А. Голомбѣевскій попытался поднять завѣсу, которая опустилась на кровавое дѣло, породившее столько рассказовъ и сплетень. Попытка г. Голомбѣевскаго, однако, тайны не открыла вполнѣ, и роль А. В. Сухово-Кобылина въ житейской драмѣ такъ и осталась неопредѣленною.

Убійца онъ, или нѣтъ?

А. А. Голомбiевскій говоритъ, что „судейскій ходатай, писавшій „рукоприкладства“ осужденнымъ крѣпостнымъ людямъ Сухово-Кобылина, былъ правъ. сказавъ, что „тайна сія извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто“, кто былъ „жертва случая“, и кто истинный виновникъ трагической смерти Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ“...

Судейскій ходатай, какъ оказывается, не совсѣмъ былъ правъ, и „тайна сія извѣстна“ не одному только Всевышнему Творцу. Въ самомъ дѣлѣ, въ Майской книжкѣ „Русской Старины“ г. А. М. Рембелинскій, ближайшій сосѣдъ А. В. Сухово-Кобылина по имѣнію въ Чернскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, рассказываетъ слышанное имъ отъ бывшаго начальника управленія по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистова, именно: „Сухово-Кобылинъ охладѣлъ къ Французенкѣ и замѣнилъ ее новымъ предметомъ страсти*). Французенка была крайне ревнива. 7 Ноября 1850 года вечеромъ, она, прійдя неожиданно на квартиру Сухово-Кобылина, застала тамъ г-жу Н. Между двумя соперницами произошла бурная сцена, пылкая Французенка оскорбила Н. дѣйствіемъ, ударивъ ее по лицу. Не менѣе пылкій Сухово-Кобылинъ, видѣ себя, схватилъ первый попавшійся ему предметъ подъ руку, тяжелый канделябръ съ камина, пустилъ имъ во Французенку, попалъ ей прямо въ високъ и убилъ ее на повалъ! Тогда что дѣлать? Онъ якобы призываетъ своихъ крѣпостныхъ людей и, подкупивъ ихъ деньгами и обѣщаніемъ выдать вольныя, убѣждаетъ ихъ вывезти трупъ за заставу и принять вину на себя, обѣщая сверхъ всего свое покровительство и заступничество передъ судомъ.“ Ѳеоктистовъ былъ прикосновененъ къ дѣлу Сухово-Кобылина.

По г. А. М. Рембелинскому, это „маловѣроятная версія“ и вздорная болтовня. Что дѣлать! А мы, опираясь на свидѣтельство родственнаго А. В. Сухово-Кобылину и по сейчасъ здравствующаго лица, вѣримъ, что нашъ извѣстный писатель, дѣйствительно, былъ убійцей Французенки Симонъ. И не одна только эта родственница знаетъ про „драму въ жизни писателя“: эта драма не тайна и для многихъ другихъ Сухово-Кобылинскихъ родственниковъ: но имъ ли поднимать завѣсу надъ печальною былью, почти поросшей травой забвенія?

Убійство Симонъ совершено, какъ мы слышали, въ „состояніи запальчивости и раздраженія, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія“. Это, конечно, весьма смягчаетъ вину, но не уничтожаетъ были. Передъ отправле-

*) Къ Нарышкиной.

ніемъ на балъ, въ квартирѣ А. В. Сухово-Кобылина, у него произошло крупное объясненіе съ ревнивой Француженкой. Слово-за-слово, и Сухово-Кобылинъ, не владѣя собою, съ такою силою толкнулъ Симонъ, что она ударилась головою о каминъ и мертвою упала на полъ. Будущій писатель-сатирикъ мгновенно пришелъ въ себя и почувствовалъ весь ужасъ только-что содѣяннаго. Тутъ на помощь злополучному барину явился любившій его и рабски ему преданный поваръ Ефимъ Егоровъ, который принялъ вину на себя. Онъ былъ за это щедро награжденъ. Ужъ онъ готовъ былъ къ путешествію „по Владимиркѣ“, и не одинъ, а съ „соучастниками“; но правда восторжествовала: невинные не пострадали.

Между тѣмъ, что слыпалъ А. М. Рембелинскій отъ Θεоктистова, и что знаемъ мы, разница въ подробностяхъ; но суть, не въ томъ, присутствовала или нѣтъ Нарышкина въ квартирѣ Сухово-Кобылина, и не въ способѣ убійства, а въ самомъ убійствѣ.

Да, Сухово-Кобылинъ убилъ свою любовницу Симонъ, тосковалъ въ послѣдствіи по ней; но говорить, чтобы драма, повлекшая тюремное заключеніе, слѣдствіе и всю тяжесть тогдашней судебной волокиты, такъ отразилась на немъ, что „изъ жизнерадостнаго и безпечнаго Россійскаго дворянина Сухово-Кобылинъ вышелъ озлобленнымъ и мрачнымъ обличителемъ“, не совсѣмъ основательно*).

Что за озлобленность, если Сухово-Кобылинъ продолжалъ исправно платить дань сердцу, а оно еще не перестало и хотѣло любить. Онъ понималъ Аристофана въ „Лизистратѣ“ („и съ женщинами житья нѣтъ, и безъ нихъ жить невозможно“, и увлекался).

„Однолюбомъ“, подобно И. С. Тургеневу, А. В. Сухово-Кобылинъ не былъ. Симонъ Нарышкина, — только-ли двѣ героини его романа. Онъ былъ дважды женатъ: на Англичанкѣ и на Француженкѣ, но скоро вдовѣлъ. Только послѣ того, какъ онъ убѣдился, что семейный очагъ не для него, Сухово-Кобылинъ повелъ замкнутую жизнь, большею частью, за границею и отдался занятіямъ Гегелевской философіей. Но что значить замкнутость барина, живущаго въ земномъ раю въ родѣ Болъё? И отъ кого онъ замкнулся? Вѣдь не отъ тѣхъ, кто были ему дороги и милы. Отъ литературнаго-же круга онъ всегда сторонился. Не таковъ-ли почти былъ и племянникъ его, графъ Е. А. Саліасъ, извѣстный романистъ?

Въ статьѣ А. А. Голомбѣевскаго говорится, что послѣ слѣдствія и тюремнаго заключенія „въ душѣ его (Сухово-Кобылина) закипѣла

*) Русскій Архивъ, кн. 2, стр. 244.

сатира. Явились „Свадьба Кречинскаго“, „Дѣло“ и „Смерть Тарелкина“. „Свадьба Кречинскаго“, эта блестяще написанная комедія, носитъ анекдотическій характеръ и не имѣетъ никакого отношенія къ Московской исторіи. Кречинскій, можетъ-быть, подлинный Крысинскій, принятый въ высшемъ Петербургскомъ обществѣ тѣхъ временъ, шулеръ и левъ. Этого плута-Поляка и изобразилъ Сухово-Кобылинъ, и знаменитый В. В. Самойловъ, представляя Кречинскаго на сценѣ Александринскаго театра, недаромъ говорилъ съ Польскимъ акцентомъ.

Комедія „Свадьба Кречинскаго“, драма „Дѣло“ и комедія-шутка „Смерть Тарелкина“ (трилогія) составили книгу: „Картины прошедшаго“ (М. 1869). Въ ней любопытенъ: эпиграфъ

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an. Hegel.
Логик. Какъ аукнется, такъ и откликнется.

и послѣсловіе:

„Еслибы за всѣмъ этимъ, мнѣ предложенъ былъ вопросъ: гдѣ же это я, такъ-таки, такія Картины видѣлъ?... то я долженъ сказать полага руку на сердце:

Нигдѣ!!!... и—вездѣ...

Wer die Natur mit Vernunft ansieht, den sieht sie auch vernünftig an.

Какъ аукнется, такъ и откликнется“.

Русская поговорка даетъ поводъ къ обширнымъ толкованіямъ и обобщеніямъ. Можно уйти довольно далеко и не заблудиться: аукнулось въ квартирѣ Сухово-Кобылина 7 Ноября 1850 года, откликнулось... но тутъ на память приходитъ могучій Хомяковскій стихъ: „въ судахъ черна неправдой черной“, который одинъ стоитъ и драмы „Дѣло“, и комедіи „Смерть Тарелкина“.

Многое изъ того, что нами сказано, идетъ почти въ разрѣзъ съ тѣмъ, что доселѣ сообщалось въ печати объ А. В. Сухово-Кобылинѣ: но если „завѣсы“ коснулись, пусть-же она и поднимется до конца. „Тайна полишинеля“ кака-я-же тайна! *)

Павель Россіевъ.

*) Касательно того, что у убитой Симонъ „зіяла рана на горлѣ“ и т. д., не постарались-ли для барина крѣпостные? Въ награду обѣщано было гораздо болѣе 10 тысячъ. Отрывки изъ сантиментальнаго дневника А. В. Сухово-Кобылина (Русская Старина, Май с. г.), можетъ быть, подтверждаютъ только Ришпена: „безполезныя жертвы не суть-ли и самыя прекрасныя?“ и незабвенныя..

Дополненія, поправки, опечатки.

Къ 4-му выпуску.

На стр. 536-й вмѣсто „дульнаго“ слѣдуетъ *дуэльнаго* отъ слова дуэль. На стр. 537 вмѣсто „дульный“ слѣдуетъ *дуэльный*. И далѣе вмѣсто: „только тебѣ нельзя такъ стрѣлять вытянувши руку, слѣдуетъ: *только тебѣ нельзя такъ стрѣлять, надо стрѣлять вытянувши руку*. На стр. 58-й вмѣсто: „Въ первый день Пасхи“ слѣдуетъ: *на второй день Пасхи*.

Къ 5-му выпуску.

Стр. 24-я.— „Изъ Парижа шлютъ къ намъ какого-то генерала Фло, Flaucht, en mission politique“. Это былъ извѣстный своею храбростію дивизионный генералъ Африканскихъ войскъ Leflot; но явится съ объявленіемъ возродившейся во Франціи республики къ такому столпу и защитнику монархической власти, какимъ слылъ Государь Николай Павловичъ, Leflot, какъ говорили. сильно побаивался. Въ Петербургѣ, смѣясь, увѣряли, что онъ не выдержитъ грознаго взгляда Царя и даже не рѣшится передать грамоту отъ народа-правителя, только что свергнувшаго своего короля, самодержавному Императору. Каламбуристы, а ихъ тогда съ Великимъ-Княземъ Михаиломъ Павловичемъ во главѣ было много, приводили по этому случаю знаменитый стихъ Расина изъ трагедіи Федра.

Et le flot qui l'avait porté
Reculé lui-même éprouvanté.*)

Разсказывали, даже, что Государь принялъ его только послѣ того, какъ князь Меншиковъ, посланный убѣдиться, каковъ этотъ республиканецъ и можно ли допустить его въ Зимній дворецъ, доложилъ Государю, что Leflot настоящій Жарковъ, а Жарковъ былъ саженный солдафонъ-бурбонъ, командиръ пѣхотнаго Образцоваго полка, совершенный типъ Николаевского солдата.

На стр. 33. Государь Николай Павловичъ приказываетъ князю Паскевичу, чтобы когда прибудетъ онъ въ Варшаву, поставленъ былъ въ Лазенковскомъ дворцѣ караулъ въ комнатѣ „въ которой стоятъ уборныя“. Это означаетъ *уборныхъ унтеръ-офицеровъ*, каковыми назывались назначаемые вмѣсто обыкновенныхъ часовыхъ унтеръ-офицеры; они становились къ дверямъ помѣщенія высочайшихъ или коронованныхъ особъ или пословъ. Названіе это унтеръ-офицеры получили вѣроятно отъ того, что они первоначально ставились у дверей, которыя вели въ уборныя комнаты императрицы Екатерины II-й.

На стр. 34-й. Раухъ названъ Прусскимъ посломъ, тогда какъ это былъ флигель-адъютантъ Прусскаго короля, состоявшій при особѣ Русскаго Императора, въ соотвѣтствіе нашему флигель-адъютанту, состоявшему въ Берлинѣ при особѣ короля. Эта должность отличается отъ должности пословъ; она установлена въ 1815 году, упразднена въ царствованіе Александра III-го и теперь возстановлена.

*) И самая волна, которая принесла его, испугавшись пошла вспять.

годарить А. П. Барсукова за издание его. Это всего лишь 37 страниц, содержащих въ себѣ разсказъ о послѣднихъ мѣсяцахъ жизни Цесаревича Николая Александровича. Для превосходнаго изложенія этихъ шести главъ послужили появлявшіяся нѣкогда въ „Русскомъ Архивѣ“ Записки О. А. Оома, который завѣдывалъ всѣмъ хозяйствомъ Великаго Князя, и неизданныя Записки одного изъ учителей его, профессора Московскаго Университета Бориса Николаевича Чичерина. Эти Записки сообщены Н. П. Барсукову сестрою Чичерина, Александрой Николаевной Нарышкиной. Читатели „Русскаго Архива“ уже знакомы съ превосходными Записками Б. Н. Чичерина по той главѣ ихъ (о Н. И. Кривцовѣ, С. А. Баратынскомъ и деревенской жизни въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи), которыя онъ помѣстилъ въ четвертомъ выпускѣ „Русскаго Архива“ 1890 года. Еще болѣе общаго значеніе имѣетъ изданіе въ посмертной книгѣ Барсукова воспоминаній Б. Н. Чичерина о рано скончавшемся царственномъ ученикѣ его. Тутъ во весь свой нравственный ростъ выступаетъ незабвенный попечитель Московскаго Университета графъ Сергій Григорьевичъ Строгановъ, сумѣвшій наилучшимъ образомъ повести юношеское воспитаніе Наслѣдника Русскаго Престола, вопреки тому, что его считали тираномъ самая близкія къ Цесаревичу лица. Онъ испытывалъ въ это время личное тяжкое горе: скончался старшій сынъ его графъ Александръ Сергѣевичъ, и по поводу нажитыхъ имъ крупныхъ долговъ отецъ вынужденъ былъ два раза уѣзжать въ

Парижъ. Зablужденіе относительно графа Строганова доходило до того, что О. И. Тютчевъ написалъ про его образъ дѣйствій по воспитанію Великаго Князя стихи съ игрою словами: уходи и уходилъ; но когда печатался въ Москвѣ сборникъ стихотвореній Тютчева, то онъ приказалъ вырвать изъ него эти стихи. Тогда съѣхавшіеся къ высокому больному Русскіе люди становились невмѣняемы вслѣдствіе сердечной тревоги:

О, зотыъ Югъ, о эта Ницца,
О, какъ ихъ блескъ меня тревожить!

Умиралъ прекрасный юноша, надежда Россіи, предстоявшее бракосочетаніе котораго уже было оглашено въ газетахъ.

Въ Запискахъ Чичерина сохранены нѣкоторыя своеобразныя отзывы боровшагося со смертію царскаго первенца.

Большая часть этой 22-й книги занята указателемъ, въ составленіи котораго приняли участіе племянникъ Николая Платоновича Михаилъ Ивановичъ и племянница Зинаида Ивановна. Въ этой ихъ работѣ замѣтили мы нѣсколько неточностей, такъ напр., будто я предлагалъ В. А. Жуковскому обучать его дѣтей, чего вовсе не было. К. А. Коссовичъ, навѣстивъ Жуковскаго за-границею, наговорилъ ему много добраго про меня, и Жуковскій написалъ А. И. Кошелеву запросъ обо мнѣ; но Кошелевъ ему ничего не отвѣчалъ, и тотъ же К. А. Коссовичъ помѣстилъ меня (только что кончившаго ученіе въ Московскомъ Университетѣ), ко внукамъ графа Д. Н. Блудова, Ивану и Дмитрію Егоровичамъ Шевичамъ. П. В.

Вышли въ свѣтъ и поступили въ продажу

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

Съ примѣчаніями П. В. Цѣна 30 коп.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—двѣнадцать р. Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ). Въ Петербургѣ, Невскій, 40, Въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главные статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Н. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе Декабристы.—Воспоминанія О. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Переписка графовъ Несельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Кирѣевского.—Хозяйственныя записки И. В. Пушечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ. Его записки.—Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Записки А. П. Хвостовой.—К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло паревича Алексѣя Петровича.—Водареніе Петра Третьяго.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра III.—Записки графа Сегюра.

Цѣна полному году 6 р., въ отдѣльныхъ выпускахъ по 75 к.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюка Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями П. Б. Цѣна 30 коп.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартепвъ.**

СОРОБЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

7.

Стр.

321. Рѣчь цесаревича Павла Петровича, говоренная имъ при первомъ его вступленіи въ Сенатъ, Октября 10 дня 1777 года.
323. Письма митрополита Платона (Левшина) къ императрицѣмъ Еятеринѣ Великой и къ императору Александру Павловичу. Письмо Платона къ оберъ-прокурору С. М. Чедищеву. Сообщилъ М. Лысогорскій.
333. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева.
409. О Запискахъ Ланжерона. Замѣтки М. С. Жирова.
412. Финляндскій и Польскій вопросы. Изъ писемъ къ профессору Д. В. Цвятасву К. И. Якубова и И. П. Норнилова.
423. Изъ воспоминаній стараго офицера Гвардейскаго Экипажа. А. М. Рембелинскаго.
439. Навель Понамаревъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій. Статья А. А. Титова. Съ портретомъ.
446. Объ А. А. Шеншинѣ-Фетѣ. Замѣтка В. Н. Семенковича.
447. А. В. Сухово-Кобылинъ: I. Изъ писемъ профессора Н. Н. Любавина къ издателю «Русскаго Архива». II. Все о той же Сухово-Кобылинской драмѣ, замѣтка А. М. Рембелинскаго. III. Дополненіе.
457. П. А. Ефремовъ. И. М.
458. Боткины. Изъ письма П. И. Щукина къ издателю «Русскаго Архива».
459. А. С. Юшину по случаю назначенія его посланникомъ въ Бразилію. Стихи М. А. Хитрова.
460. Письмо А. Д. Черткова къ Я. П. Берединову.
461. Грюнвальдская битва. А. К. П.
463. Донесеніе митрополита Платона Св. Синоду Московскомъ пожарѣ 1812 г.
464. Замѣтка архивиста. П. И. Бартенева.
- Внутри обложки: I. О книгѣ Емilia Гомана про воздѣйствіе Французовъ на Русскіяхъ.—О книгѣ С. А. Жигарева.
- Приложеніе.
- Стихотворенія А. С. Хомякова. Съ портретомъ и примѣчаніями. Изданіе «Русскаго Архива».

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1910.

Émile Haumant. La culture française en Russie (1700—1900). Paris, Hachète. 8°, 571 стр. съ азбучнымъ указателемъ.

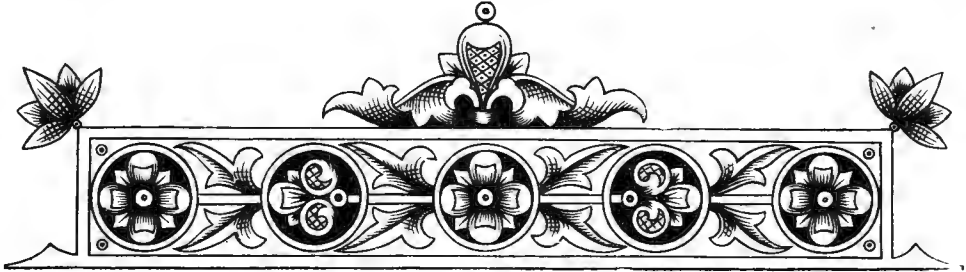
Эта книга написана адъюникомъ Парижскаго университета, зятемъ Альфреда Рамбô, памяти котораго она посвящена. Уже одно это привлекаетъ къ ней Русскаго читателя: такъ много А. Рамбô сдѣлалъ для историографическаго и умственнаго сближенія Россіи съ Франціею.

Рамбô началъ съ корней. Бывъ преподавателемъ Греческаго языка, онъ написалъ прекрасную книгу о Константинѣ Багрянородномъ, въ которой попрекнулъ въ односторонности западную историческую науку, не захотѣвшую розыскать причинъ, почему Византійская имперія на дѣлое тысячелѣтіе пережила имперію Римскую, и принялся за изученіе Россіи, какъ преемницы свѣтлыхъ сторонъ Византіи. А. Рамбô выучился отлично по русски, нѣсколько разъ бывалъ въ Россіи, и оттого-то его „Русская исторія“ имѣла такой успѣхъ и во Франціи и у насъ въ Русскомъ переводѣ. Она можетъ служить отличнымъ учебникомъ.

Г-нъ Гоманъ—зять А. Рамбô и отъ него перенялъ расположеніе къ Россіи. Его книга даетъ обстоятельное и подробное обозрѣніе нашихъ сношеній съ Франціею съ самаго ихъ начала. Въ ней мы имѣемъ живую картину того, какъ мало по малу Французская промышленность, словесность, понятія и повадки проникали въ Русскую жизнь. Перечень 38-ми главъ съ предисловіемъ, послѣсловіемъ, богатымъ библиографическимъ матеріаломъ и указателемъ свидѣтельствуетъ о добросовѣстности молодаго профессора, знающаго по русски.

Въ книгѣ Эмиля Гомана для насъ особенно занимательны тѣ главы, гдѣ показано усвоеніе Русскою молодежью революціонныхъ идей (свидѣтельство Французскаго посланника, будто Великіе Князья Александръ и Константинъ Павловичи носили трехцвѣтную кокарду) и говорится о вліяніи Французской словесности на Русскихъ писателей. Но, какъ намъ кажется, авторъ преувеличилъ это вліяніе и, движимый народной гордостью, нашелъ въ нашихъ поэтахъ и писателяхъ слишкомъ много чертъ подражательныхъ. Вообще въ его книгѣ есть извѣстное стремленіе къ самовозвеличенію, пережитокъ Гальской кичливости. Пусть Французское вліяніе много способствовало смягченію Русскихъ нравовъ и подняло внѣшнюю людскость, но нельзя не признаться, что оно же содѣйствовало и вредному нашему размятченію словомъ, просвѣтительное значеніе Франціи въ Россіи очень похоже на Греческое въ Римѣ, а каково было сіе послѣднее, можно убѣдиться, прочитавъ третью сатиру Ювенала.

Еще въ 1783 году, послѣ присоединенія Крыма и полуденной Россіи, графъ С. Р. Воронцовъ убѣждалъ графа Безбородку не допускать туда Французовъ, такъ какъ, по его словамъ, исторія свидѣтельствуетъ объ ихъ постоянномъ развращающемъ другіе народы воздѣйствіи. Мы любимъ Французовъ за ихъ умѣнье жить, за ихъ удивительную толковитость и способность говорить обо всемъ ясно и отчетливо, но въ тоже время намъ невозможно забывать, что они не только приходили къ намъ съ мечемъ и огнемъ, но и привели съ собою большую часть Европы. Съ другой стороны, Французамъ надо помнить, что на Парижской главной площади, въ 1814 году, отслужена была наша Пасхальная за-

РѢЧЬ ЦЕСАРЕВИЧА ПАВЛА,

говоренная Его Императорскимъ Высочествомъ, Павломъ Петровичемъ, при первомъ его вступленіи въ Сенатъ, Октября 10 дня 1777 г.

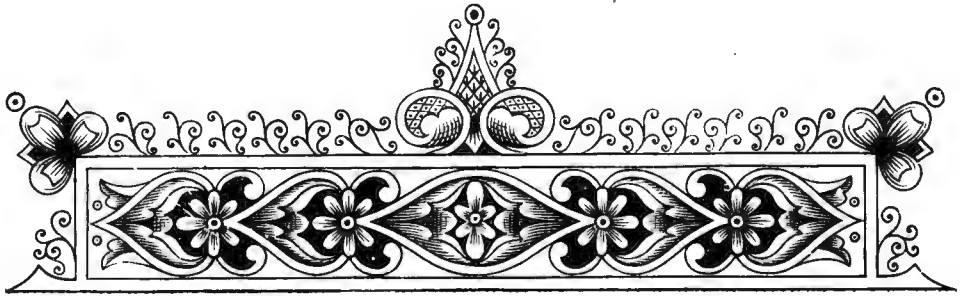
Неизвѣстное намъ лицо доставило въ „Русскій Архивъ“ въ искаженномъ спискѣ нижеслѣдующую рѣчь, которую 23-хъ лѣтній цесаревичъ Павелъ произнесъ въ Сенатѣ въ 1777 г., то-есть въ томъ самомъ, въ Декабрѣ котораго родился первый его сынъ Александръ Павловичъ. Прочитавъ ее, Екатерина вполнѣ убѣдилась, что, держась такихъ пріемовъ власти, сынъ ея царствовать не можетъ. Утѣшеніемъ ей было рожденіе внука, и въ заботѣ своей о будущности Россіи она уже назначала его своимъ преемникомъ. П. Б.

Возведя взоръ мой ко Всевышнему и дивясь Его неисповѣдимымъ промысламъ и всякой благодати, сколько ободряетъ Россію при самомъ ея несчастіи въ возчувствованіи, даетъ премудрое правительство тщательно своимъ вѣрноподаннымъ, отирая слезы всѣхъ несчастныхъ, даетъ остръ мечъ, которымъ должность ко правосудію его достойная поразить незаконныхъ преступниковъ, но при самомъ томъ ярящимся въ гнѣвъ ставить щитъ своего милосердія и нашего. Почему всякій добродушный сынъ отечества долженъ Всемогущему Богу приносить благодареніе, а Государю своему воздавать хвалу и подданническую искренность, соблюдая предѣлы закона. Но къ тому еще обязанность свою и признательностью оказать должно: сколь велики попеченія и труды прилагаетъ Всеимилостивѣйшая Моя Государыня и Любезная Мать на воспитаніе мое, ко вселенію въ сердцѣ моемъ истины и правосудія, тщанію и исправленію, ко проницанію всѣхъ дѣлъ во внутренности нашего государства, чтобъ я достойнымъ назваться могъ по справедливости ея сыномъ и наслѣдникомъ. Почему я за первый долгъ поставилъ взойти въ сіе освященное первое мѣсто, разсмотрѣть ваше правленіе, съ каковымъ успѣхомъ и желаніемъ споспѣшествуетъ соизволеніе своей

Государыни. Сего для хочу вѣдать довольно. Уже мнѣ извѣстно, что правители великости дѣлъ никакъ не стараются къ правосудію привести и немало не понимаютъ болѣе своего знанія исполнить, нарушили клятвенное обѣщаніе. О коль сожалѣтельнымъ окомъзираю и духомъ оскорбляюсь, входя въ самомалѣйшія части дѣлъ, о коихъ вы не помнили никогда, пощадить казну притѣсненныхъ, но злоухищренныхъ, ненасытныхъ и кровожаждущихъ людей, кои интересъ присваиваютъ неправильно себѣ. Но не въ томъ ли вы уличены, не за толь вы отъ меня награждены бываете противъ прочихъ предсѣдающихъ судей, чтобы отвращать всѣми силами бѣды страждущихъ, невинныхъ отъ неистовой злобы? Вы должны наблюдать правосудіе, будучи навсегда при нашей самоличной особѣ, особливо самымъ тѣмъ нераченіемъ и пренебреженіемъ малѣйшей части законныхъ правъ подвергаете себя праведному суду Божию. Не всякій ли человекъ составляетъ членъ общества; не всѣмъ ли намъ должно быть равными; не о каждомъ ли сожалѣть должны? Но какое человеколюбіе можетъ быть тутъ, гдѣ ежечасно вносятъ ненавистную зависть. Священное Писаніе говоритъ: зависть примутъ люди ненаказанные. Вотъ и васъ теперь такихъ нахожу. О Великій Боже, исправь сихъ пороки, внуши добродѣтель истинно, да съ успѣхомъ подвиги наши къ спокойствію и тишинѣ нашей имперіи да будутъ. Но естли не войдутъ въ разсужденіе и исправленіе отъ насъ правителей, пролей Ты Свой гнѣвъ, да возьмемъ и мы мечъ.

Сохранилась ли эта рѣчь (или, вѣрнѣе, только часть ея) въ Архивѣ Правительствующаго Сената? Въ этой рѣчи уже замѣчается умственное замѣшательство, находившее по временамъ на даровитаго и въ сущности добросердечнаго Павла Петровича, вслѣдствіе излишняго употребленія сонныхъ порошковъ, которые онъ принималъ по совѣту графа Андрея Кирилловича Разумовскаго (слышано въ 1862 году отъ графа А. И. Рибоьера). П. Б.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА (ЛЕВШИНА)

къ императрицѣ Екатеринѣ Великой¹⁾ и къ императору Александру Павловичу.

Екатерина рано узнала Платона, такъ какъ онъ былъ духовникомъ и законоучителемъ ея сына и обѣихъ невѣстокъ. Она понимала, что онъ по уму своему и дарованіямъ могъ получить такое же значеніе, какое имѣлъ духовникъ императрицы Елисаветы Петровны, Дубенскій, объявлявшій въ газетахъ о томъ, когда онъ можетъ принимать гостей и просителей. Платонъ, вопреки своему монашескому чину, держалъ себя иногда какъ человѣкъ свѣтскій и, по свидѣтельству Записокъ Порошина, бывалъ даже и въ театрѣ, въ особой ложѣ, назначенной для членовъ Святѣйшаго Синода. Павелъ Петровичъ не избѣгъ его на себя вліянія. Когда скончалась первая его супруга, Платонъ убѣдилъ его не предаваться чрезмѣрной горести и, по совѣту принца Генриха Прусскаго, настойчиво присовѣтовалъ вступить во второй бракъ, дабы не пресѣкалась царская династія. Съ этою цѣлью прибѣгъ онъ къ особому способу, о которомъ говоритъ графъ Головкинъ въ своихъ Запискахъ, а платье умершей великой княгини употребилъ для украшенія своей церкви въ Виѣнѣ. Много позднѣе, передъ отправленіемъ на войну, цесаревичъ написалъ свое завѣщаніе, начинавшееся словами: „Мы Павелъ и Мы Марія“, и поручилъ Платону хранить это завѣщаніе въ Успенскомъ соборѣ, конечно безъ вѣдома Екатерины. Только дружба съ княземъ Потемкинымъ спасала Платона отъ царской опалы, но Государыня слѣдила за проявленіями его самолюбія и противодѣйствовала уничтоженію, которому подвергалось отъ него въ Москвѣ бѣлое духовенство. Она говаривала про него: „Хорошъ, хорошъ Платонъ, а все тѣшкой рыгаетъ“²⁾. Настоящей біографіи митрополита Платона мы не имѣемъ. Книга Свѣгирева только панегирикъ. Въ письмахъ своихъ къ Гримму она выхваляла нашихъ архіереевъ. При ней, въ дворцовой церкви говорили они по Воскресеньямъ проповѣди, и по широковѣщательности Платона могла она судить объ его искренности. П. Б.

¹⁾ №№ 1—3 заимствованы изъ Государственнаго Архива Мин. Иностр. Дѣлъ, разрядъ XVIII, дѣло 1774 г., № 277.

²⁾ Преданіе, слышанное отъ М. П. Погодина. Тешкой называется жирная хребтовая часть соленой красной рыбы. П. Б.

1.

Всепресвѣтлѣйшая Монархиня!

Всемиловѣйшая Государыня!

Въ епархіи Тверской, въ городѣ Твери имѣется учрежденная Семинарія *), также и въ другихъ епархіи городахъ, а именно въ Кашинѣ, Торжкѣ и Осташковѣ основаны училища, въ коихъ учащихся разнымъ для церкви и общества полезнымъ наукамъ и языкамъ учениковъ находится до осмыслить человѣкъ; на содержаніе же Тверской семинаріи и въ ней учителей и учениковъ изъ Коллегіи Экономіи въ годъ выдается по осмыслить шестнадцать рублевъ девяноста три копейки три четверти, каковой суммы для содержанія оной семинаріи и въ ней учителей и учениковъ есть недостаточно.

Вѣдая же совершенно, сколько Ваше Императорское Величество науки покровительствовать и о просвѣщеніи подданныхъ Вашихъ попеченія прилагать изволите, беру смѣлость всенижайше просить Ваше Императорское Величество на содержаніе Тверской семинаріи и училищъ какую-либо производимой суммѣ учинить прибавку всемиловѣйше Коллегіи Экономіи повелѣть, что имѣеть быть къ великому для учащихъ и учащихся одобренію и ко всегдашнему для юношей возбужденію въ восторгѣ радостномъ произносить дражайшее имя Августѣйшей Матери своея, а притомъ и для меня сіе же служить будетъ яснѣйшимъ доказательствомъ, сколь Ваше Императорское Величество съ высоты престола своего къ нижайшей прозбѣ раба Вашего снисходить изволите.

Всемиловѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ и усерднѣйшій богомолецъ, смиренный Платонъ архіепископъ Тверскій.

Генваря 23 дня, 1774 года.

2.

Всемиловѣйшая Монархиня!

Всемиловѣйшая Государыня!

Имѣя врученную мнѣ по Божію и Вашего Императорскаго Величества благоволенію епархію, чувствую на совѣсти моей всегдашній долгъ, дабы во управленіи оныя соотвѣтствовать тѣмъ обязательствамъ, которыя на меня возложены Божіими и Вашего Императорскаго Величества законами, чему дабы я могъ совершеннѣе удовлетворить, почитаю

*) Помѣта: по сему посланъ указъ въ Коллегію Экономіи 6 Февраля 1774 г.

за нужное видѣть персонально состояніе церквей, духовенства и пасствы, также училищъ какъ въ епархіи въ разныхъгородахъ, такъ и въ Троицкой Лаврѣ учрежденныхъ, въ коихъ учащихся до тысячи человѣкъ находится. И хотя я по всемилостивѣйшему Вашего Императорскаго Величества дозволенію въ 1771-мъ году въ епархію на четыре мѣсяца былъ отпущенъ, но въ оное краткое время по новости моей, во все что нужно было, персонально взойти не имѣлъ удобности.

Того ради Ваше Императорское Величество всенижайше прошу, для вышеописанныхъ резонновъ, а притомъ для нѣкотораго, можетъ быть, въ здоровѣ поправленія (ибо я прошлаго года немалую въ здравіи своемъ почувствовалъ слабость) всемилостивѣйше уволить въ епархію на годъ, и притомъ по великодушному Вашего Императорскаго Величества къ рабу Вашему снисхожденію безъ вычету синодальнаго жалованія¹⁾. Сіе же Монаршее Вашего Императорскаго Величества объ отпускѣ въ епархію получивъ дозволеніе, въ томъ счастье свое поставлять буду, есть-ли какое-либо мое съ Божіею помощію стараніе и труды сколько-нибудь полезны будутъ церкви Божіей и любезному Отечеству, и угодны Вашей Священной Особѣ, ея же благополучное царствованіе да утверждаетъ всегда Господь силою всемогущія десницы Своея, усерднѣйше молю и молить не перестану.

Всемилоствѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всенижайшій рабъ и усерднѣйшій богомолецъ, смиренный Платонъ архіепископъ Тверскій.

Генваря 23 дня 1774 года.

Письмо Платона къ С. М. Челищеву

3

Превосходительнѣйшій господинъ Сергѣй Матвѣевичъ!²⁾

Милостивый государь мой!

Весьма много обрадованъ я чрезъ извѣстительное Вашего Превосходительства письмо о всемилостивѣйшемъ Ея Императорскаго Величества объ отпускѣ меня въ епархію соизволеніи, и чтобъ мнѣ остаться до второй недѣли Великаго поста для прописанной въ письмѣ Вашего Превосходительства должности, въ томъ Священнѣйшей Ея Императорскаго Величества волѣ повинуюсь съ охотою моею радостною. Чтоже надлежитъ до прибавки суммы на содержаніе Тверской семинаріи и

¹⁾ Помѣта: о увольненіи писано отъ меня къ оберъ-прокурору Челищеву, 12 Марта 1774 года.

²⁾ Оберъ-прокуроръ Св. Синода Челищевъ.

училищъ, о чемъ Ея Императорское Величество всемилостивѣйше требовать изволить отъ меня надобную на то сумму назначить, на то Вашему Превосходительству изъясняюсь, что естли Ея Императорское Величество къ производимой суммѣ еще по тысячѣ рублей въ годъ производить повелѣтъ соизволить, то оною содержаніе семинаріи и училищъ имѣеть быть въ гораздо лучшемъ противъ нынѣшняго состояніи. Волѣ же все то предаю въ Высочайшее благоволеніе Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей моей Государыни, Вашему же Превосходительству принося усерднѣйшую мою благодарность за благосклоннѣйшее къ Высочайшему лицу ходатайствованіе, съ моимъ непремѣннымъ почтеніемъ пребываю Вашего Превосходительства Милостиваго Государя моего покорнѣйшій слуга и богомолецъ Платонъ архіепископъ Тверскій ¹⁾.

Генваря 31 дня 1774 года.

4.

Всеавгустѣйшая Монархиня!

Всемилоствѣйшая Государыня!

Училища Тверскія епархіи ²⁾, ощутивъ Вашего Императорскаго Величества высокоmaterнее о нихъ благоволеніе всемилостивѣйше пожалованною къ прежнему ихъ содержанію прибавкою, ощутили купно радостнѣйшій въ самихъ себѣ восторгъ. Они, освѣтившись лучемъ щедроты отъ престола Величества Твоего, подобно какъ земныя произраствнѣя при теплотѣ весеннѣй, въ пріятную облекшись живность совершенною увеселяють себя и общество плодоприношенія надеждою. Коликожь таковое сихъ училищъ обрадованіе, Вашего Императорскаго Величества высокомонаршей десницѣ должно, для нихъ есть славно, толико праведно, дабы въ воспоминаніе потомственное, поставленъ, былъ въ нихъ Высокомонаршаго Твоего благоволенія монументъ. Великая Монархиня! не злато и серебро, но сердца посвящаемъ мы на сіе великое дѣло: сердца всѣхъ тѣхъ, которые пользуются и пользоваться имѣють во училищахъ Твоею Высокомонаршею десницею снабдѣнныхъ, составлять имѣють во вѣки жертвенникъ курящійся благодарностью къ

¹⁾ Заимствовано изъ Государственнаго Архива; разр. XVIII, дѣл. 1774 г. № 281, л. 1—2.

²⁾ Помѣщаемый документъ есть собственно официальная благодарность представителей духовной школы въ Тверской епархіи по случаю получения высочайшей прибавки къ содержанію Тверской семинаріи и училищъ. Но такъ какъ во главѣ всего этого дѣла стоялъ архіепископъ Платонъ, которому принадлежитъ починъ ходатайства предъ императрицей, и указъ о прибавкѣ послѣдовалъ въ отвѣтъ на письмо преосвященнаго Платона, то и подписанную имъ благодарность мы помѣщаемъ среди его писемъ.

Августѣйшему Величеству твоему. О koliko щасливыми почитать себя въ жизни имѣютъ питомцы сихъ училищъ, естли съ высоты своего престола снизшедъ, удостоиши имъ всегда остаться подъ священнымъ осѣненіемъ Высокомонаршаго скипетра Твоего!

Всемиловѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшіе раби и богомольцы: Смиранный Платонъ архіепископъ Тверскій, Семинарій ректоръ и св. писанія толкователь Калязинскій Архимандритъ Тихонъ, Богословіи учитель Отроческій архимандритъ Стефанъ, префектъ философіи и Греческаго языка учитель іеромонахъ Амвросій, высшаго класса и географіи учитель Тимофей Ильинскій, нишшаго класса и Ариѳметики учитель Павелъ Синицинь.

Апрѣля 29-го дня 1774 года.

5.

Всеавгустѣйшая Монархиня!

Всемиловѣйшая Государыня!

Высокоматернимъ Вашего Императорскаго Величества милосердіемъ, градъ Тверь приведенъ въ такое состояніе, что можемъ равняться великолѣпіемъ своимъ съ лучшими въ Европѣ городами. Высочайше повелѣвъ построить все то, что нужду и красоту города составляетъ, не оставили Ваше Императорское Величество, іако особенно пекущаяся о просвѣщеніи подданныхъ своихъ, опредѣлить и на планъ назначить, чтобы между прочимъ было зданіе въ Твери и для школы. Имѣется же въ семъ городѣ семинарія, состоящая изъ дѣтей священно-церковнослужительскихъ епархіи Тверской, на содержаніе которыхъ къ вѣчной ея благодарности и прославленію Вашего Августѣйшаго имени въ прибавку къ прежней суммѣ ею получаемой и еще по тысячѣ рублей въ годъ Коллегіи Экономіи ежегодно всемиловѣйше отпускать повелѣли. Сія семинарія, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ облагодѣтельствованная и возчувствовавшая свое поправленіе, имѣеть необходимую нужду, чтобы назначенное ей зданіе было построено. Она помѣщается нынѣ на время, какъ школами для учащихся, такъ и жилищемъ для учащихся, въ нижнихъ покояхъ городского архіерейскаго дома, но съ великою тѣснотою. Впередъ же за многимъ числомъ учащихся (поелику имѣется ихъ нынѣ въ Твери до пяти сотъ, да до пяти сотъ въ школахъ учрежденныхъ въ Кашинѣ, Торжку и Осташковѣ, изъ которыхъ всѣ, по изученіи нижнихъ тамъ преподаемыхъ наукъ, для продолженія ученія должны будутъ переведены быть въ Тверь) никакъ въ оныхъ покояхъ помѣститься не можетъ. А при всемъ томъ, когда случится въ ономъ домѣ пребываніе свое

имѣть архіерею, то какъ оны покои нужны будутъ для свиты архіерейской, для семинаріи въ нихъ и совсѣмъ мѣста не будетъ. Сею нуждою убѣжденъ, а паче ободренъ будучи воображеніемъ онаго высокомонаршаго благоволенія, каковое изволите Ваше Императорское Величество имѣть о градѣ семь и о тѣхъ вообще училищахъ, взялъ я дерзновеніе всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество, дабы для показаннаго училища на опредѣленное уже Вашимъ Величествомъ зданіе высочайше повелѣно было потребную отпустить сумму. И ежели о томъ высочайше Вашего Императорскаго Величества воспослѣдуетъ благоволеніе, то всемилостивѣйше дозволить тому зданію быть на мѣстѣ ничѣмъ незанятомъ за оградю архіерейскаго сада по правую сторону отъ города, подлѣ берега рѣки Волги: ибо оное мѣсто, будучи гораздо возвышенно и видъ дѣлающее на всю Заволжскую сторону, при Волгѣ, а притомъ такъ пространно, что при зданіи помѣститься имѣетъ и садъ, сверхъ же всего неудалено отъ собора и архіерейскаго дома, можетъ и зданіемъ дѣлать великую красоту городу, и семинаріи всѣ тѣ доставить выгоды, какія ей имѣть прилично.

Всемилоствѣйшая Государыня! Благоволи снизойти на всенижайшую сію мою прозбу и удостоить оную высокомонаршаго Вашего Императорскаго величества разсмотрѣнія. Всемилоствѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ Платонъ Архіепископъ Тверскій.¹⁾

1774 г. Декабря 1 дня.

6²⁾.

Всеавгустѣйшая и Всемилоствѣйшая Государыня!

Между множайшими благодѣянiami, которыми Ваше Императорское Величества низайшаго раба своего пожаловать Всемилоствѣйше благоволили, есть для меня и епархіи Московской достопамятнѣйшее, что высочайше опредѣлить соизволили быть семинаріи въ Перервинскомъ монастырѣ для доставленія духовенству, чрезъ воспитаніе и ученіе дѣтей ихъ, лучшаго просвѣщенія. Сіе училище при благословеніи Божіи, которое всѣмъ дѣламъ Вашего Величества всегда споспѣшенствуетъ, учреждено, и въ немъ учениковъ болѣе 150 человекъ; все проходитъ успѣшно и даетъ несумнительную надежду, что сіи несовинные отроки, воспитаны бывъ въ благочестіи и просвѣщеніи,

¹⁾ Заимствовано изъ Государственнаго Архива; *разрядъ* XVIII, дѣло 1774-1775 г., № 279, л. 32-33.

²⁾ №№ 6—7 заимствованы изъ Государ. Архива, разр. XVIII, дѣло 1774 г. № 277.

таковымъ счастьемъ признавать себя будутъ обязанными Вашего Императорскаго Величества Матернему попеченію и радостными усты и сердцемъ будутъ прославлять свою Благодарительницу. Оное училище, смѣю Вашему Императорскому Величеству представить, единъ имѣть недостатокъ въ томъ, что оно ограничивается стѣнами монастырскими; за оградою земли ничего къ монастырю не отведено, хотя та земля была и монастырская, почему не только для экономіи содержанія тѣхъ учениковъ, какъ они на монастырскомъ содержатся коштѣ, немалое есть затрудненіе; но и для самаго отдохновенія, въ свободные отъ ученія часы, дѣтямъ выйти некуда. Прошу всенижайше Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше повелѣть ту землю въ пользу училища монастырю возвратить, которою онъ владѣлъ отъ древнихъ лѣтъ симъ, Всемилостивѣйшая Государыня, къ вѣчной благодарности обяжете наукамъ посвященное мѣсто и послѣдняго раба Вашего, подъ Высочайшимъ Вашего Величества покровительствомъ о распространеніи наукъ посильные труды свои полагающаго¹⁾.

Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданѣйшій рабъ и богомолецъ Платонъ архіепископъ Московскій.

1776 года Іюня 29 дня,

7.

Всеавгустѣйшая Монархия!

Всемилостивѣйшая Государыня!²⁾

По высочайшему Вашего Императорскаго Величества соизволенію и милосердію повелѣно построить въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ архіерейскій домъ и новый порталъ къ церкви Алексѣя Митрополита, и прочее строеніе по плану привести въ новый фасадъ. Почему за Божіею помощію архіерейской домъ вновь на тридцати осми саже-

¹⁾ По поводу сего письма въ томъ же дѣлѣ находится слѣдующая справка.

За Перервинскимъ монастыремъ показанная земля (которой состоитъ до восьмидесяти десятинъ) отъ древнихъ временъ по государскимъ грамотамъ была до состоянія штатовъ; да и по состоянію штатовъ за онымъ же яко безвотчиннымъ и никакого штату для себя немѣющимъ монастыремъ, для пропитанія, Коллегією Экономіи утверждена была; но послѣ по просьбѣ крестьянъ, которые тсю землю, имѣя свои земли, никогда не владѣли, и сія монастырская земля имъ же отдана. По всеподданѣйшей моей въ Москвѣ словесной просьбѣ Ея Императорскаго Величества благоволеніе г-ну Коллегіи президенту Хитрову было объявлено, чтобъ ту землю монастырю возвратить, а крестьянамъ во удовольствіе до рассмотрѣнія Коллегіи изъ другихъ ближнихъ экономическихъ земель, конхъ немало имѣется, назначить; но за отбытіемъ Ея Императорскаго Величества изъ Москвы высочайшаго указа не воспослѣдовало“.

²⁾ Помѣта: по сему указъ посланъ въ Коллегію Экономіи 29 Ноября 1776 г.

няхъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ чернѣ отдѣланъ, также и порталъ малымъ чѣмъ не окончанъ; на совершенную же отдѣлку онаго дому, съ покрытіемъ желѣзомъ кровли, и на окончаніе портала, потребно суммы не меньше десяти тысячъ рублей; а ассигнованной суммы по открывшимся нечаянно обстоятельствамъ достать не могло; а имянно, какъ подъ домъ, такъ и порталъ по грунту земли потребовалось фундаментъ вынимать аршинъ до двѣнадцати, а индѣ и болѣе; также и для портала по общему архитекторовъ совѣту за нужное оказалось старыя церковной паперти стѣны и своды, къ которымъ тотъ порталъ долженъ пристроенъ быть, разбирать и вновь дѣлать, что и потребовало по необходимости немалой излишней противъ смѣты суммы. Того ради всеподданѣйше Ваше Императорское Величество прошу Коллегіи Экономіи показанную на отстройку дому и портала сумму всемилостивѣйше повелѣть отпустить и тѣмъ несчастный рокъ, которымъ посѣщено оное мѣсто*), отвратить безпримѣрнымъ Вашего Величества человѣколюбіемъ. Мой же и вся Московскія паствы долгъ благодарности есть прославлять великодушіе и добродѣтели Величайшія въ свѣтъ Монархини и при олтаре Гдни о благосостояніи благословенныя Вашего Величества державы приносить усерднѣйшія молитвы и обѣты.

Всемилоствѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ и богомолецъ смиренный Платонъ Архіепископъ Московскій.

Къ Императору Александру Павловичу.

1.

Всепресвѣтдѣйшій и Всемилоствѣйшій Государь Императоръ.

Чего я могу болѣе желать, какъ уже удостоился Вашего Императорскаго Величества высочайшаго благоволенія о скудныхъ трудахъ моихъ? Почитаю, что не вотще трудился я, когда Августѣйшею особою оныя не отринуты. Благодарю Богу, Его же въ руцѣ сердце Ваше. Благодарю и Вашему Императорскому Величеству, яко благодатному, Его о насъ благодѣтельнаго промысла орудію, и, принося мои недостойныя молитвы о благополучномъ Вашего Величества царствованіи и о благосостояніи Вашей державы, со всеподданническимъ благоговѣніемъ

*) Разграбленіе во время мятежа чумнаго и убіенія архіепископа Амвросія, которому пришлось бѣжать изъ Чудова монастыря. Въ архіепископскомъ дому (нынѣшнемъ Николаевскомъ дворцѣ) водворился Платонъ; на воротахъ его былъ, по преданію, гербъ его. П. Б.

и вѣрностію пребываю Всемилостивѣйшій Государь! Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій богомолецъ Платонъ Митрополитъ Московскій.

1806-го года Генваря 15 дня.

2.

Всепресвѣтлѣйшій и Всемилостивѣйшій Государь Императоръ!

При паступленіи праздниковъ*), рождества Христова, и новаго года, кому первѣе всѣхъ, и основательнѣе и усерднѣе, принесемъ мы поздравленіе наше, какъ не Вашему Императорскому Величеству, яко священнѣйшей отечества нашего главъ, хранителю и рѣшителю судебъ нашихъ на земли. Благодать Христова да наполняетъ душу Вашу подкрѣпленіемъ силъ къ ношенію великаго бремени Вашего, а новый теченія вещей кругъ да обращается, при дѣйствіи Владыки вѣковъ, къ долгоденствію и къ мирному житію, и Вашей священнѣйшей особы и всѣхъ отъ Бога Вашему Величеству врученныхъ народовъ! При семъ въ новый годъ дерзаю принести новый и скудный старости моей плодъ: сочиненную мною, церковную Россійскую исторію, вашему Императорскому Величеству, и Ея Императорскому Величеству, вседражайшей супругѣ Вашей. Побужденіемъ къ тому было то, что мною въ предисловіи означено, но къ охотнѣйшему труда сего продолженію поощреніемъ послужило мнѣ вашего Императорскаго Величества въ дражайшемъ Вашего Величества ко мнѣ писаніи изъявленное желаніе, чтобъ сіе видѣтъ трудовъ моихъ произведеніе. О далъ бы Богъ, чтобъ оно, по желанію Вашего Величества, сколько нибудь обратилось въ общую пользу! Но и обратится, когда удостоится Вашего Величества всемилостивѣйшаго благоволенія и одобренія. Чего всеподданнѣйше и испрашиваю у Вашего Императорскаго Величества, и чтобъ мои не-

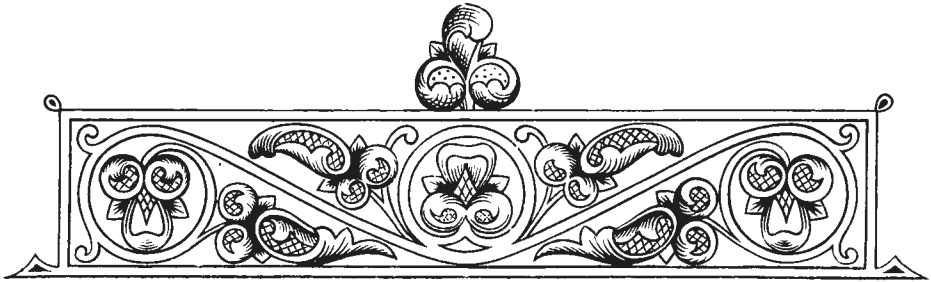
*) Митрополитъ Платонъ посправедливости считается отцомъ Русской церковной исторіи. Первое изданіе его Русской церковной исторіи, въ двухъ томахъ, вышло въ 1805 г. съ такимъ заглавіемъ: Краткая Церковная Россійская Исторія Платона, Митрополита „Московского“. Пользуясь праздниками Рождества Христова и Новаго года, м. Платонъ, вмѣстѣ съ обычными праздничными поздравленіями послалъ экземпляры своего труда Императору Александру I, который самъ побуждалъ м. Платона къ окончанію его церковно-историческаго произведенія. Первый изъ помѣщаемыхъ нами документовъ составляетъ письмо Платона Государю, при которомъ Платонъ представлялъ на высочайшее благоволеніе свою исторію. Императоръ отнесся съ „благоволеніемъ“ къ подношенію Московскаго владыки. Второй документъ содержитъ выраженіе благодарности м. Платона Государю за вниманіе къ его труду. Оба документа извлечены изъ Московскаго Отдѣла Общаго Архива Мин. Имп. Двора; онисъ 538, дѣло 1805 г. № 1328, № 1327.

достатки прикрыть своимъ примѣрнымъ великодушіемъ. Сіе составитъ довольную трудовъ моихъ награду, и въ радости положу надежду остатокъ жизни моей окончить въ мирѣ и спокойствіи. Впрочемъ поручая себя высочайшему Вашего Императорскаго Величества покровительству, и призывая на Вашу священную особу всѣ благословенія Божія, съ моимъ вѣрноподданнѣйшимъ благоговѣніемъ пребываю.

Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя всеподданнѣйшій богомолецъ Платонъ Митрополитъ Московскій. 1805 года Декабря 18 дня.

Сообщилъ М. Лысогорскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА ¹⁾.

Начало моего экзамена. Каченовскій, три вопроса: Вѣнчаніе и муропомазаніе государей Русскихъ, Евреи, Малороссія. Давыдовъ: изложить догматически о похвальныхъ словахъ и обзрѣть оныя исторически. Ивашковскій: двѣ главы изъ Лукіанова: какъ должно писать современную исторію. Снегиревъ: изъ Саллюстія и *de Senatu eiusque habitu*. Надеждинъ: о сужденіяхъ, вкусѣ, категоріяхъ и исторіи искусствъ у Грековъ, по главнѣйшимъ эпохамъ. Погодинъ: Исторія-наука; ходъ философіи Исторія и исторія Франціи, по главнѣйшимъ эпохамъ.

Я никакъ не ожидалъ, чтобы экзамень былъ такъ снисходителенъ. Только у Давыдова я смѣшался о томъ предметѣ, о которомъ писалъ ему въ студенчествѣ разсужденіе. Приношу искреннюю благодарность всѣмъ. Слава Богу, что начало хорошо. Въ надеждѣ кончить мой экзамень хорошо. Это было 26-го Генваря ²⁾. Можно подумать, что я предугадывалъ или предчувствовалъ неуспѣхъ моего экзамена.

Мнѣ объявлено, что факультетъ признаетъ меня въ нѣкоторыхъ предметахъ, а именно въ Латинскомъ, слабымъ, почему, не отказывая въ экзаменѣ, отлагаетъ оный. Не такъ, не то: я ничего здѣсь не понимаю. Изъ Латинскаго мнѣ дано было перевести строкъ семь, изъ Саллюстія и вопросы изъ Древностей *de Senatu*. Не понимаю рѣшенія факультета.

Моя драма „Разводъ“ почти кончена. Я пишу ее для княгиня Катер. Семеновны Гагариной. Мнѣ кажется, въ ней главнѣйшая погрѣшность есть недостатокъ дѣйствія, и потому я скорѣе назову ее драматическою

¹⁾ Выдержки изъ этихъ Записокъ относящіяся къ позднѣйшему времени, помѣщены въ Русскомъ Архивѣ 1888, 1889 и 1893 годовъ. (См. по Росписи) Касторъ Никифоровичъ Лебедевъ р. 1812 † 21 Мая 1876. Отецъ его Никифоръ Дмитріевичъ, докторъ медицины, далъ сыну многостороннее образованіе. П. Б.

²⁾ 1834 года. П. Б.

картиною. Княг. Голицына находить, что Гагарина никогда не согласится играть ее; надобно много учить, хотя положеніе гонимой жены ей очень нравится и въ ея амплуа.

Нынче И. Дав. говорилъ объ музыкѣ. Не понимаю, какъ онъ само-надеженъ, что не взялъ въ расчетъ понятія слушателей. Предубѣжденіе въ наше время бессильно. Юноша размышляетъ... и на его слова, которыя отецъ слушалъ, кажется, не безъ вниманія, сынъ, бывший въ другой комнатѣ, смѣялся отъ чистаго сердца. И. И. самый ложный человѣкъ, какого я только знаю.

Подъ Москвой и подъ Петербургомъ жизнь провинціальная, деревенская измѣняется, но различіе подмосковной отъ подпитерской очень ясно. Подъ Москвою живутъ работники, кормилицы, зажиточные, подъ Петербургомъ извозчики. Подъ Москвою деревни, подъ Петербургомъ мызы, тамъ болѣе фундаментальнаго, здѣсь—болѣе дѣятельности, тамъ клети, здѣсь ямы. Москва и Петербургъ—это два государетва. Въ Москвѣ—Западъ на Востокъ, Петербургъ—Востокъ на Западъ; въ Москвѣ Иванъ Великій, въ Петербургѣ шпиць адмиральтейства; въ Москвѣ мѣщанинъ, въ Петербургѣ—воинъ и придворный. Между Москвою и Петербургомъ стоитъ Тверь, губернский городъ съ дворцомъ. Здѣсь жизнь просторная, тамъ сжатая; здѣсь связи фамилыныя, тамъ личныя, здѣсь домъ и дворъ, тамъ домъ и домъ, здѣсь жизнь для себя, тамъ жизнь для другихъ, здѣсь отдыхъ, тамъ дѣло, здѣсь фракъ, тамъ мундиръ, здѣсь балъ, тамъ парадъ, здѣсь жизнь семейная, тамъ публичная, здѣсь залъ, тамъ площадь. Вникнувъ въ Петербургъ, вы увидите, что жизнь его совершенно гражданская; кажется, и встрѣчный и поперечный все чиновники, класные, штатные. Вотъ вы на улицѣ, вотъ вы на Адмиральтейской площади. Все колосально, величественно, обширно. На площади ѣдутъ, идутъ, стоятъ, сидятъ, войска, обозы, извозчики, чиновники, купцы, торгаши, говорятъ объ дѣлѣ, всѣ спѣшать, всѣ заняты, больше пѣшкомъ; вотъ кареты съ красными кучерами, съ швейцаромъ съ перьями; народъ кланяется, караульные выбѣгаютъ, стукъ, крикъ, колесы, трубы, барабанъ, пальба; вотъ парная карета извозчика, вотъ сани, въ нихъ чиновники съ портфелями, модистка съ картономъ, солдатъ съ провіантомъ; вотъ Ванька съ облагороженными полостью санями везетъ съ Крестовскаго въ Обуховскую за гривенникъ; вотъ рядъ служащихъ въ галошахъ, съ зонтиками, вотъ Нѣмецъ. Снуютъ съ товарами, — шагъ, и передъ вами часовой; шагъ—передъ вами бѣлое перо, красная лента на шеѣ, въ петлицѣ, колонна дамъ безъ лакея, взводъ солдатъ, идущихъ на караулы; эти дамы жены

служащихъ, эти люди служащіе, дѣлающіе... Нѣтъ-ли празднлюбца? Нѣтъ. Отъ чего же онъ не пріѣзжаетъ сюда прошататься, или негдѣ? Не съ кѣмъ. Заверните на право—Невскій проспектъ, налѣво—Нева: и тамъ и сямъ жизнь кипитъ, но не для потѣхи, а для дѣла. Вотъ Исакій—циклопическая работа, вотъ Казанскій—неразвитая мысль огромной колонады... Смотрите черезъ Неву, на другой берегъ, на версту разстоянія... Академія, Крѣпость, Андреевскій Соборъ и Монастырь; по водѣ боты, у берегу лодки, садки, и всѣ берега выложены гранитомъ, и на рѣку смотрятъ превосходныя зданія и вмѣстѣ рѣшетка лѣтняго сада.

Образованность Петербурга поразительна. Вотъ столица, вотъ резиденція государственной жизни, вотъ городъ пребыванія Русскаго Императора. Степень гражданственности, степень развитія мыслительнаго, образъ, средства и удобства жизни доведены, сравнительно съ Москвою, до высокой степени. Въ Петербургѣ нѣтъ обычаевъ, которые бы не имѣли основою достаточную причину, нѣтъ существа безъ значенія, нѣтъ значенія безъ усилія, нѣтъ усилія безъ опредѣленнаго стремленія. Я въ немъ только четыре дня и въ короткое это время, занятый по уши, я могъ только утвердиться въ моей всегдашней мысли: совершенствованіе открывается въ образованіи, образованіе есть улучшение, развитіе жизни во всѣхъ ея частяхъ. Вотъ что я думаю о Петербургскомъ образованіи.

Я не зналъ Иваненка, но видывалъ его. Выраженіе лица его представляло кротость и умъ; не было ни быстроты взгляда (онъ носилъ очки), ни быстроты рѣчи; ни въ понятіяхъ, ни въ сужденіяхъ я не замѣчалъ ничего необыкновеннаго. Я не удивляюсь, когда слышу, что тотъ или другой убили, сошелъ съ ума: въ наше время это неудивительно.

Гедеоновъ (Степанъ), молодой человѣкъ съ превосходными средствами, съ хорошими познаніями и съ прилежаніемъ, общается большія надежды. Мнѣ кажется, онъ ихъ исполнить не вполнѣ, потому что любовь его къ наукѣ до сихъ поръ ограничивается ученіемъ тетрадокъ, основана на соревнованіи и своего рода честолюбіи, а не на истинномъ признаніи благодати науки. Если онъ бываетъ часто у меня, то это конечно погому, почему и другіе: ради пользы въ настоящихъ дѣлахъ. Онъ просилъ меня указать ему сочиненія, въ которыхъ бы была обнята вся Всеобщая Исторія, безъ дробностей, въ полнотѣ и цѣлости.

Нѣтъ ничего тягостнѣе какъ требованіе любви, которой вы не чувствуете, требованіе отъ женщины съ прекрасною душой, но съ легкимъ,

хотя и благороднымъ, характеромъ. Вы не можете питать къ ней почтенія, потому что вы выше ея; вы побѣдитель, любите ее, но она требуетъ страсти, умиляетъ своимъ несчастіемъ, вашимъ великодушіемъ, проситъ одного слова на честь, на совѣсть, хоть для обмана... Опасайтесь дать его: оно будетъ отравою для несчастливицы... Вмѣсто почтенія и любви вы чувствуете къ ней участіе... другими словами, одно средство: бесѣда съ разсужденіемъ, убѣжденіе и тишина. Если вы не можете дать ей своего чувства, подѣлитесь своимъ умомъ и будьте искренними знакомыми, если не друзьями и не родственниками....

Я оскорбилъ ее, я обидѣлъ женское сердце, я слишкомъ круто поворотилъ дѣло, на страсть отвѣчалъ холодною, на мечты скукою; я положилъ себѣ непремѣнно возстановить господство разсудка, показать непрочность любви и дать опредѣленнѣйшее понятіе о жизни и цѣляхъ; но я слишкомъ строго училъ ее. Она плакала, она ничего не слушала, не хотѣла понимать.... Мы разстались, я съ сожалѣніемъ, она—растерзанная; мы холодно пожали другъ другу руки, назначивъ завтра часъ свиданія...

Это—благо, это истинное счастье! Она перемѣнилась; дай Богъ, чтобы не на одинъ день! Она прекрасна, умна, разсудительна; она опять женщина съ милымъ разсужденіемъ, съ женскими качествами; она уже все объяснила себѣ, ей все кажется естественнымъ. Этого мало: она уже считаетъ правою и великодушною себя, а мнѣ оставляетъ одинъ умъ безъ чувства и великодушія. Мы ходили долго, болтали весело; я съ сожалѣніемъ прекратилъ нашу прогулку. Я ее увижу скоро, она опять занимательна. Прекрасная перемѣна!

Чѣмъ утверждается дружба и даже любовь? Ужъ конечно не взаимнымъ потворствомъ. Мы сѣли въ лодку и отправились въ Екатеринбургъ. Путешествіе было вовсе не такъ пріятное и романическое, какъ я представлялъ себѣ. Я жаль ея руку, былъ какъ-то разсѣянъ, говорилъ неладно и сердился на встрѣчавшіяся помѣхи. Мы пріѣхали и прошли правую половину. Перешли дорогу и сѣли на другой сторонѣ. Здѣсь, на единѣ, въ десять часовъ ночи, я поцѣловалъ ее; но теперь, когда я записываю этотъ день, поцѣлуи забыты, и я почти раскаеваюсь... Удовольствіе не въ совершеніи, а въ достиженіи... одинъ шагъ оставался до того, чтобы я презиралъ ее, и этотъ шагъ былъ близокъ, потому что я могъ дѣлать все. Обязанности должны быть священные, и преступленіе ихъ есть преступленіе, которое я не оправдаю самымъ благороднѣйшимъ чувствомъ, потому что соблюденіе своихъ обязанностей есть также благороднѣйшее чувство...

Это не любовь, это совсѣмъ не любовь. Если не видать ея мнѣ чувствительно, то это отъ того, что она умна, добра. Вѣдь любовь не разсуждаетъ, она слѣпа. Мнѣ кажется, эти строки писаны юношей въ 20 лѣтъ, который сомнѣвается въ своемъ чувствѣ. Неужели есть случаи, когда мы бываемъ произвольно дѣти, обдумываемся и раскаиваемся, ждемъ и дѣлаемъ обѣты?.. Во всякомъ случаѣ, я не влюбленъ.

Мнѣ приходитъ странная мысль въ голову: чтò, если мои „Дни и Труды“ попадутся въ руки надзирателей образа мыслей и дѣйствій? Неужели весь этотъ сбродъ будетъ читанъ и перечитываемъ, и по нескладности цѣлаго стануть судить о молодомъ человѣкѣ? И можетъ быть, неосторожное выраженіе, порочное слово, мысль наведутъ какую нибудь тѣнь сомнѣнія или подозрѣнія? Чтò ни было бы, говорю какъ думаю. Образъ мыслей моихъ оригиналенъ и несходенъ съ современнымъ, знаніе дало мнѣ отличное воззрѣніе на все, даже на притѣсненія, если только власть можетъ притѣснять (въ чемъ, по моему, она не имѣетъ никакой нужды, а имѣетъ невыгоду); но власть и необходимость гражданской и общественной іерархіи, какъ равно необходимость исключенія, случайности, преимущества... Если бы я имѣлъ несчастіе подпасть подозрѣнію и строгому розысканію, я бы почелъ это счастіемъ: тогда моя карьера была бы открыта и обширна; я ни въ чемъ такъ не убѣжденъ, какъ въ искренности моего желанія быть преданнымъ и вѣрнымъ.

О юноша красный! Ты въ цвѣтѣ и силѣ, ты жизнь начинаешь.
 Душа молодая ясна и свѣтла, какъ роскошный день Май,
 Порокъ, предразсудокъ и опыты лѣтъ до нея не коснулись.
 Свободна отъ узъ, налагаемыхъ временемъ и свѣтомъ,
 Она произвольно летаетъ, витаетъ, гдѣ любо, гдѣ лучше;
 Невинна и полная чувства, она откровенно и быстро
 Дастся на слово, не вѣря въ коварство, не требуя клятвы.
 О юноша красный! Храни испорченность невиннаго сердца;
 Люби чтò ты истинно любишь и словомъ для шутки не тѣнись;
 Правдивъ будь и вѣрой, обманомъ играть не пускайся повѣтски,
 Не смѣй расточать свои мысли и гибкій свой умъ въ обольщенны,
 Не смѣй лицемѣрить и слабость другаго считать своей цѣлью.
 Вѣги того мѣста, гдѣ взоры тобой нелюбимой узрѣли
 Тебя и зажглись непризванною страстью, минутно, невольно.
 Не дай разгораться огню, коль въ тебѣ нѣтъ взаимности сердца:
 Огонь обойметъ всю несчастную жертву, а ты соглядатаемъ будешь!
 Не жми, другъ, коварно руки и біенія сердца не чувствуи.
 Лобзанья... о юноша добрый! Лобзанье не слово, а дѣло!
 Лобзанье—преступное дѣло. Объятія! Другъ благородный,
 Ты тонешь въ объятіяхъ,—тонешь въ забвеніи души непорочной.
 О вырвись! Объятія.... шагъ, и все кончено, все: ужъ не тайна,

Не тайна, что въ сердцѣ твоёмъ нѣтъ святаго и чести;
 Не тайна, но горшее, горшее зло ожидаеть тебя по свершени.
 Какими глазами ты взглянешь? Имешь руку—не бьется ужъ сердце!
 Кладешь поцалуи на уста—онъ не жарокъ! Въ объятіяхъ—тѣсно,
 Душа все черствѣе, черствѣе и чувство...

Надо будетъ кончить. Я жалѣю, что свободный ходъ моихъ мыслей былъ прерванъ приходомъ, не знаю кѣмъ-то.

Погодинъ послѣ завтра ѣдетъ въ чужіе края—обѣхать въ четыре мѣсяца всю Германію, чрезъ Швейцарію и Сѣверную Италію возвратиться назадъ. Онъ ѣдетъ съ женою—гулять... Мнѣ въ сто разъ пріятнѣе видѣть двухъ супруговъ, кажется, истинно счастливыхъ, съ расположеніемъ благороднѣйшимъ.

(Юля 27). Онъ (братъ Константинъ) уѣхалъ, проживъ 6 дней. Я сей часъ провожалъ его. Какое-то смутное, неопредѣленное чувство любви и сожалѣнія, желаніе передать ему свой взглядъ, свой образъ чувствованій, свои знанія, свои манеры, все это толпилось и тѣснилось и при живости желанія, при горячности любви, сказывалось въ прямыхъ, рѣзкихъ выраженіяхъ, въ замѣчаніяхъ на все, что мнѣ не нравится, безъ вниманія къ короткому свиданію. Я торопился высказать ему, но и не думалъ, принимается ли это къ сердцу или съ сердцемъ... Что за неправильность въ жизни, что за инстинктуальность въ дѣйствіяхъ, неопрятность, опустѣніе, облѣнность, какая-то просительная преданность и вѣра въ необыкновенное, отсутствіе любознательности... Да и самая любовь ко мнѣ есть привычка, а не святая обязанность братства. Я думалъ, что онъ прекрасной души человѣкъ; совѣмъ нѣтъ: онъ не мягокъ, а просто лѣнивъ, онъ поддается для того, чтобы не толковать; сознается онъ рѣдко. Для этихъ господъ лучшее дѣло вспоминать, какъ мы бѣгали за яблоками, какъ шалили въ юности, какъ и что сказали смѣшного... Удивительное дѣло! Дай Богъ, чтобы поѣздка ко мнѣ была для него не безъ пользы...

При желаніи сказать оригинально и странно, немудрено, что придетъ кому нибудь въ голову опредѣлять Исторію „представленіемъ слиянія завоевателей и родичей“, слиянія и постепеннаго распространенія первыхъ. Такъ начались всѣ Европейскія государства. Отъ перваго вторженія до минуты, въ которую я пишу эти строки, завоеватели и родичи спорятъ между собой, роды съ родами, поколѣнія съ поколѣніями, преданія и дѣйствительность.

В. А. Каратыгинъ человѣкъ съ необыкновенными средствами, данными природой и развитыми искусствомъ: онъ не зарылъ своего таланта, онъ далъ ему направленіе сходственное съ существомъ его.

Г. Каратыгинъ одинъ изъ прекрасныхъ актеровъ, талантливый и образованный. Здѣсь, какъ вездѣ, надобно различать данное природой и данное искусствомъ. Природа дала г. Каратыгину прекрасный, стройный, высокій ростъ, величавую наружность и огромный голосъ; она дала ему глубокое чувство и ту нервичную раздражительность пылкой страсти, которая граничитъ съ самозабвеніемъ, сумашествіемъ. Искусство дало ему знаніе представляемыхъ имъ лицъ, сценическія положенія, жестикуляцію и измѣненіе тона. Г. Каратыгинъ *изучаетъ* свою роль. Вы замѣтите иногда, то онъ ея не понимаетъ или понимаетъ да не такъ; но вы всегда увидите исполненіе вслѣдствіе принятой идеи, а не просто, не какъ нибудь. Это происходитъ отъ недостатка положительныхъ знаній. Роль Отелло исполняется имъ хорошо, но совершенно не исторически: онъ играетъ Венеціанца подъ маской Мавра, а не Мавра въ Венеціи. Роль Ляпунова иногда просто смѣшна, но здѣсь вина сочинителя драмы, хотя г. Каратыгинъ переломилъ и самаго сочинителя. Это отъ недостатка положительныхъ знаній. Второй порокъ Каратыгина: онъ утрируетъ; маломальски есть поводъ, и онъ приходитъ въ самозабвеніе, воспламеняется до высочайшей степени и переходитъ слишкомъ быстро къ обыкновенному состоянію. Этотъ порокъ отъ излишней аффекціи, а она у г. Каратыгина видна въ голосѣ, въ выраженіи лица и въ жестахъ; за то, гдѣ самозабвеніе умѣстно, онъ исполняетъ роли гениально: самозабвеніе есть его сфера, и вотъ почему онъ необыкновенно хорошъ въ Гамлетѣ. Аффекція (видимое усиліе) есть признакъ неподложнаго образованнаго таланта, но вмѣстѣ и доказательство отсутствія гения. Иные говорятъ: въ немъ болѣе искусства, нежели природы, въ немъ все изучено, принаравлено... Да развѣ г. Каратыгинъ не на сценѣ? Развѣ онъ точно царь, игрокъ, Тассъ? Это самое пошлое сужденіе, котораго нечего и опровергать. Идя въ театръ, я хочу смотрѣть, какъ будутъ *представлять*, а не какъ живетъ и дѣйствуетъ Ричардъ, Іоаннъ... Странно было бы увѣрять себя и дойти до той дѣтской простоты, чтобы думать видѣть не актеровъ, а самыя лица. Все противъ этого: и неточность костюма, и знакомство актеровъ, и дурная игра второстепенныхъ лицъ и наконецъ театръ, публика, ночь. Толпа способна еще вѣрить этому на минуту, но я—никакъ; я участвую въ актерѣ и чтобы доказать справедливость этихъ словъ, я васъ спрашиваю: какова игра нелюбимаго вами актера? Будь пренесчастный, онъ смѣшонъ; будь онъ превеликодушный, онъ просто дурень.

Хорошій актеръ даетъ вамъ лучшее, живое понятіе объ искусствѣ, но вмѣстѣ съ симъ дѣлаетъ васъ и взыскательнѣе. Мѣркою служатъ отличныя мѣста его исполненія, и вы требуете: будь же всегда таковъ!

Въ нѣкоторомъ смыслѣ хорошій актеръ не можетъ быть дурень, потому что онъ хорошъ; но если на него навалили роль несообразную съ его привычками и наклонностями, если въ *его* роли авторъ не всегда правъ и не всегда уменъ, если всѣ внѣшнія обстоятельства, житейскія и мірскія не мѣшаютъ игрѣ... вѣдь это искусство которое имѣетъ свой алтарь: приближайся къ нему запятанный и безпокойный, дерзкій и непосвященный; выдержи искусь, изучи и будь введенъ въ предверіе; тутъ, исполненный своею цѣлью, со страхомъ переступай въ святилище, гдѣ горитъ неугасимый огонь искусства, и онъ, геній, слетитъ на тебя невидимо, но чувствительно, и ты, одушевленный имъ, иди на сцену и давай наслажденіе пришедшимъ для развлечения, отвлекая ихъ отъ прозаическихъ отношеній жизни и внушай понятіе, чистое и высшее о твоёмъ искусствѣ, котораго (надобно признаться) нѣтъ выше и сильнѣе. Актеръ—рабъ поэта, но геній-актеръ покоряетъ себѣ поэта: онъ властелинъ, онъ двигаетъ перомъ писателя по своей волѣ, и авторъ—я говорю о средственномъ—слѣдитъ талантъ актера въ его полетѣ, въ его отличительныхъ свойствахъ, даже въ его недостаткахъ. Г. Каратыгинъ однообразецъ, но я не видалъ артиста лучшаго и не могу сравнить его ни съ кѣмъ. У него есть приемы, тоны, жесты, которые всегда въ дѣйствіи; жаль, что эти приемы не такъ просты и благородны, чтобы они могли пройти безъ вниманія. Величайшій недостатокъ нашихъ актеровъ—и Каратыгиныхъ—это: *ils se donnent trop de peine**). Вотъ мое мнѣніе. Можетъ быть, узнавъ актера короче, я долженъ буду перемѣнить его и прибавить къ нему, но я вѣрю первымъ впечатлѣніямъ.

Я не желаю видѣть картинъ Аполлодора, Полигнота, Зевсиса и Апелесса; я не предполагаю въ нихъ ничего удивительнаго. Кромѣ того, что техника ихъ не совершенна, оптическая перспектива не точна, сліяніе свѣта и тѣни примѣтное, линейное, въ нихъ только и возможенъ контуръ, правильность рисунка... но кого же правильность рисунка можетъ удивить послѣ картинъ Рафаэля? Въ нихъ нельзя искать колорита уже потому, что средства (краски) были ограничены; нельзя искать выраженія. Древняя живопись есть пластика на холстѣ. Все состояло въ правильности формъ, колоритъ былъ дурень, выраженіе остолбенѣлое. Нельзя, однако, не сказать, что въ Апелессѣ живопись дошла до высочайшей степени, до какой могла дойти: онъ, мало того, что имѣлъ идеалы, онъ думалъ написать мысль, идею, олицетворить цѣлую поэму, а до него не было группъ; если были, то безъ сплетенія, отдѣльны. Онъ задумалъ изобразить бурю, какъ явленіе природы и аллегорическое олицетвореніе; жаль, что мы не знали подроб-

*) Они черезъ-чуръ трудятся.

ностей плана (Филостратъ, 1. 14. говоритъ мало и неопредѣленно), но въ этой смѣлости видно уже совершенство искусства.

Я сегодня ходилъ по Эрмитажу. Вотъ имена, которыя смѣшанно удержались въ памяти (въ Эрмитажѣ надобно быть сто разъ): Рафаэль (его двѣ картины: Юдиѳъ и Святое Семейство), Мюрилло, Вандейкъ, Вернетъ, Рембрандтъ, Теньеръ, Леонардо-да-Винчи, Тиціанъ, Рубенсъ, П. Перуджини и вся Римская галлерей, особенно тирановъ. Все это старые знакомые, всѣхъ я ихъ зналъ въ школѣ; но жаль, что эта школа была не подлѣ Эрмитажа... Я боюсь говорить себѣ. Вѣдь Рембрандтъ, Вернетъ, Клодъ-Лоренъ, Корреджіо,—вѣдь это такіе геніи, возлѣ которыхъ стой и удивляйся, къ которымъ подходишь съ предубѣжденіемъ... И какъ много наслажденія въ самомъ созерцаніи! Боже мой! Отчего Рафаэлю не дался колоритъ... вѣдь рисунокъ его—это чудо, истинно чудесное. Рембрандтъ говорилъ: картины ничѣмъ не пахнутъ, не подходите близко, смотрите издали... И что за смѣлость кисти, какая быстрота! Онъ, кажется, творилъ по одному слову, въ одну минуту. Не подходите къ его картинамъ, удивляйтесь имъ издали... А это небо Клодъ-Лорена!

Оставляю до отчетливаго и внимательнаго пересмотра. Не надобно мнѣ указателя, я найду самъ; прекрасное укажется само собою... Но при изученіи узнаётъ человѣкъ, какъ впечатлѣнія мѣняются по степени развитія спеціального смысла.

Фредегонда необыкновенная женщина своего времени. Она не была наложницею Хильперика, но своей хитростью прямо сдѣлалась его женою. Вотъ эта хитрость. Супруга родила дочь, Хильперикъ былъ въ отсутствіи, въ набѣгѣ. Государыня спрашиваетъ у своей горничной: Надобно ли крестить ребенка?—Надобно: государь пріѣдетъ и разсердится, если онъ не будетъ крещенъ. Становятся у купели; нѣтъ крестной матери. Подержите своего ребенка вы сами, государыня: это ничего. Такъ и сдѣлалось. Когда пріѣхалъ Хильперикъ, Фредегонда вышла къ нему навстрѣчу и сказала: *Ave rex felicior. Deus tibi filiam dedit; sed cum qua dominus rex dormiet hac nocte, quia domina mea regina commater tua est de filia tua Childerinda?* Онъ отвѣчалъ: *Si cum illa dormire nequeo, dormiam tecum...* Фредегонда просила о сестрѣ; Хильперикъ вмѣсто того, чтобы найти ей достойнаго мужа, женился на ней самъ. Фредегонда отвѣчала: *quod bonum videtur in oculis domini mei, faciat: tantum ancilla tua cum gratia regis vivat* *).

*) Здравствуй, счастливый царь. Богъ далъ тебѣ дочь. Но съ кѣмъ государь-царь будешь спать эту ночь, такъ какъ государыня моя тебѣ кума по дочери твоей Хильдериндѣ. Если съ нею не могу спать, то буду спать съ тобою.—Что хорошо въ очахъ моего Государя, то пусть онъ дѣлаетъ, лишь бы служанка твоя жила въ милости царской.

женился на Готской принцессѣ Галесвиндѣ. Фредегонда осталась служанкой; Галесвинда, которая переѣзжая Пиринеи, рыдала на груди матери и говорила: Богу такъ угодно, надобно покориться, Галесвинда была удушена. Фредегонда стала опять царицей, но теперь она начнетъ царствовать.

1835 г.

Когда мы возвращались въ дилижансѣ изъ Царскаго Села, на Сѣнной площади экипажъ нашъ задавилъ женщину; я сперва слышалъ глухіе, невнятные крики, но когда карета проѣхала, задавленная кричала громко и болѣзненно. Кучеръ, по глупости, думалъ ускакать; сто голосовъ поднялось на улицѣ, бѣгутъ, скачутъ, наконецъ часовые, хожалые хотятъ остановить, не могутъ; преслѣдуютъ экипажъ въ догонку до самой квартиры, которая была недалеко. Солдатъ сдернулъ кучера съ сими словами „и не остановится!“ Виновный отведенъ въ будку и конечно до изслѣдованія дѣла много потерпитъ за то, что не остановился и заставилъ бѣжать небойкаго стража... „И не остановится“, не сказалъ же: „задавилъ женщину“. Долженъ ли дилижансѣ останавливаться? Но и я похожъ на часового, спѣшу прибавить: дай Богъ задавленной быть здоровой; быть, какъ мнѣ часто случалось видѣть, мнимо задавленной.

*

Неужели всѣ эти земли, всѣ эти моря, всѣ эти народы составляютъ одну націю? Одну державу, подъ однимъ скипетромъ подданныхъ Русскаго государя.

Чрезвычайное протяженіе Россіи изумительно; но здѣсь тѣмъ болѣе бы вѣрно удивляться разноплеменности обитателей и различію климатовъ и мѣстностей. Этого не было въ исторіи.

Римская имперія зависѣла отъ своихъ провинцій: Египеть давалъ хлѣбъ, Греція—ученіе, Азія—золото, Сѣверъ—солдатъ, Африка—рабовъ; всѣ провинціи были отдѣльны, платили дань за покровительство, иногда сохраняли своихъ владѣтелей, свой порядокъ, свои законы. Римъ никогда не думалъ о единообразной системѣ управленія, онъ былъ глава (городъ Римъ) между союзниками и употреблялъ во зло свое первенство. Если посылались въ провинцію войска, то для держанія оной въ повиновеніи или защиты отъ нападенія стороннихъ; но вводить порядокъ въ управленіе государствомъ и финансами его, но понимать и удовлетворять нуждамъ страны, заводить, поощрять промышленность, образованіе, давать направленіе мысли и дѣлу—этого Римъ и не думалъ и не хотѣлъ дѣлать. „Да говорятъ всѣ по латыни“, приказываетъ Сенатъ, какъ будто это возможно?.. Но съ другой стороны: Ликійскій

посланный, гражданинъ Римскій, прїѣхаль въ столицу просить о помилованіи возмутившихся и (Dio Cass. LX.) не умѣлъ ни слова говорить по латыни. Неронъ поставилъ „Splendidum virum, gratiae provinciae principem, virum latini sermonis ignarum (Sveton-Claud. 16) Римскимъ правителемъ важнѣйшей области. Но и самый языкъ можетъ ли быть достаточнымъ средствомъ слиянія общественнаго, средствомъ возможнымъ въ первые годы соединенія?

Обстоятельства, въ которыхъ былъ Римъ, совершенно различны отъ современныхъ намъ; состояніе понятій и странъ, требованіе общества и цѣль закона все измѣнилось, все кажется противъ разнороднаго соединенія. Однако Россія не вымыселъ, и сомнѣніе неумѣстно.

Здѣсь должны быть рѣшены два вопроса:

1.—Странами или обитателями владѣть Россія?

2.—Совершенно ли это владѣніе, т. е. по всѣмъ ли формамъ обозначена эта принадлежность и приносить ли она выгоды, какихъ въ правѣ ожидать владѣтель отъ своей собственности? (я не говорю объ общественномъ слияніи, для этого еще идетъ время; я говорю о томъ, въ какой мѣрѣ способствуютъ страны и народы государственной жизни и общественному благу?)

Рѣшеніе этихъ вопросовъ не такъ легко: есть страны, необитаемыя никѣмъ, слѣдовательно вольныя; есть народы, совершенно принадлежащіе, но не владѣющіе землями, какъ должно; есть народы отдѣльные, не выкупающіе заботъ правительства (расходовъ), есть страны, которыхъ уничтоженіе принесло бы болѣе пользы, нежели владѣніе ими.

Россія, слово политически номинальное, заключаетъ подъ своимъ необъятнымъ кровомъ тысячи племень. Сильная и славная, она даетъ имъ свое имя, и это имъ служитъ защитою и ручательствомъ, даетъ имъ своего правителя, не ожидая награды за свои дѣйствія; мало по малу благодѣтельное вліяніе принесетъ плоды, племена сдружатся, и номинальная держава сдѣлается дѣйствительною, и попеченія правительства увѣнчаются полнымъ и достойнымъ успѣхомъ.

При Алексѣѣ Россія была необъятна, но каковы были финансовыя средства и административное устройство? Теперь Корякъ и Ярославлянинъ оба Русскіе, но сколько тотъ и другой платятъ подати?

Римской имперіи не было, это названіе существовало только въ лѣтописяхъ. Imperator Romanus или Romalorum нельзя сказать, государи просто назывались цезарь, какъ у Персовъ—царь, βασιλεύς безъ всякаго прилагательнаго; но Императоръ Всероссійскій есть титулъ, употребляемый внѣ и внутри государства, какъ названіе: Россійская Имперія.

Всѣ подвластные Риму народы были старше его въ гражданской и умственной образованности; даже Галлы, Германцы, Бритты имѣли вліяніе на военное устройство Римлянъ. Совсѣмъ другое представляетъ Россія: если исключить наши Остзейскія губерніи, Финляндію и Польское царство, всѣ прочія страны, по гражданственности, ниже Россіяны, всѣ образованы Россіянами: Сибирь, Уральскія земли, Кавказъ, Крымъ, даже Малая и Бѣлая Россія гражданскимъ бытіемъ своимъ обязаны Россіи: только со времени присоединенія ихъ начинается тамъ стройный порядокъ дѣлъ.

Римъ дѣлаеть преобразованія, но изъ корыстныхъ, одностороннихъ видовъ; онъ пилъ кровь изъ своихъ подданныхъ (*subditi*), мѣста начальниковъ продавалъ съ аукціона. Лучшее время настало при первыхъ императорахъ, но провинціи уже не что иное, какъ оброчныя помѣстья, правители—сборщики, а потомъ, при слѣдующихъ государяхъ, провинціи—отдѣльные лагеря, съ военнымъ управленіемъ, съ своими силами, средствами, цѣлями... Посмотрите, какъ долго сохраняется этнографическая самобытность провинцій. Провинціи Рима были безъ права гражданства; уже послѣ, когда это право ничего не значило, они получили его... Въ Россіи совсѣмъ другое, въ Римѣ были *subjecti*, въ Россіи *subditi*.

*

Посреди всѣхъ своихъ собратій-лѣтописцевъ нашъ Несторъ одинъ говоритъ туземною рѣчью: вліяніе Запада, Римскаго двора, не простиралось на Кіевъ. Все это такъ. Но отчего же въ Латинскомъ Западѣ сохранились такъ многіе памятники литературы, поэзіи на языкѣ народномъ, тогда какъ у насъ ихъ совсѣмъ нѣтъ, или почти нѣтъ? Мы укажемъ на пѣсни, на сказанія, болшею частію позднѣйшія и то характеризующія нравственныя понятія человѣка, а не вѣкъ, одну личность, а не всѣобщее направленіе; мы такъ бѣдны, что изъ *памятниковъ* ничего не знаемъ (до XV ст.) ни о жизни, ни о занятіяхъ, ни объ устройствѣ; есть отрывистыя извѣстія мѣстныхъ писцовъ, есть неопредѣленные намеки, но большая часть нашего представленія основана на предположеніяхъ, сравненіяхъ а priori.

Вотъ что значить жить уединенно, огородиться религіей и языкомъ и имѣть сосѣдями еще грубѣйшихъ народовъ. Но поэзія непременно должна быть поэзія, и если ея нѣтъ, вина въ недостаткѣ письменности, которая у насъ никогда не была такъ распространена, какъ на Западѣ; а впрочемъ можетъ быть и откроють экспедиціи и комиссіи, поиски и изслѣдованія... дай Богъ намъ Иліаду, хоть въ переводѣ Третьяковскаго.

*

Я всегда занимался учеными предметами, чисто-учеными: и поэтому, можетъ быть, въ обыкновенномъ разговорѣ, въ обыкновенномъ письмѣ не могу найтись въ самой малости. Усвоивъ себѣ предметъ, я способенъ былъ передать его въ томъ смыслѣ и тѣмъ тономъ, какой о немъ имѣю, безъ всякаго отношенія къ лицу, и можетъ быть уроки мои дѣтямъ были иногда выше ихъ понятій. Я бѣденъ искусствомъ, я чувствовалъ самъ, что иногда въ принаровкѣ терялъ ровность, приличіе тона и постепенность въ ходѣ изложенія; я чувствовалъ, что сбивался, иногда мысль опережала слова, иногда нечаянно вырвавшееся слово нарушало принятую методу, и для оправданія этого нечаяннаго, видимо несходственнаго выраженія я восходилъ на другую степень и запутывался... Поправиться въ словахъ не такъ легко какъ поправляется ораторъ въ извѣстной фигурѣ; впадешь въ необузданность, не остановишься и испортишь все, ясность изложенія, достоинство предмета и самое счастливое впечатлѣніе... Въ разговорѣ, чисто-ученомъ, для меня было легче, но и здѣсь нерѣдко впадалъ я въ схоластицизмъ или мистицизмъ. Я неровенъ, я больше чувствую, нежели знаю.

*

При вступленіи моемъ въ Д-ть*) приложеніе моихъ знаній къ моему дѣлу, было повидимому ничтожное; хоть бы ничего не знать—все равно; но развитіе моихъ душевныхъ силъ, общее образованіе, знаніе языка, были для меня чрезвычайно полезны. Я скоро понялъ дѣло, ходъ его и цѣль, но тутъ же на первыхъ порахъ увидѣлъ необходимость учиться дѣловому формальному, обрядному слогу и, что особенно трудно, правительственному тону: это въ правительственномъ Д-тѣ. Что я бы сталъ дѣлать, не будучи переписчикомъ въ Комитетъ Министровъ? Формы, условенныя выраженія (весьма необходимыя) я выучилъ скоро, но вставить въ эти формы существо дѣла, справку, мнѣніе, но умѣстить въ эти формы, положимъ, два предложенія разнородныя, было не легко, было наукой; это формы. Труднѣйшимъ пунктомъ былъ тонъ: я сбивался или принимая Д-ть за лице, дѣло казенное за частное, и позволялъ себѣ предполагать въ лицѣ чувство, сердце, могущее сердиться и участвовать въ дѣлѣ, какъ въ частномъ, распоряженія произвольныя, не ограниченныя никакими формами, лишь выгоднымъ и прекраснымъ исполненіемъ. Я думалъ имѣть дѣло съ людьми и идеями, я никакъ не вѣрилъ однимъ вещамъ и формамъ. Съ перваго раза колегіальность, что шагъ, то актъ, то бумага, меня удивили, и я по неопытности думалъ, что это принадлежитъ юности и что со време-

*) Въ Департаментъ (Министерства Юстиціи).

немъ вся эта строгая формальность уступить мѣсто дѣйствию болѣе свободному и независимому (я и теперь отъ этого не прочь, да не въ наши дни, а черезъ нѣсколько лѣтъ); я отчаявался, что буду имѣть случай употребить въ дѣло свое умѣнье, котораго кто же въ себѣ не предполагаетъ? Я думалъ, что вѣкъ буду подъ тяжестью формъ, при спискахъ съ старыхъ дѣлъ.

Наконецъ я сталъ писать бумаги, и ни одинъ писарь не писалъ такъ дурно! То что въ сношеніяхъ съ лицомъ было бы умѣстно, то здѣсь, при формахъ, чрезвычайно пестро и неловко. Я кинулъ все, взялъ старое, старался только выкидывать пустошное и иногда выпускалъ довольно важныя обстоятельства, а писалъ такъ дурно, какъ формальный подъячій... Подъяческій слогъ состоитъ въ *неопредѣленности*, сдѣлай такъ или сякъ; но сдѣлаешь ты хорошо, это дѣло къ предписанію; сдѣлаешь дурно, тамъ тебя предостерегали: пиши такъ, чтобы бумага прилагалась ко всѣмъ, хорошимъ исполненіямъ, чтобы въ общихъ словахъ они представляли всѣ возможныя средства, и эти бумаги идутъ изъ года въ годъ послѣдственно, нарастаютъ только общія выраженія, хотя въ самомъ дѣлѣ есть много фактовъ, которые необходимо должно бы было поставить на видъ предводителю....

Мое начальство поступало со мной снисходительно: оно не называло мнѣ мои несообразности и должное. Нельзя сказать, чтобы эти причины не огорчали самолюбія, но я замѣчу для себя, что сознаніе всегда было во мнѣ; если ни въ первую минуту, то черезъ часъ, я передѣлывалъ бумагу, и она шла въ ходъ. Впрочемъ не всегда я былъ виноватъ. Главное—въ тонѣ. Я никакъ сперва не могъ отдѣлать личности отъ мѣста.

*

Въ нашихъ курсахъ словесности страницы двѣ посвящаются дѣловому слогу, но я не знаю какъ нѣтъ курса дѣловой словесности, которая во сто разъ нужнѣе всѣхъ пошлостей нашихъ теорій. Я не знаю, какъ при Русскомъ правовѣдѣніи нѣтъ формы ученія, не тѣхъ практическихъ занятій, которыя дѣлалъ покойный Н. Н. Сануновъ, но формоученія теоретическаго, которое непременно будетъ стройно съ первой поры своей, потому что стройно учрежденіе нашего правленія. Если не достааетъ ума составить философическую теорію à priori, то пусть раздѣлять такъ: часть государственная, часть губернская, часть уѣздная. Въ государственной, по отдѣламъ; бумаги Государя, Совѣта, Комитета Министровъ, Департамента и проч. Но есть начала вѣрнѣйшія, условія болѣе существенныя. 1. Правительственное лице

и правительственное мѣсто. 2. Дѣло обнимающее всю Имперію или часть ея. 3. Дѣло новое, дѣло обновляемое, дѣло повторяемое. 4. Инстанція лицъ и мѣстъ. 4. Образъ дѣла: излагательный, обсудительный и заключительный. Отсюда легко будетъ вывести слѣдующія формы: а) Манифестъ, дарственная грамота сословію, рескриптъ. б) Указъ. в) Предписаніе, предложеніе, запросъ, требованіе, приказъ. г) Донесеніе, Записка (докладная) и Мнѣніе. д) Отношеніе, сообщеніе, запросъ, вѣдѣніе е) Положеніе, уставъ, учрежденіе (къ мѣсту или ж) Инструкція (лицамъ) з) Циркуляръ.... Я такъ смѣшалъ все, что нашель самую плохую теорію. Книга М. Л. Магницкаго положила начало, которое можно усовершенствовать.... Мнѣ мерещутся категоріи....

*

Не слишкомъ ли скоро назвали крестовые походы слѣдствіемъ легковѣрія и невѣжества? Робертсонъ и Гердеръ, какъ судьи, не правы. Я не знаю, всталъ-ли бы кто въ наше время отъ ополченія противъ невѣрныхъ, если бы могущество и отношенія Турковъ были инаковы, если бы голосъ папы былъ силенъ, если бы, просто, произошло ополченіе. Кромѣ религіознаго чувства, которое въ насъ слабѣе нежели въ XI и XII столѣтіяхъ, кромѣ славы, любопытства, дѣятельности, одно воззваніе, торжественное и громкое, воззваніе къ освобожденію гроба Спасителя, невольнo принимается душою и заставляетъ забыть другое для дражайшаго, святыхъ обязанности семейства для святѣйшаго, плотское для духовнаго, міръ для Спасителя міра. Попробуйте сдѣлать это воззваніе, и крестовые походы повторятся, но это не будетъ уже то разнородное скопище бродягъ и вѣнценосцевъ, отшельниковъ и разбойниковъ, которые кормились опустошеніемъ, ограждались смертью, выкупались вѣроломствомъ; теперь явится ополченіе стройное, обезпеченное съ увѣренностію на силу, а не на чудо съ цѣлью—Св. Гроба, а не убійства невѣрныхъ...

Крестовые походы по замыслу и по слѣдствіямъ не заслуживаютъ такихъ упрековъ, какими подвергаютъ ихъ Робертсонъ и Гердеръ. То вспыхнувшее религіозное чувство, которое указало человѣку настоящее его значеніе, то направленіе, которое получило отъ сего чувства молодое рыцарство, то братство крестоносцевъ, которое было не только въ понятіяхъ, но въ самой дѣйствительности, братство родившее впервые мысль о человѣчествѣ какъ приложеніе христіанства къ свѣту, наконецъ тысячи чувствъ ощущеній, знаній, опытовъ,—все это неужели не достойно никакого вниманія?

Я вѣрить не хочу, чтобы крестовые походы были слѣдствіемъ личныхъ видовъ Папы. Папа ни въ какомъ случаѣ не выигрывалъ,

напротивъ тратился, подрывалъ собственные доходы, даже собственное мнѣніе; я не могу вѣрить, чтобы это было глупое, инстинктивное влеченіе. Говорить, что Папа произвелъ Крестные походы, тоже что Лютеръ произвелъ революцію. Напротивъ, я вижу въ этомъ огнѣ, въ этомъ рвеніи чистѣйшее религиозное чувство, побужденіе сильное и безсмертное, цѣль высокую и прекраснѣйшую. Папа далъ средства, но средства мірскія. Первый походъ Герфрида есть истинно святое полчище, одушевленное святымъ обѣтомъ, осѣненное крестомъ и ликомъ архангела: онъ удался. Далѣе начинаются походы для другихъ, второстепенныхъ цѣлей: для искупленія своихъ грѣховъ, для пріобрѣтенія права свободы, или другихъ какихъ, для рыцарской потѣхи, часто по глупости; но первый походъ и частію второй—не легковѣріе, не невѣжество; такой походъ возможенъ въ наше время. Я первый готовъ терпѣть всѣ нужды, всѣ препятствія, лишь бы преклонить колѣно предъ гробомъ Христа и возвратить это святилище христіанскихъ преданій, вѣрованій и ученій настоящимъ владѣтелямъ.

Я нѣсколько разъ говорилъ о неприличіи судить и приговаривать въ Исторіи: иногда одно искаженіе доводовъ, одна краснорѣчивая строчка увлечетъ молодое вниманіе. Я до сихъ поръ не читалъ хорошаго начертанія Крестныхъ походовъ; вездѣ они какъ снѣгъ на голову, по Папскому слову, которое было сказано *насильно*, которое было такъ сказать освященіемъ общаго мнѣнія, выраженіемъ общаго желанія. Рѣчь Урбана слышали десятеро, а не вся Европа. Его, можетъ, не имѣли и тѣ десятеро, которые слышали. Кому приказать, кто въ правѣ, кто можетъ однимъ словомъ спасти или погибнуть на вѣки? Папа. Папа долженъ былъ и утвердить народную волю, ибо безъ папы народъ не рѣшался вѣрить ни въ дурное, ни въ хорошее.

Состояніе тогдашняго общества понятно и безъ всякихъ разсужденій, если вы два или три факта сумѣете выбрать къ мѣсту; а то посмотрите, какъ близорукъ Гердеръ (часть II, книга 20, глава III). Здѣсь всего яснѣе, что у почтеннаго философа дозволяются всякія вставки и выпуски, pro и contra. Здѣсь къ случаю я замѣчу, что II часть Гердера полезнѣе первой; но въ ней уже нѣтъ той свободы, иногда глубины мысли, которою отличается общая часть, первый томъ его творенія. Вообще, сочиненіе это чрезвычайно рано задумано. Гердеръ болѣе предчувствовалъ и предугадывалъ.

*

Одно изъ превосходнѣйшихъ учрежденій Имперіи есть Комитетъ Министровъ. Надобно прочесть два или три важныя дѣла Комитета,

чтобы видѣть пользу и вліяніе его на правильнѣйшій ходъ управленія и подробнѣйшее развитіе отношеній и назначеній. Лучшей службы, по моему мнѣнію, нѣтъ нигдѣ, какъ быть управляющимъ дѣлами Комитета; но едва-ли можно хорошо приготовиться на этотъ постъ, если его не ограничивать одной бумажной работой. Онъ слишкомъ обширенъ.

*

Если въ древнемъ мірѣ взорамъ испытателя представляется разнообразіе формъ, самобытность (оригинальность) и полнота силъ формъ, то нельзя, однако, не видѣть уединенія, разъединенія древнихъ обществъ, отдѣльности, особенности ихъ бытія и однообразія въ ихъ развитіи. Образованность древняго міра была мѣстная, соприкосновенія начались въ дряхлѣющемъ возрастѣ, подъ конецъ, и какое соприкосновеніе? Нашествіе разнородныхъ полчищъ, соединенныхъ наймомъ, война, грабежъ. Какъ прозелиты, какъ пилигриммы, плаваютъ у береговъ корабли и караваны Филипійскіе и Карфагенскіе, плаваютъ скрытно, хитро, единственно изъ выгодъ мелкой торговли, привозятъ обманъ, мнѣняютъ забавы на благосостояніе и, поощряя невѣжество, налагаютъ на всю землю запрещеніе подъ опасеніемъ смерти!

Одна только давность времени, обольщая насъ оптически, представляетъ древній міръ въ томъ свѣтѣ, въ которомъ видитъ его напряженное вниманіе изслѣдователя. Сколько мифическихъ сказаній, толкованныхъ и перетолкованныхъ добродетельною ученостію, пріобрѣли достоинство событій, сколько предположеній, намековъ, передаваемыхъ и распространяемыхъ разбирателями и судьями, окоренились и превратились въ факты, сколько дѣтское удивленіе среднихъ вѣковъ къ мудрой древности утвердило пристрастное воззрѣніе на классическій міръ и сдѣлало его для себя и для позднѣйшаго потомства главнѣйшимъ, единственнымъ предметомъ изученія, примѣромъ, образцомъ, канономъ жизни и мысли, письменности и гражданскаго устройства! Преимущество изученія Исторіи не принадлежитъ ни одному вѣку, ни одному народу: она должна быть изучаема въ общности, безъ исключеній; но если принимать ее въ одностороннемъ, прикладномъ, значеніи, какъ школу нрава, права, нравственности и гражданскаго постановленія, если дѣлать изъ науки средство, орудіе, конечно благородное: то древность всего менѣе, менѣе среднихъ вѣковъ, соотвѣтствуетъ предположенной цѣли. Вглядясь пристально въ существо жизни древняго міра, нельзя не признать, что начала оной совершенно противоположны съ нашей: мѣстная образованность, выработанная обстоятельствами, враждующая съ наукою, отсутствіе идеи челоуѣчества, идеи всемірнаго Бога, идеальной религіи и господство личности, господство частности, господство формы и обрядовъ, исключительное гражданское общество

и униженіе женскаго пола и всѣхъ домоводныхъ занятій, эгоизмъ демагоговъ и цѣлыхъ обществъ, подчиненіе духовнаго умственнаго практическому гражданскому, пренебреженіе воспитанія и людкости,— что тутъ образцоваго для нашего времени, гдѣ тутъ школа нравственности, на чемъ основано безусловное преимущество? Нѣтъ человѣка, есть гражданинъ, нѣтъ общества, есть площадь, нѣтъ жены—есть раба, нѣтъ хозяйства, есть угнетеніе и насиліе, нѣтъ религіи, есть вѣщанія и обряды, нѣтъ искупленія, есть судьба, нѣтъ христіанства, нѣтъ духовной благодати, нѣтъ Бога...

Напротивъ для Исторіи въ такомъ прикладномъ значеніи Средніе вѣка гораздо важнѣе, какъ начала и основа бытія нашего, какъ наше зарожденіе, въ которомъ еще видимы, еще ощутительны стихіи христіанскаго, нашего міра.

Столько вѣковъ, столько головъ писали и изучали, украшали и искажали древнее человѣчество; мудрено ли, что и въ наше время обращаютъ на него преимущественное вниманіе? Въ самомъ же дѣлѣ, понятіе о жизни древнихъ для насъ такъ чуждо, такъ трудно, что для приблизительнаго, гадательнаго знанія надобно всю жизнь провести въ любовномъ, неотступномъ чтеніи древней письменности, въ созерцаніи древнихъ памятниковъ, въ отчужденіи современности, въ катакомбахъ, въ архивахъ. Нѣтъ ни одной книги, въ которой бы не упоминалось о древнихъ; но одинъ изъ ста говоритъ объ нихъ по убѣжденію, одинъ изъ милліона имѣетъ основательное понятіе и, можетъ быть, ни одного, который бы обнялъ въ кругу своихъ занятій и тѣ остатки, какіе пощадило для насъ время, остатки, неполные, переломанные, приправленные, нечистые, смѣшенные изъ лжи и правды.

*

Напротивъ, знаніе Среднихъ вѣковъ явилось недавно, еще юное, безъ мудрствованій, безъ предразсудковъ и предубѣжденій, знаніе, едва возраждающееся, непочатое, прежде пренебрегаемое и, слѣдовательно оставшееся безъ умышеннаго и неумышеннаго искаженія, знаніе родное, живое, продолжающееся въ самой дѣйствительности, можетъ быть, до настоящаго дня. Одинъ взглядъ Шлегеля, одна страница Лудена, одинъ романъ Вальтеръ-Скота сколь представляетъ предметовъ глубочайшаго назидательнаго изученія? А этотъ сборникъ народныхъ преданій, а этотъ свитокъ старыхъ хартій? Они полны ученія и дѣлъ намъ кровныхъ, они притягиваютъ вниманіе ваше, какъ ваше достоинствіе, въ нихъ буквы, мысли, дѣла тѣ самыя, которыя вчера образовались вполнѣ, исполнились, возродились, въ нихъ имена, фамиліи существующаго семейства, въ нихъ жизнь, продолжающаяся нашимъ

поколѣніемъ, въ нихъ наше вчера, наши дни юности, и мало этого! въ нихъ человѣчество, а не Греція, въ нихъ христіанство, исключаящее всякое мѣстное содѣйствіе, въ нихъ всеобщность, міръ, а не берега Средиземнаго моря.

Черпайте знаніе древности изъ непосредственныхъ, первыхъ источниковъ, познавайте Средніе вѣка изъ грамотъ и поэзіи, но отриньте всѣ толки комментаторовъ на классическихъ писателей и не вѣрьте лѣтописцамъ, дивящимся Римской образованности.

*

За очарованіемъ слѣдуетъ разочарованіе, за страстью—холодность, за горячкой—лихорадка. В. Гюго отказывается отъ романтизма, В. Гюго находитъ въ народности протонародность, В. Гюго признаетъ начала и правила; онъ пренебрегаетъ современностью, онъ отвергаетъ мелочность обыкновенной жизни. Если это правда, то очень жаль, что мои чтенія о словесности, мое опроверженіе романтизма, мое опредѣленіе народности, мое „стремленіе въ высшему, всеобщему въ поэзіи“ и, наконецъ, „характеры Шекспира родовые или видовые“, „завязки драмъ Шекспира и Шиллера“ не были опубликованы въ свое время, когда мы слушали ихъ въ дружеской бесѣдѣ съ А. и на вечерахъ княгини Е. С. Гагариной и Б. В. Голицына, очень жаль! Но неужели это таки сбывается, оправдывается? Я боялся тогда за свои мнѣнія, я считалъ ихъ оригинальною новостью. Теперь я поздравляю! Но это не похоже на Гюго.

Возможность эпоса въ наше время, кажется, совершенно отвергнута: до сихъ поръ не явилось ни одной поэмы, достойной сего названія. Байронъ отказывается; кто же осмѣлится послѣ творца Донъ-Жуана и Чайльдъ-Гарольда? Итакъ, предположеніе Монтескье вѣрно, оправдано. Но почему же? Не потому ли, что исчезла вѣра въ чудесное и нѣтъ махины эпическому событію? Нѣтъ Олимпа,—это правда, но есть Богъ и чудеса Божіи. Неужели религіозное чувство изсякло и нѣтъ вѣры въ *чудеса* силы, правды и благодати? И самые романы, не эпопеи ли? Другой тонъ, нѣтъ ни „пою“, ни призванія, писаны прозою, много мелочей, много не поэтическаго, не идеальнаго, но все это второстепенныя обстоятельства. Эпопея можетъ существовать со всѣми махинами, со всѣми чудесами; не говорю о чистой Исторіи, напри- мѣръ, герцоги Бургундскіе, Венеція, Іоаннъ Грозный; укажу на оперы: при всей простотѣ и грубости содержанія иногда чувствуешь боязнь, вѣришь чародѣйству, слышишь адскую тревогу; укажу на самое естественное и народное явленіе: спасеніе отъ вѣры, преданность предразсудку, исполненіе предчувствія. А Исторія, развѣ не эпопея? Возьмите

папство: здѣсь рожденіе, завязка, борьба, торжество, паденіе; а Крестовые походы, а Колумбъ, Лютеръ,—а этотъ Наполеонъ, которому наши потомки не повѣрятъ?

До сихъ поръ говорилъ мнѣ полк. А. Θ. Мосоловъ, до сихъ поръ гремѣть въ ушахъ моихъ слова строгаго, но разсудительнаго и умнѣйшаго отца моего, когда я изъ Семеновцевъ былъ переведенъ въ армію: „Я зналъ, до чего можетъ дойти гордая молодежь, когда ей дадутъ свободу. Ты сбился съ дороги. Если душа твоя чиста, ты еще можешь поправить свою участь. Благородный и образованный, ты долженъ приняться за службу съ страстью, съ постоянствомъ и убѣжденіемъ.... Тогда припомни слова отца“. Полк. Мосоловъ одинъ изъ образцовыхъ людей по службѣ. „Моя жестокая любовница“, говоритъ онъ обыкновенно о своей службѣ...

* .

Нѣтъ ничего пагубнѣе для науки, какъ умышенное принаравленіе ея началъ къ дѣйствительному порядку общества. Она теряетъ тогда свое достоинство и мѣняетъ съ обществомъ свое высшее значеніе; тогда жизнь дѣлается правиломъ, а наука толковательницею этого правила. Особенно должно разумѣть это о наукахъ отвлеченныхъ и Исторіи. Когда философія боролась съ принятыми формами, общество, какъ посредникъ, могло быть свидѣтелемъ и цѣнителемъ, могло извлекать пользу, видя недостатки. Когда наука представляетъ высшій порядокъ вещей, *идеаль дѣйствительной жизни*, польза ея для себя и для общества не столь чувствительна, за то прочна и обширна.

Иной говорить: „я намѣренъ примирить религію съ философіей“; другой: „я намѣренъ подтвердить настоящее состояніе теоретически“: это вѣрный знакъ софистики.

Въ человѣческомъ тѣлѣ есть центръ, къ которому сходятся всѣ жизненные силы. Я это чувствую. Вся физическая система сосредоточивается въ немъ. Блаженъ хранящій цѣломудріе!

Если вы встрѣтите человѣка съ болѣзненными глазами, съ лицомъ осунувшимся, безъ яркаго румянца, руки морщиноватыя, всѣ члены зыбкіе, волосы рѣдкіе и къ этому еще осторожность въ пищѣ, постоянное утомленіе, дохлый голосъ, затхлый духъ изъ рта, нетвердость походки, одышка, неправильность взгляда, непослушаніе языка, съ характеромъ запальчивымъ, раздражительнымъ, нетвердымъ и непостояннымъ... Это сладострастные. Можетъ быть; онъ уже и раскаивается, что зашелъ такъ далеко, можетъ быть, онъ уже дѣлаетъ сильныя напряженія къ противодѣйствію... но поздно! Ребенку просить

книгу, просить тысячи, нельзя же удовольствоваться его игрушкой или мелочью.

*

Я о бракѣ думаю юридически. Бракъ есть соединеніе одинаковыхъ особъ на неразрывное сожителство. Соединеніе тѣлесное, гражданское и духовное, предполагающее общность взаимной отвѣтственности и имущества. Одинаковость опредѣляется: по возрасту, государственному или общественному состоянію и по нравственному образованію.

Бракъ непременно долженъ быть равный.

При этихъ условіяхъ поводы къ разводу будутъ рѣже и слѣдовательно въ законъ входить не должны.

Все это—бракъ по закону. Бракъ по политическимъ видамъ можетъ допустить слѣдующія изыятія изъ общихъ правилъ:

1. Бѣдный на бѣдной не женится.
2. Родные во второй и третьей степени могутъ жениться.
3. Для брака долженъ быть опредѣленъ возрастъ и состояніе или способы. Бракъ не есть дѣло домашнее, но гражданское и даже политическое или государственное.

*

Я веду жизнь прозябательную: служу, ѣмъ, гуляю и сплю. За то, никуда не гожусь.

*

Ничто не дѣйствуетъ такъ сильно на расположеніе души какъ музыка: есть какая-то тайная гармонія между звуками и религіозными чувствами. Я не говорю о концертахъ, тѣмъ менѣе объ операхъ. Надобно быть слишкомъ предану музыкальному искусству, слишкомъ отчужденну отъ свѣта, чтобы душевно наслаждаться и чувствовать смыслъ звуковъ на сценѣ; надобно твердо знать, что играютъ и при каждой мелодіи имѣть опредѣленное понятіе, чтобы вполне предаться оркестру. Я говорю о музыкѣ домашней, одинокой, уединенной. Она истинно голосъ души, чистой, смиренной, довольной. Случится ли горестъ или радость, самые обыкновенные звуки западаютъ глубоко въ сердце. Радость и горе, буйныя и безнадежныя, умиряются, уравниваются, очищаются. Это всякому извѣстно. Случится, что голова полна прозаическими мыслями, или пуста, страдаетъ, мечтаетъ, лѣнится, дурачится; возьмите аккордъ, простой, обыкновенный: душа откликнется на этотъ аккордъ, она забудется. Играйте, играйте пѣсни, фантазіи, романсы, концертъ—душа васъ слушаетъ. Ей пріятно разгадывать непонятные звуки, она слышитъ въ нихъ небесное пѣніе, хвалебный гласъ. Когда Христосъ возносился на небо, силы небесныя встрѣчали Его святою

пѣсню; на небѣ сонмы херувимовъ и серафимовъ славили Божіе имя. Мы, люди, стоявшіе на землѣ, слышали эти божественные звуки, не слыша словъ. Это—музыка.

Она можетъ вдохнуть храбрость, любовь, боязнь, грусть, радость, ужасъ, но никакая музыка не можетъ возродить никакого порочнаго порыва, тѣмъ еще менѣе непріятнаго, звѣрскаго чувства. Я понимаю басню объ Орфеѣ; я вѣрю Гуфланду, но думаю, что такая впечатлительность есть болѣзнь.

*

Мнѣ кажется, что точно есть люди геніальные.

Я читалъ свою драму „Русская Иностранка“, въ которой мнѣ искусство не было главнымъ, а просто предлогомъ: мнѣ хотѣлось польстить современному ужасомъ Жидовскаго мщенія и Русскимъ характеромъ въ противоположность иностранному. Драма—какъ говорятъ обыкновенно авторы—драма плоха, но ее слушали (24 Марта) двѣ дамы весьма для меня замѣчательныя, особенно въ этомъ случаѣ княгиня К. С. Гагарина. Кто ее не знаетъ лично, а только по слуху, тотъ ее не знаетъ.

*

Я гдѣ-то говорилъ о государственномъ единствѣ. Оно должно служить главнымъ основаніемъ административнаго раздѣленія государства. Однихъ географическихъ условій не достаточно, надобно непременно обращать вниманіе на историческія и этнографическія, не потому, что симъ будетъ сохранено единство, но и потому, что единство этнографическихъ и историческихъ свойствъ тѣсно связано съ общностью администраціи, которая въ однородныхъ, общихъ элементахъ отправляется и съ болѣшимъ удобствомъ, и къ вѣрнѣйшему достиженію.

*

Раздача пенсій заслуженнымъ есть одно изъ благотворительныхъ воздаяній, оказываемое государствомъ сынамъ своимъ. Но пенсія службѣ похожа на дань Исторіи. Можно всё государственные доходы отдать въ пенсіяхъ. Государство воздаетъ за дѣйствительную службу, награждаетъ по мѣрѣ пользы, ему принесенныхъ. При опредѣленіи пенсій должно имѣть въ виду число лѣтъ и степень мѣста. Мнѣ кажется, пенсіи должны собираться изъ жалованья служащихъ и даваться за всякое время, по числу сдѣланнаго вычета. Нынѣшнія пенсіи чрезвычайно недостаточны. Вычисляйте больше, но и давайте больше. Вообще классъ чиновниковъ въ плохомъ положеніи. Не надобно забывать, что въ Россіи чиновникъ не наемникъ, а слуга. Онъ долженъ быть обезпеченъ даже потому, что онъ награждается чинами и орденами. Или конституція (народъ) или управленіе (чиновники).

Указы 1834 г. Іюня 25 и 1835 Ноября 20 опредѣляютъ классы мѣстъ и сроки производить въ классы, по различію образованія служащихъ. Важность этихъ указовъ чрезвычайна. Это почувствуютъ скоро, лѣтъ черезъ 10; это чувствуемъ даже мы, служащіе подъ сими указами.

Но занятіе мѣстъ, условленное правомъ класса, соразмѣрено-ли съ срокомъ происхожденія и одинаково ли должно быть право класса одного вѣдомства во всѣхъ вѣдомствахъ? Докторъ медицины можетъ ли быть признанъ безъ экзамена докторомъ всѣхъ наукъ, начальникъ отдѣленія въ № министерствѣ можетъ ли занять это же мѣсто въ другомъ министерствѣ?

Занятіе мѣстъ, я не перестану говорить, есть важное дѣло. Право, оно не должно предоставляться произволу правителей. Занятіе мѣстъ должно быть строго-іерархическимъ. Я говорю о судномъ и административномъ порядкѣ. Геніальныя способности—которыя обыкновенно приводятъ въ возраженіе—служатъ только предлогомъ къ тысячи злоупотребленій. Они могутъ быть употреблены въ дѣло и безъ назойливыхъ скачковъ и безъ преждевременныхъ наградъ. Право, это важное дѣло. Не равняйте насъ съ чужестранцами: мы получаемъ чины и кресты, а съ чинами и крестами у насъ связаны важныя, существенныя преимущества.

*

Я прочелъ нѣсколько страницъ изъ Конисскаго. Я ожидалъ большаго. Положительныя познанія общества, исторіи и основной нравственности весьма обыкновенны. Въ проповѣдяхъ я не встрѣтилъ ни одной замѣчательной глубокой мысли; я по слухамъ ожидалъ отъ него гораздо болѣе. Завтра мнѣ обѣщались принести рукопись его Исторіи Малороссіи, но я не думаю, чтобы онъ былъ хотя хорошимъ лѣтописцемъ*); изъ всего мною прочитаннаго не замѣтилъ я тѣни понятія о жизни человѣка, о существѣ общества, о развитіи челоѣчества въ цѣломъ. Дай Богъ, чтобы я обманулся.

*

Мнѣ кажется въ нѣкоторыхъ описаніяхъ свѣтскихъ сценъ упущень изъ виду дипломатическій тонъ и та шутиливость, которая сей-часъ готова обратить важный разговоръ, важное дѣло въ забаву, а забаву въ важное дѣло. Видите ли вы нѣжныхъ или злыхъ супруговъ высшаго круга, лучшаго общества, ихъ сердечное изліяніе, ихъ горь-

*) Много позднѣе окончательно дознано и доказано Г. О. Карповымъ, что „Исторія Малороссіи“ есть поддѣлка, сочиненная въ Безбородкинскои канцеляріи и приписанная архіепископу Могилевскому Георгію Конисскому. П. Б.

кое объясненіе имѣють свои формы, свои выраженія. Опредѣлительность, рѣзкость, полная искренность, нагая истина возможна только въ дѣтяхъ; а свѣтская женщина, будь она въ 17 лѣтъ, такъ много говорила, слышала, что привычки ея и въ юномъ возрастѣ тверды и крѣпки, какъ предразсудки въ старости. Дипломатическій тонъ есть элементъ свѣтской бесѣды, откровенная шутка въ серьезномъ дѣлѣ есть ея правило. Дѣло другое—сельскіе жители, скромныя семейства, родительскія узы, семейное бѣдствіе.

*

Я заставилъ ее разочароваться. На что это похоже? Она задумала объ идеалахъ, о любви внѣ условій, о дружбѣ, о короткости безъ вниманія къ требованію общества. Какъ легко зайти за грань принятыхъ обычаевъ, если мы взрослые внѣ этихъ обычаевъ, и если теперь ихъ господство кажется намъ новымъ, незаконнымъ, страшнымъ! Она просто разлюбитъ меня. Тогда я встану на ногу пріятеля и не буду сбиваться при другихъ, какъ сказать—ты или вы, поцѣловать въ щеку или руку, отвѣчать или молчать. Женщины всегда впереди мужчинъ. Скороспѣлки! Желалъ бы я знать, что она думаетъ о моемъ измѣненіи.

*

Мнѣ не удалось съѣздить въ Москву. Я этого не предвидѣлъ, не предугадывалъ, не предчувствовалъ. Однако это такъ! А отъ сколькихъ надеждъ долженъ я поэтому отказаться?

Я получилъ журналъ Пушкина „Современникъ“. И стоило ждать его три мѣсяца?

Онъ хотѣлъ быть оппозиціей монополіи Греча и Сенковского.

*

„Сына Отечества“ онъ превзойдетъ; его литературное слово всегда будетъ сильнѣе словъ Греча и Булгарина; но чтобы встать противъ Сенковского, надобно имѣть побольше средствъ и побольше обдуманности. Что такое 1-й № „Современника?“ Кое-какіе стишки, кое-какія статейки, кое-какія повѣсти, кой-какіе разборы. Замѣчательнаго только „Риѐма“ б. Розена и о „Журналистикѣ“ самого издателя, да развѣ еще учебный разборъ Антуаіг'а Парижскаго. Что хочетъ сказать издатель? Коротенько описать журнальную дѣятельность, въ общихъ, всему Божьему міру извѣстныхъ, фразахъ? Немного же. И онъ думаетъ остановить безличное направленіе нашей литературы! Не такъ должно было приниматься за дѣло; не шуточно-литературный, не просто-литературный долженъ быть „Современникъ“. Наше время повыше этого. Онъ долженъ быть литературно-ученый. Нынче учености не боятся и дамы. Къ чему этотъ тонъ домашняго разговора? Не бойтесь,

г. издатель, мы васъ поймемъ и въ дидактической формѣ. Мы не желаемъ односторонности журнальнаго ученія; мы, напротивъ, просимъ многосторонности. Изъ журналовъ не учатся, ими повторяютъ и развиваютъ собственное мнѣніе, сужденіе, знаніе. Кто бы не согласился быть сотрудникомъ Пушкину? Издатель долженъ бы былъ взять во вниманіе, что журналъ литературно-ученый имѣетъ двѣ части: общую—искусство и теорію, и частную: критику и библіографію. Издатель долженъ бы былъ знать, что начало всегда должно быть положительное: мало сказать, что-то другое не хорошо, надобно показать хорошее. А онъ началъ свое ученіе критикой, и какой критикой! Скромненькой, боязливой, неопредѣленной, несвязной, ничего не значущей. Итъ, здѣсь надобно побольше положительныхъ свѣдѣній, побольше теорій, побольше выразительности. Странное дѣло! Пушкинъ, человѣкъ съ необыкновеннымъ поэтическимъ талантомъ, и пишетъ критики и библіографіи. Критика—элементъ отрицательный, вашъ талантъ—положительный. Зачѣмъ вы пренебрегли этимъ? Посмотрите: чтѣ вы помѣстили въ 1 №? Повѣсти г. Гоголя: ну можно-ли помѣщать такія повѣсти? Путешествіе въ Арзрумъ; ну не совѣстно-ли занять половину книги почтовымъ дорожникомъ? Библіографія: намъ ужасно интересны упомянутыя тамъ книги; говоря о Погодинѣ, вы не сумѣли оцѣнить даже сочиненій своего пріятеля.

Посмотримъ на способы издателя. Онъ самъ—неизчерпаемый источникъ. Если чувствуетъ, что поэтическій жаръ остылъ и стихъ непослушенъ, ему остается два дѣла въ первой части журнала: отдать намъ отчетъ въ прежнихъ своихъ твореніяхъ и тѣмъ довершить выраженіе своего лица, какъ поэта, и второе—дать намъ теорію, плохую или хорошую, но всегда для насъ важную, и тѣмъ выразить свой умъ, свою мыслительность основательную. Во второй части ему еще болѣе кругъ дѣйствія: объяснить намъ нашихъ лучшихъ писателей; онъ хвалится, что знаетъ ихъ; объяснить не такъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Георгіемъ Конисскимъ, а отчетливо, обдуманно. А то г. издатель пришелъ съ прогулки, написалъ статейку о Конисскомъ и думаетъ, что сдѣлалъ много; напротивъ, вы сдѣлали меньше нежели ничего. Въ библіографіи къ чему эти нелитературныя книги? Для полноты,—да онъ не всѣ, и вашъ журналъ не каталогъ. Означайте учено-литературныя книги хотя въ такомъ видѣ, какъ это дѣлалъ П. И. Кенпель, если уже не хотите такъ, какъ это дѣлается въ *Revue de la quinzaine*. А главное, помните, что журналъ, имѣющій притязанія, долженъ быть непремѣнно положительный. Таланту Пушкина мало того, чтобы показывать недостатки, онъ въ состояніи уличить ихъ собственными образцами.

Ошибка состоитъ въ томъ, что авторъ „Полтавы“ и „Бор. Годунова хочеть увѣрить себя и другихъ, что онъ историкъ. Rien moins que cela *). Это совершенно ошибочное мнѣніе. Со временемъ скажу объ этомъ еще подробнѣе.

*

Отчего не проходитъ ни одной ночи, въ которую бы я не видѣлъ пяти, десяти, пятнадцати сновъ! И еще какіе сны? Какіе видятъ непокойный духъ, непокойная совѣсть. Прежде, въ дни моей деревенской жизни, я считалъ иные сны видѣніемъ, даже откровеніемъ; иногда я спѣшилъ ложиться спать и ложился съ тѣмъ, чтобы увидѣть сонъ о томъ предметѣ, который занималъ меня, который я хотѣлъ знать, и нѣсколько разъ мнѣ удавалось видѣть задуманный сонъ, большею частію въ томъ видѣ, въ которомъ я представлялъ его на яву, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ—хотя очень рѣдко—совсѣмъ въ противоположномъ видѣ, и сонъ сбывался. Такъ бываетъ время, когда я вѣрю снамъ. Это—грубый предразсудокъ, я знаю; но иногда обстоятельства жизни приводятъ къ вѣрѣ въ предразсудки и повѣрья. Оправданный предразсудокъ есть обновленный залогъ и всегда выше случайности. Какъ мнѣ не вѣрить сбывающемуся сновидѣнію? Но нынче я потерялъ концы. Какъ! Десять сновъ одинъ одного хуже. Почти всегда о такихъ предметахъ, какіе нѣкогда мнѣ приходили въ голову.

*

Вотъ уже второй годъ, какъ померъ кн. В. П. Кочубей. Онъ 21 года былъ д. с. с. и вскорѣ былъ посланникомъ въ Константинополь; 26 лѣтъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, вице-канцлеромъ. Наконецъ достигъ первыхъ степеней гражданскихъ чиновъ. Теперь объ немъ едва помнятъ; тѣ, которые еще не забыли, едва говорятъ: нѣтъ повода помнить, нѣтъ предлога говорить объ немъ. Между тѣмъ нельзя не сказать, что хотя его служба была быстра, достоинства его были положительны: онъ до самой кончины удержалъ за собою сильное вліяніе, расположеніе Государя и свѣдѣнія въ дѣлахъ.

Скоро погаснетъ и память его имени. Отчего? Оттого, что достоинство его было основано на двухъ началахъ: на родственныхъ связяхъ съ Безбородкою и на фамильной знаменитости, и на угодливости людямъ, т. е. на ловкости и познаніи требованій. Была ли въ немъ творческая сила, которая такъ могущественна, что заставляетъ говорить о себѣ всѣхъ? Было ли въ немъ то правдолюбіе, стремленіе къ истинному, которое колетъ глаза всѣмъ и всѣми уважается? Нѣтъ. Онъ думалъ о себѣ: отвязывался отъ безпокойныхъ, удовлетворяя ихъ, и сдерживалъ

*) Это всего менѣе.

таланты, не уважая ихъ. Не ему, а Куракину, мы обязаны за Сперанскаго. Сравните его съ П. И. Шуваловымъ. Шуваловъ живеть: онъ такъ силенъ, что заставляетъ жить съ собою и брата своего И. И.; сравните его съ Макаровымъ, который читаль цыфры и былъ цыфирный геній. Знали князя Кочубея, но знали по мѣсту. В. П. почти никому не былъ извѣстенъ, и за то нѣтъ ему вѣчной памяти.

Ему мы обязаны введеніемъ ревизій посланцами изъ Петербурга и установленіемъ выборныхъ председателей въ судебныхъ палатахъ. Онъ охранялъ права Малороссіи.

*

Забавная случайность! Получивъ новое изданіе Гиббона и Монтескье, я занимался перестановкою книгъ въ моей библіотекѣ. Тогда какъ я перебиралъ Исторію Европы (Герена и Укерта), раздались выстрѣлы. Что такое? Сегодня 28 Іюня 1836 г. ботикъ Петра Великаго перевозили въ Кронштадтъ и стрѣльба, мною слышенная, была при его спускѣ! Я подумалъ: ботикъ Петра Великаго переворотилъ Исторію Европы.

Но погода была дождливая, вѣтренная, самая неблагоприятная для такого знаменательнаго празднества Русскаго флота.

*

Въ 2 № Современника помѣщенъ отрывокъ изъ Записокъ (корнета Александрова) Н. А. Дуровой. Онъ содержитъ бѣглое описаніе 1812 и 1813 г.: Смоленскъ, Москву, Модлинъ, Голштинію. Можно думать, что слогъ „Русской Современницы“ исправленъ опытною рукою. Чтеніе отрывка въ высочайшей степени занимательно.

Вы беретесь за книгу съ предубѣжденіемъ, вы заранѣе исполнены самымъ снисходительнымъ расположеніемъ, а прикованы интересомъ лица къ каждой строчкѣ Записокъ. Точно или мнимо, но вездѣ видна женская душа, прекрасная, чистая, поэтическая, женская душа подъ полетомъ улана, женская нѣжность на военныхъ бивакахъ, женская цѣломудренность въ разгульной бесѣдѣ, женская любезность въ походныхъ нуждахъ и холостыхъ разговорахъ. По одному отрывку я полюбилъ корнета и готовъ расцѣловать его ручки, готовъ идти къ нему въ денщики, въ унтеръ-офицеры, въ солдаты.

Сцены съ Кутузовымъ умилительны юношескою откровенностію корнета и родительскою заботливостію фельдмаршала. Но тамъ гдѣ г-нъ корнетъ отступилъ отъ описанія дѣйствій и высказываетъ свои чувствованія, любовь къ прекрасному сердцу дѣлается дружбою. Особенно понравились мнѣ сцены: подъ Смоленскомъ стр. 78, съ Кутузовымъ—96, подъ Лаишевымъ. Но и въ Голштиніи (122—132) забавны фуражировки, переправа и ночлегъ послѣ контузіи. Прекрасно все. Корнетъ именуется Кутузова и Коновницына. Отчего по пріѣздѣ изъ

Казани, она, корнетъ, не упоминаетъ ни слова о Коновницынѣ, который зналъ ее, какъ самаго исправнаго ординарца.

Не понимаю, почему имена пишутъ одними заглавными буквами, а не такъ, какъ водится нынѣ (стр. 311) въ эпоху разоблаченія всѣхъ тайнъ. Съ чрезвычайнымъ любопытствомъ ожидаю выхода всѣхъ Записокъ. Можетъ быть здѣсь я найду женскую душу, и „вторую половину души человѣчества“. Я познакомился потомъ съ г-жею Дуровою и въ депшики къ ней не пойду.

*

Римъ торжествовалъ свое могущество, обливался кровію въ междусобныхъ войнахъ и составлялъ кодексъ управленія всѣмъ міромъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что изъ за Альпъ притекли тучи народовъ, дикія, ужасныя полчища; эти-то разлились по прекраснымъ долинамъ Роны и Рейна и, послѣ явныхъ побѣдъ, сдѣлали предложеніе консулу: „пустъ Римляне уступятъ намъ какую нибудь изъ своихъ провинцій, мы будемъ имъ служить своимъ оружіемъ“. Имъ не дали, ихъ хотѣли побѣдить. „За Альпы, въ Италію“, кричали пришельцы. Они перешли и сошлись съ консулами Манліемъ и Ценіемъ. Битва была рѣшительная. Извѣстіе привело весь Римъ въ оцѣпенѣніе. Тогда явился Марій. Кромѣ его трудно было найти консула. Сила уступила искусству, но сила возьметъ свое. Можно въ одну битву покорить десять царствъ Азіи и въ десять лѣтъ не завоевать, ни побѣдить малочисленнаго племени народа Европейскаго. Съ этихъ поръ до послѣднихъ лѣтъ Траяна Римъ не переставалъ бороться съ Германцами, и наконецъ послѣ превратныхъ судьбъ, то побѣдоносный, то хитрый, то вѣроломный, то мудрый, онъ наконецъ долженъ былъ уступить варварамъ, какъ уступаетъ сила, истощаясь и исчезая въ противодѣйствіи. Сила приняла въ себѣ искусство, искусство не могло принять въ себѣ силу. Этотъ взаимный обмѣнъ есть одно изъ назидательныхъ явленій Европейской исторіи.

*

Если вы знаете Петербургъ, то совершенно не знаете Россіи. Онъ ей противоположенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Военственный его видъ, строгая дисциплина, служба, искательство, трудная жизнь, занятое общество, присутствіе Государя, дворъ—все это дѣлаетъ Петербургъ нерусскимъ городомъ, гдѣ обыкновенно царствуютъ просторъ, болтовня, довольствіе, жизнь спустя рукава, больше препровожденія чѣмъ занятій, больше разговоровъ чѣмъ дѣла. Центръ и представительница Россіи есть Москва. Въ ней Русская жизнь облагораживается и соединяется съ наукою. Отъ этого,—что ни говорили бѣ о нашей древней столицѣ наши новые мыслители,—Москва имѣетъ сильное вліяніе на образова-

ніе и развитіе нашей жизни. Однимъ словомъ, Москва есть глава оппозиціи Петербурга, слѣдовательно правительства, котораго онъ есть средоточіе и вершина. Странное дѣло! Эти провинціалы, которые такъ просты, такъ малодушны, эти старосвѣтскіе помѣщики живутъ, только тѣмъ и дышутъ, чтобъ судить и рядить о дѣйствіяхъ правительства, о нашихъ внѣшнихъ отношеніяхъ, и все это въ невыгодную сторону. Отъ нихъ нельзя ожидать буйныхъ дѣйствій, они сознаются въ своемъ безсиліи, они даже откажутся отъ своего мнѣнія, отъ своего образа мыслей какъ скоро пригрѣетъ ихъ какое нибудь вниманіе или помѣстится подлѣ нихъ голубой мундиръ; но тѣмъ не менѣе масса народа на ихъ сторонѣ. Петербургъ есть колонія, лагерь. Онъ держитъ въ себѣ силу державную, онъ даетъ законы, но онъ комплектуется изъ Москвы. Каждый молодой человѣкъ привозитъ съ собою запасъ новыхъ Московскихъ мнѣній. Онъ ихъ мѣняетъ на Петербургскія, но обманъ не бываетъ полезенъ. Ученье Петербурга сливается съ Московскимъ, и верхъ беретъ теперь первое, но впоследствии возьметъ то, которое правильнѣе. Если бы сопоставить два поколѣнія: 1825 г. и 1835—разница чрезвычайная! Но 1825 г. юность, молодежь буйная, рыная, философствующая, юность Чацкая. Она хочетъ произвести переворотъ, основываясь на самыхъ гадательныхъ положеніяхъ. Она безпокойна, нетерпѣлива, горда. Сейчасъ оставляетъ службу, повинуется, осуждая, заводитъ дуэли, бредитъ идеалами. Молодежь 1835 г. уже не та: она благонравна, терпѣлива, умна. Она утѣшаетъ себя въ несбывшихся надеждахъ и въ неисполненныхъ желаніяхъ чувствомъ долга, она не волнуется и даже терпитъ, любя порядокъ. Но и въ этой молодежи много прежняго. Главное, что въ ней еще мало утверждено чувство обязанности и признаніе авторитетства. Грядущее поколѣніе (1845 г.) будетъ одно изъ прекрасныхъ, но за то отношенія его измѣнятся, средства достиженія будутъ труднѣе, кругъ расширится, таланты будутъ многочисленнѣе.... Кто знаетъ, не ждетъ ли его историческое время?

Такимъ образомъ правительство наше (присутственные мѣста и лица) имѣетъ двухъ оппонентовъ. Провинціалы готовы разметать всѣ мѣста по камню, молодежь готова согнать всѣхъ директоровъ и управляющихъ. И этакое расположеніе при государѣ, съ его умомъ, проницательностью, характеромъ, съ его силою и огромными средствами.... Чтò будетъ послѣ него?

*

Я читалъ письмо полковника Чаадаева (1829 г. Декабря 1 день изъ Некрополя), писанное на Французскомъ къ одной дамѣ, княгинѣ Зинаидѣ Волконской и помѣщенное въ переводѣ, въ Телескопѣ 1836 г. Это письмо надѣлало много шуму: журналъ запрещень, цензоръ отста-

влень, авторъ—говорять—долженъ былъ заявить, что писалъ его въ помѣшательствѣ. Толковъ множество всякихъ; какъ бы то ни было, вреда много. Трудно найти № журнала, въ Москвѣ я думаю еще труднѣй. (Запрещеніе у насъ распространяетъ извѣстность и смыслъ). Сочинитель бесѣдуетъ о вліяніи религіи на совершенствованіе общества. Бесѣда происходитъ, кажется, съ иллюминаткой: авторъ почти прямо убѣждаетъ ее надѣтъ лигъ ангельскій и искать отраду, утѣшеніе въ религіозномъ созерцаніи. Догматическая часть письма для дамы темная и отзывается какимъ-то католическимъ ученіемъ. Онъ говоритъ, что исторія религіи составляетъ ея философію и ея догматику.

Все письмо имѣетъ свойство парадокса, какъ напр. невыгодно устанавливать мнѣнія, но мнѣнія порождаютъ выгоды. Много непослѣдовательнаго, много полемическаго и особенно много выходокъ противъ Россіи. Россія есть главное основаніе; религіозное совершенствованіе служило только предлогомъ. Письмо писано на Французскомъ, къ дамѣ, которая вѣроятно по русски ничего не знаетъ. Она—какъ видно изъ нѣкоторыхъ словъ—жаловалась на пустоту Русскихъ обществъ, въ которыхъ, можетъ быть, не играла первой роли, чтѣ при такъ называемомъ религіозномъ направленіи дамы должно быть тайною и главною цѣлью. Письмо писано г. Чаадаевымъ, пріятелемъ генер. Орлова (Михаила) и прочихъ, памятныхъ по своему уму, образованію и подозрѣнію въ 14-мъ Декабрѣ. Это ропотъ на современность, выраженный главою порицателей. Ума въ авторѣ много, мысль нова и опредѣленна, выраженіе увѣренно. Тонъ и послѣдовательность письма не выдержаны; явно, что онъ писалъ въ страстномъ (озлобленномъ) состояніи къ особѣ, которая предварительно согласна съ нимъ въ мнѣніи о Россіи. Вотъ содержаніе письма, сколько я могу припомнить послѣ бѣлаго чтенія. № журнала рвутъ по рукамъ. То, чтѣ у другихъ народовъ правило жизни, принятое всѣми и давно, у насъ есть теорія, положеніе строгое, которое надобно показать и доказать.

Въ самомъ взглядѣ (глазахъ) нашемъ есть что-то холодное, низкое, дикое. Мы дѣлаемъ все кое-какъ, какъ угорѣлые, какъ потерявшіеся. И вездѣ есть потерявшіеся, но тамъ они исключеніе, у насъ общее свойство. Петръ Великій разостлалъ мантию цивилизаціи, но мы не коснулись этой мантии; Александръ провелъ насъ отъ Москвы до Парижа, чрезъ всю Европу, но мы вынесли оттуда одно поверхностное, одно полуобразованіе глупое; въ насъ царствуютъ безпечность, нехотѣніе, отсутствіе энергіи и опытнаго дѣйствованія. Мы имѣемъ недостатки младенчествуящихъ народовъ, не владѣя способами образованныхъ. Наша физическая храбрость есть какое-то минутное, неувоенное чувство. Въ крови нашей есть что-то отталкивающее любовь къ совер-

шенствованію, и Русская нація въ книгѣ разумѣнія составляетъ пробѣлъ.... и проч.

Авторъ ищетъ причинъ въ Исторіи. Чтобы переименовать, преобразовать насъ, надобно переименовать воспитаніе человѣчества (переименовать исторію міра). Мы какой-то опытъ, который черезъ нѣсколько вѣковъ будетъ назидателенъ для человѣческаго рода, какъ неподвижное, несчастное племя, осужденное Верховнымъ Умомъ на бѣдственную участь. Здѣсь сочинитель, изыскивая причины, дѣлается темнымъ и сбивчивымъ. Главною причиною онъ полагаетъ наше религіозное отчужденіе, отчего мы не приняли участія ни въ какихъ выгодахъ христіанства. Тогда какъ Германія и Латинскія племена составляли одно семейство-христіанство, имѣвшее значеніе и въ публичномъ Европейскомъ правѣ, тогда какъ они въ одинъ часъ молились и праздновали однимъ языкомъ, одни торжества, одного Бога, одинаковыми обрядами, тогда какъ они разработывали наслѣдство, завѣщанное древностью, обобщали и дѣлались братьями между собою, вмѣстѣ внимали булламъ Ватикана, вмѣстѣ шли ко Гробу Спасителя, вмѣстѣ ратовали противъ Папъ, мы, Русскіе, получили идею религіи отъ растлѣнной, презираемой Византіи, отдѣлились чрезъ это отъ человѣчества, лишились всѣхъ выгодъ, предлагаемыхъ прошедшимъ, а чрезъ это и самой будущности, которая есть слѣдствіе прошедшаго.

Не думайте, чтобы я преувеличивалъ, говоритъ сочинитель. Я сказалъ еще слишкомъ мало; а говорятъ, что онъ сознался, будто писалъ письмо въ помѣшательствѣ! Я этому не вѣрю. Если достану, то спишу нѣкоторыя страницы слово въ слово. А между тѣмъ скажу нѣсколько словъ о запрещеніяхъ.

Что они запрещаютъ? Явись какая нибудь книга, статья, стишонки, не по нраву, не по вкусу нѣкоторыхъ людей, сейчасъ запрещеніе. Чрезъ это: 1) Хорошая и дрянная вещь пріобрѣтаетъ знаменитость, ее ловятъ, добиваются, читаютъ, переписываютъ, затверживаютъ; не будь запрещена она, ея десятая бы доля не знала и не замѣтила, прочитавшіе прочли бы съ равнодушіемъ и не сказали бы объ ней ни слова; 2) Правительство навлекаетъ неудовольствіе за строгость цензуры, за притѣсненіе; за этимъ толки, пересуды, ропоть, чѣмъ запрещеніе суровѣе—тѣмъ ропоть громче; 3) Несчастіе авторовъ, изъ которыхъ иные, можетъ быть, благонамѣренные и добрые люди, дѣлаются неблагонамѣренными и лишаются всякой карьеры. Да и что онѣ запрещаютъ?

Ложь? Не запрещайте, она сама обличится; вы бойтесь ея дѣйствій? Такъ опровергайте, раскритикуйте, скажите правду благородно, прямо, достойно. Истину? Нечего запрещать. Хоть вы учредите заклю-

ченіе, инквизицію и костры,—истина всегда возметъ свое, и чѣмъ больше настраивать лѣсовъ и подпорокъ, тѣмъ появленіе ея надѣлаетъ больше шуму и ломки.

Но скажутъ: истина полезна въ извѣстный періодъ народной жизни. Хорошо. Такъ запрещеніе будетъ имѣть тѣ неудобства, которыя я сказалъ выше; а главное, оно противорѣчитъ собственнымъ видамъ правительства, дѣлая извѣстнымъ и заставляя обращать бѣльшее вниманіе на то, что безъ запрещенія прошло бы тихомолкомъ. Но возражать: не запрети одного, начнутъ постепенно увеличивать свободу, и Богъ знаетъ до чего дойдетъ. О! это другое дѣло. Послѣдовательная цензура—вредна, но предупредительная полезна. Дай потачку цензорамъ, опредѣли хорошенько предѣлы ихъ вниманія и выбирай въ эти обязанности людей достойныхъ. Тогда запрещеніе будетъ предупреждено. А съ напечатанными статьями и книгами я бы совѣтывалъ поступать такъ. Пусть скажутъ автору (да скажутъ люди умные): вы написали то и то, цензура пропустила по неосмотрительности. Правительство, не желая пускать въ оборотъ важное и неприличное, могло бы законфисковать ваше твореніе и предать васъ закону, но оно предполагаетъ въ васъ гражданина благонамѣреннаго и достойнаго, и ваше сочиненіе считаетъ слѣдствіемъ неточнаго понятія предмета, неправильнаго ученія, поспѣшностью молодости. Вы написали вздоръ—вотъ почему вы написали неприличное, вотъ почему извольте опровергнуть самого себя и заглядить ошибку полюбовно. Авторъ согласится. Ужъ какъ бы онъ ни вертѣлся, но онъ согласится. Если же нѣтъ, то заставьте кого нибудь написать опроверженіе, написать съ толкомъ, по совѣсти, заставьте такого человѣка, который бы имѣлъ довѣріе публики.... а вы запрещаете, и при томъ что запрещаете! Сколько я знаю, сочиненія большею частію нестоящія запрещенія или незаслуживающія его.

Запрещали—Горе отъ ума: Горе отъ ума слушали наизусть. Напечатали Горе отъ ума—издатель полно выручилъ-ли издержки. Прежде цитаты Чацкаго были произносимы торжественно, какъ апофегмы, теперь они пошлы и повторяются развѣ въ шутку, и то въ провинціяхъ. Запретили сказки Луганскаго (первую часть). Всѣ кинулись за сказки, экземпляры вздорожали. Я досталъ на третій годъ и ничего не помню, что было поразительнаго въ этихъ сказкахъ. Запретили введеніе въ философію Сидонскаго: есть ли десять человѣкъ, которые читали это введеніе? Потомъ разрѣшили продажу, и сочиненіе читаютъ еще менѣе. Запретили Европейца, журналъ, изданіе Кирѣвскаго, за статью о литературѣ, гдѣ въ развитіи теорій найдено было какое-то приложеніе къ различнымъ системамъ правленія. Я читалъ статью прежде запрещенія. Мнѣ показалась она студенческою диссертациею, гдѣ въ

развитіи теорій изложены ученія и новѣйшихъ мыслителей; но мысли тамъ слѣдуютъ не однѣ изъ другихъ, а однѣ за другими нанизаны, наставлены. Статья могла быть читана, но слегка, какъ легко была обдуманна и написана. Послѣ запрещенія, я еще разъ прочелъ ее, и мнѣ показалось дѣйствительно, что тутъ есть какое-то приложеніе, хотя въ ней всѣ главныя основанія взяты и составляютъ общее достоиніе всѣхъ Германскихъ теорій. Не будь запрещенія, я бы никакъ не подумалъ объ этомъ приложеніи и теперь его совсѣмъ не вижу. Запретили „Телеграфъ“. Это было самое страшное запрещеніе. Давно бы надобно было прекратить это назойливое изданіе, гдѣ вздоръ говорили съ такою дерзостію и гдѣ порицали всякій трудъ, всякое положительное знаніе; но запретить его за критику на драму г. Кукольника, которую я не читалъ и которую, начавъ читать послѣ запрещенія „Телеграфа“, не могъ кончить—этого я до сихъ поръ не понимаю. Между тѣмъ сколько было толковъ, и не они ли способствовали рѣшительному непредставленію драмы, которая безъ этого, можетъ быть, удержалась бы на нѣсколько времени изъ приличія, если это было нужно для правительства? „Телеграфъ“ надобно было убить, но не тѣмъ орудіемъ, которымъ вооруженъ Булгаринъ и помассивнѣе барона Дельвига.

А сколько мелкихъ пьесъ запрещено и потомъ переписанное выучено наизусть! На дняхъ мнѣ давали читать какую-то драму. Ея не пропустила цензура. Я сталъ было читать, но не могъ! Глупое созданіе изъ самой драматической эпохи (Самозванцы) и при томъ такъ скучно, такъ декламаторски! А были люди, которые умоляли дать имъ прочесть эту запрещенную драму. Вотъ что значитъ запрещенный плодъ! Не запрещайте, всѣ откажутся отъ него какъ отъ пошлаго. Запретите людямъ ѣсть на утренней зарѣ куриныя сырыя яйца: завтра же на яйца поднимется цѣна, и завтра же будутъ тысячи человѣкъ переступившихъ это постановленіе. Я не говорю уже о запрещеніи естественнаго, свойственнаго.

*

„Ревизія не меньше, чтò и экономія, и у насъ она только именемъ, а на самомъ дѣлѣ счетовъ никакихъ нѣтъ“, сказано въ указѣ 1827 года. Если исчислить содержаніе контроля, расходы по его дѣйствіямъ и взысканіямъ, то положительно его польза будетъ гораздо менѣе употребляемыхъ для него суммъ, хотя отчеты и вѣдомости гремятъ цифрами. Нашъ контроль, можно сказать, повѣряетъ правильность книгъ, а не правильность расходовъ; онъ сличаетъ, а не контролируетъ. Есть случаи, когда онъ думаетъ контролировать; но они и рѣдки, и при томъ основаны на такихъ неточныхъ данныхъ (какъ на примѣръ справочныя цѣны), что лучше бы не терять времени и

ограничиться однимъ сличеніемъ книгъ и документовъ. Правила контроля такъ еще не совершенны, самая формальность отчетности представляеть столько лазеекъ, что изъ ста сомнительныхъ статей въ ученыхъ реестрахъ девятию пять непременно объяснятся, а по остальнымъ пяти заведутся дѣла на десять лѣтъ и болѣе.

*

Говорять, что Надеждинъ, издатель „Телескопа“, сосланъ въ одинъ изъ сѣверныхъ городовъ Вологодской губерніи. Онъ всю бы жизнь свою провелъ между посредственной неизвѣстностью: вотъ ему даютъ историческое достоинство. Я никогда не любилъ и не уважалъ Надеждина, какъ человѣка малодушнаго и падкаго; вѣроятно онъ задумаетъ въ уединеніи написать что нибудь дѣльно; но скорѣе, что физическая нужда заставитъ его роптать на свою бѣдственную участь. Да и Богъ знаетъ, можетъ ли онъ написать что нибудь цѣлое, дѣльное. Онъ много нахваталъ; углубляться въ совершенное ученіе онъ не имѣлъ времени, въ немъ больше способностей нежели дарованій; семинаристъ по натурѣ, онъ лѣзетъ въ свѣтскіе и беллетристы.

*

Я еще бываю въ лихорадкѣ при радости и боязни; слѣдовательно я молодъ. Мнѣ часто хочется иди по улицѣ перепрыгнуть черезъ дроги; слѣдовательно я молодъ. И еще чаще мнѣ случается перерывать разсужденія преждевременнымъ возраженіемъ,—я молодъ. И еще чаще обидѣтся и отвѣчать насмѣшкой,—молодъ, молодъ!

*

Я вчера былъ у Кожина (В. Ф.) и встрѣтился съ семействомъ баронессы Розенъ: мать лѣтъ за сорокъ и три молодыя дочери двѣ какъ бы вчерась изъ монастыря, изволятъ проводить вечера у молодого (да еще провинціального) человѣка. Это странно. Надобно узнать дѣло. Въ нихъ нѣтъ ничего наглаго, даже ничего двухсмысленнаго, есть даже благовоспитаніе, благородство, скромность. Говорять по-французски и по-нѣмецки. Одѣты, одна игравшая на фортепіано, по-домашнему хорошо, причесаны и стянуты какъ слѣдуетъ, я съ ними познакомлюсь непременно.

*

Еще годъ, я желалъ бы обозрѣть прошедшее, дай Богъ не считать мнѣ время годами. Я опять встрѣчаю Новый Годъ 1837-й въ уединеніи, и это уединеніе мнѣ нравится; я перечитываю Дни и Труды мои какъ Нарцизь смотритъ въ ручей на свой обликъ.

*

Я провелъ вечеръ (3-го Января) у Ставицкихъ. Съ сыномъ (коннопоіонернаго эскадрона поручикомъ) я познакомился случайно въ Департаментъ, въ чемъ-то помогъ ему. Провелъ вечеръ пріятно въ искренней бесѣдѣ. Но я на каждомъ шагу чувствую недостатокъ образованности моей. Если иногда попадешься въ кругъ, явно видишь, что надобно бы имѣть и какъ это легко было бы пріобрѣсти и какъ пріятно было бы теперь. Вывозятъ кое-какой умъ, смѣтливость и кое-какія понятія. Вотъ что значить измѣнить предположенное направленіе жизни!

*

Мѣсто графа П. И. Шувалова по управленію Академіи Художествъ занялъ въ послѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ—генераль, поручикъ и кавалеръ И. И. Бецкій, мужъ религіозный, образованный, просвѣщенный и опытный. Онъ мало извѣстенъ у насъ и едва ли не по одной рѣчи при его погребеніи. По волѣ Императрицы онъ написалъ Наставленіе о воспитаніи (№ 12, 785; кажется, это наставленіе названо Екатериною „Генеральнымъ учрежденіемъ всѣхъ училищъ во всей имперіи“). Я думаю, что другое, именно докладъ 1764 г. Март. 14). Здѣсь изложены главныя основы физическаго воспитанія, избранныя изъ лучшихъ (Французскихъ) авторовъ и дополненныя собственными наблюденіями автора, которыя онъ имѣлъ случай собрать въ продолженіи своего путешествія по Европѣ. По мысли, плану и уставамъ Бецкаго учреждены и распространены: Воспитательный домъ, училище при Академіи художествъ, при Вознесенскомъ (Смольномъ) монастырѣ, сама Академія, Кадетскій Шляхетный Корпусъ (12. 741. №.) и др. Но для меня драгоцѣнны его доношенія (1764 г. Март. 14) о воспитаніи юношества въ Россіи. Это основной камень нашего образованія. Оно дышетъ кротостію и великодушіемъ Великой Екатерины, оно написано по ея наставленіямъ. Я бы желалъ написать двѣ біографіи: графа П. И. Шувалова и генер. Бецкаго; послѣдній много уступаетъ первому, но въ первомъ государственныи умъ, геніальность и вѣрность подданнаго облечены были въ формы вельможнаго боярина и не развились до того изящества, которое имѣлъ Бецкій. Можетъ быть, это отъ того, что Шуваловъ обнималъ слишкомъ много, а Бецкій ограничился однимъ дѣломъ народнаго образованія. Одно мнѣ странно: по нѣкоторымъ раболѣпнымъ выраженіямъ П. И. Шувалова сдается какаѣ-то неблагородная лесть. Онъ и вообще Шуваловы были чрезвычайно богаты. Бецкій представляется благороднѣйшимъ человѣкомъ.

*

Дѣла Канкринна идутъ плохо. Когда-то онъ явно не хотѣлъ имѣть товарища; когда-то говорили о немъ, какъ творцѣ финансовъ въ Россіи.

Теперь заговаривать иначе. Министерство финансовъ всегда считалось хлѣбнымъ, въ немъ получались мѣста, какъ аренды. Судить о состояніи его можетъ знающій; учрежденіе, ученіе его въ главныхъ очертаніяхъ должно быть извѣстно всякому. Доходовъ у него множество, зато велики поборы; найдены ли средства неотяготительности налоговъ, дано ли направленіе промышленности, соотвѣтственное ея свойству,—этого не видно. Особенно въ плохомъ состояніи государственное имущество и изъ нихъ въ самомъ плохомъ государственные крестьяне. Ихъ не возможно сравнивать съ помѣщичьими; подумаешь, что свобода казенныхъ крестьянъ есть причина ихъ празнолюбія—пьянства, зависимости отъ перваго писаря, бѣдности и наживы для управителя, откупщиковъ и всякаго набольшаго. Если Канкринъ упадетъ то порѣ: слишкомъ давно сидитъ. Шутка ли, кажется съ 1822 года онъ засидѣлся, застоился, онъ можно сказать навѣрное отсталъ отъ современнаго образованія. Иные говорятъ, что это есть слѣдствіе партій Киселева, который еще въ 1835 году оторвалъ частичку крестьянъ и готовъ былъ (и есть) взять весь департаментъ имуществъ. Иные говорятъ, что причиною или поводомъ супруга почтеннаго министра. Это говорила мнѣ одна дама. „Графиня такъ малодушна, такъ влюбчива, какъ дѣвченка въ шестнадцать лѣтъ“. Въ самомъ дѣлѣ она многихъ изъ своихъ фаворитовъ вывела въ люди, хоть и фаворитовъ у нея не такъ много; сколько будетъ, неизвѣстно. Рассказываютъ, что графиня, опредѣляя чиновниковъ, брала взятки (уже разумѣется въ пропорціи) и что записки ея есть даже при дѣлахъ канцеляріи. Сумма, отпускаемая на содержаніе канцеляріи министра, на половину берется графиней. Все это толки, а сколько толковъ еще будетъ, когда новое солнце взойдетъ выше, а старое зайдетъ и скроется! Я не могу простить графу Канкрину двухъ вещей: откуповъ и подушной подати въ смѣтѣ и всегдашнюю готовность найти государю деньги. Последнее избаловало царя, и онъ въ самой расточительности доходитъ до роскоши.

*

Я видѣлся съ авторомъ „Новика“ и „Ледяного дома“; онъ извѣстенъ мнѣ съ 1823—24 года, когда я былъ еще въ уѣздномъ училищѣ, а онъ директоромъ гимназіи. Послѣ въ 1828 году, когда онъ былъ управляющимъ имѣніемъ графа Остермана, я жилъ у него, бѣдный аспирантъ до студента университета, видѣлся съ нимъ въ 1830 году, когда онъ писалъ „Новика“, видѣлся 32—33, когда онъ писалъ „Ледяной домъ“, наконецъ вижу теперь 37 года, онъ пишетъ что-то изъ времени Іоанна Третьяго и думаетъ писать „Колдуна на Сухаревой Башнѣ“ изъ временъ Петра. Иванъ Ивановичъ человѣкъ высочайшей степени добрый, откровенный, совѣстливый, нѣжный, слѣдовательно пылкій,

слѣдовательно не упорный, слѣдовательно способный для идеальныхъ впечатлѣній. Но онъ былъ, кажется, подъ вліяніемъ болѣе впечатлѣній, нежели созданий.—Записки его трудъ молодости. „Новика“ я читалъ лѣниво, первая часть показалась мнѣ утомительно скучна своими описаніями. „Ледяного дома“ я не читалъ, можетъ быть, прочту; вообще я сознаю въ себѣ важный недостатокъ—стремленіе къ вѣрному, положительному; для меня поэзія (это преимущество творческаго искусства) есть дѣло второстепенное, болѣе страждущее, болѣе невольное, нежели творящее, свободное, сознательное. Это недостатокъ моего понятія. Оттого-ли что я не имѣлъ возможности узнать ни одного настоящаго поэта, который отдалъ бы мнѣ отчетъ, полный отчетъ, въ своихъ историческихъ идеалахъ и воплотилъ въ меня идею идеала неземного, мнѣ все это кажется мелкимъ, слишкомъ поверхностнымъ: мало объема, мало глубокаго понятія. Надобно познакомиться съ Пушкинымъ. Мы толковали объ эпохахъ его романовъ. Видишь, слышишь, что человѣкъ читалъ о лицахъ, о времени, но не чувствуешь, что онъ жилъ съ этими людьми; онъ какъ будто рассказываетъ по наслышкѣ, прибавляетъ соображаясь какъ бы и что; толкъ для него исторія, образецъ для него аналогія. Мы много говорили о вздорѣ, бесѣда была пріятна; я люблю этого человѣка, и кромѣ любви я имѣю къ нему чувство благодарности и привожу на память пріятныя воспоминанія моего дѣтства, которыми, къ моему несчастію, я очень бѣденъ.

*

Пушкинъ убитъ, одного изъ талантливыхъ Всероссійскихъ людей не стало. Говорятъ, онъ имѣлъ дуэль съ поручикомъ Дантесъ. Не слухи, а толки; я взволнованъ ими какъ бы участвуя лично, но чортъ или дьяволъ, хоть самъ сатана, вмѣшались въ это дѣло, потеря тѣмъ не менѣе чувствительна; отсутствіе Пушкина будетъ чувствительно, какъ юности въ здоровомъ тѣлѣ. Онъ выразилъ идею искусства, какъ только можетъ быть выражена молодымъ народомъ; теперь явится преувеличеніе его таланта. Можетъ быть,ждемся и его оцѣнки.

Пушкинъ умеръ 27 Января въ исходѣ 3-яго часа пополудни; на другой день тѣло выставлено было въ передней комнатѣ передъ кабинетомъ. Тотъ часъ послѣ смерти Государь приказалъ Жуковскому и Дупельту запечатать кабинетъ его. Парадные двери были заперты, входили и выходили въ швейцарскую дверь, узенькую, вышиною въ полтора аршина; на этой дверкѣ написано было углемъ: Пушкинъ. Съ 30 Января по 2 Февраля Петербургъ прощался со своимъ знаменитымъ поэтомъ. Я былъ два раза, поутру и вечеромъ 31-го Января. Въ 2 часа поутру, по моему обыкновенію, я пошелъ гулять съ цѣлю проститься съ

незабвеннымъ. Отъ Главнаго Штаба (куда зашелъ я въ библіотеку генерал. штаба, чтобы посмотрѣть портретъ Государя въ коннопопьерномъ мундирѣ), я пошелъ по Мойкѣ. Толпа народа, множество экипажей стояли у воротъ дома (княгини Волконской), гдѣ жилъ Пушкинъ. Я вошелъ на крыльцо; изъ маленькой двери выходилъ народъ; тѣснота и восковой духъ, тишина и какой-то шепотъ невольно пробудили во мнѣ мысли о живыхъ и мертвыхъ. У дверей стояли полицейскіе солдаты. Я взошелъ по узенькой лѣстницѣ; посѣтителей было множество, всѣ шли въ шубахъ, шинеляхъ, много дамъ, были даже молоденькія дѣвушки и купцы. Во второй комнатѣ стояли ширмы, отдѣлявшія входъ въ комнаты жены; диванъ, столъ, на столѣ бумага и чернильница. Въ слѣдующей комнатѣ стоялъ гробъ, въ ногахъ читалъ басомъ и продолжительно чтець въ черной ризѣ, въ головахъ живописецъ писалъ мертвую голову. Тѣснота. Трудно было обойти гробъ. Я посмотрѣлъ на трупъ, онъ въ черномъ сюртукѣ. Черты лица (не предубѣжденіе ли?) рѣзки, сильны, мертвы; онъ былъ какъ долженъ быть мертвый Пушкинъ; мнѣ показалось, что мускулы его были сильнѣе, нежели я предполагалъ. Жилы на лбу напрыжились, кисть руки большая, пальцы длинные, къ концу уже; видна только одна рука. Я ушелъ. Вечеромъ я снова былъ (вмѣстѣ съ Протасевымъ); толпа была также велика. Я обошелъ кругомъ гробъ. Дома, ложась спать, когда погасилъ свѣчу, образъ Пушкина не давалъ мнѣ заснуть, и сердце трепетало какъ бы въ боязни. Я мучился, перевертывался съ боку на бокъ, хотѣлъ велѣть подать мнѣ огню и не велѣлъ, боясь, чтобы это не было малодушіемъ, я не спалъ до четвертаго часа. На билетахъ было сказано въ церкви Исаакія, а въ самомъ дѣлѣ въ Конюшенной. Народъ раздѣленъ былъ на два стада, стеченіе было чрезвычайное. Вся церковь кинулась прощаться, и всѣ хотѣли нести гробъ усопшаго. Я не былъ и пишу со словъ.

Сегодня, 15 Февраля, П. П. Архиповъ и Генріета Леонтіевна фонъ-Дѣбнеръ сочетались бракомъ въ церкви святой Екатерины. Архиповъ третьяго дня сказалъ мнѣ: буду ли счастливъ, не знаю; но я жизнію отвѣчаю, что жена моя будетъ моимъ счастіемъ. Такъ, можетъ быть, женимся и мы.

*

(Пишу дрожащею рукою). Я былъ сегодня 17 Февраля въ Павловскомъ, и ѣздили мы на паровозахъ; объ этой игрушкѣ я давно сказалъ свое мнѣніе. Мы проѣхали два раза или три, я, Протасевъ, Кроненбергъ, (какой-то) Белюстинъ, князь Багратионъ, Фріезъ (у котораго сгорѣли фракъ и шинель). Выпили семь бутылокъ Шампанскаго.

Написано множество стиховъ на смерть Пушкина, они ходять по рукамъ. Лучшіе принадлежать Норову, вотъ они:

Погасъ лучъ неба, свѣтлый геній,
 Великій бардъ полночныхъ странъ,
 Чья слава въ сонмѣ поколѣній
 Взростеть со славой Россіянъ.
 Найдуть въ исторіи далекой
 Средь лавровъ царскаго вѣнца
 Вплетенный миртъ тому, чье око
 Хранило бурный вѣкъ пѣвца;
 Кто, занимаясь съ нимъ какъ съ сыномъ,
 Отходный далъ ему совѣтъ
 Безъ скорби перейти въ тотъ вѣкъ
 И умереть христіаниномъ.

И еще много читаются стихи Лермонтова; они мнѣ не нравятся. Послѣднія строки „къ потомкамъ, бичамъ свободы, таланты генія, наперстникамъ разврата, окружающимъ престоль“, стоили автору дорого: онъ, корнетъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, выписанъ прапорщикомъ въ какой-то драгунскій полкъ, расположенный на Кавказѣ. Изрядно сказано о Дантесѣ. Издалека подобно сотнямъ бѣглецовъ на ловлю счастья и чиновъ закинуть къ намъ по волѣ рока. Пустое сердце бьется ровно, въ рукѣ не дрогнулъ пистолеть. Надменно презиралъ чужой страны языкъ и нравы, не могъ понять въ сей мигъ кровавый, на что онъ руку подымалъ и проч. и проч.

Лермонтовъ еще молодъ; я помню его по университету. Наказаніе справедливо, это негодующее изліяніе болѣе памфлетъ нежели дань сердцу умершаго поэта. Не понятно, какъ могъ военный и притомъ гвардеецъ написать такое странное посланіе, но аномаліи эти въ порядкѣ вещей современныхъ. Мы товарищи по Московскому университету, но ни на лекціяхъ, ни въ кавалькадахъ мы не могли сойтись съ Лермонтовымъ. Въ то время мы и не знали, что онъ поэтъ.

*

Вчера, 13 Марта, я выпилъ 3 стакана Шампанскаго и просидѣлъ съ половины 8-го вечера за картами до 5-ти часовъ утра; это было у В. Н. Вер., домой воротился въ 6 часовъ. Такой продолжительный дебошъ въ первый разъ въ жизни. Я день ото дня становлюсь пошлѣе и пошлѣе.

Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Мемуаровъ есть улика нашей низкой до сихъ поръ дипломатіи. Не стыдно ли до сихъ поръ представителямъ священныхъ особъ переписываться канцелярскими увертками, когда эти увертки день ото дня изгоняются даже въ депар-

таментскихъ сношеніяхъ и едва терпимы въ приказныхъ и подъяческихъ стряпняхъ? Не безчестно ли силѣ, державной силѣ, источнику права, вымышлять предлоги и прикидываться оскорбленными, когда власть даетъ имъ право и возможность дѣйствовать благородно? Будемъ равнодушнѣе. Ябеда, крючки уничтожаются въ судахъ съ образованностію и съ изданіемъ положительныхъ законовъ; хитрая, дикая дипломатія уничтожится съ опредѣленіемъ политическихъ правъ государствъ. Дипломатія нашего времени компрометирована Мемуарами; она будетъ изгнана убѣжденіемъ, что хитрость и сплетни не вѣрны, не продолжительны и потому вредны. Не царское дѣло трудиться надъ минутными взглядами. Цари постановлены Богомъ, а Его царство вѣчно и безпредѣльно.

Талейранъ умеръ. Ему было восемьдесятъ четыре года, онъ служилъ Людовику XVI-му, Національной Конвенціи, Директоріи, Консулу, Императору, новымъ королямъ и наконецъ гражданскому королю и всегда выходилъ чистъ и побѣдителемъ. Онъ имѣлъ славу необыкновеннаго дипломата, умнѣйшаго человѣка и осторожнаго хитреца; онъ могъ, оставляя свѣтъ, сказать Европѣ: хорошо ли я сыгралъ свою роль? И Европа должна была наградить его неумолкаемыми рукоплесканіями. Талейранъ имѣлъ умъ, въ высочайшей степени ловкій, холодный, расчетливый, зналъ обстоятельства и людей своего времени, понималъ, куда кто идетъ и придетъ и, ведя страдальческую жизнь исполнителя, велъ повелителей по своему усмотрѣнію. Талейранъ былъ геній, но геній не творческій; въ немъ, кажется, не было души, не было сердца и, не смотря на блестящее поприще, онъ, кажется, не зналъ счастья. Ему не доставало прямоты, благородства, патриотизма, самоотверженія; онъ не имѣлъ священныхъ минутъ восторга народной любви, благодарности человечества. Новѣйшая дипломатія есть его созданіе; онъ жилъ восемьдесятъ четыре года—цѣлый вѣкъ и имѣлъ несчастіе видѣть потомство. Онъ читалъ свои біографіи и исторіи своего управленія. Какъ онъ ни уменъ, но время умнѣе его, и всеобъемлющій умъ имѣлъ горестную участь пережить свою силу.

*

У меня сидѣлъ Александръ Агѣвичъ Абаза, толковалъ о поприщахъ службы. Съ 1837 года онъ перемѣнилъ четыре плана и теперь снова приступилъ къ первому. Непостоянство его происходитъ отъ своеволія, которое къ несчастію дано отцомъ, какъ ему, такъ и всѣмъ его братьямъ. Воспитаніе его стоить дорого, но оно непрочное. поверхностно и суетно. Я не думаю, чтобы онъ пошелъ въ прокъ; онъ испорченъ, потому что до сихъ поръ росъ безъ присмотра; онъ не можетъ равнодушно трудиться, потому что отъ многихъ отсталъ и

получилъ уже три отказа; онъ не можетъ любить истиннаго достоинства. По теперешнему состоянію онъ говоритъ: буду учиться, но онъ не будетъ учиться, или покрайней мѣрѣ ничему порядочному не выучится. Такъ было и со старшимъ братомъ. Говорите послѣ этого, что отцы не властны надъ участью своихъ дѣтей.

*

Когда миновалъ героическій, творческій періодъ нашей литературы, Державинъ, Дмитріевъ, Батюшковъ, Крыловъ, герои наши, умолкли, когда не стало историка нашего Карамзина, сфера литературы увеличилась, читающіе, пишущіе умножились, знанія и школы распространились, языкъ и формы рѣчи улучшились; но тѣмъ не менѣе великое раздробилось, геніевъ нѣтъ, и вмѣсто творческихъ умовъ явились писатели второстепенные. Остатки прежнихъ лѣтъ уцѣлѣли въ поэзіи Жуковского и особливо въ смѣломъ, ретивомъ нашемъ Пушкинѣ, послѣднемъ героѣ нашей молодой жизни. Теперь не то. Намъ тяжела ученость какого-нибудь Веланскаго, Павлова, Кронеберга, Галича, Остроградскаго; намъ скучны положительныя знанія Купфера, Френа, Кеппена. Намъ надобны ученыхъ, какъ Давыдовъ, для котораго знаніе есть орудіе, ученость—маска; людей безъ любви къ наукѣ, безъ уваженія къ идеѣ, людей безъ призванія, но ловкихъ, уклончивыхъ, вкрадчивыхъ, хитрыхъ; намъ надобны Булгаринъ и Гречъ, люди безъ творчества, льстецы господствующихъ недостатковъ, замаскированные въ права учителей, досмотрщиковъ и направителей молодыхъ дѣятелей. Намъ надобенъ Полевой, лишенный всякаго систематическаго ученія перемѣтчикъ и искатель счастья на всѣхъ путяхъ жизни, мелкій торговецъ и неумолчный враль, историкъ, поэтъ, водевилистъ и критикъ, ученый, свѣтскій, веселый и желчный безъ характера, безъ достоинства, обманщикъ и сплетникъ. Намъ надобенъ Кукольникъ, стихотворецъ, прибирающій строчку къ строчкѣ, рифму къ рифмѣ, слово къ слову, сцену къ сценѣ, безъ всякаго одушевленія, безъ глубокаго чувства, безъ знанія сердца. Намъ надобенъ наконецъ Сенковскій, который все осмѣиваетъ, все ругаетъ и хвалитъ только то, что состоитъ подъ покровительствомъ полиціи, человекъ безъ души, но съ умомъ, безъ чувства, но съ знаніемъ, но низкій, черный и готовый на все, что не защищено полиціею. Стыдь!

*

Докторъ К. А. Майеръ довѣрилъ 100,000 руб. купцу Александровичу, въ обезпеченіе исправнаго продовольствія Варшавскаго госпиталя за 70%; по несостоятельности Александровича, при хозяйственномъ довольствіи дѣлаются ужасныя передачи; по количеству ихъ докторъ можетъ опасаться потерять весь капиталъ, въ которомъ, кажется, 40000 руб. принадлежатъ его брату. Положеніе добраго док-

тора очень тягостно, онъ поскакалъ въ Варшаву для спасенія чего можно и теперь писать самыя неблагопріятныя извѣстія. Я принялъ живое участіе въ его дѣлѣ и какъ въ Петербургѣ, такъ и на дорогу далъ ему искренніе и добрыя совѣты. Мнѣ пріятно помнить, что я оказывалъ К. А. не мое малое содѣйствіе, но еще нашелъ случай помочь доброму человѣку. По ходу дѣла должно предполагать важныхъ потерь. По моему предположенію остаются два пути: или просить о принятіи убытковъ на счетъ казны, такъ какъ возвышеніе цѣнъ произошло отъ независимыхъ обстоятельствъ, или, если этого не уважить правительство, просить объ обращеніи убытка въ доли съ разерочкою платежа на 37 лѣтъ по примѣру несостоятельныхъ откупщиковъ, на обыкновенныхъ банковыхъ правилахъ. Бѣдный отецъ опасливъ, теряетъ духъ и перемѣтчивъ, какъ слабый человѣкъ въ минуту опасности. Жена его Софья Ивановна, добрая, любезная дама, какъ должно предполагать Лютеранка и заправская Нѣмка, но въ ней очень мало Нѣмецкаго. Сыновья: Карлъ лѣтъ восьми, Вильгельмъ шести, говорятъ по-русски, едва знаютъ нѣсколько Нѣмецкихъ словъ.

Въ отсутствіи К. А. я бываю у нихъ на дачѣ и искренне люблю добрую Софью Ивановну, можетъ быть оттого, что она любитъ семейный бытъ и вѣритъ моему дружескому расположенію къ ея мужу.

*

Въ южныхъ губерніяхъ голодъ, говорилъ одинъ откупщикъ, цѣны возвышаются, скотъ продается за ничто, мѣстное начальство затрудняется въ сборѣ повинностей и опасается за спокойствіе края. Ничего, отвѣчалъ К. Э., Государь пошлетъ своихъ адъютантовъ: они наварятъ каши, и всѣ будутъ сыты.

*

Я познакомился съ Васиціемъ Матвѣвичемъ Перевоицкимъ. Онъ учился въ Казанскомъ университетѣ, въ первомъ курсѣ по открытіи, опредѣленъ учителемъ въ Пензу, гдѣ служилъ съ моимъ отцомъ, сдѣланъ адъюнктомъ въ Казани, переведенъ въ Дерптъ и теперь, лѣтъ шестидесяти, живетъ въ отставкѣ со своимъ семействомъ на Васильевскомъ островѣ въ пятой линіи, въ домѣ Бекмана. Я былъ предупрежденъ М. М. П., что это человѣкъ святой, благочестивый и самодержавный. Мы сидѣли втроемъ: я, учитель мой М. М. П. и В. М., его учитель: три поколѣнія. Не доставало четвертаго, моего ученика; мы могли бы служить представителями современной эпохи. Разговоръ былъ искренній и не равнодушный; говорили особенно мы со старикомъ: двѣ крайности. Поповъ, *juste milieu*, болѣе молчалъ или мирилъ наши разногласія. Дѣло шло о настоятельности и умѣренности преобразованій, объ искорененіи и терпимости недостатковъ, о неотлагательствѣ

и выжиданіи мѣръ лучшаго устройства, о человѣческомъ умѣ и времени, объ участіи ихъ въ дѣлахъ жизни.

*

В. М. человѣкъ прекрасной души, скромный, вѣрующій, любящій. Опытъ лѣтъ склонилъ его на сторону безропотной терпимости, наука сохранила теплоту чувства и ясность мысли, непрерывность занятій и знакомства еще связываютъ его съ дѣйствительностію, строгая жизнь поддержала въ немъ крѣпость силъ и отчетность впечатлѣній. Онъ вѣритъ въ лучшее и откровенно отдаетъ преимущество новому предъ старымъ, но оканчивая свое поприще, переживя буйныя времена преобразованій, онъ удаляется съ ристалища и, не надѣясь на свои способы, измѣряя всѣхъ по своему аршину, онъ опасается за другихъ и со страхомъ смотритъ на смѣлые порывы молодого человѣка, въ которомъ скрытность и осторожность были бы преступнымъ притворствомъ. Надобно познакомиться со всѣмъ его семействомъ, которое, говорятъ, все такого же прекраснаго свойства.

*

Правительство есть умъ народа. Правленіе есть его право. Повиновеніе ему есть обязанность народа; ни одинъ народъ не можетъ быть безъ правительства, онъ отдѣляется отъ него, когда лишится надежды, или потеряетъ терпѣніе, или потеряетъ довѣренность; здѣсь вина не народа, но правительства. Правительство не должно забывать при своихъ учрежденіяхъ: 1) Что все неестественное требуетъ принужденія. 2) Что всякое принужденіе стѣснительно. 3) Всякое стѣсненіе тяжко. 4) Что природа человѣческая постепенно стремится къ освобожденію себя отъ этого стѣсненія и такимъ образомъ дѣлаетъ невольное преступленіе. Всякое невольное преступленіе есть вина правительства.

Неестественное учрежденіе требуетъ на свое поддержаніе и неестественныхъ мѣръ, онѣ усиливаютъ неповиновеніе, раздражая его на каждомъ шагу постояннымъ принужденіемъ; неповиновеніе поражаетъ съ одной стороны строгость, доходящую до крайности, съ другой хитрость, придумывающую средства освободиться отъ принужденія и обмануть бдительную строгость. Всякое злоупотребленіе права ведетъ къ потерѣ его; злоупотребленіе монархіи кончается анархіей, анархія деспотизмомъ.

*

Петръ В. завелъ Академію Наукъ, на что она ему? Академія до сихъ поръ ничего не сдѣлала. Народъ смотрѣлъ на духовенство, какъ на учителей своихъ. Почему Петръ В. не воспользовался этимъ довѣріемъ и не положилъ въ основу своего преобразованія нравственное ученіе духовенства? Онъ имѣлъ средства держать духовенство въ рукахъ;

говорить же, что ученіе духовныхъ способно только къ аскетикѣ и схоластикѣ въ наше время нельзя: мы знаемъ Лютера у реформатства и Боссюета у католиковъ. Петръ зналъ нелюбовь Русскихъ къ иностранцамъ и на зло этому призвалъ полчища иностранцевъ. Для чего это? Теперь Русскіе въ своей землѣ, не потому что правительство имъ покровительствуетъ, но потому что соревнованіе для насъ было и есть неблагоприятно, преждевременно. Петръ зналъ нашу торговлю съ Востокомъ и устремился къ нашей торговлѣ съ Западомъ. Принесли ли намъ это ожидаемая выгоды? По-моему, правительство нынѣшняго Государя вѣрнѣе и надежнѣе, увѣреннѣе и смѣлѣе, потому что производитъ учрежденія не изъ подражанія, но изъ положительныхъ требованій народной жизни.

*

Я веду кочующую жизнь: четыре дня на Каменномъ островѣ, два на Черной рѣчкѣ, день въ Царскомъ, три въ Павловскѣ. Живу для здоровья и чувствую себя лучше. На Черной рѣчкѣ познакомился съ К. А. Г. и съ *soit disant* ея племянницею Лис. Алек. Старушка повидимому добрая женщина, радушная и искренна въ приѣмѣ и разговорахъ, но любопытнѣе ея племянница. Она лѣтъ тридцати пяти и не хороша собою: смугла, болѣзненна и приняла роль пожилой независимой дамы, которая позволяетъ себѣ кокетство въ свободномъ, вольномъ разговорѣ, злословіе въ кругленькихъ фразахъ, разочарованіе въ общихъ словахъ о ничтожествѣ женщинъ. Дѣвушка очень интересная, она прекрасно говоритъ по-французски: жаль только, что, зная это, слишкомъ примѣтно щеголяетъ своимъ языкомъ и по несчастію, несмотря на свой возрастъ, не отказалась отъ претензій и не достигла той степени, когда вольность непредосудительна и намеки, ахи и ахи безъ предубѣжденій. Я непременно сойду съ покороче съ этой женщиной и разберу ее, какъ равнодушный наблюдатель. Она стѣдитъ этого, въ ней много опытности, навыку, любезнаго болтовства, а можетъ быть чувства; она остра и заносчива.

*

Устряловъ издалъ брошюрку о системѣ прагматической исторіи. Не понимаю, какъ можно такъ легко трактовать столь важный предметъ и представлять такое незначительное, поверхностное сочиненіе на степень доктора философіи. Дѣленіе исторіи у него лучше другихъ; но почему же не развита мысль о необходимости западной Руси или исторіи восточной Руси? Что Литовское княжество составилось изъ Русскихъ, это возможно, что тамъ большая часть жителей Славяне, это несомнѣнно; но что западная Русь принадлежала къ системѣ Польши, это выраженіе, которое не упомянуто въ сочиненіи докторанта. Польша, а *слѣдова-*

тельно Литва, должна принадлежать Россіи: вотъ политическое положеніе, на которое намекаетъ господинъ Устряловъ.

*

Я сейчасъ изъ Большого театра, зрителей тысячи, аристократія, звѣзды, блескъ и красота, все что есть въ Петербургѣ. Давали „Смерть за Царя“, Ивана Сусанина, національную оперу, музыка Глинки, слова барона Розена съ прологомъ и эпилогомъ. Маленькая опера, написанная какъ бы для удавшихся мотивовъ, съ желаніемъ сказать, пропѣть нѣсколько Русскихъ апофегмъ для Петрова*), особенно для него. Созданія нѣтъ никакого. Есть, и множество, мотивовъ Русскихъ пѣсень. Авторъ возьметъ начало напѣва, прибавитъ конецъ и составитъ партицію. Сусанинъ въ лѣсу и именно арія на зарѣ выполненъ Петровымъ превосходно; но Петровъ все выполняетъ превосходно. Обставка блестящая, декорация Роллера. Кажется, авторъ имѣлъ въ своемъ понятіи о національной Русской музыкѣ (онъ изъ нея явился) три начала: Русскія пѣсни—онѣ, онѣ у него или цѣликомъ, или перебиты, или пополамъ съ его фантазіями; церковное пѣніе—всего болѣе въ хорахъ, и ту характеристическую черту у человѣка, которая явно и сильно выражается въ нашихъ пѣсняхъ: горе и радость, торжественность и разгулье, плавность и быстрота. Онъ употребилъ эти средства; знатокамъ судить, хорошо ли? Но всё это признаки, а не самая вещь. Молодо, зелено! Это ребенокъ, который говоритъ „медвѣдь, медвѣдь“, а это медвѣжья шуба.

*

П. М. Позень, голова и выскочка, вчера въ обществѣ своихъ ѣздилъ на свою дачу (въ Декабрѣ!) погулять. Оно бы ничего, поѣзжай, но въ числѣ гостей былъ В. В. Е. Что за чортъ, когда это бывало? Я думаю, что ровня неохотно знается съ П., такъ онъ уже беретъ въ комплектъ В. Но съ этимъ не сдобровать: это можетъ прибавить разгульнаго товарища, но убавитъ добраго мнѣнія, которое для выскочки должно быть очень дорого. Я этого не понимаю, надобно доискаться резона.

Скажи мнѣ, человѣкъ Божій, что находишь ты пріятнаго въ этой жизни? Хорошее мѣсто, хорошее состояніе или хорошую жену? И то, и другое, и третье. Будетъ одно, будетъ и прочее. Нѣтъ, Божій человѣкъ, не будетъ. Хорошее не дано тебѣ, дано худое, да возможность лучшаго. Но что теперь привязываетъ тебя, изъ за чего ты бьешься? Чтобъ жизнь промаитъ какъ нибудь? Такъ ты выбралъ плохое средство.

*

*) Знаменитый тогдашній пѣвецъ. П. Б.

Французы готовы отвѣчать головою, что, рано или поздно, повсюду будутъ приняты конституціонныя правительства, представительное правленіе. Въ такое короткое время, говорятъ они, и уже столько народовъ приняли конституцію. Весь Западъ Европы, часть Германіи, нѣкоторыя государства на Югѣ и два королевства на Сѣверѣ, и все это съ быстротою электричества. Правда, примѣръ Франціи подѣйствовалъ на многихъ. Въ пятнадцатомъ-двадцатыхъ годахъ всѣ государи были согласны на введеніе представительнаго правленія. Такъ крѣпко дѣло народовъ держало умы и послѣ эпохи народнаго деспота. Теперь думаютъ иначе, понятіе очистилось. Французы могутъ проспорить, (Изъ нихъ одинъ романистъ и виконтъ сказалъ: *le bonheur des nations ne se donne pas, il s'en pose* *). Добрые Баварцы, учредя конституцію, въ первое засѣданіе преставителей, жаловались на публичность мнѣній и пересуды. Французы, чтобы подкрѣпить свои выводы историческими показаніями, противорѣчатъ самимъ себѣ. Отчего въ древности не видно конституціи? „Всѣ древнія націи занимали малыя пространства“, это несправедливо, а если и справедливо, то не существенная причина; главное въ томъ, что древніе не дошли до этой степени и не могли дойти. Если вникнуть хорошенько въ ученіе древнихъ объ обществѣ, эти великія націи представляются намъ младенческими. У нихъ была общая опасность, но не было общаго интереса, постоянного и основаннаго на общихъ постоянныхъ нуждахъ, да и всѣ народы древности жили по нѣскольку лѣтъ: въ продолженіи пяти столѣтій, съ пятисотаго года по первой составлялись и разрушались три имперіи. Эти имперіи составлялись изъ самыхъ разнохарактерныхъ племенъ, не имѣвшихъ между собою ничего общаго; это не имперія Карла Великаго, образованная изъ Германскаго племени; не имперія Карла Пятаго, соединенная общимъ интересомъ вѣры, опасенія и торговли. Древніе достигли до этой степени, потому что они успѣли; новѣйшіе народы могутъ успѣть и должны успѣть, но могутъ и, можетъ быть, должны будутъ измѣнить конституціонныя формы, ибо онѣ не составляютъ еще верха совершенства, ни потому, что ихъ усвоили Французы (которымъ Богъ судилъ пройти всѣ фазы измѣненій), ни потому, что онѣ въ исторіи являются послѣднимъ звеномъ общественнаго устройства. Конституціонныя формы родились въ Англіи, оттуда перешли и усовершенствовались во Франціи. Англія и Франція, два блестящія созвѣздія нашего горизонта, по своему положенію должны были жить дѣятельно, живо, многосторонне. Странное дѣло! Эти двѣ первенствующія державы всего болѣе одолжены случайности, временнымъ обстоятель-

*) Счастіе не дается народамъ, оно налагается.

ствамъ, человѣческой слабости. Разберите ихъ исторію; на чемъ основаны у нихъ всѣ главнѣйшія основы ихъ правленія, всѣ ихъ хартии и коренныя постановленія? Англія и Франція преимущественно образовались a posteriori, изъ жизни, изъ опыта; конечно, у всѣхъ народовъ преданіе имѣетъ дѣятельное участіе въ развитіи жизни, это законъ человѣческаго развитія, но преданіе есть отрицательный движитель. Прошедшее важно какъ фактъ изученія, какъ подтвержденіе теорій, а не какъ составная часть жизни. Жизнь нова: чѣмъ обновленіе всестороннѣе, тѣмъ меньше въ немъ преданія. Въ Англіи и Франціи дѣйствительность такъ подавляетъ теорію, что до сихъ поръ тамъ нѣтъ ни одного гениальнаго систематика, а искусство—забава. Вывода теорію изъ жизни, Французы естественно должны были писать законы на толкучемъ рынкѣ, гдѣ раздаются тысячи голосовъ, съ ихъ временными, мелкими и односторонними видами; съ того времени какъ законы пишутъ въ такой суматохѣ, во Франціи нѣтъ законовъ, есть какія-то временныя положенія, принятая большинствомъ интереса. Но, скажутъ, тѣмъ лучше: эти временныя положенія ближе къ нашему бытію, которое есть временное, и слѣдовательно способнѣе дать благосостояніе. На время, согласенъ, но не забудьте, что здѣсь одно положеніе противорѣчить другому; каждое положеніе сопровождается бурей, отъ малаго предмета возстаетъ весь рынокъ, отъ крика къ брани, отъ брани къ дракѣ. Убійство, бунтъ! Въ 1791 году сколько было конституцій! Вы думаете, они обошлись дешево? Эта жизнь мысли, пылъ страстей льстятъ человѣческому самолюбію, кровь кипитъ, голова горяча, вниманіе въ напряженіи: развѣ это естественное состояніе человѣческаго общества? „образумятся“—такъ возьмите на примѣръ законъ о книгопечатаніи, главную опору конституціоннаго управленія. Чего съ нимъ не дѣлали?

*

Сенковскій обругалъ и сочинителя и сочиненіе А. Б. В. Г., всю Русскую азбуку. Неужели можно говорить печатно о книгѣ что хочешь, вѣдь книга товаръ. Что же дѣлаетъ М. Н. П.*. Позволятъ ли мнѣ напечатать: у господина Н. всѣ товары дрянъ? Ей Богу, г. г., это дозволеніе есть злоупотребленіе. Ну ужъ положимъ, лицо ругать нечего, лицами не дорожать, но книга товаръ, это подрываетъ и книжную торговлю, и авторскій кредитъ. Право, этимъ надобно заняться.

*

Читайте публичную и домашнюю жизнь Лютера, хоть въ Запискахъ изданныхъ Мишле, и увѣрьтесь, что не великіе люди производятъ рефор-

*) Т. е. Министерство Народнаго Просвѣщенія, вѣдавшее цензуру. П. Б.

маціи и что эти люди вовсе не велики событіями. Сынъ крестьянина, монахъ, докторъ, реформаторъ, Мартынъ Лютеръ былъ наравнѣ со своимъ вѣкомъ, но къ формальному знанію онъ присоединилъ идеальное, къ духовному свѣтское, къ отвлеченному положительное; это дало ему уваженіе Меланхтона, Гуттена и даже Эразма. Состояніе мнѣній было таково, что злоупотребленія Рима могли быть признаны официально. Лютеръ написалъ формальный рапортъ епископу, жалуясь на обманъ и наглость Тецеля. Здѣсь виденъ монахъ-попъ. Епископъ приказалъ монаху смириться и замолчать; изъ за монаха показался докторъ, профессоръ Виттембергскаго университета. Когда и профессору приказали перестать, является реформаторъ, фанатикъ, назойливый, вспыльчивый и честолюбивый. Это уже не попъ и не докторъ, это крестьянинъ Мюнцеръ, Іоаннъ Лейденскій, Карлъ Остадтъ. Чтобы не смѣшаться съ этими низкими людьми, онъ подчинилъ ученіе буквальному смыслу Евангелія, а церковь безусловному повиновенію власти. Дѣло вѣры сдѣлалось дѣломъ политики, дѣломъ философіи, дѣломъ экзегетики. Онъ скоро это почувствовалъ, и самъ онъ сталъ писать противъ папы, чорта и государей. Онъ скоро увидѣлъ, что его реформа, хотя онъ и предпринялъ ее во имя Бога, приняла совсѣмъ другое направленіе: явилось безвѣріе, не было теплоты въ сердцѣ, даже въ женѣ его Екатеринѣ, даже въ его собственномъ. Старое вѣрованіе отложено, къ новому еще не привыкли, неопредѣленность отношеній организаціи и значенія церкви дала поводъ ко многимъ злоупотребленіямъ и отпаденіямъ. „Реформа церкви, пишетъ Лютеръ, есть дѣло не наше, а государственное; что же не войдетъ въ государственное дѣло свѣтская власть?“ И именно такъ: сдѣлай Лютера генераль-суперинтендентомъ, дай ему въ помощь исполнительную власть и придай ему совѣтъ, гдѣ бы онъ имѣлъ голосъ президента! Онъ уже втроемъ дѣлалъ нѣчто подобное, но вѣроятно прекратилъ по запрещенію власти. Власть всегда должна входить въ дѣло преобразования, если не хочетъ быть обойдена и ослаблена. Лютеръ готовъ былъ отъ души прекратить реформу; этого мало: ратовать противъ нея, лишь успокойте его, помирите съ нимъ. Въ реформаторѣ выдавался чловѣкъ съ нуждами и желаніями, постоянство его поддерживалось необходимостью. Онъ долженъ былъ идти по открытой имъ дорогѣ, хотя это не соответствовало его цѣли; онъ ратуетъ болѣе на реформаторовъ нежели на папистовъ, онъ неравнодушно терпитъ недостатки и тщеславится своимъ добрымъ дѣломъ. Подъ конецъ жизни и еще раньше, онъ сталъ желать насильственной смерти (и это всегда бываетъ съ людьми недовольными и не управляющимися съ дѣломъ) для запечатлѣнія новаго ученія, а не желалъ благоденствія для утвержденія и распространенія своего ученія. Преобразование опередило его, и ему въ жизни не остава-

лось ничего доблестнаго. Понятія Лютера о правѣ пошлы и спутаны. Манифестъ крестьянъ (написанъ умно, но слабо) обнималъ реформу обширнѣе и ближе. Лютеръ это чувствовалъ и въ отвѣтныхъ памфлетахъ своихъ къ царямъ и крестьянамъ является нерѣдко дипломатомъ: прикажите ему опровергнуть манифестъ, но общайте ему за это награду. Есть несомнѣнные намеки на готовность реформатора оставить дѣло, если за это дадутъ ему хоть кардинальскую шапку. Съ крестьянами князь, съ князьями крестьянинъ, Лютеръ не имѣлъ опредѣленнаго дѣйствования, и мнѣ кажется, онъ просто былъ орудіе новыхъ мыслителей, которые не пускались на арену, пока не объяснится, гдѣ вѣрнѣе побѣда и гдѣ ближе достиженіе. Лютеръ, какъ всякій невеликій человекъ, не выразился вполнѣ, и надъ его могилою можно выразить общую подпись: *C' est un homme manqué**).

Кальвинъ былъ Лютеръ Французскій; онъ уступаетъ великому реформатору въ силѣ генія, но превосходитъ его въ положительныхъ свѣдѣніяхъ и особенно въ умѣніи приложенія. Но тотъ и другой имѣли умъ болѣе отрицательный и разрушительный, нежели творческій, имѣли болѣе нетерпѣнія, нежели ожиданія, болѣе убѣжденія, нежели вѣрованія. Но въ Лютерѣ болѣе силы и прямоты, хитрый же Швейцарецъ любилъ и насиліе.

*

Вчера (21 Іюля 1837) я былъ на аукціонѣ въ библиотекѣ покойнаго графа Аракчеева. Книги довольно плохи, хорошія отобраны для Новгородскаго корпуса; вещи великаго человека продавались съ молотка, покупались безъ участія къ лицу или по крайней мѣрѣ безъ любви, а развѣ изъ любопытства, точно ли онъ былъ великій человекъ? Власть его была велика, взглядъ его былъ обширенъ, соображеніе сильное; но ему не доставало познанія неизмѣнныхъ началъ жизни и законовъ развитія нравственнаго тѣла, каковымъ можно назвать государство: онъ слишкомъ потакалъ временнымъ, мѣстнымъ обстоятельствамъ.

*

Я былъ въ Москвѣ отъ 8-го по 20 Сентября 1837 года для больной сестры моей. Но семейственное дѣло, хотя главное, занимаетъ здѣсь второе мѣсто. Я свидѣлся съ Москвой послѣ 3-хъ лѣтъ отсутствія (съ 1-го Марта 1835 года), послѣ 3-хъ лѣтъ Петербургской гражданской службы. Въ Москвѣ началась моя жизнь. До 1828 года все мое прошедшее такъ плохо, такъ неосновательно и безмысленно, что лучше бы его не было. Въ Москвѣ я началъ учиться, въ Москвѣ я узналъ состояніе гражданина, требованія общества, достоинство человека. Семь

*) Человекъ не удавшійся.

лѣтъ въ Москвѣ—вотъ мое прошедшее, о которомъ я хоть что нибудь могу сказать самому себѣ. Какія мысли, какіе планы толпились въ головѣ молодого студента, гдѣ они? Я отъ нихъ не только отказался, но даже отвыкъ, я даже забылъ ихъ и даже осуждаю ихъ; но они смѣлы, благородны, они противорѣчатъ обстоятельству, но онѣ согласны и свойственны молодой душѣ, еще непреклонной подъ уровень человѣческихъ устройствъ; они расширяли душу, тѣснили дыханіе и давали юному взгляду нѣкоторый даръ предвѣдѣнія; но ихъ нѣтъ и уже не будетъ. Каково было взглянуть на мѣста и лица, посреди которыхъ родились и жили молодые помыслы? Горько. Это не было разочарованіе: оно было ранѣе; это не были упреки, они преслѣдуютъ меня и въ Петербургѣ; это было воспоминаніе о томъ, чтѣ было хорошаго и чтѣ, можетъ быть, потому и хорошо, что не исполнилось: воспоминаніе о прошедшихъ надеждахъ, въ замѣнъ которыхъ теперь толпятся другія надежды, можетъ быть, тоже несбыточныя! Опыты жизни можно назвать капиталомъ, надежды оборотами, воспоминанія о нихъ банкротствомъ. Живетъ воспоминаніе только то, чтѣ удалось: то, чтѣ совершилось обращается въ опытъ, въ капиталъ, въ жизнь. Я повторяю, въ Москвѣ надпись на гробницѣ почти всякаго человѣка: *homme manqué*, и не почти, а непременно всякаго. Кто весь выразился, тотъ не раскаивается передъ концомъ.

Можетъ быть поэтому, не смотря на свиданіе съ моей любимой сестрой и искренними людьми, Москва мнѣ не понравилась. Я уѣхалъ до срока, и безъ дѣла еще не поѣду. Отдаленіе отъ Москвы и Москвитянъ отъ Петербургской жизни едва ли не больше замѣтно, чѣмъ отдаленіе провинціи отъ Москвы. Москва модная провинція. Какое-то тайное чувство униженія проскакиваетъ въ разговорѣ Москвича съ Петербургскимъ, какое-то назойливое, умышленное неуваженіе къ общимъ гражданскимъ понятіямъ, какая-то неуваженность въ несомненномъ довѣрїи къ сомнительному, безалаберный порядокъ въ поступкахъ и мысли. Въ Москвѣ много Русскаго, но не чистаго національнаго Русскаго; тамъ смѣшано съ Французскимъ и Нѣмецкимъ; но изъ трехъ этихъ ученій Русское—главное, Русская нація, Русскій умъ на той степени развитія, когда чувствуютъ необходимость знанія (еще для цѣли, а не для самаго знанія), когда начинаютъ думать о нуждѣ, но когда еще живутъ, чтобы только жить, занимаются, чтобы выиграть, хвалять, чтобы обмануть, наживаются, чтобы расточать или скряжничать, молятся о даяніи, знаютъ по слуху, учатся по книгамъ, учатъ по заказу. Статистика нашихъ сословій представляетъ начало развитія; образованность не ввела еще общихъ понятій, минутное соединеніе общихъ видовъ не мѣшаетъ рѣзкому отдѣленію одного класса отъ дру-

гого, одной профессіи отъ другой. У насъ еще нѣтъ прошедшаго, можетъ быть оттого, что, судя по настоящему, наше будущее слишкомъ велико; теорія нашей жизни измѣняется, *чисто авось* и еще чаще подражаніе; это мѣшаетъ и опыту, который при зыблестности теорій не имѣетъ постояннаго положенія.

Можетъ быть, и эти строки пишетъ Москвичъ. Въ Москвѣ Нѣмецкое вліяніе, соединенное съ Французскою суетностію, сдѣлало изъ мыслящихъ людей оппозицію правительству; тамъ столько теорій, и всѣ такъ готовы къ теоріи, что не удивительно, если посторонній скажетъ: отчего же здѣсь нѣтъ никакой положительной теоріи?

Москва дрожжи Русскаго затора.

*

Тальони на Петербургской сценѣ, я ее видѣлъ въ Баядеркѣ и въ Востаніи. Въ первый разъ я не понялъ ея, сидѣлъ далеко и видѣлъ плохо; мнѣ казалось, по сценѣ скользитъ, и летаетъ, и кружится какое-то легкое, летучее, прозрачное существо. Во второй разъ я разсмотрѣлъ ее хорошо. Это женщина немолодыхъ лѣтъ, высокаго роста и около стана, который гибокъ какъ можетъ быть гибокъ станъ человѣческой, худоцава, но сильна, тверда и легка какъ пухъ. Она свободна и почти не чувствуетъ утомленія. Совершенство физическаго ея состава описать трудно, ноги ей послушнѣе, нежели намъ руки. Нѣтъ ни прыжковъ, ни пируэтовъ; во всѣхъ движеніяхъ простота, скромность и благородство, къ этому формальному совершенству дана ей граціозность, о которой трудно имѣть понятіе, не видавъ Тальони. Посмотрѣвъ ее разъ, вы получаете совершенно другое понятіе объ искусствѣ.

*

У меня былъ Головкинъ Иванъ Алексѣевичъ, товарищъ и одинъ изъ лучшихъ кандидатовъ по университету. Я зналъ его какъ исправнаго студента, но далѣе этого я въ немъ не видалъ; мнѣ казалось, что онъ принималъ науку за тетрадь, знаніе за книгу, въ немъ было стремленіе къ безотлагательному ученію, въ немъ не было цѣли усовершенствованія, однимъ словомъ, я смотрѣлъ на него какъ на человѣка средней руки. Теперь я его увидѣлъ снова послѣ пяти лѣтъ: онъ опытниѣе, онъ подъ дѣйствіемъ человѣческой существенной жизни; онъ прямо нападаетъ на теорію, онъ признаетъ, что всякій секретарь (его слова) лучше профессора, по опредѣленности и пользѣ занятій, чѣмъ не можетъ похвалиться ни одинъ учитель (онъ вѣроятно разумѣлъ нашихъ). Это плохо, это показываетъ, что понятіе мое, какъ о студентѣ было справедливо. Съ другой стороны, мы уже различны съ нимъ и потому, что я въ Петербургѣ, а онъ въ Москвѣ; но Головкинъ добрый, благородный человѣкъ, которому дай Богъ хорошаго пути и достиженія

степеней, гдѣ такъ мало истинно-добрыхъ и благородныхъ людей. Вопросъ: не дѣлають ли эти степени всѣхъ людей такими, какими мы ихъ видимъ? Нѣтъ, измѣненіе по степенямъ есть признакъ посредственности. Не врожденны ли эти измѣненія въ человѣческой природѣ или не есть ли извлеченіе, измѣнчивость въ которыхъ? Но истинные люди есть тоже извлеченіе, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ состояніи.

*

Я ничего не имѣю написать въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ; мой весь вечеръ провелъ у кн. Н. Д. О. Такъ иногда ничтожна самая продолжительная методическая скучная бесѣда. Эта святая княгиня, и больна, и несчастлива.

*

Образуется новое Министерство Государственныхъ Имуществъ, оно еще измѣнится; жалко видѣть эту огромную часть въ такомъ ничтожномъ видѣ. По направленію рутинны превосходительнаго канцеляриста все что ни будетъ, будетъ лучше. Киселевъ не показалъ себя великимъ художникомъ, но онъ уменъ, ловокъ и дѣятеленъ. Заведите машину, она найдетъ дальнѣйшій ходъ, укажетъ средства, обновленная жизнь найдетъ лучшее направленіе. Мы это видимъ по Удѣльному управленію. Что будетъ, то будетъ, но хуже бывшаго не можетъ быть. Что если бы теперь преобразовать Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, эту огромную кучу всякой дряни, преобразовать полицію, особенно земскую, ввести болѣе правильный способъ раскладки и сбора повинностей, поставить болѣе независимый образъ дворянскихъ, городскихъ выборовъ, измѣнить порядокъ гражданскихъ службъ. Боже мой! Да мы поклялись бы тогда и за правнуковъ нашихъ не думать о конституціи. Это было бы такое великое дѣло, какого Петръ не произвелъ со своими преобразованіями и ужасными средствами. Теперь все въ зародышѣ; время разовѣтъ, способы созрѣють. Дай Богъ, чтобы энергія и независимость характера нашего Царя продлились долго, долго.... Никто такъ не дѣйствовалъ рѣшительно и самостоятельно и никто такъ много не сдѣлаетъ какъ онъ, первоначальникъ національной жизни, истинный государь вполнѣ монархической власти.... Но, Ваше Величество, болѣе искренности, болѣе безпристрастія, и еще болѣе независимости, еще болѣе самовластія... Чтобы угодить вамъ, не надобно угождать никому, даже себѣ. Богъ не себя любитъ, а всѣхъ.

*

Сегодня четырнадцатое Декабря 1837 года, ровно двѣнадцать лѣтъ бунту молодыхъ людей, сдѣлавшихся жертвою безотчетнаго предпріятія. Малая опытность должна была предупредить, что въ этой мысли не

достаеѣтѣ главнѣйшаго для проявленія въ жизни: готовности въ народѣ и недостатка средствъ. Мысль частная, принадлежащая нѣкоторымъ головамъ, которыя не принадлежали къ народу, мысль слишкомъ идеальная, и потому не созрѣвшая даже въ предположеніяхъ начинателей, эта мысль не удалась и не могла удасться, даже и тогда, когда бы бунтовщики имѣли за себя весь Петербургъ, потому что народъ не совершаетъ преступленія, а всякая революція, вышедшая не отъ правительства, есть преступленіе; потому что не было повода къ подобной реформѣ, и наконецъ потому, что общество не готово принять въ себя подобную мысль, взятую изъ книгъ и несовмѣстную съ Русскою имперією. Нѣкоторые говорятъ, что бунтъ четырнадцатаго Декабря осуждается потому, что онъ не удался; да, и по этому: удача есть вѣрный признакъ правильности, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ, гдѣ случайность имѣетъ наименьшее вліяніе, именно въ дѣлахъ цѣлаго общества. Въ историческомъ отношеніи бунтъ четырнадцатаго Декабря чрезвычайно важенъ, въ политическомъ онъ не стоить и картечи. Я не могу понять, какъ могла подобная мысль имѣть хоть какое-нибудь вѣроятіе, если не объяснить попытку эту нашими Византійскими годами 1730, 1740, 1762 и 1801. Во всякомъ случаѣ конституція погубила бы силу, величіе и славу Россіи. Безъ просвѣщенія нѣтъ свободы, безъ свободы нѣтъ общаго мнѣнія, а безъ него нѣтъ конституціи.

*

Вечеромъ семнадцатаго Декабря я довольно поздно ѣхалъ отъ Клеопатры Др. домой. Было большое зарево, и толпился народъ, когда я былъ на Адмиралтейской площади; видно было, что пожаръ усилился и что онъ въ зданіяхъ зимняго дворца. Вся площадь покрыта народомъ, по улицамъ бѣжали полки солдатъ, дымъ покрывалъ небо, и площадь, великолѣпныя палаты Русскаго императора были объаты пламенемъ. Тысячи народу, вся полиція, полки гвардіи и все это могущество великаго государя, стояло и смотрѣло, какъ огонь пожиралъ колоссальное зданіе, наслѣдственный дворецъ державныхъ царей, въ которомъ цѣлый вѣкъ копились и стекались драгоценности свѣта, расположенныя изящнымъ вкусомъ и оберегаемыя милліономъ цередворцевъ. На другой день по утру, часу во второмъ, я прошелъ мимо пожарища; пламя было внутри. Вечеромъ зрѣлище представляло ужасную картину. Темная ночь, огни караулень, цѣпи солдатъ и волны народа по краямъ: зарево было далеко, дымъ шелъ къ верху. Это громадное зданіе, обгорѣвшее и неподвижное, освѣщенное пламенемъ среди ночного мрака, къ всеобщему удивленію казалось какимъ-то очарованнымъ чудеснымъ замкомъ, гдѣ давался блестящій балъ волшебною силою. Но не было никого на этомъ пирѣ; изумленные зрители смотрѣли со

страхомъ на шумную пустоту, на это невидимое присутствіе духа-истребителя. Для меня это зрѣлище было какимъ-то символомъ могущества. Интердиктъ¹⁾, чтобы остановить потокъ огня, тогда какъ тысячи готовы отстаивать каждый шагъ съ пожертвованіемъ жизни, тогда какъ всѣ силы власти и образованности могутъ двинуться по одному мановенію. Стой, могущество человѣческое! Ты строило дивный храмъ сто годовъ, я истреблю его въ сто минутъ; ты собирало сокровища со всѣхъ краевъ, я пожру ихъ въ одно мгновеніе. Эти залы, гдѣ красовались владыки и великіе міра, сдѣлались пепелищемъ; эти стѣны, украшенныя ликами геніевъ, превращены въ развалины. Что же ты можешь, человѣкъ? Этотъ дворець не принадлежалъ царю, но царямъ, не имени, но достоинству, не времени, но вѣчности. Неужели, Государь, не было средствъ спасти его? Неужели точно сгорѣлъ зимній дворець? Говорять много, но много говорятъ глупаго.

*

Неужели статьи Полевого („Сынъ Отечества“) будутъ читаны съ тѣмъ же легковѣріемъ, какъ и прежнія его въ „Телеграфѣ“, писанныя очертя голову, хотя искренно. Все достоинство ихъ—смѣлость, иногда переходящая въ брань, и почти всегда нетерпѣливое, самолюбственное умничанье дерзкаго, если не нахальнаго, журналиста; жаль, что ни онъ, ни публика не поумнѣли съ того времени, а послѣднія кн. „Телеграфа“, кажется, обѣщали болѣе осмотрительности со стороны издателя и болѣе строгаго требованія со стороны читателей. Подлый тонъ въ „Библиотекѣ“ помѣшаетъ этому.

*

Когда народъ жалуется на правительство, онъ говоритъ о государѣ: *oh, s'il savait!* Когда толпа наводняетъ дворець и въ ярости своей встрѣчаетъ государя, она говоритъ: *on vous trompe*²⁾. Слѣдовательно, есть убѣжденіе въ націи, что государь желаетъ добра подданнымъ, что все зло отъ окружающихъ. Если бы министры дѣйствовали съ тою прямою и безразличіемъ, какія свойственны государямъ, никогда не было бы ни волненій, ни беззаконій. Нація любитъ государя, она никогда не возропщетъ на его власть; царская власть священна, тяжела власть подчиненныхъ. Это убѣжденіе есть уже сильная причина законности монархіи и естественности неограниченнаго правленія. Одинъ важный пунктъ представляется затрудненію, какъ уничтожить злоупотребленіе правительствъ, кого избрать посредникомъ между царемъ и исполнителями. Никого: всякое посредничество будетъ оппо-

¹⁾ Запрещеніе.

²⁾ Если бы онъ зналъ!—Васъ обманываютъ.

зицію. Надобно, чтобы исполненіе соотвѣтствовало волѣ, цѣли; надобно, чтобы отправленіе обязанности было строго совѣтливо; для этого не нужно посредничествъ; для этого нуженъ только болѣе вѣрный способъ выбора исполнителя, а это такая трудность, что я не осмѣливаюсь сказать ни слова. Тутъ кажется одно средство: гласность, публичность, назначенія по извѣстности, по мнѣнію общества и публичности служебныхъ дѣйствій.

*

Въ Комиссаріатскомъ Департаментѣ былъ подрядчикъ Одесскій купецъ Маркусъ Борисовичъ Розенбергъ, Еврей, человекъ скромный, терпѣливый, предприимчивый, человекъ съ большимъ довѣріемъ, пользующійся уваженіемъ своихъ согражданъ; изъ всѣхъ Евреевъ онъ оказался честиѣйшимъ. Въ концѣ прошлаго года онъ подкупилъ цѣновщиковъ дома въ Одессѣ; подкупъ былъ открытъ по доносу жандармами, назначенные другіе цѣновщики сдѣлали новый подкупъ, новая соразмѣрная оцѣнка. Въ это время, по странному стеченію обстоятельствъ, началась въ Петербургѣ передѣлка съ Жидами. Изъ нихъ человекъ шесть отдано въ солдаты, многіе посланы, нѣкоторые сосланы, въ числѣ высланныхъ былъ купецъ Черноморскій, старикъ семидесяти шести лѣтъ, зажиточный и почитаемый. Онъ посланъ по этапамъ въ походъ на тысячу верстъ. Въ числѣ посланныхъ былъ Бромбергъ, котораго Евреи называли великій Бромбергъ, „ходатай за Божьяго народа“, выхлопотавшій Еврейскимъ солдатамъ святую субботу. Еврей дерзкъ, наглъ, строптивъ и обманщикъ, сколько можно судить по толкамъ и слухамъ; онъ посланъ въ Вятку; отданные въ солдаты назначены въ арестанскія роты: это замѣненіе Сибирской каторги. Въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ (началась передѣлка, кажется, съ дворцоваго пожара) перебрали Жидовъ, кажется, человекъ сорокъ. Въ это-то время открылось злоупотребленіе Маркуса Розенберга, которое почти было обычаемъ и которому поводомъ могла служить чрезвычайно несоразмѣрная оцѣнка домовъ въ Таганрогѣ, дававшая огромныя средства многимъ подрядчикамъ и особенно В. И. Бетхеру. Розенбергъ извѣстенъ государственнымъ людямъ, и арестъ его возбудилъ большое участіе; по высочайшему повелѣнію онъ долженъ былъ просидѣть три мѣсяца въ крѣпости, опубликованъ какъ человекъ неблагонамѣренный и посланъ въ мѣстожителство съ запрещеніемъ выѣзда въ обѣ столицы; это послѣдовало, кажется, 9 Февраля. Всѣ эти дѣла должны теперь потерпѣть сильное измѣненіе; можетъ быть, онъ не разорится, но во всякомъ случаѣ довѣріе его упадетъ. Дѣло было рѣшено безо всякаго суда. Можетъ быть, оно и судилось, но въ корпусѣ жандармовъ или въ Третьемъ Отдѣленіи; можетъ, оно рѣшено и справедливо но, великіе

міра сего, высшіе исполнители воли Государя, Ваше Величество, неужели на этомъ основывается благосостояніе любимой вами и любящей васъ націи? Неужели, отходя ко сну, вы спокойно закрываете глаза свои и въ уединенной бесѣдѣ съ совѣстью не чувствуете и окруженные безчисленными караулами не тревожитесь внутреннимъ голосомъ, и усыпляетесь притворною лестью вашихъ окружающихъ.

*

Четверть новаго года (я пишу 31 Марта 1838 года) политическая Европа начинается историческими событіями. Первое это есть борьба началъ монархическаго и демократическаго, возбужденная Іюльскою революціею и склоняющаяся постоянными мѣрами государей на сторону монархизма, умѣреннаго, законнаго, это правда, но чистаго, самостоятельнаго. Въ Англіи Канадское дѣло, на Перинейскомъ полуостровѣ междоусобіе, во Франціи измѣненіе Іюльскихъ мнѣній, въ Пруссіи Кѣльнскій вопросъ, въ Россіи и Австріи систематическое преобразование, въ Ганноверѣ новая конституція, въ Греціи утвержденіе правительства, въ Турціи и Египтѣ нововведенія и вопросъ объ отложеніи, всюду желѣзныя дороги, новыя оперы, усиленіе началъ въ дѣйствіяхъ, положительное знаніе, а съ ними и промышленность идутъ своимъ чередомъ.

*

Сегодня мой человѣкъ Іоаннесъ Думкопфъ объявилъ мнѣ, что оставляетъ меня. Причиною такого внезапнаго отказа мое неудовольствіе. Я какъ-то сказалъ ему, впрочемъ въ десятый разъ, что онъ говоритъ и отвѣчаетъ, смотритъ и ходитъ не по человѣчески, что онъ всегда такъ дурно одѣтъ и такъ звѣрски обращается, что я стыжусь за него, что всѣ замѣчаютъ это, что онъ срамитъ себя и, наконецъ, что онъ долженъ измѣниться, если хочетъ остаться при мнѣ. Я нанялъ его въ 1836 году въ Августѣ за 300 руб. въ годъ, помогалъ ему, наконецъ въ Сентябрѣ или въ Августѣ 1837 года прибавилъ ему 120 руб. И всетаки у него жена и сынъ, получаемаго жалованья ему недостаточно, къ тому же онъ Нѣмецъ, самолюбивъ до крайности, своенравенъ и высокаго о себѣ мнѣнія, поэтому онъ былъ дурной камердинеръ, но честный и здравомыслящій человѣкъ, портной и совѣтливый исполнитель. Этихъ качествъ трудно найти въ Русскомъ слугѣ. Посмотрю, но мнѣ очень жаль моего Dumkopfa. 23 Августа 1838 года.

*

Вчера былъ у меня Александровъ, товарищъ по гимназіи, бѣдный медикъ, прибывшій изъ Мезени искать мѣста. Онъ не имѣетъ ни квартиры, ни приличнаго дневнаго пропитанія. Я наговорилъ ему множество о затрудненіяхъ, о моемъ незавидномъ положеніи, общался

просить за него д. с. с. Майера, но себя потѣшить не захотѣлъ, братски съ нимъ моей сотни не раздѣлилъ, придти ко мнѣ обѣдать не пригласилъ. Я и теперь нахожу это невозможнымъ, хотя занимаю четыре комнаты, не чувствую большой нужды и искреннимъ участіемъ могъ бы облегчить его недостатки, хотя бы въ небольшомъ размѣрѣ. Это эгоизмъ, начало умѣнья жить, и вотъ демонія, причина бездѣятности моей жизни и, можетъ быть, зародышъ порчи, которую въ свѣтѣ называютъ обтершеюся опытностью. Предохрани меня, Боже! Я еще скрываю отъ самого себя многое, что несомнѣнно доказываетъ мой эгоизмъ, но я не испорченъ. Точно ли я не испорченъ?

*

По случаю ревизіи уголовныхъ законовъ подъ вѣдѣніемъ М. М. Сперанскаго и Д. В. Дашкова, ему поручено заняться критическимъ обзорѣніемъ проектовъ уголовныхъ уложеній 1753 и 1813 годовъ и сообразить, въ какой мѣрѣ могутъ быть полезны преобразованія, въ этихъ проектахъ предполагаемыя. Обзорѣніе перваго сдѣлалъ онъ самъ, обзорѣніе втораго проекта поручилъ мнѣ.

Проектъ 1753 года, приготовленный къ высочайшему утвержденію, замѣчательнъ во многихъ отношеніяхъ; онъ составленъ послѣ неудачныхъ попытокъ полнаго уложенія съ упоминаніями соборнаго 1648 года, новоуказанными статьями, согласными съ ними генеральными рѣшеніями и заимствованіемъ въ отношеніи судопроизводства и администраціи изъ уложенія Шведскаго, а въ отношеніи правъ владѣнія изъ постановленій губерній Отзельскихъ.

*

Дѣло доктора Майера кончилось совершеннымъ успѣхомъ; оно принадлежитъ къ тому разряду, гдѣ представленіе дѣлается въ двухъ видахъ и при безмолвномъ утвержденіи толкуется въ пользу той стороны, которая хлопочетъ. А Энгельгардтъ сказывалъ мнѣ, что залоги, гибнувшіе у Александровича, принадлежатъ графу Чернышеву и дѣло обработано Якобсономъ въ этомъ смыслѣ.

*

Божусь вамъ Богомъ, что мы люди добры, но мы слабы. При недостаткѣ силъ крѣпость сообщается порядкомъ. Порядокъ есть душа жизни въ частномъ лицѣ, въ семействѣ и въ государствѣ.

*

Я безпрестанно попадаю въ бѣду и почти всегда по неосторожности, добровольно. Вотъ еще новый долгъ по милости князя Дмитрія Петровича Оболенскаго, и нѣтъ средствъ выплатить его, и ни одинъ изъ друзей и доброжелателей не хочетъ выручить меня изъ этой ничтожной, но для меня важной запутанности. Спасибо князю Дмитрію

и друзьямъ, и доброжелателямъ, это наука; но пригодится ли она къ чемунибудь? Какъ бы мнѣ хотѣлось сказать друзьямъ и доброжелателямъ: я былъ въ бѣдѣ, а вы меня не выручали. Я не хочу мстить или оскорблять ихъ за равнодушіе, но мнѣ хотѣлось бы сказать имъ это, чтобы избавить другого, можетъ быть, отъ такого же стѣсненія и хоть нѣсколько подавить это равнодушіе, которое, къ несчастію, съ развитіемъ круга дѣятелей и многостороннихъ нуждъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ приверженцевъ. Равнодушіе есть порча нашего счастья; всё несчастія наши были бы рѣже, меньше, если бы люди принимали другъ въ другъ участіе. Я не заслужилъ равнодушія ни отъ кого, ссуда моя сдѣлана болѣе по излишней готовности, нежели по неосторожности, еще менѣе по моей волѣ. Но это частный случай. Я говорю не о себѣ: я выпутаюсь.

*

Въ 66-мъ номерѣ „Сенатскихъ Вѣдомостей“ (Вторникъ, Ноября 15 дня 1838 года) распубликовано высочайше утвержденная сентенція генераль-аудиторіатора о ссылкѣ на каторгу дѣйствительнаго студента Александрова по извѣстному дѣлу о покушеніи на жизнь Яковлева, чтобы получить отъ отца его два милліона рублей. Генераль-аудиторіатъ вошелъ въ разсмотрѣніе такихъ обстоятельствъ изъ преступной жизни несчастнаго, которыя вовсе суду не подлежатъ. Александровъ дѣйствительно извергъ, заслуживаетъ смертную казнь, но обратите вниманіе на побудительныя причины его злодѣйскаго замысла. Александровъ имѣлъ цѣлью обогащеніе. Онъ, по словамъ его, совершалъ злодѣянія безъ злого намѣренія, а единственно для того, чтобы взвести на себя важныя преступления и черезъ то быть представлену лично Государю Императору, для открытія извѣстной ему тайны. Александровъ незаконнорожденный сынъ, два раза вступалъ въ университетъ, два раза въ подкѣ, зимой провелъ ночь на плацу, дѣлалъ фальшивыя ассигнаціи и наконецъ рѣшился подѣ видомъ фельдъ-егера и съ подложнымъ высочайшимъ повелѣніемъ испугать старика Яковлева осужденіемъ сына его за заговоръ и предложеніемъ выпроводить мнимаго преступника за границу вынудить отца на пожертвованіе двухъ милліоновъ рублей. Товарищъ Александрова донесъ обо всемъ полиціи, и несчастный былъ схваченъ, къ счастью не совершивъ преступления. Товарищъ переведенъ въ канцелярію Государя. Старикъ Яковлевъ прислалъ ему довольно значительную сумму, все дѣло рѣшено такъ, что сослали Александрова на каторгу. И только? (Александровъ сидитъ, кажется, по жизнь въ Александровскомъ равелинѣ). Нѣтъ, это дѣло важнѣе, нежели думаютъ генераль-аудиторіатъ и семинаристъ писавшій его сентенцію. Рѣчь идетъ не о потерѣ убѣжденія въ святость христі-

анской религіи: Александровъ имѣлъ религію, онъ предпринималъ такое злодѣяніе, которое Русскій человѣкъ предпринимаетъ окрестя голову. Рѣчь идетъ не объ извергѣ человѣческаго рода; эти слова сказаны въ отчаяніи полоумнымъ студентомъ. Рѣчь идетъ о томъ, чтобы обогатиться, о томъ, какъ удостоиться личнаго представленія Государю. Отчего явились эти желанія? Не отъ одной испорченности сердца Александрова. Отчего онъ рѣшился привести умыселъ свой въ исполненіе? Правительство знало объ умыслѣ, правительство не должно было ожидать покушенія и потомъ награждать Галлера. Разберите эти желанія, не допустите несчастнаго до приступа: вы найдете, что эти побужденія, какъ они ни преступны, имѣютъ своимъ источникомъ пагубные примѣры быстрого обогащенія, иногда счастливыми и смѣлыми предпріятіями. чаще глупою случайностію, иногда даже не совсѣмъ благородными путями. Остановите этого заблудшаго несчастливца, отнимите отъ него поводъ и возможность къ злодѣянію. Онъ, можетъ быть, раскаялся бы, и генераль-аудиторіатору не пришлось бы декламировать. Я не правъ, я можетъ быть даже преступникъ въ мнѣніи нашихъ великихъ судей, имѣя такія понятія; но я внутренне убѣжденъ въ нихъ и если Богъ позволить мнѣ достигнуть какой-нибудь степени, я готовъ пожертвовать жизнію, чтобы искоренять или по крайней мѣрѣ уменьшать эти случайные способы обогащенія, такъ противорѣчащіе политической нравственности. Благодарность за обнаруженіе приговоровъ.

*

Вчера съ мнѣ возвращены мои письма („Русскія Письма“⁴⁾) отъ секретаря Максима Брискорна. Кирѣевскій¹⁾ передалъ мнѣ, что Брискорнъ хотѣлъ доложить графу²⁾, что онъ автора сихъ писемъ не считаетъ полезнымъ для службы, какъ чиновника занимающагося отвлеченными предметами. Сочиненіе можетъ быть издано, но въ случаѣ какихъ бы то ни было замѣчаній, вся отвѣтственность должна упасть лично на автора и министръ не можетъ дать своего согласія на ихъ напечатаніе. Я было хотѣлъ объясниться съ Брискорномъ, но подумалъ: можетъ быть, Кирѣевскій лжетъ (за нимъ это водится), а потомъ, не ровенъ часъ: можетъ быть, угрожу на гауптвахту или получу вмѣсто отвѣта указъ о моемъ увольненіи. Пусть же мои Письма остаются до времени подъ спудомъ.

*

Въ 1832 году.... графъ Александръ Никитичъ Панинъ офиціально приглашалъ меня занять мѣсто въ Харьковскомъ университетѣ по

¹⁾ Это не изъ Московскихъ Кирѣевскихъ. П. Б.

²⁾ Графу А. Н. Панину (человѣку, къ которому по безхарактерности его нельзя имѣть довѣренности).

каедрѣ словесности и учителемъ исторіи въ тамонней гимназіи. Въ 1838 году въ Ноябрь мнѣ предлагаютъ мѣсто совѣтника губернскаго управленія въ Курскѣ, гдѣ военнымъ губернаторомъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ (человѣкъ, которому по безличному его характеру тоже нельзя имѣть никакого довѣрія). Я отказался и отказываюсь. Можетъ быть, мнѣ придется кончить карьеръ добрымъ столоначальникомъ: прекрасная перспектива, богатые виды!

*

Для меня понятны средніе вѣка. Я представляю ихъ въ видѣ Миланскаго собора: колоссальное зданіе, пестрое, дробное, все въ отдѣленіяхъ, въ корпораціяхъ. Дробность эта можетъ быть подведена подъ законъ, выраженный въ 31 и 32-мъ положеніяхъ моихъ Русскихъ Писемъ.

*

Скажите мнѣ, любезный Семень Мартыновичъ, чтоже вы дѣлали? Неужели вы не знали, что кромѣ Ксенофонта, кромѣ Грековъ и Латиновъ, есть еще люди? Неужели вы думали, что свѣтъ весь, молодой и старый, только и дѣлаетъ, что учится по-гречески, по-латыни, и также откровенны, какъ ваша Эллинская литература, также снисходительны какъ ваши нѣмыя книги. С. М. Ивашковскій родился около 1768 года въ Смоленской губерніи, учился въ гимназіи при Московскомъ университетѣ, изъ котораго вмѣстѣ съ Мерзляковымъ вышелъ, кажется, бакалавромъ, поступилъ учителемъ, сдѣлался докторомъ-профессоромъ и 1835 году уволенъ за штатомъ съ пенсіей по старому положенію. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы похлопотать о своемъ Греческо-Россійскомъ словарѣ и объ изданіи другихъ трудовъ своихъ. Ему обѣщали покровительство и вѣроятно ничего не сдѣлають. Труды его добросовѣстны, но не соотвѣтствуютъ настоящему состоянію школь и педагогіи. Жалкій человѣкъ, вытертый изъ своей колеи, не понимающій ни свѣта, ни отношеній и, какъ прежде, человѣкъ самый не-самостоятельный, хотя простой и добрый.

*

1839 добрая княжна Наталья, кажется, выходитъ замужъ за сенатора князя А. П. Оболенскаго, бывшаго губернаторомъ въ Калугѣ. Не знаю, каковъ женихъ (онъ долженъ быть за пятьдесятъ пять лѣтъ), но княжна въ состояніи доставить истинное счастье всякому, какъ прекрасная женщина, умный другъ и кроткая жена. Многіе, которые съ улыбкою будутъ говорить объ этомъ бракѣ, позавидуютъ ему, если узнаютъ княжну, а можетъ быть и князя.

*

Новый графъ М. М. Сперанскій прислалъ къ директору департамента Министерства Юстиціи П. И. Дегаю довольно толстую тетрадь и планы работъ по составленію проекта законовъ наказательныхъ. Д-ръ Дегай написалъ по каждому отдѣленію докладъ (свои замѣчанія) и препроводилъ все къ М. М. К-у*), отъ котораго взялъ все я для прочтенія. Это важное дѣло, это труды нашихъ законодателей.

*

Мнѣ надо бы написать что нибудь о себѣ. Я забываю это очень часто, занятый моими дѣлами и семействомъ; мнѣ кажется, я теперь переживаю время перелома. Мнѣ двадцать шесть лѣтъ. Погодите, мои прекрасные годы, я чувствую, что я не стою васъ. Тѣло мое отцвѣтаетъ прежде времени, не узнавъ даже преждевременныхъ наслажденій. Развѣ жизнь моя была не довольно строга, чтобы сохранить къ этому времени и крѣпость мышцъ, и силу темперамента? Отчужденный отъ семейства, при малыхъ средствахъ, съ горечью въ сердцѣ, въ противорѣчій съ дѣйствительностью, я видимо отстою отъ возвышенныхъ желаній и благородныхъ чувствъ, поддаюсь необходимости и не вѣрю уже случаю; скоро не буду ничему вѣрить и, охолодѣвъ къ идеаламъ, сживусь съ посредственностью. Богъ мой! Пошли мнѣ силъ, я слабѣю, я робѣю, я не довѣряю себѣ. Зачѣмъ же эти слезы, эта дрожь? Зачѣмъ же я такъ любилъ, что долженъ разлюбить, и готовился къ тому, чего нѣтъ для меня и не будетъ? Зачѣмъ же ты покидаешь меня, Минерва моя, мои Шеллинги, Гердеры, Асты, Эшенмайеры? А, я смѣняю васъ на Руамера, на Сея, на своды; я самъ измѣнилъ вамъ.

*

Уничтоженіе кнута не было своевременно, но его долженъ присудить одинъ Сенатъ и даже Государь. Полумѣра 1753 года могла быть только въ то время; но общее правило: никто не можетъ быть наказанъ кнутомъ, не будучи наказанъ тѣлесно. Введеніе столба позорнаго несомнѣнно съ нашимъ судопроизводствомъ и даже съ духомъ государственнаго права. Опубликованіе, подраздѣленное на степени есть важное средство. Исключеніе сословія отъ тѣлеснаго наказанія даже должно быть по многимъ отношеніямъ: городскіе обыватели не наказываются тѣлесно первый разъ, но при вторичномъ преступленіи плети. Сохраненіе гражданскихъ правъ при ссылкѣ допускается, но по минованіи опредѣленнаго срока. Работы должно раздѣлять на три степени, какъ по степени тяжести ихъ, такъ и по времени продолженія. Общія правила: высшее наказаніе постепенно уменьшается до *minimum*; ни одно вѣчное и долговременное наказаніе не должно быть одинаково.

*

*) Корніюлинъ-Пинскому. П. Б.

Командиръ Гренадерскаго Корпуса генералъ Набоковъ въ отвѣтъ своемъ (15 Апрѣля 1834 года № 1974), г.-л. Шипову, который составлялъ проектъ положенія о перевозкѣ военныхъ тяжестей, сообщая требуемыя свѣдѣнія и исчисленія, прибавляетъ: „Главнымъ отягощеніемъ для жителей внутри Имперіи, при передвиженіи войскъ, есть самопроизвольное почти взиманіе обывательскихъ подводъ несравненно болѣе противъ указаго положенія. Совершивъ неоднократно таковыя передвиженія, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ Россіи, я могъ удостовѣриться, что въ первой странѣ таковыя злоупотребленія почти никогда не бывають, ибо за подводы платятъ прогонныя деньги и безъ оныхъ никто не имѣетъ права ихъ взимать; между тѣмъ какъ, напротивъ, въ послѣдней, всякій частный начальникъ при малѣйшей настойчивости беретъ столько подводъ, сколько ему заблагоразсудится. Проходъ войскъ весьма справедливо почитаютъ гибельнымъ нашествіемъ“. Я полагаю ограничить положеніе о перевозкѣ военныхъ тяжестей одними полками и командами, при которыхъ есть обозъ и подъемныя лошади; прочія команды требуютъ ближайшихъ соображеній, а въ дѣлѣ нѣтъ никакихъ свѣдѣній.

*

Графъ М. М. Сперанскій умеръ, бывъ болѣе сорока лѣтъ государственнымъ человѣкомъ и нѣкоторое время первымъ человѣкомъ въ Имперіи. Онъ оставилъ по себѣ славу преобразователя учреждений, опытнаго законодателя и составителя Свода Законовъ; онъ не успѣлъ довершить своего поприща: ревизія законовъ осталась въ первыхъ начаткахъ. Сперанскій принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ необыкновенныхъ выходцевъ, которые могутъ являться только при неравномъ образованіи націи и которые теперь становятся рѣже и рѣже. Онъ имѣлъ необыкновенный природный умъ, которому не доставало теорическихъ знаній и строгой логики; онъ все принаровлялъ и ко всему принаровлялся. Если бы образованіе его было дипломатическое, онъ сдѣлался бы Талейраномъ Восточной Европы. Но онъ не могъ быть ни Меттернихомъ, ни еще менѣе лордомъ Чатамомъ. Скрытный и уклончивый, онъ дѣйствовалъ рѣшительно только тогда, какъ былъ увѣренъ въ заступленіи власти, а не по убѣжденію въ истинѣ; стремясь къ почестямъ, онъ всегда остерегался произносить свое мнѣніе вполне и выжидалъ запутанностей, чтобы разинуть ротъ, работалъ темно и двусмысленно, чтобы не оскорбить никакой партіи и приготовить новый поводъ къ своей необходимости при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Но по своей опытности, по своему навыку, онъ принадлежитъ къ тѣмъ національнымъ гигантамъ, которые сосредоточиваютъ на себѣ общее народное мнѣніе и потому, правъ или виноватъ, многое къ

славѣ, многое и къ безславію получалъ на свою долю изъ нововведеній и улучшеній. Какъ всѣ проискатели, отказавшіеся отъ положительнаго характера, но одаренные сильною сообразительностію и долговременнымъ изученіемъ, онъ много имѣлъ завистниковъ и преслѣдователей, былъ всѣми уважаемъ и нигѣмъ не любимъ. Какъ бы то ни было, но, и при этой черной сторонѣ его исторической жизни, онъ оставляетъ по себѣ вѣчную память. Говорять, мѣсто его занять въ Министерствѣ Юстиціи Д. В. Дашковъ, котораго я совершенно не знаю. Различные слухи не отвергають въ немъ большого ума, усидчивости и теоретическихъ познаній, но вмѣстѣ приписываютъ ему и такіе недостатки, которые не вяжутся съ достоинствомъ законодателя и государственнаго человѣка. Мѣсто Дашкова долженъ занять Д. Н. Блудовъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ съ присоединеніемъ военныхъ поселеній, внутренней стражи и ирегулярныхъ войскъ, говорятъ, будетъ П. А. Клеймихель.

П. А. Клеймихель сынъ генерала, бывшаго директоромъ кадетскаго корпуса. Онъ служилъ плацъ-майоромъ и обратилъ на себя вниманіе покойнаго Государя и Аракчеева, при которомъ онъ былъ начальникомъ штаба по военному поселенію. Теперь онъ дежурный генералъ Главнаго Штаба Е. И. В., директоръ департамента поселеній, начальникъ строеній въ Петербургѣ и перестроеній губернскихъ городовъ, начальникъ телеграфной линіи и пр. и пр.; трудно исчислить всѣ обязанности отправляемыя имъ съ изумительною дѣятельностію и успѣхомъ. Онъ пользуется самымъ невыгоднымъ мнѣніемъ въ администраціи и обществѣ. Причиною этого, кажется, его поспѣшность и нетерпѣливость, его строгость и неувѣренность въ себѣ. Онъ никѣмъ не дорожить и считаетъ дѣло и удовольствіе Государя выше всего, выше закона, выше чловѣчества; онъ могъ бы все это сдѣлать и безъ пренебреженія закона и чловѣчества, и вѣроятно удовольствіе Государя тогда было бы еще признательнѣе. Чтò о немъ ни говорили бы, но ему, кажется, суждено быть однимъ изъ сильныхъ правителей, и конечно новое назначеніе распространить кругъ его дѣйствія и вліянія и дать ему возможность устроить вѣрныя части прощѣ, стройнѣе и въ ихъ отправленияхъ односложнѣе и быстрѣе; но надобно съ дѣятельностію соединять терпѣливость и быть вмѣстѣ строгимъ и кроткимъ. Я его знаю мало, но желалъ бы служить при его личности: мнѣніе и слухи меня не пугають.

*

Я читалъ романъ Лажечникова „Бусурманъ“. Зачѣмъ онъ взялъ опять историческій предметъ? Наша исторія еще слишкомъ молода для того; но этотъ романъ хуже двухъ первыхъ и притомъ изъ поспѣшной и неровной обработки, писанъ на заказъ. О правописаніи

и говорить нечего: это провинціальная оригинальность*); впрочемъ послѣднія части не безъ занимательности.

*

Статсъ секретарь А. Н. Мордвиновъ отставленъ отъ управления Третьимъ Отдѣленіемъ собственной Е. И. В. канцеляріи. Говорятъ, что причиною немилости оплошное дозволеніе напечатать подъ портретомъ Марлинскаго: А. Безугуевъ. Я не думаю, что при этомъ не было другой важнѣйшей причины, но и эта (если онъ только позабылъ) не простительная ошибка: преступникъ, даже тотъ, которому позволено было издавать сочиненія, не долженъ имѣть преимущества народной картины; одно снисхожденіе на даетъ право для публичной привилегіи. Мордвиновъ престранной наружности и образа жизни; ни одинъ чело-вѣкъ не отзывался о немъ съ хорошей стороны, всякій боялся его по занимаемому имъ мѣсту, онъ считалъ себя непоколебимымъ, какъ хранитель тайнъ, которыя, право, гроша не стоятъ. Прошу покорно теперь расчитаться; на страшнаго чело-вѣка всякій наплюетъ, многихъ ожидаетъ подобная участь. Это чело-вѣкъ холодный и презрительный.

*

Сегодня цѣлый вечеръ сидѣлъ у меня полковникъ Николай Васильевичъ Аракчеевъ, двоюродный братъ графа, бывшій адъютантъ Милорадовича, съ которымъ онъ дѣлалъ кампаніи Аустерлицкую, Молдавскую, Отечественную и Заграничную. Онъ много рассказывалъ мнѣ о Кутузовѣ, Ермоловѣ, Михельсонѣ, Прозоровскомъ и др. Такъ какъ онъ рассказывалъ очень много, то вѣроятно много говорилъ неправды. Этотъ Аракчеевъ, бывшій нѣсколько разъ въ кабинетѣ у Императора, украшенный четырнадцатью крестами, живетъ теперь въ бѣднѣйшей квартирѣ, едва имѣетъ чѣмъ жить, ругается на чемъ свѣтъ стоитъ и ищетъ благосклоннаго знакомства вашего покорнаго слуги. Онъ хлопочетъ о назначеніи ему содержанія, если нельзя уже передѣлать несправедливое по его мнѣнію распоряженіе по духовной графа. Такова судьба свиты временщика, который въ своемъ родѣ былъ, кажется, послѣдній.

*

На дняхъ застрѣлились графъ Тормазовъ и г.-м. Обрадовичъ, какъ полагаютъ, за оскорбленное честолюбіе. Графъ Тормазовъ 32-хъ лѣтъ, богатъ, знатенъ; генераль Обрадовичъ 52-хъ лѣтъ, отецъ, мужъ. Оба передъ смертью составили завѣщанія, слѣд. причина ихъ самоубійства должна быть другая, а не безуміе; впрочемъ честолюбцы были и будутъ вездѣ и всегда. У насъ они должны быть рѣже, нежели гдѣ-нибудь: ни одно правительство не имѣетъ такихъ способовъ, какъ наше.

*) „Басурманъ“ Лажечникова напечатанъ безъ буквы з. П. Б.

*

Положеніе мое не улучшается, данныя мнѣ деньги на время освобождения отъ нужды меня, невѣстокъ, мать и брата. Здоровье мое лучше прежняго, но лѣта идутъ, планы рушатся, развитіе совершается медленно, ничтожныя свѣдѣнія не замѣняютъ недостатка опытности.

*

„Кремневъ, Русскій солдатъ“ оригинальное драматическое представленіе, сочиненіе Русскаго инвалида Скобелева. Это не Кремневъ, это самъ генералъ Скобелевъ, побасенщикъ, балтунъ, хвастунъ и задира, это онъ! Всѣ прочія лица Скобелевъ; Скобелевъ Владимиръ, Скобелева Настя; генералу, кажется, хочется быть солдатомъ-дядькою Русскаго царевича. Ему дали крѣпость.

*

Актриса всегда будетъ актрисой, назовите ее княгиней, постригите ее хоть въ монахини. Я пишу эти строки послѣ длиннаго разговора съ княгинею Гагариной, бывшею Семеновою; надобно заставить ее рассказать свою біографію, конечно, замѣчательную во многихъ отношеніяхъ: она была въ связи съ Императоромъ Александромъ. Но вотъ бѣда: актриса и здѣсь будетъ актрисою, навретъ и переверетъ, какъ я замѣчалъ это въ самыхъ ничтожныхъ разговорахъ съ нею. Попробуемъ. Она очень добра и любезна со мною, послѣднее время она, кажется, имѣла на меня виды: послѣдняя дочь ея Александра пѣвица и музыканша (она, кажется, простуха) 17 лѣтъ, я знаю ее какъ ребенка, не подававшего никакихъ надеждъ, не получившаго хорошее воспитаніе, съ дурными привычками и, *par dessus le marché*—артистка!

*

Я вызывалъ Н. И. Греча на изданіе „Практическаго Словаря Дѣйствующихъ Законовъ“ обѣщаясь взять на свою отвѣтственность по крайней мѣрѣ четвертую часть статей. Для переговоровъ я былъ у него. Гречъ положительно отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ, отзываясь удаленіемъ своимъ отъ всѣхъ спекуляцій и неумѣніемъ обращаться съ подобными предпріятіями. Гречъ вралъ. Онъ совѣтывалъ мнѣ обратиться къ восхваляемому имъ Булгарину; словомъ, къ нему нельзя имѣть довѣрія, но попытка не шутка, спросъ не бѣда. Булгаринъ отличается столько же своею дѣятельностью, сколько перемѣнчивостью мнѣній.

*

Говорятъ, что въ зимнемъ дворцѣ отъ усиленной топки и новой штукатурки при Суворовской его отдѣлкѣ, Великая Княгиня на балу, на другой день послѣ брака, не могла снять шали: такъ искусили ее придворныя блохи.

*

1839 года тяжекъ и неудаченъ, хуже прежнихъ годовъ, хотя и тѣ были не легки и не счастливы. Я говорю не о физическихъ нуждахъ по случаю неурожая, не о пожарахъ и народныхъ волненіяхъ, не о возвышеніи цѣнъ, не о неблагоустроенномъ измѣненіи монетной системы, не о политическихъ дѣлахъ запутанныхъ духомъ партій и варварскою дипломатіею: я говорю о семьѣ Государя, о самомъ Государѣ. Что-то не ладится, не клеится въ начинаніяхъ его: жена, наслѣдникъ, дочь и самъ онъ часто больны; сгорѣлъ дворецъ, выстроили дурно, надо перестраивать. Государыня видимо измираетъ; наслѣдникъ, влюбленный, какъ говорятъ, въ фрейлину Калиновскую, не хочетъ и слышать о принцессѣ Дармштадской, притомъ простоватъ и не твердъ, болѣзненъ и не надеженъ; свадьба старшей дочери не одобрена ни однимъ царственнымъ родственникомъ: вздумали учить учить зятя по-русски, выборъ учителя палъ на глупого Тимковского.

Царевичъ Константинъ выходитъ изъ послушанія, его бьютъ, сѣкутъ и тѣмъ, можетъ быть, готовятъ строптиваго принца; князя Николая и Михайла едва не умерли; красавица Ольга страдаетъ; все семейство какъ будто заражено материнскою болѣзнію, сухоткой, чахоткой, слѣдами испуга четырнадцатаго Декабря. Ни одного поступка Императора не оставляютъ безъ охуленія, иногда довольно открытаго, разумѣется подъ именемъ правительства и министровъ. Преобразованное государственное имущество—неловко; начатое размежеваніе не исполнено; измѣненъ денежный курсъ—неудовольствіе; написанъ приказъ: „ребята“—насмѣшка; розданы великія милости—ревность, зависть, клевета. А эти высокіе торги съ ужасными надбавками на счетъ народной нравственности, съ ужасными наградами на счетъ будущихъ недоимокъ, а эти огромные расходы на дворцы и спектакли, на вояжи и маневры, а эти парады, разводы, ученія, мундиры, кантики, цетлички, а эти внезапныя возвышенія и униженія, произвольныя рѣшенія, поспѣшныя мѣры, неосновательныя преднамѣренія, растрата финансовъ, бездѣйствіе земской полиціи, пренебреженіе правосудія... Куда все это ведетъ и приведетъ насъ? Государь! Вы такъ высоки, что до Васъ не достигаютъ нужды наши; Вы такъ безкорыстны, что вполне вѣрите въ пользу Вашихъ дѣйствій; Вы такъ тверды, что преодолѣете всѣ препятствія; Вы говорите: я хочу, и по Вашей волѣ все возникаетъ: дворцы, арміи, праздники, конгрессы, системы. Но, Государь, Вы человѣкъ, слѣдовательно подвержены ошибкамъ. Но, Государь, исполнители Ваши министры, люди со страстями, интересами и пороками. Государь, устройте Ваше правительство такъ, чтобы оно во-первыхъ рѣже и меньше ошибалось, во-вторыхъ не оскорбляло націи произвольными поступками; въ третьихъ не угнетало ея скрытными и явными злоупотребленіями. Если Вы считаете

себя неограниченнымъ, а министровъ Вашихъ достойными, умными и благонамѣренными, оставьте неограниченность Вашу во всей полнотѣ и неприкосновенности, но устройте правительство и дайте настоящую, а не на однихъ словахъ силу этого благоустройства. Никто не ропщетъ на Вашу власть, но можно ли не роптать на легіонъ властолюбцевъ дѣйствующихъ беззасорно подъ прикрытіемъ Вашего имени? Государь, Вы можете умереть, а наслѣдникъ Вашъ далеко не можетъ выполнить великихъ Вашихъ обязанностей; Вы можете приказать, исполнители Ваши переиначить, и въ видахъ Вашего личнаго интереса, Вашего величія и славы, уваженія и довѣрія къ Вашимъ предначертаніямъ, надобно постановить какой нибудь непреложный законный порядокъ и утвердить Вашу власть, Вашу правду общимъ мнѣніемъ. Это не конституція, не хартія, не ограниченіе, но добровольное съ Вашей стороны повиновеніе даннымъ Вами законамъ. Государь, Ваши Сенать и Синодъ трактуютъ дѣла въ докладахъ и подписываютъ рѣшенія приготовленныя, Вашъ воинскій штатъ давитъ націю своимъ расходомъ, своими насиліями и своею исключительностью. Ваша администрація отдѣляетъ общую пользу отъ казенной и подъ предлогомъ послѣдней стѣсняетъ частную на счетъ личной. Ваши суды суть торжища, Ваши награды беззаконія любимцевъ. Государь, законодательство покоится на умѣ и опытѣ; войско есть только второстепенное орудіе внутренняго порядка и внѣшней безопасности; администрація наша Русская есть распоряженіе общимъ добромъ, а не казеннымъ; суды суть ручательство правосудія и внѣшняго благосостоянія. Государь, дайте законамъ больше извѣстности и всѣмъ актамъ больше публичности, дайте войску опредѣленное значеніе. Дайте администраціи уставъ служебный, дайте судамъ болѣе достоинства и закону болѣе дѣйствительности. Государь, бываютъ времена, когда мы каемся въ нашихъ ошибкахъ, но уже поздно, поздно; когда мы со слезами просимъ: все исполню, чего хотите, но уже ничего не просятъ, а только мстятъ, отплачиваютъ, казнятъ. Зачѣмъ, Государь, Вы не упрочите Вашей славы и силы любимой Вами Россіи?*)

*

Я было хотѣлъ предаться сатанѣ, но не предался, потому что не нашель дороги. Откроется; можетъ быть, предамся. Но я или пере-

*) Этимъ напоминаетъ полѣвка позднѣе писанное И. С. Аксаковымъ:

Ваше царство пасть готово,
Ваше благо вредъ и ложь,
Вашъ законъ пустое слово,
Ваша дѣятельность тожь.

См. его Стихотворенія, изданіе посмертно. П. Б.

маню сатану, или проведу его. А если напротив? Но укрѣпи меня, Господи!

*

Мы очень ошибаемся, думая, что Луи-Филиппъ король-гражданинъ и подъ исключительнымъ вліяніемъ либераловъ, которые безпрестанно мѣняютъ его министровъ. Луи-Филиппъ правитель самостоятельный и въ своихъ мнѣніяхъ совершенно независимый, подчиняясь (и то принужденно) формамъ конституціи только въ отправленіи своихъ прерогативъ. Ему нужны не министры, не совѣтники, но орудія, слѣпые исполнители его воли, которые бы покрывали его виды или историческимъ именемъ, какъ маршалъ Сультъ, или ораторскимъ талантомъ и ловкою деалектикой, какъ Тьеръ, или наконецъ личною привязанностію, какъ Монталивъ; онъ швыряетъ ими какъ слугами и требуетъ для своего совѣта авторитетъ имени и отсутствіе непремѣнныхъ началъ. Луи-Филиппъ не нарушаетъ хартіи 1830 года, но онъ дѣлаетъ все, что можетъ умѣрить его ограниченіе, укротить либеральное стремленіе и распространить независимость его власти. Луи-Филиппъ монархъ самодержавный и характерный.

*

Мнѣ хочется написать „лѣтопись современнаго царствованія“, написать ее сперва вкратцѣ безъ лести и декламации, по моему понятію объ историческомъ изложеніи, безъ искусственной систематики, въ четырехъ отдѣленіяхъ: 1) Пребываніе Государя. 2) Дѣла внутреннія (по вѣдомствамъ и общимъ событіямъ). 3) Дѣла внѣшнія и 4) Литература и искусство. Лѣтопись должна обнимать время съ Декабря 1825 по 1 Января 1840. Я не знаю, исполню ли я это предпріятіе, т. е. найдется ли издатель. Все сочиненіе можетъ быть въ тысячу страницъ безъ приложений и кончиться въ продолженіе двухъ лѣтъ и даже гѣда, смотря по способамъ. Нельзя ли привлечь къ нему высокихъ покровителей подъ предлогомъ благотворительной цѣли съ нашей стороны и преданности современному царствованію съ ихъ стороны, напр. графа Бенкендорфа, а еще бы лучше герцога Лейхтенбергскаго или Наслѣдника?

*

Вотъ уже года два какъ я бьюсь съ моею графинею Сальясъ и все безъ толка. Мнѣ хочется написать въ родѣ Адольфа, но не такъ сухо, и Валеріи, но не такъ страстно*), какъ Валерія; представить молодую особу, вышедшую или отдавшуюся замужъ за стараго гене-

*) „Адольфъ“ романъ Бенжамена Констана, не задолго передъ тѣмъ вышедшій у насъ въ переводѣ князя П. А. Вяземскаго, а „Валерія“, давнишнее сочиненіе баронессы Крюднеръ. П. Б.

рала, который не могъ доставить ей счастья любви, но доставилъ ей имя, родство и состояніе, съ которыми *новая* графиня вступила въ другія отношенія, противоположныя съ ея прежними. Она хочетъ имѣть фізіономію въ безличномъ свѣтѣ и дорожить своею самостоятельностью и свободою въ томъ кругу, гдѣ приличія и условія связываютъ каждаго по рукамъ и по ногамъ. Она бросилась въ политику и хочетъ имѣть силу; она запутывается, и неудачи заставляютъ ее отказаться отъ политики и испытывать притѣсненія; она обращается къ литературѣ и хочетъ быть талантомъ, но это поприще для нея тѣсно и не избавляетъ ее отъ прежнихъ гоненій; тутъ узнаётъ ее молодой человекъ и дѣлается ея другомъ. Онъ требуетъ любви, она боится потерять свободу. Она высылается изъ Парижа и пр. пр. Но я до сихъ поръ не улажусь ни съ развитіемъ характеровъ, ни съ обстановкою. А мнѣ хочется что нибудь написать.

*

3 Ноября 1839 года въ Гюлистанскомъ кіоскѣ, въ присутствіи военныхъ, гражданскихъ и духовныхъ чиновъ Оттоманской Порты, дипломатическаго корпуса и большого стеченія народа, молодой султанъ Абдуль-Мешитъ приказалъ обнародовать важный гаттишерифъ объ управленіи государства. Полагая надежду нашу, сказано въ немъ, на покровительство Всевышняго, на обѣтованіе Пророка, мы признали за благо дать нашей имперіи посредствомъ новыхъ установленій правильныя управленія. Сіи установленія должны заключать въ себѣ 3 главныя основанія: 1) Условія для охраненія жизни, чести и имущества нашихъ подданныхъ. 2) Правильный порядокъ опредѣленія и сбора налоговъ. 3) Правильный порядокъ рекрутской повинности и продолженія военной службы. Поэтому, дѣло всякаго виновнаго отнынѣ будетъ судимо публично, сообразно съ нашимъ божественнымъ закономъ, послѣ слѣдствія, разсмотрѣнія, и безъ правильнаго суда никто не можетъ ни секретно, ни публично казнить другого, ни отравленіемъ, ни другимъ наказаніемъ. Никто не имѣетъ права оскорблять честь какого-то ни было лица. Всякій будетъ владѣть и располагать своимъ имуществомъ совершенно свободно, такъ напр. невинные наслѣдники преступника не будутъ лишены ихъ законныхъ правъ, и имѣніе преступника не подлежитъ конфискаціи. Эти преимущества распространяются на всѣхъ подданныхъ имперіи безъ всякаго различія вѣроисповѣданія. Въ залогъ обѣщанія, по положеніи этого акта въ залѣ ризъ Пророка, султанъ, призвавъ въ свидѣтели Бога и Магомета, въ присутствіи улемовъ и чиновъ имперіи, клялся сохранять эти установленія. Улемы и высшіе чины повторили клятву. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта тѣнь конституціи есть дѣло западной политики и противодѣйствія Русскому вліянію въ

Турціи. Актъ составленъ и написанъ поспѣшно, не въ духѣ Востока и, какъ кажется, съ принужденіемъ правительства. Толку не будетъ. Что скажетъ объ этомъ Мехметъ-алі, что напишетъ Русскій посланникъ?

*

Генераль-адъютантъ Перовскій, отправляясь въ экспедицію противъ Хивы, издалъ декларацію, въ которой, исчисляя оскорбительные поступки Хивинскаго хана, опредѣленно говоритъ, что отрядъ войска идетъ для установленія въ ханствѣ надлежащаго порядка и возвратится въ Оренбургъ по достиженіи этой цѣли: это значить, мы завоюемъ Хиву и оставимъ тамъ свой гарнизонъ, возвѣстимъ о безопасности пути всей внутренней Азіи и установимъ непосредственное и постоянное сообщеніе съ Бухарой и даже съ Индіей; да знаютъ объ этомъ Азія и Англія! Перовскій выступилъ 21 Ноября. Доброжелатели знаменитаго генераль-адъютанта распускаютъ, что на другой день термометръ Реомюра показывалъ въ Оренбургѣ 30°; гадаютъ объ неудачѣ предпріятія и о ничтожныхъ послѣдствіяхъ его въ случаѣ самой удачи. Во-первыхъ, Перовскій не изъ тѣхъ, которые дѣйствуютъ очертя голову, и конечно взвѣсилъ свои способы, узналъ мѣстность и увѣренъ въ успѣхѣ. Это рѣшительный и твердый начальникъ, любимецъ Царя, умный, славолюбивый и самостоятельный. Онъ не уважаетъ секретарей министровъ, имѣетъ много враговъ, завистниковъ и не предприметъ ничего ко вреду своей репутаціи и данныхъ обѣщаній. Во-вторыхъ, важность экспедиціи не подлежитъ никакому сомнѣнію, даже въ случаѣ неполнаго успѣха и даже въ совершенной безуспѣшности. Хива богата, разбой и плѣны ея дѣйствительно оскорбляютъ достоинство Имперіи и вредны для нашей Азіатской торговли. Можно бы было сказать нѣсколько словъ объ избранномъ пути: почему экспедиція не отправлена съ Восточныхъ береговъ Каспійскаго моря, откуда войска могли бы дойти въ полмѣсяца къ Хивѣ и гдѣ торговая дѣятельность чрезъ Трухменцевъ была прежде очень значительна? Но вѣроятно Перовскій имѣлъ свои резоны; ему нуженъ чистый путь изъ Хивы въ Оренбургъ; во-вторыхъ, на Каспійскомъ морѣ нѣтъ достаточныхъ судовъ для перевозки десанта, и въ третихъ высадка войскъ на этомъ мѣстѣ могла бы возбудить безпокойство и опасеніе во всѣхъ прибрежныхъ племенахъ даже до Персіи.

*

Сидя дома и больной капризомъ, въ переменныхъ размышленіяхъ объ избраніи рѣшительнаго пути по службѣ, то по V-му, то по II-му Отдѣленію, то наконецъ по Министерству Юстиціи, гдѣ съ графомъ Панинымъ ожидаютъ необходимыя преобразованія, я съ отчаяніемъ въ успѣхѣ снова обращаюсь къ мысли: писать исторію, бросаю службу,

удинясь въ деревнѣ и запасаясь хорошей библіотекой. Мнѣ кажется, я напишу исторію, исторію въ моемъ смыслѣ, безъ разсужденій, безъ воззрѣній, исторію полную, основанную на первыхъ источникахъ, обработанныхъ великими писателями, исторію обширную во всѣхъ видахъ и отношеніяхъ народной жизни. Но мнѣ не достаетъ знаній, не достаетъ деревни, не достаетъ библіотеки. Чувствованіе недостатка есть одинъ изъ первыхъ признаковъ посредственности. Геніальная голова имѣетъ все въ себѣ. Хоть бы написать монографію.

*

1840. И еще новый годъ провожу я одинъ-одинехонекъ, но мнѣ уже не грустно, даже не странно, даже не замѣтно. Приучись! Я буду идти прежнимъ мирнымъ шагомъ, по прежнему ожидать. по прежнему убивать себя въ бездѣйствіи и глупыхъ надеждахъ. Укрѣпи меня, Господи, примири меня съ дѣйствительностью и вразуми въ идеалы!

Я имѣлъ отъ Пинскаго практическую работу—разсмотрѣніе уголовнаго дѣла Стаховскаго и Липскаго. Моими соображеніями онъ былъ совершенно доволенъ. Мы сидѣли за полночь и говорили о дѣлѣ, о бездѣліи, обо мнѣ. Онъ снова обѣщался устроить мою службу по Министерству Юстиціи, при графѣ Панинѣ. Это была бы хотя одна надежда, похожая на быточное, я много ожидаю отъ этого молодого министра, но не желаю представиться ему по одной рекомендаціи графа Александра*). Безъ рекомендацій!

*

Я сейчасъ съ лекціи Греча. Публики много и большая часть хорошей. Гречь говоритъ дурно, читаетъ еще хуже и, оставъ въ понятіяхъ и самомъ выраженіи отъ современности, докучаетъ чтеніемъ своей грамматики и похвалами общими и бессмысленными нашихъ Корифеевъ. Вторая часть его состоитъ изъ чтеній о литературѣ.

*

П. Корсаковъ (цензоръ, братъ попечителя здѣшняго университета) и морской офицеръ Бурачекъ предприняли изданіе неопредѣленнаго журнала „Маякъ“, котораго теперь вышло нѣсколько книжекъ. Издержки принялъ на себя книгопродавецъ Поляковъ. Изданіе замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: по искренности и добросовѣстности мнѣній и сужденій и по простотѣ, даже простонародности, изложенія философско-практическихъ и критическихъ статей, которыя писаны, кажется, Бурачкомъ. Искренность хороша, но въ ребенкѣ; во взросломъ, въ журналистѣ она должна быть соединена съ глубиною понятія и проницатель-

*) Т. е. графа Александра Никитича, старшаго брата молодому министру. П. Б.

ностью во взглядѣ, чтобы быть поучительною, а не забавною, даже смѣшною. Что мнѣ въ вашей искренности, если я ничего не могу извлечь изъ нея, если она такъ обыкновенна, такъ тѣсна, что повтореніе ея дѣлается пошлымъ, скучнымъ, невинно-глупымъ. Добросовѣстность всегда похвальна, но она въ „Маякѣ“, сколько я могу судить, очень подозрительна, по крайней мѣрѣ не всегда выдержана; критическія статьи наполнены преувеличенными похвалами, простота изложенія соединена съ какимъ-то шуточнымъ простонароднымъ тономъ, который болѣе вредитъ достоинству предмета и впечатлѣнію его, нежели упрощаетъ понятіе и сближаетъ ученныя идеи съ общественнымъ разумѣніемъ. Есть что-то юмористическое; но въ предметахъ ученыхъ и особенно нравственныхъ юморизмъ похожъ на шуту, который приторенъ и надобливъ въ серьезныя минуты. Вообще въ Бурячкѣ мало опытности. Но „Маякъ“ добросовѣстнѣе всѣхъ нашихъ журналовъ.

*

Съ назначеніемъ графа Протасова оберомъ-прокуроромъ Св. Синода началось преобразование духовнаго управленія, во-первыхъ, тѣмъ, что оберомъ-прокуроромъ сдѣланъ лейбъ-гусарскій полковникъ и при немъ за столомъ три камергера: Муравьевъ, извѣстный писатель духовныхъ книгъ, Скрипицынъ, успѣшно производившій слѣдствія о раскольникахъ, и Войцеховичъ, которому отдана въ исключительное завѣдываніе канцелярія Синода. Во-вторыхъ, учреждена канцелярія оберъ-прокурора (съ директоромъ, ученъ умнымъ человѣкомъ, Сербиновичемъ и вице-директоромъ Франкомъ), хозяйственное управленіе съ контролемъ (директоръ Новосильскій) и преобразована комиссія училищъ въ духовно-учебное управленіе (директоръ Карасевскій). Въ третьихъ, составлено новое положеніе о консисторіяхъ; въ четвертыхъ, изданы законы церковные или Кормчая Книга и готовится Историческая догматика, и въ пятыхъ, вездѣ вводится лучшій порядокъ, и православіе, принявъ въ себя унию, значительно распространяется и утверждается. Графъ Протасовъ пользуется очень невыгоднымъ мнѣніемъ и значить что-нибудь, потому что онъ зять едва-ли не единственнаго Русскаго боярина Д. В. Голицына. Но выборъ людей графомъ оспариваетъ это мнѣніе; онъ возвысилъ Синодскую службу и даже предполагаетъ печатать свои отчеты. Публичность есть первый признакъ хорошаго состоянія части, хотя бы отчеты имѣли такой видъ и ходъ, какъ вообще всѣ наши публичные акты.

*

Начальникъ уголовного отдѣленія обезпеченъ: онъ въ центрѣ всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ Имперіи, онъ докладываетъ министру. Я этого-то и искалъ. Одно опасеніе работы меня задавить. Пинскій не

откажется помочь мнѣ, но мнѣ бы хотѣлось обойтись безъ чужой помощи, и неужели я не преодолѣю? Прямота много вредила мнѣ, но теперешнее назначеніе развѣ не за прямыя труды, а я измѣнюсь вотъ въ чемъ: буду не такъ искрененъ, не такъ довѣрчивъ, какъ прежде.

*

9 Января (1841 года) я вступилъ въ управленіе Отдѣленія и имѣлъ докладъ у графа Панина, не совсѣмъ удачный, можетъ быть потому что ничтожный. Графъ очень благосклонно слушалъ меня, довѣрчиво подписывалъ бумаги. Государь Императоръ, подчинивъ департаментъ Государственныхъ Имуществъ управленію временнаго Совѣта, высочайше повелѣлъ произвести по дѣламъ ревизію на основаніи составленной для этого инструкціи. Ревизія возложена на сенатора Болгарскаго и ген.-адъютанта барона Делингстаузена, на мѣсто котораго впослѣдствіи назначенъ ст.-секретарь князь Голицынъ, и по представленіи послѣдствія ея Государю, приказано истребовать отъ управлявшаго департаментомъ тайнаго совѣтника Дубенскаго объясненій. По представленіи сихъ объясненій черезъ министра государственныхъ имуществъ Государю, приказано препроводить ихъ къ министру юстиціи для предложенія Правительствующему Сенату. Графъ Киселевъ очень деликатно сообщалъ требуемыя Сенатомъ свѣдѣнія. Это дѣлаетъ честь его ловкости. Но замѣчательно, что впослѣдствіи онъ отказался. Не попадетъ ли процессъ Дубенскаго ко мнѣ въ руки? Дамъ ли я ему новое значеніе и направленіе? Можетъ быть. Дѣло Дубенскаго поручено мнѣ.

*

Вчера я обѣдалъ и провелъ замѣчательный вечеръ у А. В. Абазы: генераль Дѣстремъ, графъ Бобринскій, баронъ Мейндорфъ, путешествующій двѣнадцать лѣтъ по Америкѣ Кремеръ, полковники Мельниковъ и Языковъ, академикъ Гессе, все техническіе люди собрались у радушнаго хозяина поговорить, и прекрасно говорили о душѣ сообществъ, *esprit des associations*, оспариваемомъ отчасти Мейндорфомъ и совершенно Кремеромъ. Защищали Гессе и особенно Бобринскій. Это былъ цвѣтъ нашихъ промышленныхъ теоретиковъ, и разговоръ ихъ на Французскомъ можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какъ еще ново, незрѣло и подражательно это знаніе въ нашемъ обществѣ.

*

Мнѣ очень нравится вице-директоръ В. П. Пальчиковъ; это превосходный человѣкъ, умный, чувствительный и образованный, но онъ не законникъ. Я, судья, не могу судить другого по моимъ убѣжденіямъ и дѣлать ихъ для него правилами, это было бы произволомъ. Для суда

даны законы, обязательные для судьи и подсудимаго. Не знаю, постоянъ ли графъ въ своихъ расположеніяхъ, но въ теперешнемъ его вниманіи, и даже признательности, я могу опасаться только собственной вины, а не его переменчивости. Много хорошаго можно ожидать отъ его прилежнаго и дѣятельнаго управленія. Графъ занятъ съ утра до ночи, онъ весь день въ работахъ.

*

Я читалъ сегодня записку на Французскомъ министра народнаго просвѣщенія С. С. Уварова, представленную Государю о крѣпостномъ правѣ и его отмѣненіи, важную по автору и лицу, которому она представлялась. Это Французская декламация, гдѣ, разумѣется, есть хорошія мысли, особенно хорошія фразы. Сколько я понялъ изъ бѣлаго чтенія, авторъ, хотя находитъ, что право это, существующее *de facto*, не имѣетъ точнаго судебного основанія, но тѣмъ не менѣе составляетъ одно изъ основныхъ началъ Русской жизни. Указы Ѳедора Іоановича, Годунова и Шуйскаго онъ называетъ *spéculations d' antiquaire*. Неограниченная власть и прочное учрежденіе крѣпостнаго права, ей соотвѣтствующее, утверждены Петромъ. И тому и другому Россія обязана быстрымъ развитіемъ своего могущества, о которое раздробилось величіе Наполеона. Г. Уваровъ признаетъ отмѣненіе крѣпостнаго права невозможнымъ безъ потрясенія власти. Надобно ожидать всего отъ времени. Крѣпостное право неправомѣрно—это несомнѣнная истина; оно должно быть отмѣнено—противъ этого никто не спорить; но и то, и другое, будучи истинами теоретическими, не должны проявляться въ жизни безъ приготовленія. Чтобы народъ могъ получить свободу, надобно, чтобы онъ ею пользовался и былъ приготовленъ къ тому (г. министръ хочетъ сказать, что законъ объ освобожденіи крестьянъ *de jure* можетъ и долженъ быть, когда это освобожденіе совершится въ самой жизни, *de facto*); истинная свобода есть правосудіе, хорошее управленіе, добрая паства и просвѣщеніе. Явно, что г. Уваровъ не имѣлъ юридическаго воспитанія. Таковы журнальныя сужденія нашихъ государственныхъ людей! Говорятъ, что записка Уварова не понравилась Государю, и онъ въ нынѣшнемъ комитетѣ не участвуетъ.

*

Много ожидаютъ шестнадцатаго Апрѣля (1841 г.), дня бракосочетанія Наслѣдника съ княжною Дармштадскою. Хотя Государь нашъ одинъ изъ такихъ людей, для которыхъ достоинство власти и правительства есть святое дѣло, но нельзя, чтобы ожидаемая милости не были подчинены двумъ конькамъ нашего времени: больше обѣщать, нежели исполнить, больше сказать, нежели сдѣлать, обѣцая и сказавъ громко и пышно, сдѣлать мало существеннаго, внутренне-хорошаго, а

болѣ мнимаго и наружнаго, по очень ясной причинѣ, по строгости мѣръ политическихъ и недостатку средствъ денежныхъ. Разумѣется, будутъ значительныя пожалованія, чинами, орденами и достоинствами, будетъ прощенье ничтожныхъ (неполитическихъ) преступниковъ, складка небольшихъ долговъ и недоимокъ, богатѣйшая иллюминація, роскошные спектакли, праздники и парады, трата денегъ и еще болѣ забвенія о важнѣйшихъ требованіяхъ народа. Молодая цесаревна вступила въ царственную семью нашу, дай Богъ имъ счастья! Дай Богъ счастливаго царствования Государю и подданнымъ. Милостей множество общихъ и личныхъ. Изъ первыхъ замѣчательны всепрощеніе преступниковъ неважныхъ и освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія всѣхъ безъ изъятія, прощенье податей за половину 1840 года неурожайнымъ губерніямъ и взысканій, какъ въ манифестахъ прежнихъ. Изъ вторыхъ пожалованіе въ князья графа Чернышева, въ свѣтлѣйшіе князья Д. В. Голицына и въ первый классъ князя А. Н. Голицына. Графъ Панинъ тайнымъ совѣтникомъ и утвержденъ министромъ. При этомъ обнародована общая благодѣтельная мѣра о новой оцѣнкѣ имѣній. Пора бы давно и еще болѣ возвысить цѣну; кажется, можно бы было, увеличивъ размѣръ, раздѣлить губерніи не на три, а по крайней мѣрѣ на двѣнадцать классовъ, это было бы основаніе ко введенію кадастраціонныхъ оцѣнокъ. Вообще самъ манифестъ есть мѣра благодѣтельная въ томъ отношеніи, что очиститъ суды отъ безчисленнаго множества дѣлъ уголовныхъ по взысканіямъ и недоимкамъ. Положеніе объ устройствѣ безсрочно-отпускныхъ въ казенныхъ селеніяхъ есть тоже важная мѣра. Жалѣють, что ничего не сдѣлано для политическихъ преступниковъ, особенно несчастныхъ четырнадцатаго Декабря. Ожидали, что что-нибудь сдѣлаютъ для дѣтей ихъ.

*

Графъ В. Н. Панинъ принадлежитъ къ числу немногихъ даровитыхъ и владѣющихъ теоретическими и практическими свѣдѣніями государственныхъ людей нашихъ*): онъ имѣетъ превосходный многообъемлющій умъ, вѣрный взглядъ и характеръ въ высочайшей степени независимый. Присоедините къ этому его любовь къ труду, желаніе все сдѣлать, видѣть, знать самому, его отчетливость и почти тщеславность въ резолюціяхъ на важнѣйшіе доклады, и вы будете имѣть понятіе о молодомъ генераль-прокурорѣ. Служба моя во всѣхъ отношеніяхъ превосходна.

*) Обучался въ Іенѣ подъ завѣдываніемъ Гѣте, который получалъ за то деньги изъ Москвы съ Б. Никитской, отъ графа В. Г. Орлова (слышано отъ М. И. Топильскаго). П. Б.

*

Сосланный въ Сибирь чиновникъ Г. Д. Штромъ, опредѣлившійся тамъ впоследствии на службу и снова отъ нея удаленный (М. М. Сперанскимъ), сообщилъ разныя замѣчанія о неудобствахъ учрежденія въ нынѣшнемъ ея управленіи. Замѣчанія сіи, разсмотрѣнныя министрами Финансовъ, Государственныхъ Имуществъ, Внутреннихъ дѣлъ и Юстиціи, вообще признаны не заслуживающими уваженія, но нѣкоторыя обратили на себя вниманіе и приняты въ соображеніе.

Графъ В. Н. П. говорилъ со мною о предоставленіи тюремнаго надзора во Франціи духовнымъ конгрегаціямъ. Это естественно привело насъ къ разговору о религіи въ народѣ. Графъ полагалъ, что привычка въ этомъ случаѣ есть первое основаніе нравственности; я же находилъ, что привычка можетъ быть дѣйствительна въ отношеніи низшаго класса, доколѣ онъ не просвѣщенъ, и служить основаніемъ предубѣжденій и самыхъ предрасудковъ. Графъ приводилъ католическія государства Германіи, я—Францію. Мы не совсѣмъ условились о чемъ говорили: я о религіозномъ чувствѣ, о нравственности, а графъ думалъ о христіанствѣ; мы говорили безъ приложенія нашихъ понятій къ какому-либо народу. Графъ приводилъ примѣры. Нѣтъ, я жалѣю, что высказался, но еще болѣе, что выразилъ не вполне мысль мою. Графъ могъ подумать, что я атеистъ или по крайней мѣрѣ пантеистъ, тогда какъ, признавая христіанство чистѣйшимъ выраженіемъ нравственности, я полагаю только, что не форма и обряды (привычка) могутъ наставить душу человѣка къ дѣламъ богоугоднымъ, но убѣжденіе въ достоинствѣ и пользѣ нравственнаго ученія.

*

Судъ надъ Дубенскимъ кончился, и онъ подведенъ подъ манифестъ и уволенъ отъ званія сенатора; о земляхъ и лѣсахъ приказано войти въ соображеніе. Онъ опороченъ и едва ли воскреснетъ; онъ умѣлъ удержаться въ директорахъ при двухъ министрахъ, взять множество наградъ и нажить состояніе. За что онъ преданъ суду? Знаетъ Государь. Но ревизія, особенно назначеніе Болгарскаго, передача ея прямо въ Сенатъ и судъ его, сенатора, въ департаментъ, а не въ общемъ собраніи, суть нарушеніе, къ сожалѣнію успѣшное и вовсе не нужное. Судъ надъ Дубенскимъ былъ мой дебютъ на судебномъ поприщѣ. Я обработалъ предложеніе, принятое Сенатомъ и послужившее потомъ основаніемъ къ окончательному его осужденію въ Совѣтѣ; я выставилъ два важнѣйшихъ обвиненія: объ отдачѣ Онежскихъ заводовъ и пріобрѣтеніи земель. По послѣдней статьѣ нельзя было иначе постановить, какъ въ моемъ проэктѣ, отобрать земли, что и принято Совѣтомъ.

(Продолженіе будетъ).

О ЗАПИСКАХЪ ЛАНЖЕРОНА.

Съ 1907 г. въ „Русской Старинѣ“ доселѣ печатаются Записки графа Ланжерона о войнѣ съ Турціей въ 1806—1812 гг. Кому, кому не достается въ этихъ Запискахъ? И всѣмъ бывшимъ главнокомандующимъ Молдавскою арміею, и всѣмъ корпуснымъ командирамъ, и даже дочери М. И. Кутузова не дасть пощады гр. Ланжеронъ! Вѣдь, если вѣрить ему, то оказывается, что въ нашей Молдавской арміи почти всѣ военачальники были если не бездарности, то ужъ навѣрно грабители. Въ особенности много несправедливаго, обиднаго и исторически-невѣрнаго встрѣчается въ этихъ Запискахъ относительно Донскихъ казаковъ. Такъ, въ Іюньской книжкѣ за 1907-й годъ на стр. 597-й, послѣ разсказа о томъ, какъ казаки, благодаря покровительству командира корпуса барона Мейндорфа, наживались, продавая награбленный у жителей скотъ, графъ Ланжеронъ утверждаетъ, будто самъ Мейндорфъ публично продавалъ Русскимъ и Молдавскимъ купцамъ большое количество скота, которое похищаль *атаманъ* казаковъ и дѣлился съ нимъ. А далѣе онъ говоритъ, что всѣ эти воровства укрывалъ маіоръ Власовъ, остававшійся съ своимъ полкомъ въ 1807 г. на Днѣстрѣ. Объ этомъ Власовѣ, уже въ 1827 г.*) графъ Ланжеронъ говоритъ слѣдующее: „Этотъ Власовъ, будучи уже генераломъ и командуя Кубанской линіей, наконецъ понесъ кару наказаній за цѣлую серію кражъ, совершенныхъ имъ въ продолженіи 30 лѣтъ. Онъ былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и отданъ подъ судъ“. Вѣдь это неправда, и ей-ей не знаешь, чему приписать эту клевету. Вѣдь графъ Ланжеронъ съ 1816 г. управлялъ Новороссійскимъ краемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Черноморскимъ войскомъ; бывалъ онъ и на Дону и все таки записалъ въ 1827 г. о какомъ-то Власовѣ такую нелѣпость!

Дѣло въ слѣдующемъ. Въ 1807 г. однимъ изъ Донскихъ полковъ, находившихся въ Молдавской арміи, командовалъ войсковою старшина, или какъ имѣнуеть его графъ Ланжеронъ, маіоръ Михаилъ Алексѣевичъ Власовъ 2-й. По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Турціи въ концѣ 1811 г., этотъ Власовъ былъ откомандированъ въ 3 резервную армію и участвовалъ въ войнѣ съ Наполеономъ въ 1812—1814 г., а по окончаніи этой войны возвратился на Донъ въ чинѣ подполковника, имѣя золотое оружіе и орденъ Св. Георгія 4-й степени. Въ 1823 г. въ чинѣ полковника онъ скончался. Другой Власовъ, Максимъ Григорьевичъ, былъ дѣйствительно начальникомъ Кубанской линіи съ 1819 и по 1826-й годъ, но въ 1807 г. полкомъ онъ не командовалъ. Онъ принялъ полкъ только въ началѣ 1812 г. и, участвуя въ бояхъ противъ Наполеона, возвратился изъ Франціи, заслуживъ полку своему Георгіевское знамя, а себѣ золотую саблю и ордена св. Георгія 4-й и 3-й ст. Командуя впоследствии, въ чинѣ генерала, Кубанскою линіею, Власовъ, по доносу, былъ преданъ суду, якобы за разореніе двухъ мирныхъ ауловъ. Все это дѣло кончилось тѣмъ, что

*) См. вын. на стр. 598-й.

императоръ Николай Павловичъ повелѣлъ время нахожденіе Власова подѣ судомъ зачесть за службу и въ 1830 г. назначилъ его походнымъ атаманомъ Донскихъ полковъ, находившихся въ Польшѣ, а впослѣдствіи наказнымъ атаманомъ войска Донскаго. Въ этой должности, имѣя чинъ генерала отъ кавалеріи, М. Г. Власовъ въ 1848 г. скончался. Спрашивается: какого-же это Власова графъ Ланжеринъ лишилъ чиновъ? А вѣдь онъ, если не ошибаюсь, только въ 1830 г. кончилъ жизнь свою, слѣдовательно могъ бы имѣть точныя справки и не оставлять на память потомству ложныя и обидныя свѣдѣнія о такихъ доблестныхъ воинахъ, какимъ былъ Власовъ.

Очень милую историческую справку даетъ графъ Ланжеронъ въ той же книжкѣ „Русской Старины“, на стр. 614 и въ выноскѣ на 615-й страницѣ, о Некрасовцахъ. Рассказавъ вкратцѣ о появленіи раскола въ Россіи, онъ поясняетъ, что въ царствованіе Анны Іоанновны, около 1735 г., Биронъ началъ сильно преслѣдовать раскольниковъ. „Атаманомъ Донскихъ казаковъ въ то время былъ Данило Ефремовъ, который дѣлалъ все возможное, чтобы остановить отчаяніе этихъ несчастныхъ, но тѣмъ не менѣе онъ не могъ помѣшать жителямъ четырехъ деревень эмигрировать за Кубань, подѣ главенствомъ простаго казака Игнатія Некрасова“. Все перепуталъ графъ Ланжеронъ. Во первыхъ, около 1735 г. атаманомъ Донскихъ казаковъ былъ Иванъ Ивановичъ Фроловъ; во вторыхъ Некрасовъ, одинъ изъ помощниковъ Булавина, бѣжалъ за Кубань въ царствованіе Петра Великаго, въ 1708 г. Съ истинно-Французскою легкостью графъ Ланжеронъ считается съ историческими событіями.

Укажу кстатѣ на мелкія неточности. Такъ напримѣръ: при перечисленіи войскъ генерала Михельсона показанъ и полкъ „Гущевскій казачій регулярный“. Такого полка, если только это не опечатка, не существовало. Не было также Донскаго полка Петрова въ 1807, въ арміи Михельсона. Затѣмъ въ описаніи боя на стр. 605-й при Мусандѣ показаны 2 орудія Донскаго полковника Суворова; слѣдовало сказать сотника Суворова. Батальоннаго командира Манакина не было, а былъ Монахтинъ.

Въ № 9 книгѣ „Русской Старины“ за тотъ же годъ, графъ Ланжеронъ, на стр. 563, даетъ совершенно ошибочное указаніе о числѣ Донскихъ орудій. Такъ, онъ показываетъ, что: 1) Въ Малой Валахіи, въ отрядѣ Исаева 1-го орудій Донскихъ находилось 6. 2) Въ отрядѣ генераль-лейтенанта Засса—10. 3) Въ отрядѣ г. л. Гика—12. 4) Въ резервномъ корпусѣ г. л. Ржищева—12. Итого, значить, въ Молдавской арміи было 40 Донскихъ орудій, тогда, какъ на самомъ дѣлѣ, въ то время, въ Донскомъ войскѣ было всего двѣ артиллерійскихъ роты, т. е. 24 орудія, какъ совершенно вѣрно и указано на стр. 565-й.

Такъ какъ въ концѣ 1807 г. въ Молдавской арміи появился атаманъ Донскаго войска М. И. Платовъ, прибывшій съ своими полками изъ Пруссіи, то графъ Ланжеронъ, въ описаніи событій 1808 г. и занялся разборомъ личности Платова и прибывшихъ съ нимъ генераловъ. И странное дѣло: посѣщая частенько Платова въ 1809 г., когда армія князя Багратіона, по отступленіи отъ Силистріи, долго стояла въ лагерѣ, графъ Ланжеронъ не потрудился распро-

силь у Платова о прежней его службѣ, а отъ себя или по слухамъ рассказываетъ о Платовѣ то, чего на самомъ дѣлѣ и не было. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ, что Платовъ по освобожденіи изъ крѣпости былъ назначенъ атаманомъ. Это невѣрно: Платовъ былъ назначенъ атаманомъ уже императоромъ Александромъ 1-мъ, по смерти бывшаго атамана Орлова, т. е. въ Іюль 1801 г., изъ крѣпости же онъ былъ освобожденъ передъ походомъ въ Индію, въ Январѣ мѣсяцѣ того же года. Невѣрно также указаніе Ланжерона и о томъ, что Платовъ пробылъ въ крѣпости, въ заключеніи, три года. Платовъ былъ посаженъ въ равелинѣ въ концѣ Октября мѣсяца 1800 г. и освобожденъ въ половинѣ Январѣ 1801, т. е. въ крѣпости онъ пробылъ два съ лишнимъ мѣсяца. Платовъ явился въ Молдавскую армію, имѣя крестъ св. Георгія 2-й ст. за войну съ Наполеономъ въ Пруссіи; вотъ этотъ-то крестъ и не давалъ покоя графу Ланжерону. „Взятіе нѣсколькихъ обозовъ, нѣсколькихъ Французскихъ генераловъ, говоритъ онъ, и пораженіе нѣсколькихъ эскадроновъ уже разбитыхъ кавалеріей (?), не составляли еще особенно гигантскихъ подвиговъ, чтобы оправдать тѣ чины и кресты, которыми такъ усердно награждали казаковъ, и Георгіевскій крестъ 2-й степени, такъ легко доставшійся Платову“. Не нѣскольکو Французскихъ генераловъ захватили въ плѣнъ казаки Платова въ 1807 г. и не нѣсколько эскадроновъ были ими поражены, а они были взяты въ плѣнъ ни болѣе, ни менѣе какъ 139 штабъ и оберъ-офицеровъ и 4196 нижнихъ чиновъ! Потеря же, состоявшая изъ 3-хъ командировъ полковъ, 28 офицеровъ и 616 урядниковъ и казаковъ—свидѣтельствуетъ о томъ, что награды, полученные казаками за войну въ Пруссіи въ 1807, даны были имъ не даромъ. Графъ Ланжеронъ могъ-бы успокоиться, если-бы своевременно зналъ, что ужъ не больно-то Донскіе казаки получили награды за эту войну: всего на всего, на 27 полковъ, бывшихъ въ разныхъ корпусахъ, дано было 475 крестовъ (знаковъ отличія военного ордена), да и то Платову пришлось выпрашивать ихъ, такъ какъ казакамъ было обидно противу гусарскихъ полковъ, находившихся также въ передовой линіи, которые получили по 50 крестовъ на полкъ. А первоначально главнокомандовавшей арміею графъ Бенигсенъ хотѣлъ ограничиться всего двумя стами крестовъ. Послѣ Платова, графъ Ланжеронъ даетъ характеристику и генераламъ, съ нимъ прибывшимъ, причемъ о А. К. Денисовѣ говоритъ: „Весьма посредственный“. Едвали Суворовъ, которому Денисовъ былъ извѣстенъ еще со времени Кинбурна, а затѣмъ по Итальянскому походу, сталъ бы называть весьма посредственнаго генерала только по отчеству „Карповичъ“. Слабо былъ, какъ видно, ознакомленъ графъ Ланжеронъ и съ подвигами Донскихъ казаковъ, совершившихъ съ Суворовымъ переходъ черезъ Альпы. Затѣмъ, что это былъ за полкъ Ливонскій драгунскій (стр. 573-я), находившійся подъ командою г. м. Ильинскаго? Какъ будто, такого полка у насъ и не было.

1910 г. 12 Іюля г. Новочеркасскъ, Александровская ул. № 23-й *Генералъ-майоръ въ отставку Михаилъ Семеновичъ Жировъ.*

ФИНЛЯНДСКІЙ И ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЫ ¹⁾.

Изъ писемъ къ профессору Д. В. Цвѣтаеву.

1. Два письма К. И. Якубова ²⁾.

I

Гельсингфорсъ, 21 февраля 1891.

Глубокоуважаемый Дмитрій Владимировичъ.

Премного благодаренъ вамъ за книгу и письмо. Съ удовольствіемъ ознакомился съ диссертацией и отъ души поздравляю васъ съ

¹⁾ Бывшій профессоръ Русской исторіи Варшавскаго университета Дм. Вл. Цвѣтаевъ предоставилъ въ распоряженіе „Русскаго Архива“ нѣсколько писемъ къ нему различныхъ (уже скончавшихся) ученыхъ, правительственныхъ и общественныхъ дѣятелей. Помѣщаемъ часть писемъ К. И. Якубова, Н. И. Бобрікова и И. П. Корнилова, касающихся обсуждаемыхъ нынѣ Русско-финляндскихъ и Польскихъ дѣлъ. П. Б.

²⁾ По окончаніи С. Петербургскаго Историко-Филологическаго института, Константинъ Ивановичъ Якубовъ (+1900 г.) служилъ преподавателемъ въ Гельсингфорской Русской гимназій. Уроженецъ Финляндіи, онъ зналъ Финскій, Шведскій и Датскій языки и принялся за изученіе Финляндской исторіи. Его основательныя и энергичныя статьи объ отношеніяхъ между Финляндіей и Россіей, помѣщавшіяся преимущественно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, обращали на себя большое вниманіе; статьи обыкновенно безъ подписей или подъ псевдонимами; перечень ихъ приложенъ къ III-му тому „Финляндской окранны Россіи“ (Спб., 1897). Имъ составленъ также „Сборникъ“ основныхъ законовъ Финляндіи. Ему принадлежатъ „Русскія рукописи Стокгольмскаго государственнаго архива“ (М., 1891). Свою магистерскую диссертацию онъ готовилъ по исторіи сношеній Россіи и Швеціи въ первой половинѣ XVII вѣка, стави центромъ работы Столбовскій договоръ, и успѣлъ выпустить только приложенія къ изслѣдованію, подъ заглавіемъ: „Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка. Сборникъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ и Шведскаго Государственнаго Архива и касающихся взаимныхъ отношеній Россіи и Швеціи въ 1616—1651 гг., съ предисловіемъ, примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ.“ (М., 1897 г., IX+493 стран.). Для архивныхъ занятій К. И. Якубовъ пріѣзжалъ въ Москву на каникулы.

вполнѣ заслуженной докторской степенью *). Очень радъ буду и впредь, при дальнѣйшихъ вашихъ изслѣдованіяхъ, если понадобится, оказать посильное содѣйствіе по части Шведско-датскихъ источниковъ и пособій.

А у меня дѣло съ магистерской диссертацией все затягивается. По возвращеніи изъ Москвы у меня опять много времени отняла Финляндская „конституція“. Такъ какъ я этимъ вопросомъ занимался раньше и довольно близко ознакомился съ нимъ, то генералъ-губернаторъ предложилъ мнѣ быть дѣлопроизводителемъ собравшагося здѣсь въ Октябрѣ подъ его предѣдательствомъ особаго комитета изъ Финляндскихъ сенаторовъ и трехъ Петербургскихъ чиновниковъ, командированныхъ Министерствомъ Юстиціи и Кодификаціоннымъ Отдѣломъ при Государственномъ Совѣтѣ. Комитетъ этотъ обсуждалъ составленный Финляндцами проэктъ кодификаціи Финляндскихъ „основныхъ законовъ“, т. е. конституціи. Подъ видомъ кодификаціи Финляндцы стараются провести никогда въ сущности Русскимъ правительствомъ не признаванную и совершенно невозможную съ Русской точки зрѣнія Шведскую конституцію 1772—1789 гг. Этому-то замыслу и вмѣстѣ съ нимъ и всѣмъ Финляндскимъ притязаніямъ на государственность и необходимо положить конецъ. Министерство Юстиціи и Кодификаціонный Отдѣлъ, ознакомившись съ вопросомъ по моимъ переводамъ и по составленному мною Сборнику законодательныхъ актовъ, на которые ссылаются Финляндскіе политики, дали отзывы, совсѣмъ отвергающіе помянутыя притязанія. Въ комитетѣ много, конечно, было споровъ объ этомъ, такъ какъ Финляндцы пока не уступаютъ и упрямо держатся за Шведскую конституцію. Засѣданія комитета закончились уже въ Ноябрьѣ, но мнѣ пришлось возиться съ протоколомъ еще около двухъ мѣсяцевъ. Отсюда дѣло со всѣми документами пойдетъ въ Петербургъ и тамъ будетъ рѣшено окончательно.

Эти занятія отвлекли меня отъ окончанія диссертации и отъ устнаго (магистерскаго) экзамена, который я хотѣлъ было держать....

Еслибъ удалось перейти на службу въ Москву, то и диссертацию скорѣе бы окончилъ, и дальше можно бы было работать въ Архивѣ. Но пока о переводѣ все еще ничего не слышно, хотя попечитель (которому я подалъ прошеніе черезъ В. А. Грингмута, вѣроятно, вамъ извѣстнаго) обѣщаль передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы предоста-вить мнѣ первую же открывшуюся вакансію.

*) Докторская диссертация Д. В. Цвѣтаева „Протестантство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе“. Москва, 1890 г., VIII+782 стр. Докторскій диспутъ былъ въ Харьковскомъ университетѣ въ Сентябрь 1890 года.

Душевно желаю вамъ всего лучшаго. Кланяюсь супругѣ вашей. Преданный вамъ К. Якубовъ.

2.

Гельсингфорсъ, 18 Апрѣля 1893 г.

...Моя работа съ лѣта до лѣта, какъ и прежде, отдыхаетъ. Здѣсь совсѣмъ неудобно заниматься. Сборникъ уже можно бы давно выпустить, но мнѣ хочется сперва самому воспользоваться напечатанными въ немъ матеріалами, а потомъ уже предоставить другимъ. А то Форстенъ, напримѣръ, съ большимъ удобствомъ могъ бы воспользоваться (въ своей послѣдней работѣ) и оставить мнѣ только крошки подбирать. У него много промаховъ, главнымъ образомъ потому, что онъ Русскихъ документовъ не знаетъ, да и съ литературой недостаточно знакомъ.

Кромѣ неудобства заниматься здѣсь, меня все по-прежнему отвлекаютъ еще Финляндскія дѣла. Кромѣ сотрудничества въ „М. Вѣд.“, въ эту зиму, какъ и въ прошлую, пришлось писать разныя записки для генераль-губернатора и изобличать и опровергать въ нихъ Финляндскихъ дѣльцовъ и ихъ притязанія. Одну такую записку гр. Гейденъ внесъ въ Январѣ мѣсяцѣ въ учрежденное по Высочайшему повелѣнію Особое Совѣщаніе для обсужденія вопроса о Финляндскихъ привиллегіяхъ. Три Финляндскихъ генерала (министръ статсъ-секретарь съ помощникомъ своимъ и одинъ сенаторъ), состоящіе членами совѣщанія, написали два возраженія на записку, съ обычными подтасовками и извращеніями, на старую тему о томъ, что Финляндія-де особое государство, и Русскій Монархъ въ немъ лишь безправный и безвластный „великій князь“ и т. д. И вотъ теперь какъ разъ сижу опять уже около трехъ недѣль и составляю отвѣтъ на эти Финляндскія возраженія.

Какъ это ни странно, но у Русской власти, при наступленіи нужды, не оказалось Русскихъ людей, знакомыхъ съ Финляндской исторіей, политической литературой и законами*), и вотъ мнѣ, челоуѣку постороннему, совсѣмъ не канцелярскому и не юристу, приходится уже нѣсколько лѣтъ возиться съ этимъ дѣломъ. По просьбѣ гр. Гейдена я сталъ заниматься этимъ года четыре тому назадъ, составилъ Сборникъ такъ называемыхъ Финляндскихъ основныхъ законовъ, переводилъ и излагалъ труды Финляндскаго кодификаціоннаго комитета, писалъ на нихъ замѣчанія и т. д. Лично мнѣ отъ этого ничего, кромѣ неприяностей да отвлеченія отъ научныхъ занятій, нѣтъ, да и впредь не предвидится. Но дѣло-то великое, и разъ уже взялся, то нужно вести.

*) Я. К. Гротъ нѣкогда читавшій по шведски Русскую исторію въ Гельсингфорскомъ университетѣ, былъ призванъ императоромъ Александромъ III-мъ для сличенія Шведскаго перевода съ Русскою законодательною бумагою. Обнаружилась наглая подтасовка, облегчавшая возможность кривотолковъ. П. Б.

II. Письмо Финляндскаго генераль-губернатора Николая Ивановича Бобрикова.

Гельсингфорсъ, 12 Октября (1903 г.)

Милостивый государь Дмитрій Владимировичъ.

Возвратясь въ Гельсингфорсъ, нашелъ здѣсь ваше письмо отъ 17 Сентября. Приношу вашему превосходительству сердечную признательность за сочувствіе къ моей дѣятельности въ Финляндіи. Сочувствіе истинно Русскихъ людей поддерживаетъ во мнѣ энергію и облегчаетъ постоянную борьбу съ мѣстнымъ сепаратизмомъ.

Долготерпѣніе и трудъ, надѣюсь, все перетрутъ. На политическомъ здѣсь горизонтѣ есть маленькій разсвѣтъ. Отъ твердой системы и впредь не отступлю ни на одну іоту.

Искренне вамъ преданный и всегда готовый къ вашимъ услугамъ

Н. Бобриковъ.

P. S. „Обрусѣніе западныхъ Европейцевъ въ Московскомъ государствѣ“ получилъ съ глубочайшею признательностію. Успѣлъ пробѣжать этотъ трудъ и постараюсь извлечь изъ него практическую для себя пользу.

Упомянутый трудъ—отпечатанный докладъ, читанный проф. Д. В. Цвѣтаевымъ 21 Мая 1903 г. въ Варшавскомъ Русскомъ кружкѣ; подробно данный предметъ изслѣдованъ въ 5-й главѣ указанной выше его докторской диссертациі.

III. Письма И. П. Корнилова*).

1.

Глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ.

Крайне вамъ признателенъ за то, что вы изволили обратить благосклонное вниманіе на I-й томъ „Сборника матеріаловъ для исторіи

*) Иванъ Петровичъ Корниловъ († 1901 г.)—бывшій попечитель Виленскаго Учебнаго Округа, затѣмъ членъ Совѣта министра народнаго просвѣщенія и почетный опекунъ, нѣсколько лѣтъ состоявшій и предсѣдателемъ Славянскаго благотворительнаго общества. Вильна ему обязана основаніемъ отдѣленія Географическаго общества, устройствомъ публичной бібліотеки, архива, онъ создалъ въ Округѣ болѣе 1000 народныхъ училищъ и т. п. Изъ ученыхъ и публицистическихъ его трудовъ наиболѣе извѣстны: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи, извлеченныхъ изъ Архива Мпнистерства Народнаго Просвѣщенія. Учебныя заведенія въ западныхъ губерніяхъ, 1783—1807 гг.“, три большихъ тома (Спб., 1893—1898; выпускъ первый 4-го тома вышелъ послѣ его смерти, Спб. 1902 г.); „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Матеріалы для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа“ (Спб., 1901; второе дополнен. издан. 1908 г.); „Путевыя замѣтки“ (1894—1895); „Очеркъ исторіи Русской школы. Ея современное состояніе и на какихъ незыблемыхъ началахъ она должна быть утверждена“ (Спб., 1901); „Задача Русскаго просвѣщенія въ его прошломъ и настоящемъ. Сборникъ статей“ (Спб. 1902), и др.

просвѣщенія въ Россіи“ и поручили рассмотретьъ эту книгу *) и представить вашъ письменный о ней отзывъ. Я уже приступилъ къ собиранію матеріаловъ для 2-го тома, и мнѣ желательно бы ознакомиться съ замѣчаніями, какія будутъ сдѣланы на I-й томъ, чтобы воспользоваться ими. Въ отобранныхъ для 2-го тома документахъ очень много любопытнаго.

Вообще, въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія хранятся превосходные матеріалы для культурной исторіи Россіи съ 1782 года. Очень жаль, что Архивъ еще не пересмотрѣнъ ученымъ образомъ. Давно бы слѣдовало сдѣлать то, что дѣлается для Синодскаго архива: издать описи дѣламъ. Документы, помѣщенные въ моемъ Сборникѣ, даютъ только слабое понятіе о дѣятельности Екатерининской училищной комиссіи и о высокомъ интересѣ тѣхъ матеріаловъ, которые хранятся въ министерскомъ архивѣ. Эти документы открыли бы, какое руководящее, непосредственное участіе принимала Екатерина II въ Русскомъ народномъ образованіи и какъ она строго наблюдала, чтобы учрежденная ею въ Петербургѣ Управа Нѣмецкихъ училищъ не нарушала ея государственныхъ постановленій объ училищахъ и не выходила изъ повиновенія Комиссіи объ училищахъ. Послѣ Екатерины ея твердая государственная политика по отношенію къ народному образованію пошла прахомъ и замѣнилась политикою „великодушныхъ“ уступокъ Польскимъ и Нѣмецкимъ партіямъ. Послѣднія получили съ тѣхъ поръ никогда небывалую силу и значеніе во внутренней и внѣшней политикѣ Россіи.

За ученую разработку исторіи народнаго образованія въ Россіи съ 1782 года у насъ еще почти не принимались, и матеріалы для этой исторіи спять пока еще непробуднымъ сномъ въ архивахъ. Жаль, что не десятью годями ранѣе я принялся за архивную работу. Теперь она мнѣ не подъ силу, и трудно мнѣ ее продолжать. Далъ бы Богъ мнѣ напечатать 2-й томъ, а объ изданіи 3-го тома я не смѣю и думать. Жаль, если дѣло остановится послѣ меня.

Слѣдовало бы, не откладывая, тотчасъ же приступить къ пересмотру и изданію журналовъ и дѣлъ Училищной комиссіи. Въ нихъ Екатерина II выступаетъ въ особенно привлекательномъ, симпатичномъ свѣтѣ. Она входила въ малѣйшія подробности училищнаго дѣла и при готовленіи къ нему исполнителей, внимательно просматривала и исправ-

*) Одному изъ своихъ студентовъ-спеціалистовъ. Проф. Д. В. Цвѣтаевъ имѣлъ обычай приучать ихъ, подъ своимъ руководствомъ, къ составленію также ученыхъ рецензій на новыя книги по Русской исторіи.

ляла приготовлявшіеся для печати учебники, наставленія учителямъ и учащимся, сама даже писала учебники; словомъ, она управляла устройствомъ народнаго образованія; Завадовскій, Янкевичъ-де-Мириево и другіе были простыми исполнителями ея приказаній. Екатерина вывела народное образованіе изъ того неустроеннаго хаотическаго состоянія, въ какомъ оно находилось въ Имперіи до 1782 года, и положила начало системѣ народныхъ училищъ подъ руками правительства.

Примите, душевно-почитаемый Дмитрій Владимировичъ, увѣреніе въ отличномъ къ вамъ почтеніи и преданности. Иванъ Корниловъ.

(С.-Петербургъ), 10-го Февраля 1894 г.

2.

Примите душевную признательность за благосклонное письмо ко мнѣ еще 14 Іюня, изъ Ойцова, Кѣлецкой губерніи, полученное тому назадъ четыре дня. Очень благодарю за то, что вы изволили обратить вниманіе на 1-й томъ „Сборника документовъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи“ и за то, что, по вашему указанію, онъ послужилъ матеріаломъ для ученыхъ трудовъ вашихъ слушателей. Тема для изслѣдованія, вами предложенная, крайне любопытна, и я съ особеннымъ интересомъ прочту статью и отчетъ, если они появятся въ печати.

Въ концѣ этого года будетъ напечатанъ 2-й томъ „Сборника“. Въ немъ будетъ: первый отчетъ Чарторыйскаго и другіе матеріалы за первые три года его управленія Виленскимъ Учебнымъ Округомъ. Въ предисловіи къ этому тому, для нравственной характеристики Чарторыйскаго, я воспользовался въ высокой степени любопытными воспоминаніями его, напечатанными въ 1887 году въ Парижѣ, въ двухъ томахъ, на Французскомъ языкѣ, а въ дополненіе приведу выдержки изъ Записокъ почти его современника, митрополита Іосифа Сѣмашки. Сопоставленіе показаній этихъ двухъ авторитетныхъ представителей двухъ діаметрально-противоположныхъ церковныхъ, національныхъ и государственныхъ началъ очень поучительно.

Просматривая историческіе матеріалы царствованія Павла Петровича и Александра Павловича, удивляешься, какъ мало было тогда (да и теперь немного) въ высшемъ Русскомъ обществѣ политическаго смысла и дальновидности. Легко было тогда разнымъ Чарторыйскимъ, Меттернихамъ и другимъ подобнымъ господамъ дурачить насъ и пользоваться нами для своихъ цѣлей.

При Московскихъ государяхъ наши бородатые бояре и думные дьяки умѣли оберегать и отстаивать достоинство и интересы Русскаго государства. Но послѣ Петра Великаго и Екатерины II-й потомки

этихъ бояръ и думныхъ дьяковъ, переодѣтые въ Нѣмецкіе камзолы, слишкомъ безтолково подчинились вліянію западной культуры и до того порвали духовныя связи съ своимъ народомъ, до того утратили смыслъ и пониманіе разумныхъ основъ Русской жизни и государственныхъ и народныхъ интересовъ, что стали гордиться отступничествомъ отъ всего родного, стали безсознательно вредить Россіи и служить ея врагамъ. Эти наши легкомысленные и самонадѣянные западники раззорили Россію и оставили ей въ наслѣдство всякіе, ими жи созданные, Польскіе, Остзейскіе, Финляндскіе и другіе вопросы, надъ которыми мы ломаемъ теперь головы.

Меня глубоко радуеть, что въ Варшавскомъ Университетѣ, подъ вашимъ ученымъ руководствомъ, готовится школа Русскихъ историковъ, которые будутъ заниматься западною Русскою исторіею и сношеніями Россіи съ западными Европейскими государствами и народами. Такое направленіе нашихъ историческихъ работъ имѣеть, особенно въ настоящее время, самое существенное, жизненное для насъ значеніе. Русскіе историки занимались до сихъ поръ, преимущественно, историческими темами по исторіи Московской, Восточной Руси. Исторіею Западной, Литовской Руси и Польши стали мы заниматься, сравнительно, очень недавно. Много потрудился на этомъ поприщѣ М. О. Кояловичъ, и тѣмъ оказалъ въ шестидесятыхъ годахъ большую услугу Русскому обществу, сбитому тогда съ толку Поляками и Русскими эмигрантами и домашними либеральными болтунами, изображавшими Русскихъ—тиранами, а Поляковъ—нашими несчастными жертвами.

Заранѣе благодарю васъ, глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ, за обѣцанный вами экземпляръ историческаго изслѣдованія о пребываніи царя Василія Ивановича Шуйскаго въ Польшѣ*).

Послѣ завтра я отправляюсь съ моей дочерью, чрезъ Берлинъ, въ Bad. Elster, въ Саксоніи, на Богемской границѣ, близъ Францисбада. Въ Эльстерѣ мы проведемъ недѣли три и затѣмъ для отдыха послѣ леченія, поѣдемъ, можетъ быть, въ Остѣнде.

Если на обратномъ пути будемъ въ Варшавѣ, то я непременно явлюсь къ вамъ. Очень, очень желалъ бы я съ вами побесѣдовать.

27 Іюня 1894 г.

*) Теперь вышелъ въ печати весь трудъ: „Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ. 1610—1910 гг. I томъ. Историческое изслѣдованіе“ (Москва—Варшава, 1910 г., XXIII+610 стр.). Второй томъ, около 700 стран., въ двухъ книгахъ, заключающій въ себѣ документы, рисунки и планы, изданъ ранѣе, въ 1901—1902 гг.

3.

Душевно-почитаемый Дмитрій Владимировичъ.

Примите искреннюю благодарность за дружеское ваше письмо и добрыя вѣсти.

Меня глубоко радуетъ и ободряетъ особенное вниманіе ваше къ начатому мною изданію „Сборника матеріаловъ для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа“. Напечатанные матеріалы хотя и доходятъ только до 1807 года, но уже достаточно ясно раскрываютъ побужденія и замыслы Адама Чарторыйскаго и его соумышленниковъ.

Немногіе наши ученые, посвятившіе себя историческому изученію Русско-польскихъ отношеній, затруднены въ своихъ работахъ, во 1-хъ, недостаткомъ у насъ изданныхъ историческихъ матеріаловъ и, во 2-хъ, къ величайшему сожалѣнію, большинство нашихъ ученыхъ вовсе не знаетъ Польскаго языка и, слѣдовательно, Польская историческая литература для нихъ недоступна.

Главное содержаніе этой литературы—возстановленіе Рѣчи-Посполитой, вражда къ Православію и Россіи и стремленіе тайно и явно ей вредить. Тѣмъ необъяснимѣе и непростительнѣе наше невниманіе и равнодушіе къ Польской жизни и культурной дѣятельности.

Поляки хорошо знаютъ Русскій языкъ и Русскую литературу и даже усердно въ ней работаютъ и сбиваютъ насъ съ толку, а мы боимся какъ будто Польскаго языка и Польской книги.

Почти всѣ Поляки знаютъ по-русски, а между Русскими нелегко найти знающаго Польскій языкъ. Знаніе Поляками Русскаго языка и наше невѣжественное пренебреженіе къ языку и литературѣ нашихъ историческихъ враговъ даетъ послѣднимъ огромное преимущество въ культурной борьбѣ и политическихъ козняхъ противъ насъ и даетъ имъ возможность безнаказанно насъ дурачить.

Напрасно мы думаемъ, что знаемъ Мицкевича. О его сочиненіяхъ нельзя судить по немногимъ переводамъ его поэмъ на Русскій языкъ и по заграничнымъ изданіямъ его сочиненій, дозволеннымъ нашею цензурою, изъ которыхъ исключены самыя язвительныя и оскорбительныя клеветы и хулы на все, что особенно дорого и священо для Русскаго чувства и для Русской чести. Если бы Русскіе люди, стоящіе на стражѣ нашей государственной и народной чести, знали все, что Мицкевичъ писалъ и печаталъ о Россіи, то, конечно, наше правительство никогда бы не разрѣшило поставить Мицкевичу на главной улицѣ Варшавы памятникъ, возбуждающій въ Полякахъ и Русскихъ недобрыя чувства, оскорбляющій послѣднихъ и поддерживающій въ первыхъ злобу и ненависть къ Россіи.

Пруссія, для управленія подвластными ей инородцами и иновѣрцами, установила у себя твердо обдуманную и узаконенную государственную систему. Примѣняя эту систему безъ колебаній, твердо и неуклонно, Пруссія приготовила, для умѣлаго и успѣшнаго выполненія, многочисленную школу опытныхъ и знающихъ главныхъ руководителей и низшихъ исполнителей на всѣхъ ступеняхъ іерархической, служебной лѣстницы.

Русское государство, къ сожалѣнію, для управленія инородцами и иновѣрцами, населяющими Привислинскія и Западныя губерніи, по сіе время не выработало и не установило никакой твердо определенной системы управленія. Вслѣдствіе этого, управленіе этими губерніями подвергается безпрестаннымъ колебаніямъ и зависитъ главнѣйшимъ образомъ отъ личныхъ воззрѣній главныхъ мѣстныхъ начальниковъ и высшихъ Петербургскихъ властей. При совершенной непоследовательности, при безпрестанныхъ уклоненіяхъ и отступленіяхъ, никакая школа, для приготовленія надежныхъ и опытныхъ высшихъ и низшихъ администраторовъ, невозможна. Потому-то у насъ и нѣтъ способныхъ государственныхъ людей.

Нынѣ господствующая въ Варшавѣ система уступчивости не удовлетворяетъ Поляковъ, а только напрасно возбуждаетъ ихъ надежды, не заживляетъ, но растравляетъ старыя раны, и, конечно, такая недалеконovidная система не примирить, не успокоить никого.

Моему сборнику актовъ посчастливилось обратить на себя особенное ваше вниманіе... Министръ народнаго просвѣщенія Н. П. Боголѣповъ разрѣшилъ мнѣ приступить къ собиранію матеріаловъ и печатанію IV тома историческихъ актовъ Виленскаго Учебнаго Округа. Редакторомъ IV тома будетъ помощникъ начальника Архива Министра Народнаго Просвѣщенія Александръ Сергѣевичъ Раевскій. Онъ горячо и съ увлеченіемъ принялся за собираніе матеріаловъ, и я увѣренъ, что этотъ томъ будетъ заключать въ себѣ любопытнѣйшіе акты. Въ этотъ томъ войдутъ, я полагаю, матеріалы 1812, а можетъ быть даже и 1814 годовъ.

При изданіи IV тома, весьма важно имѣть въ виду ваши указанія и на предшествующіе 3 тома...

Извѣстно ли вамъ изданіе С. В. Шолковича, подъ заглавіемъ „Сборникъ статей, разъясняющихъ Польское дѣло по отношенію къ Западной Россіи“, выпускъ I-й 1885 года, выпускъ II-й 1887 года. (Вильна, типографія А. В. Сыркина)? Обѣ эти книги заключаютъ въ себѣ замѣчательное собраніе статей Русскихъ и иностранныхъ авторовъ по Русско-польскому вопросу. Въ I-мъ выпускѣ, въ статьѣ подъ загла-

віемъ „За чтò борется Россія съ Поляками“, А. Θ. Гильфердингъ высказываетъ весьма вѣрныя и глубокія мысли по этому жгучему вопросу. Вообще, Сборникъ Шолковича заслуживаетъ особеннаго вниманія. Въ I-мъ выпускѣ помѣщены девятнадцать, а во II-мъ двадцать двѣ статьи *).

Душевно жаль, что за смертью достойнаго С. В. Шолковича изданіе „Сборника“ остановилось на II-мъ выпускѣ. Его слѣдовало бы непремѣнно продолжать.

21 Января 1900 года.

4.

Примите сердечную благодарность за ваши дорогія, дружескія два письма. Искренно признателенъ за сочувствіе и вниманіе къ издаваемому на суммы Министерства Народнаго Просвѣщенія Сборнику матеріаловъ для исторіи Виленскаго Учебнаго Округа. Благосклонный отзывъ, помѣщенный въ № 106 „Московскихъ Вѣдомостей“ о 3 томѣ Сборника, долженъ возбудить интересъ нашихъ ученыхъ людей къ этому изданію.

Преподаваніе въ Университетѣ и школахъ и вся внутренняя переписка производилась въ Виленскомъ Округѣ въ царствованіе императора Александра Павловича исключительно на Польскомъ языкѣ, а Русскій служилъ только для сношеній съ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія и съ нѣкоторыми Русскими правительственными лицами. Но въ этомъ случаѣ были исключенія, именно: подъ № 359, 1806 года столб. 502, напечатана записка на Французскомъ языкѣ, поданная Императору генераломъ Іезуитскаго ордена Бржозовскимъ; затѣмъ подъ № 260, 1805 г. столб. 31—32, напечатано письмо Чацкого на Польскомъ языкѣ графу Завадовскому.

Любопытно также и отвѣтное письмо Русскаго министра Завадовскаго съ выраженіями какого-то благоговѣйнаго, комическаго преклоненія предъ Чацкимъ. Такіе документы рѣзко характеризуютъ время и людей и господствовавшее тогда въ высшихъ Русскихъ правительственныхъ сферахъ космополитическое направленіе.

Усерднѣйше прошу васъ, глубокопочитаемый Дмитрій Владимировичъ, передать мою живѣйшую благодарность талантливому и достойному вашему слушателю за его весьма сочувственный, тепло и талантливо написанный отзывъ о 3 томѣ Сборника; этотъ отзывъ написанъ такъ живо и интересно, что онъ внушаетъ любопытство и желаніе заняться изученіемъ Сборника.

*) Сборникъ Шолковича издавался на средства И. П. Корнилова.

Отъ всей души желаю молодому ученому блестящихъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ. Очень бы желалъ, чтобы онъ посвятилъ себя преимущественно Западно-русской исторіи, спеціальнымъ изученіемъ которой занимаются у насъ, къ сожалѣнію, весьма немногіе, вслѣдствіе чего систематическая ложь и клевета, измышляемая противъ насъ нашими историческими врагами, остаются почти безъ опроверженій и потому принимаются не только иностранцами, но даже и многими Русскими за правду. Грѣшно и стыдно Русскимъ образованнымъ и ученымъ людямъ своимъ молчаніемъ потворствовать лжи, сбивающей съ толка даже осторожныхъ и умныхъ Русскихъ патріотовъ.

Наше молчаніе вредитъ намъ такъ же, какъ ложь и клевета нашихъ злѣйшихъ враговъ, такъ какъ это молчаніе объясняется тѣмъ, что намъ нечего сказать въ свое оправданіе.

27 Апрѣля 1900 г.

5.

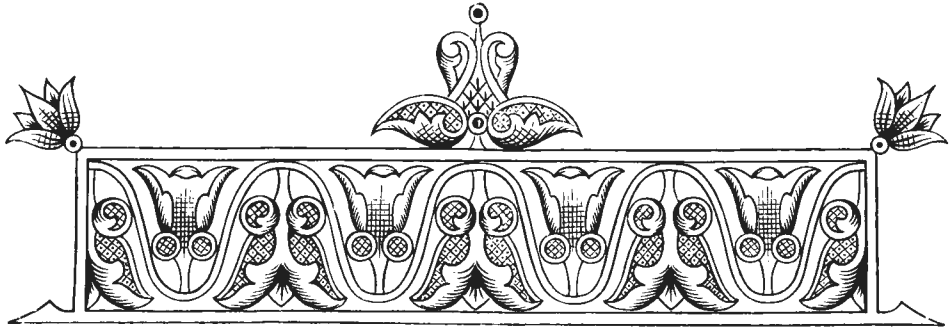
Ваше сердечное письмо и дружеское поздравленіе глубоко меня тронули. Примите искреннюю благодарность за душевную радость, которую доставили мнѣ ваши добрыя строки... (Сообщивъ затѣмъ, между прочимъ, о разстроившемся дѣлѣ продолженія изданія имъ Сборника Шолковича, Иванъ Петровичъ продолжалъ): Впрочемъ, я предпринялъ другое также полезное дѣло и уже напечаталъ сборникъ историческихъ матеріаловъ подъ заглавіемъ: „Русское дѣло въ Сѣверо-Западномъ краѣ“. Посылаю вамъ вмѣстѣ съ симъ экземпляръ этой книги и прошу обратить на нее благосклонное вниманіе и прочесть предисловіе, въ которомъ изложена цѣль изданія.

Дай вамъ Богъ еще многіе и многіе годы воодушевлять своимъ примѣромъ и живымъ словомъ вашихъ слушателей и готовить для Россіи достойныхъ и просвѣщенныхъ тружениковъ. Великое наше несчастіе въ томъ, что въ нашихъ высшихъ культурныхъ классахъ, руководящихъ судьбою нашего Отечества, мало людей, одушевленныхъ любовью къ своему народу и къ величію и достоинству нашего государства.

12 Апрѣля 1901 года.

Это письмо написано Иваномъ Петровичемъ Коряпловымъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его кончины, послѣдовавшей 2-го Іюня 1901 г., въ Петергофѣ. Наиболѣе обстоятельный некрологъ о немъ данъ тогда же въ „Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“.

Изъ воспоминаній стараго офицера Гвардейскаго Экипажа.

Въ 1860 году праздновался юбилей Гвардейскаго Экипажа. Послѣ обычнаго въ этихъ случаяхъ парада и обѣда у Великаго Князя Константина Николаевича, (который былъ тогда генераль-адмиралъ и шефъ экипажа) императоръ Александръ II-й, подозвавъ насъ офицеровъ къ себѣ, обратился къ намъ съ такими (сколько помню) словами: „Знаете-ли вы, господа, исторію вашего экипажа? Вотъ она. Въ 1807 году, какъ вамъ извѣстно, происходило свиданіе императора Александра 1-го съ императоромъ Наполеономъ. Ни тотъ ни другой изъ нихъ не желали сдѣлать перваго шага на встрѣчу другого, и потому придумано было свиданіе на пограничной рѣкѣ; по срединѣ Нѣмана былъ поставленъ плотъ. Оба императора должны были отвалить на катерахъ одновременно каждый отъ своего берега и одновременно пристать къ плоту съ своей стороны. Катеръ Наполеона былъ великолѣпенъ, балдахинъ изъ пунцоваго бархата съ золотыми кистями, корона, императорскіе эмблемы, гребцами 12 видныхъ и отлично одѣтыхъ моряковъ; словомъ, все было очень внушительно и великолѣпно. Катеръ Александра 1-го значительно уступалъ своимъ внѣшнимъ видомъ катеру Наполеона; гребцами на немъ были Донскіе казаки, рослые и лихіе ребята, но моряки очевидно плохіе. Они не рассчитали силы теченія, ткнулись носомъ катера въ плотъ, пристали не по морскому. Получился легкій конфузъ; сравненіе было для насъ невыгодное. Послѣ историческаго свиданія, императоръ Александръ 1-й, провожая Наполеона до его катера, спросилъ у него, какой команды его гребцы. Наполеонъ отвѣчалъ, что въ составѣ его гвардіи имѣется баталіонъ гвардейскихъ *) моряковъ, сопутствующій ему въ походахъ и служащій для переправы черезъ рѣки и для водныхъ сообщеній вообще. Александръ 1-й приказалъ одному изъ своихъ прибли-

*) Bataillon des marins de la garde.

женныхъ лицъ собрать болѣе подробныя свѣдѣнія и по возвращеніи въ Петербургъ сформировалъ нынѣ существующій Гвардейскій Экипажъ“.

Этотъ подлинный разсказъ я удостоился слышать изъ устъ столь авторитетнаго разсказчика. Само собою разумѣется, что за давностію времени не могу поручиться за подлинную точность въ словахъ разсказа, но ручаюсь, что точный смыслъ его былъ именно таковъ.

Изъ времени моего служенія въ Гвардейскомъ Экипажѣ мнѣ особенно памятенъ день 19 Февраля 1861 г. Онъ приходился на Воскресеніе первой недѣли великаго поста. Въ этотъ день, какъ это было обычно въ царствованіе императора Александра II-го, въ Михайловскомъ манежѣ происходилъ такъ называемый разводъ съ церемоніей одному изъ гвардейскихъ полковъ. По окончаніи развода раздался громкій, но какъ-бы слегка надтреснутый голосъ Государя: „господа офицеры, ко мнѣ!“ Всѣ бросились съ своихъ мѣстъ и кольцомъ окружили Государя. „Я сегодня подписалъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ“, сказалъ Государь. „Вы всѣ здѣсь дворяне, и я увѣренъ, что вы мнѣ сочувствуете“. Никогда не забуду я „стихійнаго“ энтузіазма, охватившаго офицерство послѣ этихъ словъ. Раздалось могучее ура, потрясшее своды манежа. Кэпи и каски замелькали въ воздухѣ, офицерство перемѣшалось въ чинахъ и рангахъ; бросилось къ Царю, и его подняли на руки и вынесли на площадь въ сани. Такъ, по крайней мѣрѣ, въ первый моментъ Русское дворянство, состоявшее въ рядахъ гвардіи, встрѣтило первую вѣсть объ освобожденіи крестьянъ непосредственно изъ устъ Царя-Освободителя. Чтò происходило за симъ за стѣнами манежа, на площади, я не видалъ и не знаю, но мнѣ неоднократно за тѣмъ приходилось видѣть извѣстную картину Французскаго художника (кажется, Рубѣ), изображающую выходъ императора Александра II на площадь зимняго дворца чрезъ нѣсколько дней послѣ манифеста; площадь на этой картинѣ покрыта народомъ, многія фигуры колѣнопреклоненны, другія воздымають руки къ Небу. Немало театральныхъ, изысканныхъ позъ. На всей картинѣ приподнятый тонъ Французскаго отпечатка. Происходило-ли что лицо подобное въ дѣйствительности, или это была мечта художника, я не знаю. но лично долженъ засвидѣтельствовать, что никакихъ проявленій народного восторга отъ вышедшей воли я не видалъ и не наблюдалъ, ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни въ деревняхъ среди крестьянскаго люда Тульской и Казанской губерній, куда я вскорѣ отправился. Было, если могу такъ выразиться, какое-то притупленное выраженіе чего-то выжидательнаго: „что-то молъ будетъ?“ Чтò касается до внѣшнихъ проявленій чувства по поводу наступившей воли, то народъ и тутъ

по пушкински въ эпоху Бориса Годунова безмолвствовалъ. Не беру на себя задачи анализировать эту психологическую черту въ характерѣ Русскаго народа; могу лишь напомнить, что при другихъ явленіяхъ, казалось-бы несравненно менѣе важныхъ и не имѣющихъ къ этому народу непосредственнаго отношенія, народъ заявлялъ себя гораздо ярче, напр. во время войны Сербіи съ Турціей въ 1875—1876 годахъ, когда наши добровольцы приняли въ ней такое участіе. Москва, ея площади, улицы и Курскій вокзалъ, съ котораго провожали добровольцевъ въ Сербію, представляли собою взбаламученное море, и можно было наблюдать картины неподдѣльнаго народнаго энтузіазма. Такое-же явленіе можно было наблюдать и въ Петербургѣ въ эпоху прибытія въ 1891 году Французской эскадры адмирала Жерве. А казалось-бы, что общаго между Сербскою войною, Франко-Русскимъ союзомъ и паденіемъ крѣпостнаго права?

Вскорѣ, какъ извѣстно, послѣ крестьянскаго освобожденія вспыхнулъ Польскій мятежъ, и въ усмиреніи его Гвардейскій Экипажъ принялъ непосредственное участіе: двѣ роты были командированы въ Варшаву, въ распоряженіе намѣстника Константина Николаевича; задачею нашей тамъ было охрана рѣки Вислы отъ переправъ черезъ нее повстанческихъ бандъ.

Слѣдующимъ историческимъ моментомъ за время моей службы въ Гвардейскомъ Экипажѣ было 4 Апрѣля 1866 года. Въ этотъ день раздался выстрѣлъ Каракозова въ императора Александра II-го, выходящаго изъ лѣтнаго сада. Это было первое по времени покушеніе на Царя-Освободителя, поведшее за собою впослѣдствіи рядъ другихъ и завершившееся злополучнымъ днемъ 1-го Марта 1881 г. Событіе это было потрясающимъ и всколыхало все общественные круги; долженъ однако означить, что и тутъ народныя массы по отношенію къ внѣшнимъ проявленіямъ чувства безмолвовали. Все мельчайшія подробности этого потрясающаго событія чрезвычайно живы и по сей часъ въ моей памяти.

Вѣсть о покушеніи разнеслась молніей по городу. Все офицеры Петербургскаго гарнизона были экстренно потребованы въ зимній дворецъ. Прибывъ туда, я нашелъ все залы переполненными. Царило необычайное волненіе, многіе въ точности не знали, за чѣмъ ихъ потребовали во дворецъ. Въ нишѣ у окна Николаевскаго зала мы замѣтили между офицерами какого-то маленькаго худого человѣка съ жидкой бородкой, въ длиннополой мѣщанскаго покроя чуйкѣ. Близъ него стоялъ генералъ-адъютантъ Тотлебенъ; толпились любопытные, раздавались отдѣльные возгласы „Коммисаровъ“, „спасъ Царя“. Кто?

Что? Какъ? Никто доподлинно не зналъ. Но вотъ на площади раздались привѣтственные крики ура! Изъ арки главнаго штаба показалась царская карета съ стоявшимъ на запяткахъ высокимъ казакомъ. Государь и императрица возвращались съ благодарственнаго молебствія изъ Казанскаго собора. Черезъ нѣсколько минутъ Государь въ сопровожденіи императрицы и наслѣдника Александра Александровича вошелъ въ Георгіевскій залъ. Оглушительное ура потрясло зданіе дворца, все бросилось впередъ, все перемѣшалось. Тутъ, какъ и въ Михайловскомъ манежѣ, не было различія въ чинахъ и званіяхъ, всякая воинская дисциплина ушла вдаль, точно ея никогда и не было. Стоялъ стонъ, султаны мелкали въ воздухѣ, шапки летѣли въ верхъ. Такъ продолжалось нѣсколько минутъ. Государь поднялъ руку въ верхъ и потребовалъ молчанія. Постепенно все стихло. Раздался взволнованный голосъ Государя. „А гдѣ-же мой спаситель?“ спросилъ онъ. Толпа разступилась, и впередъ вышелъ маленькій человѣчекъ въ длинной чуйкѣ, за нимъ шелъ Тотлебенъ. Государь положилъ этому человѣчку руку на плечо и, сильно волнуясь, произнесъ: „Я... Я... дѣлаю тебя дворяниномъ! Надѣюсь, господа, что вы меня одобряете!“

Послѣдовала новая грандіозная овація. Императрица склонилась на плечо маленькаго человѣчка, стала его обнимать и зарыдала. У Наслѣдника изъ глазъ градомъ капали слезы, маленькій человѣчекъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Кто присутствовалъ при этой трогательной сценѣ, тотъ конечно не забудетъ ея во всю жизнь. Черезъ нѣсколько дней, на Маріинскомъ театрѣ шла опера „Жизнь за Царя“. Никакого предварительнаго извѣщенія о чемъ-либо экстраординарномъ не было, но публика это инстинктивно чувствовала и наполнила театръ сверху до низу. Въ боковой царской ложѣ показался Государь, окруженный всей царской фамиліей. Энтузіазмъ, съ которымъ его привѣтствовали, не поддается описанію. Народный гимнъ повторялся нѣсколько разъ подъ рядъ при восторженныхъ кликахъ. Съ начала спектакля одна изъ ложъ второго яруса довольно долго оставалась пустою, но вотъ дверь порывисто отворилась, и въ ложу вошелъ видѣнный мною во дворцѣ маленькій человѣчекъ. На немъ была на сей разъ новая чуйка; съ нимъ вошла его жена въ пестромъ ситцевомъ платкѣ и въ большомъ желтомъ платкѣ съ пунцевыми разводами на головѣ, очевидно прифрантившаяся. За ними почтительно и съ официальнымъ видомъ слѣдовалъ плацъ-адъютантъ.

„Коммисаровъ!“ Вся зала поднялась на ноги, какъ одинъ человѣкъ, и послѣдовала восторженная овація, замелькали въ воздухѣ платки, шляпы, потребованъ гимнъ, и долго не прерывались оглуши-

тельные рукоплесканія. Маленькій человѣчекъ, очевидно оглушенный бурными привѣтствіями по его адресу, усиленно кланялся на всѣ стороны, мотая головой съ длинными рѣдкими бѣлокурыми волосами; но еще усерднѣе кланялась въ поясъ его жена, очевидно принимая и на себя долю происходящихъ овацій, что, вопреки торжественности минуты, имѣло отгѣнокъ нѣкотораго комизма.

„На сцену! На сцену!“ раздались голоса, и Коммисарова вывели на сцену; тамъ его окружила вся труппа въ костюмахъ. Оваціи и сцены и залы слились въ одинъ общій гулъ, до того оглушительный, что бѣдный Коммисаровъ наконецъ не выдержалъ: онъ кланялся, кланялся во всѣ стороны и вдругъ, схвативъ себя руками за уши, опрометью убѣжалъ за кулисы. Въ одномъ изъ антрактовъ на сценѣ появился поэтъ Апполонъ Майковъ и съ большимъ подъемомъ прочелъ свое стихотвореніе. Нѣсколько строкъ изъ него у меня до сихъ поръ въ памяти:

„Кто-жь онъ злодѣй? Откуда вышелъ онъ?“

„Изъ шайки-ли злодѣйской“

„Что революціей зовется Европейской?“

„Кто-бъ ни былъ онъ, онъ намъ чужой“,

„И нѣтъ ему корней, ни въ нынѣшней живой“

„Ни въ исторической (указывая на декораціи) Россіи!“

Стихотвореніе было повторено дважды, при бурныхъ рукоплесканіяхъ публики.

Слѣдуетъ къ этому добавить, что въ тотъ день еще не было извѣстно настоящее имя преступника, и въ публикѣ поддерживалось убѣжденіе, что онъ непременно Полякъ. Лишь черезъ нѣсколько дней стало извѣстнымъ, что преступникъ Каракозовъ, мелкопомѣстный дворянинъ Саратовской губерніи. Но Коммисаровъ сдѣлался положительно героемъ дня. Проходя однажды по Большой Морской мимо дома бывшего Руадзе, я увидалъ на панели толпу женщинъ у подъѣзда, ожидавшихъ своей очереди; многія изъ нихъ были съ бумагами въ рукахъ. Полюбопытствовавъ узнать въ чемъ дѣло и кого онѣ ждутъ, я обратился съ вопросомъ объ этомъ къ одной изъ женщинъ. Она отвѣтила мнѣ, что идутъ съ прошеніями къ Осипу Ивановичу (Коммисарову) и высказала что-то несуразное по отношенію къ своей личной просьбѣ. „Да что-же можетъ для васъ сдѣлать Коммисаровъ?“ спросилъ я. „Осипъ-то Иванычъ? возразила она, да онъ все можетъ: ему стоитъ слово сказать Царю, все сдѣлаютъ“. Въ какой степени удовлетворилъ эту просительницу Коммисаровъ, я, разумѣется, не знаю.

Мнѣ довелось за тѣмъ еще дважды встрѣтить Коммисарова. Спустя нѣкоторое время послѣ 4 Апрѣля, Петербургское дворянство въ ознаменованіе чудеснаго спасенія Государя давало въ своихъ залахъ балъ. На этомъ балу Коммисаровъ появился въ дворянскомъ мундирѣ, при шпагѣ и съ треуголкой въ рукахъ. Онъ былъ тщательнo подстриженъ и причесанъ. Грѣшный челоуѣкъ, мнѣ какъ-то невольнo стало жаль его длиннополой чуйки. Затѣмъ, еще нѣсколько лѣтъ спустя, въ одинъ лѣтній вечеръ меня обогналъ на Невскомъ проспектѣ гусарскій офицеръ. Кэпи его было лихо загнуто на бекрень, шпоры звякали, и сабля гремѣла по мостовой. Черты лица этого офицера показались мнѣ знакомы. Случай свелъ насъ въ табачномъ магазинѣ Бостанжогло. „Знаете кто этотъ офицеръ?“ спросилъ меня приказчикъ (когда офицеръ вышелъ). Это „Коммисаровъ“.

Коммисаровъ былъ переименованъ въ Коммисарова-Костромскаго; ему было куплено значительное имѣніе на родинѣ Сусанина въ Костромской губерніи. Онъ тамъ и поселился и вскорѣ умеръ, запивъ, по слухамъ, горькую, и очевидно не выдержалъ своего случайнаго величія.

Преступникъ Караѳозовъ былъ судимъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, присужденъ къ смертной казни и казненъ. Непосредственнымъ сообщникомъ Караѳозова, и притомъ, если не ошибаюсь единственнымъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ задуманному царубійству, оказался нѣкто Ишутинъ изъ Москвы. Онъ былъ также приговоренъ къ смертной казни, но покойный нынѣ братъ мой, служившій въ то время статъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, имѣлъ случай узнать, что Ишутинъ будетъ помилованъ Государемъ, на мѣстѣ казни, на самомъ эшафотѣ, по совершеніи всѣхъ предварительныхъ обрядностей. Сообщая мнѣ это подъ большимъ секретомъ, братъ сказалъ мнѣ, что еслибъ онъ доподлиннo не зналъ, что казнь не совершится, онъ бы не поѣхалъ ее смотрѣть, но разъ что будетъ исполнена лишь одна обрядность, предложилъ мнѣ поѣхать. Запасшись съ вечера извощикомъ, мы рано утромъ выѣхали на мѣсто казни, на Волково поле за Смоленскимъ кладбищемъ. Уже на улицахъ, не смотря на раннее время, замѣтно было особое оживленіе; не только шли толпы пѣшеходовъ, очевидно привлекаемые рѣдкимъ зрѣлищемъ (казни въ то время были рѣдкостію) но попадались и экипажи съ элегантными дамами. На Волковомъ полѣ было сплошное море головъ. Въ толпѣ шныряли юркіе промышленники, точъ въ точъ какъ на военномъ зрѣлищѣ, предлагая лѣстницы, табуреты и скамейки для лучшаго лицезрѣнія. Подошелъ такой и къ намъ; мы сторговались. Промышленникъ потребовалъ деньги впередъ. Отдавая ему, братъ шутя сказалъ: „а если не повѣсятъ, тогда деньги

назадъ?“ „Когда не повѣсятъ!“ бойко отвѣчалъ юркій мальчишка, „видите и висѣлица, готова, и все такое; будьте покойны, повѣсятъ лучшимъ манеромъ“. Мы помѣстились на поставленной имъ скамейкѣ. Показалась колесница, или лучше сказать телѣга съ возвышеніемъ; на немъ сидѣлъ приговоренный, обращенный спиною къ лошадямъ, на груди его была привязана доска съ надписью „Царубійца“. На телегѣ возвышался палачъ въ красной рубашкѣ. За поѣздомъ шель внушительный отрядъ военной стражи. Приговореннаго возвели на эшафотъ, аудиторъ сталъ читать приговоръ, испещренный статьями Уложенія; читалъ онъ томительно долго. Чтò долженъ былъ перечувствовать во время этого чтенія осужденный, можно себѣ представить. Затѣмъ къ осужденному подошелъ старенькій священникъ въ ветхой черной рясѣ, крестъ въ его рукахъ видимо дрожалъ. Осужденный что-то пошепталъ ему на ухо. Палачи надѣли на осужденнаго бѣлый балахонъ, на голову колпакъ, накинули петлю на него.... Мы съ братомъ переглянулись, „да что-же это?“ прошепталъ слегка поблѣднѣвшій братъ, „я самъ видѣлъ высочайшую резолюцію; онъ помилованъ“... Въ это время въ толпѣ произошло движеніе, отъ куда-то появился конный фельдъегеръ съ бумагой въ рукахъ. Ишутину дарована жизнь, и смертная казнь замѣнена безсрочной каторжной работой. Но вотъ тутъ-то въ толпѣ произошло нѣчто достопримѣчательное: мальчишка, собственникъ скамейки, на которой мы стояли, очевидно памятуя и принимая въ серъезъ нашу шуточную угрозу потребовать назадъ деньги, если казнь не состоится, растерянно взглянулъ на насъ, отчаянно махнулъ рукой и, быстро повернувшись, бросился бѣжать по діагонали площади. Кругомъ раздался громкій хохотъ, а въ догонку мальчишки понеслись крики: Стой! Стой! держи его, деньги назадъ! Но мальчишка улепетывалъ во всю, только, чтò называется, пятки его сверкали. Воспроизводя эту картину (можно сказать съ фотографическою точностію) я призываю на нее вниманіе членовъ Думы, которымъ, кажется, въ недалекомъ будущемъ предстоитъ высказаться по вопросу о смертной казни, самъ же воздержусь отъ всякихъ коментаріевъ.

Возвращаюсь къ предмету настоящихъ замѣтокъ т. е. къ Гвардейскому Экипажу.

Я перешелъ изъ флота въ Гвардейскій Экипажъ въ 1859 г. Переходъ этотъ тогда (да и теперь вѣроятно) совершался непрямо: требовалось шестимѣсячное прикомандированіе для испытанія въ знаніи строевой службы, т. е. ротного ученія, построеній и пр. и, какъ кульминаціоннаго пункта всего этого, церемоніальнаго марша. Экзаменъ въ этихъ познаніяхъ производилъ начальникъ 1-й гвардейской дивизіи

генераль-адъютантъ Гильденштубе*), вполсѣдствіи командовавшей войсками Московскаго военнаго округа, умершій въ званіи члена Государственнаго Совѣта. Гильденштубе былъ типъ гвардейскаго придворнаго генерала, высокій, видный, бравый. Онъ, не взирая на свое несомнѣнное Нѣмецкое происхожденіе, старался казаться Русскимъ военнымъ служакою и подшучивалъ съ солдатами Русскими прибаутками. Начальникомъ штаба его дивизіи, былъ и нынѣ благополучно здравствующій Х. Х. Роопъ, въ то время юный полковникъ Генеральнаго Штаба, до такой степени юный, краснощекій, что когда онъ появлялся, напримѣръ въ театрѣ, то обращалъ на себя общее вниманіе розовымъ румянцомъ во всю щеку. Зимняя строевая служба гвардейскаго экипажа въ мое время (не знаю, какъ теперь) ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ полковъ гвардіи; мы также занимали въ свою очередь городскіе караулы, ходили на ученья и безконечныя репетиціи развода съ церемоніей въ Михайловскій манежъ, на смотры и парады, при чемъ церемоніальный маршъ въ то время (не знаю, какъ теперь) игралъ первенствующую роль. Какъ велико было его значеніе, приведу сохранившееся доселѣ въ моей памяти зрѣлище малорослаго и очень тучнаго генераль-адъютанта Дрентельна (вполсѣдствіи шефа жандармовъ) запыхавшагося, бѣгавшаго по манежу на коротенькихъ ножкахъ, съ солдатскимъ ружьемъ на плечѣ: онъ показывалъ вновь вводимый бѣглый шагъ, какого-то укороченнаго и ускореннаго темпа. Толпа солидныхъ генераловъ внимательно и сосредоточенно слѣдила за его движеніями, видимо стараясь усвоить себѣ тайну премудрости этого шага. Въ строевыхъ эзерціяхъ и церемоніальномъ маршѣ Гвардейскій Экипажъ не только не уступалъ лучшимъ полкамъ гвардіи, но часто превосходилъ ихъ, состоя изъ людей сравнительно болѣе развитыхъ чѣмъ пѣхотинцы. Въ составѣ экипажа были офицеры, настоящіе фрунтовики, ничѣмъ не отличавшіеся отъ специалистовъ-пѣхотинцевъ. Всѣ штабъ-офицеры экипажа и экипажный адъютантъ носили шпоры, и не безъ удали побрякивали ими. Правда, офицеры эти особенными морскими доблестями не могли отличаться, такъ какъ вся морская дѣятельность ихъ ограничивалась плаваніемъ на придворныхъ парусныхъ яхтахъ между Петергофомъ и Кронштадтомъ. Въ мое время Гвардейскимъ Экипажемъ командовалъ контръ-адмиралъ свиты Аркасъ. Уроженецъ Юга. Греческаго происхожденія, онъ началъ службу въ Черноморскомъ флотѣ и тамъ онъ, говорятъ, слылъ за отличнаго моряка-парусника, однажды удивившаго своихъ сослуживцевъ какимъ-то лихимъ маневромъ подѣ

*) Уроженецъ острова Эзеля. „Дылда въ шубѣ“, какъ его звали въ Москвѣ солдаты. Его, впрочемъ, въ Москвѣ любили. П. Б.

парусами въ какой-то узкости, но о какомъ-либо его участіи въ Севастопольской оборонѣ слышно не было, за то онъ былъ директоромъ вновь образованнаго „Русскаго Общества Пароходства и Торговли“ и составилъ себѣ значительное состояніе. Переселившись въ Петербургъ на новое поприще дѣятельности, сдѣланный эскадръ-маіоромъ (что нынѣ флагъ-капитанъ), зачисленный въ свиту и получивъ въ командованіе Гвардейскій Экипажъ, онъ сразу скинулъ съ себя Черноморскую оболочку, если она на немъ была, и явилъ собою образецъ вполне придворнаго Петербургскаго генерала. Службистъ, педаантъ, вникавшій въ мельчайшія подробности хозяйственнаго быта своего экипажа, въ отношеніяхъ своихъ къ офицерамъ онъ, какъ это говорится, мягко сталъ, но было жестко спать. Въ домашней жизни, и внѣ круга своихъ служебно-свѣтскихъ отношеній, онъ былъ прекрасный семьянинъ, большой домосѣдъ, богомоль. Общеніе его съ офицерами ограничивалось тѣмъ, что онъ приглашалъ ихъ по Воскресеньямъ по нѣсколько человекъ къ обѣду, за которымъ было все чрезвычайно умѣренно и аккуратно, отъ кушаній и винъ до разговоровъ включительно. Послѣ обѣда приглашенные офицеры, чинно посидѣвъ въ гостинной съ хозяйкой дома положенное время, спѣшили надѣть свои кортики и, разобравъ фуражки, съ облегченнымъ сердцемъ возвращались домой. Впослѣдствіи онъ былъ главнымъ командиромъ Черноморскаго флота и портовъ.

Старѣйшимъ за нимъ офицеромъ въ экипажѣ былъ капитанъ 1-го ранга П. В. Фалкъ, впослѣдствіи командовавшій экипажемъ, впрочемъ очень недолгое время. Это былъ образецъ служаки Нѣмецкаго покроя. Высокій, нѣсколько сутуловатый, съ нерусскимъ выговоромъ, плотно затянутый въ мундиръ, онъ, когда былъ при шпорахъ, казался вполне сухопутнымъ, пѣхотнымъ штабъ-офицеромъ. Тѣмъ не менѣе онъ командовалъ, и при томъ очень продолжительное время до контръ-адмиральскаго чина включительно, царской яхтой Александріей, чего достигъ отличаясь замѣчательной виртуозностью въ искусствѣ приставанія яхты къ Петергофской пристани. Очень памятенъ мнѣ жестокой нагоняй, который далъ ему однажды покойный Государь Александръ II-й на яхтѣ „Александрія“, замѣтивъ у него край воротничка рубашки слегка выглядывавшій изъ за галстука. Государь, обыкновенно кроткій, казался не на шутку разсерженъ. А не много лѣтъ спустя, когда морякамъ дали новую форму сюртуковъ съ отложными воротниками и открытыми жилетами, офицеры стали щеголять выставкою бѣлья съ высочайшими отложными и загнутыми воротничками à la jockey-club. Вотъ какъ моды измѣнчивы!

Слѣдуетъ упомянуть также и о командовавшемъ въ послѣдствіи экипажемъ капитанъ 1 ранга Д. З. Головачевъ. Въ противоположность Фалку, это былъ совсѣмъ маленькій круглый человѣчекъ, необыкновенно подвижной. Командуя въ мое время батальйономъ, онъ, вопреки своему малому росту, былъ прямо величественъ верхомъ. Отличный строевикъ, онъ въ тоже время былъ и лихимъ морякомъ. Въ дни кутежей и пирушекъ на судахъ онъ лихо отплясывалъ съ матросами трепака и былъ вообще очень любимъ ими. Помимо этого, онъ отличался большою находчивостью, немало способствовавшю его служебнымъ успѣхамъ.

Но полнаго своего блеска Гвардейскій Экипажъ достигъ за время командованія имъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ. Сравнительно скромный до того составъ офицеровъ смѣнился представителями самыхъ аристократическихъ и богатыхъ нашихъ фамилій; моряки какъ-то сразу вдругъ вошли въ моду и стали героями великосвѣтскихъ салоновъ, и по количеству князей и графовъ, экипажъ за это время могъ-бы соперничать съ первыми полками гвардейской кавалеріи, и я думаю, что взялъ-бы въ этомъ отношеніи первую премію. Немало способствовалъ этому оживленію и самъ императоръ Александръ III-й, вообще очень любившій флотъ, моряковъ и морскія путешествія. Надо думать, что за это время на содержаніе экипажа отпускались и особыя суммы, такъ какъ казармы значительно перестроены и улучшены, создавалась такъ называемая зимняя каютъ-компанія для офицеровъ, роскошнѣйшее помѣщеніе, изображающая комфортабельный клубъ для офицеровъ съ богатѣйшимъ серебромъ и великолѣпной обстановкой (намъ же въ наше время, на дежурствѣ по экипажу, приходилось пробавляться обѣдомъ изъ ближайшей кухмистерской). Словомъ, все приняло грандіозныя по внѣшности размѣры; получилась подлинная морская гвардія, какъ-бы въ противовѣсъ *армейскому* флоту.

Коснувшись этой стороны дѣла, я считаю нужнымъ на ней остановиться. По самому существу дѣла, могутъ-ли быть во флотѣ, наподобіе сухопутныхъ войскъ, гвардія и армія? Очевидно нѣтъ. Флотъ есть флотъ. На самомъ дѣлѣ, никакой морской гвардіи у насъ и не существуетъ, т. е. нѣтъ того существеннаго различія по отношенію къ преимуществамъ и правамъ службы какъ въ сухопутныхъ войскахъ. Но нѣкоторые изъ этихъ отличій и преимуществъ однако въ дѣйствительности имѣются. Въ Гвардейскій Экипажъ берутся изъ флота лучшіе, отборные матросы, а для офицеровъ хотя не требуется какихъ либо отличій или служебныхъ заслугъ, но нужна нѣкоторая протекція, связи, виѣшняя представительность и извѣстная матеріальная обеспеченность,

въ чемъ въ мое время отъ офицеровъ бралась даже подписка. Въ самой формѣ одежды даже существуетъ различіе: погоны и подбой на офицерскихъ эполетахъ красные, гвардейскіе, имѣются излишнія петлички и болѣе богатое шитье на воротникахъ мундировъ, сукно на мундирахъ у матросъ тоньше чѣмъ во флотскихъ экипажахъ такъ называемое гвардейское, и общее довольствіе командъ изобильнѣе.

Справедливы-ли всѣ эти преимущества для чиновъ одного и того же флота? Какъ бы то ни было, эти преимущества, можетъ быть, и не значительныя сами по себѣ, причиною того, что Гвардейскій Экипажъ не пользуется особыми симпатіями въ средѣ моряковъ, особенно же моряковъ Черноморскаго флота.

Обращаясь за тѣмъ къ еще болѣе отдаленнымъ временамъ моихъ воспоминаній, скажу о своей службѣ еще въ качествѣ гардемарина въ отрядѣ канонирскихъ лодокъ Гвардейскаго Экипажа въ 1854 году, во время блокады Кронштадта Англо-Французскимъ флотомъ. Когда нашъ парусный флотъ подъ командой адмирала Риккорда, хотя и значительный по числу судовъ и состоявшій изъ трехъ дивизій линейныхъ кораблей, былъ запертъ въ водахъ Кронштадта, лишень возможности выйти въ море и предпринять что либо рѣшительное противъ парового флота непріятели, приступлено было, и при томъ съ лихорадочною поспѣшностію, къ постройкѣ паровыхъ канонирскихъ лодокъ. Постройка производилась на Галерномъ островкѣ. Заложено было сразу 80 лодокъ. Постройкою завѣдывалъ тогдашній адъютантъ генералъ-адмирала, капитанъ 2-го ранга Шестаковъ*), вполнѣдствіи морской министръ, и принималъ непосредственное участіе самъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ. Работа, чтѣ называется, кипѣла. Мы, юные гардемарины, были расписаны по лодкамъ. Наши головы не могли не кружиться отъ мысли, что мы примемъ участіе въ войнѣ и что намъ дается возможность умереть за Царя и Отечество. Съ этою цѣлію, предусмотрительное начальство сочло нужнымъ передъ началомъ кампаніи вооружить насъ огромнѣйшими револьверами системы Кольта (такой револьверъ хранится у меня и по сіе время), и изъ него я не преминулъ однажды выстрѣлить въ непріятели, въ Англійскую канонирскую лодку, производившую промѣръ на сѣверномъ фарватерѣ и находившуюся отъ насъ примѣрно въ 20 кабельтовыхъ (до 10 верстѣ) разстоянія.

Вѣроятно, чтобы пріучить насъ къ военнымъ дѣйствіямъ, насъ, гардемариновъ, водили въ тирь учиться стрѣльбѣ изъ этихъ револьве-

*) Тутъ вѣроятно начали обостряться отношенія великаго князя Константина Николаевича къ И. А. Шестакову, изображенныя въ Запискахъ сего послѣдняго, только начало которыхъ, подъ заглавіемъ „Полвѣка обыкновенной жизни“, могло появиться въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873 г. (выпускъ 2-й). П. Б.

ровъ въ цѣль, и тамъ шла такая пальба, что, какъ называется, небу было жарко, и надо только дивиться, какъ мы при этомъ не перестрѣляли другъ друга.

Я попалъ на лодку „Шквалъ“ Гвардейскаго Экипажа. Лодкою этой командовалъ лейтенантъ Желтухинъ. Это былъ офицеръ-щеголь: кормовой Андреевскій флагъ изъ шелковой матеріи, вельботъ нѣжно-голубого цвѣта, каюта обитая розовымъ кретономъ, сама лодка, онъ самъ, все было щегольское. Весь отрядъ канонирскихъ лодокъ, числомъ до сорока, если не болѣе, былъ подъ командой командира Гвардейскаго Экипажа Мофета, который былъ въ большомъ фавѣрѣ у высшаго морского начальства; потомъ онъ вдругъ по какому-то случаю внезапно лишился этого фавѣра, былъ смѣненъ, замѣненъ вышеупомянутымъ Аркасомъ и даже уволенъ въ отставку.

Эти канонерскія лодки были по времени первыми паровыми судами нашего флота; назначеніе ихъ было наблюдать за непріятельскимъ флотомъ и оберегать проходъ на фарватерахъ. Но внезапно для нихъ предстало и болѣе серьезное поле дѣятельности.

4-го Августа 1854 года неожиданно, сигналомъ командующаго адмирала, было предписано шести лодкамъ отряда, а въ томъ числѣ и нашему „Шквалу“, сняться съ якоря и „слѣдовать за адмираломъ“.

Мы вышли въ море. Вдали за Толбухинымъ маякомъ виднѣлись силуэты непріятельскихъ судовъ. Мы шли прямо на нихъ, все ближе и ближе. Непріятельскіе корабли казались совсѣмъ близко: ясно видна была на ихъ палубахъ команда, высыпавшая вѣроятно лицезрѣть что затѣваютъ эти лиллипуты противъ ихъ Голиаѳовъ; сердце мое сильно билось, и вотъ изъ состава непріятельскаго флота отдѣлились два парохода-фрегата и пошли намъ на встрѣчу. На одномъ изъ пароходовъ-фрегатовъ вдругъ взвился бѣлый клубъ дыма, потомъ раздался звукъ выстрѣла. „Вотъ оно!“ думалось мнѣ, „это ядро убьетъ непременно меня“. Но скоро пришлось успокоиться: всплески по водѣ показали, что это ядро, какъ и послѣдующія, не долетѣло до насъ сажень на пятьсотъ. Мы однако благоразумно поворотили назадъ и стали, отстрѣливаясь, уходить обратно, но отстрѣливались жестоко. Непріятельскія суда, не доходя нѣсколько сажень до вѣхъ, обозначавшихъ минныя загражденія, очевидно, знавшіе ихъ расположеніе, повернули обратно, а мы во свояси на большой рейдъ. Подходя къ форту „Меньшиковъ“, мы обнаружили стоявшую близъ него Императорскую яхту „Александрія“ подъ брейдъ-вымпеломъ Государя. На яхтѣ взвился сигналъ: „Сколько убитыхъ и раненыхъ?“ Отвѣтъ „ни одного“. Адмиралъ былъ потребованъ

къ Государю. На каждую лодку было пожаловано по два Георгіевскихъ креста для нижнихъ чиновъ. Этимъ ограничились на этотъ разъ наши военныя доблести.

Заговоривъ о морскихъ дѣлахъ, я не могу удержаться отъ того, чтобы не высказать нѣсколько посильныхъ своихъ соображеній о настоящемъ нашемъ морскомъ положеніи.

Какъ извѣстно, въ настоящее время, послѣ печальной памяти Цусимскаго разгрома, и въ Государственной Думѣ, и въ Совѣтѣ, и въ печати, и въ общественныхъ кругахъ, идутъ большія словопренія о нашемъ флотѣ, о томъ, быть ему или не быть, а если быть, то какъ быть. Весьма далекій отъ мысли вдаваться въ эту полемику, я тѣмъ не менѣе считаю своимъ долгомъ подать и мой голосъ.

Какъ извѣстно, въ царствованіе Александра III-го, лично весьма любившаго флотъ и морское дѣло вообще, было обращено особое вниманіе на флотъ и его развитіе. Судостроеніе приняло за это время небывалые до того размѣры, часто не по средствамъ нашей государственной смѣты. Мы, что называется, надрывались сверхъ силъ, построили столько броненосцевъ разныхъ типовъ и ранговъ, что возмнили себя по крайней мѣрѣ третьей морской державой въ Европѣ. За невозможностію развертываться этому флоту въ такъ называемой Маркизовой Лужѣ и по неимѣнію въ ней какихъ-либо морскихъ задачъ кромѣ оборонительныхъ, весь этотъ флотъ направился въ Тихій Океанъ, гдѣ къ началу 90 годовъ мы приступили къ политикѣ, приведшей насъ къ Портъ-Артурской эпопеѣ. Послѣдствія этой политики и этой эпопеи достаточно извѣстны.

Мы потерпѣли подъ Цусимой такое морское крушеніе, подобнаго которому не знаетъ морская исторія: мы потеряли весь нашъ флотъ. Вдаваться въ подробное изученіе причинъ этой катастрофы здѣсь не мѣсто и не входитъ въ мою задачу. Меня занимаетъ лишь вопросъ, что же мы должны теперь дѣлать? Возсоздавать флотъ, хотя-бы въ томъ размѣрѣ какой мы потеряли подъ Цусимой? Спрашивается, за чѣмъ? Дальній Востокъ для насъ потерянъ; если скажемъ себѣ въ утѣшеніе не навсегда, то до весьма отдаленнаго будущаго, и дѣлать намъ теперь тамъ нечего. Для Балтійскаго моря такой флотъ также не нуженъ, и ему въ немъ также дѣлать нечего. Оставя финансовый расчетъ въ сторону, спросимъ себя, можемъ-ли мы помышлять о возстановленіи флота въ прежнемъ составѣ? Мнѣ кажется, что Цусимская катастрофа въ связи со всей исторіей вообще нашей прошлой войны съ Японіей и съ морскими въ ней дѣйствіями даетъ на этотъ вопросъ категорически-отрицательный отвѣтъ: „нѣтъ, не можемъ и не должны“. Не касаясь вопроса

о способахъ управленія бывшимъ нашимъ флотомъ, такъ какъ это завело-бы насъ слишкомъ далеко, мы, я думаю изъ уроковъ недавняго прошлаго должны бы были вынести одно несомнѣнное и интересное убѣжденіе, а именно, *что мы по природѣ своей не моряки*, а что Японцы, напимѣръ, въ противоположность намъ, несомнѣнные и при томъ природные моряки. Оставля въ сторонѣ Цусимскую катастрофу, а также и самолюбіе, которое въ данномъ случаѣ было-бы неумѣстно, мы должны признать, что всѣ столкновенія наши съ Японцами на морѣ отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ доказываютъ съ непреложной логикой несомнѣнное ихъ превосходство передъ нами на морѣ. Не моряки мы, никогда ими не были и никогда ими не будемъ, прежде всего потому, что у насъ нѣтъ настоящаго моря, нѣтъ морского простора. Домогаться намъ сдѣлаться настоящими моряками, это все равно какъ еслибы Японцы вздумали создать у себя казачество подобное нашему: на это у нихъ нѣтъ естественныхъ условій, нашихъ полей и степей, какъ у насъ нѣтъ своего воднаго простора. Что мы не моряки, или по крайней мѣрѣ моряки не настоящіе, а лишь моряки, такъ сказать, по неволѣ, признавалъ между прочимъ одинъ изъ доблестныхъ капитановъ эскадры Рождественскаго, Гвардейскаго Экипажа капитанъ 1-го ранга Бухвостовъ, командиръ броненосца „Императоръ Александръ III-й“, погибшаго, какъ и остальные, подъ Цусимой. Его бесѣда передъ отправленіемъ эскадры съ А. С. Суворинымъ была описана въ свое время въ „Новомъ Времени“. Слова покойнаго Бухвостова дышали какъ-бы предчувствіемъ. Между прочимъ онъ говорилъ: „Мы идемъ драться съ Японцами, а *Японцы моряки настоящіе*“.

Никто конечно не дерзнетъ упрекать нашихъ моряковъ въ отсутствіи храбрости, самоотверженія и даже геройства. Всѣ эти качества достойно проявлены ими въ Японскую войну, какъ и проявлялись во всѣхъ нашихъ войнахъ вообще, и тѣмъ не менѣе повторяю, что прошлая Японская война несомнѣнно доказала, что для того, чтобы побѣждать на морѣ, въ настоящее время, при современной морской technikѣ, этихъ качествъ недостаточно, а требуются еще другія, спеціально свойственныя самой природѣ людей, морскія качества, которыхъ мы природою лишены, и что Японцы въ этомъ отношеніи имѣютъ передъ нами несомнѣнное преимущество.

Такъ было и во всѣ прошлыя наши военныя дѣйствія на моряхъ. Мы знаемъ отдѣльные подвиги геройства въ родѣ брига „Меркурія“ знаемъ Синопскій бой; но также знаемъ, что Черноморскій флотъ въ войну 1854—55 г.г. долженъ былъ затопить свои корабли, а доблестные экипажи его покрыли себя неувядаемою славой на сухомъ пути, при

защитѣ Севастопольскихъ стѣнъ, а герои этого флота Нахимовъ, Корниловъ и другіе пали на сушѣ.

Нельзя отвергать, что флотъ нашъ знаетъ и нѣсколько извѣстныхъ мореплавателей изъ своей среды; но достойно замѣчанія, что всѣ они, Крузенштернъ, Литке, баронъ Врангель, Белингаузенъ были иностранцы.

Море не родная стихія для истинно-Русскаго человѣка, и его невольно влечетъ къ берегу. Лучшіе адмиралы наши, поплававъ нѣкоторое время и выплававъ цenzъ, всегда охотно стремились къ береговому мѣстечку. Изъ нашихъ Ярославцевъ, Костромичей, Вологжанъ, при врожденной Русской смѣтливости и свойственной имъ лихости, выработывались лихіе матросы, въ особенности въ прежнее парусное время, когда требовались лихіе „марсовые“: но взгляните на этого матроса гдѣ нибудь въ заграничномъ порту и сравните его съ матросомъ Англійскимъ, Американскимъ, Японскимъ, Французскимъ, даже съ Германскимъ, и вы сразу подмѣтите разницу: одинъ матросъ, а другой морской солдатъ.

Мало-мальски морской обликъ пріобрѣтаютъ наши команды лишь послѣ двухъ-трехъ лѣтъ заграничнаго плаванія; отправляются же они туда прямо таки переодѣтыми въ морскую куртку Ярославцами. Надо сказать, что это, заимствованное извнѣ, морское обличіе наши команды скоро и утрачиваютъ послѣ 2—3 лѣтъ пребыванія въ Кронштадтѣ и внутреннемъ плаваніи. Справедливость этого, я думаю, подтвердить всякій добросовѣтный командиръ корабля.

Для вѣщаго доказательства этихъ положеній не зачѣмъ уходить далеко: сошлюсь на ближайшую нашу сосѣдку Финляндію. Финляндцы по самой природѣ своей, рожденные на приморскихъ скалахъ, островахъ и окруженные шхерами, несомнѣнные моряки. Тотъ незначительный торговый флотъ, который мы имѣемъ—Финляндскій, и только флагъ на немъ Русскій, шкипера на его судахъ Финляндцы, команды Финскія. И какъ казалось бы ни странно это, единственное пароходство наше въ столицѣ, на Невѣ, Финляндское. Военный флотъ нашъ считалъ въ средѣ своей значительный процентъ весьма дѣльныхъ адмираловъ и капитановъ Финляндцевъ. Адмиралъ Авеланъ, по моему мнѣнію, въ счетъ идти не можетъ: онъ нисколько не виноватъ въ томъ, что изъ весьма хорошаго капитана корабля его возвели на совершенно неподходящій для него постъ морского министра.

Коснувшись Финляндіи, я далеко отъ мысли возбуждать столь животрепещущій нынѣ Финляндскій вопросъ, но не могу не высказать по этому поводу, что слѣдуетъ пожалѣть о томъ, что собираются

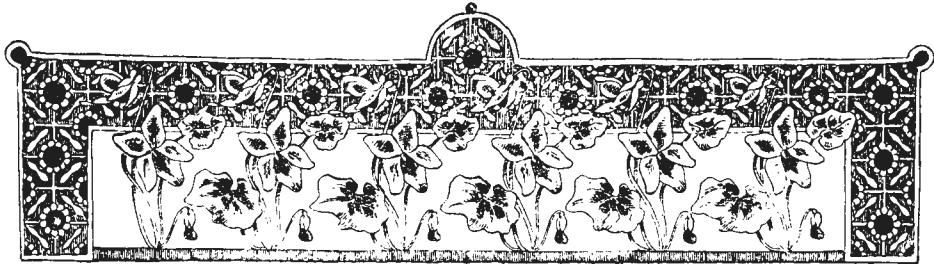
напр., изъять лоцманское вѣдомство въ Финскомъ заливѣ изъ рукъ Финляндцевъ и передать его въ наше морское вѣдомство. Грѣшный человѣкъ, не желая быть пророкомъ, я думаю, что отъ такой передачи плаваніе въ этихъ и безъ того предательскихъ шхерахъ станетъ еще менѣе безопаснымъ. Тоже, я думаю, случилось-бы, еслибъ наши націоналисты потребовали изъять изъ рукъ Финляндцевъ пароходство по Невѣ и передать его въ Русскія руки. Увѣренъ въ томъ (и все по той же причинѣ и не думая задѣвать національное самолюбіе) что случаи рѣчныхъ аварій превзошли бы тѣ, которые причиняются трамваями и автомобилями на Петербургскихъ улицахъ.

И такъ, мы не моряки по природѣ. Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ-ли, что мы должны отказаться отъ всякой мысли возобновленія какого-либо флота и поставить на это дѣло крестъ? Очевидно нѣтъ. Мы не перестали быть первою Европеекой державой: кое-какія морскія границы мы имѣемъ, ихъ необходимо защищать. И вотъ лишь въ смыслѣ этой защиты намъ нужно стремиться возобновить нашъ флотъ. Какой? Подводный, крейсерскій, это дѣло специалистовъ, и входитъ въ детали этого спорнаго вопроса, и при томъ очень сложнаго, я не беруся. Но тѣмъ не менѣе, думаю, что постройка четырехъ дреднаутовъ, идущая столь болѣзненно въ настоящее время, а за ней можетъ быть и остальныхъ, нисколько не обезопаситъ наше морское побережье. Въ постройкахъ этихъ дреднаутовъ мы никоимъ образомъ не угонаемся ни за Англіей, ни за Германіей, ни за Японіей, возможными нашими противниками въ будущемъ. Съ этими дреднаутами мы не будемъ знать что дѣлать, такъ какъ имъ просто негдѣ развернуться на нашихъ Кронштадскихъ рейдахъ, и они легко могутъ повторить исторію съ крейсеромъ „Россія“, длина котораго, замѣтимъ, несравненно менѣе современнаго дреднаута, который, какъ только вышелъ изъ Невскаго фарватера, такъ приткнулся на мель около форта „Меньшиковъ“ и простоялъ во льдахъ чуть не полгода. И предстоитъ этимъ дреднаутамъ, на подобіе прежнихъ нашихъ броненосцевъ, по пяти мѣсяцевъ въ году мерзнуть затертыми во льдахъ и занесенными снѣгами въ Кронштадскихъ гаваняхъ, что само собою производитъ самое убійственное, удручающее впечатлѣніе и способно убить и послѣднюю морскую энергію. Нельзя также и не пожалѣть столь трудно добываемыхъ народныхъ милліоновъ, которымъ, казалось-бы, предстояло иное, болѣе производительное, направленіе.

18 Апрѣля 1910 г.

А. Рембелинскій.

ПАВЕЛЬ ПОНАМАРЕВЪ.

Архіепископъ Ярославскій и Ростовскій.

(1749—1806 гг.)

Преосвященный Павелъ, въ мѣрѣ Петръ, былъ родомъ изъ Дмитровскаго уѣзда, его отецъ былъ дьякономъ въ Александровской Слободѣ. Онъ родился 4 Октября 1749 года и 11 лѣтъ поступилъ въ Сергіево-Лаврскую семинарію, гдѣ ему была дана фамилія Понамарева. Перейдя затѣмъ въ Московскую Славяно-греко-латинскую Академію, Понамаревъ, съ разрѣшенія благоволившаго къ нему митрополита Платона, слушалъ въ Московскомъ университетѣ съ 1768 по 1772 г. философію и элоквенцію. Онъ учился настолько хорошо, что о немъ Нѣмецкій информаторъ университета Сергій Ивановъ далъ такой отзывъ: „Нѣмецкаго грамматическаго класса ученикъ Петръ Понамаревъ обучался въ бытность свою съ такою прилежностью и стараніемъ, что всякій изъ его сверстниковъ тому завидовалъ ежечасно, почему и успѣхи оказалъ достойные всякой похвалы. Чтожъ касается до его поступковъ, то оказалъ такіе, которые благородному и честному челоувѣку всегда приличными и достойными быть казались“.

По окончаніи курса Понамаревъ возвратился въ Лавру, куда былъ опредѣленъ учителемъ Нѣмецкаго и Французскаго языковъ, которые и преподавалъ въ теченіе шести лѣтъ. Впослѣдствіи онъ преподавалъ еще исторію.

Хотя онъ не думалъ принимать монашество, однако, по настоянію митрополита Платона, въ 1775 г., на 24 году, постриженъ въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ*). Дальнѣйшая дорога оказалась для Павла открытою.

*) Кажется, при такихъ же условіяхъ, про которыя писалъ Ростиславовъ въ своемъ извѣстномъ трудѣ: „О православномъ бѣломъ и черномъ духовенствѣ въ Россіи“. 1866 г., т. I, стр. 136.

Черезъ мѣсяць послѣ постриженія онъ сдѣланъ намѣстникомъ Лавры, въ 1782 г. возведенъ въ санъ архимандрита Заиконоспасскаго монастыря и назначенъ ректоромъ Московской Академіи, гдѣ преподавалъ богословіе, въ тоже время онъ былъ цензоромъ сочиненій духовнаго содержанія, представляемыхъ въ Синодъ и въ Московскую Синодальную Контору.

Одинъ изъ его біографовъ¹⁾ говоритъ: „Принявъ по настоянію митрополита монашество и сдѣлавшись намѣстникомъ Лавры, Павелъ сталъ заниматься преимущественно переводами съ Французскаго языка. Его переводъ исторія объ Эпаминондѣ, Фиванскомъ полководцѣ²⁾, пользовался большою извѣстностью въ концѣ XVIII вѣка. Вслѣдъ затѣмъ Павелъ перевелъ обширную церковную исторію Тильмона, но цензура не дозволила ее тогда напечатать“. Пылкій, непреклонный его характеръ былъ причиною частыхъ его переходовъ изъ одного монастыря въ другой. Онъ управлялъ всѣми ставропигіальными Московскими монастырями: кромѣ вышеупомянутаго Заиконоспасскаго, въ 1783 г. Симоновымъ, въ 1785 г. Новымъ Іерусалимомъ, въ 1786 г. Новоспасскимъ.

Въ 1794 г. Павелъ былъ рукоположенъ въ санъ епископа Нижегородскаго, гдѣ, по разсказамъ современниковъ, оставилъ среди подвластнаго ему духовенства далеко не добрую память, какъ епископъ злой и немилостивый. Преосвященный Макарій Миролюбовъ говоритъ³⁾: „Усматривая безпорядки, Павелъ съ твердою волею и строгостію началъ искоренять ихъ. При немъ невѣжество и пороки не оставались безъ должнаго наказанія; по различію преступленій одни посылались подъ надзоръ и въ работу въ монастыри, другіе долгое время находились подъ запрещеніемъ, а нѣкоторые лишались и совсѣмъ священства. Довольное число запятнавшихъ себя пороками отдано, по приказанію преосвященнаго, въ солдаты⁴⁾. Такой строгій надзоръ епископъ не ограничивалъ одними священно-церковно-служителями, онъ простиралъ его и на дѣтей духовнаго званія. Особенно жестокъ онъ бывалъ при частыхъ своихъ объѣздахъ по епархіи“.

Конечно, Павелъ въ своихъ рѣшеніяхъ былъ отчасти правъ; *при пылкомъ своемъ характерѣ* онъ былъ не воздерженъ и, какъ сынъ сво-

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г. VII.

²⁾ Сопиковъ. № 4786. Напеч. въ Москвѣ 1774 г.

³⁾ Исторія Нижегородской Іерархіи арх. Макарія.

⁴⁾ Въ сохранившихся клировыхъ вѣдомостяхъ часто встрѣчается противъ рекомандованныхъ съ худой стороны своеручная подпись Павла: „Въ военную службу“.

его времени, знакомый съ иностранной литературой и находившійся въ общеніи съ Французскими эмигрантами, наводнявшими въ послѣдніе годы царствованія Екатерины столицы и города, не могъ относиться равнодушно къ невѣжеству и грубымъ поступкамъ своихъ подчиненныхъ. „Да и какое въ то время было духовенство, даже Петербургское?“ какъ писалъ о. Моршкинъ. „Въ большинствѣ оно представляло самый поразительный примѣръ невѣжества, грубости, невоздержанія. Въ спискахъ Петербургскаго духовенства Екатерининскихъ временъ мы видимъ протоіереевъ, не обучавшихся нигдѣ, какъ напримѣръ Іоаннъ Троянскій, или дошедшихъ до одного грамматическаго класса; видимъ священниковъ, попавшихъ въ этотъ санъ изъ потерявшихъ голосъ придворныхъ протодьяконовъ и пѣвчихъ“. По выраженію Екатерины II, „въ бѣльцахъ люди были еще приличнѣе, нежели въ черномъ духовенствѣ“.

Семинарія въ Нижнемъ-Новгородѣ была далеко не изъ лучшихъ. Содержаніе семинаристовъ было скудное: кормили плохо, а начальствующіе и учителя весь успѣхъ преподаванія полагали въ „поученіяхъ на тѣлѣ“ и твердо держались правила, завѣщаннаго Кіевскою педагогіей.

„Такихъ молодыхъ человѣкъ житіе кажется быти стужительно и заключенію плѣнническому подобно; но кто обыкнетъ такъ жить хоть черезъ одинъ годъ, тому весьма сладко будетъ“. И о. о. ректоры и префекты были убѣждены, что при такомъ стужительномъ житіи, аще кто и тигръ нравомъ будетъ, агнчюю воспріиметь тамъ кротость. Павелъ съ первыхъ же дней своего пріѣзда обратилъ на Нижегородскую семинарію особенное вниманіе и хотя строго взыскивалъ и съ начальства и съ учениковъ, но улучшилъ положеніе сихъ послѣднихъ. По его ходатайству семинарія вмѣсто 2000 р. стала получать 4000 р.

Не оставлялъ Павелъ безъ вниманія и раскольниковъ, вооружаясь противъ нихъ, по отзывамъ преосвященнаго Макарія, и словомъ, и дѣломъ. Онъ воскрешалъ, по возможности, Питиримовскія времена, тѣмъ болѣе, что свѣтскія власти, въ виду выгоды преслѣдованія раскольниковъ, всегда были къ услугамъ Нижегородскаго преосвященнаго.

Положеніе церковнаго клира было вообще вездѣ бѣдственное. Только императоръ Павелъ I избавилъ его отъ тѣлесныхъ наказаній. До того же времени поповъ и дьяконовъ сѣкли на площади кнотомъ не только за уголовныя преступленія, но ихъ подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ и съ цѣлію исправительною. Провинившагося священника требовали въ архіерейскій домъ и, по изслѣдованіи вины, нерѣдко при-

страстнымъ, сожали на цѣпь въ поварнѣ, заковывали въ кандалы или ножныя колодки и бросали въ подвальные тюрьмы, били шелепами и сѣкли плетьюми. Особенно этимъ отличались архіереи Малороссы. Впрочемъ, тогда это было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ, которымъ никто не смущался. Такъ расправлялись съ подчиненнымъ духовенствомъ не только архіереи, но и монастырскіе настоятели, которые тѣми же средствами смиряли братію своихъ обителей¹⁾.

Въ бытность свою на Нижегородской каѳедрѣ преосвященный Павелъ сдѣлался извѣстенъ императору Павлу, который въ 1798 году, во время Казанской поѣздки, дважды былъ въ Нижнемъ. Для встрѣчи Государя преосвященный велѣлъ съ необыкновенной быстротой, если не исправить, то замазать ветхости въ каѳедральномъ соборѣ, построенномъ въ 1632 году и угрожавшемъ паденіемъ²⁾, сшилъ всѣмъ священникамъ новыя ризы, чего прежде никогда и нигдѣ не бывало, а пѣвчимъ—форменныя платья, приказалъ имъ напудриться и спрятать заплетенныя косы въ кошельки, введенныя тогда въ употребленіе во всей арміи. Униформа на молебнѣ очень понравилась Государю.

Награжденный орденомъ Св. Анны 1-й ст., преосвященный Павелъ 26 Октября 1798 г. былъ переведенъ въ Тверь. На Тверской каѳедрѣ черезъ полгода (15 Мая 1799 г.), онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа; жилъ въ С.-Петербургѣ, присутствуя въ Синодѣ. Въ слѣдующемъ 1800 г. 15 Января онъ переведенъ изъ Твери въ Ярославль на мѣсто скончавшагося архіепископа Арсенія Верещагина; въ 1801 г. награжденъ орденомъ Св. Александра Невскаго.

Первоприсутствующимъ въ Синодѣ тогда былъ митрополитъ Амвросій Подобѣдовъ. Оберъ-прокуроръ Яковлевъ въ своихъ Запискахъ, сравнивая Амвросія съ Павломъ, замѣчаетъ, что послѣдній мстителенъ и корыстолюбивъ, тогда какъ первый расположенъ къ мягкосердечію и откровененъ до болтливости; Павелъ золь, скрытевъ, упрямъ, многосвѣдущъ, а наипаче въ приказныхъ ябедахъ. И въ Нижнемъ, и въ Ярославлѣ о немъ сохранились преданія, какъ о человѣкѣ суровомъ и безнравственномъ, о чемъ свидѣлствуютъ, кромѣ Яковлева, и Записки современниковъ³⁾. Онъ былъ особенно друженъ съ первоприсутствующимъ въ Синодѣ митрополитомъ Амвросіемъ. Впрочемъ; по своей коварной натурѣ, Павелъ былъ плохой товарищъ. Въ своихъ Запискахъ оберъ-прокуроръ Яковлевъ, между прочимъ, говоритъ, что

¹⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г., VII, стр. 451.

²⁾ На мѣстѣ его сооруженъ новый въ 1834 г.

³⁾ Русскій Вѣстникъ. 1868 г., VII, стр. 468.

Павель, будучи какъ-то въ размовкѣ съ Амвросіемъ, предложилъ ему дѣйствовать заодно противъ него; при этомъ онъ откровенно высказалъ предполагаемую программу дѣйствій и главную цѣль. Последняя состояла въ томъ, чтобы Амвросія отправить въ Новгородъ, а Павлу надѣть бѣлый клобукъ и занять мѣсто первоприсутствующаго. Яковлевъ, выслушавъ Ярославскаго архіепископа до конца, рѣшительно отказался отъ союза съ нимъ. Увидѣвъ себя въ крайне неловкомъ положеніи и опасаясь, что оберъ-прокуроръ передастъ Амвросію ихъ разговоръ, Павель поспѣшилъ къ митрополиту предупредить его. Прямо отъ прокурора преосвященный поскакалъ въ Невскую Лавру и, притворясь оскорбленнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне преданнымъ митрополиту, сказалъ ему, что оберъ-прокуроръ сейчасъ предлагалъ ему дѣйствовать съ нимъ заодно въ дѣлѣ удаленія Амвросія, за что обѣщался выхлопотать ему бѣлый клобукъ. Амвросій повѣрилъ, помирился съ Павломъ, и съ того времени между ними былъ заключенъ самый тѣсный союзъ.

Изъ числа синодскихъ изданій Духовный Регламентъ давно уже сдѣлался библиографической рѣдкостью и сталъ почти не извѣстенъ бѣлому духовенству. Оберъ-прокуроръ рѣшилъ напечатать его и притомъ не Славянскими буквами, а по-русски. Архіереи единогласно возстали противъ этого. Во время пререканій по поводу печатанія Регламента, Павель Ярославскій келейно сдѣлалъ о немъ самый неблагоприятный отзывъ, а про инструкцію синодальному прокурору будто бы сказалъ, что она написана еретиками и колдунами. Дѣло въ томъ, что эта инструкція, утвержденная 13 Іюня 1722 года, не была подписана Петромъ (онъ въ то время уѣхалъ по Волгѣ въ Персію), но по его приказанію ее скрѣпили подписями шесть сенаторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и знаменитый Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, протестантскаго исповѣданія, о которомъ сохранилось въ народѣ нелѣпое преданіе, будто онъ занимался чародѣйствомъ. Конечно, если Павель и сказалъ это, то сказалъ въ шутку, ради остраго словца: онъ не могъ не знать, что инструкція еще до отъѣзда Петра изъ Москвы была составлена подъ личнымъ его руководствомъ. Тѣмъ не менѣе, когда объ этихъ словахъ, сказанныхъ келейно, заговорили, Государь былъ крайне недоволенъ, и, кажется, это неосторожное слово было поводомъ къ тому, что изъ всѣхъ синодальныхъ членовъ только одинъ Павель былъ удаленъ изъ Петербурга синодальнымъ указомъ.

„На долю Ярославской паствы, по словамъ Ярославскаго историка о. протоіерея Іоанна Троицкаго, выпало только два года пребыванія Павла въ Ярославлѣ“. До 1803 г. онъ оставался въ Петербургѣ, присут-

ствуя въ Синодѣ, въ 1803 г. 7 октября онъ уволенъ на свою епархію. Удаленіе изъ Синода и неблаговоленіе Государя такъ подѣйствовали на самолюбиваго архипастыря, что онъ, обладавшій до сего цвѣтущимъ здоровьемъ, заболѣлъ, и развившаяся въ немъ послѣ удара болѣзнь истощила его силы и свела въ могилу.

Утомленный болѣзненными страданіями, архипастырь почилъ отъ трудовъ своихъ на 56 году отъ рожденія 19 Марта 1806 года. Тѣло Павла 8 дней пребывало въ храмѣ архіерейскаго дома, куда ежедневно съ утра до ночи приходили толпами Ярославскіе жители прощаться съ своимъ пастыремъ; потомъ съ приличными церемоніями, въ сопровожденіи всего Ярославскаго духовенства и множества народа, при звонѣ колоколовъ и пѣніи священномъ, внесено было іереями въ кафедральный Успенскій соборъ; 28 Марта, по совершеніи надъ нимъ, по чину церковному, отпѣванія погребено у стѣны близъ входа въ теплый соборъ. Во время торжественнаго погребенія произнесено надгробное слово учителемъ богословія, соборнымъ іеромонахомъ Іустиномъ. Проповѣдникъ указывалъ въ почившемъ архипастырѣ на трудолюбіе, на постоянную его дѣятельность, называя его ревностнымъ учителемъ нравственной вѣры, прозорливымъ и добрымъ архипастыремъ, безпристрастнымъ и праведнымъ судіею, покровителемъ гонимыхъ, сердобольнымъ отцомъ для сиротъ и твердымъ защитникомъ истины. Такія свойства (заключаетъ біографъ) черезъ полвѣка безъ преувеличенія ему принадлежали: онъ соединялъ строгость съ правосудіемъ и милосердіемъ. Прежде опущенія гроба въ могилу читаны были еще стихи, въ которыхъ воспомянута неутомимая дѣятельность архипастыря и выражены общія чувствованія скорби:

И ты, о пастырь нашъ, отецъ нашъ опочилъ,
Что въ подвигахъ святыхъ все время проводилъ...*)

Авторъ „Обзора Русской духовной литературы“ говоритъ, что рѣчь преосвященнаго Павла Екатеринѣ, произнесенная въ Нижнемъ-Новгородѣ, считалась образцовою и была потомъ напечатана въ хрестоматіи Пенинскаго (1,558). Множество поученій его остается въ рукописяхъ, между прочимъ и три слова, сказанныя въ Нижнемъ, изъ которыхъ одно направлено противъ раскольниковъ. Его описаніе Сергіевой Лавры выдержало 10 изданій. О рѣчи архимандрита Павла Императрицѣ, говореной 21 Іюня 1787 г., Храповицкій въ своемъ Дневникѣ отмѣтилъ: „Новоспасскій архимандритъ Павелъ вчера худо говорилъ рѣчь;

*) Рукописи Вахрамѣева. Т. I, № 273.

онъ ученикъ Платона; монахи нарочно стараются, чтобы ихъ не превзошли, а теперь въ бѣльцахъ люди лучше нежели въ чернецахъ“.

Избранный въ члены Россійской Академіи, Павелъ принималъ участіе въ составленіи V и VI частей Словопроизводнаго словаря, особенно занимаясь опредѣленіемъ правилъ ударенія въ Русскомъ языкѣ.

Единственный портретъ преосвященнаго Павла, написанный, очевидно, послѣ полученія имъ Александровской ленты, находился въ Ростовскомъ Борисоглѣбскомъ, что на Устьѣ, монастырѣ и принадлежалъ, по словамъ бывшаго настоятеля этого монастыря преосвященнаго Амфилохія, Борисоглѣбскому же архимандриту Анатолю (1802—1808 г.г.), который пользовался особымъ благорасположеніемъ преосвященнаго Павла.

А. Титовъ.

Ростовъ. 1910, Іюня 2.

ОБЪ А. А. ШЕНШИНЪ-ФЕТЪ.

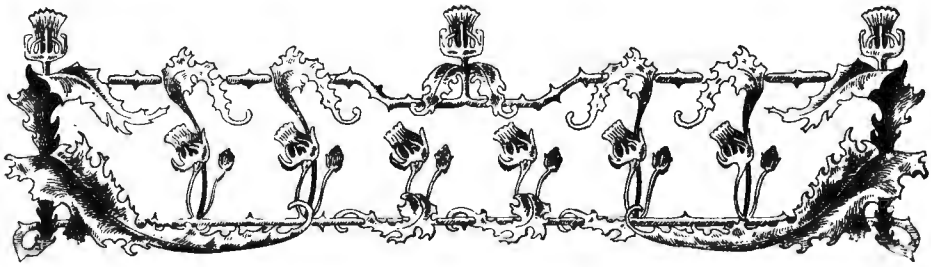
А. А. Фетъ, не задолго до своей кончины, поручилъ Н. Н. Страхову изданіе своихъ лирическихъ стихотвореній. Страховъ, со свойственной ему аккуратностію и горячей любовію ко всякому дѣлу, за которое онъ брался, прекрасно исполнилъ эту послѣднюю волю Фета и, конечно, ни жена Леанасія Леанасьевича, ни я не имѣли никакого желанія вмѣшиваться въ дѣло, попавшее въ такія надежныя руки. Но Страховъ все таки сообщалъ намъ самымъ подробнымъ образомъ и очень часто обо всемъ, касающемся изданія. Эти-то его „отчеты“ и послужили началомъ нашей переписки, когда, послѣ смерти Маріи Петровны Фетъ, литературныя права моего дяди, А. А. Фета, перешли ко мнѣ.

Обстоятельства не позволяютъ мнѣ подробно коснуться отношеній къ покойному дядѣ другаго добровольнаго редактора его сочиненій, Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича. Приведу здѣсь слова покойнаго поэта, сказанныя имъ не задолго до смерти:

„Если бы меня спросили: что я считаю за самое счастливое въ моей жизни, я не задумываясь, отвѣтилъ бы: имѣть возможность быть увѣреннымъ, что послѣ моей смерти, мое дѣло не перестанетъ быть близкимъ Его Высочеству“....

В. Семеновичъ.

А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНЪ.

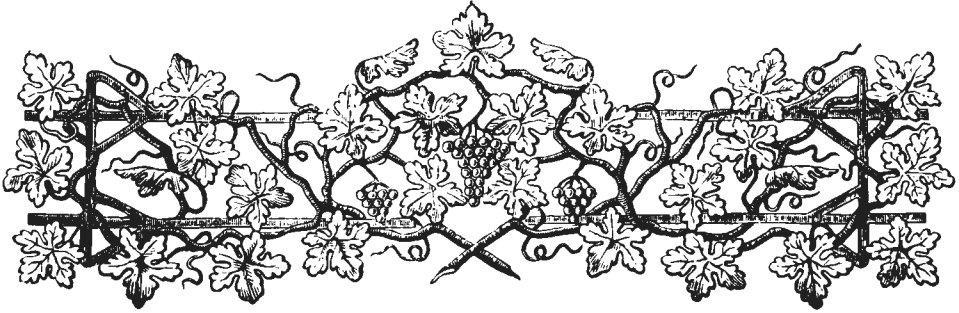
I. Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива“.

Никого изъ лицъ, причастныхъ къ драмѣ Сухово-Кобылина, я не знаю и никакихъ новыхъ фактовъ сообщить не имѣю. Мнѣ только желательно подѣлиться съ вами впечатлѣніями читателя статьи г-на Голумбiевскаго.

Результаты осмотра тѣла убитой Француженки Симонъ, напечатанные въ № 2 Архива, стр. 247 и 289, дѣлаютъ невѣроятнымъ, чтобы убійцей былъ Сухово-Кобылинъ, а напротивъ указываютъ на повара Ефима Егорова, при соучастіи другихъ людей Сухово-Кобылина. Въ всякаго сомнѣнія остается (по обилію крови на бѣльѣ и платѣ), что Симонъ была зарѣзана при жизни. Осмотръ тѣла показалъ сверхъ того, что она была зарѣзана въ стоячемъ положеніи, и рана была громадная, съ перерѣзомъ обѣихъ сонныхъ артерій и пищевода. Такой искусный ударъ, полагаю, именно могъ нанести поваръ, привыкшій рѣзать живность. Затѣмъ изъ описанія трупа видно, что несчастной женщинѣ нанесены были страшные побои въ лице, ребра, руку, верхнюю часть ноги. Такая грубая расправа совершенно невѣроятна со стороны культурнаго человѣка, столько лѣтъ любившаго Француженку, но, съ другой стороны, вполне соответствуетъ нравамъ Русскаго мужика, и не только мужика середины прошлаго столѣтія, но и теперешняго.

Я составилъ себѣ такое представленіе объ этомъ дѣлѣ.

Симонъ была убита въ домѣ, гдѣ жилъ Сухово-Кобылинъ, на черной лѣстницѣ, въ его отсутствіи. Въ слѣдственномъ дознаніи упоминается о большомъ кровавомъ пятнѣ на ступенькѣ черной лѣстницы; тамъ ее и убили. Симонъ, вечеромъ 7 Ноября 1850 г., отправилась одна въ домъ, гдѣ жилъ Сухово-Кобылинъ и, не дозвонившись у парадной двери, пошла чернымъ ходомъ. Здѣсь ее подкараулилъ Ефимъ Егоровъ и ударилъ ее какимъ-нибудь тяжелымъ предметомъ въ лице съ лѣвой стороны. Симонъ отъ удара упала на правую сторону. Ефимъ сталъ бить ее лежащую въ лѣвую сторону тѣла, можетъ быть даже

П. А. Е Ф Р Е М О В Ъ.

Къ числу достопамятныхъ Русскихъ людей принадлежитъ одинъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ „Русскаго Архива“, академикъ, извѣстный библиографъ и историкъ Русской литературы Петръ Александровичъ Ефремовъ.

Покойный, уроженецъ г. Москвы, родился 2 Ноября 1830 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Первой Московской гимназіи, а закончилъ въ Московскомъ университетѣ, кандидатомъ. Въ Петербургѣ его оцѣнилъ графъ М. Н. Муравьевъ-Виленскій, а позднѣе онъ служилъ начальникомъ всѣхъ сберегательныхъ кассъ въ Имперіи. Трудолюбіе его было несказанное.

Любовь къ книгамъ и литературѣ П. А. унаслѣдовалъ отъ отца, который былъ очень просвѣщеннымъ человекомъ и имѣлъ довольно порядочную библиотечку. Еще будучи ребенкомъ, П. А. часто посѣщаль съ отцомъ Сухареву площадь и Смоленскій рынокъ, гдѣ и отыскивали они въ книжномъ хламѣ тѣ книги, которыя представляли интересъ для библиотечки. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени у П. А. собралась очень богатая библиотечка, которая между прочимъ заключала въ себѣ полныя собранія произведеній Русскихъ писателей, почти всю журналистику, альманахи и сборники, какъ прошедшаго, такъ и настоящаго столѣтій, и очень богатый матеріалъ для біографическаго словаря Русскихъ писателей. Благодаря такому положенію, П. А. могъ постепенно знакомиться со всею Русскою литературою и ея представителями, что и принесло ему потомъ немалую пользу при редактированіи собранія сочиненій Русскихъ писателей. Кому знакомы изданныя подъ его редакцію сочиненія кн. А. Д. Кантемира, В. И. Майкова, Д. И. фонъ-Визина, В. И. Лукина, Б. Е. Ельчанинова, А. Н. Радищева, А. С. Пушкина, В. А. Жуковскаго, А. С. Грибоѣдова, К. Ѳ. Рылѣва, М. Ю. Лермонтова и др., тотъ знаетъ, какъ много было положено труда и энергіи П. А. въ это дѣло. Не менѣе добросовѣстно изданы П. А. и другія изданія, какъ-то: журналы Н. И. Новикова „Живописецъ“ и „Трутенъ“, „Систематич. роспись книгамъ продающимся въ книжн. магазинѣ Ив. Ил. Глазунова“ (съ дополненіемъ), „Указатель къ Православному Обзорнію 1860—1870“, „Матеріалы для исторіи Русской книжной торговли“ и въ особенности важная для біографовъ книга „Матеріалы

топталъ ногами, послѣдствіемъ чего былъ переломъ реберъ на лѣвой сторонѣ. Замѣтивъ, что она еще жива, онъ побѣжалъ на кухню за поварскимъ ножомъ. Тѣмъ временемъ Симонъ успѣла встать на ноги и начала спускаться съ лѣстницы. Тутъ встрѣтилъ ее снова Ефимъ и однимъ взмахомъ ножа зарѣзалъ. Зарѣзанную женщину ограбили, но не совѣмъ, можетъ быть съ умысломъ, чтобы потомъ свалить убійство на барина. Сняли шубу, взяли часы и деньги. Послѣ этого вывезли тѣло за заставу.

Мотивы преступленія—корысть, зависть и злость. Ефимъ Егоровъ былъ, повидимому, человѣкъ довольно испорченный. Возможно, что онъ былъ способенъ на это злодѣяніе. Человѣкъ онъ неглупый, а такіе особенно тяготеютъ подчиненною ролью и мучатся отъ зависти. Больше 50 лѣтъ прошло послѣ этого событія, а мы читали въ газетахъ, какъ крестьяне выкалывали въ 1906 г. глаза лошадямъ помѣщиковъ. Вотъ какіе инстинкты живутъ въ нашемъ „добромъ“ народѣ. Мнѣ кажется, избить и зарѣзать барскую любовницу, которой баринъ очень преданъ, дѣйствіе такого же рода, какъ выкалываніе глазъ у помѣщичьихъ лошадей.

Слухи о томъ, что убійцей былъ Сухово-Кобылинъ недостоверны. Во первыхъ, они противорѣчивы. По одной версіи баринъ пустилъ скандаломъ, по другой ударилъ Француженку головою объ стѣну. Кровавыя пятна, которыя оказались на стѣнѣ комнаты, могли быть нарочно нанесены дворовыми, чтобы навести подозрѣніе на барина. Сочиненная убійцей исторія о сценѣ ревности была пущена въ народѣ, родственники и знакомые Сухово-Кобылина ее подхватили. Развѣ мало бываетъ такихъ родственниковъ и знакомыхъ, которые очень рады всякому компрометирующему слуху про человѣка?

Сухово-Кобылина я совершенно не зналъ. Возможно, что онъ человѣкъ былъ нехорошій и что на душѣ его были какіе-нибудь грѣхи относительно Француженки Симонъ. Отчего, бывъ столько лѣтъ съ нею близко, онъ не женился на ней? Есть тоже въ его показаніяхъ на слѣдствіи нѣкоторыя неудовлетворительныя мѣста (о безпорядкѣ въ шифоньерѣ Симонъ, о поѣздкѣ 8 Ноября на квартиру ея). Не знаю, какъ ихъ объяснить. И тѣмъ не менѣе убіеніе имъ Француженки Сухово-Кобылинымъ кажется мнѣ невѣроятнымъ.

Кстати позвольте мнѣ сказать еще слова два о другой Француженкѣ, о которой тоже идетъ рѣчь во 2-ой книжкѣ „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ. Это актриса Лунза Фюзиль, Записки которой напе-

чатаны тамъ. Не знаю, чтò думаютъ о ней другіе, а я изъ ея Записокъ вынесъ мнѣніе, что она была шпіонка Наполеона. На это навели меня два пробѣла въ ея, очень обстоятельномъ, разсказѣ: 1) когда и зачѣмъ переѣхала она изъ Петербурга въ Москву и 2) какъ она очутилась въ домѣ на Дмитровкѣ, гдѣ квартировалъ Французскій штабъ. Подозрительны также собранія Французовъ у нея на дому, на которыя она не пускала своихъ хорошихъ знакомыхъ Русскихъ. Наполеону, когда онъ рѣшилъ идти на Москву, нужны были точныя свѣдѣнія о ней, и бойкая, умная Француженка, втершаяся во многіе дома, могла быть полезна. Она же могла давать полезныя указанія и во время пребыванія Французовъ въ Москвѣ, наводя ихъ на извѣстные ей богатые дома, въ которыхъ могли быть запасы всякаго рода, на правительственные зданія и склады. Можетъ быть, отчасти по этой причинѣ Французскій штабъ такъ берегъ эту женщину при отступленіи изъ Москвы.

Н. Н. Любавинъ.

II. Все о той же Сухово-Кобылинской драмѣ.

Записка А. М. Рембелинскаго.

Г-нъ Голомбiевскій въ „Русскомъ Архивѣ“, и мы въ „Русской Старинѣ“, каждый съ своей стороны (онъ по тщательномъ изученіи подлиннаго судебного, мы по документамъ того же дѣла, и по личнымъ наблюденіямъ и бесѣдамъ при долговременномъ въ теченіи тридцати лѣтъ знакомствѣ съ покойнымъ Сухово-Кобылинымъ) старались пролить лучъ свѣта въ это не столь темное по самому его существу уголовное дѣло, сколько какъ-бы намѣренно затемненное послѣдовавшею судебною волокитою того времени съ ея всяческими слѣдственными и судебными упущеніями (до знаменитаго рукоприкладства включительно). Эти упущенія и волокиты дышать прямо архаизмомъ и были бы невозможны въ настоящее время при современныхъ слѣдственныхъ и судебныхъ уставахъ.

И тѣмъ не менѣе, ни г. Голомбiевскій, ни мы, не смотря на тщательныя изысканія, не рѣшились произнести положительный приговоръ, не могли сказать опредѣленно „вотъ онъ, или они убійцы, и вотъ невинные“. Г-нъ Россіевъ оказывается рѣшительнѣе: онъ такъ-таки прямо заявляетъ (въ 6-й кн. „Русскаго Архива“ 1910 г.), что убійца—Сухово-Кобылинъ“.—Мы, каждый съ своей стороны, опираясь на документальныя данныя, имѣли въ виду:

1. Собственное сознаніе подсудимыхъ и при томъ не одного Ефима Егорова, о которомъ упоминаетъ г-нъ Россіевъ, а всѣ четыре сознанія, сдѣланныя спустя двѣ недѣли послѣ убійства въ разныхъ частяхъ города, гдѣ подсудимые содержались подъ стражей, почти тождественныя, ни въ чемъ существенномъ одно другому не противорѣчащія, и съ такими казалось-бы

излишними подробностями (при предположеніи облыжности сознанія) какъ разсказъ о предварительномъ передъ убійствомъ выносѣ собачки изъ подъ кровати Симонъ-Деманшь, или о нахожденіи поломаннаго съ помятою ручкой утюга, которымъ по словамъ конюха Галактіона онъ наносилъ удары Француженкѣ, при чемъ утюгъ этотъ по его словамъ у него вырвался изъ рукъ. Имѣлись за тѣмъ въ виду несомнѣнно доказанные судебно-медицинскимъ вскрытіемъ ломъ четырехъ реберъ у жертвы, синяки и кровоподтеки на всемъ ея тѣлѣ, и ея глубокоперерѣзанное горло, словомъ все то, прибѣгать къ чему, казалось бы, не было надобности Сухову-Кобылину, еслибъ онъ дѣйствительно въ запальчивости и раздраженіи толкнулъ Француженку, и она, ударившись объ уголь камина, *тутъ же упала мертвою*.

Г-нъ Россіевъ, правда, къ своему утверженію присоединяетъ собственную догадку, что не постарались ли-де для барина крѣпостные люди нанесеніемъ дополнительныхъ, очевидно ненужныхъ, разъ она была мертва, поврежденій? Но это догадка г-на Россіева, какъ и все остальное въ его статьѣ, остается ничѣмъ не обоснованной догадкою.

2. Въ подкрѣпленіе нашихъ предположеній объ истинныхъ убійцахъ, и Голомбѣвскій и мы, приводили то обстоятельство, что послѣ убіенія Деманшь была обнаружена пропажа у нея кошелька съ 50 рублями денегъ и часовъ, которые и были найдены впослѣдствіи на чердакѣ въ квартирѣ Сухово-Кобылина завернутыми въ письмо одного изъ лицъ его прислуги, хотя и не привлеченнаго къ дѣлу, его камердинера.

3. И г-нъ Голомбѣвскій и мы упоминали, что привлеченные къ дѣлу четверо обвиняемыхъ и дважды осужденные отказались отъ своего признанія лишь спустя почти два года послѣ начатія дѣла, при чемъ Ефимъ Егоровъ заявилъ, что онъ учинилъ сознаніе, не стерпѣвъ жестокости побоевъ, наносимыхъ ему въ полицейской части, гдѣ онъ содержался приставомъ Стерлиговымъ при допросахъ, ничѣмъ однако этихъ побоевъ не подтвердивъ; а конюхъ Галактіонъ ссылаясь на какое-то письмо, читанное ему въ части, гдѣ онъ содержался, письмо будто-бы убѣждавшее его принять вину на себя и обѣщавшее ему за то соответствующее вознагражденіе. Мы въ своей статьѣ въ „Русской Старинѣ“ указывали, что осталось въ дѣлѣ совершенно не выясненнымъ, отъ кого было это письмо, къ кому, и куда оно дѣлось, если доподлинно существовало. Въ судебномъ дѣлѣ отъ этого письма нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ.

4. И г-нъ Голомбѣвскій и мы останавливали вниманіе читателя на томъ, что осужденные въ своемъ знаменитомъ „рукоприкладствѣ“ высказывались совершенно въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, изъ чего можно заключить, что рукоприкладство это было составлено для нихъ однимъ и тѣмъ-же опытнымъ въ этихъ дѣлахъ судебнымъ ходатаемъ-крючкомъ изъ подъ Иверской, которыми изобиловала тогда Москва. Указывали при этомъ, что обвиненные ни малѣйшимъ образомъ не оговаривали предполагаемаго виновника Сухово-Кобылина, а лишь умоляли высокихъ судей быть помилостивѣе въ присужденіи

имъ наказанія, и упоминали лишь о томъ, что „тайна ея извѣстна одному Всевышнему Творцу, отъ Котораго не скрыто, кто былъ жертва случая и кто истинный виновникъ трагической смерти Московской купчихи Луизы Ивановны Симонъ-Деманшъ“. Казалось-бы, что вмѣсто этихъ высренныхъ заявленій, столь характерныхъ для судебного ходака, ихъ сочинявшаго, было-бы вполнѣ естественнымъ, что осужденные (и при томъ дважды) разъ они рѣшились отказаться отъ сдѣланнаго ими признанія, должны были съ тѣмъ вмѣстѣ рассказать всю правду, назвать истиннаго виновника убійства и возстановить всю картину, всѣ подробности дѣла, и это тѣмъ болѣе, что они не могли не знать, что ихъ баринъ уже въ рукахъ правосудія, что онъ такъ же, какъ и они, привлечался къ дѣлу въ качествѣ обвиняемаго, и былъ даже заключенъ подъ стражу, и что слѣдовательно имъ, какъ крѣпостнымъ его, опасаться нѣтъ основанія. Но ничего подобнаго въ дѣлѣ нѣтъ; они, подавъ свое рукоприкладство, ничѣмъ не опровергли прежнихъ своихъ показаній, и лишь заявили, какъ сказано выше, что тайна извѣстна одному Всевышнему Творцу, а они лишь просятъ снисхожденія.

5. И г-нъ Голомбiевскій и мы, на основаніи данныхъ, имѣющихся въ дѣлѣ, старались доказать, что жестокое обращеніе и побои Луизой Деманшъ и самимъ Сухово-Кобылинымъ своихъ крѣпостныхъ вообще, и предполагаемыхъ виновниковъ въ частности, вполнѣ доказаны, и что обстоятельство это само по себѣ могло служить достаточнымъ поводомъ къ задуманному убійству, чему въ крѣпостное время было немало примѣровъ.

6. Нами обращалось вниманіе на то, какія же имѣются въ подлинномъ судебномъ дѣлѣ (прошедшемъ дважды всѣ судебныя инстанціи и выдержавшемъ нѣсколько слѣдственныхъ комиссій) улики противъ предполагаемаго убійцы?

Имѣется пресловутое кровавое пятно на стѣнѣ, величиною въ пятакъ серебра, въ старомъ запущенномъ флигелѣ; найдены какіе-то кровавые подтеки въ сѣняхъ, ведущихъ въ кухню, происхожденіе которыхъ съ большимъ правдоподобіемъ Сухово-Кобылинъ объяснялъ тѣмъ, что тутъ постоянно повара прирѣзывали живность; имѣется затѣмъ пресловутое письмо Сухово-Кобылина къ Деманшъ, въ которомъ онъ въ шуточномъ и игривомъ тонѣ угрожаетъ ей своимъ Кастильскимъ кинжаломъ; имѣются намеки на то, что Сухово-Кобылинъ за послѣднее время охладѣлъ къ Француженкѣ, вступивъ въ новую связь, и что Француженка была очень ревнива и..... больше ничего не имѣется.

Выставивъ всѣ эти данныя изъ подлиннаго дѣла, и г-нъ Голомбiевскій и мы, каждый въ своихъ статьяхъ, тѣмъ не менѣе не рѣшились произнести своего рѣшительнаго приговора, предоставляя читателю самому разбираться въ дебряхъ этого дореформеннаго судебного дѣла 50-хъ годовъ, и лишь я съ своей стороны, на основаніи этихъ данныхъ, считалъ дѣломъ совѣсти выгораживать предполагаемаго стоустою молвою виновника, подвергая критикѣ выставленныя противъ него улики и доказывая ихъ несостоятельность противъ такого тяжкаго обвиненія, какъ убійство, что повторяю и сейчасъ.

Но г-нъ Россіевъ оказывается гораздо рѣшительнѣе; онъ самъ, упоминая въ началѣ своей статьи („А. В. Сухово-Кобылинъ и Французенка Симонъ“, № 6-й книгѣ Русскаго Архива 1910 г.) о *разказахъ и сплетняхъ*, порожденныхъ этимъ дѣломъ, безъ всякихъ данныхъ, безъ всякихъ аргументовъ, и основываясь лишь на разказахъ какой-то старой неизвѣстной родственницы покойнаго Сухово-Кобылина, прямо и категорически разрубаеъ Гордіевъ узель и говоритъ: убійца Сухово-Кобылинъ! Но почему-же? Какія данныя? Чтò открылось? можетъ спросить его изумленный читатель. „Намъ говорила это одна родственница Сухово-Кобылина, я отъ нея это слышалъ, да и остальные его родственники это знаютъ, но молчатъ“, отвѣчаетъ г-нъ Россіевъ. — Какъ? И все? спросимъ мы въ свою очередь, и вы считаете это достаточнымъ для того, чтобы назвать убійцей человѣка, уже умершаго, и слѣдовательно не могущаго, ни оправдываться, ни возражать? Затѣмъ, позволимъ себѣ спросить еще г-на Россіева, кто эти родственники покойнаго Сухово-Кобылина, о которыхъ онъ упоминаетъ? Въ качествѣ его ближайшихъ родственниковъ, помимо дочери, намъ извѣстны его родные племянники и племянницы, дѣти и внуки его сестеръ Петрово-Солововы и графини Салиасъ. Что же, и они говорили г-ну Россіеву то, чтò онъ слышалъ отъ неизвѣстной намъ родственницы Сухово-Кобылина? Мы съ увѣренностію въ этомъ сомнѣваемся.

Г-нъ Россіевъ въ своей статьѣ впадаетъ въ странныя противорѣчія самъ съ собою. Такъ, въ началѣ статьи онъ заявляетъ, что, не смотря на изысканія г-на Голомбѣвскаго, роль Сухово-Кобылина въ его житейской драмѣ остается неопредѣленною, затѣмъ вдругъ съ большою стремительностію, лишь выслушавъ разказъ старой неизвѣстной родственницы, приходитъ къ несомнѣнному выводу, что убійца Сухово-Кобылинъ, и никто другой! Развивая далѣе свои соображенія и рисуя картину убійства такъ, какъ вѣроятно передавала се ему эта родственница, онъ заявляетъ, что убійство совершено въ квартирѣ Сухово-Кобылина вечеромъ передъ отправленіемъ его на балъ къ Нарышкинымъ, такъ что изъ этого слѣдуетъ, что Сухово-Кобылинъ, совершивъ убійство, отправился на балъ, и тамъ, можетъ быть, танцовалъ! Но вѣдь это ужъ изъ Шекспира; это макбетовщина! можетъ воскликнуть возмущенный читатель. И онъ былъ бы правъ въ своемъ негодованіи, еслибъ г-нъ Россіевъ въ подкрѣпленіе своихъ увѣреній приводилъ какія-либо данныя, которыя хотя сколько-нибудь ихъ подтверждали, кромѣ разказовъ неизвѣстной родственницы.

Продолжая далѣе свою версію, г-нъ Россіевъ называетъ повара Сухово-Кобылина Ефима Егорова, будто-бы тутъ-же послѣ убійства рѣшившагося принять вину на себя, человѣкомъ рабски преданнымъ своему барину. Мы же въ свое время приводили данныя изъ дѣла и подтверждаемъ ихъ сейчасъ, изъ которыхъ явствуетъ, что Сухово-Кобылинъ считалъ этого Ефима Егорова человѣкомъ глубоко испорченнымъ и избалованнымъ, благодаря разнымъ богатымъ домамъ, гдѣ онъ служилъ, о чемъ неоднократно предупреждалъ Французенку и неоднократно подвергалъ его наказаніямъ, такъ что это обстоятельство отнюдь не могло поддерживать взаимныхъ ихъ симпатій другъ къ другу, и Ефимъ

Егоровъ не могъ питать къ своему господину тѣхъ чувствъ безграничной преданности, которыя самовольно приписываетъ ему г-нъ Россіевъ.

Г-нъ Россіевъ, вѣроятно со словъ той же родственницы, отъ которой онъ черпаетъ все предъидущее и желая быть вполне точнымъ, даже опредѣляетъ сумму вознагражденія, которую имѣлъ получить или получилъ Ефимъ Егоровъ за свое самопожертвованіе, а именно *болѣе* 10 тысячъ, не обозначая однако, сколько именно, и не упоминая о томъ, какъ устанавливался счетъ на серебро или на ассигнацію по счету того времени. Не въ правѣ-ли мы однако спросить г-на Россіева, эта подробность не принадлежитъ-ли къ категоріи тѣхъ *сплетенъ* и *разсказовъ*, о коихъ упоминаетъ самъ г-нъ Россіевъ въ началѣ своей статьи?

Высказавъ все существенное, что онъ слышалъ отъ родственницы, онъ далѣе развиваетъ свои собственныя соображенія. Такъ напримѣръ, утвердившись въ убѣжденіи, что убійца Сухово-Кобылинъ и никто другой, и категорически подтверждая это свое убѣжденіе, онъ какъ-бы ставитъ въ вину Сухово-Кобылину, что онъ послѣ пережитой имъ трагедіи былъ дважды женатъ и будто-бы жизнерадостно проживалъ въ такомъ земномъ раю, какъ Болѣе на берегу Средиземнаго моря. Оставляя первый его упрекъ относительно женитьбы Сухово-Кобылина безъ возраженій, мы по поводу второго замѣтимъ, что Сухово-Кобылинъ переселился въ Болѣе за три года до своей смерти, приближаясь къ 85-ти лѣтнему возрасту своей жизни, удрученный годами и неизбѣжными съ ними недугами, и только вслѣдствіе того, что домъ его въ деревнѣ сгорѣлъ до основанія со всей его обширной библіотекой и всѣми его литературными трудами послѣднихъ лѣтъ по переводамъ Гегеля, и ему прожившему тамъ за рѣдкими отсутствіями и кратковременными за послѣднее время поѣздками за границу, сорокъ лѣтъ, и жить собственно было негдѣ. Что касается до его жизнерадостности, о которой повѣствуетъ все также родственница устами г. Россіева, то мы, знавшіе его близко въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ его жизни, подтверждаемъ, что жизнерадостенъ онъ далеко не былъ. Г-нъ Россіевъ въ заключеніе своей статьи упоминаетъ и о произведеніяхъ Сухово-Кобылина. Останавливаясь на „Свадьбѣ Кречинскаго“, онъ къ сожалѣнію ничего не говоритъ о „Дѣлѣ“, и не упоминаетъ о знаменитой сценѣ этой комедіи, гдѣ Муромскій даетъ взятку директору департамента Варравину, сценѣ, прототипомъ которой послужила имъ самимъ лично данная взятка одному оберъ-прокурору Сената, о чемъ подробно разсказано нами въ № 5 „Русской Старины“ настоящаго года въ статьѣ: „Еще о драмѣ въ жизни писателя“. Упомянутая сцена въ „Дѣлѣ“ есть вариантъ этой подлинной взятки. Это мы знаемъ со словъ самого покойнаго писателя. Комментируя затѣмъ довольно своеобразно эпиграфъ книги Сухово-Кобылина: „Картины прошедшаго“, г-нъ Россіевъ почему-то обходитъ молчаніемъ предисловіе автора къ его комедіи „Дѣло“, гдѣ онъ прямо говоритъ, что „это сущее, подлинное, съ кровью вырванное дѣло“.

Впадая затѣмъ прямо въ иронію (казалось бы, мало идущую къ дѣлу, по существу трактуемаго предмета) г-нъ Россіевъ комментируетъ одинъ изъ эпиграфовъ Сухово-Кобылина къ его книгѣ, а именно „какъ аукнется, такъ и отклик-

нется“, и со смѣлостію достойною лучшаго дѣла прямо заявляетъ, что аукнулось въ квартирѣ Сухово-Кобылина 7 Ноября 1850 года, а откликнулось... Тутъ г-нъ Россіевъ неожиданно приводитъ стихъ Хомякова „въ судахъ черна неправдой черной“, который по нашему мнѣнію можетъ служить лишь лишнимъ подтвержденіемъ того, до чего было безобразно все судилище 50-хъ годовъ, по которому Сухово-Кобылинъ привлекался въ качествѣ обвиняемаго, что мы и старались доказать посильно въ вышеупомянутой статьѣ нашей въ „Русской Старинѣ“ нынѣшняго года и что подтверждаемъ и сейчасъ.

Г-нъ Россіевъ, идя далѣе, не останавливается и передъ тѣмъ, чтобы не подвергнуть глумленію и выдержки изъ дневника Сухово-Кобылина, помѣщенные въ той-же Майской книжкѣ „Русской Старины“ и называетъ ихъ сентиментальными. Мы можемъ заявить по этому поводу, что выдержки эти извлечены изъ подлиннаго дневника покойнаго, который онъ велъ урывками, не подозрѣвая, конечно, что имъ суждено, когда-либо увидать свѣтъ, и сообщены редакціи „Русской Старины“ дочерью и ближайшими родственниками покойнаго лишь послѣ появленія въ печати статьи г. Голомбѣвскаго: „Драма въ жизни писателя“ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Резюмируя затѣмъ статью г-на Россіева въ ея совокупности, мы по поводу приведеннаго имъ стиха Хомякова „въ судахъ черна неправдой черной“, невольно припоминаемъ другой стихъ другого поэта: „Избави Богъ и насъ отъ этакихъ судей“.

Намъ остается добавить, что со времени этого трагическаго происшествія прошло 60 лѣтъ. Всѣ его участники и современники сошли въ могилы, виновники его въ свое время предстанутъ предъ Высшимъ Судіей. Самое дѣло поросло травой забвенія и лишь случайно и мимолетно опять выплыло на свѣтъ Божій, но не поростаеетъ этой травой человѣческая совѣсть. Во имя этой совѣсти было-бы желательно, еслибъ кто-либо изъ современниковъ располагалъ какими-либо данными (разумѣется, болѣе вѣскими чѣмъ родственница, цитируемая г. Россіевымъ) для пролитія свѣта на это темное дѣло, и подѣлился этими данными съ читателями для успокоенія этой совѣсти. Что касается до насъ, то мы изви-няемся передъ читателями, что еще разъ (и, надѣмся, въ послѣдній) быть можетъ, злоупотребили ихъ терпѣніемъ; только во имя этой совѣсти мы рѣшились это сдѣлать.

III. Дополненіе.

Самъ ли Сухово-Кобылинъ убилъ Француженку свою или допустилъ крѣпостныхъ своихъ людей къ этому убійству, не имѣетъ большого значенія. Важны для исторіи черты быта и обстановка совершеннаго преступленія. Москвою тогда правилъ графъ Закревскій, нѣкогда министръ внутреннихъ дѣлъ, жившій до того 17 лѣтъ въ отставкѣ, по самостоятельности своего характера. Въ концѣ 1848 года послѣдовало

его примиреніе съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ, и онъ назначенъ былъ въ Москву, снабженный большими полномочіями и даже имѣвшій (какъ сказывалъ мнѣ графъ Д. Н. Блудовъ) бланки, т. е. листки за подписью Государя, на которыхъ онъ могъ написать какое бы ни заблагоразсудилось ему повелѣніе. Въ слѣдъ за вступленіемъ его въ должность, состоялось въ Москвѣ открытіе большого Кремлевскаго дворца и давались великолѣпныя празднества какъ во дворцѣ, такъ и на Тверской въ генераль-губернаторскомъ домѣ. Въ виду предстоявшей Венгерской кампаніи и распространившагося по всей Европѣ республиканскаго направленія, число студентовъ нашихъ университетовъ было сокращено до трехъ сотъ человѣкъ въ каждомъ, и подозрительность Третьяго Отдѣленія Государевой канцеляріи усилилась. Этою страшною канцеляріею завѣдывалъ давній пріятель графа Закревскаго, графъ А. О. Орловъ. Оба они въ сущности люди были добрые и вовсе не охотники до строгихъ наказаній, но „въ тѣ дни султанъ былъ духомъ гнѣва обуянъ“. Графъ Закревскій принималъ мѣры къ спокойствію Москвы, заявляя тѣмъ свою правительственную способность; а между тѣмъ почти въ слѣдъ за отъѣздомъ двора изъ Москвы, подъ Москвою, въ Кусковѣ (12 Іюня 1849 г.) отравлена графиня Ш. (о чемъ имѣются два печатныхъ письма Филарета къ архим. Антонію); 7 Апрѣля 1850 года послушникъ Донскаго монастыря Зыковъ закололъ княгиню Вѣру Дмитріевну Голицыну (по воспитанію своему близкую къ семейству графовъ Строгановыхъ); а черезъ 7-мь мѣсяцевъ за тѣмъ погибаетъ Французенка, жившая противъ самыхъ оконъ генераль-губернаторскаго дома. Понятно, что графъ Закревскій не могъ оставаться равнодушнымъ къ этимъ тремъ преступленіямъ. Умные же люди находились тогда въ подозрѣніи, и конечно Сухово-Кобылинъ былъ въ числѣ ихъ: за всеми его дѣйствіями слѣдила тайная полиція. Благодаря графу Закревскому, снисходительное рѣшеніе Надворнаго Суда по дѣлу Сухово-Кобылина было отмѣнено, и дѣло поступило сначала въ Сенатъ, а потомъ въ Государственный Совѣтъ, кончилось же оно въ то время, когда вся Россія занята была мыслию объ отмѣнѣ крѣпостного права.

Сообщаемъ нѣкоторыя поправки къ тому, что напечатано у насъ о Сухово-Кобылинѣ. Черезъ много лѣтъ послѣ убійства онъ женился на Французенкѣ баронессѣ Де-Буглонъ, мать которой была уроженка изъ окрестностей Бордо. Тамъ она владѣла помѣстьемъ Гайросъ, которое Сухово-Кобылинъ, женившись на ея дочери, купилъ въ собственность, а потомъ продалъ. На Введенскихъ горахъ въ Москвѣ похоронена вторая его супруга Англичанка. На ея могилѣ Англійская надпись и означено, что она умерла 27 Января 1868 г. Дочь его, нынѣ здравствующая отъ перваго брака; имя супруга этой дочери,

похороненнаго въ одномъ склепѣ съ Француженкою Симономъ—графъ Фалетанъ (Falétans), а не Фальтанъ (Faltant).

Приводимъ мѣсто изъ Записокъ сенатора Лебедева (1888 г., кн. 2-я къ стр. 0144)*), уничтоженное въ „Русскомъ Архивѣ“ покойнымъ начальникомъ управленія по дѣламъ печати Θεоктистовымъ, который былъ отчасти прикосновенъ къ этому роковому дѣлу.

Августъ (1853). Дѣло объ убійствѣ Француженки Луизы Симонъ-Деманшъ.

Луиза была вывезена любовникомъ своимъ А. В. С.-К. изъ Парижа въ 1838 г. Убита 8 Ноября 1850 года въ Москвѣ. Есть неясность и невѣроятность въ показаніи сознавшихся убійць; не совсѣмъ достоверно самое слѣдствіе; но прикосновенность лицъ высшаго круга, а также виновность повара Егора и кучера Кузмина, по мнѣнію моему, несомнительны. Переписка, въ небольшомъ количествѣ листовъ, приобщенная къ слѣдствію, чрезвычайно любопытна; особенно любопытны письма самой Деманшъ, впрочемъ довольно безграмотныя; потомъ графини С—съ. Эти письма—курсъ Французскихъ развратныхъ правилъ, подробно и дѣльно изложенныхъ на 6 листахъ, произведеніе знаменитой писательницы. Есть письма, дышащія невинною, страстною любовью; есть вопли упрековъ и отчаянія. Въ письмахъ самого любовника выражается постоянно какое-то самодовольство. Грустно видѣть эту Француженку, залетѣвшую въ Москву, чтобъ кончить ужасной смертью, и этихъ барышень и барынь, попирающихъ права семейныя, и этого даровитаго С.-К., поглощеннаго интригами и, наконецъ, этихъ крѣпостныхъ, отданныхъ господиномъ въ рабство своей Французской любовницѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что убійство совершено расчитанно, изъ видовъ и хладнокровно. Дѣло это поставлено Илличевскимъ въ самое затруднительное положеніе: двѣ недѣли журналъ консультации ожидалъ разсмотрѣнія, двѣ недѣли разсматривается и вѣроятно еще будетъ разсматриваться. Вопросъ идетъ о томъ: назначить ли новое слѣдствіе или рѣшить дѣло по показанію людей. Я не ожидаю ничего отъ новаго слѣдствія“.

*) Помѣщаемыя въ нынѣшнемъ году „Русскаго Архива“ тетради Записокъ К. Н. Лебедева доставлены намъ позднѣе тѣхъ, которыя помѣщались у насъ въ 1867—1888 годахъ.—Про убіеніе Француженки Θεоктистовъ, много лѣтъ позднѣе, сообщалъ А. М. Рембелинскому (не ручаясь за достоверность) тоже самое, что утверждаетъ П. А. Росіевъ. П. Б.

для Русской литературы“, въ которую вошелъ составленный Н. И. Новиковымъ „Словарь Русскихъ писателей“ и др. подобныя изданія, бывшія до сего времени забросанными и затерянными въ разныхъ старинныхъ изданіяхъ.

Историко-литературныя и библиографическія статьи П. А., кромѣ „Русскаго Архива“ помѣщались въ „Библиографическихъ Запискахъ“, „Книжномъ Вѣстникѣ“, „Россійской Библиографіи“, „Отечественныхъ Запискахъ“, „Современникѣ“, „Всемирной Иллюстраціи“, „Недѣль“, „Нашемъ Времени“, „Русской Старинѣ“, „Современномъ Обзорѣніи“, „Гласномъ Судѣ“, „Голосѣ“, „Новомъ Времени“, „Спб. Вѣдомостяхъ“. Уже преклонныхъ лѣтъ онъ женился и съ тѣхъ поръ меньше сталъ работать.

Не чуждъ былъ онъ и юмористики; въ „Искрѣ“ его перу принадлежитъ много юморо-сатирическихъ произведеній; помѣщенныхъ имъ или анонимно, или за подписями: *Псевдонимъ, Филь, Юрій Константиъ, Еленскій, Вячеславъ Шт., П. Олесимъ, Валентинъ Протопоповъ, Иванъ Масловъ, Црокль Каменевъ, Архивариусъ* и др.

И. М.

БОТКИНЫ.

Изъ письма П. И. Щукина къ издателю „Русскаго Архива“.

Въ дополненіе составляемой вами родословной почетныхъ гражданъ Боткиныхъ сообщаю слѣдующее.

Петръ Кононовичъ Боткинъ торговалъ чаемъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Дмитріемъ. Въ третей части моего сборника „Бумаги 1812 года“ помѣщено прошеніе въ Управу Благочинія 2-й гильдіи купцовъ Дмитрія и Петра Кононовыхъ Боткиныхъ, отъ 21 Декабря 1812. Въ прошеніи приводятся убытки, понесенные братьями Боткиными во время непріятельскаго нашествія.

Потомство Петра Кононовича:

У Ивана Петровича сынъ Николай.

Варвара Петровна во 2-мъ бракѣ была за Ястребцовымъ. У нея дѣти: Марья, Варвара (была замужемъ за докторомъ Превѣ), Петръ и еще сынъ, имени котораго не помню.

Александра Петровна была замужемъ за Визгинимъ. У нея дочь Александра (замужемъ за Котельниковымъ).

У Дмитрія Петровича (женатаго на С. С. Мазуриной), дѣти: Елисавета (за инженеромъ К. Г. Дункеромъ), Петръ и Сергѣй (второй секретарь нашего посольства въ Штутгартѣ).

У Петра Петровича (женатаго на К. Н. Шапошниковой) дочери: Анна, Надежда (за художникомъ Остроуховымъ) и Вѣра (за Н. И. Гучковымъ).

У Сергѣя Петровича отъ 1-го брака съ Крыловой дѣти: Сергѣй (докторъ), Петръ (первый секретарь нашего посольства въ Софіи), Александръ (морякъ), Евгенийъ (докторъ), Викторъ (кавалерійскій офицеръ) и Анастасія (за докторомъ Бородулинымъ). Сергѣй Петровичъ во 2-мъ бракѣ былъ женатъ на княжнѣ Оболенской (бывшей 1-й разъ замужемъ, за Мордвиновымъ). Отъ этого брака у него пять или шесть дочерей.

У Михаила Петровича, женатаго на Е. Н. Солодовниковой, пять дочерей и одинъ сынъ.

У Владимира Петровича, женатаго на А. Е. Гучковой, два сына: Федоръ (художникъ, живеть въ Парижѣ) и Михайлъ (шведъ Императорскаго Большаго театра въ Москвѣ).

У Петра Дмитріевича сынъ Дмитрій; у Сергѣя Дмитріевича сынъ Борисъ.

У двухъ женатыхъ сыновей Сергѣя Петровича, Сергѣя и Евгения, есть дѣти.

Вотъ все, что могу вамъ покуда сообщить о родѣ Боткиныхъ.

А. С. И О Н И Н У,

по случаю назначенія его посланникомъ въ Бразилію.

Глупость наша урезонена!
Мудрости познавши сласть,
Понимаемъ мы Ионина:
Онъ избралъ благую часть.

Въ силу Дарвина теоріи,
Позабывши про Славянъ,
Нашъ министръ изъ Черногоріи
Ѣдетъ въ царство обезьянъ.

Такъ поймемъ же близорукіе:
Безполезенъ былъ нашъ трудъ—
Можетъ быть, четверорукіе
Дипломаты насъ спасутъ?..

М. А. Хитровъ.

Письмо А. Д. Черткова къ Я. И. Бередникову.

Москва, 15 Маія 1845 года.

Милостивый государь Яковъ Ивановичъ!

Письмо ваше я имѣлъ честь получить и несказанно обрадовался, что могъ вамъ принести удовольствіе доставленіемъ моихъ сочиненій. И впредь позвольте доставлять вамъ мои *птища*, всякой разъ, когда я что-нибудь напечатаю. Я предпринялъ огромный трудъ: „древнѣйшую исторію Славянъ“; много уже и написано, но много и остается написать. Зимой, по служебнымъ моимъ занятіямъ, не имѣю никакой возможности трудиться. Остается одно лѣто, т. е. наше сѣверное трехмѣсячное лѣто. Но увы! въ нынѣшнемъ году и этимъ не могу воспользоваться: необходимо долженъ съѣздить въ Орловскую, Воронежскую и даже Таврическую губерніи, для осмотра моихъ имѣній, гдѣ я не былъ уже болѣе семи лѣтъ. Вотъ и послѣдняя надежда рушилась на работу въ нынѣшнемъ году; но что-же дѣлать? Надобно покориться обстоятельствамъ. Дѣйствительно вамъ сказалъ правду кн. Оболенскій, что у меня не осталось ни одного экз. прежняго каталога. Я напечаталъ въ 1838 году 100 экз. и всѣ роздалъ въ продолженіи семи лѣтъ; теперь сожалью, что такъ мало напечатано, но тогда, казалось число слишкомъ достаточное для частнаго каталога. Самое непріятное то, что теперь долженъ отказывать тѣмъ людямъ, которыхъ я привыкъ давно любить и уважать. Новаго у насъ по историческимъ трудамъ ничего нѣтъ. Что-то въ родѣ застоя. Честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Чертковъ.

Р. S. Скажите Петру Ивановичу*), что я ѣду въ Крымъ, гдѣ онъ долго жилъ, и беру съ собою его книгу о древностяхъ Крыма и карту южнаго берега.

Сообщилъ И. Мордвиновъ.

*) П. И. Кеппену, академику.

ПЯТИСОТЛѢТІЕ ГРЮНВАЛЬДСКОЙ БИТВЫ.

15 Іюня 1410 г. соединенныя ополченія Витовта и Ягайлы встрѣтили Орденское войско въ виду замковъ Грюнвальда и Танненберга. У рыцарей было 83 т. войска (57 т. пѣхоты и 26 т. конницы), у Витовта и Ягайлы 163 т. (97 т. пѣхоты, 66 т. конницы и 60 пушекъ). Главную силу соединеннаго ополченія составляли *Западно-русскіе полки* Витовта: Смоленскій, Полоцкій, Витебскій, Кіевскій, Подольскій, Волынскій и друг., всего 43 Русскихъ знамени и 4 Литовскихъ. Польскихъ знаменъ Ягайла было 41. Кромѣ того, 2 Чешскихъ знамени— 21 т. Чеховъ, Венгровъ, Моравцевъ, Силезцевъ подъ командою славнаго Чешскаго полководца *Яна-Жижки* изъ Таборова (впослѣдствіи одного изъ героевъ такъ назыв. „Гусситскихъ войнъ“), да 40 т. Сарайскихъ Татаръ.

Орденское войско первымъ открыло битву. Литовско-русскіе полки Витовта, занимавшіе правый флангъ Славянскаго ополченія, не выдержали перваго натиска рыцарей и поколебались; дрогнуло и обнажившееся правое крыло Поляковъ, занимавшихъ лѣвый флангъ; но *отчаянное мужество Смоленскихъ полковъ*, стоявшихъ въ центрѣ, подъ начальствомъ *Юрія Дугеневича*, князя Мстиславскаго, дало возможность Витовту поправить дѣло. Витовтъ собралъ свои разстроившіеся Русскіе и Литовскіе полки, лично повелъ Поляковъ, далъ знакъ къ нападенію ожидавшимся въ резервѣ Татарамъ, такъ что Орденское войско было со всѣхъ сторонъ окружено. Закипѣлъ ожесточенный бой, продолжавшійся нѣсколько часовъ, и Славянское дѣло было спасено. Тевтоны потерпѣли страшное пораженіе: рыцари потеряли своего гохмейстера Ульриха ф.-Юнгинхна (братъ Конрада), 200 Тевтонскихъ и 400 иностранныхъ рыцарей, болѣе 40 т. убитыми, 15 т. плѣнными и весь обозъ. Только наступившая ночь и медлительность Ягайлы, занявшагося устройствомъ побѣдныхъ пиршествъ, дали возможность остаткамъ рыцарей укрыться за стѣнами Маріенбурга.—По договору въ Торнѣ 1411 г. Орденъ получилъ обратно свои владѣнія и уплатилъ контрибуцію въ 70—100 т. „шоповъ“ (60 штукъ грошей) или около 100 т. марокъ. Многострадавшая Жмудъ, конечно, освободилась навсегда и воссоединилась съ остальною Литвой.

Грюнвальдская битва нанесла Тевтонскому Ордену рѣшительный ударъ, отъ котораго онъ не могъ уже оправиться. Бургграфъ Фридрихъ Нюренбергскій, въ 1415 г. получившій отъ императора Сигизмунда *марку Бранденбургскую* (Землю Лютичей), со своимъ Франкон-

скимъ отрядомъ, съ помощью „лѣйтяйки Греты или Метцы“ (кличка громадной пушки), на время возстановилъ въ Пруссіи порядокъ, нарушенный Грюнвальдскимъ пораженіемъ. Но уже въ 1520 г. Пруссія была приведена въ вассальную зависимость отъ Польши, а въ 1525 г. превратилась въ свѣтское герцогство, и *Альбрехтъ Бранденбургскій* былъ послѣднимъ *гохмейстеромъ* Тевтонскаго ордена, просуществовавшаго около 300 лѣтъ (1225—1525). Остатки Тевтонскихъ рыцарей переселились въ Германію и окончательно были уничтожены Наполеономъ. Лѣтъ черезъ 100 Пруссія переходитъ къ дому Бранденбургскихъ *Гогецоллернговъ*, поставившихъ одною изъ главныхъ задачъ своихъ противо-дѣйствіе „Славянскому напору“, о которомъ заговорили послѣ Грюнвальда.

„Грюнвальдская битва была одною изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ; слава и сила Ордена погибла въ ней окончательно; покорители разъединенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ *трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы*, передъ которыми силы, могущество, искусство рыцарей оказались недостаточными; *военное братство*, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его погибли передъ соединенными силами *трехъ народовъ христіанскихъ*; въ ополченіи враговъ Ордена не приносили болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва: „Богородице, Дѣво, радуйся“. Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерянные силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войны съ невѣрными, слѣдовательно существованіе его становится уже безцѣльнымъ, ненужнымъ, и существованіе его послѣ Грюнвальдской битвы представляетъ только *продолжительную аномію*“ (С. М. Соловьевъ).

Грюнвальдская побѣда надъ Тевтонскимъ орденомъ, составлявшимъ „передовую постъ Германской культуры“, остановила Нѣмецкій „напоръ на Востокъ“ (*Drang nach Osten*), продолжавшійся около 200 лѣтъ (1225—1410). Въ этомъ отношеніи Грюнвальдская битва составляетъ эпоху той исторической, вѣковой борьбы Германскаго и Славянскаго міровъ, первый періодъ которой закончился полною побѣдою германизма, германизацией части Западныхъ Славянъ (IX—XII в.в.).

Грюнвальдская битва долго еще будетъ служить символомъ или прообразомъ единенія Славянъ.

А. П. К.

Донесеніе Московскаго митрополита Платона Святейшему Синоду о Московскомъ пожарѣ 1812 г.

Святейшій Правительствующій Синодъ!

Острое лезвее кроваваго меча извивалось надъ несчастными сынами первопрестольныя матери; огонь, вознетенный адскою злобою, пожиралъ всюду сопредѣльное; новорожденный Іуліанъ бѣшенствовалъ противу Неба и потрясалъ въ Москвѣ самое сердце земли. Между тѣмъ Лаура и Виѳанія, по судьбамъ Провидѣнія, не испытали на себѣ пагубоносныхъ перуновъ. „Падеть отъ страны твоя тысяща, и тма одесную тебе, къ тебѣ же гибель не приблизится“. Это суть мѣста, идѣже миръ и тишина положили селеніе свое. Это суть останки гроздія, восхищавшаго здѣсь благопопечительныя взоры Россійскаго Вертоградя. И странное чудо! Отъ Москвы, гдѣ огонь истощилъ силу, къ Лаурѣ и Виѳаніи не болѣе разстоянія, какъ съ одной стороны къ нимъ отъ Дмитрова, а съ другой отъ Богородска, гдѣ мечъ пресѣкъ свои дѣйствія: въ разстояніяхъ разности совсѣмъ нѣтъ никакой, или самая малѣйшая. Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, дивенъ въ преподобномъ Сергіѣ! Аще не Его ради, Азъ погубилъ быхъ васъ. Сему вѣрую, на семъ утверждаюсь, сіе исповѣдаю.

Вашего Святейшества послушный Платонъ М. Московскій.

Октября 30 д. 1812 года.

Подлинникъ, полулистъ синей бумаги, хранится въ собраніи старинныхъ документовъ Сергія Ильича Успенскаго (усадыба Гузеево, Тихвинскаго у., Новгородской губ.) Весьма вѣроятно, что настоящее донесеніе митрополита Платона было послѣднимъ въ его жизни: 11 Ноября 1812 года онъ скончался въ любимомъ имъ Виѳанскомъ скиту.

Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.

ЗАМѢТКА АРХИВИСТА.

Екатерина Великая въ первую Турецкую войну свою, возражая Французскому правительству, которое выдало въ свѣтъ книгу, полную злобы противъ Россіи, печатно выразилась, что западные народы одержимы Каинскимъ къ намъ братоненавидѣніемъ. Это убѣжденіе Государыни много разъ оправдывалось на дѣлѣ, и даже до-нынѣ слѣдуетъ его помнить, когда, внимая дружественнымъ увѣреніямъ съ Запада, приходится вспоминать сказанное княземъ Вяземскимъ:

Ихъ дружество почти на ненависть похоже.

Съ другой стороны, у насъ дома во множествѣ газетъ трудно найти какой-либо листокъ, гдѣ бы не было извѣщенія о пожарахъ, поджогахъ, разбояхъ, убійствахъ, самоубійствахъ.

Людямъ, не утратившимъ вѣры въ Русское величіе и во всемірное историческое значеніе, остается утѣшаться высокимъ подъемомъ молитвеннаго духа: наши храмы полны моельщиками, а въ трехъ углахъ Россіи неустанно совершается поклоненіе мощамъ угодниковъ Божіихъ.

Никто такъ убѣдительно и художественно не говорилъ о св. мощахъ, какъ Московскій митрополитъ Филаретъ. Вотъ что было нѣкогда имъ сказано въ Чудовомъ монастырѣ у святыхъ мощей митрополита Алексія.

„Къ единому отъ богопросвѣщенныхъ учителей Церкви Россійскія, уже нѣсколько вѣковъ безмолвствующему и покоющемуся, собралось нынѣ здѣсь множество учениковъ. Или онъ, и безмолвствуя, еще учитъ, и покоясь, еще дѣйствуетъ? По истинѣ, и теперь учитъ онъ вѣрѣ и жизни, сильнѣе слова, примѣромъ вѣры, Богомъ оправданной, и жизни, Богомъ прославленной. И теперь дѣйствуетъ онъ для насъ предъ Богомъ своими о насъ молитвами, а предъ нами благодатнымъ дарованіемъ, по которому въ самомъ тѣлѣ его, какъ въ чистомъ сосудѣ духа, вмѣсто обыкновенныхъ человѣческихъ немощей, имѣемъ мы открытыя святыя мощи, возвышенныя силы, которыя, подобно вещественному благоуханію, простираютъ сокровенное дѣйствіе на чувство вѣры, возвышаютъ наши собственныя силы и производятъ благотворныя перемѣны“.

Русскіе люди съ радостнымъ умиленіемъ прочли рескриптъ Государя Императора митрополиту Флавіану по поводу перенесенія святыхъ мощей великой княжны Евфросиніи изъ Кіева въ Полотскъ.

Питаемъ утѣшительную надежду, что Господь не покинетъ Своею милостію тотъ народъ, который въ многомилліонномъ большинствѣ своемъ.

Духа и свободы
Ему возноситъ гимнамъ,
Кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ.

Петръ Бартепневъ.

(Изъ 128 номера „Московскихъ Вѣдомостей“ 1910 года).

СТИХОТВОРЕНІЯ
А. С. ХОМЯКОВА.

Изданіе «Русскаго Архива»

СЪ ПРИМЪЧАНІЯМИ.

МОСКВА.
Синодальная Типографія.
1910.

Только пасынокъ Россіи
Не поклонится тебѣ.

С. Кенжесов

Поэтъ, механикъ и филологъ,
Врачъ, живописецъ и геологъ,
Общины Русской публицистъ,
Ты мудръ, какъ змѣй, какъ голубь чистъ

писалъ про Хомякова другъ его Д. Н. Свербеевъ. Дѣйствительно, многосторонность Хомякова была необыкновенная. По словамъ Гоголя, поэзія служила лишь придаткомъ къ обилію его дарованій, а самъ онъ придавалъ значеніе только тѣмъ своимъ произведеніямъ, въ которыхъ выражалась его глубокая и многообъемлющая мысль.

1*

Основою поезіи Хомякова, какъ и всей его дѣятельности, была непоколебимая вѣра во всемірно-историческое значеніе Православія и Россіи. Его стихи—гимны Христіанства и Русскославянской народности.

Въ настоящемъ изданіи помѣщены и нѣкоторыя раннія его стихотворенія.

Хомяковъ родился 1 Мая 1804 года въ Москвѣ, скончался 23 Сентября 1860 года и похороненъ въ Москвѣ, на Даниловскомъ кладбищѣ.

П. Б.

Изода Белла.

Красавецъ островъ! Предо мною
Восходишь гордо ты въ водахъ,
Поставлень смертнаго рукою
На дикихъ, мраморныхъ скалахъ,
Роскошнымъ садомъ осыненный,
Облитый влагой голубой—
И мнится, изумрудъ зеленый
Обхваченъ чистой бирюзой.

Меня манить твой брегъ счастливый.
Онъ сладкихъ думъ, онъ нѣги полнъ...

→ 6 ←

Сидиши, спиши, пловецъ лѣнивый!
Лети въ зыбяхъ, мой легкій чолнъ!

Тамъ, межъ вѣтвей полу-сокрыты,
Лимоны золотомъ горять;
Какъ дѣвъ полуденныхъ ланиты,
Блится пурпурный гранатъ;

Тамъ свѣжихъ розъ благоуханье,
Тамъ гордый лавръ плѣняетъ взоръ,
И листья мирта трепетанье,
Какъ двухъ влюбленныхъ разговоръ.

Прелестный край! Все дышетъ Югомъ,
И тѣнь садовъ, и лоно водъ,
И Альповъ цѣпь могучимъ кругомъ
Его отъ хлада стережетъ;

И ярко въ небѣ блещутъ льдины,
И выше сизыхъ облаковъ
Восходятъ горы-исполины
Подъ шлемомъ дѣвственныхъ снѣговъ.

Не такъ ли, въ повѣстяхъ Востока,
Ирана юная краса
Сокрыта за моремъ, далеко,
Гдѣ чисто свѣтятъ небеса,

Гдѣ сонъ ея лелѣютъ Пери,
И духи водъ ей пѣснь поютъ?
Но мрачный Дивъ стоитъ у двери,
Храня таинственный пріютъ.

1826.

Хомяковъ, проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ (гдѣ учился живописи) и возвращаясь домой, побывалъ въ сѣверной Италіи, въ Швейцаріи и въ Австріи (гдѣ познакомился съ западными Славянами).

П О Э Т Ъ.

Всѣ звѣзды въ новый путь стремились,
Разсѣявъ вѣковую мглу;
Всѣ звѣзды жизнью веселились
И пѣли Божію хвалу.

Одна, печально измѣряя
Никѣмъ незнаемы лѣта,—
Земля катилася нѣмая,
Небесъ веселыхъ сирота.

Она безъ пѣсень путь свершала,
Безъ пѣсень въ путь текла опять,

→ 10 ←

И на устахъ ея лежала
Молчанья строгаго печать.

Кто дастъ ей голосъ?... Лучъ небесный
На перси смертнаго упаль,
И смертнаго покровъ тѣлесный
Жильца безсмертнаго пріяль.

Онъ къ небу взоръ возвелъ спокойный,
И Богу гимнъ въ душѣ возникъ;
И даль землѣ онъ голосъ стройный,
Творенью мертвому языкъ.

1827.

Отзывъ одной дамѣ.

Когда Сивиллы слухъ смятенный
Глаголы Фебовы внималъ,
И передъ дѣвой изступленной
Призракъ грядущаго мелькалъ,—

Чело сіяло вдохновеньемъ,
Глаза сверкали, гласъ гремѣлъ,
И въ прахъ, съ трепетнымъ волненьемъ
Предъ ней народъ благоговѣлъ.

Но утихалъ восторгъ мгновенный,
Смолкала жрица—и блѣдна,

Передъ толпою изумленной
На землю падала она.

Кто, видя впалыя ланиты
И взоръ безъ блеска и лучей,
Узналъ бы тайну силы скрытой
Въ пророчицѣ грядущихъ дней?

И ты не призывай поэта!
Въ волшебный кругъ свой не мани,
Когда, вдали отъ шума свѣта,
Душа восторгами согрѣта:

Тогда живетъ онъ; въ эти дни
Вмѣщаетъ все существованье;

→ 13 ←

Но вскорѣ, слабъ и утомленъ
И вихремъ свѣта увлеченъ,

Забывъ высокія созданья,
То ловить темныя мечтанья,
То, какъ дитя, сквозь смутный сонъ,
Смѣется и лепечетъ онъ.

1827.

П р о сь б а .

О, сжаьтесь надо мной! О, дайте волю мнѣ!
Изъ края дальняго волшебный зовъ несется,
И кровь моя кипить, и сердце буйно рвется
Въ тотъ дальній край, къ войнѣ, къ войнѣ!
Вы видите: стремятся ополченья,
И взоры ихъ блестятъ надеждою побѣдъ...
Туда, туда, въ кровавыя сраженья
Я полечу за ними въ слѣдъ.
Противна мнѣ дремота нѣги праздной,
И мирныхъ дней безжизненный покой,

Какъ путь въ степяхъ однообразный,
Какъ гробъ холодный и нѣмой.
Противно мнѣ безумное веселье,
Неупоенныхъ душъ притворное похмѣлье,
И скука вѣчная, и вѣчный переходъ
Младенческихъ забавъ и нищенскихъ заботъ!
О, сжаьтесь надо мной! Отдайте мечъ блестящій,
Отдайте бодраго и легкаго коня!
Въ тотъ край, куда летить мечты порывъ горящій,
Какъ вихрь, какъ мысль, онъ унесетъ меня!
На мигъ одинъ судьбины злой оковы
Рукой я смѣлю расторгъ:
И сердцу памятенъ сраженій блескъ суровый,

И торжества воинственный восторгъ....
Въ часъ утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки гласъ, зовущій насъ къ боямъ,—
Глядѣть, какъ солнца лучъ златистый,
Играя, блещеть по штыкамъ;
Какъ вождь сѣдой, отваги юной полный,
На срѣтенье врагамъ ведетъ покорный строй,
И движутся полки, какъ бурь осеннихъ волны;
И чувствовать тогда, что вѣренъ мечъ стальной,
Что длань сильна, что вихремъ конь несется
Подъ свистомъ пуль, средь дыма и огня,—
Что сердце гордое въ груди спокойно бьется,
Что этотъ дольний міръ не дорогъ для меня;

Что я могу, съ улыбкою презрѣнья,
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!..

О, эти сладкія мгновенья
Отдайте мнѣ, отдайте ихъ опять!

Я не хочу въ степи земной скитаться
Безъ воли и надеждъ, безвременный старикъ;
Какъ робкая жена, предъ рокомъ не привыкъ
Главой послушной преклоняться,
Внимать, какъ каждый день, и сгучень, и смѣшонъ,
Все тѣже сказки напѣваетъ,
И тихо душу погружаетъ
Въ какой-то слабоумный сонъ.

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, не знающей морей,
И праздною истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.

Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой;
Подъ солнцемъ гропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и съ дикою грозой;
Челомъ возвышеннымъ встрѣчать ударъ судьбины,
Бродить по области и смерти и чудесъ,
И жадно пить восторгъ, и изъ сѣдой пучины
Крыломъ поэзіи вноситься до небесъ!

О, вот онъ, вотъ удѣлъ, давно желанный мною!
Отдайте-жъ мнѣ коня, булатъ отдайте мой!
Въ тотъ дальній край я полечу стрѣлою
И ринуся въ кровавый бой.

1828.

Поступивъ изъ конной гвардіи въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ, Хомяковъ принималъ дѣятельное участіе въ сраженіяхъ съ Турками 1828 и 1829 годовъ.

К л и н о к ъ .

Не презирай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

Мечи съ красивою оправой,
Въ златыхъ покояся ножнахъ,
Блистали тщетною забавой
На пышныхъ роскоши пирахъ;

А онъ, въ порывахъ бурь военныхъ,
По латамъ весело стучалъ

И на главахъ иноплеменныхъ
О Руси память зарубаль.

Но тяжкій мечъ, въ ножнахъ забытый
Рукой слабѣющихъ племень,
Давно лежитъ полу-сокрытый
Подъ ѣдкой ржавчиной времянь,

И ждётъ, чтобъ грянулъ голосъ брани,
Булата звонкаго призывъ,
Чтобъ вновь воскресъ въ могучей длани
Его губительный порывъ.

И тамъ, гдѣ мечъ съ златой оправой
Какъ хрупкій сломится хрусталь,

→ 22 ←

Глубоко врѣжетъ слѣдъ кровавыи
Его синѣющая сталь.

Такъ не бросай клинка стального
Въ обдѣлкѣ древности простой,
И пыль забвенья вѣковаго
Сотри заботливой рукой.

1828.

С о н ъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ—пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перстомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердцецъ.

И какъ въ степи глухой живыя воды,
Такъ пѣснь моя ласкала жадный слухъ;
Въ ней слышенъ былъ и тайный гласъ природы,
И смертнаго горѣ парящій духъ.

Но часъ насталъ. Меня во гробъ сокрыли,
Мои уста могильный хладъ сковалъ;
Но изъ могильной тьмы, изъ хладной пыли,
Гремѣла пѣснь, и сладкій гласъ звучалъ.

Вѣка прошли, и племена другія
Покрыли край, гдѣ прахъ пѣвца лежалъ:
Но не замолкли струны золотыя,
И сладкій гласъ попрежнему звучалъ.

→ 25 ←

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ
И что пѣвецъ пречудное явленье,
И что въ пѣвцѣ на все Свое творенье
Всевышній положилъ вѣнецъ.

Базарджикъ.
3 Юля 1828 г.

Прощаніе съ Адріаноподемъ.

Эдырне*, прощай! Уже болѣе мнѣ
Не зрѣть Забалканскаго края,
Ни синихъ небесъ въ ихъ ночной тишинѣ,
Ни роскоши древней Сарая,
Ни тѣни густой полуденныхъ садовъ,
Ни вась, кипарисы, любимцы гробовъ!

Эдырне! На стройныхъ мечетяхъ твоихъ
Орелъ возвышался двуглавый;

* Турецкое имя Адрианополя.

→: 27 :←

Онъ вновь улетаетъ, но вѣчно на нихъ
Останутся отблески славы!
И Турокъ въ мечтахъ будетъ зрѣть предъ собой
Тѣнь крыльевъ Орла надъ померкшей Луной!

Адрианополь,
7 Октября 1829 г.

И з ъ С а а д и .

(НА КУСОКЪ ЯНТАРЯ.)

Червь ядовитый скрывался въ землѣ:
Черныя думы таились во мнѣ.

Червь, изгибаяся, землю сквернилъ:
Грѣхъ ненавистный мнѣ душу тягчилъ.

Червь ядовитый облить янтаремиъ:
Весело взоры почиють на немъ.

→: 29 :←

Къ небу подьемлю я очи съ мольбой,
Грѣхъ обливаю горячей слезой.

Въ сердце взгляну я: тамъ Божья печать,
Грѣхъ мой покрыла Творца благодать.

1830.

Два часа.

Есть часъ блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно въ немъ согрѣта,
Какъ будто огненной струей:

Сверкаютъ слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно пѣснопѣнья,
Какъ сладкозвучная волна.

Но есть поэту часъ страданья,
Когда возстанетъ въ тьмѣ ночной
Вся роскошь дивная созданья
Передъ задумчивой душой;

Когда въ груди его сберется
Миръ цѣлый образовъ и сновъ,
И новый миръ сей къ жизни рвется,
Стремится къ звукамъ, просить словъ.

Но звуковъ нѣтъ въ устахъ поэта,
Молчитъ окованный языкъ,
И лучъ божественнаго свѣта
Въ его видѣнья не проникъ.

→ 32 ←

Вотще онъ стонетъ изступленный:
Ему не внимлетъ. Фебъ скупой,
И гибнетъ мiръ новорожденный
Въ груди безсильной и нѣмой.

З и м а.

Поля покрылися пушистыми снѣгами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Какъ будто крадется невидимой стезей
Отъ утра поздняго до ранней тьмы ночной.

Прощайте, осени разгульня забавы!
Прощай, призывный рогъ въ безмолвіи дубравы,
И легкій скокъ коня по доламъ и горамъ,
И звучная гоньба по утреннимъ зарямъ!

Когда пройдетъ зима? Когда увидимъ снова
Веселый цвѣтъ луговъ и поля озимова,

Лѣса, согрѣтые дыханіемъ весны,
И синеву небесъ надъ зеркаломъ волны?
Вотще, исполненный невольнаго томленья,
Чтобъ разогнать тоску и скуку заточенья,

Гляжу въ замерзшее и тусклое окно:
Вокругъ все холодно, и мертво, и темно!
Вдали шумить мятель, и на землѣ печальной
Раскинуть бѣлый снѣгъ, какъ саванъ погребальный.

Вокругъ все холодно, но что-жь? Въ груди моей
Теплѣ кровь бѣжитъ, и взоръ души свѣтлѣй.
Мечта пронулася, и чудныя видѣнья
Рисуеть предо мной игра воображенья.

Мнѣ помнятся края, гдѣ, путникъ молодой,
Я съ мирнымъ посохомъ и пылкою душой
Бродилъ среди картинъ и прелестей природы...
Скалы Швейцаріи, убѣжища свободы,

И роскошь Франціи, и ты страна чудесъ
И пламенныхъ искусствъ и радужныхъ небесъ,
Страна Италіи, гдѣ лугъ, и лѣсъ, и волны,
И дикихъ горъ верхи восторговъ сладкихъ полны!

Мнѣ битвы помнятся, гусаровъ шумный станъ,
Блестящей сабли взмахъ, погибель мусульманъ,
Марицы свѣтлый токъ, Эдырне горделивый,
И стройный минаретъ въ пустынь молчаливой.

2*

Но чаще помню я, забывши внѣшній міръ,
На лонѣ юности мой беззаботный пиръ,
Надежды смѣлыя, веселыя мечтанья,
Давно увядшіе цвѣты существованья,

И брата, и пѣвца, любимца чистыхъ Музъ,
И смертью раннею разорванный союзъ...
И съ памятью утратъ и прежнихъ наслажденій
Бѣгутъ потоки слезъ, стиховъ и вдохновеній.

1831.

Вспоминаются братъ Федоръ Степановичъ († 1828) и другъ
Д. В. Веневитиновъ († 1827).

На сонъ грядущій.

Давно ужъ за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мнѣ мирнымъ сномъ сомкнуть
Глаза усталые отъ бдѣнья,
И отъ житейскаго волненья
На время успокоить грудь.
Ложуся спать... Какою нѣгой чудной
Все дышетъ здѣсь!... Какъ сладко думать мнѣ,
Что конченъ день заботливый и трудный,
Что я могу въ безпечной тишинѣ
Лелѣять до утра веселыя видѣнья

И вольною мечтой свой новый міръ творить,
И средь роскошнаго творенья
Другою, дивной жизнью жить.
Пусть завтра вновь привычныя волненья!...
Пусть завтра вновь!.. Да кто-жь порукой въ томъ,
Что встанетъ для меня денница золотая?
Кто скажетъ мнѣ, что, засыпая,
Не засыпаю вѣчнымъ сномъ?
Быть можетъ, что востокъ туманный
Зажжется въ утренней зарѣ,
А на нѣмомъ моемъ одрѣ
Найдутъ лишь трупъ мой бездыханный.
Подумать страшно. Сонъ лукавъ!

Что если жизненныя силы
Коварной цѣпью связавъ,
Онъ передасть ихъ въ плѣнъ могилы?
Что если чувство бытія
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
Въ единый мигъ утрачу я?

Я въ морѣ былъ, въ кровавой битвѣ,
На краѣ пропастей и скалъ,
И никогда въ своей молитвѣ
О жизни къ Богу не взывалъ;
Но въ тихій часъ успокоенья

Ударъ неожиданный получить,
На ложѣ темнаго забвенья
Украденнымъ изъ міра быть—
Противно мнѣ. Творецъ вселенной
Услышь мольбы полнощный гласъ:
Когда Тобой опредѣленный
Настанетъ мой послѣдній часъ,
Пошли мнѣ въ сердце предвѣщанье!
Тогда покорною главой,
Безъ малодушнаго роптанья,
Склонюсь предъ волею святой.
Въ мою смиренную обитель
Да придетъ Ангель-разрушитель,

Какъ гость издавна жданный мной!
Мой взоръ измѣрить великана,
Боязнью грудь не задрожить,
И духъ изъ дольнаго тумана
Полетомъ смѣлымъ воспарить.

1831.

Молитва была услышана: 23 Сентября 1860 года Хомяковъ
встрѣтилъ смерть сознательно и безропотно.

Д у м ы .

Тамъ были шумъ и разговоры,
И блескъ ума, и смѣхъ живой,
И юныхъ дѣвъ сіяли взоры
Свѣтлѣй, чѣмъ звѣзды въ тѣмѣ ночной;
И сладки рѣчи слухъ ласкали,
И былъ привѣтенъ блескъ очей.
Но думы бурныя роптали
Во глубинѣ души моей.
„Проснись! проснись! Мы призываемъ
Тебя отъ сновъ, отъ грѣзъ пустыхъ.
Проснись! Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!“

Проснися... Радость измѣняетъ,
И жизнь кратка, и хладенъ свѣтъ,
И не надолго утѣшаетъ
Его обманчивый привѣтъ.
А мы бессмертными вѣнцами
Могли-бъ главу твою вѣнчать,
Могли бы яркими цвѣтами
Межъ лавровъ Руси расцвѣтатъ!
Мы крыльями тебя обнимемъ,
И въ край поэзіи святой
Твой духъ восторженный поднимемъ
Мечтами, пѣснью и мольбой.
Проснись, проснись!... Мы призываемъ

Тебя отъ сновъ, отъ грёзъ пустыхъ.
Проснись!... Мы гаснемъ, увядаемъ,
Любимцы лучшихъ дней твоихъ!"

Молчите, пламенная думы!
Засните вновь на краткій срокъ.
Твердите напрасный мнѣ упрекъ
Вашъ голосъ строгій и угрюмый.
Меня не свяжетъ свѣтъ холодный
Настанетъ вдохновенный часъ,—
И къ жизни звучной и свободной,
Могучій, вызову я васъ!

1831.

О д а.

Внимайте голосъ истребленья!
За громомъ громъ, за крикомъ крикъ!
То звуки дальняго сраженья,
Къ нимъ слухъ воинственный привыкъ.

Вотъ ружей звонкіе раскаты,
Вотъ пѣшей рати мѣрный шагъ,
Вотъ натискъ конницы крылатой,
Вотъ пушекъ ревъ на высотахъ,

И крикъ торжество, мнѣ крикъ знакомый,
И смерти стонъ, мнѣ плачь родной...

О, замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламеннымъ проклятьямъ
Да будетъ проклять тотъ, чей гласъ
Противъ Славянъ Славянскимъ братьямъ
Мечи вручилъ въ преступный часъ!

Да будутъ прокляты сраженья,
Одноплеменниковъ раздоръ,
И перешедшей въ поколѣнья
Вражды безмысленной позоръ!

Да будутъ прокляты преданья,
Вѣковъ исчезнувшихъ обманъ,

И повѣсть мщенья и страданья,—
Вина неисцѣлимыхъ ранъ!

И взоръ поэта вдохновенный
Ужъ видитъ новый вѣкъ чудесь....
Онъ видитъ: гордо надъ вселенной,
До свода синяго небесь,

Орлы Славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Передъ старшимъ—Сѣвернымъ орломъ.

Ихъ твердь союзъ, горять перуны.
Законъ ихъ властенъ надъ землей,

→ 48 ←

И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!...

1831.

Говорится о Польскомъ мятежѣ, который вызванъ былъ Европейскими державами, напуганными успѣхами Россіи, побѣдоносно окончившей Турецкую войну, и въ подавленіи котораго Хомяковъ не участвовалъ.

О р е л ь .

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ Полунощныхъ орелъ,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Лети; но въ горнемъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышащая грудь
Разгуломъ вольности согрѣта,
О младшихъ братьяхъ не забудь!
На степь полуденнаго края,
На дальній Западъ оглянись:
Ихъ много тамъ, гдѣ гнѣвъ Дуная.

Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущельяхъ скалъ, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебряхъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтона вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждуть окованные братья—
Когда же зовъ услышать твой,
Когда ты крылья, какъ объятя,
Прострешь надъ слабой ихъ главой?...
О, вспомни ихъ, Орелъ Полночи!
Пошли имъ звонкій твой привѣтъ,
Да ихъ утѣшитъ въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ!

Питай ихъ пищею силъ духовныхъ,
Питай надеждою лучшихъ дней,
И кладъ сердець единокровныхъ
Любовью жаркою согрѣй!
Ихъ часъ придетъ: окрѣпнуть крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричать орлы, — и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ!

1832.

Хомяковъ узналъ Славянъ Австрійскихъ во время путешествія своего по Европѣ въ 1826 году, а Турецкихъ въ нашу войну 1828—1829 годовъ, въ которой принималъ доблестное участие.

Русская пѣсня.

Гой красна земля Володимира!
Много сель въ тебѣ, городовъ большихъ,
Много люду въ тебѣ православнаго!
Въ сини горы ты упираешься,
Синимъ моремъ ты омываешься;
Не боишься ты люта вѣрога,
А боишься лишь гнѣва Божія.

Гой красна земля Володимира!
Послужили тебѣ мои прадѣды,

Миромъ-разумомъ успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта вѣрога отодвинули.
Помяни добромъ моихъ прадѣдовъ:
Послужили тебѣ службу крѣпкую.

Службу большую я служилъ тебѣ:
Отъ меня-ль, въ степяхъ, мужички пошли,
Мужички пошли, богатые,
Знаютъ чинъ свой, знаютъ добычу,
Братьевъ любятъ, Богу молятся.
Отъ меня-ль, въ судахъ, правда-судъ пошли,
Правда-судъ пошли неподкупные,—

Правда въ слушанье, судъ въ видѣніе.
Отъ меня-ль пошла въ цѣлый міръ молва,
Что и синяго неба не выглядѣть,
Что и синяго моря не вычерпать—
То красна земля Володимира.
Полюбуйся ей—не насмотришься,
Черпай разумъ въ ней—не исчерпаешь!

Ходитъ по небу солнце ясное,
Грѣетъ, свѣтитъ міру цѣлому;
Ночью теплятся звѣзды частыя,
А травѣ да песчинкамъ счету нѣтъ.
По землѣ ходитъ слово Божіе,

→ 55 ←

Грѣть жизнью, свѣтитъ радостью,
Блещутъ главы церквей золоченыя,
А Господнихъ слугъ да моельщиковъ
Что травы въ степяхъ, что песку въ моряхъ!

Въ послѣднихъ трехъ строфахъ призывъ Русскому Царю.

Къ иностранкѣ.

(Фрейльба А. О. Россетъ)

О, дѣва-роза, для чего
Мнѣ грудь волнуешь ты
Порывной бурей страстей,
Желанья и мечты?

Спусти на свой блестящій взоръ
Рѣсницы длинной тѣнь:
Твои глаза огнемъ горять,
Томятъ, какъ лѣтній день.

→ 57 ←

Нѣтъ, взоръ открой! Отраднѣй мнѣ
Отъ зноя изнывать,
Чѣмъ знать, что въ небѣ солнце есть,
И солнца не видать!

1832.

Къ ней же.

Вокругъ нея очарованье,
Вся роскошь Юга дышетъ въ ней;
Отъ розъ ей прелесть и названье,
Отъ звѣздъ полудня блескъ очей.
Прикованъ къ ней волшебной силой,
Поэтъ восторженный глядитъ;
Но никогда онъ дѣвѣ милой
Своей любви не посвятить.

Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,

Поэтовъ радости и муки,
Поэтовъ чистая мечта.
Пусть въ ней душа какъ пламень ясный,
Какъ дымъ молитвенныхъ кадиль;
Пусть Ангель свѣтлый и прекрасный
Ее съ рожденья осѣнилъ;

Но ей чужда моя Россія,
Отчизны дикая краса,
И ей милѣй страны другія,
Чужія лучше небеса!
Пою ей пѣснь роднаго края,—
Она не внемлетъ, не глядитъ!

При ней скажу я: „Русь Святая!“ —
И сердце въ ней не задрожитъ!

И тщетно лучъ живаго свѣта
Изъ черныхъ падаетъ очей:
Ей гордая душа поэта
Не посвятить любви своей.

1832.

А. О. Смирнова (въ дѣвицахъ Россетъ, по отцу Французенка, по матери Грувинка) сказывала намъ, что Николай Павловичъ прочелъ ей эти стихи и потомъ дразнилъ ее ими.

Къ *).

Не горюй по лѣтнимъ розамъ;
Вѣрь мнѣ, чуденъ Божій свѣтъ!
Зимнимъ выюгамъ и морозамъ
Рады заяць да поэтъ.
Для меня, въ безпечной лѣни,
Какъ часы ночнаго сна,
Протекли безъ вдохновеній
Осень лѣто и весна.
Но лишь гулкiя мятели
Въ снѣжномъ полѣ заревуть,

И въ пушистыя постели
Зайцы робкіе уйдуть,—
Пѣсень дѣва молодая
Въ бурѣ мнѣ привѣтъ пришлетъ
И, привѣту отвѣчая,
Что-то въ сердцѣ запоетъ.

1832.

Охота, преимущественно псовая, была испоконъ вѣковъ любимымъ отдохновеніемъ Хомяковыхъ: полеванья въ деревни подѣ Тулою (Богучарово) начинались въ Сентябрѣ и кончались въ Октябрѣ въ Сычевскомъ уѣздѣ (Линицы). Одинъ изъ Хомяковыхъ былъ любимымъ ловчимъ у цари Алексѣя Михайловича.

Жаворонокъ, Орель и Поэтъ.

Когда, проснувшись, свѣтлѣетъ
Востокъ росистою зарей,
Незримый жаворонокъ рѣетъ
Въ равнинѣ неба голубой;
И вдохновенный, безъ науки
Творить онъ пѣснь, и свысока
Серебряные сыплетъ звуки
На слѣдъ воздушный вѣтерка.
Орель, добычу забывая,
Летитъ, и выше сизыхъ тучъ,
Какъ парусъ крылья разстилая,
Всплываетъ, весель и могучъ.

Зачѣмъ поютъ? Зачѣмъ летаютъ?
Зачѣмъ горячія мечты
Поэта въ небо увлекаютъ
Изъ мрака дольней суеты?
Зачѣмъ, что въ небѣ вдохновенье,
И въ пѣсняхъ есть избытокъ силъ,
И гордой воли упоенье
Въ надоблачномъ размахѣ крыль;
Зачѣмъ, что съ выси небосклона
Отраднo видѣть край земной
И робкихъ чадъ земнаго лона—
Далеко, низко подъ собой.

1832.

Вдохновеніе.

Лови минуту вдохновенья,
Восторговъ чашу жадно пей
И сномъ лѣниваго забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту,—пролетаетъ,
Какъ молнии яркая струя,
Но годы многіе вмѣщаетъ
Она земнаго бытія.

Но если разъ душой холодной
Отринешь ты небесный даръ
И въ суетѣ земли бесплодной

Потушишь вдохновенья жаръ;
И если разъ, въ безпечной лѣни,
Ничтожность міра полюбивъ,
Ты свяжешь цѣпью наслажденій
Души бунтующій порывъ:
Къ тебѣ поэзіи священной
Не снидетъ чистая роса,
И предъ зѣницей ослѣпленной
Не распахнутся небеса;
Но сердце бѣдное изсохнетъ,
И нива прежнихъ думъ твоихъ,
Какъ степь безводная, заглохнетъ
Подъ терномъ помысловъ земныхъ,

1832.

Д в ъ п ѣ с н и.

Прелестна пѣснь полуденной страны!
Она огнемъ живительнымъ согрѣта,
Какъ яркій день безоблачнаго лѣта;
Она сладка, какъ томный свѣтъ луны,
Трепещущій на зеркалѣ лагуны.
Все въ ней къ любви и нѣгѣ насъ манить;
Но не звучать отзывно сердца струны,
И мысль моя въ груди безмолвной спить.

Другая пѣснь, то пѣснь роднаго края,—
Протяжная, унылая, простая,

3*

→ 68 ←

Тоски и слезъ и горестей полна!
Какъ много думъ забудила вдругъ она
Про нашу степь, про гулкiя мятели,
Про радости и скорби юныхъ дней,
Про тихiе напѣвы колыбели,
Про отчiй домъ, и кровныхъ, и друзей!

1832.

Э л е г і я.

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний міръ, и вѣтръ прохладой дуетъ,
И синимъ сумракомъ одѣты небеса,
И землю сонную лучъ мѣсяца цѣлуетъ:

Мнѣ страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть однимъ, и сердце сердца просить,
И голосъ трепетный то ропщетъ на судьбу,
То имена любви невольно произносить....

Когда-жъ въ часъ утренній проснувшійся Востокъ
Выводитъ съ торжествомъ денницу золотую,

Иль солнце льетъ лучи, какъ пламенный потокъ,
На ясный мѣръ небесъ, на суету земную,—

Я снова бодръ и свѣжъ: на смутный бытъ людей
Бросаю смѣлый взглядъ; улыбку и презрѣнье
Одни я шлю въ отвѣтъ грозамъ судьбы моей,
И радуеть меня мое уединенье.

Готовая къ борьбѣ и крѣпкая какъ сталь,
Душа бѣжитъ любви безсильнаго желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питаеть гордую, безгласную печаль.

1834.

М е ч т а.

У грустно, грустно мнѣ! Ложится тьма густая
На дальнемъ Западѣ, странѣ святыхъ чудесъ:
Свѣтила прежнія блѣднѣютъ, догорая,
И звѣзды лучшія срываются съ небесъ.

А какъ прекрасенъ былъ тотъ Западъ величавый!
Какъ долго цѣлый міръ, колѣна преклонивъ
И чудно озаренъ его высокой славой,
Предъ нимъ безмолвствовалъ, смиренъ и молчаливъ!

Тамъ солнце мудрости встрѣчали наши очи,
Кометы бурныхъ сѣчь бродили въ высотѣ,

И тихо, какъ луна, царица лѣтней ночи,
Сіяла тамъ любовь въ невинной красотѣ;
Тамъ въ яркихъ радугахъ сливались вдохновенья,
И вѣры огнь живой потоки свѣта лиль...
О, никогда земля отъ первыхъ дней творенья
Не зрѣла надъ собой столь пламенныхъ свѣтилъ!
Но горе! Вѣкъ прошелъ, и мертвеннымъ покровомъ
Задержнуть Западъ весь! Тамъ будетъ мракъ глубокъ....
Услышь же гласъ судьбы, воспрянь въ сіяньи новомъ,
Проснися, дремлющій Востокъ!

1834.

К л ю ч ь.

Сокрыть въ глуши, въ тѣни древесной,
Любимецъ Музъ и тихихъ думъ,
Фонтанъ живой, фонтанъ безвѣстный,
Какъ сладокъ мнѣ твой легкій шумъ!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщеть въ жаркій день
Копыто жаждущаго стада,
Иль поселянъ бродящихъ лѣнь;
Лѣсовъ зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И вѣры ясная святыня
Тебя подъ кровъ свой приняла.

И не скуютъ тебя морозы,
Тебя не ссушитъ лѣтній зной,
И льешь ты серебряныя слѣзы
Неистошимою струей.

Въ твоей груди, моя Россія,
Есть также тихій, свѣтлый ключъ!
Онъ также воды льетъ живыя,
Сокрыть, безвѣстенъ, но могучъ.
Не возмутятъ людскія страсти
Его кристальной глубины,
Какъ прежде холодъ чуждой власти
Не заковалъ его волны.
И онъ течетъ неизсякаемъ,

Какъ тайна жизни невидимъ,
И чистъ, и міру чуждъ, и знаемъ
Лишь Богу да Его святымъ!

Но водоема въ тѣсной чашѣ
Не вѣчно будетъ заключенъ,—
Нѣтъ, съ каждымъ днемъ живѣй и краше,
И глубже будетъ литься онъ.
И вѣрю я: тотъ часъ настанетъ,
Рѣка свой край перебѣжитъ,
На небо голубое взглянетъ
И небо все въ себѣ вмѣститъ.
Смотрите, какъ широко воды
Зеленымъ доломъ разлились,

Какъ къ берегу чуждые народы
Съ духовной жаждой собрались!
Смотрите! Мчатся черезъ волны
Съ богатствомъ мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли!
И солнце яркими огнями
Съ лазурной свѣтитъ вышины,
И осіянь весь міръ лучами
Любви, святости, тишины.

1835.

Любимое стихотвореніе К. С. Аксакова, бывшего студентомъ
Московского университета, когда оно написано.

Къ Е. Н. Полтавцовой.

Когда гляжу, какъ чисто и зеркально
Твое чело,
Какъ ясенъ взоръ,—мнѣ грустно и печально,
Мнѣ тяжело.

Ты знаешь ли, какъ глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдалъ безъ возврата
Я жизнь свою?

Когда умереть предъ хладной молнией взора
Любви мечта,
Не прогремать правдиваго укора
Мои уста,

Но пропою въ послѣднее прощанье
Я пѣснь одну:
Въ ней всю любовь, все горе, все страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша пѣснь какимъ огнемъ согрѣта
И какъ грустна,

Узнаетъ міръ, что въ ней душа поэта
Схоронена.

1836.

Эти стихи (какъ и слѣдующіе) вызваны любовью Хомякова къ Зинаидѣ Николаевнѣ, дочери Николая Петровича и Дарьи Алексѣевны Полтавцевыхъ. Это была семья, любившая словесность и искусства. Одна изъ дочерей, гр. Елисавета Николаевна Баранова, писала стихи, сестра ея, гр. Екатерина Николаевна Адлербергъ, много занималась музыкой. Онѣ жили въ Москвѣ въ своемъ Пашковскомъ домѣ, нынѣ Румянцовскій Музей. Преданіе передаетъ, что когда Хомякову было отказано въ сватовствѣ, онъ сдѣлался самъ не свой и съ непокрытою головою побѣжалъ домой. Она же такъ и кончила жизнь дѣвицею. Хомяковъ въ томъ же году женился на сестрѣ поэта Языкова, Екатеринѣ Михайловнѣ.

Благодарю тебя! Когда любовью нѣжно
Сіяли для меня лучи твоихъ очей,
Подъ игомъ сладостнымъ заснулъ въ груди мятежной
Порывъ души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взоръ суровый
На юнаго пѣвца съ холодностью упалъ,
Мой гордый духъ вскипѣлъ, и прежнія оковы
Я смѣло разорвалъ!

И шире мой полетъ, живѣе въ крыльяхъ сила;
Все въ груди тишина, все сердце расцвѣло;

И пѣсенъ благодать свѣжѣе осѣнила
Свободное чело!

Такъ, послѣ ярыхъ бурь, моря лазурнѣй, тише,
Благоуханнѣй лѣсъ, свѣжѣй долинь краса;
Такъ раненый слегка орель уходитъ выше
Въ родныя небеса!

1836.

Къ своей супругѣ.

Лампада поздня горѣла
Предъ сонной лѣнїю моею,
И ты взшла и тихо сѣла
Въ сліяньи мрака и лучей.

Головки русой очеркъ нѣжный
Въ тѣни скрывался, а чело—
Святыня думы безмятежной—
Бѣлѣло чисто и свѣтло.

Уста съ улыбкою спокойной,
Глаза съ лазурной ихъ красой:

Все чуднымъ миромъ, мыслью стройной,
Въ тебѣ сіяло предо мной.

Кругомъ—глубокое молчанье:
Казалось, это дивный сонъ,
И я глядѣлъ, ставъ дыханье,
Бояся, чтобъ не скрылся онъ.

Ушла ты,—солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но въ ней глубоко затаилась
Отъ солнца жаркая струя.

Ушла,—но, Боже, какъ звенѣли
Всѣ струны пламенной души,

Какую пѣсню въ ней запѣли
Онѣ въ полуночной тиши!

Какъ вдругъ, и молодо, и живо,
Вскипѣли силы прежнихъ лѣтъ,
И какъ вздрогнулъ нетерпѣливо,
Какъ вспрянулъ дремлющій поэтъ!

Какъ чистымъ пламенемъ искусства
Его зажглася голова,
Какъ сны, надежды, мысли, чувства
Слилися въ звучныя слова!

→ 85 ←

О, вѣрь мнѣ, сердце не обманеть:
Свѣтло звѣзда моя взошла,
И снова новый лучъ проглянетъ
На лавры гордаго чела.

Хомяковъ былъ женатъ съ Юли 1836 г. на Екатеринѣ Михайловнѣ Языковой, сестрѣ поэта.

О с т р о в ъ .

Островъ пышный, островъ чудный,
Ты краса подлунной всей,
Лучшій камень изумрудный
Въ голубомъ вѣнцѣ морей!
Грозный стражъ твоей свободы,
Сокрушитель чуждыхъ силъ,
Вкругъ тебя широко воды
Океанъ сѣдой разлилъ.
Онъ бездоненъ и просторенъ,
И враждуетъ онъ съ землей;
Но смирененъ, но покоренъ,
Онъ любитъся тобой:

Для тебя онъ укрощаетъ
Свой неистовый набѣгъ,
И ласкаясь обнимаетъ
Твой бѣлѣющійся берегъ.

Дочь любимая свободы *)
Благодатная земля,
Какъ кипятъ твои народы,
Какъ цвѣтутъ твои поля!
Какъ державно надъ волною
Ходитъ твой широкій флагъ!
Какъ кроваво надъ землею

*) Въ первыхъ изданіяхъ печаталось: природы.

Мечъ горитъ въ твоихъ рукахъ;
Какъ свѣтло вѣнецъ науки
Блещетъ надъ твоей главой,
Какъ высоки пѣсень звуки,
Міру брошенныхъ тобой!
Вся облита блескомъ злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекія державы,
Робко взоръ стремя къ тебѣ,
Ждутъ, какіе вновь уставы
Ты предпишешь ихъ судьбѣ.

Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,
Что тебѣ мірская слава
Выше Божьяго суда;
Но за то, что Церковь Божью
Святотатственной рукой
Приковала ты къ подножью
Власти суетной, земной;
Для тебя, морей царица,
День придетъ, и близокъ онъ,
Блескъ твой, злато, багряница,
Все пройдетъ, минетъ какъ сонъ!
Громъ въ рукахъ твоихъ остынетъ,

Перестанетъ мечъ сверкать,
И сыновъ твоихъ покинетъ
Мысли ясной благодать,
И забывъ твой флагъ державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграетъ своенравно
Моря шумная волна!

И другой странѣ смиренной,
Полной вѣры и чудесь,
Богъ отдастъ судьбу вселенной,
Громъ земли и гласъ небесъ....

1836.

На кончину двухъ первыхъ дѣтей.

Бывало, въ глубокой полуночный часъ,
Малютки, приду любоваться на васъ;
Бывало, люблю васъ крестомъ знаменать,
Молиться, да будетъ на васъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

Стеречь умиленно вашъ дѣтскій покой,
Подумать о томъ, какъ вы чисты душой,

Надѣяться долгихъ и счастливыхъ дней,
Для васъ, беззаботныхъ и милыхъ дѣтей,
Какъ сладко, какъ радостно было!

Теперь прихожу я: вездѣ темнота,
Нѣтъ въ комнатѣ жизни, кроватка пуста,
Въ лампадѣ погасъ предъ иконою свѣтъ....
Мнѣ грустно, малютокъ моихъ уже нѣтъ!
И сердце такъ больно сожмется!

О дѣти, въ глубокой полуночный часъ,
Молитесь о томъ, кто молился о васъ,

О томъ, кто любилъ васъ крестомъ знаменать,—
Молитесь, да будетъ и съ нимъ благодать,
Любовь Вседержителя Бога.

1838.

Англійскій пасторъ перевелъ эти стихи по англійски, и они послужили поводомъ къ личному сближенію Хомякова съ дьякономъ Пальмеромъ, долгіе годы трудившимся для соединенія нашей церкви съ Англиканскою.

М и л ь к ъ е в у .

Не вѣрь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебѣ,
Что ты забыть, не понять нами,
Что брошенъ въ жертву злой судьбѣ.

Твоей молитвы гимнъ прекрасный,
Твоихъ страданій тихій гласъ,
Все жизнью свѣтлой, мыслью ясной,
Чаруя оживило насъ.

Ты пѣлъ,—и Обь, Иртышъ и Лена
Въ степяхъ вилися предо мной;

Бѣлѣла ихъ сѣдая пѣна,
Лѣса чернѣли надъ волной.

Ты пѣлъ,—и подъ крыломъ бурана
Гудѣла степь и гнулся боръ.
И, прорѣвая зыбь тумана,
Росли вершины снѣжныхъ горъ;

Вставалъ Алтай, весь полонъ злата,
И тайны, и видѣній полнъ...
А пѣснь твоя звучала свято,
Прекраснѣй горъ, степей и волнъ.

→ 96 ←

Ты нашъ, ты нашъ! По сердцу братья
Тебѣ нашлись. Тебя зовутъ
И дружбы теплыя объять,
И Музамъ сладостный пріютъ.

1839.

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.

Слава, Кіевъ многовѣчный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко пѣсни раздалися,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ...
„Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклонъ?“

— „Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ—краса степей“.—

„Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!“—

„Край мой—теплый берегъ Эвксина!“—
„Край мой-берегъ тѣхъ дальнихъ странъ,
Гдѣ одна сплошная льдина
Оковала океанъ“.—

„Дикъ и страшень верхъ Алтая,
Вѣченъ блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!“—
„Мнѣ отчизна старый Псковъ“.—

„Я отъ Ладоги холодной“,—
„Я отъ синихъ волнъ Невы“,—
„Я отъ Камы многоводной“,—
„Я отъ матушки-Москвы“.

Слава, Днѣпръ, сѣдя волны!
Слава, Кіевъ, чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.

Знаемъ мы: въ вѣка были,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснулъ Россіи
Солнца вѣчнаго Востокъ.

И теперь изъ странъ далекихъ,
Изъ невѣдомыхъ степей,
Отъ полночныхъ рѣкъ глубокихъ—
Полкъ молящихся дѣтей,—

Мы вокругъ твоей святыни,
Всѣ съ любовью собраны...
Братцы, гдѣ-жъ сыны Воляни?
Галичъ, гдѣ твои сыны?

Горе, горе! Ихъ спалили
Польши дикіе костры,
Ихъ сманили, ихъ плѣнили
Польши шумные пиры.

Мечъ и леть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ;
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими править чуждый гласъ.

Пробудися, Кіевъ, снова!
Падшихъ чадъ своихъ зови!
Сладокъ гласъ отца роднова,
Зовъ моленья и любви.

И отгорженныя дѣти,
Лишь услышать твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,

Снова, какъ во время бно,
Успокоиться придуть
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.

И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни
Возрожденные тобой!

1839.

Послѣднія строфы относятся къ воссоединенію Уніатовъ съ
равославною церковью.

В и д ѣ н і е.

Какъ темнота широко воцарилась!
Какъ замеръ шумъ деннаго бытія!
Какъ сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь міръ лежитъ въ торжественномъ покоѣ,
Увитый сномъ и дивной тишиной;
И хоры звѣздъ, какъ празднество ночное,
Свои пути свершаютъ надъ землей.
Что пронеслось какъ вешнее дыханье?
Что надъ мной такъ быстро протекло?
И что за звукъ, какъ арфы содроганье,
Какъ лебедя звенящее крыло?

Вдругъ свѣтъ блеснулъ, полнеба распахнулось.
Я задрожалъ, безмолвный, чуть дыша....
О, передъ кѣмъ ты, сердце вострепнулось?
Кого ты ждешь?—скажи, моя душа!

Ты здѣсь, ты здѣсь, владыка пѣснопѣній,
Прекрасный царь моей молодой мечты!
Небесный другъ, мой благодатный геній,
Опять, опять ко мнѣ явился ты!
Все та-жъ весна ланиты оживленной,
И тотъ же блескъ твоихъ эфирныхъ крылъ,
И тѣ-жъ уста съ улыбкой вдохновенной,
Все тотъ же ты. Но ты не то, что былъ.

Ты долго жилъ въ лазурномъ томъ просторѣ,
И на челѣ остался лучъ небесъ;
И цѣлый міръ въ твоёмъ глубокомъ взорѣ,
Міръ ясныхъ думъ и творческихъ чудесъ.
Прекраснѣе, и глубже, и звучнѣе
Твоихъ рѣчей пѣвучая волна,
И крѣпкій станъ подымлетъ смѣлѣе,
И звонкихъ крылъ грознѣе ширина.

Передъ тобой съ волненьемъ тайнымъ страха
Сливается волненіе любви.
Склонись ко мнѣ, возьми меня изъ праха,
По прежнему мечты благослови!

По прежнему ээирнымъ дуновеньемъ,
Небесный братъ, коснись главы моей,
Всю грудь мою наполни вдохновеньемъ,
Земную мглу отъ глазъ моихъ отвѣй!

И полный силъ, торжественный и мирный,
Я возстаю надъ бездной бытія...
Проснись, тимпанъ! Проснись, голосъ лирный!
Въ моей душѣ проснись, пѣснь моя!
Внемлите мнѣ, вы страждущіе люди;
Вы, сильные, склоните робкій слухъ;
Вы, мертвыя и каменные груди,
Услыша пѣснь, примите жизни духъ!

1840.

Р о с с и и.

„Гордись!“ тебѣ льстецы сказали:
„Земля съ увѣнчаннымъ челомъ,
„Земля несокрушимой стали
„Полмира взявшая мечомъ!
„Предѣловъ нѣтъ твоимъ владѣньямъ,
„И прихотей твоихъ раба,
„Внимаетъ гордымъ повелѣньямъ
„Тебѣ покорная судьба.
„Красны степей твоихъ уборы,
„И горы въ небо уперлись,

„И какъ моря твои озера...“
Не вѣрь, не слушай, не гордись!

Пусть рѣкъ твоихъ глубоки волны,
Какъ волны синія морей,
И нѣдра горъ алмазовъ полны,
И хлѣбомъ пышенъ тукъ степей;
Пусть предъ твоимъ державнымъ блескомъ
Народы робко клонять взоръ,
И семь морей немолчнымъ плескомъ
Тебѣ поютъ хвалебный хоръ;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись:

Всей этой силой, этой славой,
Всѣмъ этимъ прахомъ не гордись!

Грознѣй тебя былъ Римъ великой,
Царь семихолмнаго хребта,
Желѣзныхъ силъ и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпимъ былъ огонь булата
Въ рукахъ Алтайскихъ дикарей,
И вся зарылась въ груди злата
Царица западныхъ морей.
И что же Римъ? и гдѣ Монголы?
И скрывъ въ груди предсмертный стонъ,

Куетъ безсильныя крамолы,
Дрожа надъ бездной Альбионъ!

Безплоденъ всякой духъ гордыни,
Невѣрно злато, сталь хрупка:
Но крѣпокъ ясный міръ святыни,
Сильна молящихся рука!

И вотъ, за то, что ты смиренна,
Что въ чувствѣ дѣтской простоты,
Въ молчаньи сердца сокровенна,
Глаголь Творца пріяла ты,—
Тебѣ Онъ далъ твое призванье,
Тебѣ Онъ свѣтлый далъ удѣлъ:

Хранить для міра достоянье
Высокихъ жертвъ и чистыхъ дѣлъ;
Хранить племень святое братство,
Любви живительной сосудъ,
И вѣры пламенной богатство,
И правду, и безкровный судъ.

Твое все то, чѣмъ духъ святится,
Въ чемъ сердцу слышенъ гласъ небесъ,
Въ чемъ жизнь грядущихъ дней таится,
Начало славы и чудесь!....

О, вспомни свой удѣлъ высокой,
Былое въ сердце воскреси,

И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему—и всѣ народы
Обнявъ любовію своей,
Скажи имъ таинство свободы,
Сіянье вѣры имъ пролей;
И станешь въ славу ты чудесной
Превыше всѣхъ земныхъ сыновъ,
Какъ этотъ синій сводъ небесный
Прозрачный Вышняго покровъ!

1839.

Писано послѣ Бородинскихъ маневровъ, на которыхъ императоръ Николай Павловичъ, въ присутствіи иностранцевъ, предъ-
являлъ мощь Россіи.

7 Н о я б р я 1840.

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гробъ на сіяніе дня,
Въ насъ сердце сжалось отъ страха:
Казалось, лишь тронемъ свинецъ гробовой,
Лишь дерзко подыmemъ преступной рукой
Покровъ съ могучаго праха,—

Сердитыя волны вскипають на моряхъ,
Сердитыя тучи взбѣгутъ въ небесахъ,
И вихрь среди знойнаго поля!
И снова польется потоками кровь,

И, вставши, всю землю потребуеть вновь
Боець—желѣзная воля!

Мы сняли покровы... Глядимъ—небеса
Спокойны, безмволны поля и лѣса,
И тихи зеркальня волны!
И все озлатилось вечернимъ лучомъ,
И мы вокругъ могилы стоимъ и живемъ,
И силъ, и юности полны!

А онъ недвижимъ, онъ—гремящій въ вѣкахъ,
Онъ, сжавшій всю землю въ орлиныхъ когтяхъ,
Мужъ силы, молнія брани!
Уста властелина на вѣки молчатъ,

И смертью закрыть повелительный взгляд,
И смертью скованы длани.

И снова скрѣпляя свинецъ роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой

Его доску гробовую:

Какъ будто сложили подъ вѣчный покровъ
Всю силу души и всю славу вѣковъ,
И всю гордыню людскую.

1841.

На перенесеніе Наполеонова праха.

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчатъ;
Въ безграничномъ ихъ просторѣ
Мчится весело фрегатъ.

Молнѣи сизыя трепещуть,
Бури дикія шумятъ,
Волны бьются, волны плещуть:
Мчится весело фрегатъ.

Дни текутъ; на ризахъ ночи
Звѣзды южныя зажглись;

Мореходцевъ жадны очи
Въ даль завѣтную впились.

Берегъ! берегъ! Передъ ними
Къ небу синему взошла
Надъ пучинами морскими
Одинокая скала.

Здѣсь онъ! Здѣсь его могила
Въ дикихъ вырота скалахъ:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прахъ.

Здѣсь страдалъ онъ въ ссылкѣ душевной,
Молней внутренней сожженъ,

Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомленъ.

Вырывайте-жь бренно тѣло,
И чрезъ бурный океанъ
Пусть фрегатъ вашъ мчится смѣло,
Съ новой данью южныхъ странъ!

Онъ придетъ, онъ въ пристань станетъ,
Онъ своей хранимъ судьбой;
Слыша вѣсть о васъ, воспрянетъ
Встрѣтить пепель дорогой,—

Съ шумомъ буйныхъ ликованій,
Поздней ревности полна.

Въ дни несчастья, въ дни страданій
Иамънившая страна!

Было время, были годы,—
Этотъ прахъ былъ богъ земли:
Взглянетъ онъ—дрожать народы,
Войска движутся вдали.

А пойдетъ онъ, строгій, блѣдный,
Словно памятникъ живой,—
Подъ его стопою мѣдной
Содрогнется шаръ земной;

Въ полѣ вспыхнетъ буря злая,
Вспыхнутъ громы на моряхъ,

И ложатся, умирая,
Люди въ кровь и царства въ прахъ!
И въ тѣ дни своей гордыни
Онъ пришелъ къ Москвѣ святой...
Но спалилъ огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайте-жъ тѣло бренно
Въ тихій, темный, вѣчный домъ,
И обрядъ мольбы смиренной
Совершите надъ вождемъ.

Пусть изъ мѣди, пусть изъ злата,
Камней, красокъ и рѣзбы,

Встанетъ памятникъ богатый
Той неслыханной судьбы!

Пусть надъ перстью благородной
Громомещущей главы
Блещетъ саванъ зимъ холодный,
Пламя жаркое Москвы;

И не мечъ, не штыкъ трехгранный,
А въ вѣнцѣ полночныхъ звѣздъ—
Усмиритель бури бранной—
Наша сила, Русскій крестъ!

Пусть, когда въ земное лоно
Пренесенъ чрезъ бездну водъ,

Бѣдный прахъ Наполеона,
Тлѣнью отданный, заснетъ,—

Передъ сномъ его могилы
Скажетъ мѣръ, склонясь главой:
Нѣтъ могущества, ни силы,
Нѣтъ величья подъ луной.

1841.

Строфы 8 и 9-я опровергаются рассказомъ графини М. Д. Нессельроде о томъ равнодушіи, съ какимъ Парижане встрѣтили привезенный къ нимъ прахъ Наполеона.

Еще о немъ.

III
Не сила народовъ тебя подняла,
Не воля чужая вѣнчала:
Ты мыслилъ и властвовалъ, жилъ, побѣждалъ.
Ты землю желѣзной стопой попиралъ,
Главу самозданнымъ вѣнцомъ увѣнчалъ,
Помазанникъ собственной силы!

Не сила народовъ повергла тебя,
Не всталъ тебѣ ровный соперникъ;
Но Тотъ, Кто предѣлы морямъ положилъ,
Въ побѣдномъ бою твой булатъ сокрушилъ,

Въ пожарѣ святомъ твой вѣнецъ растопилъ
И снѣгомъ засыпалъ дружины.

Скатилась звѣзда съ омраченныхъ небесъ.

Величье земное во прахъ!...

Скажите, не утро-ль съ Востока встаетъ?

Не новая-ль жатва надъ прахомъ растеть?

Скажите!.... Миръ жадно и трепетно ждетъ

Властительной мысли и слова!...

1841.

Nachtstück.

Вчерашняя ночь была такъ свѣтла,
Вчерашняя ночь всѣ звѣзды зажгла
Такъ ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющій лѣсъ,
На воды, блестящія блескомъ небесъ,
Я думалъ: о, жить въ этомъ мѣрѣ чудесъ
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна, въ одеждѣ зеленыхъ вѣтвей,
Дубрава;

Прекрасна любовь съ вѣчно-свѣжимъ вѣнкомъ,
И дружбы звѣзда съ неизмѣннымъ лучомъ,
И пѣсень восторгъ съ озареннымъ челомъ,
И слава!

Взглянулъ я на небо—тамъ твердь ясна:
Высоко, высоко восходить она
Надъ бездной;

Тамъ звѣзды живыя катятся въ огнѣ....
И дѣтское чувство проснулось во мнѣ,
И думалъ я: лучше намъ въ той вышиѣ
Надзвѣздной!

1841.

Сумракъ вечерній тихо возшель,
Мѣсяць двурогій звѣзды повель
Въ лазурномъ просторѣ:
Время покоя, любви, тишины,
Воздухъ и небо сіянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно; берегъ далекъ,
Какъ очарованъ спитъ мой челнокъ,
Упали вѣтрила.

Небо, какъ море, лежитъ надо мной,
Море, какъ небо, блеститъ синевою,
Въ безднѣ небесной и безднѣ морской
Все тѣ-же свѣтила.

О, чтобы въ душу вошла тишина!
О, чтобы рѣже смущалась она
Земными мечтами!

Лучше, чѣмъ въ лонѣ лазурныхъ морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вѣчное небо глядѣлось бы въ ней
Со всѣми звѣздами!

1841.

Richterspruch—Ritterspruch *).

Ты вихремъ летишь на конѣ боевомъ
Съ дружиной твоей удалю,—
И врагъ побѣжденный упалъ подъ конемъ,
И плѣнный лежитъ предъ тобою,

Сойдешь ли съ коня ты? Поднимешь ли мечъ?
Сорвешь ли безсильную голову съ плечъ?

*.) Приговоръ судьи—приговоръ рыцаря.

Пусть бился онъ съ дикимъ неистовствомъ брани,
По градамъ и селамъ пожары простеръ,—

Теперь онъ подѣмлетъ молящія длани:
Убьешь ли? О стыдъ и позоръ!
А если васъ много, убьете ли вы
Того, кто охваченъ цѣпями,

Кто стоптанный въ прахъ, молящей главы
Не смѣетъ поднять передъ вами?
Пусть духъ его черенъ какъ мракъ гробовой,
Пусть сердце въ немъ подло какъ червь гноевой,

Пусть кровью, разбоемъ онъ весь знаменованъ;
Теперь онъ безсиленъ, угасъ его взоръ,
Онъ властію связанъ, онъ ужасомъ скованъ...
Убьете-ль? О стыдъ и позоръ!

1841.

Этими стихами Хомяковъ призываетъ милосердіе правительства къ Польскимъ заговорщикамъ (Конарскій и его сообщники). Въ Москвѣ рассказывали про князя Т., облеченнаго властію въ одной изъ Западныхъ губерній, что онъ приказывалъ класть острые гвозди въ подушки захваченныхъ Поляковъ.

Д а в и д ъ.

Швецъ-пастухъ на подвигъ ратный
Не бралъ ни тяжкаго меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни латъ съ Саулова плеча;
Но духомъ Божьимъ осѣненный,
Онъ въ поле бралъ камень простой,
И падалъ врагъ иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.
И ты,—когда на битву съ ложью
Возстанетъ правда думъ святыхъ,—
Не налагай на правду Божью
Гнилую тягость латъ земныхъ,

Доспѣхъ Саула—ей окова,
Ей царскій тягостенъ шеломъ:
Ея оружье—Божье слово,
А Божье слово—Божій громъ!

1844.

На Московскаго митрополита Филарета, когда тотъ, въ борьбѣ съ старообрядчествомъ, прибѣгалъ къ полицейской власти, въ чемъ иногда и раскаивался: такъ однажды онъ перервалъ докладъ одного священника, рѣко отзывавшагося о старообрядцахъ, словами: «Погоди, погоди; вѣдь если бы не они, у насъ, пожалуй, господствующимъ вѣроисповѣданіемъ сдѣлалось бы Лютеранство». Самолюбивый владыка въ одномъ письмѣ къ архиман. Антонію употребляетъ выраженіе: «Сумудріе г-на Хомякова»; но поэтъ высоко цтилъ его.

Не говорите: „то былое,
То старина, то грѣхъ отцовъ:
А наше племя молодое
Не знаетъ старыхъ тѣхъ грѣховъ“.
Нѣтъ! этотъ грѣхъ—онъ вѣчно съ вами
Онъ въ вашихъ жилахъ и крови;
Онъ сросся съ вашими сердцами,—
Сердцами, мертвыми къ любви.

Молитесь, кайтесь, къ небу длани!
За всѣ грѣхи бывшихъ временъ,

За ваши Каинскія брани
Еще съ младенческихъ пеленъ;
За слезы страшной той години,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждыя дружины
На гибель Русской стороны;
За рабство вѣковому плѣну,
За робость предъ мечомъ Литвы,
За Новградъ и его камѣну,
За двоедушіе Москвы;
За стыдъ и скорбь святой царицы,*)
За узаконенный развратъ.

*) Соломонія Сабуровой. П. Б.

За грѣхъ царя-святоубійцы,
За разоренный Новоградъ;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыдъ его дѣтей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бѣшеныхъ страстей;
За слѣпоту, за злодѣянья,
За сонъ умовъ, за хладъ сердець,
За гордость темнаго незнанья,
За плѣнь народа; наконецъ,
За то, что, полные томленья,
Въ слѣпой сомнѣнія тоскѣ.
Пошли просить вы исцѣленья

Не у Того, въ Его-жь рукъ
И блескъ побѣдъ, и счастье мира,
И огонь любви, и свѣтъ умовъ,—
Но у бездушнаго кумира,
У мертвыхъ и слѣпыхъ боговъ!
И обуявъ въ чаду гордыни,
Хмѣльные мудростью земной,
Вы отrekliсь отъ всей святыни,
Отъ сердца стороны родной!
За все, за всякія страданья,
За всякій поправный законъ,
За темныя отцовъ дѣянья,
За темный грѣхъ своихъ временъ,

За всѣ бѣды роднаго края,—
Предъ Богомъ благости и силъ,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтобъ Онъ простилъ, чтобъ Онъ простилъ!

1846.

Въ альбомъ В. В. Ганкѣ.

«Когда-то я просилъ Бога о Россіи и говорилъ:

„**Г**де дай ей рабакаго смиренья,
Не дай ей гордости слѣпой,
И духъ мертвящій, духъ сомнѣнья
Въ ней духомъ жизни успокой“.

Эта же молитва у меня для всѣхъ Славянъ. Если не будетъ сомнѣнья въ насъ, то будетъ успѣхъ. Сила въ насъ будетъ, только бы не забывалось братство. Что я это могъ записать въ книгѣ вашей, будетъ мнѣ всегда помниться, какъ истинное счастье.

А. Хомяковъ.

Прага, 1847 года,
19 Іюля.

Беззвѣдная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя подь окномъ;
О Прагъ я съ грустною думалъ отрадой,
О Прагъ мечталъ, забываясь сномъ.

Мнѣ снилось—лечу я: орель сизокрылый
Давно и давно бы въ полетъ отсталъ,
А я, увлекаемъ невидимой силой,
Все выше и выше взлеталъ.

И съ неба картину я зрѣлъ величаву:
Въ убранствѣ и блескѣ весь Западный край,

Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящій и синій Дунай.

И Прагу я видѣлъ, и Прага сіяла,
Сіялъ златоверхій на Петшинѣ храмъ,
Молитва Славянская громко звучала
Въ напѣвахъ, знакомыхъ минувшимъ вѣкамъ.

И въ старой одеждѣ Святаго Кирилла
Епископъ на Петшинѣ всходилъ,
И слѣдомъ валила народная сила,
И воздухъ былъ полонъ куреньемъ кадилъ.

→ 142 ←

И клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

1847.

И. В. Кирѣевскому.

Ты сказалъ намъ: „За волною
Вашихъ мысленныхъ морей—
Есть земля: надъ той землею
Блещетъ дивной красотою
Новой мысли Эмпирей“.

Распусти-жь свой парусъ бѣлый—
Лебединое крыло,—
И стремися въ тѣ предѣлы,
Гдѣ тебѣ, нашъ путникъ смѣлый
Солнце новое взошло!

→ 144 ←

И съ богатствомъ многоцѣннымъ
Возвратившись снова къ намъ,
Дай покой душамъ смятеннымъ,
Крѣпость волямъ утомленнымъ,
Пищу алчущимъ сердцамъ!

1848.

Надпись къ картинѣ.

(Ангелъ спасаетъ двѣ души отъ Сатаны).

М видѣлъ, какъ посланникъ рая
Души двѣ въ небо уносилъ, —
И та прекрасна, и другая;
Но образъ ихъ различенъ былъ:

Одна небесъ не забывала,
Но и земное все познала, —
И пыль земли на ней легла;

→ 146 ←

Другая чуть земли коснулась,
И отъ земли ужъ отвернулась,
И для безсмертья сберегла
Всю прелесть юнаго чела.

1848.

Сербская пѣсня.

Гаснетъ мѣсяцъ на Стамбулѣ,
Всходитъ солнышко свѣтло,
У Маджаръ и Турки злова
Никнетъ гордое чело.

Спишь ли ты, нашъ королевичъ?
Посмотри-ка, твой народъ
Расходился, словно волны,
Что ломають вешній ледъ!

Спишь ли, спишь ли, королевичъ?
Посмотри-ка, въ чьихъ рукахъ

Блещуть копья и пищали
На Дунайских берегахъ!
Слушай! Трубы загремѣли,
Бьетъ въ раскатахъ барабанъ,
Сербы съ горь текутъ, какъ рѣки,
Кроютъ поле, какъ туманъ.
Просыпайся, королевичъ!
Знать, великій часъ насталь:
У твоей могилы темной
Богатырскій конь заржалъ...

1849.

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночью,
Москва ждала, и часъ святой насталь:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталь.

Пѣвучіе, серебряные громы
Сказали вѣсть святаго торжества,
И слыша гласъ, ея дупіѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.

Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и; вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поётъ,—

Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
Смиряются-ль кичливые умы?

Откроемъ ли радушныя объятя
Для страждущихъ, для меньшей брати всей?

Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

1849.

Въ этотъ годъ вся почти императорская фамилія, въ сопровожденія придворныхъ и многихъ служебныхъ лицъ, переѣхала въ Москву (железная дорога еще не ходила) и прогостила въ ней около мѣсяца. Освященъ былъ вновь воздвигнутый Кремлевскій Большой дворецъ. Въ дни великаго поста готовились къ разнаго рода празднествамъ. У графа Закревскаго состоялись живыя картины, и Страстная недѣля проведена была въ большой суетѣ. Хомяковъ зналъ, что готовился походъ для спасенія Австрійскихъ Славянъ отъ Венгерскаго порабоженія и что раскрыпощеніе помѣщичьихъ крестьянъ съ землею было завѣтною мыслию императора Николая Павловича.

Навуходоносоръ.

Мойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипятъ свободный трудъ!

Вавилона царь суровый
Былъ богатъ и былъ силенъ;
Въ неразрывныя оковы
Заковалъ онъ нашъ Сіонъ.

Онъ губилъ ожесточенно
Наши вѣчныя права:

Слово—Божій даръ священный,
Разумъ—лучъ отъ Божества.

Милость Бога забывая,
Говорилъ онъ: все творять
Мой булатъ, моя десная,
Царскій умъ мой, царскій взглядъ!

Надъ равнинами Деира
Онъ создалъ себѣ кумирь,
И у ногъ того кумира
Пироваль безбожный пиръ.

Но отмстилъ ему Іегова!
Казнью жизньъ ему сама:

Бродить нѣмъ губитель слова,
Траву щиплетъ врагъ ума!

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый вошь,
Не глядя на міръ надземный,
Онъ обходить злачный доль...

Ты скажи намъ, царь надменный,
Живъ ли Мстящій за Сіонъ?..
Но покайся, но смиренно
Полюби Его законъ,

Духъ свободы, святость слова,
Святость мысленныхъ даровъ,

И простить тебя Іегова
Отъ невидимыхъ оковъ:
Снова на престолъ великій
Возведетъ тебя царемъ
И земной вѣнецъ владыки
Освятить Своимъ вѣнцомъ.
Пойте, други, пѣснь побѣды!
Пойте! Снова потекутъ
Наши вольныя бесѣды,
Закипитъ свободный трудъ!

1849.

Писано не ранѣе второй половины 1849 года, когда, вѣрный
Священному Союзу, императоръ Николай Павловичъ, спасши

Австрію отъ распадѣнія, возмнилъ себя властителемъ Европы, а у себя въ Россіи началъ опасаться проявленій словесной и умственной свободы: Греческій языкъ упраздненъ былъ въ гимназіяхъ, дабы знаніе его не повело къ знакомству съ Греческими республиками, университеты полузакрыты, а въ Москвѣ полиція вела списки лицъ, посѣщавшихъ Хомякова.

Стихи эти долгое время были немногимъ лицамъ извѣстны. Я спросилъ Хомякова, кто ихъ написалъ. «Графъ Блудовъ», отвѣчалъ онъ, и въ этомъ отвѣтѣ для знавшихъ графа Д. Н. Блудова отзывалась веселая шутка. П. Б.

„Мы—родъ избранный“, говорили
Сіона дѣти въ старину:

„Намъ Божьи громы осушили
„Морей волнистыхъ глубину“.

„Для насъ Синай одѣлся въ пламя,
„Дрожала горъ кремнистыхъ грудь,
„И дымъ и огонь, какъ Божье знамя,
„Въ пустыняхъ намъ казали путь“.

„Намъ камень лилъ воды потоки,
„Дождили манной небеса;
„Для насъ законъ, у насъ пророки,
„Въ насъ Божьей силы чудеса!“

Не терпитъ Богъ людской гордыни,
Не съ тѣми Онъ, кто говорить:
„Мы—соль земли, мы—столбъ святыни,
„Мы—Божій мечъ, мы—Божій щитъ!“

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечеть рабскимъ языкомъ,
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою нѣмъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія.

Онъ съ тѣмъ, кто гордости лукавой
Въ слова смиренья не рядилъ,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиромъ не творилъ.

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возносить еиміамъ;
Онъ съ тѣмъ, кто всё зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

1851.

Воскресеніе Лазаря.

О Царь и Богъ мой! Слово силы
Во время оно Ты сказалъ,—
И сокрушенъ былъ плѣнь могилы,
И Лазарь ожилъ и возсталъ.

Молю, да слово силы грянетъ,
Да скажешь: „встань!“ душѣ моей,—
И мертвая изъ гроба встанетъ,
И выйдетъ въ свѣтъ Твоихъ лучей;

И оживетъ, и величавый
Ея хвалы раздастся гласъ,

→ 161 ←

Тебѣ—сіяню Отчей славы,
Тебѣ—умершему за насъ!

1853.

Первые по кончинѣ супруги (Январь 1852) стихи. Хомяковъ прочелъ ихъ пишущему эти строки, отправляясь вмѣстѣ съ нимъ къ заутренѣ въ Лазареву Субботу. Слишкомъ годъ онъ не писалъ стиховъ.

Вечерняя пѣснь.

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходятъ къ ночлегу стада,
Чуть шевелятся лѣсныя вершины,
Чуть шевелится вода.

Вѣтеръ приноситъ прохладу ночную,
Тихою славой горять небеса.
Братья, оставимъ работу дневную,
Въ пѣсню сольемъ голоса:

„Ночь на восходѣ съ вечерней звѣздой,
„Тихо сияетъ струей золотою
„Западный край“.

„Господи! Путь нашъ межъ камней и терній,
„Путь нашъ во мракѣ: Ты—свѣтъ невечерній—
„Насъ осіяй!“

„Въ мглѣ полунощной, въ полуденномъ зноѣ,
„Въ скорби и радости, въ сладкомъ покоѣ,
„Въ тяжелой борьбѣ“.

„Всюду сіяніе Солнца Святаго,
„Божія Мудрость, и Сила, и Слово...
„Слава Тебѣ!“

1852.

Не гордись передъ Бѣлградомъ,
Прага, Чешскихъ странъ глава!
Не гордись предъ Вышеградомъ,
Златоверхая Москва!

Вспомнимъ: мы—родные братья,
Дѣти матери одной,
Братьямъ—братскія объятя,
Къ груди грудь, рука съ рукой!

Не гордися силой длани
Тотъ, кто въ битвѣ устоялъ;
Не скорби—кто въ долгой брани
Подъ грозой судьбины палъ!

Испытанья время строго;
Тотъ, кто палъ, возстанеть вновь:
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь!
Пронесется мракъ ненастный,
И ожидаемый давно
Восіяетъ день прекрасный,
Братья станутъ за одно:
Всѣ велики, всѣ свободны,
На враговъ — побѣдный строй,
Полны мыслью благородной
Крѣпки вѣрою одной!

1852.

З в ѣ з д ы.

Въ часъ полночный, близъ потока.
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.

Ночи вѣчныя лампы,
Невидимы въ блескъ дня,
Стройно ходять тамъ громады
Негасимаго огня.

Но впивайся въ нихъ очами—
И увидишь, что вдали,

За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.

Вновь взглядишь—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горять.

Въ часъ полночнаго молчанья,
Отгнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ,—

И въ объемъ книги тѣсной
Развернется предъ тобой

Безконечный сводъ небесный
Съ лучезарною красой.

Узришь—звѣзды мыслей водятъ
Тайный хоръ свой вокругъ земли;
Вновь взглядишь— другія всходятъ,
Вновь взглядишь, и тамъ, вдали,

Звѣзды мыслей, тьмы за тьмами,
Всходятъ, всходятъ безъ числа,
И зажжется ихъ огнями
Сердца дремлющая мгла.

1853.

Вставайте! Оковы распались
Проржавѣла старая цѣпь!
Ужь Нилъ и Ливанъ взволновались,
Проснулася Сирійская степь!

Вставайте, Славянскіе братья,
Болгаринъ, и Сѣрбъ, и Хорватъ!
Скорѣ другъ къ другу въ объятъя,
Скорѣй за отцовскій булатъ!

Скажите: „Намъ въ старыя годы
„Въ наслѣдство Господь даровалъ
„И степи, и быстрыя воды,
„И лѣсъ, и ущелія скаль!“

Скажите: „Мы люди свободны,—
„Да будетъ свободна земля,
„И горы, и глуби подводны,
„И доли, и лѣсъ, и поля!

„Мы вольны, мы къ битвѣ готовы,
„И подвигъ нашъ честенъ и святъ:
„Намъ Богъ разрываетъ оковы,
„Намъ Богъ закаляетъ булатъ!“

Смотрите, какъ мракъ убѣгаетъ,
Какъ мѣсяцъ двурогій угасъ!
Смотрите, какъ небо сіяетъ
Въ торжественный утренній часъ!

→ 171 ←

Какъ ярки и радости полны
Свѣтила грядущихъ вѣковъ!...
Вскипите-жь, Славянскія волны!
Проснитесь, гнѣзда орловъ!

1853.

Маль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Цѣлый міръ кругомъ храпять,
А отъ думъ неугомонныхъ
Вашъ тревожный умъ не спитъ.
Бродить, ищеть, рѣчь заводить
Съ тѣмъ, съ другимъ: все прока нѣтъ!
Тотъ глазами чуть поводитъ,
Тотъ сквозь сонъ кивнетъ отвѣтъ.
Вотъ, оставивъ братьевъ спящихъ,
Вы ведете въ тѣмъ ночной,
Не смыкая вѣждъ горящихъ,
Думу долгую съ собой.

И надумались: и снова
Мысли бурныя кипятъ,
Будите того, другаго....
Всѣ киваютъ и молчатъ.
Вы волнуетесь, горите,
Въ сердцѣ горечь, въ слухъ звонъ....
А кругомъ-то поглядите,
Какъ отраденъ мирный сонъ!
Жаль мнѣ васъ, людей безсонныхъ!
Ужъ не лучше ли заснуть,
И отъ думъ неугомонныхъ
Хоть на время отдохнуть?

1853.

Какъ часто во мнѣ пробуждалась
Душа отъ лѣниваго сна,
Просилася людямъ и братьямъ
Сказаться словами она!

Какъ часто, о Боже, рвалася
Вѣщать Твою волю землѣ,
Да свѣтъ осіяетъ разумный
Безумцевъ, бродящихъ во мглѣ!

Какъ часто, безильемъ томимый,
Съ глубокой и тяжелой тоской,
Молилъ Тебя дать имъ пророка
Съ горячей и крѣпкой душой!

Молилъ Тебя, въ часъ полуночи,
Пророку дать силу рѣчей,
Чтобъ міръ оглашалъ онъ далеко
Глаголами правды Твоей!

Молилъ Тебя съ плачемъ и стономъ,
Во прахъ простерть предъ Тобой,
Дать міру и уши и сердце
Для слушанья рѣчи святой!

1854.

О ночной колѣнопреклонной молитвѣ Хомякова записано Ю. Ф. Самаринымъ (См. «Татевскій Сборникъ»). Хомяковъ считалъ эти стихи «самыми личными» изъ всѣхъ имъ писанныхъ.

Судъ Божій.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь на праведный судъ,
„Сбирайтесь къ Востоку народы!“
И слѣпо свершая назначенный трудъ,
Народы земными путями текутъ,
Спѣшать черезъ бурныя воды.

Спѣшать и, кровавый предчувствуя споръ,
Смятеня, волненія полны,
Сбираются,—грозный, гремящій соборъ,—
На Черное море, на синій Босфоръ.
И ропщутъ и пѣнятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнемъ,
Несутся суда—и надъ ними:
Двуглавый орель съ одноглавымъ орломъ,
И скачущій левъ съ однорогимъ конемъ,
И флагъ подъ звѣздами ночными.

Гласъ Божій: „Сбирайтесь изъ дальнихъ сторонъ!
„Великое время приспѣло
„Для тризны кровавой, большихъ похоронъ:
„Мой судъ совершится, Мой часъ положень,—
„Въ сраженья бросайтесь смѣло!“
„За вѣру безвѣрную, лесть и развратъ,
„За гордость Царьграда слѣпую—

„Отману я даль сокрушительный млатъ,
„Громовыя стрѣлы и острый булатъ,
„И силу коварную, злую“.

„Грозою для міра былъ страшный боець,
„Былъ карой Восточному краю;
„Но слышу Я стоны смиренныхъ сердець,
„Ломаю престоль и срываю вѣнецъ,
„И Мой бичъ вѣковой сокрушаю!“

Народы собрались изъ дальнихъ сторонъ,
Волнуются берегъ и море.
Безумной борьбою весь міръ потрясень,

→ 179 ←

И стонъ надъ землею, и на морѣ стонъ,
И плачь, и кровавое горе.

Твой судъ совершится въ огнѣ и крови.
Свершать его слѣпо народы...
О Боже, прости ихъ и всѣхъ призиви!
Исполни ихъ вѣры и братской любви,
Согрѣй ихъ дыханьемъ свободы!

Мартъ 1854.

Р о с с і и.

Тебя призвалъ на брань святую,
Тебя Господь нашъ полюбилъ,
Тебѣ далъ силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слѣпыхъ, безумныхъ, дикихъ силъ.

Вставай, страна моя родная!
За братьевъ! Богъ тебя зоветъ
Черезъ волны гнѣвнаго Дуная—
Туда, гдѣ, землю огибая,
Шумятъ струи Эгейскихъ водъ.

Но помни: быть орудьемъ Бога
Земнымъ созданьямъ тяжело;
Своихъ рабовъ Онъ судить строго,—
А на тебя, увы, какъ много
Грѣховъ ужасныхъ налегло!

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорѣй омой

Себя слезою покаянья,
Да громъ двойнаго наказанья
Не грянетъ надъ твоей главой!

Съ душой колѣнопреклоненной,
Съ главой, лежащею въ пыли,
Молись молитвою смиренной,
И раны совѣсти растлѣнной
Елеемъ плача исцѣли.

И встань потомъ, вѣрна призыванью,
И бросься въ пыль кровавыхъ сѣчь:
Борись за братьевъ крѣпкой бранью,

Держи стягъ Божій крѣпкой дланью,
Рази мечомъ—то Божій мечъ.

Мартъ 1854.

Это стихотвореніе, разошедшееся въ спискахъ (въ печати оно появилось лишь черезъ нѣсколько лѣтъ) пробудило негодованіе не только Петербургскихъ властей (въ особенности Наслѣдника Престола), но и многихъ Москвичей. Н. В. Арсеньева написала къ Хомякову посланіе, начинавшееся словами «Стыдись, о сынъ неблагодарный, отчизну-матерь порпцать».

Слѣдующими стихами Хомяковъ пожелалъ ослабить впечатлѣніе.

Раскаявшейся Россіи.

Не въ пьянствѣ похвальбы безумной,
Не въ пьянствѣ гордости слѣпой,
Не въ буйствѣ смѣха, пѣсни шумной,
Не съ звономъ чаши круговой;
Но въ силѣ трезвенной смиренья
И обновленной чистоты,
На дѣло грознаго служенья
Въ кровавый бой предстанешь ты,

О, Русь моя! Какъ мужъ разумный,
Сурово совѣсть допросивъ,
Съ душою свѣтлой, многодумной,
Идетъ на Божескій призывъ:
Такъ, исцѣливъ болѣзнь порока
Сознаньемъ, скорбью и стыдомъ,
Предъ міромъ станешь ты высоко
Въ сіяньи новомъ и святомъ!

Иди! Тебя зовутъ народы.
И, совершивъ свой бранный пиръ,
Даруй имъ даръ святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни миръ!

→ 186 ←

Иди! Свѣтла твоя дорога:
Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ.
Гроза, прекрасна—Ангель Бога
Съ огнесверкающимъ челомъ!

1854.

Н о ч ь.

Спала ночь съ померкшей вышины,
Въ небѣ сумракъ, надъ землею тѣни,
И подъ кровомъ темной тишины
Ходить сонмъ обманчивыхъ видѣній.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Освяти молитвой часъ полночи!
Божьи души землю сторожать,
Звѣзды свѣтять, словно Божьи очи.

Ты вставай, во мракѣ спящій братъ!
Разорви ночныхъ обмановъ сѣти!

Въ городахъ къ заутрени звонять,
Въ Божью церковь идутъ Божьи дѣти.

Помолися о себѣ, о всѣхъ,
Для кого тяжка земная битва,—
О рабахъ безмысленныхъ утѣхъ!...
Вѣрь, для всѣхъ нужна твоя молитва.

Ты вставай, во мракъ спящій братъ!
Пусть зажжется духъ твой пробужденный,
Такъ какъ звѣзды на небѣ горять,
Какъ горитъ лампада предъ иконой.

1854.

26 Августа 1856 года.

Стародомъ полонъ Кремль великій,
Народомъ движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звонъ и громы торжества.

Нашъ Царь въ стѣнахъ издревле славныхъ,
Среди ликующихъ сердець,
Пріялъ вѣнецъ отцовъ державныхъ,—
Царя-избранника вѣнецъ.

Ему Господь роднаго края
Вручилъ грядущую судьбу,
И Русь, его благословляя,
Вооружаетъ на борьбу.

Его елеемъ помазуетъ
Она святыхъ своихъ молитвъ,
Да силу Богъ ему даруетъ
Для жизненныхъ, для царскихъ битвъ!

И преклоненны у подножья
Молитвеннаго алтаря,
Мы вѣримъ: будетъ милость Божья
На православнаго Царя!

И дастъ Всевышній даръ познанья,
И ясность мысленнымъ очамъ,
И въ сердце крѣпость упованья,
Несокрушимую бѣдамъ.

И вѣримъ мы, и вѣрить будемъ,
Что дастъ Онъ даръ—вѣнецъ дарамъ,—
Даръ братолюбья къ братьямъ-людямъ,
Любовь отца къ своимъ сынамъ.

И дастъ года Онъ яркой славы,
Побѣду въ подвигахъ войны,
И средь прославленной державы
Года цвѣтущей тишины....

А ты въ смиреніи глубокомъ
Вѣнца пріявшій тяготу,
О, охраняй неспящимъ окомъ
Души безсмертной красоту!

Эти стихи свидѣтельствуютъ о полномъ незлобїи сочинителя,
въ Мартѣ того же 1856 года новый Государь приказалъ ему
обрить бороду и никому не читать своихъ произведеній.

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Изъ воть Иерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжествомъ:
„Ты идешь во имя Бога,
„Ты идешь въ Свой царскій домъ!
„Честь Тебѣ, нашъ царь смиренный,
„Честь Тебѣ, Давидовъ сынъ!“
Такъ, внезапно вдохновенный,

Пѣлъ народъ. Но тамъ одинъ,
Недвижимъ въ толпѣ подвижной,
Школъ воспитанникъ сѣдой,
Гордый мудростію книжной,
Говорилъ съ насмѣшкой злой:
„Это-ль царь вашъ, слабый, блѣдный,
„Рыбаками окружень?
„Для чего онъ въ ризѣ бѣдной,
„И зачѣмъ не мчится онъ,
„Силу Божью обличая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

И вѣка пошли чредою,
И Давидовъ Сынъ съ тѣхъ поръ,
Тайно правя ихъ судьбою,
Усмиряя буйный споръ,
Налагая на волненье
Цѣпь любовной тишины,
Миръ живить, какъ дуновенье
Наступающей весны.
И въ трудахъ борьбы великой
Имъ согрѣтыя сердца
Узнають шаги владыки,
Слышать сладкій зовъ отца;
Но въ своемъ невѣрьи твердый,

Неисцѣльно ослѣпленъ,
Все, какъ прежде, книжникъ гордый
Говорить: „Да гдѣ же онъ?
„И зачѣмъ въ борьбѣ смятенной
„Историческаго дня,
„Онъ проходить такъ смиренно,
„Такъ незримо для меня,
„А нейдетъ какъ буря злая,
„Весь одѣянъ черной мглой,
„Пламенѣя и сверкая
„Надъ трепещущей землей?...“

1858.

По прочтеніи псалма.

Земля трепещеть; по ээиру
Катится громъ изъ края въ край.
То Божій гласъ; онъ судить міру:
„Израиль, Мой народъ, внимай!

Израиль! Ты Мнѣ строишь храмы,
И храмы золотомъ блестятъ,
И въ нихъ курятся омиамаы,
И день и ночь. огни горятъ.

Къ чему Мнѣ пышныхъ храмовъ своды,
Бездушный камень, прахъ земной?
Я создалъ землю, создалъ воды,
Я небо очертилъ рукой!

Хочу—и словомъ расширяю
Предѣлы безвѣстныхъ вамъ чудесъ,
И безконечность созидаю
За безконечностью небесъ.

Къ чему Мнѣ золото? Въ глубь земную
Въ утробу вѣковѣчныхъ скалъ,
Я влилъ, какъ воду дождевую,
Огнемъ расплавленный металлъ:

Онъ тамъ кипить и рвется, сжатый
Въ оковахъ темной глубины,
А ваши серебро и золото
Лишь всплѣсъ той пламенной волны.

Къ чему куренья? Предо Мною
Земля, со всѣхъ своихъ концовъ,
Кадить дыханьемъ подь росю
Благоухающихъ цвѣтовъ.

Къ чему огни? Не Я-ль свѣтила
Зажегъ надъ вашей головой?
Не Я-ль какъ искры изъ горнила,
Бросаю звѣзды въ мракъ ночной?

→: 200 ←

Твой скудень даръ.—Есть даръ безцѣнный,
Даръ нужный Богу твоему;
Ты съ нимъ явись и, примиренный,
Я всѣ дары твои приму:

Мнѣ нужно сердце чище злата,
И воля крѣпкая въ трудѣ;
Мнѣ нуженъ братъ, любящій брата,
Нужна Мнѣ правда на судѣ!..."

1858.

Писано по поводу освященія Исакиевскаго собора.

Т р у ж е н и к ъ.

Но жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
Съ утра, до истощенья силъ,
Довольно, пахарь терпѣливый,
Я плугъ тяжелый свой водилъ.

Довольно, дикою враждою
И злымъ безумьемъ окружень,
Боролся крѣпкой я борьбою...
Я утомленъ, я утомленъ!

→: 202 ←

Пора на отдыхъ. О, дубравы!
О, тишина полей и водъ!
И надъ оврагами кудрявый
Вѣтвей сплетающихся сводъ!

Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
Склонившись къ звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю!

Стереть бы потъ дневнаго зноя!
Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботы!..
„Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя,
Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!

Взгляни на ниву: пашни много,
А дня немного впереди,—
Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
Господь велить: иди, иди!

Ты купленъ дорогой цѣною,
Крестомъ и кровью купленъ ты.
Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
Борись, борець, до поздней тьмы!“—

Предъ словомъ грознаго призванья
Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
А Ты безумнаго роптанья
Не помяни въ судѣ Твоемъ!

Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
Удѣль, назначенный Тобой,
И не сомкну очей въ дремотѣ,
И не ослабну предъ борьбой.

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него;
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва Твоего.

1858.

Благочестивому меценату.

(н. а. муханову).

О, мудрый другъ! Отъ странъ Полночи,
Съ побережья царственной Невы,
Ты кротко обращаешь очи
На наши темныя главы;

Ты кубокъ роскоши лѣнливой
Испилъ до дна; но ты-жь подчасъ
Рѣчами ласки небрегливой
На подвигъ поощряешь насъ.

Мудрецъ, съ улыбкой благосклонной,
За чашей хвалишь круговой
Нашъ строгій постъ, нашъ трудъ безсонный,
Плебейской вѣры быть простой.

Прими-жь привѣтъ отъ черни темной
Тобою взысканныхъ людей
И приношенье дани скромной
Ихъ благодарственныхъ рѣчей.

Прими мольбу: твоей лазури,
Твоихъ безоблачныхъ высотъ
Да не смущаютъ крылья бури
И мракъ житейскихъ непогодъ!

→ 207 ←

Да мысль желѣзною рукою
Твоей главы не тяготить,
И вѣчной да цвѣтеть весною
Румяный пухъ твоихъ ланить!

1858.

По поводу картины Иванова.

(ЯВЛЕНИЕ ХРИСТА НАРОДУ).

Счастлива мысль, которой не свѣтила
Людской молвы привѣтная весна,—
Безвременно рядиться не спѣшила
Въ листы и цвѣтъ ея молодая сила,
Но корнемъ въ глубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно къ небесамъ

Она взойдетъ, какъ ночь темна вѣтвями;
Какъ ночь въ звѣздахъ, осыпана цвѣтами:
Краса землѣ и будущимъ вѣкамъ!

1858.

А. А. Ивановъ десятки лѣтъ трудился надъ своею картиною.
Государь приобрѣлъ ее и подарилъ Румянцевскому Музею.

Парусъ поднять: вѣтра полный
Онъ канаты натянулъ
И на ропщущія волны
Мачту длинную нагнулъ.

Парусъ Русскій!... Черезъ волны
Ужъ корабль несется самъ,
И готовъ всѣхъ братьевъ чолны
Прицѣпить къ крутымъ бокамъ.

→ 211 ←

Поднять флагъ: на флагъ виденъ
Правды судъ и миръ любви.
Мчись, корабль, твой путь завиденъ...
Господи, благослови!

Напечатано въ 1 №
прекращенной газеты И. С. Аксакова. «Парусъ»,
1859 г. Янв. 3-го.

26

Подвигъ есть и въ сраженьи,
Подвигъ есть и въ борьбѣ,
Высшій подвигъ въ терпѣннн,
Любви и мольбѣ.

Если сердце заняло
Передъ злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цѣпью стальной;

Если скорби земныя
Жаломъ въ душу впились,—

→ 213 ←

Съ вѣрой бодрой и смѣлой
Ты за подвигъ берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на нихъ,
Безъ труда, безъ усилья,
Выше мраковъ земныхъ,—

Выше крыши темницы,
Выше злобы слѣпой,
Выше воплей и криковъ
Гордой черни людской!

1859.

Поле мертвыми костями
Все блѣлося кругомъ;
Вѣтеръ билъ его крылами,
Солнце жгло его огнемъ.

Ты, пророкъ, могучимъ словомъ
Поле мертвое воздвигъ:
И одѣлись плотью кости,
И возсталъ соборъ великъ.

Но не полно возрожденъе,
Жизнь проснулась не сполна:
Всѣхъ оковъ земнаго тлѣнья
Не осилила она.

И въ соборѣ томъ великомъ
Ухо чуткое порой
Слышитъ подь румяной плотью
Кости шелканье сухой...

О, чужія тайны зная,
Ты, пѣвецъ, спроси себя:
Не звенить ли кость сухая
Въ пѣсняхъ, въ жизни у тебя?...

1859.

Читано въ Москвѣ, въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Русской словесности, коего Хомяковъ былъ предсѣдателемъ.

Помнишь, по стезѣ нагорной,
Шли мы лѣтомъ: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
Съ полуденъ заволокло.

По стезѣ песокъ горячій
Ноги путниковъ сжигаль,
А изъ тучи вихрь летучій
Капли крупныя срываль.

Быть громамъ и быть ударамъ!
Быть сверканью въ облакахъ,
И ручьямъ по крутоярмъ,
И потопамъ на дугахъ!

Быть грозъ! Но буря злая
Скоро силы истощить,
И сіяя, золотая
Зорька въ небѣ погорить;

И въ объятія кроткой ночи
Передасть покой земли,
Чтобы зорко звѣздны очи
Сонъ усталый стерегли;

Чтобъ съ Востока, утромъ рано,
Загораясь въ небесахъ,
Свѣтъ румяный зрѣлъ поляны,
Всѣ въ росинкахъ и цвѣтахъ.

И теперь, съ Полудня, темной
Тучей кроетъ небеса,
И за тишью вѣроломной
Притаилася гроза.

Гуль растеть, какъ въ спящемъ морѣ
Передъ бурей роковой;
Вскорѣ, векорѣ въ бранномъ спорѣ
Закипитъ весь мѣръ земной.

Чтобъ страданьями—свободы
Цокупалась благодать,
Чтобъ готовились народы
Зову истины внимать;

→: 219 ←

Чтобы гласъ ея пророка
Могъ проникнуть въ духъ людей,
Какъ глубоко лучъ съ Востока
Грѣбеть влажный тукъ полей.

1859.

Писано передъ войною Франціи съ Австріею, въ случаѣ
распаденія которой предстояло проснуться Славянскому племени.

С п и!

Днемъ наигравшись, натѣшившись, къ ночи забылся ты сномъ;

Спи, улыбаясь, малютка: весенняго утра лучемъ
Жизнь молодая, играя, блестить въ сновидѣньѣ
твоемъ.

Спи!

Труженикъ, въ горести, въ радости, путь ты свершаешь земной;

Утромъ отмѣренный, къ вечеру конченъ твой подвигъ дневной.

Что-нибудь начато, что-нибудь сдѣлано,—купленъ твой отдыхъ ночной.

Спи!

Съ свѣтлымъ лицомъ засыпаешь ты, старецъ, тру-
домъ утомленъ;
Видно, какъ въ ночь погружается жизни земной
небосклонъ.
Дня замогильнаго первымъ сіянемъ ужъ твой
озаряется сонъ.

Спи!

1859.

Это послѣднее стихотвореніе Хомякова. За нѣсколько мѣ-
сяцевъ до кончины онъ говорилъ М. Сергѣевнѣ М. о предчувствіи
своей кончины, а А. И. Кошелеву выражалъ увѣренность, что
жизненный подвигъ его оконченъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.		Стр.
Изола Белла	5	Орелъ	49
Поэтъ	9	Русская пѣсня	52
Отвѣтъ одной дамѣ	11	Къ иностранкѣ	56
Просьба	14	Къ ней же	58
Клинокъ	20	Не горюй по лѣтвимъ ро-	
Сонъ	23	замъ	61
Прощаніе съ Адрианопо-		Жаворонокъ, Орелъ и Поэтъ	63
лемъ	26	Вдохновеніе	65
Изъ Саади	28	Двѣ пѣсни	67
Два часа	30	Элегія	69
Зима	33	Мечта	71
На сонъ грядущій	37	Ключъ	73
Думы	42	Къ Е. Н. Полтавцовой	77
Ода	45	Благодарю тебя	80

	Стр.		Стр.
Къ своей супругѣ	82	Беззвѣдная полночь	140
Островъ	86	И. В. Кирѣевскому	143
На кончину двухъ первыхъ дѣтей	91	Надпись къ картинѣ	145
Милыкѣву	94	Сербская пѣсня	147
Кіевъ	97	Кремлевская заутрени на Пасху	149
Видѣніе	103	Навуходоносоръ	152
Россіи	107	Мы родъ избранныи	157
7 Ноября 1840	113	Воскресеніе Лазаря	160
На перенесеніе Наполеонова праха	116	Вечерняя пѣсня	162
Еще о немъ	123	Не гордись передъ Бѣлгра- домъ	164
Nachtstück	125	Звѣзды	166
Сумракъ вечерній	127	Вставайте! Оковы распались	169
Richterspruch—Ritterspruch	129	Жаль мнѣ васъ	172
Давидъ	132	Какъ часто во мнѣ пробуж- далась	174
Въ альбомъ В. В. Ганкѣ	139		

III

	Стр.		Стр.
Судь Вожій	176	Благочестивому меценату .	205
Россіи	180	По поводу картины Иванова	208
Раскавшейся Россіи	184	Парусъ	210
Ночь	187	Подвигъ есть и въ сраженъи	212
26 Августа 1856 года	189	Поле мертвыми костями . .	214
Широка, необозрима	193	Помнишь, по стезѣ нагор-	
По прочтеніи псалма	197	ной	216
Труженикъ	201	Спи!	220

утреня: „И не навидящимъ насъ вся простимъ Воскресеніемъ!“ Россія не взыскала съ Франціи военныхъ издержекъ, не подвергла Французовъ участи побѣжденныхъ, не дала алчнымъ ея врагамъ разгромить ее окончательно. А сколько утекло и утекаетъ Русскихъ денегъ во Францію! Ни одно торговое или промышленное предпріятіе Русскаго человѣка въ Парижѣ доселѣ не удается.

Во всякомъ случаѣ привѣтствуемъ книгу Эмиля Гомана. Она вполне заслуживаетъ нашей благодарности и чрезвычайно полезна для знакомства Французовъ съ нами. П. В.

С. А. ЖИГАРЕВЪ. Россія въ средѣ Европейскихъ народовъ по даннымъ исторіи международнаго общенія и права въ XVIII и XIX вѣкахъ. Историко-юридическіе очерки. Спб., 1910 г. VII+327 стр.

Послѣ диссертациі профессора М. Н. Капустина „Дипломатическія сношенія Россіи съ Западною Европою во второй половинѣ XVII вѣка“ (М., 1852 г.), наглядно показавшей важность изученія международныхъ отношеній Россіи, появилось немало работъ по частнымъ, отдѣльнымъ вопросамъ въ этой области, и еще болѣе такихъ, которыя лишь попутно касались тѣхъ или иныхъ вопросовъ.

Съ книгою С. А. Жигарева Русская литература по международному праву получаетъ общую работу, характеризующую отношеніе Россіи къ общенію съ Западною Европою въ XVIII и XIX вѣкахъ. Служа искуснымъ объединеніемъ сдѣланнаго ранѣе и значительно восполняя пропущенное предыдущими изслѣдователями, новый трудъ даетъ довольно цѣльный взглядъ на Русскія отношенія къ международному юридическому порядку.

Означивъ, во введеніи, отношеніе Россіи къ Европѣ съ точки зрѣнія Русской общественной мысли со времени вступленія Россіи въ международное общеніе, авторъ въ своемъ изслѣдованіи, состоящемъ изъ 6 главъ, обрисовываетъ главнымъ образомъ то, на что и какъ обращалось ея вниманіе въ этихъ своихъ отношеніяхъ и какія задачи старалась она ставить, выяснять и выполнять здѣсь, вплоть по Гаагскую конференцію, признаваемую авторомъ „последнимъ въ минувшемъ столѣтіи шагомъ Россіи въ дѣлѣ усовершенствованія способовъ защиты права въ международныхъ отношеніяхъ“. „Безпристрастная оцѣнка—говоритъ онъ—дѣятельности Россіи въ этомъ направленіи требуетъ отмѣтить тотъ несомнѣнный фактъ, что всѣ увѣнчавшіяся и неуѣнчавшіяся успѣхомъ попытки Русскаго народа смягчить бѣдствія войны и по возможности замѣнить ее миролюбивыми средствами разрѣшенія международныхъ конфликтовъ составляютъ блестящее украшеніе не только исторіи Русской дипломатіи, но и всей исторіи международныхъ общеній и права“ (301 стр.).

Конечный выводъ, къ которому приходитъ почтенный авторъ въ опредѣленіи дальнѣйшаго отношенія Россіи къ Западной Европѣ, это—„самое широкое общеніе на почвѣ культурныхъ интересовъ“ (318 стр.).

Къ очеркамъ приложенъ указатель процитированныхъ трактатовъ, конвенцій, указовъ и манифестовъ, въ ихъ хронологической послѣдовательности (1656—1899 гг.).

Изложеніе фактовъ проникнуто одной одобряющей идеей, и вся книга читается съ живымъ интересомъ.

Д. Ц.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ— двѣнадцать р. Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ). Въ Петербургѣ, Невскій, 40, въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главныя статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.— П. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.— Принцесса Зельмира.— Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.— Воспоминанія кн. В. И. Барятинскаго.— Черты изъ домашней жизни имп. Анны.— Архим. Макарій и Тобольскіе Декабристы.— Воспоминанія О. А. Гилярова.— Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.— Двѣ Калмычки.— Переписка графовъ Нессельроде.— Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.— Письма Н. В. Кириѣвскаго.— Хозяйственныя записки И. В. Пущечникова.— У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.— Н. П. Боголѣповъ. Его записки.— Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.— Записки архіеп. Никанора.— Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.— Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.— Записки А. П. Хвостовой.— К. Д. Хлѣбникова.— Японія, записка іеромонаха Николая.— Дѣло царевича Алексѣя Петровича.— Воцареніе Петра Третьяго.— Воспоминанія А. П. Салтыковой.— Первые недѣли царствованія Александра III.— Записки графа Сегюра.

Цѣна полному году 6 р., въ отдѣльныхъ выпускахъ по 75 к.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюна Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**

СОРОКЪ ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910

8.

Стр.

465. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева.
525. Изъ книги бытія моего. Архимандрита Порфирія Успенскаго. Сообщилъ А. А. Титовъ.
576. О селѣ Васильевскомъ. Изъ письма къ издателю «Русскаго Архива» отъ графа П. С. Шереметева.
577. Объ уравненіи земскихъ повинностей. (Изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи).
585. Изъ воспоминаній Н. А. Малевича-Малевскаго. (Дѣтство).
604. Вступительная записъ старца Іоны Угличскому Воскресенскому монастырю. Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.
605. Письмо Нижегородскаго архіепископа Іакова Вечернова къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову.
607. Письмо И. У. Палимпсестова къ оберъ-прокурору Св. Синода К. П. Побьдоносцеву.
608. Письма 1812 года. (Изъ семейнаго архива канцлера графа К. В. Несельроде).
627. Событія въ Уфѣ въ связи съ Пугачевскимъ бунтомъ.*
632. Дворянство въ Черноморіи и на Кубани. С. В. Фарфоровскаго.
636. Еще про убіеніе Французенки Симонъ-Деманшъ.
637. Некрологи 1910-го года: Князь Д. Н. Долгорукій.—Н. А. Киръевъ. К. П. Степановъ.

Внутри обложки: О юбилейномъ изданіи Страннопріимнаго графа Шереметева въ Москвѣ дома.

МОСКВА.

Синодальная Типографія.

1910.

**СТРАННОПРИИМНЫЙ
ДОМЪ ГРАФА ШЕРЕМЕТЕВА
ВЪ МОСКВѢ 1910 гг. Юбилейное изданіе, составленное ко дню столѣтія учрежденія по порученію Попечителя его Графа Сергія Дмитріевича Шереметева. Москва. Синодальная Типографія, 1910 г. Большая 8-ка, 6 нн., +IV стр., +148 стр. съ 39-ью портретами и видами и 8-ью планами.**

Привѣтствуемъ этотъ достопочтенный трудъ А. И. Виноградова и С. И. Березовскаго.

„На всемъ Московскомъ есть отпечатокъ“, — такъ и въ святомъ дѣлѣ благотворительности.

Гдѣ у насъ, да гдѣ и въ чужихъ краяхъ, благотѣльное учрежденіе подобное Странноприимному Дому графа Шереметева? Уже второе столѣтіе, и при томъ непрерывно, призрѣваются бесплатно почти двѣсти человѣкъ бѣдныхъ людей, и кромѣ того несчетное множество больныхъ пользуются даровымъ лѣченіемъ. Даже и въ 1812 году, въ полное Московское разореніе, этотъ Странноприимный Домъ служилъ пріютомъ для раненыхъ Французовъ и Русскихъ.

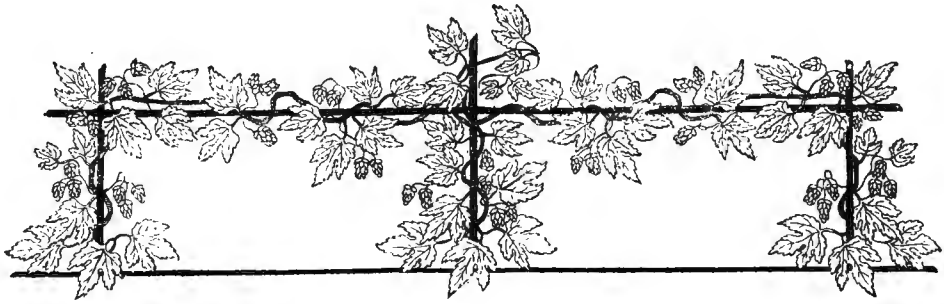
Книга эта, сверхъ своего назначенія, есть въ то же время прекрасный памятникъ внука дѣду.

Графъ Н. П. Шереметевъ, товарищъ по воспитанію Павла Петровича, неоднократно упоминаемый въ Дневникѣ Порошина, принадлежалъ къ числу лучшихъ Русскихъ людей высшаго общества. Онъ учился въ Лейденскомъ университетѣ и, живучи въ чужихъ

краяхъ, воспиталъ въ себѣ склонность къ изящнымъ искусствамъ. Доказательствомъ тому въ особенности служить его подмосковная усадьба „Останкино“, художественныя сокровища котораго нынѣ подробно описаны въ изданіи „Старые Годы“ господиномъ Игоремъ-Грабаремъ. На вѣки памятнымъ останется графъ Н. П. Шереметевъ своею безпримѣрною благотворительностію, и нельзя не порадоваться, что Странноприимный Домъ его находится и доселѣ въ томъ видѣ, какъ онъ замыслилъ его въ память своей супруги, хотя цѣны на содержаніе больныхъ и на пріютъ бѣдноты возвысились черезъ сто лѣтъ чрезмѣрно. Отличаясь порядливостію въ употребленіи своихъ доходовъ, унаслѣдованною отъ своего отца, дѣда и бабки, графъ Николай Петровичъ находилъ нужнымъ, ради издержекъ на постройку Странноприимнаго Дома, продать старинный домъ свой на Никольской улицѣ и готовъ былъ уступить его за 124 тысячи, а нынѣ эти деньги, можетъ быть, — ежегодный доходъ съ этого дома.

Книга украшена своеобразнымъ портретомъ Императора Александра Павловича.

Въ числѣ другихъ портретовъ рѣдокъ портретъ Сергія Васильевича Шереметева, внушающій къ себѣ сочувствіе чертами умнаго добросердечія. Это дальній родственникъ основателя, другъ его, которому графъ Шереметевъ, въ случаѣ бездѣтной кончины малолѣтняго, единственнаго своего сына, завѣщевалъ все свое движимое и недвижимое имущество, минуя и сестру свою графиню Разумовскую и двухъ ея сыновей, ради „ихъ безпечной небрежливости и склонности къ излишней роскоши и расточительности“. С. В. Шереметевъ до совершеннолѣтія оставался сиротою графа Дмитрія Николаевича и былъ въ собственномъ смы-

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА¹⁾.

1841.

Въ Георгіевской залѣ Зимняго дворца упалъ потолокъ. Я не говорю о томъ, что скоро, то не здорово, ни о томъ, какъ великъ убытокъ отъ этого разрушенія; я говорю о томъ, какой отвѣтственности подлежать эти осыпанные милостями строители? Ну, если бы это случилось, когда императорская фамилія, когда бы Царь находился въ залѣ! Надобно отнять у нихъ всѣ награды, предать суду по крайней мѣрѣ. Потомъ, какое должно быть нравственное впечатлѣніе отъ этого ужаснаго происшествія? Нельзя не войти въ положеніе Государя: дѣлаютъ не то, что и какъ онъ хочетъ. Вѣроятно, скроютъ отъ императрицы. Это срамъ, это непонятно! Государя вовсе не берегутъ.

*

Я снова увидѣлъ княжну²⁾. Княжна уже княгиня. Князь А. П. О. сенаторъ Московскихъ департаментовъ, человекъ прекрасный, добрый и мягкосердный, есть вмѣстѣ одинъ изъ тѣхъ анахронистовъ, которыхъ такъ много въ Москвѣ и которые, сидя въ курульныхъ креслахъ, представляютъ собою оппозицію совершающагося передъ ними движенія народной жизни и управленія. Онъ не противъ самаго движенія, онъ противъ двигателей и не по зависти или оскорбленному честолюбію, а по личнымъ отношеніямъ, стало быть человекъ какъ всѣ. Впрочемъ онъ бѣденъ, и потому не вельможа; государственнымъ человекомъ онъ никогда быть не могъ. Итакъ, лучшее въ немъ есть его жена, моя старинная знакомая (1828 года), женщина превосходная во всѣхъ отношеніяхъ. Она принадлежитъ къ тому незабвенному семейству, въ которомъ пять сестеръ, въ противоположность братьямъ, милыя, добрыя и умныя столько же, какъ и образованныя, поддерживали и блескъ и достоинство знаменитаго дома. Изъ всѣхъ сестеръ я зналъ двухъ, Вар-

¹⁾ См. выше стр. 333.

²⁾ Княжну Наталью Петровну Оболенскую, сестру Декабриста. П. Б.

вару и Наталью и изъ двухъ, въ дѣтскихъ тайныхъ впечатлѣнiяхъ моихъ, сперва отдавалъ преимущество Варварѣ; остаюсь вѣренъ своему мнѣнiю, никому болѣе какъ бывшей княжнѣ Натальѣ. Она устарѣла въ княжнахъ и имѣетъ вовсе не ту участь, которую бы должна имѣть. Выйдя за стараго князя, старая княжна сдѣлалась молодою княгинею. Она вездѣ найдется. О, старое время, моя добрая юность! Нѣтъ, княжна, я не перемѣнился, я также люблю васъ.

*

Въ послѣднее время толки о желѣзной дорогѣ въ Москву сдѣлались такъ общи въ Петербургѣ, что можно было думать объ общемъ убѣжденiи въ ея пользѣ или по крайней мѣрѣ ея исполнимости. Я не сомнѣваюсь въ возможности построить желѣзную дорогу даже въ Одессу, но по моему всякое подобное предпрiятiе (Всероссiйское) преждевременно. Ни промышленность, ни сообщительность не нуждаются въ немъ; это доказано расчетами самихъ антрепренѣровъ, основывающихъ свои выкладки на умноженiи проѣзда и провоза, а не на суммѣ ихъ въ настоящее время. Итакъ, надобно сперва умножить производительность и потомъ уже думать о желѣзномъ пути. Здѣсь естественно рождается вопросъ: можно и полезно ли усиленное умноженiе производительности и сообщительности? Положительно, нѣтъ; ибо всякое умноженiе должно быть основано на требованiи, имъ вызываться, ему соотвѣтствовать. Во вторыхъ, мы для этого имѣемъ доказательство положительное не въ пользу предполагаемаго умноженiя: упадокъ цѣнности товаровъ и возвышенiе цѣнности денегъ отъ значительнаго усиленiя въ послѣднiя десять лѣтъ производительности, зачѣмъ естественно слѣдовали несостоятельность и банкротство промышленниковъ. Что касается до умноженiя сообщительности, я вижу въ этомъ болѣе вреда, вреда политическаго и нравственнаго, нежели пользы, какой-нибудь пользы. Потомъ, у насъ есть дороги, шоссе и каналы, они недавно устроены, стоили огромныхъ суммъ, не окупились и должны упасть. Въ третьихъ, для желѣзной дороги нужны капиталы, матеріалы, строители, а у насъ есть только земли и работники. Если же скажутъ, у насъ есть капиталы и строители, я скажу: употребите ихъ не на столичный путь, а на развитiе благосостоянiя мѣстнаго, на улучшенiе способовъ естественныхъ, къ которымъ еще не коснулась рука человѣческая, а не на способы искусственные, въ которыхъ нація не должна бы собственно никогда нуждаться, или только въ такомъ случаѣ, когда народонаселенiе и требованiя его превышаютъ силы данной ему земли, какъ это въ Англіи, Бельгіи, Франціи и Голландiи. Куда мы торопимся? Къ собственной гибели. Нѣтъ, я не защитникъ желѣзной

дороги. Это скачокъ, а я люблю постепенность¹⁾. Всѣ чудеса наукъ, все это развитіе матеріальныхъ силъ и природы и человѣка, усиливая жажду желаній, умножаетъ несчастье; ибо не въ силахъ земля удовлетворить всѣмъ усиленнымъ требованіямъ и, привлекая людей къ предметамъ наслажденія и наслажденія матеріальнаго, основаннаго на расчетахъ, на выигрышѣ, на обманѣ, отвлекаетъ взоры его отъ Неба и самосозерцанія, удаляетъ отъ дружбы, любви и искренности и заставляетъ нерѣдко забывать честь, добродѣтели и самое достоинство человѣка.

*

Я провелъ нѣсколько вечеровъ у фрейлины Н. Я. Плюсковой. Это вѣчно заведенная говорящая машина, знающая многихъ, думающая знать все, презирающая тщеславіе, въ которомъ выросла и которому предана, въ ней много опытности, но для нея приложенія; въ ней есть и чувство, но нѣтъ для нея наслажденія. Она всегда одѣта, всегда занята, всегда равна, тихонько смѣется, легонько ропщетъ, понемногу сердится. Она двадцать лѣтъ жила въ Шепелевскомъ дворцѣ, она болѣе сорока лѣтъ фрейлиной; ей подъ шестьдесятъ лѣтъ, но она молода, терпѣлива и интересна. Я непременно долженъ быть у нея чаще.

*

Перваго Октября (1841 года) я переѣхалъ на казенную квартиру въ казенный домъ, отдѣланную по моему вкусу, по моему средству.

Мнѣ рассказывали объ очень остроумной карикатурѣ на графа Канкринна, присланной къ нему, когда онъ сидѣлъ втроемъ съ Гессе и Кранигфельдомъ. Министръ представленъ съ зонтикомъ въ халатѣ и на с...ѣ, кругомъ его огромное блюдо съ червонцами, онъ глотаетъ ихъ пригоршнями, и изъ него сыпятся ассигнаціи и билеты²⁾. Къ этому молва прибавляетъ, что карикатура такъ понравилась старику, что онъ вызвался дорого заплатить ея автору, и на другой день авторъ, приславъ письмо, прося увѣдомить, какими деньгами угодно будетъ графу выдать награду: тѣми ли, которыя онъ пожираетъ или тѣми, которыя изъ него выходятъ.

1) Тѣхъ же соображеній, въ запискахъ поданныхъ императору Николаю Павловичу, держались министры Канкринъ и Толь. Сей послѣдній признавалъ полезною только желѣзную дорогу отъ Москвы до Севастополя, на который, писалъ онъ, прежде всего обратится зложелательство Западной Европы. (Слышано отъ его сына). П. Б.

2) Тогда ходили стихи Соболевскаго:

Канкрину Россія вѣрить,
И несутъ ему серебро;
Онъ за Русское добро
Депозитомъ такъ и вѣтъ. П. Б.

*

По прїѣздѣ В. Н. Вердеревскаго (бывшаго съ С. П. Шиповымъ въ Варшавѣ) я очень любопытствовалъ о положеніи края, о центральномъ, областномъ и повѣтовомъ управленіи и наконецъ о національности правителей. Я не могъ получить удовлетворительнаго отвѣта. Не смотря на отмѣненіе конституціи послѣ бунта и военное охраненіе тишины и порядка, надобно полагать, что судъ и полицейское вѣдомство остались въ прежнемъ видѣ. Въ манифестѣ отъ 25 Января 1831 г. объявлено было, что „и по возвращеніи Россіи мгновенно отторгнутаго отъ него мятежниками края, будущая судьба его будетъ устроена на прочныхъ основаніяхъ, сообразныхъ съ потребностями и благомъ всей Имперіи, и положенъ навсегда конецъ враждебнымъ покушеніямъ злоумышленниковъ, мечтающихъ о раздѣленіи“. По завоеваніи Варшавы и Польши дѣйствительно приняты были мѣры ко введенію въ недвижимое владѣніе государственныхъ земель окатоличенныхъ майоратовъ, къ образованію главнаго и областного правительства по примѣру Русскаго и къ замѣщенію правительственныхъ мѣстъ не Поляками. Приняты мѣры къ введенію и распространенію Русскаго языка, Русской системы народнаго просвѣщенія и наконецъ общей монеты. Важныя сіи преобразованія, въ ряду которыхъ, учрежденіе Варшавскаго Сената, общаются, съ новыми уложеніями суда, единообразное во всей Имперіи правосудіе. Я предоставляю себѣ заняться на досугѣ рѣшеніемъ вопроса: могутъ ли сіи преобразованія слить два племени, или образованнѣйшее должно по непремѣнному закону историческаго развитія, взять верхъ, и почему отъ всѣхъ Русскихъ въ Варшавѣ слышались жалобы, что Поляки имѣютъ преимущество и если не *de-jure*, то *de-facto*. Нельзя однако не припомнить, что еще при возстановленіи Польши въ независимое государство въ 1814 году умный дипломатъ *) частію предвидѣлъ несообразность конституціоннаго учрежденія Польши, о которомъ такъ сильно просили Поляки на Вѣнскомъ конгрессѣ; предлагалъ порядокъ и мѣры устройства, къ которымъ нынѣ принимаемыя имѣютъ нѣкоторое отношеніе.

*

Замѣчательно мнѣніе Сперанскаго (въ 1822 году, послѣ Сибирскаго генераль-губернаторства) о самовластномъ Сибирскомъ генераль-губернаторѣ. „Власть личная удобно перерождается въ злоупотребленіе и всегда почти имѣетъ видъ самовластія. Дѣйствуя безъ публичныхъ законныхъ участниковъ и по причинамъ ей давно извѣстнымъ, она не

*) Поццо-ди-Борго. П. Б.

можетъ, даже при самой чистотѣ намѣреній, огородить себя отъ подозрѣній. Въ Сибири, гдѣ не было и нѣтъ еще публичнаго мнѣнія и гдѣ по недостатку дворянства и быть оно долго еще не можетъ, подозрѣнія сіи дѣйствуютъ сильнѣе. Самое разстояніе усиливаетъ ихъ, ибо предполагается, что до высшей власти ничто не доходитъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ не доходитъ многое. По продолжительному на- выку къ симъ подозрѣніямъ и по многимъ послѣдствіямъ самовластнаго, личнаго распорядка, вообще люди тамъ думаютъ, что зависятъ отъ произвола начальника. Одинъ способъ защиты и противодѣйствія былъ въ Сибири до 1819 года: жалобы и доносы. Если бы личная власть и ограждалась подробными и самыми вѣрными правилами, то и тогда, бывъ удалена отъ надзора и не имѣя вокругъ себя ни преграды, ни предостереженія, она легко могла бы перейти въ самовластіе. Довѣріе къ личнымъ свойствамъ тутъ не защита, ибо въ самовластіе впадаютъ постепенно, нечувствительно и не всегда съ худыми намѣреніями. Напротивъ, при намѣреніяхъ самыхъ лучшихъ, по самому усердію къ добру и желая дойти къ нему кратчайшею дорогою или избрать рѣшительнѣйшія мѣры, увлекаются въ заблужденія, сперва для сокращенія нарушаютъ формы маловажныя, потомъ идутъ къ важнѣй- шимъ, наконецъ касаются и существа дѣла; и такимъ образомъ, по- ступая всегда по добрымъ побужденіямъ, испровергають порядокъ и, дѣйствуя по совѣсти, дѣйствуютъ противозаконно". Тагъ отзывался онъ въ отчетѣ о ревизіи Сибири въ 1819 году, по которой обнаружено 630 человекъ виновныхъ въ злоупотребленіи власти, и представлялъ начертаніе правилъ къ будущему устройству Сибирскаго управленія, по разсмотрѣніи въ особомъ комитетѣ высочайше утвержденное въ Іюль 1822 г. Нельзя не отдать справедливости этому обширному прак- тическому уму. Образование управленія стройно опредѣлено и соот- вѣтственно для своего времени. Теперь не мѣшало бы убавить нѣ- сколько власти судебной у лицъ исполнительныхъ, дать побольше независимости власти блюстительной и усилить способы полиціи осо- бенно зимой, облегчая ея заботы лучшимъ устройствомъ и порядкомъ водворенія ссыльныхъ. Обширный и богатый, новый край Сибирскій требуетъ еще значительныхъ преобразованій; можетъ быть, удастся узнать его. Вообще бы мнѣ очень хотѣлось и нужно попутешествовать. При важности работъ по мѣсту мнѣ поручаемыхъ, это необходимо и имѣло бы для меня большую пользу. Иногда толкуешь о томъ, чего въ жизнь свою не видывалъ. Прямое опредѣленіе меня на мѣсто на- чальника Уголовнаго Отдѣленія можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ, какъ трудно занимать выснія мѣста, не занимавъ низшихъ, и контролировать палаты и Сенатъ, не зная точно обрядовъ

даже ратушъ. Съ удовольствіемъ побывалъ бы я въ губерніяхъ Западныхъ, на Кавказѣ и въ Сибири.

*

Графъ В. Н.*) часто недоволенъ, требователенъ, хотя все это не мѣшаетъ намъ грѣшнымъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Это неудовольствіе и требовательность происходятъ сколько оттого, что мы, кажется, не въ состояніи выполнить его желаній, а самостоятельному уму хотѣлось бы все (имѣть) по своему, хорошо, отчетливо; столько и оттого, что молодой министръ и при томъ человѣкъ съ свѣтлыми понятіями, обширными свѣдѣніями и ревностью, съ самаго начала въ Комитетѣ и Совѣтѣ встрѣчалъ, какъ это бываетъ обыкновенно, на противорѣчіе противодѣйствіе, такъ что и тамъ и сямъ его постановленія подрываются, весьма часто измѣняются и даже отменяются. Такъ напр. о святотатцахъ, о Поповѣ, о 228 ссыльныхъ въ Комитетѣ; о контробандѣ, о Смигельской, о Лобыревѣ въ Совѣтѣ. Это по моему отдѣленію. Такая же участь, кажется, ожидаетъ и Л. А. Перовскаго. Старые министры не легко уступятъ первенство молодымъ и, дозволяя ломать старую колею, на каждомъ шагу затрудняютъ новый путь. Нѣкоторыя встрѣчи графа Панина съ гр. Бенкендорфомъ напр. о Зимицкой рѣшались довольно рѣшительно. Я ожидаю подобной встрѣчи при рассмотрѣніи свода степныхъ законовъ, который Совѣтомъ предварительно расхваленъ и расписанъ, а министромъ внутреннихъ дѣлъ, что называется, въ грязь втопанъ. Посмотримъ.

*

Вотъ инструкція штабъ-офицерамъ корпуса жандармовъ:

„Стремясь выполнить въ точности Высочайше возложенную на меня обязанность и тѣмъ самымъ споспѣшествовать благотворительной цѣли Государя Императора и отеческому его желанію утвердить благосостояніе и спокойствіе всѣхъ въ Россіи сословій, видѣть ихъ охраняемыми законами и возстановить во всѣхъ мѣстахъ и властяхъ совершенное правосудіе, я поставляю вамъ въ непремѣнную обязанность, не щадя трудовъ и заботливости, свойственныхъ вѣрноподданному, наблюдать по должности вашей слѣдующее:

1) Обратитъ особенное ваше вниманіе на могуція произойти безъ изыятія во всѣхъ частяхъ управленія и во всѣхъ состояніяхъ и мѣстахъ злоупотребленія, безпорядки и закону противные поступки.

2) Наблюдать, чтобъ спокойствіе и права гражданъ не могли быть нарушены чьей либо личной властью или преобладаніемъ сильныхъ лицъ или пагубнымъ направленіемъ людей злоумышленныхъ.

*) Графъ Викторъ Никитичъ Панинъ, министръ юстиціи.

3) Прежде нежели приступить къ обнаруживанію встрѣтившихся безпорядковъ, вы можете лично списаться и даже предварять начальниковъ и членовъ тѣхъ властей или судовъ, или тѣ лица, между коихъ замѣчены вами будутъ незаконные поступки, и тогда уже доносить мнѣ, когда ваши домогательства будутъ тщетны; ибо цѣль вашей должности должна быть прежде всего предупрежденіе и отстраненіе всякаго зла. Напр., дойдутъ-ли до вашего свѣдѣнія слухи о худой нравственности и другихъ поступкахъ молодыхъ людей, предварите о томъ родителей или тѣхъ, отъ коихъ участь ихъ зависитъ или добрыми вашими внушеніями старайтесь поселить въ заблудшихъ стремленіе къ добруму и довести ихъ на путь истины прежде нежели обнаружить гласно ихъ худые поступки предъ правительствомъ.

4) Свойственныя вамъ благородныя чувства и правила несомнѣнно должны вамъ приобрѣсть уваженіе всѣхъ сословій, и тогда званіе ваше, подкрѣпленное общимъ довѣріемъ, достигнетъ истинной своей цѣли и принесетъ очевидную пользу государству. Въ васъ всякій увидитъ чиновника, который черезъ мое посредство можетъ довести гласъ страждущаго человѣчества до престола царскаго и беззащитнаго, безгласнаго гражданина немедленно поставитъ подъ высочайшую защиту Государя Императора.

Сколько дѣлъ, сколько незаконныхъ и безконечныхъ тяжбъ посредничествомъ вашимъ прекратиться могутъ! Сколько злоумышленныхъ людей, жаждущихъ воспользоваться собственностію ближняго, устроятся привести въ дѣйствіе пагубныя свои намѣренія, когда они будутъ удостовѣрены, что невиннымъ жертвамъ ихъ алчности проложенъ прямой и кратчайшій путь къ покровительству Е. И. Величества!

На такомъ основаніи вы въ скоромъ времени приобрѣтете себѣ многочисленныхъ сотрудниковъ и помощниковъ; ибо всякій гражданинъ, любящій свое отечество, любящій правду и желающій зрѣть повсюду царствующую тишину и спокойствіе, потщится на каждомъ шагу васъ охранять и вамъ содѣйствовать полезными своими совѣтами и тѣмъ быть сотрудникомъ благихъ намѣреній своего Государя.

5) Вы безъ сомнѣнія даже по собственному влеченію вашего сердца стараться будете узнавать, гдѣ есть должностные люди совершенно бѣдные или сырые, служащіе безкорыстно вѣрой и правдой, немогущіе сами снискать пропитаніе однимъ жалованьемъ, о каковыхъ имѣете доставлять ко мнѣ подробныя свѣдѣнія для оказанія мнѣ возможнаго пособія и тѣмъ самымъ выполнить священную на сей предметъ волю Е. И. Величества отыскивать и отличать скромно и вѣрно служащихъ.

Вамъ теперь явно открыто, какую ощутительную пользу принесть точное и безпристрастное выполнение вашихъ обязанностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ легко можете себѣ представить, какой вредъ и какое зло произвести могутъ противныя сей благотворительной цѣли дѣйствія, то конечно нѣтъ мѣры наказанія, какому подвергается чиновникъ, который, чего Боже сохрани и чего я даже и помыслить не смѣю, употребить во зло свое званіе, ибо тѣмъ самымъ разрушить предметъ сего отеческаго Государя Императора учрежденія.

Впрочемъ нѣтъ возможности поименовать здѣсь всѣ случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое вниманіе, ни предначертать вамъ правилъ, какими вы во всѣхъ случаяхъ должны руководствоваться, но я полагаюсь въ томъ на вашу прозорливость, а болѣе еще на безпристрастное и благородное направленіе вашего образа мыслей. Генераль-адъютантъ Бенкендорфъ.“

Нельзя не признаться, что учрежденіе корпуса жандармовъ, слѣдствіе обстоятельствъ въ началѣ царствованія, могло быть и дѣйствительно иногда полезно. Значеніе его въ первые годы было очень высоко; нельзя также не замѣтить, что главнѣе начальники, графъ Бенкендорфъ, А. Н. Мордвиновъ и всѣ чины корпуса въ секретной полиціи люди честные, благонамѣренные и дѣятельные. Но значеніе это, по волѣ Государя, мало-по-малу стало уменьшаться, и нынѣ вліяніе жандармовъ едва замѣтно. Самъ Государь не любитъ этого корпуса; медленность наградъ, общее отвращеніе отъ голубыхъ мундировъ и непривлекательность службы въ сущности ея суть причины невступленія въ корпусъ людей достойныхъ. Вначалѣ необыкновенное значеніе его подрывало мѣстную власть; всѣ шли, жаловались, клеветали на жандармовъ, которые вмѣшивались въ управленіе, въ судъ, даже въ дѣла духовныя, дѣла семейныя. Сибирскій генераль-губернаторъ жаловался на униженіе ими главной власти. Московскій генераль-губернаторъ, сколько могъ, противодѣйствовалъ имъ. Нѣкоторыя поспѣшныя распоряженія въ дѣлахъ цензуры, о взяточникахъ, о Жидахъ, любовныя интриги графа и Дубельта, вліяніе женщинъ, и наконецъ слабость шефа, коимъ руководили, какъ хотѣли, начальники Третьяго отдѣленія, были причинами нравственнаго упадка этого учрежденія. Очень часто шефъ вмѣшивался въ дѣла юстиціи и не рѣдко испрашивалъ, по дѣламъ гражданскимъ, такія повелѣнія, которыми явно нарушались коренныя правила и формы, какъ напр. о пересмотрѣ дѣлъ, между прочими дѣла Зимницкой, о которомъ графъ Панинъ входилъ къ Государю съ новымъ докладомъ. Лучше ли стали люди и не боятся надзора, или жандармы стали хуже; усилились ли другія управленія или ослабло высшее жандармское управленіе, достовѣрно то, что Третье Отдѣ-

леніе и штабъ занимаются не политическими дѣлами, а благотворительными, и думаютъ не о томъ общемъ благѣ, о которомъ писано въ инструкціи, но объ интересахъ частныхъ.

Крѣпостное право болѣе и болѣе обращаетъ на себя вниманіе правительства. Всякое дѣло о злоупотребленіи помѣщичьей власти останавливается на себѣ министра и Государя. Иногда мѣра наказанія усиливается (какъ напр. Осмигельскій) до чрезвычайной степени; но до сихъ поръ это право составляло предметъ сужденій большею частію въ уголовномъ отношеніи, въ договорномъ по штрафамъ и несостоятельности. Въ этихъ двухъ отношеніяхъ личность крѣпостныхъ имѣетъ нѣкоторыя въ законѣ опредѣленія, имъ недостаетъ только прочнаго огражденія. Недавно разсматривалось въ Министерствѣ любопытное дѣло по жалобѣ бывшаго крѣпостного графини Остерманъ-Толстой переселенца Невѣрова*). Онъ управлялъ имѣніемъ, но безъ довѣренности дѣлалъ съ крестьянъ сборы и занимался оборотами; помѣщикъ сослалъ его въ Сибирь. Недвижимое имущество ему не отдано (до ста т. р.). Придя на поселеніе, онъ прислалъ въ уѣздный судъ просьбу о возвращеніи ему его капиталовъ. Судъ отказалъ. Невѣровъ жаловался во всѣхъ инстанціяхъ, получилъ отказъ. По разсмотрѣнн дѣла въ общемъ собраніи и на консультаціи, одни полагали предоставить ему право иска, другіе нѣтъ. Министръ принялъ послѣднее мнѣніе, но редакція предложенія требовала большихъ усилій, даже изворотовъ. Графъ не хотѣлъ положительно сказать, что Невѣровъ не имѣетъ права иска по закону, какъ бывший крѣпостной, но потому, что распоряженіе о немъ помѣщицы основано не на одномъ произволѣ (какъ пишетъ Невѣровъ), а на дѣйствительномъ злоупотребленіи имъ властію управителя незаконными сборами, кои удостовѣрены губернскимъ чиновникомъ. Я полагалъ основать отказъ на томъ правилѣ, что графиня Остерманъ имѣла право разсудить и рѣшить дѣло между Невѣровымъ и его одновотчиниками какъ помѣщикъ, которому законъ предоставляетъ подобную расправу между крѣпостными. Но все это извороты, показывающіе, что законъ не хорошъ и требуетъ измѣненія. Эдакіе законы подмываютъ и право, и учрежденіе. Замѣчательныя слова Невѣрова, что помѣщики будутъ держать крѣпостныхъ до шестидесяти лѣтъ, пользоваться ихъ услугами, а потомъ отберутъ все, что они могли нажить своими трудами, и въ преклонномъ возрастѣ сошлютъ ихъ на прокормленіе и погребеніе снисходительнаго правительства. Повторяю: крѣпостное право требуетъ точнѣйшихъ опредѣленій. По-

*) Имя, что не означено его имя. Не отецъ ли онъ достопочтеннаго Януарія Михайловича Невѣрова? П. Б.

пытки освободиться отъ него являются не рѣдко, желаніе не ново и, можетъ быть, самые помѣщики частію приготовлены. При общемъ стремленіи опредѣлить все законами, облечь формами и отчетливостью, эта масса непремѣнно должна имѣть хотя какую нибудь организацію. Помѣщики господствуютъ, а не управляютъ; они пекутся, но не обезпечиваютъ. Имъ не дано даже права представительства, а дано полное право распоряженія. Власть ихъ ограничена, а крестьяне не имѣютъ права жалобы, ни суда, ни иска. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ этотъ будетъ возбужденъ еще нѣсколько разъ. Трудно, опасно оставлять его въ настоящемъ видѣ, хотя еще опаснѣе приступать къ рѣшительному, какъ думаютъ многіе, освобожденію столь многочисленнаго, не образованнаго и не устроеннаго народонаселенія, болѣе двадцати милліоновъ. Нельзя не замѣтить, что этотъ классъ и винные откупа мѣшаютъ должному благоустройству столь же многочисленнаго класса государственныхъ крестьянъ.

*

Мать справедлива: мнѣ еще рано жениться, надобно побольше ума и опытности, побольше обезпеченія и какое нибудь значеніе. Если бы она знала мою суженую и ея семейство, она еще болѣе бы задумалась надъ моимъ вопросомъ. Нельзя не вѣрить матерямъ: матерямъ иногда дается провидѣніе. Но неужели и эта надежда должна разрушиться? Если не повѣрять, что это больно, повѣрять, что это досадно. Я далеко зашелъ и могу повредить молодой особѣ, но я сумѣю сгладить и оставить дѣло въ ожиданіи, не мѣшая другимъ, не отступая самъ.

*

1842. Новый Годъ нашелъ меня не въ старомъ положеніи, я выросъ и постарѣлъ: приходятъ чести и почести, уходятъ здоровье и наслажденіе. Меня поздравляютъ съ праздникомъ, я долженъ сидѣть и сидѣть, не жалѣя о развѣздахъ. Ни одинъ годъ не приносилъ мнѣ такихъ существенныхъ выгодъ; мнѣ остается благодарить Бога за то, что есть, и стараться удержать занимаемое мною положеніе. Если министръ исходатайствуетъ мнѣ хотя тысячу рублей серебромъ, я рѣшусь оставить все и всѣхъ и уѣхать въ Эмсъ или Карлсбадъ.

*

Я поправился отъ болѣзни и непримѣтно забылъ „Дни и Труды“ мои такъ, что нить ихъ перервалась, и я въ затрудненіи найти конецъ. Дѣло въ томъ, что положеніе мое противъ министра и моей министерши по видимому измѣнилось, и измѣнилось къ худшему. Въ душѣ я увѣренъ, что я войду въ свои права и стану твердою стопой. Такія временныя перемѣны весьма полезны для того, кто не хочетъ

играть жизнь и ждать смерти или спасения от случая, ошибки или недоразумения. Впрочем причину этой перемены, больше нежели другой кто, сам я. Обилие занятий требует исключительного посвящения им времени, а важность их особенной внимательности. Прибавьте к этому редакцию министерских бумаг, деликатность отношений и неопределенность в ней докладов, и никто не усумнится, что некоторые удачные работы мои, неуместная самонадеянность и при ней поспешность должны были изменить к худшему то выгодное положение, которое я незаслуженно занял при вступлении в министерство. Я это знал и видел. Я начал сверху, а следовало начать снизу, но к чести моей должен сказать, что я не упал духом от этой перемены и уверень, что она послужит к существенной моей пользе. Я служу восьмой годъ, служилъ несколько мѣсяцевъ въ провіантскомъ департаментѣ, гдѣ почти ничего не дѣлалъ, потомъ комисаріатскомъ, гдѣ совѣтъ ничего не дѣлалъ, и наконецъ въ департаментѣ юстиціи, гдѣ заваленъ работою. Такимъ образомъ я началъ службу, началъ учиться писать обрядныя; ничтожныя бумаги, будучи сдѣланъ Богъ знаетъ какъ и за что начальникомъ уголовного движенія; можно подумать, что я или имѣю большую протекцію, или знаменитый искатель. Посредственные люди говорятъ, что я пойду далеко; если бы они знали ходъ моей службы, они сказали бы: кто началъ службу начальникомъ отдѣленія, тотъ долженъ кончить ее по крайней мѣрѣ министромъ. Логика посредственности считаетъ ступени іерархіи сроками.

*

Я наконецъ посѣтилъ Русскій спектакль; я хотѣлъ видѣть персоналъ, котораго не видалъ около двухъ лѣтъ съ половиною, и посмотреть пьесу Полеваго, котораго совершенно потерялъ изъ виду. Персоналъ тотъ-же. Мартыновъ совершенствуется, не оставляя впрочемъ грубыхъ фарсовъ, которые такъ любитъ Русская публика. Новая актриса Самойлова 2-ая общается прекрасную милую артистку. Тоже новая Дюръ можетъ сдѣлаться отличною драматическою актрисою; она создана прекрасно, но мало выдержана, мало образована, въ ея движеніяхъ замѣтна Русская баба. Что касается до Полевого, онъ мало переменялся: умень, добръ, чувствителенъ, но при этомъ мало глубины, больше остроты, мало знанія, больше подражанія, мало изученія сцены и характеровъ, больше блеску и эффектовъ. Впрочемъ четвертый актъ Глинской имѣетъ эстетическое достоинство. Я не могу и здѣсь не сдѣлать замѣчанія, что Русская драма прежде была Французскою, а нынче грубою. При дворѣ господствовалъ строгій церемоніаль, и необузданность бояръ имѣла мѣсто въ частныхъ пирушкахъ,

много-много въ думскихъ, каверзныхъ спорахъ, но ни въ какомъ случаѣ не предъ царскими очами.

*

Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій снова беспокоитъ Государя о дозволеніи ему жить свободно, прїѣзжать и останавливаться въ столицахъ. Безъ сомнѣнія и эта просьба, даже подкрѣпленная ходатайствомъ Великаго Князя Михаила Павловича, останется безъ послѣдствій. Замѣчательнъ этотъ человѣкъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и страстью къ сплетнямъ и интригамъ, своимъ разнообразнымъ умомъ и наконецъ своею перемѣнчивою судьбою. Онъ происходитъ изъ извѣстной дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой считается математикъ временъ Петра Перваго. Сперва онъ служилъ въ гвардіи, потомъ преобразованіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, начальникомъ отдѣленія и здѣсь сблизился со Сперанскимъ, черезъ котораго въ скоромъ времени былъ назначенъ ст.-секретаремъ въ Государственный Совѣтъ; занимаясь „учрежденіемъ большой дѣйствующей арміи“, имѣлъ личный докладъ и, говорятъ, докладывалъ прекрасно. По страсти къ интригамъ и близкимъ связямъ со Сперанскимъ онъ долженъ былъ раздѣлить его опалу и былъ отправленъ въ Вологду, отсюда опредѣленъ вице-губернаторомъ въ Воронежъ, а потомъ губернаторомъ въ Симбирскъ. Искательство привело его самого въ Петербургъ, гдѣ онъ былъ назначенъ членомъ Комиссіи Училищъ и вскорѣ потомъ попечителемъ Казанскаго округа, въ этомъ качествѣ онъ ревизовалъ Пензенскую гимназію въ 1824 году, гдѣ я видѣлъ его лично, бывши ученикомъ перваго класса. Онъ произвелъ необыкновенное впечатлѣніе на двѣнадцатилѣтняго школьника; въ фізіономіи его, казалось, было множества ума и могущества, въ движеніяхъ и положеніи свобода и даже вольность господина. Я какъ сейчасъ помню выразительное лицо его. Въ 1826 году онъ высланъ былъ изъ Петербурга въ Казань, а изъ Казани переведенъ въ Ревель. Въ 1834 году я видывалъ его въ Москвѣ. Это уже былъ не Магницкій 1824 года, но старецъ добрый, сильный, съ эпиграммой на современника, съ сердцемъ на прошедшее и еще съ надеждою на будущее. Отсюда онъ переѣхалъ въ Одессу и наконецъ въ Херсонъ. Вездѣ этотъ человѣкъ порождалъ ссоры и неудовольствія, вездѣ искалъ господства проницательствами и вмѣшательствами, обносилъ и чернилъ, чтобы выказать свою дѣятельность, былъ жестокъ, чтобы показаться правосуднымъ. Онъ не разлученъ съ системою наущничествъ и оклеветаній. Вездѣ не любимый, не оставивъ нигдѣ добрыхъ слѣдовъ, онъ постоянно вопіялъ противъ злоупотребленій, ропталъ на недостатокъ способовъ и жаловался на враговъ; друзей онъ никогда не могъ имѣть. Ученое обра-

зованіе имѣлъ онъ поверхностное, но отлично образовался практикой, и я вѣрю, что онъ былъ прекрасный редакторъ и докладчикъ.

*

Очень много говорятъ о свободѣ крестьянъ. Говорятъ, что этого твердо желаетъ Государь; говорятъ, что нынче, 30 Марта, даже назначено для этого въ его присутствіи засѣданіе Совѣта. Думаю, что слухи, какъ всегда, преувеличены; по мнѣнію моему, не осторожно давать даже поводъ подобнымъ слухамъ. Масса крѣпостныхъ и есть безмысленная чернь, которая такъ ничтожна, что всякая переменна, хотя бы путемъ преступленія и наказанія, для нея есть выигрышъ, приобрѣтеніе высшихъ правъ. И вотъ наконецъ (2-е Апрѣля) вопросъ этотъ разрѣшился высочайшимъ указомъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ для обязанныхъ крестьянъ, увольняемыхъ изъ крѣпостного права безъ земли. Находятъ, что странный этотъ указъ, разосланный при еще болѣе странномъ циркулярѣ, есть мѣра не осторожная, надѣляетъ болѣе шума, нежели пользы и удобнѣе могла бы быть приведена въ исполненіе простымъ формальнымъ поясненіемъ статьи Свода въ Сенатскомъ указѣ. Я не совѣмъ согласенъ съ этимъ. Слухи о предположенномъ освобожденіи крестьянъ были общіе и довольно громкіе. Безъ сомнѣнія предположеніе, давшее поводъ къ симъ слухамъ, было обширнѣе нежели этотъ указъ, состоявшійся послѣ двухъ засѣданій въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи Государя. Слухи и толки эти должны быть разрѣшены высочайшимъ указомъ, а не сенатскимъ, котораго бы никто не замѣтилъ. Во-вторыхъ, сенатскій указъ никогда бы не имѣлъ такого вліянія на дѣло, какъ этотъ именной, въ которомъ опредѣленно выражена цѣль правительства и притомъ воля Государя, непосредственно имъ самимъ объявленная, во всеобщее свѣдѣніе. Въ третьихъ, указъ этотъ, какъ ни ограниченно содержаніе его, въ существѣ своемъ оглашаетъ важныя начала въ нашемъ законодательствѣ и, можетъ быть, приготавливаетъ къ мѣрѣ рѣшительной, но за симъ указомъ, не столь уже рѣзкой, какъ показалась бы она безъ сего указа, именно увольненіе крестьянъ не по волѣ помѣщиковъ, но непременно въ извѣстные сроки, на извѣстныхъ условіяхъ. Вольная мѣра теперь легко можетъ быть сдѣлана обязательною, если не прямо, то сперва съ нѣкоторыми поощреніями, какъ напр. уменьшеніемъ казеннаго долга, а по незаложеннымъ имѣніямъ выдачею нѣкоторой возмездной суммы. Стоить только начать какому-нибудь Бобринскому, Воронцову, стоить только составить условія опредѣлить новое положеніе крестьянъ и отношенія земской полиціи, мѣра эта двинется быстро, распространится, разовьется и сама собою легко можетъ сдѣлаться общою такъ, что прави-

тельство будетъ въ необходимости придать ей этотъ характеръ. Подождемъ *).

*

Много смѣшного говорятъ о наградахъ, особенно о синей лентѣ директора театра Геденова (бить давно, все краснѣль и посинѣль только нынче) и о графствѣ Д. Н. Блудова, отъ котораго у Хитрова и Уварова на сердцѣ кошки скребутъ.

*

Моя поѣздка, кажется, рѣшена. Министръ согласился, и нынче послано въ Комитетъ представленіе. Мнѣ назначается вспоможеніе 600 руб. сер. и отпускъ на четыре мѣсяца. Кажется, можно будетъ устроить поѣздку. Какъ я предполагаю путешествовать въ маленькихъ городкахъ и по нижнимъ слоямъ, то надѣюсь съ этими деньгами, съ займомъ у моего Димпнера, совершить поѣздку даже роскошно. Прощай же мое великое отечество! 22 Іюня 1842 г. Понедѣльникъ.

*

22 Октября 1842 г., стало быть ровно черезъ четыре мѣсяца, я возвратился въ Петербургъ, объѣхавъ почти всю Европу. Здравствуй же, мое великое отечество! Я нашелъ все въ хорошемъ положеніи. Министръ, директоръ и отдѣленіе даже обрадованы моимъ пріѣздомъ.

*

У Перевощикова умерла старшая дочь Пистолькорсъ, и старикъ глубоко пораженъ своимъ несчастіемъ. Жаль мнѣ добраго человѣка Василя Матвѣевича, онъ не удачно провелъ жизнь свою и несчастливъ въ семействѣ. Когда и гдѣ я родился? Перевощиковъ подарилъ мнѣ нѣкоторыя письма моего отца. Въ одномъ изъ Валяевки, 12 Іюня 1812 г. отецъ пишетъ: „я пріѣхалъ въ Пензу 12 Іюня прошедшаго года, проживъ мѣсяца четыре съ тестемъ... (это въ Знаменскѣ); коль вы любопытны, скажу вамъ, что у меня три сына: Константинъ Мурашевскій, Леонидъ Миритиницкій, Касторъ Знаменскій, всѣ молодцы, честные и собою хорошенькіе“. Изъ этого я долженъ заключить, что я родился въ Знаменскѣ въ Іюнь—Сентябрѣ 1811 года.

*

Какъ усиленно работаетъ надъ подмостками, подставками и подпорками наше правительство. Оно какъ бы задачу себѣ задало, придумать администрацію и судъ, запутаннѣе котораго и быть нельзя. Ин-

*) Замѣчательно, что иностранные журналы столкнулись въ толкахъ объ этомъ указѣ съ нашею чернію, а можетъ быть и съ правдой. Народъ утверждаетъ, что Государь хочетъ дать волю, да дворяне не хотятъ и что указъ писалъ Государь, а объявленіе (циркуляръ) Перовскій.

станція надъ инстанцією, ручательство за ручательство; инстанціи парализуютъ ходъ дѣлъ, а ручательства парализуютъ истину. Дѣла волочатся, судъ умничаеть: такъ трудно поддержать несправедливое, ложное положеніе. Не скоро подобный механизмъ можетъ быть, развитый до высочайшей степени, доведенъ до нѣкотораго совершенства; но это будетъ тогда, какъ въ него потеряютъ всякую вѣру. Теперь его терпятъ въ надеждѣ, тогда его бросятъ отъ досады и скуки. Матеріально вредно это для государства, ибо стѣдитъ огромныхъ суммъ; вредно нравственно, ибо лишаетъ правительство довѣрія. Мы имѣли въ послѣдніе годы большіе общественныя несчастія: холера, пожары. Чтò дѣлалъ народъ, къ кому обращался онъ? Онъ буйствовалъ, терзалъ невинныхъ; не повиновался правительству. Въ Кузнецкѣ почти осадили судъ, въ Симбирскѣ бросили въ огонь помѣщиковъ и исправника, рвали Жидовъ, медиковъ, въ Старой Руси перебили офицеровъ. Бунты эти ничтожны, неопасны: въ Кузнецкѣ пошлютъ Перфильева, въ Симбирскѣ проѣдетъ Комаровъ, въ Старую Русь прискачетъ самъ Государь; но бунты эти доказываютъ, что къ правительству не имѣютъ довѣрія. Ваши инстанція и ручательства тутъ не помогутъ, вы и сами отмѣняете ихъ: давай военно-судебныя комиссіи, давай экзекуцію! Эти бунты нынѣ являются чаще и подъ незначительными предлогами. Тамъ отъ принужденнаго посѣва картофеля вы издаете повелѣніе сѣчь не сѣющихъ картофель; тамъ отъ введенія запасныхъ магазиновъ и общественной запашки вы усиливаете мѣры строгости, а тамъ отъ пожаровъ или поджоговъ вы приказываете судить военнымъ судомъ и выставляете строй шести тысячъ. Какая-то потѣха видна въ этихъ волненіяхъ, какое-то отчаяніе видно въ вашихъ строгихъ мѣрахъ. Хуже. Прежде шумѣла и бурлила чернь, теперь волненіе принимаетъ болѣе правильный видъ, и вамъ уже актами доказываютъ, что не имѣютъ къ вамъ довѣрія, что, если вы не сведете сами вашихъ предпоставленныхъ, ихъ сведутъ. Такъ въ Казани и Перми свели полицейместеровъ. Въ Перми собралось общество купцовъ и гражданъ и постановило актъ объ удаленіи полицейместера. Хуже. Прежде народъ, не имѣя довѣрія къ временнымъ властямъ, искалъ подпоры и утѣшенія въ Небѣ, у властей святыни. Вы хотите поставить православіе, прежнее терпимое православіе краеугольнымъ камнемъ и въ глазахъ этого православія обдираете католицизмъ, чистите унію и душиите раскольниковъ въ Иргизѣ, въ Кременчугѣ, у Дерпта. Ни католикъ, ни уніатъ, ни раскольникъ не имѣютъ свободы совѣсти. Ксендзы притворствуютъ, епископы—подличаютъ, храмы Божіи перекрещаются. Самый православный въ виду такого соблазна теряетъ вѣру и къ своей церкви, смотря какъ изъ нея сдѣлали пьедесталъ мірскаго могуще-

ства. Я не скажу этого, это слишкомъ рѣзко. Я скажу, что и по моему мнѣнію есть важныя уклоненія отъ пути добраго, настоящаго; но я скажу также, что виною этого не Государь, а его министры. Ансельмъ сказалъ, и сказалъ справедливо, что монархіи погибають не отъ царей, а отъ министровъ. Надобно, чтобы министры не были государями, чтобы губернаторы не были министрами, чтобы секретари не были губернаторы; наконецъ, чтобъ всѣ они не были машины, гербовыя бумаги, титуль, по закону, кому слѣдуетъ, отъ сего дѣла особо, справка,—а въ самомъ дѣлѣ буква, придирка, вымогательство.

*

Я довольно долго говорилъ съ М. П. Позеномъ о дѣлахъ. Говорятъ, что онъ перекрещенный Жидъ. Онъ женился на сестрѣ какого-то квартальнаго и былъ очень бѣденъ. Служилъ по департаментамъ просвѣщенія, разныхъ податей сборовъ и тогда уже мелкій чиновникъ, по выраженію покойнаго Карнѣева, мѣтилъ въ министры. Случай свелъ его съ Чернышевымъ, онъ перешелъ къ нему, и прекрасному уму открылся широкій путь. Скоро онъ взялъ въ свои руки законодательную часть Военнаго Министерства изъ 1852 года, въ качествѣ старшаго чиновника военно-походной канцеляріи, приобрѣлъ обширное вліяніе, сдѣлался извѣстенъ Государю, бралъ по пяти наградъ въ годъ и преобразовалъ составъ и военное хозяйство. Онъ работалъ много и работалъ прекрасно; свѣтлый умъ обнималъ скоро и вѣрно, опытная рука излагала отчетливо и изящно. Военное Министерство многимъ ему обязано. Говорятъ, что онъ нечистъ; эти слухи могли быть впрочемъ разглашены завистью. Несомнѣнно однако, что теперь онъ очень богатъ. Распространившіеся слухи объ участіи его въ провіантскихъ операціяхъ и даже жалобы на эти операціи дошли до Государя. Поздно немного. Онъ опустился и примѣтно показываетъ удаленіе, впрочемъ мнимое, отъ дѣлъ и вліянія. Его поднялъ Кавказъ. Теперь онъ статсъ-секретарь по дѣламъ Закавказскаго края. Онъ потерялъ въ обширности круга дѣйствій, но выигралъ въ самостоятельности. Онъ сидитъ съ министрами и думаетъ, какъ бы самому быть министромъ.

*

Я читалъ Чичикова или „Мертвыя Души“ Гоголя. По содержанію и связи повѣсти или поэмы, это вздоръ, сущій вздоръ, небылица; но по подробностямъ, по описанію портретовъ, это замѣчательное произведеніе; вѣрность ихъ несомнѣнна. Это Русскіе люди, Русскіе привычки, манеры и рѣчи подмѣченныя острымъ, зоркимъ умомъ Русскимъ. Типъ за типомъ, картина за картиной; слогъ очень небреженъ, но это послѣднее дѣло, читается не отрываясь. И тепло, и плотно, я не могъ до сыта нахотаться, читая о Селиванѣ, Ноздревѣ, Коробочкѣ,

Собакевичъ,—эти провинціальныя сплетни, этотъ губернаторскій балъ и этотъ разсказъ о Копѣйкинѣ. Вѣрно, умно. Но нельзя не замѣтить скрытной мысли автора: онъ пародируетъ современный порядокъ, современный классъ чиновный, онъ не совсѣмъ правъ и мѣстами немного дерзокъ. Это портитъ вкусъ. Къ сожалѣнію, подобныя пародіеры мало знаютъ наше управленіе и еще менѣе причины его недостатковъ; они говорятъ: мы не знаемъ, отчего это дурно. Жаль. А знай, они могли бы принести пользу своими критиками.

*

6 Декабря 1842 г. Вотъ вышелъ новый наказъ главному Закавказскому управленію. Году не прошло, какъ понадобилось новое положеніе, оно тоже работы Позена и носить на себѣ слѣды, хотя весьма немногіе, мѣстнаго обзрѣнія; но оно важно многими измѣненіями. Главныхъ два: усиленіе власти главнокомандующаго и обращеніе вниманія на мѣстныя особенности. Обязательность общихъ законовъ и общихъ мѣръ въ краю не опредѣлена, отношенія гражданскаго начальника къ главноуправляющему и положеніе директора спутано и сбивчиво. Но въ этомъ наказѣ довольно ясно выражено прекрасное правило, чтобы въ управленіи полицейскомъ и вообще гражданскомъ и при сборѣ податей было какъ можно менѣе чиновниковъ. Иногда наказъ трактуетъ главное управленіе, какъ школьниковъ, запрещая вдаваться въ тщетныя умозрѣнія или стѣсняться принятыми въ Европѣ системами. Вообще онъ носитъ печать поспѣшныхъ соображеній, ловкой самостоятельности и звонкой редакціи.

Кончается годъ замѣчательнымъ для меня путешествіемъ по Европѣ. Положеніе мое не измѣнилось, оно утверждается. Дай Богъ міру мира. Россіи устройства, Царю здоровья и всѣмъ временъ лучшихъ. 29 Декабря 1842 года.

*

Важныя измѣненія готовятся въ нашемъ отечествѣ, правительство серьезно начинаетъ думать о народныхъ нуждахъ, хотя до сихъ поръ (и можетъ быть, къ будущему благу) подчиняетъ эти нужды государственному единству. Отъ сюда два господствующія начала нашей государственной жизни: соглашеніе такъ называемыхъ, особыхъ правъ съ общимъ и усовершеніе общихъ правъ учрежденій точнѣйшимъ ихъ развитіемъ, опредѣленіемъ и расширеніемъ. Если бы послѣднее начало было первымъ, успѣхи были бы быстрѣе и общѣе. Соглашеніе общихъ правъ и сближеніе автономическихъ провинцій съ Имперіей продолжается. *Финляндія* осталась одна неприкосновенною, одно обстоятельство—это уравненіе служебныхъ правъ Финляндцевъ съ нашими. По порядку суда и расправы особыя правила очень похожи

на конвенцію. Въ системѣ народнаго просвѣщенія, части регальной и коммерческой продолжались прежнія мѣры; сколь ни слабы онѣ, особенно относительно другихъ странъ, они постепенно сближаютъ жителей, чему въ особенности способствуетъ близость столицы и квартированіе войскъ въ Великомъ Княжествѣ. Но Финляндія все еще смотритъ Швеціей, молчаливый характеръ обитателей сохраняетъ свою оригинальность и, не смотря на смежность, сношенія производятся все еще чрезъ министровъ и помощниковъ генераль-губернатора. Здѣсь нельзя не замѣтить, что Финляндія не рѣдко служитъ мѣстомъ ссылки. *Остзейскія* губерніи провинціи, незаслуженно пользуются особыми правами; они пріобрѣли ихъ по капитуляціямъ, они рѣшительно потеряли ихъ при Екатеринѣ Второй; они пользуются ими подъ условіемъ, что сіи права не противоположны основнымъ законамъ Имперіи. Во всякомъ случаѣ нашъ Сводъ имѣетъ силу помогательнаго права. Но Остзейцы такъ давно пользуются своими правами, высшій классъ такъ отличенъ отъ Русскихъ, и вообще Нѣмецкое вліяніе такъ сильно, что особыя права эти укоренились и, за недостаткомъ неопредѣленности, подробности и увѣренности, установились въ своихъ формахъ. Послѣднее время три замѣчательныя попытки были сдѣланы, или предположены: Русская грамота усилена, владѣніе крестьянами, такъ называемыми вольными, оказалось не такъ хорошо, какъ думали, и значительные переходы изъ Остзейскихъ деревень показываютъ неудовлетворительность крестьянскаго положенія. Неопредѣленность закона потребовала составленія свода. Не знаю, почему, этотъ сводъ до сихъ поръ не издается. Между тѣмъ Остзейцы не перестаютъ роптать на нарушеніе ихъ правъ, просятъ объ учрежденіи собственнаго высшаго суда, собираются на сеймъ въ Ригѣ и по выраженію императрицы Екатерины все въ дѣль смотрятъ. — *Польша*, можно сказать существуетъ на прежнемъ положеніи. Европейская образованность въ ней такъ усилилась, что завоеватели должны были поддаться завоеваннымъ. Русскій языкъ въ Польшѣ сдѣлалъ менѣ успѣховъ нежели можно было бы предполагать по двѣнадцатилѣтнимъ усиліямъ. Многое приняло Русскія названія, Сенатъ, обводы, станы, всѣ высшія мѣста заняты Русскими, сношенія начинаются, мѣстъ и лицъ непосредственныя, по-русски и по-польски, уголовное уложеніе составляется въ Петербургѣ, Поляки ссылаются въ Сибирь, ксендзы образуются въ Петербургѣ, гдѣ ихъ главное управленіе католицизма.

*

Въ Государственномъ Совѣтѣ есть особый департаментъ для дѣлъ Царства, нельзя чтобы Русское вліяніе не имѣло дѣйствія, какъ не сильна польская особенность, но качество здѣсь должно уступить коли-

честву. Поляки и Европа ропщутъ на стѣсненія и гоненія католицизма, здѣсь собственно приняты были три правила. Для единства дѣйствій пресѣчены непосредственныя сношенія съ папой и религіи наименѣе оставлено политическаго значенія, особенно послѣ революціи 1830 года, въ которой духовенство принимало сильное участіе, во-вторыхъ, гражданское значеніе католицизма подчинено православію—это смѣшанные браки; и въ третьихъ, имущества католической церкви подведены подъ одно управленіе съ имуществами церкви господствующей. Возсоединеніе унией было тоже мѣрою политическою, стало быть дало поводъ къ новому ропоту.—Губерніи западныя удерживаютъ такія особенности, на мѣстѣ которыхъ и общія права сдѣлались бы особенными. Тоже губерніи *Малороссійскія* и *Новороссійскія*, введеніе общаго порядка въ губерніяхъ западныхъ безъ сомнѣнія произвело много путаницы, разборъ шляхты, подлоги въ актовыхъ книгахъ, требовали новыхъ усиленныхъ распоряженій. Въ минувшемъ году состоялись положенія о заставныхъ листахъ и о городѣ Ригѣ, о записяхъ въ губерніяхъ Литовскаго Статута и о Господарскихъ грамотахъ въ Бессарабіи. Кавказъ до сихъ поръ не усмирень.—Великое царство Сибирское доселѣ сохраняетъ положеніе, написанное Сперанскимъ, оно требуетъ немногихъ, но существенныхъ дополненій. Тамъ теперь два генераль-губернатора. Князь Горчаковъ человекъ умный, но заносчивый, онъ взялъ себѣ за правило отражать министерства и охранять неприкосновеннымъ положеніе 1822 года. Правда онъ его жарко защищаетъ, да немного въ томъ толку. Другой генераль-губернаторъ Рупертъ. Имъ вообще чрезвычайно недовольны. Сибирское управленіе дополнено положеніемъ 12 Іюля 1840 года. Говорять, что оно очень дурно.

*

Что вы ни выдумываете мудрые люди, все это не прочно, не вѣрно и потому только хорошо, что выдуманно впадать, къ стати. Основа, начало и конецъ были и будутъ въ природѣ. Изъ естественнаго общества сдѣлали искусственное, и для поддержанія этого выдуманнаго искусственнаго порядка придумываемъ порядокъ фиктивный. Часто въ газетахъ печатается: въ такомъ-то имѣніи или тамъ-то отпускаются въ услуженіе люди крестьяне и пр., говорятъ, что подъ этимъ предлогомъ люди продаются, хотя законнымъ порядкомъ, продажа эта и не можетъ совершаться. Надобно узнать, какой актъ служитъ огражденію приобрѣтателю. Едва-ли. Это продажа вмѣсто рыночной отмѣненной Александромъ, и продаютъ на выборъ. Со мною въ домѣ на Сѣнной случилась такая исторія у Каленковскаго. Говорять, что можно какимъ-то окольнымъ путемъ приобрѣсти крѣпостного отдѣльно отъ семейства, хотя законъ это положительно запрещаетъ. Отдача въ услу-

женіе безъ контракта и безъ паспорта, невольная кабала. Часто помѣщикъ отпускаетъ человѣка по оброку, человѣкъ нанимается и довольно выгодно въ года, помѣщикъ требуетъ его къ себѣ и этимъ требованіемъ вымогаетъ отъ него какую-нибудь сумму, сдѣлывается и отмѣняетъ требованіе.

*

Бываютъ минуты, хочется бросить все, удалиться и отказаться даже отъ прекрасныхъ полезныхъ занятій моихъ. Скучно, грустно! Медленность убиваетъ интересъ занятій, недостатокъ довѣрія и ходъ по инстанціямъ раздражаютъ душу, холодность къ важному дѣлу уменьшаетъ охоту, теперь же мнѣ данъ вице-директоромъ Михаилъ Акимовичъ Рюминъ. Человѣкъ прекрасный, мягкій и добросовѣстный, но мягкій и медленный до чрезвычайности, его поражаетъ не ложь и не истина, а странность, случайность, онъ къ ней привяжется, забудетъ главное и подъ предлогомъ поясненія или возбужденія придуманнаго имъ вопроса, упуститъ настоящее дѣло. Графъ имѣетъ прекрасную привычку, подробно и самостоятельно разсматривать дѣла. Желательно бы было видѣть эту привычку вмѣстѣ съ различеніемъ дѣлъ, важныхъ отъ ничтожныхъ. Впрочемъ онъ, кромѣ независимаго и подозрительнаго характера, связанъ по рукамъ и по ногамъ, жаль мнѣ разстаться съ такою умною головою. А скучно, иногда очень скучно! Вздоръ, малодушество тяготится временными неудобствами, когда есть надежда и увѣренность, что труды полезны и впоследствии пройдетъ и самая скука. Графъ много сдѣлалъ для меня. Буду терпѣть!

*

На возвратномъ пути изъ Варшавы, и ѣхавши въ дилижансѣ, познакомился я съ Французскимъ путешественникомъ Charles Rollina, это молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, хорошо образованный, умный и даже ученый, не дурень собою, съ пріятными талантами, много видѣвшій и ѣздившій. Мнѣ онъ понравился, по положительнымъ свѣдѣніямъ въ Латинскомъ, Греческомъ и даже въ наукахъ естественныхъ, онъ не такъ болтливъ, менѣе другихъ суетенъ, довольно обстоятеленъ въ системахъ и серьезенъ по характеру. Мы съ нимъ сошлись и знакомство наше до сихъ поръ продолжается. Не понятно только было мнѣ, зачѣмъ онъ ѣдетъ; изъ многихъ разговоровъ, замѣтилъ я, что онъ не безъ хвастовства, очарованный моимъ отечествомъ, я рѣдко найду человѣка, который бы сталъ со мною въ томъ спорить, и Rolline соглашался со мною въ этомъ не потому, что и онъ такъ думаетъ, но для того, чтобы не спорить и (какъ говорятъ у нихъ) не выводить дурака изъ заблужденія, по нѣкоторымъ словамъ его я замѣчаю, что онъ ищетъ мѣста при какомъ-нибудь вельможѣ—секретаря, частнаго секре-

таря или учителя съ огромнымъ содержаніемъ, или компаніона, или наконецъ искренняго друга старика, старухи или молоденькой дамы— онъ ищетъ по-моему пустого мѣста. Во Франціи, вообще на Западѣ имѣютъ о насъ мелочное понятіе. Они убѣждены, что мы готовы очень дорого платить за вздоръ, за удовольствіе, за иностранцевъ и въ иностранныхъ земляхъ, это было, но этого теперь уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ было прежде. Они думаютъ, что у насъ нѣтъ закона: все дѣлаютъ, государь и вельможи. Такъ думалъ и Charles Rollin можетъ быть онъ одумается.

*

По дѣлу о дворянинѣ Страдомскомъ (1842 года № 11697), замѣчательна пасквильная записка, названная „Истинный видъ нынѣшняго времени“, обличающее сoterическое воззрѣніе Русскаго грамотея. „Грѣхъ скончался, правда—сгорѣла, благость вышла изъ свѣта, искренность спряталась, правосудіе въ бѣгахъ, добродѣтель ходитъ по міру, благодѣяніе подъ арестомъ, помощь въ домѣ сумасшедшихъ, истина погребена, кредитъ сдѣлался банкротомъ, совѣсть съ ума сошла, судья правосуденъ на безмѣнѣ, вѣра осталась въ Іерусалимѣ, надежда съ якоремъ на днѣ, любовь больна простудою, вѣрность у аптекаря на вѣсахъ, честность вышла въ отставку безъ мундира, кротость при дракѣ всегда на съѣзжій, законъ на пуговицахъ въ Сенатѣ. Терпѣніе скоро лопнетъ, 9 Мая 1840 года“. Подсудимый отозвался, что пасквиль этотъ оставленъ у него дьячкомъ Чернышевымъ. Жаль, что объ этомъ не разыскано.

*

Нельзя не порадоваться назначенію Перовскаго министромъ и предпринятымъ имъ преобразованіемъ по важнѣйшему министерству. Онъ взвѣсилъ хлѣбъ, далъ волю мелкой торговлѣ, оцѣнилъ гроба, принимается за аптеки, преобразовалъ управу, ревизуетъ губернаторовъ, пробирается къ земской полиціи, рассматриваетъ городскіе доходы и пр. Принимаемая имъ мѣры просты и прямы, происходящая отъ нихъ польза ощутительна. Дай Богъ ему продолжительной жизни, терпѣнія, удачи и хорошихъ сотрудниковъ.

*

Бывшій директоръ канцеляріи и правая рука военнаго министра князя Чернышева, ст. секретарь Брискронъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера—вывѣрять собственные свои (какъ правители дѣлъ военнаго совѣта) и прежняго начальника своего дѣйствія и счета по милліоннымъ операціямъ военнаго министерства. Говорятъ, что это сдѣлали графъ Клеймихель, чтобы удружить Чернышеву и князь А. О. Голицынъ, чтобы избавиться опаснаго соперника. Я ду-

маю, что это сдѣлалъ самъ Государь: Хитровъ старъ, Карнѣевъ у него умираеть, контроль плохъ. Можетъ быть впрочемъ при этомъ были въ виду и князь Чернышевъ и ст. секретарь Позень и самыя способности Брискорна.

*

Н. И. Пуцинъ принадлежитъ къ хорошей Русской фамиліи, сынъ генераль-лейтенанта, (кажется изъ морскихъ) умершаго въ 1842 году сенаторомъ; онъ учился въ Морскомъ корпусѣ, гдѣ съ братьями своими заключилъ прочную дружбу съ Безстужевыми и другими. Моряки дружны, постоянны и прямы. Я узналъ его ближе за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Министерствѣ Юстиціи. Съ перваго шага Н. И. Пуцинъ не оставилъ выказать главное правило своихъ дѣйствій и образа мыслей: я служу потому, что нужно жалованье, я частный человѣкъ и для службы, для правительства не намѣренъ жертвовать ни моими убѣжденіями, ни моими привычками, ни моими связями. Такъ какъ онъ говоритъ это часто, при всякомъ удобномъ случаѣ, повидимому онъ не измѣняетъ силъ правиламъ, но едва-ли это вполнѣ такъ. Въ Іюль 1842 года, ему дано было важное порученіе обозрѣть наказательное учрежденіе въ Сибири. Прежде онъ докладывалъ дѣла на консультаціи и участвовалъ въ кое-какихъ дѣлахъ при слѣдствіи, ревизіяхъ и пр. Я ничего не знаю изъ работъ его, а изъ словъ его узнаешь мало. Отличную сторону его характера составляетъ прямота, благородство и отвращеніе отъ всякихъ мелочей. Л. А. Перовскій видѣлся съ нимъ по пріѣздѣ его изъ Сибири, слушалъ его рассказы и (какъ говорилъ мнѣ Н. И.) предлагалъ ему мѣсто губернатора въ Сибири. При недостаткѣ административной практики, едва-ли въ немъ будетъ довольно ловкости, расторопности и рѣшительности. И едва-ли не лучше ли ему быть членомъ коллегіи.

*

Я часто ропщу на неудовлетворительное положеніе нашего уголовнаго правосудія. Я нахожу, что я правъ въ одномъ: у насъ нѣтъ *правосудія*, а есть судъ, постигающій тѣхъ несчастныхъ, которыхъ предають въ сердцахъ, не нарочно отъ нечего дѣлать. Настоящихъ мерзавцевъ судъ постигаетъ рѣдко, и если постигаетъ рѣдко, имъ не удается вывернуться, а что касается до низшаго класса, то едва ли для него существовать можетъ правосудіе и наказаніе въ настоящемъ смыслѣ словъ сихъ. Нельзя собственно право судить ихъ: они въ ложномъ неестественномъ положеніи; нѣтъ дѣйствительныхъ наказаній, ибо участь ихъ едва ли не хуже той, какая ожидаетъ ихъ по наказанію. О, мой Богъ, мой Богъ, какое у насъ правосудіе! Не могу ни замѣтить при этомъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ правосудій самое

худшее Австрійское. Наше хуже даже Австрійскаго, хотя имѣть съ нимъ общее то, что инстанціи парализуютъ одна другую. Мнѣ напоминаетъ это лгуна, который, поймавъ какого-нибудь простячка крестьянина или шляхтича, вретъ ему всякій вздоръ, несетъ околесную и чтобы прикрыть ложь и обманъ, путаешь его сторонними рассказами. Останавливается, уходитъ, приходитъ и кончаетъ, когда простякъ или шляхтичъ, не выдержавъ убѣжалъ и сгинулъ. Я серьезно думаю отказаться отъ мѣста. Надобно служить съ пользою, а здѣсь я никакой пользы принести не могу.

*

Замѣчательны свѣдѣнія о Государственныхъ крестьянахъ Устьемь-сольскаго уѣзда, Вологодскаго уѣзда. Нераспорядительное начальство другой годъ попускаетъ буйствовать и смѣяться своему безсилію ничтожныя селенія, подстрекаемыя крестьянами поповыми. Я почти увѣренъ, что Государю происшествіе это представлено въ другомъ видѣ, оно ничтожно, но оно замѣчательно, по очевидной недостаточности сельскаго управления и безсилію мѣстнаго начальства.

*

Это почти непонятно, я третій день безъ копѣйки и бьюсь какъ рыба объ ледъ. Но, повѣрять ли этому мои Саратовскіе? А это такъ и такъ по моей не расчетливости.

Графиня Юрія Петровна Строгонова желала поручить мнѣ управленіе дѣлами С.-П.бургскаго совѣта дѣтскихъ пріютовъ; мнѣ хотѣлось бы хорошо и поближе узнать членовъ этого Совѣта, и я изъявилъ согласіе, но графъ В. Н. Панинъ разсудилъ иначе и рѣшительно запретилъ брать стороннее занятіе, находя, что и своихъ довольно и предполагаетъ дать нѣкоторыя законодательныя работы, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ. Жаль, что не удалось мнѣ сблизиться съ графинею, но не удалось мнѣ, графъ правъ: едва ли бы дамскій Совѣтъ не увлекъ и не отвлекъ меня отъ министерскихъ занятій.

Сегодня 26 Мая 1843 г. пріѣхала ко мнѣ сестра Евлампія. Стало быть надо поразвлечься и потѣшить мою милую Саратовку.

Графъ сказалъ мнѣ: составленіе уголовного уложенія приняло хорошее направленіе, графъ Блудовъ согласился на представленіе его и представилъ министру юстиціи сдѣлать на оконченную часть (о преступленіяхъ и наказаніяхъ) свои замѣчанія, до внесенія въ Государственный Совѣтъ. Министръ прибавилъ, что онъ настоялъ на этомъ для того, чтобы поручить разсмотрѣніе уложенія мнѣ, послѣ собственнаго его обозрѣнія, которымъ онъ займется во время отпуска (въ Августѣ). Совершенно не понимаю, за что такая честь мнѣ, надобно приготовиться и предварительно изучить уложенія иностранныхъ послѣднихъ годовъ.

Сегодня 3 Іюня 1843 г., я проводилъ сестру мою. Какая-то пустота вокругъ меня и какая-то тоска въ сердцѣ.

*

И Римляне, позднѣйшихъ временъ, Нѣмцы и Французы прошедшаго и текущихъ столѣтій говорили о невыгодномъ условіи женщинъ въ обществѣ и наконецъ о неудовлетворительности условія брака, теперь эта тема сдѣлалась общою и можетъ быть введеніе въ ея убѣжденіе поведетъ къ совершенному отмѣненію формъ этого важнаго, религіознаго и гражданскаго акта. И семейства и государство должны противодействовать этому пагубному ученію и найти болѣе важныя огражденія соотвѣтственности браковъ и средства устроять тѣ недостатки, подъ предлогомъ которыхъ оуждается обрядъ или таинство брака.

Я нынче (20 Іюня 1843 г.) опять не имѣю денегъ на обѣдъ, такая безрасчетливость!

*

Сегодня графъ В. Н. Панинъ (30 Іюня) рекомендовалъ меня своему товарищу, бывшему здѣшнему губернатору д. с. с. Василю Александровичу Шереметеву. Нынѣ я и узналъ о его назначеніи, которое безъ сомнѣнія многихъ поразило. Думаю, что онъ назначенъ по представленію или по крайней мѣрѣ съ согласія графа. Это похоже на его выборъ, на его систему. Шереметевъ человекъ хорошей фамиліи съ хорошимъ состояніемъ, дѣятельный, умный и—аристократъ. Сколько я могъ замѣтить, графъ взялъ себѣ на умъ приостановить по возможности развитіе и напоръ выходцевъ, втирающихся въ служебную аристократію, стараясь занимать ее аристократами рожденными, ихъ привлекаетъ онъ въ министерство, имъ даетъ мѣста, ихъ посылаетъ въ Сибирь. Онъ хочетъ, чтобы, наученные и испытанные, они крѣпко и умно держали въ народѣ власть Государя, устраняя своими личными преимуществами и знаніями ропоть умныхъ разночинцевъ на незаслуженное покровительство и удовлетворяя требованіемъ общества своимъ отчетливымъ и опытнымъ управленіемъ. Безъ сомнѣнія это хорошо, хотя немного своекорыстно, немного тѣсно и немного поздно принимается эта система. Буду имѣть случай узнать Шереметева. Любопытно видѣть, какъ они сладятся съ графомъ, съ которымъ трудно раздѣлить что-нибудь. Какъ человекъ большого ума, графъ любитъ господствовать. Мнѣ кажется, что онъ способенъ выжать меня, какъ лимонъ, и бросить. Смѣшно думать такъ послѣ всѣхъ видимыхъ отличій, которыми онъ поощряетъ трудную службу мою; но я таковъ: безъ прямоты и довѣрія, безъ искренности и добросовѣстности и въ спутники не гожусь.

*

Если бы Государь вначалѣ царствованія далъ другое направленіе и повелѣ иначе, цѣня, какъ Петръ I-й, болѣе личность, нежели наслѣдственность, болѣе дѣло, нежели слово, конечно послѣ этого многое измѣнилось, но тѣмъ не менѣе направленіе дано, и Екатерининскаго епатріархальнаго учрежденія быть уже не можетъ. Явилось высшее дворянство новое, которому чужды и инстинкты и преданія стараго, оно не можетъ съ ними слиться и ведетъ своихъ приверженцевъ; 14-й классъ умножается до милліона, образованность обобщаетъ понятіе, газеты даютъ извѣстность, толкуютъ объ огражденіяхъ и ручательствахъ и, думая, можетъ быть, пустить пыль въ глаза, знакомятъ съ этими понятіями и утверждаютъ требованія. Многое готовится въ наше время по видимому спокойное, беззаботное. Не нравится мнѣ одно: у насъ начинаетъ пахнуть какими-то интригами, есть какой-то гордый произволь при видимой терпимости, какія-то удовленія при наружной откровенности. Чтò касается до меня, мнѣ очень бы хотѣлось узнать провинцію и отдохнуть тамъ тѣломъ и духомъ. Во всякомъ случаѣ я не измѣнюсь и буду идти прямо; авось исполнится, что я всегда утверждалъ, что прямота рано или поздно возьметъ свое и что государство вознаграждаетъ добросовѣстную службу. Не удастся—кто будетъ въ проигрышѣ?

Нынѣ 4 Іюля Б. К. Данзасъ навѣстилъ меня, чтобы объявить о пожалованіи меня кавалеромъ Станислава второй степени. Я очень благодарилъ его за личное ко мнѣ участіе. Я не слишкомъ радъ этой наградѣ. Надобно написать матери.

*

Я читалъ книгу о Маркиза Кюстина *La Russie en 1839*. Бѣглый взглядъ Европейца на нашу Россію выраженъ въ ней вѣрно. Къ сожалѣнію онъ мало былъ у насъ, и оттого большая часть его замѣчаній передаетъ или общее, давно извѣстное мнѣніе, или наглядное наблюденіе маркиза, не нашедшаго у насъ удобствъ другихъ Европейскихъ столицъ, не усвоившаго себѣ нашего положенія и завистливо смотрящаго на наше роскошное могущество. Есть въ книгѣ и сплетни, заведенныя господиномъ маркизомъ еще ва пароходѣ, есть черты вѣрныя. Надобно долго пожить съ нами, чтобы узнать насъ и признать необходимость многихъ учреждений и обыкновеніе нашихъ, кажущихся съ перваго взгляда странными и противными. Во всякомъ случаѣ никто не усумнится, что развитіе наше въ ходу, что главный двигатель его самъ Государь и что западные наклики о революціи въ Россіи порождаются частію завистью, частію одностороннимъ воззрѣніемъ. Чѣмъ меньше мы будемъ принимать Европейскаго, тѣмъ постепеннѣе и прочнѣе будутъ наши успѣхи. Но принимая Европейское въ одномъ

или сверху, надобно принимать его и въ другомъ или снизу. Теперь это не совсѣмъ такъ, и во многомъ замѣчается чувствительное противорѣчіе. Со времени Екатерины, еще болѣе Александра и особенно нынѣ царствующаго Государя (учрежденіе о губерніяхъ, работы Сперанскаго и сводъ) правительство старается ввести порядокъ, основанный на законѣ. Пишутъ законы, блюдутъ за ихъ исполненіемъ, ограничиваютъ произволъ, стараются внушить націи довѣріе, но это идетъ не успѣшно: законы пишутся людьми мало свѣдущими, законы не хороши; исполненіе и соблюденіе ихъ безотчетно и потому исполняется и соблюдается одна форма, произволъ (это хитрый и тѣмъ худшій произволъ) облекается законностью. Довѣрія нѣтъ къ закону, ибо онъ не хорошъ, да притомъ хорошъ или худъ его, не знаютъ, потому что его издаютъ безъ совѣта и спроса: законъ въ дѣлѣ, а дѣло канцелярская тайна. Спрашиваютъ: законъ. Вамъ даютъ чиновника, безконечныя инстанціи, необъятную переписку. Законъ въ рукахъ чиновниковъ, а чиновники и лично и по содержанію не имѣютъ никакого достоинства, лично, потому что мало образованныхъ и слишкомъ велика зависимость ихъ дѣлъ и самаго общественнаго мнѣнія отъ высшихъ, по содержанію, потому что его мало и пополняется оно взятками. Противорѣчіе важное, послѣдствія котораго тѣмъ опаснѣе, что они не примѣтны и развиваясь тихомолкомъ, могутъ обнаружиться только тогда, когда, подмывъ основаніе разрушаютъ зданіе съ громомъ и ломомъ, какъ въ пожарахъ, въ Кузнецкѣ, Перми, Казани, какъ въ буйныхъ шайкахъ крестьянъ нашихъ Восточныхъ провинцій.—Второе противорѣчіе—это введеніе просвѣщенія, нравственнаго равенства въ разъединенное чинами и сословіями наше общество. Наше время идетъ скоро, все развивается и распространяется быстро. Не движенія и движенія желаю я, но я желаю введеніе органовъ, посредствомъ которыхъ бы законъ составлялся и наблюдался осмотрительно и существенно, я желаю открытія путей, которыми бы недостатки и злоупотребленія обнаруживались и удостовѣрялись лучше. Такъ ли сякъ ли, но я надѣюсь достигнуть этого. Государь не попрепятствуетъ подобнымъ мѣрамъ. Остается желать, чтобъ какой нибудь опытный и безкорыстный совѣтникъ напомнилъ объ этомъ, сталъ между народомъ и правительствомъ (разумеется на время), иначе будетъ діархія. Управление и судъ, ограниченные огражденіями, неволью устроятся лучше. И безъ совѣтника это сдѣлается, только позже и, къ сожалѣнію, уступка тогда будетъ вынуждена, а всякое вынужденное согласіе лишено за ранѣе существеннаго качества дѣйствія—добросовѣстности. Безъ добросовѣстности необходимы интриги, ухищренія, пронырства и уловленіе, съ которыми тѣсно связаны козни и подлости.

Я видѣлъ огромный парадъ въ Красномъ Селѣ, передъ выходомъ войскъ изъ лагеря, я слышалъ громогласную команду Государя, я любовался зрѣлищемъ восьмидесяти тысячъ войска, проходившаго мимо ставки Императрицы.

Любя всѣхъ, я никого не люблю особенно и оттого нигѣмъ не любимъ; я не знаю человѣка, котораго самолюбіе не было оскорблено мною или похвалою, или порицаніемъ или насмѣшкой. Съ низшими тонъ покровительства, съ высшими противорѣчіе. Кто меня полюбитъ, кто обо мнѣ пожалѣетъ!

Въ то время какъ мы торжествуемъ рожденіе сына Николая у Цесаревича Наслѣдника, и изъ Пруссіи, изъ Позена получено извѣстіе о сдѣланномъ покушеніи на жизнь Государя. Я не могу безъ содроганія думать о послѣдствіяхъ подобнаго несчастія. Государь такъ силенъ волею и вліяніемъ нравственнымъ, восемнадцатилѣтнее могущественное царствованіе такъ глубоко запечатлѣлось въ Европейской дипломатіи и народныхъ умахъ, что отсутствіе государя какъ бы не былъ хорошъ его наслѣдникъ, непременно произведетъ колебаніе, опасенія и самыя безпокойства. Но я совершенно не понимаю Познанскаго дѣла, надобно ожидать сплетенъ и вранья въ иностранныхъ газетахъ и если правда, что Государь просилъ прекратить всякое изысканіе, едва ли можно надѣяться на открытіе истины, а она важна и даже необходима въ дѣлѣ, которое могло имѣть столь великія послѣдствія и которое можетъ быть въ связи съ другими настоящими и будущими. Государь и Государыня съ Княжнами и Наслѣдникъ въ Москвѣ (26 Сентября). Благодарятъ ли они Бога за избавленіе отъ Познаннскаго покушенія или за рожденіе сына—внука, неизвѣстно. Я думаю и то и другое.

*

Не знаю, говорилъ ли я въ „Дняхъ и Трудахъ“ моихъ о молодомъ человѣкѣ Павлѣ Петровичѣ Хрущевѣ, это цвѣтокъ молодого разсадника. Онъ сынъ дворянина весьма хорошей фамиліи, племянникъ генералъ-адъютанта Бибикова, имѣлъ небольшое состояніе, былъ всѣми любимъ и, готовый вступить на блестящее поприще, на дняхъ внезапно скончался. Миръ праху твоему, мой молодой и прекрасный другъ!

Вы ропщете на Кюстина, Вы называете его лжецомъ, сплетникомъ и невѣжею. Конечно маркизь виноватъ въ томъ, что много наболталъ и нерѣдко вымышленными и приправленными разговорами съ Государемъ и царскою фамиліею старался придать видъ истинный своему описанію. Конечно поверхностный наблюдатель, запоздалый маркизь много написалъ суетныхъ, шаткихъ теорій, мудрствуя по-

своему и бросая памфлеты Парижскимъ своимъ недругамъ. Да, вы, кажется, не обратили вниманія, что въ сущности сочиненіе его носить печать внутренней глубокой ненависти къ современному порядку къ Россіи и особенно къ Государю и что эта ненависть принадлежитъ не временному гостю, а закоренѣлому аристократу, уязвленному въ самое сердце. Пишетъ Кюстинъ, но въ душу ему дуетъ Русскій, ренегатъ, освищенный честолюбецъ. Взгляните съ этой точки и вы легко отдѣлите сплетни и легкомысліе Француза отъ ядовитыхъ замѣчаній его внушителя. Въ особенности рѣзки черты нашей администраціи, какъ напр. о законности по однимъ формамъ, а законности формъ по одному произволу, а смертная казнь, существующая на самомъ дѣлѣ, о вліяніи Царскихъ словъ на толпы, въ особенности слуховъ о свободѣ крѣпостныхъ, объ уваженіи или страхѣ питаемомъ къ власти и пр. Въ самыхъ анекдотахъ, переданныхъ маркизу уязвленнымъ аристократомъ, видна личная ненависть Государю, приправленная завистью самого француза къ Россіи, таковъ напр. рассказъ о смерти Пушкина и совершенно искаженная сплетня, въ которой молодой поэтъ вовсе не мнилъ о славѣ къ затмѣнію славы самодержца, а просто на просто, неосторожно и съ глупою дерзостію разругалъ клеветовъ трона, слишкомъ глупыхъ, чтобы понимать государство и при томъ такое, какъ Россія. Ненависть Француза видна въ поверхностномъ мнѣніи о Пушкинѣ, но, пристрастіе въ сторону, нельзя не отдать справедливости образованному путешественнику: въ основаніяхъ упреки его справедливы. Желательно, чтобы какой нибудь государственный умъ Западнаго края пожилъ у насъ подолѣе. Многое въ Россіи есть слѣдствіе необходимости, многое не удобопонятно для завистника и вообще иностранца, но многое дурно и должно быть измѣнено. Повторяю, въ описаніи маркизъ правъ, и книга его есть услуга важная.

*

Мы имѣемъ прекрасную итальянскую оперу, лучше которой едва ли есть что нибудь на свѣтѣ: Рубини, Гарсія и Тамбурины, но эта опера мнѣ какъ бѣльмо на глазу. Смотри на наше общество и недостатки, я всякое преобладаніе иностраннаго считаю новымъ препятствіемъ для нашего развитія. Смотри на грубость нашего народа, я не могу понять, неужели запретительная система въ торговлѣ необходима, а для нравственнаго и художественнаго образованія необходимо порто-франко. Господа, вторженіе Нѣмцевъ въ началѣ восемнадцатаго столѣтія отдалило наше развитіе, поколебало кредитъ и сдѣлало тысячи банкротствъ.

*

Великій князь Михаилъ Павловичъ возвратился изъ путешествія и, говорятъ, не нахвалится Англіею, даже упряжь Англійская правится ему болѣе Русской. Нельзя при этомъ не замѣтить, что мы переживаемъ новую эпоху, которую хотять называть Русскою. Подражая и заимствуя въ продолженіи полутора столѣтій, мы хотимъ повернуться назадъ и развивать элементъ Русскій. Прежде брали и хорошее и дурное, потому что оно иностранное; нынче мы не хотимъ даже хорошаго, потому что оно иностранное. Не поздненько ли? Не держатся ли прежняго, и при томъ искреннѣе? Не ввести ли общины, центральныя власти, не ввести ли какую нибудь палату? Мнѣ кажется это соединимо съ самодержавіемъ и даже съ централизаціею.

Еще не стало одного молодого человѣка, полного надеждъ и богатаго талантами. Баронъ Радень, чиновникъ второго отдѣленія Императорской канцеляріи, внезапно скончался. Онъ отличался быстротою и смѣтливостію ума, принималъ дѣятельное участіе въ составленіи свода Остзейскихъ провинцій и въ кратковременную службу пріобрѣлъ довѣріе графа Блудова, который всегда поощрялъ труды его. Молодой человѣкъ былъ единственною опорою семейства.

*

Опасеніи мои на счетъ Министра начинаютъ сбываться. Встрѣтя сильное противодѣйствіе и не имѣя никого искренне съ нимъ связаннаго дружбою или единствомъ плана, онъ много имѣлъ непріятности въ Совѣтѣ, онъ такъ возстановилъ противъ себя статъ секретарей (даже такихъ, какъ Гаврилъ Степановичъ Поповъ), что непріятности эти продолжались и съ назначеніемъ, повидимому пріятели графу Панину, Н. И. Бахтина. Я опасался, что министръ откажется отъ министерства и, найдя ничтожный предлогъ уѣдетъ въ чужіе края или въ деревню. Опасеніе это сбылось въ половину: министръ сложилъ съ себя управленіе уголовнымъ правосудіемъ, избравъ себѣ товарища, оппозицію встрѣтилъ онъ всюду, въ старой и новой аристократіи: въ старой, потому что, изъ молодыхъ ранній, онъ не уважалъ въ другихъ ни старости, ни заслугъ. Князь Д. В. Голицынъ, графъ Воронцовъ и всѣ пожилые сановники знали графа мальчикомъ, а онъ дѣйствуетъ самостоятельно и даже указываетъ имъ. Въ новой аристократіи, потому что онъ въ душѣ преданъ старой и терпитъ или сноситъ новую какъ необходимость, зная ее только въ дѣлахъ службы. Товарищемъ себѣ онъ избралъ аристократа, но В. А. Ш. слишкомъ внезапно попалъ на это мѣсто, и потому иногда въ дѣлахъ государственныхъ имѣетъ возрѣніе губернское, чрезвычайно тѣсенъ въ своемъ кругозорѣ, а, какъ человѣкъ новый, чрезвычайно робокъ въ своихъ сношеніяхъ, однимъ словомъ, человѣкъ наименѣе способный замѣнить графа и

наиболѣе можетъ показать его необходимость. Можетъ быть, полагая, что составленіемъ уголовного уложенія во второмъ отдѣленіи Императорской канцеляріи, часть эта, отнятая такимъ образомъ у министерства, будетъ окончательно устроена, графъ думаетъ заняться частію гражданскою, которую онъ всегда считалъ выше уголовной, и привести ее въ лучшее состояніе. По моему мнѣнію, министерству слѣдуетъ заняться устройствомъ наказательныхъ учрежденій, это дало бы возможность ввести ихъ въ наше вѣдомство, и спросить соизволеніе Государя на командировку для обозрѣнія главнѣйшихъ учрежденій наказательныхъ въ Италіи, Германіи, Франціи, Англіи, Бельгіи и Польши и потомъ обозрѣтъ на мѣстѣ и точнѣе наши учрежденія и составить планъ постепеннаго устройства ихъ. Порученіе это я желалъ бы исполнить самъ, я взялся бы обозрѣтъ Европейскія учрежденія въ теченіе года и даже восьми мѣсяцевъ, начавъ Польшею и кончивъ Италіею. Для этого мнѣ нужно около трехъ тысячъ серебромъ. Потомъ въ столько же времени обозрѣтъ учрежденія наши. Для этого мнѣ нужно столько же. Я составилъ бы планъ и обработалъ бы это дѣло съ большимъ удовольствіемъ. Отчетъ мой, говорятъ не войдетъ въ записку, представляемую Государю, потому будто бы, что состояніе уголовного правосудія изображено въ немъ ужасными красками. Вопросъ: справедливо ли или преувеличено это изображеніе? Если справедливо, то министръ обязанъ представить государю; если не справедливо я долженъ, написать другой. Нѣтъ, у насъ всегда ограничатся полумѣрами и сейчасъ найдутъ справку (ревизія Сибири сенаторомъ Толстымъ), а потомъ мы будемъ роптать, что для насъ ничего не дѣлаютъ, тогда какъ скорѣе, слѣдовало бы сказать, что мы ничего не требуемъ. Я посмотрю, чѣмъ разыграется эта исторія.

*

Еще годъ прошелъ. Дай Богъ памяти вспомнить и записать что нибудь о 1843-мъ наканунѣ 1844 г. Ничего, почти ничего, кажется, время и отношеніе, вырванныя изъ историческаго лона событіями, 1789—1815 гг. начинаютъ устанавливаться. Броженіе, колебанія прекращаются и образуется мало-по-малу новое историческое право, порядокъ вещей раціональный. Еще слышны отголоски революціональныхъ волненій въ Испаніи и при Дунайскихъ земляхъ, въ Греціи и нѣкоторыхъ республикахъ Американскихъ, еще видимы воинственныя попытки завоеванія Востока. Но тишина видимо и прочно водворяется въ правительствахъ, Французскомъ доктриною Гизо, араціональное право и учрежденіе вырабатываются изъ туземныхъ элементовъ Германіи и Россіи. Утвержденіе законности требуетъ усовершенія и развитія законовъ. Направленіе это такъ сильно, что даже въ Пруссіи не сомнѣваются въ назначеніи нашего вре-

мени къ законоположеніямъ. Развитіе совершается снизу вверхъ, а не съ верху внизъ, какъ прежде. Почти во всѣхъ государствахъ составлены и изданы новыя уголовныя уложенія. Ограда личность, примутся за собственность. У насъ эти года замѣчательны обнаруживаніемъ недостатковъ внутренняго управленія, въ особенности полиціи и суда, ввѣренныхъ д. с. с. Перовскому и графу Панину. Л. А. Перовскій началъ свои дѣйствія распорядительными мѣрами въ столицѣ. Онъ немного переступилъ полицейскіе предѣлы и зашелъ съ одной стороны въ вѣдомство торговли, а съ другой въ вѣдомство судное назначеніемъ шпионовъ и особыхъ комиссій. Въ концѣ года онъ составилъ проэктъ, учрежденіе губернскихъ правленій. Жаль, что онъ хочетъ сдѣлать ихъ палатами М. В. Дѣлъ и что онъ началъ преобразование сверху внизъ. Многіе охуждаютъ выборъ его губернаторовъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ поступаетъ съ ними немного по наѣзднически.—Графъ В. Н. Панинъ связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ графомъ Блудовымъ. Ошибку или путаницу эту началъ еще Сперанскій, когда, по примѣру Прусскаго учреждено у насъ нѣчто въ родѣ законодательнаго министерства. Эта мѣра у насъ (гдѣ вовсе нѣтъ еще исторической почвы) была преждевременна: у насъ рано думать объ уложеніяхъ, надобно вырабатывать законы, а не улагать ихъ, надобно сочинять, постановлять и развивать законы, а не пересматривать ихъ. Графъ Панинъ все еще думаетъ, едва ли на чтонибудь рѣшится; онъ вполне убѣжденъ, что наше время еще зыблется и начала не установились. 1843-й годъ замѣчателенъ предположеніемъ о введеніи поземельной вмѣсто подушной подати, измененіемъ общаго губернскаго управленія, составленіемъ уголовного уложенія, ограниченіемъ производства, чиновниковъ третьяго разряда, введеніемъ порядка наградъ крестами по мѣстамъ, новымъ уставомъ цензуры, новыми касками, новыми деньгами, новыми операми. Въ нынѣшнемъ же году намъ сказали великую истину, что у насъ есть каталоги и этикетки, есть даже переплеты, но дѣлъ, вещей, листовъ нѣтъ, что мы передразниваемъ, но не перенимаемъ, что мы, вопреки природѣ и прошедшему, приняли наружность не свойственную намъ. Въ самомъ дѣлѣ, формальность, очистка, поверхность подавляютъ у насъ существо, и такъ какъ это противорѣчіе внѣшняго съ внутреннимъ производитъ ложное положеніе, то у насъ почти все не добро-совѣстно, не искренно и мелочно.

*

Трудно представить, до чего доходятъ голодъ и жажда злата. Наши высшіе сановники дѣлаются пронырами, скупщиками, ростовщиками въ откупахъ, подрядахъ и особенно въ золотопромышленности. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательно извѣстныя мнѣ дѣла Тита Зотова и

Голубкова съ Рязановымъ. И у того, и у другого хотять отнять пріиски и прежде нежели отняли у перваго, Наслѣдникъ просить участокъ своему адъютанту Паткулю, графъ Орловъ, сенаторъ Безобразовъ просятъ себѣ части, а Титъ Зотовъ, чтобы имѣть защиту, взялъ въ половину графиню Толстую, сестру Л. А. Перовскаго. У второго еще не отняли, а между тѣмъ статсъ-секретарь Карнѣевъ вошелъ съ Рязановымъ въ сдѣлку, выхлопоталъ черезъ комиссію прошеніе повелѣній о пересмотрѣ и принялъ на себя ходатайство.

*

Поѣздка моя въ Нѣмецкія наши губернія (Гельзингсфорсъ, Ревель, Ригу и Митаву) продолжалась съ 28 Іюля по 15 Сентября; она началась пріятнымъ пребываніемъ въ Финляндіи, кончилась непріятнымъ пріѣздомъ въ Петербургъ, гдѣ я засталъ брата. Наблюденія и замѣчанія мои собраны въ особой тетради. Теперь я не имѣю ни головы, ни досуга, чтобы заняться выводомъ общихъ результатовъ и въ особенности обработкою моей бѣглою ревизіи тюремъ, съ которою соединяется предположеніе объ устройствѣ суда и расправы надъ Русскими, слишкомъ подчиненными Нѣмецкимъ правамъ и обычаямъ.—Можно съ достовѣрностью предполагать, что графъ Панинъ не хочетъ быть министромъ. Онъ желаетъ главнаго завѣдыванія законодательною частію. Можетъ быть, ему даже передано объ этомъ отъ Государя.

*

Одинъ злой языкъ сказалъ, 6 Декабря, что министръ в. д. въ этотъ день печеть губернаторовъ, а весь годъ потомъ ихъ допекаетъ, что въ этотъ день обыкновенно выходитъ новый прейскурантъ не распроданнымъ дряннымъ винамъ: Г. Н. Н. въ генералы, Г. А. А. въ полковники и такъ дальше.—Особенно смѣшны извѣстія съ Кавказа. Тамъ Шамиль, говорятъ, на оцѣнку головы его генералу Нейгарту отвѣчалъ, что онъ не цѣнитъ головы генерала, потому что она ничего не стоитъ и чтобы не прислали вмѣсто нея другой, которая во всякомъ случаѣ будетъ умнѣе и слѣдовательно, для горцевъ опаснѣе. Между тѣмъ (смѣхъ въ сторону) перемѣщенія и производства и отдѣльныя наши управленія требуютъ серьезнаго размышленія. Мы такъ подчинили нашему произволу главныя мѣстныя начальства, что они потеряли всякое достоинство, не могутъ отвѣчать за завтрашній день, не могутъ обѣщать поощренія за самую полезную заслугу. Бѣдный Кавказъ не находитъ себѣ управляющаго; говорятъ, предлагаютъ А. П. Ермолову, который и будто бы соглашается съ условіемъ, чтобы въ случаѣ отозванія мѣра эта принята была не иначе, какъ по истребованія объясненія.

*

Я читалъ „Разысканіе о убіеніи Евреями христіанскихъ младенцевъ и употребленіи крови ихъ“, напечатанное по приказанію г. м. в. дѣль 1844 г.“ Не знаю, кто писалъ этотъ бѣглый обзоръ (можетъ быть, В. И. Даль или генераль-маіоръ Каменскій) и для чего напечатано это во многихъ отношеніяхъ поверхностное разысканіе о столь важномъ предметѣ, въ которомъ соединяются интересы народныя, религіозныя и юридическія. Можетъ быть, Левъ Алексѣевичъ, поборая государственное единство, думаетъ, принявъ энергическія мѣры, очистить отъ Евреевъ наши Западныя губерніи. Памятны имъ гоненія, воздвигнутыя въ Велижѣ 1823 г. и въ Мстиславлѣ по контрабандному дѣлу 1844 г. Брошюра замѣчательна по своему предмету, но бѣдна содержаніемъ, лишена безпристрастнаго взгляда, не имѣетъ достоинствъ ученаго изслѣдованія и даже полнаго собранія свѣдѣній. Не ищите здѣсь ни точныхъ источниковъ, ни вѣрныхъ указаній, ни оцѣнки событій. Это бѣглое изложеніе свѣдѣній, почти всеизвѣстныхъ, направленное къ тому, чтобы доказать, „что убіеніе христіанъ Евреями для полученія крови существуетъ; что обрядъ сей извѣстенъ и исполняется сектою Хасидовъ или Хасидымъ, и что поныѣ являются между Жидами фанатики и кабалистическія знахари, которые съ этою двойкою цѣлію посягають на мученическое убіеніе христіанскаго младенца и употребляютъ кровь его съ мистически-религіозною и мнимо-волшебною цѣлію. Польша и Западныя губерніи наши, служація со времени среднихъ вѣковъ убѣжищемъ закоренѣлаго и невѣжественнаго жидовства, представляютъ и поныѣ самое большое число примѣровъ подобнаго изуверства, особенно губернія Витебская, гдѣ секта Хасидовъ значительно распространилась. Можетъ быть, все это правда; но я повѣрю тому не прежде, какъ получу убѣжденіе, котораго не можетъ мнѣ дать это разысканіе. Весьма легко, сидя въ кабинетѣ, разсуждать о виновности лицъ, освобожденныхъ судомъ отъ отвѣтственности, какъ напр. по Велижскому дѣлу: не трудно признать эту виновность и будучи въ составѣ временной комиссіи, но трудно постановить приговоръ судебный, когда человѣческое убѣжденіе не подкрѣпляется тѣми доказательствами, которыя преподаны судѣ для успокоенія его совѣсти и при которыхъ всякая кара не вполне доказаннаго преступленія есть въ свою очередь преступленіе, угрожающее виновному и невинному.

*

1845 г. И. В. Капгеръ назначенъ и. д. директора нашего департамента на мѣсто Б. К. Данзаса. Данзасъ, говорятъ, сынъ князя Дмитрія или Бориса Владимировичей Голицыныхъ, учился въ Лицеѣ стараго времени, онъ имѣетъ слѣдовательно энциклопедическія свѣдѣнія, которыя впоследствии развились чтеніемъ и свѣтомъ, имѣющимъ въ Дан-

засѣ преданнаго сына. Я знаю его съ 1841 г. и два года работалъ съ нимъ постоянно. Отдавая справедливость разнообразію его свѣдѣній, быстротѣ понятій и памяти случайностей (три превосходныя качества въ дир. д. М. Ю.), я долженъ также упомянуть о трехъ недостаткахъ его: излишняя преданность свѣту, и особенно аристократіи, къ которой онъ думаетъ принадлежать, на которую онъ надѣется и которая его обанкротитъ, непривычка къ письму, ставящая его въ зависимость по работамъ съ нами, и упорство въ частностяхъ, которыя онъ взялъ себѣ въ голову. Идя всегда подъ покровительствомъ князя Голицына, онъ мало знаетъ нашъ классъ малыхъ чиновниковъ, не имѣетъ дисциплинарнаго дара начальника и, при всей благонамѣренности, часто несправедливъ. Недостатки сіи постановили его въ совершенно ложное положеніе, особенно съ назначеніемъ товарищемъ В. А. Шереметева. Ложное положеніе повело къ другимъ, даже въ мелочахъ, къ ложнымъ дѣйствіямъ, и этотъ благонамѣренный отъ природы человекъ невольно низошелъ до сплетень, развѣдываній и повѣреній. Мнѣ жаль было его и я почти радъ, что онъ вышелъ изъ департамента, хотя сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ выдти изъ ложнаго положенія. Вести преимущественно лицейство, способствовать опредѣленію молодыхъ людей лучшихъ семей, имѣть приглашенія и пожатіе руки вельможъ, поспорить съ министромъ, чтобы показать свою независимость и соперничать съ М. М. Карніолиномъ-Пинскимъ: вотъ главное его правило, по которому я никакъ не могъ сблизиться съ нимъ. Когда-то онъ представлялся чистымъ и прекраснымъ. Необходимость сломила его. Дай Богъ, чтобы онъ поправился.

И. В. Калгеръ совсѣмъ другой человекъ. Такъ какъ онъ былъ подо мною, я знаю только о его недостаткахъ и потому удерживаюсь отъ рѣшительнаго заключенія, но не могу не упомянуть о прекрасномъ качествѣ, это скромность. Онъ всегда былъ далекъ отъ всякихъ искательствъ, еще болѣе отъ всякихъ интригъ. Трудно найти человека, который былъ бы лучше носящагося о немъ мнѣнія. Положеніе мое нисколько не измѣнилось, и я по прежнему остаюсь съ М. А. Рюминымъ, который, къ вѣщему вреду его мѣста, теперь женатъ.

*

Графъ М. С. Воронцовъ назначенъ главнокомандующимъ и намѣстникомъ на Кавказѣ. Можетъ быть, хромающее управленіе этимъ краемъ въ Петербургѣ кончится; можетъ быть даже онъ иначе поведетъ и военныя дѣла, которыя такъ запутаны. Генералъ Ермоловъ отвѣчалъ о себѣ: я старъ, а горцы поумнѣли. Это умно и основательно. Назначеніе намѣстника есть живое убѣжденіе въ недостатокъ нашей централизаціи: широка и велика Россія для Французскаго со-

средоточенія въ управленіи. Между тѣмъ какъ генераль Нейгардтъ (самый формальный исполнитель изъ всѣхъ главноуправляющихъ) ходатайствуетъ о разрѣшеніи дѣла или освобожденіи арестанта, подсудимые перемерли, ссорящіеся помирились или передрались снова. А ходатайствуетъ онъ потому, чтобы министръ сказалъ о немъ доброе слово и чтобы не получить упрека за нарушение спасительныхъ Европейскихъ формъ въ Кавказскихъ провинціяхъ. Для меня весьма любопытно будетъ смотрѣть на дѣйствія нашего южнаго вице-короля, назначеніе котораго произвело во всѣхъ самое выгодное впечатлѣніе. Опасаюсь я этихъ г. г. Чернышевыхъ и Позеновъ, которые готовы запутать новаго намѣстника. У насъ тоже двуцарствіе и управленіе хоть брось. Не понимаю я цѣли этого равнодушія графа Панина, роняющаго достоинство цѣлаго вѣдомства. Боже мой! И всѣ эти продѣлки существенно связаны съ важнѣйшими интересами государства, подчиняются личнымъ видамъ. Это почти не понятно въ наше время и при такихъ умныхъ людяхъ, какъ Государь и графъ Панинъ.

*

Величайшее послѣдствіе Французской революціи есть торжество событій: ихъ принимаютъ по необходимости за право и сколько можно стараются облечь въ формы законности условнаго, писаннаго права. Остается одинъ шагъ до того, чтобы всякое событіе признать законнымъ, потому что оно совершилось. Неограниченная и сосредоточенная королевская власть была противодѣйствіемъ дробныхъ многихъ властей феодальныхъ. Революція была противодѣйствіемъ королевской власти и есть собственно возвращеніе прежнихъ феодальныхъ (властей) раздробленныхъ до безконечности въ каждомъ гражданинѣ. Имперія была противодѣйствіемъ этой анархіи или возвращеніемъ королевской (restoration), постоянными правилами (constitution), реакція конституціоннаго учрежденія обнаруживается въ хитростяхъ ограниченнаго короля и въ противоборствѣ неограниченныхъ напр. Прусскаго, Датскаго. Революція разливала огонь и пламя во имя свободы народовъ; Наполеонъ разрушалъ царства и династіи во имя свободы народовъ. Союзники поборали Европейскаго диктатора тоже во имя свободы народовъ. Три системы, различныя въ существѣ, пользовались однимъ орудіемъ, и какъ революція развела до нельзя кровопролитіе внутреннее, такъ Наполеонъ раздражалъ честолюбіе и славолюбіе до того, что не достало пищи. Онъ довелъ неуваженіе къ существующему до неуваженія самого себя, а союзники распалили народную гордость до той степени, что, едва достигнувъ цѣли, стали уже думать объ удержаніи и охлажденіи воспламененнаго ими стремленія. Въ этой-то игрѣ противоположностей, говорятъ, и состоитъ жизнь и умѣніе политики и власти.

По мнѣнію моему, умѣніе состоитъ въ томъ, чтобы не пробуждать и избѣгать крайности. Талейранъ, Меттернихъ, Кастлре и Гарденбергъ, по низверженіи Наполеона, вызвали начало прежней законности. Начало это не устояло, его уже нѣтъ, ни во Франціи, ни въ Испаніи, ни въ Бельгіи, ни въ Польшѣ. Старое начало не вяжется съ новыми формами. Нѣтъ, доколѣ въ основаніи нашихъ дѣйствій нѣтъ Бога и правды Его, дотолѣ невозможно ожидать счастливаго управленія. Опасайтесь всякихъ мудрствованій человѣческихъ систематиковъ, ибо явятся другіе съ другими системами и поборятъ васъ, и въ этой борьбѣ прольются слезы и кровь и не будетъ счастья, котораго по праву отъ васъ ожидаютъ.

*

Назначеніе графа Воронцова Кавказскимъ намѣстникомъ, принятое всѣми съ такимъ радушіемъ, имѣло послѣдствіемъ между прочимъ увольненіе Мих. Пав. Позена. Талантливый человѣкъ этотъ не по силамъ хотѣлъ помѣриться съ могущественнымъ графомъ и долженъ будетъ безъ боя уступить ему и вскорѣ уступить съ позоромъ для себя, какъ школьникъ, котораго приводили на очную ставку и изобличили во лжи и заносчивости.

Много вреда сдѣлало незаслуженное быстрое возвышеніе Позена, нажившаго себѣ значительное состояніе такими способами, которые во всякомъ случаѣ неблагоприятны для государственнаго человѣка, какимъ думалъ быть Позень. Я считалъ его сбившимся съ пути, когда, оставя Военное Министерство, онъ началъ выдѣлывать себѣ независимое мѣсто и засѣлъ рядомъ съ людьми, какъ напр. гр. Палинъ, гр. Блудовъ, Перовскій, которые головою выше его во всѣхъ отношеніяхъ. Не имѣя большихъ свѣдѣній и всеобъемлющаго ума, онъ, въ новомъ положеніи, не могъ имѣть того самостоятельнаго значенія, которое онъ имѣлъ въ управленіи хозяйственною частію Военнаго Министерства, гдѣ онъ обнялъ предметъ, для настоящаго времени, вполне, обработалъ его отчетливо и установилъ стройно и скоро. Съ Кавказомъ онъ уже не могъ справиться: неизвѣстность мѣстности, множество и разнообразіе предметовъ разсѣяли его и, хватая одни вершки, онъ не зналъ что писалъ, пріѣхавъ послѣ ревизіи съ княземъ Чернышевымъ *) въ Закавказскій Комитетъ. Надобно видѣть зыблемость, неопредѣленность вѣдомства и власти и вялость дѣйствій этого Комитета, чтобы убѣдиться въ слабости души его, которою

*) Въ Колхиду ѣдетъ вновь Язонъ.

Руно же привезетъ не онъ,

А—Позень.

Тогдашняя острота С. А. Соболевскаго. П. Б.

долженъ былъ быть Позень. Связавъ главноуправляющаго отчетностью какъ провіантскаго комисіонера, онъ до того стѣснилъ его своими запросами и дозорами, что главнокомандующій долженъ былъ отписываться въ назначеніи или повышеніи какого нибудь участковаго засѣдателя. Безсиліе, а за тѣмъ и вѣроятное упраздненіе Комитета было слѣдствіемъ съ одной стороны безсилія и мелочной привязчивости управляющаго Отдѣленіемъ, и съ другой—ничтожности производителей дѣлъ, гдѣ между незнающими людьми самый знающій былъ Бутковъ, имѣющій одинъ навыкъ къ работѣ, безъ всякихъ другихъ основныхъ средствъ. Можетъ быть, Позень опять всплыветъ на верхъ (трудно); можетъ быть, отставъ отъ марша фаланги, останется внизу. Въ этомъ случаѣ человекъ этотъ по прямотѣ взгляда и быстротѣ соображеній будетъ и въ частномъ быту замѣчательнъ. Я совѣтую ему приняться за хозяйство и наковать милліоны, къ чему онъ имѣетъ такъ много склонности, умѣнья и счастья.

*

Авторъ книжки: *la Russie envahie par les Allemands* (которымъ несправедливо считаютъ бывшаго директора Вигеля) между многими замѣчательными разсужденіями и свѣдѣніями, сообщаетъ слѣдующій анекдотъ объ императрицѣ Екатеринѣ II-й: *Un jour, obligée d'être saignée et présentant courageusement le bras à Rogerson, son médecin anglais, elle lui dit: „saignez, saignez moi bien, afin qu'il ne reste plus une seule goutte de sang allemand dans mes veines“* *). Это похоже на великую Государыню, которая, введя въ Остзейскія губерніи общія учрежденія, писала въ инструкціи генералу-прокурору (кн. Вяземскому), что провинціи эти все въ лѣсъ смотрятъ.

И нынѣ у насъ много Нѣмцевъ, партія Остзейская весьма сильна въ Совѣтѣ и Комитетѣ. Отдѣльность и отвращеніе этихъ губерній отъ насъ очевидны, но господства Нѣмецкаго уже нѣтъ, и преимущества уравнились съ общими, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ и внутреннихъ губерніяхъ. Невольно добираются до старыхъ установленій Остзеи, и невольны принимаютъ они нашу печать и наши улучшенія.

*

Содержатель сборовъ въ Бессарабіи, бывшій директоръ д. м. ф. по этой части, потомъ попечитель Одесскаго Учебнаго Округа Княжевичъ, за прошедшее пятилѣтіе имѣлъ убытку до милліона рублей. Самъ онъ разорился немного, но разорилъ многихъ залогодателей. Не

*) Однажды, когда ей понадобилось пустить кровь, она бодро протянула руку Рожерсону, своему Англійскому врачу, и сказала ему: пускайте, пускайте побольше, чтобы въ жилахъ у меня не оставалось болѣе капли Нѣмецкой крови.—Книжечка, изъ которой это взято, написана Ф. Ф. Вигелемъ. П. Б.

помогли ни сотоварищи, ни братья, ни прежніе сослуживцы. Недовольствуясь этимъ, казна, при новыхъ откупахъ, ввела въ условія особый § о сборѣ откупщикомъ акциза съ вина продаваемого помѣщиками, не имѣющими собственныхъ заводовъ. Откупщикъ Абаза поддалъ болѣе милліона, и этимъ очевидно нарушаетъ мѣстныя права тамошнихъ помѣщиковъ безъ сношенія съ главнымъ начальствомъ и безъ всякаго вѣдома помѣщиковъ. Начались тяжбы, ходатайства. Откупщикъ угрожаетъ разореніемъ, помѣщики жалуются на стѣсненія и нарушенія правъ, главное начальство представляетъ объ упадкѣ земледѣлія. Дѣло длится третій годъ, томы растутъ, недонмки пополняются. Да отъ чего же все это вышло? Чтò всего страннѣе, это именно то, чего не хотятъ замѣтить, отъ чего это произошло. Такъ дѣлаются у насъ всѣ дѣла.

*

Сегодня, 17 Марта 1845 г., крещеніе В. К. Александра Александровича и множество милостей: князю Васильчикову—маіоратъ, кн. Волконскому 400 тыс., Принцу Ольденбургскому—Импер. Высочество, графу Нессельроде—канцлерство; генералъ-лейтенантовъ, шефовъ еще болѣе. Трудно согласить ропотъ на награды, особенно Волконскому и Нессельроде. Чины и вообще награды болѣе и болѣе теряютъ цѣну. Это жаль. Умно употребленное орудіе это прекрасный двигатель правительственныхъ видовъ и средствъ пріобрѣтенія замѣчательныхъ талантовъ.

*

Графъ нынче въ шутку сдѣлалъ мнѣ весьма строгое замѣчаніе за отзывы мои, безъ должнаго уваженія, о трудахъ гр. Д. Н. Блудова. Это несовсѣмъ несправедливо. Между тѣмъ (прибавилъ онъ) вчерась, при слушаніи представленія о моей наградѣ, графъ Блудовъ отозвался Комитету съ самой лучшей похвалою о моихъ способностяхъ, о моихъ трудахъ и познаніяхъ. Это мнѣ не совсѣмъ ясно. Я былъ весьма часто различнаго мнѣнія со Вторымъ Отдѣленіемъ, часто для того, чтобы противорѣчіемъ—при безмолвномъ и безусловномъ согласіи моихъ сочленовъ и начальниковъ—выиграть что нибудь въ важномъ дѣлѣ, миновавшемъ рукъ нашихъ. Я всегда уважалъ прекрасныя качества души и быстроту взгляда гр. Блудова. Онъ богобоязливъ, снисходителенъ и имѣетъ многостороннее образованіе; но я всегда замѣчалъ и по выше упомянутой причинѣ не скрывалъ, что труды его, въ полномъ смыслѣ добросовѣстные и просвѣщенные, имѣютъ недостатокъ въ практическомъ примѣненіи и, такъ сказать, не по плечу намъ, слишкомъ явно носятъ печать теоріи и отвѣтствуютъ требованіямъ

болѣе будущаго, нежели настоящаго. Я бы желалъ имѣть случай отблагодарить гр. Блудова за его обо мнѣ мнѣніе.

*

Я читалъ небольшое сочиненіе: *La Russie en 1844. Système de législation, d'administration et de politique, par un homme d'état russe.* Если бы не нѣкоторыя грубыя ошибки, то можно бы было дѣйствительно повѣрить, что оно писано Русскимъ. Во всякомъ случаѣ участіе Русскаго очевидно какъ изъ весьма вѣрныхъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о нашихъ отношеніяхъ, такъ и изъ частныхъ извѣстій о мелкихъ событіяхъ и личностяхъ.

Я читалъ „Тарангасъ“ графа Влад. Сологуба. Это сочиненіе имѣетъ большой успѣхъ, написано легко и широко, заключаетъ въ себѣ много Русскаго и должно имѣть полезное вліяніе на насъ, въ томъ сознаниі, что требуетъ вызова. Часто оно напоминаетъ Мертвыя Души Гоголя и излагаетъ въ видѣ путевыхъ разговоровъ и впечатлѣній то сдѣлавшееся почти пошлымъ ученіе о народныхъ элементахъ жизни, которому такъ много поборниковъ, особенно въ Москвѣ, въ пріѣзжающихъ на время и въ недовольныхъ нашихъ путешественникахъ. Я съ ними не совсѣмъ согласенъ; я думаю, что время народности есть періодъ переходный, и потому нечего надъ нимъ долго пріостанавливаться. По мнѣнію моему надобно стремиться къ тому, чтобы положить въ основаніе жизни тѣ общія условія человѣчества, которыя остаются навсегда или по крайней мѣрѣ на долгіе годы. Не могу однако не замѣтить, что ученіе это—естественная реакція иноплеменнаго вліянія съ начала XVIII столѣтія, пробудившееся особенно послѣ 1812 г., довольно распространено и распространяется. Особенно сильна привязанность къ нему въ новомъ поколѣніи, которое быстро растетъ и быстро подвигается поощреніемъ правительства въ видахъ искорененія зла людей прежняго покроя. Не удивлюсь я, если ученіе это проявится и въ актахъ правленія и законодательства. Оно уже и проявляется. Сводъ нашихъ законовъ показалъ и показываетъ неполноту и неудовлетворительность нашихъ учрежденій и постановленій. Пересмотръ законовъ (мысль, заимствованная изъ Пруссіи) дѣлается уже подъ вліяніемъ этого ученія: обращаются къ памятникамъ, ищутъ повѣрки мѣстной, стараются сблизить законъ съ требованіемъ массы.

Нельзя не замѣтить, что, живя подъ иноплеменнымъ вліяніемъ около 140 лѣтъ, живущее поколѣніе должно будетъ сдѣлаться жертвою этой реакціи, какъ терпѣло въ первые годы иноплеменнаго вліянія поколѣніе современное. Итакъ все терпѣть и терпѣть, да въ этомъ-ли назначеніе государства?

*

Я уѣзжаю въ отпускъ къ моей матери, а между тѣмъ здѣсь, въ министерствѣ, готовится, по видимому, важныя перемѣны. Если вѣрится невѣрному моему сотоварищу, министръ тяготится своимъ товарищемъ, называя его „портретомъ“ приколоннымъ и убраннымъ для живописца. Онъ отпустилъ его до 15 Іюня, по письму своего правителя канцеляріи отсрочилъ ему даже до 24, между тѣмъ нынче 29, его нѣтъ, а графу надобно ѣхать въ чужіе края. Вчерась посланъ курьеръ въ погонь: если нынче въ 5 часовъ товарищъ не будетъ, подносится указъ объ управленіи министерства сенаторомъ А. Ѳ. Веймарномъ. Надобно признаться, выборы удачны.

Третье путешествіе мое къ матери въ Іюль 1845 года. Я былъ у матери въ 1832 г. по окончаніи курса въ Университетѣ, въ 1840 г. по смерти брата Леонида и въ 1845 г. Запишу это время. Я отправился 29 Іюня. Въ Москвѣ едва успѣлъ видѣться съ А. Е. Кашкиною и В. П. Прончищевою—прекрасною женщиной, какую я когда либо зналъ и видѣлъ. Два-три часа, проведенные съ нею, сблизили насъ душевно, и я полюбилъ ее какъ душу чистую и испытанную, головку хорошенькую и живую, сердце нѣжное и откровенное. Мнѣ кажется, я женился бы на ея дочери, если бы хоть одна совершенно на нее походила.

Взявъ сестру и племянницу-дочь, я поѣхалъ въ Нижній и пріѣхалъ 4 Іюля, упалъ въ ноги и обнялъ мою старушку. Благодарю Бога за это свиданіе, исполнившее душу мою чувствомъ семейнаго кровнаго удовольствія. 8 Августа пріѣхали Константинъ и Клавдій съ женою. И такъ я видѣлъ все мое семейство. Хорошая мать моя видимо стала старѣе и слабѣе. Благодаря содѣйствіямъ А. В. П., я думаю о ея устройствѣ. Мать не знала какъ сѣсть, взглянуть и сказать, чтобы угодить своему сыну. Меня это трогало и мучило. Я и она были связаны и въ постоянномъ спорѣ предупредительности. Прекрасное сердце ея часто вздыхало о братьяхъ; взглядъ Мери напоминалъ невозвратную потерю. Милая Евлампія сдѣлала все, чтобы успокоить меня. Я не могъ безъ глубокой признательности видѣть усилія ея сократить пылкость своего характера и—признаюсь—въ этомъ отношеніи пребываніе мое было для нея даже полезно. Она здорова и чувствительна.

Въ Москвѣ я провелъ время съ 11 Августа по 4-е Сентября. Москва снаружи улучшается, строенія чище, бульвары разрослись, лавки очистились, Кремль громоздится, въ противень ему масса—храмъ и черезъ рѣку два моста. Иное пріятно, другое жаль. Кремлевскій садъ очень хорошъ, но Спаса на Бору взяли ко двору. Мануфактура быстро усиливается, но она груба, потребители имѣютъ мало вкуса. Площадь, напр. Петровская, обстраивается въ прекрасный

фрунтъ, Кремль весь изъ отличныхъ зданій, но все это томно, скучно и вяло. Можетъ быть, несправедливо говорить, что Московскія дамы:

Дурно одѣваются,
 Дурно говорятъ по-французски,
 Весь день въ блузахъ
 Порядочно циничны въ сальныхъ разсказахъ.

Вообще въ Москвѣ много и даже слишкомъ много нараспашку. Прическа, à мужикъ, пестрые панталоны, красная рубашка, блуза и пальто, праздность и болтовство, порицаніе и самоувѣренность въ большомъ употребленіи. Обманъ и раззореніе еще болѣе. Развратъ. Я пріѣхалъ въ Москву, чтобы видѣть ее. Она была довольно пуста. Небольшія связи мои едва давали мнѣ средства узнать Московское общество. Я его и не узналъ. Послѣ обычныхъ визитовъ я хотѣлъ видѣться съ Московскими учеными: я былъ у М. П. Погодина. Эти люди по прежнему готовы на обветшалые возгласы: Россія необозрима, могущественна, просвѣщеніе льется, поощренія дешевы, народъ-молодецъ. Это не только скучно и глупо, но даже преступно. Возгласы эти вскружили голову, и ейміамъ такъ сдѣлался обыкновеннымъ, что требуютъ уже не словъ, а дѣйствій, не похвалъ, а раболѣпства. Я желалъ поговорить съ Московскими учеными о вредномъ вліяніи поощреній какъ ученыхъ или умственныхъ, такъ и промышленныхъ или матеріальныхъ. Поощреніе есть—въ глазахъ моихъ—нарушеніе естественнаго порядка, послѣдовательнаго развитія, а всякое нарушеніе ведетъ къ смѣшенію. Мы дошли до этого времени и слѣдовательно пришли къ противодѣйствию, къ ограниченіямъ. Въ Москвѣ мало видятъ это. Они не знаютъ, что манифестъ о дворянствѣ есть только одна изъ числа многихъ мѣръ, составляющихъ сѣть ограниченій. Я не знаю, скоро ли кончится ребяческое соревнованіе государствъ и народовъ нашего образованнаго міра. Дерзость, напыщенность и близорукое самолюбіе публицистовъ, истребляя личныя достоинства, раздражаютъ это соревнованіе и вредятъ высшимъ христіанскимъ интересамъ человѣчества. Я вѣрю, что это должно помниться, и что тѣмъ вѣрнѣе и обширнѣе будетъ достиженіе, чѣмъ упорнѣе сопротивленіе. Соревнованіе это въ видахъ развитія, даже полезно, вырабатывая внутреннія силы, національные элементы націй; но для меня прискорбно видѣть злобу этого соревнованія, видѣть, какъ тѣсныя системы стѣсняютъ отношенія частныя и, сторожа о государствѣ, не брегутъ ни чело-вѣка, ни человѣчества. Соревнованіе это начинается тѣмъ, что всякая нація прилагаетъ себѣ эпитетъ „великой“. Такимъ образомъ великая Французская нація, Англійская, Нѣмецкая, Польская, даже Датская и т. п., и всякая великая нація забываетъ о другихъ, съ нею сросшихся,

пренебрегаетъ сосѣдей, ищетъ первенства, образуетъ исключительное свое единство—политическое, административное, церковное, ученое, торговое. Я считаю настоящее положеніе, по преимуществу, переходнымъ. Идея національнаго единства, развившись и вполнѣ отразившись, разольется на всѣ сродныя части, какъ скоро интересы обозначутся, и идея, теорія, сдѣлается цифрою и очевидностію. Назадъ тому лѣтъ 10 никто не думалъ о національной учености, нынѣ даже и объ этомъ думаютъ вопреки всѣмъ явленіямъ общей образованности. Правительства, не говоря объ этомъ, прямо, стремятся къ осуществленію ея косвенно путемъ образованія юношества по министерской программѣ. Мѣра половинная и мысль мелкая! Строя дороги и пароходы, пересылая журналы, книги и учителей, вы хотите учредить національное образованіе! Нѣтъ, для этого нужна національная атмосфера, границы на моряхъ и въ воздухѣ, или первобытные вѣка и Китайскія стѣны. Вы не учредите національнаго образованія, а стѣсните мѣрами своими частную жизнь. Стѣсненіе частной жизни колеблетъ семейственныя основанія и портитъ общество, а чрезъ это изсушаетъ чувства привязанности, которыхъ никогда не вдохнетъ напыщенная декламация публицистовъ и систематистовъ, ласкающая національную гордыню. Молю Бога образумить насъ и просвѣтитъ предъ очами нашими тѣ высшія цѣли человѣческаго стремленія, которыя составляютъ конечно назначеніе и къ которымъ лучше теперь же стремиться, нежели противодѣйствовать имъ: ибо, рано или поздно, онѣ возмутъ свое, а лучше получить равнѣе то, чтò во всякомъ случаѣ назначено на общую и неизбѣжную долю.

*

Сегодня была рѣчь о моемъ вице-директорствѣ. Съ удовольствіемъ желалъ бы я вполнѣ показать мою дѣятельность и доказать, что измѣнить и улучшить настоящее неудовлетворительное наше вѣдомство вовсе немало трудно, какъ думаютъ.

Всякій разъ, когда я бѣгаю между людьми, я возвращаюсь къ себѣ менѣе человѣкомъ. Легче совсѣмъ молчать, нежели не говорить излишняго; легче укрываться отъ сообщества, нежели блюсти себя въ немъ какъ должно. Никто безопасно не говоритъ, если не любитъ молчать.

*

Прочтя о Вашингтонѣ, я въ часъ отправился въ маскарадъ. Толпа и болтовня. Царь, Наслѣдникъ и Герцогъ*) гуляли съ масками. Я пробылъ полчаса времени и удалился. Третью ночь у меня нѣтъ сна.

*

*) Зять Государя, Максимилианъ Лейхтенбергскій. П. Б.

Мы разсматривали проект „положенія о прокурорскомъ надзорѣ“, составленный молодымъ начальникомъ отдѣленія Романовскимъ. Этотъ незрѣлый трудъ составлялся около двухъ лѣтъ, приготовленія были медленны, исполненіе поспѣшно и небрежно. Министръ приказалъ разсматрѣть его на консультаціи—очевидно, чтобы остановить. Разсмотрѣніе походило на шутку. Трудъ этотъ требуетъ совершенной переработки. Я не знаю что уже и сказать, если онъ приметъ рѣшительный ходъ и не знаю что и подумать, если онъ будетъ утвержденъ.

*

Сегодня рассказывали мнѣ о двухъ карикатурахъ. Одна представляетъ коляску, заложенную архіереями, попами и дьячками; въ ней сидитъ оберъ-прокуроръ гр. Протасовъ; на козлахъ, съ длиннымъ бичемъ, сидитъ митрополитъ Антоній. Баринъ приказываетъ кучеру: „погоняй скорѣе, получишь Андрея“. Это по случаю пожалованія Андреевской ленты Антонію. Угодливый митрополитъ не совсѣмъ нравится своею готовностью на взысканія, въ которыхъ священство и народъ не замѣчаютъ монастырской строгости. Другая карикатура представляетъ продавца коноплянаго масла на Сѣнной площади. Онъ расторопно отвѣшиваетъ на безмѣнъ четвертушку, а Л. А. Перовскій съ большимъ вниманіемъ смотритъ и повѣряетъ правильность продажи, будучи занятъ исключительно этой сценой, а позади его стоятъ гербы разныхъ губерній съ подписями: поджогъ, убійство, грабежъ, разбой, нищета, самоуправство, голодъ. Министръ внут. дѣлъ не обращаетъ вниманія на эти гербы и подписи, занимаясь исключительно мелочною продажею коноплянаго масла. Вообще дѣятельность Перовскаго была поводомъ множества забавныхъ анекдотовъ, и купечество, которому достается по карману, съ неудовольствіемъ смотритъ на мѣры торговой полиціи. Нельзя при этомъ не замѣтить общаго направленія государственныхъ нашихъ правителей: это—желаніе искоренить злоупотребленія. Въ народѣ твердо убѣжденіе въ томъ, что начальники дѣлаютъ по докладу секретарей, а секретаря или мелкіе чиновники дѣлаютъ все изъ взятокъ. Убѣжденіе это, имѣющее несомнѣнно основаніе, раздѣляютъ Государь и даже Европейскіе журналы, возстающіе на бюрократію. Съ этимъ убѣжденіемъ вступаютъ министры въ управленіе и начинаютъ тѣмъ (какъ гр. Панинъ), что берутъ все дѣла къ себѣ и, устроивъ секретарей, тонуть во множествѣ, или (какъ Перовскій) наряжаютъ сыщиковъ и ловятъ мелкихъ мошенниковъ. До вступленія они имѣютъ планы улучшеній и преобразованій. Занявшись подробностями и зайдя въ лабиринтъ канцелярскихъ формъ, они оставляютъ эти планы, опасаясь послѣдствій въ ихъ исполненіи и оттого—какъ въ ветхомъ кораблѣ—замазываютъ одну скважину, а вода течетъ по-

токомъ въ другія. Нѣкоторые, отказавшись отъ мелочныхъ поправленій, принялись за личный составъ, полагая уменьшить злоупотребленія уменьшеніемъ злоупотребленій чрезъ лучшее назначеніе мѣстныхъ правителей. Здѣсь взяли правиломъ: назначить людей образованныхъ и сколь возможно независимыхъ по состоянію и дорожащихъ значеніемъ своимъ въ обществѣ. Такихъ людей, во первыхъ, немного; во вторыхъ, они не прочны, ибо соскучась бѣгутъ, а въ третьихъ—это таже исторія предсѣдателя и секретаря. Принявшисъ за дѣла, новый правитель убѣждается, что онъ дѣлъ не знаетъ. Не обращаясь къ подозрительнымъ секретарямъ, онъ, какъ и министръ его, рѣшается все дѣлать самъ. Тутъ кромѣ труда и скуки представляется новое обстоятельство: побужденіе и наложеніе взысканій того же министра, и измѣненіе отношеній, по мѣсту, къ тѣмъ лицамъ, которыя прежде были въ равныхъ и даже въ отношеніяхъ угодливости и покровительства. Охотникъ бросаетъ охоту, а дичи является еще болѣе.

Не понимаю, какъ не хотятъ убѣдиться въ томъ, что употребляютъ службу во зло оттого, что, по произволу начальства, она отдается во временное пользованіе, какъ бы на аренду (кто не захочетъ ея пользоваться?) и что для привлеченія благоразумныхъ хозяевъ для этой аренды и предупрежденія своекорыстныхъ, иногда наглыхъ, извлеченій выгодъ, надобно сдѣлать службу фондомъ, постоянною собственностью. Тогда мнѣ не для чего и грабить. По нѣкоторымъ вѣдомствамъ нынѣ воздѣлываютъ служебное поприще, съ круговымъ ручательствомъ. Служебный уставъ есть первая необходимость. Чтобы актъ былъ не мертвая буква, надобно, чтобы онъ исполнялся и чтобы точное исполненіе его было выгоднѣе злого употребленія; а для этого нужны исполнители, увѣренные въ поощреніи постепеннымъ возвышеніемъ въ мѣстахъ и окладахъ за добрую службу. „Въ маломъ былъ вѣренъ, надъ многимъ ты поставлю“.

*

Сегодня (12 Мая 1845 г.) я присутствовалъ при торговой казни. Молодой преступникъ 25 л., за убійство своего господина и ограбленіе его, подвергнутъ наказанію кнутомъ, чрезъ палача, 30 ударами. Дѣйствіе этой драмы производилось поутру, въ 9-мъ часу, на конной площади, при большомъ стеченіи народа, стоявшаго на возахъ, на перилахъ, на скамьяхъ и доскахъ, поставленныхъ мелкою промышленностью. Мѣсто казни окружено солдатами и жандармами.

*

Общія мѣры улучшенія государственныхъ служащихъ у насъ не совсѣмъ удачны. Теперь распространилось довольно сильно то правило, чтобы сажать молодыхъ и ученыхъ, вмѣсто старыхъ неученыхъ.

Мнѣ кажется, при этомъ забываютъ важное начало служебнаго міра: общественное достоинство, или важность значенія, умственная серьезность, свѣтская выдержка, которыя всегда и вездѣ привыкли соединять съ почетными постами. Наши высшіе чиновники похожи на школьниковъ. Это забвеніе достоинства умаляетъ уваженіе къ мѣстамъ и лицамъ и—самое довѣріе къ правительству. Преобразователи немного должны бы подумать объ этомъ обстоятельстве, которое рядомъ съ системою ограниченій грозитъ весьма вредными послѣдствіями.

*

Я до сихъ поръ не могу понять, какъ живы и свѣжи мои впечатлѣнія и чувствованія и какъ мало опытъ умирить ихъ раздражительность. Есть много хорошаго въ этой прямотѣ, въ этой выразительности, но есть много и дурнаго, особенно для успѣховъ по службѣ. По пріѣздѣ моемъ я нашелъ директоромъ оберъ-прокурора Карниолинъ-Пинскаго, съ которымъ я давно знакомъ и (какъ многіе несправедливо думаютъ) знакомъ близко и искренно. Кажется, я его знаю. Мы служимъ невмѣстѣ, но успѣли уже раза три столкнуться и вѣроятно столкнемся не три раза. Я увѣренъ, что выдержу эту борьбу, но желалъ бы лучше не имѣть ея.

К.-Пинскій человекъ съ большою энергіей, не признаетъ величій, любящій значеніе для свѣта, въ которомъ до сихъ поръ онъ такъ мало значилъ. По этой причинѣ онъ крикливъ и заносчивъ, но мало увѣренъ и трусливъ. Недостатокъ образованія и теоретичность знанія дѣлаютъ его неловкимъ и грубымъ въ поступкахъ и работахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ зазнается, оскорбитъ самолюбіе другихъ и—по прежнему обычаю—съ увеличеніемъ круга отношеній увеличитъ число недовольныхъ. Несмотря на откровенность со всѣми, онъ ни съ кѣмъ не друженъ. Года три тому назадъ онъ принялъ систему покровительства воспитанниковъ Училища Правовѣднія, что пріобрѣло ему любовь молодыхъ людей и покровительство Принца Ольденбургскаго. Это дало ему политически благовидный предлогъ—распространить свою извѣстность гоненіемъ людей стараго времени.

Замѣчаю это для дальнѣйшихъ наблюденій. Онъ былъ въ ежевыхъ рукахъ бѣдности, но онъ забываетъ нужду. Онъ не уважаетъ несчастія и опасности дружбы, онъ завистливъ и увлекается собою до лжи. Безъ графа Панина онъ пойдетъ быстрѣе, но, не имѣя творческаго таланта, онъ не ознаменуется себя никакими полезными мѣрами. Мнѣ кажется, онъ обанкрутится.

*

Я читалъ *Dreizig Jahre in Russland von Edward Rudolff*, 2 части въ Цюрихѣ. Сочиненіе очевидца, но во всѣхъ отношеніяхъ ниже

сочиненія Кюстина. Много фактовъ позднѣйшихъ, но мелкихъ; по всему видно, что это писалъ человекъ, знающій Россію, но знающій ее съ самой невыгодной стороны, бѣдный иностранецъ, застрявшій въ дѣлахъ по паспорту съ квартальнымъ писаремъ или не разъ надутый гостинодворцемъ. Замѣчанія его добросовѣстны, но онъ не знаетъ ихъ источника, а еще менѣе—путей улучшенія. Нѣкоторыя страницы написаны съ сердцемъ, еще пылающимъ кровью. Между Нѣмцами сочиненіе это должно произвести глубокое впечатлѣніе.

*

Государь уѣхалъ въ чужіе края для сопровожденія Императрицы въ Неаполь, въ Палермо. Говорятъ, что онъ останется тамъ довольно продолжительное время. Намъ объявлено высочайшее повелѣніе о представленіи дѣлъ Наслѣднику, который будетъ разрѣшать ихъ принятымъ порядкомъ (т. е. именемъ Государя), излагая: назначенія на мѣста, о которыхъ подносятся указы къ подписанію, сверхсметные расходы кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ и новыя законоположенія. О разрѣшаемыхъ дѣлахъ посылаются Государю вѣдомости.

Злые языки болтаютъ о томъ, что не та пора, чтобы ѣхать въ Палермо, что Государь ѣдетъ туда надолго для Нелидовой, что поездка эта стоитъ огромныхъ суммъ, а между тѣмъ даже войску не даютъ жалованья, что и безъ того наши визиты считаются нивочто и остаются безъ уплаты....

Или избалованность наша слишкомъ велика или есть неумолчный внутренній голосъ, требующій непреложныхъ убѣжденій, или наконецъ данныя открытыя нами и вѣрованія не для всѣхъ и не вполнѣ удовлетворительны; должно же быть что нибудь, какая нибудь причина, какой нибудь поводъ этому повсемѣстному религиозному броженію въ народахъ Западной Европы. Броженіе это сильно и, переходя въ дѣйствительную жизнь, губительно: изъ книгъ оно переходитъ въ аудиторію, въ собранія, въ митинги и изъ отвлеченнаго вопроса дѣлается правиломъ поступковъ, изъ внутренняго убѣжденія требованіемъ внѣшняго права.

Приходитъ время и въ Россіи для дѣйствительности началъ и практическаго примѣненія ученій. Время важное, трудное, требующее большой проницательности нашихъ правителей.

Наши иностранные учителя и порицатели ни одинъ не обратили вниманія на три важные и бросающіеся въ глаза недостатка нашего управленія:

Назначеніе представителей власти безъ всякаго вниманія къ довѣрію и уваженію, къ лицу ихъ общества. Назначеніе ревизіи, унижающее достоинство власти и стѣсняющее ея дѣйствія. Нерѣдко эти ревизіи компрометируютъ и самую власть высшую. Безсиліе и ограниченіе

правъ мѣстной власти въ поощреніи и взысканіяхъ, въ постановленіи правилъ и въ принятіи побудительныхъ мѣръ къ ихъ исполненію. Хотя это весьма полезно въ видахъ централизаціи, но неопредѣленность закона въ семь случаѣ, по настоятельности рѣшительныхъ дѣйствій, ведетъ и приводитъ къ произволу губернаторовъ и городничихъ. И чѣмъ дробнѣе законъ, тѣмъ онъ податливѣе.

Надобно удивляться, какіе успѣхи вездѣ и у насъ сдѣлала свобода сужденій и свобода печатанія. Кажется, монархическое начало подымается въ самомъ основаніи. Противодѣйствіе его конечно довольно сильно, но оно знаменуется путями закона, развитіемъ и утвержденіемъ государственнаго права, а мѣра эта въ самой себѣ заключаетъ ограниченіе власти: распространяя свое вліяніе, государственное право соприкасается съ массою и въ каждомъ пробуждаетъ самосознаніе, вводя вмѣстѣ съ тѣмъ въ свой распространенный кругъ болѣе и болѣе своихъ исполнителей, которые, соревнуя другъ другу, необходимо должны опираться на законъ и со временемъ необходимо сдѣлаются, въ очевидный подрывъ власти, исполнителями и представителями закона. Такъ непримѣтно развитіе силы, дробясь и распространяясь, теряетъ самостоятельную выразительность и постепенно слабѣетъ, какъ разлитіе рѣки, оплодотворяющей луга и поля своими неглубокими водами.

*

Мы имѣли продолжительный и довольно неравнодушный разговоръ съ М. М. Карн.-Пинскимъ. Я сдѣлалъ изъ него три заключенія: 1, Что ему хочется весь составъ департамента имѣть изъ своихъ людей, безусловно ему преданныхъ; 2, Онъ полагаетъ, что гр. Панинъ не воротится; въ упрекахъ своихъ онъ безпрестанно повторялъ: Вы съ Панинымъ... что сдѣлали, что исправили; и 3, Онъ желаетъ всѣми мѣрами прямого подчиненія моего отдѣленія, можетъ быть для того, чтобы употребить право репрезалий, можетъ быть—чтобы сосредоточить дѣла, а можетъ быть и потому, что въ кругъ нынѣшнихъ занятій ему скучно. Формальный человѣкъ этотъ очень желченъ.

Я давно узналъ и убѣдился, что на извѣстной высотѣ начальства доброта не должна идти впередъ справедливости. Доброта можетъ имѣть мѣсто въ личныхъ пожертвованіяхъ, но не въ дѣйствіяхъ власти, принадлежащей мѣсту, а не лицу. По этому, при всемъ желаніи моемъ достигнуть высшаго значенія, я опасаюсь, чтобы любовь моя къ ближнему и уваженіе несчастія не имѣли вредныхъ послѣдствій. Надобно быть равнодушну къ бѣдности и бѣдствіямъ, надобно признать какую-то необходимость въ неравенствѣ жителей и отказаться отъ общаго улучшенія личными усиліями. А мнѣ кажется это совершенно невозможно. Бываютъ ребяческія минуты, когда я хотѣлъ бы разор-

ваться на части, чтобы утолить голодныхъ или исчезнуть эфирною мыслию въ постоянныхъ помыслахъ о благѣ ближнихъ или наконецъ сразиться открыто и на смерть съ поборникомъ противныхъ мыслей. Я приписываю это моему слабому здоровью и раздражительности нервъ.

Сцена Прусскаго короля съ магистратомъ представляетъ новое явленіе. Драма идетъ и приближается къ развязкѣ. Публичность дѣйствій приведетъ къ публичному праву.

По мнѣнію моему, замѣчательно мѣсто о присягѣ членовъ Импер. Дома въ установленіи закона 1797 г. о наслѣдіи престола. Основатель его призналъ нужнымъ укрѣпить его присягою. Каждый членъ Дома можетъ въ свою чреду, по неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, достигнуть престола, стать самодержцемъ. Чтѣ можетъ обязать волю самодержца? Одна совѣсть, одинъ судъ Божій, присяга.

Замѣчательны слова молитвы, которую Государь произноситъ съ колѣнопреклоненіемъ по совершеніи коронованія: „Буди сердце мое въ руку Твою, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ мнѣ людей и къ славѣ Твоей, яко да и въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово“.

Общія историческія свѣдѣнія изложены одностороннимъ образомъ. Образованіе знаменитостей: родовой при переходѣ по гражданству, — церковной, вызванной уваженіемъ къ духовенству и политическими видами государей, — промышленной, образовавшейся въ городахъ, — служебной, заимствующей силу свою отъ власти, и наконецъ ученой, выдвинутой на сцену политическихъ дѣлъ силою обстоятельствъ и происшествій — должно приписать постепенному развитію государства. Родовая аристократія (потомственная) и церковная находятъ пользу въ *сохраненіи* пользы другихъ аристократій, личныхъ. — Движеніе.

*

Я сегодня видѣлъ отличную актрису Арюу-Плесси. Она замѣчательно умно выдержана и чтѣ всего лучше — имѣетъ все, чтобы еще усовершенствоваться: лѣта такія и голосъ. Какъ ни дорого она стоитъ намъ, но пребываніе подобныхъ артистовъ полезно; оно распространяетъ хорошій вкусъ и улучшаетъ нашихъ. Арюу-Плесси не молода, не красавица и изъ среднихъ талантъ первостепенный. Набодно впрочемъ поближе узнать ее.

*

Теперь обстоятельства нашего министерства очень запутаны. Графъ Панинъ уѣхалъ въ чужіе края, „на нѣкоторое время“. Мы находимся въ нерѣшительномъ положеніи: думаемъ, что министръ воротится, а слухи носятъ, что онъ не воротится. Первое подтверждается нѣкоторыми нерѣшительными мѣрами настоящаго начальства, второе распо-

ряженіями графа при отъѣздѣ. Можетъ быть, министерство выиграетъ съ назначеніемъ новаго начальника; но едва ли выиграю я. Поэтому мнѣ серьезно хотѣлось бы устраниваться отъ управленія, въ которомъ сидитъ умный и полезный человѣкъ, но въ которомъ (опасаюсь я) отразится его жесткій характеръ, его завистливость и его неуваженіе къ несчастію. Излишній формализмъ много бы еще вреда не надѣлалъ.

Такъ измѣнчивы назначенія наши. Неужели это такъ, и я этому вѣрю?

Какъ часто человѣкъ, сбившись съ дороги, попадаетъ на худшую, желая поправить свою ошибку. Я ищу источникъ этого зла въ человѣческой хитрости: она сбиваетъ насъ, или въ человѣческой гордыни: она ослѣпляетъ насъ, или въ человѣческой ненасытности: она толкаетъ насъ. Счастливъ руководимый огненнымъ столпомъ божественнаго свѣта въ пустотѣ нашего міра, обуреваемого страстями и неизвѣстностью.

Я прочелъ романъ Eugène Sue *le Juif errant*. Не смотря на политическую цѣль романиста, картина его широка, мѣстами прекрасна, почти всегда одушевленная. Эта зависимость творчества отъ предположенной цѣли нерѣдко обнаруживается въ неестественности, преувеличеніи и неопредѣленности. Часто думаешь, что герои дѣйствуютъ такъ, а не иначе потому, что согласились съ сочинителемъ, и событія случаются потому, что такъ нужно автору. Живо дѣйствіе, ярки краски и рѣзки черты, но по прочтеніи романъ теряетъ весь интересъ, портреты превращаются въ скелеты, романистъ дѣлается утопистомъ или памфлетистомъ. Для меня большого бы стоило труда прочесть въ другой разъ—одному эту книгу.

*

Государя (говорятъ) ожидаютъ въ Римъ. Длительность личныхъ сношеній уничтожаетъ дипломатическій корпусъ, величества нисходятъ на кресла министровъ въ конференціяхъ, и поставленные лицомъ къ лицу съ дѣломъ взаимныхъ требованій, не опасаясь униженія, вступаютъ въ пренія. Государя становятся людьми. Не знаю, пришла ли для этого пора въ другихъ земляхъ, но у насъ еще нѣтъ. Наше величество еще должно быть тождественно съ идеей источника торжественной правды и намѣстника Божія.

Съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь болѣе и болѣе, что мнѣ совершенно неизвѣстенъ свѣтъ и люди: такъ часто я попадаю въ просакъ, такъ мало я изучаю характеры, виды и положенія. Очарованный службою при молодомъ министрѣ, я принялся со рвеніемъ (даже излишнимъ) и, трудомъ поставя себя въ выгодное положеніе, нисколько не обратилъ вниманія, что для дальнѣйшаго успѣха мнѣ необходимо было узнать людей, сдерживать свои мнѣнія и сглаживать шерохова-

тость, чтобъ не толкаться, не напирать и не затягиваться. Глупо быть разувѣрену въ своемъ убѣжденіи, еще глупѣ думать все передѣлать по своему и при томъ вдругъ, круто поворачивая порядокъ, къ которому привыкли и не принимая во вниманіе мнѣнія другихъ, которые также о себѣ думаютъ, какъ и самъ ты. Труды и способности не составляютъ полного условія успѣха, какъ обнаженный станъ не можетъ служить идеаломъ прелести. Надобно умѣнье, нужно облаченіе. А я до сихъ поръ, какъ школьникъ, думаю объ истинѣ, не считаю времени, не разбираю людей и, завязываясь съ каждымъ шагомъ, отъ новаго напряженія вязну еще болѣе. Какъ новичекъ въ игрѣ, я каждую минуту все ставлю на карту. Ужъ перемѣнюсь ли я когда нибудь? Ужъ не благословить ли судьбу, пославшую на мою отвѣтственность участь матери, сестры, дочери, безъ которыхъ живость моихъ чувствъ и впечатлѣній давно бы еще болѣе разстроила меня съ людьми и обстоятельствами. Защитникъ постепенности,—я, самъ для себя, первый нарушитель ея.

Мнѣ очень тяжело мое положеніе, но едва-ли виною этого не самъ я. Что будетъ, то будетъ; молю Бога, посылающаго испытаніе, чтобы опытъ не помрачалъ во мнѣ свѣтлой цѣли—благосостоянія ближнихъ, и глубокаго чувства—любви къ правдѣ и снисхожденія къ слабостямъ, заблужденію и несчастію.

Я серьезно обдумываю, какъ бы мнѣ удалиться изъ Петербурга и отъ этой безпокойной службы. Я серьезно думаю просить о мѣстѣ предсѣдателя, наприм. въ Саратовѣ. И если бы мнѣ дали прогоны, хотя небольшой подъемъ и получаемое нынѣ содержаніе, я, кажется, могъ бы успокоиться. Перемѣнить ли это предположеніе?

*

Графъ Мечиславъ Потоцкій, владѣтель Тульчина, одинъ изъ богатѣйшихъ Западныхъ губерній, женился на Емилиі Швейковской, бѣдной дочери полковника Польскихъ войскъ, отягощеннаго долгами. Графъ не молодъ и не старъ, но не сошелся съ своею красавицей. Униженія и лишенія, которыя она переносила, не принудили однако Емилию, какъ она описываетъ, согласиться на предложеніе Мечислава—признать законными двухъ дочерей его побочныхъ, воспитывающихся гдѣ-то во Франціи. Ссора дошла до того, что онъ прибѣгнулъ къ насилію и даже рѣшился, изъ ненависти, отравить ребенка-сына и едва не задушилъ его, выхвата изъ рукъ матери. Тутъ, по жалобѣ Емилиі, дѣло дошло до правительства, при содѣйствіи генерала Фези, бывшаго свидѣтелемъ бѣдствій угнетенной супруги. По докладу Государю, Потоцкій посаженъ въ Кіевскую крѣпость, а для производства изслѣдованія посланъ

флигель-адъютантъ Скарятинъ, по словамъ злыхъ языковъ, любовникъ Емили Швейковской.

Сестра Мечислава, графиня Киселева пріѣхала въ Петербургъ и, по преданію Польскихъ магнатовъ, сдѣлавшихся Русскими барынями, громко ходатайствовали за брата, роптала и укоряла, особенно посылку Скарятина. Мечиславъ, по высочайшему повелѣнію, сосланъ въ Саратовъ. На дняхъ получено изъ Палермо (докладъ былъ по корпусу жандармовъ) повелѣніе о немедленной высылкѣ графини Киселевой съ запрещеніемъ ей вѣзжать въ обѣ столицы и жить вмѣстѣ съ Мечиславомъ. Цесаревичъ-наслѣдникъ, подъ личною отвѣтственностью, дозволилъ ей, для сборовъ, остаться нѣсколько дней въ Петербургѣ. Это произвело замѣчательное впечатлѣніе въ нашей публикѣ.

*

Сегодня, 4 (5) Декабря, горѣлъ домъ дворянскаго собранія. Замѣчательно, что старикъ графъ Строгановъ, живущій обѣ стѣну, не зналъ и не слышалъ ни шума, ни суеты. Завидное положеніе полу-слѣпаго и полу-глухого старца.

Я читалъ еще сочиненіе объ нашей Россіи: „Die Mysterien Russlands, aus den Manuscripten eines Diplomaten, verfasst von Friedrich Lacroix“.

Это довольно серьезное сочиненіе, предпринятое въ видахъ разобличенія внутренней слабости, ужасныхъ мѣръ противъ присоединенныхъ провинцій и безнравственной политики Россіи. Авторъ все преувеличилъ. Впрочемъ сочиненіе носитъ печать искренности, и потому должно имѣть впечатлѣніе на всякаго читателя. Нѣкоторыя стороны схвачены удачно. Конечно, мѣры нашего правительства, олицетворяемаго въ Государя, иногда сильны, часто рѣзки, всегда обширны. Если бы состояніе наше и пространство имперіи, требующей единства, управлялись общими Европейскими мѣрами, то едва ли бы имперія сохранилась въ цѣлости и спокойствіи. Государю конечно нѣтъ нужды и нѣтъ охоты ни дѣлать несчастливыхъ, ни возбуждать неудовольствіе. Онъ дѣйствуетъ по необходимости, по убѣжденію. Это одинъ изъ тѣхъ великихъ характеровъ, которые признаютъ свой долгъ—посланиемъ свыше, и свою власть—уполномочіемъ Божиимъ. Мѣры эти жестки, быстры—вините наше время. Быстрота его превосходитъ всякое описаніе. Впрочемъ, независимо отъ личныхъ чувствъ и дѣйствій Государя, многія мѣры требовали другаго основанія и инаковаго исполненія. Многія обратятся ко вреду, и я не знаю, о Боже мой, почему нынѣшнее поколѣніе есть жертва будущаго, къ которому устремлены эти мѣры, и потому поколѣніе будущее такъ мало воспользуется жатвою, для нея посѣянною!

*

Митрополитъ Антоній разбить параличемъ. Это добрый первосвященникъ, уживающійся со властью безъ униженія, поддерживающій достоинство безъ самонадѣянности и добродушный безъ большаго притворства. Правда, всё эти качества отрицательныя, но не менѣе правда и то, что для положительнаго характера, который бы умѣлъ и могъ медлить и учредить упавшее духовенство наше, еще не пришелъ часъ. Наши пресвитеры—чиновники съ тою только разницею, что для нихъ нѣтъ Свода Законовъ и ихъ взятки дозволены. Замѣчательно, что, говоря о болѣзни митрополита, Петербургская публика спрашиваетъ: кто-то будетъ встрѣчать мощи Николая Чудотворца, купленные у Неаполитанскаго короля съ согласія Папы? Я не думаю, чтобы митрополиты назначались для встрѣчъ и чтобы мы нуждались и находили спасеніе въ мощахъ изъ Неаполя и отъ Папы, хотя не ручаюсь, чтобы и то и другое, въ нашъ вѣкъ неправды, было неправда.

*

Я удивляюсь, какъ Головинъ рѣшился издать свою книгу. Она, по ничтожности своей, вовсе не соотвѣтствуетъ придаваемому имъ себѣ значенію, и нисколько не соотвѣтствуетъ ожиданію, по небрежности и поверхностному знанію, съ которыми она написана. И почему это *la Russie sous Nicolas I-er*? Очевидно, что выписки изъ Свода и переводы стиховъ Пушкина, Языкова и Баратынскаго были приготовлены прежде. Первые главы написаны въ дни и минуты перваго негодованія. Прочія статьи написаны и внесены для полноты. Жаль, что молодой человекъ не созрѣлъ и не вполне развился въ отечествѣ; еще болѣе жаль, что онъ началъ писать противъ правительства и писать ложь и сплетни. Онъ и при раскаяніи уже не найдетъ счастья. Грустная ошибка молодости!

*

Сегодня, 16 Декабря, я послалъ отчетъ за 1845 г. по управленію уголовнымъ правосудіемъ. Это безцвѣтныя страницы, къ которымъ я приложилъ только свою подпись. Дамъ отчетъ себѣ.

Теченіе дѣлъ, сколько отъ меня зависитъ, весьма быстро. Просители ходатайствуютъ о рѣшенныхъ дѣлахъ. Нынче, съ Октября, число дѣлъ уменьшилось; управляющій департаментомъ, отдѣливъ для меня одинъ день, заставилъ рѣшать дѣла прямо исполнительными бумагами. Это недурно, но это не въ порядкѣ. Очень дурно, по моему мнѣнію и къ моему сожалѣнію, то: а) что частныя дѣла, по жалобамъ и просьбамъ, всегда почти разрѣшаются отказомъ или формальнымъ предписаніемъ, за урядъ, наблюсти и ускорить; б) что законодательные вопросы избѣгаются, и при нынѣшнемъ управленіи мѣстныя начальства даже опасаются входить съ представленіемъ, а между тѣмъ неполнота

и неточность постановленій и разнообразное понятіе и примѣненіе ихъ замѣчаются повсюду. При покойномъ Д. В. Дашковѣ принято было строгое правило примѣнять законъ буквально и не допускать, чтобы законъ былъ недостаточенъ. Важнѣйшія дѣла разсматриваются не съ должнымъ тщаніемъ, особенно обширныя производства о наказаніи болѣе 9 человекъ. Это такія грубыя массы писаной бумаги, для разбора которыхъ нѣтъ ни времени, ни охоты.

Часть законодательная обновилась изданіемъ Выс. утвержд. 15 Августа Уложенія о наказаніяхъ. Оно съ 1 Мая войдетъ въ дѣйствіе. Я ожидаю отъ него уменьшенія дѣлъ въ судахъ отдѣленіемъ многихъ въ полицейское и помѣщичье вѣдомства и большей опредѣлительности во многихъ случаяхъ; но составленное болѣе теоретически и съ излишнею подробностію, иногда многословіемъ, Уложеніе во многихъ случаяхъ даетъ возможность подбирать статьи или возбуждать споры и пререканія. Безъ хорошаго закона о подсудности оно непременно произведетъ смятеніе, и потому я опасаюсь на первое время отягощенія дѣлами. По министерству дано уже 4 циркуляра—доказательство неполноты Уложенія, при всей его подробности. Изъ частныхъ постановленій замѣчательно о Польской шляхтѣ. Я раскаяваюсь, что предложилъ дѣло въ тѣсныхъ размѣрахъ.

Наблюденіе за дѣлами, по недостатку средствъ, въ нынѣшнемъ году упало противъ прежняго. При настоящемъ порядкѣ управлять, оно упадетъ совершенно. Часть эта—важнѣйшая, и настоящая обязанность министерства требуетъ усилій и вовсе не такого воззрѣнія, какое имѣетъ на нее М. М. Пинскій, утверждая, что исправность и правильность устанавливаются строгостію взысканій.

Замѣчательно собраніе свѣдѣній о содержащихся подъ стражею. Въ теченіе года ихъ 105 т. человекъ самаго лучшаго народонаселенія. Число ужасное, если принято въ соображеніе, что изъ этого числа и $\frac{1}{3}$ не признается дѣйствительно виновною и около 18 части подвергаются уголовнымъ наказаніямъ. Невнимательное и медленное производство дѣлъ и легкость арестованія весьма дорого обходятся казнѣ (по 3 к. ср. 1,155,000 р. сбр.), дорого обходятся странѣ, отнимая руки столь значительнаго числа лучшаго рабочаго, дорого обходятся и нравственности, распространяя порчу сообществомъ людей порочныхъ. Изъ 105,652 человекъ содержались:

За воровство	35,885 ч.
За убійство	9,250 ч.
За разбой и грабежъ	2,675 ч.
Противъ вѣры	2,293 ч.
За бродяжество	31,202 ч.

За нарушенія Уст. Казен. 9,264 ч.

За поджоги 2,235 ч.

Противъ правительства. 2,692 ч.

Воровство, бродяжество и блудодѣяніе существуютъ у насъ вездѣ и почти до циннизма. Я не помню дѣла, въ которомъ бы ихъ не было какъ придаточныхъ. Воруютъ особенно въ уѣздахъ—лошадей, въ городахъ, чиновники, деньги. Конокрадство и растраты суммъ, можно сказать, сдѣлались промысломъ. Въ губерніяхъ западныхъ разборъ шляхты произвелъ новый родъ промысла: составленіе и продажа документовъ на дворянство. Довчяно, Югъ, Петрикевичъ производили это по фабричному. Въ городахъ—мошеничество купцовъ, отставныхъ и мелкихъ чиновниковъ.

Убійствъ—умышленныхъ немного, хитрыхъ еще менѣе. Большая часть въ дракъ, въ запальчивости, дѣтей. Въ губерніяхъ восточныхъ и южныхъ убійство нерѣдко соединяется съ грабежами и разбоемъ. Довольно часто оно соединено съ возстаніемъ противъ власти помещиковъ. Большая часть убійствъ производится тупымъ или грубымъ орудіемъ. Отравленіе бываетъ болѣе по неосторожности и по невѣжеству, при лѣченіи отъ Венерической болѣзни. Были случаи убійства изъ ревности. Чаще всего убійство совершается въ пьяномъ состояніи. Въ послѣдніе годы являются самоубійства.

Поджоги не рѣдки, особенно съ 1842 г., когда имъ дали особенное значеніе, по случаю усиленія ихъ въ Волжскихъ губерніяхъ. Съ того времени и неосторожные и подозрѣваемые въ случайныхъ поджогахъ заключаются подъ стражу. Поджигаются барскія усадьбы отлученными отъ семейства крѣпостными, поджигаетъ сосѣдъ сосѣда изъ мщенія за ссору, но поджигаютъ и деревни, чтобы дать знать себя за попытку поимки или для лучшаго ограбленія. Впрочемъ пожары такъ часты, что трудъ поджога излишенъ.

Преступленія противъ вѣры—это ереси и расколы и—въ послѣднее время—совращеніе изъ Православія. Значеніе этихъ преступленій получило такую важность, что надобно ожидать его ниспаденія. Скопцы и совратители особенно многочисленны, первые на Югѣ, вторые на Западѣ.

Бродяжество есть наша дымящаяся рана. Ихъ больше нежели 31 т. Они рассованы въ арестантскія роты, они безпрестанно въ переходахъ изъ уѣзда въ уѣздъ. Ихъ надобно полагать болѣе 60,000. Это мѣщане и казенные крестьяне, убѣгающіе рекрутства или проживающіеся на счетъ ближняго; это крѣпостные, ищущіе лучшей участи; чтѣ болѣе, это рекруты, солдаты и безсрочные. Бывали примѣры бродягъ дворянъ. Примѣры эти потому рѣдки, что они доходятъ до суда, когда сдѣланъ

подлогъ. Причина бродяжничества есть безъ сомнѣнія бѣдность. Вторая—тягость состоянія крѣпостныхъ и солдатовъ; третья—недостатокъ при-смотра; сюда относятся ссыльные и каторжные, которыхъ почти всегда встрѣтите, коль скоро есть шайка. Вообще—удобство бродяжничать по безлюднымъ пространствамъ и снискивать пропитаніе воровствомъ, милостыней, поденщиной или мелкими грабежами. Женщинъ бродяжничаетъ немного, но шайка и пара бродягъ уже непремѣнно имѣютъ свою дульцинею. Главнѣйшая причина бродячества—есть незавидная доля и отсутствіе привязанности къ бѣдной мѣстности и холоднымъ связямъ семейства.

Нарушенія уставовъ казеннаго управленія—корчемство и порубки. Дорого веселье и морозно время у насъ, а забыть горе и обогрѣться нужно было бѣдному человѣку. И тѣ и другія преступленія заслуживаютъ снисхожденія. Преступленія противъ правительства рѣдко обнаруживаются въ городахъ, въ ссорѣ и дракѣ съ часовыми и нарядными на гуляньяхъ. Во время пожаровъ въ Перми, Казани, Симбирскѣ и Кузнецкѣ неповиновенія возрастали до открытаго возстанія и самоуправства и даже до легальной оппозиціи, но это была случайность, строй сбился съ такта, не болѣе. Сопротивленіе и своеволіе у насъ являются въ черныхъ массахъ, въ крестьянахъ казенныхъ—по случаю введенія новаго управленія, по посѣву картофеля, по слухамъ обращенія казенныхъ въ удѣльные или въ приданое къ султану, по заведенію общественной запашки или по попыткѣ кадастра, а между крѣпостными по поводу дѣйствительныхъ или—большею частію—мнимыхъ злоупотребленій власти растлвѣніемъ дѣвокъ, отягощеніемъ работами или жестокими наказаніями. Въ Казанской и Вятской губерніяхъ казенные крестьяне образовали, такъ сказать, регулярныя толпы и схватки съ войсками, стояли жизни нѣсколькимъ десяткамъ. Причиною этихъ неустройствъ—невѣжество, а поводомъ,—слухи, подтверждаемые дурными распоряженіями мѣстныхъ начальствъ.

Общее мнѣніе у насъ самое непостоянное и невѣрное. Оно переходитъ отъ Воронцова къ Тимофѣеву, отъ Фейгина къ Позену, отъ Бехтера къ Бернардаки; оно мирится съ Чернышевымъ, Орловымъ. Бенкендорфомъ, коль скоро компаніи и подряды имъ дадутъ милліоны; оно ссорится съ Злобинымъ и Варгинымъ, если они ошибутся въ расчетѣ; оно косится на Демидова и Юсупова, если онъ не кормить и не упоеть. Отъ высшаго до низшаго все стремится пріобрѣтать поболѣе денегъ, чтобы курить фиміамъ суетности. Особенно поощряетъ это казна и изъ казны—Военное Министерство. Здѣсь воровство не то что въ Юстиціи—преступленіе: здѣсь оно служба, видъ дѣла, выгода казны. Третью причину должно искать въ томъ, что у насъ

многое *лежитъ* на этихъ обширныхъ пространствахъ; лѣнивый и неловкій легко нарубить лѣсу, нажнетъ хлѣба, угонитъ табунъ. Чтò легко достается, то равнодушно и берется: надобно видѣть, какъ эти люди сыпать деньгами, бросаютъ цѣнностями, истребляютъ безъ жалости. Подумаешь, они имѣютъ и тратятъ не свое и даровому коню въ зубы не смотрятъ, а хлещутъ его, какъ воровской, не думая объ убыткѣ. Тѣсно съ этимъ связана переходчивость нашихъ сословій. Движимость политическаго значенія мобилизовала достоянiя.

Напрасно говорятъ, что мы отличные мошенники. Нѣтъ. Французы и Итальянцы въ этомъ гораздо выше насъ. До Евреевъ мы никогда не дойдемъ. Я не помню ни одного замѣчательнаго дѣла по мошенничеству. Тотъ продалъ не то, хромавшую лошадь, гнилое сукно, унесъ шубу мнимаго барина, на грошъ собралъ подписку, принесъ рекомендательное письмо. Мошенничество грубое, основанное на простодушии грубаго. У насъ просто крадутъ. Собственно Русское мошенничество—это сборы съ казны. Здѣсь преступленiе доведено до степени терпимой сдѣлки. Нажиться службою у насъ есть наука. Устранить эти причины можетъ и то едва ли можетъ скоро—только мощная власть и установленiе общественнаго мнѣнiя введенiемъ нѣкоторой гласности.

Любодѣянiе происходитъ отъ раздраженiя физическихъ требованiй, на удовлетворенiе которыхъ вызываются солдаты, оставленныя жены, несчастныя замужества и отсутствiе религiозности въ брачномъ союзѣ. Обилiе преступленiй произвело новое поощренiе его—бзнаказанность. Нѣтъ дѣла безъ блудодѣянiя; сколько же такихъ дѣянiй, по которымъ дѣлать нѣтъ? Я говорю собственно о блудодѣянiи. Оно очевидно происходитъ отъ принужденныхъ и неровныхъ браковъ. Семейство и основанiе его—бракъ въ нашъ вѣкъ подрываются въ существенныхъ ихъ условiяхъ, а между тѣмъ даже и нѣкоторые существующiе законы болѣе и болѣе ветшаютъ и даже осмѣиваются. Союзъ семейственный находится въ открытомъ противорѣчii съ системою общественнаго воспитанiя, общественной службы и въ различii значенiя по возрасту и по власти. Справедливо, условiя брачнаго союза должны быть инаковы. У насъ они еще тѣмъ стѣснительнѣе, что зависятъ отъ родства въ весьма отдаленныхъ степеняхъ.

Я не знаю ни одной мѣры, принятой правительствомъ для предупрежденiя и искорененiя бродяжества. Напротивъ, издавались постановленiя, поощряющiя этотъ непрерывный переходъ людей съ мѣста на мѣсто. Сюда я отношу прощенiе пришельцевъ въ Новороссiйскiй край, прощенiе бродягъ въ Западныхъ губернiяхъ и подобную мѣру, принятую по губернiямъ Сѣвернымъ. Эти льготы существовали на

время, но въ народной памяти оставались онѣ весьма долго послѣ ихъ прекращенія, и всякая льгота была поводомъ къ значительному увеличенію бродягъ. Въ Сибири бродятъ цѣлые народы. Почему бы не подтверждать объ этомъ отъ времени до времени, чрезъ земскую полицію, чрезъ чтеніе на базарахъ и въ церквахъ, почему не поугатъ съѣздить въ какую нибудь деревню или волость и не объявить о послѣдствіяхъ открытія чрезъ губернскія вѣдомости; почему не назначить награды за обнаруженіе безпаспортнаго, возложя это не на становыхъ и не на военныхъ или горнозаводскихъ, которые войдутъ въ сдѣлки, а на всякаго—да объявить объ этомъ всѣмъ и каждому, чтобы знали. Еще управлявшій Министерствомъ Вн. Д. графъ Строгановъ настаивалъ о клейменіи бродягъ. При разсмотрѣніи въ Совѣтѣ Уложенія Л. А. Перовскій предлагалъ тоже. Тогда, по моему мнѣнію, клейменные бродяги сдѣлались бы открытыми разбойниками.

*

Четыре человѣка, бывшіе сегодня у меня, принесли мнѣ четыре или шесть новостей: Министромъ Юстиціи назначены кн. П. П. Гагаринъ. Назначенъ Дмитр. Петр. Бутурлинъ. Назначенъ баронъ Модестъ Андреев. Корфъ. Назначенъ Никол. Михайлов. Лонгиновъ.

И всѣмъ этимъ людямъ очень нужно знать это, еще нужнѣе врать и всего нужнѣе повторять враки. Но эти толки очень ужъ скучны. На каждомъ шагу чувствуешь отсутствіе хозяина. Я не думаю, что бы Государь пропустилъ это безъ вниманія. Недостатокъ-ли кредита, непріятность-ли личныхъ столкновеній или неполученіе Александровской ленты заставляютъ графа Панина удаляться отъ управления: не подлежитъ сомнѣнію то, что это удаленіе весьма вредно. Многіе говорятъ, что министръ юстиціи вреднѣе. Такъ измѣнить учрежденіе судебной части. Въ настоящемъ его видѣ министръ юстиціи есть глава, а не прокуроръ общаго собранія. В. А. Шереметевъ, открыто отзывающійся, что, какъ вѣрноподанный и благородный человѣкъ, онъ не приметъ министерства, справедливо замѣчаетъ, что для поднятія судебной части въ мнѣніи и для устройства ея безъ помѣхи отъ другихъ и съ пріобрѣтеніемъ довѣрія Государя, надобно назначить министромъ юстиціи графа Орлова, графа Клейнмихеля и т. п.

Государь прислалъ изъ Неаполя одинъ журналъ (по дѣлу о сопротивленіи крестьянъ Саратовской губерніи при посѣвѣ картофеля) на которомъ написалъ: хочу знать, отъ чего это дѣло производилось такъ долго, между тѣмъ наказаніе виновныхъ требовало немедленнаго при-

мѣра. Неужели Государь замѣтилъ медленность только по этому дѣлу, или это предупрежденіе министра юстиціи, который видѣлся съ нимъ въ Неаполѣ?

*

Къ новому году у насъ вышли награды. Я долженъ въ сотый разъ повторить, что награды вредны, доставляя удовольствіе весьма малому числу и неудовольствіе большому или всѣмъ, даже награжденнымъ завистливымъ. Въ подобныхъ наградахъ есть всегда несправедливость, и надобно быть очень высоко, очень осмотрительну и справедливу, чтобы уменьшить (не скажу предупредить) поводы къ ропоту. Награда есть воздаяніе труда, а трудъ долженъ быть равенъ. Уравняйте трудъ. Награда есть отличіе таланта, знаменуемаго доблестнымъ дѣломъ,—а доблесть утверждается мнѣніемъ всѣхъ или многихъ. Дайте таланту соотвѣтствующее значеніе и кругъ дѣйствія: вотъ ему награда на служебномъ поприщѣ. Я думаю, что у насъ всего болѣе должно награждать постоянное усердіе. Извѣстное число лѣтъ на одномъ мѣстѣ, удовлетворительно отправляемомъ, должно давать право на награду, которая бы обезпечивала будущую участь. Награды сіи должны быть соразмѣрены (по извѣстнымъ срокамъ лѣтъ 10. 15. 20. 25. 30) съ занимаемыми должностями. Это имѣло бы полезное вліяніе на солидность, усердіе и честность чиновниковъ, значительно уменьшило проски и произвольныя милости.

*

Путешествіе Государя продолжается. Изъ Палермо въ Неаполь, изъ Неаполя въ Римъ (6 Декабря, день Николая, на пути во Флоренцію). Журнальныя колонны наполнены извѣстіями о его пребываніи, о его прекрасной наружности, щедрости, обходительности съ народомъ и о быстротѣ его перѣздовъ. Въ Неаполѣ и Римѣ сдѣланы большіе заказы, роздано много вспомоствованій, осмотрѣны замѣчательныя виды, зданія и коллекціи. Охуждаютъ злые языки, что все какъ-то пусто, что не уловишь словечка, отвѣта достойнаго великаго Государя и что вездѣ идетъ рѣчь о нарядахъ, роскоши и развлеченіяхъ. Я не знаю, можно ли тутъ сказать что нибудь вѣрное, хотя нельзя подуматъ, что вся эта поѣздка восточнаго властелина на Западъ, связь съ Неаполитанскимъ королемъ (трактатъ), свиданіе съ Папой, должны имѣть значеніе въ общемъ мнѣніи Европейскаго общества, должны оставить глубокіе слѣды въ художественномъ мірѣ и поколебать разные слухи, такъ громко разнесшіеся въ послѣдніе годы. Съ другой стороны я даже радъ тому, что Государь взялъ продолжительный отдыхъ. Освѣжившись, онъ пріѣдетъ съ новой энергіей, съ новыми предположеніями и,

можетъ быть, иное кончить, какъ напр. Остзейское дѣло, другое упрочить, какъ напр. отношенія крѣпостныхъ, а третье начать. Можетъ быть, замѣчательное устройство судебной части въ Неаполитанскомъ королевствѣ дастъ ему мысль объ улучшеніи ея въ Россіи, мысль родитъ приказъ: „поведѣ и создашася“. Что у кого болитъ, тотъ о томъ и говорить.

Не сомнѣваюсь я, что общія, коренныя преобразованія въ уголовномъ правосудіи въ Европѣ занесутъ и къ намъ эти мысли. Юность зрѣетъ, почва готовится, время посѣва благоприятно. Я не знаю государства, въ которомъ бы не возникало вопроса объ этомъ важномъ дѣлѣ. Рѣшительныя и совѣщательныя собранія представителей преимущественно и иногда исключительно заняты имъ. Изустность, гласность и присяжные въ каждой рѣчи и голосѣ. Виртембергъ сдѣлалъ попытку; Баденъ еще шагъ впередъ; въ непродолжительномъ времени надобно ожидать подобнаго въ Баваріи, Венгріи, Брауншвейгѣ, Голштиніи, Пруссіи. Существенные предметы споровъ: составъ низшихъ инстанцій—одноличное или коллегіальное; форма производства—обвинительная или слѣдственная; орудіе изслѣдованія—инквиритъ или слѣдственный судья по требованію прокурора; производство суда—гласное или условное или негласное, письменное, изустное или пополамъ; введеніе или невведеніе присяжныхъ; теорія доказательствъ субъективная, объективная или обоюдная, отрицательная, апелляція общая, или ограниченная, или кассация.

*

Я не понимаю суда присяжныхъ безъ участія въ опредѣленіи наказаній и при назначеніи въ законѣ видовъ и мѣръ наказаній. Это судъ народный, выраженіе демократическаго начала, учрежденіе болѣе политическое, нежели судебное. Тамъ гдѣ для проявленія жизни не будетъ другихъ органовъ, другихъ путей легальной оппозиціи, тамъ судъ присяжныхъ будетъ игралищемъ, неприличнымъ поприщемъ борьбы общества съ правительствомъ. Я не совѣтую вводить его даже въ аристократическихъ республикахъ и сомнѣваюсь, чтобы Женева нашла свои выгоды въ этой попыткѣ. Франція недовольна своими присланными. Въ Прусскихъ Рейнскихъ провинціяхъ хвалятъ судъ потому, что его нѣтъ въ самой Пруссіи. Въ Баваріи объ немъ молчатъ. Одна Англія можетъ быть имъ довольна.

*

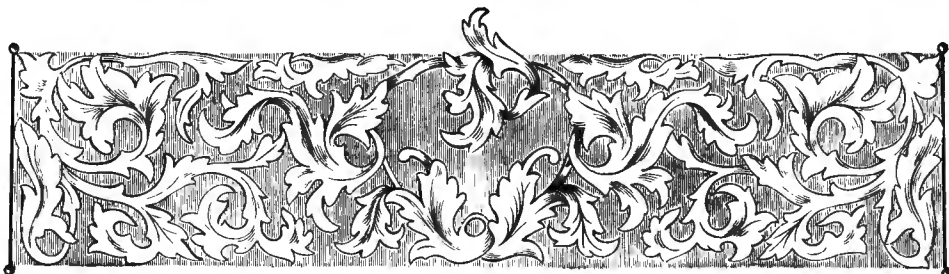
Я забылъ помянуть въ Дняхъ и Трудахъ моихъ недавно умершаго Русскаго человѣка, сдѣлавшагося почти иностранцемъ: А. И. Тургенева. Онъ принадлежалъ къ талантливому поколѣнію и пользовался

славою отлично-яснаго и быстрого ума. Нѣкоторые изъ трудовъ его по службѣ въ Министерствѣ духовныхъ дѣлъ и Государственномъ Совѣтѣ, нѣкоторыя изрѣченія его, до сихъ поръ живутъ въ памяти. Сколько мнѣ извѣстно, ему не доставало терпѣнія и постоянства. Въ послѣднія годы онъ, какъ выбитый изъ сѣдла, немного растерялся и, не надѣясь получить значеніе (значеніе политическое) впаль въ manie de protéger *). Образованность и легкая, любознательная привязанность къ наглядному изученію дали ему обширное знакомство въ чужихъ краяхъ; въ Россіи онъ поддерживалъ старыя связи. Послѣ исторіи брата онъ большею частію жилъ за границею; продолжительное пребываніе свое онъ оправдалъ собраніемъ иностранныхъ источниковъ нашей Исторіи. Такъ умны и важны самыя междудѣльные занятія этого человѣка. Я его совершенно не зналъ. Чтò мнѣ извѣстно изъ его работъ показываетъ начитанность и знаніе, какихъ не имѣли его сослуживцы. Его хоронилъ Филаретъ. Общее участіе слѣдовало за прахомъ. Онъ умеръ въ Москвѣ.

(Дальше будетъ).

*) Стрась покровительствовать.

ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО.

Порфірія Успенскаго *).

Не люблю крапивы. Люблю цветы.

(„Книга бытія моего“, т. VIII, стр. 538).

Первое пребываніе Порфірія въ Іерусалимѣ продолжалось до 7 Августа 1844 г. Все это время имъ было употреблено на подробное изученіе Палестины.

Въ числѣ различныхъ, посѣщенныхъ имъ мѣстностей, Порфірій останавливался въ Хевронѣ. Послѣ осмотра этого города, онъ пишетъ: „Утромъ въ 7 часовъ мы выѣхали изъ узкихъ воротъ Хеврона въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ людей, отправленныхъ мусселимомъ, и потянулись одинъ за другимъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ Бет-Жибрину, древнему Бетогабрису или Римскому Елевтерополису, котораго положеніе и развалины хотѣлъ я видѣть. Налѣво отъ дороги виденъ дубъ Мамврійскій, и я еще разъ любовался его трисоставною густою зеленью и молилъ Бога Авраамова, да благословитъ мое странствіе и да пошлетъ намъ ангела-водителя и хранителя отъ всякаго зла и лихого человѣка. Скоро священный дубъ скрылся за возвышеніемъ, на которое мы взобрались. Почти ровная горная высь представилась взору, и мы ровно часъ ѣхали по ней до первой долины, спускающейся къ ровному полю, прямо на Западъ. Во все это время насъ занималъ своимъ враньемъ проводникъ, котораго я взялъ изъ Іерусалима для всего путешествія,—чистый Египтяинъ, цвѣтомъ лица и душою, бронзовый, безбородый, кровожадный, впрочемъ услужливый. Онъ не любитъ Евреевъ. Однажды, говорилъ онъ, на дорогѣ изъ Табаріи въ Сафадъ, я съ тремя товарищами своими напалъ на безоружныхъ Жидовъ и ихъ женъ, которыхъ было душъ съ 10. Мы потаскали ихъ съ верблюдовъ, отняли у нихъ все, что они имѣли, и пустили ихъ

*) Об. прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ устроилъ поѣздку архимандрита Порфірія въ Турцію для освѣдомленія о состояніи въ ней Православія. П. Б.

голыми. Жидовки кричали „а-я-я-й“ и заливались горячими слезами, а намъ весело было смотрѣть на нихъ и слушать ихъ визгъ. Порядочную добычку получили мы и промотали. Я не знаю, продолжалъ разбойникъ, за что султанъ терпитъ этотъ народъ. Я давнымъ давно изрѣзалъ бы всю Іегуду и дѣтей ихъ разбилъ бы о камень. Когда-нибудь я непременно убью ихъ стараго учителя, да одну Іудейку молодую и двухъ или трехъ Іегуденятъ, и потомъ пойду въ Мекку на богомолье. Вѣдь всякому изъ насъ хочется быть въ раю. А какъ мнѣ попасть туда? Я сдѣлаю лѣстницу изъ труповъ Іегудейскихъ“. — „Да за что ты ненавидишь этотъ народъ?“ спросилъ его о. Григорій, который и переводилъ мнѣ его буйныя рѣчи съ Турецкаго языка. — „Какъ за что? Они хитрые люди, разбойники, обманываютъ нашего брата. Когда-нибудь я отмщу имъ, разолью кровь ихъ по дорогѣ, разбросаю плоть ихъ по каменьямъ“.

Мнѣ страшно стало. Сердце мое дрогнуло. „Вотъ какого проводника далъ мнѣ паша Іерусалимскій“, думалъ я, и сотворилъ святую молитву: „Господи, помилуй Евреевъ“. — „А знаете ли, за что сердить онъ на Евреевъ, сказалъ одинъ Хевронскій проводникъ. Вчера онъ былъ съ нами въ кофейнѣ. Собралось туда же нѣсколько Жидовъ, и они смѣялись надъ его сивою лошаденкою, у которой, какъ видите, только кожа да кости. Стыдно пашинскому воппу, говорили они ему, ѣздить на такой клячѣ; она годится лишь для Еврея; и шуткою просили его продать имъ лошаденку. Онъ разсвирѣпѣлъ на нихъ, какъ левъ, и изрубилъ бы какогонибудь Жида, если бы мы не удержали его и не выгнали Евреевъ изъ кофейни. Вотъ за что онъ злится на нихъ“. Всѣ мы засмѣялись, а онъ продолжалъ дышать злобою и мщеніемъ на нихъ. Жалки и чудны эти Евреи. Всѣ народы не терпятъ ихъ, а они живутъ между всѣми народами. Мои проводники ни за что въ свѣтѣ не хотѣли ѣсть Жидовскаго хлѣба, которымъ я запасаю въ Хевронѣ, хотя этотъ хлѣбъ былъ очень хорошъ и вкусенъ. Даже патриаршій кавасъ, православный Христіанинъ, во все пребываніе мое въ Хевронѣ, не дотронулся ни до хлѣба, ни до кушанья, изготовленнаго Жидовскими руками. Это Азіатское остервенѣніе вѣры противъ вѣры поразило меня. Какія сильныя страсти, какія нескоренимыя предубѣжденія у восточныхъ жителей, думалъ я. Магометане, Іудеи, Христіане чуждаются другъ друга, считаютъ нечистыми другъ друга и боятся даже прикосновенія взаимнаго. На почвѣ восточной вырастаютъ огромныя деревья, горятъ вулканы, бьютъ горячіе ключи, дуетъ жгучій самумъ, течетъ въ жилахъ горячая кровь; мудрено ли, что кипятъ здѣсь страсти, каменѣютъ предразсудки, уродуются понятія?

По прошествіи часа пути, мы стали спускаться въ долину, ведущую почти прямо къ Бет-Иибрину. Эта долина не имѣетъ своего имени. Ее скорѣе можно назвать горною ложиною, чѣмъ долиною, ибо она узка и индѣ переходитъ въ ущеліе.

Послѣ обѣда мы отдохнули. Направо и налево, вдоль по крѣпостному рву, въ которомъ мы сидѣли, видѣлись развалины и манили меня къ себѣ. Развалины весьма привлекательны и поучительны. Целочные свидѣтели отжитаго людьми быта и страданія, онѣ связываютъ прошедшее съ настоящимъ, занимаютъ наблюдателя своими особенностями, невидалью. заставляютъ его гадать, припоминать, сравнивать минувшее съ преходящимъ. Кто видѣлъ двѣ-три различныя развалины, тотъ пожелаетъ видѣть всѣ. Не великое дѣло спрашивать живыхъ людей о быломъ; но допросить камни нѣмые, услышать ихъ отвѣтъ, узнать ихъ хозяина. значеніе и назначеніе,—вотъ мудрость, и вотъ наслажденіе. Люди лгутъ, камни говорятъ правду. Люди умираютъ, развалины переживаютъ тысячелѣтія. Между людьми живешь настоящимъ; ходя по развалинамъ, живешь прошедшимъ, и какимъ иногда? Напр.: цѣлый Римскій міръ вмѣщается въ душу. Въ виду моемъ были развалины Римскія“.

Не смотря на сильное утомленіе, Порфирій осмотрѣлъ эти развалины. при чемъ проводникъ сказалъ, что здѣшній шейхъ нашелъ въ развалинахъ какія-то бумаги и сжегъ ихъ. „Варваръ! Вандалъ! Сей грѣхъ не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Это грѣхъ противъ науки, противъ знанія. А знаніе есть отблескъ всевѣднія Божія, слѣдовательно—это грѣхъ и противъ самого Бога и Духа Святого“.

По пріѣздѣ въ Аскалонъ Порфирій сѣлъ на зыбучемъ пескѣ. засыпаншемъ высокую стѣну подлѣ разрушенной башни. Солнце еще не взошло; утренняя тонкая свѣтотемь покрывала обширныя развалины, какъ кисея закрываетъ трупъ изношенной женщины. Ничѣмъ не возмущаемая тишина царствовала и въ поднебій Аскалона, и на его морѣ, и мнѣ казалось, что я сидѣлъ на верховьѣ огромной провалившейся могилы. въ которой время истлило и кости. и пепель, и которую буйныя вѣтры засыпаютъ зыбучимъ пескомъ. Силою воспоминанія я воскресилъ тысячелѣтнюю жизнь Аскалона. Въ одной душѣ моей, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отражались разныя видѣнія и призраки, кои сталкивались, сшибались и разлетались; а другая душа, какъ соглядатай, внимательно созерцала эти видѣнія и эти призраки. и довольна была своимъ созерцаніемъ. Казалось, проходили предо мною Филистимляне

огромные, могучіе; они закутаны были въ мантии, и потому я не могъ разсмотрѣть ихъ обличій, но я слышалъ говоръ ихъ: они все грозили на Евреевъ. Одинъ юноша преслѣдовалъ прекрасную женщину; для спасенія своей чести она бросилась въ море и тотчасъ обратилась въ рыбу. Я вспомнилъ, что это—Деркетто, мать Вавилонской царицы Семирамиды, которой здѣсь посвященъ былъ великолѣпный храмъ. Но кто это грабитъ богатства сего храма?—А! это всесвѣтныя скитальцы, Скифы. При величайшей тишинѣ слышны были два голоса: одинъ неся къ небу, другой съ неба: „Мечу Божій! доколѣ будеши същи? Войди въ ножны твои и упокойся“.—„Какъ ему упокоиться, когда Господь послалъ его противъ Аскалона“. Одинъ изъ разговаривавшихъ былъ невидимъ, а другой носилъ милоть пророческую. На короткое время являлись христіанскіе святители въ митрахъ и воспѣвали Христа; но лишь только умолкли ихъ сладостныя пѣснопѣнія, слышались крики мUEDZиновъ и шопотныя восклицанія: Аллахъ! Аллахъ! А кто это въ царскомъ вѣнцѣ и въ порфирѣ входитъ въ Аскалонъ съ торжествомъ, какъ побѣдитель? Крестносець Балдуинъ III. Но мечъ Божій еще не напился крови и не успокоился: онъ опять не разъ посѣкъ жителей Аскалона; и гнѣвъ Божій, наконецъ, расшибъ его крѣпкія стѣны, и уже некому было создать ихъ.

Отдохнувъ немного, я сѣлъ на своего чернаго коня и объѣхалъ кругомъ весь Аскалонъ. Онъ построенъ былъ въ видѣ почти правильнаго четвероугольника и со всѣхъ сторонъ обнесенъ былъ весьма высокими и необыкновенно толстыми стѣнами, башнями, глубокими рвами. У берега морского стѣна придѣлана была къ природной скалѣ, образовавшейся изъ окаменѣлыхъ песочныхъ слоевъ, и понынѣ видны остатки сей стѣны, уже разорванной временемъ, землетрясеніемъ и орудіями людскими. Эти стѣны складены были изъ камней на извести и чистомъ морскомъ пескѣ съ ракушками и пронизана была поперекъ каменными синими колоннами, закладенными въ стѣну въ лежащемъ положеніи, такъ что или цѣлымъ бокомъ колонна выставляется наружу, или только окружѣемъ своимъ. Эти колонны едва ли не были отлиты на заводахъ. Огромнѣйшіе куски свалившихся башень торчатъ на берегу, и ни воздухъ, ни вода морская не въ силахъ раздробить ихъ. Съ этой стороны рва не было; не видно также и слѣдовъ пристани; стало быть—Аскалонъ никогда не былъ морскимъ торговцемъ. Прочія стѣны, сѣверная, восточная и южная, построены были на тѣхъ же песочныхъ холмахъ, господствующихъ надъ западною скалою; посему-то эти стѣны кажутся выше западной. Но нынѣ всѣ рвы затянута пескомъ по обваламъ крѣпости; да и уцѣлѣвшіе куски стѣнъ и башень

уже едва видны изъ подъ песку, который здѣсь бугрится по ту и другую сторону стѣнъ, такъ что можно свободно выѣзжать и спускаться туда и сюда. Эти стѣнно-башенные куски, кой-гдѣ торчащіе на трехъ сторонахъ опустѣлаго города, казались мнѣ заржавѣлыми зубцами въ желѣзномъ вѣнцѣ, изъ котораго уже многіе зубцы совсѣмъ вывалились. Стѣны кладены были изъ небольшихъ песочныхъ камней. Думать надобно, что въ основу ихъ положены были огромные камни. Внутри города теперь ничего нѣтъ кромѣ огородовъ, въ которыхъ Арабы разводятъ овощи, поливая ихъ изъ колодцевъ. Среди сихъ огородовъ торчатъ кой-гдѣ камни, куски стѣнъ, фундаменты; но все это не стоить вниманія и не даетъ понятія объ Аскалонѣ. Осмотрѣвъ развалины, я примкнулъ къ своему поѣзду, который ожидалъ меня за деревнею Джарою“.

Совсѣмъ больной Порфирій прибылъ въ Ремлю. Во время обѣда и ужина прислуживалъ имъ Коптъ, нанятый игуменомъ. Онъ наряженъ былъ въ шелковыя платья по случаю вступленія въ законный бракъ съ одною Коптскою вдовою. Въ этомъ нарядѣ онъ будетъ ходить цѣлую недѣлю, а потомъ одѣнется въ лохмотья. Вездѣ человекъ самъ себя обманываетъ! Этотъ Коптъ говорилъ, что въ Египтѣ единовѣрцевъ его довольно много и что у нихъ есть монастыри мужскіе и женскіе. Они владѣютъ монастыремъ Антонія Великаго. А патріаршіи кавасъ Апостоли разсказалъ, какъ онъ, года два назадъ тому, удалствовалъ въ Виелеемской церкви и выгналъ изъ оной Коптовъ. „Въ праздникъ Рождества Христова, во время нашей обѣдни (говорилъ кавасъ) Копты служили въ своемъ придѣлѣ свою обѣдню, и такъ раскричались, что заглушали наше пѣніе и чтеніе. Митрополитъ Виелеемскій два раза посылалъ къ нимъ своего монаха и приказывалъ имъ стихнуть. Сначала они поумолкнуть, а потомъ опять раскричатся; тогда митрополитъ въ третій разъ послалъ меня, и я закричалъ на нихъ, разогналъ ихъ плетью, а сосуды и всѣ облаченія ихъ разбросалъ по полу. Такъ имъ и надобно, прибавилъ онъ: они еретики, служки антихриста!! „Что же митрополитъ похвалилъ тебя за такое святое дѣло?“ спросилъ Порфирій.—„Онъ далъ мнѣ поцѣловать свою руку и былъ доволенъ мною, какъ нельзя лучше“.

„Въ 10 часовъ ночью мы выѣхали изъ Ремли въ Іерусалимъ. За ужиномъ о. Григорій, іеродіаконъ Русской миссіи, разсказывалъ мнѣ, что сегодня послѣ вечерни посѣтилъ его одинъ изъ патріаршихъ пѣвчихъ, молодой и бойкій іеродіаконъ, и говорилъ много невыгоднаго о Россіи, именно: Россія есть страна необразованная, варварская, единственная въ цѣломъ свѣтѣ родина невольниковъ и рабовъ, кото-

рыхъ бьютъ и продаютъ наравнѣ со скотами; Россіею управляетъ не столько царь, сколько вельможи его, и вѣра поддерживается въ ней не епископами, а полуграмотными монахами, живущими въ монастыряхъ; безъ нихъ давно бы узрѣла она свѣтъ истины.

Въ этомъ іеродіаконѣ водятся блохи, сказалъ я о Григорію. Онъ ругаетъ наповаль всѣхъ своихъ епископовъ и монаховъ; онъ не вѣритъ благодатному огню; и откуда бы набраться ему такими завиральными понятіями о Россіи? Отъ него пахнетъ чужимъ душкомъ. Онъ хвалился мнѣ знакомствомъ своимъ съ членами Англиканской миссіи. Понимаю и боюсь. Эти господа успѣли внушить ему невыгодныя понятія о насъ и о нашей вѣрѣ. Грязня насъ, они чернятъ и всю восточную вѣру. Теперь новая мысль блеснула въ моей головѣ, именно: Англиканская миссія постарается потихоньку, понемножку, хитренько подорвать Православіе въ самой патріархіи, въ молодомъ поколѣніи. Хитрая и вѣрная стратегема! Бить въ цѣль, стрѣлять и попадать въ сердце—да это славное удалство!“

14 Мая Порфірій пишетъ: „Богъ удостоилъ меня сегодня отслужить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня вмѣстѣ съ архіепископомъ Газскимъ. Жертвенникомъ служилъ Гробъ, а престоломъ тотъ камень, который отваленъ былъ ангеломъ отъ двери Гроба. На этомъ камнѣ положена была богатая серебряная дска съ прекраснымъ изображеніемъ Снятія со Креста, подъ чернѣю и съ чеканными ликами четырехъ Евангелистовъ по угламъ и другими фигурами и цвѣтами, тоже чеканными. Эта дска пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись подъ чернѣю Славянскими буквами: „Иждивеніемъ ясневельможнаго Іоанна Мазепы Россійскаго гетмана“, а внизу на Латинскомъ языкѣ: „Sumptu illustrissimi Ducis Iohannis Masepae Rossiae“. Вотъ судьба Мазепы, подумалъ я: въ Россіи его проклинали, а здѣсь молятся о упокоеніи души его и прощеніи и оставленіи грѣховъ его. Не знаю, чтò дѣйствительнѣе передъ Богомъ: наше ли торжественное, всенародное проклятіе, или здѣшнія молитвы. Вѣрно ни то, ни другое. Богъ воздалъ и воздаетъ ему по дѣламъ его, а не по нашему хотѣнію“.

23 Мая Порфірій посѣтилъ Армянскаго патріарха Захарію и вель съ нимъ продолжительную бесѣду. Патріархъ горько жаловался на Грековъ. Государь или Сунодъ ежегодно высылаютъ Грекамъ деньги, а онѣ идутъ на подарки Туркамъ, чтобы давить и душить беззащитныхъ Армянъ. Вотъ и теперь не можетъ быть мира съ Вилеємскимъ митрополитомъ—жаловался Захарій: „онъ дѣлаетъ несносныя пакости нашимъ. Напр., во все время нашей службы нарочно прикажетъ

растворить окно въ нашемъ собственномъ придѣлѣ, и для чего же? Для того, чтобы вѣтеръ задулъ наши лампы, или свѣчи, или, когда нѣтъ вѣтру, для того только, чтобы показать намъ, что онъ хозяинъ въ цѣломъ храмѣ. Не обидно ли это? Кто сомнѣвается въ томъ, что онъ хозяинъ храма? Если-жъ мы и постояльцы или наемщики у него, то и въ этомъ случаѣ онъ не долженъ обижать насъ и своевольничать на половинѣ храма, уступленной намъ по волѣ султана. Я непрестано проповѣдую своимъ: терпите ради Христа, Который страдалъ отъ враговъ Своихъ. Но я не въ силахъ сдѣлать своихъ безотвѣтными страдальцами. И они люди, и они имѣютъ свои слабости, свои страсти и свое разсужденіе о томъ, что право и что не право. Греки въ Виѳлеемскомъ храмѣ имѣютъ нѣсколько входовъ и выходовъ, какъ это вамъ извѣстно, а намъ не дозволяютъ имѣть ключа даже отъ дверей, ведущихъ въ собственный нашъ придѣлъ. И этого мало. Когда у насъ идетъ служба и когда мы застелемъ полъ цыновками и коврами, по нашему обычаю, тогда Виѳлеемскій митрополитъ запретъ все прочія двери и пускаетъ богомольцевъ черезъ нашъ придѣлъ; они топчутъ и грязнятъ наши ковры, мѣшаютъ богослуженію, кричатъ, шумятъ, толкаютъ нашихъ, стоящихъ на колѣняхъ. Не обидно ли это? Главный большой куполь храма, какъ вы видите, протекаетъ; мы и католики предлагаемъ Грекамъ свои пособія для починки его; они не хотятъ нашихъ денегъ, отвергаютъ насъ. А мы имъ не уступаемъ, и вотъ Турки наживаются деньгами, которыя мы собираемъ, случается и съ Русскихъ подданныхъ. Голгоѳа издревле принадлежитъ намъ; но Греки насъ вытѣснили оттуда, и мы не можемъ тамъ священнодѣйствовать; по древнему обычаю, только посылаемъ туда свѣчу въ каждую Пятницу, да и ту не сами зажигаемъ. Однажды я взошелъ на Голгоѳу почти въ концѣ обѣдни Греческой, вотъ подошелъ ко мнѣ монахъ съ тарелкою. Я не далъ ему ни парички и сказалъ: деньги вы любите собирать и на Голгоѳѣ, а пустить, такъ не пускаете насъ сюда для молитвы. Монахъ отвернулся и заворчалъ на меня“.

— Васъ не пускаютъ на Голгоѳу; какъ же Копты и Абиссинцы служили тамъ ночью, въ Пятницу, на великую Субботу? Я видѣлъ и слушалъ ихъ. — Не можетъ быть, отвѣчалъ патріархъ. — Я васъ увѣряю. — Я вамъ удивляюсь. — Можетъ статься, это были Уніаты?

„Ужасная вѣсть (заноситъ 25 Мая Порфирій въ свой дневникъ) пронеслась сегодня по городу. Въ храмѣ Гроба Господня найденъ мертвый, новорожденный ребенокъ, брошенный неизвѣстно кѣмъ въ нужномъ мѣстѣ. Турки узнали объ этомъ и производили слѣдствіе, но виновница или виновникъ не открыты. Думать надобно, что ребенокъ

или родился тайно въ жилыхъ комнатахъ монаховъ Греческихъ, или Армянскихъ, или Католическихъ, или подброшенъ былъ къ виновнику его жизни; но для сокрытія преступленія задушенный былъ брошенъ въ нечистое мѣсто. Боже великій, какъ слабъ человѣкъ! И Гробъ возлюбленнаго Сына Твоего не вразумляетъ его, и подлѣ Святаго Гроба сего человѣкъ готовъ сдѣлать ужасныя преступленія... Бросаю перо. Завтра поѣду молиться въ Саввинскій монастырь. Эту вѣсть подтвердилъ и Петро-Аравійскій митрополитъ Мелетій, котораго я навѣстилъ сегодня вечеромъ.

Рано утромъ (продолжаетъ Порфирій 5 Іюня) я отслужилъ обѣдню въ малой церкви, устроенной въ келіи преподобнаго Іоанна Дамаскина и освященной во имя его, и послѣ обѣдни паннихиду за упокой своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ на гробѣ Св. Саввы. Потомъ посѣтилъ Русскаго архимандрита Арсенія, который года четыре живетъ здѣсь безвыходно или, точнѣе сказать, содержится, какъ невольникъ. Кстати здѣсь рассказать кратко исторію его жизни.

Онъ родился въ старомъ Черкасѣ на Дону отъ благородныхъ родителей. Какъ казакъ, какъ природный воинъ, онъ отбывалъ военную службу и получалъ ордена. Послѣ отставки ему захотѣлось сходить на богомолье въ Іерусалимъ и въ св. гору Аѳонскую. Сія гора показала ему раемъ, онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей и вскорѣ посвященъ былъ въ іеромонаха. Отсюда увлекло его желаніе служить при Гробѣ Господнемъ. Когда сгорѣлъ храмъ Воскресенія и когда обновленіе его, по разнымъ обстоятельствамъ и препятствіямъ, ввело святогробское братство въ неоплатные долги, тогда іеромонахъ Арсеній патріархомъ отправленъ былъ въ Россію за сборами всякихъ подаваній. Богъ благословилъ его прошенія и труды. Въ Москвѣ и Петербургѣ онъ собралъ множество вещей, потребныхъ для церкви, и болѣе 100,000 рублей ассигнаціями. Этого мало: будучи знакомъ съ любимымъ кучеромъ покойнаго императора Александра I, какъ съ землякомъ, онъ успѣлъ посредствомъ его подать лично прошеніе сему государю объ учрежденіи Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, и въ своемъ прошеніи указалъ на одну упраздненную церковь подлѣ Арбатскихъ воротъ, которую и умолялъ обратить въ подворье съ прилегающею къ ней землею. Прошеніе его было исполнено тѣмъ скорѣе, что Арсеній успѣлъ напомнить Государю, что по отчисленіи Бессарабіи къ Россіи, покойный патріархъ Іерусалимскій подарилъ Русскому царству всѣ имѣнія Гроба Господня, находившіяся во вновь прибрѣтенной землѣ. По словамъ архимандрита Арсенія, сей Государь хотѣлъ вознаградить уступку патріарха инымъ

образомъ, но сперва военныя обстоятельства, а потомъ смерть сего Государя послужили препятствіемъ къ сему благому дѣлу. Архимандритъ Арсеній не только приобрѣлъ, но и устроилъ Іерусалимское подворье, купивъ для него пять доходныхъ домовъ въ Москвѣ. „Богатую пристань завелъ я,—говорилъ онъ мнѣ;—изъ этой пристани святогробцы могутъ высылать свои корабли, т. е. своихъ сборщиковъ по всей Россіи и отправлять въ Іерусалимъ богатыхъ подаянія“. И подлинно, много добра сдѣлалъ о. Арсеній для святогробскаго братства. Къ сожалѣнію, онъ употреблялъ иногда нехорошія средства къ достиженію своей цѣли; за то страдаетъ и понынѣ въ каменномъ горячемъ мѣшкѣ, т. е. въ Саввинскомъ монастырѣ. Онъ обаялъ одну богатую вдовицу въ Москвѣ такъ, что та ради Христа и спасенія души своей продала все свое имѣніе и деньги вручила Арсенію, который обѣщался взять ее съ собою въ Іерусалимъ и тамъ сдѣлать ее игуменьею, поить, и кормить ее до смерти. По обстоятельствамъ, или по нерадѣнію, онъ не могъ исполнить въ скорости своего обѣщанія, и вдовица, оставшись безъ куска хлѣба, подала на него просьбу митрополиту Филарету, въ которой и уличила его въ неустойчивости въ своемъ обѣщаніи и въ хитромъ лишеніи ея всего имѣнія. Вслѣдствіе сей просьбы все имѣніе возвращено было вдовицѣ, а виновный сосланъ былъ въ Суздальскій монастырь, который для монаховъ есть тоже, что Сибирь для мірянъ. Спустя нѣсколько годовъ, онъ покушался убѣжать изъ сего монастыря и уже сталъ перелѣзать черезъ стѣну по веревкѣ, но, какъ на грѣхъ, стѣна оказалась высока, а веревка—коротка. Поболтавшись на воздухѣ, онъ оборвался въ ровъ и повредилъ себѣ ногу, такъ что не могъ встать съ мѣста. Стража тотчасъ замѣтила его и возвратила въ монастырь, гдѣ онъ и лѣчился цѣлый годъ. Хромота доселѣ осталась доказательствомъ его побѣга неудачнаго. Какъ уличенный преступникъ и пойманный бѣглець, онъ оставилъ бы и кости свои въ Суздальскомъ монастырѣ, но патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій сжалился надъ нимъ и чрезъ посредство архіепископа Фаворскаго Героея, сбиравшаго милостыню въ Россіи для уплаты долговъ казны святогробской, возвратилъ его въ свою патріархію, не какъ Русскаго архимандрита, а какъ Іерусалимскаго. Но часто случается въ этомъ мірѣ тревожномъ, что человѣкъ избѣгаетъ одной бѣды и нагоняетъ другую. Прибывъ въ Константинополь къ патріарху, онъ сталъ требовать отъ него разныхъ разностей: то половины доходовъ съ Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, то вещей, собранныхъ имъ въ прежніе годы и сильно докучалъ нашей Константинопольской миссіи. Чтобы избавиться отъ хлопотуна, патріархъ польстилъ ему: обѣщался произвести его въ санъ Петро-Аравійскаго митрополита, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ его намѣстникомъ и

вмѣстѣ духовникомъ Русскихъ поклонниковъ, и даже подарилъ ему и служебникъ архіерейскій и отправилъ его въ Іерусалимъ. Нашъ старецъ въ восторгѣ переплылъ бурное море и прибылъ въ Іерусалимъ въ твердой надеждѣ, что онъ будетъ митрополитомъ. Но здѣсь ему сказали, что отъ патріарха получено предписаніе отправить его въ Саввинскій монастырь для вѣчнаго спасенія души и для покоя изнуреннаго трудами тѣла его. Такимъ образомъ о. архимандритъ Арсеній изъ Суздальскаго монастыря попалъ въ Іерусалимскую Сибирь,—въ обитель св. Саввы, гдѣ и проживаетъ уже четыре года безвыѣздно. Ему не позволяютъ выѣхать оттуда даже на поклоненіе въ Виолеемъ и въ Іерусалимъ. Миѣ крайне жаль его. Лишеніе совершенной свободы есть уже крайняя жестокость, обида и черная неблагодарность. О. Арсеній столько добра сдѣлалъ для святогробской братіи и въ возмездіе получилъ неволю, безчестіе и презрѣніе. Онъ вопіетъ на небо; онъ уже не ищетъ никакихъ почестей и желаетъ только, чтобы ему дозволяли свободный выѣздъ изъ монастыря. Но о немъ никто и не думаетъ въ здѣшней патріархіи. Нашъ консулъ Базили презираетъ его. Жаль миѣ его: онъ такой глубокой, изможденный старецъ, жизнь его цѣломудренна и трезвенна; не только вина, даже чаю не пьетъ онъ. Я общался ему ходатайствовать за него предъ оберъ-прокуроромъ Синода и предъ митрополитами и просить ему свободы. Онъ просился было со мною въ Россію, но я рѣшительно отказалъ ему въ этомъ и вразумилъ его, что въ Россіи уже не примутъ его. Тогда онъ просилъ меня исходить за него, по крайней мѣрѣ, свободу въ Палестинѣ. Сердечный, онъ уже немного помѣшался въ умѣ“.

Объ этомъ Арсеніи А. Н. Муравьевъ писалъ, что это былъ первый Іерусалимскій сборщикъ, надѣлавшій много шума въ Россіи около 20-хъ годовъ своимъ страннымъ и небезукоризненнымъ поведеніемъ. Онъ позволялъ себѣ носить бархатную мантию съ золотыми источниками, какъ бы по разрѣшенію патріаршему, устроилъ въ Москвѣ, въ церкви своего подворья, нѣчто въ родѣ часовни Св. Гроба и тѣмъ привлекалъ много народа; съ трудомъ могли выжить его изъ Москвы. Это было причиною того, что послѣ него, въ теченіе многихъ лѣтъ, не хотѣли пускать въ Россію никого изъ восточныхъ сборщиковъ, даже съ трудомъ разрѣшили пріѣхать архіепископу Фаворскому Іероѳею, чтò былъ потомъ патріархомъ Антиохійскимъ. Арсеній впоследствии сошелъ съ ума; онъ выдавалъ себя Русскимъ за нѣкоего князя Бѣлосельскаго *).

*) Письма митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву, стр. 2.

Немало страницъ своего дневника Порфирій отводитъ описанію древняго Виелеема. Поднявшись на возвышеніе, пишетъ ояъ, и проѣхавъ мимо развалинъ церкви, отъ которой удѣляла одна часть алтаря, (по соотвѣтствію величинѣ развалинъ, алтарь безъ сомнѣнія былъ трипостасенъ) я вздохнулъ и не дерзалъ мутить себя тайною воли Бога Неисповѣдимаго, Который попустилъ здѣсь владычествовать Корану, а не Евангелію. Эта тайна ужасно тягостна для сердца, любящаго Евангеліе. Отчего всѣ св. мѣста поруганы, попраны? Этотъ вопросъ мучитъ душу и невѣжды, и мудреца. Изъ этой тьмы лишь одинъ блѣдный и слабый лучъ утѣшенія доходитъ до души и немножко успокаиваетъ ее: „Развалины не скверняютъ св. мѣста; скверняютъ его грѣшныя люди. На св. развалинахъ нѣтъ соблазновъ для поклонника. Вѣтхіе обломки проповѣдуютъ ничтожность всего земного и возводятъ душу къ созерцанію и желанію вѣчности, въ которой нѣтъ уже ни развалинъ, ни гробовъ“.

„На горной выси Св. Земли есть одинъ покатыиый къ Востоку холмъ скалистый, отъ котораго на Югъ тянется лощина-долина и совпадаетъ съ пустынною и дикою дебрию, — Іадъ-ес-Сувенитъ (или съ библейскимъ Бетъ-авенъ). На семь-то холмѣ находится Веѣиль, городъ древній и священный. Съ двухъ сторонъ его, восточной и западной, низятся къ Югу лощины, соединяющіяся въ упомянутой мною лощинѣ-долинѣ, а съ Сѣвера торчатъ за нимъ большіе самородные камни странной фигуры. На Востокъ отъ него высятся сѣрые верхи горъ и фантастическій столпъ Веѣильскій“.

„Мимо развалинъ церкви Веѣильской, спустившись въ лощину и потомъ поднявшись на кособорье, скоро мы достигли до Веѣильскаго столпа, который стоитъ на мѣстѣ гораздо вышемъ Веѣиля. Съ благоговѣніемъ ступилъ я на землю, на которой было столько откровеній Божіихъ Аврааму и Іакову. Мнилось, что если-бы послѣ молитвы уснулъ я на одномъ изъ камней, то удостоился бы видѣнія будущей судьбы Палестины“.

Продолжая свое путешествіе, Порфирій остановился въ небольшой Арабской деревнѣ, находящейся въ глубокой долинѣ Эн-Мильхра, между высокими каменистыми горами. Въ ней живетъ 30 семействъ Христіанскихъ и около 150 Магометанъ.

Въ описаніи Іерусалимскаго патріаршаго престола, составленномъ монахомъ Анѣимомъ, сказано, что въ этомъ селѣ церковь построена въ 1836 году, ибо прежняя разрушена. У здѣшнихъ христіанъ нѣтъ своего священника, а служитъ приходящій къ нимъ изъ Рамаллы. Я

пожелалъ видѣть эту церковь; ключи отъ нея имѣла одна Арабка, и она колебалась, пустить ли меня въ церковь или нѣтъ; стыдно,—говорила она въ простотѣ своей,—стыдно показать нашу бѣднѣйшую церковь. Ея простосердечная, невинная стыдливость умилила мое сердце, и я сказалъ ей, что есть на свѣтѣ много богатыхъ церквей, но я хочу помолиться въ ихъ убогомъ храмѣ. Арабка отперла двери; я вошелъ и не понималъ, куда вошелъ. Точно,—недавно построена небольшая четверугольная комната, но въ ней нѣтъ ни алтаря, ни иконостаса и ни одной иконы; вмѣсто престола поставленъ какой-то каменный столбецъ, и на немъ лежатъ грязныя тряпки, коими что-то завернуто; вѣроятно, рукописное Евангеліе; отъ жалости я не хотѣлъ и развертывать ихъ. Сердце мое затрепетало отъ священной ревности по домѣ Божіемъ и отъ священнаго негодованія на патріарха Іерусалимскаго и его намѣстниковъ за ихъ крайнее нерадѣніе о своей паствѣ. Я сравнивалъ стыдливость Арабки съ ихъ безстыдствомъ, и чернота ихъ душъ и черствость ихъ сердецъ ужаснули меня. Но ихъ презрѣніе къ Арабскому племени, рано или поздно, будетъ отмщено. Есть Судья на небесахъ! Между тѣмъ, какъ я молился въ церкви и думалъ горькую думу, собралось нѣсколько женщинъ и дѣтей; мужчины были въ полѣ. Всѣ онѣ подошли къ благословенію, и я, знаменуя ихъ крестомъ, въ тайнѣ души моей молилъ призрѣть на сіе малое стадо и утѣшить оное украшеніемъ ихъ родимаго святилища. По выходѣ изъ церкви я еще разъ полюбовался сосѣдними высотами и садами: въ даль къ Западу извивалась долина и толпились горы, украшенныя древами, какъ кудрями, и озаренныя свѣтомъ солнца, склонявшася къ Западу. На вершинѣ одной горы туманилось селеніе Деръ-Безіо.

Въ другой деревнѣ Биръ-ес-Зегъ, пишетъ Порфирій, намъ при самомъ вѣздѣ попался на встрѣчу молодой священникъ съ трубкою въ рукахъ. Поведи насъ въ церковь,—сказалъ ему Апостоли: вотъ Московскій архимандритъ хочетъ видѣть ее и помолиться въ ней Богу.—Да церковь наша крайне бѣдна и не чиста, отвѣчалъ смущенный пастырь. Апостоли заставилъ его идти куда мнѣ хотѣлось. Пришли. Мати Божія! Ангелы-Свѣты! Церковь есть длинная яма, накрытая изсохшими вѣтвями, свѣту Божія не видно въ ней. Священникъ за-свѣтилъ свѣчку, и я, нагнувшись, полѣзъ въ эту яму. Ничего тамъ нѣтъ: ни иконъ, ни иконостаса, ни утвари, ни ризъ: для обозначенія царскихъ дверей складены изъ камней два кривые столпа и обмазаны глиною пополамъ съ мякиною. Если бы въ этой ямѣ было, по крайней мѣрѣ, подметено, то душа еще не такъ сильно скорбѣла бы о поправномъ величіи святыни Господней. Но ея страданіе было невыно-

симо при видѣ ямы, называемой церковію, и ямы нечистой, грязной, и при взглядѣ на бездѣльника, котораго признать священникомъ заставлялъ головной уборъ его. Я скрѣпилъ свое сердце и замолчалъ. „Помолись о мнѣ, отче“, просилъ я попа, давая ему червончикъ вмѣсто милостыни и вышелъ изъ церкви съ растроганною душою. Подлѣ нея конникъ Курдъ, Магометанинъ шумѣлъ и кричалъ на собравшихся Христіанъ и потомъ на самого попа, увѣщевая ихъ подметать свою церковь и содержать ее въ опрятности. Бабы смѣялись надъ нимъ, а съ попа лился градомъ потъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ назадъ въ Джифну. Дорогою горестъ овладѣла моею душою; мнѣ жаль было убогихъ и страждущихъ Христіанъ восточныхъ; жаль было этихъ овецъ, не имѣющихъ пастырей, этихъ людей сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй. Греческіе архіереи презираютъ ихъ, не думаютъ о нихъ; но воздастъ имъ Господь по дѣломъ ихъ! Рано или поздно грянетъ громъ гнѣва Божія надъ ихъ головами, и молнія сожжетъ ихъ и съ ними всѣ мерзости блудодѣянія, лицемѣрія, корыстолюбія, гордости, немиролюбія, челоуѣкоубійства. Оле пастыри Израилевы!“

По прїѣздѣ въ Іерусалимъ 22 Іюня, Порфірій занесъ въ свой дневникъ такую трагическую исторію.

„Смежно съ Русскимъ Федоровскимъ монастыремъ въ Іерусалимѣ есть высокій каменный домъ. Въ немъ живетъ православный Арабъ Даудъ съ своимъ семействомъ. Онъ содержитъ свой домъ и пропитываетъ себя, жену и дѣтей трудами рукъ своихъ, работая восковыя свѣчи для церквей и для поклонниковъ. Трудъ, воздержаніе, бережливость, честность и богобоязненность составляютъ его богатство; посему онъ пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ въ Іерусалимѣ. Такъ какъ онъ женатъ на Адрианопольской Гречанкѣ, то всѣ дѣти его и самъ онъ говорятъ по-новогречески. Въ прошломъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ шумно праздновалъ свадьбу старшаго сына своего; а въ Іюнѣ разстроилась свадьба дочери его и разстроилась непріятнымъ образомъ. Богъ спасъ красоту и невинность отъ жениха-лиходѣя, и спасъ посредствомъ моего недостойнства. Женихъ дочери Дауда, тоже православный Арабъ Іерусалимскій, есть близкій родственникъ герондиссы, т. е. наложницы намѣстника патріаршаго, архіепископа Лидскаго Кирилла. Она-то за сватала свою роденьку за дочь Дауда. Это было года два тому назадъ. Даудъ зналъ отца женихова, какъ добраго христіанина и честнаго челоуѣка, и потому рѣшился отдать дочь свою за сына его, въ той надеждѣ, что онъ пойдетъ по слѣдамъ отца и что при покровительствѣ намѣстника торгъ его и зятя пойдетъ успѣшнѣе. По Арабскому обычаю, женихъ прислалъ своей невѣстѣ брачное вѣно, т. е. платя и

головной уборъ съ грудными украшеніями, состоящими изъ однѣхъ золотыхъ монетъ Турецкихъ, и по временамъ угощаль и отца и мать и родныхъ своей невѣсты. Минуль годъ; насталь другой. Отецъ жениха умеръ, и молодой человекъ сталъ шалить и поведеніемъ своимъ предвѣщаль недобрую участь будущей женѣ своей. Худая молва о немъ не разъ заставляла Дауда задумываться при взглядѣ на милое дитяtko его, которой минуло только что 13 лѣтъ, а мать ея проливала горючія слезы и упрашивала Дауда отказать жениху и отослать ему назадъ брачное вѣно. По обычаю, это можно было сдѣлать; но какъ сладить съ герондиссою архіепископа? Какъ потушить ярость обиженнаго честолюбія преосвященной монахини? Вотъ задача, которой не умѣлъ рѣшить Даудъ. Но во всѣхъ странахъ свѣта женскій умъ лучше всякихъ думъ. Жена Дауда, бойкая Гречанка, дала ему такой нечаянный и неопровержимый совѣтъ, который въ мигъ уничтожилъ всѣ страхи и расчеты его и заставилъ покориться вдохновенію и волѣ ея. Однажды, въ часъ искренняго домашняго совѣщанія о судьбѣ дочери, послѣ разныхъ сомнѣній, споровъ, тревогъ, надеждъ, она вдругъ сказала Дауду: Знаешь ли, чтò пришло мнѣ на мысль? Дочь наша еще молода; не погубимъ своего цвѣточка; предъ намѣстникомъ Кирилломъ насъ защитить Московскій архимандритъ, который, какъ всѣ говорятъ, пріѣхалъ сюда по царскому повелѣнію. Откажемъ жениху; когда деспотъ будетъ грозить тебѣ и принуждать тебя играть свадьбу, тогда ты пойдешь къ архимандриту, объявишь ему наше горе и попросишь заступиться за правое дѣло; говорятъ, что онъ очень ласковъ ко всѣмъ и весьма добръ; если онъ согласится вступить за насъ, то наши архіереи не посмѣютъ огорчить его отказомъ. Даудъ, который послѣ передалъ мнѣ эти слова, ободрился совѣтомъ жены; тотчасъ они послали за священниками, которые должны были засвидѣтельствовать, что невѣста, и ея отецъ, и мать не согласны принять жениха; люди Божіи и народныя пришли, потолковали и рѣшили, чтобы женихъ взялъ назадъ свое брачное вѣно. Женихъ, его родные, герондисса намѣстника и самъ онъ взбѣсились. Намѣстникъ позвалъ къ себѣ Дауда; посыпались совѣты, увѣщанія, просьбы, угрозы; Даудъ смиренно кланялся и отклонялъ, какъ могъ, вынужденный бракъ. Герондисса сердилась, кричала, топала ногами и угрожала, что намѣстникъ предастъ его проклятію, если онъ станетъ противиться ихъ волѣ. Архіепископъ злоупотребилъ священною властію въ угодность своей утѣшницѣ. Любовь отеческая, восторжествовавъ, побѣдила страхъ, презирая несправедливое проклятіе; Даудъ просилъ дать ему время подумать и ушелъ домой встревоженный, печальный. Наконецъ, когда рѣшительно объявлено было Дауду, что свадьба уже назначена въ день Петра и Павла, тогда онъ снова

позвалъ къ себѣ священниковъ и упросилъ ихъ отнести въ домъ жениха брачныя подарки его и тѣмъ разсѣчь узелъ. Это было утромъ 22 Іюня. Женихъ, лишь только увидѣлъ свои вещи, пришелъ въ бѣшенство, прогналъ священниковъ и побѣжалъ въ домъ невѣсты. Бросивъ на полъ вѣно, онъ началъ браниться съ Даудомъ и въ ярости сталъ бить его и вышибъ ему одинъ зубъ. Въ Оедоровскомъ монастырѣ послышался крикъ, вой, плачь. Мы выбѣжали на террасу; смотримъ: въ проулкѣ у Латинскаго монастыря Спасителя толпятся священники, Арабы, Арабки; одна здоровая и сильная Булгарка схватила жениха и тащить его въ проулокъ. Потомъ всѣ исчезли. Даудъ заперся въ своемъ домѣ. Спустя нѣсколько минутъ, послышался выстрѣлъ, потомъ сильный стукъ и шумъ человѣческихъ голосовъ. Мы опять вышли изъ своихъ келлій и увидѣли, что женихъ съ своими закадычными пріятелями изволятъ отбивать ворота дома своей невѣсты. Тогда нашъ игумень тотчасъ далъ знать объ этомъ архіепископу Лиддскому, и онъ прислалъ двухъ Турокъ кавасовъ патріархіи, которые прибили жениха тутъ же на мѣстѣ преступленія и на плечахъ утащили его домой, а соучастники его разбѣжались. Тогда сердце мое растерзалось. Больно было видѣть лютость и злость чловѣка, помраченнаго невѣжествомъ, страстями и порокомъ. А чтò происходило въ душѣ невинной дѣвушки при мысли о женихѣ-разбойникѣ?

Въ тотъ же день архіепископъ Лиддскій позвалъ къ себѣ Дауда и уговаривалъ его забыть безразсудное буйство жениха, помириться съ нимъ и затѣять веселую свадьбу, а герондисса обѣщала ему принять на себя всѣ издержки свадьбы. Но Даудъ отвѣчалъ имъ съ твердостью духа, что онъ скорѣе рѣшится умереть, нежели отдать дочь свою въ руки разбойника. Архіепископъ, видя его твердость и непоколебимость, произнесъ проклятіе на него и присовокупилъ, что у отлученнаго отъ церкви возмутъ дочь и насильно. Злополучный Даудъ выдержалъ грозу и ушелъ домой съ мрачными думами. Созвавъ къ себѣ родственниковъ, онъ объявилъ имъ свое несчастное положеніе и просилъ ихъ совѣта. Въ порывѣ негодованія всѣ рѣшили избавиться отъ проклятія и мести сильнаго архіепископа принятіемъ Уніи, и потому согласились на другой же день идти къ Французскому консулу и просить у него защиты и покровительства. Эта рѣшимость въ такомъ важномъ случаѣ нимало не удивительна: ибо Арабы за деньги перемѣняютъ вѣру. Но когда совѣтники разошлись по домамъ своимъ, жена Дауда своими слезами и мольбами, а духовникъ ихъ, архіепископъ Набулусскій, устрашеніемъ гнѣва Божія и погибели вѣчной, успѣли поколебать намѣреніе его и заставили его прибѣгнуть къ моему заступленію.

Вечеромъ, когда народъ перестаетъ уже ходить по улицамъ, Даудъ пришелъ къ мнѣ въ келью и со слезами рассказалъ мнѣ свое горе, умоляя меня вступиться за несчастное семейство и спасти невинную дѣвушку отъ злой участи. Если вы не поможете намъ, то остается намъ принять Унію; другого средства къ спасенію мы не имѣемъ, такъ заключилъ онъ свои жалобы. Я задумался. Сердце мое побуждало меня оказать помощь семейству и удержать его въ православной церкви, а разсудокъ запрещалъ мнѣ вмѣшательство въ чужое и при томъ семейное дѣло, напоминая мнѣ то перемѣнчивость намѣреній человѣческихъ, то дерзость быть судьей архіереевъ, то непріятную и невыгодную размолвку съ ними, тогда какъ по назначенію моему я долженъ сохранять миръ и дружбу съ ними. Эта борьба несносно терзала мою душу. Я не зналъ, кого болѣе слушаться: сердца или разсудка, и въ этой нерѣшимости принужденъ былъ еще разъ дознаться рѣшимость Дауда, хотя такое чувство говорило мнѣ, что мои сомнѣнія, моя осторожность послужатъ тяжкимъ и несправедливымъ испытаніемъ отеческому сердцу. Я допросилъ Дауда: не подвергнетъ ли онъ себя кровавой мести жениха или родныхъ его въ случаѣ отказа, не перемѣнитъ ли онъ своего намѣренія, не уступитъ ли настояніямъ покровителей жениха, и когда увидѣлъ твердую рѣшимость его, то обѣщался ходатайствовать за него предъ первымъ намѣстникомъ патріарха, но вмѣстѣ просилъ его не торопить меня. Поспѣшность во всякомъ, и наипаче въ важномъ дѣлѣ, не благоразумна, говорилъ я ему; потерпимъ дня два-три; можетъ быть, архіепископъ самъ образумится и раздумаетъ затѣвать бракъ противъ воли твоей, дѣвушкиной и матерней; но если онъ будетъ настаивать на своемъ, то ты опять приходи ко мнѣ, и тогда я знаю что дѣлать. Но Даудъ убѣдительно просилъ меня не отлагать добраго дѣла, поставляя мнѣ на видъ неодолимое упорство архіепископа Лидскаго и его герондиссы. Мы будемъ медлить (говорилъ онъ сквозь слезы), а они успѣютъ совершить свой замыселъ чрезъ Турецкую власть: отошлютъ меня въ Саввинскій монастырь, какъ помѣшаннаго въ умѣ, и потомъ насильно обвѣнчаютъ мою дочь. Этотъ доводъ его показался мнѣ весьма важнымъ; ибо я зналъ, что намѣстники патріарха имѣютъ гражданское право наказывать Христіанъ, ссылать ихъ въ монастыри, заключать ихъ въ тюрьму и пр., и вспомнилъ несчастнаго Грека, который умеръ въ заточеніи въ Саввинскомъ монастырѣ за то, что жена его понравилась игумену Ильинскаго монастыря, который прежде былъ казначеемъ Іерусалимскаго сѣнода. Послѣ этого я уже болѣе не колебался и далъ священное слово Дауду идти завтра же къ митрополиту Петро-Аравійскому и поправить дѣло, во что бы ни стало. Благодарный Арабъ поклонился мнѣ до лица земли и возвратился домой успокоенный.

Іюнь 23. Утромъ я посѣтилъ митрополита и послѣ обычныхъ привѣтствій началъ разговоръ.—Владыка святой! Я пришелъ поговорить съ вами наединѣ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Прошу васъ удостоить меня вашимъ вниманіемъ.—И тѣлесный и духовный слухъ мой открытъ для всѣхъ, отвѣчалъ ласково митрополитъ.—Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно печальное происшествіе, случившееся вчера въ домѣ православнаго Араба.—Дауда? Знаемъ, знаемъ. Э, пустое дѣло, семейная ссора...; подобные случаи нерѣдки между Арабами; они варвары, башки, варвары!—Пустое дѣло, владыка, да слѣдствія его печальны. Отъ искры загорается пожаръ. Вѣдь—Даудъ со всею роднею своею хочетъ принять Унію подъ покровительствомъ Французскаго консула.—Кто вамъ сказалъ это?—Я слышалъ объ этомъ отъ достовѣрныхъ людей.—Наши говорили вамъ? Не вѣрьте имъ: между ними есть лжебратія. Я давно не видалъ ни одного изъ вашихъ старцевъ и прошу васъ не подозрѣвать никого изъ нихъ. Я умѣю напитокъ воды изъ ближайшаго источника.—Будьте спокойны о архимандритѣ, и вѣрьте мнѣ, что пожара не будетъ.

Я замѣтилъ, что митрополитъ хотѣлъ отдѣлаться пустыми отрицаніями и скрытностію, и потому рѣшился заставить его быть искреннимъ и склонить его въ пользу Дауда.—Пріятно вѣрить вашему прореченію, продолжалъ я, но горестно слышать, что искры семейнаго раздора брошены изъ монастыря Св. Гроба. Весь міръ оправдываетъ Дауда и обвиняетъ преосвященнаго Кирилла и его герондису.—Арабы злодѣи! закричалъ митрополитъ, покраснѣвъ. Они ненавидятъ насъ и поносятъ. Вы имъ вѣрите, а насъ обвиняете.—Что вы говорите, владыка! Я обвиняю васъ? Я отрокъ малый предъ вами? Я пришелъ только сказать вамъ то, что слышалъ, и, если это правда, просить васъ потушить дѣло, которое чернить все святогробское братство, и удержать въ Православіи нѣсколько душъ христіанскихъ. Честь вашего братства дорогѣ для меня такъ-же, какъ и моя собственная; и мнѣ больно думать, что не завтра, такъ послѣ-завтра уменьшится стадо Христово, и безъ того малое и слабое.—Да не вѣрьте слухамъ. Они преувеличены.—Положимъ, что даже несправедливы. Но, кажется, благоразуміе заставляетъ устранять и ложные, вредные слухи, и особенно, когда многочисленные враги наши готовы воспользоваться ими ко вреду нашему. Вы знаете, что теперь Іерусалимъ сдѣлался мѣстомъ Европейскимъ. Думаете ли вы, что консулы и попы Латинскіе и Англійскіе не знаютъ вчерашняго происшествія? И можно ли надѣяться, что они пощадятъ васъ и скроютъ разнесшійся по всему городу слухъ, что монахиня, герондисса намѣстника патріаршаго, мѣшается въ

семейное дѣло, заводитъ ссоры, гонить невинныхъ и голубицу отдаетъ на растерзаніе лютому ястребу?—Боже мой! Куда намъ дѣваться отъ враговъ? сказалъ митрополитъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Есть убѣжище.—Гдѣ оно?—Въ вашей власти и справедливости. Оставьте въ покоѣ Дауда; накажите дерзкаго жениха или скажите ему, чтобы онъ взялъ свое брачное вѣно; сдѣлайте это какъ можно скорѣе, и безчестіе отнимется отъ васъ.—Постараемся какъ нибудь уладить дѣло.

Я весьма обрадовался этому вызову митрополита и, дорожа минутою его расположенія къ справедливости, спросилъ его тономъ братской простоты, понизивъ голосъ свой: А скажите, владыка, почему герондисса Лидскаго архіепископа принимаетъ сильное участіе въ молодомъ Арабѣ?—Онъ родственникъ ей.—Какъ? Арабъ родственникъ Гречанкѣ? Это что-то мудрено.—Ничего мудренаго нѣтъ тутъ. Вотъ ихъ родословіе. Давно, не помню годовъ, былъ здѣсь одинъ архимандритъ и протосинкель. По слабости человѣческой, онъ прижилъ дочь. Отсюда выслали его и съ дочерью въ Влахобогданію для управленія тамошними имѣніями Св. Гроба. Онъ пожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, а дочь его, лѣтъ 12 или 13, возвратилась въ Іерусалимъ. Здѣсь не знали что дѣлать съ нею; выслали было ее въ Яффу къ одному Арабу, но она убѣжала оттуда и опять явилась въ Іерусалимъ; тогда выдали ее за здѣшняго Араба, и вотъ сынъ-то ея и есть женихъ дочери Дауда. А герондисса Лидскаго приходится сродни его матери, и потому она приняла участіе въ мальчикѣ и засватала его за дочь Дауда. Даудъ согласенъ былъ на этотъ бракъ, а теперь, бездѣльникъ, противится и стыдитъ насъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.—Я не зналъ этой исторіи, и признаюсь вамъ, она довольно соблазнительна. Грѣхъ монашескій приноситъ горькіе плоды.—Но дѣти не отвѣчаютъ за грѣхи родителей.— Не отвѣчаютъ, но часто наследуютъ ихъ слабости. И внукъ протосинкела оказался негодаемъ. И такъ есть чего пугаться Дауду. Какому отцу захочется отдать дочь свою за шалуна, за разбойника? Даудъ имѣлъ, и особенно теперь имѣетъ, полное право отказать ему въ рукѣ своей дочери. Зачѣмъ же приневоливать, огорчать, убивать родительское сердце? Не грѣшно ли предъ Богомъ обречь невинную дѣвушку позору и несчастію? И что это за бракъ, который хотятъ заключить противъ воли отца матери и невѣсты? Это ли бракъ о Господѣ? Я прошу васъ, владыка, предупредить зло, и скажу вамъ откровенно, что если герондисса Лидскаго будетъ угрожать и мстить Дауду и если онъ обратится въ Унію, то я не умолчу объ этомъ; поѣду въ Россію и вездѣ буду говорить, что вы сами причиною распространенія Уніи.—Говорите, что вамъ угодно. Но грѣхъ и наказаніе при васъ

будеть.— Не думаю, чтобы грѣшно было тушить пожаръ, истреблять ядъ, предупреждать зло. Ревность по Православію есть святая добродѣтель, сказалъ я въ душевной лихорадкѣ.— Вы не любите насъ и защищаете Арабовъ.— Богъ знаетъ мѣру моей любви къ вамъ, а Арабовъ я жалѣю и готовъ защищать ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.— Они не имѣютъ никакой вѣры; они варвары, злодѣи.— Вы дайте имъ вѣру; вы сдѣлайте ихъ кроткими агнцами, ибо вы—пастыри ихъ.— Они не слушаются насъ.— Неудивительно, ибо вы не любите ихъ, презираете ихъ.— Это народъ-мученикъ. Магометане угнетаютъ его; и какое утѣшеніе получаютъ Арабы отъ васъ? Имъ даже помолиться негдѣ. Сельскія церкви находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.— Вы забываете, что мы находимся подъ Турецкимъ игомъ.— Однакожь Турки не запрещаютъ вамъ починивать церкви и даже строить ихъ вновь на старыхъ основаніяхъ, и еще менѣе запрещаютъ украшать ихъ иконостасами. А въ сельскихъ церквахъ вашихъ вовсе нѣтъ ни иконъ, ни ризъ, ни...— Гдѣ же намъ взять иконописцевъ? А по рукоположеніи каждаго священника мы даемъ ему подризникъ, поручи, епитрахиль, фелонь, дискось и потиръ. Да они не берутъ ихъ.

Я хотѣлъ было сказать митрополиту, что ризы даются священникамъ поношенныя и на всю жизнь и что лучше бы давать имъ деревянные сосуды, а не свинцовые. Но промолчалъ и заговорилъ о священникахъ.— Священники ваши не понимаютъ своихъ обязанностей; таинства совершаются кое-какъ; держать въ церквахъ скотину. Вмѣсто того, чтобы наставлять ихъ, вы ихъ выгоняете отъ себя, какъ презрѣнныхъ рабовъ. Когда они стучатся въ двери вашихъ келій и творятъ молитву: *Δὲ εὐχῶν* (молитвами св. отецъ), вы отвѣчаете имъ: *рухъ мингонъ*—(ступай прочь), подлець—Мы не принимаемъ къ себѣ Арабскихъ священниковъ, дабы не уронить архіерейскаго достоинства. А о просьбахъ ихъ докладываетъ намъ драгоманъ.— Въ первый разъ въ жизни слышу, что достоинство архіерея унижается отъ приѣма священниковъ въ домъ. Владыка! Каждый епископъ есть кивара, а іереи—струны; это не я говорю, а Св. Игнатій Богоносець. Видите, въ какой близкой связи поставляютъ св. отцы епископовъ и священниковъ.— Мы не понимаемъ ихъ языка.— Почему же вы не учитесь по-арабски? И этимъ вы охлаждаете къ себѣ Арабовъ. Но положимъ, что уже поздно вамъ учиться мѣстному языку; по крайней мѣрѣ, пусть драгоманъ передаетъ вамъ ихъ просьбы въ ихъ присутствіи.— Не намъ вводить новые обычаи.— Итакъ, все останется у васъ по старому? Не будетъ учреждено училище для воспитанія сыновъ Арабскихъ священниковъ? Арабки—вдовы, сироты и калѣки, не будутъ имѣть приюта

въ женскихъ монастыряхъ? Арабъ не можетъ быть ни архіереемъ, ни послушникомъ монастырскимъ?—Это не наше дѣло; про то знаетъ патріархъ.

Я замолчалъ, потому что разговоръ сдѣлался крупнымъ, и уклонился отъ главной цѣли. Нужно было дать другой оборотъ рѣчи.— Не буду спорить съ вами, владыка, продолжалъ я. Не мое дѣло указывать вамъ. Простите меня великодушно, если я оскорбилъ васъ.— Тотъ не оскорбляетъ, кто вразумляетъ, отвѣчалъ митрополитъ и поцѣловалъ меня въ високъ. Послѣ сего я сталъ прощаться съ нимъ, и при прощаніи еще разъ попросилъ его принять Дауда подъ защиту. Митрополитъ обѣщался устроить дѣло по моему желанію.

По возвращеніи домой я позвалъ къ себѣ Дауда, обнадежилъ его благополучнымъ окончаніемъ его дѣла и приказалъ ему извѣщать меня о послѣдствіяхъ моего ходатайства за него.

Іюня 26. Спусти два дня послѣ свиданія моего съ митрополитомъ Мелентіемъ, спутникъ мой о. Григорій пошелъ къ архіепископу Лидскому поговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Тогда архіепископъ высказалъ все свое неудовольствіе на меня и просилъ его объявить мнѣ, что онъ считаетъ меня простымъ богомольцемъ и не понимаетъ, кто поставилъ меня судьей надъ нимъ, потому что ни патріархъ, ни Россійскій синодъ не писали въ Іерусалимъ о судейскихъ правахъ архимандрита Порфирія; просилъ также сказать мнѣ, что Даудъ, по обычаю Арабскому, долженъ уплатить жениху издержки угощеній, и что онъ не хочетъ и не въ состояніи уплатить ихъ, а нельзя же обижать и жениха; довольно съ него и того, что онъ обезпеченъ предъ всѣми семействами. Когда о. Григорій пересказалъ мнѣ все это, то я, желая кончить непріятное дѣло, упросилъ его сходить къ Лидскому и дать ему слѣдующій отвѣтъ: Архимандритъ Порфирій и не думалъ быть вашимъ судьей; но если онъ вступился за Дауда, то сдѣлалъ это потому, что гонимое семейство просило у него защиты, и потому, что онъ, по долгу сына церкви Православной, желалъ спасти Дауда и родныхъ его отъ тяжкаго грѣха, каковъ есть перемѣна вѣры. Архимандритъ проситъ васъ кончить дѣло въ пользу Дауда, и онъ выѣдетъ изъ Іерусалима тогда только, когда увидитъ успокоеннымъ невинное семейство. Что касается до уплаты денегъ за издержки жениха, то архимандритъ жертвуетъ ихъ столько, сколько придется по расчету.

Архіепископъ Лидскій, даромъ что чрезвычайно упоренъ, обдумался, смягчился и рѣшился уступить моей настойчивости. Но онъ требовалъ отъ Дауда 700 піастровъ въ пополненіе убытковъ жениха.

Это требованіе опять произвело споры и неудовольствія. Даудъ и Арабскіе священники вопіяли, что это противно Арабскимъ обычаямъ. Архіепископъ хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь потѣшить жениха, который лишается невѣсты и чести. Я совѣтывалъ Дауду исполнить требованіе Лидскаго, и обѣщался дать ему вспоможеніе деньгами.

Іюня 29. Новый день, новыя хлопоты. Утромъ архіепископъ Неаполійскій прислалъ ко мнѣ своего послушника спросить, буду ли я дома послѣ полудня. Я отвѣчалъ, что ежели преосвященный намѣренъ посѣтить меня, то я стану ждать его цѣлый день. Не трудно было предвидѣть цѣль посѣщенія архіепископа. Онъ—духовникъ жены Даудовой; онъ не расположенъ къ Лидскому; онъ—врагъ всѣхъ герондиссъ; стало быть, по случаю какой-нибудь новой завязки, онъ будетъ жаловаться мнѣ и просить меня разсѣчь узелъ. Такъ я гадалъ и угадалъ. Архіепископъ Неаполійскій посѣтилъ меня ровно въ 12 часовъ и въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на превратный образъ жизни монаховъ Іерусалимскихъ; оплакивалъ безчестіе, какое наводятъ герондиссы святигробскому братству; неоднократно повторялъ: горе дѣлающимъ беззаконіе, горе называющимъ черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ; упрекалъ Лидскаго въ женоугодіи; говорилъ, что онъ въ противность Арабскимъ обычаямъ заставляеть Дауда платить деньги, потому что ежели невѣста отказываетъ жениху, то отсылается только брачное вѣно, и ничего болѣе, и, наконецъ, просилъ меня прекратить соблазнъ. Будьте второй Наанъ, говорилъ онъ съ воодушевленіемъ, идите и съ дерзновеніемъ обличите беззаконіе; не бойтесь, потому что одного присутствія вашего трепещутъ тѣ, у которыхъ совѣсть нечиста и помрачена. Справедливость и ревность архіепископа тронули меня до глубины души. Я обѣщался ему употребить свое вліяніе.

Вечеромъ я посѣтилъ митрополита Мелетія и съ евангельскимъ воодушевленіемъ говорилъ ему, что надобно прекратить соблазнъ, что несчастна та церковь, которою управляютъ монахи, а не епископы, что ежели похотливое воззрѣніе на жену есть грѣхъ, то что же сожитіе съ женами, что горе тѣмъ, чрезъ которыхъ соблазнъ приходитъ въ міръ, что ежели въ мірѣ нравственное растлѣніе отвратительно, то въ монастыряхъ и на св. мѣстахъ оно ужасно и пр. Митрополитъ сталъ защищать мѣстный обычай имѣть монахамъ герондиссъ. Апостоль Петръ (говорилъ онъ) водилъ съ собою сестру-жену, а мы преемники его. Самому Господу жены служили, почему-жъ и намъ не принять ихъ служенія и послушанія? Притомъ, не мы первые ввели обычай принимать въ свои келіи герондиссъ, это уже издавна ведется здѣсь. Зло меньшее все же лучше зла большаго. Ну, пусть мы,

по вашему, любодѣи, блудодѣи; мы отдадимъ отчетъ въ этомъ Богу. Эта апологія ужаснула меня, и я въ порывѣ священнаго негодованія сказалъ ему: Богу и людямъ, владыка! Ежели вы такъ думаете, ежели вы такъ чувствуете, то я скажу вамъ не обинуясь, что отнимется отъ васъ царство Божіе и дастся другимъ. И что я говорю? Оно уже отнимается отъ васъ; Христосъ оставляетъ васъ, бѣжитъ отъ васъ. Православная церковь видимо слабѣетъ, умираетъ въ Палестинѣ.

— Что-жъ намъ дѣлать? Мы безсильны. Турки насъ гнетутъ; Армяне насъ обижаютъ; Латины насильно отнимаютъ у насъ овецъ. Никто насъ не защищаетъ, никто не поддерживаетъ.—Турки, Армяне, Латины... а позвольте васъ спросить: кто причиною кровавой вражды Православныхъ христіанъ Виолеема и Бетжалы? Не вы ли расторгли тамъ бракъ противъ обычая и тѣмъ подали поводъ къ враждѣ? Почему вы не помирите ихъ?—Кровавая месть есть наслѣдственный порокъ Арабовъ. Невозможно истребить его.

— А я думаю, что возможно. Тотъ Христіанинъ изъ Бетжалы, котораго жену отдали другому, теперь ищетъ примиренія и проситъ только денегъ съ новаго мужа жены его. Сей послѣдній не въ состояніи удовлетворить его по бѣдности своей. Почему же вы не дадите своихъ денегъ?—Если мы уплатимъ деньги, то всѣ Арабы скажутъ, что мы виноваты.—Итакъ еще будетъ литься кровь христіанская отъ недостатка вашего самоотверженія и отъ ложнаго стыда вашего?

— Мы не имѣемъ власти; мы не можемъ управиться съ Арабами.— Если не можете вы, такъ другіе управятся съ ними.

Услышавъ это, митрополитъ измѣнился въ лицѣ, снялъ камилавку и въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія сказалъ, чего я не ожидалъ:

— Такъ Діонисія, митрополита Виолеемскаго, вы прочите на мое мѣсто?—Владыка святой! Мое ли это дѣло? Я объ этомъ никогда и не думалъ.

Послѣдовало обоюдное молчаніе отъ смятенія душевнаго. Молчаніе послѣ размовки весьма неприятно. Я опять началъ говорить:—Ради Бога, прошу васъ, владыка, сдѣлать доброе дѣло, успокоить семейство Дауда. Скажите преосвященному Кириллу, что если непременно нужно уплатить жениху 700 піастровъ, то Даудъ найдетъ эти деньги; скажите ему также, что я твердо рѣшился защитить невинное семейство во что бы ни стало.—Будьте спокойны о. архимандритъ. Постараемся исполнить вашу просьбу.

Утромъ я позвалъ къ себѣ Дауда и увѣрилъ его взнести требуемую сумму, давъ ему 400 піастровъ безвозвратно.

Іюль. 1-го дня кончилось дѣло по моему желанію. Женихъ взялъ назадъ брачное вѣно, Даудъ отсчиталъ ему 700 піастровъ; невѣста спаслась отъ разбойника.

18 Іюля Порфирій пріѣхалъ въ Виѳлеемъ. „19-го послѣ обѣдни, пишеть онъ, я облобызалъ ясли Господни, и въ этотъ разъ такъ же, какъ и прежде, чувствовалъ, что чело мое погружалось въ мраморъ, какъ въ мягкую вещь. Вѣра умягчаетъ и камни“.

„Такъ какъ Армянскій патріархъ передъ отъѣздомъ моимъ въ Виѳлеемъ просилъ меня вникнуть въ споръ его съ Греками за ключъ отъ двухъ дверей храма (внутренней, ведущей въ ихъ придѣлъ, и наружной, вводящей въ храмъ съ улицы) то я посѣтилъ Армянскаго архимандрита Григорія, живущаго здѣсь въ особомъ монастырѣ, пристроенномъ къ Виѳлеемскому храму, и просилъ его объяснить мнѣ на мѣстѣ жалкіе споры. Мы пошли въ храмъ. Здѣсь архимандритъ началъ жаловаться мнѣ, что Греки имѣютъ много входовъ въ храмъ, а Армянамъ не только не позволяютъ имѣть свой ключъ отъ единственной двери, ведущей въ ихъ придѣлъ, но даже совершаютъ свои процессіи черезъ ихъ придѣлъ и тѣмъ безпокоятъ молящихся Армянъ. Я отвѣчалъ ему, что Греки въ самомъ дѣлѣ не правы и что имъ слѣдуетъ уступить Армянамъ не только ключъ, но и самую дверь придѣла.—Это ли одно притѣсненіе мы терпимъ отъ Грековъ? продолжалъ архимандритъ. Они не позволяютъ намъ прибавлять иконъ въ нашемъ собственномъ придѣлѣ, ни замѣнять ветхія новыми. А вы сами изволите видѣть, что эти иконы очень дурно написаны; намъ хотѣлось бы поставить здѣсь лучшія. А въ Св. Пещерѣ митрополитъ нарочно оставляетъ Евангеліе свое на св. престолѣ, чтобы мы не смѣли священнодѣйствовать тутъ. Когда мы служимъ въ придѣлѣ, онъ приказываетъ растворить окна онаго для того только, чтобы имѣть удовольствіе смотрѣть, какъ вѣтеръ или дождь тушитъ наши лампы и свѣчи. Насъ обижаютъ также и Католики. Они имѣютъ ходъ въ Св. Пещеру изъ своей церкви, чрезъ подземелье, но, не смотря на то, открыли другой ходъ чрезъ нашъ придѣлъ. Такія притѣсненія лишаютъ насъ терпѣнія.—Я вполне почувствовалъ почтенному о. архимандриту и просилъ его объяснить мнѣ, почему хотѣлось бы Армянамъ имѣть ключъ и отъ уличной двери храма, тогда какъ они имѣютъ свободный входъ въ сей храмъ изъ своего монастыря. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имъ желательно вводить въ храмъ благородныхъ и богатыхъ Армянъ прямо съ улицы, потому что ходъ, ведущій въ ихъ монастырь, пролегаетъ черезъ конюшню, а другого хода нѣтъ, да и устроить его не позволяютъ ни Латины, ни Греки, ни Турки. Мнѣ любопытно было видѣть этотъ безчестный для Армянъ

ходъ. Мы пошли туда, и что же я увидѣлъ? Весьма просторное и чистое помѣщеніе подъ древними сводами, складенными изъ тесаныхъ камней, подъ которыми мы прошли къ уличной небольшой калиткѣ. Правда, есть тутъ, въ сторонѣ, конюшни, но она нисколько не мѣшаетъ ходить въ монастырь. Тогда я на мѣстѣ увидѣлъ, что притязаніе Армянъ на наружную дверь храма Виѳлеемскаго есть одинъ капризъ, одно желаніе совмѣстничества. Архимандритъ жаловался, выставялъ право необходимости, ссылаясь на благородство Армянъ, какъ будто они не имѣютъ конюшенъ въ домахъ своихъ. Но я молчалъ и тѣмъ давалъ ему чувствовать несправедливость его жалобъ и доводовъ. Перемѣнивъ разговоръ, мы возвратились въ монастырь. Послѣ короткаго угощенія я простился съ архимандритомъ дружелюбно и ушелъ къ митрополиту.

Преосвященный не утерпѣлъ, спросилъ меня, зачѣмъ я ходилъ въ Армянскій монастырь. Для замѣтокъ, отвѣчалъ я. Митрополитъ потупилъ зорь и потомъ опять спросилъ: угощалъ васъ архимандритъ? И услышавъ утвердительный отвѣтъ мой, покачалъ головою и сказалъ: и вы не погнушались? Мнѣ стало смѣшно, и я отдѣлался отъ него шуткою. Владыко! Если путешественникъ будетъ различать вѣру отъ вѣры и чуждаться иновѣрцевъ, то ему придется умереть съ голоду въ дорогѣ.

Предъ прощаніемъ митрополитъ благословилъ меня маленькимъ серебрянымъ крестомъ, въ которомъ вложены были частичка животоворящаго древа и крошечный кусочекъ отъ мертвеннаго ложа Господа Иисуса Христа. Этотъ священный даръ восхитилъ меня до небесъ. Я сердечно благодарилъ митрополита, повторяя ему нѣсколько разъ: Вы имѣете вѣчное мѣсто въ душѣ моей! Мы разстались какъ друзья.

Пещера, гдѣ родился Спаситель, съ первыхъ же дней христіанства сдѣлалась святынею. Городъ Виѳлеемъ терпѣлъ большія бѣдствія*). Продъ избилъ Виѳлеемскихъ младенцевъ. Римляне въ 70 г. разрушили Виѳлеемъ, и онъ почти опустѣлъ. Въ немъ впрочемъ еще жили Іудеи въ началѣ II-го вѣка. Извѣстно, что Римскій папа Еварестъ (100—109) былъ Іудей. Адрианъ же воспретилъ Іудеямъ не только селиться и жить, но даже и самый входъ въ городскіе ворота. И съ тѣхъ поръ ни одинъ Еврей не жилъ въ Виѳлеемѣ. Осквернивъ капищами Голгоѳу и мѣсто Гроба Господня въ Іерусалимѣ, Адрианъ также поступилъ и съ Пещерою Рождества Христова въ Виѳлеемѣ. Онъ велѣлъ развести здѣсь

*) Очерки изъ церковно-исторической географіи. С. Терновскаго. Іерусалимскій патріархатъ, стр. 98.

священныя языческія роци и устроилъ капище Адонису и Венерѣ. Несмотря на это, вѣрующіе не перестали посѣщать священную для нихъ пещеру.

Равноапостольная княгиня Елена устроила надъ пещерою великолѣпный храмъ и украсила темной вертепъ царственнымъ убранствомъ.

Въ Внолеемѣ есть и доселѣ длинное зданіе, называемое школою блаженнаго Іеронима, жившаго въ Внолеемѣ съ своими Римскими друзьями. Здѣсь онъ перевелъ на Латинскій языкъ Ветхій Завѣтъ, здѣсь же находится и его гробница.

Въ 530 г. Императоръ Юстиніанъ возобновилъ городскія стѣны Внолеема и храмъ, устроенный Еленою. Храмъ этотъ превосходилъ своей красотою всѣ Іерусалимскія церкви того времени и, несмотря на то, что часто подвергался разграбленію, первоначальныя стѣны и колонны его уцѣлѣли доселѣ. Такимъ образомъ онъ нынѣ представляетъ собою замѣчательнѣйшій и достойный изученія архитектурный памятникъ не только въ Палестинѣ, но и во всемъ христіанскомъ зодчествѣ, какъ единственный, подлинный и древнѣйшій храмъ ранней эпохи христіанства, сохранившійся безъ значительныхъ измѣненій въ теченіе 1500 лѣтъ со времени своего сооруженія. Внутренность этого храма представляетъ собою большой четырехконечный крестъ. Длинный западный конецъ креста теперь отдѣленъ стѣною отъ остальнаго храма и представляетъ собою пустынную галерею, ничѣмъ не напоминающую храмъ. Но среди этого заустѣннѣ царственная грандіозность постройки сразу говоритъ о себѣ. 40 колоннъ изъ многоцвѣтнаго порфира четырьмя рядами поддерживаютъ высокіе своды притвора. Стѣны храма были покрыты мозаичной живописью съ священными изображеніями. Изъ надписей видно, что мозаичная живопись была сдѣлана въ XII вѣкѣ, когда Палестиною владѣли Крестоносцы.

Мужскіе монастыри въ Іерусалимѣ и внѣ онаго, исключая Савинскій, (говоритъ Порфирій) суть не что иное, какъ гостиницы для помѣщенія богомольцевъ; потому въ нихъ нѣтъ монаховъ. Каждый монастырь обыкновенно вручается надзору одного игумена, который, тоже по обычаю, держитъ при себѣ молодую герондису и приживаетъ съ нею дѣтей. Болѣе подробно Порфирій описываетъ монастырь Архангельскій. Церковь, имѣющая небольшой куполь, трехпрестольная. Главный престолъ освященъ во имя архангела Михаила, правый придѣлъ—во имя Іоанна Златоустаго, а лѣвый—во имя Николая. Размѣщеніе придѣловъ неправильно. На иконѣ архангелъ Михаилъ въ воинскомъ древнемъ одѣяніи съ человѣкообразными солнцами на груди и мышцахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ пламенный мечъ, а въ лѣвой—

душу за волосы; у ногъ его лежитъ тѣло сей души. Изображеніе сіе есть эхо языческой мѣологіи. Я видалъ его въ разныхъ церквахъ Палестины и въ Перской Греческой церкви въ Константинополѣ. Не знаю, на какомъ основаніи архангелу Михаилу усвоена должность проводить души на небо. По тамошнему преданію, монастырь построенъ на мѣстѣ явленія ангела Давиду на гумнѣ Орны. Самое мѣсто обозначено обломками колонны, которую лобызають усердные поклонники. Сербы построили сей монастырь. Я видѣлъ въ церкви Сербскія иконы съ Славянскими буквами. Половиною сей обители завѣдывалъ игумень или экономя Свѣто-Савинскаго монастыря съ своею герондиссою, другою—патріаршіей монахъ. Монастырь имѣетъ 40 келій и небольшой садъ съ огородомъ. Съ 1820 по 1828 г. жили въ немъ по найму Американскіе миссіонеры и Николайсонъ, ихъ дѣятель и руководитель. Съ крыши церковной взоръ обнимаетъ далекое пространство по дорогѣ въ Набулусъ, гротъ Іереміи, весь Іерусалимъ, Елеонъ, деревню Абудисъ и часть Заіорданскихъ горъ.

Н.В. Мимоходомъ въ Большую Панагію мы зашли въ древнюю Латинскую патріархію, пристроенную къ сѣверной и западной сторонамъ храма во время Крестonosцевъ. Со времени завоеванія Іерусалима Саладиномъ живетъ въ сей патріархіи родъ Алемидовъ, хранителей знамени Магометова. Съ позволенія шеха Юсефа, мы вошли внутрь сего зданія и осмотрѣли его. Ворота Мавританской архитектуры, съ острыми сводами и разноцвѣтными украшеніями, довольно величавы. Главная лѣстница, ведущая въ большую залу, устроенная изъ большихъ тесаныхъ камней, широка и хорошо сохранилась. Зала либо церковь, съ древними сводами, длинна и узка; она освѣщается изъ оконъ, выходящихъ на базарную улицу. Она обращена въ мечеть. Прочія комнаты, кои выше, кои ниже, не велики. Вездѣ крайне нечисто. Молодой Арабъ вводилъ насъ и въ спальню или женскую половину, которая находится на крышѣ между двумя куполами храма Гроба Господня. Отсюда видно въ ротонду Гроба черезъ окно. Изъ этой половины въ давнее время дверь вела въ южную сторону куполовъ, которою владѣють Греки. Но она заложена съ тѣхъ поръ, какъ оказалось, что Мусульманки изъ гарема ходили къ монахамъ Греческимъ и принимали ихъ къ себѣ. Когда, по жалобѣ мужей, призвали патріарха въ мегкеме для суда, то онъ сказалъ: „у васъ есть кобылицы, у меня жеребцы; заприте своихъ, и мои не будутъ прыгать на нихъ“. Слово и дѣло.

Съ 8 Января по Іюль 1846 г. Порфирій посѣтилъ Аеонъ, Константинополь, а затѣмъ черезъ Валахію и Молдавію, чрезъ Одессу и Москву пріѣхалъ въ Петербургъ.

Во время пребыванія въ Валахіи Порфирій посѣщаль монастыри: въ Гольи, Барбою и Данку.

Монастырь Гольи, такъ называемый отъ здателя его великаго логовета Іоанна Гольи, принадлежит обители Аеоно-Ватопедской. Изъ Греческой и Славянской надписи въ храмѣ его видно, что это святилище съ основаній воздвигнуто было въ память Вознесенія Господня и расписано иждивеніемъ благочестивѣйшаго князя всей Молдовлахіи Василія 1-го воеводы и сына его Стефана воеводы во дни святительства Молдавскаго митрополита хр Варлаама въ 7168—1660 году, Мая 24 дня, а вновь расписано и украшено новымъ иконостасомъ въ 1838 году. Тутъ похоронены внутренности свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, о чемъ гласить надпись на Русскомъ языкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены ктиторы:

1-й. Василій воевода. Екатерина. Иринопольскій епископъ Григорій. Іеремія Могила воевода. Василій логоветъ Іоаннъ Гольи.

Названный епископъ устроилъ въ этомъ монастырѣ параклисъ въ честь положенія пояса Богородицы и подлѣ него изрядную столовую горницу для угощенія богомольцевъ въ храмовые праздники. Онъ долго управлялъ Ватопедскими имѣніями въ Молдавіи и Бессарабіи, а жилъ въ Кишиневѣ. Я видѣлъ его въ Одессѣ. Покойный былъ тученъ, краснощекъ, добръ. Онъ имѣлъ орденъ Анны первой степени.

Внутри Гольинскаго монастыря есть магазины, хорошенькій домикъ для найма и приземистое строеніе для лишенныхъ ума. Молдавское правительство понуждаетъ Ватопедцевъ надстроить эту больницу и содержать лѣкаря своимъ иждивеніемъ; но игуменъ отвѣчалъ, что онъ улучшить больничные покои, а лѣкаря нанимать не будетъ, потому что въ монастырѣ у него недужныхъ врачуеть Богоматерь.

Аеоно-ватопедскіе монахи, живущіе въ здѣшной обители (всѣхъ ихъ тутъ 12-ть), управляютъ всѣми богатыми имѣніями, кои принадлежатъ Ватопеду въ Молдавіи и Бессарабіи. Я засталъ ихъ за общимъ столомъ, передалъ имъ привѣтъ Аеоонскихъ собратій и нашель въ нихъ старцевъ чинныхъ, смѣтливыхъ и даже любезныхъ. Они показали мнѣ устроенный въ ихъ монастырѣ главный водоемъ, въ который вода приведена издалека. Бѣдно и некрасиво устройство его. Вода выходитъ изъ 24-хъ трубокъ, льется въ обширный ёмъ чрезъ уста льва и чрезъ желѣзное сито, и оттуда расходится по всему городу. Сей водоемъ устроенъ Александромъ Мурузи въ 1823 году, а починенъ нынѣшнимъ княземъ Стурдзою въ 1844 году. Замысловатая надпись на немъ въ риоменныхъ стихахъ прославляетъ достохвальное и общепольное дѣло г. Мурузи.

Монастырь Данкѹ принадлежит Аѳоно-Ксиропотамской обители. Древняя церковь въ немъ тяжелой архитектуры, неказиста и ничѣмъ не замѣчательна. На южной, вѣшней, стѣнѣ ея, близъ колокольни, видна Славянская надпись; но такъ какъ она помѣщена весьма высоко, то я не могъ разобрать ее, и только на двухъ послѣднихъ строкахъ прочелъ: *ю петро воевода въ лѣто 7344* (7049—1541). Разумѣется, этотъ воевода построилъ или обновилъ монастырскую церковь.

Имѣніями сего монастыря управляютъ пребывающій на покоѣ архіерей Анѳимъ и игуменъ Кесарій. Его преосвященство припѣваючи живетъ тутъ въ особомъ благоустроенномъ домѣ. Ему прислуживаютъ два рѣдкіе красавчика: одинъ лѣтъ 17, а другой 12. Я не спросилъ: кто они таковы и потому не дерзаю назвать ихъ (домашними) постельничими. Осуждать ближняго легко и грѣшно. А ребята—кровь съ молокомъ! По обличію и цвѣту лица они показались мнѣ чадами Албаніи. Онъ (архіерей Анѳимъ) между прочимъ говорилъ мнѣ, что изъ монастырскаго лѣса даромъ даны правительству дерева для постройки казармъ.

Обитель Формоза, красующаяся на возвышеніи въ виду Яссы, построена и приложена была Синайскому монастырю Григоріемъ Гикю воеводою, лѣтъ за сто съ лишнимъ. Въ ней превосходная церковь съ красивымъ иконостасомъ создана въ 1838 году архимандритомъ Іоасафомъ. Онъ изображенъ тутъ на обычномъ мѣстѣ въ орденѣ Св. Анны второй степени съ алмазами. По увѣренію чиновника нашего консульства здѣсь, г. Туманскаго, Формоза даетъ ежегодно дохода 10000 Голландскихъ червонцевъ. (При такомъ доходѣ Синантамъ не надобно ѣздить въ Колхиду за золотымъ руномъ. Но куда иждивается такое богатство? Монастырь на самомъ Синаѣ—въ лохмотьяхъ; другому кому-либо онъ не помогаетъ ни деньгами, ни изданіями книгъ. Видно, очень пространно чрево у Синайскихъ монаховъ и наипаче у игумена ихъ, архіепископа Константія, припѣваючи живущаго въ Константинополѣ).

Монастырь во имя Трехъ Святителей построенъ и приложенъ всѣмъ 20-ти Аѳонскимъ обителямъ съ богатыми имѣніями I-мъ Василюемъ, воеводою Молдавскимъ. Въ немъ соборный храмъ построенъ весь изъ штучныхъ камней, на которыхъ снаружи вырѣзаны разные узоры. Какъ эта узорчатость, такъ и богатство имѣній, приложенныхъ сему монастырю, указываютъ, что это святилище было воздвигнуто названнымъ воеводою по особому благочестивому побужденію. Въ самомъ дѣлѣ, его воздвигло благоговѣніе Василя къ чудотворнымъ мощамъ Параскевы Тырновской, нарицаемой Пятки. Эти мощи, по желанію и просьбѣ сего воеводы, перенесены были изъ Константинополя

и положены въ благоголъпномъ храмѣ Трехъ Святителей въ 7140—1641 г. г., въ осьмое лѣто игемонства I-го Василия. Ихъ прислалъ ему вселенскій патріархъ Парееній, а сопровождали три митрополита: Іоанникій Ираклійскій, Парфеній Адрианопольскій и Ѳеоданъ Палеопатрскій, встрѣтилъ же Варлаамъ, митрополитъ Сучавскій. Къ увеличенію радости набожнаго воеводы Василия въ этотъ годъ родился ему сынъ Стефанъ. Всѣ эти событія увѣковѣчены надписью въ соборномъ храмѣ.

Не знаю когда, по какому поводу и на какихъ условіяхъ Василій воевода приложилъ Трехсвятительскій монастырь всѣмъ Аѳонскимъ обителямъ. На Св. горѣ не удалось мнѣ найти хрисовуль сего воеводы. А въ самомъ монастырѣ, о которомъ идетъ рѣчь, игумень Софроній, завѣдывающій имѣніями его, оказался весьма необщительнымъ, такъ что оба мы побесѣдовали не безъ взаимнаго огорченія. Нашъ разговоръ о монастырскихъ имѣніяхъ и о духовныхъ управителяхъ ими въ княжествахъ подоился крупному порывистому дождю съ крупными градинами.

Игумень Софроній, безъ приличнаго иноку смиренія и отреченія отъ всего земного, тономъ Англійскаго подданнаго (онъ Кефалонецъ), тономъ недовольства, превозношенія и слѣпой правоты, говорилъ, что предержачіе въ княжествахъ несправедливо притѣсняютъ монастыри, принадлежащіе Св. мѣстамъ, и требуютъ отъ нихъ дани; что старые князья и бояре завѣщали и отдали имъ имѣнія въ полное и безотчетное владѣніе и что въ ихъ грамотахъ нѣтъ ни слова о выдѣлѣ монастырскихъ доходовъ на какія-либо общественныя надобности. Молдаване и Валахи съ вѣдома Россіи (примолвилъ Софроній) учредили было комитетъ (послѣ 1830 года) для разсмотрѣнія хрисовуловъ и духовныхъ завѣщаній, въ надеждѣ найти въ нихъ основанія для обложенія монастырей податями въ пользу богоугодныхъ учрежденій, но не нашли чего желали и должны были закрыть комитетъ; но за то стали принуждать всѣ обители отдавать имѣнія ихъ въ аренду съ публичныхъ торговъ, дабы знать численность всѣхъ доходовъ ихъ. Кромѣ сего, они даромъ берутъ лѣсъ монастырей для постройки казармъ; иному изъ нихъ запрещаютъ рубить его, у другого удерживаютъ доходы до извѣстнаго имъ времени: всѣхъ принуждаютъ обстраиваться въ большихъ размѣрахъ и вносить правительствомъ здѣсь и въ Букарестѣ третью часть общихъ доходовъ.

Эти рѣчи и наипаче тонъ, какимъ онѣ высказаны были, взволновали меня, и я сказалъ Софронію и случившимся у него Грекамъ-арендаторамъ суровую проповѣдь. „Все, что вы говорили мнѣ, преподобнѣйшій отецъ, я слышу не въ первый и не во второй разъ. Въ

Іерусалимѣ, на Синаѣ, Аѳинѣ и Константинополѣ жалуются на притѣсненіе господарей и на слабую защиту Россіи. Но кто жалуется? Монахи, которые по обѣту своему должны быть нестяжательны, довольствоваться хлѣбомъ насущнымъ и благодарить Бога и власти за ниспосылаемыя имъ крупицы. Жалобы ихъ несправедливы. Княжества подъ покровительствомъ Россіи начали благоденствовать; съ тѣмъ вмѣстѣ и монастырскія имѣнія, со времени введенія здѣсь извѣстнаго регламента, стали приносить гораздо болѣе доходовъ, чѣмъ прежде; но монахи вмѣсто того, чтобы быть благодарными, сдѣлались жаднѣе до денегъ и скупѣе для общества. Чего вы хотите? Чтобы Россія любила васъ болѣе, чѣмъ Румыновъ? Но, ежели вы, Греки, намъ братья о Христвѣ, то и Румыны намъ не чужіе. Чего вы хотите? Чтобы Россія дозволяла вамъ своевольно хозяйствовать въ чужихъ вамъ княжествахъ и вывозить отсюда золото, Богъ знаетъ куда, въ ущербъ благосостоянію здѣшняго края? Но Россія любитъ правду, какъ у себя дома, такъ и тамъ, гдѣ Богъ поставилъ ее опекуномъ народовъ. У васъ не отнимаютъ и не отнимутъ имѣній. Но ежели вамъ предлагаютъ или совѣтуютъ помочъ мѣстнымъ правительствамъ выдѣломъ какой либо части вашихъ богатыхъ доходовъ на устройство училищъ, больницъ, на содержаніе церквей и духовенства въ вашихъ же имѣніяхъ и на другія общепользныя надобности, то почему вы не соглашаетесь? Почему упрямитесь? Вы говорите, что въ хрисовулахъ князей (и въ завѣщаніяхъ бояръ) нѣтъ ни слова о такомъ выдѣлѣ. Ни слова? Значить, хрисовулы не отнимаютъ у дѣйствующей въ княжествахъ власти законнаго права требовать отъ монастырей небольшой части доходовъ на общественныя надобности. Вотъ было бы другое дѣло, если бы въ хрисовулахъ ясно была выражена воля завѣщателей: не облагать монастыри никакими податями. Но ни одинъ государь и ни одинъ бояринъ, сколько мнѣ извѣстно, не высказалъ сего въ дарственныхъ записяхъ. Имѣнія даны монастырямъ, конечно, не для того, чтобы они одни были богаты, а княжества нуждались бы въ деньгахъ. Всѣ владѣльцы имѣній, кто бы они ни были, должны любить свое отечество, почитать Богомъ поставленную въ немъ власть и всѣми способами содѣйствовать благимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ ея; иначе никакое государство, никакое княжество не можетъ благоустроиться. Послушайте что говоритъ Св. Амвросій Медиоланскій о церковныхъ имѣніяхъ: „Дави требуетъ Кесарь? Не отрицаемся. Поля церкви пусть вносятъ подати, по слову Господню: воздадите Кесарева Кесареви“. Одни господари властны были дать вамъ имѣнія, а другіе въ правѣ требовать отъ васъ посильныхъ вспоможеній государству. Фанариоты угождали васъ чужимъ добромъ, а Румынскіе воеводы не смѣли бы

попросить у васъ и отрубей!.. Что жъ это за правда? Царствованіе Фанаріотовъ миновало. Настало господство Румыновъ. А всякая новал власть имѣеть право дѣлать новыя постановленія и отмѣнять старыя, особенно когда нужда или святая правда велить упразднить пристрастные законы. Но васъ еще щадять; вамъ оставляють ваши имѣнія и только желаютъ, чтобы прекращены были злоупотребленія, вопіющія на небо.

— Какія злоупотребленія? спросилъ игумень. Я отвѣчалъ: Въ вашихъ богатыхъ имѣніяхъ нѣтъ ни церквей хорошихъ, ни священниковъ порядочныхъ, ни школъ приходскихъ, а въ монастыряхъ, вамъ данныхъ, нѣтъ монаховъ, которые совершали бы поминовеніе усопшихъ благодѣтелей вашихъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши арендаторы, можетъ быть, всѣ суть пришлецы Греки, богатящіеся на счетъ туземцевъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши управляющіе имѣніями архимандриты и игумены посылають Святымъ мѣстамъ очень малую долю доходовъ, а большую часть ихъ сами поѣдаютъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши главные монастыри Синайскіе, Сіонскіе, Аѳонскіе не могутъ смѣнить обжившихся здѣсь и утолстѣвшихъ названныхъ управителей. Напримѣръ: на Аѳонѣ, въ Симопетръ и Есфигменѣ жаловались мнѣ на это злоупотребленіе. Симопетриты на Святой горѣ живутъ по строгимъ правиламъ киновіи, а экзархъ ихъ въ Букарестѣ едва-ли не пляшетъ подъ фортепіано, которое я видѣлъ въ его кельяхъ.—Но ваши же консулы (подхватилъ Софроній) Рикманъ и другой... взяли червонцы съ этого экзарха и поддержали его на мѣстѣ противъ желанія монастыря Симонопетрскаго.—Я не знаю этого; но спрашиваю васъ: почему же у него самого нѣтъ доброй совѣсти? Почему онъ далъ червонцы? Почему пожертвовалъ выгоды своего монастыря своему чреву? О, видно вамъ сладко жить здѣсь (прогуливаться въ каретахъ, хозяйничать вмѣстѣ съ коконами и, какъ я слышалъ здѣсь, дарить деньги актрисамъ и платить ихъ эскулапамъ... Но горе тому, имъ же соблазнъ въ міръ приходитъ, сказалъ Спаситель).—И монахи—люди, проговорилъ одинъ Грекъ.—Нѣтъ, не люди, возразилъ я, а земные ангелы и небесные челоувѣки; по крайней мѣрѣ они такъ себя величаютъ. Впрочемъ, я не съ вами разговариваю.

— Мы не знаемъ, какъ живутъ ваши монахи, сказалъ игумень. О, когда они владѣли богатыми имѣніями, тогда жили такъ же, какъ и мы, и вмѣсто серебряныхъ лампадъ въ церквахъ зажигали глиняныя, или желѣзныя, потому что деньги бросали на вѣтеръ; но когда лишились благъ земныхъ, тогда стали ближе къ небу.

— Въ Россіи отняты имѣнія у монастырей, говорилъ Софроній; видно, ваше правительство заранѣе хочетъ сдѣлать тоже самое и съ здѣшними обителями, чтобы воспользоваться ихъ доходами, когда забереть въ свои руки оба княжества.

Эти слова взорвали меня, и я грянулъ: Преподобный отецъ! Вотъ ужъ почти три года я вижусь и бесѣдую съ Греческими монахами. Многіе изъ нихъ любятъ Россію, а есть между ними и такіе, которымъ милѣе Франція или Англія. Но пусть они скажутъ мнѣ: сколько Французовъ или Англичанъ умерло на поляхъ Румыніи и Европейской Турціи за свободу (и благосостояніе) православныхъ племенъ и за благосостояніе, на примѣръ, Аѳона. А Русскіе тамъ умирали за васъ тысячами. Почему же на Аѳонѣ принимаютъ почетнѣе оныхъ еретиковъ, нежели Русскаго православнаго архимандрита. Почему Лавра, Иверъ, Ватопедъ распростерли свои объятія Французу Миносу, который обокралъ ихъ бібліотеки, а мнѣ, единовѣрному архимандриту, показали кое-что, да и то принужденно, видѣвши у меня фирманъ султанскій и промучивши меня разными пустыми отговорками? О, Франція и Англія не спасутъ васъ, не надѣйтесь на нихъ. А Русскіе, быть-можетъ, еще разъ потоками прольютъ кровь свою за свободу единовѣрныхъ племенъ въ Турціи. Какъ вы думаете, чего стоитъ каждая капля Русской крови? Есть ли цѣна ей? Или вамъ дороже золото и серебро, чѣмъ мы, братья ваши по вѣрѣ? Мы не похищаемъ чужихъ имѣній. Мы не воры. Но мы любимъ правду, законъ, братство и строгій чинъ монашескій. Наши государи желаютъ, чтобы отъ монаховъ не пахло землею, а вѣяло бы небомъ. Не намъ разсуждать: кому Богъ передастъ княжества. А наше дѣло молиться за царя и за всѣхъ иже во власти суть, повиноваться установленнымъ отъ него правительствамъ, жить преподобно, и, если мы богаты, дѣлиться съ другими нашими благами по любви евангельской. А этой-то любви и не достааетъ. Если бы монахи имѣли ее, то, конечно, не отказали бы Румынамъ въ испрашиваемомъ ими пособіи. Но существуетъ ли эта любовь въ Аѳонскихъ монастыряхъ? Послали ли они когда-нибудь денежное пособіе бѣдному Антиохійско-патріаршему престолу или Сирійскимъ обителямъ? Издали ли въ свѣтъ творенія хоть одного св. отца церкви? Увы! На Аѳонѣ, Синаѣ, въ Іерусалимѣ каждый думаетъ только о себѣ, а ближняго и знать не хочетъ. На Аѳонѣ монастыри только ссорятся между собою и ведутъ разорительныя тяжбы. Доходы съ богатыхъ имѣній ихъ достаются судящимъ ихъ Туркамъ. Не зло-ли это? Не тяжкій-ли это грѣхъ предъ Богомъ и предъ міромъ христіанскимъ? Побратски совѣтую вамъ: прекратите злоупотребленія ваши и съ покорностію,

охотно отдавайте ваши избытки на пользу общую. Иначе накажетъ васъ правосудіе Божіе, и вы лишитесь всего.

— Аeonъ не обѣднѣетъ, если Русскіе отнимутъ у него имѣнія, обмолвился игумень.—Опять таже пѣсня! Выслушайте же и мой прежній напѣвъ. Страхи ваши напрасны. Аeonъ не лишится своихъ имѣній ни въ княжествахъ, ни въ нашей Бессарабіи. Россія уважаетъ Св. мѣста и если чего домогается отъ нихъ, то прекращенія хозяйскихъ злоупотребленій.

— Обзорѣвая Св. мѣста, вы замѣтили только недостатки тамошнихъ людей Божіихъ.—Желалъ бы я видѣть однѣ добродѣтели ихъ. Но онѣ кроются въ тайнѣ лица Божія.—Бѣды намъ отъ лжебратій.—Не тѣ ли лжебратія, которые, нося куколь и мантию, наживаютъ въ княжествахъ богатство и потомъ бѣгутъ въ Аѳины, женятся тамъ и строятъ себѣ дома?—Бѣды отъ лжебратій, вопіялъ игумень.

Я не хотѣлъ болѣе говорить съ нимъ и откланялся ему. Но онъ, вышедши за мною на крыльцо своего дома и стоя тутъ, продолжалъ кричать: бѣды отъ лжебратій. За то и я изъ своей коляски еще разъ пустилъ стрѣлу не въ бровь, а прямо въ глазъ его, крикнувъ: Вы—лжебратія; вы, которые, какъ саранча, поѣдаете блага Румыновъ и строите, не вѣсть кому, доходные дома на Англійскомъ островѣ. (Софроній—Англійскій подданный).

9 Октября 1846 г. Порфирій пріѣхалъ въ Москву, а 10-го былъ у Филарета. Вотъ разговоръ его съ митрополитомъ. Палестинская церковь (передавалъ Порфирій), подобна тридцативосьмилѣтнему разслабленному, который лежитъ у купели и ждетъ исцѣленія. Все тамошнее Греческое духовенство—темно, Арабское же вдвое темнѣе. Въ монастырѣ Гроба Господня училища нѣтъ, и научное образованіе считается ненужнымъ и даже вреднымъ. Безвыходное проживаніе женщинъ, такъ называемыхъ герондиссъ (старицъ) у архіереевъ и въ мужскихъ монастыряхъ соблазнительно. Архіереи постоянно живутъ въ Іерусалимѣ и никогда не посѣщаютъ свои епархіи. Арабское духовенство не любитъ ихъ и не слушаетъ, а само плохо понимаетъ свои обязанности.

— А какъ велики тамъ епархіи? прервалъ меня владыка.

— Весьма малочисленны. Такъ напримѣръ: у Газскаго архіепископа всей паствы не болѣе 50 семействъ, въ епархіи архіепископа Фаворскаго—двѣ-три деревни; митрополиту Виѳлеемскому подвѣдомы только Виѳлеемъ и сосѣдняя Деревня Пастырей. Самая большая епархія есть Птолемаидская, но въ ней много Уніатовъ.

— Для чего же имѣтъ столько архіереевъ?

— Владыка святой! говорилъ я тономъ умиленїя. Жаль упразднить древнїе епископскїе престолы, которыхъ нынѣ мало сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда въ Палестинѣ считались, кромѣ четырехъ митрополїй, 25 архїепископїй и 75 епископїй. Авось, когда нибудь отъ нихъ возсіяетъ свѣтъ Христовъ на Св. Землѣ. Въ гористыхъ странахъ, каковы Палестина и Сирїя, гдѣ трудны сообщенїя, нужно большое число епископовъ, ибо около нихъ кое-какъ еще держится Православїе, а безъ нихъ оно давно исчезло бы тамъ. При томъ Палестинскїе архїереи совершаютъ богослуженїе въ Иерусалимѣ для многочисленныхъ поклонниковъ, исповѣдуютъ ихъ и живутъ ихъ подаванїями и собственными деньгами, добытыми во время собиранїя милостыни для Гроба Господня; слѣдовательно они никому не въ тягость, а духовное утѣшенїе поклонникамъ доставляютъ. Итакъ, пусть они стоятъ въ ликѣ православныхъ святителей. Жаль только, что они разъединены съ своими паствами и не знаютъ Арабскаго языка; вдовъ и сиротъ туземныхъ не помѣщаютъ въ женскихъ монастыряхъ, наполненныхъ Гречанками; Арабовъ не только не возводятъ въ высшія степени церковныя, но даже не дѣлаютъ и послушниками. Слѣдствїемъ такого разъединенїя бываетъ уклоненїе сихъ послѣднихъ въ Унію. Посредствомъ Уніи (продолжалъ я) Католики отторгли отъ Палестинской церкви половину чадъ ея, и понынѣ побораютъ ее. Что касается до протестантства, которое имѣетъ свою исторїю въ Палестинѣ съ 1821 г., то оно является и скрывается, движется и перестаетъ. Были попытки обращенїя Православныхъ въ Протестанты, но не удались.

Что сказать вамъ о спорахъ представителей трехъ вѣроисповѣданїй за святѣя поклоненїя? Эти споры почти непрерывно длятся съ начала шестнадцатаго вѣка. Они весьма убыточны для соперниковъ. Огромные доходы, какїе получаетъ святогробская казна отъ всего христіанскаго міра и преимущественно изъ Валахіи и Молдавіи, иждиваются большею частїю на тяжбы съ Армянами и Католиками. Одни Турки наживаются. Придумывается единственное средство прекратить сіи тяжбы: это предоставленїе права хозяйствовать на Св. мѣстахъ султану и его правительству.

Весьма утѣшительно, что святогробское духовенство уплатило свой колоссальный долгъ въ 30.000.000 піастровъ или 6.000.000 рублей ассигнаціями. Покойный султанъ Махмудъ пособилъ уплатѣ сего долга повелѣнїемъ прекратить наращенїе ростовъ со дня обнародованїя указа его. Это утѣшительно. Но весьма горестно, что надъ Гробомъ Господнимъ находится мусульманскїй харемъ.

— Какой харемъ? спросилъ изумленный митрополитъ.

— Женскій, отвѣтилъ я. Уже столѣтія онъ существуетъ тамъ со времени Саладина, отвоевавшаго Іерусалимъ у Крестоносцевъ въ 1187 году, и помѣщается какъ разъ между двумя куполами, изъ которыхъ одинъ накрываетъ ротонду Гроба Господня, а другой—Воскресенскій храмъ.—Откуда же ходять въ этотъ харемъ?—Весь храмъ святогробскій (Іерусалимскій) накрытъ плоскою и ровною крышею, какъ этотъ столъ. Тутъ я поднялся съ своего кресла, подошелъ къ столу и началъ показывать пальцемъ и двумя кулаками мѣста двухъ куполовъ поверхъ крыши, между ними харемъ, и лѣстницу, ведущую съ улицы на храмовую крышу и говорилъ: вотъ два купола; вокругъ ихъ ходять по крышѣ; между ними и сзади ихъ—харемъ; изъ него затворницы чрезъ оконце смотрять въ ротонду Гроба Господня и иногда бросаютъ туда лимонныя и апельсинныя корки; къ харему всходятъ съ улицы по лѣстницѣ и чрезъ комнаты, пристроенныя къ сѣверозападной сторонѣ храма. Въ этихъ комнатахъ во время оно помѣщался Латинскій патріархъ, а теперь живетъ и плодится родъ Алемидовъ, носитель знамени Магометова.—Боже мой! Чтò я слышу?—Тяжело для сердца харемное оскверненіе величайшей святыни на землѣ.

— Но почему ни Норовъ, ни Муравьевъ не упомянули объ этомъ харемѣ? Муравьевъ, кажется, порядочный шпионъ, прибавилъ владыка.

— Никто не надоумилъ ихъ, и потому не мудрено, что они не видали мерзости, помѣщенной такъ высоко. И я узналъ о ней случайно. Алеmidскій шехъ, хозяинъ харема, приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ: не угодно ли будетъ нашему Государю Императору купить помѣщеніе его, пристроенное къ храму. Естественно, я пожелалъ видѣть оное и ходилъ туда. Обширное помѣщеніе! Прекрасная, каменная, широкая лѣстница съ уличнаго креста, Мавританской вычурной архитектуры, ведетъ въ длинную залу; изъ этой залы поднимаешься по ступенямъ выше и выше и доходишь до самаго харема. Сынъ или племянникъ шеха вводилъ меня въ этотъ женскій затворъ, выславъ затворницъ (женщинъ), и я смотрѣлъ оттуда сквозь оконце въ ротонду Св. Гроба. Намѣстники патріарха говорили мнѣ, что покупка сего помѣщенія обошлась бы имъ въ 100.000 рублей. Но трудно, а имъ самимъ и невозможно приобрести его, потому что онъ есть вакуфъ, то есть священное мѣсто Мусульманское.—Какая горестная вѣсть!

— Но есть Богъ отмщений. (Но великъ Богъ. Свято имя Его).

— Когда графъ Орловъ отправлялся въ Константинополь, какъ чрезвычайный посолъ (сказалъ мнѣ митрополитъ), тогда я просилъ его включить въ договоръ съ Турціею параграфъ о ключарствѣ Государя

Императора въ храмѣ Іерусалимскомъ. Пусть бы онъ былъ ключникъ Гроба Господня. Но моя просьба не исполнена. Признано за лучшее оставить Гробъ Господень подъ охраною Турковъ, такъ какъ власть ихъ уравниваетъ три враждующія вѣроисповѣданія въ Іерусалимѣ.

Послѣ минутнаго молчанія митрополитъ спросилъ меня: почему Ѳаворскаго архіепископа Іероѳея не поставили патріархомъ въ Іерусалимѣ?

Я отвѣчалъ. Самъ Іероѳей говорилъ мнѣ, что члены Константинопольскаго сѹнода не жаловали его за то, что онъ не посѣщалъ ихъ, и считали его гордымъ и черезчуръ надѣющимся на Россію; а онъ-де не ходилъ къ нимъ единственно по привычкѣ къ домоѣдству. Но главная причина удаленія его отъ патріаршества была та, что въ Константинополѣ задумали подчинить Іерусалимскій патріархатъ владыкѣ вселенскому, назначать туда патріарховъ изъ членовъ Константинопольскаго сѹнода и пользоваться ихъ благодарными пожертвованіями изъ богатой казны Святогробской, о чемъ ровно за годъ увѣдомлялъ я графа Протасова. Этотъ замысль расторгнуть, какъ паутина, нашимъ посольствомъ. Но Цареградскіе архіереи успѣли таки уронить Ѳаворскаго, какъ преданнаго Россіи, въ глазахъ властныхъ Турковъ, такъ что султанъ отвѣчалъ нашему посольству: „пусть изберутъ въ Іерусалимѣ патріарха, кого угодно, только не Ѳаворскаго“.

— Нынѣшній Константинопольскій сѹнодъ (продолжалъ я), сдѣлался какъ-то властолюбивымъ. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что онъ въ Александрію назначилъ патріархомъ Кюстендилскаго митрополита Артемія противъ воли тамошняго клира, народа и Египетскаго паши, которые избрали мѣстнаго архимандрита Іероѳея. Артемій не можетъ ѣхать въ Египетъ: тамъ не примутъ его. Мегметъ-Али-паша твердъ въ своемъ словѣ (тутъ я разсказалъ, какъ вселенскій патріархъ Анѳимъ представлялся этому пашѣ, и какъ ему внушено было не говорить ни слова объ Артеміи). Его святѣйшество, въ день выѣзда моего изъ Цареграда, говорилъ мнѣ, что онъ и сѹнодъ его намѣрены совѣтовать Артемію подать отреченіе отъ патріаршаго престола и предоставятъ ему нѣкоторыя преимущества. Безъ сомнѣнія, это сбудется.

Александрійскій патріархатъ (домолвилъ я) есть маленькій улей, въ которомъ нѣтъ и 2000 туземныхъ пчелокъ, а оспаривается. Патріархатъ Антиохійскій несравненно болѣе его. Въ предѣлахъ его находится десять епархій съ 70.000 душъ православнаго вѣроисповѣданія, пять ставропигіальныхъ монастырей, нѣсколько малыхъ обителей,

между коими одна женская недалеко отъ Дамаска, и три народныя училища: въ Триполѣ, Бейрутѣ и Дамаскѣ. Но Антиохійскій престолъ давно обуреваемъ Унією.—Съ какого времени?—Со времени святительства тамъ патріарха Макарія, который былъ у насъ въ Россіи и участвовалъ въ осужденіи Никона. Съ той поры Унія, какъ гангрена, распространилась по Сиріи. Тамошніе Уніаты имѣютъ своего патріарха Максима, свою іерархію, свои монастыри и училища и получаютъ большую помощь отъ Римскаго двора и отъ консуловъ. Усиленіе Уніи въ Сирійскомъ клирѣ и народѣ было причиною того, что Антиохійскихъ патріарховъ начали присылать изъ Константинополя. Замѣчательно, что въ городѣ Алеппѣ, въ этой колыбели Уніи, образовалось между Уніатами тайное братство Никодимитовъ, у котораго цѣль—возсоединеніе съ Православною церковію.—Что значить Никодимиты?—Они такъ называются по воспоминанію о Никодимѣ, приходившемъ ко Христу ночью. Въ этомъ братствѣ числятся нѣкоторые архіереи, многіе священники и міряне. Одною изъ этихъ архіереевъ, именно, Амидійскаго митрополита Макарія, который назывался великимъ Никодимомъ, ожидаютъ въ Константинополѣ. Тамъ онъ приметъ Православіе, и его вновь рукоположатъ, начиная съ низшихъ степеней церковныхъ. Православный митрополитъ Алеппскій Кириллъ писалъ мнѣ, что Никодимиты скорѣе возсоединились-бы съ нами, если бъ имѣли могучаго и добраго защитника со стороны Россіи; но, къ сожалѣнію, Русскій консулъ въ Алеппѣ—Жидь.

Услышавъ это, митрополитъ востепенулся и проговорилъ: „Русскій консулъ Жидь! Господи Іисусе!“..

— Да, Жидь изъ фамиліи Пичідти, которая уже давно консульствуетъ тамъ. Послѣдовало продолженіе изумленія и сожалѣнія. Спустя нѣсколько мгновений, я продолжалъ: Къ сожалѣнію, наши консулы на Востокѣ почти всѣ были и суть неправославные. Дюгамеля въ Каирѣ не поминаютъ добромъ и называютъ человѣкомъ со змѣями: онъ носилъ эксельбанты. О Полякѣ Петрушевскомъ, который недолго былъ нашимъ вице-консуломъ въ Яффѣ, Іерусалимскіе старцы говорили мнѣ, что этотъ человѣкъ присланъ былъ для поправанія Православія. Въ домѣ Американца Шасса, завѣдывавшаго нашимъ консульствомъ въ Бейрутѣ, устроена была первая молельня Американскихъ миссіонеровъ, куда они собирали и православныхъ дѣтей для слушанія ихъ проповѣдей. Смирнскаго консула Иванова никто никогда не видалъ въ церкви Божіей. Это я слышалъ въ Смирнѣ отъ Славянъ. О нынѣшнемъ Бейрутскомъ консулѣ нашемъ Константинѣ Базилі Антиохійскій патріархъ говорилъ мнѣ: „если бы можно было приставить лѣстницу къ небу,

то онъ полѣзъ бы жаловаться Богу на Базили; вначалѣ онъ былъ добръ и усерденъ къ Православнымъ, но потомъ предпочелъ имъ Уніатовъ, очарованный красотою жены своего переводчика Наума Хури изъ Уніатовъ“. Нынѣшній генеральный консулъ нашъ въ Александріи Фокъ-Протестантъ. Агенты наши въ Капфъ у подножія Кармила и въ Сидонѣ—Католики.

Митрополитъ покачалъ головою. Я проговорилъ: Одинъ Богъ можетъ спасти отъ кораблекрушенія Сирійскую церковь и, поднявшись на ноги, началъ прощаться съ владыкою.

Онъ просилъ меня побывать у него еще разъ и примолвилъ: самъ я назначу время для дорогого гостя. Вечеромъ я получилъ записку отъ ректора семинаріи архимандрита Алексѣя. Онъ увѣдомилъ меня, что митрополитъ проситъ насъ обѣдать у него завтра. Владыка назвалъ меня архимандритомъ Іерусалимскимъ“.

На другой день Порфирій обѣдалъ у митрополита. Разговоръ касался главнымъ образомъ разновидности богослуженія и устройства Греческихъ храмовъ, особенно Софіи въ Константинополь. Всѣ Аѳонскіе монахи и скитники вѣрятъ и учатъ, что Христіанинъ потурчившійся можетъ спастись только тогда, когда раскается, приметъ муропомазаніе и послѣ чрезвычайныхъ и продолжительныхъ пощеній и стояній молитвенныхъ пойдетъ въ Магометанское судилище въ одеждѣ Турецкой, но съ ваіею и крестомъ или иконою въ рукахъ, дерзновенно проклянетъ тутъ Магомета, исповѣдуетъ Христа, яко Бога, зашитъ судью и будетъ замученъ Турками. Посему Святогорцы съ любовію принимаютъ къ себѣ и даже сами выискиваютъ такихъ несчастливцевъ и методически готовятъ ихъ къ мученичеству, а приготовленныхъ отправляютъ съ опытными въ мученикотворствѣ старцами въ Солунь, или въ Анатолю, или въ Константинополь, а по смерти покупаютъ тѣла ихъ у мучителей, увозятъ на Аѳонъ, хоронятъ въ землѣ на три года и потомъ вырываютъ кости ихъ, украшаютъ ихъ серебряными окладами, выдаютъ за мощи не исключая и нечетныхъ зубовъ и собираютъ дань съ темнаго міра. Я видѣлъ подобныя мощи, но не лобызалъ ихъ, смущаясь мыслию о напрасномъ жертвоприношеніи людей; видѣлъ и старцевъ мученикотворцевъ: Германа въ Кавсокаливѣ, извѣстнаго издателя Евангельской Трубы, и Григорія въ Предтеченскомъ скитѣ монастыря Аѳоно-Иверскаго.

— Владыка святой! Скажите мнѣ: надобно ли признавать и почитать такихъ самозванныхъ мучениковъ?

Тутъ завязался между нами споръ. Я ссылался на чинъ принятія иновѣрцевъ, въ которомъ отрекшимся отъ Христа и раскаявшимся пред-

писывается только св. муропомазаніе; ставилъ на видъ различіе между самозванствомъ на мученія и между призваніемъ отъ Бога на пролитіе крови за вѣру; въ примѣръ такого самозванца представлялъ іеромонаха нашей императ. миссіи въ Стамбулѣ Константія, потурчившагося послѣ крупной ссоры съ нашимъ посланникомъ Италинскимъ и потомъ называлъ самозванныхъ мучениковъ жертвами ложнаго толка Аѳонскаго, самообольщенія и самоуслажденія посмертною славой своею; негодовалъ на доходную выставку тряпокъ, веревокъ, череповъ, и костей такихъ мучениковъ и въ порывѣ младокровнаго негодованія говорилъ: мнѣ больно, мнѣ ужасно думать, что на Аѳонѣ совершается жертвоприношеніе людей.

Маститый митрополитъ былъ спокойнѣе меня. Онъ не одобрялъ помянутой выставки, если она дѣлается только для денежныхъ доходовъ отъ поклонниковъ, но защищалъ Аѳонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страсотерпцевъ, которые сами вызывались на мученія и которыхъ церковь вписала въ ликъ святыхъ какъ доблестныхъ свидѣтелей и исповѣдниковъ Божественной вѣры христіанской, величая силу ихъ покаянія, горячность любви ко Христу и рѣшимость умереть за Него предъ гонителями святой церкви Его.

На Аѳонѣ святость новыхъ мощей узнають по исходящему изъ нихъ благоуханію, а старыя мощи тамъ не все благоухаютъ, если не обманывало меня мое собственное обоняніе.

Послѣ сего я обратилъ вниманіе митрополита на недогматическія разности между церквами Восточною и Россійскою. На Востокѣ не рѣдко бывають соборы помѣстные; у насъ ихъ нѣтъ. Тамъ весьма много архіереевъ; у насъ ихъ очень мало, для многомилліоннаго народонаселенія. Тамошніе митрополиты имѣють подвѣдомыхъ епископовъ; наши ни одного кромѣ викаріевъ, съ которыми не составишь собора. Тамъ для производства важныхъ дѣлъ церковныхъ посылаются на мѣста сихъ дѣлъ особые экзархи; у насъ почти все дѣла церковныя производятся заочно. Тамъ все приходское духовенство—избирательное, и потому духовнаго юношества никогда не было, нѣтъ и не будетъ; въ священники избираются и рукополагаются грамотные и благонравные міряне въ лѣтахъ, указанныхъ вселенскими соборами, а не какъ у насъ,—въ двадцать лѣтъ. На Востокѣ, хотя и не вездѣ, существуютъ епархіальные проповѣдники, которые своимъ даромъ слова замѣняютъ неумѣніе приходскаго духовенства проповѣдывать слово Божіе; почему бы и у насъ не установить особыхъ пресвитеровъ учащихъ, которымъ, по апостолу, подобаеть особая честь? Тамъ особые духовники исповѣдуютъ людъ Божій и, какъ говорятъ тамошніе, зарабатываютъ епитра-

хилью, переходя отъ села до села; почему бы и у насъ не установить ихъ? Тамъ нѣтъ дьяковъ и пономарей: ихъ замѣняютъ поселяне и горожане, и потому въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ дѣти обучаются грамотѣ. Словомъ сказать, есть значительная разность въ церковномъ управленіи на Востокѣ и Сѣверѣ.

Митрополитъ гласно одобрилъ избирательность духовенства, а о прочихъ предметахъ умолчалъ.

Дорогою отецъ ректоръ сказалъ мнѣ: „Вы очаровали владыку. Никогда и ни съ кѣмъ онъ не сидѣлъ такъ долго послѣ обѣда. Вы обаяли его своими рассказами“. Въ этотъ разъ (отвѣтилъ я), рѣчь моя была полна и правильна оттого, что нѣсколько разъ приходилось мнѣ говорить о Востокѣ въ Константинополѣ у посланника нашего, въ Одессѣ у друзей, въ Харьковѣ у преосвященнаго Иннокентія. Бритва чѣмъ болѣе точится, тѣмъ острѣе становится; такъ рѣчь, чѣмъ чаще повторяется, тѣмъ болѣе совершенствуется“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Филарета, Порфирій былъ вечеромъ у преосвященнаго викарія Іосифа (Богословскаго). Во время продолжительной бесѣды Порфирій между прочимъ говорилъ: Восточное духовенство умѣло приучить православныхъ мірянъ къ покорности (послушанію) ему. Вотъ тому доказательства. Повелѣли Цареградскіе патріархи, по тѣснымъ обстоятельствамъ, читать въ алтарѣ тихомолкомъ моленія объ оглашенныхъ, дабы сократить литургію, и никто не прекословилъ имъ. Вселенскій владыка Германъ, котораго я засталъ въ 1843 году, предписалъ всѣмъ своимъ архіереямъ громко сказывать ектеніи объ оглашенныхъ, потому что миновало тяжелое для христіанъ время; и всѣ, клиръ и народъ, единодушно отвѣтили: да будетъ. Въ томъ-же году исправлены были Греческія служебныя минеи такъ, что цѣлыя реченія прежнія замѣнены въ нихъ новыми, будто-бы лучшими; и отъ того никакого раскола, даже никакого волненія не было въ клиръ и народъ. Православные въ каждомъ селѣ и городѣ своимъ иждивеніемъ содержатъ приходскія училища и гимназіи, а въ большихъ городахъ, Константинополѣ, Александріи, Смирнѣ—больницы и богадѣльни, своимъ епископамъ и митрополитамъ охотно вносятъ не только положенный годовой сборъ съ cadaго дома, но и почетный подарокъ деньгами при каждой смѣнѣ архіереевъ. Извѣстно, что Цареградскіе патріархи, при вступленіи въ должность свою, даютъ огромное количество денегъ Турецкимъ властямъ. Съ кого же они берутъ ихъ? Съ митрополитовъ, а митрополиты съ подвѣдомыхъ имъ епископовъ, епископы же съ народа по раскладкѣ, соображенной съ богатствомъ или бѣдностью епархій. И такъ, и въ этомъ случаѣ вся тяжесть вноситъ

падаетъ на народъ; но онъ безропотно несетъ ее (ради блага душъ своихъ), исполняя долгъ свой. Подите вы, владыка, постучитесь въ двери Русаковъ, составляющихъ вашу паству и попросите себѣ (святого) годового подаянія или почетнаго подарка; получите? Дастся вамъ? Ни. Почему же? Да потому, что наше правительство отдалило народъ нашъ отъ архипастырей, давая имъ скудный хлѣбъ насущный. Этой ошибки нѣтъ въ Восточной церкви. Даже тогда, когда еще существовало Греческое царство, и тогда служащіе алтарю питались отъ алтаря, а не отъ государева казначейства, и были достаточны, имѣя свои дома и свое хозяйство и живя народомъ, съ народомъ и для народа. Восточные архіереи, обозрѣвая свои епархіи, въ селахъ посѣщаютъ каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостию ихъ къ народу отчасти объясняется безпрекословное повиновеніе имъ мірянъ. Во всѣхъ четырехъ патріархатахъ священники избираются изъ среды народа, и потому народъ слушаетъ тѣхъ, которыхъ самъ поставилъ своими вождями, а вожди эти, пользуясь народнымъ общимъ довѣріемъ къ себѣ, имѣютъ ту смѣлость, какой не имѣемъ мы, никѣмъ незванные въ церковь (семинаристы и академисты), смѣлость дѣлать нововведенія въ (уставѣ церковномъ) чинѣ богослуженія.

Затѣмъ Порфірій сѣтовалъ, что въ Россіи мало архіерейскихъ кафедръ, что ихъ должно быть столько же, сколько есть уѣздныхъ городовъ. Далѣе Порфірій говорилъ, что церковные доходы, вѣнчиковые, свѣчные и другіе должны оставаться собственностью церквей. Викарій возразилъ: но вы знаете, что эти доходы идутъ на содержаніе духовныхъ училищъ, семинарій и академій.

— Знаю, но желаю и требую, чтобы у насъ не было этихъ лишнихъ учрежденій.—Лишнихъ? Но откуда же вы возьмете священниковъ? Оттуда, откуда выбирали ихъ апостолы и откуда избираются они и теперь на Востокѣ, то есть изъ среды грамотныхъ, честныхъ и зажиточныхъ поселянъ и горожанъ.—Но они не умѣютъ проповѣдывать Слова Божія?—А развѣ всѣ священники проповѣдывали въ церкви апостольской? возразилъ я. Не всѣ. Припомните: апостоль Павелъ отличалъ пресвитеровъ священнодѣйствующихъ отъ учащихъ и этимъ придавалъ честь сугубую. Пусть же и у насъ будутъ особые пресвитеры учащіе, и только учащіе, но не совершающіе никакихъ требъ. Они будутъ проповѣдывать въ городахъ и селахъ. Одного проповѣдника достаточно на десять селъ. Жалованья же каждому дать изъ казны 1000 рублей въ годъ.

— Стало бытъ, всетаки нужны семинаріи и академіи для образованія проповѣдниковъ?—Я переименовалъ бы ихъ въ училища благо-

вѣстниковъ или проповѣдниковъ, помѣстилъ бы въ нихъ небольшое число готовящихся къ проповѣданію, такъ, напримѣръ, 25 человекъ для пяти епархій, предполагая, что на первый разъ изъ наличныхъ священниковъ найдутся способные проповѣдывать, тысячи двѣ-три, и даль бы этимъ готовящимся направленіе вполне духовное и даже одежду духовную. Изъ сонма ихъ Духъ Божій избиралъ бы и епископовъ достойныхъ.—Прекрасно. Но семинаристы всетаки образованнѣе вашихъ грамотныхъ поселянъ, и, слѣдовательно достойнѣе алтарей. Владыка! Алтарей достойны не кимвалы звенящїе (а больше же молчащїе), а такіе христіане, которыхъ вѣра, благочестіе и добродѣтельное житіе краснорѣчивѣе всякой проповѣди. Но такovy ли семинаристы, эти новички въ добродѣтеляхъ, состарѣвшїеся въ порокахъ еще во время обученія?—Здѣшняя семинарія благонравна, сказалъ викарій.—А Бѣлгородскую ректоръ ея называлъ мнѣ буйною (и высказалъ, что честная чета позднимъ вечеромъ не можетъ спокойно возвратиться домой съ дальней прогулки, побаиваясь, какъ бы не разлучили ее семинаристы). Когда учреждена была семинарія въ Одессѣ, тогда отчислили въ нее духовныхъ воспитанниковъ изъ Екатеринославля и Кишинева. Я принялъ ихъ, но скоро узналъ отъ семинарскаго врача, что онъ лѣчитъ ихъ, разумѣется не всѣхъ, отъ Венерической болѣзни, нѣчто такое, о чемъ и говорить не хочется.

Послѣ минутнаго молчанія я продолжалъ: „Наше духовенство есть каста, и какъ каста имѣетъ прирожденные пороки. Ежели въ средѣ его и являются блестящїя дарованія, то сила ихъ ослабляется узкимъ образованіемъ и направленіемъ душъ въ одну сторону,—къ колокольнымъ. Наставники семинаристовъ и академистовъ большею частью мало-свѣдущи и вялы, а которые побойчѣе и повольнодумнѣе, тѣ даютъ имъ зачатки ложнаго знанія и губятъ въ нихъ вѣру, насажденную благочестивыми матерями ихъ. У кого изъ нихъ есть природное краснорѣчіе, у того оно, стѣсненное школьными формами, правилами, или нѣмѣетъ, или не имѣетъ сильнаго вліянія на общество, которое можетъ быть чаруемо, увлекаемо, спасаемо не искусственными хрїями и силлогизмами, а словомъ естественнымъ, живымъ, пламеннымъ какъ огонь, шумнымъ какъ дубрава, благоухающимъ какъ цвѣтникъ, словомъ разумнымъ, сердечнымъ, такимъ, въ которомъ слышится глубокое знаніе человѣческаго сердца и духовныхъ потребностей общества. А семинаристы и академисты наши, отдаленные отъ общества, развѣ имѣютъ такое знаніе? Въ христіанской церкви никогда не существовала Левитская каста. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Августинъ и другіе не были поповичи и не отъ отцевъ своихъ наслѣдовали алтари и ка-

оудры. Николай Чудотворецъ, Лукіанъ пресвитеръ и другіе не учились въ такихъ академіяхъ, каковы наши. И въ Русской церкви, до учрежденія семинарій, были же священники и архіереи. Но откуда Богъ возводилъ ихъ на спудъ, да свѣтять міру? Изъ семействъ мірскихъ.

Когда православные христіане не сами избираютъ своихъ пастырей, а равнодушно принимаютъ ихъ изъ среды поповскаго сословія, котораго духовные недостатки имъ извѣстны, и когда они видятся съ ними только въ тѣ часы, въ кои нужны имъ кадило, кропило, деревянное масло, заступъ могильный, тогда они утрачиваютъ даръ и навыкъ узнавать потребныхъ имъ вождей духовныхъ, вождей мудрыхъ, святыхъ. А такой даръ и навыкъ существовалъ въ древней церкви и опытами, позвольте сказать, изощрялся. Амвросій Медиоланскій былъ солдатъ-губернаторъ; но народъ провидѣлъ въ немъ руководителя къ небу и не ошибся. Благовѣрный Іустиніанъ послалъ графа Ефрема въ Антиохію возстановить упавшія отъ землетрясенія стѣны сего города, а тамошніе христіане провидѣли въ немъ учительнаго и святаго пастыря и возвели его на святительскую кафедру. Жалѣю объ утратѣ такого предвидѣнія.

По вашей идеѣ, заговорилъ викарій, духовенство должно быть избирательное. Куда же намъ дѣвать семинаристовъ, дьячковъ, пономарей? Живые пусть живутъ, а по блаженномъ успеніи ихъ, вѣчный покой подаждь имъ, Господи! вмѣсто же ихъ пусть читаютъ и поютъ въ церквахъ прихожане, какъ это ведется у матери нашей церкви Восточной. Чтѣ касается до семинаристовъ, то имъ найдутся мѣста при архіерейскихъ кафедрахъ, нуждающихся въ даровитыхъ проповѣдникахъ, въ монастыряхъ, въ судилищахъ, въ медицинскихъ академіяхъ, въ университетахъ и полкахъ. Чтѣ дѣлать! Лихорадка лѣчится горькою хиною.

Ваши идеи произведутъ полный переворотъ въ нашей церкви.

— Но не такой, какой произойдетъ въ ней отъ сокращенія у насъ числа приходовъ и духовенства.—Это сокращеніе предпринято съ доброю цѣлію.—Съ какою?—Хотятъ улучшить бытъ духовенства назначеніемъ ему денежныхъ окладовъ и этимъ способомъ обратить его къ исполненію прямыхъ обязанностей его.—Итакъ, ваше духовенство будетъ имѣть золото и серебро; но, богатое, сможетъ ли оно тогда исцѣлять больныхъ? сказалъ я улыбаясь. Отъ лѣности и гордости сытаго попа, а также въ случаѣ болѣзни его самого, либо жены, либо дѣтей его, младенцы будутъ умирать безъ крещенія, а хилые старцы и недужные безъ напутствія св. причастіемъ, въ отдаленныхъ отъ его села дерев-

няхъ. Отъ сего произойдетъ охлажденіе къ нему паствы, а за охлажденіемъ послѣдуетъ обращеніе ея въ расколъ или ересь. Размноженіе же отщепенцевъ не опасно ли для цѣлости церкви и имперіи?—Боже сохрани насъ отъ этого зла!—Ужели всѣ святители наши согласны на уменьшеніе числа нашего духовенства?—Каменецъ-подольскій архіепископъ Арсеній просилъ Св. Синодъ оставить приходы въ епархіи его въ прежнемъ числѣ въ предотвращеніе пропаганды Католиковъ. Просьба его уважена.—Свѣтлый умъ у него! А скажите, владыка, какъ распространяются у насъ ереси!

— Очень просто, но удачно. Есть у насъ ремесленники, которые ходятъ по деревнямъ и цѣлые мѣсяцы работаютъ тамъ на семьи. Ежели ремесленникъ еретикъ, скажемъ, духоборецъ, то онъ принимаетъ на себя личину степенности, благонавія, набожности. Случится: въ домъ, гдѣ онъ работаетъ, кто-нибудь скажетъ гнилое слово, или напьется пьянъ, или поссорится съ кѣмъ: онъ начинаетъ вздыхать, молиться, увѣщевать словами Св. Писанія. Сначала не обращаютъ на него вниманія, а во второй и третій разъ слушаютъ его съ любопытствомъ. Благосклонность семьи выиграна! Начинается снятіе плевеловъ.

— Такъ вотъ кто у насъ апостолы! Портные, сапожники, коврытели лаптей! Кто же преодолѣетъ ихъ въ деревняхъ и деревушкахъ, находящихся въ глуши, когда у насъ будетъ еще менѣе духовенства?

— Къ сожалѣнію, наши хотя-не-хотя прикрываютъ ереси мужиковъ своихъ, боясь лишиться ихъ въ случаѣ доноса на нихъ; ибо ихъ могутъ угнать на поселеніе въ Сибирь.

— Итакъ, этими тайными путями ереси расползутся по всей Россіи? Жаль. Но не скорбѣтъ объ этомъ надобно нѣтъ, надобно зажечь многочисленные свѣтильники въ нашемъ отечествѣ. У насъ во тьмѣ шостають дивніи звѣри, ища добычи себѣ. Хотите ли истребить ихъ? Приготовьте многихъ духовныхъ пращниковъ.

Затѣмъ говорилъ я о возстановленіи у насъ патріаршества, о соборованіи многочисленныхъ епископовъ, объ упраздненіи духовныхъ правленій и консисторій и предоставленіи судебной власти однимъ архіереямъ и совѣтамъ при нихъ, состоящимъ изъ лицъ мірскихъ и духовныхъ, о возвращеніи имѣній епископіямъ и монастырямъ, объ упраздненіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнаго чиновничества и о подчиненіи всѣхъ училищъ патріарху и синоду его, о сооруженіи храмовъ Божіихъ въ каждой деревнѣ. Но не всякое слово въ строку“.

Этотъ разговоръ происходилъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но развѣ чиновные монахи, зная цѣну „воскриліямъ одеждъ своихъ“, согла-

сятся послѣдовать совѣту умнаго Порфирія, котораго они всячески преслѣдовали всю его жизнь. Они отлично помнят апокалипсическое изреченіе: „держи что имѣешь, дабы никто не восхитилъ вѣнца твоего“. Владыки, изъ племени Левитова, особенно многосемейные Литовцы, стоятъ далеко отъ своей паствы и, занятые личными дѣлами, они во всякомъ возраженіи, какъ бы оно справедливо ни было, видятъ только легкомысленную критику: *pereat ecclesia, fiat nostra voluntas* *).

19 Октября Порфирій пріѣхалъ въ Петербургъ. На синодальномъ Митрофановскомъ подворьѣ, пишетъ онъ, мнѣ не дали прежняго уголка, котораго я просилъ у г. Сербиновича письмомъ 11-го Октября. Тутъ архіепископъ Курскій Иліодоръ съ своею челядью раскинулся широко и ясновельможно. Не нашлась мнѣ, труженику, особая келья и въ Александро-невской лаврѣ. Такъ отеческое начальство заботится о своемъ избранникѣ, котораго само послало на Востокъ! Идя по лаврѣ въ келью добраго товарища моего по академіи, архимандрита Аввакума, я повѣсилъ свою голову, начавшую маленько сѣдѣть на многотрудной семнадцатилѣтней службѣ, и въ облегченіе туги своего сердца припоминалъ слова Христовы: лиси язвыны имуть, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити.

Архіеп. Иліодоръ былъ типичный представитель епархіальной власти первой половины XIX в. Сынъ Калужскаго священника, онъ тотчасъ же по окончаніи курса въ Московской академіи принялъ монашество, былъ ректоромъ Рязанской и Новгородской семинарій. Въ 1832 г. хиротонисанъ въ епископа Курскаго, гдѣ и пробылъ до 1860 г. Уволенный Св. Синодомъ на покой въ Бѣлоградскій Троицкій монастырь, онъ скончался въ 1861 г. Сдѣланный въ 1847 г. членомъ секретной комиссіи по дѣламъ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія, онъ отличался особой ревностью въ этихъ дѣлахъ, жестокостью и мздоимствомъ. Ему за помѣщеніе въ Бѣлградскомъ кафедральномъ соборѣ вмѣстѣ съ иконами портрета Государя былъ сдѣланъ высочайшій выговоръ, снятый потомъ по особому ходатайству Св. Синода. Будучи неважнымъ проповѣдникомъ, онъ однако свои произведенія печаталъ; но всѣ они за исключеніемъ слова о четырехдесятицѣ, по мнѣнію автора „Обзора Русской духовной литературы“, архіепископа Филарета Гумилевскаго, „слабы и по мысли, и по выраженію“.

Въ Курской семинаріи онъ оставилъ тоже недобрую славу. На него ходило немало семинарскихъ эпиграммъ, одъ и т. п. сатирическихъ семинарскихъ произведеній. Испытывая гнетъ и несправедли-

*) Гибни церковь, исполнись наша воля.

вость, семинаристы, конечно, имѣютъ отвращеніе къ своему учебному заведенію и, какъ писалъ Ростиславовъ, оставляютъ духовное званіе почти всегда послѣ жестокой борьбы съ идеями, господствующими въ духовенствѣ и его училищахъ, и выносятъ съ собою большой запасъ анекдотовъ, въ которыхъ выражается узкій и даже непріязненный взглядъ семинарскихъ духовныхъ начальствъ на жизнь, на людей, на міръ, на образованность. Разумѣется, объ этомъ не молчатъ не только на словахъ въ разговорѣ съ знакомыми, но и въ литературныхъ статьяхъ. Энергическіе ратуютъ противъ тѣхъ порядковъ, вслѣдствіе которыхъ они, не смотря на свои умственные и нравственные достоинства, или даже изъ желанія поддержать эти достоинства, оставили духовное званіе. Эти-то люди часто съ замѣчательными способностями, съ непереломимою энергіею, испытавши умственный и дисциплинарный гнетъ въ семинаріяхъ, расплачиваются за нихъ на просторѣ щедрою рукою. Они-то знакомятъ и литературу и свѣтское общество съ закулисными подробностями жизни семинарій и духовенства.

Но вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно вооружаетъ литературу противъ духовенства. Для литераторовъ естественно желать, если не полной, то уже не очень стѣсненной свободы отъ цензурныхъ тисковъ, по крайней-мѣрѣ въ статьяхъ, относящихся къ сочиненіямъ ученыхъ и произведеніямъ изящной литературы. Недостатокъ такой свободы отнимаетъ у нихъ, такъ сказать, насущный хлѣбъ и потому они не могутъ же любить тѣхъ людей и тѣ идеи, въ которыхъ встрѣчаютъ неумолимое тупое и постоянное препятствіе къ свободному выраженію мыслей объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ. Но почему-то утвердилось мнѣніе, что духовенство принадлежитъ къ самымъ суровымъ противникамъ хоть какой-либо свободы книгопечатанія. Мнѣніе это подтверждается и частными примѣрами: по существующимъ постановленіямъ и цѣлымъ сочиненіямъ, и даже небольшіе отрывки изъ нихъ, относящіеся къ богословію и духовенству, нужно представить на разсмотрѣніе комитетовъ духовной цензуры. И свѣтская цензура, конечно, не очень благопріятствуетъ полной свободѣ книгопечатанія, но она зорко слѣдитъ больше всего за политикою; на ученыхъ же, научныя изслѣдованія часто смотритъ очень снисходительно, тогда какъ духовная преимущественно преслѣдуетъ научныя идеи. Неудовольствіе, которое отъ такихъ преслѣдованій рождается въ литературѣ, легко оправдывается во имя дорогихъ для челоувѣчества интересовъ, во имя науки, ума, преуспѣянія. Къ врагамъ просвѣщенія, къ противникамъ прообразованности, къ стѣснителямъ ума пробудить ненависть въ образованномъ челоувѣкѣ дѣло нетрудное.

Но есть еще обстоятельство, которымъ враги духовенства имѣють полное право оправдывать свое неуваженіе къ нему. Извѣстно, что наши епархіальные начальники еще пользуются большимъ значеніемъ не только въ народныхъ массахъ, но и въ среднихъ и высшихъ классахъ, конечно, съ исключеніями. Если бы они были внимательны, привѣтливы и дружелюбны къ нашимъ пастырямъ, если бы поступали съ ними не какъ съ рабами неключимыми, а какъ съ своими сотрудниками, съ своими сослужителями предъ престоломъ Всевышняго, какъ съ возлюбленною о Христѣ братією, то и паствѣ могли бы внушить уваженіе къ своимъ подчиненнымъ, по крайней мѣрѣ, не подавали бы ей повода оправдывать свое неуваженіе къ нимъ.

Примѣръ владыки, который дружелюбно бесѣдуетъ съ священниками, а къ заслуженнымъ изъ нихъ относится даже съ почетомъ, подѣйствовалъ бы на помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и особенно на крестьянъ. Но я уже объяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся всѣ священно-и-церковнослужители къ архіереямъ. Позвольте только кое-что напомнить. Вотъ напр., мірянинъ заглянулъ въ архіерейскій домъ, когда тамъ собираются духовныя лица. Тутъ онъ видитъ, какъ они въ грязной, нетопленной передней, или въ сѣняхъ на лѣстницѣ, даже подъ открытымъ небомъ на дворѣ стоятъ, прислонившись къ стѣнѣ, или присѣвши на полъ, на окно, на приступокъ лѣстницы, на какой-либо столбикъ (стульевъ, даже скамейки для нихъ не полагается). Тутъ онъ видитъ, какъ архіерейская сволочь грубо подталкиваетъ даже священниковъ, или не думаетъ быть вѣжливою передъ ними: съ какимъ подобоострастіемъ и униженіемъ многіе духовные еще заискиваютъ милости у этой подлой сволочи четвертаками, цѣлковыми, или, за недостаткомъ ихъ, поклонами. Но вотъ является дворянинъ, чиновникъ, купецъ, даже богатый извѣстный домохозяину крестьянинъ; ихъ примутъ тотчасъ въ залу, побесѣдовать съ ними часъ и болѣе, тогда какъ ихъ отецъ духовный стоитъ тамъ въ подачѣ*), или въ сѣняхъ, уже часа два, да еще, можетъ быть простоять столько же. Но вотъ дошла очередь и до духовенства; дается аудіенція или всѣмъ, или каждому порознь. Любопытные міряне и тутъ увидятъ, какъ ихъ пастырей угощаютъ не очень почетными привѣтствіями, встрѣчаютъ неласково, выслушиваютъ неблагосклонно, какъ духовныя лица, подавляемая гордостью начальства своего, застрашенные, униженные, еще болѣе унижаются своею лестію, прислужничествомъ, поклонами. Мірянинъ можетъ также увидать, какъ (конечно не вездѣ,

*) Т. е. гдѣ подаются прошенія.

а по мѣстамъ) не дьячка, а даже священника осуждали, можетъ быть и за вину, на черную работу, заставляли чистить дорожки, мести дворъ, возить щебень, землю и пр.; и какъ тоже вовсе безъ вины, хоть не вездѣ, но и не въ одномъ мѣстѣ, причетники, вѣроятно, уже изъ милости, по нѣскольку мѣсяцевъ въ архіерейскомъ дому, прежде своего посвященія въ стихарь, отправляютъ должность дворниковъ, истопниковъ, носятъ воду, колютъ дрова, собираютъ навозъ въ кучи и пр. Все это дѣлается извѣстнымъ не только тѣмъ, которые сами видятъ, но и тѣмъ, которые отъ нихъ услышатъ. Впрочемъ, чтобы міряне, не имѣющіе возможности заглядывать въ архіерейскіе дома и видѣть, въ какомъ почетѣ находится тамъ духовенство, чтобы они не усумнились въ дѣйствительности рассказовъ, для этого, вѣроятно, между прочимъ, учреждены архіерейскіе объѣзды по епархіямъ. Тутъ ужъ міряне не въ одиночку, а цѣлымъ городомъ, цѣлымъ приходомъ, цѣлымъ міромъ могутъ подслушать, какъ ихъ батюшекъ, на подобіе ребятишекъ, экзаменуютъ въ знаніи катехизиса, а иногда въ умѣннѣ пѣть и даже читать, какъ въ ожиданіи этого экзамена духовенство цѣлаго уѣзда, или цѣлаго благочинія въ городѣ близъ квартиры владыки, на дворѣ ея, по улицѣ, а въ деревнѣ по двору помѣщичьяго дома, въ передней, безъ шапокъ похаживаетъ, а иногда почитываетъ, т. е. зазубриваетъ катехизисъ; какъ тутъ частенько при помѣщикѣ, при лакеяхъ валомъ повалятся и священники, и дьяконы, и весь причтъ церковный при выходѣ къ нимъ важной особы, а она обойдется съ ними, какъ съ лакеями, разбранить, настрашаетъ; какъ для умилостивленія разгнѣванной особы кто-нибудь одинъ, или всѣ міромъ-соборомъ еще повалятся въ ноги, станутъ на колѣни и пр., и пр. Какъ угодно, господинъ читатель, когда міряне узнаютъ о всѣхъ подробностяхъ обращенія епархіальныхъ властей съ духовенствомъ, развѣ станутъ уважать его? Развѣ не поведутъ между собою такой рѣчи: „если такъ честитъ поповъ нашихъ самъ владыка, то вѣрно они не стоятъ уваженія, вѣдь онъ ужъ лучше нашего ихъ знаетъ“. Эта-то причина, по моему мнѣнію, даже одна, можетъ внушить паствѣ неуваженіе и презрѣніе къ своимъ пастырямъ, если бы даже не было и другихъ къ тому побужденій. Присоедините сюда ненависть и злобу раскольниковъ, недовольство прихожанъ отъ поборовъ, нравственные и умственные недостатки самого духовенства, презрѣніе къ нему образованнаго класса, неблагопріятные отзывы литературы о немъ, тогда еще подивитесь не тому, что оно большею частью не уважается, а тому, что еще встрѣчаемъ примѣры заслуженнаго и искренняго уваженія къ отдѣльнымъ лицамъ изъ него. Тогда невольно еще подумаешь: „нѣтъ, вѣроятно, много еще есть въ духовенствѣ людей, ко-

торые, не смотря на всё неблагопріятныя обстоятельства, на устарѣлое и бесполезное ихъ школьное образованіе, на печальную обстановку ихъ жизни, на административный гнетъ, который надъ ними тяготѣеть, на униженіе, которому подвергаетъ его само начальство, — не смотря на все это, есть люди съ высокими нравственными качествами, съ свѣтлымъ умомъ, съ благородною душею, кторые внушаютъ и поддерживаютъ уваженіе къ себѣ и не даютъ еще цѣлому сословію своему подпасть окончательному презрѣнію“.

— Да, дѣйствительно есть еще такіе люди.

Вспоминая лаврское негостепріимство, Порфирій на другой день заноситъ въ свой дневникъ: „Птицы небесныя имѣютъ свои гнѣзда, звѣри лѣсные и полевые свои логовища; даже у червяковъ есть свои норки. Одинъ я не имѣю своего уголка. Боже мой! Когда ты посылаешь ангеловъ, этихъ служебныхъ духовъ, на служеніе людямъ, они вѣрно исполняютъ волю Твою, но, исполнивъ ее, возвращаются въ свои обители, кои Ты далъ имъ по милости и правдѣ Твоей. Эту истину знаютъ преосвященные начальники мои. Но почему не руководствуются ею? Или потому, что забываютъ ее въ своихъ не бѣдныхъ, раззолоченныхъ теремахъ, или потому что ангелы летятъ всегда мимо этихъ теремовъ, и живущіе въ нихъ не получаютъ отъ нихъ святыхъ внушеній.

— Чернецъ! Ты—не ангель, скажутъ они.

Антоніи, Иліодоры, Гедеоны, сіятельные графы и превосходительныя чины! И вы же не боги; ибо нѣтъ въ васъ правды, милости и провидѣнія. Долой же съ пьедесталовъ!

Ахъ! эти мраморныя статуи вооружены крѣпко. Не могу я расшибить и испепелить ихъ. Нѣтъ у меня перуновъ. Но есть адамантовое перо. Пишу имъ на челахъ ихъ:

„Это—камни, но не тѣ, изъ которыхъ Богъ можетъ воздвигнуть себѣ чадъ.

Цѣлую тебя перо мое. Письмена твои неизгладимы во вѣки вѣковъ.

Благовѣстятъ къ обѣднѣ. Иду въ церковь каяться и благодарить Бога за все.

*

Разговаривая съ Олонецкимъ архіепископомъ Венедиктомъ *) о состояніи Православныхъ церквей на Востокѣ, Порфирій разсказалъ ему, какъ у одного властнаго и зажиточнаго Турка на островѣ Критѣ издохла любимая собака; онъ позвалъ къ себѣ мѣстнаго священника и

*) Венедиктъ Григоровичъ † 1850 г. 7 Декабря.

приказалъ похоронить ее по Христіанскому обряду. Священникъ, хотя нехотя, исполнилъ его приказаніе. Бѣдный, злополучный попъ припалъ къ ногамъ Турка и, поцѣловавъ полу его кафтана, умолилъ его идти къ владыкѣ и у него испросить ему прощеніе. Турокъ положилъ нѣсколько денегъ на тарелочку, пошелъ къ архіерею и, входя въ комнату его, согнулся въ дугу, а тарелочку держалъ на головѣ своей. Архіерей увидѣлъ на ней деньги и смекнулъ, что они назначены ему. Когда же Турокъ сталъ просить его о помилованіи священника, тотъ отвѣчалъ ему: „Я наказалъ попа не за то, что онъ отпѣлъ твою собачку, а за то, что меня не пригласилъ на похороны ея“. Наказаніе было отмѣнено всѣ были сыты, и волки, и овцы.

Графъ Протасовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, къ которому явился Порфирій, спросилъ:

— Скажите мнѣ, каковъ мужской монастырь въ Одессѣ?

— Этотъ младенецъ развивается туго.

— Всѣ монахи тамъ пьяницы, сказалъ графъ тономъ недовольства.

— Не знаю. Во время моего настоятельства тамъ почти всѣ были трезвы.

— Архимандритъ Никодимъ и послѣ него Израиль отмѣтили ихъ въ послужныхъ спискахъ пьяницами.

— Кто же виновать, ваше сіятельство?

— Монахи и настоятель.

— Невиновно ли чье-нибудь постановленіе о монахахъ?

— Какъ!

— Постригающіеся въ монашество, по уставу, даютъ Богу обѣтъ быть во всю жизнь свою нестяжательными; а по штату имъ назначаются денежные оклады изъ государственнаго казначейства и выдаются доходы изъ церковной кружки. Удивительно ли же, что нѣкоторые изъ нихъ относятъ ихъ въ питейные дома? Сдѣлайте всѣ монастыри строго общежительными, и пьянство прекратится въ нихъ.

— Почему же нѣтъ пьяницъ въ здѣшней Сергіевой пустынѣ, хотя она штатная? Потому что настоятель управляетъ ею какъ должно.

— Онъ безвыходно живетъ въ своей обители, а Одесскій настоятель—въ Херсонской семинаріи. Безъ начальника же строй не бываетъ. При томъ архимандритъ здѣшней пустыни принимаетъ въ нее монаховъ по выбору; а въ прочіе монастыри наши поступаютъ слѣпые, да наказанные архіереями за пьянство.

Графъ замолчалъ и смотрѣлъ на меня пристально.

Къ знаменитымъ придворнымъ дамамъ, Потемкиной, Тизенгаузенъ и Фредериксъ, пишетъ Порфірій, я не являлся, потому что изъ Азіатскаго Департамента чрезъ архимандрита Аввакума было дано мнѣ знать, чтобы я не видѣлся съ набожными старушками, которыя молятся въ дворцовой церкви: онѣ могутъ-де сдѣлать насиліе министру Нессельроду. Благоразуміе присовѣтовало мнѣ отложить до поры-до времени посѣщеніе названныхъ дамъ. Я про себя разсудилъ такъ: кончу дѣловыя записки мои, представлю ихъ предержащимъ и потомъ посмотрю: если чего не добудеть мое перо, авось пріобрѣтеть то языкъ мой въ теремахъ набожныхъ старушекъ.

Гмъ! Придворныхъ старушекъ боится канцлеръ! Почему бы ему страшиться ихъ, коль скоро онъ правъ предъ Востокомъ? Анъ видно, онъ молится не на Востокъ, а на Западъ.

Дневникъ свой за 1846 г. Порфірій заканчиваетъ такъ:

Р. S. Родственница графа Протасова, Софья Дмитріевна Лаптева, урожденная княжна Горчакова, духовная дочь моя, говорила мнѣ, что въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ называютъ меня дипломатомъ въ Св. Синодѣ. Она же предупредила меня, чтобы я предъ Протасовымъ не надѣвалъ на себя личины святоши и чтобы не боялся его, а говорилъ бы ему смѣло все, что надобно высказать ему. „Онъ трусь“, присовокупила она.

Ростовъ Ярославскій. 1910 Іюль 10.

Андрей Титовъ.

О СЕЛѢ ВАСИЛЬЕВСКОМЪ.

Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива“.

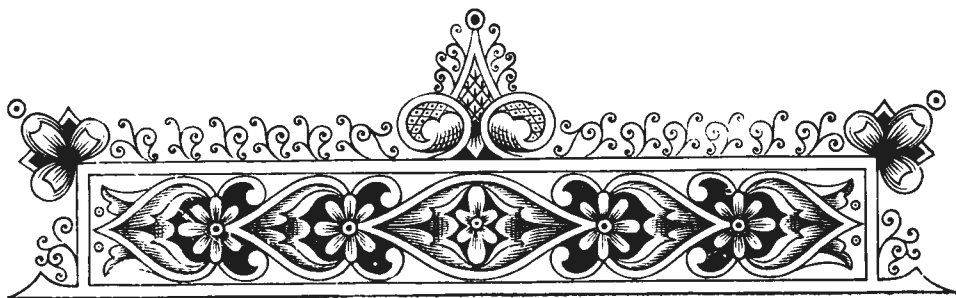
Въ 6-й книжкѣ „Русскаго Архива“ сего года на стр. 270-й при письмѣ дьяка Украинцева замѣчено, что названная имъ деревушка его была вѣроятно близъ Звенигорода.

Какъ мѣстный дворянскій предводитель, могу сообщить вамъ, что рѣчь идетъ о селѣ Васильевскомъ, которое упоминается въ томъ же письмѣ, и прикащикъ котораго подалъ письмо властямъ Саввина монастыря. Село Васильевское на самой границѣ Звенигорскаго уѣзда и прежде было въ этомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ Саввина монастыря; но нынѣ оно Русскаго уѣзда. Это село замѣчательно своей красотой. Оно на самомъ берегу Москвы рѣки. Церковь въ немъ выстроена Емельяномъ Украинцевымъ и существуетъ по сей часъ. Къ сожалѣнію, будучи тамъ, я не могъ разобрать длинной надписи вязью, вмазанной въ стѣну этой церкви. Въ началѣ XIX вѣка село Васильевское принадлежало И. А. Яковлеву, отцу Герцена, и сей послѣдній поэтически описалъ его въ своихъ воспоминаніяхъ. Потомъ оно принадлежало графу Александру Никитичу Панину, а послѣ по наслѣдству перешло къ князю Александру Григорьевичу Щербатову. Усадьба его на горѣ, одна изъ лучшихъ въ Московской губерніи.

Графъ Павелъ Шереметевъ.

Нельзя довольно не порадоваться исторіографическому оживленію нашего народнаго самосознанія: познаніе старины, ея тщательное изученіе идетъ въ глубь и въ ширь; появляются подробныя разслѣдованія и даже цѣлыя книги не только о городахъ, но и объ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Такъ напр. относительно Владимирской губ. имѣется цѣлая книга, въ которой перечислено все доселѣ напечатанное о томъ краѣ. Нѣкоторыя Московскія усадьбы предъявляютъ также къ печати былую жизнь свою. Какъ бы радовалась этому Великая Екатерина, завѣщавшая намъ „счастье дома находить“. Къ числу достопочтенныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ принадлежитъ графъ П. С. Шереметевъ, и мы ему благодарны за сообщеніе вышепомѣщеннаго указанія о помѣстьѣ знаменитаго дьяка Емельяна Украинцева. П. Б.

ОБЪ УРАВНЕНИИ ЗЕМСКИХЪ ПОВИННОСТЕЙ.

1809.

При умѣренности общихъ казенныхъ податей обыватели нѣкоторыхъ губерній крайне у насъ отягощаются земскими повинностями. Сборъ сей не уравнительный и, большею частію, отъ произвольнаго мѣстнаго распорядка зависящій, простирается по государству до многихъ милліоновъ безъ всякаго почти общаго счета и соображенія. Губерніи обильныя и многолюдныя подвержены ему несравненно менѣе, нежели скудныя; отъ сего бѣдность обывателей въ сихъ послѣднихъ возрастаетъ.

Въ 1803 году учрежденъ при Правительствующемъ Сенатѣ Комитетъ объ уравниніи сихъ повинностей. Цѣль его есть поставить между богатыми и бѣдными губерніями нѣкоторую соразмѣрность въ земскихъ издержкахъ. Свѣдѣнія давно уже собираются и вѣроятно собраны; но время протекаетъ, а дѣло сіе въ отношеніи народныхъ нуждъ весьма важное къ концу не приходитъ.

Нужно дать ему движеніе, назначить самый краткій срокъ его окончанію.

Въ учрежденномъ при Правительствующемъ Сенатѣ Комитетѣ объ уравниніи по всему государству земскихъ повинностей присутствуютъ нынѣ господа сенаторы, дѣйствительные тайные совѣтники: баронъ Федоръ Михайловичъ Колокольцовъ, Иванъ Алексѣевичъ Алексѣевъ и тайный совѣтникъ Иванъ Семеновичъ Захаровъ.

По требованіямъ Комитета свѣдѣній о повинностяхъ получены по губерніямъ: Саратовской, Кіевской, Воронежской, Пермской, Архангельской, Таврической, Нижегородской, Калужской, Олонеккой, Симбирской, Тобольской, Владимирской, Иркутской, Литовско-Гродненской,

Ярославской, по Грузіи и по портовымъ городамъ: Одессъ, Таганрогу и Феодосіи.

По нижеслѣдующимъ же не получены а именно: по Орловской, Вологодской, Вятской, Казанской, Рязанской, Лифляндской, Малороссійско-Полтавской, Псковской, Томской, Тверской, Волынской, Новгородской, Тамбовской, Херсонской, Эстляндской, Санктпетербургской, Малороссійско-Черниговской, Оренбургской, Астраханской, Курской, Курляндской, Тульской, Лифляндской, Подольской, Екатеринославской, Минской, Московской, Кавказской, Литовско-Виленской, Бѣлоруско-Могилевской, Смоленской, Костромской, Пензенской, Витебской, Слободско-Украинской и по Войску Донскому.

(Подп.) Оберъ-секретарь Іосифъ Каржевскій.

7 Апрѣля 1809 г.

Письмо барона Ѳ. М. Колокольцова къ князю П. В. Лопухину.

Милостивый государь князь Петръ Васильевичъ!

Ваша свѣтлость въ почтеннѣйшемъ отношеніи ко мнѣ отъ 8 числа сего мѣсяца объявили высочайшее Его Императорскаго Величества повелѣніе, дабы учрежденный при Правительствующемъ Сенатѣ Комитетъ для уравненія по всему государству земскихъ повинностей принялъ дѣятельнѣйшія мѣры къ скорѣйшему исполненію возложенной на него обязанности, и буде требуемыя по предмету сему свѣдѣнія не все еще собраны, то о неукоснительномъ доставленіи оныхъ предписалъ-бы начальникамъ губерній наистрожайшимъ образомъ. Въмѣстѣ съ симъ ваша свѣтлость изволите требовать увѣдомленія о времени, къ которому можно будетъ предположить окончаніе сего Комитета; такъ какъ Его Величеству благоугодно, чтобы для сего назначенъ былъ послѣдній и кратчайшій срокъ.

Отношеніе сіе предлагалъ я на разсмотрѣніе Комитета и по порученію онаго имѣю честь увѣдомить вашу свѣтлость:

Комитетъ, руководствуясь имяннымъ Высочайшимъ указомъ, въ 1-й день Маія 1805 года Сенату объявленнымъ, занимался первоначально разсмотрѣніемъ табелей о повинностяхъ, отъ нѣкоторыхъ губерній въ Сенатъ доставленныхъ за 1799-й, 1800-й и 1801-й годы. Но какъ оныя оказались неудобными къ исполненію Высочайше данныхъ Комитету правилъ, то истребованы были отъ министерства внутреннихъ дѣлъ свѣдѣнія за 1804-й годъ. Принявъ въ основаніе сіи новѣйшія

свѣдѣнія, Комитетъ разсматривалъ оныя непрерывно и сдѣлавъ по каждой губерніи нужныя замѣчанія, требовалъ отъ начальниковъ губерній дополненій и поясненій.

Съ 1806-го года начали поступать отъ губернаторовъ по требованіямъ Комитета свѣдѣнія, которыя, заключая въ себѣ подробное изложеніе многочисленныхъ и разнообразныхъ повинностей по каждому городу и уѣзду порознь, по обширности своей требовали многого времени и великаго занятія канцеляріи въ пріуготовленіи и соображеніяхъ. Большая часть изъ доставленныхъ свѣдѣній бывъ рассмотрѣны, найдены недостаточными въ изложеніяхъ и противорѣчащими, а потому обращены вновь для исправленія и дополненій; нѣкоторыя же весьма немногія удовлетворяли требованіямъ Комитета.

По медленности, съ каковою доставлялись изъ губерній свѣдѣнія по требованіямъ Комитета, въ Іюль мѣсяцѣ 1808-го года сдѣланы губернаторомъ подтвержденія. За всѣмъ, тѣмъ по нынѣ присланы свѣдѣнія отъ 15-ти губерній и отъ трехъ начальниковъ портовыхъ городовъ. Изъ нихъ 16-ть разсматриваны, а достальныя два канцеляріею пріуготовлены и имѣютъ быть рассмотрѣны въ слѣдующія присутствія. Недоставлено же вовсе свѣдѣній отъ 36-ти губерній.

Комитетъ дѣлаетъ нынѣ вновь строжайшія подтвержденія начальникамъ губерній, не давшимъ еще свѣдѣній, дабы они, во исполненіе Высочайшаго указа, объявленнаго въ отношеніи ко мнѣ вашей свѣтлости, въ наискорѣйшемъ времени исполнили требованіе Комитета. Но какъ неизвѣстно время, когда свѣдѣнія таковыя и за всѣми подтвержденіями получены будутъ, нельзя также знать, выполнѣ-ли удовлетворяютъ они требованіямъ Комитета; да естлибы они были и во всемъ достаточны, то потребуется еще много времени на рассмотрѣніе и соображеніе оныхъ; а потому и невозможно нынѣ опредѣлительно назначить срока, къ которому всѣ обширныя и многотрудныя дѣйствія Комитета приведены будутъ къ окончанію.

Доставляемая при семъ записка объ утвержденіяхъ Комитета показываетъ, что Комитетъ непрерывно занимался разсматриваніемъ предметовъ въ обязанность его входящихъ, стараясь открыть въ настоящемъ видѣ всѣ существующія подъ разными наименованіями въ государствѣ городскія и земскія повинности денежныя и исправляемыя въ натурѣ, дабы потомъ можно было сдѣлать основательное и прочное положеніе объ уравнианіи ихъ; и не взирая на то, что г. г. сенаторы, присутствующіе въ Комитетѣ, занимались наравнѣ съ прочими дѣлами по департаментамъ и въ общемъ собраніи, и что въ канцеляріи Комитета

управляетъ письмопроизводствомъ оберъ-секретарь 1-го Сената департамента, который всегда занятъ по департаменту дѣлами своей экспедиціи, нетерпящими ни малѣйшаго отлагательства, — дѣла Комитета имѣли всегдашнее движеніе. Но если успѣхи понынѣ несоотвѣтствовали желаніямъ Комитета, сіе отнести должно къ медленности, съ каковою сопряжено собраніе нужныхъ къ столь обширному дѣлу матеріаловъ.

Для обезпеченія на будущее время успѣховъ, Комитетъ поручилъ мнѣ покорнѣйше просить вашу свѣтлость объ оказаніи ему слѣдующихъ пособій:

Во первыхъ, не угодно ли будетъ съ изъясненіемъ именного Высочайшаго повелѣнія сдѣлать отъ себя подтвержденіи начальникамъ губерній, отъ коихъ свѣдѣній о повинностяхъ еще не получено, о поспѣшнѣйшемъ исполненіи требованій Комитета.

И во вторыхъ, какъ соображенія и положенія Комитета главнѣйше основываться должны на обширныхъ, подробныхъ и многотрудныхъ исчисленіяхъ повинностей и суммъ на оныя употребляемыхъ, что должно извлекать изъ огромныхъ табелей и объясненій по большей части безъ всякаго порядка отъ губерній доставляемыхъ, и канцелярія должна непрерывно и единственно оными заниматься: то Комитетъ признаетъ необходимо нужнымъ имѣть нынѣ на первый случай двухъ секретарей и два повѣтыя съ потребнымъ числомъ канцелярскихъ служителей, изъ коихъ одно занималось бы сличеніемъ доставляемыхъ отъ губерній свѣдѣній съ правилами на то данными и представленіемъ оныхъ къ разсмотрѣнію Комитета: а другое между тѣмъ составленіемъ табелей по тѣмъ губерніямъ, отъ коихъ свѣдѣнія уже доставлены и Комитетомъ разсмотрѣны.

Неменѣе нужно для успѣшнѣйшаго окончанія дѣлъ Комитета и то, чтобы канцелярія его составлена была изъ такихъ чиновниковъ и канцелярскихъ служителей, кои бы единственно дѣлами Комитета занимались и никакими другими отвлекаемы отъ того не были.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою-же преданностію имѣю честь быть всегда милостивый государь мой вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга

(подп.) Ѳеодоръ Колокольцовъ.

Апрѣля „20-го“ дня 1809 г.

Записка о упражненіяхъ Комитета, учрежденнаго при Правительствующемъ Сенатѣ для уравненія по всему государству земскихъ повинностей.

По признаннымъ неудобствамъ настоящаго положенія земскихъ повинностей для уравненія ихъ по всему государству, именнымъ высочайшимъ указомъ, объявленнымъ чрезъ господина министра юстиціи въ 1-й день Мая 1805 года, учрежденъ при Правительствующемъ Сенатѣ изъ господъ сенаторовъ Комитетъ.

Обязанностию Комитета поставлено:

1-е Разсмотрѣть свѣдѣнія собранныя въ Сенатѣ о сихъ повинностяхъ вслѣдствіе именнаго Высочайшаго указа 24-го Іюня 1802 года по сему предмету даннаго; и какъ вѣроятно, что многіе изъ нихъ требуютъ дополненій, поясненій и проч. то по сему.

2-е Истребовать посредствомъ сношенія съ губернаторами сихъ дополненій.

3-е Когда такимъ образомъ приведется въ ясность каждой губерніи повинности, разсмотрѣть: не могутъ ли быть нѣкоторыя изъ нихъ отмѣнены или уменьшены и потомъ сдѣлать имъ общее исчисленіе.

4-е Расположить общій сборъ на всѣ губерніи соразмѣрно ихъ населенію и относительнымъ выгодамъ.

5-е Постановитъ точныя правила на употребленіе тѣхъ суммъ, кои по общей раскладкѣ на каждую губернію отпускаетъ бюджетъ должно; также означитъ, какимъ образомъ поставки и подряды должны быть производимы, куда и въ какіе сроки должны быть подаваемы отчеты и проч.

6-е Какъ въ числѣ земскихъ повинностей есть многія остатки, кои не ежегодно, не по временамъ исправляются и какъ несомнѣнно бы было для постройки на примѣръ небольшой казармы налагать новый сборъ по всему государству; да и сверхъ того по самому возвышенію цѣнъ и по перемѣнчивости ихъ въ разныхъ губерніяхъ, сборъ единовременно положенный часто былъ-бы несоразмѣренъ нуждамъ; то и постановитъ сверхъ общихъ правилъ, частныя на тѣ случаи, когда бы въ какой либо губерніи сумма на земскія повинности, вышла изъ своей соразмѣрности и признано было бы нужнымъ дополнить недостатокъ ея частичнымъ налогомъ.

7-е Собрать непосредственными отъ себя сношеніями всѣ свѣдѣнія до сихъ предметовъ относящіяся, предоставитъ соображенія свои на

разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, которому уже отъ себя поднести объ окончательномъ устройствѣ сей части докладъ на Высочайшее утверждение.

Съ открытія помянутаго Комитета въ 26-й день Іюня 1805-го года избранные Правительствующимъ Сенатомъ и Высочайше утвержденные для присутствія въ ономъ господа сенаторы, руководствуясь вышеизображенными правилами, приступили первоначально къ разсмотрѣнію свѣдѣній, собранныхъ въ 1-мъ департаментѣ Правительствующаго Сената о городскихъ и земскихъ повинностяхъ. Поелику же оныя свѣдѣнія по ближайшемъ разсмотрѣніи ихъ оказались неясными, недостаточными и показывающими повинности, въ 1799-мъ 1800-мъ и 1801-мъ годахъ токмо существовавшія, изъ коихъ многія въ теченіи потомъ болѣе трехъ лѣтъ перемѣнились: то Комитетъ чрезъ старшаго члена своего г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника барона Федора Михайловича Колокольцова сносился съ бывшимъ г-мъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, не имѣетъ ли онъ новѣйшихъ свѣдѣній отъ начальниковъ губерній по предметамъ подлежащимъ разсмотрѣнію Комитета.

Вслѣдствіе сего изъ департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ доставлены были табели о повинностяхъ, отправляемыхъ деньгами по губерніямъ за 1804-й годъ, которыя по краткости своей и неясности хотя также оказались для Комитета неудовлетворительными, но къ составленію плана для истребованія подробнѣйшихъ свѣдѣній удобнѣе первыхъ, въ Сенатѣ собранныхъ.

Такимъ образомъ Комитетъ приступивъ къ самому разсмотрѣнію табелей и находя въ исправленіи показанныхъ по онымъ повинностей и сборѣ съ обывателей денегъ, многія разнообразности не только по губерніямъ, но даже и въ однихъ уѣздахъ, дѣлалъ по каждой губерніи порознь замѣчанія свои съ присовокупленіемъ общихъ по принятому, вслѣдствіе вышеизложеннаго Высочайшаго отъ 1-го Мая 1805 года указа, плану вопросовъ, долженствовавшихъ открыть Комитету въ настоящемъ видѣ всѣ существующія подъ разными наименованіями въ губерніяхъ городскія и земскія повинности денежныя и исправляемыя въ натурѣ.

Комитетъ, засѣдая по силѣ именного Высочайшаго указа чрезъ господина Министра Юстиціи въ 23 день Мая 1805 года объявленнаго, одинъ день въ недѣлю, съ 27 Іюля 1805 года по Май мѣсяць 1806 года окончилъ разсмотрѣніе табелей по всѣмъ губерніямъ и тогда же отправилъ къ начальникамъ губерній выписки съ замѣчаніями, требуя по онымъ дополнительныхъ свѣдѣній для соображенія.

Въ продолженіи 1806 и 1807-го годовъ доставлены свѣдѣнія отъ губернаторовъ: Кіевскаго, Тверскаго, Кавказскаго, Нижегородскаго, Воронежскаго, Пермскаго, Архангельскаго, Саратовскаго, и градоначальниковъ Одесскаго и Таганрогскаго. По первымъ тремъ губерніямъ присланныя свѣдѣнія оказались неясными и недостаточными, почему и возвращены къ начальникамъ тѣхъ губерній съ нужными наставленіями.

Свѣдѣнія по Нижегородской губерніи, хотя также найдены не во всѣхъ частяхъ достаточными, но бывъ гораздо подробнѣе первыхъ, открыли многіе произвольные и незаконные сборы съ народа. Комитетъ по внимательнѣйшемъ оныхъ разсмотрѣніи, потребовавъ отъ губернатора на нѣкоторыя статьи дополненій и поясненій, вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ въ 1-й департаментъ Правительствующаго Сената подробную выписку обо всѣхъ незаконныхъ сборахъ и нарядахъ, дабы оныя между тѣмъ, пока не послѣдуетъ общее по всему государству уравненіе и опредѣленіе повинностей, воспрещены были.

Незаконные сборы и наряды по Нижегородской губерніи состоятъ главнѣйше 1-е, въ отводѣ и наймѣ квартиръ для чиновниковъ, неимѣющихъ къ тому права. 2-е, въ содержаніи несоразмѣрнаго числа сотскихъ и десятскихъ, какъ при нижнихъ земскихъ судахъ, такъ и при селеніяхъ и въ сборѣ на наемъ ихъ суммы. 3-е, въ употребленіи большихъ суммъ на платежъ волостнымъ старшинамъ сверхъ положенія и на содержаніе волостныхъ правленій. 4-е, Въ содержаніи обывательской почты для проѣзда членовъ земскаго суда, посылаемыхъ отъ онаго въ уѣздъ и для другихъ, на которую сборъ въ иныхъ селеніяхъ простирается до 30 коп. съ души и проч.

Но 1-й департаментъ Сената отъ 17-го Августа 1808 года далъ знать Комитету, что г-нъ министръ внутреннихъ дѣлъ, коего разсмотрѣнію представлено было сіе обстоятельство, сдѣлалъ свое заключеніе, что кромѣ статьи о дачѣ лошадей для членовъ земскаго суда, о которой по Высочайшему повелѣнію внесено на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта, затѣмъ всѣ прочія повинности по Нижегородской губерніи находятъ онѣ законными и правильными.

Въ послѣдствіи времени рассмотрены Комитетомъ свѣдѣнія по губерніямъ: Воронежской, Саратовской, Архангельской, Пермской, по портовымъ городамъ Одесѣ и Таганрогу и дополнительные свѣдѣнія по Нижегородской губерніи; всѣ онѣ, кромѣ Воронежской, Саратовской и Архангельской, найдены достаточными и приняты для дальнѣйшаго соображенія; по симъ же губерніямъ положено требовать дополненій, изъ коихъ по нѣкоторымъ уже доставлены и разсмотрѣны.

Между тѣмъ Комитетъ, не получая по требованіямъ своимъ отъ прочихъ губерній никакихъ свѣдѣній о повинностяхъ, 28-го числа Іюля 1808 года послалъ подтвержденія ко всѣмъ тѣмъ гражданскимъ губернаторамъ, отъ которыхъ таковыхъ свѣдѣній не доставлено еще было, о немедленномъ оныхъ доставленіи.

По такому побужденію доставлены по нынѣ свѣдѣнія отъ гражданскихъ губернаторовъ: Таврическаго, Кіевскаго, Калужскаго, Олонецкаго, Тобольскаго, Владимирскаго, Симбирскаго, Иркутскаго, Литовско-Гродненскаго, Ярославскаго, Феодосійскаго военнаго губернатора и по Грузіи.

Всѣ оныя, кромѣ Литовско-Гродненской и Ярославской, рассмотрѣны.

Комитетъ сдѣлавъ замѣчанія по губерніямъ: Симбирской, Калужской и Владимирской, заключилъ обратить оныя къ губернаторамъ для пополненія, а по прочимъ губерніямъ и портовому городу нашель ихъ достаточными.

По Литовско-Гродненской же и Ярославской приготовлены, но еще не рассмотрѣны.

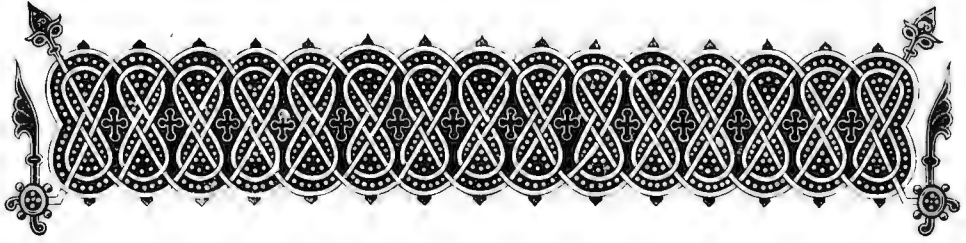
По нижеслѣдующимъ же губерніямъ не получено свѣдѣній, а именно: по Орловской, Вологодской, Вятской, Казанской, Рязанской, Финляндской, Малороссійско-Полтавской, Псковской, Томской, Тверской, Волынской, Новгородской, Тамбовской, Херсонской, Эстляндской, Санктпетербургской, Малороссійско-Черниговской, Оренбургской, Астраханской, Курской, Курляндской, Тульской, Лифляндской, Подольской, Екатеринославской, Минской, Московской, Кавказской, Литовско-Виленской, Бѣлорусской-Могилевской, Смоленской, Костромской, Пензенской, Витебской, Слободской Украинской и по Войску Донскому.

Начальникамъ сихъ губерній и Войска Донскаго Войсковому атаману нынѣ дѣлаются вновь строжайшія подтвержденія о скорѣйшемъ доставленіи требуемыхъ отъ нихъ свѣдѣній о повинностяхъ.

Канцелярію Комитета составляли первоначально оберъ-секретарь 1-го Сената департамента Коржевскій, одинъ секретарь, одинъ повычикъ и два писца. Въ началѣ же 1808 года по предписанію господина министра юстиціи хотя прикомандировано было къ тому изъ департаментовъ Сената пять человекъ канцелярскихъ служителей, но изъ нихъ трое выбыли потомъ въ департаменты Сената, нынѣ остается при Комитетѣ канцелярскихъ служителей пять человекъ.

(подп.) Баронъ Ѳеодоръ Колокольцовъ, Иванъ Алексѣевъ, Иванъ Захаровъ.

(Изъ архива Собственной Ею Императорскаго Величества Канцеляріи сообщено В. В. Щеловымъ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. МАЛЕВИЧА-МАЛЕВСКАГО ¹⁾

Г л а в а III-я.

(Дѣтство).

Я родился 8 Декабря 1855 года слабымъ, тщедушнымъ, такъ что въ первые мѣсяцы моей жизни не чаяли, что останусь я живъ. Заботливый уходъ въ бабушкиномъ домѣ послужилъ мнѣ въ пользу. Съ того дня, какъ меня перевезли въ Скатертный переулокъ, здоровье мое стало поправляться и хотя ребенкомъ я не отличался крѣпкимъ сложеніемъ, но никакихъ недуговъ, благодаря Бога, во мнѣ не оказалось.

По возвращеніи изъ Кочетка ²⁾, меня и сестру помѣстили въ бабушкиномъ домѣ ³⁾ наверху. Я спалъ въ комнатѣ старой бабушки Дарьи Карловны, а сестра въ „туалетной“ молодой бабушки Юліи Ѳеодоровны, рядомъ съ комнатою тетки Надежды Александровны. Такимъ образомъ случилось, что я попалъ подъ особое покровительство старой бабушки, а сестра Еничка подъ вліяніе тетушки. Между ними, конечно, вскорѣ возникло нѣкоторое изъ-за насъ ревнованіе, и такъ какъ старые люди вообще склонны баловать дѣтей, а я къ тому же былъ младшій, то мнѣ перепало больше всякихъ сластей, чѣмъ сестрѣ. Старушка

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1908 г. выпускъ 5-й.

²⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1909 г. выпускъ 5-й.

³⁾ Домъ этотъ въ Скатертномъ переулкѣ (между Большой Никитской и Поварскою улицами) нынѣ принадлежитъ Евгеніи Андреевнѣ Лукиной, рожденной Малевичъ-Малевской, вдовѣ извѣстнаго даровитаго писателя („Скромнаго Наблюдателя“). Она унаслѣдовала это довольно просторное владѣніе, выходящее и въ Хлѣбный переулокъ, послѣ дѣда своего, по матери Александра Ивановича Розова, который вторымъ бракомъ (имѣя малолѣтнихъ сына и двухъ дочерей) женился на Юліи Ѳеодоровнѣ Кунишъ. Мать сей послѣдней, Дарья Карловна, вдова Кунишъ, сдѣлалась воспитательницей ея пасынка, Николая Андреевича Малевича-Малевскаго, нынѣ нашего посланника въ Японію, оказывающаго „Русскому Архиву“ честь сообщеніемъ своихъ раннихъ воспоминаній. П. Б.

прибѣгала для этого къ хитростямъ, напр., когда ея дочь Юлія Ѳедоровна*) одѣляла насъ пастилой, мятными пряниками или Французскимъ черносливомъ, она выпрашивала и себѣ что нибудь и потомъ тихонько передавала мнѣ, запрещая говорить объ этомъ теткѣ; или заманивала меня въ укромный уголокъ и угощала ломтиками бѣлаго хлѣба съ густымъ слоємъ варенья.

Съ бабушкиной комнатою связаны у меня самыя прекрасныя воспоминанія дѣтства. Бавало, рано утромъ, всѣ въ домѣ еще спать, а я уже сижу съ бабушкой Дарьей Карловной у окна ея комнаты и наблюдаю съ нею за тѣмъ, что дѣлается внизу, во дворѣ. Вотъ приземистый, сѣдобородый кучеръ Осипъ Филипповъ отворяетъ ворота каретнаго сарая и несетъ, засуча рукава на жилистыхъ, волосатыхъ рукахъ, вѣдра съ водой въ конюшню поить лошадей; старая собака Бѣлка вылѣзла изъ конуры и, радостно виляя хвостомъ, вертится около его ногъ; вотъ кухарка Арина Анисимовна вышла изъ кухни съ самоваромъ и вытряхиваетъ изъ него вчерашніе холодные уголья, куры бѣгутъ къ ней черезъ дворъ, сопровождаемыя важнымъ, золотистымъ пѣтухомъ. Филиппычъ выводитъ лошадь и закладываетъ ее въ бочку, что стоитъ во дворѣ на дрогахъ, рядомъ съ дровами, сложенными подъ навѣсомъ; потомъ съ шумомъ выѣзжаетъ со двора за водой на Арбатскую площадь, къ фонтану. Вотъ горничная молодой бабушки Юліи Ѳедоровны, Софья Михайловна, идетъ къ флигелю и по открытой, деревянной лѣстницѣ съ перилами взбирается на чердакъ, гдѣ стоитъ катокъ и просушивается бѣлье. Ее остававливаетъ живущая во флигелькѣ вдова причетника Анна Богдановна и занимаетъ разговоромъ. Наконецъ, Софья Михайловна скрывается на чердакъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается оттуда съ ворохомъ бѣлья на рукахъ. Она несетъ его въ садъ, гдѣ развѣшиваетъ на веревкахъ, протянутыхъ вдоль задней дорожки. Послѣ завтрака на прогулкѣ мы будемъ издали смотрѣть, какъ вѣтеръ треплетъ полотенца и парусомъ раздуваетъ сырыя простыни.

Въ 9 часовъ старая бабушка спускалась со мной внизъ, въ ванную, гдѣ разливала чай, при чемъ украдкою прибавляла мнѣ лишній кусокъ сахару въ чашку. Сестра приходила туда-же съ няней или молодой бабушкой Юліей Ѳедоровной, а нѣсколько позже являлся и дѣдъ свѣже-выбритый и по обыкновенію шутливый, въ своемъ сѣромъ халатѣ съ свѣтлымъ фуляромъ на шеѣ. Тетка Надежда Александровна вставала поздно, часовъ въ 12, и пила кофе у себя въ комнатѣ.

*) Наша мачиха.

Послѣ чая мы съ сестрой шли играть въ залу, гдѣ проводили большую часть дня. Комната эта, самая просторная въ домѣ, замѣняла намъ дѣтскую. Особенно весело тамъ было въ ясную погоду: солнечные лучи проникали черезъ листву растений на окнахъ и свѣтлыми пятнами падали на гладко-натертый полъ; золоченныя рамки картинъ горѣли на стѣнахъ; синеватая полоса пылинокъ кружились въ воздухѣ; пахло воскомъ отъ паркета и сыроватой землею отъ горшковъ съ растеніями; въ окна глядѣли сосѣдніе, такіе-же какъ нашъ, особнячки Скатернаго переулка. Мы радовались солнцу и играли вдвоемъ съ сестрой въ лошадки, въ солдаты и въ куклы, прислушиваясь къ уличному движенію.

Въ Московскихъ закоулкахъ весной неумолчно поютъ пѣтухи, гудятъ разбитыя шарманки, перекликаются разнощики ягодъ, овощей и фруктовъ; тряпичники уныло причитываютъ: „старога старья, сапоговъ, старога платья продавать“; продавцы половиковъ протяжно повторяютъ: „ковры половые“. Мы ловимъ эти разнообразные звуки и сами начинаемъ играть въ разнощиковъ, громко выкрикивая: „пельцыны, алимоны, крупна спаржа“ и т. п. Старая бабушка, которая осталась въ диванной, заглянетъ иногда къ намъ и вмѣшается въ нашу игру, расплачиваясь горсточкой сладкаго изюма за купленные у насъ товары.

Такъ идетъ время до завтрака. Потомъ няня Ольга Матвѣевна ведетъ насъ гулять: зимой—въ шубахъ, барашковыхъ шапочкахъ съ наушниками и въ мѣховыхъ рукавичкахъ, въ переулкахъ, а лѣтомъ—въ садѣ, гдѣ мы оставались до обѣда подѣ присмотромъ старой бабушки, которая наблюдала за нами, сидя у открытаго окна въ диванной (на воздухъ выходила она рѣдко). Въ саду я очень любилъ копаться въ рыхлой душистой землѣ, подѣ кустами сирени, и вырывать бѣлые корешки побѣговъ. Разломанные на ровные кусочки, корешки эти въ нашихъ играхъ изображали спаржу.

Почти каждый день весной въ хорошую погоду приходила въ садъ играть съ нами прелестная, бѣлокурая дѣвочка, Кикина Долгорукая, дочь нашихъ жильцовъ. У бабушки было два дома—одинъ въ Скатертномъ переулкѣ, гдѣ мы жили, а другой въ Хлѣбномъ, который отдавался въ наймы. Домъ въ Хлѣбномъ переулкѣ, также особнякъ съ мезониномъ, занятъ былъ въ то время сенаторомъ княземъ Дмитріемъ Ивановичемъ Долгорукимъ и его семьей состоявшей изъ жены Софіи Никаноровны и двухъ дочерей—Наталіи и Екатерины. Княжна Наталія была уже взрослой дѣвицей, а младшая Кикина была нашихъ

лѣтъ. Ее всегда сопровождала старая нянька, необыкновенно толстая и нетерпѣливая, наводившая на меня страхъ. Нянька часто громко журила Кикину за выпачканное платье или спутанные волосы. Кикина выслушивала старуху съ надменностью, и это мнѣ почему-то очень нравилось въ моей маленькой пріятельницѣ. Вообще я восхищался ей и охотно исполнялъ всё ея капризы въ нашихъ играхъ я обыкновенно изображалъ повара или лакея, а она барыню. Поваръ напивался, лакей грубилъ, а барыня дѣлала имъ выговоры, потомъ прощала ихъ повинности и допускала „къ ручкѣ“. Игру эту мы варьировали до безконечности разными подробностями. Какъ теперь вижу передъ собой маленькую Кикину: ея круглое, съ большими темными глазами личико, ея длинные свѣтлые, какъ лёнъ, локоны, ея бѣлое пикейное платье до колѣнъ. Иногда вслѣдъ за Кикиной приходилъ въ садъ ея отецъ и угощалъ насъ леденцами „монпасе“. Онъ былъ невысокаго роста, худощавъ и уже оченъ немолодъ, но отличался большой живостью и смѣшилъ насъ своими гримасами и шутками. Князь Д. И. Долгорукій въ 50-ыхъ годахъ ѣздилъ посланникомъ въ Персію, а затѣмъ, назначенный сенаторомъ Московскихъ департаментовъ, доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ. Жена его, княгиня Софья Никаноровна, рожденная Хитрова, впоследствии, овдовѣвъ, завѣдывала однимъ изъ Московскихъ институтовъ. Она иногда навѣщала бабушку Юлію Федоровну. Мнѣ помнится, какъ разъ она пѣла у насъ вечеромъ дуэтъ съ своимъ мужемъ: „мы двѣ Цыганки чернобровыя“, причемъ князь дѣлалъ уморительныя гримасы. Всѣ присутствующіе смѣялись, до того комично сѣдовласый сенаторъ изображалъ чернобровую Цыганку, у которой въ крови „огонь запылалъ“.

Къ сожалѣнію, Долгорукіе не долго оставались въ нашемъ домѣ. Съ переѣздомъ ихъ на другую квартиру кончились игры съ Кикиной въ саду. Много лѣтъ спустя, когда я былъ уже студентомъ, увидѣлъ я въ нашей приходской церкви Ржевской Божіей Матери, на Поварской княгиню Софью Никаноровну съ высокой изящной дѣвушкой, въ которой я сейчасъ узналъ Кикину, но подойти къ ней не посмѣлъ...

Послѣ обѣда мы иногда шли съ „молодой бабушкой“ въ залу. Тамъ въ длинныя, зимнія сумерки Юлія Федоровна любила „музицировать“ и садилась за рояль. Бабушка играла по слуху отрывки изъ „Аскольдовой могилы“ или „Роберта Діавола“ и пѣла намъ старинныя романы, въ родѣ: „Какъ хорошъ неправда-ль, мама, постоялецъ нашъ румяный! Боже мой, Боже мой, еслъ-бъ онъ теперь былъ мой!“ или: „А кукушка, куковала, сидя на своемъ суку: а куку, а ку-ку, а куку, куку, куку“. Мы съ сестрой садились на скамеечку бабушкиныхъ

ногъ и слушали ее съ восхищеніемъ. А въ залѣ было таинственно и жутко: въ послѣобеденные часы олеиновую лампу не зажигали, и комната освѣщалась узенькими полосками свѣта отъ уличнаго фонаря, мерцавшаго сквозь щели закрытыхъ ставень. Но вотъ бабушка начала играть вальсъ изъ „Волшебнаго Стрѣлка“ или шумный „Гросфатеръ“, и мы пускались въ плясъ или мѣрно ходили съ сестрой подъ музыку, то держась за руки, то встрѣчаясь и размѣниваясь поклонами и присяданіями.

Мы любили также забираться передъ вечернимъ чаемъ въ комнату старой бабушки и залѣзать на маленькій диванчикъ у печки, гдѣ Дарья Карловна сиживала въ сумерки, отдыхая отъ дневныхъ хозяйственныхъ заботъ. Мы запрятавались за ее спину, и тутъ намъ открывался волшебный міръ сказочныхъ видѣній. „Бабушка, расскажи намъ что нибудь“, просили мы, и бабушка начинала рассказывать по-нѣмецки о злыхъ вѣдьмахъ, таскающихъ дѣтей, о зачарованныхъ принцессахъ, спящихъ въ лѣсу, о разбойникахъ, поджидающихъ въ волчьихъ ямахъ запоздалаго путника. Бабушка каждый день говорила новую сказку, и каждая сказка была полна неожиданныхъ приключеній и ужасовъ, но всегда кончалось хорошо: украденныхъ дѣтей возвращала домой бѣлая птица, спящую красавицу будилъ безстрашный витязь, ограбленнаго путника выручалъ проѣзжій богатырь. Намъ весело и жутко, мы жмемъ къ бабушкѣ и посматриваемъ изъ-за ее спины на луну, которая свѣтится въ незавѣшанномъ окнѣ.

Der Mond der schelnt so hell,

Die Foten reiten schnell говорила бабушка, изъ Леноры-Бюргера.

Около 9 часовъ вечера насъ укладывали спать. Такъ какъ я спалъ въ комнатѣ старой бабушки на диванчикѣ, то она заботилась, чтобы мнѣ было мягко и тепло: подстилала подъ мою простыню свою пуховую перинку и покрывала меня сверхъ одѣяла ватнымъ халатикомъ: въ зимнее время еще клала мнѣ на ноги вышитую шерстями подушку. А чтобы я скорѣе заснулъ, садилась рядомъ со мной въ кресло и, положивъ на меня свою руку, напѣвала вполголоса Нѣмецкія колыбельныя пѣсенки. Привожу тѣ, которыя остались у меня въ памяти:

Schlaf, mein Kindchen, schlaf.

Da draussen steht ein Schaf,

Das hat vier weisse Füße,

Das giebt dir Milch so süsse.

Schlaf, mein Kindchen, schlafe,

Da draussen stehen zwei Schafe,

Ein schwarzes und ein weisses,

Die wollen mein Kindchen beissen.

Schlaf, mein Kindchen, feste,
Da draussen stehen die Gäste;
Die Gäste die da kommen herein,
Sollen lauter Tanten und Mumen sein.

„Suse, liebe Suse, was ritschelt im Stroh?“
„Das sind die lieben Gänse, die haben keine Schuh,
Der Schuster hat Leisten, kein Leder dazu.“
„Suse, liebe Suse,.....“

Конецъ этой пѣсни не помню, такъ какъ обыкновенно на ней засыпалъ.

Дарья Карловна была съ нами чрезвычайно добра и терпѣлива: никогда не дѣлала намъ замѣчаній и не возвышала на насъ голоса. Ея полное, изрѣзанное тонкими морщинками, свѣтлое лицо, дышало лаской и участіемъ. На насъ она смотрѣла, какъ на сиротинокъ— дѣтей ея любимой, такъ рано умершей внучки Катеньки; вся теплота ея сердца отдавалась намъ. Накормили-ли дѣтей? одѣли-ли ихъ какъ надо? не обижаютъ-ли кто? этими вопросами она постоянно тревожилась, и Боже сохрани, затронуть насъ при ней: всегда кроткая и спокойная бабушка дѣлалась сейчасъ-же рѣзкой и повелительной. Всѣ наши дѣтскія вины вольныя и невольныя брала она на себя. „Кто пролилъ молоко на скатерть, кто разбилъ стаканъ?“ „Это я“ рѣшительно и поспѣшно отвѣчала старуха, не давая намъ времени ротъ открыть въ свое оправданіе. Насъ вообще никогда никто не наказывалъ; но и малѣйшая попытка сдѣлать намъ въ присутствіи старой бабушки, выговоръ вызывала съ ея стороны гнѣвный отпоръ: Я былъ постояннымъ спутникомъ ея по дому и часами не отходилъ отъ нея, стараясь помогать ей; часто носилъ за ней, изъ комнаты въ комнату, ея табакерку, палку или очки; съ радостью исполнялъ ея маленькія порученія: принести забытый на верху носовой платокъ или ключи, позвать прислугу и т. п.

Дарья Карловна прожила въ Россіи болѣе пятидесяти лѣтъ, но Русскому языку совершенно не научилась. Это давало поводъ къ разнымъ забавнымъ недоразумѣніемъ съ прислугой. Напр. вмѣсто „принесите мой чепецъ“, она говорила горничной: „принесить мой лепешка;“ когда нужно было скосить траву въ саду, приказывала кучеру Осипу Филиппычу „трафай трубитень на садъ“, а онъ понималъ, что ему велятъ дрова рубить въ саду. На какойнибудь спѣшный, хозяйственный запросъ со стороны кухарки Арины Анисимовны отвѣчала ей, махнувъ рукой: „Маменька (такъ называлъ свою тещу дѣдушка) Александръ, Нѣмецъ, нихтъ-чего-понимай!“

Старушка скончалась въ глубокой старости 89 лѣтъ, послѣ краткой болѣзни, которая продолжалась дня два (10 Мая 1867 года). Утромъ, вытирая шею и грудь холодной водой, что бабушка дѣлала ежедневно, она почувствовала себя дурно. Послали за докторомъ, который не нашелъ въ ней никакой болѣзни и недомоганіе объяснилъ старческой дряхлостью. Но бабушка съ каждымъ часомъ слабѣла и наконецъ впала въ глубокой сонъ, отъ котораго уже не очнулась. Мы похоронили ее рядомъ съ покойнымъ ея мужемъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Кунишемъ, на Введенскихъ горахъ въ Москвѣ¹⁾.

За послѣдніе мѣсяцы своей жизни, она, по слабости ногъ, уже не спускалась внизъ и не занималась хозяйствомъ, а больше сидѣла въ своей комнатѣ на диванчикѣ, около печки и смотрѣла молча передъ собой. „Бабушка приставали мы къ ней, о чемъ ты думаешь, когда сидишь такъ цѣлый день одна?“ „О васъ, дѣтки, отвѣчала бабушка, ласково притягивая насъ къ себѣ, обо всѣхъ думаю и молюсь“.

Въ годъ кончины Дарьи Карловны у насъ всю зиму прогостили двѣ ея пріятельницы Анна Яков. Гольмъ и Августа Карл. Донплеръ, обыкновенно жившія въ Петербургѣ. Обѣ эти добрыя старушки много занимались нами и забавляли насъ рассказами, пѣніемъ и разными играми. Анна Яков. Гольмъ даже сама увлекалась такими дѣтскими забавами; напримѣръ, была игра, въ которой я изображалъ фельдмаршала Суворова, а она Императрицу Екатерину. Я являлся къ своей повелительницѣ по утрамъ съ докладомъ, въ полной парадной формѣ, при шпагѣ, орденахъ и въ треугольной шляпѣ, изъ газетной бумаги. Анна Яковлевна принимала меня съ подобающимъ величіемъ, выслушивала реляціи одержанныхъ мною побѣдъ и въ награду давала цѣловать свою руку, что я исполнялъ, преклонивъ колѣно. Своимъ высокимъ ростомъ, крупными, выразительными чертами лица и сѣдыми пышными волосами Анна Яковлевна вполне отвѣчала „au physique de l'emploi“²⁾ и такъ входила въ свою роль, что требовала и отъ другихъ такихъ же знаковъ высокопочитанія, которые я ей оказывалъ. Она была вдовой полковника и любила рассказывать, какъ въ молодости на полковыхъ праздникахъ танцевала съ Великими Князьями и даже Государемъ Николаемъ Павловичемъ. На старости лѣтъ она жила скромной пенсіей послѣ мужа и часто утруждала Коммиссію Прошеній

¹⁾ На поставленномъ Дарьѣ Карловнѣ памятникѣ на Лютеранскомъ кладбищѣ, по желанію ея дочери Юліи Ѳеодоровны, вырѣзаны слѣдующія слова: „Schlafe sanft, liebe Mutter!“

²⁾ Ея природа соответствовала ея положенію.

ходатайствами о пособіяхъ. Просьбы на Высочайшее имя писалъ обыкновенно я подъ ея диктовку, выводя своимъ дѣтскимъ почеркомъ витѣватыя выраженія, въ родѣ: „припадая къ стопамъ Вашего Величества и лобызая ступени трона“. Не смотря на плохое знаніе Русскаго языка, Анна Яковлевна очень искусно сочиняла подобныя просьбы, нерѣдко имѣвшія успѣхъ.

Другая пріятельница бабушки А. К. Допплеръ была живая, бойкая старушка съ сѣдыми „тирбишонами“ кругомъ головы, подъ затѣйливымъ чепцомъ съ лентами. Она болтала безъ умолку, постоянно шила себѣ наряды и громко смѣялась, заражая всѣхъ своею веселостью. Она скончалась въ глубокой старости въ 1882 г.

Дочь „старой бабушки“ Дарья Карловна—„молодая бабушка“ Юлія Ѳедоровна, жена Александра Ивановича Розова и мачиха моей матери Екатерины Александровны, была женщина весьма замѣчательная. Когда отецъ привезъ насъ изъ Кочетка обратно въ Москву, въ старый домъ по Скатертному переулку, бабушкѣ Юліи Ѳедоровнѣ было около 50 лѣтъ, но она была чрезвычайно моложава и отличалась живымъ, веселымъ и привѣтливымъ нравомъ.

Внѣшностью своею она нѣсколько напоминала Императрицу Екатерину II и была извѣстна этимъ сходствомъ среди Московскихъ сторожиковъ въ то время, когда еще выѣзжала въ свѣтъ. Средняго роста, умѣренной полноты и крѣпкаго тѣлосложенія, бабушка Юлія Ѳедоровна отличалась необыкновенной бѣлизной лица, шеи и рукъ. Высокій лобъ правильный носъ, круглый подбородокъ, тонкія яркоочерченныя губы, на которыхъ всегда играла привѣтливая улыбка, часто алѣющія нѣжныя щеки—все это освѣщалось ясными, свѣтло-кариими глазами, необыкновенно живыми и пронизательными. Всегда затянутая въ высокій корсетъ, изящно одѣтая, съ черной кружевной наколкой въ волосахъ, съ тонкимъ батистовымъ воротничкомъ на слегка открытой шеѣ, бабушка своимъ открытымъ взглядомъ, быстрой увѣренной походкой, непринужденной живостью движеній, невольно привлекала къ себѣ всеобщее вниманіе. Стоило ей войти въ комнату, какъ самое скучное общество оживлялось, молодежь начинала весело болтать, кто постарше спѣшилъ поближе подойти къ Юліи Ѳедоровнѣ и завязать съ ней разговоръ—и всякому она находила любезное привѣтливое слово, всѣхъ умѣла очаровать радушнымъ пріемомъ, участливымъ распросомъ, ласковой простотой обхожденія. Обладая пріятнымъ, груднымъ голосомъ, бабушка говорила легко, охотно и непринужденно, свободно

выражаясь на трехъ языкахъ, Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ. Всякое дѣло спорилось у нея въ рукахъ и удавалось ей. Это была богато одаренная, рѣдко счастливая природа, сохранившая до старости всю прелесть искренней непосредственности, весь запасъ молодой энергїи и веселости. Замѣчательно, что личная жизнь Юліи Ѳедоровны далеко не способствовала сохраненію ея жизнерадостнаго настроенія. Она гоняла и объ участи своего неудачника сына, и о кончинѣ моей матери, и о потерѣ состоянія родителей-стариковъ Кунишей. Но непоколебимая твердость духа, горячая вѣра въ Провидѣніе, сознание исполненнаго долга и ясный, логическій умъ, были надежнымъ оплотомъ противъ жизненныхъ невзгодъ, соблазновъ и разочарованій. Безъ преувеличенія можно сказать, что Юлія Ѳедоровна до конца дней своихъ (она скончалась 68 лѣтъ отъ роду) сберегла все сокровище своего любвеобильнаго сердца. Любовь, въ высшемъ значеніи этого слова, была безспорно главнымъ двигателемъ, руководящей звѣздой ея жизни: она беззавѣтно любила своего мужа, который былъ старше ея на 15 лѣтъ, съ горячей материнской заботливостью относилась къ своимъ падчерицамъ, Катенькѣ и Наденькѣ, болѣла сердцемъ за своего несчастнаго, единственнаго сына, со страстной нѣжностью привязалась къ намъ, ея осиротѣвшимъ внукамъ. Но въ любви этой не было ничего ни сентиментальнаго, ни потворствующаго. Напротивъ, казалось, тѣмъ требовательнѣе была она къ предмету своего чувства. Мы, дѣти, не были въ этомъ случаѣ исключеніемъ: бабушка и къ намъ относилась со строгой безпристрастностью. Насколько насъ баловала „старая бабушка“, настолько, при всей своей привязанности къ намъ, Юлія Ѳедоровна послѣдовательно руководила нашимъ воспитаніемъ. Насъ никогда не наказывали, но не по снисходительности къ намъ, а потому что намъ и въ голову не приходило ослушаться запрещанія бабушки; не исполнить приказанія, возразить на ея властное слово.

При такихъ личныхъ качествахъ нашей воспитательницы, дѣло нашего первоначальнаго обученія шло съ постоянной правильностью. Будучи по рожденію Лютеранкой, Юлія Ѳедоровна имѣла большую склонность къ Православной церкви и усердно посѣщала всенощныя и воскресныя обѣдни въ нашей приходской церкви Ржевской Божіей Матери, что на Поварской. Вообще она любила и твердо знала церковную службу и, не вдаваясь въ догматическія разсужденія, придавала большое значеніе нашимъ церковнымъ обрядностямъ и обычаямъ, даже соблюдала, не смотря на свое иновѣрчество, главнѣйшіе посты. Божница въ ея спальнѣ была полна семейныхъ иконъ, передъ которыми теплилась день и ночь неугасимая лампада; особенно почитала она

иконы Казанской Божіей Матери и Покрова, передъ которыми два раза въ годъ, подъ 1 и 22-ое Октября, служились у насъ въ домѣ всенощныя причтомъ Ржевской церкви *). На Страстной недѣлѣ не пропускала она ни одной службы и, считая за особенное удовольствіе посѣщать отъ времени до времени Кремлевскіе храмы, безъ утомленія выстаивала долгія архіерейскія служенія въ Успенскомъ соборѣ, въ Чудовомъ монастырѣ или у Двѣнадцати Апостоловъ.

Такое благочестіе пробудилось у бабушки Юліи Ѳедоровны не сразу. Тайственный въ ея жизни случай далъ толчекъ ея приверженности къ Русской церкви. Это случилось во время скитаній сына ея Константина, послѣ неудачъ его въ военной службѣ. Отъ него много мѣсяцевъ не было вѣстей, и бабушка очень беспокоилась. Засыпая ночью съ тревожными мыслями, видитъ она сонъ: кто-то ей говоритъ, что нужно молиться святому, а какому святому, разобрать она не можетъ и съ тѣмъ просыпается. Слышитъ: по спальнѣ кто-то идетъ, шурша шелковымъ одѣяніемъ, и въ мерцающемъ свѣтѣ лампы мелькнула тѣнь монаха въ высокомъ клобукѣ, въ длинной мантии: подходитъ къ кіоту и пропадаетъ, а въ тишинѣ слышится явственный голосъ: „Савва преподобный!“ Бабушка вскрикнула и разбудила дѣда, который спалъ въ той же комнатѣ на кушеткѣ. Александръ Ивановичъ съ трудомъ могъ успокоить жену, а на другой день поѣхалъ на Никольскую и вымѣнилъ образъ преподобнаго Саввы Звенигородскаго. Въ тотъ же годъ, лѣтней порой, дѣдъ съ Юліей Ѳедоровной ѣздили въ Саввинскій монастырь, близъ Звенигорода, поклониться мощамъ угодника. Бабушка увѣряла, что, до этой знаменательной ночи, она никакого понятія не имѣла о пр. Саввѣ и даже самое имя его было ей незнакомо.

Другое загадочное событіе случилось съ бабушкой вскорѣ послѣ переѣзда ея съ дѣдомъ въ Скатертный переулокъ. Также во снѣ увидѣла она образъ Покрова Богородицы, будто у нея въ кіотѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Черезъ нѣсколько дней, опять тотъ же сонъ повторился. Стали искать въ домѣ и нашли на чердакѣ небольшой образъ Покрова Богородицы, который и былъ поставленъ въ кіотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ привидѣлся онъ бабушкѣ. Съ того времени наканунѣ праздника Покрова у насъ въ домѣ ежегодно служилась всенощная.

Бабушка Юлія Ѳедоровна приучала и насъ дѣтей съ малыхъ лѣтъ къ церкви и часто брала насъ съ собой ко обѣднѣ и ко всенощной. Если же въ Воскресенье не удавалось намъ быть въ церкви, то передъ

*) Не менѣе чтился у насъ въ домѣ Животворящій Крестъ съ частицей мощей отказанный бабушкой по завѣщанію въ ту же церковь.

полднемъ звала насъ къ себѣ въ спальню, затворяла дверь и читала намъ по-нѣмецки Евангеліе и Посланіе Апостоловъ „на вскрышку“, а затѣмъ заставляла говорить „Отче нашъ“ и отпускала. Признаюсь, мы, дѣти, не всегда хорошо понимали читаемое изъ толстой Нѣмецкой Библии съ картинками, но очень любили эти чтенія, такъ какъ послѣ нихъ чувствовалось какое-то праздничное настроеніе въ теченіи остальной половины дня. Въ Лютеранскую кирку (св. Петра и Павла, что на Моросейкѣ) бабушка Юлія Ѳедоровна ѣздила рѣдко. раза три-четыре въ годъ, только чтобы причаститься въ Среду на Страстной недѣлѣ у пастора Дикгофа. Мы охотно сопровождали ее, и намъ доставляло большое удовольствіе слушать прекрасный органъ и пѣть по молитвеннику псалмы, общимъ хоромъ, какъ это принято въ Лютеранскихъ церквахъ.

Особенно торжественно праздновали мы дни Рождества и Пасхи, когда исполненіе обычаевъ благочестія перемѣшивалось съ различными домашними приготовленіями и обычаями. Къ Рождеству весь домъ приводился въ чистоту и порядокъ: прислуга сметала пыль со стѣнъ, мыла подоконники и двери, вытирала мягкой бумагой окна и зеркала, чистила тертымъ кирпичемъ мѣдныя дверныя ручки, оконные приборы и печныя отдушины. Затѣмъ начиналось приготовленіе всего нужнаго для уборки ёлки и Рождественскаго стола. Особенно занимательно было печеніе домашнихъ куличей. Кромѣ нѣсколькихъ куличей и бабъ для общаго употребленія, пекли еще по куличу для каждаго члена семьи особо, различныхъ величинъ. И намъ дѣтямъ пекли по куличу или по сдобной куклѣ, у которой носъ, глаза, ротъ, пуговицы на платьѣ и поясъ изображались изюминами. Чтобы наготовить всѣ эти куличи, за три дня до наступленія праздниковъ, на верхъ, вечеромъ, приносились нужные припасы: мука, масло, сливки, сахаръ, изюмъ, корица, кардамонъ, ваниль, шафранъ, миндаль и мускатный орѣхъ. Вся семья принимала участіе въ приготовленіи тѣста для куличей: одни растирали масло съ толченымъ сахаромъ, другіе перебирали изюмъ, третьи шелушили обваренный миндаль или толкли корицу и мускатный орѣхъ въ ступкѣ. Когда тѣсто было замѣшано сливками и яичными желтками, нужно было мѣсить его деревянной лопаткой цѣлыми часами, подбавляя то сахару, то ванили, то масла. Всѣ принимали поочередно участіе въ этой нелегкой, но веселой работѣ. И намъ, дѣтямъ, разрѣшалось два-три раза повернуть лопаткою упругое, тяжелое тѣсто, для чего мы также, подражая прочимъ, подвязывали себѣ чистыя полотенца въ видѣ фартука и засучивали рукава. Веселое оживленіе свѣтилось на всѣхъ лицахъ. Нерѣдко въ этихъ приготовленіяхъ уча-

ствовали и ближайшіе друзья семьи Розовыхъ; тогда шуткамъ и смѣху не было конца.

Помню первую нашу ёлку. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть. Украшенія, лакомства, игрушки—все было куплено безъ нашего вѣдома. Мы видѣли только, что въ залу пронесли какіе-то пакеты, завернутые въ сѣрую бумагу, и большую ёлку. Входъ въ залу былъ для насъ закрытъ вплоть до вечера Сочельника. Наконецъ наступилъ желанный мигъ: насъ привели къ залѣ и поставили передъ закрытой дверью, приказавъ прочитать „Богородицу“. При послѣднихъ словахъ молитвы дверь распахнулась (я былъ увѣренъ, что отворяетъ ее ангелъ), и глазамъ нашимъ предстало чудное зрѣлище: въ залѣ, въ углу подъ образами, блистала множествомъ огней пышная зеленая ёлка, отъ которой шелъ пріятный смолистый запахъ; вся ёлка, доходившая почти до потолка, завѣшана была золотыми орѣхами, мятными пряниками, гроздьями сухого изюма, румяными Крымскими яблоками и ярко-красными леденцами, изображавшими пѣтушковъ, коней и рыбъ. Подъ ёлкой, на стульяхъ лежали подарки, покрытые листами оберточной бумаги. Мнѣ досталась лошадь, запряженная въ розвальни, сабля и серебряные эполеты. Сестра получила куклу въ сарафанѣ и кокошникѣ съ лентами, корову на колесикахъ и жестяную кухню съ посудой. Вся семья была въ сборѣ при раздачѣ подарковъ; на отдѣльномъ подносѣ, покрытомъ салфеткою, разложены были всякія сласти—финики, шептала, Французскій черносливъ, Грецкіе орѣхи въ сахарѣ, миндаль въ скорлупѣ. Мы могли лакомиться сколько угодно, но были такъ увлечены ёлкой и подарками, что ни къ чему не дотрагивались. Ёлка стояла убранная три дня, и три вечера подъ рядъ зажигали на ней свѣчи.

Приготовленія на Пасхѣ носили въ нашемъ домѣ нѣсколько иной характеръ: въ нихъ входило больше благочестиваго приѣма. Всю Страстную недѣлю соблюдали мы строгій постъ: въ Среду и Пятницу бабушка не кушала даже рыбы, и подавали къ обѣду грибную похлебку, рисовыя котлеты на постномъ маслѣ и клюквенный кисель или оладьи съ вареньемъ. Церковная служба посѣщалась всю недѣлю съ большимъ усердіемъ. Когда мы съ сестрой немного подросли, Страстная недѣля пріобрѣла для насъ особую прелесть, какъ время говѣнья. Въ Москвѣ въ концѣ Великаго поста погода обыкновенно мѣняется: снѣгъ пропадаетъ съ улицъ подъ лучами весенняго солнца, по канавкамъ мостовыхъ весело журчатъ ручейки, на мокрыхъ заборахъ неумолчно чиликаютъ воробьиныя стаи. Въ эту весеннюю пору, уже самое хожденіе въ церковь по три раза въ день доставляло намъ немалое удовольствіе.

Сильно дѣйствовало на дѣтскую душу и сознание, что мы исполняемъ важное, торжественное дѣло вмѣстѣ со старшими, что насъ какъ будто приравняли къ нимъ. Во время говѣнья мы освобождались отъ занятій и пользовались бѣльшей свободой, принимая также дѣятельное участие въ приготовленіяхъ ко встрѣчѣ Свѣтлаго Праздника.

Особенно памятно изъ года въ годъ повторявшееся, по Четвергамъ на Страстной, мытье иконъ, что дѣлалось бабушкою собственноручно (не потому ли въ Четвергъ, что въ этотъ день въ соборахъ совершается обрядъ омовенія ногъ?)

Исповѣдывались мы у нашего приходского священника, отца Погожева. Это былъ добрыйшій „батьюшка“, усердный къ службѣ и чувствительный. Онъ часто всхлипывалъ при чтеніи Евангелія и покаянныхъ молитвъ, и по его полному заросшему негустой сѣдьющей бородой лицу, нерѣдко текли слезы.

Помню отчетливо свою первую исповѣдь. Наученный няней Ольгой Матвѣевной, я едва успѣвалъ отвѣчать „грѣшенъ, батьюшка“, когда отецъ Андрей привычной скороговоркой спрашивалъ меня, восьмилѣтняго мальчика: „не ругался ли, не чертыхался ли, не клялся ли, не опивался ли?“ и т. под. Въ день причастія, въ Великій Четвертокъ, насъ одѣвали въ лучшее платье и везли къ Ржевской. Позднѣе пріѣзжала туда и бабушка Юлія Ѳедоровна поздравить насъ съ причащеніемъ и увозила домой, гдѣ мы, возбужденные и счастливые, по пріѣздѣ изъ церкви садились пить кофе съ миндальнымъ молокомъ и просвиркой.

Немало заботъ прилагала бабушка Юлія Ѳедоровна и къ нашему ученью. Сама она занималась съ нами Нѣмецкимъ языкомъ и музыкой; тетка Надежда Александровна обучала насъ Русскому языку; жившая въ надворномъ флигелѣ бѣдная дворянка Ольга Ивановна Харламова—ариѳметикъ и Закону Божьему по книжкѣ Ветхаго Заветъа Анны Зонтагъ. Для Французскаго языка приглашена была Француженка немолодыхъ лѣтъ m-me Chaudert, которая отличалась, какъ потомъ узнали, большими странностями. Впрочемъ, насъ она очень полюбила, и мы съ ней научились болтать по-французски. Ни книгъ, ни тетрадей она на своихъ занятіяхъ съ нами не допускала; все велось устно, нагляднымъ обученіемъ. Она водила насъ по комнатамъ, останавливалась передъ картинами и рассказывала намъ ихъ содержаніе. Такимъ путемъ мы быстро усвоили много словъ и выраженій, еще не умѣя ни читать, ни писать.

Вышеупомянутая Ольга Ивановна Харламова была воспитанницей такъ называемаго „Холернаго Института“, куда была принята, оставшись круглой сиротой въ холерный годъ. Бабушка познакомилась съ ней въ домъ графини Морковой, которая принимала въ ней участіе и въ домъ которой на Прѣснѣ Ольга Ивановна жила нѣкоторое время. По смерти графини, бабушка предложила О. И. Харламовой переѣхать къ намъ въ надворный флигель. Здѣсь О. И. прожила много лѣтъ, будучи принята въ семьѣ Розовыхъ, какъ близкій человѣкъ. Жизнь ея окончилась при очень тяжелыхъ условіяхъ: болѣе 17 лѣтъ пролежала она въ постелѣ, страдая сухоткой спинного мозга. Добрые люди устроили ее въ пріютъ для неизлѣчимыхъ больныхъ, гдѣ она и скончалась въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія. При своемъ мучительномъ и неизлѣчимомъ недугѣ, почти недвижимая, она до послѣднихъ дней своихъ сохранила свѣжесть ума, острую память и невѣроятную институтскую наивность. Еще за день до смерти интересовалась она нарядами и спрашивала сидѣлку о новомодныхъ шляпкахъ. Мы ее всѣ очень любили и уважали. Ее долгое время лѣчилъ извѣстный въ то время Московскій врачъ Николай Ефграфовичъ Мамоновъ. Однажды, когда Ольга Ивановна заболѣла третьимъ воспаленіемъ легкихъ, Мамоновъ пришелъ предупредить бабушку Юлію Федоровну, что больная не протянетъ и сутокъ. Ее причастили и соборовали; темныя личности, исполнявшія въ Москвѣ до учрежденія „Бюро процессій“, обязанности этихъ учреждений, появились уже во дворѣ нашего дома, чтобы не пропустить вѣрнаго заработка. Но Ольга Ивановна не оправдала ожиданій ни знаменитаго врача, ни гробовщиковъ: послѣ этой тяжелой болѣзни она прожила еще 17-ть лѣтъ, при чемъ лѣтъ на пять пережила и Мамонова. Ольга Ивановна Харламова любила забавлять насъ пѣсенкой, которая начиналась такъ: „Вотъ идетъ Петруша, черный трубочистъ; хоть лицомъ онъ черенъ, да душою чистъ“.....

Дѣтскіе годы наши проходили въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ: вся жизнь стараго дома слагалась какъ бы для того, чтобы поставить меня и сестру въ рамки правильнаго, уместнаго и нравственнаго развитія. Вопреки обычному въ то время удаленію дѣтей въ дѣтскія комнаты, въ узкій кругъ понятій, приеущихъ міровоззрѣнію нянекъ и гувернантокъ, насъ приобщали къ общей жизни всей семьи; мы проводили съ взрослыми цѣлые дни, чтѣ конечно послужило на нашу пользу именно потому, что самый строй жизни стараго дома былъ въ высшей степени патріархаленъ и строго нравствененъ. Бабушка Юлія Федоровна давала всему тонъ своихъ личныхъ примѣровъ, своей преданностью къ стародавнимъ обычаямъ, своимъ постояннымъ

служеніемъ долгу: съ 8 часовъ утра на ногахъ, причесанная и одѣтая, она начинала день молитвой передъ кіотомъ въ спальнѣ и тотчасъ же принималась за свои хозяйскія обязанности: заказывала обѣдъ, сводила счеты, выдавала деньги на ежедневные расходы, дѣлала общій обзоръ всего дома, строго выискивая съ прислуги, если гдѣ оказывался недочетъ въ чистотѣ и порядкѣ, затѣмъ шла заниматься съ нами, бралась за какое нибудь рукодѣлье, словомъ, никогда не сидѣла сложа руки. Ея хозяйскій глазъ былъ повсюду, и ничто не ускользало отъ ея зоркаго вниманія. Вотъ почему въ домѣ все блестало чистотой, все было на своемъ мѣстѣ, все дѣлалось во-время и не было ни суеты, ни безпорядка, ни препирательствъ съ прислугой. При большой расчетливости, бабушка Юлія Ѳедоровна не только не была скупой, напротивъ всегда готова была помочь нуждающемуся, выручить челоуѣка въ бѣдѣ, оказать матеріальную поддержку обиженному судьбой. Про гостеприимство ея и хлѣбосольство и говорить нечего: рѣдкій день проходилъ у насъ въ домѣ безъ званныхъ и незванныхъ гостей, которыхъ бабушка принимала съ одинаковымъ привѣтливымъ радушіемъ, и дѣлалось это не изъ чванства, а потому что ей доставляло удовольствіе видѣть за своимъ столомъ оживленное общество. Лучшимъ доказательствомъ доброты и гостеприимности Юліи Ѳедоровны служить хотя бы то обстоятельство, что двѣ бѣдныя молодыя дѣвушки, учившіяся въ одномъ пансіонѣ съ моими матерью и теткой, остановились по окончаніи курса въ нашемъ домѣ на нѣсколько дней, до отъѣзда въ провинцію, и прожили у насъ безвыѣздно, въ качествѣ гостей, семь лѣтъ!

Юлія Ѳедоровна была отличной музыканшей; она обладала рѣдкой музыкальной памятью и слухомъ и цѣлыми часами играла на память разъ прослушанныя ею вещи. Иногда брала она гитару п, акомпанируя себѣ, пѣла пріятнымъ голосомъ старинные романсы. Мнѣ особенно помнится одинъ изъ нихъ, который начинался словами: „На берегъ зыбучій собираются тучи...“ Музыка была любимымъ отдыхомъ нашей воспитательницы, и она ей посвящала послѣобѣденные часы, разучивая новыя вещи на рояли, или повторяя любимыя свои сонаты Бетховена. Мы съ сестрой всегда съ восторгомъ слушали ея игру и на всю жизнь сохранили вкусъ къ классической музыкѣ.

Замѣчательно, что Юлія Ѳедоровна не только обрусѣла и прониклась Русскимъ духомъ, но и усвоила многіе взгляды, вкусы, привычки и обычаи чисто-Русскаго свойства. Она не была чужда разныхъ стародавнихъ повѣрій и народнымъ примѣть, которыя проникали въ домъ, конечно, чрезъ прислугу. Когда мы, дѣти, недомогали, она спрыскивала насъ водою „съ уголька“, носила отъ лихорадки ладонку съ

восковыми шариками отъ свѣчи, горѣвшей за 12-ью Евангеліями; не любила встрѣчать на улицѣ духовныхъ особъ („не къ добру“); запрещала по Пятницамъ выгребать золу изъ печей („запылишь Прасковею Пятницу“); встрѣтивъ похороны, по возвращеніи домой, прикладывала обѣ ладони къ изразцамъ печи „чтобы не бояться покойниковъ“. Часто прибѣгала она къ народнымъ средствамъ лѣченіи; такъ отъ мышечныхъ болей поясницы (lumbago) или такъ называемаго „прострѣла“, прибѣгала къ такому курьезному способу: выпарившись въ Русской банѣ и вернувшись домой въ каретѣ или саняхъ съ вѣрхомъ, Юлія Ѳедоровна ложилась ничкомъ на порогъ между двумя дверями; одна изъ домашнихъ старухъ клала ей на поясницу березовый вѣникъ и трижды ударяла слегка по вѣнику топоромъ, при чемъ Юлія Ѳедоровна, лежа на порогѣ, спрашивала: „бабушка, бабушка, что сѣчешь?—старуха отвѣчала: „утинъ“. Юлія Ѳедоровна приговаривала: „сѣки хорошенько, чтобы не болѣло“. Затѣмъ она поднималась и шла къ слѣдующему порогу, гдѣ повторялась таже операція, и такъ до трехъ разъ. Своеобразное лѣченіе это называлось „присѣкать утинъ“*) и, дѣйствовало всегда успѣшно.

Какъ я сказалъ выше, вторая дочь дѣдушки Александра Ивановича Розова Надежда Александровна, младшая сестра моей матери, занималась болѣе моей сестрой Евгеніей, тогда какъ я оставался на попеченіи „старой“ бабушки Дарьи Карловны. Однако тетушка часто звала меня къ себѣ и заставляла читать вслухъ и рассказывать прочитанное. Такъ я познакомился со многими, баснями Крылова и нѣкоторыя любимыя, напр. „Котъ и поварь“, „Зеркало и обезьяна“, „Мартышка и очки“ запомнилъ наизусть, не уча. Маленькое стереотипное изданіе басень Крылова въ одномъ томикѣ, съ прелестными гравюрами, было долгое время моей любимой книгой. Мнѣ особенно нравились въ ней тѣ картинки, которыя изображали разныя домашнія помѣщенія и домашнихъ животныхъ: уголь кухни, гдѣ Васька-котъ припалъ за укуснымъ боченкомъ; освѣщенный отблескомъ луны край чердака, гдѣ мыши рѣшаются, что „силыѣе кошки звѣря нѣтъ“; кладовая съ круглыми сырами; птичій дворъ, гдѣ въ кучѣ навоза пѣтухъ нашелъ жемчужное зерно. Не опредѣляются ли вкусы всей послѣдующей жизни первыми дѣтскими впечатлѣніями? Но самое чтеніе вслухъ давалось мнѣ нелегко: привыкнувъ говорить по-нѣмецки, я часто дѣлалъ неправильныя ударенія на малознакомыхъ Русскихъ словахъ

*) Утинъ—геморрой. См. о немъ въ письмѣ царя Алексѣя Михайловича къ Пикону. „Русскій Архивъ“ 1909. П. Б.

и вызывалъ тѣмъ насмѣшки со стороны тетушки, которая не прочь была подразнить меня, называя „Чухонцемъ“ и тѣмъ доводила иногда до слезъ. Тетушка Надежда Александровна, при чрезвычайной своей добротѣ и чуткости, наследовала отъ отца умѣнье подмѣчать смѣшныя стороны и ѣдко ихъ вышучивать. Этой способностью она пользовалась и для воздѣйствія на насъ и, признаюсь, ея насмѣшливое замѣчаніе было чувствительнѣе строгаго выговора. Разъ она подмѣтила, что я склоненъ преувеличивать и сильно подняла эту черту на-смѣхъ. На меня такъ подѣйствовали ея шутки, что я, боясь преувеличить и сказать неправду, сталъ, почти къ каждому своему отвѣту прибавлять слово „кажется“. Меня папримѣръ спрашивали: „Коля, хочешь кушать?“ я отвѣчалъ— „кажется да“ или „кажется нѣтъ“, чтобы потомъ не заслужить упрека, что я преувеличилъ свой голодъ или, наоборотъ, скрылъ его. Меня отучилъ отъ этой дурной привычки мой отецъ, разъяснивши мнѣ, что мужчина-мальчикъ долженъ всегда отвѣчать смѣло и опредѣленно.

Вообще тетушка, какъ всѣ члены семьи Розовыхъ, отличалась своеобразностью и нѣкоторыми причудами. Въ ней не было ничего пошлаго, ни тѣни жеманства, которое было еще въ большой модѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка въ помѣщичьемъ сословіи. На жизнь и людей тетушка смотрѣла очень своеобразно и никогда не стѣснялась высказывать свои мнѣнія, хотя они рѣдко шли въ уровень съ обычно принятыми формулами общественности и морали. Ко всякимъ человѣческимъ слабостямъ тетушка относилась съ большою снисходительностью, но лицемеріе, зависть и сплетня были ей ненавистны, и она клеймила ихъ, гдѣ только могла. Жизнь свою она устроила очень независимо, чему, быть можетъ, способствовало то обстоятельство, что она никогда не могла похвалиться крѣпкимъ здоровьемъ. Авторитетная Юлія Федоровна, во вниманіе къ ея частымъ недомоганіямъ, не взыскивала съ нея за уклоненіе отъ установленнаго уклада домашней жизни. Такъ напр. Надежда Александровна вставала не раньше 12 часовъ, хотя весь домъ былъ на ногахъ уже съ 8-ми; пила утвенній кофе въ постели, отклоняла отъ себя всякія хозяйственныя заботы, ѣздила только въ тѣ семейные дома, которые были ей по душѣ; охотно разговаривала лишь съ тѣми, кого находила занимательнымъ. Всякое свѣтское принужденіе считала она себѣ въ тягость и потому прослыла гордой и необщительной, между тѣмъ такіе выдающіеся люди, какъ Иванъ Михайловичъ Съченовъ (профессоръ), Яковъ Петр. Полонскій (поэтъ), Николай Михайловичъ Павловъ (историкъ) часами съ ней бесѣдовали и находили ея разговоръ интереснымъ, а мнѣнія

ея смѣлыми и оригинальными. Не придерживаясь вовсе модныхъ передовыхъ взглядовъ, Надежда Александровна на многіе нравственные вопросы смотрѣла очень широко, хотя, конечно, не выходила изъ области теоріи и осталась всю жизнь вѣрной прочнымъ устоямъ дореформеннаго уклада. Уже немолодой дѣвицей, лѣтъ 38-ми вышла она замужъ за Константина Михайловича Балашова, вхожаго въ домъ Розовыхъ съ студенческихъ лѣтъ и впоследствии бывшаго профессоромъ анатоміи въ Московскомъ Университетѣ. Дѣтей Надежда Александровна никогда не имѣла и въ преклонные годы перенесла на насъ, т. е. меня и сестру мою. всю теплоту своего сердца, не знавшаго материнства.

Супруги Балашевы жили очень счастливо, и добрые знакомые ихъ нередко называли: „Филимономъ и Бавкидой“,

О супружской жизни Надежды Александровны и Константина Михайловича Балашевыхъ я буду говорить впоследствии.

Вспоминая свое первоначальное дѣтство, не могу не остановить своей благодарной памятью на личности моей няни—Ольги Матвѣевны. Она взята была въ домъ, когда мнѣ было лѣтъ пять, и прожила у насъ до окончанія моего курса въ Московскомъ университетѣ. Худоцавая, нѣсколько сторбленная, очень некрасивая лицомъ и немолодая, Ольга Матвѣевна отличалась высокими душевными качествами. Къ намъ, дѣтямъ, и особенно ко мнѣ, она была предана безгранично. Меня, еще пятилѣтняго мальчика, она не иначе называла, какъ по имени и отчеству; относясь къ намъ не только съ любовью, но и съ уваженіемъ, радовалась на насъ, но никогда не позволяла себѣ ни малѣйшей фамильярности; ея чувства къ намъ могли бы назваться поклоненіемъ, почти обожаніемъ. Она мыла насъ по очередно въ корытѣ, которое приносилося въ дѣтскую, и часами высиживала у моей постели, когда я былъ нездоровъ. Къ сожалѣнію, по ограниченности своего ума и слабости памяти, Ольга Матвѣевна не знала и не могла разсказывать сказокъ, не пѣла также и пѣсень и вообще говорила мало. Зато рѣчь ея отличалась удивительнымъ качествомъ: она употребляла часто слова, значеніе которыхъ можно было найти только въ словарь Даля. Такъ про зеркало, покрытое копотью и пылью, говорила, что оно „затускмѣное; про бѣлье, высохшее на морозѣ, что оно „уклокло“; а когда на небѣ набѣгали облака, говорила „замолаживаетъ“. Сдѣлавшись постарше, я такія необычныя слова Ольги Матвѣевны записывалъ въ тетрадку. Къ сожалѣнію, тетрадка эта у меня не сохранилась. Несомнѣнно, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ моей нянюшки являлись плодомъ ея собственнаго творчества, нерѣдко грѣшившаго противъ правилъ

фонетики. Напр. слово „ушло“ въ примѣненіи къ бѣлью, означавшее, что оно на морозѣ сдѣлалось твердое какъ дерево, какъ „колъ“, отъ корня послѣдняго, повидимому и выводилось. Слушая рѣчь Ольги Матвѣевны, можно было понять замѣчаніе Пушкина, сказавшаго, что самымъ чистымъ Русскимъ языкомъ говорятъ Московскія просфирни.

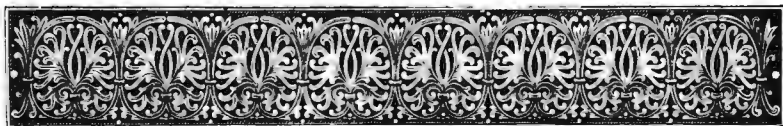
Печальное событіе въ домѣ Розовыхъ завершаетъ годы моего ранняго дѣтства: 11-го Марта 1866 г. скончался дѣдъ мой Александръ Ивановичъ Розовъ. Недѣль пять до того, возвратившись изъ бани, заболѣлъ онъ рожистымъ воспаленіемъ головы и очень ослабѣлъ втеченіе этой мучительной болѣзни; однако сталъ уже поправляться и однажды вечеромъ спросилъ себѣ кусокъ чернаго хлѣба. Бабушка Юлія Федоровна не рѣшалась сперва, безъ доктора, дать ему на ночь хлѣба, но наконецъ сдалась на его неотступныя просьбы, принесла на тарелкѣ два тонкихъ ломтика, посыпанныхъ солью, и дѣдъ скушалъ ихъ съ жадностью. Но не прошло затѣмъ и полчаса, какъ у него поднялась сильная боль подъ ложечкой. Послали за докторомъ, пробовали всевозможныя средства, ничто не могло помочь ему силы падали съ каждымъ часомъ, и подъ утро его не стало.

Передъ кончиной онъ въ полной памяти простился съ своими домашними, вспомнилъ объ отсутствующемъ сынѣ Константинѣ и простилъ его заочно, а про насъ сказалъ Юліи Федоровнѣ: „не оставляй сиротъ“. Потомъ, спросивъ, который часъ, тихо проговорилъ „конецъ, кончено“... и забылся. Это были его послѣднія слова.

Дѣдушка скончался 72 лѣтъ отъ роду и похороненъ въ Москвѣ на Даниловскомъ кладбищѣ.

С. Петербургъ. 1907 г.

Выступительная запись старца Ионы Угличскому Воскресенскому монастырю.

1691 г.

Се азъ Пошехонского уѣзду Ребиновы пустыни постриженикъ старецъ Иона далъ на себя сію запись града Углича Воскресенского монастыря архимандриту Іякову еже о Христѣ съ братією въ томъ, что приняли они меня въ пречестную обитель Воскресенского монастыря въ діаконы, и мнѣ старцу Іонѣ въ той пречестной обители быть діакономъ и ко всякой церковной службѣ быть готову и его архимандрита Іякова съ братією во всемъ слушать; а живучи въ монастырѣ хитра никакова не учинять и хмѣльнова питія не пить, а по приговору архимандрита Іякова съ братією зажилое и церковной всякой доходъ изъ кружки брать мнѣ, какъ я старецъ Иона буду діакономъ противъ прежнихъ діаконѡвъ и жить мнѣ во святѣй обители во всякомъ благочиніи и послушаніи, а пить и ѣсть за столомъ, съ братією.

А буде я старецъ Иона противъ сей записи, что писано выше сего, въ чемъ не устою или ему архимандриту Іякову съ братією послушенъ не буду или какими дѣлы не буду годенъ, и имъ мнѣ отказать, а мнѣ на нихъ не бить челомъ никоими дѣлы и никакими убытки не изубытчить.

А порукою по мнѣ сего жъ Воскресенского монастыря черной попъ Игнатій. А буде я старецъ Иона пойду прочь изъ монастыря, или откажутъ мнѣ и стану бить челомъ на архимандрита и на слугъ и что имъ учиню убытка по ихъ сказкѣ архимандрита и братіи и слугъ, взять тѣ убытки на мнѣ старцѣ Іонѣ и на порутчикѣ на черномъ попѣ Игнатіи. Въ томъ мы на себя старецъ Иона и порутчикъ и запись дали. А запись писалъ я старецъ Иона своею рукою лѣта 7199-го году Марта въ 5-е.

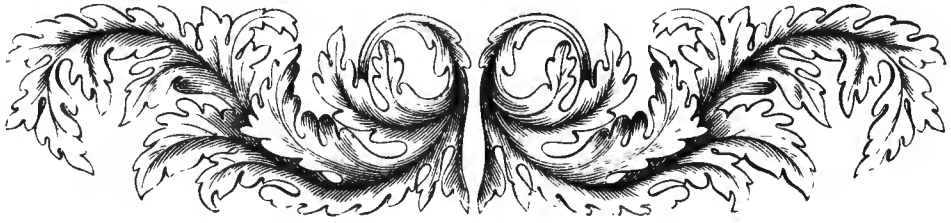
На оборотѣ:

Къ сей записи черной попъ Игнатій ручалъ и руку приложилъ.

Подлинникъ найденъ въ новооткрытомъ собраніи актовъ академика Я. И. Бередникова.

Сообщилъ И. П. Мордвиновъ.

Письмо Нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова къ оберъ-прокурору Св. Синода графу Протасову.

20 Мая 1910 г. исполнилось 60 лѣтъ со дня кончины Нижегородскаго архіепископа Іакова Вечеркова.

Пр. Іаковъ родился 4 Апрѣля 1792 г. По окончаніи курса въ С.-Пб. Духовной Академіи, онъ былъ ректоромъ Екатеринославской Семинаріи, съ 1832 по 1847 занималъ Саратовскую кафедру, а съ 1847 по 1850 г. Нижегородскую. Вызванный въ 1849 г. по желанію гр. Протасова для присутствованія въ Св. Синодѣ, онъ тамъ заболѣлъ и 20 Мая 1850 г. скончался отъ горловой чахотки. Погребенъ въ Федоровской церкви Александро-Невской Лавры.

Пр. Іаковъ въ свое время былъ извѣстенъ, какъ пламенный борецъ противъ раскола и большой любитель археологіи. Ему Нижегородская епархія обязана сохраненіемъ многихъ историческихъ документовъ, напечатанныхъ, какъ въ мѣстныхъ журналахъ, такъ и въ изданіяхъ Археографической Комиссіи. Остается пожалѣть, что самое лучшее его сочиненіе „Церковная археологія“ остается въ рукописи и доселѣ не напечатано.

Прекрасную характеристику пр. Іакова далъ намъ пр. Никаноръ Одесскій, лично знавшій покойнаго архипастыря*).

Нижегородская Архивная Комиссія, вспомяни историческія заслуги преосвященнаго Іакова, въ своемъ засѣданіи 2 Апрѣля с. г., постановила издать сборникъ, посвященный памяти его.

Въ нашемъ собраніи, въ числѣ разныхъ бумагъ, относящихся до Нижегородскаго владыки, находится и помѣщаемое здѣсь письмо архіепископа Іакова.

А. Титовъ.

Ваше сіятельство, милостивѣйшій государь!

Привожу мою искреннюю благодарность вашему сіятельству за ваше ко мнѣ вниманіе и за честь, которую мнѣ дѣлаете назначеніемъ

*) „Русскій Архив“.

меня для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ. Но я ни этого вниманія, ни этой чести не заслуживаю. Я и старъ, и боленъ, и дряхлъ, и безъ талантовъ. Я опасаюсь, чтобы кто-нибудь не упрекнулъ васъ, милостивый государь, за то, что вы выписываете такую болѣзненную и безобразную дрянъ, каковъ я, въ столицу силы и великолѣпія. За всеѣмъ тѣмъ я считаю волю правительства священною и везу дряхлыя мои кости къ мѣсту назначенія, въ надеждѣ, что правительство милосердное или будетъ терпѣть мои недостатки, или сдѣлаетъ назначеніе соответственное моей дряхлости, и тѣмъ исполнить то, о чемъ воздыхаетъ мое сердце. Буди воля Божія!

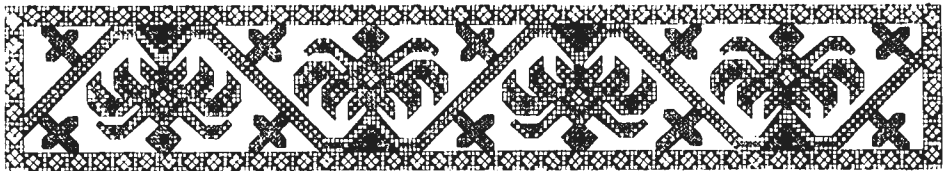
Вслѣдствіе причинъ, прописанныхъ вашимъ сіятельствомъ, я спѣшу явиться въ С.-Петербургъ. Отъѣздъ мой изъ Нижняго долженъ быть дней чрезъ пять. Мнѣ благопріятствуетъ дорога: она съ неглубокимъ снѣгомъ, безъ яминъ и успокоительна. Такова дорога, по крайней мѣрѣ, близъ Нижняго.

Примите меня, ваше сіятельство, подъ особенное ваше покровительство и тѣмъ подкрѣпите меня. По крайней мѣрѣ, не браните меня за то, что я рѣшаюсь ѣхать въ столицу, не имѣя качествъ, достойныхъ столицы. Главный мой недостатокъ состоитъ въ томъ, что я, по болѣзненному состоянію и по врожденной мнѣ робости, не могу служить въ церквахъ особенно огромнаго размѣра, бодро и безъ подслужки. По этой же причинѣ я не могу носить парчевого облаченія и дорогихъ тяжелыхъ митръ. Блистательная публика въ церкви—смерть для меня. Въ провинціи, въ своей епархіи, я кое-какъ изворачиваюсь и отстраняю отъ себя все тревожное, но въ столицѣ этого сдѣлать нельзя: тамъ не моя воля. Помогите мнѣ въ этомъ дѣлѣ, исходатайствуйте мнѣ прощеніе по недостаткамъ служенія, когда это будетъ нужно.

Съ отличнымъ высокопочитаніемъ и душевною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Іаковъ, архіепископъ Нижегородскій и Арзамасскій.

1849 года, Декабря 7 дня.

**Письмо И. У. Палимпсестова къ оберъ-прокурору Св. Синода
К. П. Побѣдоносцеву.**

Ваше превосходительство, глубокочтимый Константинъ Петровичъ. Я позволилъ себѣ вчерашняго дня послать вамъ рѣчь, сказанную мною на юбилеѣ о. ректора здѣшней Духовной Семинаріи. Не юбиляра имѣла рѣчь моя въ виду, но питомцевъ семинаріи, ихъ же число доходить до 700. Имъ-то нужно было выслушать отъ сѣдой головы: „блюдите како опасно ходите, яко дніе лукави суть“. Рѣчь моя выслушана была съ глубокимъ вниманіемъ со стороны этой молодой семьи, которая по выходѣ моемъ изъ актовъ залы сдѣлала мнѣ самую шумную, какъ теперъ говорятъ, овацію.

Наступилъ мнѣ 69 годъ, и замѣчаю, что старость на плечахъ и на ученую работу становлюсь не способнымъ. Живу болѣе прошедшимъ, чѣмъ настоящимъ; вспоминаю видѣнное, слышанное и пережитое. Прошедшаго года написалъ свои воспоминанія объ именитомъ нашемъ витіи Иннокентіѣ, который, приблизивши меня къ своему дивному свѣту, можно сказать, возродилъ меня. Я многое зналъ объ этомъ дивномъ во святителяхъ Русской церкви, чего другіе не знаютъ, и не желалъ бы, чтобы это знаемое ушло со мною въ могилу. Съ прошедшаго Марта моя рукопись (изъ которой должно выйти по крайней мѣрѣ 12 печатныхъ листовъ) дожидается очереди въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, и еще недавно безцѣнный Михайлъ Никифоровичъ повторилъ, что она у него на очереди: но когда придетъ эта очередь?...

Пиша мои воспоминанія о незабвенномъ Иннокентіи, я между прочимъ припомнилъ, что онъ училъ меня, какъ читать богодухновенное вѣщаніе пророка Давида. И вотъ я хожу по Московскимъ церквамъ и читаю Шестопсалміе. Чаще мой голосъ раздастся, достигая самыхъ отдаленныхъ уголковъ, въ обширномъ храмѣ Богоявленія, что на Елоховѣ. Нерѣдко дѣти еще на паперти кричатъ мнѣ: дѣдушка, почитай! а взрослые чуть не кланяются мнѣ до земли. Читалъ недавно

въ крестовой нашего дивнаго изъ дивныхъ святителя, владыки-митрополита. Въ прошедшемъ году читалъ въ здѣшной семинарской церкви и слышалъ отъ о. ректора: какой урокъ вы преподали намъ!—О если бы, о. ректоръ, спасительный....

Что чтеніе нашихъ богослужебныхъ книгъ въ духовныхъ семинаріяхъ упадаетъ, не подлежитъ малѣйшему сомнѣнію. А ничего нѣтъ легче возстановить его: 1) на экзаменахъ производить испытаніе и въ чтеніи, во всѣхъ классахъ, и за худое чтеніе уменьшать по балу по всѣмъ предметамъ; 2) призывать въ крестовыя церкви на всенощныя для чтенія питомцевъ семинаріи, какъ дѣлалъ это богомудрый святитель Іаковъ Саратовскій. Были нѣкогда призваны въ крестовую церковь для чтенія шестопсалмія риторы Ив. Гр. Терсинскій и я. О сколько было пролито горькихъ слезъ за худую отмѣтку по чтенію, которую получилъ я, до сихъ поръ убѣжденный, что я читалъ лучше моего коллеги! Мы были равнаго роста, и духовникъ архіерейскій приснопамятный о. Меѳодій (назвавшій насъ въ дому Отца Небеснаго, собачьими дѣтьми) перемѣшалъ насъ*).

Но простите за длинное сказаніе. Всею душой и всѣмъ сердцемъ преданный вамъ д. с. с. Ив. Палимпсестовъ.

Москва, 5 Ноября 1886.

Сообщено покойнымъ К. П. Побыдоносцевымъ.

*) Покойный митрополитъ Леонтій настойчиво требовалъ, чтобы въ Московской Духовной Семинаріи отчетливое чтеніе Священнаго Писанія и духовныхъ молитвъ поставлено было во главу всего обученія. Кратковременное служеніе Леонтія на Московской митрополичьей кафедрѣ не дало ему возможности произвести полнаго въ этомъ отношеніи преобразованія. П. Б.

ПИСЬМА 1812 ГОДА*).

Въ первые мѣсяцы роковаго 1812 года, когда фунтъ сахару продавался по два рубля и за прекращеніемъ торговли съ Англіею стѣснена была наша внѣшняя торговля, когда Русскій Государь торопился встрѣчать на дворцовомъ военномъ парадѣ подъѣзжавшаго торжественно Французскаго посла, когда „отъ Запада узрѣли мы Батю“ (выраженіе Жуковскаго), и Россія, по свидѣтельству того же посла и по несомнѣнному преданію, находилась наканунѣ увидѣть на престолѣ Екатерину Третію, въ это тяжкое время имѣло важное, хотя не показное, значеніе семья министра финансовъ Дмитрія Александровича Гурьева (1751—1825) и его супруги, Прасковьи Николаевны, рожденной гр. Салтыковой, у которой были большія связи при дворѣ и въ обществѣ. Д. А. Гурьевъ съ 1809 года былъ министромъ финансовъ, а зять его графъ К. В. Нессельроде, прослуживъ при князѣ Куракинѣ въ Парижѣ, отлично зналъ весь ходъ нашихъ отношеній къ Наполеону. Нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Н. П. Румянцовъ устарѣлъ, и дѣлами этими занимался при Государѣ князь Гр. Ив. Канкринъ (даровитый любитель наукъ); предпочтеніе, оказанное сему послѣднему Марьею Антоновною Нарышкиною, было причиною его устраненія, и мѣсто его занялъ осторожный и получившій въ Берлинѣ строгое образованіе, 32-хъ лѣтній графъ К. В. Нессельроде. Государь, послѣ ссылки Сперанскаго, уѣхалъ въ Вильну и оставался въ Сѣверо-Западномъ краѣ до половины Іюля мѣсяца. П. Б.

Графъ К. В. Нессельроде къ графинѣ П. Н. Гурьевой, своей тещѣ.

Вильна, 27 Апрѣля 1812 г.

Кочубей, Шинковъ и Балашевъ присоединились, наконецъ, къ намъ: теперь не достаетъ одного Армфельдта.

*) Извлечены изъ четвертаго тома изданія: *Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode* (Извлеченія изъ первыхъ двухъ томовъ см. выше, стр. 129). Этимъ превосходнымъ изданіемъ, съ примѣчаніями и указателями, ввукъ канцлера графъ Анатолій Дмитріевичъ Нессельроде, принесъ драгоценный вкладъ въ сокровищницу нашей исторіографіи. П. Б.

28 Апрѣля. Вчера мы снова говорили съ Николаемъ¹⁾ на счетъ его денежныхъ обстоятельствъ. Выяснилось, послѣ сдѣланнаго нами полнаго всему подсчета, что ему необходимо, даже при самой большой бережливости, отъ 800 до 1000 р. въ мѣсяцъ, пока его лошади не перейдутъ на казенный кормъ. Сѣно, въ здѣшнихъ мѣстахъ, 1 р. 10 к. сер. за пудъ, и многіе говорятъ, что скоро будетъ выгоднѣе давать лошадямъ чаю. Николай надѣется, что всѣ наши убытки покроются вскорѣ выгодными предпріятіями Александра.

*

Вильна, 13 Мая 1812.

Графъ Левъ Потоцкій передастъ тебѣ, дорогой другъ, четыре пакета. Онъ вполнѣ приличный человѣкъ и не безъ ума, кажется. Постарайся, чтобъ къ нему отнеслись съ нѣкоторымъ вниманіемъ. Онъ ѣдетъ въ Петербургъ на время войны и чтобъ отдалиться отъ Польскихъ происковъ.

Со времени нашей разлуки это первый вѣрный случай, которымъ я пользуюсь, чтобъ поговорить съ тобой безъ стѣсненій обо многомъ, что я не рѣшался довѣрить фельдегерю, зная, изъ достовѣрнаго источника, какъ всѣ письма вскрываются. Почта, по прибытіи въ Петербургъ, доставляется Визмитинову, гдѣ ее такъ перебираютъ, что одинъ восторгъ! Состояніе печатей на твоихъ письмахъ доказываетъ мнѣ, что и они не избѣгаютъ общей горькой участи. Поэтому, умоляю тебя, не касайся политики, развѣ только черезъ самыя вѣрныя руки. На счетъ этого подозрительны больше, чѣмъ когда либо, и я имѣлъ много доказательствъ тому, за время моего пребыванія здѣсь.

Мое личное положеніе продолжаетъ быть прекраснымъ, не смотря на сильную стычку мою съ канцлеромъ Румянцевымъ, въ которой побѣда осталась за мной, чего онъ не проститъ мнѣ во вѣки. Здоровье его плохо какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи, но подобная агонія затяжна въ томъ и другомъ отношеніи. Другъ его Аракчеевъ болѣе чѣмъ когда либо хорошо принятъ при дворѣ, и вѣроятно вернется на свое прежнее мѣсто. Фельдмаршалъ Гудовичъ подалъ въ отставку, и Растопчинъ замѣститъ его. Генералъ Эссенъ получитъ Рижскую губернію, а князь Лобановъ²⁾ другую должность. Боюсь, что ему дадутъ роль примирителя, такъ какъ ничего нѣтъ невѣроятнаго, что намъ будетъ въ томъ надобность. Вѣсти изъ Герма-

¹⁾ Николай и Александръ Гурьевы; это братья супруги графа Нессельроде, графини Марьи Дмитріевны.

²⁾ Кн. Дмитрій Ивановичъ, заключавшій вмѣстѣ съ кн. Куракинъ Тильзитскій миръ.

ни самыя миролюбивыя, а Великій Мужъ, принявшій такъ хорошо все, чтò доставилъ Сердобинъ¹⁾, только затѣмъ и прибылъ въ Дрезденъ, чтобъ заключить миръ. Внуши ему, Боже, подобное намѣреніе, и ничто не помѣшаетъ ему остаться на вѣки вѣрнымъ этому намѣренію. Я достовѣрно узналъ здѣсь, что, по прежнему, впутываются въ государственныя дѣла, что Кампенгаузенъ ведетъ очень дѣятельную переписку прямо съ Государемъ на счетъ финансовъ, а Розенкамфъ съ барономъ Армфельдомъ; что Голубцовъ, тайкомъ, душа всей этой каверзы, и очень хлопочетъ вернуться на свое прежнее мѣсто²⁾. Для твоего отца я болѣе всего желаю, чтобъ Голубцовъ успѣлъ въ своихъ хлопотахъ, но для Россіи всего менѣе. Это несчастное министерство принесло бы твоему отцу, въ случаѣ войны, много непріятностей, а положеніе его такое, что не видишь, какъ бы онъ изъ него вышелъ. Мнѣ кажется, однако, что онъ долженъ всегда имѣть эту мысль въ виду; въ концѣ концовъ при неутомимомъ своемъ искусствѣ онъ, безъ сомнѣнія, достигъ бы своей цѣли.

Точно также же стараюсь я не терять свою цѣль: всегда есть и будутъ назначенія внѣ Россіи. Я никогда не заблуждаюсь на счетъ моего настоящаго положенія, какъ оно ни блестяще и какъ ему ни завидуютъ. Надѣюсь, что Господь пошлетъ мнѣ силу воли и здравый смыслъ, чтобъ не поддаться обольщеніямъ. Я счастливъ, что ты, дорогой другъ, одинаково мыслишь со мной относительно этого. Меня болѣе всего прельщаетъ, въ случаѣ заграничной службы, возможность быть неразлучно съ тобой.

Графиня Нессельроде къ своему супругу.

С.-Петербургъ, 16 Мая 1812 г.

Я выѣзжаю по вечерамъ только ко двору. Вчера, сверхъ ожиданія, былъ приемъ у Императрицы Елисаветы. Давали водевиль, перелѣанный изъ одного разсказа кн. Шаховскаго, времянь Петра Великаго, очень подходящаго къ настоящимъ событіямъ, и гдѣ можно найти намеки на Государя. Говорится о Полтавской битвѣ и славѣ нашихъ войскъ; появляются гвардейцы въ старой формѣ, чтò вызываетъ общее удовольствіе. Все просто, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возвышенно. (Очень много въ піесѣ о нѣкоемъ доблестномъ полковникѣ казацкаго отряда, Кочубѣ, попавшемъ въ руки Мазепы и казненномъ имъ, за отказъ примкнуть къ его партіи. На сценѣ этого нѣтъ, мнѣ разсказали

¹⁾ Это воспитанникъ А. Б. Куракина, посла нашего въ Парижѣ.

²⁾ Т. е. быть министромъ финансовъ.

все это послѣ. Выборъ напѣвовъ прелестенъ и чисто народный. Представленіе очень мнѣ понравилось и меня разстрогало. Конецъ вечера провели натянуто и однообразно. Послѣ скоро поданнаго ужина мы откланялись, такъ что все кончилось до 11 часовъ.

Графъ Нессельроде къ своей супругѣ.

Вильна, 1-го Іюня 1812.

Не вѣрь всему, что пишетъ этотъ Ольденбургскій принцъ; въ большинствѣ случаевъ его сужденія такъ же не вѣрны, какъ ограниченъ его умъ. Какая разница между нимъ и его отцомъ, которому совсѣмъ не придаютъ у насъ никакого значенія!

Графиня Нессельроде къ своему супругу.

Каменный Островъ, 22 Іюня 1812 г.

Отецъ убѣдительно проситъ тебя сообщить ему, конечно съ оказіей, не слышалъ ли ты, что уже провѣдали объ его письмѣ къ Государю и объ запискѣ относительно финансовъ, составленной секретнымъ комитетомъ и посланной одновременно съ его письмомъ. Комитетъ состоялъ изъ фельдмаршала*), князей Лопухина, Горчакова, Вязмитинова и отца, который изложилъ членамъ Комитета положеніе финансовъ, въ то время, когда состоялось назначеніе его министромъ, всѣ измѣненія, которыя онъ сдѣлалъ въ нихъ и предложилъ годъ тому назадъ Государю и мѣры, на случай возможности того, что мы теперь переживаемъ. Представь себѣ, что ему всего только и дано знать въ отвѣтъ, что еще рано заботиться объ этомъ, какъ будто подобныя дѣла устроятся однимъ днемъ! А теперь Государь самъ первый удивляется, что деньги рѣдки и пишетъ своей августѣйшей рукою фельдмаршалу, чтобъ онъ искалъ, не найдеть-ли онъ сокровищъ въ своемъ министерствѣ. Отцу очень непріятно это; его письмо и записка Комитета были вызваны этимъ отзывомъ.

Отецъ справедливо жалуется на Барклая за его недостаточную съ нимъ откровенность и за молчаніе на его вопросы. Дѣлались тайныя вооруженія, безъ извѣщенія о нихъ министра финансовъ, тогда какъ до очевидности ясно, что первыя не могутъ обойтись безъ втораго. Барклай соглашается на извѣстную назначаемую ему сумму, а нѣсколько недѣль спустя проситъ нѣсколько милліоновъ добавочныхъ.

*) Т. е. князя Н. И. Салтыкова.

Никакая голова не справится съ подобными безпорядками; къ тому же (но не по винѣ отца) запоздали съ бюджетомъ, что повлекло несвоевременное поступленіе въ государственную казну слѣдующихъ ей суммъ. Все что можно добавить по этому поводу послужить отцу къ успокоенію совѣсти. Общественное мнѣніе, рѣдко или почти никогда не принимающее во вниманіе всѣхъ доводовъ, обрушивается на министра. На письмо отца пока еще не послѣдовало отвѣта; я сильно сомнѣваюсь, чтобъ согласились на просимое имъ увольненіе. Для него это будетъ большое счастье; но я понимаю, что Государю въ настоящую минуту невозможно принять его отставку. Уволить во время войны министра финансовъ равносильно признанію несостоятельности казны. О фельдмаршалѣ общій отзывъ, что давно не было такого справедливаго и дѣятельнаго. Отецъ пользуется его полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ, и это не смотря на то, что онъ теперь далеко не въ милости.

Со вступленіемъ Французовъ въ наши границы, городскіе толки, понятно, усилились; всѣ напуганы (пока еще безъ основанія) уступкою Наполеону такого пространства. Тошно слышать всѣ эти безполезные пересуды, когда мы не сегодня-завтра узнаемъ о ближайшихъ послѣдствіяхъ и можно будетъ обсуждать планы кампаніи. Увѣряютъ еще, будто голосъ Фуля первенствуетъ въ военномъ совѣтѣ. Если это вѣрно, то не къ добру, такъ какъ его военная тактика погубила Пруссію. Мятѣжный духъ, царствующій во всѣхъ частяхъ принадлежащей намъ Польши, озабочиваетъ и пугаетъ меня не менѣе войны. Слѣдовало-бы принять необходимыя предосторожности и не довѣрять странѣ, по всей вѣроятности наполненной предателями и во всемъ за одно съ нашими врагами. Я видѣла недавно одну Польку, г-жу Шуазель, которая далеко не успокоительно говорила мнѣ о чувствахъ Поляковъ относительно Россіи. При малѣйшей неудачѣ нашей, они откроютъ свои карты. Скажи мнѣ, пожалуста, препятствуютъ-ли, по крайней мѣрѣ, ихъ сношеніямъ съ Французами? Увѣряю тебя, что я только объ этомъ и думаю теперь; ненавижу ихъ столько же, какъ и опасюсь и жду отъ нихъ возстанія и рѣзни. Ты посмѣешься, быть можетъ, надъ моими словами, но мнѣ сдается, что есть для нихъ основаніе.

Что говорить князь Волконскій на счетъ даннаго ему въ товарищи Паулуччи? Пенять за это ему не на кого: не онъ-ли самъ содѣйствовалъ его блестящей карьерѣ, выдвигая его постоянно, такъ что кто-то предсказывалъ, что онъ подъ конецъ сядетъ ему на шею, что и случилось? Награды, полученныя этимъ господиномъ, тѣмъ болѣе удивляютъ, что ему слѣдовало быть подъ судомъ за все продѣланное имъ

въ Грузіи; не по его-ли милости погибла тысяча человекъ Русскихъ, и между ними немало знатныхъ, такъ что вся страна возмущена? Кажется, достаточно. Весь дипломатическій корпусъ, до разрыва, очень жаловался на графа Александра¹⁾, по поводу его нерѣшительности: онъ постоянно отказывался отъ какихъ бы то ни было словесныхъ передачъ, требуя на все письменныхъ, что очень стѣсняло; мало-ли что можно сказать, чего не напишешь? Онъ не стыдился показывать, что у него не было никакихъ полномочій. Говорятъ, что канцлеръ вернется со всѣмъ своимъ штатомъ, такъ что вся переписка будетъ на тебѣ; но у насъ осталось такъ мало дружественныхъ державъ, что у тебя будетъ много времени для переписки со мною.

Находятъ, что первый бюллетенъ плохо составленъ; однимъ словомъ, все осуждается; кто меня серьезно выводитъ изъ себя, это толстякъ-канцлеръ и князь-раздума²⁾, какъ я его прозвала, съ нѣкотораго времени, идущіе за всѣми въ этомъ! Вотъ два существа, которымъ страшно всегда везло, но которыя не умѣли пользоваться этимъ, особенно по части службы. И они-то осмѣливаются кричать о стойкости, при своей всѣмъ извѣстной безхарактерности и неумѣніи справиться съ чѣмъ бы то ни было. Лакей канцлера почти ежедневно пьянъ, и онъ не можетъ образумить его, объясняя это тѣмъ, что все недоумѣваетъ, какое избрать наказаніе. А князь-раздума громко говоритъ о томъ, что слѣдуетъ беречься ненадежныхъ особъ, какъ напр. Татищева, способнаго передать ты знаешь кому. Миѣ сдается, что онъ уже во многомъ повихнулся умомъ. Совсѣмъ не понимаю, какъ можно судить да рядить, останавливаться на мелочахъ, въ такое время, когда должно быть одно на умѣ: спасти отечество! Отъ разныхъ неосторожныхъ толковъ происходятъ только раздоры.

Говорятъ, что на время отсутствія канцлера его дѣлами будетъ завѣдывать Армфельдтъ, что никому не по душѣ. Многіе говорятъ, что на него нельзя ни въ чемъ положиться, такъ что мое мнѣніе о немъ пошатнулось, не смотря на увѣренность, что ты не раздѣляешь этого общаго о немъ мнѣнія. Поясни миѣ, правда-ли, что на него возложить дѣла канцлера, и что онъ въ такой высокой милости. Сами дипломаты не иначе говорятъ объ Армфельдтѣ, какъ о форменномъ предателѣ.

По моему, справедливо осуждаютъ ваше пребываніе въ Вильнѣ. Если въ планъ кампаніи входило не отстаивать этого мѣста, лучше

¹⁾ Кто это? П. Б.

²⁾ Т. е. канцлеръ графъ Румянцовъ и князь Н. П. Салтыковъ.

было бы и не вступать въ этотъ городъ. Не смотря на дурные отзывы Государя о Новосильцовѣ, онъ снова въ большой милости у него. Мы знаемъ, изъ вѣрнаго источника, что его приняли какъ стараго друга, какъ человѣка съ замѣчательными способностями, тогда какъ онъ только великое ничтожество. Какъ и многое другое, это служить доказательствомъ непостоянства чувствъ, и какъ мало можно рассчитывать на нихъ. И этого жалкаго господина посылають въ Англію, гдѣ смѣялись надъ нимъ.

Каменный Островъ, 27 Іюня 1812 г.

Меня такъ всегда смѣшитъ, что ты, при твоихъ передвиженіяхъ за войскомъ, начинаешь писать мнѣ какъ будто военный, говоришь о длинныхъ, утомительныхъ переходахъ, и это когда ты ѣдишь въ коляскѣ шестеркой¹⁾. Какъ же выходитъ, что ты при этомъ такъ медленно передвигаешься? Интересно бы знать, зачѣмъ тащатъ васъ дипломатовъ, когда дѣла для васъ никакого нѣтъ. Распустили бы лучше васъ по домамъ, а когда придетъ время переговорамъ, тогда бы и вызвали.

Все что ты мнѣ пишешь объ очаровавшемъ васъ всѣхъ Анштетѣ, начинаеть меня убѣждать, что въ Петербургѣ къ нему относятся несправедливо.

Каменный Островъ, 3 Іюля 1812 г.

Мнѣ очень понравилась мысль переправить моремъ весь дипломатическій корпусъ²⁾, состоящій изъ семидесяти человѣкъ, считая съ прислугой. Всѣхъ ихъ это приводитъ въ бѣшенство, и я воображаю, какъ ихъ всѣхъ помучаетъ морская болѣзнь. Бывшаго въ Лифляндіи Брайя заставили ѣхать назадъ. Досадно, что Пардо позволили, вмѣсто моря, ѣхать сухимъ путемъ, и даже черезъ Ригу. Разрѣшеніе это онъ получилъ, будучи самымъ хитрымъ и тонкимъ изъ всей компаніи! Остальные рассчитываютъ высадиться въ Мемелѣ. Я ѣдила кататься и замѣтила Лористона³⁾, на набережной; странно, что онъ еще не уѣхалъ.

Графъ Нессельроде къ своей супругѣ.

Изъ похода, въ 24 верстахъ отъ Дорогобужа, 21 Іюля 1812 г.

Мы помѣщены здѣсь въ чудномъ замкѣ, принадлежащемъ Вакселю; комнаты великолѣпны, какъ и оранжерея. Сады по старому устройству,

¹⁾ Графъ Нессельроде былъ знакомъ и съ военною службою: въ царствованіе Павла онъ состоялъ въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ.

²⁾ Т. е. представителей тѣхъ Европейскихъ державъ, которыя по приказанію Наполеона очутились въ войнѣ съ Россіею.

³⁾ Посла Наполеонова.

и все здѣсь такъ не вяжется съ войною, что я, при господствующемъ здѣсь полномъ спокойствіи, совсѣмъ забываю о ней. Но завтра же весь я снова буду занятъ ею во всѣхъ ея подробностяхъ, и если не найду въ Дорогобужѣ извѣстій о главнокомандующемъ, то отправлюсь за ними въ Смоленскъ.

Великій Князь возвратился въ главную квартиру; а Государь, увѣряють, уѣхалъ въ Петербургъ. Вотъ будетъ досадно, что онъ не приказалъ мнѣ ѣхать съ собой! Распечатываю письмо, чтобъ сказать, что Багратионъ и Барклай соединились подъ Смоленскомъ.

Вязьма, 27 Іюля 1812 г.

Мы направляемся отсюда къ Гжатску, гдѣ и останемся выжидать развязки. Какъ видишь, пули до меня не дойдутъ. Армія дѣйствуетъ между Витебскомъ и Смоленскомъ. Ты уже знаешь конечно о блестящихъ бояхъ Торماسова и Витгенштейна. Дай Богъ, чтобъ и обѣ главныя арміи также отличились. Повтори отцу, что онъ совершенно вѣрно судилъ о Барклаѣ, а я ошибался въ этомъ; но при всемъ этомъ, планъ военныхъ дѣйствій такъ хорошъ, а армія такъ подготовлена, что все кончится отлично. Соединеніе съ Багратиономъ удвоило подъемъ духа въ войскахъ. Смоленское дворянство отличается; я встрѣтилъ вчера одного молодого помѣщика Карабанова: онъ ведетъ свой небольшой конный отрядъ въ наилучшемъ настроеніи.

Гжатскъ, 2 Августа 1812 г.

Со вчерашняго дня, я въ наипрїятнѣйшемъ городкѣ Гжатскѣ, гдѣ предводителемъ большой говорунъ Савеловъ, но не нашъ Петербургскій, а Борисъ Петровичъ. Сегодня онъ пренаивно говорилъ намъ о своемъ родствѣ съ Дмитріемъ Александровичемъ Гурьевымъ, который, будто, постоянно освѣдомляетъ его обо всѣхъ Петербургскихъ новостяхъ. Анштеть*) счелъ очень умѣстнымъ тутъ же объявить ему, что я имѣю честь быть зятемъ Гурьева! Хвастунъ, услышавъ это, поблѣднѣлъ какъ смерть, и чтобъ мы ему извинили его вранье, прислалъ намъ множество дынь, вишенъ и всякихъ съѣстныхъ припасовъ. Кромѣ этого онъ далъ намъ Петербургскихъ газетъ отъ 25, а твое послѣднее письмо было еще отъ 14, что очень меня огорчило и помѣшало прочесть съ должнымъ вниманіемъ обо всѣхъ безпримѣрныхъ жертвахъ нашего дворянства. Мы скоро этими пожертвованіями составимъ чудесную армію, которая, ввѣренная такому искусному генералу, какъ Кутузовъ, разсѣетъ малѣйшія опасенія.

*) Состоявшій въ Русской службѣ для составленія извѣстій о ходѣ войны и помѣщенія ихъ въ заграничныхъ газетахъ. Онъ былъ вхожъ и въ ставку Кутузова.

Графиня Нессельроде къ своему супругу.

Каменный островъ, 7 Августа 1812 г.

Вотъ уже нѣсколько дней какъ г-жа Сталь здѣсь. Я видѣла ее у княгини Долгорукой, у Орлова, а затѣмъ она была у насъ. Я въ восторгѣ отъ ея ума и отъ простоты, съ которой она выражается, а еще и отъ того, что она, хотя и не знакома съ тобою лично, но говорить съ великой благодарностью о тебѣ за оказанныя тобою ей небольшія одолженія. Ей очень хочется, чтобъ ты вернулся до ея отъѣзда, который состоится дней черезъ 10—15.

Государь ѣдетъ завтра въ Або, на свиданіе съ Шведскимъ наследнымъ принцемъ. Онъ беретъ съ собою очень немногихъ; между ними и канцлера, опередившаго его на два дня.

Не имѣю еще ничего важнаго сообщить тебѣ, кромѣ слуховъ о замѣнѣ Барклая Кутузовымъ; но, пока, это еще не рѣшенное дѣло.

Анштетъ къ графу К. В. Нессельроде.

Леташово, 6 Октября 1812 г.

Я лежалъ, почти задыхаясь, когда составлялъ для иностранныхъ газетъ прилагаемую при семъ статью¹⁾. Это подлинная суть всего происшедшаго и имѣющаго совершиться. Я знаю, что мои письма здѣсь вскрываютъ и тѣмъ притупляютъ мое перо. Найдите способъ устранить это. А пока чтò, долгъ чести обязываетъ меня сказать вамъ, не смотря на интриги и подушій вѣтеръ: „уважайте г-жу Фоссъ“. Она вчера сказала маленькой Терезѣ²⁾ то чему вы очень удивитесь. Когда я узнаю кто поѣдетъ, поясню вамъ, въ чемъ дѣло, и умоляю васъ сообщить это Государю.

Пока я вамъ пишу, идетъ сраженіе, и я надѣюсь, что до отправки письма могу вамъ сообщить что-нибудь радостное. Будетъ настоящее чудо, если мнѣ удастся раздобыть вамъ бюллетень, составленный на основаніи журнала: до того трудно добиться этого. Для меня, прошедшаго черезъ такія важныя обстоятельства, конечно, это странно. Нужды нѣтъ! Постоянство мой девизъ. Какъ это вамъ вѣроятно извѣстно, нѣтъ дня, чтобъ мы не имѣли по сотнѣ плѣнныхъ. Третьяго дня казаки устроили уморительную штуку. Прикрытые кустарникомъ, они пустили

¹⁾ Этаго приложенія не имѣется.

²⁾ Кто эти г-жа Фоссъ и Тереза, не знаемъ.

на веревкѣ барана. Изголодавшіеся караульные непріатели тотчасъ бросились къ нему и были всѣ перехвачены, при чемъ одинъ изъ этихъ усачей жалѣлъ только о томъ, что не пришлось полакомиться бараниной. Чтобъ вамъ дать понятіе, чтѣ у нихъ за лошади, расскажу вамъ какъ одинъ ихъ гусарь, нагоняемый нашими, бросилъ своего коня, пустился бѣжать и на вопросъ, когда его уже поймали, зачѣмъ онъ соскочилъ съ коня, отвѣчалъ: „а чтобъ скорѣе удрать“. Только одна гвардія сохранила еще своихъ лошадей въ хорошемъ состояніи, но и она скоро сдѣлается пѣшею, а артиллерія безъ лошадей, если мы продолжимъ усвоенные нами приемы нападенія, не вступая въ бой и сжигая на 20 верстѣ вокругъ Французской арміи до послѣдней соломенной крыши. Для 24 казачьихъ полковъ это очень легкое дѣло. Представьте себѣ, до чего я буду счастливъ сообщить вамъ, что все это перешло въ дѣйствительность. Надѣясь, что мы съ вами свидимся зимою въ Вильнѣ. Присутствіе Государя въ этомъ городѣ необходимо: онъ заставилъ себя въ немъ обожать и увидитъ всѣхъ у своихъ ногъ. Прошу васъ истолковывать въ самомъ широкомъ смыслѣ все, чтѣ я подчеркиваю.

5 часовъ. Генераль Беннингсенъ вернулся послѣ блистательнаго дѣла. Французы прогнаны за 14 верстѣ; взято 33 пушки, одно знамя, болѣе 1600 фуръ. Этимъ завершился день. Добыча казаковъ, покрывшихъ себя славою, подъ командою графа Орлова, невѣроятна: такъ много отбито обоза. Плѣнныхъ около 1000 человекъ, остальныхъ прикончатъ пиками. Для нашихъ рекрутовъ и ополченцевъ сегодняшній день очень полезенъ: они теперь считаютъ себя непобѣдимыми!

Убитыхъ у насъ около 200 человекъ, мало раненыхъ, офицера ни единого, кромѣ бѣднаго Богерваля, сраженнаго ядромъ. Вся честь настоящаго дѣла принадлежитъ всецѣло Беннингсену. Господи! Какой бы я вамъ составилъ бюллетень, дайте мнѣ только всѣ свѣдѣнія.

У меня одно теперь желаніе, и я вамъ открою его: самое бы время теперь Государю вернуться, тогда успѣхъ будетъ во всемъ. Онъ долженъ насладиться славою, принадлежащей освободителю Европы. Вы по совѣсти не должны скрыть этого отъ нашего повелителя, но нужно это сдѣлать лично.

Перехваченное письмо Француза, адресованное къ господину*.**

(Помѣчено 13 Октября 1812 г.)

Настоящее письмо берется доставить вамъ, мой дорогой и добрый другъ, Sanit ***, котораго доблестная рана обратила въ число изувѣ-

ченныхъ этой войною. Только черезъ такія надежныя руки возможно дать волю такъ долго тайнымъ размышленіямъ. Вамъ, наставнику моей юности, вамъ служащему мнѣ во всемъ примѣромъ, я открою всю правду.

Васъ наводняютъ лживыми бюллетенями; повѣствуютъ о побѣдахъ, когда мы во всѣхъ схваткахъ терпѣли поражение, и невѣжественная толпа, зная, что мы въ Москвѣ, вѣрять этому. Дѣйствительно, мы были въ этомъ громадномъ, чудномъ городѣ, вмѣщающемъ въ своемъ обширномъ пространствѣ роскошь всевозможныхъ архитектуръ; но какъ мы его достигли? Послѣ битвы много ужаснѣе Аспернской и Ваграмской, послѣ этой ожесточенной битвы подъ Можайскомъ, когда мы вынуждены были отступить за наши позиціи, вопреки нашему численному превосходству, вопреки сверхъестественной храбрости и такому неслыханному по сей день количеству артиллеріи, непоколебимо отстаивая поле сраженія въ продолженіи 18 часовъ! Въ этой битвѣ мы лишились отборнѣйшихъ храбрецовъ нашихъ и лучшихъ генераловъ. Но, къ великому нашему удивленію, сами Русскіе очистили намъ путь къ своей столицѣ. Можно было приписать это къ излишнему ихъ самопожертвованію, и ихъ генералы не ошиблись въ своемъ расчетѣ: мы дали себя вовлечь въ эту ловушку. И что же мы нашли въ этой сулимой намъ Капуѣ, съ вѣрнымъ миромъ и богатѣйшей для войска добычею? Гордо возвышающійся городъ, оставленный всѣми его жителями, дворцы безъ обстановки, пустыя дома, куда ни единый чедовѣкъ не вернулся, не смотря на наши прокламаціи, отеческія увѣщанія и официальные приглашенія! А тѣмъ временемъ Русская армія повернула на наши коммуніціонныя линіи. Численность ея растетъ съ каждымъ часомъ. 20 тыс. казаковъ носятся вокругъ нашихъ войскъ, на своихъ лихихъ коняхъ, захватывая все, что отдалится хоть на 60 шаговъ отъ арміи.

Сдѣланная нами сильная атака, для прочищеніе дороги, была отбита съ большимъ для насъ урономъ. Всѣ наши точки опоры, какъ городъ Верея напр., были взяты штурмомъ. Непрїателемъ захвачено въ плѣнъ съ начала кампаніи 44 тыс. чедовѣкъ, а болѣзни и голодъ причиняють самыя жестокія опустошенія въ пору, какъ говорятъ еще не холодную, а намъ кажущуюся настоящей зимою.

При такихъ-то критическихъ обстоятельствахъ, Императоръ, какъ намъ извѣстно, послалъ къ Императору Александру съ предложеніями мира. Но захотятъ-ли еще ихъ допустить эти предложенія къ передачѣ?

Мы окружены со всѣхъ сторонъ. Всѣ губерніи вооружились; на всемъ пространствѣ нашихъ продовольствій все уничтожено; уже

теперь мы впрягаемъ по 22 лошади подъ каждую пушку; что же станетъ съ нашимъ громаднымъ артиллерійскимъ паркомъ?

Вотъ къ чему насъ привело безмѣрное честолюбіе, которато не насытили безчисленныя славныя побѣды, ни первый тронъ въ Европѣ!

Урокъ начался еще въ Испаніи. Россія довершаетъ его, но при совершенно иныхъ обстоятельствахъ. Испанію можно было усмирить, или она вернула бы себѣ независимость; въ обоихъ случаяхъ, большая часть Европы осталась бы во власти Франціи; теперь-же вся Европа освобождена. Да, мой другъ, она стала свободною съ того времени, какъ Россія успѣла завлечь врага въ самое свое сердце, съ минуты, когда она великодушно пожертвовала своимъ долготѣннымъ благосостояніемъ для спокойствія остальныхъ, не жалѣя крови своей, чтобъ дать возможность Европѣ возстановить прежній общественный порядокъ и замѣнить царствующія теперь повсюду нищету и опустошеніе временами довольства и счастья.

Я знаю, что вы упрекнете меня въ моемъ разглагольствованіи привычкою говорить съ трибуны, какъ въ учредительномъ собраніи; скажете, что я преувеличиваю бѣдствія ожидающія нашу армию, напечатайте объ отступленіи 10 тысячъ! *) Буду счастливъ, если вернется столько и у насъ; но я не рассчитываю быть въ ихъ числѣ! Я не хочу смотрѣть на трауръ, въ который облечется моя родина, а долженъ только отдать за нее жизнь. Вы прольете по мнѣ слезу и скажете, при этомъ, что честолюбецъ въ коронѣ, если онъ бичъ народовъ, непременно² будетъ бичемъ и для своего отечества.

Прощайте, дорогой другъ. Болѣе чѣмъ когда-либо цѣню всѣ ваши мудрые совѣты. Это послѣднее засвидѣтельствованіе благодарнаго сердца.

Анштетъ къ графу Нессельроде.

Дѣтчино, 15 Октября 1812 г.

Я имѣлъ честь провести нѣсколько часовъ съ фельдмаршаломъ. Нечего и говорить, что я воспользовался этимъ. Коновницынъ присутствовалъ тутъ же. Я говорилъ о славѣ, ожидающей его свѣтлость, на что онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что его единственное желаніе, чтобъ непріятель вышелъ изъ Россіи. „Въ такомъ случаѣ ваша свѣтлость, возразилъ я ему, вы для отечества не сдѣлаете ничего. Россіи необходимо вознагражденіе за всѣ принесенныя ею жертвы и когда ей такъ

*) Т. е. Грековъ, по разказу Ксенофонта. П. Б.

возможно освободить Европу, какъ не въ настоящее время? Вознагражденіе будетъ въ обезпеченіи мира всей Европы въ теченіе десяти лѣтъ. А достигнуть этого возможно, если Висла будетъ течь въ ея владѣніяхъ, Австрія сдѣлается снова ея авангардомъ, а для Рейнскаго союза прекратится зависимость отъ Франціи, такъ же какъ и для Швейцаріи. Безъ этого, повторяю, ничего не сдѣлается ни для собственнаго, ни для общеевропейскаго счастья, а только дастся перемиріе“. Отвѣтомъ мнѣ была только улыбка, опредѣлить значеніе которой не могу. Думая, что я веду секретную переписку, Толь и Коновницынъ возлагаютъ на меня подвинуть Князя къ дѣйствию. Всякая роль хороша, если можетъ содѣйствовать успѣху въ дѣлѣ.

Его свѣтлость не преминулъ сообщить о двухъ ночахъ, проведенныхъ имъ на бивуакахъ, что, дѣйствительно, вѣрно. Не дай только Богъ, чтобъ послѣдствіемъ этого оказалось распоряженіе къ отступленію! До него никогда не долетаютъ ядра; но все рѣшается на основаніи рапортовъ, часто одинъ другому противорѣчущихъ, смотря по тому, кто ихъ представляетъ. Господи! Чего бы мы уже достигли теперь, не будь мы такими медлителями! Изводитъ Наполеона медленнымъ огнемъ—планъ очень разумный; но для этого самаго не нужно давать ему ни минуты покоя, ни терять его изъ виду, а соприкасаться съ нимъ непрестанно, и все, чѣмъ онъ рискуетъ для спасенія остающаго, немедленно уничтожать.

Послѣ Бородинской битвы фельдмаршалъ выразился: „я далъ здорovou оплеуху Бонапарту“. А онъ могъ влѣпить ему и вторую 7-го и 13-го.

Добыча казаковъ громадная. Не считая захваченныхъ ими пушекъ, они отбили вчера походную типографію и цѣлую коллекцію картъ. Съ своей стороны Чичаговъ долженъ славно воевать, если только хорошо согласовалъ всѣ движенія. Вся суть теперь въ томъ, чтобъ разбить Виктора до его соединенія: тогда война кончится однимъ сраженіемъ.

Пользуюсь особой посылкой для доставленія вамъ этихъ строкъ, такъ какъ всѣ письма безъ исключенія вскрываются въ главной квартирѣ.

По дорогѣ въ Ельну, въ 32 верстахъ передъ Дорогобужемъ,
27 Октября 1812 г.

15^о морозу, вся земля покрыта снѣгомъ, но ничто не останавливаетъ армію быстро преслѣдующую, со всѣмъ своимъ обозомъ, непріятеля, который бросаетъ свой, такъ же какъ и пушки и больныхъ и отсталыхъ, для ускоренія своего бѣгства. Только когда самъ видишь

все происходящее, повѣришь дѣйствительности. Генераль Пельтиѣ, взятый близъ Вязьмы, сказалъ, что Наполеонъ сдѣлалъ громадную ошибку, сохранивъ болѣе 100 орудій; что выгоднѣе было бы бросить 500 пушекъ, лишь бы придти въ Смоленскъ со всей арміей; онъ, вмѣсто этого, лишился половины своихъ пушекъ въ сраженіяхъ, которыя не могъ не принять, и въ ежедневныхъ стычкахъ, уйти отъ которыхъ онъ не имѣлъ силъ: такъ была изнурена его кавалерія. Наша же была въ наилучшемъ состояніи, и 20 тыс. казаковъ заняли всѣ дороги и въ тылу и во фрунтъ непріятели, а каждый крестьянинъ былъ заклятымъ его врагомъ. Эта картина, нисколько не преувеличенная и сдѣланная Французскимъ офицеромъ, должна удручающе подѣйствовать на союзниковъ Наполеона. Подсчитывая жалкіе остатки этой безчисленной арміи, подобно Вандаламъ вторгшейся въ Россію, имъ придется дать отчетъ Богу за всю пролитую кровь, за оскверненіе церквей и за всѣ убійства и грабежи. Вмѣстѣ съ этимъ, Европа знаетъ цѣну безстыднымъ бюллетенямъ Наполеона, въ которыхъ лжи такъ же много, какъ и клеветы и гдѣ смѣшное соперничаетъ съ невѣроятнымъ. Россія уже вознаграждена полученными трофеями за прежнія потери, и каждый день приноситъ ей новыя успѣхи. Вчера непріятельскій отрядъ засѣлъ въ Дорогобужѣ, но послѣ очень недолгой нашей атаки долженъ былъ сдаться въ числѣ 800 чел., отдавши и пушки. Авангардъ и не былъ еще въ дѣлѣ, слѣдуя по большой Дорогобужской дорогѣ, а главная армія продолжаетъ свой фланговый путь. Съ 6-го числа рапорты гласятъ только о числѣ взятыхъ пушекъ, знаменъ, плѣнниковъ и убитыхъ враговъ. Ни въ какую войну не было подобныхъ бюллетеней! Нужно, однако, прибавить, что ко всѣмъ неудачамъ Французской арміи въ военномъ отношеніи, ее страшно изводитъ изнурительная лихорадка.

29-го 11 ч. вечера.

Ура! ура! ура! Не правъ-ли я былъ, ручаясь вамъ за гибель Наполеона и освобожденіе Европы лишь только прибудетъ Апраксинъ? Ура! Ура! Ура!

По пути въ Смоленскъ, 27 Окт. 1812 г.

Всѣ расчеты Наполеона и современной философіи потерпѣли крушеніе въ ихъ примѣненіи къ Русскому народу. Никакой народъ до сихъ поръ не выказалъ столько отваги, вѣрности и самоотверженія; всѣ причиненныя ему войной бѣдствія побудили его только оцѣнить свое прежнее благосостояніе. Рѣдкій изъ крестьянъ не обагривъ своихъ рукъ въ непріятельской крови; у многихъ изъ нихъ есть теперь огнестрѣльное оружіе подобранное на полѣ сраженія или отнятое у Францу-

зовъ. У нѣкоторыхъ по пяти ружей въ однѣхъ рукахъ. А въ рукахъ народа оружіе всегда опасно. Нищета въ мѣстностяхъ, гдѣ шла война, будетъ ужасная, а полицію никогда не поспѣютъ достаточно скоро преобразовать. Поэтому, крайне важно тотчасъ-же сдѣлать распоряженіе о возвратѣ оружія крестьянами тѣхъ мѣстностей, которыя очищены отъ непріятеля. Общанная главнымъ штабомъ пятирублевая награда за каждое ружье мало подѣйствовала; по моему, нужно-бы въ церквахъ объявить, что всякій, доставившій въ назначенное мѣсто свое оружіе, получитъ на него номеръ и будетъ считаться его собственникомъ. Ружья починять и приведутъ въ настоящій видъ, а всякому добровольно представившему свое ружье будетъ дано 5 р. въ награду. Точно также и съ пиками. Собравши ихъ, слѣдуетъ освятить, какъ послужившимъ на спасеніе отчества, а затѣмъ, снявъ съ нихъ желѣзные наконечники, припрятать послѣдніе въ надежное мѣсто.

Рѣшаюсь на такія разсужденія отъ чистѣйшаго усердія, по опыту во время революціи, и по многимъ недавнимъ наблюденіямъ, сдѣланнымъ на мѣстѣ.

Отъ князя Кутузова къ Русскому послу въ Константинополь Италинскому.

Главная квартира, 7 Ноября 1812 г.

Милостивый государь,

Посылаю вамъ съ поручикомъ Фрейшамомъ свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ по 17 Октября. Я общалъ вашему превосходительству обстоятельнѣйшія подробности обо всѣхъ дѣлахъ, что исполняю сего-дня, приказавъ сдѣлать вѣрную копию со всѣхъ моихъ реляцій. Вы найдете въ нихъ, за время съ 17-го Октября по нынѣшнее число, извѣстія о цѣломъ рядѣ успѣховъ, захватовъ пушекъ и людей въ числѣ и количествѣ, на которыя мало примѣровъ въ бывшихъ доселѣ войнахъ. Судите, какъ мнѣ пріятно воздать должное предводимому мною войску. Возблагодаримъ Провидѣніе: оно такъ явно намъ покровительствовало! Мнѣ довелось еще разъ познакомить непріятеля со всѣми муками голода, до питанія лошадинымъ мясомъ: нашлись такіе, которые питались и человѣческимъ. Не останавливаюсь на подобныхъ ужасныхъ картинахъ, но я не могъ не плакать при видѣ храбрыхъ Мусульманъ питающихся мясомъ своихъ коней! Французы заслужили такое ужасное возмездіе за всѣ ими оскверненныя святыни. Мнѣ желательно, господинъ посоль, чтобы вы передали все мною сообщенное моему старому другу Ахметъ-пашѣ. Онъ знаетъ, что я никогда ничего не преувеличиваю. Думаю, что онъ съ нѣкоторымъ удовольствіемъ

узнаётъ, что я не забывалъ его, изготовляя вамъ всѣ настоящія подробности.

Анштетъ къ графу Нессельроде.

Изъ главной квартиры въ Реваншкѣ, 20 Ноября 1812 г.

Милордъ Вальполь выѣхалъ, недѣля тому назадъ, къ мѣсту своего назначенія. Князь-фельдмаршалъ снабдилъ его паспортомъ на имя Генриха Веннера, Американца, и прибавилъ къ этому самыя точныя приказанія для границъ. Его свѣтлость соблаговолилъ дать ему очень продолжительную аудіенцію, отъ которой Вальполь въ восторгѣ. Онъ могъ судить о нашихъ успѣхахъ въ продолженіи своего пути. Дѣйствительно, лучше всякихъ бюллетеней его убѣждали въ нихъ дороги покрытыя непріятельскими трупами, ранеными, плѣнными, пушками и фурами. Я, съ своей стороны, далъ ему, моему давнишнему знакомцу, всѣ желанныя имъ подробности о Вѣнѣ. Я снабдилъ его запискою о внутреннемъ, домашнемъ составѣ кабинета Франца I-го, указавши ему, какъ сойтись со всѣми этими лицами, не имѣющими большаго положенія, но очень вліятельными по своей короткости съ Императоромъ.

Вильна, 30 Ноября 1812 г.

Лишь только фельдмаршалъ узналъ о переходѣ Наполеона черезъ Березину, онъ тотчасъ же рѣшилъ отправиться немедленно въ 3-ю армію. Ѣхалъ онъ на курьерскихъ и, не смотря на трудности дороги, въѣхалъ въ Вильну 29-го, въ 6 ч. вечера.

Никогда такъ не оправдывалось изреченіе, что, подь часъ, не вѣришь и своимъ глазамъ: до того невѣроятно, чтобъ съ Молодечны до Вильны, въ сплошную, лежали трупы, пушки и брошенные обозы. Въ недѣлю не собрать этихъ трофеевъ. Передъ самой Вильной точно послѣ большаго сраженія! Чтобъ выбраться на улицы, приходится переходить черезъ груды наваленныхъ труповъ, человѣческихъ и лошадиныхъ. Бѣгство Французовъ было такое быстрое, что они давили одинъ другого: кто падалъ, черезъ того шли слѣдующіе, не давая ему подняться. Наполеонъ не посмѣлъ войти въ Вильну, а съ отрядомъ изъ 1500 человекъ опередилъ войско и направился въ Ковно. Физически невозможно даже одной трети изъ остатковъ великой арміи послѣдовать за Наполеономъ. Холодъ и голодъ покончатъ съ тѣми, кого пощадилъ Русскій штыкъ. Тѣ 20 пушекъ, которыя еще удержала гвардія, могутъ уже считаться нашими. При этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ вырисовываются характеры личностей.

Мюратъ не измѣнилъ себѣ: переправившись черезъ Березину, онъ провелъ цѣлый день за переливаніемъ въ слитки ризъ, содранныхъ съ иконъ! Онъ предусмотрительно хотѣлъ сдѣлать этотъ запасъ, такъ какъ доходы его съ Неаполитанскаго королевства очень сомнительны.

Между Нѣмецкими офицерами общій говоръ (и это говорятъ самые спокойные изъ нихъ), что если Наполеонъ ускользнетъ изъ Русскихъ рукъ, то они его убьютъ. Но Кимвры не убили Маріа; неужели Наполеонъ, мечтавшій его превзойти, будетъ такъ же счастливъ? До Смоленска наружный его видъ ничѣмъ не выдавалъ его безпокойства. Даже тамъ, говоря о волненіяхъ, бывшихъ въ Парижѣ, онъ выразился: „Какъ видно, я имъ больше не нуженъ. Ну чтожь пускай выберутъ другого. Посмотримъ, какъ онъ съумѣетъ дѣйствовать“. Но это наружное спокойствіе покупалось злоупотребленіемъ крѣпкими напитками, чего за нимъ не водилось прежде. Въ Смоленскѣ онъ велѣлъ продать свое вино въ арміи и сжечь его столовое бѣлье. Одѣтъ онъ въ сѣрый съ потертыми локтями сюртукъ, а на шеѣ оранжевый галстукъ. Вице-король, въ парадной формѣ, обыкновенно близъ него. Вотъ перечень его приближенныхъ: Нансуті, Викторъ, Удинъ, Даву, Ларибуазіеръ, Виллатъ, Коленкуръ. Одно время, изъ офицеровъ, которымъ нечего было дѣлать за неимѣніемъ войска, было составлено два батальона; они разстали сами по себѣ.

Никакая человѣческая сила не сможетъ воспрепятствовать побѣдоносной арміи вступить въ Январѣ, въ Варшаву, если это входитъ въ планъ кампаніи, громадныя выгоды которой, нужно тотчасъ же удержать за собой. Слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ герцогствѣ Польскомъ собрано уже 26 тысячъ рекрутовъ, по большей части экипированныхъ.

Недѣлю тому назадъ посланцы конфедераціи выѣхали изъ Вильны, направившись въ Гродно. Генераль Гогендорпъ, бывшій здѣсь губернаторомъ, очень нажился разными хищеніями.

Консуль Лесепсъ или взять въ плѣнъ, или убить. У Наполеона осталось семь фургоновъ серебряной монеты; они прошли въ прошлый Понедѣльникъ.

Графъ Нессельроде къ своей супругѣ.

Вильна, 13 Декабря 1812 г.

Я, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, чувствую себя хорошо, но не могу свыкнуться съ мыслью о новой съ тобой разлукѣ. Дѣла идутъ отлично, даже превосходятъ всякое описаніе. Въ Петербургѣ

извѣстна только половина того, что на самомъ дѣлѣ. Не имѣю достаточно времени сообщить тебѣ подробнѣе. Кутузовъ въ Тильзитѣ, Платовъ идетъ на Гумбиненъ. Фельдмаршалъ получилъ Георгія 1-ой степени. Государь обратился къ генераламъ съ рѣчью очень трогательной.

Пріѣздъ его произвелъ наилучшее впечатлѣніе. Всѣ отъ него въ восторгѣ. Всѣ, безъ исключенія, жаждали увидѣть его. Я на прежней моей квартирѣ; а сосѣдомъ моимъ князь Петръ*). Аиштедтъ заслужилъ любовь арміи. Коновницынъ пожалованъ въ генераль-адъютанты; онъ одинъ изъ самыхъ достойнѣйшихъ у насъ мужей.

Платовъ извѣщаетъ, что ему некого преслѣдовать и что крестьяне въ Пруссіи распрекрасно убиваютъ Французовъ.

Предполагаютъ, что Наполеонъ и 15 человекъ его свиты направляются, черезъ герцогство, въ Дрезденъ.

Меритцъ, 29 Декабря 1812 г.

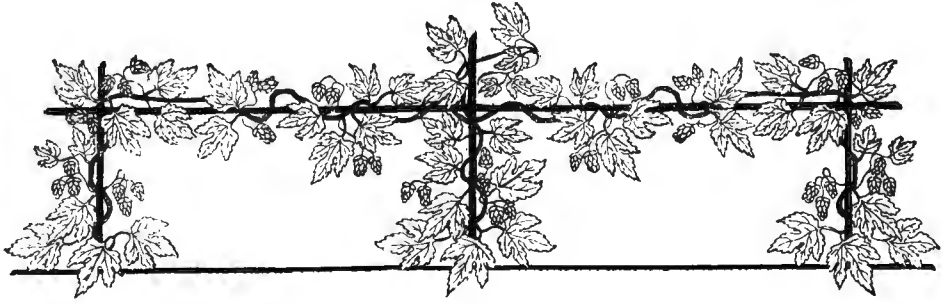
Трудно себѣ представить восхищеніе, выражаемое Пруссаками намъ и Витгенштейну. Одинъ помѣщикъ, жена котораго разрѣшилась въ день взятія Полоцка, не крестилъ ребенка до прибытія Витгенштейна, не желая другого ему крестнаго отца, помимо этого храбраго генерала.

Меритцъ, 31 Декабря 1812 г.

Завтра мы перейдемъ Нѣманъ, и я надѣюсь, что за нимъ и помѣщенія будутъ немного лучше. Скоро подступимъ и къ Вислѣ; Чернышевъ, можетъ быть, уже тамъ въ настоящую минуту. Какъ видишь, вся исторія съ его отправкою въ Вѣну и съ Анненской лентой избрѣтена милѣйшимъ Петербургомъ.

*) Князь Петръ Михайловичъ Волконскій.

СОБЫТІЯ ВЪ УФѢ ВЪ СВЯЗИ СЪ ПУГАЧЕВСКИМЪ БУНТОМЪ.

Въ 1772 году 1 Октября Уфу осадили сподвижники и сообщники Пугачева, Чика и Губановъ. Первый титуловалъ себя не иначе, какъ графомъ Чернышевымъ, а второй (по происхожденію купеческій сынъ) называлъ себя полковникомъ „его величества“.

Не задолго до этой кровопролитной осады, именно въ Мартѣ 1771 г., въ Уфѣ случилось загадочное явленіе. Въ мѣстномъ Смоленскомъ соборѣ (теперешній Троицкій) сталъ по временамъ слышаться особенный звонъ въ его сводахъ. Странный гулъ начинался изъ холоднаго собора, проходилъ по сводамъ къ Никольскому придѣлу и здѣсь затихалъ. Сильнѣе всего звонъ раздавался во время утрени, именно при чтеніи шестопсалмія. Иногда онъ былъ такъ громокъ, что заглушалъ собою чтеніе, и оно въ такихъ случаяхъ на время пріостанавливалось. Это явленіе не было чьею-нибудь выдумкою. Свидѣтелями его были, прежде всего, весь городъ, потомъ самъ воевода Уфимскій Алексѣй Никифоровичъ Борисовъ и протопопъ соборный Невѣровъ. Равнымъ образомъ этотъ глухой, но въ тоже время густой, гулъ началъ приводить въ невольный страхъ ночныхъ часовыхъ, а также все окружающее соборъ населеніе, которое, пробуждаясь отъ звона и приходя въ смятеніе, прибѣгало ко всевозможнымъ предположеніямъ и суевѣрнымъ объясненіямъ. „Во избѣжаніе дальнѣйшихъ кривотолковъ и для устраненія повода къ унынію“ вышепоименованные воевода Уфимскій и протопопъ соборный сочли необходимымъ донести каждый по своему начальству о необыкновенномъ явленіи, которому они сами были свидѣтелями-очевидцами. По донесеніи протопопа Невѣрова Вятскій епископъ снесся съ Оренбургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ Рейндсорфомъ, который прислалъ въ Уфу военныхъ инженеровъ для возможно-тщательнаго обслѣдованія собора и подробнаго обо всемъ ему донесенія. Инженеры, послѣ продолжительнаго наблюденія за звономъ и изслѣдованія сводовъ храма, пришли къ тому предположенію, что звонъ происходилъ отъ желѣзнаго креста, подъ которымъ были положены желѣзныя связи; крестъ былъ укрѣпленъ слабо, или отъ вѣтра распатался и, упираясь нижнимъ концомъ въ связи, производилъ шумъ, подобный глухому звону. Послѣ того крестъ укрѣпили. Но, не смотря на весьма правдоподобное объясненіе загадочнаго явле-

нія, звонъ слышался, и потомъ, впродѣ до 1 Октября, т. е. до того памятнаго дня, когда полки Чики, Зарубина и Губанова появились подъ Уфою и стали лагеремъ въ виду города, у деревни Чесноковки (Теперь это довольно бойкое село, видное съ горнаго Уфимскаго берега, ведетъ оживленную торговлю огородными овощами).

Съ появленіемъ мятежниковъ напуганному воображенію Уфимскихъ жителей найденъ былъ исходъ—и звонъ прекратился.

На ряду съ описаннымъ явленіемъ въ Уфѣ наблюдалось другое. Какъ и теперь, такъ и въ то время на колокольнѣ монастыря къ кресту было прикрѣплено металлическое изображеніе ангела, которое по волѣ вѣтра обращается въ разныя стороны. Теперь это женскій, очень богатый монастырь, всѣ строенія въ немъ просторныя, а тогда былъ здѣсь мужской монастырь съ убогой деревянной церковью. Въ 1772 г. монастырскій ангелъ остановился въ одномъ положеніи, обратившись лицомъ въ ту сторону, откуда должна была придти бѣда, именно онъ обратился къ деревнѣ Чесноковкѣ, которая вскорѣ и сдѣлалась станомъ Пугачевскихъ полчищъ. Не смотря ни на какіе вѣтры и осеннія бури, ангелъ продолжалъ держать свой ликъ по направленію непріязненнаго стана до тѣхъ поръ, пока правительственныя войска не разбили мятежниковъ и не вступили въ осажденный городъ. Съ тѣхъ поръ и по сіе время ангелъ свободно обращается во всѣ стороны свѣта и служить для простаго народа показателемъ благополучія города.

Послѣ пережитыхъ ужасовъ осады, жители Уфы были свидѣтелями и очевидцами печальной судьбы Чики и Губанова. Разбитые подъ Уфою правительственными войсками, они были захвачены и отвезены сначала въ Москву, гдѣ 5 Января 1775 г. ихъ вывели на площадь во время казни Пугачева. Отсюда ихъ тогда же на ямскихъ подводахъ, за крѣпкимъ конвоемъ, отправили къ мѣсту ихъ подвиговъ—въ Уфу и заключили въ застѣнокъ, который находится въ колокольнѣ стараго (въ то время Смоленскаго) Троицкаго собора. Колокольня эта и теперь почти въ томъ же видѣ. Въ 1772 г., какъ разъ предъ началомъ Пугачевщины въ Уфѣ, она пошатнулась и по настоянію воеводы Борисова была въ верхней части разобрана. Нижній ярусъ остался нетронутымъ. Здѣсь съ давнихъ поръ, съ основанія Смоленскаго собора, т. е. основанія и самого города Уфы въ 1579 году, былъ устроенъ застѣнокъ или потайная (въ народѣ—пытанная). Тутъ производились пытки надъ преступниками. Орудіями пытокъ въ этомъ застѣнкѣ были: утка, Хивинскій поясъ и кнутъ. Утка это—деревянные тиски, въ которыя сжимали голову преступника, а Хивинскій поясъ—широкая веревочная лента съ иглами, каковой лентою и обертывали тѣло пытаемаго.

Вотъ въ этотъ-то застѣнокъ въ колокольнѣ Смоленскаго собора и были посажены привезенные изъ Москвы Чика и Губановъ. Здѣсь они томились до 16 Февраля 1775 г. Въ этотъ день, окруженные солдатами и драгунами, одѣтые въ саваны, съ зажженными свѣчами въ рукахъ, въ сопровожденіи одного

изъ соборныхъ священниковъ, они были выведены на казнь. На высокомъ берегу рѣки Бѣлой, въ срединѣ тогдашней Уфы (теперь Старая Уфа), въ виду собора былъ устроенъ эшафотъ, который обложили соломой и хворостомъ. Чика, какъ Татаринъ, сначала былъ повѣшенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ неоднократно дѣлалъ приступы къ Уфѣ, а Губановъ, какъ купеческій сынъ, обезглавленъ на торговой площади. На плахѣ Губановъ сказалъ, что его семья невинна въ его дѣлѣ и совершенно не причастна въ его побѣгѣ къ Пугачеву и что если бы не его семья, которая нечаянно осталась въ Уфѣ, особенно малолѣтки дѣти, которыхъ онъ любилъ, городъ былъ бы обращенъ въ пепель, а всѣ жители были бы истреблены.

Палачи, обезглавивъ преступниковъ, разнесли ихъ головы, руки, ноги по колямъ, а трупы сожгли вмѣстѣ съ эшафотъ и прахъ развѣяли по вѣтру.

Вскорѣ послѣ описанныхъ событій, когда взволнованный Башкирскій край понемногу сталъ успокоиваться, въ Ноябрь 1775 г., въ Уфу по высочайшему повелѣнiю прибылъ извѣстный уже тогда Александръ Васильевичъ Суворовъ. Въ то время въ Уфѣ былъ расквартированъ драгунскій полкъ, оставшійся здѣсь для окончательнаго замиренiя Башкирскаго края. Квартира генераль-майору Суворову была отведена въ домѣ одного заводчика Ивана Евдокимова Демидова. Полкъ былъ размѣщенъ по высокому берегу р. Бѣлой, гдѣ теперь такъ называемая Набережная улица. Здѣсь были устроены и конюшни для лошадей. Неподалеку былъ перевозъ, какъ и теперь, и единственный подъѣздъ съ рѣки къ горному берегу.

Начальство приготовило Суворову торжественную встрѣчу. Для того воевода и комендантъ отправились далеко за городъ; а этотъ высокiй посѣтитель остался и здѣсь вѣрять себѣ. Онъ сказался адъютантомъ Суворова и въ простой рогожной кибиткѣ проѣхалъ мимо пышной встрѣчи въ городъ, прямо на отведенную генералу квартиру. Начальство долго поджидало Суворова. Наконецъ завидѣли его экипажъ. Во всей формѣ, съ немалымъ страхомъ, приблизились они къ повозкѣ и стали рапортовать о городѣ сидящему въ ней. Каково же было изумленiе начальствующихъ, когда сидящiй, выслушавъ ихъ, спокойно сказалъ, что они рапортуютъ не Суворову, а его деньщику, что самъ Суворовъ давно уѣхалъ съ послѣдней станицы и теперь долженъ быть уже въ Уфѣ. И пришлось Суворову у себя встрѣчать начальство Уфы.

Суворовъ въ Уфѣ прожилъ пять дней. Однажды онъ вздумалъ лично провѣрить состоянiе конюшенъ драгунскаго полка. Объ этомъ никто не зналъ, кромѣ часового, которому Суворовъ строго запретилъ говорить кому-нибудь изъ начальства или солдатъ. Осмотрѣвъ все, что было нужно, онъ на слѣдующiй же день сдѣлалъ выговоръ полковому командиру и офицерамъ за непорядокъ въ конюшняхъ, за то, что такiя-то и такiя-то лошади всю ночь были безъ корма и т. п. Командиръ и офицеры, услышавъ такiя подробности, сразу догадались, что генералъ самъ былъ въ конюшняхъ и все видѣлъ, почему и не посмѣли оправдываться.

Нѣкоторое время спустя, жители Уфы были свидѣтелями новаго загадочнаго явленія, имѣвшаго связь съ тѣмъ же бѣдствіемъ, т. е. съ Пугачевскимъ бунтомъ. При городничемъ, надворномъ совѣтникѣ Павловѣ, вышло высочайшее повелѣніе о сформированіи въ Уфѣ особаго мушкатерскаго полка. Во время формированія этого полка офицеры, солдаты и многіе изъ гражданъ города стали поговаривать, что въ ночное время въ Смоленскомъ соборѣ сталъ показываться особый свѣтъ, не похожій на огонь отъ зажженныхъ свѣчъ, происходящій какъ бы отъ постоянной молніи. Скоро по городу стали ходить преувеличенные слухи, взволновавшіе общество, почему рѣшено было донести о необыкновенномъ явленіи по начальству. Разслѣдованіе пришло къ такому заключенію. Въ старину въ соборѣ было похоронено много знатныхъ людей. Черезъ сто лѣтъ къ собору былъ пристроенъ теплый пристрой на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ раньше было кладбище и гдѣ, между прочимъ, погребены были и павшіе во время осады Уфы. Видимый во храмѣ огонь и былъ ничто иное, какъ фосфорическія испаренія, исходившія отъ труповъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объяснило слѣдствіе. Черезъ нѣсколько времени свѣтъ сталъ показываться рѣже, съ меньшей силой, а потомъ и совсѣмъ прекратился. Но и послѣ этого у жителей осталось, сомнѣніе въ естественномъ происхожденіи явленія, и многіе склонны были приписывать его сверхъестественной силѣ, знаменующей какое-нибудь событіе въ будущемъ.

Въ связи съ вышеизложенными событіями и явленіями нельзя не упомянуть еще одного важнаго для Уфы событія. Это—уничтоженіе страшнаго Уфимскаго застѣнка, бывшаго при Смоленскомъ соборѣ, въ которомъ производились пытки и въ которомъ, какъ извѣстно, томились передъ своею казнью сподвижники Пугачева Чика и Губановъ. Уничтоженіе застѣнка совпало съ радостнымъ событіемъ, именно, съ посѣщеніемъ Уфы императоромъ Александромъ Благословеннымъ. При своемъ вступленіи на престолъ новый государь между другими благодѣяніями для народа издалъ повелѣніе объ окончательномъ уничтоженіи въ Россіи пытокъ. Пытки были запрещены еще при Екатеринѣ Великой, но зло было такъ сильно, пустило такіе глубокие корни, что новый государь вынужденъ былъ обнародовать свое повелѣніе объ отбѣнѣ пытокъ, причемъ выразилъ желаніе, чтобы „и самое слово *пытка* изгладилось изъ памяти народной“.

Въ 1824 г. 1 Сентября въ 7 часовъ вечера, Уфа встрѣчала Благословеннаго. Государь съ перевоза изволилъ отправиться сначала во временную квартиру, въ домъ станичнаго атамана Данилы Петровина, для перемѣны дорожной одежды. Переодѣвшись Государь прослѣдовалъ въ соборъ, гдѣ на паперти его встрѣтило духовенство во главѣ съ преосвящ. Амвросіемъ. (Это былъ уже четвертый епископъ со времени открытія въ Уфѣ епископской каедры). Государь приложился къ кресту и, выслушавъ рѣчь преосвященнаго, вошелъ въ соборъ. Здѣсь ему, между прочимъ, объяснили о перестройкѣ Смоленскаго собора, именно: прежній теплый соборъ весь былъ сломанъ, а также трапеза холоднаго и на мѣсто ихъ устроено крестообразное расположеніе собора, каковое онъ имѣеть

и въ настоящее время. Когда Государю объяснили эту поправку, онъ нѣкоторое время оставался задумчивъ, а потомъ изволилъ сказать: „Слѣдовало бы старинною дорожить“. Выслушавъ многолѣтіе, Государь отправился въ квартиру, въ домъ гражданскаго губернатора Григорія Васильевича Нелидова, гдѣ на другой день въ 9 час. утра изволилъ принимать военныхъ и гражданскихъ чиновъ, купцовъ съ хлѣбомъ-солью и дворянъ Оренбургской губерніи. Затѣмъ Государь былъ на разводѣ Уфимскаго внутренняго баталіона, посѣтилъ городскую больницу, заведенія Приказа Общественнаго Призрѣнія и тюремный замокъ. Къ обѣду Его Величества былъ приглашенъ военный ген.-губернаторъ Петръ Кирилловичъ Эссенъ, гражданскій губернаторъ д. ст. с. Григорій Васил. Нелидовъ, преосвященный Амвросій, вице-губернаторъ, губернский предводитель дворянства Мординовъ и др. Въ 10 час. вечера Его Величество изволилъ быть на дворянскомъ балѣ въ домѣ, гдѣ потомъ была губернская гимназія.

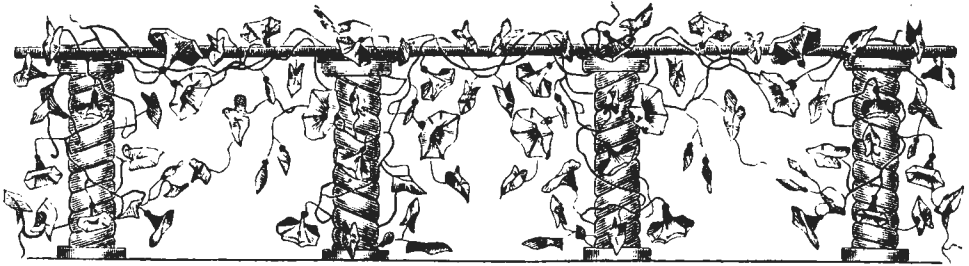
18 Сентября въ 6 час. утра Государь присутствовалъ на закладкѣ церкви во имя Св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, предположенной къ построенію на средства дворянъ въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія. Государь самъ положилъ первый камень, нарочно для него изготовленный съ вырѣзанною надписью: годъ, мѣсяцъ, число причина закладки и имя Государя.

Прямо съ закладки Государь отправился на Вавиловскій перевозъ черезъ р. Бѣлую и далѣе по направленію въ гор. Бирскъ, а всѣ бывшіе при закладкѣ собрались въ достопамятномъ Смоленскомъ соборѣ, гдѣ и принесли Господу Богу благодарственное моленіе о высочайшемъ посѣщеніи.

Печальной памяти застѣнокъ, уничтоженный въ связи съ посѣщеніемъ Уфы Александромъ Благословеннымъ, сначала нѣкоторое время былъ заброшенъ. Затѣмъ его обратили въ теплое помѣщеніе для сторожей, а въ кладовой этого застѣнка въ 1861 г. преосвященный Филаретъ устроилъ первую въ Уфѣ воскресную школу, такъ-какъ тогда было увлеченіе этого рода школами. Школа эта, какъ и вообще воскресныя школы въ то время, просуществовала недолго. Какъ скоро она возникла, также скоро и закрылась. При церквахъ стали постепенно возникать постоянныя училища на мѣстныхъ церковныхъ средства, и бывшій страшный застѣнокъ, мѣсто пытокъ и мученій, превратился въ учрежденіе просвѣтительное.

*

ДВОРЯНСТВО ВЪ ЧЕРНОМОРІИ И НА КУБАНИ.

Черноморіа начала заселяться съ 1792 года Запорожскими казаками. Колонизируя Сѣверный Кавказъ, правительство исходило изъ вѣрной мысли, что только такимъ образомъ можно упрочить обладаніе этимъ краемъ. Переселеніе Черноморскаго войска изъ-за Буга на берега Кубани до сихъ поръ еще мало выяснено. Матеріалы объ этомъ покоятся въ мѣстныхъ архивахъ въ ожиданіи изслѣдователя.

Демократическое по происхожденію и составу, казачество также демократически относилось къ своему начальству. Случаевъ, когда сегодняшний походный атаманъ, превращался завтра въ простаго рядового, было много*). Поэтому первоначальнаго дворянства, какъ сословія съ особыми правами, не существовало въ войскѣ. Казаки искали не мирнаго труда, а случая проявить свою силу и удалъ въ лихихъ набѣгахъ. Они не прочь были даже пограбить купцовъ и царскихъ людей. Степи Черноморіи предоставляли имъ въ этомъ отношеніи полный просторъ. Здѣсь жили кочующіе народы, а дальше къ горамъ шли аулы горцевъ. Прошлаго у казачества не было... Первоначальный Запорожецъ, явившись въ войско, начиналъ жизнь здѣсь новую, отличную отъ прежней, часто съ довольно темнымъ прошлымъ... Его цѣнили здѣсь по удали и силѣ; а случаевъ проявиться этой удали было не мало. Тогдашняя жизнь была ключемъ; казацкія шашки не ржавѣли, кони не застаивались и сами казаки не облѣнивались... Привилегированными лицами въ такихъ случаяхъ являлись „удальцы-богатыри“, прямые кандидаты на полковниковъ и атамановъ, если только они пользовались популярностью среди массы казачества... Это первоначальный фазисъ образованія привилегированнаго сословія среди войска. Значеніе челоуѣка здѣсь принадлежало его личности и обуславливалось ею. Второй фазисъ, который сталъ развиваться уже по переселеніи на Черноморію—это привилегированность, передаваемая по наслѣдству. Были честолюбивыя энергичныя личности, которымъ не хотѣлось быть бывшими полковниками, а хотѣлось это званіе закрѣпить болѣе прочно за собою и распространить его на своихъ близкихъ. Создаются въ казачествѣ *старшины*. Въ XVIII в. мы встрѣчаемъ такую вариацию привилегированности. Часто войско

*) Вспомнимъ живыхъ, фотографически переданныхъ сцены избранія кошевого въ „Тарасѣ Бульбѣ“.

кругъ изъ уваженія къ заслугамъ отца назначаетъ на должность его сына. Признакомъ этого начинаютъ служить фамиліи прозвища, какъ отличія опредѣленнаго рода. вмѣстѣ съ появленіемъ ихъ возникаетъ и фамиліиная гордость и болѣе рѣзкое обособленіе отъ низшаго казачества. Какая нибудь „фамилія“ начинала пріобрѣтать особое значеніе и вступала въ связь съ другими фамиліями, оказывавшими ей моральную и матеріальную поддержку. Войсковой такимъ образомъ кругъ начинаетъ принимать видъ аристократическаго учрежденія. То было время подчиненія казачества центральному правительству. Образовался союзъ между центральнымъ правительствомъ, оказавшимъ поддержку этимъ знатымъ казачьимъ родамъ, давая имъ права и привилегіи, и этими казачьими родами, которые отстаивали интересы правительства среди остальной массы казачества. Наконецъ, въ случаѣ раздоровъ среди этого знатнаго казачества, противники за поддержкой обрашались къ берегамъ Балтійскаго моря, зная, что тамъ можно получить много милостей... Появляется стремленіе къ полученію почетныхъ сабель, медалей, жалованныхъ ковшей и т. д. Правительство мудро использовало эти стремленія. Наконецъ, появляется среди казачества и чины; при этомъ, завѣтной мечтой является чинъ бригадира—этотъ символъ высшей аристократіи, которымъ награждались немногіе.

Въ такомъ періодѣ мы застаемъ Черноморское казачество, когда оно переселилось на Кубань. Изъ привилегированныхъ лицъ мы встрѣчаемъ войскового судью, полковника Головатаго, посланнаго въ Петербургъ съ просьбою о дарованіи войску земель Сѣвернаго Кавказа. Просьба имѣла успѣхъ. Императрица пожаловала кромѣ того кошевому атаману и старшинамъ войсковымъ по 20000 руб. ежегодно, рѣзко выдѣляя ихъ отъ другихъ казаковъ¹⁾. „Мы представляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе“, писала она въ грамотѣ. При этомъ кошевой атаманъ получалъ 1000 руб., войсковой судья 800 руб. 1-го Юля 1792 г. была пожалована другая дополнительная грамота, даровавшая привилегіи высшему казачеству, чтобы Таврической губернаторъ имѣлъ попеченіе объ отысканіи и доставленіи старшинамъ войска Черноморскаго справедливо и законно принадлежащаго имъ имѣнія, „что же касается, говорилось здѣсь, до пожалованныхъ отъ генерала фельдмаршала князя Таврическаго по сему войску штабъ и оберъ офицерскіе чины старшинъ, онымъ о дачѣ патентовъ указали мы нашей Военной Коллегіи“.

На прощальной аудіенціи, Головатый произнесъ хорошую рѣчь Государынь, которая дала депутатамъ хлѣбъ и соль²⁾.

„Ой годі намъ журитися
 Пора парестати.
 Дождалися отъ Царниці
 За службу заплати
 Дала хлѣба сѣль и грамоти
 За вірнія служби,
 Отъ теперь ми, милі брати,
 Забудимъ всі нужди и т. д.

¹⁾ См. Высоч. грамоту отъ 30 Юня 1792, (Военный сборникъ 1868 № 4 и 5).

²⁾ Головатому принадлежитъ и пѣсня про это

Другимъ привеллигированнымъ семействамъ являются Чепѣги. Кошевой атаманъ Чепѣга пишетъ Государынѣ о полученіи ими хлѣба и соли, и сабли, „*ассинованной мнѣ*, за которую приношу Вашему Величеству, всеподданнѣйшую, глубочайшую мою благодарность, съ опредѣленіемъ себя за неувядаемую, восчувствованную въ сердцѣ моемъ высокомонаршую и благотворительную милость по вѣкъ преданнѣйшимъ, сверхъ долга моего и обязанности, во всѣхъ начертаніяхъ слугою“.

Далѣе мы встрѣчаемъ войскового полковника и арміи преміеръ-маіора Савву Леонтьевича Бѣлаго, командующаго флотиліей, которая отправлена для занятія пожалованной войску земли, и бригадира и флота капитана Павла Васильевича Пустошкина. Уже къ 1 Ноября 1792 г., спустя два мѣсяца послѣ высадки казаковъ Черноморскихъ, числилось: шесть полковниковъ, шесть полковыхъ старшинъ и шесть полковыхъ есауловъ, (къ сожалѣнію фамиліи ихъ неизвѣстны). Чепѣга прибылъ на р. Ею сухопутной дорогой.

Къ числу переселившихся привеллигированныхъ должно отнести и тѣхъ девятерыхъ войсковыхъ старшинъ, которые упоминаются въ рапортѣ капитана Василя Неякаго, объѣхавшаго поселенія вѣрнаго Черноморскаго войска за Бугомъ въ 1792 г. Черноморское казачье войско тогда не было еще правильно организовано и пополнялось притокомъ „вольныхъ людей“, которые и составляли одинъ изъ элементовъ колонизаціи; безъ участія ихъ оно не смогло бы оберегать длинную береговую линію отъ Усть-Лабы до устьевъ Кубани и раскинуться на 30,000 кв. верстъ, пожалованныхъ Екатериною“.

Изъ другихъ фамилій привеллигированныхъ лицъ мы встрѣчаемъ преміеръ-маіоръ Гулика и секундъ-маіора—Юзбаша, депутатовъ, посланныхъ отъ войска въ Екатеринославъ для наблюденія за болѣе правильнымъ выселеніемъ казаковъ.

Въ донесеніи поручика Жеребцова, командированнаго на Тамань Таврическимъ губернаторомъ, мы встрѣчаемъ упоминаніе фамилій подполковниковъ: Сутона, кромѣ уже упомянутыхъ Юзбаша, и Головатаго.

Центромъ правленія являлся г. Екатеринодаръ, упоминаемый въ концѣ 1793 г.; здѣсь сосредоточивалось и мѣстное привеллигированное сословіе. Составъ его выясняется въ любопытномъ „наказѣ вѣрнаго войска Черноморскаго господамъ полковникамъ, бунчуковому товариществу, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску“).

Тамъ говорится: да будетъ въ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи Всероссийскихъ законовъ, безъ малѣйшей отиѣны, въ которомъ засѣдать должны атаманъ, кошевой, войсковой судья и войсковой писарь“. Вотъ центральное ядро, откуда сформировалось мѣстное дворянство. Въ составъ его должно отнести отчасти

*) Военный Сборн. 1868 г.

старшинъ, атамановъ и полковниковъ, входившихъ въ окружныя правленія городовъ. Фанагоры, Бейса, Гйска и Григорьевска. Въ дальнѣйшей исторіи мы встрѣчаемъ подполковника Тимофея Котляревскаго, войскового писаря. Если ко всѣмъ этимъ чиновнымъ лицамъ прибавить и семьи ихъ, то получимъ сплоченный высшій классъ державшій крѣпко власть въ своихъ рукахъ къ этому ядру примыкають и другіе роды, представители которыхъ имѣли менѣе важныя чины.

Эти чины уже требовали особой обстановки—конвоя, адъютантовъ, что выдѣляло ихъ отъ общей казачьей массы въ одно цѣлое, хотя и мало отличавшееся умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ, но зато гордое своими заслугами и царскими наградами. Такъ какъ размѣры экономической дѣятельности были ни для кого не ограничены, то это сословіе заводитъ въ степи мельницы, хутора и т. д. Въ этихъ хуторахъ селятся разный элементъ „подъ паннами“, т. е. подъ покровительствомъ пановъ.

Старшины, яко вожди и наставники и попечители общихъ войска благъ (такъ выражались тогда) имѣли привилегію при своихъ хуторахъ поселять родственниковъ и вольножелающихъ (т. е. безпаспортныхъ, бѣглыхъ)“.

Въ первыхъ свѣдѣніяхъ о населеніи войска въ Черноморіи отъ 1802 года мы находимъ изъ высшаго круга лицъ одного генерала отъ инфантеріи, одного прокурора, одного войскового атамана, восемь подполковниковъ, двадцать капитановъ и тридцать подпоручиковъ. Вотъ какъ разросся этотъ слой.

Вмѣстѣ съ этимъ начинается постепенно мѣняться и патриархальный бытъ казачества вообще и высшаго слоя въ частности. Появляются кареты и экипажи, въ домахъ уже видны украшенія, привезенныя изъ походовъ кавказскіе ковры; появляются серебряныя и др. вещи. Полковникъ Бурсакъ въ письмѣ отъ 3 Іюня 1807 г. Дюку де Ришелье проситъ о перенесеніи казенныхъ крѣпостныхъ семействъ изъ внутреннихъ губерній Россіи. При этомъ расхватъ земли высшимъ слоємъ идетъ такъ энергично, что Ермоловъ въ письмѣ изъ Вѣны пишетъ, чтобы войсковая канцелярія разсмотрѣла этотъ вопросъ о частныхъ хуторахъ, потому что „не каждый изъ таковыхъ (лицъ) употребляетъ въ пользу свою количество земли умѣщенное и, захвативъ излишнее, отъемлетъ у поселянина необходимое“.

Такихъ хуторовъ оказалось до 525; изъ нихъ 114—чиновничьи. При этомъ составленъ списокъ съ означеніемъ и времени ихъ возникновенія.

Въ 1795 г. устроенъ одинъ хуторъ.	Въ 1802 г. устроенъ одинъ хуторъ.
„ 1796 г. „ два „	„ 1803 г. „ два „
„ 1797 г. „ одинъ „	„ 1804 г. „ восемь „
„ 1798 г. „ одинъ „	„ 1805 г. „ два „
„ 1799 г. „ два „	„ 1806 г. „ двадц. девять „
„ 1800 г. „ одинъ „	„ 1807 г. „ четыре „
„ 1801 г. „ десять „	

Въ высочайшемъ рескриптѣ Ермолову, сказано „крестьянъ на земляхъ войсковыхъ поселенныхъ, коихъ чиновники ими владѣющіе не пожелаютъ перевести на земли или имѣнія въ другихъ губерніяхъ имъ принадлежація, обратить въ казаки, сдѣлавъ имъ подлежащее удовлетвореніе¹⁾).

Въ рапортѣ Паскевича къ барону Дибичу отъ 9 Декабря 1828 г.²⁾ говорится, что крестьянъ записанныхъ за чиновниками, *имѣющими право на владѣніе*, по 7-й ревезіи 453 души, дворовые люди и прислуга, не живущіе на земельныхъ участкахъ. Слѣдовательно здѣсь сложилась прочная классъ дворянъ, частію изъ первыхъ поселенцевъ—казаковъ, частію изъ переселившихся сюда позднѣе дворянъ изъ внутреннихъ губерній.

С. Фарфоровскій.

Еще про убіеніе Француженки Симонъ-Деманшъ.

(Изъ частнаго письма къ издателю „Русскаго Архива“).

...Относительно Симонъ вамъ скажу, что графъ Е. А. Сальясъ³⁾ однажды мнѣ рассказывалъ всю эту исторію, какъ онъ ее зналъ. Онъ передавалъ мнѣ оба варианта (убійство дворовыми и убійство Сухово-Кобылинымъ). Вотъ чего не встрѣчалъ я въ печати.

Когда кучеръ и поваръ вывезли трупъ за заставу и, бросивъ близъ дороги, повернули назадъ, вдругъ поваръ оглянулся и сказалъ:

— Она бѣжитъ за нами!

Кучеръ оглянулся, и тоже ему показалось, что Француженка бѣжитъ за ними и какъ бы догоняетъ. Кучеръ ударилъ по лошади. Они проскакали нѣсколько минутъ и когда оглянулись, она уже больше не бѣжала; но они конечно не думали, что это галлюцинація и потому рѣшились вернуться и прикончить съ нею. Они нашли ее лежащую на прежнемъ мѣстѣ, и тутъ поваръ перерѣзалъ ей горло.

Этотъ эпизодъ графъ Сальясъ рассказывалъ такъ, что становилось страшно...

*

Для исторіи Русской общественности, для всеобщей психологіи нужна подробная біографія Александра Васильевича Сухово-Кобылина. Былъ онъ челоувѣкъ необыкновенный, и самый внѣшній видъ его, если судить по портретамъ, изъ ряду вонъ. Подобно многимъ Русскимъ людямъ, онъ въ произведеніяхъ пера своего выразилъ лишь малѣйшую часть своихъ дарованій. Со времени его кончины идетъ уже второе полстолѣтіе, слѣдовательно возможно полное безпристрастіе. П. Б.

¹⁾ Актъ Археогр. Кавказской комиссіи т. VI, ч. II, стр. 657.

²⁾ Тамъ же т. VII, стр. 920.

³⁾ Родной племянникъ А. В. Сухово-Кобылина.

НЕКРОЛОГИ 1910 ГОДА.

I.

Князь Д. Н. Долгорукій.

Юля 20 въ маститой старости скончался князь Дмитрій Николаевичъ Долгорукій, правнукъ князя Василя Михайловича Долгорукова-Крымскаго, по матери родной внукъ дорогого Москвѣ князя Дмитрія Владимировича Голицына. Въ непосредственныхъ преданіяхъ его поколѣнія—только благородство, только прямая, безхитростная заслуга передъ родиной. Усопшій нынѣ князь былъ вѣренъ завѣтамъ своихъ предковъ, и никакія перемѣны общественныя и политическія не побудили уклониться этого кроткаго и съ виду какъ будто простоватаго человѣка отъ этихъ завѣтовъ. Былъ онъ другомъ просвѣщенія, много читалъ, самъ иногда брался за перо для печати и дорожилъ памятниками родной старины. Послѣдніе годы свои онъ провелъ въ родовомъ своемъ помѣстьѣ, въ такъ называемой, Волинщинѣ не подалеку отъ города Рузы, гдѣ съ твердостью переносилъ постигавшіе его удары судьбы. Память его съ похвалами.

II.

Н. А. Кирѣевъ.

Въ Павловскѣ 13 Юля скончался Николай Алексѣевичъ Кирѣевъ, столѣтній и въ Германіи богословъ. Это сынъ воспитанной Пушкинымъ и Языковымъ красавицы. Отецъ его (о которомъ не разъ говорится въ „Русскомъ Архивѣ“ 1906 года, въ письмахъ Рожалина), получившій образованіе въ Германіи, былъ пріятелемъ братьевъ Кирѣевскихъ и, можетъ быть, отъ него Н. А. Кирѣевъ занялся любовью къ занятіямъ философіей и богословіемъ. Мы помнимъ, что, бывая въ Москвѣ, Императоръ Николай Павловичъ посѣщалъ мать Кирѣева (жившую у Власія въ домѣ Пулло) и конечно тогда же узналъ двухъ ея сыновей, изъ которыхъ старшій, красавецъ собою и необыкновенно походившій лицомъ на Государя, погибъ добровольцемъ въ Сербско-Турецкую войну. Конечно, Николай Павловичъ милостиво позаботился о судьбѣ и его брата. Было время, когда Великій Князь Константинъ Николаевичъ много занимался Русскою церковною стариною и вопросами богословія, говорили даже, что въ Мраморномъ дворцѣ была устроена особая часовня на старообрядческій ладъ. Н. А. Кирѣевъ сопровождалъ его на публичныя засѣданія, гдѣ обсуждался вопросъ объ исхожденіи Святого Духа. Съ раннихъ поръ Кирѣевъ состоялъ при Великомъ Князѣ, хотя въ послѣдствіи уже не былъ къ нему близокъ, а по удаленіи Его Высочества изъ Петербурга только числился при немъ и по его кончинѣ оставался при Августѣйшей его супругѣ. Труды Кирѣева печатные и письменные могутъ составить достопамятную книгу, и его имя не можетъ умереть въ потомствѣ.

Такъ и не дождался онъ Вселенскаго Собора, котораго ждала преданная православію душа его.

III.

К. П. Степановъ.

(14 Іюля). Клавдій Петровичъ принадлежалъ къ числу немногихъ Русскихъ патріотовъ, которые не потеряли ни бодрости, ни вѣры въ свой народъ даже при неслыханномъ паденіи Россіи нашихъ дней. Почившій, приходя въ негодованіе и недоумѣніе отъ всего, нами пережитаго и устраиваемаго, сохранялъ твердую вѣру въ то, что душа Русскаго народа осталась совершенно прежнею, и что только вліяніе сбившейся съ пути, но захватившей власть интеллигенціи держитъ Россію въ ея современномъ уродливомъ состояніи. Онъ и въ политикѣ не придавалъ никакого особеннаго значенія нашимъ новымъ учрежденіямъ и былъ увѣренъ, что Русскій народъ постепенно начнетъ указывать правительству, что требуется дѣлать. Какъ художникъ, покойный К. П. Степановъ не представлялъ себѣ этого въ юридическихъ формахъ, да и не считалъ этого важнымъ: лишь бы народъ *зналъ*, чего хочетъ, а всегда сумѣетъ побудить власти на исполненіе этого. И—это онъ твердо вѣрилъ—непремѣнно будетъ.

Эта вѣра въ Русскій народъ окрыляла его и въ художествѣ, гдѣ онъ ставилъ своею задачей развить „хоровое“, коллективное творчество, особенно, по природѣ его, свойственное Русскому человѣку. К. П. Степановъ испыталъ эту свою идею при росписи храма-усыпальницы Великаго Князя Сергѣя Александровича и любилъ приводить этотъ примѣръ той стройности сліянія силъ, къ какой способны Русскіе даже въ, казалось бы, субъективномъ дѣлѣ художественной работы. Организациія школы иконописи, которой почившій отдался всею душой, была связана у него съ тою же идеей воскресенія родного художества на чисто-Русскихъ психологическихъ основахъ.

Всѣ эти планы и замыслы, подорванные болѣзнью, теперь преемлены смертью. Что разовьется изъ нихъ, что сохранится при его отсутствіи—покажетъ время. Но, уходя въ могилу, покойный оставляетъ намъ примѣръ живого Русскаго таланта, думающаго и творящаго по своему, ищущаго и умѣющаго находить свои собственные пути. И если древніе Римляне сочли приличнымъ почтить разбитаго полководца тріумфомъ за то, что онъ не отчаялся въ спасеніи отечества, то тѣмъ болѣе мы теперь должны почтить память гражданина и художника, сохранившаго въ тяжкіе дни всю свѣжесть вѣры въ свой, Русскій, народъ, всю энергію желанія работать для этого народа и вмѣстѣ съ нимъ и всю увѣренность въ плодотворности такой работы.

(Изъ Московскихъ Вѣдомостей).

СО Д Е Р Ж А Н И Е
В Т О Р О Й К Н И Г И
„РУССКАГО АРХИВА“

1910 года.

(выпуски 5, 6, 7 и 8).

461. Грюнвальдская битва. А. Н. П.
152. Могила князя А. М. Курбскаго. П. А. Россіева.
153. Апологія Іоанна Грознаго.
155. Царь Василій Шуйскій и мѣста его погребенія въ Польшѣ. А. С.
269. Бумаги Допетровской старины. Поручная записъ. Письмо Емельяна Украинцева къ властямъ Саввина Сторожевскаго монастыря.
604. Вступительная записъ старца Іоны Углицкому монастырю (1691).
627. Событія въ Уфѣ въ связи съ Пугачевскимъ бунтомъ. *
321. Рѣчь цесаревича Павла Петровича, говоренная имъ при первомъ его вступленіи въ Сенатъ, Октября 10 дня 1777 года.
156. О псовой охотѣ Московской знати въ концѣ XVIII вѣка. Сообщено графомъ С. Д. Шереметевымъ.
49. Къ жизнеописанію князя Потемкина. Повѣсть о Гардарикѣ, князѣ Цимбрскомъ. Т. М. Глаголевой.
323. Письма митрополита Платона (Левшина) къ Екатеринѣ Великой и къ императору Александру Павловичу. Письмо Платона къ оберъ-прокурору Св. Синода С. М. Челищеву. Сообщилъ М. Лысогорскій.
439. Павелъ Понамаревъ, архіепископъ Ярославскій и Ростовскій. Статья А. А. Титова. Съ портретомъ.
577. Объ урваненіи земскихъ повинностей 1809. Изъ архива Собетвенной Его Императорскаго Величества канцеляріи.
463. Донесеніе митрополита Платона Св. Синоду о Московскомъ пожарѣ 1812 г.
197. Двѣнадцатый годъ. Показанія участниковъ и очевидцевъ: 1) Показанія неизвѣстнаго Московскаго обывателя. 2) Показанія сержанта Наполеоновой гвардіи Бургонья.
78. Записки А. Д. Бестужева-Рюмина о 1812-мъ годѣ.
187. Дополненіе къ Запискамъ А. Д. Бестужева-Рюмина. Письма его къ Д. Θ. Шумилину, къ великому князю Константину Павловичу и къ императору Александру Павловичу.
105. Письмо А. Д. Бестужева-Рюмина къ И. И. Дмитріеву.
409. О Запискахъ Ланжерона. Замѣтки М. С. Жирова.
145. Изъ лѣтописи храма на «Дворянскихъ Водахъ». А. Попова.
161. Изъ писемъ Императора Николая Павловича къ И. Ф. Паскевичу.
273. Изъ Записокъ генерала-адъютанта, адмирала Д. С. Арсеньева о путешествіи великихъ князей Сергія и Павла Александровичей въ 1878 году.
315 и 636. А. В. Сухово-Кобылинъ. Статья П. Б. и П. Е. Россіева.
447. А. В. Сухово-Кобылинъ: 1) Изъ писемъ профессора Н. Н. Любавина къ издателю «Русскаго Архива». 2). Все о той же Сухово-Кобылинской драмѣ, замѣтка А. М. Рембелинскаго. 3). Дополненіе.
423. Изъ воспоминаній стараго офицера Гвардейскаго Экипажа. А. М. Рембелинскаго.
585. Воспоминанія Н. А. Малевича-Малевскаго. Дѣтство.
129 и 608. Изъ переписки графини и графовъ Нессельроде (1812—1846).

525. Изъ «Книги бытія моего» Порфирія Успенскаго. Извлечено А. А. Титовымъ.

412. Финляндскій и Польскій вопросы. Изъ писемъ къ профессору Д. В. Цвѣтаеву К. И. Якубова и И. П. Корнилова.

306. Письмо К. С. Ансакова къ князю В. А. Черкасскому (о раскрѣпощеніи помѣщичьихъ крестьянъ). 1859.

333 и 465. Изъ Записокъ сенатора К. Н. Лебедева.

311. Къ біографіи Цесаревича Николая Александровича: два письма Б. Н. Чичерина къ К. П. Побѣдоносцеву.

252. Анна Петровна Зонтагъ. Изъ писемъ ея къ Е. С. Поливановой.

266. Письмо Е. И. Елагиной къ Е. С. Поливановой о кончинѣ А. П. Зонтагъ.

46. Изъ старыхъ записей издателя «Русскаго Архива» (О Кюхельбекерѣ).

304. Довѣски къ народнымъ пѣснямъ. Сообщено П. А. Россіевымъ.

298. Новыя находки Пушкинскихъ стиховъ.

446. Объ А. А. Шеншинѣ-Фетѣ. Замѣтка В. Н. Семеновича.

271. Изъ исторіи губернскаго города Ставрополя. С. В. Фарфоровскаго.

576. О селѣ Васильевскомъ. Графа П. С. Шереметева.

313. Маусанлъ. А. Н. Шмидтъ. (Сообщено княгиней Е. Ѳ. Стрѣшневой-Шаховскою).

158 Списокъ книгъ и статей по генеалогіи, геральдикѣ и исторіи Русскаго Дворянства 1906—1909 годовъ. С. Любимова.

460. Письмо А. Д. Чертова къ Я. П. Бердникову.

605. Письмо архіепископа Іанова къ графу Протасову (1849).

607. Письмо І. У. Палимпсестова къ К. П. Побѣдоносцеву (1886).

457. П. А. Ефремовъ. И. М.

458. Боткины. Изъ писемъ П. И. Щунина къ издателю «Русскаго Архива».

459. Посланіе къ Юнину по случаю назначенія его посланникомъ въ Бразилію. Стихи М. А. Хитрова.

464. Замѣтка архивиста. П. И. Бартенева.

637. Некрологи 1910 года.

Внутри обложекъ. Пятаго выпуска: о «Смоленской Старинѣ» и о книгѣ И. Ф. Павловскаго «Полтава», отзывы П. А. Россіева. — Шестого выпуска: Объ академическомъ изданіи сочиненій Лермонтова. О послѣднемъ томѣ сочиненій Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина». — Седьмого выпуска: О книгѣ Емиля Гомана про воздѣйствіе Французовъ на Русскихъ. О книгѣ С. А. Жигарева. — Восьмого выпуска: о юбилейномъ изданіи Страннопріимнаго графа Шереметева дома.

Приложеніе: Стихотворенія А. С. Хомякова. Съ портретомъ и примѣчаніями. Изданіе «Русскаго Архива».

слѣ попечителемъ Страннопріимнаго Дома, хотя имъ завѣдывали такъ называемые главные смотрители.

Портреты сихъ послѣднихъ, въ числѣ ихъ и нынѣшняго, приложены къ книгѣ; жаль, что отсутствуетъ портретъ П. С. Нахимова, служившаго прежде инспекторомъ студентовъ Московскаго Университета и сердечно любимаго ими. Приложенъ также портретъ знаменитаго, приглашеннаго въ Россію еще Екатериною Великою архитектора Якова Гваренги: подъ его надзрѣніемъ воздвигалось прекрасно своеобразное зданіе Страннопріимнаго Дома. Тутъ же имѣемъ портретъ Э. Н. Кантемирова, служившаго секретаремъ при попечителѣ Страннопріимнаго Дома.

У графа Н. П. Шереметева было до ста тысячъ крестьянъ. Большинство ихъ перешло къ нему отъ его матери, которая была дочерью канцлера князя Черкаскаго. Графу было слишкомъ тридцать лѣтъ, когда онъ вступилъ въ полное владѣніе своимъ богатствомъ. До того полнымъ владѣльцемъ былъ его отецъ. Подобно братьямъ, графамъ Александру и Семену Воронцовымъ, графъ Николай Петровичъ до кончины отца своего не вступалъ въ наслѣдство своей матери (въ наши дни, въ 1849 г., также поступилъ графъ А. С. Уваровъ).

Младенцу сыну своему овдовѣвшій богачъ написалъ, 15-го Іюля 1804 года, завѣщательное письмо, и при немъ большое завѣщаніе съ обширными приложеніями, въ одномъ изъ которыхъ изложены свѣдѣнія о происхожденіи супруги его (бывшей на 17 лѣтъ его моложе) графини Прасковьи Ивановны Ковалевской.

Завѣщаніе это представляетъ собою цѣлую статью и все сочинено самимъ

графомъ. Въ немъ выразилась прекрасная душа его. „За долгъ и непремѣнное правило предположилъ я въ продолженіи жизни моей не расточить недвижимаго и движимаго имѣнія на прихотливый и роскошный по слабости и неосторожности человѣческой прожитокъ, а предохранить оное пристойною въ состояніи и положеніи моемъ бережливостію“. Это завѣщаніе есть своего рода автобіографія. Щедрота пролита обильно на дорогихъ его лицъ. „Находившейся при покойной супругѣ моей изъ числа дворовыхъ людей моихъ, отпущенной мною вѣчно на волю дѣвицѣ Татьянѣ Шлыковой за отличную ея къ покойной моей супругѣ приверженность, а по кончинѣ ея незабвенную и чистосердечную объ ней память, на приданое 30.000 рублей; а если сверхъ сего сынъ мой что разсудитъ сдѣлать въ ея пользу, то оное будетъ ему отъ людей въ похвалу, а отъ Бога возлагословится и душѣ моей будетъ въ удовольствіе“. Это Татьяна Васильевна Шлыкова, о которой въ Русскомъ Архивѣ 1889 года помѣщено прекрасное, сердечное воспоминаніе графа С. Д. Шереметева.

Замѣчательно, что въ завѣщаніи ничего не отказано четыремъ Ковалевскимъ, братьямъ графини Прасковьи Ивановны.

Графъ Николай Петровичъ не дожидилъ до открытія Страннопріимнаго Дома, на который положилъ онъ столько сердечной заботы. Внуку его графъ Сергій Дмитріевичъ увѣковѣчилъ его память изданіемъ настоящей книги.

Дѣдъ его фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ взялъ въ 1710 году Ригу, и ровно черезъ 200 лѣтъ состоялся юбилей Страннопріимнаго Шереметевскаго Дома.

П. В.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1910 года.

(Годъ 48-й)

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1910 году, за двѣнадцать выпусковъ, съ пересылкой и доставкой, девять р., для чужихъ краевъ—двѣнадцать р. Подписка въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ (на дворѣ). Въ Петербургѣ, Невскій, 40, Въ Конторѣ „Новаго Времени“.

Въ конторѣ «РУССКАГО АРХИВА» продаются
по удешевленной цѣнѣ прежнія годовыя изданія его.

(Главные статьи означены).

1904.

Письма К. Я. Булгакова къ брату.—Н. О. Федоровъ, статьи В. А. Кожевникова.—Принцесса Зельмира.—Очерки моей жизни Г. Н. Александрова.—Воспоминанія кн. В. И. Бярятинскаго.—Черты изъ домашней жизни имп. Анны.—Архим. Макарій и Тобольскіе Декабристы.—Воспоминанія Ѳ. А. Гилярова.—Мать Екатерины Великой.

1905.

Дневникъ И. М. Снегирева.—Двѣ Калмычки.—Переписка графовъ Нессельроде.—Письма А. О. Тютчевой о кончинѣ цесаревича Николая.—Письма П. В. Кирѣевского.—Хозяйственныя записки И. В. Пущечникова.—У Французовъ въ Московскомъ плѣну.

1906.

Разказы В. И. Анненковой.—Н. П. Боголѣповъ.Его записки.—Александръ Третій: рѣчь о немъ К. П. Побѣдоносцева.—Записки архіеп. Никанора.—Государственное засѣданіе 8 Марта 1881 г.—Изъ воспоминаній митрополита Филарета.

1907.

Екатерининская книга для народныхъ училищъ.—Записки А. П. Хвостовой.—К. Д. Хлѣбникова.—Японія, записка іеромонаха Николая.—Дѣло царевича Алексѣя Петровича.—Воцареніе Петра Третьяго.—Воспоминанія А. П. Салтыковой.—Первыя недѣли царствованія Александра Ш.—Записки графа Сегюра.

Цѣна полному году 6 р., въ отдѣльныхъ выпускахъ по 75 к.

ДНЕВНИКЪ Камеръ-юнкера Берхгольца, въ Россіи при Петрѣ Великомъ (1721—1725). Четыре части. 3 р. 50 к.

ЗАПИСКИ Дюна Лирійскаго. Цѣна 75 к.

ДНЕВНИКЪ Храповицкаго. 1783—1793. Цѣна 2 р.

ВОСПОМИНАНІЯ Г. И. Филипсона. Цѣна 1 р.

СТИХОТВОРЕНІЯ А. С. Хомякова. Съ примѣчаніями. Цѣна 30 к.

Составитель и издатель „Русскаго Архива“ **Петръ Бартеневъ.**